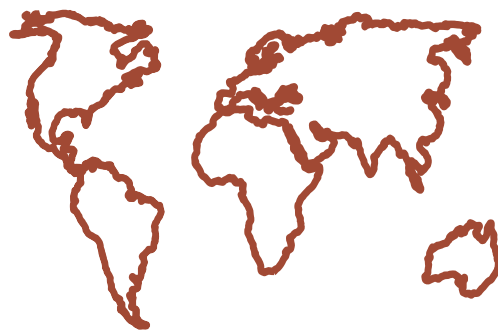

Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец

ЦИВИЛИЗАЦИИ:

теория,
история,
диалог,
будущее

Том IV
Истоки
и вершины
восточнославянской
цивилизации

Москва
Институт
экономических
стратегий
2008

УДК 930.85(47)+008

ББК 63.3(2...)

К89

Кузык Борис Николаевич — директор Института экономических стратегий, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Яковец Юрий Владимирович — президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, доктор экономических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, академик РАЕН

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.

К89 Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец; Авт. вступ. ст. А.Д. Некипелов. — М.: Институт экономических стратегий.
ISBN 5-93618-099-9

Т. IV: Истоки и вершины восточнославянской цивилизации / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец; Авт. предисл. Е.Н. Носов. — М.: Институт экономических стратегий, 2008. — 520 с.
ISBN 978-5-93618-149-8

В монографии, являющейся четвертым томом фундаментального труда «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее», рассматриваются проблемы цивилизационной динамики применительно к истории восточнославянских цивилизаций (VI–XV вв.). Исследованы проблемы формирования и этапы жизненного цикла восточнославянской цивилизации, ее составных частей (Киевской Руси (южнорусских княжеств), Новгородской республики, Русского Севера, центральнорусских княжеств), взаимодействие со смежными цивилизациями. Результаты авторских исследований дополнены материалами российских и украинских археологов и музейных работников, показаны истоки цивилизации, ее культурно-исторические памятники, богатство цивилизационного наследия.

Монография рассчитана на широкий круг ученых и преподавателей, студентов и учащихся, политических и общественных деятелей, интересующихся историей и взаимодействием цивилизаций.

УДК 930.85(47)+008

ББК 63.3(2...)

Автор предисловия — директор Института истории материальной культуры РАН, член-корреспондент РАН **Е.Н. Носов**

РПП ИНЭС Р754

ISBN 978-5-93618-149-8 (Т. IV)

ISBN 5-93618-099-9

© Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец, 2008

© Е.Н. Носов, предисл., 2008

© Авторы разделов, 2008

© Институт экономических стратегий, 2008

Том IV

Истоки и вершины восточнославянской цивилизации

Предисловие

Новый взгляд на восточнославянскую цивилизацию

Введение

Глава 1

**Восточнославянская цивилизация в системе локальных
цивилизаций третьего поколения**

Глава 2

Истоки восточнославянской цивилизации

Глава 3

Пути становления восточнославянской цивилизации

Глава 4

Киевская Русь

Глава 5

Новгородская республика

Глава 6

Русский Север

Глава 7

Центральнорусские княжества

Глава 8

**Клиометрические измерения динамики
восточнославянской цивилизации**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. Новый взгляд на восточнославянскую цивилизацию (<i>Е.Н. Носов</i>)	8
ВВЕДЕНИЕ	10

ГЛАВА 1. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

1.1. Закономерности динамики локальных цивилизаций	17
1.1.1 Понятие локальных цивилизаций	17
1.1.2. Закономерности цикличной динамики цивилизаций	20
1.1.3. Социогенетические закономерности развития локальных цивилизаций	21
1.1.4. Смена поколений локальных цивилизаций	23
1.1.5. Закон сжатия исторического времени	28
1.2. Восточнославянская цивилизация: предыстория, этапы и особенности становления	30
1.2.1. Истоки и этапы становления восточнославянской цивилизации	30
1.2.2. Фазы жизненного цикла восточнославянской цивилизации	33
1.2.3. Государственно-политическое устройство	36
1.3. Взаимодействие восточных славян с другими цивилизациями третьего поколения	38
1.3.1. Транзитное положение цивилизации и речные магистрали	38
1.3.2. Волны взаимодействий народов и цивилизаций в Восточной Европе	39

ГЛАВА 2. ИСТОКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

2.1. Племена скифской эпохи в восточноевропейской лесостепи (<i>С.А. Скорый</i>)	47
2.1.1. Общая характеристика скифского периода в лесостепном регионе	47
2.1.2. Об этногеографии и этнической принадлежности автохтонного населения Лесостепи	52
2.1.3. Мир скифов-номадов и лесостепное население	57
2.2. Поселения 1-го тыс. до н.э. в Лесостепном Подонье (<i>Ю.Д. Разуваев</i>)	64
2.3. Бельское городище (<i>Б.А. Шрамко</i>)	74
2.4. Мотронинское городище (<i>С.С. Бессонова, С.А. Скорый</i>)	84
2.4.1. Мотронинское городище скифской эпохи в Приднепровской Лесостепи	84
2.4.2. Мотронинское городище в истории восточнославянской цивилизации	99
2.4.3. Центр культуры протославян	102
2.5. Этническое содержание черняховской культуры (<i>Б.В. Магомедов</i>)	108
2.6. Ранние славяне в Лесостепном Поднепровье и Подонье (I–V вв. н.э.) (<i>А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский</i>)	122
2.7. У истоков славянства (<i>Р.В. Терпиловский</i>)	141
2.8. Западные импульсы в формировании славянства (<i>Р.В. Терпиловский</i>)	158

ГЛАВА 3. ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

3.1. Археологические культуры неолита, бронзового и железного веков	169
3.1.1. Неолит	169
3.1.2. Бронзовый век	170
3.1.3. Железный век	175
3.1.4. Греко-римская колонизация Северного Причерноморья	177
3.2. Формирование восточнославянской цивилизации (особенности и «скрепы»)	181
3.2.1. Великое славянское переселение	181
3.2.2. Особенности восточнославянской цивилизации	183
3.2.3. «Скрепы» цивилизации	188

3.3. Восточнославянские города	190
3.3.1. Роль городов в возникновении и развитии локальных цивилизаций	191
3.3.2. Смена поколений городов	192
3.3.3. Города восточных славян	195
3.4. Становление Руси и первые города (Е.Н. Носов)	200
3.5. Монастыри в истории России	206

ГЛАВА 4. КИЕВСКАЯ РУСЬ

4.1. Южнорусские земли — исторический центр восточнославянской цивилизации	213
4.2. Этапы формирования и развития Киевской Руси	217
4.2.1. Зарождение цивилизационных основ в южнорусских землях	217
4.2.2. Становление и расцвет Киевской Руси	219
4.2.3. Цивилизационные особенности Киевской Руси (южнорусских княжеств)	220
4.3. Страна «Русь» (А.П. Моця)	226
4.4. Киев. Киево-Печерская лавра	244
4.5. Галицко-Волынская Русь (А.П. Моця)	251
4.6. Хортица (историко-археологический очерк) (М.А. Остапенко)	261
4.7. Под сенью золотого грифона (Музей исторических драгоценностей Украины) (Е.В. Старченко, Л.С. Клочко)	268

ГЛАВА 5. НОВГОРОДСКАЯ РЕСПУБЛИКА

5.1. Двухполюсность восточнославянской цивилизации	283
5.2. Великий Новгород (В.Л. Янин)	285
5.3. Новгородская республика: демократическое государство с рыночной экономикой	300
5.4. Великий Новгород: материальный мир средневековой республики (С.В. Трояновский)	304
5.4.1. Природа Новгорода	304
5.4.2. Прото-Новгород, которому не хватило места	305
5.4.3. Вечевая площадь	306
5.4.4. На заре коммунального хозяйства	307
5.4.5. «Поставиша стены всем градом»	308
5.4.6. Великий мост	309
5.4.7. Мост под бурными водами	315
5.4.8. От подводных артефактов к символам республики	320
5.4.9. Заключение	323
5.5. Новгород и Ганза (Е.А. Рыбина)	323
5.5.1. Доганзейский период	323
5.5.2. О Ганзе	325
5.5.3. История и характер новгородско-ганзейских отношений	325
5.5.4. Характер торговли	334
5.5.5. Ганзейская контора и ганзейское купечество в Новгороде	336
5.5.6. Заключение	338
5.6. Старая Ладога (А.Н. Кирпичников)	339
5.7. Рента и рентный механизм в истории средневековой экономики Восточной Европы и Новгорода (Н.А. Хан)	361
5.8. Торжок: цивилизационный очерк русского города (П.Д. Малыгин)	370
5.8.1. Что такое Торжок?	370
5.8.2. Имя города говорит о многом	372
5.8.3. Древнейший монастырь России	374
5.8.4. Политическая дилемма средневекового Торжка: с Новгородом или с Москвой?	376
5.8.5. Торжок — щит Великого Новгорода	380
5.8.6. Почему Торжок считали и считают красивым городом	382

ГЛАВА 6. РУССКИЙ СЕВЕР

6.1. Этапы становления и развития Русского Севера	385
6.1.1. Особенности освоения Русского Севера	385
6.1.2. Освоение Севера новгородцами	389
6.1.3. Борьба Новгорода и Москвы за обладание Севером	390
6.2. Цивилизационные особенности Русского Севера	393
6.2.1. Природно-климатические условия Поморья	393
6.2.2. Население	393
6.2.3. Технологии	394
6.2.4. Экономика	395
6.2.5. Социально-политическое устройство	396
6.2.6. Духовный мир	397
6.2.7. Наследие Русского Севера	397
6.3. Острова Соловецкие	399

ГЛАВА 7. ЦЕНТРАЛЬНОРУССКИЕ КНЯЖЕСТВА

7.1. Колонизация славянами центральнорусских земель и особенности их цивилизационного развития	405
7.1.1. Особенности цивилизационного развития центральнорусских земель	406
7.2. Владимиро-Суздальская Русь	410
7.3. Тверское, Рязанское, Ростовское княжества	418
7.4. Историческое прошлое Рязани	421
7.5. Возвышение Московской Руси	438

ГЛАВА 8. КЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ДИНАМИКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

8.1. Оценка динамики восточнославянской цивилизации на основе цивилизационной матрицы	443
8.1.1. Методология построения цивилизационной матрицы	443
8.1.2. Оценка динамики составных частей восточнославянской цивилизации	443
8.1.3. Интегральные оценки по динамике восточнославянской цивилизации	445
8.2. Динамика восточнославянской цивилизации в зеркале стратегической матрицы	449
8.2.1. Методология построения стратегической матрицы	449
8.2.2. Измерения на основе стратегической матрицы	454

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Уроки и наследие восточнославянской цивилизации	475
--	------------

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	477
---	------------

Оглавление томов I–II «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее»	503
--	------------

Оглавление тома III «Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций»	506
---	------------

Contents: Vol. I&II Civilizations: Theory, History, Dialogue and the Future	508
--	------------

Contents: Vol. III Northern Black Sea Regions — Space of Interaction among Civilizations	511
---	------------

Contents: Vol. IV The Origins and Highlights of the Eastern Slavic Civilization	513
--	------------

• Introduction	515
----------------------	-----

• Afterword. Lessons of the Past and Looking into the Future	518
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Вниманию ученых, преподавателей, студентов и всех любителей старины предлагается книга во многом нестандартная и неожиданная по своему подходу. Она содержит свежий взгляд на историю, содержательные характеристики, оценку места в мировом цивилизационном процессе восточнославянской цивилизации, хотя уже само употребление термина «цивилизация» в отношении славянской истории некоторым может показаться неожиданным. Этой истории посвящены десятки монографий и сотни научных статей. И тем не менее авторы сумели найти новые грани в этой, казалось бы, детально изученной странице (а точнее — томе) отечественной истории.

В чем новизна и достоинства настоящей монографии?

Прежде всего в цивилизационном подходе к изучению объекта исследования. Авторы — не историки и не археологи, а приверженцы сравнительно молодой ветви обществоведения — науки о цивилизациях, или, как ее часто называют, цивилиографии. Известные ученые Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец представляют современную российскую цивилизационную школу,

претендующую на мировое признание и лидерство. Они опубликовали немало трудов по теории и истории цивилизаций; главный из них — фундаментальная монография «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее», первые два тома которой опубликованы в 2006 г. на русском и английском языках и представлены в Библиотеке им. Дага Хаммершельда ООН и в штаб-квартире ЮНЕСКО. Экспериментальная проверка высказанных в двухтомнике идей осуществлена на богатом межкультурном материале Северного Причерноморья (третий том монографии «Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций» вышел в свет в 2008 г.) и на примере богатой истории восточнославянской цивилизации (четвертый том этой монографии).

В чем проявляется цивилизационный подход?

Авторы рассматривают начавшую формироваться в VI в. и завершившую свой жизненный цикл в XV в. славянскую цивилизацию на Востоке Европы как одну из цивилизаций третьего поколения, преобладавшего именно в этот тысячелетний период как на Западе, так и на

Востоке. Это позволяет более четко определить как общие черты, так и особенности цивилизационного процесса на этой территории в русле всемирной истории цивилизаций.

Авторы преодолевают однолинейный подход к истории восточнославянской цивилизации, выдвигают гипотезу о ее многоцентровом характере и показывают, что с самого начала она сформировалась как двуполярная (Киев и Новгород), что обеспечивало ее многогранность и жизнестойкость. В дальнейшем граница стерлась, и к концу периода существования цивилизации борьба развернулась между другими полюсами — Московским княжеством и Новгородской республикой.

В монографии дается характеристика особенностей каждой из четырех составляющих восточнославянской цивилизации — Киевской Руси, Новгородской республики, Русского Севера, центральнорусских княжеств. Эти особенности базируются на пяти элементах, образующих ядро цивилизационного генотипа: природно-географических условиях, населении, технологии, экономике, государственно-политическом устройстве, духовном мире, что открывает возможность многомерного видения исторического процесса.

Большое внимание уделено взаимодействию восточных славян с иными цивилизациями третьего поколения — как соседними, так и отдаленными. И это не случайно. Восточнославянская цивилизация, как показано в книге, развивалась на путях диалога и взаимодействия цивилизаций Запада, Востока и Юга — на путях «из варяг в греки», «из варяг в персы». Авторы добавляют к ним третью магистраль — Великий пушной путь по северным и северо-западным рекам, имевший важнейшее значение для развития экономики и культуры Северной Руси.

Весь жизненный путь восточнославянской цивилизации проходил в разнообразных контактах — от диалога и сотрудничества до противостояния и столкновений с другими цивилизациями: византийской, западноевропейской, мусульманской, монгольской и даже индийской и китайской.

Завершая свое исследование, авторы показывают, что восточнославянская цивилизация не сошла с исторической сцены, а со време-

нем трансформировалась в более обширную и многогранную евразийскую цивилизацию, которая существует до наших дней, пережив в XX в. как период высшего расцвета, так и к концу века — глубочайший кризис и начало распада. Богатейшее наследие, накопленное восточнославянской цивилизацией, открыло новые горизонты для развития и обогащения евразийской цивилизации. В книге содержится немало интересных положений: о городах и их роли в становлении восточнославянской цивилизации, многополюсности цивилизаций, Великом пушном пути.

Достоинством книги является широта охвата проблемы, а именно включение в ее состав немалого количества статей российских и украинских историков и археологов, что обогащает изложение иллюстрированными материалами, делает его более многоплановым и убедительным.

Конечно, обширное исследование, как художественное полотно, написанное широкими мазками, не лишено некоторых недостатков. Чувствуется определенная эклектика в подаче и изложении материала. Особенно несбалансированно он распределен в привлеченных статьях. Очевидно, что предыстория славянства ничего общего не имеет с древностями местного неолита, эпохи бронзы и даже со скифским миром. Этот подход современная наука оставила в прошлом. Можно оспорить и правомерность привлечения для анализа отдельных конкретных археологических памятников и их групп. Можно поспорить и с оценками ряда исторических событий, нередко противоречащими себе в разных разделах издания.

Однако в целом перед нами книга, которая предлагает оригинальный взгляд на богатейшую историю восточнославянской цивилизации, дает оценку ее наследия и места во всемирной истории, книга, в которой воедино собран интересный и разнообразный материал.

Директор Института истории
материальной культуры РАН,
член-корреспондент РАН

Е.Н. Носов

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга об истоках и вершинах восточнославянской цивилизации имеет свою предысторию и занимает законное место в логике развития современной российской цивилизационной школы, которую мы сегодня представляем. Исторические корни этой школы мы отсчитываем с 1839 г., когда в Харькове вышла в свет небольшая книга А. Метлинского «О сущности цивилизации и значении ее элементов». Насколько нам известно, это первая в мире книга по теории цивилизаций (опубликованные десятилетиями раньше во Франции книги Франсуа Гизо посвящены истории цивилизаций в Европе и во Франции). Поскольку эта книга практически неизвестна, мы воспроизвели ее во втором томе монографии «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» (на русском и английском языках) (Кузык, Яковец, ИНЭС, 2006, т. 2, приложение 5).

Вторым знаковым явлением в предыстории этой школы стала опубликованная в 1869 г. широко известная монография Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (Данилевский, 1991). В ней впервые изложены основы теории локальных цивилизаций (культурно-исторических типов), во многом повторенные в опубликованной в 1918 г. нашумевшей книге О. Шпенглера «Закат Европы» и развитые в 12-томном исследовании по теории и истории локальных цивилизаций английским историком А. Тойнби; в сжатом виде это исследование изложено в книге «Постижение истории» (Тойнби, 1991).

Третьей вехой в предыстории современной российской цивилизационной школы можно считать произведения и деятельность крупнейшего социолога XX в. Питирима Сорокина. В книге по современным социологическим теориям он дал глубокий анализ теорий цивилизаций и изложил свое видение этой проблемы. Его четырехтомный фундаментальный труд «Социальная и культурная динамика», по сути дела, является фундаментальным исследованием теории и истории цивилизаций, выполненным с широким использованием клиометрических измерений. Вместе с А. Тойнби в 1961 г. Питирим Сорокин основал международное общество по сравнительному изучению цивилизаций. Совместно с этим обществом мы провели в 2003 г. Международную научную конференцию «Санкт-

Петербург в диалоге цивилизаций и культур Востока и Запада», опубликовали книгу «Глобализация и судьба цивилизаций» (2003) и провели Цивилизационный тур «Северо-Западная Русь: истоки и вершины российской цивилизации».

Собственно история современной российской цивилизационной школы начинается с 1992 г., когда к Международной научной конференции в Москве, посвященной 100-летию Н.Д. Кондратьева, был опубликован доклад Ю.В. Яковца «Становление постиндустриальной цивилизации». В нем дано обоснование цивилизационного подхода к истории и будущему человечества, сформулирована концепция смены мировых цивилизаций. Основные идеи этой книги были развиты в монографии «Об истоках новой цивилизации» (1993 г., на русском и английском языках), доложенной на конгрессе Всемирной федерации исследования будущего (Турку, Финляндия), систематизированы в монографии-учебнике «История цивилизаций» (издания 1995–1997 гг.), которая была дополнена разделом о локальных цивилизациях и издана в 2000 г. в США под названием «The Past and the Future of Civilizations». В учебнике изложены теория и история цивилизаций по двум суперисторическим циклам, дан прогноз на начало третьего суперисторического цикла — периода постиндустриальной мировой цивилизации, носящей гуманистически-ноосферный характер.

Параллельно развивались исследования историй цивилизаций в России. В 1994 г. был опубликован доклад Ю.В. Яковца к междисциплинарной дискуссии «Ритм смены цивилизаций и исторические судьбы России», в 2004 г. — монография Б.Н. Кузыка, А.И. Агеева и др. «Россия в пространстве и времени. История будущего», в которой были выявлены сверхдолгосрочные 400-летние и долгосрочные 80-летние циклы истории российской цивилизации. В 2005 г. была организована первая научно-цивилизационная экспедиция, итогом которой стала книга Б.Н. Кузыка и Ю.В. Яковца «Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций» (с участием российских и украинских историков и археологов). Настоящая книга является ее логическим продолжением и развитием.

Обобщающим трудом, отражающим систему взглядов отечественной цивилизационной школы, стала опубликованная в 2006 г. на русском и английском языках и представленная в Библиотеке им. Дага Хаммершельда ООН в октябре 2006 г. и в штаб-квартире ЮНЕСКО в ноябре 2007 г. двухтомная фундаментальная монография Б.Н. Кузика и Ю.В. Яковца «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее». В ней в систематическом виде представлены наши взгляды на теорию мировых, локальных и глобальной цивилизаций, на циклично-генетические закономерности их динамики и взаимодействия, на историю цивилизаций за период с неолитической революции, на их будущее в XXI в. Специальный раздел посвящен клиометрическим измерениям, использованию геочивилизационной макромодел, геочивилизационной и стратегической матриц в исследовании данного предмета и в количественном выражении исторических тенденций.

Предметом настоящей книги является *восточнославянская цивилизация*. Что такое, на наш взгляд, восточнославянская цивилизация?

Исследования и научно-цивилизационные экспедиции 2005–2007 гг. привели нас к выводу, что цивилизационное развитие на Севере Евразии можно разбить на несколько этапов.

I этап — с неолитической революции 4–3-го тыс. до н.э. до начала железного века. Возникло и осуществлено общественное разделение труда (позднее, чем в цивилизационных центрах к северу от экватора), начали развиваться товарное производство и обмен, сделаны первые шаги в социальной стратификации, возобладали родоплеменной общественный строй (а кое-где возникали «вождистские государства», но еще не было государства и локальных цивилизаций в классическом смысле слова).

II этап — с VII в. до н.э. по V в. н.э. В Северном Причерноморье появились десятки греческих городов-полисов, вступивших в тесные контакты со скифской протоцивилизацией и местными племенами, возникали государства — Боспор, Херсонес, Ольвия, цивилизационное воздействие распространилось дальше на Север и Восток. Нашествие гуннов во многом прервало цивилизационный прогресс.

III этап — с VI по XV в. Формирование и возвышение восточнославянской цивилизации, расцвет Киевской и Новгородской Руси, а в конце периода — Владимиро-Суздальской и Московской Руси, обширные контакты с другими цивилизациями по магистралям «из варяг в греки» и «из варяг в персы», монгольское нашествие и владычество Золотой Орды, которая затем распалась на Казанское, Астраханское и Крымское ханства.

IV этап — когда восточнославянская цивилизация трансформировалась в евразийскую, распространив свою сферу в XVI в. на Сибирь, в последующие века — на Центральную Азию, Закавказье, Прибалтику. Евразийская цивилизация достигла пиков своего лидерства и процветания в XVIII в. (при Петре I и Екатерине II), в начале XIX в. (с победой в столкновении с западноевропейской цивилизацией), в середине XX в. (после победы в Великой Отечественной войне). Однако в 70–80-е гг. эта мощная цивилизация, успешно противостоявшая западной, оказалась в состоянии стагнации и кризиса, а в 90-е гг. начался ее распад.

V этап берет свое начало с XXI в., когда границы евразийской цивилизации сужаются до границ России (с которой тесно взаимосвязаны Казахстан, Беларусь, Армения), а в перспективе — на новом витке цивилизационного кризиса — может быть поставлена под угрозу и целостность российской цивилизации либо евразийская цивилизация возродится в суженном составе. Такова историческая альтернатива на XXI столетие.

Для нас было важно исследовать тысячелетний жизненный цикл восточнославянской цивилизации, истоки ее формирования, взлеты и падения, победы и поражения в ее циклической динамике, ибо в прошлом кроются глубочайшие корни нашего будущего. Пришлось столкнуться с множеством разногласий и мифов в освещении этого исторического периода, навеянных противостоянием национальных и классовых противоречий, идеологическими и политическими пристрастиями, односторонними взглядами отдельных археологов, историков, политиков. Не скроем — нам не удалось найти убедительный ответ на многие вопросы. Кое-где пришлось ограничиться констатацией разных позиций, отдавая установление истины

будущим исследователям, но и сама констатация спорных вопросов полезна.

Как и книга «Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций», эта книга не является однозначной, одномерной, нельзя четко определить ее место ни в одной из классификаций литературы. В книге представлены три элемента:

- научно-цивилизационные исследования и выводы авторов, выражающие их точку зрения (возможны и иные точки зрения ученых по многим проблемам);
- статьи российских и украинских историков и археологов по конкретным периодам и историко-археологическим памятникам, дающих экспериментальный материал для выводов и обобщений, но иной раз и высказывающих разные точки зрения на один и тот же предмет (мы не считали себя вправе ни сглаживать эти разногласия, ни заострять их);
- личные впечатления, наблюдения и выводы участников второй (июль 2006) и третьей (июль 2007) научно-цивилизационных экспедиций по пространствам восточнославянской цивилизации.

Хотелось бы объяснить особенности нашего подхода к теории, истории и будущему цивилизаций. Проблема цивилизации является предметом исследования разных наук, каждая из которых применяет свой, специфический для нее подход, свою методологию.

Историки — Франсуа Гизо, Арнольд Тойнби, Фернан Бродель, Уильям Мак-Нил и другие — рассматривают динамику и взаимодействие цивилизаций в историческом разрезе, в общем потоке национальной и мировой истории. Они обращают внимание прежде всего на важнейшие события и их взаимосвязи в философии истории.

Археологи имеют дело в основном с первыми этапами становления цивилизации, с цивилизациями древности, основываясь на сохранившихся памятниках материальной культуры и реконструируя прошлое путем осмысления этих памятников.

Социологи — к ним можно отнести А. Метлинского, а затем О. Конта, Н. Данилевского, П. Сорокина — обращают внимание прежде

Археологические раскопки в Великом Новгороде

всего на социокультурную сущность цивилизационных ценностей.

Политологи обращают внимание прежде всего на проблему взаимодействия цивилизаций в геополитическом пространстве, конфликтов между ними.

Футурологи — Элвин Тоффлер, И.В. Бестужев-Лада — устремляют свой взгляд в будущее цивилизаций и рассматривают взаимодействие между ними, их судьбу в стремительно меняющемся мире.

Методология сравнительно молодой ветви общественных наук — **цивилиографии** — отличается комплексным подходом к главному предмету своего исследования.

Во-первых, цивилиографы изучают цивилизации во всех их ипостасях, во всем богатстве граней, представляющих объект. Это все составляющие генотипа цивилизаций — население (этнический состав), естественная среда, технологический уровень, экономические и социальные отношения, разнообразие духовного мира, система цивилизационных ценностей в статике и динамике. Такая методология обусловила цивилизационный подход к структуре и динамике общества в отличие от преобладавшего в XX в. формационного подхода.

Во-вторых, цивилиографы изучают прошлое, настоящее и будущее в едином потоке, опираясь на циклично-генетические закономерности. Это определило выявление цивилизационных циклов разной длительности — локальных, мировых и глобальной цивилизаций, циклов мировых цивилизаций и исторических суперциклов как крупных этапов в становлении и развитии глобальной цивилизации в прошлом и будущем.

В-третьих, опираясь на данные и выводы смежных наук, творчески перерабатывая и развивая накопленную информацию, цивилиография выработала и активно использует собственный инструментарий исследований — геоцивилизационные макромоделли и матрицы, стратегическую матрицу. Это позволяет оценивать динамику и взаимосвязь различных элементов цивилизационного генотипа.

Цивилиография — одна из самых молодых общественных наук. Хотя ее предтечи относятся еще к XIX в. (Ф. Гизо, А. Метлинский,

Н. Данилевский и другие), ее становление в основном произошло в XX в. — трудами А. Тойнби, П. Сорокина, Ф. Броделя. Бурный рост этой науки начался с конца XX в. в трудах Э. Тоффлера, С. Хаттингтона, Е. Черняка, Ю.В. Яковца, Б.Н. Кузика, И.В. Бестужева-Лады, А.И. Агеева и других.

Этот взрыв научного творчества имеет объективные корни, социальный заказ. Он востребован обществом, является ответом науки на вызовы нового века. Дело в том, что проблема динамики и взаимодействия цивилизаций становится осевой для XXI столетия, по крайней мере первой его половины. Новыми вызовами для настоящего и будущего человечества являются: проблемы депопуляции и старения населения, охватывающие все большее количество стран и цивилизаций; проблемы глобального энергоэкологического кризиса и развертывающегося технологического переворота; противоречия неолиберальной модели глобализации, угрозы конфликтов и столкновения цивилизаций; международный терроризм; кризис науки, культуры, образования, этики; подрыв системы цивилизационных ценностей.

Наука призвана дать ответ на эти судьбоносные вызовы, возникшие перед глобальной и локальными цивилизациями. Цель предпринимаемого нами исследования — предложить свое видение этих сложных явлений на пути становления постиндустриальной гуманистически-ноосферной мировой цивилизации, интегрального социокультурного строя.

Настоящий том является логическим продолжением предыдущих трех томов многотомника «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее». В первых двух томах, опубликованных в 2006 г. на русском и английском языках и представленных в Библиотеке им. Дага Хаммершельда ООН в октябре 2006 г. и в штаб-квартире ЮНЕСКО в ноябре 2007 г., излагались основные положения теории, истории, диалога и будущего цивилизаций. Третий том раскрывал сложную ткань взаимодействий цивилизаций на примере Северного Причерноморья. В четвертом томе исследуются стадии тысячелетнего жизненного цикла одной цивилизации — восточнославянской, начиная от ее предыстории и зарождения до трансформации в обширную евразийскую цивилизацию.

Следующий, пятый, том мы планируем выпустить на нескольких языках, в печатном и электронном виде как учебник «Цивилизации: история и будущее». Тем самым не только исследователи, но и педагоги, и студенты получают системное и богато иллюстрированное пособие, отражающее взгляды современной российской цивилизационной школы по одной из самых острых проблем наступившего столетия.

Шестой, завершающий, том будет посвящен интегральному глобальному прогнозу динамики цивилизаций в XXI в., мы рассчитываем, что он выйдет в свет (на русском и английском языках) в 2009 г.

Нам представляется, что содержащиеся в настоящей книге материалы окажутся полезными читателям в трех отношениях. Во-первых, для дальнейших исследований ученых по проблемам цивилизационного развития. Во-вторых, преподаватели, студенты и школьники получают богатый и многомерный материал по цивилизационной проблематике. В-третьих, книга даст толчок в развитии цивилизационного туризма (внутреннего и зарубежного, поскольку книга размещается на интернет-сайтах *www.kuzyk.ru* и *www.civil.newparadigm.ru*) — лучшего способа личного познания сущности и особенностей цивилизаций.

Мы выражаем глубокую признательность ученым, откликнувшимся на нашу просьбу и предоставившим свои материалы в эту книгу: академику РАН В.Л. Янину, члену-корреспонденту РАН Е.Н. Носову, члену-корреспонденту НАНУ А.П. Моця, докторам наук А.И. Агееву, В.Н. Булатову, С.А. Бессоновой, В.И. Гуплеву, Е.Л. Гороховскому, А.Н. Кирпичникову, Л.С. Кличко, Б.В. Магомедову, А.Н. Обломскому, М.А. Остапенко, Ю.В. Разуваеву, С.А. Скорому, Р.В. Терпиловскому, Г.В. Трояновскому, Б.А. Шрамко, а также Л.Д. Малыгину.

Мы надеемся, что эта книга станет ценным пособием при изучении истории России, восточнославянской и евразийской цивилизаций в школах и вузах и подспорьем для разворачивания образовательного цивилизационного туризма, вооружающего новые поколения достоверными знаниями о сложных цивилизационных процессах, о богатстве исторического и культурного наследия России.

Директор Института экономических стратегий, член-корреспондент РАН, профессор

Б.Н. Кузык

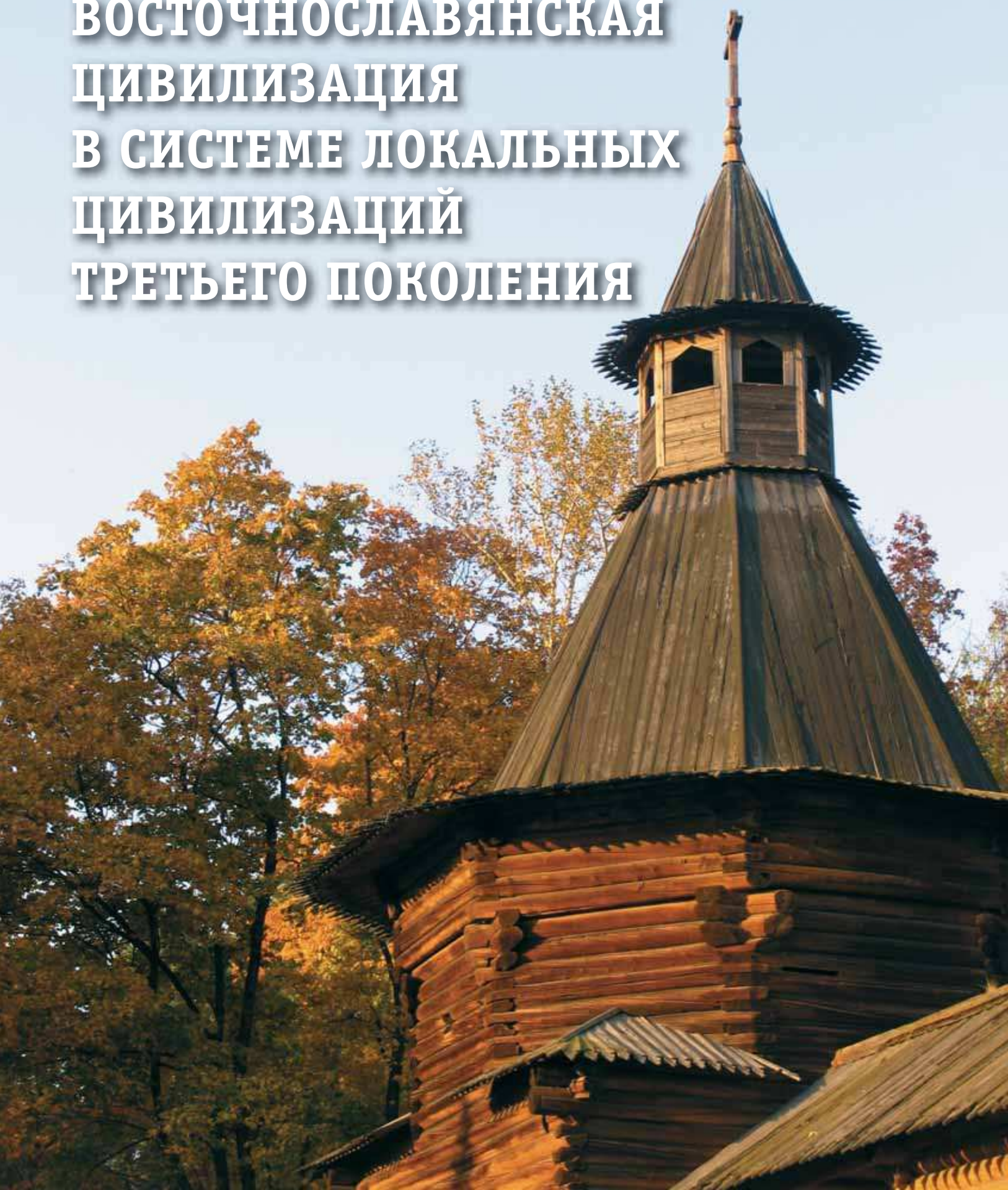
Президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, академик РАН, профессор

Ю.В. Яковец

Глава 1

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Исследованию исторических путей тысячелетней восточнославянской цивилизации следует предпослать краткий очерк о закономерностях динамики локальных цивилизаций, смене их поколений, месте восточнославянской цивилизации в цепи цивилизационного прогресса на Севере Евразии и в семье локальных цивилизаций третьего поколения, о взаимодействии с аналогичными цивилизациями, действовавшими на исторической арене в эпоху Средневековья. Опираясь на основные положения, сформулированные и обоснованные в двухтомнике «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» (опубликован на русском (Кузык, Яковец, 2006) и английском (Kuzyk, Yakovets, 2006) языках и размещен в Интернете (www.kuzyk.ru)), мы будем детализовать и развивать их.

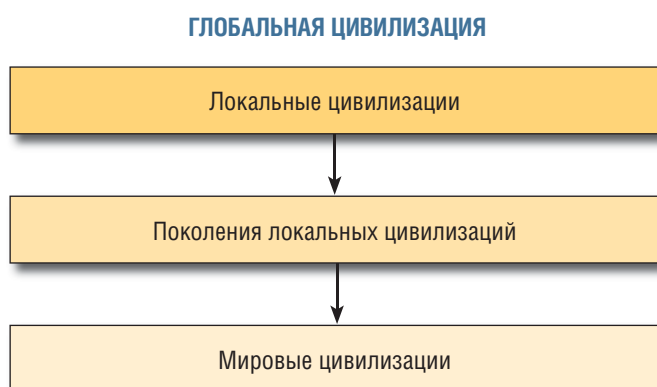
1.1. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИНАМИКИ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

1.1.1. Понятие локальных цивилизаций

Проблема цивилизаций, их сути, динамики и взаимодействий вышла сейчас на первый план в общественных науках. Ей посвящены сотни трудов во многих странах, выдвинуты десятки различных, подчас взаимоисключающих подходов к их толкованию. Не будем занимать время читателей рассмотрением этих подходов — ограничимся изложением своей позиции, нашего понимания этой категории высшей сложности.

Мы рассматриваем научную категорию «цивилизация» в трех взаимосвязанных аспектах (рис. 1.1) (Кузык, Яковец, 2006, т. 1, с. 88):

Рисунок 1.1. Система цивилизаций

- *локальная цивилизация* как культурно-историческая и социально-экономическая общность группы взаимосвязанных народов и этносов, имеющая единую систему цивилизационных ценностей, общую историческую судьбу, взаимосвязанную экономику, единый или схожий государственно-политический строй, духовный мир;

- *глобальная цивилизация* как сумма локальных цивилизаций и пространств их взаимодействий, общепланетарное цивилизационное пространство, характеризующее высший этап в развитии вида *Homo sapiens*;

- *мировая цивилизация* как определенный исторический этап в развитии глобальной цивилизации и системы локальных цивилизаций на спиралевидной траектории исторической динамики.

Дать точное обозначение, общеприменимое *определение локальной цивилизации* затруднительно, поскольку это весьма разнообразная, динамичная, пестрая по своим общепринятым признакам категория. Об этом можно судить по представленным на карте цивилизациям пятого поколения (рис. 1.2).

Можно было бы говорить о единстве *территории*, но одни цивилизации сконцентрированы на общей территории (например, японская), другие разбросаны по разным материкам (яркий пример — мусульманская цивилизация). К тому же границы между цивилизациями, в отличие от государств, весьма размыты. Большинство цивилизаций носят либо смешанный характер, либо включают анклавы иных цивилизационных образований. Одни цивилизации невелики по территории (японская), другие занимают обширные территории, значительную часть земного шара (например, евразийская, североамериканская, китайская). Очертания цивилизаций периодически меняются — одни переживают период экспансии (как это было с мусульманской цивилизацией в VIII–IX вв. и с западноевропейской цивилизацией в период освоения Америки и Океании), а другие сжимаются в замкнутом пространстве или вовсе сходят со сцены (наглядный пример — судьба недолговечной монгольской цивилизации, которая в XIV–XV вв. охватывала большую часть евразийского континента, а к XVII в. практически сошла с исторической арены).

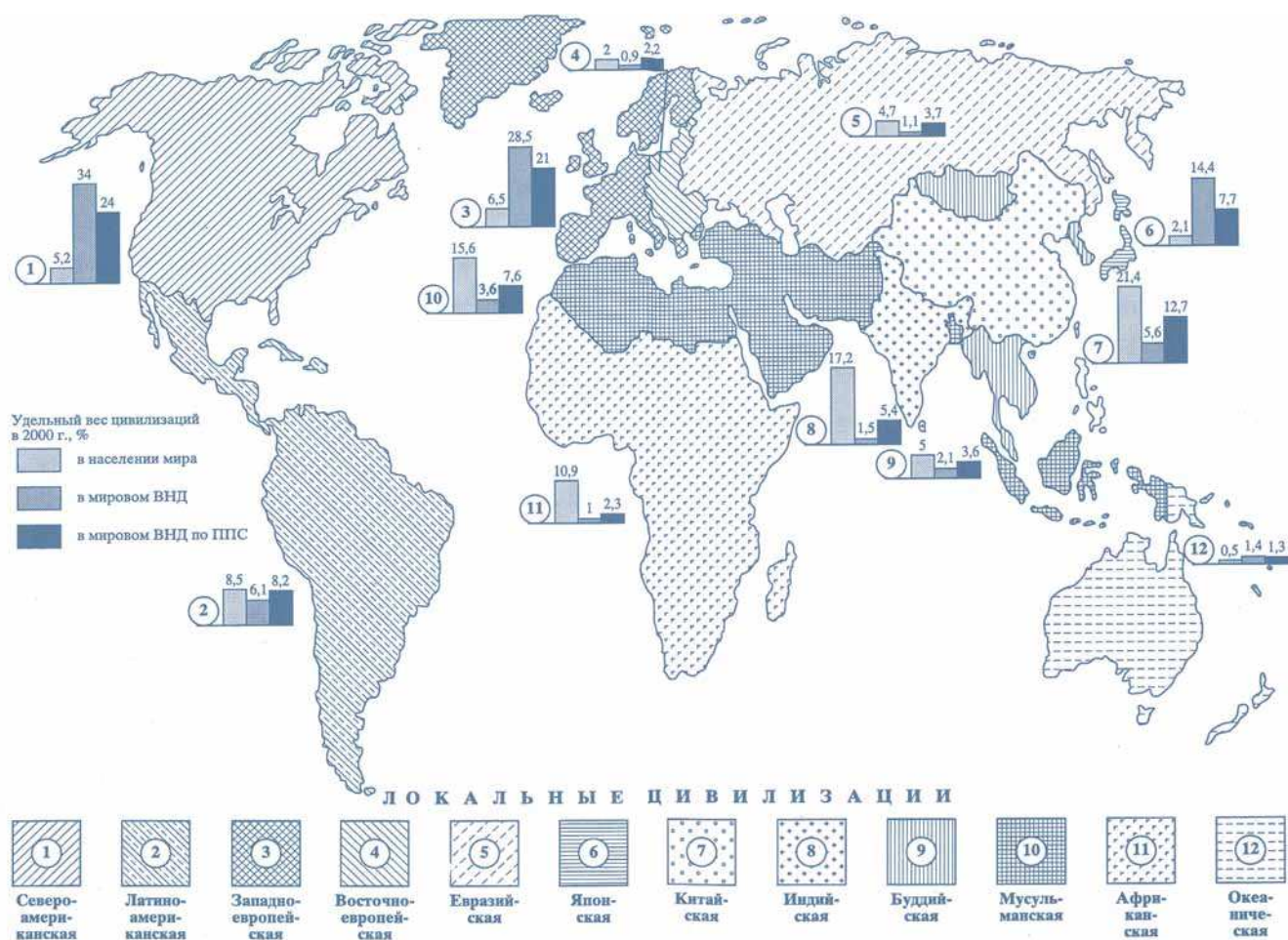

Рисунок 1.2. Локальные цивилизации пятого поколения

Неясное положение и с другим возможным признаком — *единство населения*, его расового и национального состава. Исключением являются цивилизации с однородным расовым и национальным составом — здесь опять придется вспомнить о Японии. Но немало цивилизаций разнообразны и по этому признаку — например, североамериканская и латиноамериканская, евразийская, западноевропейская, мусульманская и другие объединяют представителей разных рас и национальностей. Даже, казалось бы, однородная по расовому признаку индийская цивилизация, наряду с преобладающей индоевропейской расой, включает на юге страны, в штате Керала, представителей иной расы. Это люди с индоевропейскими чертами лица, но черным цветом кожи; археологи считают их представителями древнейшей расы дравидов, основавшей индскую (хараппскую) цивилизацию в конце 4-го тыс. до н.э., но затем вытесненную ариями на юг полуострова Индостан.

Третий возможный признак — *технологическое единство*, общность достигнутого технологического уровня развития. Его можно применять к североамериканской и западноевропейской цивилизациям пятого поколения. Но в большинстве цивилизаций (африканской, латиноамериканской, евразийской, мусульманской, океанической, китайской, индийской) наблюдается разнообразие не только используемых технологических укладов, но и порой различных технологических и энерго-экологических способов производства, преобладавших на разных стадиях развития глобальной цивилизации в разные исторические эпохи.

То же самое относится и к *экономическому единству*, характеру системы экономических отношений и уровню их развития. Сравнительно однородными в отношении преобладающего экономического способа производства являются североамериканская, японская и западноевропейская цивилизации. Однако многие цивилизации (африканская, мусульманская, евразийская, китайская, индийская, латиноамериканская, буддийская) включают страны и регионы с различной систе-

мой экономических отношений, с разным уровнем экономического развития. Для большинства цивилизаций характерны значительные различия стран и регионов как в уровне экономического развития (ВВП на душу населения), так и по преобладающей системе экономических отношений.

Казалось бы, социально-политическое единство может служить объединяющей цивилизацию чертой. Но и здесь наблюдается чрезвычайная пестрота и быстрая изменчивость.

Имеются резкие различия в социальной структуре общества в разных странах, к тому же она может резко измениться, как это произошло с евразийской и восточнославянской цивилизациями в 90-е гг. XX в. Возникают и распадаются государства и империи. Одни цивилизации практически полностью укладываются в рамки одного государства (японская) или их преобладающие части, могут быть представлены одним государством (индийская, китайская, североамериканская, океаническая). Другие цивилизации отличаются множественностью входящих в них государств, нередко противоборствующих друг с другом (африканская, западноевропейская, восточноевропейская, мусульманская, евразийская, буддийская). Внутрицивилизационные противоречия нередко становятся причиной длительных и кровопролитных столкновений (Столетняя и Тридцатилетняя войны в средневековой Европе, Первая и Вторая мировые войны в XX в.).

К тому же характер политического строя — демократического, авторитарного или тоталитарного, федеративного или унитарного — существенно различается внутри цивилизаций и может меняться в результате революций (Французская революция, Октябрьская революция в России) или глубоких трансформаций (распад СССР и изменение социально-политического строя в евразийской и восточноевропейской цивилизациях в 90-е гг. XX в.).

Может быть, объединяющим признаком цивилизаций служит духовный мир, включающий сферы науки, образования, культуры, этики и религии? Однако и здесь наблюдается та же пестрая картина — страны и регионы, входящие в состав одной цивилизации, различаются по уровню развития науки, образования и культуры, а также системой этических ценностей и религиозными верованиями.

А. Тойнби и С. Хантингтон различали локальные цивилизации по принадлежности к той или иной религии. Для некоторых цивилизаций (например, мусульманской) это конституирующий признак. Но западноевропейская, североамериканская, океаническая, евразийская, латиноамериканская цивилизации отнюдь не столь однородны, а китайская, японская, африканская вообще не имеют преобладающей религии — и тем не менее общепризнаны как самостоятельные цивилизации.

Да и по историческому опыту современные цивилизации весьма различаются. Имеются древнейшие цивилизации в возрасте 4–5 тыс. лет, прошедшие немало длительных циклов и разных состояний на своем пути (индийская, китайская); более молодые, имеющие за своими плечами одну-две тысячи лет развития (западноевропейская, восточноевропейская, японская, евразийская совместно с восточнославянской, буддийская, мусульманская); совсем молодые цивилизации (североамериканская, латиноамериканская, океаническая); переживающие стадию становления, формирования из разнородных элементов (африканская). Историки насчитывают немало ушедших в прошлое цивилизаций (египетскую, шумерскую, хараппскую, минойскую, эламскую, персидскую, греко-римскую, монгольскую, древнеамериканские цивилизации майя, ацтеков, инков и др.).

Перечислив все признаки, характеризующие генотип цивилизаций, мы останавливаемся в недоумении: где же то неуловимое ядро, определяющий признак, вокруг которого разные религии, страны, этносы объединяются в единую локальную цивилизацию и по которому одну цивилизацию можно отличить от другой? И здесь возникает такой во многом субъективный, трудно измеримый признак, как система цивилизационных ценностей.

Эта категория еще труднее, чем цивилизация, поддается определению. Как рабочее можно дать такое определение: цивилизационные ценности — это система оценок людьми и социальными группами событий и факторов существования, развития и взаимодействия, которая служит основой их мотиваций и действий, их реакции на происходящие изменения.

Эта система включает морально-этические и религиозные оценки, но главное — она лежит в основе единства воли и действий, целевых установок, реакций на те или иные события, программы действий на будущее, в основе различия «свой-чужие», какими бы признаками это различие не характеризовалось. Немалую роль при этом играет и накопленный исторический опыт развития и взаимодействий, понимание *общности коренных цивилизационных интересов*.

Столкновение таких систем оценок и интересов не раз приводило в прошлом к международным конфликтам и войнам (пример — начало Крымской войны середины XIX в.). Понимание общности оценок и интересов, напротив, служит основой диалога, сотрудничества и партнерства цивилизаций в решении проблем или во время стихийных бедствий.

Мы понимаем, что наше толкование и подход к определению отличительных признаков ло-

кальных цивилизаций — отнюдь не последний шаг в познании этой сложнейшей макросоциологической и исторической категории. Но он прокладывает пути к познанию, ставит определенные вехи для дальнейшего продвижения в исследованиях, в том числе и для понимания сущности и этапов развития восточнославянской цивилизации, трансформировавшейся в конце своего исторического пути в цивилизацию евразийскую.

1.1.2. Закономерности цикличной динамики цивилизаций

Как любая общественная система цивилизация развивается в соответствии с циклическо-генетическими закономерностями (рис. 1.3). Что это конкретно означает?

Каждая цивилизация имеет свой *жизненный цикл*, определяющий исторический период ее существования и включающий один или несколько периодов взлетов и падений, *цивилизационных циклов*. Каждый такой цикл включает фазы: за-

Рисунок 1.3. Закономерности цикличной динамики цивилизаций

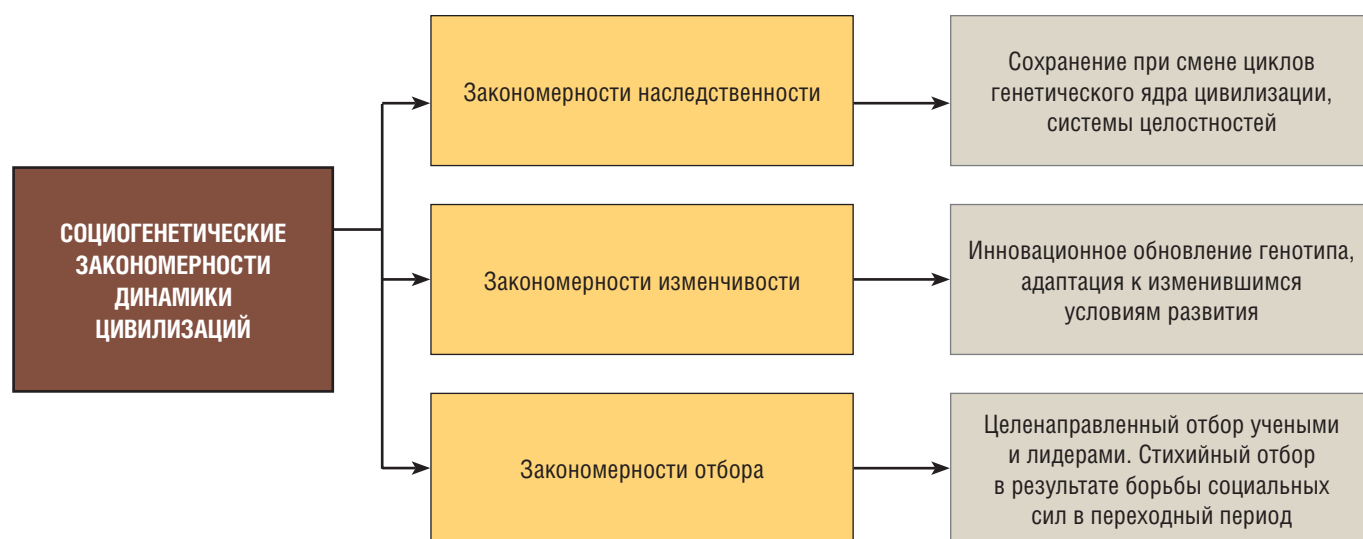

Рисунок 1.4. **Социогенетические закономерности динамики цивилизаций**

рождение, становление, распространение (диффузия), зрелость, кризис, за которым следует либо распад и завершение жизненного цикла, либо начало нового цикла. Одни цивилизации (индийская, китайская, японская, западноевропейская) пережили за свою многотысячелетнюю историю несколько таких циклов; другие (монгольская, эламская, персидская, минойская, греко-римская, восточнославянская, евразийская) пережили всего один цикл и сошли с исторической сцены; третьи (североамериканская, латиноамериканская, океаническая) еще только начали свой первый цивилизационный цикл.

Неотъемлемой фазой этих циклов служат *цивилизационные кризисы*. Их особенность, в отличие от экономических кризисов, состоит в том, что они охватывают все стороны жизни общества (демографию, технологию, экономику, социально-политическую сферу и духовную жизнь), длятся в течение большого времени (десяtkи, а то и сотни лет) и завершаются либо распадом, завершением жизненного цикла цивилизации (летальный исход), либо переходом ее к качественно более высокому уровню развития на новом витке исторической спирали в составе очередной мировой цивилизации или исторического суперцикла (кризисного этапа в динамике глобальной цивилизации).

Во втором случае переход к новому этапу осуществляется на гребне *волны цивилизационных инноваций* — базисных и эпохальных.

Они трансформируют и обновляют все стороны жизни общества, все элементы локальной цивилизации и открывают новые цели в ее развитии. Это и технологические, и экономические, и государственно-политические инновации, и обновление духовной сферы и системы цивилизационных ценностей и интересов. Именно такая волна эпохальных цивилизационных инноваций наблюдается в начале XXI в., и ее ожидаемый итог — становление гуманистически-ноосферной постиндустриальной цивилизации, третьего исторического суперцикла, интегрального социокультурного строя (Яковец, 2004).

При этом происходит смена лидирующих, авангардных цивилизаций, перемещается эпицентр исторического и социально-культурного прогресса, происходят радикальные перемены в генотипе цивилизаций.

1.1.3. Социогенетические закономерности развития локальных цивилизаций

Генетические закономерности в циклической динамике цивилизаций проявляются в сочетании наследственности, изменчивости и отбора (рис. 1.4).

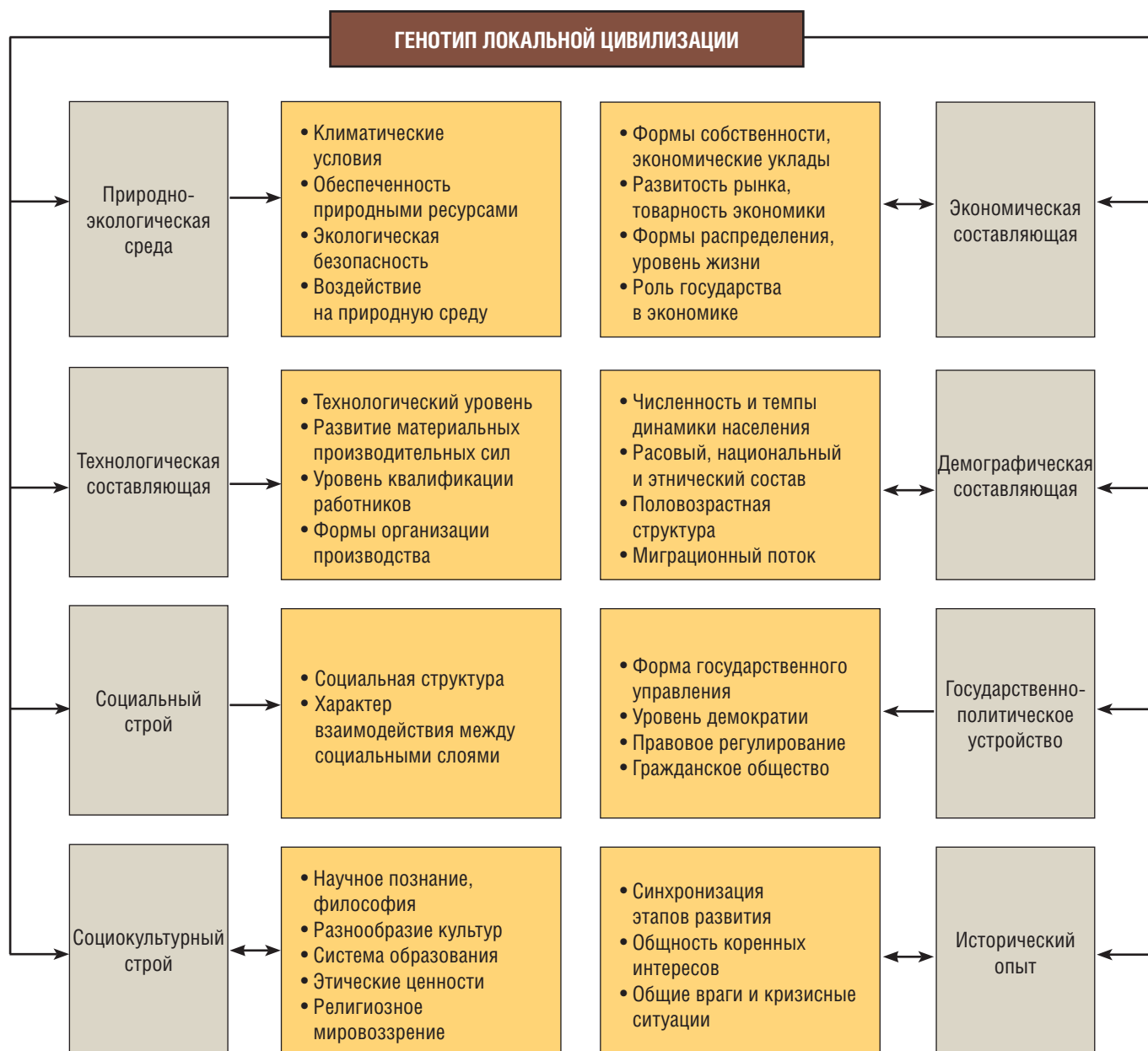
Генетическим ядром локальной цивилизации, как было показано выше, является система цивилизационных ценностей, находящая выражение в основных ее измеримых параметрах — население, природно-экологические условия, технологический и экономический уровни развития, социально-политический строй и государственно-правовое устройство, уровень развития

и характер духовной сферы (научного познания, образования, культуры, этики, религиозных взглядов). Пока сохраняется генотип, существует цивилизация. При его разрушении цивилизация рано или поздно сходит с исторической арены. Структура генотипа локальной цивилизации показана на *рис. 1.5*. (Кузык, Яковец, 2006, т. 1, с. 139).

Хотя широко распространено мнение о неизменности (инвариантности) генотипа (наследственного ядра), изучение истории цивилизаций показывает, что, по крайней мере применительно к таким крупным социальным системам, как

локальные цивилизации, это мнение неточно. Периодически, при переходе к новым историческим этапам и в ходе существенных изменений внешней среды (факторов развития), в генотипе цивилизации наблюдаются изменения (закон *наследственной изменчивости*). Эти перемены происходят в двух главных направлениях. Во-первых, отбираются и закрепляются полезные свойства, которые позволяют лучше адаптироваться к радикальным изменениям в окружающем мире (без необходимой гибкости заостренность системы обречена на исчезновение). Во-вторых, отмирают, уходят в прошлое или на задний план свойства, которые были важными и полезными в предыдущую эпоху,

Рисунок 1.5. Структура генотипа локальной цивилизации

но становятся бесполезными, а может быть, и вредными на новом этапе. Таким образом, периодически (раз в несколько столетий, а в современную эпоху — и десятилетий) происходит *инновационное обновление* генотипа цивилизаций, его трансформация применительно к новым условиям развития. Это болезненный процесс разрыва со старыми традициями и образом жизни и утверждения новых традиций. Он может длиться много лет и не всегда заканчивается удачно. В таких случаях цивилизация обречена на распад, поглощение более сильными и адаптировавшимися к изменившимся условиям цивилизациями.

Однако процесс инновационного обновления имеет свои пределы. Он может зайти столь далеко и быть настолько радикальным, что будет разрушена система цивилизационных ценностей. В этом случае цивилизация обречена на исчезновение с исторической сцены. Нечто подобное происходит сейчас с восточноевропейской цивилизацией, которая теряет свои особенности и поглощается более сильной западноевропейской цивилизацией. Другой пример — распад в 90-е гг. XX в. евразийской цивилизации (жизненный цикл которой насчитывал пять столетий) в результате чрезмерно радикальных трансформаций, разрушивших единую систему цивилизационных ценностей.

Третья социогенетическая закономерность — *механизм отбора* полезных вариантов изменчивости цивилизаций. В переходные эпохи разветвляется широкий веер вариантов будущего развития — от возврата к давно прошедшим эпохам и формам жизнедеятельности до утопических прорывов в будущее, для которых нет объективных условий. Резко обостряется борьба социальных сил и их лидеров, упорно отстаивающих те или иные варианты. И нет уверенности в том, что будет изобретен оптимальный вариант трансформирования цивилизаций. Примером может служить печальный опыт трансформации евразийской цивилизации 90-х гг., когда в силу сложившегося соотношения социальных сил, непрофессионализма лидеров и внешнего давления был избран путь разрушения цивилизации и возврата к стихийно-рыночной экономике XIX в.

Важную роль в механизме цивилизационного отбора, оценке и выборе оптимального варианта трансформации играет наука, социально-экономическая мысль, которая должна дать обоснованную оценку предпосылок и долгосрочных последствий преобладающих сценариев развития, стать движущей силой разработки и реализации оптимального сценария. Советская наука оказалась не в состоянии это сделать своевременно, а запоздалые оценки уже не могут изменить вектор перемен, поскольку социальная динамика обладает определенной инерционностью.

1.1.4. Смена поколений локальных цивилизаций

Объективной закономерностью цивилизационного прогресса является *закон смены поколений локальных цивилизаций*.

Впервые этот закон обосновал Арнольд Тойнби (Тойнби, 1991), который выделил три поколения цивилизаций, меняющихся по составу и основным характеристикам. В монографии «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» мы развили и уточнили этот закон в трех направлениях. Во-первых, увязали смену поколений с переходом к очередной мировой цивилизации, что радикально меняет условия развития и взаимодействия локальных цивилизаций, ведет к смене лидеров. Во-вторых, наряду с тремя поколениями, о которых писал А. Тойнби, мы отделили третье поколение эпохи Средневековья от четвертого поколения для раннеиндустриальной и индустриальной цивилизации и выдвинули положение о формировании на рубеже XXI в. современного, пятого поколения, адекватного условиям постиндустриальной мировой цивилизации XXI–XXII вв. В-третьих, нами выдвинуто положение о пространствах взаимодействия цивилизаций, которые меняются при смене исторических эпох и поколений локальных цивилизаций.

Мы предлагаем следующие хронологические рамки, характерные черты и состав поколений локальных цивилизаций (Кузык, Яковец, 2006).

Первое поколение (отсчет времени ведется по авангардным цивилизациям каждого поколения) — с конца 4-го тыс. до начала 1-го тыс. до н.э. Оно включало узкую полосу к северу от

Рисунок 1.6. Локальные цивилизации первого поколения

экватора, преимущественно в долине великих исторических рек — Нила (египетская цивилизация), Тигра и Евфрата (шумерская цивилизация), Инда (хараппская цивилизация), несколько позднее — Янцзы (китайская цивилизация). К первому поколению принадлежали также минойская цивилизация и находившаяся на территории нынешнего Ирана эламская цивилизация (рис. 1.6) (Кузык, Яковец, 2006, т. 1, с. 538–539).

Лидировали в первом поколении египетская, шумерская и хараппская цивилизации. Однако контакты цивилизаций и пространства их взаимодействия были сравнительно мало развиты и не выходили за пределы той же приэкваториальной области. Характерными чертами первого поколения цивилизаций была централизация власти, преобладание рабовладельческого строя, политеизм.

Второе поколение локальных цивилизаций охватывает период с IX–VIII вв. до н.э. по V в. н.э. Оно отличается перемещением центра цивилизационного прогресса в Средиземноморье, где длительное время лидировала греко-римская цивилизация, борющаяся с финикийской и персидской. Расширился ареал цивилизационного пространства и поля взаимодействия цивилизаций между собой и с местными народами и племенами (яркий пример — Северное Причерноморье).

Возникли первые мировые империи на междивизиационной основе (Ахеменидов в Персии, Александра Македонского, Римская, Китайская). Образовались демократические города-полисы, возникли в «осевое время» монотеистические мировые религии, наблюдались становление науки и расцвет культуры. Состав цивилизаций второго поколения и их распространение показан на рис. 1.7 (Кузык, Яковец, 2006, т. 1, с. 540–541).

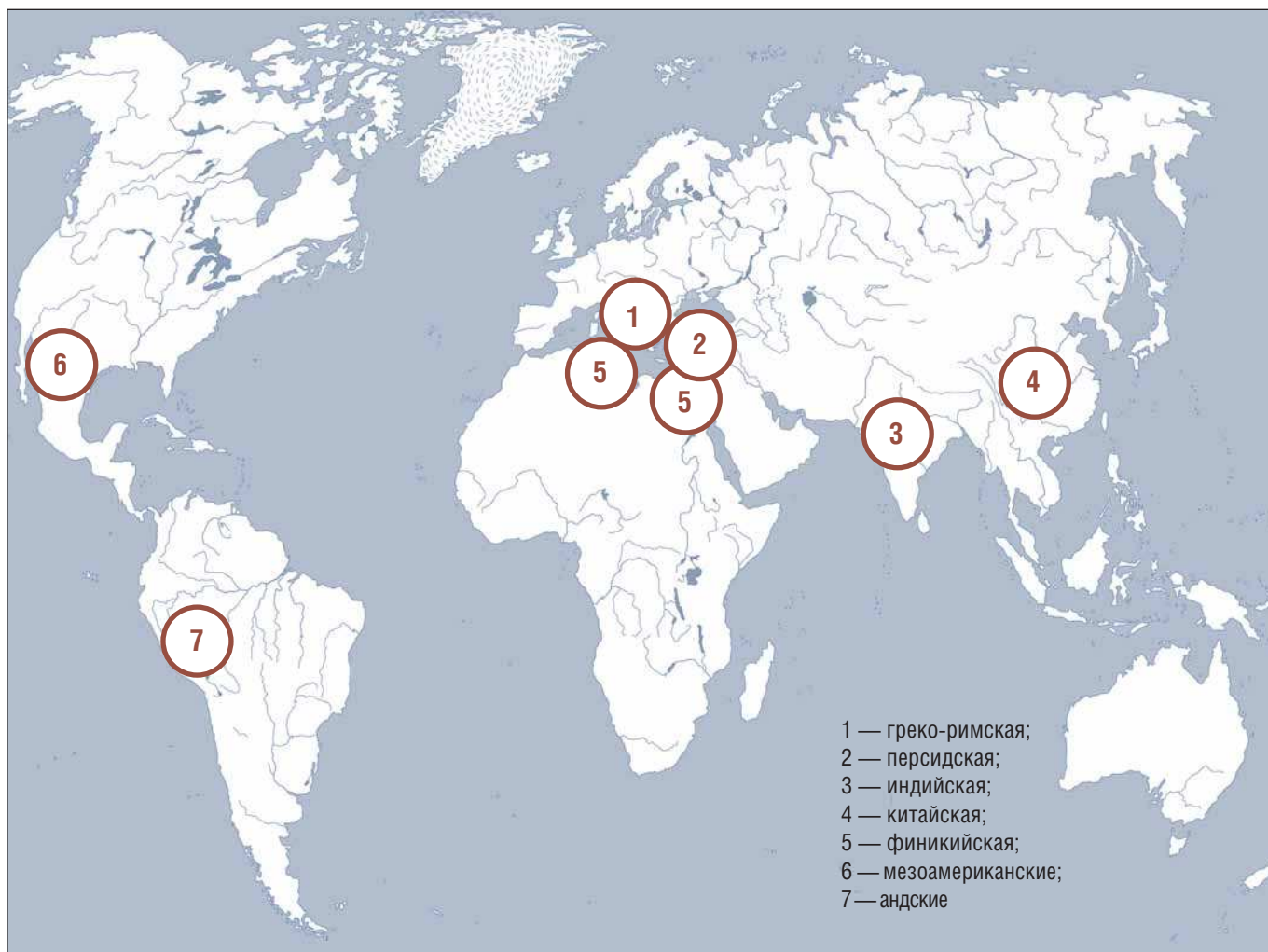

Рисунок 1.7. Локальные цивилизации второго поколения

Третье поколение локальных цивилизаций охватило примерно тысячелетний период (с VI по XV вв.) средневековой эпохи. Его географические границы значительно расширились, включив почти весь евразийский и значительную часть африканского континента (*рис. 1.8*) (Кузык, Яковец, 2006, т. 1, с. 642–643).

Расширились и укрепились разнообразные связи между цивилизациями (по речным системам, морям, караванным путям), расширились пространства взаимодействия между ними. В цивилизациях Америки тоже шла смена поколений, но по специфической хронологии.

Количество цивилизаций увеличилось — сформировались западноевропейская, восточнославянская, византийская цивилизации. Возникла и стремительно распространилась мусульманская цивилизация, поглотившая цивилизации египетскую, персидскую, часть индий-

ской, север Африки, Ближний Восток. Характерным для третьего поколения стало возвышение и лидирующая роль в обществе мировых религий, подчинивших себе почти целиком духовную сферу и боровшихся за первенство со светской властью. Доминировали феодальные иерархические отношения, но экономическую силу набирали купцы и ремесленники, концентрировавшиеся в крупных городах, которые ориентировались на демократическое устройство и политическую самостоятельность (Венеция, Генуя, Флоренция, Новгородская республика).

Четвертое поколение локальных цивилизаций начало формироваться с XVI в., охватило всю ойкумену и включило в общее цивилизационное пространство Северную и Южную Америку и Океанию (*рис. 1.9*) (Кузык, Яковец, 2006, т. 1, с. 644–645).

В этом поколении доминировала западноевропейская цивилизация, подчинившая себе большую часть ойкумены и образовавшая ог-

Рисунок 1.8. Локальные цивилизации третьего поколения

ромные колониальные империи. Ей противостояли мусульманская (Османская империя) и евразийская (Российская империя) цивилизации. Характерными чертами этого поколения стала индустриализация экономики в результате промышленной революции, формирование мирового хозяйства, установление господства буржуазии в большинстве цивилизаций (наряду с попыткой построения социализма в евразийской, восточноевропейской и китайской цивилизациях в XX в.), секуляризация общества, падение роли религии и возвышение науки, упадок гуманистической этики, установление к середине XX в. в ряде стран тоталитарных режимов.

Однако к концу XX в. стало очевидным, что четвертое поколение цивилизаций завершает свой жизненный цикл и находится в состоянии общего кризиса. В наибольшей мере кризис поразил евразийскую цивилизацию, которая

оказалась в состоянии распада. Не выходит из состояния глубокого кризиса африканская цивилизация. Нарастает угроза столкновения цивилизаций, конфликтов между ними в различных сферах.

По нашему мнению, пришло время формирования **пятого поколения** локальных цивилизаций, адекватного наступающей постиндустриальной мировой цивилизации (см. *рис. 1.2*) (Кузык, Яковец, 2006, т. 2, с. 70–71).

Его отличительные черты:

- усиление дифференциации цивилизаций — до того единая западная цивилизация распадается на западноевропейскую, североамериканскую, латиноамериканскую, океаническую цивилизации, постепенно вырисовываются различия их систем ценностей и интересов. В перспективе (к концу XXI столетия) дифференциация может охватить и мусульманскую цивилизацию с выделением арабской, иранской (персидской), индомусульманской и индонезийской;

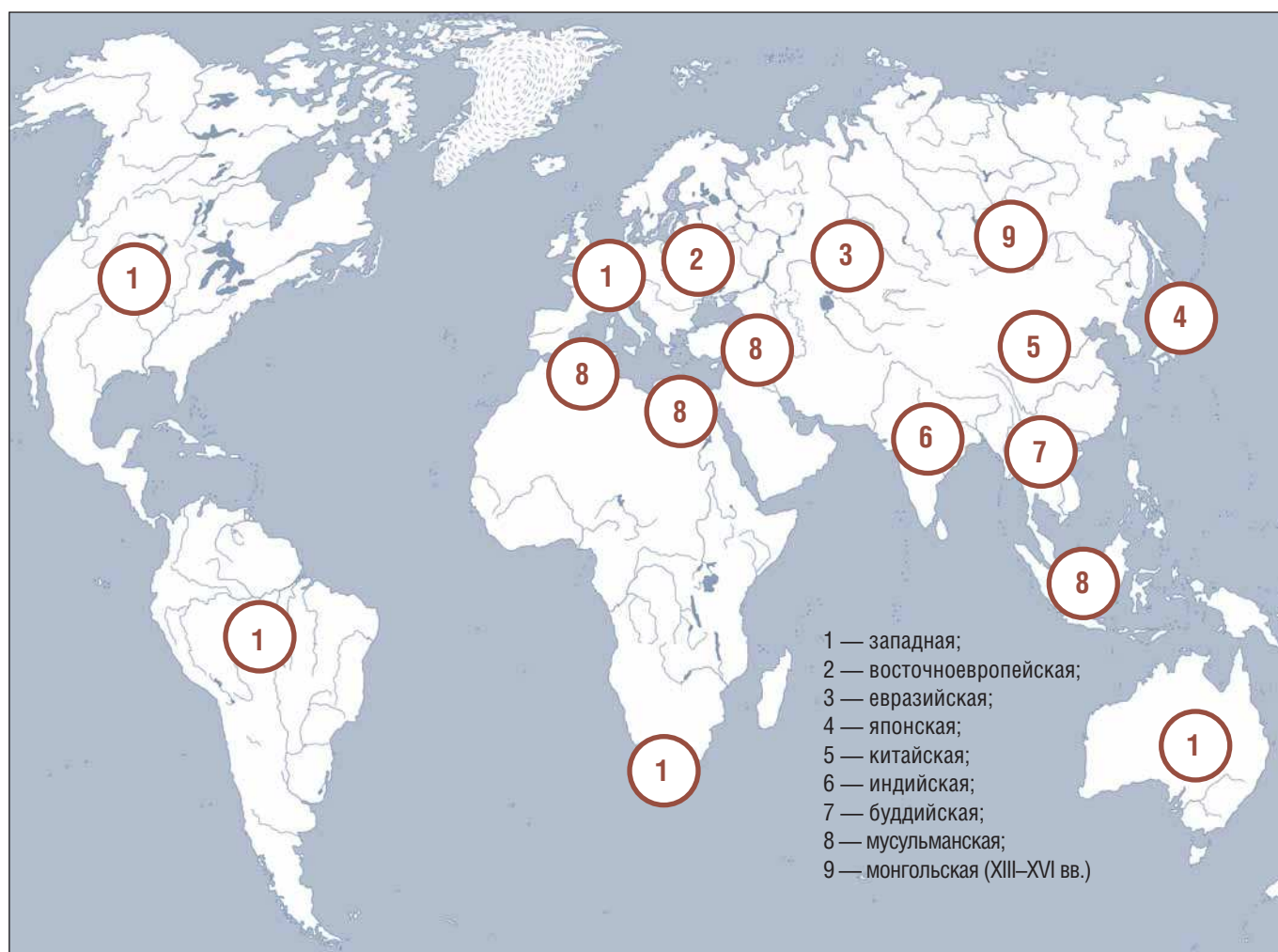

Рисунок 1.9. Локальные цивилизации четвертого поколения

- резкая поляризация цивилизаций по численности и темпам роста населения, уровню экономического развития (ВВП на душу населения — см. *рис. 1.2*), по месту в глобальном технологическом, энергетическом и экологическом пространстве (*рис. 1.10*) (Кузык, Яковец, 2006, т. 2, с. 74–75).

Эта поляризация унаследована от индустриальной эпохи и представляет опасность для будущего цивилизаций, угрозу их столкновений. Пятому поколению предстоит уменьшить поляризацию, существенно сократить пропасть между богатыми и бедными, авангардными и отстающими цивилизациями на основе диалога, сотрудничества и партнерства цивилизаций;

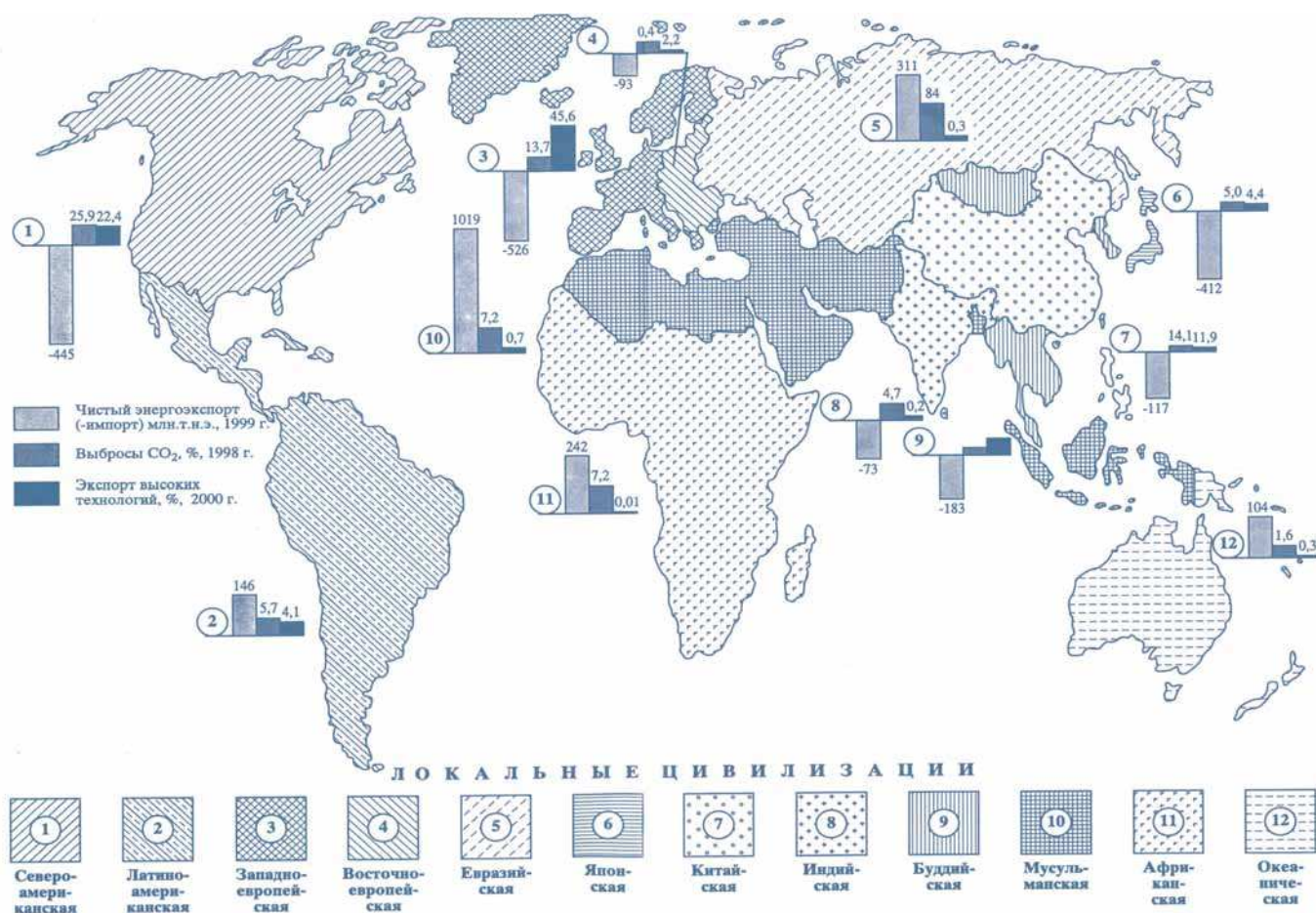
- смена лидеров цивилизационного прогресса. Если в четвертом поколении лидерство принадлежало западной цивилизации, которой противостояла евразийская цивилизация (СССР)

и в определенные периоды сохранившая независимость японская, то к началу XXI в. картина на геоцивилизационном поле резко изменилась. Западная цивилизация раздробилась и, сохраняя экономическое и технологическое превосходство, постепенно теряет позиции; быстро возвышаются древние китайская и индийская цивилизации, вступившие в период нового подъема; в числе лидеров остаются интегрирующаяся западноевропейская и пережившая послевоенный скачок японская и океаническая (Австралия) цивилизации; растет агрессивность многочисленной мусульманской цивилизации; заявляет о своей идентичности и самостоятельности латиноамериканская; буддийская цивилизация получила сильный толчок в виде ускоренного развития новых индустриальных стран Азии; саморазрушилась евразийская цивилизация, ее место заняла российская; находится в состоянии затяжного глубокого кризиса африканская (южнее Сахары), особенно централь-

ноафриканская ее часть. Период разных подвижек в геочивилизационной структуре еще не завершился, его контуры определяются, видимо, к середине XXI в.;

- формирование нового миропорядка, в котором на первый план вместо борьбы двух мировых систем во второй половине XX в. выходит проблема взаимодействия цивилизаций, столкновение двух тенденций — либо усиление противостояния и борьба за передел глобального энергетического и экономического пространства в соответствии с потребностями старых и новых лидеров (попытки замены монополярного мира биполярным), либо курс на многополярный мир, основанный на диалоге, сотрудничестве и партнерстве цивилизаций в решении острейших глобальных проблем. При любом сценарии взаимодействие цивилизаций становится осевой геочивилизационной проблемой XXI в.

Рисунок 1.10. Локальные цивилизации пятого поколения в глобальном энергетическом, экологическом и технологическом пространстве

1.1.5. Закон сжатия исторического времени

В динамике локальных цивилизаций и их поколений отчетливо проявляется закон сжатия исторического времени: от эпохи к эпохе ускоряется темп исторической динамики, сокращается длительность исторических циклов, возрастает количество значимых исторических событий в каждом столетии (хотя оно остается неравномерным по фазам исторических циклов).

О справедливости этого закона можно судить хотя бы по продолжительности циклов преобладания разных поколений локальных цивилизаций (табл. 1.1; время исчисляется по лидирующим цивилизациям каждого поколения).

Ускорение наблюдается во всех периодах, хотя коэффициент ускорения неодинаков для разных эпох; сравнительно низким он был для третьего, средневекового, поколения (для той эпохи характерен длительный переходный период от первого ко второму историческому суперциклу). Однако в раннеиндустриальную

Поколение	Время преобладания поколений локальных цивилизаций	Продолжительность, лет	Коэффициент ускорения
Первое	3200 – 900 до н.э.	2300	
Второе	900 до н.э. – 500 н.э.	1400	1,64
Третье	500 – 1500	1000	1,40
Четвертое	1500 – 1990	490	2,04
Пятое (прогноз)	1990 – 2300	260	1,88

Таблица 1.1. Продолжительность времени преобладания поколений локальных цивилизаций

и индустриальную эпохи коэффициент вновь возрастает до 2,04, а прогнозируемая длительность преобладания пятого поколения, если она совпадет с временными рамками постиндустриальной цивилизации, возрастет до 1,88 по сравнению с четвертым поколением.

Выполненное нами клиометрическое измерение интенсивности исторических событий в период индустриальной цивилизации (с 1751 по 1995 г.) и их распределение по цивилизациям Запада, Востока и России показало следующую картину (табл. 1.2).

Можно сказать, что значимость Востока в исторических событиях преуменьшена, поскольку таблица составлена на основе данных западного автора Б. Харенберга (Харенберг, 1991). Кроме того, здесь действует историческая абберрация: количество и значимость ближе расположенных событий оценивается полнее и выше, чем

событий, отдаленных во времени. И тем не менее из приведенных в табл. 1.2 данных тенденции вырисовываются довольно отчетливо:

- наблюдается общий тренд увеличения интенсивности исторических событий со временем; их количество в среднем за пятилетие в 1976–1995 гг. в 2,2 раза больше, чем в 1751–1975 гг.; даже с поправкой на абберацию этот тренд очевиден;
- процесс интенсификации, сжатия исторического времени (если его измерять количеством исторических событий в единицу времени) развивается неравномерно: в периоды исторических разломов, смены мировых цивилизаций и поколений локальных цивилизаций он заметно ускоряется, нарастает лавина исторических перемен (периоды 1776–1800 гг. — коэффициент ускорения 2,56; 1951–1975 гг. — 1,49; 1926–1950 гг. — 1,26; 1976–1995 гг. — 2,65); затем на-

Таблица 1.2. Интенсивность исторических событий и их распределение по цивилизациям

Годы	Количество событий	В среднем за пятилетие	В % к 1751–1775 гг.	Коэффициент ускорения	Распределение событий, %		
					Запад	Восток	Россия (Российская империя, СССР, СНГ)
1751–1775	103	20,6	100				
1776–1800	264	52,8	255	2,56	63,1	9,7	27,2
1801–1825	281	56,2	277	1,08	75,0	8,8	15,2
1826–1850	244	48,8	250	0,87	72,9	7,8	19,2
1851–1875	282	56,4	268	1,16	64,2	9,8	20,1
1876–1900	300	60,0	290	1,06	23,7	12,1	14,2
1901–1925	447	89,4	444	1,49	77,7	11,3	8,0
1926–1950	554	110,8	537	1,28	57,2	14,3	25,5
1951–1975	402	80,4	390	0,73	52,2	26,6	12,9
1976–1995	852	213,0	524	2,65	52,1	21,3	26,6
Весь период	3272	66,8	251	625	62,5	16,0	20,5

ступают периоды замедления темпов перемен (1826–1850 гг. — коэффициент 0,87; 1951–1975 гг. — 0,23);

- интенсивность событий неравномерно распределена по цивилизациям и их группам. Очевидно историческое доминирование в индустриальную историческую эпоху западной цивилизации (62,5% событий за 2,5 столетия), хотя доля ее имеет тенденцию к падению — с 78 до 52% в 1976–1995 гг.); роль Востока явно недооценена и невелика (16%), хотя очевидно нарастание этой доли с 9–10% в начале периода до 21–27% к концу периода; доля евразийской цивилизации в среднем составила 20,5%, а в начале и конце рассматриваемого периода достигла 27% — несоразмерна с долей в численности населения мира, которая в начале периода составила 4,7%, в 1901–1925 гг. выросла до 8,7%, а к концу периода упала до 2,6%. Эти данные свидетельствуют о том, что евразийская цивилизация играла и продолжает играть заметную роль в исторических переменах.

Закон сжатия исторического времени находит конкретное проявление в ускорении темпов технического и социального прогресса, в сокращении инновационных циклов, уменьшении разрыва между волнами базисных и эпохальных инноваций, меняющих лицо планеты. Это предъясняет повышенные требования к научной, деловой, политической элите: необходимо предвидеть темп и направления перемен и не запаздывать с инновационным обновлением общества.

1.2. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПРЕДЫСТОРИЯ, ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ

1.2.1. Истоки и этапы становления восточнославянской цивилизации

Когда возникла восточнославянская локальная цивилизация третьего поколения? Однозначного ответа на этот вопрос нет среди российских (советских) и зарубежных историков и археологов.

Преобладает мнение, что точкой отсчета истории Российского государства является 862 г. — призвание новгородцами варяжской дружины во главе с Рюриком и его братьями Синусом

и Трувором на княжение. Эта дата отмечена памятником 1000-летия России в Новгородском Кремле. Тогда же, согласно этой точке зрения, и возникло классовое государство феодальной эпохи вместо преобладавшего до того родоплеменного строя — последней стадии первобытно-общинной социально-экономической формации (правда, немало историков подвергает сомнению как сам факт призвания Рюрика, так и отсутствие славянской государственности до 862 г.). Такого взгляда придерживались как дореволюционные историки, так и наиболее авторитетные советские историки-академики Б.Д. Греков и Б.А. Рыбаков. В этом случае цивилизация на Русь пришла с Запада, окультуривая здешние варварские племена. Наиболее откровенно эту позицию выразил шведский историк Андрес Стриннгольм: «Шведы — первые русы, тот самый народ, который основал Русское государство, соединил в одно государственное общество славянские и чудские племена, жившие в грубом невежестве под управлением своих родоначальников. От княжеского дома русское имя мало-помалу перешло на весь народ. Князья, быстро распространившие русскую власть и получившие начало государственному значению Русской державы, давали законы и старались, сколько могли, образовать народ и возвысить его из состояния невежества, в какое был погружен, на ту же степень образования, на которой находились прочие, более преуспевающие в том европейские народы... Варяги составляли главную военную силу Руси. Варяжские вожди всегда водили в бой славянские и чудские... войска; из варягов состояли совет и придворные чины великих князей...» (Стриннгольм, 2002).

Имеется и другая точка зрения: цивилизация на земле Древней Руси началась на столетие позже, с крещения Руси, принятия христианства и всей системы православных ценностей, которые и составили ядро восточнославянской цивилизации. Лишь тогда Древняя Русь приобщилась к цивилизованному миру и быстро достигла его вершин.

Итак, обе концепции исходят из постулата *внешнего* происхождения восточнославянской цивилизации, а также из того, что до этого внешнего воздействия страна находилась на стадии доцивилизационного развития — родоплеменного строя и язычества.

Проведенные нами исследования и научные цивилизационные экспедиции 2005–2007 гг. убедили нас в справедливости иного взгляда на истоки и период возникновения восточнославянской цивилизации.

К VI–VII вв. народы Восточной Европы прошли уже три мировые цивилизации — неолит, бронзовый и железный века, хотя по государственно-правовой составляющей отставали от авангардных локальных цивилизаций Запада, Юга и Востока. Как показали исследования, в Северном Причерноморье с VII в. до н.э. (начало его греческой колонизации) возникли первые государства — Боспорское царство, Херсонес и другие, тесно связанные как со средиземноморскими цивилизациями, так и со скифской протоцивилизацией и другими местными догосударственными и государственными образованиями (Гумилев, 1992). Эти государства неоднократно подвергались нашествиям (готов,

гуннов и других кочевых народов), входили в состав Римской империи, а затем Византии, имели разнообразные экономические, технологические, культурные связи с местными племенами и народами, в общении с ними передавали им часть своего цивилизационного наследия.

С VI в. н.э. обстановка на этой части евразийского континента начала меняться. Усиливалось влияние византийской, западноевропейской и восточнославянской цивилизаций, а также народов Востока. С севера на юг протянулись магистрали диалога цивилизаций — Великий Волжский путь, путь «из варяг в греки», на юге они пересекались с Великим шелковым путем, на Севере — с Великим пушным путем. Восточная Европа (Северное Причерноморье в том числе) стала пространством взаимодействия цивилизаций. Это не только способствовало активному диалогу цивилизаций и культур, торгово-экономическому и культурному обмену, но и требовало определенной общественной организации для безопасного функционирования междуна-

В.М. Васнецов. «Варяги»

родных торговых путей (международных транспортных коридоров второго поколения, если пользоваться современной терминологией) по речным системам Восточной Европы.

Поэтому уже в VI–VII вв. на пространствах нынешних Украины и европейской части России стали проявляться протогосударственные (вождистские) и государственные образования, формироваться элементы генотипа цивилизации (полугосударственные союзы антов, позднее — Русский каганат, протогосударственные образования полян, древлян, кривичей, ильменских славян, вятичей и другие; многие из них сотрудничали с финно-угорскими племенами). Создавались союзы племен и союзы союзов с выделявшейся властной верхушкой, развитой системой разделения труда, городами. В VII в. можно говорить о существовании государств как на севере, так и в центре, и на юге (Поднепровье, Прикубанье) — Русском каганате (позднее — княжестве Тмутаракань, Новго-

родской и Киевской Руси). Таким образом, уже в VIII в. сложились основные контуры восточно-славянской цивилизации, главные элементы ее генетического ядра:

- **демографический** — возросшая численность населения, особенно в долинах крупных рек, служивших основными транспортными магистральями;

- **природно-экономический** — плодородные земли; леса, богатые пушным зверем; реки, богатые рыбой; удобные речные пути и речные системы; сравнительно благоприятные климатические условия;

- **технологический** — современные для того времени технологии земледелия, переработки продуктов растениеводства и скотоводства, разнообразных ремесел (оружейного, деревообрабатывающего, судостроения, ювелирного дела, строительства, военного дела); технологический уровень производства отставал от западноевропейского, крупных хозяйств практически не было, преобладало мелкое крестьянское и ремесленное семейное производство;

Храм святой Софии в Великом Новгороде

- **экономический** — общинная собственность на землю сочеталась с индивидуальным хозяйством крестьян, ремесленников, торговцев. Постепенно нарастало имущественное неравенство, выделялись богатые семьи князей и их приближенных, купцов, богатых ремесленников. Развивалась торговля — внутренняя и международная, которая могла приносить транспортную и торговую ренту;

- **социально-политический** — усиливалась социальная стратификация, хотя говорить о классовом обществе в переходный период еще рано. Не было классов рабовладельцев и рабов, феодалов и крепостных крестьян, но были холопы, смерды, зажиточные горожане, князь и его окружение. «Вождистское» государство постепенно приобрело черты государства, основанного на принципах разделения и взаимодействия властей, вечевой демократии: князь, совет старейшин, народное собрание (законодательная власть), судьи (как от города, так и от князей). Существовало многовековое демократическое самоуправление в Новгородской республике, Великом Новгороде. Окрестные территории Новгорода (Псков, Старая Русса, Вятка и другие) имели собственное демократическое самоуправление, но подчинялись Великому Новгороду;

- **духовная сфера** восточных славян была достаточно насыщенной, но отличалась своеобразием по сравнению с другими локальными цивилизациями третьего поколения. Многообразная культура отвечала условиям жизни и быта в городской и сельской местности и впитала как наследие прошлых эпох, так и результаты контактов с другими цивилизациями и народами. Обрядовые песни, танцы, художественное ремесло, ювелирное дело давали простор народному творчеству. Об образцах литературы можно судить по «Слову о полку Игореве» и другим дошедшим до нас произведениям. Письменностью владели не только священники, купцы и богатые горожане, но и сельские простые семьи. Как и у других народов Восточного Севера Евразии, основой религиозных взглядов было язычество, однако с конца X в. господствующей религией становится православное христианство, что усилило влияние византийской культуры и этики.

1.2.2. Фазы жизненного цикла восточнославянской цивилизации

В жизненном цикле восточнославянской цивилизации, по нашему мнению, можно выделить следующие этапы (фазы).

1. Фаза зарождения, которая охватывала период с VI по середину VIII в. (примерно два с половиной столетия), когда формировались основные элементы локальной цивилизации в обстановке переходного периода от античной к средневековой мировым цивилизациям, от первого ко второму историческому суперциклу, насыщенного хаосом и кризисами, великим переселением народов, становлением третьего поколения локальных цивилизаций.

2. Фаза становления (с середины VIII по конец X в., тоже около двух с половиной веков). Цивилизация охватила большую часть восточно-европейской равнины, обрела силу, оформилась государственность, освоена одна из мировых религий — православное христианство, расширились диалог и взаимодействие с соседними цивилизациями, активно действовали междоцивилизационные торговые магистрали — Великий Волжский путь, Волхов-Днепровский путь.

3. Фаза подъема, расцвета (XI — середина XII в., полтора столетия). Восточноевропейская цивилизация и представлявшее ее Древнерусское государство достигли расцвета, распространились на Русский Север, превратились в крупнейшую по территории европейскую державу, признанную другими государствами и цивилизациями, с которыми она развивала разносторонние контакты. Сформировались Киевская Русь и своеобразная Новгородская демократическая республика, основанная на рыночном хозяйстве, наблюдался расцвет культуры, строительства, религиозной жизни. Пик этой фазы приходится на период княжения Ярослава Мудрого.

4. Фаза кризиса и заката (середина XII — XV в.). Кризис вызван, с одной стороны, усилением феодальной раздробленности, кровопролитием и междоусобицей, а с другой — монгольским нашествием, разорением многих городов, гибелью значительной части населения, разрывом торговых путей, гибелью части культурных ценностей. Церкви и монастыри в этот

период оставались центрами сохранения цивилизационных ценностей. Границы Древнерусского государства резко сократились. Опорами восточнославянской цивилизации оставались Новгородская республика, Ростово-Суздальская и Владимиро-Суздальская Русь, но постепенно возвышалась Московская Русь, которая объединила русские княжества, в конце XV в. присоединила Новгород и Псков, Русский Север и покончила с вечевой демократией Новгорода, Пскова, Вятки. С XVI в., с царствования Ивана IV восточноевропейская цивилизация (жизненный цикл которой охватил почти тысячелетие) начала распространяться на Сибирь и трансформироваться в евразийскую цивилизацию, которая просуществовала, переживая неоднократные кризисы и потрясения, до конца XX в. — около половины тысячелетия.

Среди советских и российских историков нет единой точки зрения на этапы развития восточнославянской цивилизации.

Главнейшими признаками формирования локальной цивилизации является становление государства как очередного шага в социальной стратификации общества и создании общей системы ценностей (хотя затем эта система может претерпевать трансформацию).

Согласно И.Я. Фроянову, города-государства на Руси появились лишь в XI–XII вв., а до того преобладал родоплеменной строй: «Во второй половине X в. на территории Восточной Европы сложился огромный племенной суперсоюз (союз союзов), вобравший в себя практически все восточнославянские племена. То был общенациональный, если так можно сказать, союз восточных славян под гегемонией Киева, то есть полянской общины. Его образование означало высший этап развития родоплеменных отношений у восточного славянства и вместе с тем начало их упадка и разложения. Особенно интенсивным распад родоплеменных связей стал в конце X — начале XI в., в результате чего постепенно уступают место союзам территориальных общин, именуемых в летописях волостями и землями. Они состояли из главных городов, пригородов и прилегающих к ним сельских округ. Господствующее положение в этой системе занимала община главного города. Такого рода социально-политические об-

разования во многом схожи с городами-государствами древних обществ. В XI–XII вв. мы наблюдаем строительство городов-государств, или городских волостей. По мере их развития создавался механизм управления, конституировались властные органы, иными словами, шел процесс «мужания» городов-государств, представлявших собою республики с демократическим уставом» (Фроянов, 1992, с. 148). Власть князя ограничивалась городской общиной, что особенно ярко проявилось в Новгороде. «По нашему мнению, деятельность князя направлялась в немалой степени общиной в целом. Да изнатные новгородцы не противостояли рядовым, составляли с ними единую, еще не разделенную на классы социальную организацию» (Фроянов, 1992, с. 150). Этот вывод подтверждают события во время княжения Ярослава, который отказался платить дань киевскому князю Владимиру и боролся за киевский престол, опираясь на поддержку новгородского вече. После захвата Киева Ярослав щедро одарил новгородцев, а главное — выдал им грамоту, закреплявшую сравнительную автономию и республиканский строй в Новгороде. Город получил право избирать посадника, а затем и епископа, приглашать (по сути дела нанимать) князя и расставаться с ним (по существу увольнять), если он нарушил клятву, данную на Ярославовой грамоте. Н.И. Костомаров высоко оценил значение этой грамоты. Ее можно сравнить с Великой хартией вольности, которая была принята в Великобритании двумя столетиями позднее.

И.Я. Фроянов подвергает сомнению положение об образовании единого восточнославянского государства Киевской Руси при поддержке новгородцев: «Захват Олегом власти в Киеве, начало его княжения в столичном граде полян рассматривается в исторической литературе как объединение Южной и Северной Руси в единое государство, восточнославянской державы — Киевской Руси» (Фроянов, 1988, с. 111). Так, Б.А. Греков обосновал тезис о существовании с IX в. большого и сильного Древнерусского государства, охватившего значительное пространство Восточной Европы (Фроянов, 1988, с. 112). В.В. Мавроди оценивал установление Олегом сборов с разных племен как деятельность не завоевателя, собравшего дань с покоренных наро-

дов, а как государственного участия, «определяющего повинности и обязанности своих поданных» (Фроянов, 1988, с. 113). П.П. Толочко подчеркивал, что «власть Киева распространялась не только на полян, древлян и северян, но и на новгородских славян, кривичей, радимичей, хорватов, угоричей, неславянские племена чуди и веда» (Фроянов, 1988, с. 115).

Представляется, что формирование первых государств, базировавшихся на городских центрах, на смешанной стратификации, подобной имущественному расслоению общества, произошло еще до похода Олега на Киев (а впоследствии и дальше — до Царьграда). Примерно в VIII в. сформировались первые такие центры на древнерусской территории, и их было не два, а значительно больше. Это Ладога и Новгород, боровшиеся за лидерство в Северо-Западной Руси, Смоленск, Гнездово, Киев — все они располагались по Волхов-Днепровскому торговому пути. Существовал еще один центр — Тмутараканское княжество в устье Кубани, принявшее наследие Русского каганата. Значение деяний Олега, а затем Игоря с Ольгой, Святослава, Владимира и в конечном счете Ярослава в том, что они шаг за шагом объединяли разрозненные городские центры небольших очагов государственности (с вечевой демократией и княжеской властью) в обширное государство, охватывавшее территорию восточнославянской локальной цивилизации.

Завершил этот процесс Ярослав, создавший своеобразную федерацию, объединившую Киев, Новгород и (после смерти Мстислава, владевшего не только Прикубаньем, но и Черниговом) Тмутаракань. Именно при Ярославе восточнославянская цивилизация достигла во второй четверти XI в. вершины своего жизненного цикла, а Древнерусское государство стало крупнейшей европейской державой, признанной другими европейскими государствами (о чем свидетельствуют брачные узы семейства Ярослава с Францией и другими европейскими странами).

Что касается наличия противоборствующих центров в рамках одной цивилизации, то такое положение было типичным для многих локальных цивилизаций. Вспомним войны между Афинами и Спартой в древнегреческой цивилизации, эпоху «воюющих царств» в истории

Благовещение.
Фрагмент мозаики Софийского собора в Киеве

китайской цивилизации, противоборство французских, германских и итальянских государств в период становления западноевропейской цивилизации и в эпоху раннего Средневековья.

Единство государства и цивилизации подкреплялось и закреплялось общностью цивили-

зационных ценностей. Это понимал Владимир, который сначала предпринял реформу язычества (с установлением главенства Перуна над Велесом, которого чтили новгородцы, и другими богами — подобно иерархическому политеизму греков), а затем принял православие и активно (порой насильственно) распространял его по всей территории Древнерусского государства. Новгородцы долго противостояли этому и, не сумев добиться независимости и в области религии, отстаивали в конце концов право избирать епископа на вече.

1.2.3. Государственно-политическое устройство

Политико-административное устройство в разных частях Древнерусского государства было неодинаковым. Всюду имелись типичные

Ярославово дворище. Великий Новгород

государственные институты: князь со своей дружиной и администрацией; народное собрание (вече); совет старейшин с местным самоуправлением; архиепископ или епископ, участвующий в политических делах и опиравшийся на сеть монастырей и приходов. Однако весомость этих институтов была неодинаковой. Если в Киеве и других русских княжествах власть князя была решающей (хотя бывали случаи, когда он был вынужден уступать решениям вече), то в Новгороде и его пригородах (Пскове, Старой Руссе, Вятке) центр тяжести власти был у демократических институтов. Вече избирало посадника, епископа. В.Л. Янин ставит знак равенства между посадниками ранней поры и князьями, получившими власть над Новгоро-

дом из рук вече. Между понятиями «новгородский князь» и «новгородский посадник» была незначительная разница, которая вызывалась разной важностью понятий» (Фроянов, 1992, с. 206–207). Между князем и посадником нередко возникало противоборство, не всегда завершавшееся в пользу князя.

Неодинаковым было и политико-административное устройство составных частей Древнерусского государства. Если в большей части княжеств Центральной Руси отдельными городами (и их окрестностями) правили назначенные из Киева (или оставленные по наследству) князья либо назначенные ими посадники (при сохранении вечевого самоуправления в городах и селах), то в Новгородской республике соотношение было иным.

В Великом Новгороде имелись «концы» и «пятны» (представлявшие интерес отдельных частей города и Новгородской земли) и окрестные территории, включая волости и пригороды. Это была своеобразная демократическая республика (хотя и с княжеской властью), а политико-административное устройство представляло собой что-то вроде союзов Великого Новгорода, городов (включая пригороды) и волостей. Причем такой своеобразный строй продержался около трех с половиной столетий, до 1480 г., когда Иван III покончил с независимостью и демократическим республиканским устройством Новгорода и Пскова.

Следует отметить, что хотя в средневековой Европе существовали союзы торгово-ремесленных городов (вроде Ганзы) со своеобразным конфедеративным устройством (Ганза даже вела войну с Данией и победила в этой войне), но столь обширной и длительно существовавшей демократической республики в средневековой Европе не было (как и на других континентах). Так что говорить о том, что Россия впервые в конце XX в. получила демократический строй, к которому она не привыкла, — значит проявлять историческое невежество. В России в XI–XIV вв. уже имелся длительный исторический опыт демократического устройства на базе развитой системы рыночных отношений.

Республиканский демократический строй и сравнительная независимость от Киева еще

более укрепились после изгнания князя в 1136 г. Это событие Б.Д. Греков называет революцией, окончательно утвердившей республиканский строй. Хотя князья остались, положение их изменилось: они стали одним из институтов республиканского устройства.

И.Я. Фроянов отмечал: «По нашему убеждению, князь в Новгороде до памятных происшествий 1136–1137 гг. противостоял республиканским органам лишь в той мере, в какой сохранял зависимость от Киева, и постольку, настолько являлся ставленником киевского князя. Во всем остальном он был составным звеном республиканского административного аппарата. Утратив полностью качества наместника, новгородский князь стал олицетворением республиканского органа власти, это и вызвало его известное возвышение» (Фроянов, 1992, с. 208).

Политическая независимость Новгородской республики от Киева еще более укрепилась в период монгольского нашествия и подчинения Золотой Орде. Новгородская земля оставалась единственным крупным государственным образованием на территории восточнославянской цивилизации, которому удалось избежать опустошительного нашествия монгольских войск, хотя и пришлось признать вассалитет в составе Золотой Орды и выплачивать ей крупную дань.

Вместе с тем сплоченность новгородского общества, обусловленная борьбой за независимость от Киева, ослабевала по мере того, как новгородцы приобретали «свободу в князьях». Эту тенденцию отмечает В.Л. Янин: «Условия, которые возникли после Всеволода в 1136 г., в сильнейшей степени способствовали углублению политических противоречий внутри новгородского боярства».

Борьба шла не только между партиями, поддерживавшими тех или иных князей, но и между группами бояр и купцов, заинтересованных в развитии торговли с Востоком и Югом, — по пути «из варяг в персы» или «из варяг в греки». Однако борьба политических партий той или иной княжеской ориентации не исключала противоречий и борьбы между различными классами и социальными слоями внутри новгородского общества.

1.3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН С ДРУГИМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Рассмотрим теперь место восточнославянской цивилизации в геоцивилизационном пространстве Средневековья, ее контакты и взаимодействие с другими цивилизациями третьего поколения — Запада и Северо-запада, Юга и Востока.

1.3.1. Транзитное положение цивилизации и речные магистрали

Восточнославянская цивилизация занимала своеобразное, можно сказать транзитное положение в системе цивилизаций третьего поколения Старого Света (регулярные пути в Новый Свет в эпоху Средневековья еще не были проложены; за пределами регулярных контактов оставалась и Океания).

По своему географическому положению восточнославянская цивилизация занимала обширное пространство в центре евразийского континента, не выходя, однако, за пределы Уральских, Кавказских и Карпатских гор. К востоку и юго-востоку от нее находились две крупнейшие и древнейшие цивилизации того времени — китайская и индийская. С Востока периодически прокатывались на Запад через Восточнославянскую равнину и Северное Причерноморье волны кочевников — гунны, венгры, половцы, затем монгольские полчища. Но и с Запада и Северо-Запада на Восток проходили или оседали здесь племена славян.

Через территорию нынешней Европейской России текли могучие реки к Каспийскому, Черному, Балтийскому, Белому морям, Северному Ледовитому океану. Причем истоки рек, текущих на юг и север, были расположены так, что возможно было перетаскивать суда волоком из одного бассейна в другой. А реки в эпоху Средневековья, особенно в ее начале, были главными транспортными артериями, магистралями товарного обмена и диалога между племенами, государствами и цивилизациями. Здесь пролегли три великие транспортные системы: Балтийское море — Нева — Ладога — Волхов — Днепр — Черное море («путь из варяг в греки»); Балтийское море — Нева — Волхов — Волга — Каспийское

море (Великий Волжский путь, или «путь из варяг в персы»); ответвления этих путей — через Дон и Азовское море на Черное море пересекались с Великим шелковым путем. Кроме того, по рекам Русского Севера — Каме, Северной Двине и Печоре — шли потоки пушнины, главного экспортного товара Новгородской республики. Мы называем этот путь Великим пушным путем.

Шведский историк А. Стриннгольм так описывает значение Волги и других речных путей этого региона для развития международной торговли в раннем Средневековье: «Великая река Волга, пересекавшая большую часть Европейской России и после 4500 верст течения впадающая в Каспийское море, почти везде судоходна — от устьев до истоков своих в Тверской губернии. Посредством этой реки в позднейшее время Тверь, Казань и Астрахань вели важную торговлю с Персией и другими местами Азии. Она в своем течении, в числе других судоходных рек, принимает и Каму..

Волга и Каспийское море открывали булгарам путь в страны, лежащие на юге и востоке от Каспийского и Аральского морей, в Персию, Бухару и Индию; близость Дона и Черного моря обеспечивали торговлю с Греческой империей и Италией; Вятка и Кама и соединенные с ними реки приводили булгар в сообщение с Северной Европой, а Верхняя Волга обеспечивала связь с западными и северо-западными племенами России... Последними звеньями в этой цепи торговых отношений, далее к Ледовитому океану, были торговые места при истоках Печоры и Двины» (Стриннгольм, 2002).

Речные системы Восточной Европы играли тройную роль в становлении восточнославянской цивилизации.

Во-первых, они были источниками земледелия в плодородных поймах рек, давали богатые уловы и служили местами для строительства племенных центров, из которых потом развивались ремесленные и торговые центры Древней Руси, цивилизационные узлы.

Во-вторых, они способствовали укреплению взаимосвязей между соседними племенами и союзами племен, а затем древнеславянскими княжествами и государствами, благоприятствовали формированию основных звеньев локальной цивилизации.

Новгородский торг. Миниатюра XVI в.

В-третьих, они служили магистралями торгового обмена и диалога между цивилизациями Европы, Азии, Византии, что давало возможность взаимного обогащения опытом, получения транспортной и торговой ренты, вело к подъему экономики и культуры древнерусских княжеств и государств. Значение таких взаимосвязей подчеркивал американский историк У. Мак-Нил: «Контакты между цивилизациями, существовавшими в одно и то же время... призваны изменить сумму и разнообразие знаний и технологий, присущих каждой цивилизации, и повлиять на общую картину взаимопроникновения культур» (Мак-Нил, 2004).

1.3.2. Волны взаимодействий народов и цивилизаций в Восточной Европе

На протяжении своей тысячелетней истории восточнославянская цивилизация активно взаимодействовала в различных формах (от диалога, торгового обмена, сотрудничества, взаимопроникновения и ассимиляции до столкновений, вторжений и покорений) с соседними народами и цивилизациями. Это взаимодействие разви-

валось неравномерно, волнообразно, то усиливалось, то затухало и имело разные географические векторы — западный, северо-западный, южный, восточный.

Первая волна взаимодействий относится к V–VII вв., когда происходило великое славянское переселение: славянские племена, находившиеся в Центральной Европе (пражско-корчаковская и пражско-пеньковская археологические культуры) и вытесняемые сначала гуннами, а затем германцами, двинулись на восток в поисках новых земель. Это движение получило у историков название Великое славянское переселение. Оно завершилось обособлением трех групп славянских племен — западных, южных и восточных с постепенно нараставшими языковыми и этническими различиями, различными путями исторического развития, чему способствовало взаимодействие с местными племенами и народами. «После начала VII в. в Европе пошел процесс разобщения славян, их стали разделять конфессиональные особенности, своеобразие языковых диалектов, различные пути исторического развития. Отдельные союзы славян с каждым десятилетием все дальше уходили на юг и северо-восток от древней колыбели славянства» (Гудзь-Марков, 2005).

Добавим, что обособлению отдельных ветвей славянства способствовало постепенное формирование государственности — сначала в виде союза племен, протогосударств, а затем и образование государств в составе разных цивилизаций — восточнославянской и восточно-европейской.

Нас в данном случае интересует процесс зарождения и формирования восточнославянской цивилизации на обширных пространствах, куда переселились племена и союзы племен волян, полян, кривичей, дреговичей, ильменских славян, радимичей, вятичей. На этих территориях они встретили аборигенов — преимущественно финно-угорские племена, а в Северном Причерноморье — город Херсонес, следы Боспорского царства и греческого города-полиса Ольвии. В низовье Днепра и Дуная продвинулись славяне-анты, которых многие историки считают предтечами Киевской Руси.

В V–VII вв. отдельные славянские рода и объединения родов стали продвигаться к севе-

Н. Рерих. «Заморские гости»

ру от земель полян и волынян. Их пути прошли руслами рек Днепр, Березина. Далее славяне перебрались в бассейны рек Немок и Западная Двина. На северо-востоке славяне в VI–VII вв. стали проникать на Верхнюю Оку, преодолев «оковский лес» водораздела между Западной Двиной и Волгой.

В этом регионе, заселенном финно-угорскими племенами, было много свободных, пригодных для земледелия земель в поймах многочисленных рек. Такие земли заселялись и осваивались в основном мирным путем. Но иногда возникали стычки с местными племенами. Контакты с ними позволили славянам адаптироваться к новым условиям существования, освоить технологии использования местных ресурсов. Между племенами славян и местными племенами осуществлялся активный обмен, заключались смешанные браки. Это приводило в ряде случаев к ассимиляции местных племен и возникновению новых этносов. Результатом этого процесса дезинтеграции славянства и колонизации обширных территорий по руслам рек и в между-

речьях стало становление на этой территории основ восточнославянской цивилизации.

Вторая волна взаимодействий приходится на VI–VIII вв. В ней преобладает восточный вектор, на восточные и южные регионы славянских племен надвигаются Тюркский, а затем Хазарский каганаты.

В середине VI в. регион стал составной частью Тюркского каганата. «Добившись власти над всей зоной евразийских степей от Волги до Хингана, тюрки в 60-х гг. VI в. завоевывают находившуюся ранее под властью эфталитов Среднюю Азию до Амударьи, столкнувшись там с сасанидским Ираном. В следующем десятилетии, когда авары, разгромив антов-полян, уже прочно обосновались в Среднем Подунавье, власть дома Ашина на западе достигает Приазовья и Кавказа, а на востоке — Хуанхэ и Уссури. А в результате к началу 80-х гг. Тюркский каганат впервые в истории объединил под своей властью практически всю зону евразийских степей, подчинив и целый ряд прилегавших к ней областей древних цивилизаций, прежде всего Согд с Маракандой (Самаркандом) и Бухарой — ключевыми городами на центральной тропе Великого шелкового пути. Бла-

годаря этому они оказались заинтересованными в налаживании бесперебойной трансевразийской торговли от Китая до Византии... Тюркский каганат оказался первой великой евразийской державой, одновременно граничившей и находившейся в непосредственных военно-политических и торговых связях со всеми великими цивилизациями того времени» (Павленко, 1996, с. 317–318). К этой блестящей характеристике, данной Ю.В. Павленко Тюркскому каганату, стоило бы добавить, что он не был одной из локальных цивилизаций третьего поколения; его можно характеризовать как одну из протоцивилизаций, которые нередко возникают в переходные исторические эпохи.

Тюркский каганат, охватывая столь обширные и разнообразные по цивилизационному составу территории, не мог не быть разнородным, весьма пестрым по национальной и конфессиональной структуре государством. Верхушка каганата в конце VI в. в качестве государственной религии приняла буддизм, способствуя расширению его ареала в мире. В то же время в Средней Азии появились первые христианские общины (несторианцев и манихеев). «Контакты кочевых этносов с великими цивилизациями раннего Средневековья не были односторонними. Имело место и обратное влияние, которое выразилось прежде всего в широком распространении определенных комплексов предметов убранства верхового коня и вооружения, сложившихся в кочевой среде» (Павленко, 1996, с. 318). Надо полагать, что взаимовлияние цивилизаций не сводилось только к этому.

Тюркский каганат просуществовал по историческим меркам недолго. К началу VII в. он распался на Восточно-Тюркский и Западно-Тюркский каганаты. Значительная часть Северного Причерноморья тогда же оказалась под властью Хазарского каганата, просуществовавшего до конца X в. в низовьях Волги, Приазовья и части Крыма (столицей этого государства с начала VIII в. был Итиль на Нижней Волге). В это же время степи Приазовья завоевала Великая Болгария, которая распалась потом под ударами хазар. Г.В. Вернадский отмечал роль Хазарского каганата во взаимодействии цивилизаций: «Хазарское государство, основанное на северокавказских землях и в регионе Южной Волги, широко

использовало свое географическое положение и стало мостом, через который возможно было осуществлять оживленные коммерческие отношения между арабами и севером... Основное ядро хазарского государства включало в себя северокавказскую территорию и треугольный выступ к северу между Нижним Доном и Нижней Волгой... Черноморское побережье от устья Кубани до Керченского пролива может быть принято за участок западной границы Хазарского государства. Боспор (Пантикапей, Керчь) занимал хазарский гарнизон» (Вернадский, 2004, с. 219, 227–228).

Хазарский каганат поддерживал тесные связи с Византией, выступая вместе с ней против стремительно продвигавшегося на восток Арабского халифата. Однако затем хазары, правители которых приняли иудаизм (хотя в целом каганат был многоконфессиональным государством), вступили с Византией в противоборство как в Приазовье, так и в Крыму, где к тому времени было распространено христианство. Население Таврии сопротивлялось хазарам; одно из восстаний возглавил Иоанн Готский, глава Готской христианской епархии. Византия и ее сторонники одержали верх и постепенно вытеснили хазар из Крыма. В 964–965 гг. ослабевший Хазарский каганат был разгромлен киевским князем Святославом Игоревичем, так и не успев стать полноценной локальной цивилизацией.

Результатом второй волны взаимодействий стало формирование крупного славянского государства Русского каганата, который занимал обширную территорию от низовьев Кубани и Таманского полуострова (позднее славянское княжество Тмутаракань) до среднего течения Днепра. Князь киевский Владимир принял титул кагана (императора), считал себя наследником Русского каганата.

О Русском каганате в письменных источниках сохранились противоречивые сведения. По мнению Г.В. Вернадского, это государственное образование появилось в Приазовье в середине VIII в. Основы его заложили скандинавские дружинники, смешавшиеся с местными племенами ассов и россов. Первоначально Русский каганат был вассалом Хазарского, но в 825 г. правитель Русского каганата присвоил себе титул кагана и тем самым заявил претензии на независи-

мость. «Русский каганат того периода являлся сильной державой того же типа, что и государства хазар и волжских булгар, то есть имевшей главной целью контроль над важными путями международной торговли» (Вернадский, 2004, с. 239).

Недолгую историю Русского каганата исследовал В.В. Седов (Седов, 2005, с. 693–703). Г.В. Вернадский подчеркивает роль Русского каганата и Тмутаракани: «Сельское хозяйство достигло значительного прогресса на территории всей Руси на протяжении VIII и IX вв. Что касается торговли, то Тмутаракань в IX в. оставалась более важным центром, нежели Киев, и она сохраняла свои позиции даже в начале киевского периода... С политической, так же как и со стратегической точки зрения, Тмутаракань в десятом веке была столь же важна, как и Киев... Поход Владимира на Крым в 989 г. в какой-то мере был мотивирован его стремлением овладеть Тмутараканью.

Характерно то, что после Крымской кампании Владимир присвоил себе титул кагана, который сохранил за собой и его сын Ярослав. Таким образом, правители Киева стали политическими преемниками русских каганов Тмутаракани. Использование титула кагана ясно демонстрирует широту их политических интересов, а также их мечты о создании империи» (Вернадский, 2004, с. 371).

Третья волна взаимодействий (VIII–IX вв.) шла с северо-запада, со Скандинавии двумя потоками. Один поток — многочисленные отряды варягов (викингов), которые захватили Ладогу, проложили путь «из варяг в греки», основали ряд городов на этом пути; другой поток — морские экспедиции варягов (в данном случае преимущественно норвежских мореплавателей) на Карельский полуостров, в устье Двины, в Великую Пермь.

Многие западные историки сильно преувеличивают роль варяжских походов в цивилизационном развитии Древней Руси. Так, шведский историк Андрес Стриннгольм писал: «Куда ни приходили норманны, везде они основывали новые государства, они всюду приносили с собой ту же любовь к наукам и искусству, то же стремление к образованию, которые еще во время переселения народов отличали готские

племена от многих других» (Стриннгольм, 2002, с. 279–281).

«В первые столетия существования русского государства при Рюрике, Олеге, Игоре, Святославе, Владимире Великом и Ярославе варяги составляли главную военную силу Руси» (Стриннгольм, 2002, с. 280).

В действительности восточные славяне и варяги находились примерно на одной и той же стадии цивилизационного развития. Славянские протогосударственные образования сложились здесь еще в VII–VIII вв., задолго до прихода Рюрика. Варяжские дружинники находили себе русских жен и во втором-третьем поколении ассимилировались со славянами (примером может служить жена Игоря — псковитянка Ольга, ее сын Святослав). В Великом Новгороде варяги составляли сравнительно небольшую часть населения и по уровню грамотности (судя по характеру найденных берестяных грамот), не превосходили, а скорее уступали новгородцам. Да и располагался князь с дружиной за стенами Великого Новгорода, в городище.

Тем не менее варяжская волна имела положительное значение для становления восточнославянской цивилизации, укрепления ее государственности и военной мощи, расширения ареала и обогащения культуры.

Четвертая волна взаимодействий шла с юга. Она может быть названа византийской (а через Византию шло освоение наследия античного Средиземноморья). Походы Олега, Игоря, Святослава под стены Царьграда (Константинополя) обычно завершались договорами, которые создавали благоприятные условия для торговли Киевской Руси с Византией.

Современные взгляды на формирование восточнославянской цивилизации, на ее истоки и взаимодействие культур в процессе ее становления, как было показано выше, существенно отличаются от преобладавших в советский период взглядов.

Ведущую роль в судьбе Северного Причерноморья в VII–IX вв. стала играть Византия — православная цивилизация третьего поколения, прямая наследница греко-римской цивилизации второго поколения (второй ее «дочерью» была западноевропейская христианско-католическая цивилизация). Греческие колонии в При-

черноморье автоматически попали в сферу влияния Восточной Римской, а затем Византийской империи. Византия укрепила свои позиции в Приазовье и на Таманском полуострове, в Крыму, вытеснив оттуда Хазарский каганат.

Опорным пунктом византийского влияния стал Херсонес (переименованный в Херсон). Он был «ремесленным, торговым и культурным центром Юго-Западного Крыма, заселенного преимущественно земледельческим населением... единственным в Северном Причерноморье массовым производителем вина, и это должно было приносить значительный и твердый доход» (Стринггольм, 2002, с. 84–85). Это также был центр христианского влияния в Северном Причерноморье; Херсон играл важную роль в политической жизни Византии. В 695 г. туда был сослан низложенный император Юстиниан II. В 705 г., взяв Константинополь, Юстиниан II вновь стал императором и послал огромное войско (до 100 тыс. солдат) для осады Херсона. Город выдержал осаду, объявил Юстиниана II низложенным и провозгласил новым императором Филиппа. «В этих событиях Херсон вступает в борьбу с центральным правительством, ведет независимую внешнюю политику,

заключая международные соглашения (с хазарами), фактически свергает одного и сажает на престол другого императора» (Экономцев, 1992).

В 30-х гг. IX в. на базе Херсона была создана византийская фема — военный округ, охватывавший весь Крым (Дикий, 2007). Там возводились новые крепости и укреплялись прежние. Строились пещерные города и монастыри, среди которых наибольшую известность приобрел Мангуп. Это сильно укрепленное поселение в горах на юго-западе полуострова в период следующей волны взаимодействий, в XIII в., стало центром православно-христианского мангупского княжества Феодоро.

После принятия православия князем Владимиром в Киевскую Русь хлынул поток миссионеров, архитекторов, купцов, государственных и военных советников, создавались православные церкви и монастыри, распространялась грамотность. Православие способствовало укреплению торговых связей, освоению наследия античной цивилизации, укреплению позиций Киевской Руси — крупнейшего европейского государства того времени. Об этом свидетельствуют браки дочерей Ярослава Мудрого с рядом представителей королевских семей Европы (Франции, Швеции).

Юстиниан в окружении придворных. Настенная мозаика. 546 г.

Пятая волна взаимодействий охватывает период XI–XIII вв. и носит многовекторный характер. Она происходила в нескольких направлениях. Новгородская колонизация Севера расширила связи с местными финно-угорскими племенами, лопарями, саами, хантами, а со временем завершилась ассимиляцией ряда племен и народностей и формированием нового этноса — полгоров. На Западе усилились контакты и столкновения со шведами (сражения Александра Невского), с немцами (с Тевтонским орденом). С Востока с развитием Великого Волжского пути значительно выросли разнообразные взаимосвязи с Булгарией, а через нее — с Арабским халифатом и Индией: «Русские купцы посещали землю болгаров... возили они свои товары по Волге в Булгар и Итиль, или Атель, город при впадении Волги в Каспийское море» (Стриннгольм, 2002). Ладожцы ездили по торговым делам в Грецию, в Константинополь и Испанию.

Следующая, **шестая волна взаимодействий** характеризуется мощным разрушительным потоком с Востока. На время он прервал движение по великим речным путям. Кочевая монгольская цивилизация, достигшая пассионарного взрыва в XIII–XIV вв., под водительством Чингисхана и его сыновей мощным потоком устремилась на Запад, сметая все на своем пути. Большинство русских городов были захвачены или разрушены, десятки тысяч жителей убиты, уведены в плен либо убежали в леса и болота, экономика подорвана.

Из крупных городов уцелели лишь Новгород и Псков, но и они были вынуждены платить тяжелую дань Золотой Орде. Остальные русские княжества оказались в кабальной зависимости от Золотой Орды. Торговые связи по Великому Волжскому пути постепенно восстанавливались, но до прежнего размаха торговли было далеко.

В этот период усилилось восточное влияние на славянскую цивилизацию, расширились ее контакты с Золотой Ордой, а после ее распада — с Казанским, Астраханским и Крымским ханствами. Восстанавливались связи с западноевропейской цивилизацией, прежде всего через генуэзские колонии в Северном Причерноморье.

С начала XIII в. расстановка сил в Причерноморье коренным образом изменилась. На сцену

истории вышли новые действующие лица — монгольская цивилизация в лице Золотой Орды, а затем Крымского ханства, западноевропейская цивилизация, представленная сетью генуэзских колоний, а к концу периода — мусульманская цивилизация — Османская империя, захватившая Византию, а затем и Крым. Сошла со сцены Византия, потеряла свои позиции восточнославянская цивилизация, христианство на большей части региона уступило место исламу.

Воспользовавшись тем, что Византия ослабла в войне с крестоносцами (которые в ходе Четвертого крестового похода в 1202–1204 гг. овладели Константинополем), Генуэзская республика, ставшая к тому времени достаточно сильной, добилась права беспопытной торговли в Северном Причерноморье. Генуэзцы основали ряд крепостей на местах бывших греческих колоний — Кафу (на месте Феодосии), Солдайю (на месте прежней Сугдеи, на Руси этот город был известен как Сурож, теперь — Судак), Боспоро (на месте Пантикапея, нынешней Керчи), Тану (недалеко от прежнего Танаиса в устье Дона) и др. Торговые связи Руси с этими городами были столь активны, что полностью не прервались даже после установления золотоордынского владычества. К середине XIII в. в результате завоевательных походов Чингисхана и его потомков сложилась огромная империя монголов, простиравшаяся от Тихого океана до Черного моря. «Сложилась ситуация, когда торговые караваны из Китая и Центральной Азии достигали черноморских портов, не покидая пределов одного государства» (Стриннгольм, 2002, с. 99–100).

Одной из крупных составляющих империи монголов стала Золотая Орда. Центром генуэзской торговли стала Кафа, достигшая расцвета в XIV в., как и другие итальянские города-республики.

Они поддерживали тесные связи с первой столицей Крымского улуса Золотой Орды — Солхат-Крымом (откуда и пошло название «Крым»), который был одним из крупных центров диалога и взаимодействия цивилизаций. «В памятниках Солхат-Крыма явственно проявились культурные веяния, принесенные из Египта, Хорезма, Ирана, Месопотамии... Стремительное развитие и широкая известность Сол-

хата... были получены им прежде всего благодаря тому, что во второй половине XIII в. сюда стали стекаться товары из Поволжья и русских земель, с Кавказа и из Средней Азии, Индии и Китая. В начале XIV в. он стал центром изготовления золотоордынской филигрانی, развитые торговые связи позволили ему оказать заметное воздействие на хозяйственное и культурное развитие регионов Северного Причерноморья, Кавказа и Поволжья.

Город оказался включенным в систему торговых магистралей, идущих из глубины евразийского материка. Он был одним из пунктов грандиозной торгово-транспортной системы, созданной на огромных просторах, завоеванных монголами» (Стриннгольм, 2002, с. 108). Однако в 1395 г. Солхат-Крым (ныне поселок Старый Крым) был разгромлен войсками Тимура. Столица Крымского ханства была перенесена в высокогорный пещерный город Чуфут-Кале (у нынешнего Бахчисарая), а затем в Бахчисарай.

На севере взаимодействие цивилизаций развивалось через многообразные связи Великого Новгорода с Ганзейским союзом городов. «Ганза — торговый союз северогерманских городов — по существу новгородский рынок. Велась торговля

со скандинавскими странами: Данией, Швецией, Норвегией... Многие западноевропейские монархи и знатные особы носили шубы и шапки из ценных мехов горностая, соболя, куницы. Но самым ходовым товаром были беличьи шкурки... По подсчетам исследователя древней новгородской торговли А.Л. Хорошкевич, в XIV–XV вв. из Новгорода на Запад ежегодно вывозилось более полумиллиона шкурок» (Булатов, 2006, с. 58–59). Торговля была основой рыночной экономики Новгородской республики, а Великий пушной путь — главным источником дохода для новгородских купцов и бояр.

Восстановление торгово-экономических и культурных связей, диалога с цивилизациями Востока и Запада помогало возрождению восточнославянской цивилизации после тяжелейшей катастрофы. В XV в. лидерство в этих связях и в восстановлении политического единства постепенно перешло к московскому княжеству — в противоборстве с Новгородской республикой, Тверью и другими русскими княжествами. После падения Константинополя московский князь Иван III провозгласил себя царем, а Москву — Третьим Римом, то есть историческим наследником Римской и Византийской империй.

Глава 2
**ИСТОКИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

2.1. ПЛЕМЕНА СКИФСКОЙ ЭПОХИ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

2.1.1. Общая характеристика скифского периода в лесостепном регионе

С началом скифской эпохи в Восточноевропейской Лесостепи, от бассейнов Верхнего и Среднего Днестра на западе до бассейна Среднего Дона на востоке и особенно в ее украинском регионе получили широкое распространение элементы вещевого комплекса всаднической культуры, известной в науке под названием скифской (в частности, разнообразное вооружение, детали конской упряжи, предметы, оформленные в традициях так называемого скифского звериного стиля), а также подкурганный обряд погребения с элементами ритуала, свойственного евразийскимномадам.

Как это ни парадоксально, но для эпохи скифской архаики (рубеж VIII–VII — первая половина VI в. до н.э.) не Восточноевропейская Степь, где, следуя письменным источникам, должны были обитать пришедшие из глубин Азии и вытесненные киммерийцами скифы, а следовательно, должен был получить распространение скифский вещевой комплекс, а именно лесостепной ареал и прежде всего регион Украины, а также Северный Кавказ стали основным центром бытования этой культуры.

Что же касается степных областей Северного Причерноморья, то, как сейчас считает ряд авторов, они в архаический период не являлись основной зоной обитания скифов, во всяком случае до середины — второй половины VI в. до н.э.

К западу и востоку от Днепра, в основном по бассейнам крупных рек, которые в древности, как правило, были естественными границами расселения тех или иных племен, в XIX и особенно в XX в. были обнаружены и исследованы многочисленные погребальные памятники (более 2500 могил), более 260 городищ и почти 1000 открытых поселений-селищ, оставленных населением скифского периода (рубеж VIII–VII — начало III в. до н.э.) (рис. 2.1.1). Большое количество поселений, в том числе укрепленных, —

свидетельство многолюдности и высокой степени социальной консолидации Восточноевропейского Лесостепного региона.

Городища и селища сооружались, как правило, с учетом особенностей рельефа местности, в местах, удобных для обороны и ведения хозяйства. Чаще всего это возвышенные участки плато, окруженные балками и ярами, берега больших и малых рек.

Безусловно, большинство укрепленных поселений-городищ строилось по четко определенному плану. Размеры городищ разные: от небольших (1 га и более) до таких, что имеют десятки, сотни и даже тысячи гектаров.

Следует отметить, что традиции сооружения укрепленных поселений в лесостепной зоне имели место еще в доскифскую эпоху. Примерно в IX в. до н.э. появляются городища у племен чернолесской культуры Правобережного Поднепровья, на пограничье со Степью. В это же время или несколько позже возвели оборонительные сооружения племена культуры фракийского гальштата в Среднем Поднестровье. С VIII в. до н.э. немногочисленные городища известны и у племен бондарихинской культуры Днепровского Левобережья. Большинство исследователей связывает строительство оборонительных сооружений на поселениях с усилившейся в это время агрессией у степных племен, в частности киммерийцев. Нужно подчеркнуть, что городища предскифского времени в Лесостепи, как правило, имели небольшие размеры и являлись скорее временными убежищами в отличие от укрепленных поселений скифского периода, которые часто отличались не только значительной площадью, но и мощной системой обороны и были настоящими твердынями древности.

Наиболее известными городищами на территории Правобережной Лесостепи являются: Трахтемировское городище (более 500 га) в бассейне р. Рось (Ковпаненко, 1972), Мотронинское (около 200 га) в бассейне р. Тясмин (Бессонова, Скорый, 2001), Немировское (около 100 га) в бассейне р. Южный Буг (Смирнова, 1996). Самым крупным, но практически не изученным городищем скифского времени на Правобережье является Большое Ходосовское городище (более 2000 га) в Киевском Поднепровье (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 140). Ждет своего

* Автор раздела — С.А. Скорый, доктор исторических наук, Институт археологии НАН Украины.

Рисунок 2.1.1. Карта памятников скифской культуры в Северном Причерноморье: I — степные древности; II–XIV — локальные группы скифской культуры в Лесостепи
 Источник: В.А. Іллінська, О.І. Тереножкин, 1971

исследователя и огромное городище (площадь около 700 га) у с. Журжинцы, в междуречье Роси и Гнилого Тикича (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 150).

На Левобережье к числу наиболее известных городищ относятся: Бельское городище (более 4000 га), отождествляемое некоторыми исследователями с городом Гелоном, о котором сообщает древнегреческий историк Геродот (Шрамко, 1987), городище Полковая Никитовка (54 га) в бассейне р. Ворскла (Моруженко, 1973), Басовское (87 га) в бассейне р. Сула (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 330–332) и ряд других. В Левобережной Лесостепи, вблизи г. Переяслава-Хмельницкого, расположено крупнейшее (более 6000 га) и наиболее загадочное городище скифского времени Каратутльское (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 282).

Названные супергиганты — Большое Ходосовское, Бельское, Каратутльское городища, по-види-

мому, являлись крупнейшими межплеменными политическими, экономическими, культовыми центрами определенных регионов Лесостепи.

Сооружения большинства городищ относятся к VII–V вв. до н.э. Они имели прекрасно продуманную систему обороны в виде рвов, земляных валов, часто усиленных деревянными конструкциями. Остатки таких деревянных сооружений в системе обороны были открыты в частности на Трахтемировском, Мотронинском, Пастырском, Шарповском городищах на Правобережье Днепра, на Восточном укреплении Бельского городища, Люботинском и Кнышовском городищах на Левобережье, причем в двух последних случаях исследованию были подвергнуты районы въезда на городища (Шрамко, 1998, с. 19–20; Гавриш, 2000, с. 63). Есть мнение, что на Кнышовском городище в районе ворот располагалась привратная башня, изготовленная с использованием деревянных конструкций. В ряде случаев дополнительно эскарпировались склоны холмов, на которых сооружались городища.

Сохранившиеся остатки оборонительных сооружений и поныне поражают грандиозностью и величием. Так, высота земляных валов на Бель-

ском и Немировском городищах сейчас достигает 8 м. Ширина вала — иногда 25–35 м (Бельское, Мотронинское городища). Глубина рва Мотронинского городища — до 7 м, ширина рва Восточного укрепления Бельского городища — 8,2 м. Несомненно, в древности названные оборонительные сооружения имели еще более впечатляющие размеры, что делало некоторые из городищ практически неприступными. На многих городищах есть внутренние укрепления — своеобразные акрополи. Масштабы некоторых городищ скифской эпохи Лесостепи, особенно имеющих площадь сотни, а тем более тысячи гектаров и соответственно протяженную мощную систему обороны (как, например, на упомянутом Бельском городище), порождают по меньшей мере три следующих вопроса: 1) в связи с чем сооружались столь могучие укрепленные поселения; 2) какой человеческий потенциал был использован при этом; 3) как защищались подобные крепости, имевшие порой линии обороны, тянувшиеся на десятки километров.

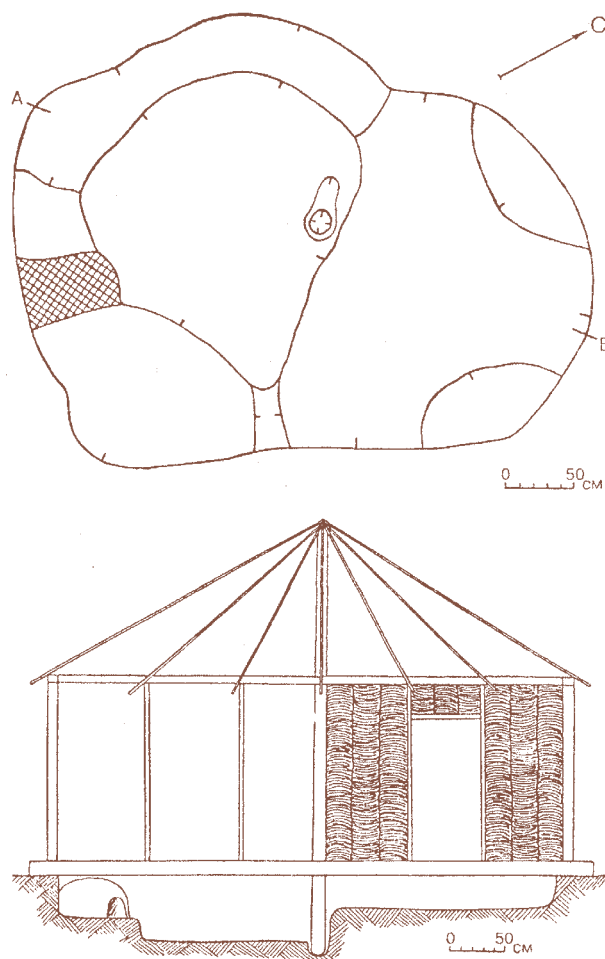
Нам представляется, что главным стимулом для сооружения подобных укрепленных поселений являлась реальная внешняя угроза, исходившая в первую очередь со стороны кочевого мира, угроза, консолидировавшая оседлое общество Лесостепи в те или иные отрезки времени. Несомненно, создателями трудоемких оборонительных сооружений были не только и не столько обитатели укрепленных поселений. Как правило, вблизи городищ концентрируются неукрепленные поселения — селища. Вероятно, и их жители, то есть обитатели сельской округи, принимали самое активное участие в строительных работах и последующем поддержании в должном порядке оборонительных валов, рвов и пр. В случае же военной опасности они с наиболее ценными вещами и скотом могли укрыться за стенами крепостей. По-видимому, и при обороне подобных крупных городищ привлекались и жители сельской округи. Вероятно, прав известный украинский археолог Б.А. Шрамко: «Направить массу людей на постройку такой большой системы укреплений, собрать и вооружить гарнизоны городищ, организовать их снабжение всем необходимым, постоянно поддерживать в хорошем состоянии дереvozемляные укрепления (то есть ремонтировать их не реже чем в 20–25 лет) можно было лишь при наличии

централизованной власти в период государственного образования» (Шрамко, 1987, с. 24).

При раскопках поселений открыты остатки жилищ, хозяйственных и культовых сооружений, которые составляли жилищно-хозяйственные комплексы или усадьбы. Взаиморасположение последних в силу недостаточной изученности многих поселений проследить практически не удастся. Тем не менее зафиксированы отдельные элементы планировки, например на Трахтемировском городище (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 15) и особенно на Кнышовском, где имела место кольцевая система размещения усадеб (Гавриш, 2000, с. 113–114). Жилища, открытые на поселениях, различаются по типам: наземные каркасно-столбовой конструкции с глинобитными стенами и срубы, а также полуземлянки и землянки (рис. 2.1.2). Срубные жи-

Рисунок 2.1.2. Полуземляночное жилище, исследованное на Люботинском городище в бассейне Северского Донца:
1 — план жилища; 2 — схема реконструкции

Источник: Б.А. Шрамко, 1998

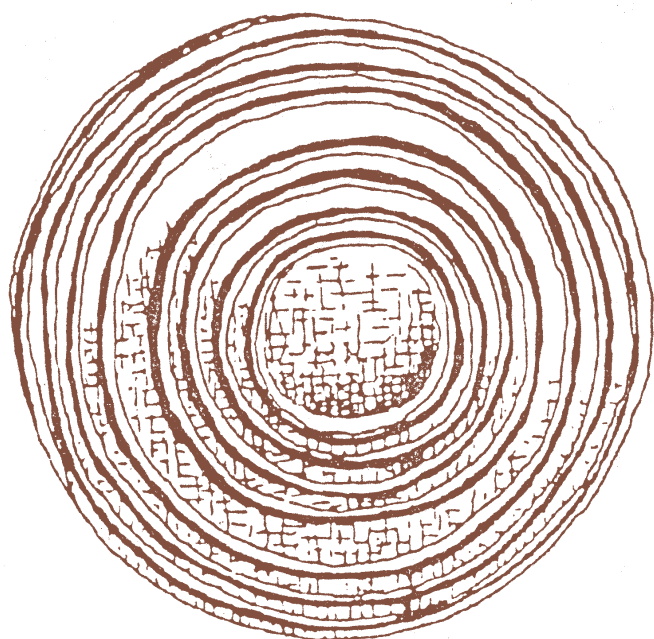

Рисунок 2.1.3. Глиняный жертвенник, найденный на Мотронинском городище

Источник: С.С. Бессонова, 1996

лица особое распространение имели в Левобережной Лесостепи. Размеры жилищ варьируют. В них встречаются остатки очагов или печей, земляные лежанки, хозяйственные сооружения. Остатки хозяйственных сооружений, часто в виде различных ям, нередко располагаются рядом с жилищами.

Для проведения религиозных обрядов жители городищ сооружали специальные жертвенники, в том числе из глины, нередко украшая их спиральным орнаментом (рис. 2.1.3). Подобные алтари найдены на Трахтемировском, Пастырском, Мотронинском городищах. На многих поселениях располагаются зольные холмы различных размеров, так называемые зольники, вероятно, связанные с культом домашнего очага.

В процессе раскопок городищ и селищ выявлены многочисленные находки, которые характеризуют различные стороны жизни древнего населения Лесостепи: посуда местного изготовления и импортная греческая, орудия труда, украшения, оружие, предметы культа и иные категории вещей (рис. 2.1.4).

Население Лесостепи хоронило своих покойников в могилах под курганными насыпями и в грунтовых могильниках. Последние, не имеющие внешних признаков, как правило, обнаруживаются случайно, в ходе строительной

деятельности современного населения. Их количество пока невелико. Наиболее известны грунтовые некрополи скифского времени: Пироговский в Киевском Поднепровье (Кубишев, Скиба, Скорый, 1995), у с. Грищенцы в Поросье (Петренко, 1962), Светловодский и у с. Заломы на пограничье Правобережной Лесостепи и Степи (Бокий, 1980; 1987). Курганные могильники расположены на возвышенностях и зачастую достаточно удалены от поселений. Количество курганов в могильниках различно: от нескольких насыпей до десятков и даже сотен.

В Правобережной Лесостепи во второй половине XIX в. были раскопаны могильники, которые насчитывали от 100 (около с. Берестняги в бассейне р. Рось) до 400 (возле с. Чубовка в бассейне р. Тясмин) курганов. На сегодняшний день крупнейший курганный могильник, в котором насчитывается более 400 насыпей, сохранился в лесистой местности вблизи с. Староселье в бассейне р. Тясмин (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 145–146, 150–151).

Не менее значительные могильники известны и в Лесостепном Левобережье, например в бассейне р. Сула, где отдельные курганные группы насчитывают более 100 насыпей (Ильинская, 1968), на р. Северский Донец (Люботинский могильник — более 500 насыпей) (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь, 1998, с. 143), могильник Большая Гамолыша — более 700 насыпей (Шрамко, 1968, с. 210). Наиболее грандиозным курганным могильником скифского времени на территории всей Восточноевропейской Лесостепи являлся, очевидно, могильник Скоробор возле Бельского городища, который еще во второй половине прошлого века включал в себя более 1000 насыпей (Шрамко, 1987, с. 141).

Курганы скифского времени в Лесостепи имеют разные размеры. В Лесостепном Правобережье их максимальная высота составляет 10–11 м. Наиболее крупными курганами в этом районе являются курган Перепятиха (11 м) (Скорый, 1990), курганы у сел Глеваха (Тереножкін, 1954) и Иванковичи (более 10 м) на Киевщине (Скорый, Солтыс, Белан, 2001).

В Левобережной Лесостепи самые высокие курганы сосредоточены в бассейне р. Сула. Некоторые из них действительно грандиозные, они имели первоначальную высоту 20 м и более

при диаметре более 50–60 м (например, Старшая Могила у с. Аксютинцы, курган возле хутора Шумейко, вблизи с. Волковцы) (Ильинская, 1968). По своим масштабам насыпи указанных курганов ни в чем не уступают величественным курганам скифской элиты IV в. до н.э. в степном Северном Причерноморье.

Насыпи большей части курганов сооружали из земли, иногда использовался камень. Некоторые из них имеют весьма сложную конструкцию, являясь поистине архитектурными сооружениями (например, курган Перепятиха). Часто вокруг курганов делали концентрические рвы и валы, тесно связанные с похоронно-поминальными церемониями.

Умерших хоронили под насыпями, на уровне древней поверхности или — что чаще — в ямах. Иногда могилы «впускали» в уже существующие насыпи. Гробницы различаются по устройству и размерам. Наряду с ямами небольшой площади, перекрытыми деревянным накатом, встречаются весьма большие, сложные сооружения

в виде деревянных склепов, срубов, «шатров». Бытовали два обряда погребения: ингумация и кремация. Доминировал обряд ингумации.

Исходя из религиозных представлений о существовании потустороннего мира, соплеменники помещали в могилу вместе с покойником различные предметы, которые сопровождали его при жизни (всевозможную посуду: керамическую, деревянную, металлическую, оружие — наступательное и защитное, украшения, предметы туалета, культа, орудия труда), а также пищу (главным образом мясную) и питье (нередко вино в греческих амфорах).

Захоронения воинов иногда сопровождалось погребениями боевых взнузданных коней или конским снаряжением, чудесно украшенным в традициях звериного стиля (например, знаменитые воинские курганы V в. до н.э. возле с. Журовка в бассейне Тясмина, Стеблевский могильник в Поросье). В последнее время удалось обнаружить средства металлической защиты боевого коня в виде наборного пластинчатого нагрудника (Скорый, Хохоровски, 2004, с. 50–53).

После завершения захоронения ближайшие родственники и соплеменники устраивали поминальную тризну, следы которой в виде скопленных обломков винных амфор, костей животных, некоторых предметов-подношений, кострищ нередко фиксируются возле могилы, в насыпи, во рву рядом с курганом.

Размеры погребальных сооружений, количество и ассортимент вещей, которые помещали в могилу, соответствовали прижизненному имущественному и социальному статусу покойников.

Общество Лесостепи скифского периода в социальном плане было достаточно дифференцировано. На фоне скромных по размеру и инвентарю могил рядового населения резко выделяются величественные курганы воинов-дружинников, знати, племенных вождей-«царей» (в них встречается большое количество оружия, конского снаряжения, украшений, многие из которых выполнены из золота, серебра), а также погребения зависимых особ, вероятно умерщвленных насильно. Такие, например, Посульские курганы в Левобережной Лесостепи, курганы Перепятиха, у сел Глеваха и Иванковичи, Большой Рыжановский в Правобережье.

Рисунок 2.1.4. Находки с Трахтемировского и Пастырского городищ

Источник: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, 1983

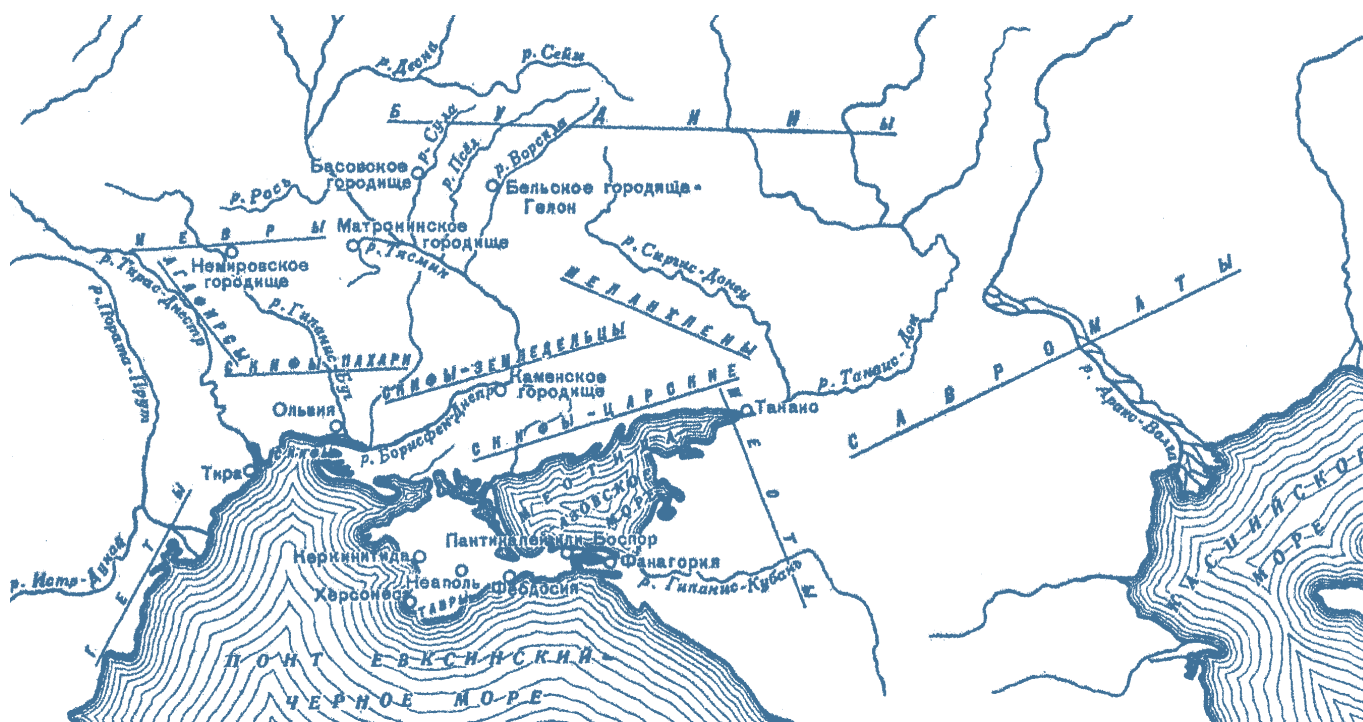

Рисунок 2.1.5. Карта расселения скифских племен по Геродоту

Источник: Б.Н. Граков, 1971

Основу хозяйства лесостепных племен составляли пашенное земледелие и животноводство, причем на некоторых территориях (например, в бассейне р. Тясмин на Правобережье) доминирующей отраслью хозяйства являлось животноводство. Культивировались просо посевное, ячмень пленчатый, пшеница мягкая, пшеница пленчатая или полба-двухзернянка, овес, рожь. Выращивались также бобовые — горох, фасоль и другие культуры. Просо, по-видимому, являлось преобладающей культурой на поселениях скифского периода Лесостепи. Наряду с полеводством, были, возможно, развиты садоводство и собирательство. Следы садоводства зафиксированы, в частности, на ряде поселений бассейнов рек Ворсклы и Северского Донца.

Племена разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней. Ведущую роль играл крупный рогатый скот, который по количеству особей на различных территориях занимал первое или второе место. В целом же на различных территориях Лесостепи наблюдаются определенные различия в процентном отношении между видами домашних животных, что, вероятно, связано как с природными условиями, так и с местными традициями. В определенной

степени были развиты охота и рыболовство. Имели место различные промыслы, в частности изготовление глиняной посуды, прядение и ткачество, обработка шкур, кожи, кости, рога, камня, дерева. Лесостепь Восточной Европы была одним из важнейших центров обработки черного и цветных металлов. На высоком уровне было развито бронзолитейное производство, следы которого встречаются практически во всех лесостепных поселениях. Для производства железа использовали местную болотную руду. Сырье же для бронзолитейного производства привозили, при этом нередко использовали лом бронзовых изделий, который шел на переплавку.

2.1.2. Об этногеографии и этнической принадлежности автохтонного населения Лесостепи

Несмотря на сходство по многим «общескифским чертам», археологические памятники на территории ряда районов Восточноевропейской Лесостепи имеют существенные локальные отличия, за которыми, по-видимому, кроется этнографическое (и этническое) своеобразие проживавших там племен. Эти отличия касаются и погребального обряда, и ряда элементов материальной культуры (например, особенности домостроительства, керамический комплекс и пр.). В свое время указанные различия позволи-

ли исследователям выделить в пределах Восточно-европейской Лесостепи ряд локальных групп памятников или вариантов культуры скифского типа. В настоящее время для Правобережной Лесостепи принято такое деление: 1) Киево-Черкасский регион (Киевское Поднепровье, бассейн Роси, бассейн Тясмина); 2) Восточноподольская (Верхнебутская) группа; 3) Западноподольская; 4) Волинская. На Левобережье выделяют: 5) памятники Приднепровской террасовой Лесостепи; 6) Ворсклинскую группу; 7) Посульскую; 8) Северскодонецкую; 9) памятники бассейна Среднего Псла; 10) памятники Среднего Дона (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 229–304). О различных племенах, обитавших в скифское время на лесостепных территориях Восточной Европы, сообщают и древнегреческие источники, и прежде всего Геродот в IV книге своей «Истории» (Herod., IV, 17–18, 20–21). В число этих племен, по Геродоту, входили: скифы-пахари (аротеры), живущие к западу от Днепра-Борисфена («которые сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи»); невры — северные соседи скифов-аротеров («имеют скифские обычаи»); андрофаги — восточные соседи скифов-аротеров (у них «самые жестокие нравы из всех людей; они не почитают справедливости и не имеют никакого закона; они кочевники, одежду носят похожую на скифскую, язык же у них особенный; из всех племен только они питаются человеческим мясом»); меланхлены, с которыми андрофаги граничили на востоке («носят черные плащи, от которых они получили свое название; обычаи же у них скифские»); скифы-земледельцы (георгой), жившие южнее андрофагов («их разделяет пустыня»); будины и гелоны («будины — племя большое и многочисленное; все они очень светлоглазые и рыжие; в их области выстроен деревянный город; название этого города — Гелон; будины — кочевники; гелоны земледельцы, питающиеся хлебом и имеющие сады; будины и гелоны говорят на разных языках и образ жизни у них не один и тот же»).

Несмотря на, казалось бы, определенные указания Геродота о месте проживания упомянутых племен, конкретная их локализация в Восточно-европейской Лесостепи и тем более соотношение их с выделенными локальными вариантами скифской культуры являются далеко не одно-

значными. Это объясняется трудностью идентификации некоторых рек Скифии, о которых сообщает Геродот, являющихся ориентирами в расселении тех или иных племен в определении границ «скифского квадрата» (Геродот представлял Скифию в виде квадрата, каждая сторона которого равна 20 дням пути, или 4 тыс. стадиев) и пр. Столь же непростым является и вопрос о соотношении указанных Геродотом племен с определенными этносами.

В скифоведении существует ряд карт расселения скифских племен и соседствующих с ними нескифских народов. Наиболее известные из них представлены в работах Б.Н. Гракова (рис. 2.1.5), М.И. Артамонова, А.П. Смирнова, В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина (рис. 2.1.6), Б.А. Рыбакова (рис. 2.1.7), Б.Н. Мозолевого и существенно различаются между собой по вопросу локализации упомянутых племен на территории Лесостепи (Граков, 1971, с. 14; Артамонов, 1949; Смирнов, 1966, с. 50; Іллінська, Тереножкін, 1971, карта 3; Рыбаков, 1979, с. 191; Мозолевський, 2005).

Пожалуй, с наибольшей определенностью локализуют скифов-пахарей и невров (Доватур, Каллистов, Шишова, 1982; Куклина, 1985; Нейхард, 1982). Первым большинство исследователей отводит земледельческие районы Правобережной Лесостепи, между Днепром и Южным Бугом, где располагаются поселения и могильники Киево-Черкасской и Побужской локальных групп (например, Либеров, 1951, с. 179; Іллінська, Тереножкін, 1971; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 36). Часть исследователей пытается сузить территорию скифов-пахарей, помещая их лишь в Лесостепное Побужье (Давня історія України, 1998, с. 84) или Буго-Днестровское междуречье, то есть область Западноподольской локальной группы памятников (Артамонов, 1949, с. 155; правда, в последней своей работе М.И. Артамонов высказал версию, что скифами-пахарями следует считать все оседлое земледельческое население Лесостепи Восточной Европы от Днестра до Дона, что, впрочем, не получило поддержки в скифоведении).

Еще со времени В.В. Хвойки доминирующей является точка зрения о праславянском этносе скифов-пахарей (Тереножкин, 1961, с. 228; Іллінська, Тереножкін, 1971, с. 37; 1983, с. 229;

Рыбаков, 1979, с. 31–37, 137–141; Етнічна історія давньої України, 2000, с. 108), хотя в последнее время высказывалось мнение о том, что это было сильно скифизированное фрако-праславянское население (Бессонова, 1998, с. 84). Впрочем, нужно отметить, что с праславянским миром ряд исследователей связывает и население предшествующего доскифского времени, в частности в Среднем Поднепровье, оставившее после себя так называемую чернолесскую культуру (Тереножкин, 1961, с. 243–244; Рыбаков, 1979, с. 225–228; 1981, с. 224; Мелюкова, 1989, с. 250–251; Давня історія України, 1998, с. 28; Етнічна історія давньої України, 2000, с. 88–89). Между тем некоторые исследователи являются сторонниками фракоязычности населения чернолесской культуры (Артамонов, 1953, с. 177;

Рыбалова, 1953, с. 225–226; Березанская, 1988), хотя большей популярностью все же пользуется идея о праславянстве носителей чернолесской культуры. Одним из существенных аргументов в пользу этой версии является то, что большинство архаических праславянских названий рек (гидронимов) связывается с территорией Днепровского Лесостепного Правобережья и бассейна Ворсклы (на левом берегу), где в доскифское время бытовала чернолесская культура (Трубачев, 1968).

Племена невров многие исследователи вслед за О.Н. Мельниковской (1967, с. 169–176) помещают в ареале милоградской культуры раннего железного века, охватывающей в основном Белорусское Полесье и некоторые северные районы Украины, в частности Киевское Поднепровье. Впрочем, были и иные попытки локализации невров: в области висоцкой культуры северной Галиции и Волыни (Артамонов, 1949, с. 160),

Рисунок 2.1.6. Карта расселения скифских племен по Геродоту

Источник: В.А. Ілїнська, О.І. Тереножкін, 1971

в Днепро-Днестровском междуречье, где им отводилась белогородско-чернолесская культура (Граков, 1971, с. 17, 120), в Правобережье Среднего Приднепровья (Третьяков, 1948, с. 30). Тем не менее данные точки зрения не получили столь широкой популярности, как версия о соотношении неуров с носителями милоградской культуры. По поводу этноса неуров существуют различные точки зрения. Преобладает версия об их славянской принадлежности (Мельниковская, 1967, с. 169–188; Нейхард, 1982, с. 118–120; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 232), хотя некоторые исследователи считают их балтами (Седов, 1977), балто-славянами и даже кельтами (Стрижак, 1988, с. 57–96).

Не прост вопрос о локализации скифов-земледельцев (георгой). Некоторые исследователи вслед за известным чешским славистом Л. Нидерле отождествляли их со скифами-пахарями (аротерами) и соответственно размещали прежде всего на Правобережье, в междуречье Днестра и Днестра, а также на Левобережье — на территории Ворсклинской локальной группы (например, Рыбаков, 1979, с. 46). Другие же полагают, что для подобного отождествления серьезных оснований нет. При этом некоторые из них видят областью обитания скифов-георгой Посульско-Донецкую Лесостепь (Ильинская, 1968, с. 174). Ряд авторов справедливо подчеркивает, что скифов-георгой невозможно оторвать от Нижнего Поднепровья, то есть их следует локализовать вовсе не в Лесостепи (Мелюкова, 1991, с. 5). А поскольку в этих районах отсутствуют земледельческие поселения VI–V вв. до н.э., то, по-видимому, прав известный лингвист В.И. Абаев, переводящий слово «георгой» не как «земледельцы», а как «разводящие скот» (1981). Следовательно, скифы-георгой — это скотоводы-кочевники, а не оседлые племена.

Достаточно противоречивы мнения о месте проживания андрофагов, ограничивавших Скифию с севера и граничивших на востоке с меланхленами. Б.Н. Граков отводил им территорию Днепровского Надпорожья (1971, с. 17), А.И. Тереножкин (1961) и Б.А. Рыбаков (1979, с. 97) помещали их севернее Припяти, в Средней Белоруссии, где в раннем железном веке обитали племена культуры штрихованной керамики. Остальные исследователи локализовали андрофагов преимущественно в Левобережной Лесостепи — в бассейне Сулы (Шрамко, 1962, с. 233), где В.А. Ильинская размещала скифов-георгой, в нижнем течении рек Сула, Псел и Ворскла (Либеров, 1969, с. 15), в Левобережной террасовой Лесостепи (Смирнов, 1966, с. 97), на Сейме (Моруженко, 1989, с. 31), в целом на Левобережье Днестра (Мельниковская, 1967, с. 170). Похоже, что М.И. Артамонов, признавая лесостепное место проживания андрофагов, отводил им Правобережье Днестра, а именно южную часть Поросья (Артамонов, 1949, с. 160).

Меланхленов, восточных соседей андрофагов, локализуют исключительно в Левобережной Лесостепи. Их размещают по Сейму, Верхней и Средней Десне, видя в них население юхновской культуры (Іллінська, Тереножкін, 1971, с. 35), что, впрочем, противоречит свидетельству Геродота о том, что меланхлены — северные соседи царских скифов (Мелюкова, 1989, с. 47), на Северном Донце (Граков, 1971, с. 160; Шрамко, 1975, с. 84; Куклина, 1985, с. 98) или Среднем Донце (Моруженко, 1989, с. 31), а также на Среднем Дону (Рыбаков, 1979, с. 121).

Об этносе андрофагов и меланхленов сказать что-либо определенное сложно. Первых некоторые исследователи считали финнами, хотя это и вызывает достаточно критическое отношение (Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 238). Спектр мнений об этнической принадлежности меланхленов более широк. Большая часть ученых видит в них, как и в андрофагах, финнов, хотя есть версия о праславянском или иранском этносе указанного народа (Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 352).

Вопрос о расселении будинов и гелонов и о расположении города Гелона является остродискуссионным. Пожалуй, помимо М.И. Артамонова (1949, с. 158) и И.В. Фабрициуса (1951, с. 67–68, 70–72), локализовавших упомянутые народы в Правобережье Среднего Поднепровья (бассейн Тясмина и в определенной мере — Роси), большинство современных ученых отводит им те или иные районы Левобережной Лесостепи. Будинов помещают либо на территории конкретных локальных групп скифской культуры, в частности Среднедонской (Либеров, 1969, с. 5–26; Граков, 1971, с. 14), при этом П.Д. Либеров в рамках этой группы вместе с будинами размещал и гелонов, а В.А. Ильинская расширяет тер-

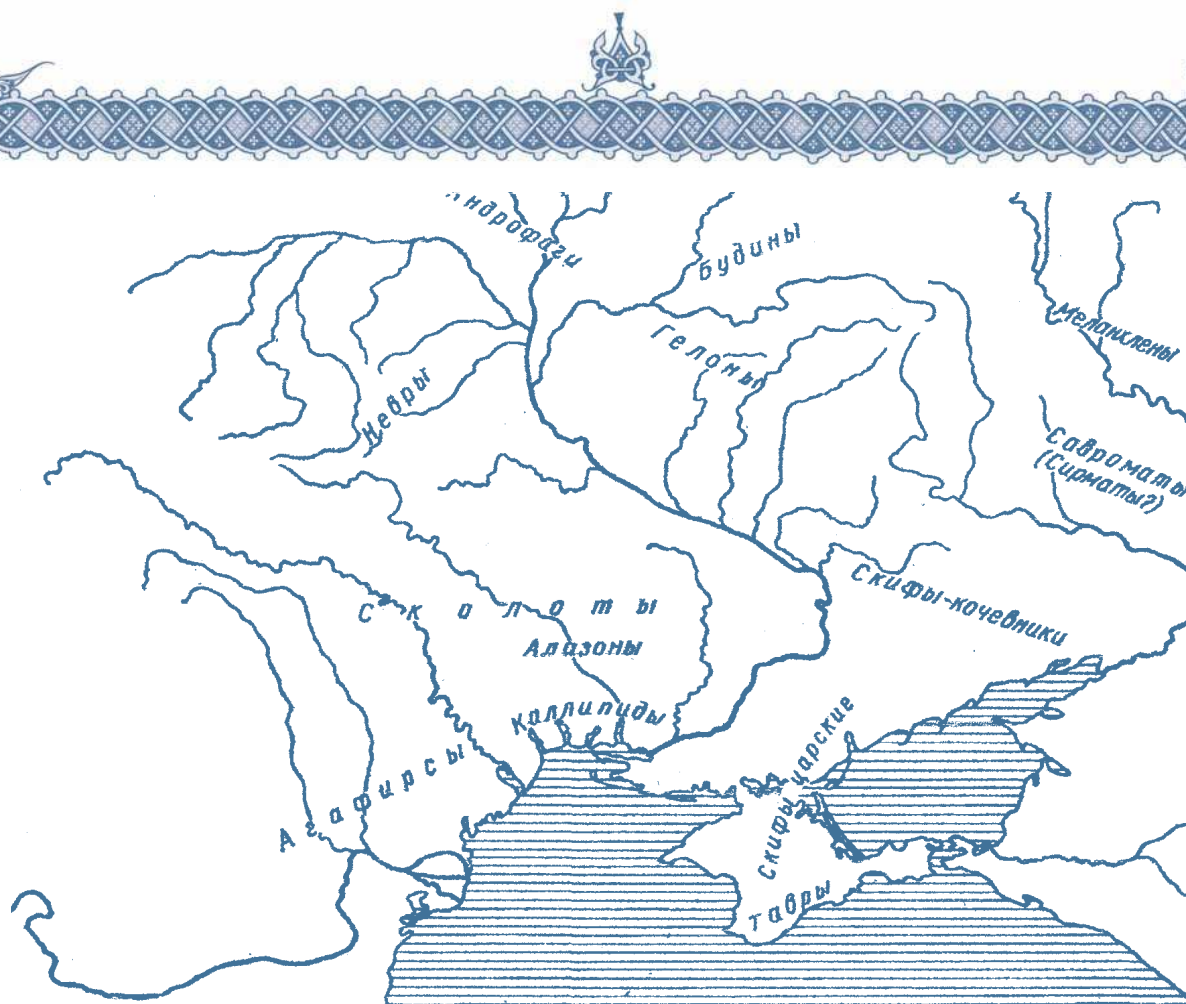

Рисунок 2.1.7. Карта расселения скифских племен по Геродоту

Источник: Б.А. Рыбаков, 1979

риторию будинов на Воронежскую и Харьковскую области (Іллінська, 1970, с. 23–39; позже Ильинская изменила свое мнение, связав будинов с носителями ананьинской или дьяковской культур, ареал которых находится восточнее (в первом случае) и севернее (во втором) украинской Левобережной Лесостепи); либо локализуют их достаточно широко, на территории между Днепром и Доном (Медведев, 1999, с. 143–144; Гавриш, 2000, с. 155–158). Некоторые исследователи пытаются конкретизировать ареал будинов. Это земли в бассейне Среднего Дона, верховья Оскола и бассейн Псла, на севере — до Сейма, при этом бассейн Ворсклы — западная часть территории будинов, на которой они проживали вместе с гелонами — переселенцами из Правобережной Днепровской Лесостепи (Шрамко, 1975, с. 124; 1987, с. 155–163). Другие авторы землями будинов считают Посулье, верховья Ворсклы и Северского Донца (Моруженко, 1989, с. 31). Несомненно, выпадает из общего контекста версия Б.А. Рыбакова о близости будинов с племенами юхновской культуры (1979, с. 191). Город Гелон многие исследователи (В. Щербаковский,

М.И. Артамонов и особенно Б.А. Шрамко) отождествляют с грандиозным Бельским городищем в бассейне р. Ворсклы, что встретило поддержку одних исследователей (Рыбаков, 1979, с. 153) и критику со стороны других, в частности В.А. Ильинской (1977, с. 73–93) и А.П. Медведева (2004, с. 82–90).

Что же касается гелонов, то здесь, так же как и в случае с будинами, существуют узкие и широкие определения территории, на которой они обитали. В первом случае — это бассейн Ворсклы (Моруженко, 1989, с. 31), либо территория Среднего Дона, точнее — памятники типа Воронежских курганов на этой территории, оставленные пришлыми завоевателями — гелонами (Ильинская, 1977, с. 91; Медведев, 1999, с. 141–143; 2004, с. 70–71). Сторонники более широкой локализации видят в гелонах, так же как и в первом случае, пришедшее степное племя, оставившее памятники посульско-донецкого типа на Левобережье (Рыбаков, 1979, с. 162–163; Гавриш, 2000, с. 155–158).

По поводу этнической принадлежности будинов существует многообразие мнений: иранцы, славяне, финно-угры, балты (Либеров, 1971, с. 103–115; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 354). Не менее пестрый спектр точек зрения

и об этносе гелонов, но наиболее правдоподобно мнение об их фрако-иранской этнической принадлежности (Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 358).

Следует отметить, что наряду с упомянутыми племенами скифского мира, местонахождение которых большинство исследователей соотносит с Восточноевропейской Лесостепью, была предпринята попытка локализовать на этой территории «скифов отколовшихся» или «скифов-отщепенцев», оторвавшихся от массива царских скифов Степи и ушедших на восток (Herod., IV, 22), связав с ними Среднедонские курганы типа Частых (Рыбаков, 1979, с. 118). Однако она встретила критику со стороны ряда ученых, справедливо указавших на изъяны подобной локализации (Погребова, Раевский, 1989, с. 44–47; Мелюкова, 1989, с. 47; Медведев, 1999, с. 136).

Приведенное многообразие точек зрения о расселении одних и тех же племен скифского мира (по Геродоту) в лесостепном ареале, о попытках соотнести с ними конкретные группы археологических памятников заставляет усомниться в тезисе некоторых исследователей об «истинности каждого слова Геродота в отношении расселения племен скифского мира» (Мозолевский, 1996, с. 63). По-видимому, более правы те авторы, которые указывают на факты «значительной неопределенности свидетельств» древнегреческого историка о расселении скифов и их соседей, что приводит к самым различным толкованиям источника (Гуляев, 2000, с. 146).

В этой связи, видимо, не случайно некоторые специалисты вполне резонно указывают на то, что вряд ли имеет смысл прямолинейно сопоставлять античные письменные источники с данными археологии, поскольку археологические материалы уже вполне могут составлять «первичную базу для полнокровных исторических реконструкций» (Виноградов, Марченко, 1990, с. 45).

2.1.3. Мир скифов-номадов и лесостепное население

Изучение на современном уровне всего комплекса находок скифского типа, обнаруженных в основном в подкурганных захоронениях, а также черт обрядности многих погребальных памятников скифской поры в Восточноевропейской Лесостепи все больше убеждает иссле-

дователей в том, что широчайшая скифизация этого региона не может быть объяснена скифским культурным влиянием, идущим из Степи в Лесостепь. Этот феномен становится понятен лишь в свете признания факта непосредственного проникновения в лесостепной ареал носителей скифской всаднической культуры — степных номадов, более того — проживания их на указанных землях. Эта концепция восходит к известным идеям начала XIX в. российского академика М.И. Ростовцева, получившим в 80–90-е гг. XX в. развитие в трудах украинских скифологов.

Скифов, как и предшествовавших им киммерийцев, также проникших в Лесостепь в конце VIII в. до н.э., этот регион привлекал своим высоким экономическим потенциалом: развитым земледелием (без продуктов которого кочевое хозяйство практически не могло развиваться), наличием центров железоделательного и бронзолитейного производства (что создавало условия для получения качественного металлического вооружения, имевшего особое значение в жизни кочевника), торговыми путями, соединявшими оседлые районы Лесостепи с окружающим миром (контроль над ними являлся хорошим источником дохода).

Таким образом, освоение лесостепной территории открывало для скифов заманчивые перспективы отчуждения прибавочного продукта у местного населения без осуществления далеких и рискованных походов с целью ограбления иных народов.

Продвижение кочевников в Лесостепь носило волнообразный характер и в отдельных регионах лесостепной области Восточной Европы имело свои особенности. Ныне на археологических материалах выделяются *три основные волны*, или этапы, продвижения кочевников скифской культуры в Лесостепь (Скорый, 2003, с. 73–86).

Ираноязычные номады *первой* волны (конец VIII — начало VII в. до н.э.), пришедшие на юг Восточной Европы из глубин Азии (среднеазиатско-казахстанский ареал), вначале освоили лишь южную часть украинской Правобережной Лесостепи, прежде всего бассейн Тясмина и в определенной степени Поросье (*рис. 2.1.8*). Очевидно, первоначально они входили в состав крупного разнородного объединения,

которое в степной зоне Северного Причерноморья имело столкновение с киммерийцами (что нашло отражение в античной письменной традиции), а затем разделилось на две части. Одна часть ушла в степные и предгорные районы Северного Кавказа, где было создано политическое объединение кочевников, известное по ассирийским письменным источникам как «страна Ишкуза/Ашкуза» (Мурзин, 1990, с. 47). Пришлые кочевники первой волны уступали в количественном отношении местному оседлому населению (основное ядро которого, очевидно, составляли праславяне — носители позднечернолесской культуры), но вместе с тем явно превосходили численностью «лесостепных» киммерийцев. Это обстоятельство способствовало ассимиляции последних новыми пришельцами. О характере взаимоотношений пришельцев первой волны и насельников южной части Правобережной Лесостепи судить сложно. По-видимому, они прежде всего проявлялись в сборе дани с оседлого населения. Номады-иранцы, особенно в первой половине VII в. до н.э., были в основном отчуждены от автохтонов. Погребения с кочевническими чертами этого времени выполнены по обряду ингумации, как правило, одиночные, мужские, воинские (рис. 2.1.9).

Рисунок 2.1.8. Схема продвижения «азиатской» волны кочевников скифской культуры

Источник: С.А. Скорый, 2003

Скифы в это время стремились расширить сферу своего влияния в Лесостепи, эпизодически проникали в Среднее Поднестровье и на Левобережье Днестра, в бассейн р. Ворскла. Можно считать, что связи скифов с местными племенами со второй половины VII в. до н.э., несомненно, усилились. Свидетельство тому — парные мужские и женские, а также коллективные погребения, в которых фиксируются кочевнические черты. Это время, то есть вторую половину VII в. до н.э., следует рассматривать как начальную фазу формирования некоего единства, которое в более поздний период приобрело черты политического объединения.

Важнейшим рубежом в истории населения скифской эпохи для большей части Восточноевропейской Лесостепи, а также ряда территорий Восточной и Средней Европы явились бурные события третьей четверти VII — рубежа VII–VI вв. до н.э., связанные с завершающим этапом или окончанием скифских переднеазиатских походов. После утраты Северным Кавказом роли базовой территории для кочевников «страны Ишкуза/Ашкуза» в их вторжениях на Юг в связи с изменением политической ситуации в Закавказье и Передней Азии произошел значительный отток скифских кочевых контингентов на разные, наиболее удобные для проживания территории (Мурзин, 1990, с. 54). Таковыми в Восточной Европе были Днепровское Лесо-

степное Правобережье (особенно Среднее Поднепровье) и Левобережье, в частности бассейн р. Сула и ряд иных территорий, в Средней Европе — бассейн р. Муреш в румынской Трансильвании (Vasiliev, 1980). Приход кочевников в украинскую Лесостепь в самом конце VII в. до н.э. следует рассматривать в качестве *второй* волны продвижения ираноязычных носителей скифской культуры в данный регион (рис. 2.1.10). По всей видимости пришедшие в Право- и Левобережное Лесостепное Поднепровье кочевники не представляли собой единой монолитной этнокультурной общности, чем и объясняются различия погребального обряда в захоронениях этого периода на указанных территориях.

Кочевники второй волны принесли в Лесостепь военно-всадническую культуру, окрашенную переднеазиатско-кавказским колоритом (Скорый, 1987, с. 43–44), а также сложившуюся общественную структуру. Обогащенные опытом многолетней борьбы с передовыми в военном отношении державами Закавказья и Передней Азии (в первую очередь с Урарту и Ассирией), они заняли господствующее положение практически на большей части территории Лесостепи, от пограничья со Степью на юге до Полесья на севере. О чем свидетельствует значительное количество погребений этого времени в данном ареале (рис. 2.1.11, 2.1.12, 2.1.13).

На территории Днепровского Лесостепного Правобережья оформилось скотоводческо-земледельческое военно-политическое объединение пришлых скифов-иранцев и автохтонного населения. Ведущую роль в нем стала играть скифская военно-кочевая знать. Ее выдающиеся представители и вожди похоронены в курганах конца VII — начала VI в. до н.э. на Киевщине — у сел Глеваха, Иванковичи и Марьяновка (курган Перепятиха).

Так завершился процесс «обретения родины» ираноязычными скифами в границах Днепровского Правобережья.

В это же время кочевники с указанной территории продолжали проникать и в более западные районы Лесостепи, в частности в Поднепровье. По мнению некоторых исследователей, весьма сходная картина имела место и в Днепровском Лесостепном Левобережье, в междуречье Днепра и Дона (Медведев, 1999, с. 141–143). Прибывшие

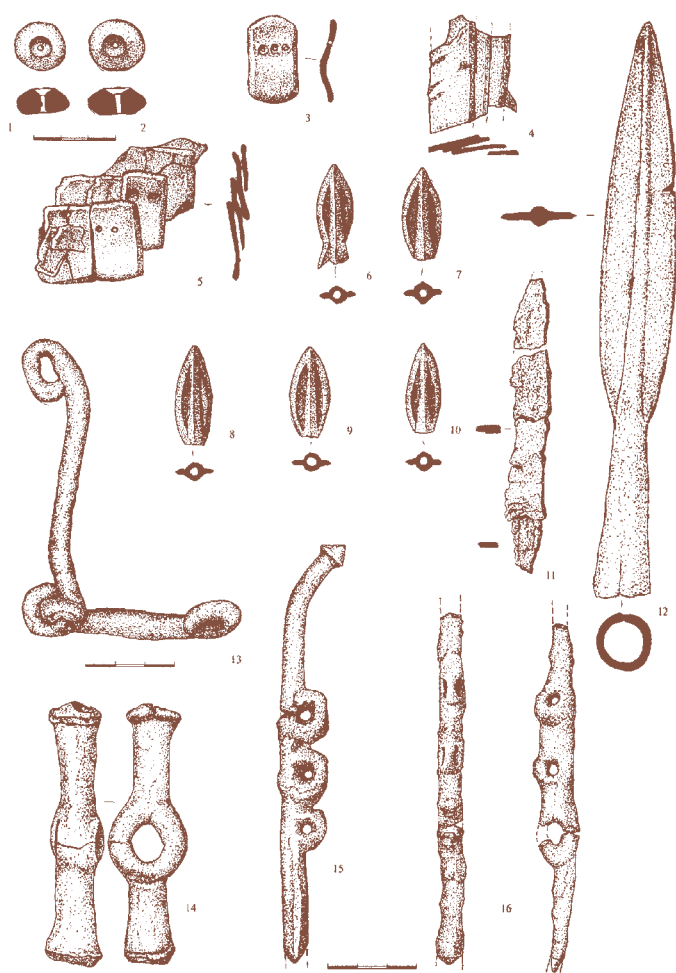

Рисунок 2.1.9. Предметы вооружения и конского снаряжения из кургана № 15 близ Стеблева, Поросье:

6–10 — бронза; остальное — железо

Источник: В.И. Ключко, С.А. Скорый, 1993

с территории Северного Кавказа номады-иранцы, в которых усматривают гелонов Геродота — родственных скифам племен, также образовали с местными оседлыми племенами военно-политический союз при доминанте кочевников.

Пришельцы, прежде всего кочевая аристократия, несомненно, продолжительное время сохраняли свой традиционный образ жизни, не разрушая коренным образом и уклада земледельческого хозяйства. Взаимоотношения двух групп населения, пришлого и местного, в этот период были значительно активнее, чем в период первой волны. Появились даже единичные захоронения, выполненные по обряду кремации с помещением праха кремированных в сосуды-урны (местный погребальный обряд), с рядом деталей, характерных для собственно скифских захоронений. Вероятно, такие погребения ос-

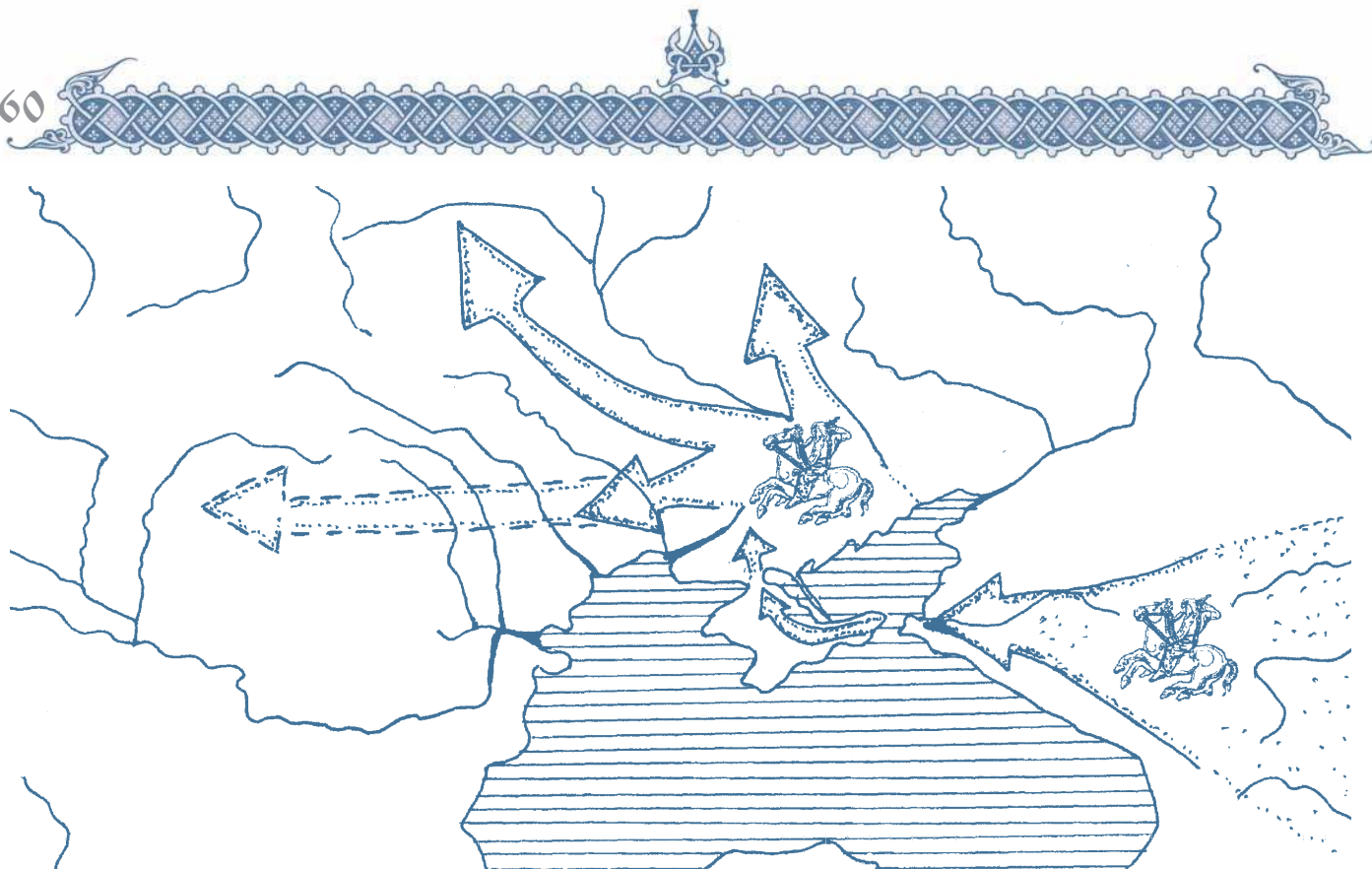

Рисунок 2.1.10. Схема продвижения «кавказской» волны кочевых скифов

Источник: С.А. Скорый, 2003

тавлены сильно скифизированным автохтонным населением.

Как полагают некоторые авторы, в течение VI в. до н.э. в Приднепровской Лесостепи складывалась единая этническая общность с синкретической материальной культурой при преобладании кочевого элемента (Копылов, 2000, с. 163). Другие ученые применительно к территории Днепровского Левобережья говорят о создавшейся новой культурно-исторической общности, несомненно полиэтнической (Медведев, 1999, с. 125–127).

В конце VI в. до н.э. наблюдалось дальнейшее распространение в пределах Восточноевропейской Лесостепи племен Лесостепного Поднепровья, ядро которых составляли потомки кочевников-иранцев второй волны, в частности в Лесостепное Подонье. Их верхушка составила на Среднем Дону властвующую элиту, проживавшую за счет эксплуатации местного населения. В указанном регионе, как и в остальных лесостепных землях, возникло некое вынужденное социально-экономическое единство двух различных экономических укладов — степного полукочевого и лесостепного оседло-земледельческого. Формы эксплуатации военно-аристократической элитой зависимого оседлого населения

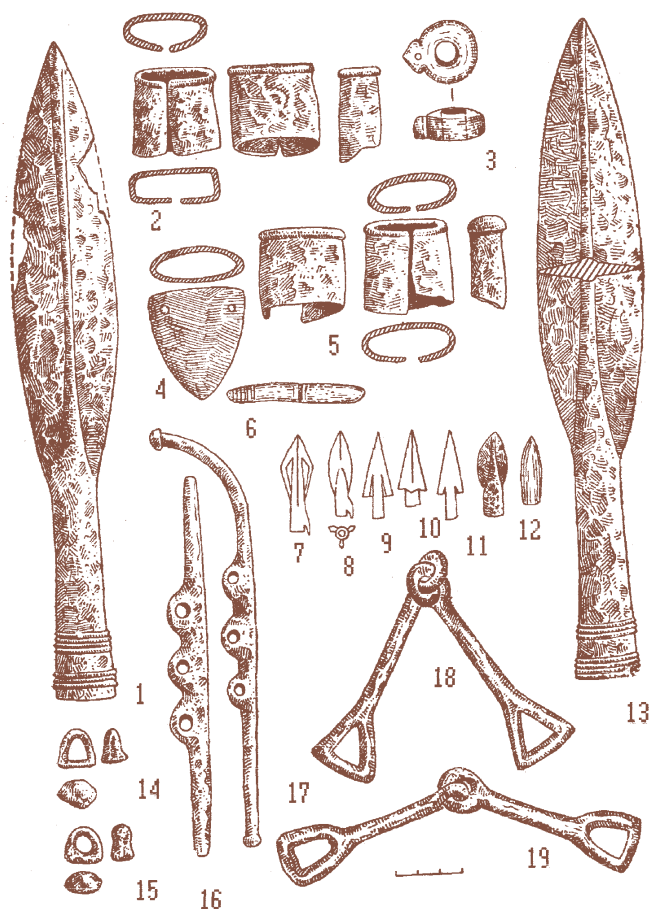

Рисунок 2.1.11. Предметы вооружения и конской упряжи из кургана № 406 у с. Журовка, бассейн Тясмина:

1–2, 11–13, 16–17 — железо; 3, 6, 12 — кость;

14–15, 18–19 — бронза

Источник: В.А. Ильинская, 1975

могли быть различными: регулярная дань (продукты земледелия, ремесла, металлообработки), различные формы «кормления», «дары», контроль над торговыми операциями населения Лесостепи с античным миром, возможные трудовые повинности, например при строительстве погребальных сооружений аристократии и т.п. (Медведев, 1999, с. 126–127).

Вместе с тем номады, пришедшие в Лесостепь, а также их потомки составляли, по-видимому, костяк местных дружин и несли основное бремя защиты от вторжения степняков. Показательны в этом плане курганные захоронения V в. до н.э. прекрасно вооруженных конных воинов, сконцентрированные на самом пограничье Правобережной Лесостепи и Степи, например у сел Грушевка, Журовка, в которых, вероятно, следует видеть дружинников — потомков скифов-иранцев второй волны.

События конца VI в. до н.э., вызванные, с одной стороны, перемещением с территории Северного Кавказа основного ядра скифских племен в степное Северное Причерноморье, с другой — продвижением в указанный регион какой-то части номадов с более восточных территорий Евразии, привели к дальнейшей консолидации общества Лесостепи. В этот период в украинской Лесостепи, особенно на юге, в районах, расположенных по соседству со Степью, наблюдалось строительство оборонительных сооружений на поселениях. Впрочем, некий всплеск в сооружении городищ скифской поры имел место и ранее — в конце VII в. до н.э., но теперь он, конечно, был масштабнее.

Несомненно, это была реакция населения Лесостепи на возрастающую угрозу, которая шла из степного ареала.

В дальнейшем взаимоотношения населения Правобережного и Левобережного Лесостепного Поднепровья с кочевым югом сложились по-разному.

V–IV вв. до н.э. на большей части Днепровского Левобережья, за исключением, пожалуй, лишь террасовой Лесостепи, — время безусловного расцвета и подъема социально-экономической жизни (Шрамко, 1990). В эту пору возникло много новых поселений, имел место прогресс всех отраслей хозяйства, развивались ремесла, усложнялась технология и повышалось качество

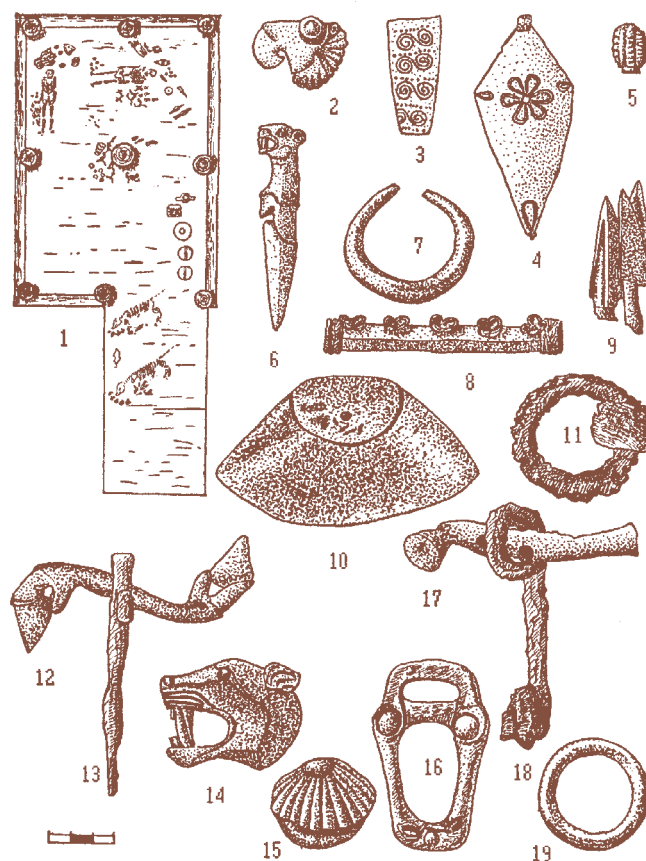

Рисунок 2.1.12. Курган № 400 у с. Журовка. План гробницы (1) и находки (2–19): 2, 6–7, 9, 14–17, 19 — бронза; 3–5, 8, 10 — золото; 11–12, 17 — железо

Источник: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, 1983

изделий. Процветала торговля, наблюдался рост количества импортных изделий, что свидетельствовало об оживлении связей с греческими центрами. Нет никаких доказательств социально-экономического регресса и на поселениях этого периода на Среднем Дону.

Совершенно иная картина наблюдалась в Лесостепном Днепровском Правобережье. С начала V в. до н.э. постепенно начало нарастать давление степняков на южные лесостепные районы. С этого времени можно говорить о *третьей* волне вторжений степняков в Лесостепь, шедшей из Северопричерноморской Степи, волне, значительно растянувшейся во времени (рис. 2.1.14). В первой половине V в. до н.э. степная экспансия, очевидно, реализовывалась главным образом в виде более или менее продолжительных набегов. Вероятно, их маркерами являются впускные погребения мужчин-воинов, зафиксированные в различных районах Правобережья (например, в курганах вблизи с. Яснозорье в Поросье).

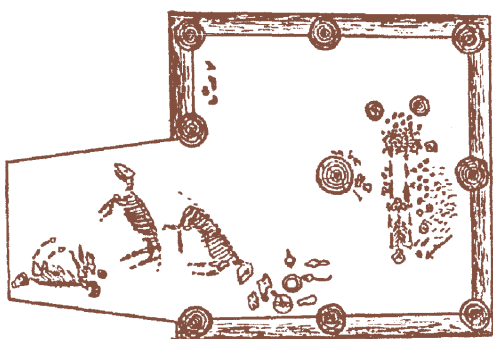

Рисунок 2.1.13. Курган № 401 у с. Журовка.
План гробницы и реконструкция ее внешнего вида

Источник: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, 1983

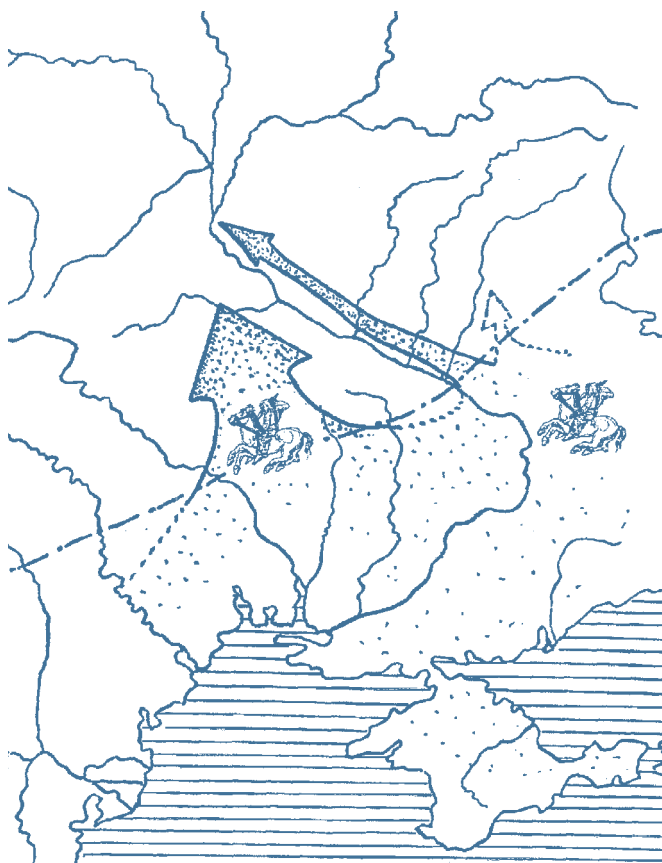

Рисунок 2.1.14. Схема продвижения в Лесостепь
северопричерноморской волны кочевых скифов

Источник: С.А. Скорый, 2003.

Однако в это же время некоторые районы Правобережья находились полностью под контролем кочевников-степняков. Подтверждение тому — Стеблевский могильник в Поросье, где все скифские погребения основные (рис. 2.1.15, 2.1.16). Это свидетельствует о прочном военно-политическом положении номадов в этом районе (Скорый, 1997). Возможно, сначала дружины местного населения, костяком которых были воинственные потомки иранцев-номадов второй волны, сдерживали натиск северопричерноморских степняков. Ситуация существенно изменилась со второй половины V в. до н.э. Степная агрессия стала нарастать. Прекратили существование ряд городищ, иные пришли в упадок (например, Трахтемировское, Мотронинское, Пастырское, Шарповское). Сократилось и количество неукрепленных селищ; на оставшихся следы жизнедеятельности незначительны. Жизнь продолжалась в основном на небольших (8–9 га и менее) городищах. Скифы-кочевники уже контролировали всю значительную часть территории Лесостепного Правобережья, вплоть до бассейна р. Рось. Свидетельство тому — выявленные здесь погребения (около 40) в типичных степных могилах — катакомбах.

Усиление степной агрессии, очевидно, в значительной степени объяснялось резким увеличением количества населения в Северопричерноморской Степи и соответственно ростом поголовья скота и обеднением пастбищ. В такой кризисной ситуации, когда Степь с ее ресурсами уже не могла прокормить все население, часть кочевников вынуждена была перейти к оседлости и земледелию. Одновременно с этим степняки стремились расширить свои пастбищные угодья, захватывая северные лесостепные территории, удобные для выпаса скота.

Этот процесс имел более широкий характер, охватывая не только Днепроовское Правобережье, но и террасовую Лесостепь на Левобережье, где известны достаточно многочисленные погребения скифов-кочевников в катакомбах степного типа (Фиалко, 1994, с. 9–11).

Вероятно, с IV в. до н.э. можно говорить о прямом вхождении южной части Правобережной Лесостепи в состав Северопричерноморской Скифии в качестве одного из ее периферийных районов.

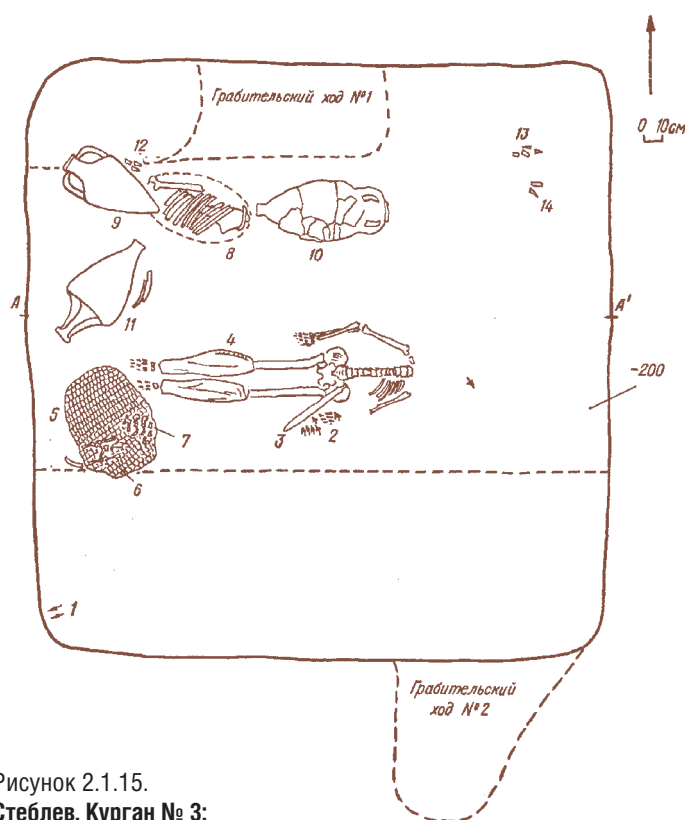

Рисунок 2.1.15.

Стеблев. Курган № 3:

план погребения: 1 — наконечники стрел; 2 — остатки горита или колчана; 3 — меч; 4 — поножи; 5 — фрагментированный панцирь; 6–7 — уздечные наборы; 8 — блюдо с жертвенной пищей; 9–11 — амфоры; 12 — втулки копий или дротиков; 13 — обломок наконечника копья; 14 — фрагментированный нож

Источник: С.А. Скорый, 1997

В конце IV — начале III в. до н.э. наблюдался общий упадок на большинстве лесостепных территорий Восточной Европы. Разумеется, определенную роль в этом сыграло нарушение традиционной системы ведения хозяйства автохтонного населения в связи с захватом степными кочевниками ряда территорий под пастбища, а также чрезмерная эксплуатация местного населения номадами. Но главная причина — те события, которые привели к гибели Северопричерноморской Скифии.

Как правило, к ним относят: 1) вторжение сарматских племен с востока, из-за Дона (Мачинский, 1971; Щеглов, 1985; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 361–362); 2) резкое изменение природно-климатических условий, оказавшее разрушительное воздействие на экономику населения Северного Причерноморья (Полин, 1984, с. 28–30; 1989, с. 14–16; 1992, с. 128; Иевлев, 1989, с. 54–55); 3) хозяйственный кризис, постигший Скифию в конце IV — начале III в. до н.э. (Гав-

рилюк, 1989, с. 93); 4) опустошительные рейды в Северное Причерноморье из районов Карпато-Подунавья военных отрядов кельтов или галатов, упоминавшиеся в ольвийском декрете в честь Протогена (Рубан, 1985, с. 43–44; 1989, с. 10; Яйленко, 1990, с. 274); 5) так называемый управленческий кризис в Скифии, истоки которого таились в самом военно-политическом устройстве скифской кочевой орды (Мурзин, Ролле, 2000, с. 216–219); 6) неблагоприятное и роковое сочетание факторов экономического и политического характера (Алексеев, 1992, с. 141–142; 2003, с. 251).

Среди упомянутых точек зрения весьма убедительной является версия о роковой роли сарматского фактора в конечной судьбе Скифии. В связи с этим вполне резонным представляется мнение некоторых исследователей, полагающих, что разгром Скифии осуществлялся в ходе серии опустошительных набегов или масштабной военной акции, а не путем массового переселения сарматов, которое состоялось позже — в середине — второй половине II в. до н.э. — и хорошо документируется погребальными памятниками.

Похоже, в сферу сарматской агрессии попали и некоторые районы Восточноевропейской Лесостепи. Так, последствиями сарматского набега некоторые исследователи объясняют гибель на рубеже IV–III вв. до н.э. Коломакского городища в бассейне р. Ворскла (там обнаружены сгоревшие постройки, останки убитых обитателей) (Радзиевская, 1992, с. 178–179). С этими же событиями соотносятся массовые захоронения погибших жителей на Семилукском городище на Верхнем Дону, следы пожаров и разрушений на Кнышовском городище в верховьях р. Псел и некоторых иных поселений скифского времени Днепровского Лесостепного Левобережья (Медведев, 1997, с. 51–59).

Ситуация на Правобережье Лесостепного Поднепровья была несколько иной. Сарматы стали совершать эпизодические набеги на эту территорию в более позднее время, лишь с конца II–I вв. до н.э., что привело к интенсивному строительству оборонительных сооружений автохтонными племенами зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье. Массовая же миграция сарматов в область Правобережья Среднего Приднепровья состоялась на рубеже новой эры.

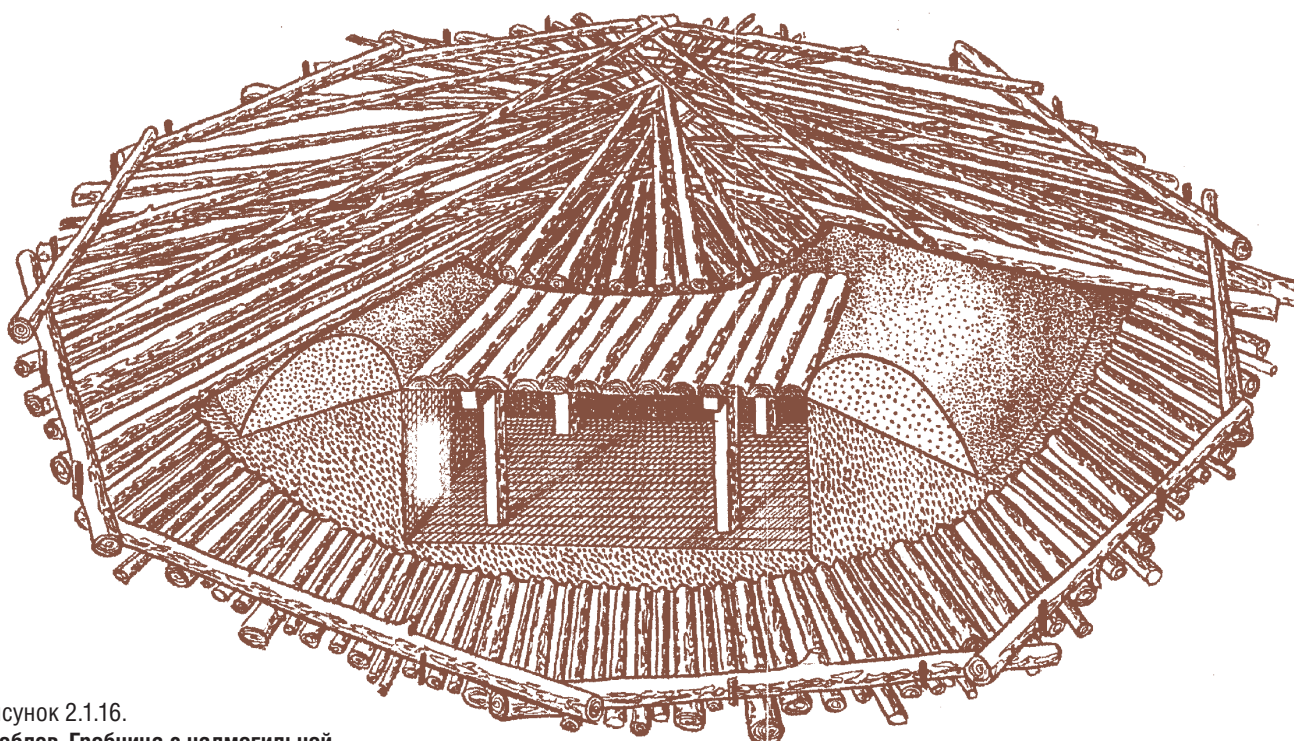

Рисунок 2.1.16.

Стеблев. Гробница с надмогильной шатровидной конструкцией (реконструкция по материалам курганов № 2–3, 12)

Источник: С.А. Скорый, 1997

Как бы то ни было, население скифской поры, в том числе этнические скифы, обитавшие в южной части Днепровского Лесостепного Правобережья, избежали трагической участи скифов степной зоны Северного Причерноморья. Повидимому, здесь скифская всадническая культура не исчезла столь стремительно, как в степном регионе, а еще какое-то время бытовала, медленно затухая, вплоть до конца III в. до н.э. Этот тезис вполне подкрепляется материалами из захоронений скифской аристократии в Большом Рыжановском кургане (южная часть украинской Правобережной Лесостепи), относящихся к концу первой — второй четверти III в. до н.э. (Скорый, 1998; Хохоровски, 2004).

Вероятно, остатки лесостепных племен позднескифской культуры приняли участие в формировании новой этнокультурной общности — населения среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры, что нашло отражение в материальной культуре и погребальном обряде «зарубинцев» (Максимов, 1972, с. 101–104, 116–129; Скиба, 1994, с. 13–15; 2001, с. 51–61; Кубишев, Скиба, Скорый, 1995), внесших несомненную лепту в формирующуюся славянскую культурно-историческую общность.

2.2. ПОСЕЛЕНИЯ 1-ГО ТЫС. ДО Н.Э. В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ*

Река Дон в своем верхнем и среднем течении практически пересекает с севера на юг лесостепную зону, природно-климатические характеристики которой исключительно благоприятны для хозяйственной деятельности человека. Ландшафт лесостепи сложился еще в суббореальный период позднего голоцена, то есть 2,5–5 тыс. лет назад и характеризуется чередованием разнотравно-злаковых степей на типичных черноземах и лесов, преимущественно широколиственных, на серых лесных почвах и оподзоленных черноземах. Современный облик Подонья в значительной мере изменен антропогенным воздействием, однако местоположение древних дубрав и степей можно в общих чертах определить по распространению соответствующих почв, практически сформировавшихся 2–2,5 тыс. лет назад. В начале раннего железного века в центре Русской равнины произошло расширение площади лесов, чему благоприятствовали климатические условия рубежа суббореального и субатлантического периодов, характеризующиеся, по палинологическим данным, общим похолоданием и увеличением влажности.

* Автор раздела — Ю.Д. Разуваев, доктор исторических наук, доцент, Воронежский государственный педагогический университет.

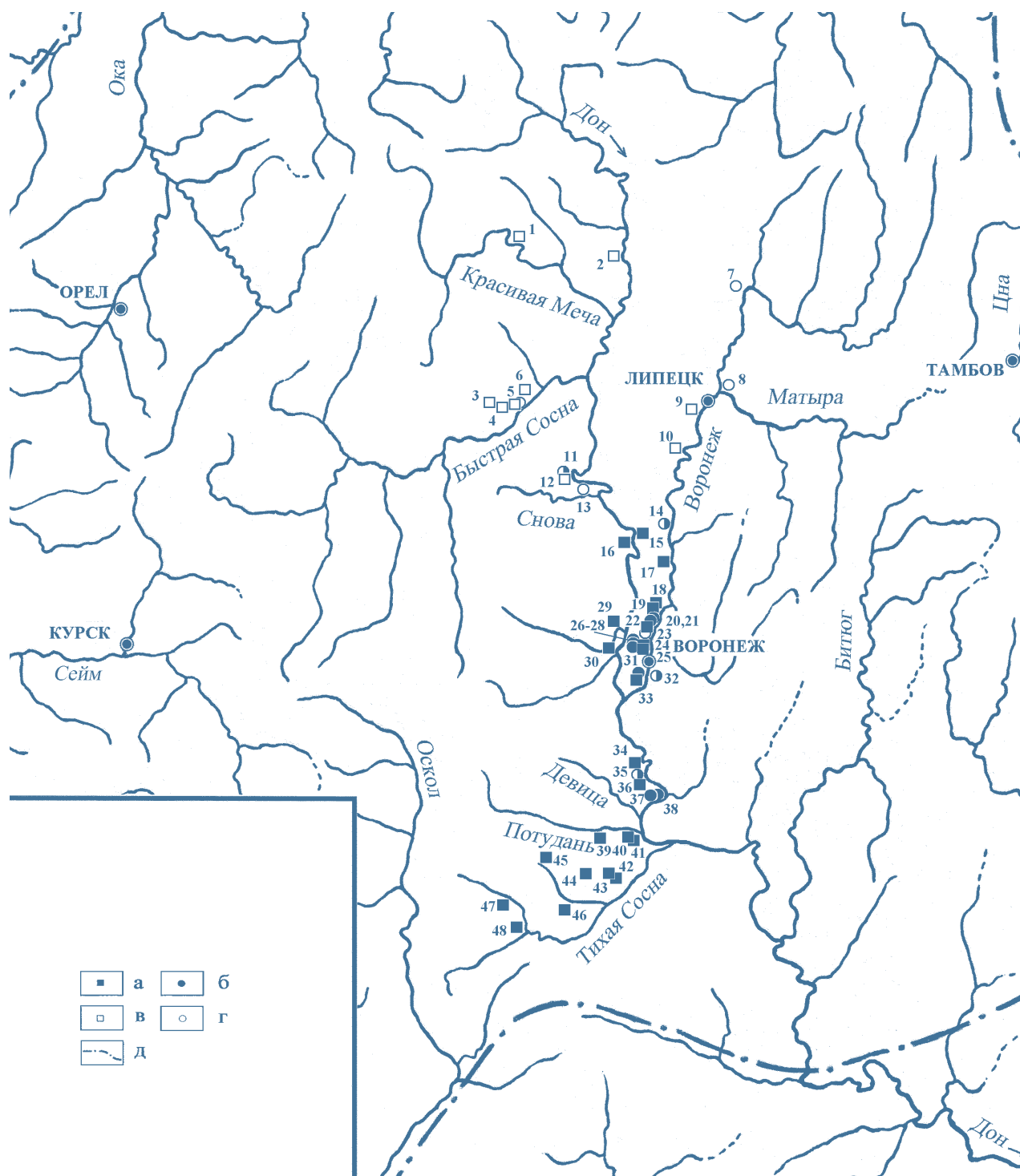

Рисунок 2.2.1. Карта основных исследованных раскопками городищ и поселений скифского времени в Лесостепном Подонье:

а — городище скифоидной культуры; б — поселение скифоидной культуры; в — городище городецкой культуры; г — поселение городецкой культуры; д — граница Лесостепи (по Ф.Н.Милькову);
 1 — Дубики; 2 — Перехваль-II; 3 — Рябинки; 4 — Нижний Воргол; 5 — Лавы (городище и селище); 6 — Александровка;
 7 — Студеновка-3; 8 — Сокольское; 9 — Сырское; 10 — Крутогорье («Малый Липяг»); 11 — Каменка; 12 — Каменка (городище);
 13 — Замятино-3; 14 — Курино-I; 15 — Конь-Колодезь; 16 — Отсочное; 17 — Пекшево; 18 — Животинное; 19 — Чертовицкое-III;
 20 — Чертовицкое-6; 21 — Чертовицкое-2; 22 — Чертовицкое-II; 23 — Чертовичья стоянка; 24 — Егеревский кордон;
 25 — Кузнецовское; 26 — Подгорное-1; 27 — Подгорное-3; 28 — Подгорное-5; 29 — Губарево; 30 — Семилуки; 31 — Чижовское-5;
 32 — Шиловское; 33 — Сады; 34 — Архангельское; 35 — Нижнесторожневская стоянка; 36 — Большое Сторожевое; 37 — Титчиха-1;
 38 — Титчиха-2; 39 — Солдатское; 40 — Мостище; 41 — Аверино; 42 — Волошино-I; 43 — Волошино-II; 44 — Русская Тростянка;
 45 — Круглое; 46 — Кировское; 47 — Верхняя Покровка-II; 48 — Стрелецкое

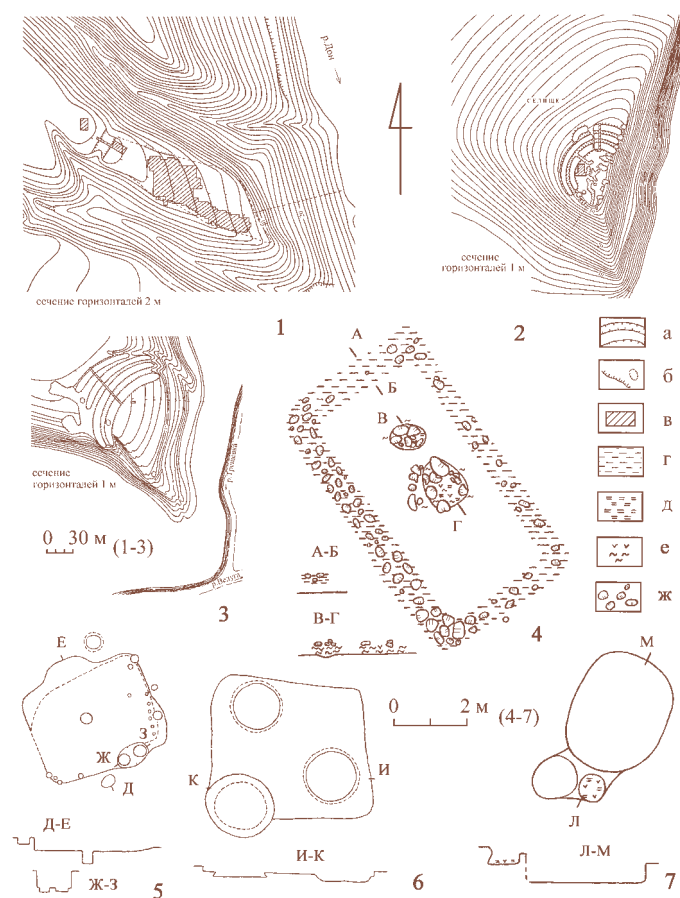

Рисунок 2.2.2. Планы некоторых скифоидных городищ и жилых построек:

1, 7 — Семилуки; 2 — Каменка; 3 — Губарево; 4 — Конь-Колодезь; 5, 6 — Мостище (Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001); а — вал и ров городища; б — обнажение, перекоп; в — раскоп; г — глина; д — обожженная почва; е — угли, зола; ж — камни

Рассматриваемая территория в геоморфологическом отношении неоднородна. Реки Дон и Воронеж (по устью этого левого притока донской бассейн и делится на верхний и средний участки) отделяют Среднерусскую возвышенность от Окско-Донской равнины. Соответственно правобережная часть Подонья более возвышена, сильнее расчленена долинами рек, оврагами и балками.

Крупные лесные массивы сохранились сейчас по берегам Дона и Воронежа, вдоль которых преимущественно и распространены серые лесные почвы и оподзоленные черноземы. Количество лесов значительно возросло к северу, достигая максимума в подзоне северной Лесостепи, граница которой проходит примерно по рекам Быстрая Сосна и Матыра. Южнее в Правобережье Дона, судя по почвенным кар-

там, большие леса существовали в бассейнах рек Девица, Потудань и Тихая Сосна, Левобережье же по большей части было занято степями.

Природное разнообразие Лесостепного Подонья предопределило расселение здесь в скифский период раннего железного века различных в этническом и хозяйственно-культурном отношении групп населения. Южную часть рассматриваемой территории занимало население, от которого остались многочисленные археологические памятники VI–III вв. до н.э., составляющие одну из локальных групп распространенной в Восточноевропейской Лесостепи скифоидной (скифообразной) культуры. Севернее обитали носители городецкой археологической культуры, основной ареал распространения которой охватывает обширные лесные и лесостепные территории Поочья и Поволжья.

Изучение древностей скифского времени в Лесостепном Подонье имеет более чем столетнюю историю (Гуляев, 2001, с. 18–22; Медведев, 1999, с. 6–14). Уже в начале XX в. широкую известность получили Мاستюгинские и Частые курганы. Бытовые же памятники стали изучаться фактически лишь в 50-е гг. прошлого века. Вплоть до начала 1970-х гг. Воронежская лесостепная скифская экспедиция ИА АН СССР под руководством П.Д. Либерова осуществляла масштабные исследования курганных могильников, городищ и неукрепленных поселений раннего железного века на Среднем и отчасти на Верхнем Дону. Основные результаты этих работ были опубликованы и обобщены П.Д. Либеровым в монографии и докторской диссертации (Либеров, 1965; 1971). На Среднем Дону исследователь выделил отдельную археологическую культуру скифского времени, генетически связав ее с эпохой бронзы. Исходя из структуры размещения выявленных памятников, он обосновал существование в Среднем Подонье двух хозяйственных укладов: оседлого земледельческого — в Правобережье и кочечевого скотоводческого — в Левобережье.

Культура оседлого населения Среднего Дона была всесторонне охарактеризована и в работах А.И. Пузиковой (1969; 1971), которая, в частности, разработала первую типологию поселенческой керамики.

За последние 25 лет экспедициями Воронежских государственного университета и педагогического инсти-

тута (ныне университета), Потуданской экспедиции ИА РАН круг археологических источников скифского времени значительно расширен (рис. 2.2.1, с. 65).

Принципиально новые данные о начальном периоде освоения скифоидными племенами Лесостепного Подонья получены на городище у с. Пекшево на р. Воронеж, исследовавшемся под руководством А.П. Медведева. В нижних слоях по краю площадки городища были выявлены остатки поселка VII — начала VI в. до н.э., представленные фрагментами текстильной и гладкостенной керамики, немногочисленными костяными орудиями и наконечниками стрел. Эти материалы нашли широкие аналогии в памятниках лесной зоны (Медведев, 1999, с. 33–39). Ранний культурный слой был перекрыт напластованиями, связанными с укрепленным поселением VI–V вв. до н.э. Здесь были выявлены отдельные жилища и характерная для многих поселений раннескифского времени так называемая жилая стена — система построек, примыкавших к оборонительной стене, которая опоясывала площадку городища по периметру. Анализ керамики и вещевого комплекса этого поселка дал возможность А.П. Медведеву аргументированно изложить новую концепцию происхождения среднедонской скифоидной культуры, привнесенную в Подонье переселенцами из более западных регионов, прежде всего из Посеймья.

Сейчас в Лесостепном Подонье известно свыше 300 неукрепленных поселений и более 40 городищ скифоидной культуры. В своем большинстве они выявлены в ходе разведок. Раскопками выразительные материалы скифского времени были получены лишь на 35 памятниках. На юге скифоидные поселения сосредоточены в Донском Правобережье (культурно-историческая интерпретация нескольких городищ на р. Битюг пока неясна), включая бассейны рек Девица, Потудань и Тихая Сосна, причем последняя является южным рубежом их распространения. К северу они тянутся по берегам Дона и Воронежа примерно на 90 км от места слияния этих рек.

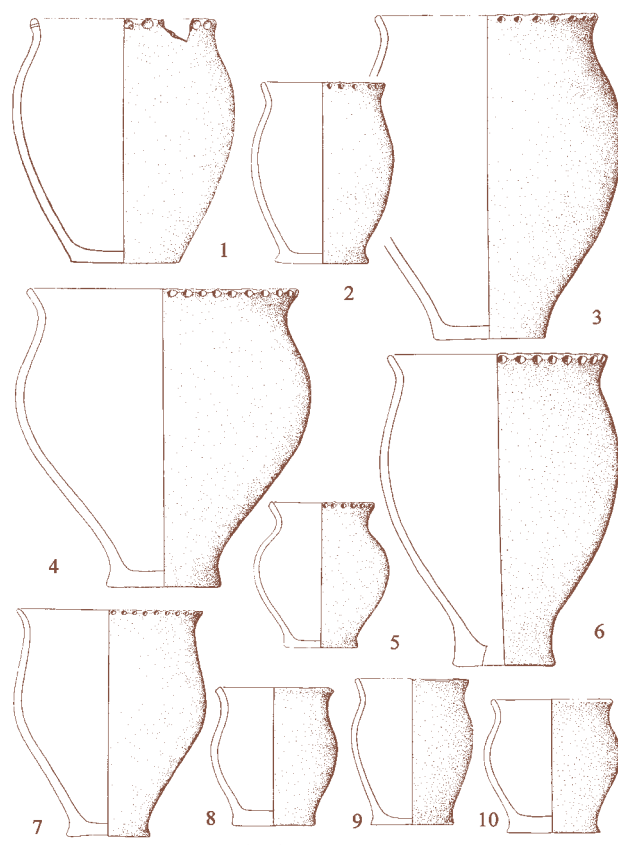
Городища по большей части находятся на мысах берегов рек (рис. 2.2.2: 1–3), сильно варьируют в размерах — от 0,1 до 16 га. Их укрепления составляли от одной до нескольких линий валов

и рвов и деревянные стены столбовой конструкции. Основная часть городищ являлась стационарными местами обитания оседлого населения, но есть городища и без культурного слоя, служившие, по-видимому, убежищами или загонами для скота. К городищам тяготеют неукрепленные поселения, зачастую составляющие с ними единые микрорайоны (Медведев, 1999, с. 53–60).

Скифоидное население занимало территории с типично лесостепным ландшафтом, наиболее соответствовавшим земледельческо-скотоводческой направленности его хозяйства. В лесостепном междуречье Днепра и Дона в скифское время существовал хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев. Хотя пахотных орудий на донских поселениях скифского времени пока не найдено, но о развитости земледелия красноречиво свидетельствуют и набор специализированных орудий (серпы, мотыжки), и палеоботанические данные. Высокоразвитым было и пастушеское, придомное скотоводство. При ведущей роли этих отраслей

Рисунок 2.2.3. Посуда кухонного назначения со скифоидных городищ:

1 — Егеревский кордон; 2–10 — Семилуки; 1–10 — глина

хозяйства местное население занималось также охотой и рыболовством, различными видами собирательства.

Материалы со скифоидных поселений отражают разнообразные ремесленные производства. Прежде всего это гончарное ремесло: лепная глиняная посуда кухонного и столового назначения составляет самую массовую категорию находок (рис. 2.2.3: 1–10). На городищах и поселениях часто встречаются различные орудия для обработки дерева и кожи, прядения и ткачества, шитья и плетения, заточки режущих инструментов. Нередко в культурном слое попадаются предметы вооружения (рис. 2.2.4:

Рисунок 2.2.4. Орудия труда, детали конской упряжи и предметы вооружения со скифоидных городищ и поселений:

1 — топор; 2 — мотыжка; 3 — шило; 4 — игла; 5 — серп; 6, 7 — ножи; 8, 9 — орудия для плетения; 10–14 — пряслица-грузики; 15 — ручка ложки; 16–22 — наконечники стрел; 23, 24 — налобники; 25, 26 — псалии; 27 — бляшка; 28 — ворворка; 29 — обоймочка; 30 — наконечник копья; 31 — вток копья; 32 — оселок; 1–3, 6–14, 16–20, 24–26, 28–31 — Семилуки; 4, 22 — Подгорное-3; 5 — Чертовикое-II; 15, 23 — Пекшево; 21, 27 — Конь-Колодезь; 32 — Мостище (Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001); 1–3, 5–7, 19, 20, 24, 25, 29–31 — железо; 4, 8, 9, 15, 21–23, 26 — кость; 10–14 — глина; 16–18, 27, 28 — бронза; 32 — камень

16–22, 30, 31) и детали конской упряжи (рис. 2.2.4: 23–29), широко распространенные в скифском мире. Для изготовления всех этих предметов использовались железо, бронза, глина, камень, кость. Причем выплавка и обработка металлов осуществлялись здесь же: на Семилукомском и Мостищенском городищах исследованы металлургические производственные комплексы, специализированные каменные орудия.

Некоторые принадлежности конской упряжи, воинского снаряжения, иногда и бытовые предметы украшались изображениями животных, характерными для скифского искусства звериного стиля (рис. 2.2.4: 15, 23, 26). На поселениях встречаются разнообразные детали одежды и украшения (рис. 2.2.4: 21, 15, 6). Среди последних следует особо отметить серебряные гривну, перстни, серьги и бронзовый браслет (рис. 2.2.5: 1–9), которые с несколькими другими предметами входили в состав уникальногоклада женских украшений, найденного на Семилукомском городище.

Жилые постройки, имевшие, как правило, прямоугольную или подквадратную в плане форму, представляли собой наземные или несколько углубленные в почву сооружения, нередко со следами столбовой конструкции (рис. 2.2.2: 4–7). Их площадь составляла от 9,2 до 20 кв. м, а в среднем — 14,4 кв. м (Медведев, 1999, с. 66). Наряду с жилищами на поселениях имелись и многочисленные ямы хозяйственного назначения, часть из которых использовалась в качестве погребов или зернохранилищ.

На некоторых поселениях встречены материальные свидетельства местных культов. Так, на городищах Круглом и Кировском были выявлены жертвенники. Можно предполагать ритуальное назначение некоторых глиняных сосудов (рис. 2.2.6: 11–13) и миниатюрных сосудинок, зоо- и антропоморфных фигурок из глины и камня (рис. 2.2.5: 19), глиняных моделей хлебных лепешек, костяных амулетов (рис. 2.2.5: 22).

Наряду с многочисленными поселениями в Лесостепном Подонье известны и девять (на сегодняшний день) курганных могильников V–III вв. до н.э. Курганы расположены в непосредственной близости от городищ и поселений, однако многие захоронения в них имеют ярко

выраженный военно-дружинный характер и принадлежали аристократической верхушке, обособленной от основной массы местного населения и полукочевым хозяйственным укладом, и скорее всего иным этническим происхождением. Некоторые исследователи, правда, отстаивают традиционное представление о культурном единстве курганов и городищ (Гуляев, 2004, с. 8; Пузикова, 2000), но и во многом разнящийся вещевой набор поселений и курганов, и данные антропологии свидетельствуют скорее об обратном.

Как хоронили своих умерших соплеменников обитатели городищ и поселений — пока не ясно. Возможно, отчасти этот вопрос разрешают несколько грунтовых погребений (рис. 2.2.7: 4–6), выявленных на городищах Мостище и Каменка. Массовые захоронения рубежа IV–III вв. до н.э. обнаружены и на Семилукском городище (рис. 2.2.7: 1–3). Здесь в котлованах построек, хозяйственных ямах найдены костяки и разрозненные останки не менее 70 человек, погибших и погребенных, надо полагать, при каких-то экстраординарных обстоятельствах (Пряхин, Разуваев, 2000).

Население Лесостепного Подонья имело довольно интенсивные торговые связи с соседними народами и древнегреческими городами-колониями Причерноморья. Значительная доля импорта попадала в состав погребальных инвентарей подкурганных захоронений, но и на поселениях нередко находки фрагментов тарной и столовой посуды, стеклянных бус античного производства (рис. 2.2.5: 10–13). Prestижность такого рода предметов была столь велика, что иногда изготавливались подражания им, как, например, лепной канфар (рис. 2.2.6: 4), бусы из кости и глины (рис. 2.2.5: 16, 17).

Судя по имеющимся данным, функционирование скифоидных городищ, как и курганных могильников, прекратилось в начале III в. до н.э. (на ряде поселений жизнь возобновилась уже в начале нашей эры). Причину этого явления попытался объяснить А.П. Медведев: захоронения Семилукского городища, а также свидетельства массовой гибели жителей некоторых других лесостепных городищ он отнес к последствиям разрушительного для Скифии вторжения савроматов. Эту концепцию, кстати говоря, полностью поддержала и А.И. Пузикова (2001, с. 266–267).

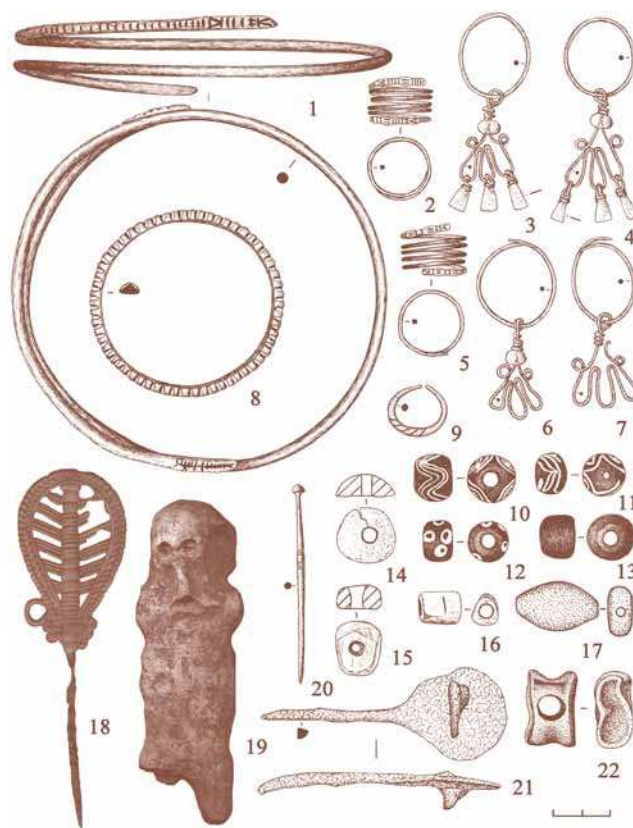

Рисунок 2.2.5. Украшения, детали одежды и культовые предметы со скифоидных городищ и поселений:

1 — гривна; 2, 5 — перстни; 3, 4, 6, 7, 9 — серьги; 8 — браслет; 10–13, 16, 17 — бусы; 14, 15 — пуговицы; 18, 20 — булавки; 19 — антропоморфная фигурка; 21 — поясной крючок; 22 — амулет; 1–16, 20–22 — Семилуки; 17 — Подгорное-3; 18 — Пекшево; 19 — Волошино-I; 1–7 — серебро; 8, 9, 20 — бронза; 10–13 — стекло; 14–16, 22 — кость; 17, 19 — глина; 18 — бронза, железо; 21 — железо

По мнению А.П. Медведева, захоронения на Семилукском городище совершались в спешке, по «сокращенному» ритуалу или же с полным его игнорированием. Главным возражением против такого рода суждения может быть то обстоятельство, что для архаичного общества пренебрежение требованиями погребального ритуала было совершенно немыслимо (Пряхин, Разуваев, 2000, с. 256).

Представляет интерес следующее наблюдение. В насыпях валов многих городищ выявлены следы пожаров, после которых укрепления были усилены в ряде случаев существенно. Так, например, на том же Семилукском городище вместо сгоревшей была сооружена новая оборонительная линия (Пряхин, Разуваев, 1995, с. 46). На городище Губарево после пожара не только был досыпан внутренний вал, но

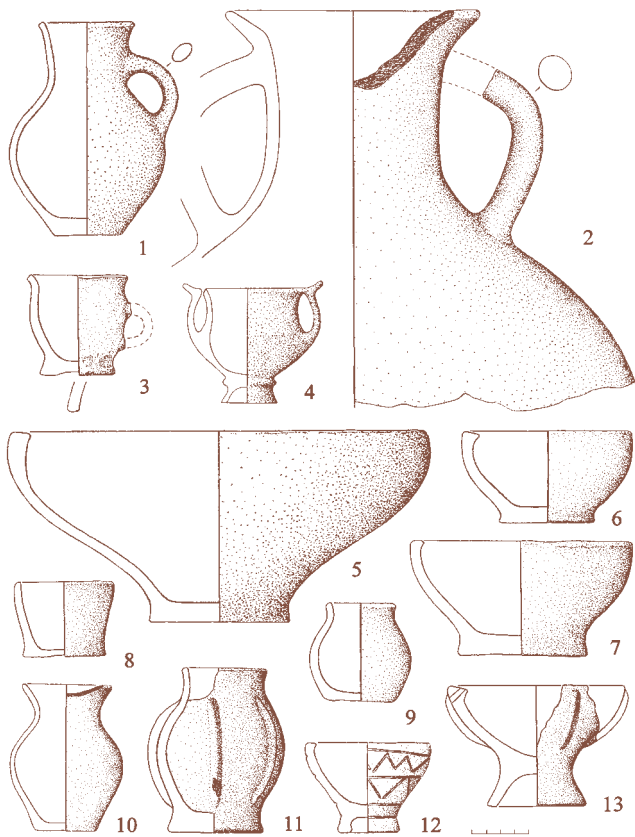

Рисунок 2.2.6. Столовая и ритуальная посуда со скифоидных городищ и поселений:

1, 2 — кувшины; 3 — кружка; 4 — канфар; 5–7 — миски; 8 — чашка-плошка; 9, 10 — горшочки; 11 — курильница; 12, 13 — вазы («чаши на ножке»); 1–3, 5, 7, 9–13 — Семилуки; 4 — Мостище (Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001); 8 — Подгорное-3; 1–13 — глина

и сооружены еще три вала и рва (рис. 2.2.2: 3) (Разуваев, 2002). Обитатели Каменского городища для такой реконструкции вынуждены были фактически вырубать ров в известняковом щебне и сооружать из него же насыпи валов. Безусловно, такого рода свидетельства отмечают периоды нестабильности, обострения вооруженных столкновений в Лесостепном Подонье. По самым общим прикидкам это происходило во второй половине VI — начале V в. до н.э. и в конце V — начале IV в. до н.э. Верхние же слои насыпей валов и заполнения рвов, относящиеся к IV–III вв. до н.э., как правило, не содержат продуктов горения, что уже само по себе показательно. Кроме того, и на площадках городищ нет следов разгрома. Все говорит скорее о спокойном уходе населения.

Остается констатировать, что причины затухания жизни в скифоидных поселках на архео-

логических материалах пока не просматриваются. Есть основания полагать, что часть местного оседлого населения оставалась в поселках вплоть до начала нашей эры. Это следует из значительной степени близости лепной поселенческой керамики сарматского времени и посуды предшествующей эпохи (Разуваев, 1998, с. 88).

Памятники городецкой археологической культуры, выделенной еще в конце XIX в. В.А. Городцовым после раскопок одного из среднеокских городищ в Подонье, начали изучаться, правда, в ограниченных масштабах, с конца 1950-х гг. По итогам десятилетних исследований Верхне-Донской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, руководимой В.П. Левенком, бассейн Верхнего Дона был включен в ареал распространения культуры как территория одного из ее локальных вариантов. В дальнейшем целенаправленное изучение памятников этой культуры проводили археологические экспедиции Воронежского госуниверситета, Воронежского и Липецкого педагогических университетов, Института археологии АН СССР и некоторых других учреждений.

Общее количество выявленных к настоящему времени в Лесостепном Подонье городецких поселений составляет примерно 200, из них укрепленных — 14. Основные материалы получены на восьми городищах и шести неукрепленных поселениях, изучавшихся раскопками (см. рис. 2.2.1, с. 65).

Городища и поселения расположены преимущественно по берегам рек Дон и Воронеж, а также некоторых их притоков (Красивая Меча, Быстрая Сосна, Снова, Матыра), фактически в подзоне Северной Лесостепи. Но некоторые из поселений находятся в низовьях р. Воронеж и на Среднем Дону, непосредственно соседствуя со скифоидными памятниками. Скорее всего проникновение городецкого населения в южные районы Лесостепи имело место на раннем этапе, когда эти территории были еще слабо заселены.

Появление городецких поселений в Подонье, по-видимому, следует относить к VI в. до н.э. Это было результатом расселения носителей культуры из региона ее сложения, каковым, по общему мнению специалистов, было лесное Поочье (Миронов, 1995, с. 72–77).

Как уже отмечалось, климатические изменения на рубеже суббореального и субатлантического периодов привели к расширению в середине 1-го тыс. до н.э. в лесостепной зоне площади широколиственных лесов. Переселенцы осваивали привычные ландшафты, размещая свои поселки в наиболее облесенных районах Подонья. Так, специальными исследованиями палеопочв под валами Александровского, Воргольского, Дубиковского и II Перехвальского городищ определено, что они относятся к типу серых лесных почв, сформировавшихся под дубравами. Да и картографирование городецких памятников показывает их корреляцию с местами распространения таких почв.

Практически все городища находятся на возвышенных береговых мысах (рис. 2.2.8: 1, 2). Их оборонительные сооружения относительно просты: одна, реже две линии рвов и валов, деревянные, видимо, плетневые конструкции. На некоторых городищах первоначальные укрепления были сожжены, после чего оборонительная система перестраивалась и существенно усиливалась.

Нужно отметить, что по своим размерам городецкие памятники, как правило, уступают скифоидным. То же можно сказать и о степени насыщенности слоя культурными остатками, что, очевидно, связано с разной продолжительностью функционирования поселков. Скорее всего в этом сказались различия в хозяйственных укладах двух групп населения.

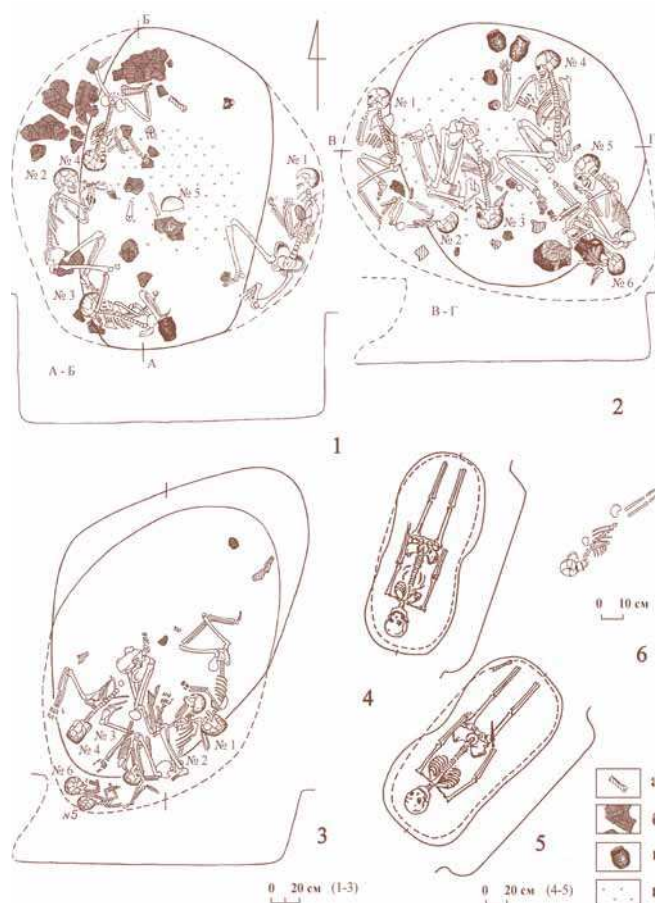
В подзоне смешанных лесов Восточной Европы в раннем железном веке существовал хозяйственно-культурный тип ручных (допашенных) земледельцев и скотоводов. Считается, что такое комплексное хозяйство было присуще и городецким племенам. Однако если наличие скотоводства подтверждается данными остеологии, то с материальными свидетельствами земледелия дело сложнее: на городецких поселениях практически не находят специализированных земледельческих орудий. Следует все же иметь в виду, что для указанного хозяйственно-культурного типа характерно подсеčno-огневое земледелие (Решетов, 1980, с. 39). Прimitивная же форма подсеки вообще не требовала применения специальных орудий, и в этом случае ее наличие археологически фиксирует лишь частая смена мест поселений.

Кратковременность существования характерна для городецких поселений Подонья. Найдены и вполне определенные доказательства существования у местного населения ранних форм земледелия. Так, в одной из построек на поселении Студеновка-3 обнаружены обгоревшие зерна пшеницы, ржи, ячменя и чечевицы. Заметим, что сам набор зерен говорит о смешанных посевах, характерных именно для раннего земледелия (Краснов, 1971, с. 20). Земледельческое назначение имели и некоторые предметы из числа найденных на городецких поселениях.

Безусловно, для обитателей леса большое значение имели и присваивающие формы хозяйства: охота, рыболовство, собирательство. Но даже сама структура размещения поселков не позволяет преувеличивать их значение. Известно, что для одного только поселения лесных охотников необходимы были бы уголья площадью от 300

Рисунок 2.2.7. Планы захоронений на скифоидных городищах:

1–3 — Семилуки; 4, 5 — Мостище (Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001); 6 — Каменка; а — кость животного; б — фрагменты керамики; в — сосуд; г — угли

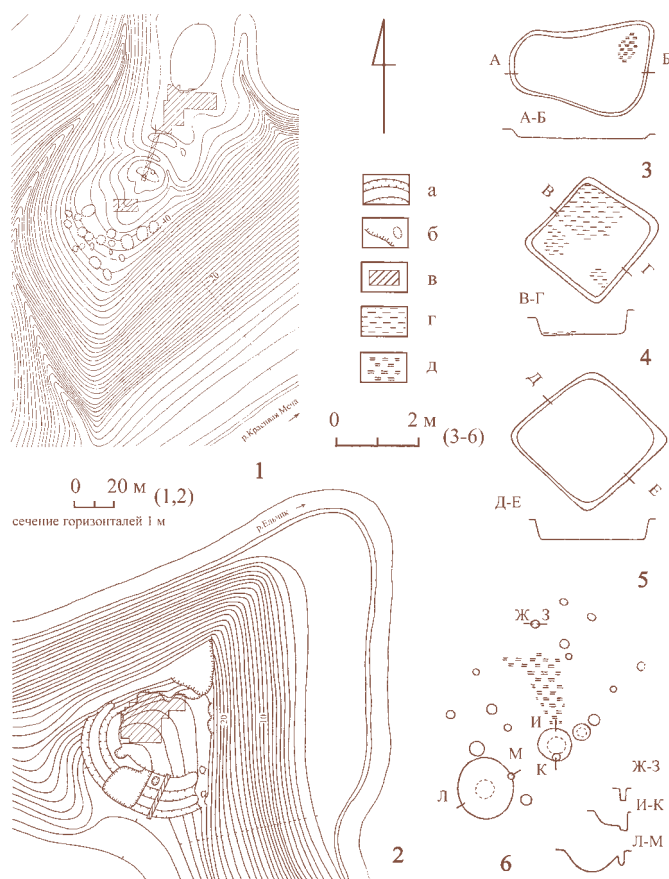

Рисунок 2.2.8. Планы некоторых городищ и жилых построек городецкой культуры:

1, 3 — Дубики; 2 — Александровка; 4, 5 — Студеновка-3 (Медведев А.П., 1993); 6 — Курино-I (Бирюков И.Е., 1996); а — вал и ров городища; б — обнажение, перекоп; в — раскоп; г — глина; д — обожженная почва

до 700 кв. км, что не согласуется с многочисленностью и достаточно плотным расположением городецких памятников.

Основной категорией находок в слое поселений являются фрагменты лепной глиняной посуды (рис. 2.2.9). Часть сосудов имела поверхность, покрытую оттисками ячеистого штампа — «рогожную» или ткани — «сетчатую». Именно они и являются одним из основных маркирующих признаков культуры. На ранних памятниках такого рода посуда составляет довольно значительный процент, но со временем ее доля в керамических сериях сильно сокращается. Преобладающей формой и «рогожной», и гладкостенной посуды являются горшки. Причем по пропорциям и профилировке, а также по элементам орнамента (пальцевые защипы по краю венчика, проколы по шейке и др.) они весьма близки к скифоидным сосудам. Исследо-

ватели уже давно обратили внимание на то, что в формах и орнаментации городецкой керамики особенно отчетливо просматривается воздействие скифоидной культуры.

Вещевой комплекс городецких поселений не отличается особым разнообразием. Среди орудий труда преобладают предметы, используемые в ткачестве и плетении (рис. 2.2.10: 9–18). Нередко встречаются каменные абразивы, терочники (рис. 2.2.10: 20–22). Орудия труда из железа немногочисленны и по форме мало отличаются от аналогичных скифоидных предметов (рис. 2.2.10: 1, 2, 6–8). Отдельными находками представлены свидетельства медно- или бронзолитейного производства (рис. 2.2.10: 19). Из вооружения найдены лишь железные, бронзовые и костяные наконечники стрел (рис. 2.2.10: 3–5).

Жилые постройки известны разных типов. На некоторых городищах существовали длинные наземные постройки (так называемые жилые стены) шириной 4–5 м, примыкавшие с внутренней стороны к оборонительной стене (Разуваев, 2001, с. 6–7; 2004, с. 9–12). Выявлены также полужемлянки (рис. 2.2.8: 4, 5) и наземное жилище столбовой конструкции (рис. 2.2.8: 4, б), относительно небольшие по площади (от 4,5 до 8 кв. м) и конструктивно довольно близкие к скифоидным постройкам. Сооружений хозяйственного назначения на городецких поселениях практически не обнаружено. Остаются неизвестными погребальные традиции населения, нет данных и о его духовной культуре.

К сожалению, датирующих материалов на городецких поселениях пока очень немного. Тем не менее верхний хронологический рубеж их существования в Подонье можно определить примерно рубежом нашей эры. Городецкое население покинуло Верхнее Подонье: в материалах поселений первых веков нашей эры, появившихся на тех же территориях, следов его культуры не прослеживается. Свою роль в этом исходе могли сыграть и экологические изменения: резкое сокращение к началу нашей эры площади лесов.

Таким образом, скифоидные и городецкие племена сосуществовали в бассейне Дона довольно длительное время. Хотя четкую границу между ними провести затруднительно, все же можно говорить о том, что во второй половине

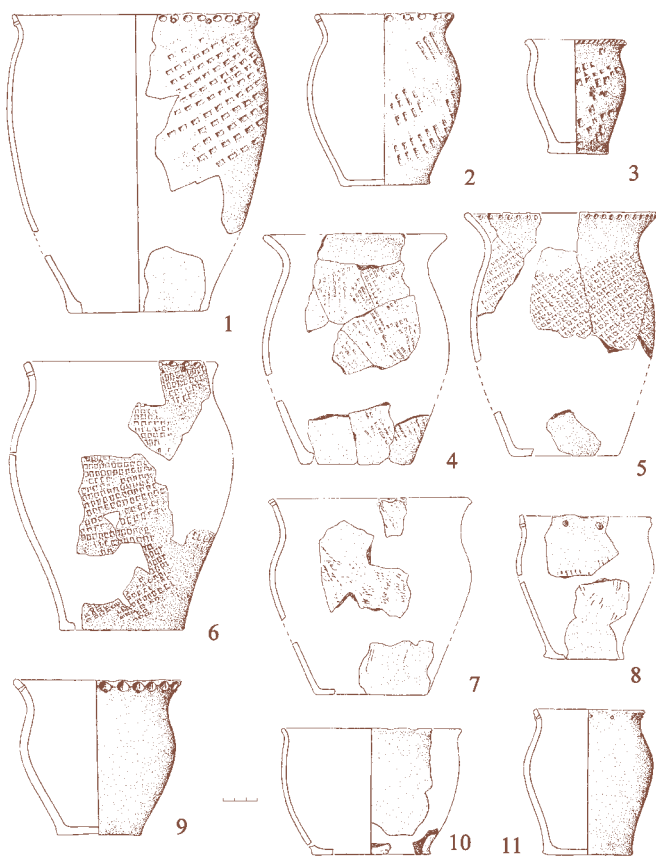

Рисунок 2.2.9. Керамика с городищ и поселений городецкой культуры:

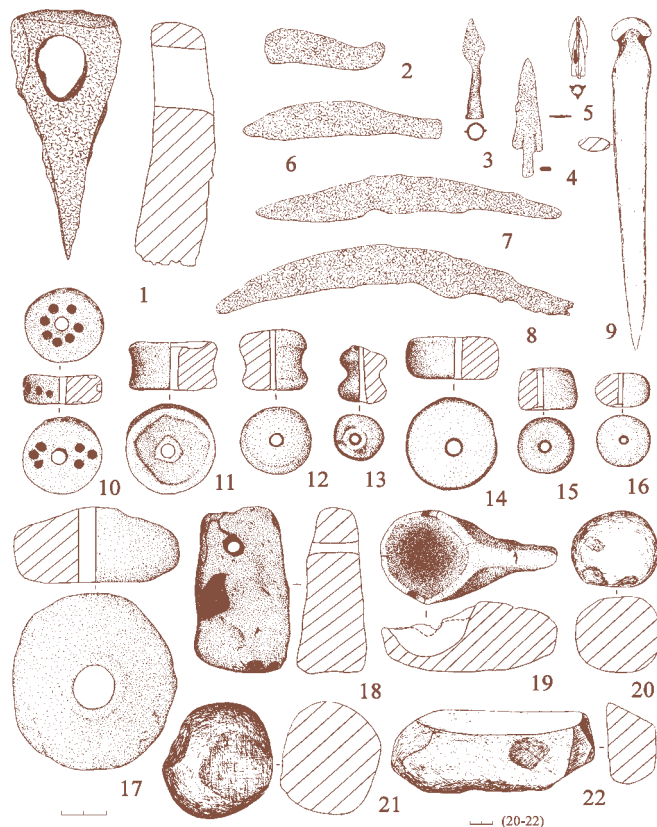
1–6 — «рогожная»; 7, 8 — «сетчатая»; 9–11 — гладкостенная;
1, 2 — Перехваль-II, 3, 9, 11 — Студеновка-3;
4, 5 — Александровка; 6–8, 10 — Дубики; 1–11 — глина

1-го тыс. до н.э. оба массива населения занимали свои экологические ниши: носители городецкой культуры — наиболее лесистую часть Донского бассейна, скифоидные племена — подзону типичной Лесостепи. Вполне естественно, что между ними существовали разнообразные формы взаимных контактов, в результате которых городецкое население весьма интенсивно воспринимало элементы более развитой материальной культуры своих непосредственных соседей: орудия труда, некоторые формы посуды и приемы ее орнаментации. А.П. Медведев пишет даже о сложившемся на Верхнем Дону этнокультурном новообразовании, в котором пришлые охотники и рыболовы, каковыми он считает носителей городецкой культуры, восприняли ряд элементов лесостепной скифоидной культуры (в частности, познакомились с земледелием) и утратили свою этническую специфику (Медведев, 1999, с. 45).

Как представляется, этот тезис вполне можно оспорить. Городецкое население, заимствовав некоторые формы кухонной посуды (распространившиеся, кстати, в городецкой среде далеко за пределами Верхнего Дона), сохранило тем не менее специфику своего керамического производства. Так, при изготовлении посуды широко применялся в качестве отошающей примеси к глине толченный камень — дресва, в то время как на скифоидных поселениях этот технологический прием использовался реже. Да и ассортимент посуды оставался относительно бедным: ни мисок, ни кувшинов, ни кружек в нем так и не появилось. А это обстоятельство довольно важно, поскольку набор посуды опосредованно отражает комплекс питания, в котором в наибольшей степени и выражается этничность.

Рисунок 2.2.10. Орудия труда и предметы вооружения с городищ городецкой культуры:

1 — топор; 2 — серп; 3–5 — наконечники стрел; 6–8 — ножи;
9 — орудие для плетения; 10–16 — пряслица-грузики;
17, 18 — грузила; 19 — льячка; 20, 21 — терочники;
22 — абразив; 1, 2, 5, 6, 10, 11, 13–22 — Дубики;
3, 7–9 — Нижний Воргол; 4, 17 — Александровка;
1–4, 6–8 — железо; 5 — бронза; 9 — кость; 10–19 — глина;
20–22 — камень

В науке прочно утвердилось положение о финноязычности носителей городецкой культуры, на основе которого сложились этнос и культура древнемордовского народа. В свое время П.Д. Либеров попытался доказать финно-угорскую принадлежность и скифоидного населения Среднего Дона (Либеров, 1971а). Однако, как недавно показал А.П. Медведев, использованная им топонимия не относится к скифской эпохе (Медведев, 1999, с. 143). От этого времени могли сохраниться лишь некоторые гидронимы, которые скорее свидетельствуют о присутствии в Подонье каких-то групп ираноязычного населения (Медведев, 1999, с. 143).

Исследователи давно пытаются использовать для определения этнической принадлежности населения Лесостепного Подонья данные письменных источников, прежде всего описание восточноевропейских племен в «Скифском логосе» Геродота. Как представляется, принятое многими исследователями отождествление обитателей скифоидных городищ с будинами, а городецкого населения — с тиссагетами на сегодняшний день наиболее убедительно (Медведев, 1999, с. 46–48, 134–144).

2.3. БЕЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ*

Обширную страну, охватывающую степную и лесостепную часть Восточной Европы, в древности называли Скифией. Это название она получила благодаря тому, что в 1-м тыс. до н.э. здесь обитали большие группы ираноязычных племен, которых греки называли обобщающим именем «скифы», хотя на этой территории жили и другие, отличавшиеся от собственно скифов, племена.

Конкретных сведений о жизни населения Скифии в письменных источниках мало, и в большинстве случаев они касаются степных кочевников-скифов, которые поддерживали непосредственные связи с античными городами Северного Причерноморья и особенно с греческой колонией Ольвия. Последняя располагалась при впадении в море (Понт Эвксинский) двух больших рек: Днепра (древний Борисфен) и Южного Буга (древний Гипанис), что позволяло проникать вглубь Скифии как сухопутными,

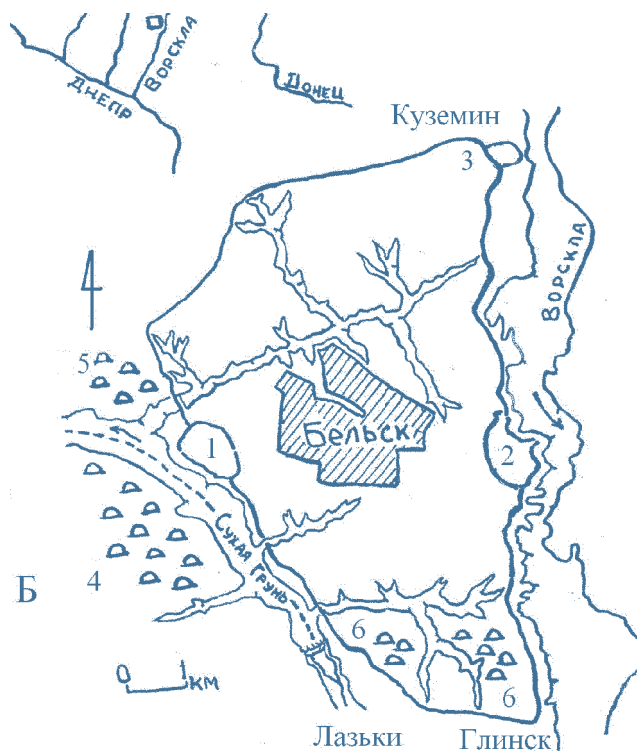

Рисунок 2.3.1. Бельское городище и его расположение на Днепровском Левобережье:

А — картосхема. Расположение городища на Ворскле;
Б — план Бельского городища: 1 — Западное укрепление;
2 — Восточное укрепление;
3 — Куземинское укрепление; 4–6 — курганные могильники

так и речными путями и благоприятствовало развитию экономических и культурных связей с населением Скифии.

Почти в самом центре малоизвестной тогда восточной части Лесостепной Скифии на рубеже VIII–VII вв. до н.э. или в самом начале VII в. до н.э. возникло своеобразное большое поселение, остатки которого известны сейчас под названием Бельского городища (рис. 2.3.1). В центре его расположено село Бельск Котелевского района Полтавской области. Бельское городище занимает обширное плато между реками Ворскла и Сухая Грунь. Сухая Грунь относится уже к бассейну реки Псел и открывает выход к Днепру по Пслу. Сразу же следует отметить, что ныне пересыхающая Сухая Грунь еще в XVIII в. была полноводной. Поселение расположено на высоком плато (средняя высота его над уровнем Ворсклы — 170–180 м), но благодаря многочисленным родникам достаточно обеспечено питьевой водой. Кроме того, оно обладало хорошей естественной защитой от внезапного нападения — этому благоприят-

* Автор раздела — Б.А. Шрамко, доктор исторических наук, профессор, Харьковский государственный университет.

ствовали крутые склоны речных долин и оврагов, а также окружающие леса (Л.Л. Кушнір, Л.М. Кушнір, 1999, с. 106–119).

Однако естественных препятствий было недостаточно для защиты населения и появились сначала простые деревянные изгороди, а затем с VII в. до н.э. начали сооружаться более сложные оборонительные сооружения, в которых деревянные укрепления сочетались с мощными валами и рвами. Возникли Западное (площадь 72 га) и Восточное (65,2 га) укрепления, но значительная часть поселения оставалась еще слабо защищенной. Наконец, к началу VI в. до н.э. было сооружено Большое укрепление (площадь 3868 га, протяженность валов 25 995 м), превратившее Бельское городище в единую мощную крепость, защищавшую большую территорию (рис. 2.3.2). Примерно в V–IV вв. до н.э. для защиты пристани и складов на берегу Ворсклы было сооружено особое Куземинское укрепление (площадь 15,4 га), небольшая ограда которого опускалась от края высокого берегового плато вниз к пристани на берегу Ворсклы. Бельское городище и связанные с ним курганные могильники были

известны еще в XVI–XVII вв. (Городцов, 1911, с. 139; Б. Шрамко, 1987, с. 7–8; Махортых, Ролле, 2006, с. 3), но первые научные археологические исследования здесь провел в 1906 г. В.А. Городцов (Городцов, 1911, с. 93–161).

Такого огромного укрепленного поселения, которое охватывало площадь более 4400 га, не было во всей Европе (Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 57). Самые большие кельтские оппидумы Кельхайм и Манхинг имеют площадь соответственно 650 и 400 га. На территории Лесостепи к западу от Днепра имеются крупные городища, но и они уступают Бельскому по размерам: Трахтемировское — 500 га, Мотронинское — 200 га, Немировское — 100 га. По сравнению не только с ними, но и с античными центрами Северного Причерноморья Бельское городище выглядит великаном. Древнегреческий город-государство Ольвия имел площадь около 50 га, а древний Херсонес — всего 38 га. Кстати, можно отметить, что одно Восточное укрепление Бельско-

Рисунок 2.3.2. Бельское городище. Вид на вал и ров Западного укрепления с северо-восточной стороны

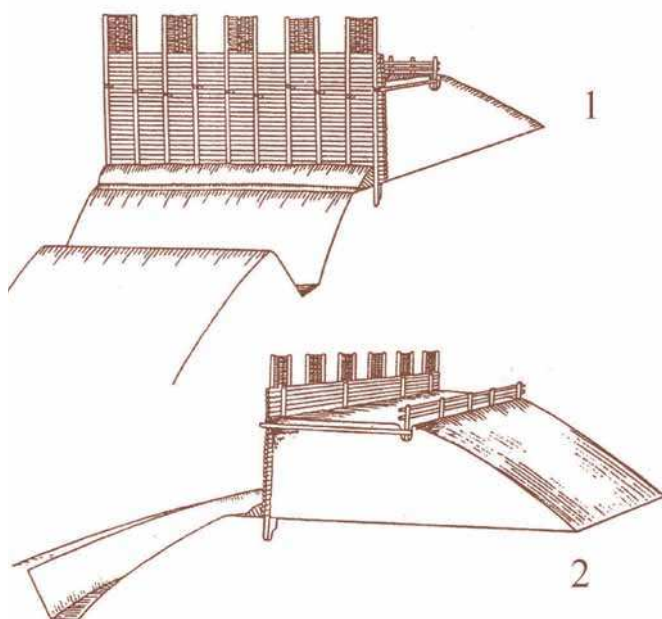

Рисунок 2.3.3. Реконструкция укреплений Бельского городища:

1 — вид укреплений с наружной стороны;
2 — вид укреплений с внутренней стороны
(по материалам раскопок Восточного укрепления)

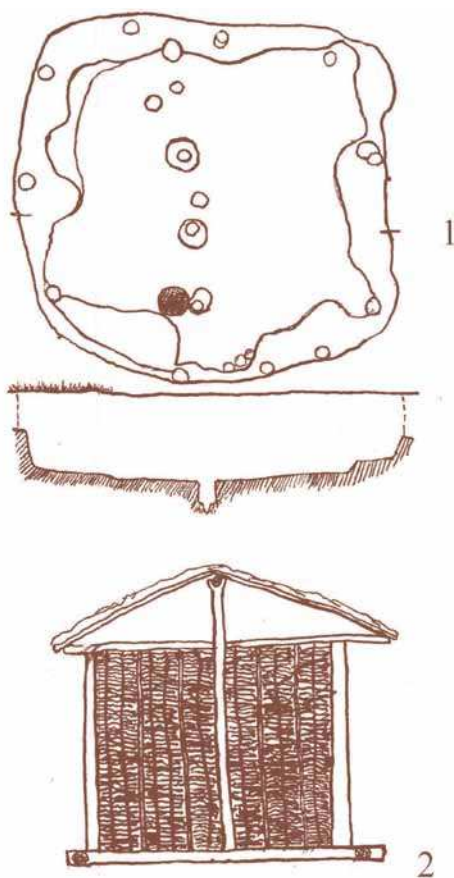

Рисунок 2.3.4. Различные типы жилищ Бельского городища:

1 — землянка; 2 — графическая реконструкция
каркасного жилища

го городища имело площадь 65,2 га, что почти равняется площади древнеримского города Помпеи с населением в период его расцвета 20–30 тыс. чел.

Наибольшее в Европе поселение раннего железного века не могло не привлечь внимания древних писателей. Важно то, что сведения о нем содержатся в широко известном сочинении Геродота (Herod., IV, 108). Сам Геродот не был в этом необычном городе в далекой стране будинов, но его информатор, скорее всего греческий купец, побывавший здесь с торговыми целями, сообщил Геродоту много интересных подробностей. При сопоставлении с данными археологических исследований они позволяют отождествлять город Гелон в стране будинов с Бельским городищем. Геродот говорил о деревянном городе Гелоне, и Бельское городище выглядело именно так: с внешней стороны в глаза бросалась мощная линия деревянных стен (рис. 2.3.3), а на внутреннем пространстве имелись деревянные каркасные постройки с соломенной крышей. Информатор Геродота сообщил ему, что длина стен города Гелона с одной стороны равна 30 стадиям. Полной протяженности всех стен города Геродот не указывает, и это вполне можно объяснить тем, как появилась цифра в 30 стадий. Если сведения о городе давал купец, прибывший по Ворскле и оказавшийся у современного села Куземин, то, чтобы получить сведения об одной стороне города, ему достаточно было пройти вдоль его северной стены по ровной местности на запад до крутого поворота оборонительной линии на юг (то есть от восточного поворота на юг до западного поворота на юг). Это расстояние как раз и равно 30 ионийским стадиям. Дальше на юг по сильно пересеченной местности продвигаться было трудно, так как пришлось бы преодолевать многочисленные глубокие яры и ручьи. Поэтому информатор ограничился обозначением линии стен с одной (северной) стороны города. Этого было достаточно, чтобы отметить большие размеры города. Для отождествления Бельского городища с геродотовским Гелоном важны и другие детали рассказа Геродота о стране будинов, о городе Гелоне и его окрестностях. Геродот, тщательно собирая материалы для своей «Истории», был весьма скуп на описание поселений, но тут он сообщал, что в этой местности имелись

большие леса, в которых росли разнообразные деревья, что местность изобиловала болотами и озерами, что здесь ловили выдр, бобров и других животных. Такое описание природной обстановки полностью соответствует тому, что имелось в окрестностях Бельского городища. Остатки больших лесных массивов сохранились и сейчас. В местной пойме Ворсклы много озер и болот, и сегодня здесь можно видеть редких в наше время бобров, а кости древних бобров обнаружены и среди остеологических материалов Бельского городища (Городцов, 1911, с. 114–115). Изображения бобров имеются даже среди глиняных культовых статуэток на городище. Совпадают также сообщения Геродота о широком распространении строительства из дерева, о культовых сооружениях с жертвенниками, о том, что местные гелоны занимаются земледелием и садоводством.

Многолетние археологические раскопки на Бельском городище и в его окрестностях позволяют сейчас расширить и конкретизировать краткие сообщения письменных источников. В частности, раскопки показали, что местные жители для устройства своих жилищ и хозяйственных сооружений использовали два вида построек: землянки (характерные для раннего времени) и наземные каркасные постройки разных вариантов. Образцом земляночного жилища может служить сравнительно хорошо сохранившаяся землянка (рис. 2.3.4: 1), обнаруженная в 1958 г. при исследовании зольника VI в. до н.э. на Западном укреплении Бельского городища (Б. Шрамко, 1985, с. 74–83).

Землянка имеет в плане форму квадрата размером 8,10×7,76 м. Дно (пол) — на глубине 1,95–2,25 м от современной поверхности раскопа. По периметру вдоль стен землянки видны основания лежанок, которые возвышаются на 20 см над уровнем глиняного пола. Лежанки, видимо, покрывались шкурами или тканями. Около северо-восточной лежанки был расположен глиняный очаг размером 60×60 см. Судя по слабой обожженности, на нем разводился лишь слабый огонь. С запада на восток вдоль средней части землянки расположены крупные столбовые ямы, служившие опорой гребня крыши. Сразу же следует отметить своеобразие способов укрепления опорных столбов. Только небольшая ниж-

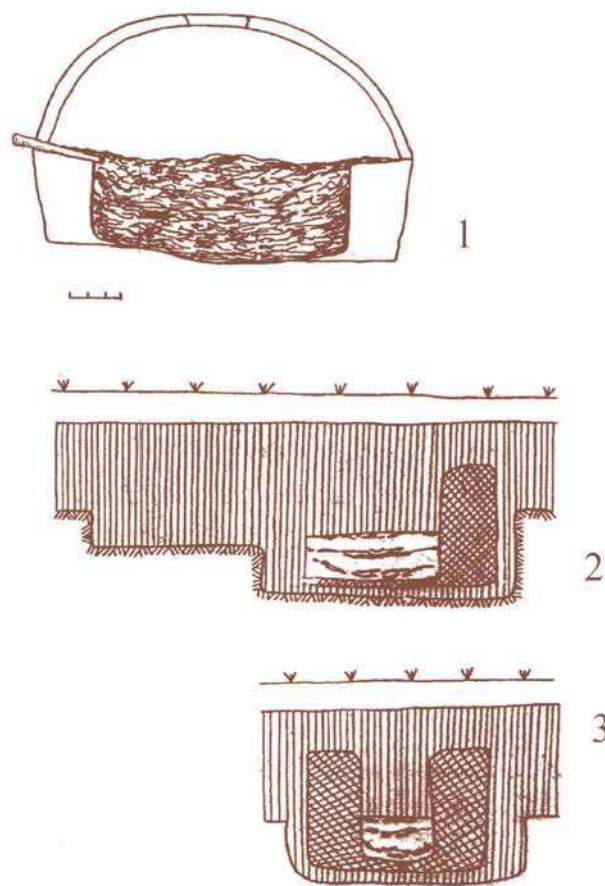

Рисунок 2.3.5. Сооружения ремесленников:

1 — ямный горн для добычи железа; 2–3 — кузнечный горн

няя часть столбов устанавливались в ямки, затем заостренный нижний конец столба вбивался в дно этой ямки. Это обеспечивало прочное закрепление столбов. Вдоль стен землянки расположены более тонкие столбики, служившие для закрепления деревянной облицовки. Нижние заостренные концы этих столбиков также не вкапывались, а вбивались в материковую глину. Крыша жилища была двускатная и, по-видимому, покрывалась соломой.

Чаще землянок встречаются деревянные каркасные сооружения (рис. 2.3.4: 2). Это наземные постройки, основой которых являются расположенные по периметру жилища вертикальные столбы. Промежутки между этими столбами основы каркаса заполняются плетнем из более тонких жердей, связанных прутьями в единую стенку. При этом на Бельском городище наблюдается та же особенность, которая была отмечена и в установке вертикальных столбов землянки. Вертикальные столбы основы каркасной постройки не вкапывались в ямки, а их

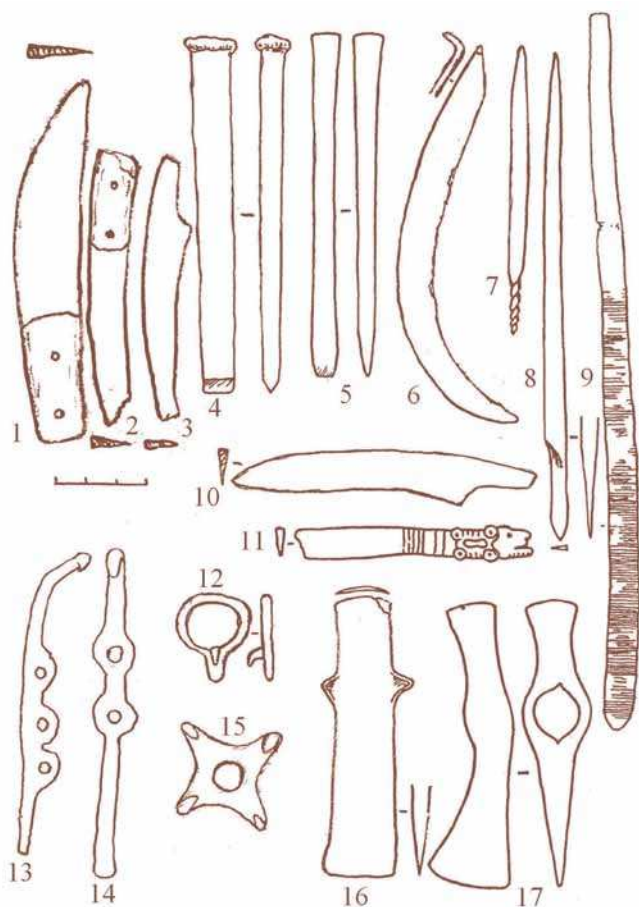

Рисунок 2.3.6. Изделия из железа и стали:

1–3 — ножи; 4 — зубило; 5 — стамеска; 6 — серп; 7 — бурав; 8 — скальпель; 9 — напильник; 10 — нож; 11 — нож с рукояткой, украшенной в зверином стиле; 12 — пряжка; 13–14 — псалии; 15 — деталь «строгих» удил; 16 — топор с боковыми выступами; 17 — проушной топор

заостренные нижние концы вбивались в землю на небольшую глубину (5–10 см). Концы более тонких жердей плетневой стенки вообще лишь упирались в землю. Пол обычно был глиняным. Поэтому чернозем, который оказывался внутри контура каркасной постройки, выбирался до появления глины и пол жилища оказывался более низким, чем уровень начала каркасных стен. У некоторых сложных построек столбы основы каркаса не вбивались в землю, а вставлялись в углубления горизонтальных плах нижней обводки постройки. Плетневые стены иногда обмазывались глиной и белились. Примером каркасной постройки сложной конструкции может служить жилище, обнаруженное в 1994 г. в раскопе № 33 на Восточном укреплении Бельского городища (Б. Шрамко, 2003, с. 190–195). Это было сложное жилище V в. до н.э. с подполом.

В плане помещение имело форму прямоугольника размером 2,25×3,30 м. У жилища был перекрытый деревянным настилом подпол. При этом вертикальные столбы основы каркасных стен не вбивались в стену, а вставлялись нижними копнами в углубления, которые имелись в горизонтальных плахах обводки, лежащей прямо на земле. Каркасные стены из жердей и прутьев были обмазаны глиной и побелены с наружной стороны.

Хозяйство обитателей Бельского городища было разносторонним. Какая-то часть жителей занималась земледелием и садоводством. Жители городища получали зерно для собственных нужд и для экспорта из окружающих городище сельских поселений в обмен на продукцию своих ремесленников. Благодаря многочисленным находкам отпечатков зерен и растений, а также находкам обуглившихся остатков зерен (рис. 2.35, с. 77), мы имеем возможность довольно полно представить, что выращивало и чем располагало местное население раннего железного века. Основными зерновыми культурами были пленчатая пшеница (полба), пленчатый многорядый ячмень. Часто встречается просо, реже — отпечатки мягкой голозерной пшеницы, твердой пшеницы, ржи и овса. Из бобовых выращивали горох, фасоль, бобы. Особо следует сказать о садоводстве, на которое обратил внимание Геродот (Herod., IV, 108). Археологические материалы показывают, что продукция садоводов была довольно обширна, так как на городище устраивали даже специальные печи для сушки фруктов. Будины охотились, добывая ценную пушнину, которая расширяла возможности меновой торговли. Но все же многолетние археологические исследования бесспорно свидетельствуют о том, что главным в хозяйстве Бельского городища-Гелона были различные ремесла и торговля.

Местные условия благоприятствовали развитию на Бельском городище ремесел, связанных с добычей и обработкой железа. В пойме Ворсклы можно было легко добывать болотную руду (бурый железняк), а окрестные леса позволяли получать необходимое количество древесного угля для обеспечения сыродутного процесса добычи железа и обработки его в кузнечных горнах. На Бельском городище найдены остатки небольших ямных сыродутных горнов, в кото-

рых получали железо (рис. 2.3.5: 1). Несложное устройство и простота эксплуатации обеспечили широкое распространение таких горнов в Европе и Азии. Найдены на городище и остатки двух кузниц (И. Шрамко, 1990; 1994), причем в одной из них прекрасно сохранился кузнечный горн (Мурзин, Ролле, Херц, Скорый, Махортых, Белозер, 2001, с. 72) (рис. 2.3.5: 2). Ассортимент изделий из железа и стали очень разнообразен (рис. 2.3.6: 7). Кроме различных ножей, оружия, деталей конской упряжи, шильев, булавок и иных бытовых предметов найдено много орудий для обработки металлов, в том числе редкий для этого времени напильник с однорядной насечкой и с остатками бронзы между зубцами.

В иных условиях развивалась обработка цветных металлов. Местного сырья, если не считать вторичное в виде обломков различных изделий, не было. Медь и легирующие добавки, необходимые для получения хороших бронз, были привозными. Однако высокий уровень квалификации местных ремесленников позволял производить изделия, которые получили большое распространение и отличались высоким качеством. О высоком уровне развития местного бронзолитейного ремесла свидетельствует тот факт, что местные литейщики раньше других в Скифии начали использовать литые в усовершенствованные металлические литейные формы (рис. 2.3.7: 8–9) (Б. Шрамко, 1999, с. 318–322; 2002, с. 163–166). Ассортимент продукции бронзолитейщиков был довольно велик (рис. 2.3.8), но особо необходимо отметить, что на Бельском городище производились вещи, оформленные в типичном зверином стиле. На это прямо указывает находка литейной формы для отливки боль-

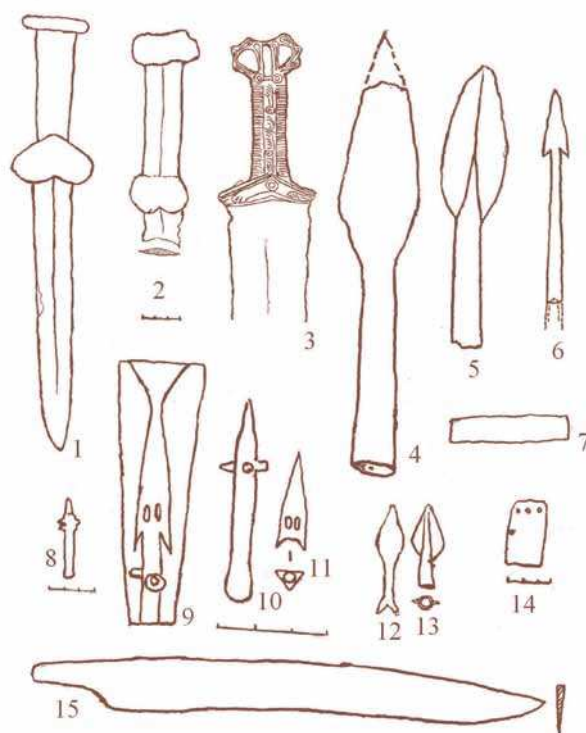

Рисунок 2.3.7. Вооружение и его изготовление:

1–3 — мечи; 4–5 — наконечники копий; 6 — обломок дротика; 7 — вток; 8, 10 — стержни для формы отливки наконечников стрел; 9 — формочка для отливки наконечников стрел; 11 — бронзовый наконечник стрелы; 12–13 — железные наконечники стрел; 14 — чешуйки от панциря

Рисунок 2.3.8. Изделия из бронзы, кости и глины:

1 — деталь рукоятки зеркала; 2 — украшение ремня уздечки; 3 — подвеска; 4 — обломок псаля от конской уздечки; 5 — булавка; 6 — бронзовое навершие меча; 7 — разные типы наконечников стрел; 8 — костяная ручка ножа; 9 — костяные псаля; 10 — серьга; 11 — костяной обломок крестовидной бляхи, украшенной серией фигур хищников (пантер); 12–13 — глиняные модели рала и ярма; 14 — золотое украшение; 15 — глиняное изображение женщины; 16 — глиняное изображение головки; 17 — глиняное изображение быка; 18 — бронзовая серьга; 19 — костяной нож для мездрения кожи; 20 — ножной гладильник из кости для обработки кожи

Рисунок 2.3.9. Обломок литейной формы

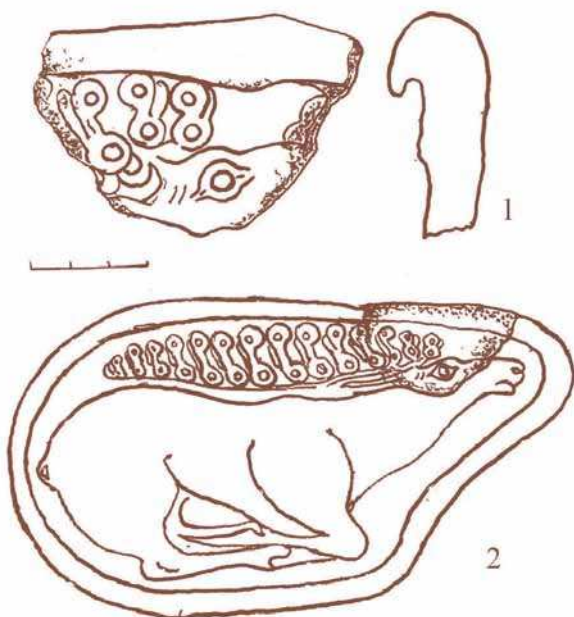

Рисунок 2.3.10. Глиняная литейная форма для отливки бляхи к щиту:

1 — обломок глиняной литейной формы для отливки бляхи к щиту;
2 — реконструкция литейной формы для отливки бляхи к щиту

шой бляхи, изображавшей фигуру оленя. Она предназначалась для украшения щита (рис. 2.3.9; рис. 2.3.10). К числу важных местных промыслов относится пчеловодство, снабжавшее население медом и воском. Следы этого промысла трудно фиксируются, но на Бельском городище, на соседних поселениях, даже в кургане на Среднем Дону найдено такое важное орудие, как «Жень» — в виде железной скобы с зубьями, которое помогало взбираться на деревья и удерживаться на них при сборе меда диких пчел (рис. 2.3.11) (Гуляев, Савченко, 2004; Б. Шрамко, 2005, с. 154).

Существовавшее у местного населения с давних пор косторезное производство получает на Бельском городище дальнейшее развитие и выделяется в самостоятельное ремесло. Об этом свидетельствует обнаруженная на Бельском городище специализированная косторезная мастерская (Радзиевская, 1980, с.181–189; Б. Шрамко, 2006, с. 12).

По количеству находок на городище во всех слоях первое место принадлежит очень разнообразной по форме и по назначению керамике. Местная керамика вся изготовлялась вручную без применения гончарного круга. Но обжиг сосудов производился уже в простой гончарной печи купольного типа. Местная глиняная посуда представлена такими видами изделий (рис. 2.3.12; 2.3.13):

- 1 — горшки разнообразных размеров;
- 2 — миски (в том числе миски и вазы на коническом поддоне);
- 3 — кувшины;
- 4 — корчаги;
- 5 — кружки и черпаки (ковши).

Орнаментация сосудов разнообразна. Горшки чаще всего украшены по венчику пальцевыми вдавлениями и сквозными проколами. Многие горшки вообще лишены орнамента. Среди ранних сосудов имеются изделия с лощеной поверхностью, которое иногда сочетается с геометрическим орнаментом. К особому виду керамических изделий относятся глиняные скульптуры, изображающие людей, животных и различные предметы. Так же как особый вид керамических изделий необходимо рассматривать разнообразные глиняные конусы (рис. 2.3.13: 13–19), не говоря уже о многочисленных пряслицах и других мелких поделках не всегда ясного назначения.

Торговые связи Бельского городища-Гелона обнаруживаются при изучении разных материалов, но особенно выразительны в этом отношении материалы античного импорта. При археологических раскопках найдено большое количество античной керамики, происходящее из различных центров античного мира (рис. 2.3.14). Обнаружена чернолаковая греческая керамика и амфорная тара из Аттики, Гераклеи, Синопы, Милета и ряда островных центров (Хиос, Лесбос и др.) (Б. Шрамко, 1987, с. 122–126; Онайко, 1966; Онайко, 1970; Задников, 2005, с. 268–275).

Для религиозных верований обитателей Бельского городища характерен синкретизм. Земледельческий культ Диониса, о существовании которого в городе Гелоне прямо говорит Геродот, фиксируется многими находками, в том числе остатком небольшого храма с деревянными колоннами (Бойко, 1990, с. 52–65; Б. Шрамко, 1987, с. 127), многочисленными находками (рис. 2.3.15) глиняных культовых статуэток, многие из которых несомненно связаны с культом Диониса (Б. Шрамко, 1976, с. 208), многообразными и разнообразными жертвенниками (И. Шрамко, 1994а, с. 190–191; Задников, 2000, с. 31–32; И. Шрамко, 2006, с. 35, 37). В находках Бельского городища нашел отражение миф о скифском прародителе Таргитае, описанном Геродотом (Herod., IV, 5). Как известно, в этом мифе говорится о священных золотых предметах (плуге, а также рале с ярмом, секире и чаше). Этот набор был обнаружен на Бельском городище среди глиняных культовых моделей (рис. 2.3.8:12–13). На Бельском городище найден и уникальный бронзовый перстень с изображением Диониса (рис. 2.3.16) (Б. Шрамко, 1987, с. 161).

В настоящее время можно считать общепризнанным, что Бельское городище — это геродотовский город Гелон (Б. Шрамко, 1987; Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 57; Граков, 1971; Rolle, Murzin, Šramko, 1996, s. 83; Рыбаков, 1979, с. 153, 164; Моруженко, 1989; Дараган, 1996, с. 359–362; Медведев, 2004, с. 84; И. Шрамко, 2006, с. 33–36).

Нелегко найти полный ответ на казалось бы простой вопрос: кто жил на Бельском городище в VII–III вв. до н.э. и является создателем далеко не простой местной культуры раннего железного века?

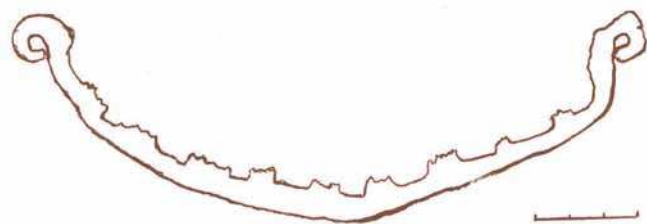

Рисунок 2.3.11. Железное орудие для бортничества «Жень»

Гелоны поселились на земле будинов. Среди обитателей города были будины и гелоны. Таким образом, в составе Бельского городища существовало два основных компонента: будины и гелоны; Б.Н. Граков отметил, что это соответствует существованию двух основных частей внутри Большого Бельского городища — Восточного и Западного укреплений (Граков, 1971). Но констатация существования здесь гелонов и будинов еще не решает вопроса полностью. Неизвестно, кто такие были будины и гелоны. Геродот уверенно указывает, что «гелоны в древности были эллинами» (Herod., IV, 108), выходцами из каких-

Рисунок 2.3.12. Различные виды местной керамики:

1–4 — горшки; 5–6 — миски; 7–8 — корчаги; 9–10 — кувшины

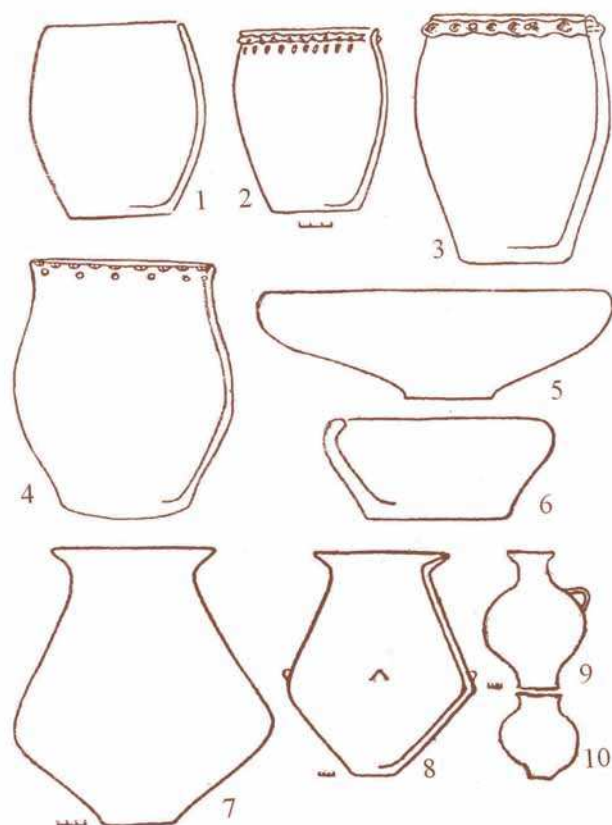

Рисунок 2.3.13. Различные виды местной керамики:

1–2 — кувшины; 3 — миска на конической ножке (ваза);
4 — миска с украшениями в виде выступов;
5–6, 10 — небольшие сосуды различного назначения;
7–9, 11–12 — кружки и ковши; 13–19 — глиняные
конусовидные изделия

то приморских торговых поселений, которые точно не называются. Археологические данные позволяют кое-что уточнить.

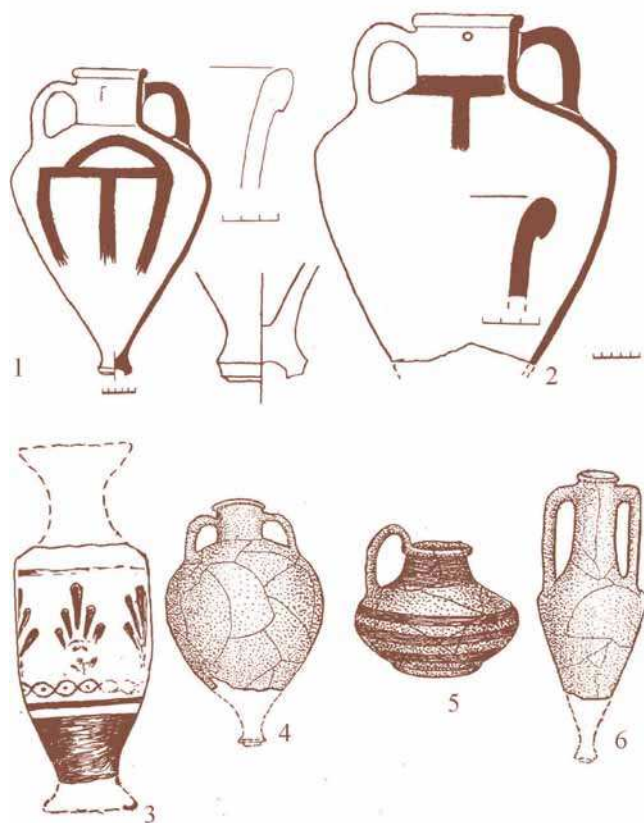
К.К. Марченко обратил внимание на существование очень ранних (еще с периода конца VIII — середины VII в. до н.э.) греко-варварских связей, которые охватывали большую территорию от Северо-Западного Причерноморья до областей Левобережной Лесостепи (Марченко, 1988; 1991, с. 15). Описанная им «варварская керамика» явно имеет облик фракийской.

Археологические материалы позволяют сейчас говорить о том, что в этот ранний период поселением, из которого в древности выселились эллины, была апойкия на Березани. Обломки однотипных ранних греческих амфор были найдены на Бельском городище и в засыпке колодца № 5 на Березани (среди материалов третьей четверти VI в. до н.э.) (Задников, 2005, с. 270). Поселившись в городе Гелоне (Бельское городище), эллины в соответствии с античными представлениями об этносе стали называться гелонами (Дандамаева, 2000, с. 19–22). В ходе развития торговых связей эллины овладели языком местных жителей. Поэтому неудивительно упоминание о том, что гелоны говорили и по-скифски. Однако это не может служить основанием для того, чтобы, как полагают некоторые, считать гелонов ираноязычным населением и отождествлять их со скифами (Медведев, 1999, с. 201).

Что касается будинов, то современные исследования позволяют говорить о том, что за этим названием скрывалось наименование лесостепного населения в обширной области по крайней мере от Среднего Дона до Днепровского Левобережья (Медведев, 1999; 2004, с. 80).

Важно отметить, что отмеченные К.К. Марченко «варварские» связи Березани достигали Лесостепи и, в частности, Бельского городища. Это позволяет говорить о наличии в значительной части Лесостепи родственного населения (Марченко, 1988, с. 85; Дараган, 2006, с. 19). А если учесть фракийский элемент в черномор-

Рисунок 2.3.14. Античная керамика

ской культуре (Отрощенко, Моця, 1989, с. 24–25), то можно уже более уверенно говорить о распространении территории будинов до Днепровского Правобережья. Значительную культурную общность на большой территории расселения лесостепных племен убедительно показала еще А.А. Моруженко (Моруженко, 1989; 1985, с. 160–178). Но для решения вопроса об этнической принадлежности лесостепного населения этих данных было еще недостаточно. Рассказ Геродота (Herod., IV, 108–109) содержит ряд важных указаний о том, что язык будинов отличается от того, на котором говорят гелоны (следовательно, это был не греческий и не скифский язык), но эта отрицательная характеристика сама по себе также недостаточна, хотя должна учитываться. Решению вопроса об этнической принадлежности будинов помогли археологические исследования.

Еще при первых раскопках 1906 г. В.А. Городцов обнаружил на Бельском городище в зольнике № 1 очень важное изделие, которое вначале не привлекло к себе особого внимания, — оно описано в кратком отчете как обломок неясного происхождения в виде куска «штукатурки, покрытой орнаментом» (Городцов, 1911, с. 151). Однако дальнейшие исследования показали, что был найден обломок жертвенника фракийского типа, украшенного характерным рельефным орнаментом в виде «бегущей волны» (И. Шрамко, 2006, с. 35). Позже лучше сохранившиеся остатки аналогичного фракийского жертвенника были обнаружены на раннескифском поселении у с. Жаботин в Днепровском Лесостепном Правобережье (Покровская, 1962, с. 73–81). Сопоставление этих и других аналогичных находок ясно показало, что найденный В.А. Городцовым обломок штукатурки относится к числу фракийских древностей и является обломками жертвенника фракийского типа (Чичикова, 1975, с. 193).

Сейчас мы располагаем не только этими единичными находками. В ходе обширных археологических раскопок на Бельском городище был получен разнообразный массовый материал, в том числе новые жертвенники. Все это не оставляет сомнений в том, что на Бельском городище в VII–III вв. до н.э. часть населения имела культуру, показываю-

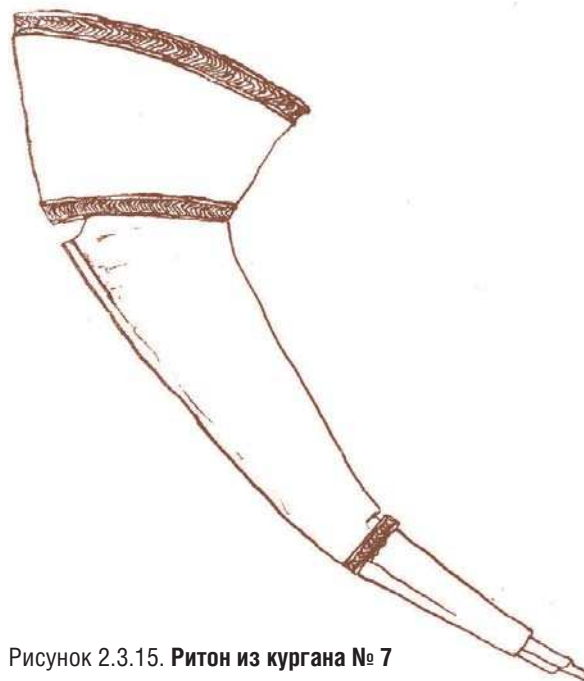

Рисунок 2.3.15. Ритон из кургана № 7

щую его связь с фракийским этносом, близкую к культуре северных фракийцев (Никулицэ, 1987, с. 44–47).

Различные свидетельства, указывающие на существование фракийской культуры у части населения Бельского городища, хорошо подкрепляются неоднократными находками на Восточном укреплении этого городища специфической керамики, изготовленной с помощью гончарного круга, в то время как господствует здесь более простая керамика ручной лепки. Такую специфическую кружальную керамику Г.И. Смирнова обоснованно считает северофракийской (Смирнова, 1967, с. 234).

Все это позволяет считать, что Бельское городище было полиэтническим поселением. Имеющиеся данные свидетельствуют о наличии в составе этого поселения сильно варваризованных греков («эллинов в древности», по определению Геродота) и какой-то части фракийцев. Возможно, среди будинов кроме фракийцев были и другие этнические группы.

Имеющиеся в настоящее время данные позволяют определенно говорить о том, что в VII–III вв. до

Рисунок 2.3.16. Бронзовый перстень с изображением Диониса

н.э. Бельское городище было крупным торгово-ремесленным центром, оказавшим большое влияние на обитателей Скифии и в значительной мере определявшим развитие и формирование своеобразной культуры как лесостепной, так и степной Скифии.

2.4. МОТРОНИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ*

2.4.1. Мотронинское городище скифской эпохи в Приднепровской Лесостепи

Мотронинское городище относится к числу крупнейших укрепленных поселений скифского времени Днепровского Лесостепного Правобережья и является самым большим городищем бассейна р. Тясмин. Название происходит от Мотронинского (Мотронинского Пустынно-Троицкого) монастыря, располагающегося на одном из участков городища.

Общая площадь городища, проверенная недавно данными аэрофотосъемки (Хохоровски, Скорый, 2006, с. 74–84), вполне соответствует сведениям, сообщаемым о городище в более ранних работах, — около 200 га. Расположено оно на краю большого лесного массива (общая площадь массива — около 30 тыс. га), на верхушке водораздельной возвышенности, окруженной с трех сторон глубокими оврагами и лощинами урочища Холодный Яр, в 3 км к западу — юго-западу от современного села Мельники Чигиринского района Черкасской области, в 7 км к юго-западу от р. Тясмин. К городищу с восточной стороны подходят истоки р. Креселка — притока Тясмина, берущие начало из подземных ключей на склонах упомянутых лощин (*рис. 2.4.1, с. 87*).

Городище имеет форму неправильного овала, вытянутого по линии северо-запад — юго-восток. По периметру окружено оборонительным валом и рвом. Их сохранившиеся размеры варьируют, что, вероятно, имело место и в древности и диктовалось особенностями рельефа и стратегическими соображениями. Максимальная высота вала (от дна рва) в настоящее время — 10,5 м, ширина по подошве — до 20–25 м, глубина рва — 4–6 м, ширина — 12–15 м. Указанные размеры имеет юго-юго-западный участок обороны го-

родища, располагающийся на сравнительно ровной местности и соответственно наиболее доступный в случае нападения с напольной стороны. К нему почти вплотную примыкает курганный могильник, насчитывающий немногим более 70 насыпей.

С трех сторон перпендикулярно к основному валу располагаются отрезки вала различной длины. Один из них — северный — расположен вдоль дороги, идущей с городища в сторону современного с. Лубенцы, видимо, прикрывая ее.

Кроме внешней системы обороны городище имеет внутреннее укрепление (цитадель) площадью около 70 га. Примерно в центре оно было разделено валом, проходящим с севера на юг. В настоящее время большая часть вала почти полностью уничтожена многолетней распашкой. Наиболее хорошо сохранились южный и восточный участки внутреннего укрепления, находящиеся в лесу.

Рельеф местности отличается разнообразием. В пределах внутреннего укрепления и прилегающих к нему участков, в западной и восточной частях городища, поверхность довольно ровная с плавным понижением рельефа в южном и западном направлениях. Наиболее высоким и ровным местом является участок, находящийся в восточной части внутреннего укрепления (именно здесь располагалась в свое время усадьба Мотронинского монастыря, впоследствии восстановленная). С севера к нему примыкает вершина обширного и глубокого оврага, по дну которого проходит участок внешнего оборонительного вала городища, прерываясь по сторонам ручья. Здесь находился, по-видимому, один из основных водных источников — небольшое озеро с двумя ручьями и множеством родников. Участки сильно пересеченной местности расположены между внутренним и внешним валами в северной и восточной частях городища.

Значительная часть городища между внешним и внутренним валами и часть внутреннего укрепления покрыты лесом. Остальная территория занята пашнями, за исключением небольшой площади в восточной части внутреннего укрепления, усадьбы Мотронинского монастыря.

В пределах городища, в том числе на внешнем оборонительном валу, фиксируются несколько подземных сооружений, относящихся,

* Авторы раздела — С.С. Бессонова, доктор исторических наук, и С.А. Скорый, доктор исторических наук, Институт археологии НАН Украины.

по-видимому, ко времени функционирования монастыря. Культурный слой скифского времени на территории монастырской усадьбы основательно поврежден.

Городище с севера на юг пересекает дорога с асфальтовым покрытием (из с. Мельники в с. Буда) и ответвляющаяся от нее к западу проселочная дорога в с. Жаботин. Эти дороги, вероятно, совпадают с направлениями древних дорог, ведущих к выездам из городища. Еще два выезда — упомянутый на с. Лубенцы в северной части городища (древний въезд) и в направлении хуторов с. Мельники (в сторону р. Тясмин) — в восточной. Последний въезд также, очевидно, является древним.

Первые сведения о древнем укрепленном поселении появились в научной литературе еще в начале XIX в. Исследователи того времени считали, что валы вокруг монастыря насыпаны в очень давнюю эпоху. Возведение этих величественных укреплений связывали, в частности, с древними греками или варварами времени великого переселения народов (Бессонова, Скорый, 2001, с. 3–6). Гипотезу о Мотронинском городище как памятнике скифского времени первым высказал известный археолог А.А. Бобринский. На основе тщательного обследования территории он составил план и обстоятельное описание городища, его валов и курганного могильника (Бобринский, 1894, с. 53–60).

Гипотезу А.А. Бобринского подтвердили дальнейшие археологические исследования, которые в разные годы проводили на городище В.В. Хвойка и Б.Н. Ханенко (Киевская старина, 1899, с. 36; Ханенко, 1899, с. 91; Хвойка, 1905, с. 6–7; 1913, с. 40), А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская и др. В 1988–1996 гг. там работала экспедиция Института археологии НАН Украины (начальник экспедиции — С.С. Бессонова). За 9 полевых сезонов на различных участках городища исследована площадь 3500 кв. м (Бессонова, Скорый, 2001, с. 5), а также раскопано в основном вручную 10 небольших курганов за его валами (Скорый, Бессонова, 1995, с. 68–78). В 2000–2003 гг. раскопки на городище и близлежащем могильнике были продолжены силами совместной Украинско-Польской экспедиции (совместная экспедиция Института археологии НАН Украины, Института археологии Ягеллонского универси-

тета и Национального историко-культурного заповедника «Чигирин». Начальники экспедиции С. Скорый и Я. Хохоровски). Помимо работ непосредственно в пределах самого поселения были осуществлены раскопки на двух участках внешней оборонительной системы и одном участке внутренней системы обороны (Скорый, Хохоровски, 2004, с. 75–79), а также исследованы 17 курганов (16 небольших насыпей — вручную) (Скорый, Хохоровски, 2004, с. 78) и самая крупная насыпь могильника, курган Скифская Могила, высотой до 8 м и диаметром до 55 м с использованием землеройных механизмов (Скорый, Хохоровски, 2004а, с. 239–244). В целом в ходе работ на городище в 2000–2003 гг. исследована площадь 1942 кв. м, что вместе с территорией, изученной в 1988–1996 гг., составило 5442 кв. м. Весьма важным результатом явилось уточнение общего плана городища с использованием данных аэрофотосъемки (материалы аэрофотосъемки в масштабе 1:50). Общее же число курганов, исследованных за эти годы, достигло 27, что составляет более 1/3 всех курганных могильников (71 насыпь).

В результате осуществленных на городище работ выяснилось, что вся территория была достаточно густо заселена именно в скифский период — от конца VII — начала VI до V в. до н.э. Особенно много выявлено объектов и предметов конца VI — начала V в. до н.э. Есть и более поздние находки — второй половины V–IV в. до н.э., но каких-либо сооружений этого времени не найдено. Периодически встречаются находки вещей черняховской культуры (III–IV вв. н.э.), но все на участках с поврежденным культурным слоем. Есть также находки раннеславянского периода (пеньковская культура, VI–VII вв.). Многочисленны находки XVII–XVIII вв., более всего посуда, печные изразцы. Связаны они с функционированием монастыря.

Большинство находок послескифского времени сделано в северо-восточной части внутреннего укрепления, где потом располагалась усадьба Мотронинского монастыря. Это был, вероятно, наиболее пригодный для застройки участок, достаточно густо заселенный еще в скифскую пору.

Весьма масштабные раскопки были проведены при возрождении монастыря с целью выявления фундаментов монастырских сооружений,

поскольку предусматривалось по возможности восстановить прежний архитектурный ансамбль. Планировалось возвести сооружения на старых местах в традиционном для церковной архитектуры стиле. Тогда помимо прочего был открыт фундамент деревянной церкви Иоанна Златоуста, сожженной в 1943 г.

Известно, что с территорией Мотронинского городища связаны выдающиеся исторические события времен освободительной войны под предводительством Б. Хмельницкого, Колиивщины (XVIII в.), Холодноярской республики (1918–1922 гг.). Однако прежде всего это памятник скифского времени, когда здесь на протяжении нескольких столетий существовал значительный центр местных племен. Такие большие городища, несомненно, феномен не только лишь скифской эпохи, но и древней истории Украины в целом. Их иногда называют протогородами — за огромные размеры, центральное положение среди небольших укрепленных и неукрепленных поселений, совершенные и сложные оборонительные сооружения, развитые ремесла и пр.

Все большие городища скифского времени очень удачно размещены с оборонительной точки зрения. Располагаются они в относительно изолированных и труднодоступных местностях: на кручах коренных берегов рек, среди яров и лесов. Масштабы оборонительных сооружений больших городищ и теперь поражают. Мы уже отмечали размеры оборонительных валов и рвов Мотронинского городища. Сходная картина и на большинстве иных больших городищ скифской эпохи Лесостепи.

В ходе исследований 2001–2003 гг., проведенных на двух участках внешней оборонительной системы Мотронинского городища (въезд со стороны с. Жаботин и участок между дорогами в с. Жаботин и с. Лубенцы) и на одном участке внутренней системы, удалось получить сведения, касающиеся времени их сооружения и конструктивных особенностей.

В ходе исследования участка внешней системы обороны на въезде со стороны Жаботина выяснилось, что ширина вала на этом участке у основания равнялась 23,6 м, максимальная высота — 5 м, ширина рва в верхней части — 15,8 м, максимальная глубина — 6,5 м. Выделяются три строительных периода. Первый представлен де-

ревоземляной конструкцией. Основу ее составлял частокол, сооруженный из бревен, вставленных в глубокую узкую канавку, и выкладка из бревен и плах. С внутренней стороны выкладка многослойная. Деревянная основа была перекрыта сверху насыпью из чернозема и глины. Общая высота фортификации первого периода — 2,5 м. Сверху на валу был частокол, но его высота не ясна. Валу соответствовал ров, который целиком уничтожен при перестройке системы на более поздних этапах. Фортификация этого периода погибла в огне пожара (дерево частично сгорело, частично обуглилось). Предварительная дата этого этапа функционирования системы обороны — середина — вторая половина VII в. до н.э. (данные радиоуглеродного датирования).

На втором этапе, через небольшой промежуток времени, вал был увеличен до высоты 4 м. Этому периоду соответствуют две подчистки рва. Фортификационные сооружения этого периода также погибли в огне пожара. Его следы сохранились в заполнении второй подчистки рва. Здесь обнаружены кости животных, берцовая кость человека, лепная посуда, характерная для конца VII — первой половины VI в. до н.э.

Третий период существования фортификации, в частности рва, плохо улавливается стратиграфически из-за естественного разрушения его верхней части. В этот период ров подчищали по меньшей мере 4 раза. В заполнении рва найдены довольно многочисленные находки лепной посуды и фрагменты древнегреческих амфор конца VI — начала V в. до н.э.

На втором участке фортификации размеры оборонительных сооружений менее значительны. Ширина основы вала равнялась 12 м при высоте 4 м. Максимальная ширина рва — 12 м при глубине 5,4 м. Вал на этом участке имеет два строительных периода. Деревянная конструкция подобна той, которая открыта на Жаботинском участке, однако она не имела никаких следов горения. Ров имел 11 подчисток, иными словами, он столько же раз менял свои размеры и очертания. С точки зрения конструктивных особенностей несомненный интерес представляет выкладка из дикарного камня на дне рва четвертой подчистки. Не исключено, что она играла роль некой дорожки для скрытого передвижения по дну рва.

Необходимость поддержания в должном состоянии фортификационной системы вынуждала жителей городища обновлять прежде всего рвы, пригодность которых оценивается в среднем до 10 лет. В этом случае можно допустить, что внешняя система обороны Мотронинского городища существовала в состоянии «боевой готовности» не более 100 лет (Хохоровски, Скорый, 2006).

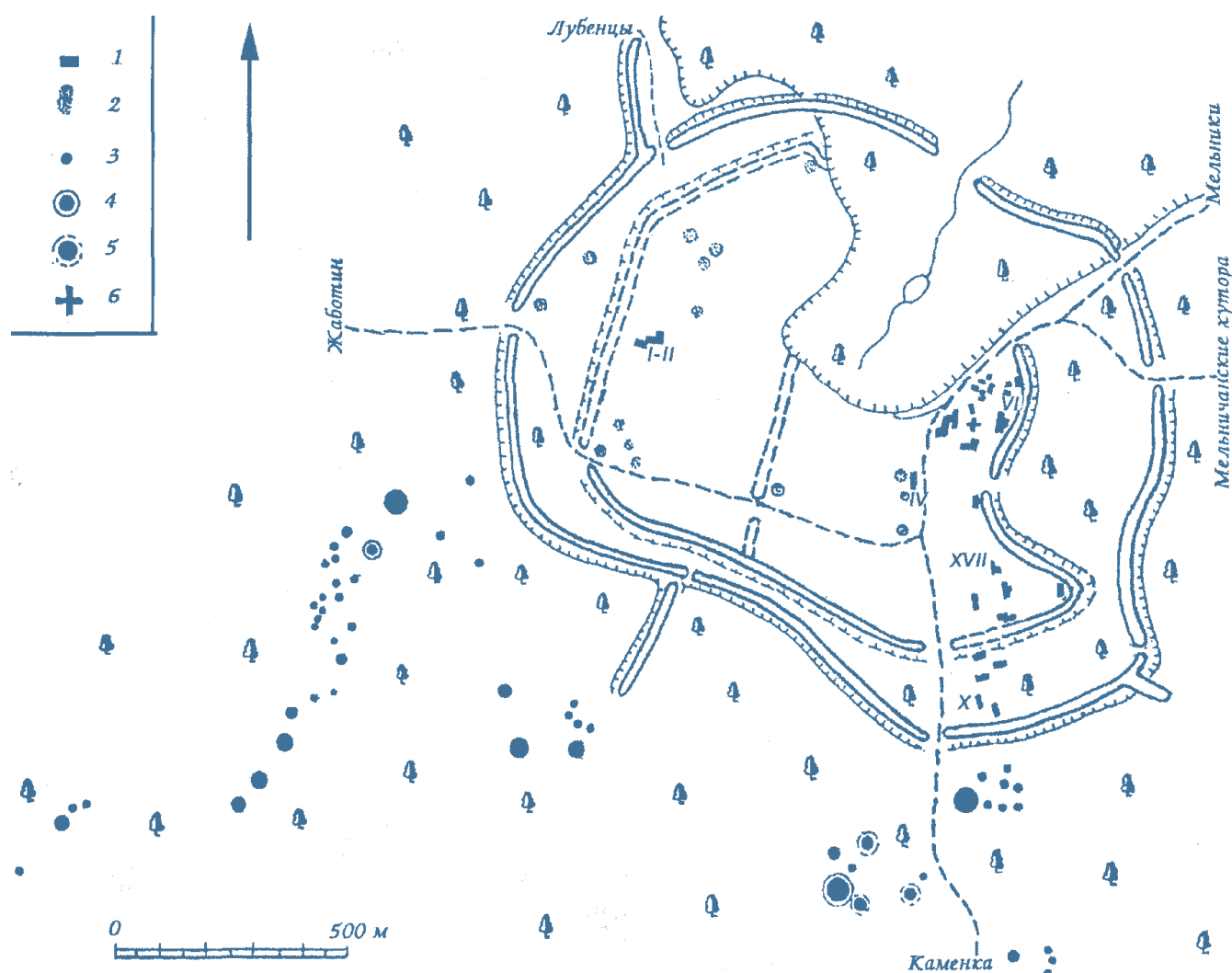
Понятно, что выполнить огромные объемы работ при возведении оборонительных сооружений могло лишь очень большое количество рабочих, причем соответственно организованных. Напомним, что известны и намного большие (по сравнению с Мотронинским) городища скифского времени, например Трахтемировское в Поросье (около 500 га), Большое Ходосовское на Киевщине (2000 га), Бельское городище на Ворскле (более 4000 га). Очевидно, были ка-

кие-то чрезвычайные обстоятельства, которые вынуждали общество того времени тратить такие усилия на строительство оборонительных сооружений и тем самым надолго отрываться от хозяйственных работ. Большинство исследователей считают, что к этому их вынуждало появление в степях могучего врага — кочевых скифов, усиление угрозы их нападения.

Впервые критическая ситуация возникла где-то в конце VII в. до н.э., когда скифские отряды появились в Лесостепи с территории Северного Кавказа. На ряде городищ этого времени выявлены следы пожаров и разрушений оборонительных сооружений — деревянных или невысоких

Рисунок 2.4.1. План Мотронинского городища:

1 — раскопы; 2 — остатки разрушенных наземных жилищ; 3 — курганы; 4 — курганы со рвом; 5 — курганы со рвом и валом; 6 — Троицкая церковь

деревоземляных. Огромные валы и рвы — это, вероятно, результат позднейших перестроек или достроек, сделанных в период наибольшей консолидации местных племен — во второй половине VI в. до н.э.

Однако существует и иное соображение, точнее гипотеза, согласно которой именно пришлые скифы были «носителями той политической власти, которая была способна организовать и осуществить, используя покоренное население, сооружение больших городищ Лесостепи». По мнению авторов этой гипотезы, идея строительства больших городищ могла родиться у скифов во время войн в Передней Азии под влиянием больших городских центров Древнего Востока. Эти исследователи отмечают такую особенность больших городищ, как наличие значительных незастроенных участков, «где могли располагаться кибитки и юрты кочевников», а внутренние относительно небольшие укрепления этих городищ сравнивают с торговыми, хлеботорговскими и ремесленными посадами в средневековых городах, основанных кочевниками (Мурзин, Ролле, 1996, с. 181–182). Эта точка зрения встретила достаточно критическое отношение (Русяева, 1999, с. 84–97; Скорый, 2002, с. 71–72; Медведев, 2004, с. 51).

Утверждение о значительных незастроенных участках касается главным образом самых крупных городищ, таких как, например, Бельское, поскольку городища площадью 100–200 га имели намного меньше свободных участков, хотя и тут, конечно, были большие незастроенные территории, в частности балки, заплавы небольших рек и т.п. Их могли использовать для содержания скота, а также земледелия. Что же касается внутренних укреплений, то они предназначались для дополнительной защиты жителей, а иногда, вероятно, и для разграничения этнически и социально разного населения.

Сторонники традиционного взгляда уверены, что возникновение больших городищ, возможно, результат некоторых тенденций, которые наметились в среде местных племен еще в предшествующее, предскифское время. Ныне ученые приходят к выводу, что на территории украинской Лесостепи в раннескифское время (VII–VI вв. до н.э.) кое-где возникли социальные образования достаточно высокого уровня. Это

так называемые сложные вождества, которые близко подошли к раннеклассовым обществам. А большие городища (протогорода) были соответственно центрами таких объединений, которые можно считать протокняжествами по аналогии с раннефеодальными образованиями периода Киевской Руси (Бойко, 1994, с. 29–42; Павленко, 1994, с. 145–147, 15–153).

В Днепровском Лесостепном Правобережье было несколько протокняжеств (иное их название — региональные системы): на Киевщине (центральное поселение — Большое Ходосовское городище); в Поросье (центр — Трахтемировское городище); в бассейне Тясмина (центр — Мотронинское городище); в междуречье Роси и левых притоков Южного Буга (центр — почти не исследованное большое городище вблизи с. Журжинцы).

Прочность таких образований в немалой степени зависела от их размеров, прежде всего от величины сельскохозяйственных угодий и численности боеспособного населения. В каждой региональной системе должно было быть кроме центрального городища несколько меньших укреплений, вокруг которых концентрировались обычные селища.

Что касается региональной системы скифского времени в бассейне р. Тясмин, то ее пространственная структура пока еще слабо изучена. Тут ныне известны укрепленные поселения-городища и неукрепленные селища (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 14–26), а также значительное количество курганных могильников с погребениями VII — конца IV в. до н.э. (Ильинская, 1977; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 36–49).

Географическое положение этого региона — вблизи Днепра и вместе с тем на границе со Степью — обусловило то, что его население одним из первых столкнулось со степными кочевниками — вначале киммерийцами, а потом скифами и оказалось в гуще исторических событий. Еще в предскифское или киммерийское время (IX–VIII вв. до н.э.) здесь сформировался наиболее крупный в Приднепровской Лесостепи центр племен чернолесской культуры с развитым бронзолитейным делом и цепочкой городищ, которые тянулись вдоль Днепровской террасы от района Смелы до Черного

Леса в верховьях Ингульца (Тереножкин, 1961, с. 12–41, 108–119).

В курганах бассейна р. Тясмин и на смежных территориях обнаружены древнейшие в украинской Лесостепи погребения воинов-всадников конца VIII или начала VII в. до н.э. Появление конного войска было исключительно важным событием. Общества, у которых оно было, получали большое преимущество перед остальными. Правда, среди исследователей нет единого мнения по вопросу, принадлежали упомянутые могилы местной чернолесской аристократии или это были погребения пришлых кочевников — киммерийцев или древнейших скифов. В любом случае курганные погребения этих всадников остаются одним из важнейших источников изучения позднекиммерийского и раннескифского периодов. Речь идет о курганах у сел Константиновка, Носачев, Квитки, Ольшана и др. (Скорый, 1999, с. 11–17, 79–95). Одни из наиболее известных курганов расположены у с. Жаботин (Каменский район Черкасской обл.). Там еще в начале XX столетия А.А. Бобринский и В.В. Хвойка раскопали раннескифские погребения (Бобринский, 1916, с. 1–6). Находки из них — так называемые древности жаботинского типа — являются и доныне эталонными для изучения скифской культуры VII в. до н.э.

Не менее важные данные были добыты во время раскопок поселения Тарасова Гора вблизи Жаботина (Покровская, 1973, с. 169–188). Это большое поселение дало название целому историческому этапу — переходному от чернолесской культуры к культуре скифского типа — так называемому жаботинскому этапу (VIII — первая половина VII в. до н.э.) (Дараган, 2006). Именно выходцы из этого поселения, по мнению Е.Ф. Покровской, основали поселение на территории, которая позже стала Мотронинским городищем.

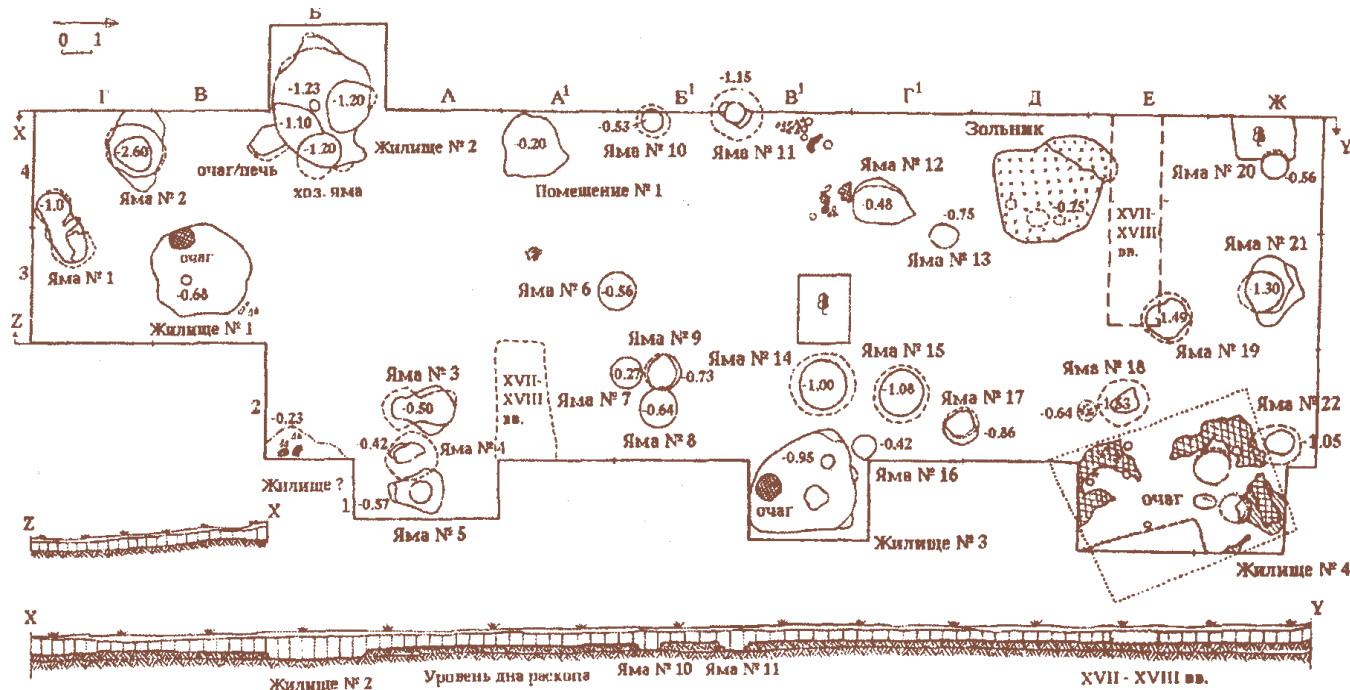
Итак, с VI в. до н.э. это городище стало центром Тясминского региона. Перенос столицы мог произойти по разным причинам: из-за истощения угодий вследствие продолжительного хозяйствования или же из-за ощутимой потребности иметь хорошо укрепленную крепость, быть под защитой густых лесов, на удалении от традиционных путей.

До настоящего времени (несмотря на проведенные многолетние работы) раскопана только небольшая часть Мотронинского городища. В связи с этим можно лишь очертить некоторые особенности этого памятника — характер застройки, типы жилищ, основные направления хозяйственной деятельности.

На Мотронинском городище была заселена практически вся пригодная для застройки территория внутреннего укрепления и некоторые участки между внутренними и внешними валами в южной и западной частях городища. Густоту застройки определяли такие факторы, как степень защищенности территории, ее рельеф (предпочтение отдавалось участкам с ровной поверхностью), приближенность к источникам воды и дорогам. Всем этим требованиям отвечала территория в северо-восточной части внутреннего укрепления, где зафиксированы следы жизнедеятельности разных эпох, а позднее была сооружена монастырская усадьба.

Что же касается характера застройки, то преобладала так называемая кустовая застройка — с бессистемным расположением кустов-усадоб и наличием между ними зон свободного пространства иногда на расстоянии в несколько десятков метров. Такая застройка характерна для поселений Северного Причерноморья в раннем железном веке (Смирнова, 1981, с. 40–61; Шрамко, 1998, с. 9–140; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 31). Усадьбы («кусты») имели большие площади (400–800 кв. м) и состояли из нескольких домохозяйств, в каждом из которых были жилище и хозяйственные сооружения.

Наиболее интересные данные получены во время исследования усадьбы на раскопе VI (его площадь 531 кв. м) — на участке между Троицкой церковью монастыря и внутренним валом. Здесь открыт 31 объект. Среди них — 3 небольших помещения полуземляночного типа, 1 наземное помещение, 26 хозяйственных сооружений, а также небольшой зольник (Скорый, 2001–2002, с. 263–292). Все хозяйства группировались с некоторыми интервалами вокруг «улицы» — незастроенного пространства шириной от 4,6 до 6 м и длиной не менее 40 м (рис. 2.4.2). Площадь усадьбы реконструирована в границах около 700 кв. м (рис. 2.4.3) (к сожалению, целиком раскопать ее не было возможности).

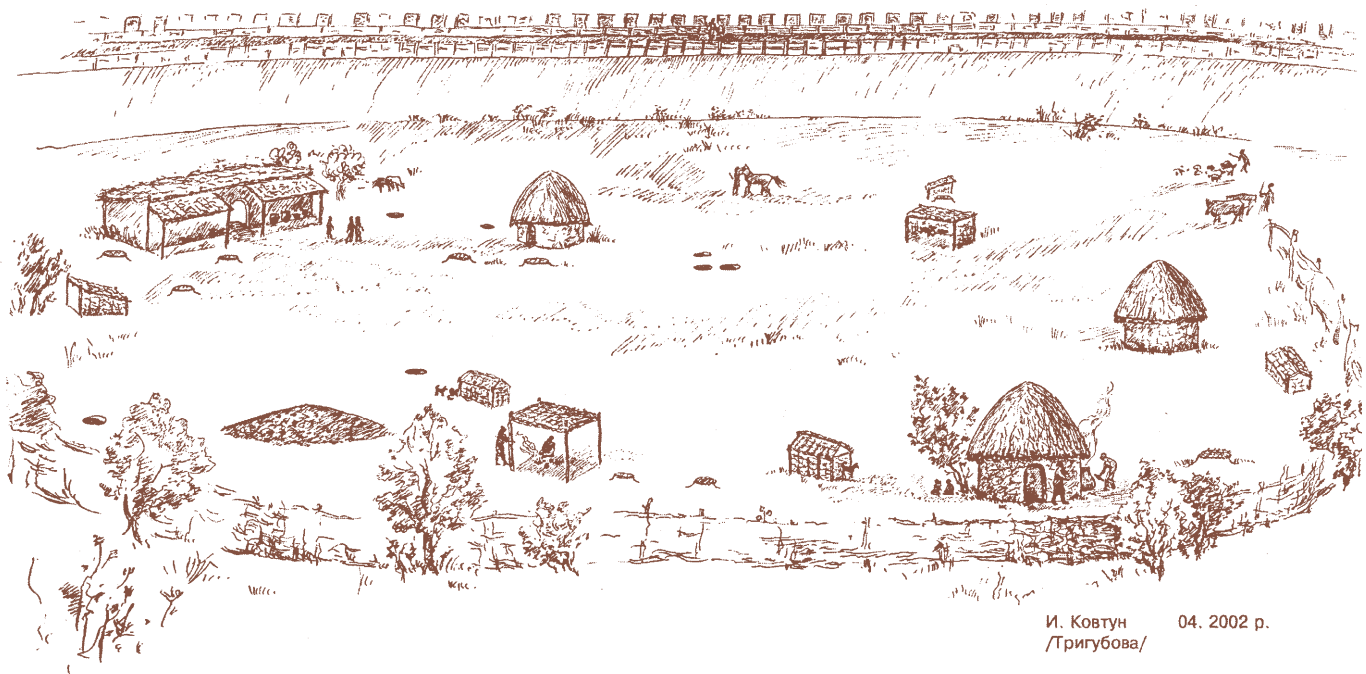

Среди домохозяйств одно — наибольших размеров — было главным. Оно состояло из довольно большого наземного жилища каркасно-столбовой конструкции площадью около 30 кв. м (помещение № 5), трех хозяйственных ям и погребя. В жилище открыты небольшой очаг в виде ямы овальной формы, расположенная рядом приочажная круглая яма, использовавшаяся для отходов очага, а также на глиняном полу — алтарь в виде круга, украшенного рельефными концентрическими ободками и желобками. Это жилище было уничтожено пожаром в конце VI или начале V в. до н.э. Судя по всему, пожар возник внезапно, и в жилище остался ряд вещей. Под руинами сторевших стен и кровли найдено 15 раздавленных землей сосудов, представляющих основные типы лепной посуды, бытовавшей на городище, а также импортный горшок, изготовленный на круге, железное шило, брусек, 2 глиняных пряслица, плоская каменная плитка с зашлифованной поверхностью.

После пожара руины по какой-то причине не разбирали, и сюда стали сбрасывать всякий мусор: битую посуду, кости животных, камни, обломки зернотерок, вышедшие из употребления мелкие орудия из камня, глины и кости. Обнаружение целой группы вещей под руинами жилища (так называемый закрытый комплекс) — редкая удача. Находки в этом домохозяйстве важны и с точки зрения ритуальной деятельности

Рисунок 2.4.2. План усадьбы (раскоп VI)

обитателей городища. Чрезвычайный интерес представляет находка в заполненной приочажной яме зооморфной глиняной статуэтки с отбитой головой и конечностями, возможно быка или коня. Это первая находка такого рода на городище. Не исключено, что она свидетельствует о существовании животноводческого культа плодородия. Похоже, на это же указывает и открытое вблизи помещения надворное жертвоприношение — кости крупного рогатого скота, помещенные в неглубокую круглую ямку. Обращают на себя внимание и обломки 30 глиняных «лепешек» в одной из ям вблизи помещения. «Лепешки» были сверху накрыты большими обломками глиняного лепного горшка. На некоторых из лепешек сохранились отпечатки злаковых, главным образом проса, что не исключает их использования при исполнении ритуала, связанного с земледельческими культами. Вероятно, «лепешки» сбросили в яму после обрядов, совершенных вблизи огня или у расположенного рядом алтаря. Можно предположить, что это наземное помещение являлось общественным сооружением, в котором осуществлялись определенные культовые операции. В пользу этого, похоже, говорит и расположенный поблизости с наземным помещением небольшой культовый зольник: под его насыпью также найдено 9 глиняных «лепешек».

Исходя из площади исследованных жилищ, можно предположить, что на усадьбе проживало примерно 25 человек. Сколько таких «кустов» или усадеб было на городище, сейчас выяснить трудно, так как размеры усадеб и расстояние между ними могли быть разными. По теоретическим подсчетам численности населения, на городищах скифского времени могло жить до 10 тыс. человек. Понятно, это количество максимальное, но в любом случае население Мотронинского городища превышало условную «городскую величину», которая составляла 5 тыс. человек (разумеется, это довольно приблизительные расчеты. В их основу положены принципы, изложенные в работе Б.А. Шрамко, 1984, с. 218–230).

Наиболее заселенным городище было в период своего расцвета в конце VI — начале V вв. до н.э. Население Мотронинского городища, вероятно, в этническом плане было разнородным, что нашло отражение в различии типов жилищ и их деталей.

Жилища Мотронинского городища, как и иных поселений того времени, принадлежали к так называемой центральноевразийской традиции домостроения. Ей соответствовали дома двух основных типов: деревянно-срубные и каркасно-столбовые, обмазанные глиной. Они в разной степени были заглублены в грунт и имели двухскатную или пирамидальную кров-

Рисунок 2.4.3. Усадьба скифского времени на Мотронинском городище (реконструкция С.А. Скорого и И.В. Ковтун)

лю. Первый вариант известен по находкам глиняных моделей в энеолитических культурах Придунавья и Приднепровья (трипольская культура, 5–2-е тыс. до н.э.). В домостроительстве широко использовались глина и легкие органические материалы (камыш, хворост, солома).

Среди жилищ (всего их обнаружено около 30) преобладали помещения небольших размеров, заглубленные в грунт, площадью 9–12 кв. м, в плане близкие к кругу или овалу. Стены, вероятно, были земляные или из какого-то легкого органического материала. В центре помещения имеют одну или несколько ямок от столбов для поддержания конической кровли. Изредка встречаются жилища такого же типа, но большие по размеру площадью — до 18 кв. м. Линии небольших столбов разделяли их на несколько частей.

Другой распространенный тип жилищ — наземные (точнее, слегка заглубленные в грунт) помещения подпрямоугольной формы каркасно-столбовой конструкции. Удалось исследовать пока лишь остатки двух таких жилищ относительно хорошей сохранности — упомянутое уже помещение (№ 5) в раскопе VI и наземное помещение № 1 в раскопе III, которые сохранились относительно неплохо. В обоих случаях прослежены некоторые конструктивные

детали. Основная часть первого жилища с жертвенником и очагом (площадь около 30 кв. м) заглублена в грунт на 0,7–0,9 м. Вещей тут найдено немного. В северо-восточном углу, на полу, сохранились остатки упоминавшегося уже округлого глиняного алтаря или жертвенника, украшенного concentрическими бороздками, диаметром около 1 м, а также очаг и приоточажная яма. К западной части жилища примыкала узкая (шириной 1,4–1,6 м) «терраса», отделенная линией столбов и уступом высотой 0,3 м. На этом уступе найдены упомянутые раздавленные 15 сосудов — горшки, миски, черпаки и пр. От стен сохранились завалы обгоревшей до красного, а иногда и до фиолетового цвета обмазки с отпечатками деревянных плах и жердей. Жилище относится к концу VI — началу V в. до н.э.

Второе жилище — более раннее. Остатки его зафиксированы на глубине 0,4 м от современной поверхности на площади 34 кв. м (к сожалению, всю площадь помещения исследовать по объективным причинам не удалось). Оно также погибло в огне пожара. На его месте остался слой завала стен и, очевидно, кровли толщиной до 0,14 м, обильно насыщенный

золой, кусками обожженной глины, с отпечатками прутьев и без таковых, прожженными до красного или фиолетового цвета. Пол жилища глинобитный, на отдельных участках — с выбоинами. В полу обнаружено несколько ямок довольно большого диаметра от столбов, поддерживавших крышу. Несомненный интерес представляет цепочка неглубоких столбовых ямок, отделявшая часть помещения. Принимая во внимание, что пол здесь неровный (выбит копытами животных?), можно предположить, что помещение имело небольшой хлев для содержания молодняка (мелкого рогатого скота) в зимнее время. Из других конструктивных деталей можно упомянуть очаг в виде ямы овальной формы, располагавшийся в центре помещения, и небольшую овальной формы возвышенность в виде «столика» в 1,8 м к юго-востоку от очага. Это могли быть остатки небольшого домашнего алтаря, хотя, впрочем, нельзя исключать и утилитарное назначение данного объекта. При подчистке пола найдены бронзовый наконечник стрелы келермесского типа, железные нож и игла, костяная проколка, каменный брус, развал большого котловидного сосуда. Указанные находки позволяют датировать жилище концом VII в. до н.э.

Рисунок 2.4.4. Рог зубра на полу полуземлянки

Таких жилищ на городище было немало. Их остатки сохранились намного хуже по сравнению с заглубленными землянками и полуземлянками. Дело в том, что большую часть территории городища интенсивно распахивали после вырубки здесь лесов и садов в начале 1980-х гг. А поскольку уровень древнего горизонта, то есть поверхность грунта скифского времени, был всего на глубине 35–50 см, то пахота разрушила не только его, но и остатки слегка заглубленных в грунт наземных жилищ. В конечном итоге остался слой раздробленных плугом глиняных обломков, которые трудно отличить от строительного мусора. Только на территории монастырской усадьбы встречаются остатки жилищ с участками непотревоженного пола. Иногда он покрыт слоем тщательно заглаженной и обожженной глиняной обмазки.

Среди обломков сгоревших построек встречаются некоторые пока еще не совсем понятные детали: небольшие плоские бордюры, иногда закругленные, фрагменты с отпечатками балок перекрытия. Стены жилищ изнутри тщательно заглаживали и нередко белили. Основу стен, по-видимому, составляли деревянные рамы, в которых закрепляли жерди 1,5–2 см толщиной. Некоторые жилища, вероятно, имели стены в виде деревянных срубов. Похоже, что остатки такого помещения прямоугольной формы площадью около 12 кв. м с глинобитным полом были найдены в раскопе V. Но в целом подобные жилища более характерны для северных районов Лесостепи. Что же касается южных районов, то дерево здесь использовалось крайне бережливо.

Важной этнографической чертой считаются конструкция и расположение очагов и печей. На Мотронинском городище очаги, на которых готовили еду, были за пределами жилища. Лишь в одном случае можно реконструировать округлую в плане печь со сводом, остальные очаги открытые. Внутри жилищ лишь изредка встречаются небольшие очаги, служившие для освещения и обогрева помещений. Чаще всего для этой цели использовали жаровни — обычные горшки или толстостенные изделия типа жаровень с низкими стенками.

Из иных деталей интерьера отметим небольшие круглые или овальные в плане возвышения

из материкового суглинка (об одном из них речь уже шла выше) со слегка обожженной поверхностью, которые считают алтарями либо «столиками» или «стульями».

Помимо уже охарактеризованного жилища из раскопа VI в остальных вещественные находки единичны: в двух на полу было по корчаге, в одном — горшок и еще в двух помещениях один (или два) рога зубра (*рис. 2.4.4*). Значение этих рогов не совсем понятно. Скорее всего их хранили в помещении с магической целью.

В жилищах не было бытового мусора, в частности слоя пепла на полу, что характерно для лесостепных поселений в иных регионах. Жилища тщательно убрали и вообще можно предположить, что большую часть своего времени люди проводили вне помещений. Очажные отходы, а также иной мусор сбрасывали или в специальные приочажные ямки либо в так называемые хозяйственные ямы или заброшенные землянки и полуземлянки. Собственно говоря, раскопки ям и дали наибольшее количество находок. Это прежде всего многочисленные обломки лепной и гончарной посуды, кости животных, орудия труда, наконечники стрел, обломки глиняных жертвенников, керамические и металлические шлаки и даже человеческие погребения. Некоторые ямы были заполнены остатками глиняной обмазки от сгоревших жилищ.

Ямы вообще были универсальными хозяйственными сооружениями того времени. Всего на городище исследовано более 100 ям разных размеров и формы и соответственно назначения. На некоторых участках, например на раскопах IV и XV, найдено до десяти и более больших ям. Возможно, это были общественные хранилища или хозяйственные участки отдельных больших усадеб. Ямы выкопаны в сухом суглинке, их глубина достигает 2–3 м. Чаще всего их стенки постепенно расширяются сверху донизу. В больших ямах хранили необмолоченное зерно (*рис. 2.4.5*). Просушивали его на деревянных решетках над ямами, в которых разжигали небольшой огонь. Над ямами сушили ягоды и фрукты, вялили мясо. Большинство больших ям предназначалось для временного хранения продуктов, некоторые из них имели форму небольших погребов. Были также ямы-хлевы, где держали молодняк.

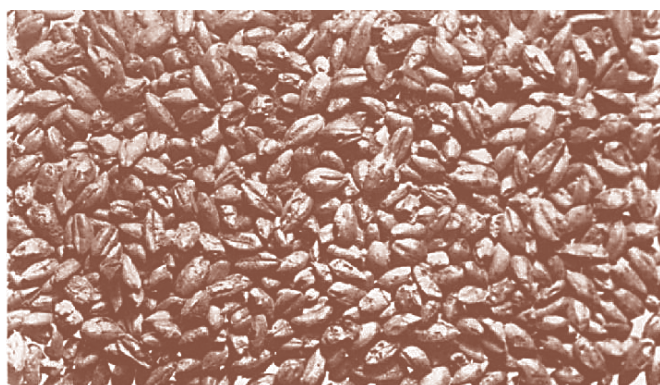

Рисунок 2.4.5. Обуглившиеся зерна из ямы-хранилища

Значительный интерес представляют найденные в двух ямах человеческие погребения. Одно открыто на периферии большой усадьбы, в раскопе I. На материковом дне ямы похоронены мужчина зрелого возраста и женщина 25–30 лет, положенные лицом вниз, головами в разные стороны (рис. 2.4.6: 1). Над похороненными грунт насыщен включениями отходов от кострищ, однако в нем были и такие культовые вещи, как 4 глиняные «лепешки» и часть «чаши» из человеческого черепа. Этот обычай — сохранять черепа и иные кости умерших родственников или иных особ и в целом особенное отношение к человеческим скелетам — свойственно многим народам древности. Так, Геродот рассказывает о скифском обычае изготавливать чаши для вина из черепов злейших врагов, а также некоторых своих родственников, побежденных на «царском суде» (Herod., IV, 65). Находки «чаш» из черепов встречаются в заполнении жилищ на Бельском городище в бассейне Ворсклы (Шрамко, 1987, с. 79).

Другое человеческое погребение найдено в хозяйственной яме под насыпью Центрального зольника: скелет мужчины зрелого возраста в полусогнутом положении, лицом вниз. Грунт под ним и выше был наполнен остатками от костра или жертвоприношений.

Оба эти захоронения были, вероятнее всего, жертвоприношениями. Ведь вниз лицом в древности хоронили «опасных» покойников, в частности колдунов.

На Мотронинском городище, в разных местах, также выявлены фрагменты человеческих костей — берцовых, а также челюстей и лицевых костей.

Один из наиболее важных объектов на Мотронинском городище, без сомнения, Центральный зольник (раскоп IV) (Бессонова, 1999, с. 115–126). Этот большой, снивелированный временем и пахотой холм диаметром около 30 м был в центре внутреннего укрепления, на наиболее высоком участке городища. Именно такие места выбирали для отправления общественных культов. Под холмом выявлен комплекс объектов; это был священный участок всех жителей городища или древнейшей территориальной общины. К комплексу относится котлован площадью 28 кв. м с долговременными сбросами — остатками ритуальных трапез и жертвоприношений, кострищ, захоронений черепов жертвенных животных и т.п.

К котловану примыкало помещение с несколькими сильно обожженными кострищами или жертвенниками — очевидно, для приготовления ритуальных трапез или сожжения жертвоприношений. Рядом с этими помещениями были изгороди (возможно, для содержания жертвенных животных) и помещения для провианта, где найдено много обломков амфор. В комплекс входили также большие хозяйственные ямы, большинство из которых заполнено «кухонными остатками». В трех ямах, кроме того, открыты: уже упомянутое человеческое жертвоприношение, горшок-курильница, вкопанный в дно ямы, 3 заячьих скелета в яме с прямоугольным глиняным алтарем в углу. Создание зольника начиналось с заполнения котлована, а потом пепел и иные отходы, которые накапливались во время функционирования священного участка, заполняли все ямы и перекрывали значительную часть святилища.

Поскольку возникновение зольников связано с особым отношением к пеплу из жилищ, они были в каждой усадьбе. Иногда зольник располагался лишь возле одного, главного хозяйства в границах усадьбы, что подчеркивало главенствующее положение ее хозяина. На территории Мотронинского городища — в той части, которая распахивается, еще лет десять тому назад было видно около 20 зольных пятен — от зольных холмов или небольших возвышенностей над заброшенными жилищами и большими ямами. Теперь за несколькими исключениями они уже не прослеживаются.

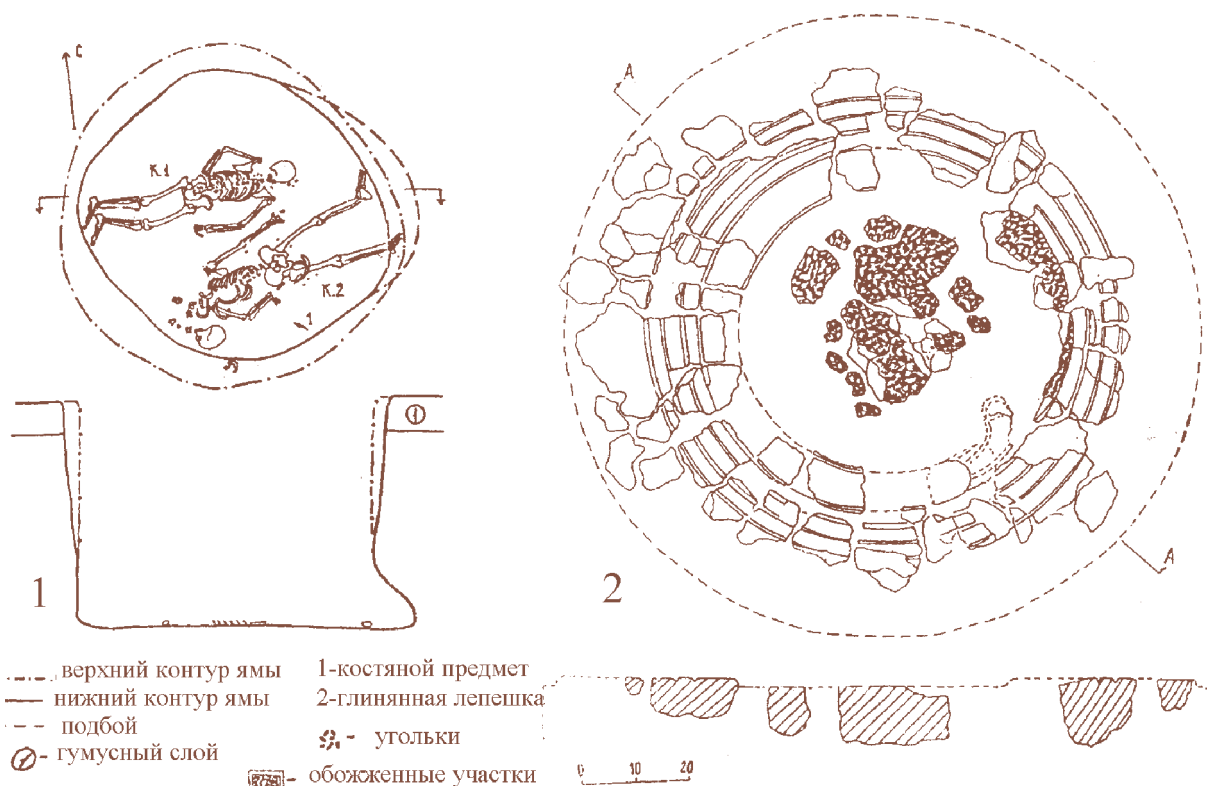
На Центральном зольнике осуществлялись моления. Коллективные ритуальные трапезы, в которых принимали участие, вероятно, старейшины родов, сопровождалась жертвоприношениями под открытым небом или в специальном помещении. Возможно, именно в таком помещении или возле него располагался орнаментированный глиняный жертвенник, который обнаружил в 1899 г. В.В. Хвойка где-то неподалеку от Центрального зольника (Яковенко, 1968, с. 183). Это сооружение имело вид столба высотой 70 см и диаметром 90 см. Верхняя его часть — круглая обожженная площадка с углублением в центре и восемью concentрическими кругами вокруг него. В земле возле жертвенника было много истлевших органических остатков, среди которых — кости коня и кабана, а также пепел и угли. Единичные обломки таких жертвенников не раз встречались во время раскопок городища, главным образом в заполнении ям и жилищ. Лишь в яме на раскопе II найдено много обломков, из которых удалось реконструировать жертвенник (Бессонова, Скорый, 2001).

Его диаметр равнялся приблизительно 1,2–1,25 м, а орнаментация была более сложной, чем у описанного выше жертвенника (рис. 2.4.6: 2). Ориентировочно его можно отнести к VI в. до н.э. Он, вероятно, стоял в каком-то наземном, незаглубленном в грунт помещении и после разрушения был специально «похоронен» в яме.

Жертвенники этого типа можно считать элементом протогородской культуры того времени, они встречаются лишь на больших городищах. Их можно рассматривать как дальнейшее развитие круглых жертвенников, украшенных concentрическими кругами и спиральными орнаментами, оттиснутыми на глиняной обмазке пола святилища. Святилище VII в. до н.э. с похожим жертвенником было найдено в 1958 г. на поселении Тарасова Гора близ с. Жаботин (Покровская, 1962, с. 73–81).

В культурном отношении такие жертвенники принадлежали к кругу культовых сооружений Восточного Средиземноморья и происходящих от них жертвенников Балкано-Подунавья начала эпохи железа. В украинской Лесостепи они появились вместе с выходцами из упомянутых районов (так называемое население культур фракийского гальштата) (Бессонова, 1996, с. 25–40). Скифское вторжение прервало куль-

Рисунок 2.4.6. **Раскопы I–II:** 1 — парное погребение в яме; 2 — глиняный жертвенник из ямы I–II/1989 (реконструкция Н.А. Рычкова)

турные связи с этими регионами, но сооружение жертвенников с круговым концентрическим орнаментом стало традиционным. Правда, столбоподобные жертвенники VI в. до н.э. частично напоминают и античные алтари, поэтому некоторые исследователи считают их проявлением именно античной, греческой культуры на лесостепных городищах (Русяева, 1999, с. 84–97).

Присутствие в Мотронинском городище греческого населения, в частности торговцев, весьма вероятно. Однако у нас есть больше оснований говорить о древнейшем происхождении этого элемента культуры. Образотворческая символика, связанная с упомянутыми жертвенниками, была весьма распространена в Лесостепном Поднепровье еще у племен трипольской культуры. В связи с этим нельзя исключать, что некоторые традиции сохранились до скифского времени.

Рисунок 2.4.7. **Керамические изделия местного изготовления (1–6) и импортная ионийская амфора протофазасского типа (7)**

Коллекция лепной посуды составляет примерно 43 тыс. фрагментов и около 50 целых и частично реставрированных сосудов. Есть много и иных керамических изделий — крышки, пряслица, так называемые катушки, «пуговицы», литейные формы и т.п.

Ассортимент лепной посуды весьма разнообразен (рис. 2.4.7). Большинство ее форм и орнаментов существовали еще в предскифский период, но в конце VI — начале V в. до н.э. появились образцы посуды так называемой кизилкобинской культуры Горного Крыма. К началу V в. до н.э. относятся образцы, которые по некоторым признакам напоминают лепные горшки нижнебужских поселений.

Можно допустить, что в это время на городище обитали выходцы из этих поселений, расположенных поблизости с Ольвией, с которой у населения Среднего Приднепровья существовали очень тесные торговые связи.

Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные находки античной посуды. К ним относятся в основном амфоры с Хиоса, Клазомен, Лесбоса, Фасоса, а также иных центров (рис. 2.4.7, 2.4.8). Достаточно разнообразны находки неорнаментированной обычной столовой посуды (кувшинов, кубков), изготовленной преимущественно в Ольвии, а также в более отдаленных (возможно, фракийских) центрах.

VI в. до н.э. можно датировать фрагменты расписной посуды восточногреческого происхождения. Чернофигурная и чернолаковая посуда поступала из античных центров в третьей четверти VI — первой четверти V в. до н.э. Более всего ее найдено в раскопе на Центральном зольнике.

Признаки выплавки металлов встречаются на различных участках, но более всего их выявлено в юго-восточной части Мотронинского городища, где, возможно, был какой-то ремесленный центр. Известно, что в бассейне Тясмина кузнечное дело было поставлено на достаточно высоком уровне еще в предскифское время. На это указывает качество металлических вещей, найденных на Мотронинском городище: 84% изделий VI–V вв. до н.э. изготовлено из высококачественного металла. Использовались такие операции, как цементация, пакетирование, закалка, значительным было количество стальных изделий (Недопако,

2001, с. 138–144). Это ножи, шилья, пробойники, сверла, серпы и пр. (рис. 2.4.9: 2–6) (Скорый, Хохоровски, 2004а). Из бронзы изготавливали прежде всего наконечники стрел (рис. 2.4.9: 1), детали конской узды, шпильки, серьги, браслеты и иные украшения.

Важные сведения получены об основных отраслях хозяйства (Бессонова, Скорый, 2000, с. 120–128). Поскольку вокруг городища было не слишком много пригодных для земледелия земель, здесь было развито скотоводство. Это подтверждают археологические находки. Во время раскопок только в 1988–1994 гг. найдено более 21 тыс. костей животных. Среди них определено 996 особей, из которых 901 — домашние животные, а 95 — дикие. Преобладают кости большого и малого рогатого скота (соответственно 27,1 и 27,3%). На третьем месте — кости коней (21,1%), на четвертом — свиней (18,4%) (Секерская, 2001, с. 127–132). Большинство животных забивали в зрелом возрасте, то есть кормовая база была неплохой (кроме природных кормов имелись еще продукты земледелия).

Скотоводство, вероятно, было придомно-отгонным. Зимой скот, за исключением молодняка, содержали на открытом воздухе или в укрытиях, сооруженных в балках или в лесу. Кони были разных пород — транспортные и верховые. Обнаружены и кости волов, что является признаком пашенного земледелия. Жители городища охотились на диких животных преимущественно ради мяса: на благородного оленя, косулю, вепря, лося, зубра, бобра, медведя, зайца (их кости составляют примерно 10% всех находок). Растительность в округе городища похожа на современную — лесостепь со значительными массивами лесов и водоемами. Тем не менее рыболовство практически не имело значения, как и ловля диких птиц. Кости птиц, черепах и рыб — крайне редкие находки.

Продолжительное время считалось, что в бассейне Тясмина, а следовательно, и на Мотронинском городище, проживали упомянутые Геродотом скифы-пахари, которые выращивали хлеб для продажи в греческие причерноморские города. Действительно, оседлый образ жизни, поселения с зерновыми ямами, многочисленные обломки обугленных зерен

Рисунок 2.4.8.
Различные типы лепной
посуды скифского времени

или отпечатков зерна на керамике, большое количество античного импорта — все говорило в пользу этой версии. Однако в последние годы она подвергается сомнению. Дело в том, что именно «экспортные», то есть пригодные для вывоза в античные города голозерные сорта пшеницы и ячменя встречаются на поселениях весьма редко. Не является исключением и Мотронинское городище. Тут преобладали традиционные для Лесостепи начиная с эпохи бронзы просо и ячмень. Находки пшеницы, в частности голозерной и овса, единичны (Пашкевич, 2001, с. 133–137). К тому же сведения Геродота относятся к середине V в. до н.э., то

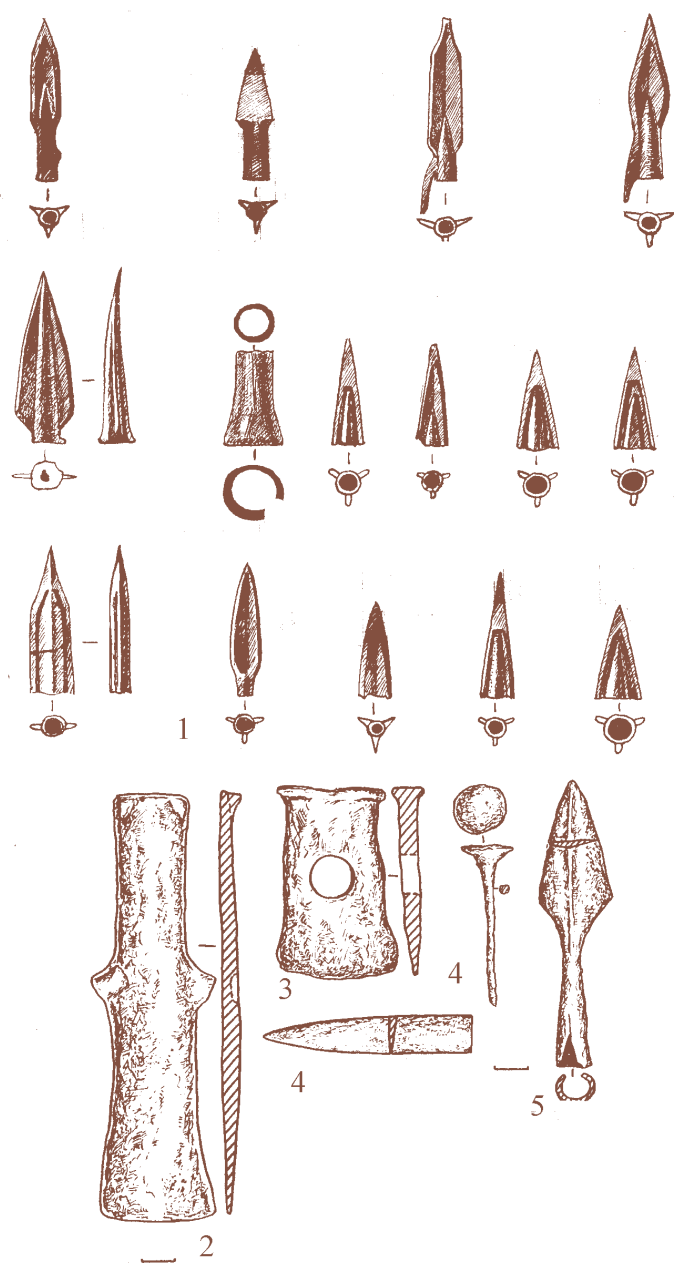

Рисунок 2.4.9. **Бронзовые (1) и железные (2–5) предметы вооружения и орудия труда**

есть к периоду, когда жизнь на Мотронинском городище или совсем прекратилась, или еле теплилась. Скорее всего скифы-пахари — какой-то этнос с территории на Южном Буге, на юге Лесостепи, а в бассейне Тясмина жили упомянутые Геродотом невры или гелоны (мнение С.С. Бессоновой) либо какое-то большое племя, название которого не сохранилось. Оно входило в большую этнокультурную общность, которая охватывала лесостепную территорию от Южного Буга до Днепра, а на Левобережье — бассейн Орели, нижнего и среднего течения

Ворсклы, часть бассейна Псла. В археологии эта культура известна как «культура правобережно-ворск-линского типа».

В заключение стоит коснуться еще одного аспекта исследований Мотронинского городища — взаимоотношений местного оседлого населения со скифами. Мы уже упоминали эту проблему в связи с трактовкой первых курганных погребений воинов-всадников конца VIII — первой половины VII в. до н.э. В скифское время, с конца VII — в начале VI в. до н.э., и позже их количество значительно возросло, причем большие курганные могильники стали появляться и рядом с валами городищ. Кто в них похоронен и когда — ответов на эти вопросы пока нет, поскольку раскопки только начинаются. Особенно важны исследования больших курганов-«лидеров» высотой более 7 м, так как это захоронения верхушки военной аристократии. Многие из исследователей полагают, что в таких курганах похоронены скифы — покорители или союзники лесостепных протокняжеств. Как известно, кочевые общества не могут существовать без тесного взаимодействия с оседлыми земледельцами и скотоводами, а говоря точнее, без ограбления их, и рано или поздно номады появляются под стенами крепостей своих оседлых соседей.

На Мотронинском городище, как и на иных лесостепных поселениях, нередко встречаются остатки сгоревших жилищ, причем часть из них сожжена в последний период существования поселений — в начале V в. до н.э. (что подтверждается и данными исследования участка внешней системы обороны). Античные авторы относят начало скифской агрессии по отношению к черноморским городам примерно к 480 г. до н.э. Подтверждают это и археологические раскопки. Возможно, в это самое время началось скифское наступление и на лесостепные общества, что привело к гибели или распаду некоторых из них, особенно на Правобережье. Позднее, в конце V — начале IV вв. до н.э., жизнь возродилась лишь на небольших городищах на самом пограничье со Степью. Это, например, Пастырское городище площадью 18 га на р. Сухой Ташлык, которое, очевидно, стало новым «центральный городом» на юге Лесостепного Правобережья.

2.4.2. Мотронинское городище в истории восточнославянской цивилизации*

Русский, украинский и белорусский народы ведут свое начало из единого предысторического периода и от единого прародителя — Киевской Руси. Князя Владимира считают своим и русские, и украинцы, и белорусы, и другие этносы.

Казалось бы, народы, имеющие общего предка и один исток культуры и государственности, должны были бы вывести логическое заключение о своем единстве. Однако только русская историография признает его. Другой особенностью истории России является то, что как науку ее создали иностранцы — приглашенные в XVIII в. в Россию немецкие ученые. Они разработали так называемую норманнскую теорию, согласно которой Древнерусское государство возникло под иноземным руководством и по иноземным образцам. Теория эта весьма далека от истины, но в течение полутора веков на ней базировалась вся российская историческая наука.

Надо помнить, что создавалась норманнская теория в эпоху, когда Россия после революционных перемен Петра I перестраивалась по западным меркам, когда иностранные специалисты имели непререкаемый авторитет и занимали ключевые позиции в государственном управлении и науке.

Немецкие историки просто выразили взгляд Европы на Россию как на землю отсталых азиатов — московитов. Став российскими профессорами и академиками, они начали писать русскую историю как историю людей, которых организовали в государство пришедшие с Запада варяги.

Первоисточники, которыми располагали творцы «норманнской теории», были очень скромными и неполными. Языкознание как научная отрасль тогда еще находилось в зачаточном состоянии, археология и другие вспомогательные отрасли исторической науки просто отсутствовали, с архивами практически не работали. Образованных историков отечественного происхождения почти не было.

Сегодня благодаря анализу многочисленных исторических материалов научные взгляды изменились.

Древние историки называли население великой Русской равнины в разные эпохи его развития различными именами: киммерийцами, скифами, сарматами, антами-славянами. Это обстоятельство послужило основанием теории о последовательной смене одного народа другим. Оставалось непонятным только, куда же исчезали прежние племена. Новейшие научные данные дают объяснение этим загадкам.

Многочисленные племена, населявшие Восточную Европу, предпринимали попытки создать некие государственные образования, причем последние назывались по имени того племени, которое в данный момент занимало лидирующие позиции. Другие же племена и народы не исчезали полностью, а лишь ассимилировались. Так, хотя Геродот и сообщал, что киммерийский народ прекратил свое существование под ударами скифов, на самом деле слился с ними, предоставив им главенствующую роль. И тогда все племена киммерийцев начали называться скифами.

Несколько веков спустя то же самое произошло с сарматами, а еще через несколько веков — с антами-славянами.

Сведения, которыми наука располагает о киммерийцах, очень скудны, но уже об их наследниках, скифах, мы знаем гораздо больше. В V в. до н.э. Скифское государство возникло в Приазовье и на Таманском полуострове, а в III в. и в Крыму.

В объединения скифских, а позднее скифско-сарматских племен в качестве союзников или сателлитов входили и другие племена. Позднее славянско-русский элемент в подобных объединениях стал преобладающим, славянский язык «растворил» в себе языки потомков скифов и сарматов.

Постепенно, к первой половине 1-го тыс. н.э. население южной, средней и северо-западной части Русской равнины приобрело славянский, русский характер. Античные историки называли племена, жившие на северо-западе, склавинами, а на юго-востоке — антами. Византийский историк Прокопий писал, что склавины и анты говорят на одном и том же языке. Готский историк VI в. Иордан утверждал, что анты есть «великий народ», состоящий из «бесчисленных племен».

Об антах академик Шахматов писал так: «Славяне и анты — это две отрасли некогда единого племени. Анты — восточная часть этого

* Фрагмент из книги Б.Н. Кузика «Святая Русь: время собирать камни» (М.: ИНЭС, 2005).

распавшегося племени. Все, что мы знаем об антах, с совершенной ясностью ведет нас к признанию их восточными славянами, следовательно, предками русских».

По словам академика Грекова, «от истории антов к истории Киевского государства идет непрерывная линия развития. Это одна и та же этническая масса, говорившая на одном языке».

Академик Державин подчеркивал: «Анты не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры».

Окрестности Киева, верховья Дона, Волги и Западной Двины, Галиция, Закарпатье, Псков были местами расселения славян, имевших общее происхождение, язык и культуру, что неопровержимо подтверждают данные археологии, истории и лингвистики.

Эти сведения дают нам право утверждать, что за много веков до «призвания варягов» наши предки имели свою самобытную культуру и организовывали жизнь без чьих-либо указаний.

Теперь установлено, что задолго до Рюриковой «Руси» существовали государственные образования, военно-политические союзы наших предков-антов. Таковым было, например, объединение волян с князьями Межамиром и Издаром, когда они воевали с аvaraми. Или объединение племен, живших на реке Рось (правый приток Днепра) и боровшихся с готами под водительством князя Божа. Существует мнение, что именно это объединение стало впоследствии ядром древнерусской народности.

Легендарные Кий, Щек и Хорив — основатели Киева, по-видимому, были анто-славянскими князьями. Все исторические данные, количество которых непрерывно растет в ходе научных исследований, свидетельствуют о существовании упорядоченных государственных образований у наших предков задолго до призвания варягов.

Доказывают это и археологические находки в ареалах расселения древних славян, в том числе в Приднепровье. Знаток местных достопримечательностей, краевед и учитель истории из Александровки Иван Данилович Петренко на наглядных примерах подтверждает несостоятельность устаревших воззрений.

В Холодном Яру с древнейших времен сохранились рукотворные насыпные валы, огораживающие огромные пространства. Глубокие рвы

перед валом по всей видимости дополнял деревянный частокол. На срезе вала хорошо виден слой пепла — следы пожара при осаде городища, причем датируются эти события достаточно точно. Исследование выбранного наугад участка показало, что на площади в 1 кв. м можно найти остатки керамических изделий, характерных для культур всех народов, которые проживали в этих местах на протяжении тысячелетий. Почему за основу берется именно керамика? Да потому что технология ее изготовления позволяет точно датировать находки, а широкая распространенность — судить об особенностях той или иной культуры. Так вот, на сравнительно небольшом участке обнаруживаются глиняные черепки, относящиеся и к чернолесской культуре (к временам, когда в этих местах владывали скифы), и к античности, и к временам Киевской Руси, и к XVII, и к XIX столетиям. В соответствии с эпохами меняются и способы изготовления керамических изделий. Сначала была ручная лепка сосудов: они имеют характерный край (гончар как бы прищипывал его пальцами) и специфический узор в виде отверстий, проделанных в сырой глине прутиком. Затем наступила эпоха гончарного круга: в глину стали добавлять крупнозернистый речной песок, а на осколках тарелок и горшков заметны следы пальцев по кругу. Затем получила распространение так называемая поливная керамика, ее особенностью является гладкая и блестящая поверхность. Определить можно и то, где были произведены керамические изделия: местные гончары использовали серую глину, а греческие амфоры для хранения зерна, оливкового масла, вина изготавливались из красной.

Изучение такого же участка земли, выбранного наугад в окрестностях Мотронинского монастыря, дает тот же результат: на протяжении огромного исторического периода здесь постоянно селились люди. Возможно, это была непрерываема культурная традиция.

Письменные источники по истории этого края также представляют значительный интерес. Известно, что первоначальная, подлинная летопись инокa Нестора была вывезена вместе с другими историческими документами в Польшу. Произошло это в 1018–1019 гг., когда в Киеве хозяйничали польский король Болеслав

и его союзник и зять князь Святополк Окаянный. Значительная же часть уцелевших летописей погибла в 1812 г. при пожаре Москвы.

Увезенными Болеславом русскими историческими документами имели возможность пользоваться польские историки (Стрыйковский, Богухвал, Длугаш), и из их трудов на основании приводимых ими цитат можно до известной степени восстановить содержание первоначальных киевских летописей. В частности, они содержали немало данных об организации жизни славянских племен задолго до призвания варягов.

В то же время ряд авторов полагают, что Игорь был вовсе не варягом и сыном Рюрика, а одним из антских князей, равно как и Олег. В одной из новгородских летописей сказано, что новгородцы послали послов «к Руси, к морю Панетскому, еже славетъ Рускому» за помощью против варяжских «находников» (пришельцев), которые, по словам летописца, «то ли насилье деяху Руси, Славенам, Кривичам и Мерям».

Если сопоставить данные этой летописи со сведениями о том, что Олег занял Киев, войдя в него с юга, то более чем вероятной становится версия: Олег — не варяг, а ант-славянин, который по просьбе новгородцев пришел освободить их от насильников-варягов, уже успевших к тому времени добраться до Киева (в городе правили варяги Аскольд и Дир). Олег изгнал из Киева «находников», без боя занял Любечь, Чернигов, Смоленск. С боем освободил Новгород и тем завершил объединение под своей властью всех славянских племен: северной группы «словен» и южной «антов».

Исследователи приходят к заключению, что киевская княжеская династия имела вовсе не варяжское, а славянское происхождение, и родоначальником ее был отпрыск одного из антских княжеских родов — князь Игорь.

Эта версия исторических событий имеет немало приверженцев, располагающих достаточно серьезным историческим материалом, который до недавнего времени отвергался официальной наукой.

В районе Холодного Яра, в 250 км к югу от Киева, сохранились остатки значительных по размерам и хорошо укрепленных городищ. Их основание относится примерно к 800-м гг. до н.э. Налицо все признаки, доказывающие, что с тех пор поселения существовали здесь непрерывно.

Это дает основания ряду авторов предположить, что так называемая столица скифов-землепашцев находилась именно в этом районе.

Впервые к мысли о существовании особой русской цивилизации пришел выдающийся русский ученый Н.Я. Данилевский. Правда, он говорил о славянской цивилизации, однако смысл, который он вкладывал в это понятие, позволяет нам называть данную цивилизацию российской. Именно Н. Данилевский впервые в мире разработал полноценную теорию культурно-исторических типов, каждый из которых имеет самобытный характер. До появления работ этого ученого господствовало представление, что человеческое общество развивается во всех странах одинаково линейно, вверх — от низших форм к высшим. Согласно этой схеме, сначала на «карте цивилизации» появились Индия и Китай, потом более высокие формы развития переместились в Грецию и Рим, а окончательную завершенность они получили в Западной Европе.

Все многообразие культурно-исторических типов рассматривалось в рамках единой цивилизации. Эти ошибочные представления Н. Данилевский убедительно опроверг. Он показал, что развитие идет не линейно, а в рамках целого ряда культурно-исторических типов, каждый из которых является по отношению к другим самоорганизующимся духовным пространством. Следовательно, и оценивать его можно лишь по внутренним, присущим только ему критериям. Н. Данилевский, по утверждению академика Л. Абалкина, во многом опередил тех, кто занимался разработкой проблем цивилизаций — Тойнби, Гумилева и других ученых.

Цивилизация — главная форма человеческой организации пространства и времени. Она выражается качественными началами, лежащими в особенностях духовной природы народов, которые составляют самобытный культурно-исторический тип.

Каждая цивилизация представляет собой духовную общность, существующую одновременно в прошлом, настоящем и обращенную в будущее.

Прошлое российской цивилизации хорошо просматривается, на мой взгляд, на материалах археологических исследований Среднего Приднепровья.

2.4.3. Центр культуры протославян*

По последним историческим данным, именно на р. Тясмин был расположен центр культуры восточных протославян.

Первой археологической культурой, которую ученые связывают с восточными протославянами, является белогрудовская. Она была распространена в XI–VIII вв. до н.э. в лесостепной части Приднепровья. Племена, относящиеся к этой культуре, занимались земледелием и животноводством. Так, например, плужная вспашка появляется у них в XI–IX вв. до н.э.

Археологические раскопки показывают, что люди, населявшие в то время Приднепровье, жили в хижинах — полуземлянках, которые они строили в поймах рек. Они изготавливали оружие из камня, кремня, кости и бронзы, знали обжиг глиняной посуды — тюльпановидных кувшинов, украшенных гладким валиком, и плоск с отогнутым наружу краем. От белогрудовской культуры произошла чернолесская культура земледельческих праславянских племен Приднепровья X — середины VII в. до н.э.

Первое знакомство праславян с железом относится к концу белогрудовской культуры, а широкое применение кованого железного и стального оружия — к чернолесской культуре, к IX–VIII вв. до н.э. К ней следует отнести и серьезные сдвиги в социальной области: выделение конных воинских дружин, организацию постройки больших крепостей для обороны южных рубежей от набегов киммерийцев.

Каменные и бронзовые орудия в чернолесской культуре постепенно заменились железными (кинжалы, мечи с железными клинками, железные наконечники копий). В VIII в. до н.э. чернолесская культура стала основой развития земледельческого населения Поднепровья, в котором можно видеть упоминаемые древнегреческим историком Геродотом праславянские племена сколотов-пахарей, или борисфенитов.

В обширной области чернолесской культуры район племени-гегемона определяется легко — это, бесспорно, бассейн Тясмина, где сохранилось множество городищ чернолесской культуры, первых крепостей в земле праславян. В других местах есть поселения, но нет крепос-

тей. Все городища чернолесской культуры, за исключением Чернолесского, расположены на правом берегу р. Тясмин между Смелой и Ново-Георгиевском. По всей вероятности к этому же объединению племен относились как колонисты Ворсклы (потом попавшие под власть геллов), так и чернолесские поселения вверх по Днепру до самого Киева. Именно так обрисовал впоследствии Геродот землю борисфенитов — в три дня пути шириной и в 11 дней пути вверх по Борисфену (Днепру).

Ранее принято было считать, что лишь Средиземноморье было тем источником развития цивилизации высокого уровня, от которого расходились волны влияния на другие части Европы. Сегодня у нас есть все основания сравнивать темпы развития цивилизаций, с одной стороны, на Русской равнине, а с другой — в Центральной и Северной Европе. В те времена праславяне ничуть не уступали в развитии другим племенам Европы, а в чем-то и превосходили их. Их контакты с внешним миром были достаточно активны, они интенсивно перерабатывали культурное влияние других цивилизаций. Объяснение простое: эти земли — перекресток важнейших торговых и военных путей. Конные лавины многие века двигались по берегам Северного Причерноморья, по Великой Степи из района Нижнего Поволжья, из Закавказья в Подунавье. И влияние цивилизаций, таких, например, районов континента как Китай, Алтай, Иран, почувствовали на Русской равнине раньше, чем в Европе.

Соседи праславян, киммерийцы, представляли собой скотоводческие племена иранского корня. В бронзовом веке они расселились в Нижнем Поволжье, а затем заняли все южнорусские степи, пока в VII в. до н.э. не были вытеснены и частично ассимилированы родственными им скифами. Одновременно с освоением железа у киммерийцев произошел прогрессивный переход от полукочевого к кочевому скотоводству, что позволило им освоить необозримые пространства степных пастбищ. Киммерийцы доходили до Северного Кавказа, Керченского пролива, достигали Дуная и Балканского полуострова, где найдены богатые курганы их племенных вождей (рис 2.4.10).

Приднепровские праславяне впервые в своей истории попали под удар кочевников-степняков. В опустошенных пожарами поселениях ранней

* Фрагмент из книги Б.Н. Кузика «Святая Русь: время собирать камни» (М.: ИНЭС, 2005).

чернолесской культуры в Среднем Поднепровье можно видеть свидетельство военной агрессии киммерийцев.

Однако праславяне в Приднепровской Лесостепи нашли силы для того, чтобы создать по образцу киммерийской свою вооруженную конницу, а главное — выстроить (примерно в IX–VIII вв. до н.э.) на границе с киммерийской степью целую систему крепостей, в которых могло укрыться от набега все население окрестных племен. Эти крепости-городища находились преимущественно в бассейне Тясмина (летописный Тисмень), на правом берегу Днепра, на южной окраине Лесостепи. Земледельцы-праславяне сумели уберечься от неожиданных набегов кочевников и оградить пограничными крепостями свои основные земли.

К началу железного века племенные союзы во многих областях Европы перешли на более высокую ступень развития экономики и государственности: усилились дружины и возросла роль племенных вождей. С ростом численности населения племенам требовалось все больше земли, и они все чаще проявляли агрессию по отношению к своим соседям, праславянам. Особенно жестким натиск был там, где поселения праславян не прикрывал барьер средневропейских гор, то есть на западе, со стороны Эльбы, и на юго-востоке, со стороны степей Причерноморья.

Однако данные археологии убеждают нас: праславян не покорили ни кельты, ни киммерийцы. Так, область распространения богатых кельтских гробниц с колесницами простирается на востоке только до самого края праславянских земель в верховьях Эльбы, не заходя на собственно праславянскую территорию.

В то же время кочевой образ жизни увеличил военную мощь киммерийского всадничества и содействовал объединению многих племен. Уже в конце VIII в. до н.э. киммерийцы отправились в далекий поход и оказались в Закавказье, у границ государства Урарту. В VII в. до н.э. они воевали с Ассаргадоном и Ашшурбанипалом — царями Ассирии, нападали на государства Малой Азии. Сообщения об этом сохранились в местных источниках.

С первыми далекими походами киммерийцев в сторону от Поднепровья связано крупное со-

Рисунок 2.4.10. Знатный киммерийский всадник. Вторая половина VII в. до н.э. Реконструкция М.В. Горелика

бытие в жизни праславян — колонизация части Левобережья. Раскопки показывают, что Днепр не был препятствием к объединению племен на обоих его берегах.

В VIII в. до н.э. чернолесские праславянские племена Правобережья двинулись на восток, перешли Днепр (оставив слева полосу солончаков) и оказались на лесистых черноземных берегах Ворсклы (летописного Вороскола). Утверждение праславян в конце VIII — начале VII в. до н.э. по Ворскле, на самой границе со Степью, связано с ослаблением киммерийского влияния в этих степях. В археологическом материале VIII в. до н.э. часто встречаются мечи, псалии (принадлежность воина-всадника), обнаружены и полные воинские погребения всадников с богатым набором конской сбруи и оружием (копье, стрелы).

У правобережных праславян к этому времени, как уже говорилось, сложилась мощная система обороны. Левобережным колонистам пришлось создавать такую же. В центре праславянского «острова» на Ворскле было построено гигантское, крупнейшее в тогдашней Европе, Бельское го-

родище (рис. 2.4.11). В VII в. до н.э. праславяне-сколоты, занявшие лесистые, плодородные берега Ворсклы, построили в середине своей земли крепость. По размерам Западное Бельское городище превосходило такие крупные греческие поселения, как Херсонес и Ольвия.

В 4 км к востоку от этой крепости племя гелон построило в VII–VI вв. до н.э. свою крепость — Восточное Бельское городище.

Пришельцы с Правобережья и отделившиеся от скифов гелоны жили, судя по всему, мирно. Но в VI в. до н.э. степные скифы, завершив серию походов в Переднюю Азию, атаковали Причерноморье и степи. И племена, жившие на самой окраине земледельческой Лесостепи, на пограничной со Степью реке Пантикапее, вновь оказались перед лицом опасности. Именно VI в. до н.э. датируется слой пепла на разрезе гигантского оборонительного вала возле Мотронинского монастыря. В те годы совместными усилиями жителей Западного и Восточного городищ и, вероятно, с участием всего населения Поворосколья было создано огромное укрепление, охватившее площадь около 40 кв. км. Периметр его стен равен почти 30 км. Для сравнения: по площади оно равнялось Москве конца XIX в. в рамках Окружной железной дороги, то есть современного Третьего транспортного кольца.

Город был известен Геродоту под названием Гелона. Ничего подобного в то время в Европе не было!

Этот оборонительный комплекс историки считают укреплением, построенным для защиты союза племен, живших по Ворскле. В случае опасности здесь могли укрыться десятки тысяч людей.

На чернолесско-скифском этапе темп жизни праславян заметно ускорился. Плужное земледелие заняло главенствующее положение, развивалось кузнечное дело — кузнецы, как и воины-всадники, получили в племенах особые привилегии.

Линия пограничных крепостей по Ворскле и Тясмину продолжала существовать и пополнялась новыми городищами. Она протянулась далее на запад. Это свидетельствует о том, что конфликты между земледельцами и кочевниками имели затяжной характер, а также о том, что земледельческий Север обладал политической самостоятельностью по отношению к кочевому Югу. Потребность в укреплениях и право осуществить их постройку в одинаковой мере говорят и о суверенном положении лесостепного праславянского Севера в скифское время.

Рисунок 2.4.11. Вали Бельского городища

В VII в. до н.э. скифы окончательно вытеснили киммерийцев из причерноморских степей и заняли их пастбища. То, что праславяне на Тясминне и Ворскле смогли усилиями всего народа построить мощные укрепления, означало, что развитие этих племен подошло к определенному рубежу, эпоха первобытно-общинного строя заканчивалась. Все это не могло не отразиться в фольклоре. Филологи справедливо считают период начала железного века и эпохи патриархата, когда происходила этническая и политическая консолидация и общество стояло на пороге военной демократии, временем зарождения новой формы фольклора — героического эпоса. В древнейших эпических поэмах праславян усматривают воспевание «первопредка» и «культурного героя-демиурга», какими являются в других культурах Прометей, кузнец Гефест, кузнец Ильмаринен, кузнец Амиран.

И такие следы в украинском фольклоре действительно есть, и встречаются они именно там, где происходил процесс первичного овладения железом, где пахали землю плугом и строили порубежные укрепления от степных киммерийцев и скифов. Это легенды и сказки о двух божественных кузнецах, ковавших плуг и победивших Змея, требовавшего человеческих жертв. Кузнецы запрягли Змея и пропахали гигантские борозды, называемые до сих пор Змеиными Валами.

Легенды о божественных кузнецах Кузьме и Демьяне возникли из обожествления множества реальных кузнецов, игравших важную роль в народной жизни. Связь Кузьмы и Демьяна с кузнечным делом прослеживается повсеместно и в русских, и в белорусских областях — в кузнечных слободах средневековых городов.

Образ же степной конной многоголовой орды, однажды сложившись в образ многоголового, всепожирающего и сжигающего огнем Змея, служил для обозначения не только киммерийцев, но и кочевников вообще, огнем и мечом уничтожавших поселения славян.

Легенда о кузнеце-змееборце отразила этот первый этап киммерийско-праславянских отношений: Змей победил людей, стал есть их, требовал новых жертв. Не герои пошли на Змея, а Змей сам пришел к людям и угрожал им, осадил кузню, где укрылись беглецы.

Оптимистичная легенда сложилась не как плач по погибшим, а как апофеоз борьбы с кочевниками, которая могла стать победоносной лишь в силу двух причин: праславяне научились ковать оружие и после победы над Змеем построили небывалую до тех пор оборонительную линию.

От грандиозного Бельского городища отходит вал, называемый Змеиным. Он получил такое имя неслучайно. Как показывают археологические изыскания, когда славяне возводили очередную крепость и требовалось обозначить ориентиры на местности, они вспахивали борозду. Отсюда уже один шаг к фольклорному образу Змея, вынужденного пропахивать борозду-вал. Нередко славяне использовали при постройке своих укреплений и бесплатную рабочую силу — пленных киммерийцев или же отбитый у них скот — в таком случае фольклорный образ приобретает вполне реальные очертания.

Героический элемент в устное народное творчество внесли войны — вторжения киммерийцев, сжигавших праславянские поселки, и последующий переход праславян к активной обороне, постройке могучих укреплений на южных рубежах своей земли. Это были первые сражения объединенных племен и первые крепости, воздвигнутые в исторической жизни праславян. Для войн, для обороны крепостей и ковали оружие чудесные кузнецы.

Легенды и сказки, передаваемые из поколения в поколение, донесли до нас воспоминания о набегах южных степняков на восточных славян в разные периоды их истории. То, что подобные набеги на протяжении двух тысяч лет повторялись с завидным постоянством и совершались по одной и той же схеме (налет конной орды, сожженные деревни, угон пленных и скота), — все это сглаживало, нивелировало признаки отдельных нашествий, все они сливались в единый образ внезапно налетающего Змея.

По целому ряду признаков, анализируя варианты эпических сказаний и сопоставляя их с данными археологии, ученые определяют, что в преданиях о первых «кузнецов железу» и первых оборонительных сооружениях угадываются отголоски борьбы с киммерийцами в X–VIII вв. до н.э.

Что же прятали за этим двойным рядом мощнейших укреплений наши предки? Золото,

запасы продовольствия? Нет. Основное сокровище тех времен — это секреты технологии обработки железа, тайна изготовления орудий труда и мечей из пластин железа методом кузнечнойковки. Такие утверждения не голословны. В Европе — на Британских островах, Пиренейском полуострове — в результате археологических изысканий установлено, что на этапе перехода от поздней бронзы к раннему железу в сильно укрепленных городищах действительно хранили тайны обработки металла: холодной и горячейковки, литья, закалки, сварки методом кузнечнойковки. За мощными стенами укрепленных городов размещалось все, что требовалось в кузнечном деле: сами кузницы, запасы сырья, орудия производства и арсенал.

То же наблюдалось и на Востоке. Так, в Палестине завоеватели-филистимляне в течение долгого времени хранили в строгой тайне от местного населения секреты обработки железа. Под запретом были технологии изготовления не только боевого оружия, но и сельскохозяйственных орудий. Согласно закону, местные жители обязаны были отдавать плуги и мотыги на правку и заточку только в кузницы, в которых работали исключительно филистимляне.

С помощью современной аппаратуры местонахождение кузницы в древнем городище определяется довольно просто. Хозяин кузницы, как правило, использовал отходы производства (шлак и окалину) для подсыпки в своем дворе, на улице. Этот материал растаскивался по дороге, рассыпался. И это пятно очень хорошо фиксируется аппаратурой.

Современный исследователь, вооруженный новейшими методиками и аппаратурой, способен достичь удивительных результатов. Так, по анализу сырья, шихты, окалины, путем сравнения с данными по известным месторождениям полезных ископаемых можно судить о хозяйственных связях, о путях поставок материалов для производства. Поразительно, но, например, кузнецы из Мотронинского городища получали сырье из Донбасса и Кривого Рога! Какова была организация!

...Я стою внутри Мотронинского городища (рис. 2.4.12). На этих валах когда-то мальчишкой играл в войну. Старший брат рассказывал, что игрушек тогда не было, и мальчишки отыскива-

ли в окопах настоящее оружие, оставшееся со времен войны. Конечно, взрослые — родители и учителя — отнимали его, но разве уследишь....

Пытаюсь представить своего далекого-далекого предка, который жил в этом древнем городе, окруженном глубокими рвами, высокими валами, частоколом бревен.

Может быть, это был кузнец? И корни моей фамилии как-то относятся к кузнечному делу? Тогда судьбу моего брата и мою в чем-то определил далекий предок. Мой брат и я многие годы посвятили высоким технологиям, оборонному производству, не забывали и о выпуске гражданской продукции. Мы хорошо понимаем важность инновационных процессов, необходимость охраны технологических секретов.

Наверное, предок был бы доволен: его дело продолжено. «Русское оружие» — признанный во всем мире термин, воедино сплавленный в сознании со словами «победа» и «слава».

Экскурс в историческую литературу был бы неполным, если бы мы не затронули вопросы культуры, духовности наших предков.

Уже в скифский период у древних восточных славян зародились основы духовной цивилизации; отмечались факты поклонения добрым началам жизни; проявлялись такие черты, как стремление к самоуправлению и общинности, нестяжательство и презрение к богатству. Греческий географ и историк Страбон (64/63 г. до н.э. — 23/24 г. н.э.) отмечал, что для скифтов характерны добротолюбие, справедливость и простота.

Укреплению этих душевных свойств способствовало впоследствии и принятие христианства, первое знакомство с которым древних славян следует отнести к I в. н.э. Предание связывает это с миссионерской деятельностью апостола Андрея Первозванного.

Святой Иероним (IV в.) писал: «...хладная Скифия согревается огнем веры истинной». Святой Иоанн Златоуст в это же время направлял в славянские земли миссионеров для распространения православия среди язычников. Безусловно, такое внимание к будущей Русской земле со стороны святых Андрея Первозванного, Иеронима и Иоанна Златоуста не могло не наделить особым благодатным свойством складывающуюся русскую цивилизацию. По-видимому, именно в это

время — в первой половине 1-го тыс. н.э. — возникла первоначальная славянская письменность.

В середине 1-го тыс. духовно-нравственные определяющие российской цивилизации получили конкретные формы, выразившиеся в особых свойствах и характере древнерусского народа. Суммируя все имеющиеся письменные и археологические источники, можно утверждать, что славяне отличались мирным характером и трудолюбием. Они занимались земледелием, животноводством, охотой и рыболовством, с большим мастерством изготавливали орудия труда и украшения. Военная деятельность была преимущественно оборонительной. Принципы общинной жизни, самоуправления, взаимопомощи (счастье и несчастье считались делом общим) сочетались с твердой властью вождей и военачальников. Вера в единого главного бога была неотрывна от почитания второстепенных божеств, злых и добрых духов. Природу славяне считали живым существом и поклонялись ей, особенно обожествлялись дубравы и мать сыра земля. Славяне верили в неизбежность победы добра, и эта вера была основой добротолу-

бия. Древние жители Русской равнины не были склонны к накопительству, к стяжанию богатств. В семейной жизни ценились целомудрие и супружеская верность.

Интересно высказывание о славянах той эпохи, что предшествовала созданию Киевского государства, выдающегося немецкого историка Гердера (1744–1803). Он писал: «Славяне с любовью возделывали землю, занимались разными домашними искусствами и ремеслами, повсеместно открывали полезную торговлю произведениями своей страны, плодами своего трудолюбия. Они построили на берегах Балтийского моря, начиная с Любека, города. Между ними Винета была славянским Амстердамом. На Днепре они воздвигли Киев, на Волхове — Новгород, вскоре сделавшиеся цветущими торговыми городами. Они соединяли Черное море с Балтийским и снабжали Северную и Западную Европу произведениями Востока. В нынешней Германии они разрабатывали рудники, умели плавить и лить металлы, приготавливали соль, ткали полотно, ва-

Рисунок 2.4.12. Мотронинское городище

рили мед, разводили плодовые деревья и вели по своему вкусу веселую музыкальную жизнь. Они были щедры, гостеприимны до расточительности, любили сельскую свободу, но вместе с тем они были покорны и послушны — враги разбоя и грабежа. Все это не избавило их от притеснений со стороны соседей, напротив — способствовало тому. Так как они не стремились к владычеству над миром, не имели жаждущих войн наследственных государей и охотно делались данниками, если только этим можно было купить спокойствие своей страны, то народы, в особенности принадлежащие к германскому племени, сильно погрешили против них. Уже при Карле Великом начались жестокие войны, которые, очевидно, имели целью приобретение торговых выгод и велись под предлогом распространения христианства. Храбрые франки, конечно, находили более удобным, обратив в рабство прилежный земледельческий и торговый народ, пользоваться его трудами, чем изучать земледелие, торговлю и самим трудиться. То, что начали франки, довершили саксы. В целых областях славяне были истреблены или обращены в крепостных, а земли их разделялись между христианскими епископами и дворянами. Их торговлю на Балтийском море уничтожили северные германцы, Винета была разрушена датчанами, а остатки славян в Германии походят на то, что испанцы сделали из природных жителей Перу».

2.5. ЭТНИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Черняховская культура (вторая треть III — первая треть V в.) — одно из самых ярких явлений в истории Восточной Европы I-го тыс. н.э. вплоть до становления Древнерусского государства. По степени развития производства и ремесла, по уровню торговых связей создавшие ее племена мало отличались от наиболее передовых народов европейского Барбарикума, стоявших на пути создания собственной государственности.

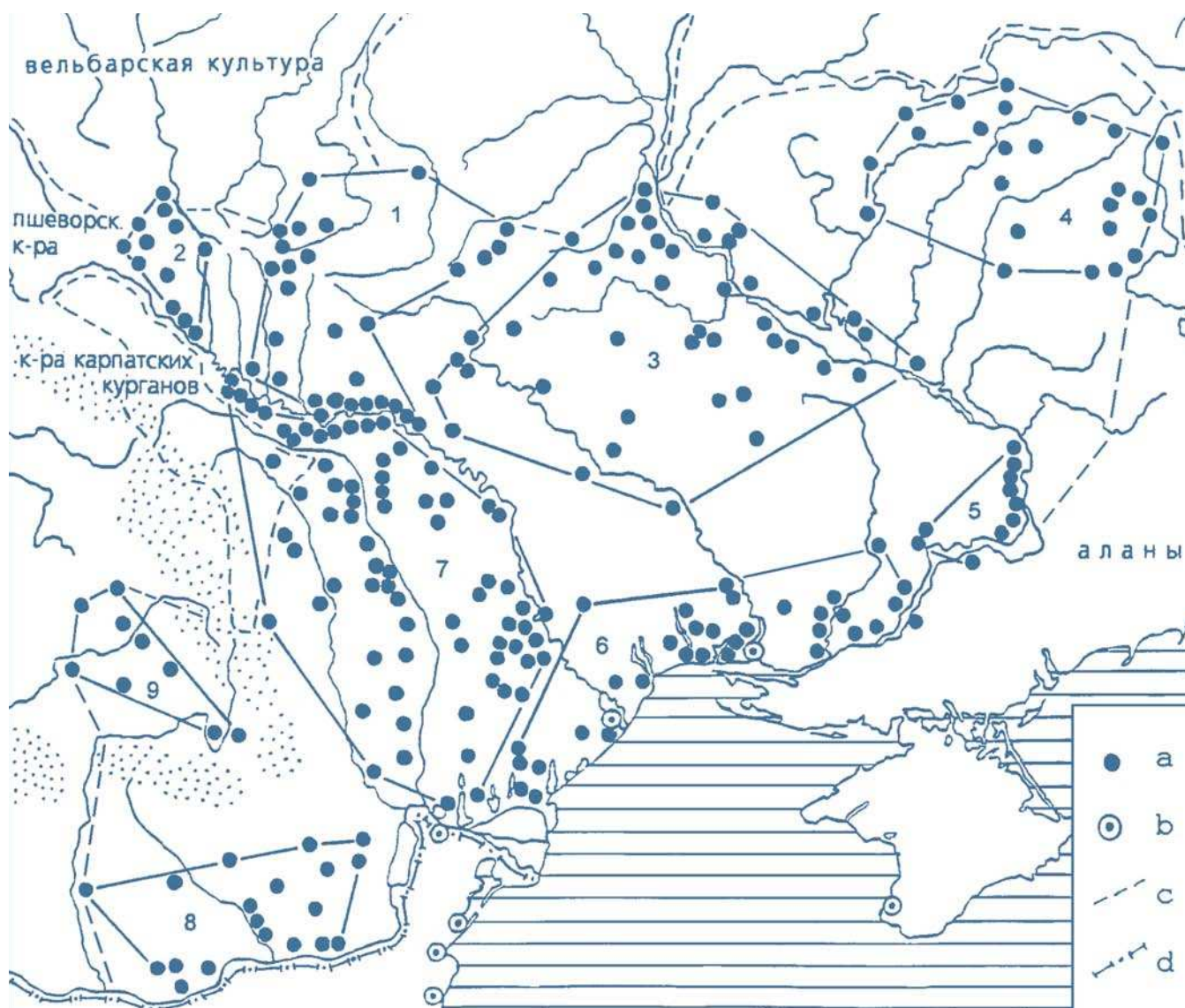
Первые древности черняховской культуры (культуры полей погребений черняховского типа) были открыты для науки в 1898–1903 гг. исследованиями у сел Ромашки и Черняхов

в Среднем Поднепровье, Неслухов в Прикарпатье и Марошсентанна (ныне Синтана де Муреш, Трансильвания) (Хвойка, 1901, с. 172–190; Hadaczek, 1900, s. 48–59, 71–78; Kovács 1912, p. 250–367). С тех пор на пространствах Украины, России, Молдовы и Румынии археологи обнаружили 3,5 тыс. подобных памятников, из них более 200 поселений и 120 могильников раскопаны широкой площадью (в румынской и молдавской литературе эти древности называют «культура Синтана де Муреш», в других странах — обычно «Синтана-Черняхов»).

Главным признаком, который позволяет объединить эти иногда непохожие по типам домостроительства и погребений памятники, выступает гончарная посуда черняховского типа с ее качественными характеристиками и особыми формами. Характерны для этой культуры также центральноевропейские типы деталей убора и других вещей (фибулы, пряжки, подвески, гребни, туалетные пинцеты и др.), а также оригинальные типы деталей, выработанные на этой основе. Определенная стандартизация массовых ремесленных изделий черняховского типа является продуктом единой экономической системы, общего внутреннего рынка, охватившего население значительной территории в зоне плодородных грунтов лесостепи и степи. Тем не менее внутри черняховского массива существуют этнографические и хронологические особенности отдельных регионов. Мы выделяем 9 регионов, их названия иногда довольно условны (Магомедов 2001а, с. 18) (рис. 2.5.1).

В течение столетия изучения древностей черняховской культуры наиболее острые дискуссии вызывает вопрос о том, какой народ (или народы) являлся ее создателем и основным носителем. Первый исследователь Черняховского могильника В.В. Хвойка, а за ним М.Ф. Беляшевский и К. Гадачек считали их этапом в развитии местной культуры древних славян. Археологи немецкой школы делали акцент на сходстве древностей типа Черняхова и Южной Прибалтики, связывая их с германскими племенами готов и гепидов (П. Райнеке, Э. Блюме, Г. Коссинна, К. Дикулеску). Э. Бреннер и М. Эберт объединили памятники Украины и Нижнего Дуная в одну культурную группу, в которой, по мнению

* Автор раздела — Б.В. Магомедов, доктор исторических наук, Институт археологии НАН Украины.

последнего, прослеживаются готские и местные культурные элементы. В межвоенный период на близких «полиэтнических» позициях стояли чешские и польские ученые (Л. Нидерле, В. Антонович, Й. Костшевский, Л. Козловский). Таким образом, сложились три основных взгляда на этническую окраску памятников черняховского типа: германский, славянский и полиэтнический.

В гитлеровской Германии в научной и пропагандистской литературе господствовал тезис о принадлежности памятников черняховского типа исключительно готам или гепидам. Советское руководство также начало понимать идеологическое значение археологии. В результате в публикациях 1940–1950-х гг. «автохтонистская», или славянская, концепция черняховской культуры стали руководящей теорией в археологии ранних славян.

Рисунок 2.5.1. Распространение памятников черняховской культуры и ареалы соседних культур (цифрами обозначены регионы черняховской культуры):

1 — Западная Украина; 2 — Верхний Днестр; 3 — Центральная Украина; 4 — Восточная Украина; 5 — Нижний Днепр; 6 — Северное Причерноморье; 7 — Молдова; 8 — Мунтения; 9 — Трансильвания; а — важнейшие черняховские памятники; б — античные города; с — границы ареалов культур; д — граница Римской империи в IV в.

Постепенное смягчение политической обстановки в стране позволило опубликовать мнения о германском происхождении (Артамонов, 1956, с. 3–6) или о полиэтничности черняховского населения (Кухаренко, 1954; Тиханова, 1957; Третьяков, 1958; Федоров, 1960). Появлению таких взглядов способствовало расширение полевых исследований в послевоенный период, открытие раннеславянских древностей праж-

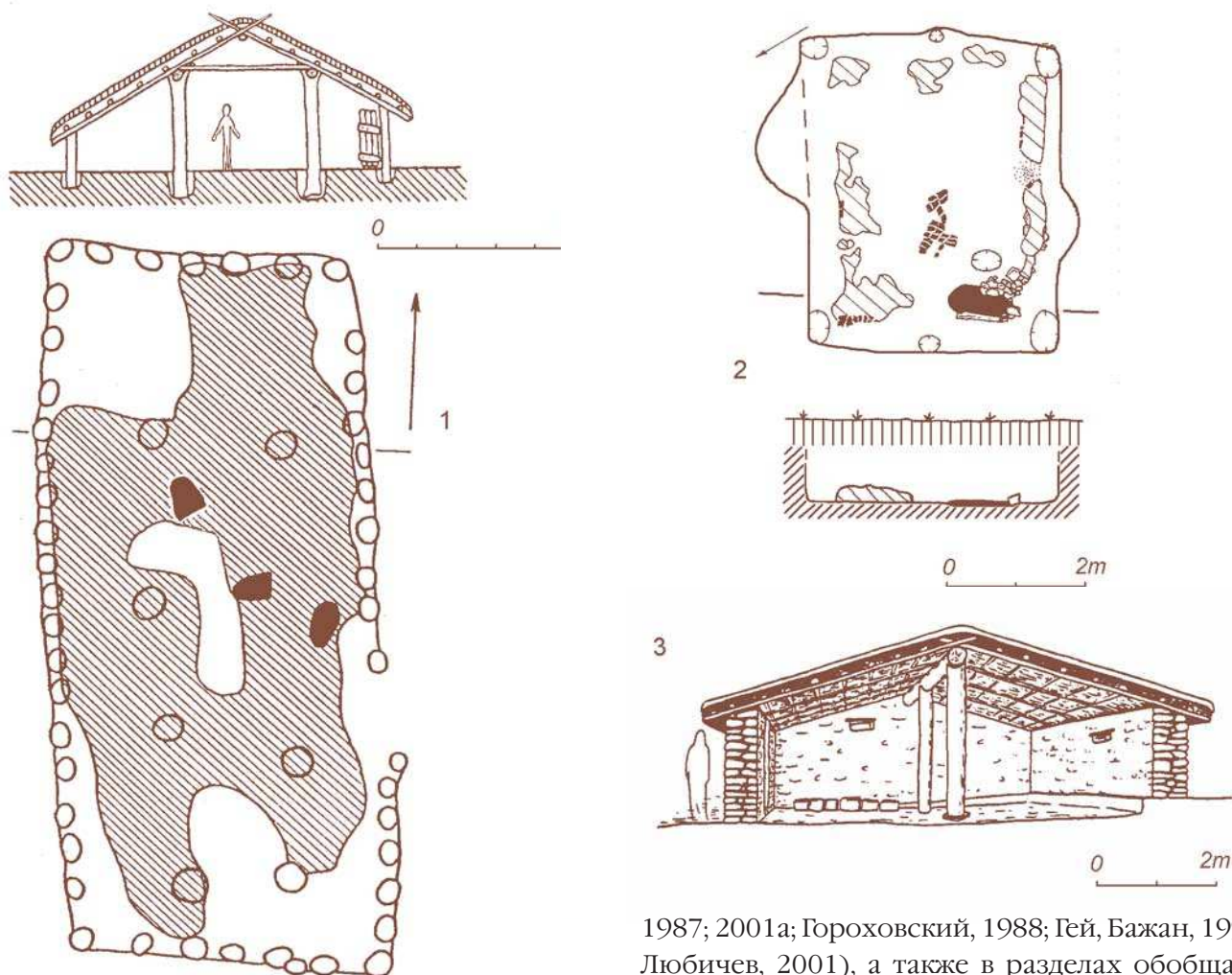

Рисунок 2.5.2. Типы жилищ черняховской культуры:

1 — план и реконструкция разреза трехнефной постройки (Будешты, постр. 2); на плане видны ямки от столбов, три очага и слой глиняной обмазки от сгоревшей кровли; 2 — план и разрез полуземлянки с печью-каменной (Сокол, жилище 9); видны ямки от столбов, угли и обмазка от сгоревших конструкций; 3 — реконструкция разреза каменной постройки с кровлей из камыша и глины (Каменка-Анчекрак, помещение VIII)

ско-корчаковского и киевского типов, а также бесспорно германских памятников «типа Дитиничей» (то есть вельбарских по современной терминологии) (Смішко, Свешніков, 1961). Тогда же на Верхнем Днестре была выявлена группа черняховских поселений со славянскими чертами (Баран, 1981). В эти и последующие годы тема черняховской культуры отражена в большом количестве статей и нескольких монографиях (Махно, 1960; Брайчевський, 1964; Симонович, 1964; 1967; Шукин, 1967; 1979; Винокур, 1972; Рикман, 1975; Сміленко, 1975; Баран, 1981; Никитина, 1985; Рафалович, 1986; Магомедов,

1987; 2001a; Гороховский, 1988; Гей, Бажан, 1997; Любичев, 2001), а также в разделах обобщающих трудов: «Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период», 1990; «Славяне и их соседи в конце 1-го тыс. до н.э. — первой половине 1-го тыс. н.э.», 1993).

Современные исследователи в целом придерживаются полиэтнической концепции черняховской культуры, но понимают это различно. По мнению некоторых ученых, лесостепная зона Украины была заселена в большинстве славянами (Винокур 2000, с. 275–278) или славянами и сарматами (Седов 1994, с. 233–282). В.Д. Баран также связывает Лесостепь преимущественно со славянским населением, большое значение в культурогенезе он придает скифо-сарматскому и дако-гетскому компонентам, а с германцами-готами связывает памятники с выразительными вельбарскими чертами (Баран, 1998, с. 178–182). На близких позициях стоят Д.Н. Козак (1994, с. 31–36) и А.В. Гудкова (1996, с. 20–23). Многие исследователи связывают черняховскую культуру прежде всего с народом готов, не отрицая причастности к ней и иных этносов. Это часть

российских и украинских археологов (Щукин 1979, 2005, с. 66–89; Магомедов 1987; 2001a; Шаров, 1995; Любичев, 2005), а также практически все авторы из стран Центральной и Западной Европы (Godłowski, 1979; Bierbrauer, 1980, s. 131–142; Бірбрауер, 1995; Kazanski, 1991; Kokowski, 1995; Maczyńska, 1996). Румынские и молдавские коллеги при этом подчеркивают присутствие в «культуре Синтана де Муреш» карпского или дакийского элемента (Diaconu, 1964; Ioniță, 1972; Vornic, 2006, p. 278–279).

При поисках объективного решения проблемы этнического состава населения черняховской культуры важнейшими остаются данные археологии, по мере накопления антропологического материала увеличивается и его значение. Комплексный подход к проблеме невозможен без привлечения исторических и лингвистических источников, без вклада естественных наук. Ниже дан краткий (поэтому упрощенный) анализ этнокультурных признаков этого населения, более подробно изложенный в приведенных работах и в нашей монографии (Магомедов, 2001a).

Среди археологических артефактов этнографическая самобытность народа обычно наиболее надежно проявляется в типах домостроительства, в погребальном обряде, отчасти в вещевом комплексе (продукция домашних промыслов, предметы убора). Эти особенности сохраняются при миграциях этносов, но могут быть частично утеряны или изменены при резком изменении географической среды, социально-экономических условий, религии, культурного окружения.

Большинство сельских поселений черняховской культуры расположено на низких берегах небольших речек, удобных для земледелия. В степной зоне известны три городища-крепости, возведенные в черняховское время. Системы их фортификации включали рвы, валы, эскарпы, каменные стены и башни. Также использовались оставленные римлянами укрепления на Черноморском побережье.

По конструктивным особенностям черняховские постройки делятся на три группы: углубленные, наземные каркасные из дерева и глины, каменные (рис. 25.2). В большинстве областей черняховского ареала встречаются постройки первых двух групп. На четко очерченной терри-

тории региона Верхний Днестр концентрируются поселения, где открыты только углубленные жилища. В Причерноморье господствует каменное домостроительство.

Углубленные жилища исследованы на 80 поселениях — около 300 объектов. Большинство имели глубину 0,4–1 м и площадь 8–17 кв. м, их принято называть полуземлянками. Землянки глубиной до 2 м и более изредка встречаются на Верхнем Днестре. Стены делались из плетня, обмазанного глиной, реже — из бревен, столбовой или срубной конструкции. Иногда в полу у противоположных стен прослеживаются ямки от опорных столбов, которые поддерживали конек двухскатной крыши. Очаги делали из камня и глины или огонь разводили прямо на полу. В регионе Верхний Днестр большинство полуземлянок имело прямоугольную или близкую к квадратной форму, часто встречаются подвальные ямы, а также вырезанные в материке пристенные выступы-прилавки. Этот тип жилища был унаследован от зубрицкой культурной группы раннеримского времени (Козак 1992, с. 35–38). В Журавке и Боромле (Черкасская и Сумская обл.) встречены полуземлянки особой конструкции — с центральным опорным столбом, типологически связанные с киевской культурой (Обломский, 1998). Значительная часть черняховских углубленных построек может быть связана с традициями населения Центральной Европы. В Восточной Германии наряду с наземными домами известны жилые полуземлянки с очагами (Donat, 1983, s. 81–90). Углубленные постройки составляют не менее половины исследованных жилищ на поселениях вельбарской культуры в Поморье и на Волини (Wolagiewicz, 1986, s. 299–317; Магомедов, 2001a, с. 23). Для пшеворской культуры ведущим типом жилища были прямоугольные полуземлянки (Godłowski, 1981, s. 57–135).

Наземные каркасные жилища мы знаем на 120 черняховских поселениях — это более 200 объектов. Их стены чаще всего делались из плетня, обмазанного глиной с примесью рубленой соломы, но могли применяться блоки из дерна или ряд бревен на манер частокола. Крышу покрывали камышом и нередко сверху обмазывали слоем глины. При раскопках находят остатки сгоревших домов, от кото-

рых сохраняется хорошо заметная обожженная обмазка. Постройки, которые разрушились иным путем, проследить трудно или невозможно. Большинство составляют однокамерные, реже двухкамерные постройки площадью 10–50 кв. м. Более чем на 20 поселениях найдены остатки так называемых длинных домов площадью 60–160 кв. м. Как правило, они разделены на две камеры, иногда с сенями в центре. В жилом помещении был очаг, здесь находят посуду, грузила от ткацкого станка и другие вещи. Второе, хозяйственное, помещение предназначалось для скота. Внутренние несущие опоры располагаются в один ряд (двухнефная конструкция) и два ряда (трехнефная конструкция — *рис. 25.2: 1*). Такие постройки имели ширину до 11 м. «Длинные дома» исследователи связывают с германской культурной традицией. С эпохи бронзы население Северной Европы строило здания, разделенные на жилую и стойловую части, чаще всего трехнефной конструкции (тип Stallhalle или Wohnstallhaus). В римское время они преобладали на равнинах между Рейном и Эльбой, известны на Одере, в Дании, на юге Скандинавского полуострова и на островах Балтики (Donat, 1983, s. 81–83).

В Причерноморском регионе основным типом постройки было двухкамерное здание из местного камня-известняка длиной 15–20 м, шириной 6–7 м. К домам примыкают каменные ограды дворов-загонов. Такое домостроительство отражает варваризованную античную традицию местного населения (Тудкова, 1987, с. 6–15; Магомедов, 1987, с. 15–25). В двух случаях на юге черняховской территории прослежены постройки, которые можно интерпретировать как юрты, то есть кочевнические жилища круглой формы.

Черняховский погребальный обряд отличается разнообразием (*рис. 25.3*). Почти все могильники биритуальны — около 30% исследованных захоронений, а реально до половины (разрушения при вспашке и т.д.) составляли кремации. Они разделяются на несколько типов захоронений урновых и безурновых. Погребения-ингумации имеют различную конструкцию ям: простая грунтовая (полностью преобладает), с заплечиками (земляные уступы для деревянного или каменного перекрытия), с подбоем, катакомбы. За редкими исключениями покойников

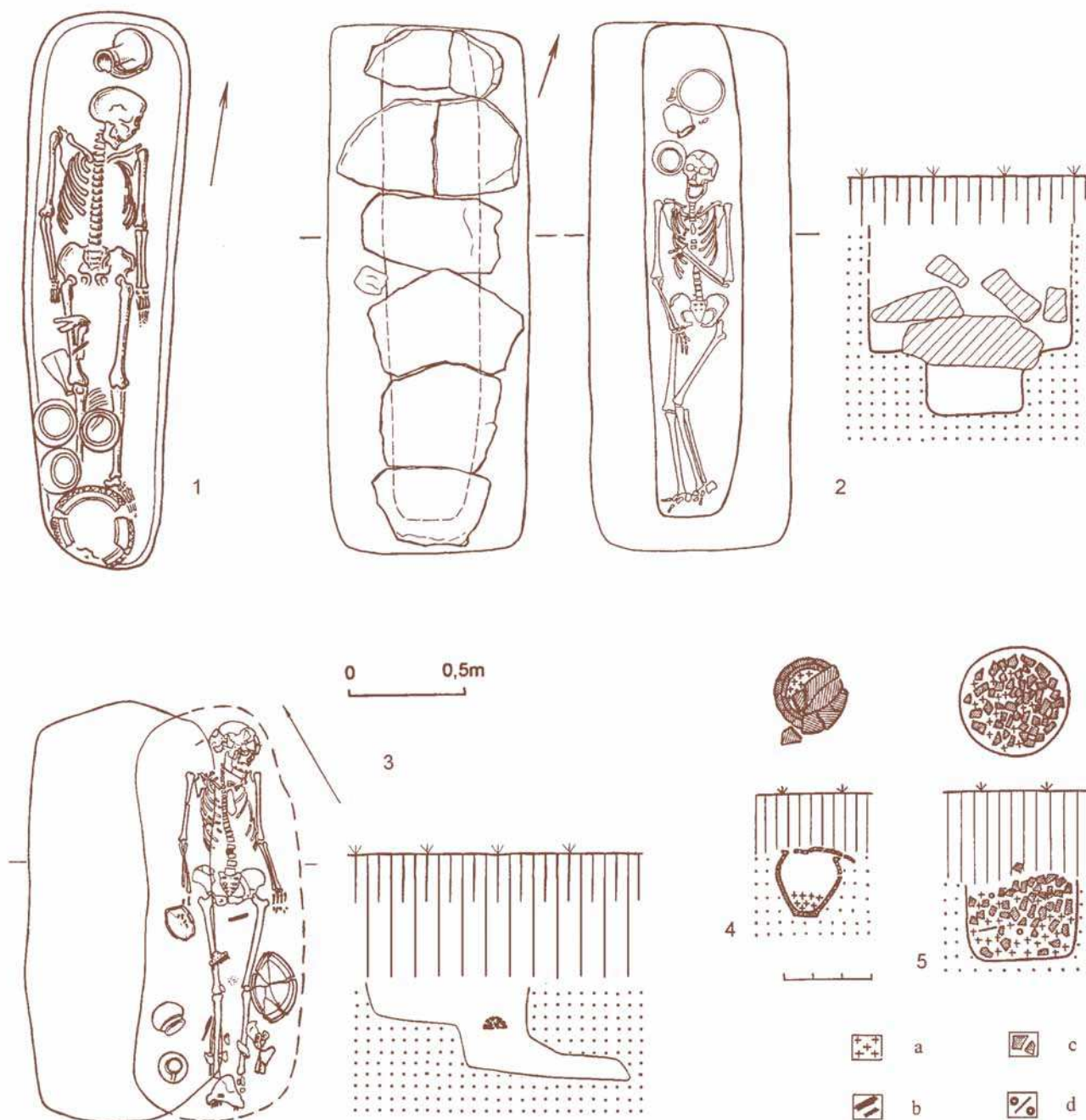
клали головой на север или на запад. Встречаются погребения представителей аристократии, которые имеют параллели в Центральной Европе. Обычно они выделяются по инвентарю, но для ингумаций важным критерием является наличие ямы больших размеров с деревянными конструкциями.

Главная роль в формировании черняховского погребального обряда принадлежит вельбарской культуре, обряд которой также не был однородным. Кроме большинства вельбарских моноритуальных могильников с сожжениями существовали биритуальные могильники (до 90–96% трупоположений). В обеих культурах обряд с течением времени изменялся за счет возрастания количества ингумаций. Причиной изменений была эволюция религиозных представлений, характерная для различных германских племен позднеримского времени и периода миграций. В черняховской культуре этот процесс усиливался под влиянием степных народов.

Большинство типов черняховских погребений с кремациями имеет вельбарские соответствия. В Восточную Европу попадают представители и иных германских культур. В частности, им могут принадлежать сожжения пшеворского типа с оружием (8 случаев). Обряд ингумаций (свыше 80% в простых ямах, ориентированных на север) соответствует вельбарским обычаям, хотя этот тип погребений в определенной мере присущ и сарматам.

В процессе развития черняховской общности в нее включались представители негерманских народов со своими погребальными обычаями. Вклад носителей обряда сожжения (славяне, фракийцы) мог иметь локальное значение и исключить его нельзя, однако выделить такие погребения невозможно даже статистически (по преобладанию в регионе определенного типа кремаций). Вклад носителей обряда ингумации — сармат и поздних скифов — определяется довольно четко.

Сарматский элемент по признакам погребального обряда составляет две локализованные группы. Первой присущи погребения с северной ориентировкой умерших в катакомбах и подбоях, хорошо представленные на пяти черняховских могильниках Причерноморско-

го региона; такой обряд использовали племена алан. Для второй группы характерны простые ямы с южной ориентировкой умерших. Они преобладают лишь на двух некрополях в Румынии и характерны для племени языгов, основная масса которых в это время обитала в Венгерской низменности. Могилы с сарматскими признаками встречаются в Молдове и на некоторых могильниках других регионов.

Погребальный обряд поздних скифов начала новой эры (погребения в катакомбах) с течением времени изменялся в сторону сближения с обрядом населения периферии античных го-

Рисунок 2.5.3. Типы погребений черняховской культуры:

1 — простая яма (Черняхов, погр. 275); 2 — яма с заплечиками и каменным перекрытием (Каменка-Анчекрак, погр. 13); 3 — яма с подбоем (Каборга, погр. 12); 4 — кремация в урне (Городок, погр. 8); 5 — кремация в яме (Городок, погр. 5); а — кальцинированные кости; б — угли; с — керамика; д — прочий инвентарь

родов. Под их влиянием у поздних скифов распространился тип могил с заплечиками. Отражением традиционных скифских религиозных представлений является западная ориентировка умерших. Принадлежность подобных черняховских погребений поздним скифам подтверж-

Рисунок 2.5.4. Ремесленные изделия черняховской культуры:

керамическая посуда гончарная (1–10) и лепная (11); гребень из оленьего рога (12); серебряная (13) и бронзовая (14) фибулы; бронзовая пряжка (15); серебряный пинцет (16); золотая (17), янтарные (18) и роговая (19) подвески; 1, 15 — Косанов; 2 — Коблево; 3, 16 — Городок; 4, 13 — Курники; 5 — Ромашки; 6 — Коровинцы; 7, 11, 12 — Каборга; 8 — Успенка; 9 — Жовнин; 10 — Вовчик; 14, 18 — Петрикивцы; 17 — Данчаны; 19 — Каменка-Анчекрак

дается данными антропологии и некоторыми дополнительными признаками: подмазка дна ямы зеленой глиной, наличие среди инвентаря светильников и т.п. Как составная часть черняховского обряда позднескифский элемент наиболее массово представлен в Северном Причерноморье. В Центральной и Восточной Украине он доминирует на отдельных могильниках, но повсюду вместе с германским элементом.

Предметы, которыми пользовалось население черняховской культуры, в большинстве своем изготовлены представителями того же

населения. Многие из них отражают традиции определенной культуры (народа). Довольно многочисленный импорт (посуда, амфорная тара, украшения, монеты и др.) свидетельствует об экономических и культурных связях и к нашей теме прямого отношения не имеет.

Основную массу археологических находок на черняховских памятниках составляют обломки керамической посуды. Большинство этой посуды изготовлено на гончарном круге и несет печать ремесленной унификации (рис. 2.5.4: 1–11). Технология ее изготовления была заимствована в римских провинциях, по-видимому, первоначально за счет использования опыта пленных ремесленников и затем освоена местными мастерами. Черняховские гончарные горшки и пифосы в основном почти без изменений повторяют формы, известные в дунайских провинциях. Во многих типах кувшинов можно узнать римские прототипы, но большинство

из них приобретает биконический профиль, присущий посуде вельбарской культуры. В иных типах кувшинов, в кружках, в различных типах ваз местные мастера развивали в гончарной технике «этнографические» формы вельбарских, пшеворских и даже ютландских образцов. В орнаментации гончарной керамики также заметно продолжение и развитие стиля оформления посуды вельбарской культуры.

Посуда, изготовленная в лепной технике, как правило, отражает старые этнокультурные традиции (кроме подражаний гончарным изделиям). Ее формы в основном укладываются в рамки типологий керамики более ранних или соседних культур (рис. 2.5.5). Локальные особенности имеет посуда регионов Верхний Днестр (продолжает местную традицию памятников зубрицкого типа) и Причерноморье (ближайшие аналогии в керамике поздних скифов и сарматов). На остальной территории лепная посуда имеется преимущественно на памятниках раннего этапа и в большинстве соответствует вельбарским образцам. В отдельных случаях встречаются типы киевской или карпо-дакийских культур.

Черняховский набор посуды, кроме хозяйственных видов (кухонные горшки и пифосы) включал развитый ассортимент столовых форм, среди которых заметное место занимают сосуды для напитков. Этим черняховская посуда резко отличается от посуды тех культур, с которыми связывают славянскую линию развития (поздnezарубинецкие памятники, зубрицкая, киевская, колочинская, пеньковская, пражская культуры).

Из деталей костюма в руки археологов попадают лишь некоторые части одежды: фибулы (застежки) и пряжки, а также украшения: ожерелья, различные подвески, браслеты, перстни и шейные гривны (рис. 2.5.4: 13–15, 17–19). Многие типы этих вещей имеют аналогии в Центральной и Северной Европе или были выработаны на той же основе. Это почти все фибулы и часть типов пряжек из бронзы и серебра, бусы и подвески из янтаря, подвески-амулеты в виде лунниц и молота Тора, единичные шейные гривны

и шпильки. Амулеты в виде миниатюрных ведерок и «палицы Геракла» имеют в основе античное происхождение, но широко распространились и в германской среде. Местное причерноморское происхождение, по-видимому, имеет самый массовый тип черняховских литых пряжек. С сарматскими вкусами связывают популярность стеклянных, сердоликовых и коралловых бус среди черняховских женщин. Полагают, что их широкое распространение скорее было обусловлено доступностью благодаря развитой торговле с восточными провинциями.

На некоторых черняховских памятниках Поднепровья и Восточной Украины найдены фибулы и подвески, относящиеся к так называемому кругу вещей с выемчатыми эмалями,

Рисунок 2.5.5. Лепная посуда черняховской культуры, изготовленная в разных этнокультурных традициях: германской (1–8), славянской (9–11, 13), скифо-сарматской (14–17) и фракийской (12):

1 — Билопилля; 2 — Чубовка; 3, 4, 6 — Косанов; 5 — Великая Снитинка; 7 — Городок; 8 — Ромашки; 9 — Хлопков; 10 — Бовшив; 11 — Теремцы; 12 — Спанцов; 13 — Черепин; 14 — Большая Корениха; 15–17 — Каменка-Анчекрак

характерному для киевской культуры. Время их бытования ограничено серединой III — началом IV в., периодом активного проникновения в этот район черняховского населения. Предполагаем, что эти вещи попали в черняховскую среду преимущественно как военная добыча.

Сохранившиеся вещи и их размещение в могилах дают возможность частичной реконструкции костюма. Мужские погребения могут содержать фибулу и пряжку, несколько бус, подвеску-амулет, часто также гребень. По-видимому, мужской прическе придавали особое значение: у готов длинные волосы были признаком свободного человека. Женские погребения определяются по наличию ожерелий, пряслиц, а также более чем одной фибулы. Ансамбль женского костюма дополняла сумка для мелких вещей: швейных принадлежностей, гребня, амулетов и т.п. Черняховская модель была продолжением линии развития женского убора германских племен Центральной Европы и практически соответствует модели вельбарской культуры (Tempelmann-Maczyńska, 1989). Кроме того, наблюдается влияние сарматского стиля (Бобровьска, 2000). Ближе к финальной фазе черняховской культуры все большее распространение приобрел комплект из пары крупных фибул, пряжки и ожерелья. Этот «этнографический» убор сохранился в раннесредневековом женском костюме, известном по некрополям Остготского королевства в Италии, Вестготского в Испании и готов Крыма (Bierbrauer, 1980, S. 131–142; Айбабин, 1999, с. 100–104).

Среди бытовых предметов большую группу составляют мелкие универсальные орудия — ножи разных типов, шилья, иглы с футлярами-игольниками из птичьей кости. В погребениях встречаются вещи туалетного назначения — гребни из оленьего рога, миниатюрные ножи, пружинные ножницы, пинцеты и копоушки из бронзы и серебра, бритвы и очень редко металлические зеркала (рис. 2.5.4: 12, 16). Железные гребни, возможно, были связаны с религиозным культом. Из вещей домашнего употребления известны кресала, ключи для дверных деревянных замков-засовов, цилиндрические замки с пружинным механизмом и ключи от них. В богатых погребениях находят металлические детали от деревянных шкатулок (рис. 2.5.6). Встречаются

железные детали от деревянных ведер — обручи и ушки. Единично представлены остатки деревянной чаши с ушком-кольцом и серебряными накладками, бронзовый наконечник от рога-ритона. Встречаются длинные железные вилки — кухонная утварь для приготовления мяса. У европейских варваров были популярны античные азартные игры. Найдены кубики для игры в кости (alea) и жетоны из стекла, а также из глины или камня для игры calculi.

Все эти вещи находят аналогии преимущественно в германских культурах Центральной Европы и в провинциях Рима; некоторые типы на той же основе были выработаны на месте. Зеркала из белого сплава распространились в Европе в гуннское время и характерны для степных культур.

На черняховских памятниках найдено более 200 предметов вооружения (мечи и детали ножен, кинжалы, детали щитов, топоры, наконечники дротиков, копий и стрел), а также части снаряжения коня и всадника (удила и шпоры). Их самые близкие аналогии происходят из Центральной Европы. Появление на позднем этапе черняховской культуры длинных кинжалов и костяных пластин от сложного лука отражает влияние кочевников-алан, появление трехлопастных наконечников стрел связано с гуннами.

По своему назначению оружие представлено двумя категориями. Дротики, копья и луки относятся к универсальным видам, поскольку ими пользовались как для охоты, так и в бою. Навыками обращения с ними владел каждый мужчина. Таким оружием было снаряжено ополчение рядовых воинов, которое собиралось только на время войны. Мечи, щиты, топоры являются исключительно боевыми видами оружия. Успешно их использовать могли лишь специально подготовленные люди. Наличие этой категории оружия свидетельствует о присутствии в обществе социальной группы воинов-профессионалов. Это совпадает со свидетельством письменных источников об отрядах из лучших воинов (то есть дружинников) при готских вождях. Снаряжение всадника не только имело боевое назначение, но и было ранговым признаком аристократов.

В римскую эпоху и в раннем Средневековье универсальное вооружение и детали снаряжения всадников-вождей встречаются также

в древностях коренных оседлых племен Юго-Восточной Европы, в том числе славянских. Однако профессиональные виды оружия были для них не свойственны до VIII в. Такое оружие на этой территории исчезло в начале V в. вместе с германскими племенами, у которых социальные группы профессиональных воинов сформировались раньше.

Производственные процессы и орудия труда отражают в большей мере экономические процессы и связи, чем этнические традиции. У черняховского населения появились сельскохозяйственные орудия провинциальных типов: железный наральник для пахоты, мотыга, черешковый серп, коса. Ассортимент местных железных изделий насчитывает более 60 наименований — значительно больше, чем в предшествующий и последующий периоды. При этом черняховскому кузнечному ремеслу присуща высокая техническая культура, близкая к традициям племен Центральной Европы, которые использовали кельтское наследие, а также к традициям балтских племен (Вознесенская, 1972). Полагаем, что черняховские мастера были знакомы и с достижениями ремесла дунайских провинций, которые также базировались на кельтском наследии.

Набор медных сплавов отражает взаимодействие двух больших зон металлообработки — прибалтийской и причерноморской (Черных, Барцева, 1970). По нашему мнению, их состав определялся не столько традициями составления рецептур, сколько источниками поступления сырья. Сложный цинковый сплав в виде слитков мог доставляться из медедобывающих областей Скандинавии, которые обеспечивали Балтийский регион, а также связанные с ним культурные области.

Под влиянием провинций появляются новые деревообрабатывающие ремесла — токарное и бондарное. В Винницкой области на базе месторождения туфа действовала мастерская по изготовлению жерновов для ручных мельниц по образцу легионерских. Прядение и ткачество оставались традиционными домашними производствами. В черняховских женских погребениях находят детали веретен — «клюковидные булавки», серебряные и бронзовые трубчатые оковки, подобные распространенным в Центральной и Северной Европе.

Особый вклад в решение проблемы этнического состава черняховского населения вносят данные антропологии. Этот вклад ограничен из-за распространенности обряда кремации (до половины захоронений). Обычай сожжения умерших был характерен для славянских, фракийских и многих германских племен. Кроме того, более 40% скелетов в черняховских ингумациях подверглись разрушению в древности. Наиболее полное исследование сохранившегося краниологического материала провела Т.А. Рудич (2005) (важнейшие из более ранних работ по этому вопросу — Великанова, 1975 и Кондукторова, 1979, с. 163–204).

В результате практически во всех регионах черняховской культуры (кроме группы памятников Верхнего Днестра, где могильники не изучены) выявлены антропологические следы миграционных потоков с Запада. В этих потоках смешивались выходцы из Прибалтики, Центральной и Северной Европы, что может быть связано с передвижением готов. Такие же типы черепов найдены в вестготских некрополях V–VII вв. на Иберийском полуострове. Большинство черняховцев юга Украины генетически связано со спзднескифским и грекоантичным населением. Прослежена их миграция в Центральный и Восточный регионы. Предполагавшееся археологами присутствие сарматов оказалось незначительным. И наконец, впервые обнаружены реальные антропологические следы славянского этноса в черняховской культуре.

Сходство с позднейшим типом восточных и западных славян проявилось в женской серии черепов из могильников Западной Украины, хотя в мужской серии там полностью доминируют связи с населением вельбарской культуры. Исходя из данных археологии, мы считаем, что эти женщины вряд ли могли иметь местное происхождение. Однако на расстоянии 50–100 км от указанных могильников в соседнем регионе Верхнего Днестра расположена группа поселений со славянскими чертами в материальной культуре. Можно допустить, что часть мужчин-германцев имела жен-славянок из соседнего племени. Неизвестно, был ли добровольным их переход в чужеродные общины, но, судя по захоронениям, эти женщины полностью усваивали новые обычаи. Такое же различие в генетичес-

ких связях мужских и женских серий выявлено на вельбарских могильниках смежного с Украиной района Польши (Масломенчская группа), а также на некрополях Буджакской степи, где в мужской серии черепов доминирует позднескифский тип.

Суммируем результаты анализа рассмотренного материала и сопоставим их с картой (рис. 2.5.1). На довольно ровном фоне «классических» черняховских древностей выделяются два этнокультурных типа памятников, образующих региональные группы. Из-за явного своеобразия черт их принадлежность к черняховской культуре иногда ставится под сомнение.

Памятники причерноморского типа территориально соответствуют региону Северное Причерноморье. Для них характерны: каменное домостроительство с определенным типом построек; в погребальном обряде — ингумации в ямах сложных форм (с заплечиками и подбоями, катакомбы); в лепной керамике — «позднескифские» формы. Основными носителями этих признаков были поздние скифы с включением греческого и сарматского элементов.

Регион Верхний Днестр ограничен массивом памятников типа Черепин. Жилища здесь углубленные (землянки и полуземлянки). Погребальный обряд остается неизвестным, так как могильники при поселениях не найдены. Лепная керамика составляет обычно более поло-

вины керамического комплекса и представлена в основном горшками, в том числе близкими сосудам пражского типа. Сравнение с ранне-средневековыми материалами показывает, что эти памятники оставлены раннеславянским населением.

В остальных регионах преобладают «классические» черняховские памятники, условно названные тип Косанов. Их определяющие признаки: в домостроительстве — наземные каркасные постройки и полуземлянки; в погребальном обряде — ингумации в простых ямах и кремации. Лепной керамики, как правило, немного, обычно это разные формы вельбарской посуды. Показатели, генетически связанные с вельбарской культурой или общие для германских культур Центральной Европы, свидетельствуют, что эти памятники принадлежали в основном германцам.

Сопоставление археологических и исторических данных позволяет более конкретно говорить об этнических группах, составлявших население черняховской культуры.

Германцы. На большинстве черняховских памятников имеются элементы вельбарской культуры, оставленной, по общему мнению современных исследователей, племенем готов. Их история изложена в VI в. Иорданом (Иордан, 1997) (новейшие работы на русском языке: Вольфрам, 2003; Щукин, 2005). Этот народ имел сложную этническую историю и еще до переселения в Восточную Европу включал выходцев из Скандинавии и аборигенных жителей Южной Прибалтики, что согласуется с данными антропологии. В ходе переселения в начале III в.

и позже, в результате активных контактов

в готские общины включались предста-

вители других народов. В границах

черняховского ареала готские

племена разделялись на два

ответвления: восточнее

Днестра проживали грей-

тунги (остроготы), запад-

нее размещались тервин-

ги (везеготы). Небольшие

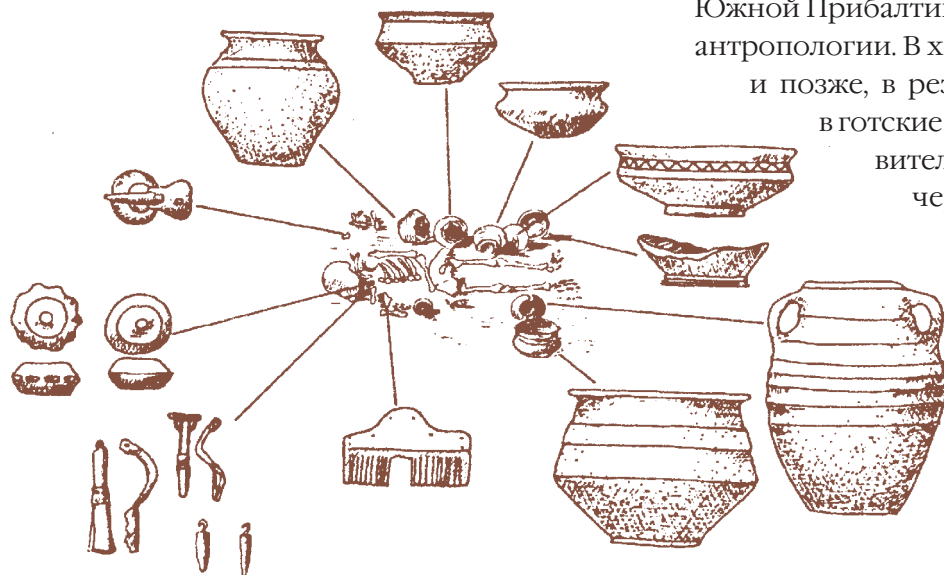
готские группировки су-

ществовали во Фракии

(малые готы) и в Крыму

(Пиоро, 1990).

Рисунок 2.5.6. Находки из могилы богатого человека
кладбища в Черняхове

Письменные источники свидетельствуют, что в позднеримское время с готами вступали во взаимоотношения другие германские племена. Гепиды имели с готами общее происхождение, их ранние археологические памятники до сих пор не различают (любовидзкая фаза вельбарской культуры). После переселения готов на юг эта культура поменяла свой облик (цецельская фаза) и связана, по нашему мнению, уже только с гепидами (Магомедов, 2001). Зоной контактов этих народов была Волынь. Основным этническим элементом пшеворской культуры считаются вандалы (Kokowski, 2003), с этой культурой связывают кремации с оружием, известные на восьми черняховских могильниках, а также распространение трехручных ваз. Пшеворскую культуру считают этнически неоднородной, включавшей германский (доминирующий), кельтский и славянский элементы (Русанова, 1990, с. 119–135).

Герулы в середине III в. были вытеснены данами с Ютландского полуострова. Связи черняховской культуры с этим районом прослежены по распространности «длинных домов» (в особенности трехнефных) и на других материалах (фибулы-«монстры», железные гребни, некоторые типы сосудов, рунические надписи и т.д.). Теоретически среди готов могли проживать представители германских племен тайфалов, бургундов, певкинов и боранов, но их древности не выделены.

Иранские народы. Среди населения черняховской культуры прослежены две группы представителей народов иранского происхождения — сарматы и поздние скифы. Сарматские племена языгов, роксолан и аорсов едва ли сделали заметный вклад в процесс формирования черняховской культуры, поскольку последние их группировки переселились с Нижнего на Средний Дунай не позднее середины III в. Еще со II в. украинскую Степь занимали аланы — носители обычая погребений в катакомбах и подбоях с северной ориентировкой умерших. Такие могилы составляют в большинстве черняховских регионов около 1% погребений и лишь в Причерноморье — 20%. Эти цифры в некоторой степени отражают удельный вес сармато-аланского элемента среди черняховского населения.

Поздние скифы Северного Причерноморья, в отличие от своих кочевых предков или воинственных сарматских племен, не привлекали

внимания древних авторов. Некоторые моменты в истории этого народа не ясны, в особенности период после разгрома аланами городищ Нижнего Днепра в середине II в. По-видимому, часть скифов влилась в сельское окружение Ольвии и Тиры. Возможно, на эти же земли переселялись жители уничтоженного готами Скифского царства в Крыму (середина III в.). В состав этого населения включались сарматы и эллины. Позднескифский этнос, как и многие другие полуварварские общности греко-римского мира, имел эллинизованную культуру и, возможно, пользовался греческим языком. После распространения в Причерноморье черняховской культуры (около рубежа III–IV вв.) поздние скифы образовали здесь основную часть ее населения, а отдельные группы переселились в Центральную, а также в Восточную Украину и Молдову. Не исключено, что представители этого народа составляли в обществе торгово-ремесленную прослойку.

Славяне. Славянский этнос в составе черняховской культуры можно уверенно связывать с двумя группами памятников. На западе Украины это поселения типов Черепин, на востоке — памятники с элементами киевской культуры.

Памятники типа Черепин считаются генетическим продолжением зубрицкой (волыно-подольской) культурной группы, занимавшей в раннеримское время Западную Волынь, Верхнее и Среднее Поднестровье. Ее культурной основой были восточно-пшеворские и зарубинецкие древности, на Днестре в процесс интеграции включилась также липицкая культура фракийского происхождения. По-видимому, это раннеславянское население соответствует венедам Плиния и Тацита, а также спалам Иордана, с которыми в начале III в. столкнулись готы (Козак, 1992). Под давлением готов население зубрицкой группы сконцентрировалось на Верхнем Днестре. На протяжении III–IV вв. его культура восприняла от соседей новые черты — появились гончарная керамика и прочие предметы ремесленного производства (рис. 2.5.7). В завершающих фазах развития черняховской культуры часть славянского населения продвигалась с Верхнего на Средний Днестр (памятники типа Черепин-Теремцы), а также в верховье Сирета (тип Костиша-Бо-

тошань). На поселениях все чаще встречаются квадратные полуземлянки с новым типом отопительного устройства — печью-каменкой. К концу V в. эти памятники трансформировались в раннеславянскую пражскую культуру (Баран, 1998, с. 194–199).

Древности типа Черепин близки пшеворской культуре не только генетически, но и территориально: они соприкасаются с ее восточной периферией и частично перемежаются с ее памятниками (Пелешин, 1999, с. 204–216). К черняховской культуре их относят традиционно на основании сходства массовых, часто общих для обеих культур форм гончарной посуды и других ремесленных изделий. Однако среди такой посуды преобладают типы, более свойственные пшеворской культуре, чем черняховской (Левада, Дудек, 1997, с. 147–158; Магомедов, 2001а, с. 61). По монетным находкам поздне римского периода регион Верхний Днестр также выделяется из черняховского ареала и относится к пшеворской нумизматической провинции (Магомедов, 2006). Возможно, памятники типа Черепин более правомерно рассматривать как самостоятельную «позднелетувскую» культурную группу, близкую к восточному варианту пшеворской культуры.

На востоке Украины и в соседних областях России славянское население поздне римского времени представлено древностями киевской культуры. Ее элементы, обычно параллельно с вельбарскими, встречаются на некоторых черняховских памятниках Среднего Поднепровья и восточного региона (Журавка, Хлопков, Боромя и др.) (Обломский, 1998; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999; Петраускас, Шишкин, 1999, с. 217–229; Терпиловский, 2004, с. 53–54). Это полуземлянки с центральным столбом, находки лепной керамики (не всегда убедительные) и другие вещи. Киевские поселения этого времени обычно содержат черняховский импорт. Такие памятники иногда неоправданно причисляют к черняховской культуре.

Памятники типа Черепин-Теремцы и киевской культуры разделены пространственно, их материалы имеют сходства и различия. Некоторые общие признаки могли появиться во второй половине III в. в результате миграции группы населения из Поднепровья на левобережье Днестра

(Некрасова, 1990, с. 62–64; Любичев, 2005). Более важным является сходство определяющих черт обеих культурных групп, корнящиеся в близком этническом родстве народов, которые стоят за ними (Козак, Терпиловский, 1986). К таким общим чертам (кроме обусловленных черняховским влиянием) следует отнести: наличие квадратных полуземлянок, погребальные обычаи, не оставляющие заметных археологических следов, среди лепной посуды полное преобладание горшков.

Фракийцы. Юго-запад черняховского ареала занимал территории, где ранее размещались культуры гето-дакийского (фракийского) круга. В начале поздне римского периода самыми большими северофракийскими народами оставались даки и карпы. Первые, сильно романизированные, жили в провинции Дакия и в Мунтении (памятники типа Милитарь-Килия). Карпы занимали земли между восточным склоном Карпат и Прутом (культура Поенешти-Вертишкей, исчезает во второй половине III в.). Во время Скифских войн (238–270 гг.) карпы выступали союзниками готов, которые тем не менее вытеснили племя с его территории. Римские источники свидетельствуют о переселении больших групп карпов на земли империи около рубежа III–IV вв.

Какая-то небольшая часть карпо-дакийского населения вошла в черняховскую культуру («культура Синтана де Муреш»). Их древности представлены редкими находками характерной лепной керамики в погребениях различных типов (включая ингумации) и на поселениях (Diaconu, 1976, s. 309–314). Фракийские элементы памятников типа Черепин связаны с наследием субстратной липицкой культуры. Таким образом, роль фракийского компонента в черняховской культуре не была значительной. Его археологические признаки не дают основания для выделения особой территориально-этнографической группы памятников.

Греко-римляне. Под этим понятием обычно кроется этнически неоднородное население римских провинций. Среди «черняховцев» оказались жители захваченных северопричерноморских городов, остатки населения эвакуированной около 271 г. провинции Дакия и большое количество пленных из дунайских

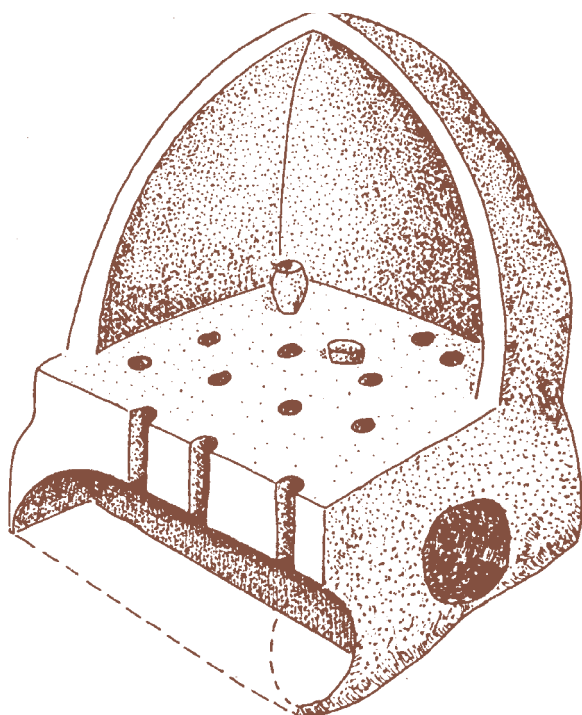

Рисунок 2.5.7. Печь для обжига (поселение Крынгаш, Молдавия)

и малоазийских провинций, которые были захвачены во время Скифских войн. Присутствие этих людей на черняховских памятниках могут выдавать образцы греческой и латинской письменности (на шести поселениях) и еще более редкие особенности погребального обряда (плитовые могилы). Представители греко-римской культуры составляли незначительную часть черняховского населения, были рассеяны среди варваров, но их цивилизаторская роль была очень важной. Ярким примером является епископ Вульфилла (311–383 гг.), по отцу гот и по матери внук пленного из Каппадокии, который разработал готскую письменность на основе греческой и перевел Библию (Иордан, 1997, с. 267, прим. 339, 669).

Черняховская культура прекратила существование в первой трети V в. В ходе событий гуннского периода и великого переселения народов земли Восточной Европы оставили последние группы готов (около 433 г.), а с ними аланы и «поздние скифы». Решающей силой в лесостепной зоне стали славянские племена — наследники древностей типа Черепин-Теремцы и киевской культуры, которые в новых исторических условиях создали пражскую и пеньковскую культуры. Со сменой состава населения ис-

чезли многие черняховские традиции: наземное домостроительство, обряд ингумации (у оседлого населения), прекратилось производство гончарной керамики, упал уровень кузнечного, косторезного и других ремесел.

К полезным приобретениям, сохранившимся у раннесредневековых славян от позднеримского периода, следует отнести использование железного наральника и ручной мельницы. Конечно, не все наследие черняховского периода может быть прослежено в славянской культуре методами археологии. Следы контактов с германцами сохранились в славянских языках; часть этих слов, связанных с военным делом, хозяйством и разными направлениями культурной деятельности, может иметь готское происхождение (Фасмер, 1986–1987; Топоров 1983, с. 227–263):

князь — *готск.* kuniggs, *герм.* kuningaz;

полк — *готск.* fulk (толпа, народ);

меч — *готск.* mekeis;

щит — *готск.* skildus;

шлем, шельм — *готск.* hilms;

плуг — *герм.* ploga;

хлеб — *готск.* hlaifs, *герм.* hlaiba;

котел — *готск.* katils;

стекло — *готск.* stikls (кубок);

лекарь — *готск.* lekeis;

буква — *готск.* boka;

виноград — *готск.* weina-gards.

За пределами черняховского ареала следы этой культуры прослеживаются в тех регионах Европы, которые были исторически связаны с позднейшим расселением ост- и вестготов. На Средний Дунай они принесли некоторые старые традиции, заметные в гончарной керамике. Еще дальше, до Галлии, с готами и аланами проникли другие черняховские типы вещей, в частности роговые гребни. Такое же происхождение имел традиционный убор готских женщин V–VI вв. из «орлиноголовых» пряжек и фибул в Крыму, Италии и Испании.

В целом традиции черняховской культуры в их материальном выражении слабо отразились в раннесредневековых культурах. Иначе и не могло случиться в условиях бурных событий великого переселения народов и распространения христианства. Более важен тот духовный вклад, который внесли бывшие обитатели Украины

и Нижнего Подунавья в общеевропейскую культуру, в культуры германских и других (в том числе славянских) народов. На рубеже Античности и Средневековья, в период сложения этнической карты современной Европы этот вклад связан со становлением первых «варварских» государственных структур, феодальных юридических кодексов и национальных систем письменности.

2.6. РАННИЕ СЛАВЯНЕ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДНЕПРОВЬЕ И ПОДОНЬЕ (I–V вв. н.э.)*

В исторических сочинениях VI в. («Гетика» Иордана, «Война с готами», «О постройках» и «Тайная история» Прокопия Кесарийского), где славяне впервые упоминаются под своим собственным именем, указано, что они составляют несколько родственных народов, среди которых в качестве крупнейших называются собственно славяне («склавины») и анты. Иордан упоминает еще один народ — венетов, которые сохранили первоначальный этноним предков всех славянских группировок раннего Средневековья. В данном разделе приводятся основные пункты концепции этнических процессов на территории Днепро-Донской Лесостепи, имеющие отношение к восточной линии славянского этногенеза, то есть к формированию антов и раннесредневековых венетов Иордана.

Эта концепция является дальнейшим развитием теории П.Н. Третьякова — В.Н. Даниленко, сформулированной в 60–70-х гг. XX в. Согласно этой теории, истоки раннесредневековых славянских древностей типа Пеньковки и Колочина нужно искать на территории лесостепного и лесного Поднепровья. Начальным звеном выделяемой в этом регионе цепочки археологических общностей является зарубинецкая культура (конец III — начало–середина I в. н.э.). Непосредственными предками пеньковского и колочинского населения были племена киевской культуры (III — начало V в.). В советской, российской и украинской историографии это направление разрабатывалось в трудах Е.А. Горюнова, Н.М. Кравченко, Н.С. Абашиной, Е.Л. Гороховского, Н.В. Лопатина, А.Г. Фурасьева,

авторов настоящего раздела и ряда других исследователей. В основных своих чертах, хотя и с рядом оговорок, изложенная ниже концепция согласуется с идеями М.Б. Щукина.

Территорией, памятники которой рассмотрены в этом разделе, является обширный регион от Среднего Поднепровья на западе до бассейна Хопра на востоке. В административном отношении он соответствует северо-востоку Украины (восток Киевской, юг Черниговской, север Днепропетровской, Полтавская, Харьковская, Сумская обл.), юго-западу России (запад Курской, Белгородская, Липецкая, север Воронежской, запад Саратовской обл.).

Отправной точкой процесса формирования восточных славянских народов стал кризис (или распад) зарубинецкой культуры. Впервые на это явление обратил внимание М.Б. Щукин (Щукин, 1986, 1994, с. 232). Около рубежа нашей эры произошел распад археологических общностей с латенскими традициями, что нашло отражение в исчезновении таких культур, как поянешти-лукашевская, ясторфская и др., а также в значительной трансформации пшеворской и оксывской культур. Кризис охватил и зарубинецкую культуру Поднепровья. Она не исчезла бесследно, хотя налицо прерывистость развития зарубинецких древностей.

Признаки кризиса: исчезновение зарубинецких памятников Припятского Полесья в течение сравнительно узкого промежутка времени, прекращение функционирования зарубинецких могильников и ряда поселений Поднепровья; массовые миграции населения с этих коренных территорий в различных направлениях вплоть до Западного Буга на западе и до верховьев Десны, Псла, Северского Донца, Оскола и бассейна Хопра на северо-востоке и востоке (рис. 2.6.1); изменение топографии поселений (массовое появление селищ на низких припойменных участках или в пойме); инновации в социальной организации (начало ведения хозяйства малыми семьями — на поселениях появляются усадьбы одной-двух семей) и в погребальном обряде.

Кризис зарубинецкой культуры дал толчок к возникновению нового археологического явления в новых исторических условиях раннеримского времени — позднезарубинецкого

* Авторы раздела — А.М. Обломский, доктор исторических наук, Институт археологии РАН; Р.В. Терпиловский, доктор исторических наук, Институт археологии НАН Украины.

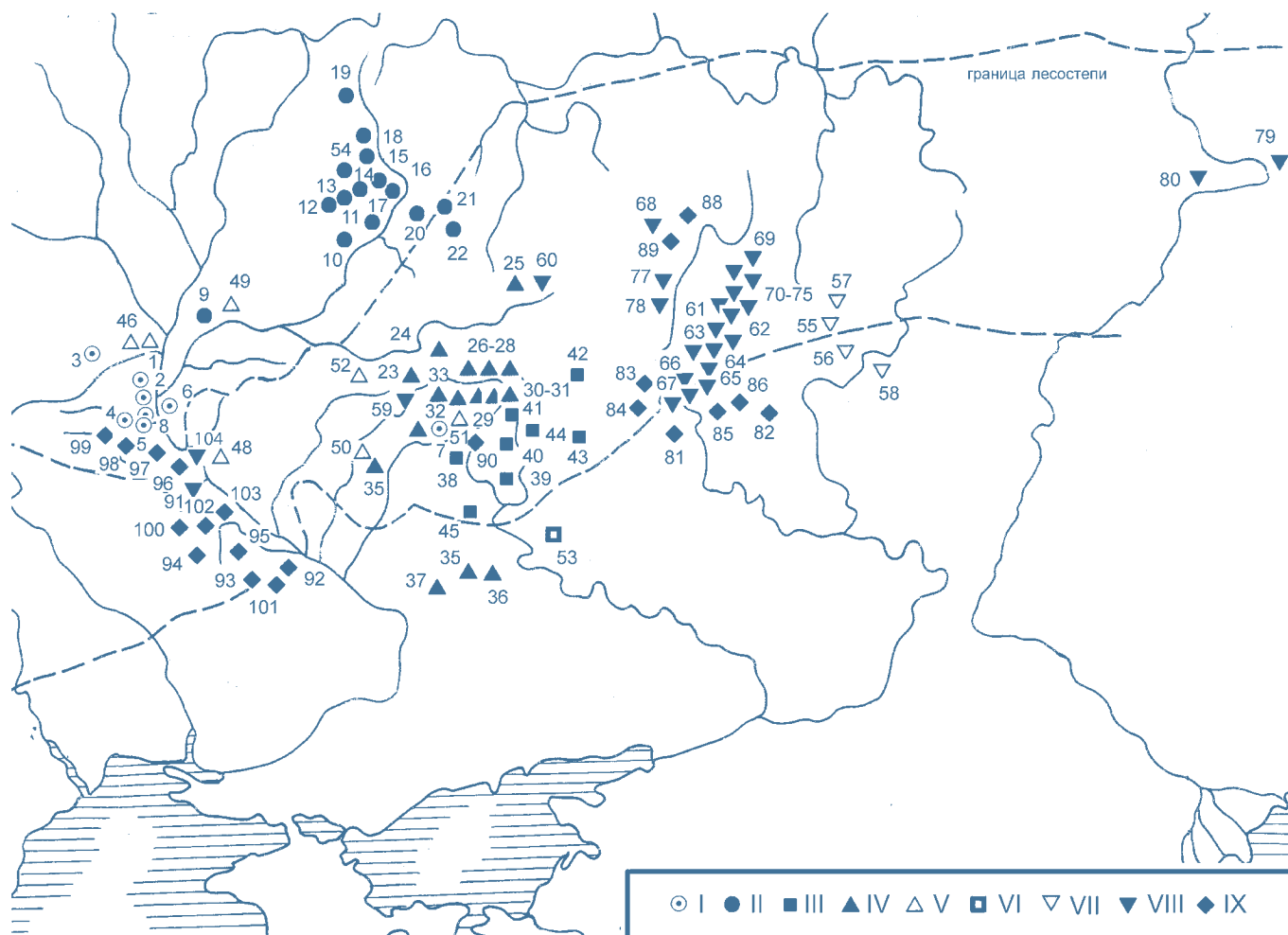

Рисунок 2.6.1. Этнокультурная ситуация на территории Днепро-Донской Лесостепи в I–II вв. н.э.:

позднелазарубинецкие памятники: I — типа Лютежа; II — типа Почеп; III — типа Терновки-2; IV — типа Картамышево-2; V — типа Гриней; VI — неопределимые; VII — хоперская группа; VIII — позднескифские памятники; IX — сарматские памятники;

позднелазарубинецкие памятники, исследованные раскопками (по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому, А.И. Хрекову):
 1 — Лютеж; 2 — Оболюнь; 3 — Тетеревка; 4 — Новые Безрадицы; 5 — Таценки-1; 6 — Бортнички; 7 — Березовка-2; 8 — Крюковщина; 9 — Киселевка-3; 10 — Чулатово; 11 — Колодезный Бугор; 12 — Почеп; 13 — Синьково-Дмитриево; 14 — Синьково; 15 — Огородня; 16 — Хотылево; 17 — Белокаменка; 18 — селище в устье р. Гасомы; 19 — Спартак; 20 — Парня-2; 21 — Партизанское; 22 — Железное; 23 — Песчаное; 24 — Комаровка-2; 25 — Жерновец; 26 — Картамышево-1; 27 — Картамышево-2; 28 — Шмырево; 29 — Гочево-1; 30 — Гочево-3; 31 — Гочево-7; 32 — Бобрава-3; 33 — Богдановка; 34 — Солдатское-5; 35 — Бельск (Озеро); 35 — Осиповка (Лиман); 36 — Осиповка (Пляж); 37 — Чернечина; 38 — Родной Край-1; 39 — Новодоновка-1; 40 — Головино-1; 41 — Терновка-2; 42 — Приоскольское-1; 43 — Колосково-4; 44 — Шоссейное; 45 — Колесники; 46 — Грини-1;

47 — Грини-2; 48 — Решетки; 49 — Змеевка; 50 — Вовки; 51 — Рябовка-3; 52 — Октябрьское-2; 53 — Раковка; 54 — Посудичи; 55 — Шапкино-1; 56 — Шапкино-2; 57 — Подгорное; 58 — Рассказань-3;

позднескифские и сарматские памятники, исследованные раскопками (по А.М. Обломскому, А.П. Медведеву, И.Е. Бирюкову, Д.А. Сташенкову, А.В. Симоненко):
 59 — Битица; 60 — Ратское; 61 — Вертячье; 62 — Курино-1; 63 — Подгорное; 64 — Пекшево; 65 — Животинное; 66 — Староживотинное-3; 67 — Чертовичское-3 и 6; 68 — Иштутино; 69 — Студеновский-3; 70 — Липецк (городище); 71 — Липецк (Театральная площадь); 72 — Сырское; 73 — Малый Липяг; 74 — Крутогорье; 75 — Пады-4; 76 — Большое Сторожевое; 77 — Замятино; 78 — Ксизово-19; 79 — Царев Курган; 80 — Лбище; 81 — Караяшник; 82 — Манино; 83 — Подклетное; 84 — Сасовка; 85 — Чертовичское-1; 86 — Чертовичское-2; 87 — Писарево; 88 — Ново-Никольское; 90 — Борисовка; 91 — Дидов Шпиль; 92 — Колонтаев; 93 — Цветна; 94 — Журавка; 95 — Райгород; 96 — Емчиха; 97 — Гришенцы; 98 — Кагарлык; 99 — Краснополье; 100 — Петрик; 101 — Ружичевка; 102 — Яблоновка; 103 — Смела; 104 — Бучак

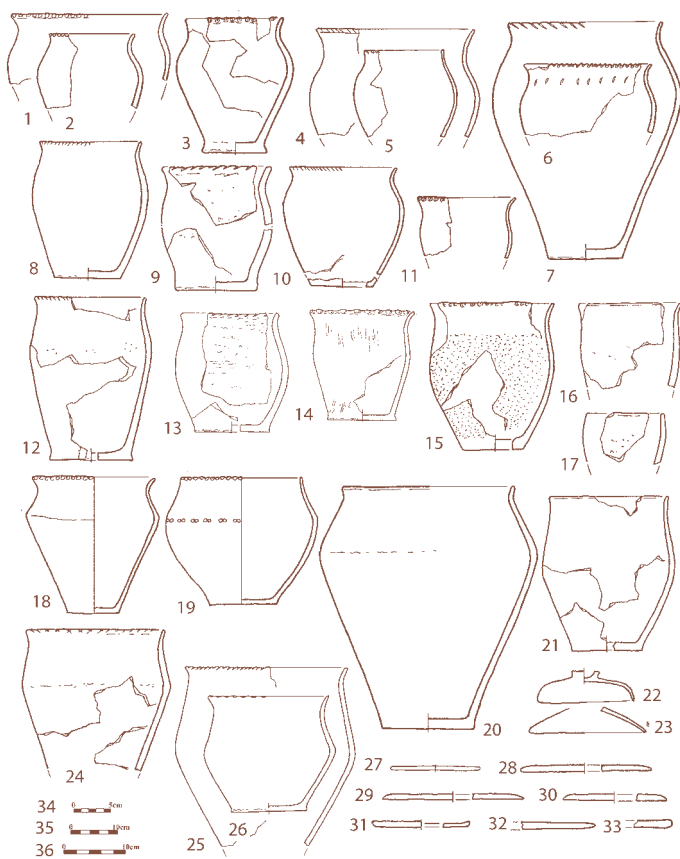

Рисунок 2.6.2. Груболепная керамика
поздnezарубинецких памятников:

памятники типа Лютежа: 1, 2, 18, 19, 22, 23, 28–31 — Лютеж;
3, 32, 33 — Березовка-2;
памятники типа Почапа: 4, 5, 11 — Синьково; 6 — Чулатово;
7 — Партизанское; 20 — Почеп;
памятники типа Картамышево-Терновки: 8, 25 — Жерновец;
9, 16, 17 — Бельск; 12, 15, 21, 24 — Солдатское-5;
13, 14 — Картамышево-2; 26 — Шоссейное;
27 — Приоскольское-1;
масштабы: 34 — к позициям 3, 8, 9, 12, 15–17, 21, 24, 32, 33;
35 — к позициям 25–27;
36 — к позициям 1, 2, 4–7, 10, 11, 13, 14, 18–20, 22, 23, 28–32

культурно-хронологического горизонта. Понятие кризиса (распада) зарубинецкой культуры служит основанием для объединения позднезарубинецких памятников в некую общность и для обособления их от собственно зарубинецких (рис. 2.6.2). Нижняя дата позднезарубинецкого горизонта определяется временем распада зарубинецкой культуры, который скорее всего был не единовременным актом, а рядом последовательных событий середины — третьей четверти I в. н.э. Верхнюю дату позднезарубинецких памятников в целом ограничивает возникновение сменившей их на этой территории киевской культуры (конец II — начало III в.).

Причины кризиса зарубинецкой культуры до настоящего времени окончательно не выяснены. Ю.В. Кухаренко предполагал, что зарубинецкое население покидает Припятское Полесье под натиском готов. Однако после уточнения хронологии могильников типа Брест-Тришин выяснилось, что между финалом зарубинецких памятников и приходом готов в Полесье имеется хронологический разрыв: зарубинецкие могильники перестали обнаруживаться на рубеже позднего латена и периода B1 центральной европейской хронологии, то есть около 40–50 гг. н.э., а наиболее ранние вельбарские комплексы относятся к стадиям B2/C1 и C1a, то есть к последней четверти II в. (Гей, Бажан, 1997, с. 39; Щукин, 1994, с. 247).

М.Б. Щукин предложил концепцию сарматского вторжения на территорию Среднего Поднепровья (Щукин, 1986, с. 29–30). Однако, на наш взгляд, концепция сарматского нашествия не объясняет всех явлений, которые сопутствовали распаду зарубинецкой общности. Вряд ли оно могло привести к оттоку населения из лесной зоны: достаточно замкнутые полесская и верхнеднепровская группы могли бы существовать и дольше, после опустошения Среднего Поднепровья. Концепция М.Б. Щукина находится также в противоречии с особенностями картографии позднезарубинецких памятников. Некоторые из них (селища Поречья Орели, бассейна Трубежа, окрестностей гг. Полтавы и Харькова, бассейна Хопра) находятся на южной границе Лесостепи, практически в Степи, где угроза со стороны кочевников должна быть максимальной. Перемещение зарубинецкого населения, бежавшего от сарматов, ближе к Степи, «под сарматские стрелы» выглядит нелогичным.

Представляется, что причины распада зарубинецкой культуры имели не локальный (готское или сарматское нашествие), а более общий характер, то есть действовали по всему ее ареалу в равной степени. Кроме миграций они вызвали перемены в способе ведения хозяйства и социальной организации населения. На наш взгляд, распад зарубинецкой культуры был результатом комплекса различных причин, среди которых важное место занимали экологические процессы. На рубеже эр и в I в. н.э. на территории Восточной Европы палеоклиматологами отмечен

минимальный за все 1-е тыс. до н.э. и первую половину 1-го тыс. н.э. уровень влажности и значительное повышение среднегодовой температуры. Не исключено, что изменения климата явились общей причиной круга восточноевропейских миграций I–II вв. В I в. н.э. импульсы этих передвижений исходили из нескольких достаточно удаленных друг от друга территорий. В Польском Поморье сформировалась вельбарская культура, и началось движение ее носителей на юго-восток. В лесной зоне смена населения наблюдалась в ареале культуры штрихованной керамики. Начался ее поздний этап, который был связан с существенной трансформацией археологического комплекса. В степной зоне происходило массовое перемещение сарматов, которые на западе дошли до Подунавья и тремя языками проникли на север в Лесостепь: в Верхнее Подонье, Среднее Поднепровье и Верхнее Поднестровье (Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990; Oblomski, Petrauskas, Terpilovski, 1999).

Сформировавшиеся в этих условиях позднезарубинецкие памятники характеризуются значительным разнообразием, обусловленным той или иной степенью сохранности «классических» зарубинецких традиций, наличием других этнокультурных компонентов, инновациями в погребальном обряде, изменениями в планировке поселений наряду с сохранением старых ее принципов, появлением новых типов украшений и орудий труда и др.

Наиболее западная группа древностей локализуется в верховьях Припяти и в прилегающей части бассейна Западного Буга (памятники с керамикой типа Сураж–Тростяница–Радость). Их выделение наметилось по материалам раскопок и разведок В.С. Вергей и В. Белевца (Белоруссия), а также археологов из Польши, которые проводились в последние несколько лет (Белявец, 2004). К этой же группе, по-видимому, относятся позднезарубинецкие погребения могильника Гриневичи Вельки, известные с начала XX в. (Andrzejowski, 1999).

Небольшая изолированная группа позднезарубинецких памятников открыта П.И. Хавлюком в верховьях Южного Буга. Большинство поселений (Марьяновка, Носовцы и др.) и могильник Рахны находятся на притоке Южного Буга р. Соб (Хавлюк, 1975, 1990).

В северной части Среднего Поднепровья, на границе лесной и лесостепной зон известны памятники типа Лютежа (*см. рис. 2.6.1*). Раскопки производились на восьми поселениях (наиболее масштабные в Лютеже, Оболини, Крюковщине) (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 20–46; Терпиловский, 2004а, с. 22–25; Петраускас, Петраускас, Шишкін, 1999). Известны также три погребения с кремацией (в Бортничаях, Жукине и Жаботине). По данным разведок зафиксирована еще серия памятников. Восточное селище типа Лютежа находится на р. Ворсклице в глубине Днепровского Левобережья (Березовка-2) (Обломский, 1992а).

Поречье Десны (преимущественно верхнее течение) и ее ближайшие притоки (Судость, Навля) занимали памятники типа Почепа. Раскопки осуществлялись на 13 поселениях (широкими площадями в Почепе, Синьково, Синьково–Дмитрово, Железном) (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 47–61; Обломский, 2002, с. 10–13; Терпиловский, 2004а, с. 25–27).

На территории Верхнего Поднепровья П.Н. Третьяковым выделены позднезарубинецкие памятники типа среднего слоя городища Тушемля (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 12–14). Сходство со среднетушемлинскими некоторых поселений Верхнего Подвинья было аргументировано А.Г. Фурасьевым (Фурасьев, 2000). В настоящее время материалы этого круга зафиксированы на 50 поселениях (Шмидт, 1992, с. 136–137). Большинство из них является городищами (Тушемля, Церковище и ряд других) в отличие от памятников Лесостепи и юга лесной зоны, на которых укреплений не было.

Памятники типа Картамышево-2 — Терновки-2 распространены в лесостепной зоне на востоке Днепровского Левобережья (в верховьях Сейма, Псла, Ворсклы и на Орели), а также в бассейне Северского Донца (*рис. 2.6.3*). Комплексы и материалы этого периода зафиксированы на 24 поселениях, исследованных раскопками (Картамышево-2, Бобрава, Гочево-7, Терновка-2, Родной Край-1, Головино-1, Бельск–Озеро и др.). Учитывая данные разведок, общее количество памятников — около 50. По некоторым особенностям керамического комплекса, в частности по набору лощеной посуды, эти памятники делятся на две локальные группы: круга Картамышево,

расположенные западнее водораздела Днестра и Дона, и типа Терновки, распространенные на Северском Донце и Осколе (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 62–78; Обломский, 2002, с. 10–13; Терпиловский, 2004а, с. 27–29).

Самой восточной является изолированная от общего массива позднезарубинецких древностей группа поселений и могильников в бассейне р. Хопер. Честь ее открытия принадлежит А.А. Хрекову. Эталонными для позднезарубинецкого периода являются группа поселений у с. Шапкино, могильник Рассказань (Хреков, 1997а; 1997б).

Позднее прочих на территории лесостепной зоны появились памятники типа Гриней. Они не образуют компактного скопления, характерного для других позднезарубинецких культурных групп. Их известно всего восемь: Грини 1 и Грини 2 в устье Тетерева, Обухов 13, Решетки на левом берегу Днестра вблизи Канева, Змеевка в низовьях р. Снов, ряд комплексов в Вовках и Рябовке-3 в бассейне Ворсклы, а также в Раковке-2 на Северском Донце (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 78–85; Обломский, 2002, с. 10–13; Терпиловский, 2004а, с. 30–31).

Анализ хронологии показывает, что почти все группы позднезарубинецких древностей (где датирующих вещей достаточно много) возникают в один и тот же сравнительно узкий период, который по шкале центрально-европейской относительной хронологии совпадает с предримским этапом А3 и фазой В1 (Шукин, 1986; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 25–29; Обломский, 2002, с. 12–13) (*рис. 2.6.4*). «Классические» зарубинецкие памятники Припятского Полесья и Среднего Поднепровья прекратили свое существование в период В1 или на рубеже этапов А3 и В1, а наиболее поздний набор фибул Чаплинского могильника в Верхнем Поднепровье относится к этапу А3 (Каспарова, 1989; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 21–24). При этом имеются данные, указывающие на более длительное существование на территории Восточной Европы фибул финального этапа позднего Латена по сравнению с Центрально-Европейским регионом. Развитие некоторых типов продолжается. Их дериваты (треугольные фибулы типа VI по М.Б. Шукину, застежки «почепского» варианта — *рис. 2.6.4: 5–7*) существовали и в раннеримский период (Обломский,

1987; Шукин, 2002, с. 13). Некоторые из лепных мисок «классических» зарубинецких памятников являются подражанием краснолаковым мискам раннеримского времени (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 26–27). Наиболее вероятный период появления позднезарубинецких памятников датируется серединой — третьей четвертью I в. (Шукин, 1986; Обломский, 1987). Несколько раньше, в пределах этапа А3, формируются древности типа Лютежа (судя по позднелатенским шпорам из Оболины — *рис. 2.6.4: 1*) (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 28–29).

Верхнюю дату позднезарубинецких древностей можно, по нашему мнению, распространять на весь период В2, а также В2/С1. Позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт, таким образом, существовал до конца II в. К последнему этапу относится обломок гривны из Головино-1, фибулы типа Альмгрен-84 и их дериваты из Вовков, Пасечного, Рудяков, Коваливки, Шестовиц и ряд других вещей (*рис. 2.6.4: 15, 16*). В некоторых случаях возможность расширить верхнюю дату позднезарубинецких памятников на весь II в. предоставляет античный импорт. В этом отношении наиболее показателен набор обломков светлоглиняных амфор с поселения Осиповка (Пляж) (Обломский, 2002, с. 12, 13; Терпиловский, 2004а, с. 23, 24).

О хронологии припятско-западнобужской группы памятников пока почти ничего не известно. Позднезарубинецкие погребения могильника Гриневичи Вельки относятся к периоду В2а (Andrzejowski, 1999, s. 32–37, 45, 46).

На памятниках бассейна Хопра узко датированных вещей пока не найдено. Основой для отнесения большинства из них к позднезарубинецкому периоду является набор посуды, который весьма близок к представленному на поселениях круга Картамышево–Терновки.

Памятники типа Гриней от других позднезарубинецких групп отличает более «молодой возраст». По обломку сильнопрофилированной фибулы типа Альмгрен-84 (см. выше) из Вовков, фрагменту краснолаковой чашечки из Гриней и ряду типологических соображений они датируются в пределах второй половины II в. (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 82–83).

Позднезарубинецкие поселения региона, который рассматривается в настоящей статье, не

имеют укреплений. Селища расположены преимущественно на первых надпойменных террасах рек, реже — на всхолмлениях разной высоты в поймах, иногда — на высоких террасах. Наблюдения за хронологией поселений показали, что практически все они были относительно кратковременными. Максимально возможный срок их существования не превышает 70–100 лет. По планировке поселки делятся на три основных типа: 1) крупные и сравнительно долговременные вроде Почепа или Оболони, состоящие из нескольких групп жилищ; 2) относительно небольшие по размерам с обособленными жилым и хозяйственным участками (Лютеж, Картамышево-2); 3) миниатюрные (Терновка-2, Грини), состоящие из одной-двух усадеб (Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990, с. 1–19). По сравнению с «классическим» зарубинецким периодом (до распада зарубинецкой культуры) инновацией является возникновение усадеб.

На поздnezарубинецких поселениях Днепровского Левобережья зафиксировано 80 построек (из них — 42 жилища) (Земцов, 2004, с. 12). На памятниках Среднего Поднепровья (типа Лютежа и Гриней) исследовано 67 жилищ. Из них 61 постройка раскопана на поселении Оболонь на окраине Киева, где имеются отложения не только поздnezарубинецкого периода, но и более ранние. Достоверно к первым векам нашей эры на Оболони можно отнести только 3 постройки, хотя не исключено, что этим временем датируются и какие-то другие объекты (Башкатов, 2004). Таким образом, в Среднем Поднепровье с поздnezарубинецким периодом могут быть связаны 9 жилищ. В бассейне Хопра жилища пока не изучены. 17 жилищ были наземными, их длина около 18 м при ширине 2,5–4,5 м. Основа конструкции стен состоит из двойного ряда вертикальных столбиков. Дом делится на три части: «холодные» сени, жилое помещение с очагом в центре, «теплую» часть с подпрямоугольным углублением (Амброз, 1964). Такие постройки характерны только для Подесенья. В этом регионе, а также по всему ареалу поздnezарубинецких древностей распространены относительно небольшие по размерам жилища-полужемлянки (их известно 34) подпрямоугольной формы с открытыми очагами и стенами каркасной или срубной конструкции. В некоторых постройках имелся столб в центре — опора кровли.

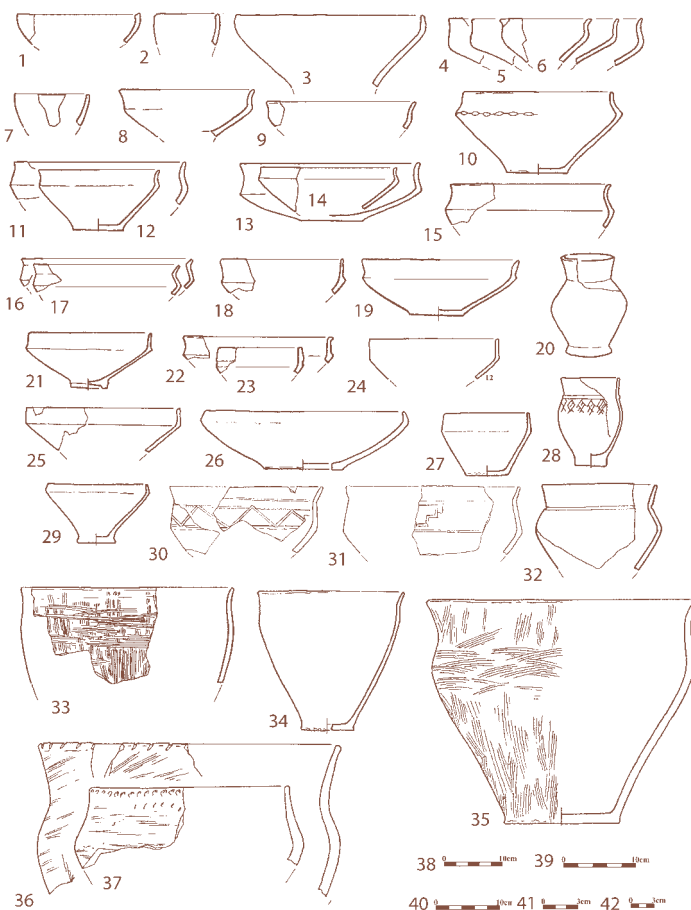

Рисунок 2.6.3. Лощеная керамика поздnezарубинецкого периода (1–32), груболепная посуда типа Гриней (33–37):

памятники типа Лютежа: 4–8, 11–14, 16–19 — Лютеж; памятники типа Почепа: 1, 24, 25, 28 — Синьково; 9, 15 — Киселевка-3; 10, 20–22 — Почеп; 23 — Чулатово; памятники типа Картамышево-Терновки: 2, 30, 31 — Картамышево-2; 3, 26 — Терновка-2; 27 — Шоссейное; 29 — Новодоновка-1; 32 — Жерновец; памятники типа Гриней: 33, 34 — Грини-1; 35–37 — Вовки; масштабы: 38 — к позициям 3, 26, 27, 29, 33, 34; 39 — к позициям 30, 31, 35–37; 40 — к позициям 1, 2, 4–10, 11–19, 21–25, 32; 41 — к позиции 28; 42 — к позиции 20

Лепная керамика южных культурных групп поздnezарубинецкого круга делится на грубую (кухонную) и лощеную (столовую). Первая резко преобладает. К ней относятся корчаги, горшки и плоские диски (так называемые лепешечницы). Основные формы горшков и корчаг — сильно и слабо профилированные округлобокие закрытые, тюльпановидные, баночные, ребристые, в том числе и биконические. Сосуды, как правило, не орнаментированы, лишь по краю венчика они могли украшаться насечками или вдавлениями (рис. 2.6.2). Соотношение форм сосудов

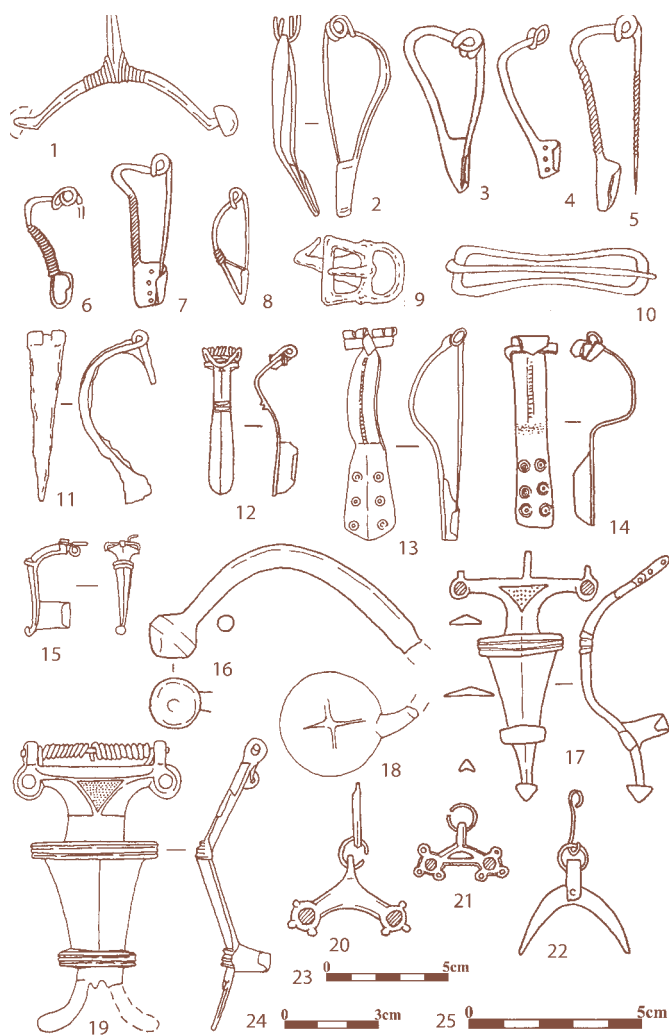

Рисунок 2.6.4. Датирующие вещи с позднезарубинецких памятников:

памятники типа Лютежа: 1, 2 — Оболюнь; 5, 11, 19 — Леськи-3; 13 — Лютеж; 15 — Пасечная; памятники типа Почеп: 3–8, 10 — Почеп; 12 — Синьково; памятники типа Картамышево–Терновки: 14, 20, 22 — Картамышево-2; 16, 17 — Головино-1; 21 — Бобрава-3; масштабы: 23 — к позициям 3–8, 10, 12; 24 — к позициям 1, 2, 5, 11, 13, 15, 19; 25 — к позициям 14, 16, 17, 20–22

в керамическом наборе и некоторые приемы обработки их поверхности имеют локальную специфику. Так, ребристые горшки и корчаги шире распространены на территории Среднего Поднепровья, чем в других регионах. Здесь же, а также на востоке Днепровского Левобережья встречены сосуды с так называемой хропаватой (искусственно ошершавленной) поверхностью (рис. 2.6.2: 15). Горшки и корчаги с поверхностью, покрытой расчесами, нанесенными гребнем или щепкой (иногда в сочетании со штриховкой), в большей степени характерны

для поселений типа Гриней, чем для прочих (рис. 2.6.3: 33, 35, 36). На памятниках типа Лютежа (Среднее Поднепровье) распространены, кроме того, конические или в виде отрезков сферы крышки с полый ручкой, помещенной в центре верхней части (рис. 2.6.2: 22, 23). Довольно часты плоские диски-лепешечницы, иногда со слабо выраженными бортиками (рис. 2.6.2: 27–33).

Доля лощеной посуды варьирует, но в целом она составляет от 2–4 до 17,2%. Наиболее широко столовая керамика использовалась в Среднем Поднепровье. При этом для Среднего Поднепровья, Подесенья и бассейна Северского Донца характерны в основном низкие миски, среди которых выделяются формы с прямыми венчиками (рис. 2.6.3: 1, 3–19, 21–27, 29). На Востоке Днепровского Левобережья (древности типа Картамышево) распространены высокие мискообразные сосуды с зигзаговидными профилями (рис. 2.6.3: 30–32).

Типологическое сходство основных элементов материальной культуры позднезарубинецких древностей, с одной стороны, и раннекиевских, с другой, указывает на отсутствие между ними хронологического разрыва. В позднезарубинецкий период складывается особый набор украшений, в состав которого входили изделия с выемчатой эмалью и который будет впоследствии весьма популярен у населения киевской культуры (рис. 2.6.4: 17–22). По нашим данным, украшения этого круга обнаружены на 13 поселениях, где к римскому времени относятся только позднезарубинецкие слои. Четыре вещи происходят из постройки 4 поселения Гочево-1 — из комплекса, переходного от позднезарубинецкого горизонта к киевской культуре (Обломский, Терпиловский, 2004). К позднезарубинецкому культурному кругу относится, вероятно, и знаменитый Жукинский клад, найденный в начале XX в. близ Киева. Вещи этого комплекса происходят из погребения с трупосожжением.

Степень близости к классическому зарубинецкому набору артефактов археологического комплекса позднезарубинецких групп различна. На памятниках типа Лютежа наблюдается развитие местных среднеднепровских зарубинецких традиций. Близость форм лепных сосудов и конструкций полуземлянок Подесенья, восточка Левобережья и бассейна Северского Донца

Рисунок 2.6.5. Ранние киевские памятники на территории Днепро-Волжской Лесостепи, исследованные раскопками (по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому, Н.С. Абашиной):

I — среднечереповский вариант; II — деснинский вариант; III — сейминско-донецкий вариант; IV — хоперский вариант; 1 — Казаровичи; 2 — Новые Безрадицы; 3 — Сушки-2; 4 — Хлепча; 5 — Обухов-1; 6 — Гребля; 7 — Попово-Лежачи-4; 8 — Веселое-2; 9 — Шишино-5; 10 — Шмырево; 11 — Приютовка (Шоссейное); 12 — Песчаное (Кулига); 13 — Приоскольское-2; 14 — Гочево-2; 15 — Борисоглебское-4; 16 — Инясево

к лютетским указывает на то, что формирование новых культурных групп происходило на основе традиций среднечереповского населения (рис. 2.6.5).

Вместе с тем специфика почепских памятников заключается в синтезе среднечереповских традиций и местных позднехонзовских племен, оставивших памятники типа верхнего слоя городища Полужье. На востоке Левобережья мисковидные сосуды с зигзагообразным профилем, украшенные композициями в виде меандров и свастики, вероятно, появляются вследствие переселения в этот регион небольшой группы носителей пшеворской культуры (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 85–94; 1994). О продвижении отдельных пшеворских группировок на

восток свидетельствует и широкое распространение вещей центральноевропейского происхождения (украшений, предметов вооружения и конского снаряжения) на территории Лесостепного Поднепровья в I–III вв. н.э. (Малашев, Обломский, 2002). На памятниках типа среднего слоя Тушемли кроме зарубинецких присутствуют и днепро-двинские культурные элементы (Шмидт, 1992, с. 136–137). Для древностей круга Суража–Тростяницы–Радости по предварительным наблюдениям характерно сочетание зарубинецких элементов с традициями культуры штрихованной керамики (Белявец, 2004).

Памятники типа Шапкино появились в бассейне р. Хопер скорее всего в результате переселения в этот регион носителей древностей круга Картамышево–Терновки. Одновременно произошло расселение зарубинецких племен и в западном направлении — в верховья Днестра и на Западную Волинь. Вследствие этого здесь сформировалась особая культурная общность — волино-подольская группа, или зубрецкая культура, в которой, как показал Д.Н. Козак, синтезировались черты пшеворской, зарубинецкой и липицкой культур (Козак, 1992, с. 131–135).

Памятники типа Гриней по набору форм лепной посуды, а также по обычаю орнаментировать кухонные горшки расчесами, нанесенными гребнем, и штриховкой (*рис. 2.6.3: 33–37*), отличаются от древностей, формирующихся на среднеднепровской зарубинецкой основе (типа Лютежа, Почепа, Картамышево–Терновки, Шапкино). Наибольшая близость памятников типа Гриней, как отметили А.М. Обломский и А.И. Дробушевский, наблюдается с одной из двух верхнеднепровских групп зарубинецкой культуры — древностями типа Кистени–Чечерск, распространенными от среднего течения Березины до Среднего Посожья (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 95–102; Дробушевский, 2000). Вероятно, памятники типа Грини являются следующим этапом развития этих древностей.

Помимо позднезарубинецких на территории Днепро-Донской Лесостепи известны памятники других культур: сарматские (Среднее Поднепровье, Верхнее Подонье) (Симоненко, 1981), а также позднескифские. В Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье пока обнаружены лишь отдельные позднескифские городища (Бучак, Битица, Ратское). Довольно значительный позднескифский анклав локализуется в Верхнем Подонье (Бирюков, 2001). Этнокультурная ситуация в Лесостепном Поднепровье-Подонье показана на карте (*рис. 2.6.1*). Массовые передвижения населения в I в. н.э. привели к тому, что памятники этих трех этнокультурных массивов расположены чересполосно. Ни один из них не составляет монолитного ареала.

На рубеже II–III в. в лесостепной зоне произошел ряд передвижений позднезарубинецкого населения. В результате этих событий возникло новое археологическое явление — киевская культура.

Ее памятники охватывают значительную территорию. Они относятся к нескольким культурно-хронологическим типам (или вариантам): средне- и верхнеднепровскому (круга Абидни), деснинскому, сейминско-донецкому и прихоперскому. Самые западные памятники известны на территории Польши близ белорусской границы (Кутово и др.) (Andrzejowski, 1999, с. 42–45). В последнее время благодаря работам Д.А. Сташенкова появились первые сведения о киевских поселениях и могильниках в Самар-

ском Поволжье (Сиделькино, Тимяшево, Крепость Кондурча) (Сташенков, 2005, с. 23–47). На севере памятники киевской культуры обнаружены в бассейне Западной Двины и в верховьях р. Великой. К ним относятся так называемые древности типа Заозерье, в ареале которых известны памятники как верхнеднепровской (Заозерье, Городок), так и деснинской (Узмень, Фролы) традиций (Гаври-тухин, Лопатин, Обломский, 2004). В целом ареал киевской культуры по сравнению с позднезарубинецким расширяется, хотя основные области концентрации памятников III — начала V в. в лесостепной зоне в значительной мере совпадают с предшествующими.

Происхождение киевской культуры можно определить путем сопоставления позднезарубинецких памятников с наиболее ранними киевскими комплексами различных регионов. Как оказалось, ни один из локальных вариантов киевской культуры не возник в ходе простого эволюционного развития местных позднезарубинецких древностей. Все они стали результатом синтеза двух типов позднезарубинецких памятников. Киевская культура в Среднем Поднепровье формировалась путем слияния традиций среднеднепровского населения, оставившего памятники типа Лютежа, с верхнеднепровско-посожскими элементами. На водоразделе Днепра и Дона новое явление возникло в результате синтеза двух родственных позднезарубинецких групп — «западной» типа Картамышево и «восточной» типа Терновки. В течение II в. почепские племена, возможно, оставили Подесенье, куда впоследствии с Юго-Востока проникли потомки носителей древностей типа Картамышево, а с Севера — верхнеднепровские группировки. Вследствие их интеграции по всей видимости возник деснинский вариант киевской культуры (*рис. 2.6.6*). Вопрос о происхождении верхнеднепровского варианта пока не решен. Близость основных черт его археологического комплекса к характеристикам памятников типа Гриней не вызывает сомнений, но киевские древности Верхнего Поднепровья имеют свою специфику. Не исключено, что в их формировании приняло участие население какой-то, пока еще не открытой позднезарубинецкой группировки, в культуре которой сохранились традиции типа Чаплина «классического» зарубинецкого пери-

ода (Обломский, 1992б; Терпиловский, 2003). Впрочем, это не более чем предположение. Поволжская группировка киевской культуры пока только начинает изучаться. Ясно лишь, что киевское население проникло в этот регион извне. Его культура не связана с развитием местных традиций.

Таким образом, в процессе формирования киевской культуры произошла перестройка традиций различных позднезарубинецких групп. Новая общность сохранила только отдельные черты классической зарубинецкой культуры. Это специфический культурно-хронологический комплекс, основные элементы которого выразительно отличаются не только от соседних культур, но и от предшествующих и последующих древностей той же территории (рис. 2.6.7).

Большинство киевских жилищ представляют собой полуземлянки, форма которых в плане близка к квадрату или прямоугольнику с длинной стороны 3,3–5 м. Свидетельством применения срубной или рамочной конструкции стен являются остатки сооружений с обугленными деревянными деталями, исследованные на поселениях Савенки, Бортничи, Деснянка, Гудок и др. Менее распространена каркасно-столбовая конструкция. Стены построек, как правило, дополнительно не обмазывались глиной. Остатки обмазки известны лишь в нескольких жилищах Киевщины и востока Днепровского Левобережья.

Отопительными сооружениями служили открытые очаги (иногда в виде глинобитной площадки). Изредка использовались печи-каменки (в Верхнем Поднепровье: Щатково, Гудок, Дедиловичи).

Кроме полуземлянок на поселениях киевской культуры исследована серия жилищ, для которых можно предположить применение стен, сооруженных на уровне материка или вокруг углубленной части. В таких постройках возводились глинобитные печи-камины, поды которых были вырезаны в материковых нишах (Роище, Александровка-1, Букреевка-2, Цепляево Второе и др.) (Башкатов, 1997).

В настоящее время известно около 170 погребений киевской культуры. Для нее характерны грунтовые могильники без внешних признаков и обряд кремации на стороне. Подавляющее

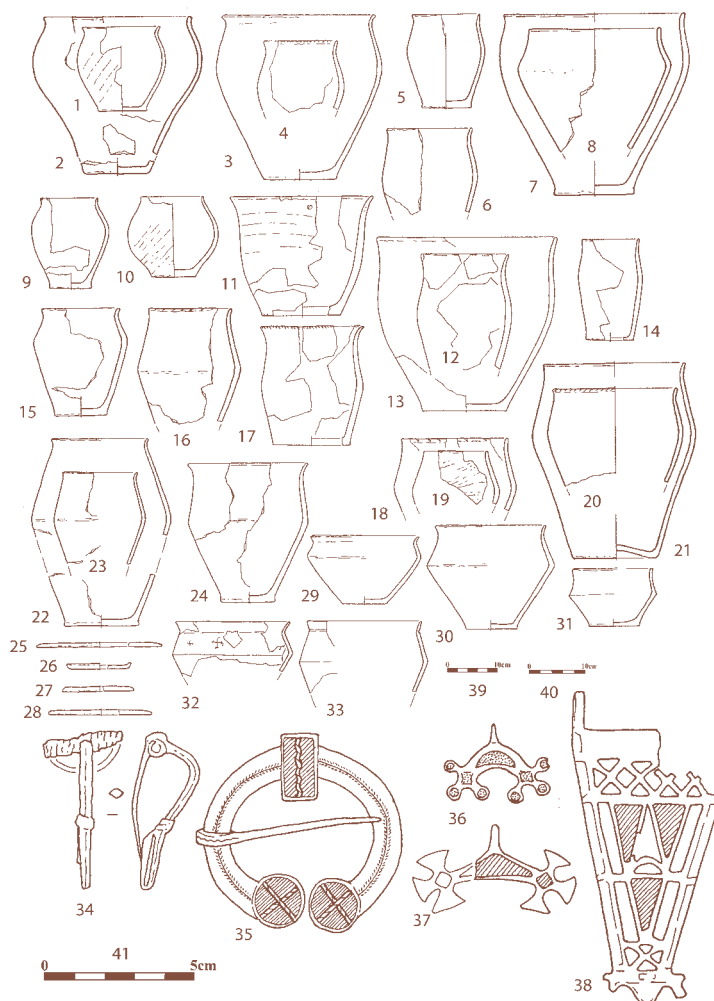

Рисунок 2.6.6. Керамика и некоторые украшения памятников раннего этапа киевской культуры:

среднеднепровский вариант: 1, 5–8, 15, 16, 20, 21, 34, 36, 37 — Казаровичи; 3, 22–24, 29–31 — Обухов-3; 38 — Новые Безрадици; сейминско-донецкий вариант: 2, 9, 10, 14, 18, 19, 25–28, 32, 33 — Шишино-5; 35 — Рябовка-1; деснянский вариант: 4, 11–13, 17 — Попово-Лежачи-4; масштабы к рисункам: 39 — к позициям 1, 2, 3, 5–10, 14–16, 18–33; 40 — к позициям 4, 11–13, 17; 41 — к позициям 34–38

большинство погребений — ямные. Обычно в яме находят немногочисленные кальцинированные кости и уголь, то есть в нее помещали только горсть пепла с погребального костра. Часть погребений имеет небогатый инвентарь. Керамика, за исключением нескольких известных урн, попадала в яму в фрагментированном виде, что, вероятно, свидетельствует о проведении ритуалов типа тризны с разбиванием посуды.

Истоки погребальной обрядности киевской культуры не вполне ясны, так как позднезарубинецкие могильники пока еще недостаточно изучены. Несколько ранее, около рубежа нашей

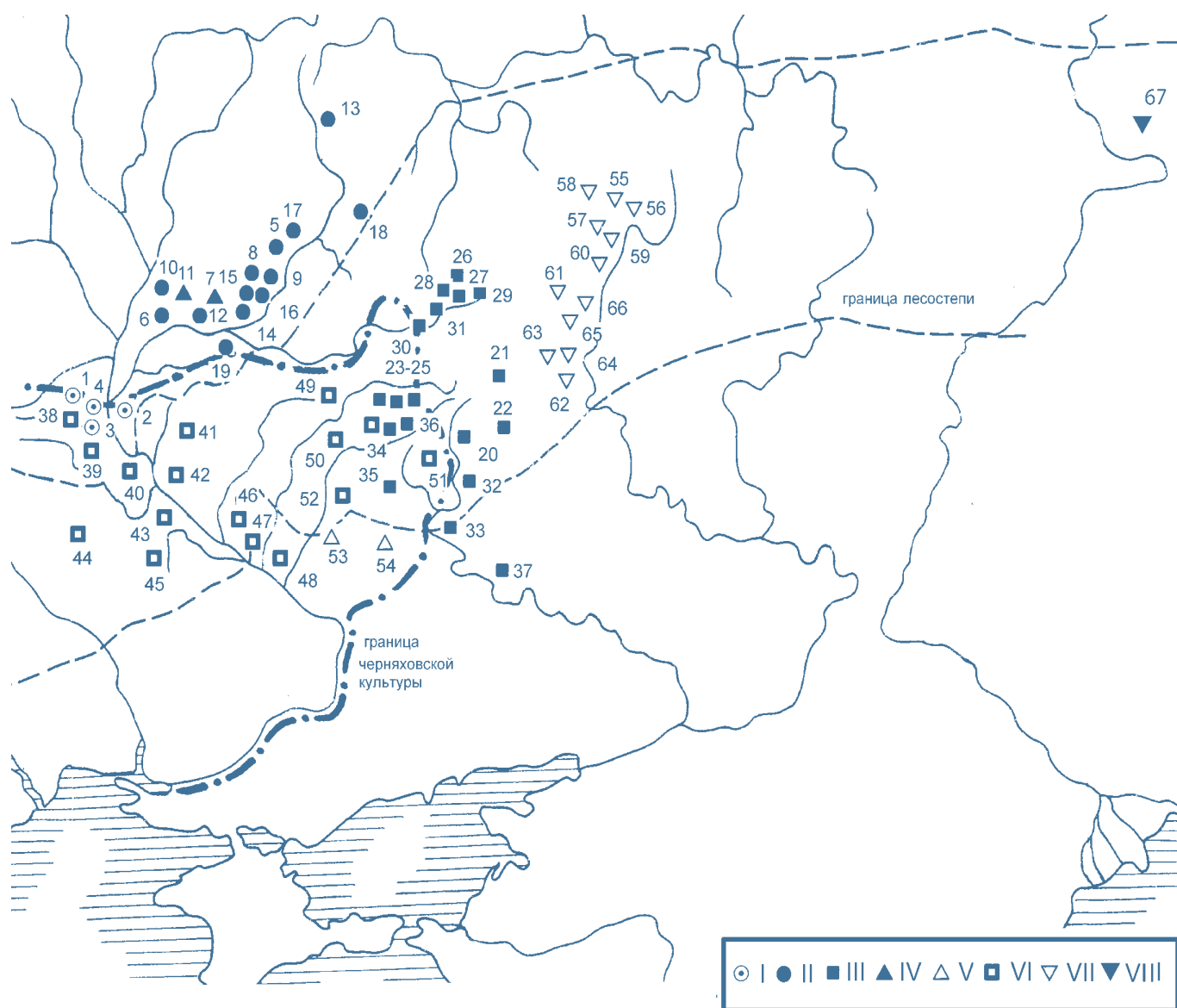

Рисунок 2.6.7. Этнокультурная ситуация на территории Днепро-Волжской Лесостепи в позднеримский период:

памятники второго этапа киевской культуры, исследованные раскопками (по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому, Н.С. Абашиной, Д.А. Сташенкову): I — среднеднепровский вариант; II — деснянский вариант; III — сейминско-донецкий вариант; IV — верхнеднепровский вариант (тип Абидни); VIII — памятники Поволжья; поздние сарматские памятники Лесостепи по Е.Л. Гороховскому и И.О. Гавритухину (V); черняховские памятники киевской традиции по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому, Н.С. Абашиной (VI); памятники типа Каширки-Седелок по А.М. Обломскому (VII); памятники киевской культуры: 1 — Глеваха; 2 — Бортнички; 3 — Обухов-3; 4 — Новые Безрадицы; 5 — Лавриков Лес; 6 — Деснянка; 7 — Мена-5; 8 — Киреевка-1; 9 — Киреевка-2; 10 — Малый Листвен; 11 — Верхнестриженское-3; 12 — Березанка (Овраменков Луг); 13 — Касилово; 14 — Клочков; 15 — Вишеньки; 16 — Мезин; 17 — Форостовичи; 18 — Кветунь; 19 — Долинское; 20 — Шишино-1; 21 — Шарное (Дачное-2); 22 — Цепляево

Второе; 23 — Гочево-1; 24 — Гочево-3; 25 — Гочево-4; 26 — Воробьевка Вторая-2; 27 — Тазово; 28 — Букреевка-2; 29 — Лебяжье-1; 30 — Авдеево; 31 — Студеновский-5; 32 — Новодоновка-2; 33 — Занки; 34 — Боромля-2; 35 — Родной Край-3; 36 — Пожня-1; 37 — Богородичное; 67 — Сиделькино; черняховские памятники киевской традиции: 38 — Большая Бугаевка; 39 — Обухов-1; 40 — Черняхов; 41 — Хлопков-1; 42 — Новолиповское; 43 — Ломоватое; 44 — Журавка; 45 — Стецовка-2; 46 — Радуцковка; 47 — Максимовка; 48 — Компанийцы; 49 — Песчаное; 50 — Великий Бобрин; 51 — Головино-1; 52 — Мамрои-2; сарматские памятники: 53 — Новые Санжары; 54 — Константиновград (Красноград); памятники типа Каширки-Седелок: 55 — Каширка-1; 56 — Каширка-2; 57 — Писарево; 58 — Кытино-3; 59 — Лощина; 60 — Яблоново-1; 61 — Лавы; 62 — Верхнее Турово; 63 — Малая Трещевка-1; 64 — Малая Трещевка-2; 65 — Седелки; 66 — Мухино

эры, подобные черты присущи прежде всего некоторым захоронениям могильников верхнеднепровского варианта зарубинецкой и в меньшей мере пшеворской культуры.

Лепная посуда киевской культуры делится на груболепную и лощеную. Для первой характерно сочетание округлобоких сильно- и слабопрофилированных горшков, банкообразных и ребристых сосудов. Последние, как правило, имели вогнутую дугу или прямую линию в верхней части профиля. Набор дополняется дисками (плоскими или с невысокими бортиками), которые, правда, встречаются не на всех памятниках, а также коническими площадками, зачастую имеющими полый поддон. Последние распространены только на памятниках периода черняховского влияния (рис. 2.6.6: 1–28; 2.6.8: 1–25; 2.6.11: 1–15, 17, 18).

Лощеная посуда (главным образом ребристые миски — как низкие, так и высокие) типична в первую очередь для раннего керамического комплекса киевской культуры (рис. 2.6.6: 29–33). В этот период лепная столовая керамика составляет не более 5–7%. В наборе форм проявляются позднезарубинецкие традиции, вобравшие в себя ряд пшеворских элементов. Позже находки столовой лепной керамики становятся единичными. Видимо, в этот период лощеная посуда была вытеснена импортной гончарной черняховской.

По современным данным, общий период существования киевской культуры определяется в рамках рубежа II–III вв. — первой половины V в. Внутри него можно выделить три этапа, в какой-то мере перекрывающие друг друга (Обломский, 1991, с. 14–25, 99–100; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 86–89; Терпиловский, 2004а, с. 42–46).

К раннему этапу (конец II — начало III — вторая половина III в., причем большинство памятников существовало в пределах первой половины III в.) относится ряд поселений и могильников Среднего (Казаровичи, Новые Безрадищи, Сушки-2, Хлепча и др.) и Верхнего Поднепровья (Абидня, Дедново), Подесенья, Нижнего и Среднего Посеймья (Попово–Лежачи-4, Гребля, Октябрьское-2), востока Левобережья (Шишино-5, Рябовка-1, Шмырево и др.), бассейна Хопра (Инясево, Борисоглебское-4). В последнем из перечисленных регионов более поздние

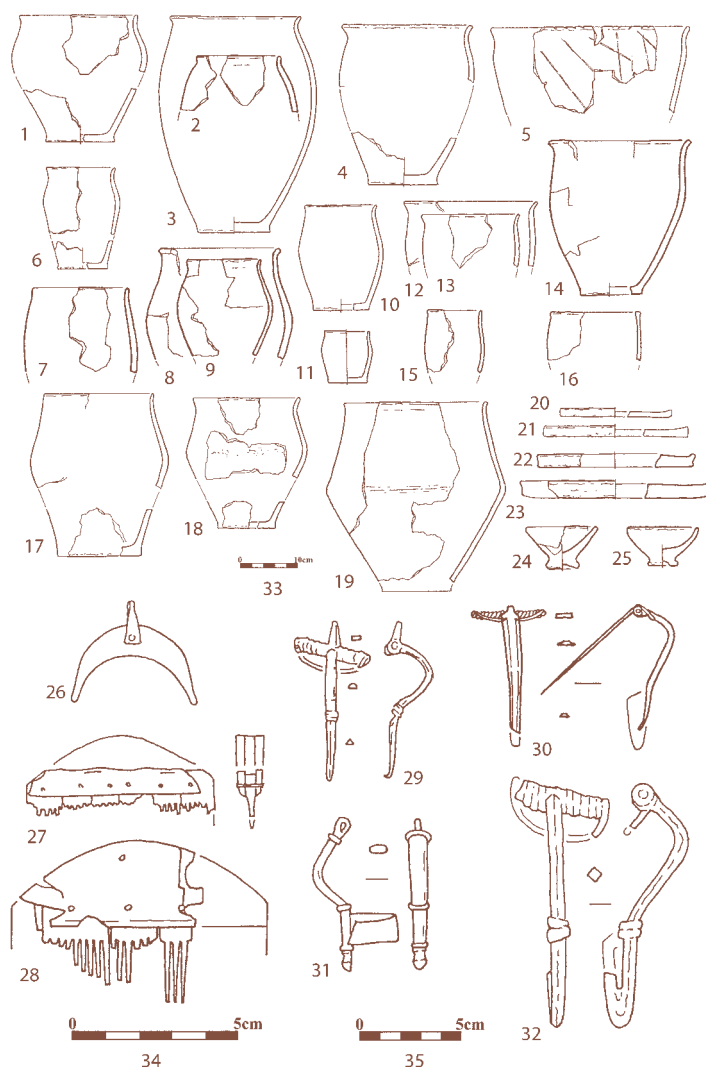

Рисунок 2.6.8. Керамика и некоторые украшения памятников среднего этапа киевской культуры:

среднеднепровский вариант: 1, 5, 6, 20, 21, 26–28, 30, 32 — Глеваха; 11, 15, 16, 19 — Вишенки; сейминско-днецкий вариант: 2, 7–9, 14, 22–25 — Боромля-2; 3, 4, 12, 13, 17, 18, 31 — Букреевка-2; деснинский вариант: 10, 27 — Лавриков Лес; масштабы: 33 — к позициям 1–25; 34 — к позициям 28–32; 35 — к позициям 26, 27

памятники пока не известны (рис. 2.6.5). На территории Лесостепного Поднепровья киевское население в этот период доминировало. Позднескифские и сарматские памятники прекратили свое существование раньше.

Киевские древности Среднего Поволжья могут датироваться лишь всем периодом существования культуры, при этом несколько архаичными выглядят селище и могильник Седелькино.

Керамический комплекс памятников первого этапа сохраняет ряд позднезарубинецких реликтов. Поверхность некоторых груболепных

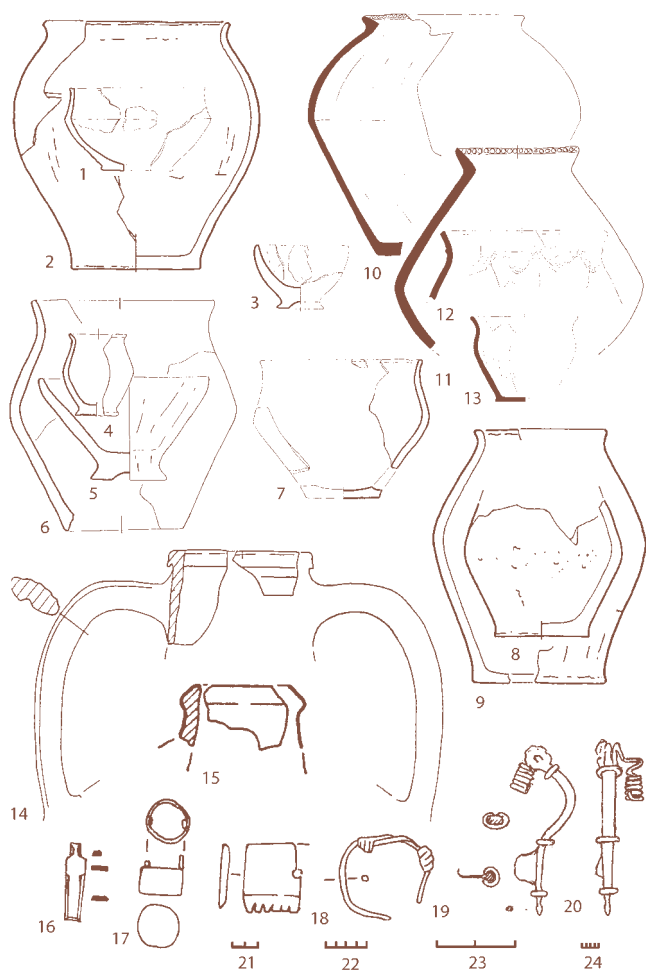

Рисунок 2.6.9. **Керамика и некоторые вещи памятников типа Каширки–Седелок:**

1 — лепная миска с лощеной поверхностью;
2–13 — груболепная керамика; 14 — фрагмент красноглиняной амфоры; 15 — фрагмент светлоглиняной амфоры;
16, 19, 20 — бронза; 17 — железо; 18 — кость.
1–9 — керамика киевского набора; 10–13 — керамика позднескифского набора; 1, 3, 7, 19 — Кытино-3;
2, 8, 9, 15 — Седелки; 4–6, 14, 17 — Каширка;
16, 18 — Писарево; 20 — Мухино;
масштабы: 21 — к позициям 1, 3–7; 22 — к позициям 2, 8, 9, 12–15; 23 — к позициям 16–20; 24 — к позициям 10, 11

горшков поселения Шишино-5 искусственно ошершавлена или покрыта расчесами гребнем. На памятниках круга Шишино-5 — Шмырево, некоторых среднеднепровских (Обухов-1) и в Попово–Лежачах-4 встречаются высокие лощеные миски с зигзаговидными профилями, которые характерны в основном для позднезарубинецкого периода и имеют пшеворские прототипы. Сравнительно широко распространены груболепные горшки и корчаги, орнаментированные по венчику насечками и вдавлениями, а также лепные лощеные сосуды с гравирован-

ным орнаментом в виде фриза из треугольников, зигзагов или свастик (рис. 2.6.6: 1–33).

На первом этапе киевской культуры продолжают существовать появившиеся еще в позднезарубинецкий период «варварские» украшения с выемчатыми эмальями (рис. 2.6.6: 35–38). В лесостепной зоне к этому времени относятся 14 изделий (Обломский, Терпиловский, 2004). Яркий пример — две треугольные фибулы и три браслета (один — с выступающими наружу ребрами и еще два — проволочных спиральных) из клада в Шишино-5.

Во второй трети — середине III в. на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья появляются памятники черняховской культуры, которая по современным данным соответствует протогосударственному объединению, возглавлявшемуся готами. Продвижение ее носителей на восток происходило довольно быстро. Одно из самых ранних черняховских поселений (Головино-1) расположено в бассейне Северского Донца — близ восточной границы черняховской культуры (Гороховский, 1988, с. 45; Обломский, 1999) (рис. 2.6.7).

На втором этапе своего существования (вторая половина III–IV в.) носители киевской культуры вступили в контакт с черняховскими племенами. Импортные изделия, в первую очередь керамика, встречаются весьма часто (Глеваха, Букреевка-2, Тазово, Воробьевка-2 и др.). В этот период происходило массовое распространение киевских памятников в Подесенье (Лавриков Лес, Киреевка-1 и -2, Форостовичи, Титова Речка, Смычин). Не исключено, что в это же время в Поречье Десны проникли выходцы из Верхнего Поднепровья, которые оставили такие поселения, как Верхнестриженское-3 и Мена-5.

Распространение черняховской культуры на восток привело к тому, что изрядная часть ареала киевских памятников (юг Среднего Поднепровья и восток Днепровского Левобережья) вошла в состав черняховской территории. Киевское население, по всей видимости, частично ушло из мест своего первоначального обитания. Смена населения зафиксирована на нескольких поселениях с более ранними киевскими и более поздними черняховскими объектами: в Глевахе (Среднее Поднепровье), Боромле-2, Гочево-3

и 4 (Днепровское Левобережье) (Терпиловский, 2000; Обломский, 2002, с. 33–36). Не исключено, что именно с этими драматическими событиями связано выпадение в землю на территории Лесостепи нескольких кладов, содержавших вещи с выемчатыми эмалями (Фурасьев, 2002).

Часть киевского населения оказалась непосредственно включенной в состав черняховской культуры. На территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья выделяется серия черняховских памятников с лепной керамикой, аналогичной киевской (Головино-1, Новолиповское, Великая Бугаевка, Хлопков, Песчаное Сумской обл., Мамрои-2, Великий Бобрик и др.) (Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999; Петраускас, Шишкін, 1999; Обломский, 2002, с. 49–50). Эти памятники получили название «черняховские древности киевской традиции».

Под влиянием черняховской культуры киевское население Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, не вошедшее в ее состав, начало использовать вертикальный ткацкий станок, ручные мельницы для помола зерна, массивные железные сельскохозяйственные орудия, некоторые новые технологические схемы обработки черного металла (Терпиловский, 2004а, с. 77–80). Получили широкое распространение те типы пряслиц, которые характерны для черняховской культуры. В домостроительстве началось применение печей-каминов в качестве отопительных сооружений. Последнее, по всей видимости, связано с переселением на восток каких-то групп населения из Верхнего Поднестровья и Прикарпатья, где постройки с такими печами известны начиная с раннего железного века (Обломский, 2002, с. 53–54). Широко распространилась импортная гончарная керамика (ее доля может достигать 36% в среднем по памятнику). Большинство украшений киевской культуры этого периода (фибулы, гребни, подвески) также имеют черняховское происхождение. Вещи с эмалями, являющимися деталями традиционного убора, постепенно выходят из употребления. Распространяются черняховские фибулы, гребни, пряжки и т.д. (рис. 2.6.8: 27–32).

Определенным консерватизмом в это же время отличается население деснинского варианта киевской культуры. Черняховское влияние на

занятый им регион практически не распространилось, несмотря на близкое соседство памятников деснинского и черняховского круга в Нижнем Подесенье и Среднем Посеймье. По всей видимости, отношения деснинско-сейминского и черняховского населения были враждебными (Обломский, 1996).

С продвижением черняховских племен на восток связано формирование новой культурной группы в Верхнем Подонье. Сарматские комплексы в этом регионе позднее середины — второй половины III в. неизвестны. Не позднее конца III в., а возможно, и раньше в регионе прекратили своего существования поселения с «культурой местного населения сарматского периода» (Бирюков, 2001, с. 97; Медведев, 2000), то есть позднескифские. В этот же период в регионе распространились памятники новой культурной группы типа Каширки–Седелок.

Их ареал охватывает верховья Дона с его притоками Красивая Меча, Быстрая Сосна, Снова и рядом других более мелких рек, а также междуречье Дона и Воронежа. В бассейне Воронежа пока известны лишь единичные памятники этого круга. Поселения типа Каширки–Седелок (в настоящее время их известно 46) — неукрепленные, расположены, как правило, на черноземных участках склонов оврагов или на террасах малых речек, имеющих очень узкую долину, что типично для черняховской культуры, но не характерно для киевской. Широкими площадями раскопаны поселения Каширка-2, Седелки, Кытино-3, Мухино, Верхнее Турово. Могильники пока не обнаружены (более подробное описание этих памятников: Обломский, 2001).

Жилищами служили наземные дома с открытыми очагами, стенами каркасной конструкции, обмазанными глиной. По площади они делятся на две группы: малые (менее 30 кв. м, в основном около 15 кв. м) и большие (60–80 кв. м и более) (Акимов, 2001, с. 148). Известны и полуземлянки, но их назначение было хозяйственным или производственным. По конструкции стен, планировке и размерам наземные дома и полуземлянки имеют параллели с черняховскими.

Лепная керамика в этнокультурном отношении делится на две группы. К первой из них относятся округлобокие закрытые и открытые, а также ребристые горшки и корчаги, миски-

плошки на полых поддонах, немногочисленные высокие ребристые лощеные миски (*рис. 2.6.9: 1–9*). Эта посуда аналогична керамике, обнаруженной на поселениях киевской традиции в черняховской культуре.

Посуда второй группы представлена корчагами грушевидной формы, сосудами с рельефной орнаментацией (зигзаговидным валиком, подковками и т.д.), высокими груболепными округлобокими мисками, горшками с шарообразными туловами и короткими венчиками (*рис. 2.6.9: 10–13*). Посуда второй группы находит прямые аналогии на поселениях и могильниках позднескифского круга Нижнего Поднепровья, близких им по археологическому комплексу поселений хоры Ольвии, на южных черняховских памятниках типа Каменки-Анчекрак, где специалисты отмечают присутствие позднескифского элемента культуры в рамках черняховской общности (Обломский, Терпиловский, 1998, с. 132).

Гончарная керамика составляет от 1,5 до 14%. Большинство сосудов имеет черняховское происхождение. Аналогичны черняховским и орудия труда, предметы быта и украшения (пряслица, грузила для ткацких станков, жернова, наборные гребни из рога, ведерковидные подвески, фибулы и т.д.) (*рис. 2.6.9: 16–20*).

По немногочисленным пока датированным вещам памятники типа Каширки–Седелок синхронизируются с первой и второй фазами черняховской культуры по Е.Л. Гороховскому (Гороховский, 1988) и датируются в диапазоне от возникновения черняховской культуры (вторая треть III в.) по начало IV в.

Появление древностей круга Каширки, очевидно, связано с теми миграциями населения, которые сопутствовали расширению территории черняховской археологической общности на восток. На Дон пришли две этнокультурные группы населения: киевского и нижнеднепровского позднескифского происхождения. Эти переселенцы уже были втянуты в орбиту черняховского влияния, о чем свидетельствуют их традиции домостроительства, принцип ландшафтной организации территории, набор орудий и украшений, черняховские импорты.

Судьба населения, оставившего памятники типа Каширки–Седелок, трагична — почти все

поселения этого круга уничтожены пожарами. В постройках на селищах, в том числе и погибших в пожарах, крайне мало находок, а те, что известны, представляют собой поломанные вещи, разбитые или оставленные в спешке горшки. Эти пожары, очевидно, не были внезапными. Скорее всего обитатели поселков типа Седелок провели нечто вроде эвакуации, когда все вещи, представлявшие хоть какую-то ценность при переселении на новое место, были унесены, а заброшенные постройки сожжены.

Причины этого тотального переселения пока не ясны, но не исключено, что оно явилось результатом одного (или нескольких) походов готов на восток, предпринятых при конунге Германарихе (Iord., Get., 117–120).

Вернемся к древностям Поднепровья. Поздний этап киевской культуры датируется в основном раннегуннским периодом (вторая половина — последняя треть IV — начало V в.). Керамический комплекс поздних киевских поселений весьма близок к раннесредневековым колочинскому и пеньковскому (*рис. 2.6.10, 2.6.11: 1–15, 17, 18*).

Появление гуннов в степях Восточной Европы и разгром ими державы Германариха в 375 г. послужили причиной серии масштабных миграций в лесостепной зоне. Подробно ситуация в этот период рассмотрена А.М. Обломским (Обломский, 2002, с. 61–80). В конце IV — начале V в. произошел отток черняховского населения на запад, к границам Римской империи. Пришли в движение и племена в зоне контактов с населением киевской культуры. Так, на север в Нижнее Подесенье переселилась группировка из района киевско-черняховского лесостепного пограничья: археологический комплекс поселений Александровка-1 и Роище имеет ярко выраженные южные черты (Обломский, 2002, с. 67; Терпиловский, Шекун, 1996, с. 31–34).

Более интенсивным было движение в противоположном направлении. В лесостепной части Днепровского Левобережья в пределах черняховского ареала появились поселения деснинского варианта киевской культуры (Беседовка, Курган-Азак). Яркие выраженные северные элементы наблюдаются на поселении Сенча в среднем течении Сулы (Терпиловский, 2004б). Деснинское протоколочинское население про-

Рисунок 2.6.10. Днепро-Волжская Лесостепь в гуннский период:

памятники третьего этапа киевской культуры (по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому и Н.С. Абашиной):

I — среднечереповский вариант; II — деснинский вариант (памятники типа Ульяновки); III — деснинский вариант (памятники типа Роища); памятники V в. раннесредневековых славянских культур: IV — пеньковской (по Е.А. Горюнову и О.М. Приходнюку); V — колочинской (по Е.А. Горюнову, Р.В. Терпиловскому, А.М. Обломскому); VI — пражской (по И.О. Гавриутину); памятники V в. Верхнего Подонья (по А.М. Обломскому): VII — типа Чертовицкое-Замятино; VIII — труположения типа Животинное могильника; IX — ранние памятники именьковской культуры типа Лбище (по Г.И. Матвеевой);

памятники киевской культуры: 1 — Обухов-2 и 7; 2 — Мотовиловская Слободка-4; 3 — Погребы; 4 — Вишеньки; 5 — Ходосовка; 6 — Выбли; 7 — Киселевка-2; 8 — Ульяновка; 9 — Роище; 10 — Александровка-1; 11 — Верхнестриженское-2; 12 — Шостка-Локотки; 13 — Кролевец-Подолово; 14 — Пересыпки-1; 15 — Чаплищи-3; 16 — Комаровка-2; 17 — Каменево-2; 18 — Песчаное; 19 — Курган-Азак; 20 — Беседовка; 21 — Сенча;

ранние славянские памятники средневековья (V в.):

22 — Литвиновичи-3; 23 — Красное-4; 24 — Гапоново; 25 — Заярье; 26 — Смячь; 27 — Колодезный Бугор; 28 — Смольянь; 29 — Занки; 30 — Рябовка-3; 31 — Полужорье-1; 32 — Фески-3; 33 — Хитцы; 34 — Завадовка; 35 — Гута Михайловская; 36 — Пеньковка; 37 — Большая Андрусовка; 38 — Беляевка; 39 — Кочубеевка; 40 — Оболюнь; 41 — Старокиевская гора; памятники V в. Верхнего Подонья: 42 — Подгорное; 43 — Староживотинное-3; 44 — Чертовицкое-3; 45 — Чертовицкое-6; 46 — Замятинский археологический комплекс (Замятино-1, 2, 4, 5, 7-10, 12, 13); 47 — Малый Липяг; 48 — Крутогорье; 49 — Перехваль; 50 — Каменка-1; 51 — Каменка-4; 52 — Каменка-5; 53 — Ксизовский археологический комплекс (Ксизово-16, 17, 19); 54 — Ксизово-8; 55 — Мухино-2; 56 — Животинное; 57 — Пекшево; 58 — Нежежеколодезное; раннеименьковские памятники: 59 — Лбище; 60 — Карлинское-3

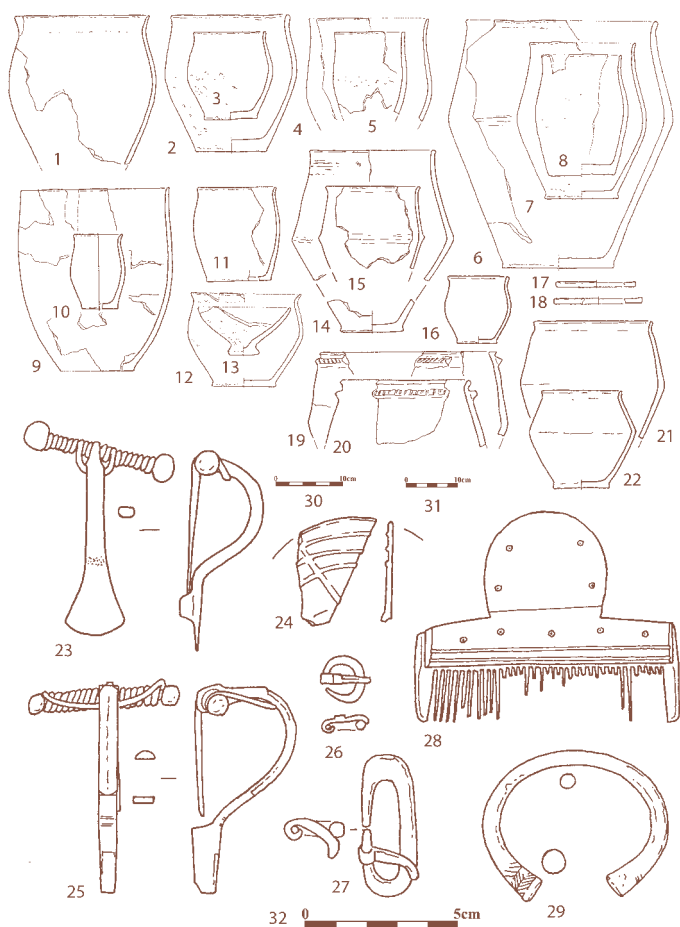

Рисунок 2.6.11. Поздние памятники киевской культуры и древности киевской традиции в черняховской культуре:

1–22 — груболепная керамика; 23, 25, 27 — железо;
24, 26, 29 — бронза; 28 — рог;
памятники киевской культуры в деснинском регионе:
2–8, 12, 13, 25 — Александровка-1;
14, 15, 24, 26, 29 — Ульяновка; 28 — Роище;
поселение киевской культуры на востоке Днепровского
Левобережья: 1, 9–11, 17, 18, 23, 27 — Каменево-2;
поселение киевской традиции в черняховской культуре:
16, 19–22 — Хлопков-1;
масштабы: 30 — к позициям 2–8, 12, 13; 31 — к позициям
1, 9–11, 14–22; 32 — к позициям 23–29

никло и на территории, занятые другими группами киевской культуры: в Среднее Поднепровье (поселение Ходосовка–Диброва) (Абашина, 1999), на восток Днепровского Левобережья (Комаровка-2, Каменево-2, Песчаное Белгородской обл.) (Обломский, 1991, с. 122, 123). В результате продвижения деснинского киевского населения на юг и юго-восток сформировалась южная граница будущей колочинской культуры (Обломский, 1996) (рис. 2.6.10).

В Верхнем Подонье в этот период возникла новая культурная группа — памятники типа Чер-

товицкое–Замятино. Из 19 известных в настоящее время поселений этого типа 14 исследованы раскопками (Чертовицкое Третье, Замятинский и Ксизовский археологический комплексы, Мухино и ряд других). Они расположены в долинах наиболее полноводных рек региона (Дон, Красивая Меча, Воронеж, Снова).

Большая часть поселений представляют собой селища. Материалы типа Чертовицкого–Замятино известны и на городищах с более ранними слоями. Тем не менее однозначных данных о том, что укрепления этих памятников использовались в гуннское время, пока нет.

На фоне прочих выделяется группа поселков на Острой Луке Дона у г. Задонска Липецкой обл., которые имеют самые большие в регионе размеры и ярко выраженный производственный характер. Здесь зафиксированы остатки ремесел: по изготовлению наборных гребней из рогов лосей и оленей — предметов, характерных для культур германского круга, а также бронзолитейного, кузнечного, в том числе оружейного (по изготовлению или ремонту кольчуг), гончарного. У с. Ксизово в настоящее время исследуется обширный могильник с трупоположениями, на поселении Мухино открыто богатое погребение женщины с золотыми украшениями (Земцов, 2003). Поселения на Острой Луке Дона, очевидно, играли роль своеобразного центра округи.

Наземные постройки для памятников этого круга менее характерны, чем углубленные в грунт. Единственный «длинный дом» размерами около 9×5 м со стенами столбовой конструкции и открытым очагом раскопан на поселении Замятино-5. В Замятино-7 исследованы остатки еще двух домов. Все прочие жилища представляют собой довольно стандартные полуземлянки прямоугольной или подквадратной формы с длинной стены около 2,7–3×4 м, иногда со следами столбов по периметру котлована и центральным опорным столбом кровли, с плоскими полами и открытыми очагами. Аналогичные полуземлянки широко распространены на памятниках киевской культуры. В одном из жилищ Чертовицкого-3 прослежена печь-камин в нише, выступающей за пределы котлована (Акимов, 2001).

По резко преобладающей на всех памятниках лепной керамике, некоторым особенностям

конструкции построек, формам и орнаментации пряслиц на памятниках типа Чертовицкого–Замятино выделяются несколько этнокультурных компонентов. Наиболее широко распространены элементы, связанные по происхождению с сейминско-донецким вариантом киевской культуры (рис. 2.6.12: 1–9). В меньшей степени встречается груболепная и лощеная посуда, имеющая аналогии в более северном регионе Поочья, преимущественно среди древностей дяковской и мощинской культур (рис. 2.6.12: 8, 10–13, 15). На поселениях круга Замятино встречены также отдельные вещи, характерные для рязанско-окских могильников (рис. 2.6.12: 23). Черняховский и причерноморский позднеантичный компоненты выражены менее «рельефно», чем два предыдущих. Отдельные формы лепных лощеных сосудов имеют параллели в поздних комплексах вельбарской и пшеворской культур Центральной Европы, в частности на могильниках добродзеньского типа (Обломский, 2003а; Острая Лука, 2004, гл. 16) (рис. 2.6.12: 14). На поселении Ксизово-19 исследована самая ранняя в Восточной Европе юртообразная постройка — типичное жилище кочевников-тюрков (Обломский, 2006). На могильниках, связанных с поселениями типа Чертовицкого-3, изучены ингумации двух типов. Погребения первого из них предположительно принадлежали каким-то выходцам с юга, возможно кочевникам. Захоронения второго имеют ярко выраженные германские черты (Обломский, 2005). Ни одна из этнокультурных групп, чьи элементы прослеживаются в Верхнем Подонье в середине 1-го тыс. н.э., не имеет в этом регионе местных корней.

По серии датирующих вещей культурная группа типа Чертовицкое–Замятино в целом относится к V в., не исключая конец IV в. и начало VI в. (рис. 2.6.12: 16–23). Древности оседлого населения VI–VII вв. в Верхнем Подонье пока неизвестны (Обломский, 2003б).

В заключении к изданию «Острая Лука Дона в древности (Замятинский археологический комплекс гуннского времени)» высказана гипотеза, что сгусток поселений около современного г. Задонска играл роль базы обеспечения одного из военных подразделений гуннской империи и какой-то группировки кочевников после ее

распада. Не исключено, что все население группы Чертовицкого–Замятино было перемещено на Дон искусственно для каких-то нужд гуннской державы. Иначе трудно объяснить практически одновременное появление на опустевшей к этому времени территории различных по происхождению переселенцев, а также тесную культурную интеграцию их друг с другом, которая наблюдается с самого возникновения памятников типа Чертовицкое–Замятино.

В Лесостепном Поднепровье после ряда перемещений населения конца IV — начала V в. происходило сложение пеньковской культуры и южных колочинских древностей (вторая четверть — середина V в.).

Как уже отмечалось, появлению колочинских памятников в лесостепной зоне предшествовало продвижение носителей деснинского варианта киевской культуры на юг вплоть до верхнего Посулья и на юго-восток до верховьев Сейма и Псла. Специальные исследования показали, что набор посуды памятников типа Ульяновки (деснинского варианта киевской культуры) отличается от колочинского лишь нюансами: деталями оформления сосудов и степенью распространения тех или иных типов горшков. Сохранялись также прежние традиции домостроительства (Горюнов, 1981, с. 15–29; Обломский, 1996; Терпиловский, 1984, с. 73–77; 2004а, с. 59–67). Колочинская культура в целом формировалась на основе деснинского варианта киевской. Не исключено, что она соответствовала раннесредневековым венетам Иордана.

Процесс сложения пеньковской культуры представляется более сложным. В литературе, посвященной раннеславянским древностям, сложилось устойчивое убеждение, что пеньковская культура оставлена историческими антагами. Главным аргументом в эту пользу является совпадение ареалов (Русанова, 1976, с. 111–112; Седов, 1995, с. 81–82; Приходнюк, 1985, с. 91; Баран, 1997, с. 154–156; Терпиловский, 1997а, с. 7).

Как достаточно убедительно продемонстрировали Е.А. Горюнов, О.М. Приходнюк и Р.В. Терпиловский при сопоставлении основных признаков археологических культур, пеньковская культура из всех предшествующих ей культур в наибольшей степени близка к киевской и достаточно сильно отличается от черняховской

Рисунок 2.6.12. Материалы памятников типа Чертовикского–Замятино:

1–7, 9, 10–13 — груболепная керамика; 8, 14, 15 — лепная лощеная керамика; 16, 17, 20, 23 — бронза; 18 — рог; 19 — железо; 21 — алмадин; 22 — красное стекло; керамика киевского происхождения: 1–3, 7 — Ксизово-19; 4–6, 9 — Замятино-8; керамика окского происхождения: 8, 11, 12, 15 — Замятино-8; 10 — Замятино-7; 13 — Замятино-5; сосуд центральноевропейского происхождения: 14 — Замятино-8; датирующие вещи: 16 — Замятино-5; 17, 18 — Мухино; 19, 21, 23 — Замятино-8; 20 — Замятино-5; 22 — Чертовикское-3; масштабы: 24 — к позициям 1–15; 25 — к позициям 16–23

(Приходнюк, 1980, с. 117–121; Горюнов, 1981, с. 57–60; Терпиловский, 19976). Тем не менее наиболее острые споры возникают при попытке найти конкретные археологические прототипы пеньковской культуры в рамках древностей киевского круга.

Если расположить все известные по научной литературе возможные прототипы пеньковской археологической общности по степени близости их керамики к ее «специфическому ядру», то наибольшее сходство наблюдается между ма-

териалами ранних пеньковских селищ, с одной стороны, и поздних киевских поселений Среднего Поднепровья и черняховских памятников киевской традиции (в особенности с поздними материалами поселения Хлопков-1) — с другой (рис. 2.6.11: 16, 19–22). В меньшей степени набор пеньковских сосудов похож на керамику Роища и Александровки Нижнего Подесенья, а также на материалы сейминско-донецких киевских поселений периода черняховского влияния.

Все культурно-типологические группы поздне-неримского периода, керамика которых в той или иной степени подобна ранней пеньковской, принадлежали этнически очень близкому населению. Все они представляют собой разнообразные проявления традиций киевских племен Лесостепи, находившихся под сильным черняховским влиянием.

Сложение пеньковской культуры невозможно объяснить без участия киевского населения лесной зоны. Она выглядит довольно архаичной не только по сравнению с черняховской культурой, но и с теми группами киевской общности, где ощущается воздействие черняховских традиций. Это однообразие наблюдается как в сложении довольно однородного (за исключением некоторых нюансов) раннепеньковского керамического комплекса, так и в унификации типов построек. В период формирования пеньковской культуры разнообразие наземных и углубленных в грунт жилых и хозяйственных сооружений Лесостепного Левобережья поздне-неримского времени исчезает. Ранние пеньковские жилища, причем не только на территории Левобережья, очень стандартны. Это полуземлянки с открытыми очагами и зачастую с центральными опорными столбами (Приходнюк, 1985; Баран, 1990, с. 222–223). Произошло возрождение позднезарубинецко-киевских приемов домостроительства. Традиционные киевские полуземлянки с открытыми очагами в качестве наиболее широко распространенного (а на многих территориях и единственного) типа построек в поздне-неримское время сохранились в основном в лесной зоне, в том числе в Подесенье и Среднем Посеймье. Именно этот факт, а также особенности керамического комплекса построек так называемого раннего горизонта пеньковского поселения Хитцы, в которых

встречались тюльпановидные и слабопрофилированные, близкие к баночным, сосуды, привели Е.А. Горюнова к выводу, что в сложении пеньковской культуры Левобережья приняли участие какие-то группы «киевско-колочинского» северного населения (Горюнов, 1981, с. 93–94).

Подведем краткие итоги. В развитии славянских древностей Днепро-Донской Лесостепи имелось несколько этапов. На первом из них (середина — третья четверть I–II вв.) в результате распада зарубинецкой культуры сформировалась серия новых археологических общностей так называемого поздnezарубинецкого культурно-хронологического горизонта. Кроме зарубинецких в составе большинства из этих структур прослеживаются элементы и других культурных групп. Происходившие в этот период передвижения поздnezарубинецкого населения охватывали огромную территорию: от верховьев Западной Двины и Днепра на севере до верховьев Припяти и прилегающей части бассейна Западного Буга на западе до бассейна Хопра на востоке. Отдельные поздnezарубинецкие памятники расположены в северной части степной зоны. По мнению Д.А. Мачинского, которое разделяем и мы, поздnezарубинецкое население соответствует венетам Публия Корнелия Тацита (Мачинский, 1976; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 106–108).

На втором этапе (рубеж II–III — середина III в.) в результате серии новых миграций поздnezарубинецких племен возникла киевская культура. В южной части своего ареала (в Лесостепи) она охватывала Среднее Поднепровье, Днепровское Левобережье, бассейн Северского Донца (до Оскола включительно). Отдельные анклавы киевского населения известны в бассейне Хопра и в Лесостепном Поволжье.

Третий этап (вторая половина III — третья четверть IV в.) характеризуется распространением на восток черняховской культуры, которая соответствует объединению племен, возглавлявшемуся готами. Часть южного киевского населения оказалась сдвинутой с мест своего прежнего обитания, часть вошла в состав черняховской общности. На Верхнем Дону в результате переселения в этот регион киевского и позднескифского (нижнеднепровско-причерноморского по происхождению) населения сформировалась специфическая культурная группа типа Каширки–Седелок.

Четвертый этап (последняя четверть IV — середина V в.) начался с появления гуннов в восточноевропейских степях и разгрома ими державы готского конунга Германариха. Черняховское население постепенно ушло с территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. В лесостепную зону проникли с севера носители деснинского варианта киевской культуры, что положило начало оформлению южной части колочинской археологической общности, соответствовавшей, по-видимому, раннесредневековым венетам Иордана. В южной части лесостепной зоны на основе втянутых в орбиту черняховского влияния киевских группировок при участии переселенцев с севера сформировалась пеньковская культура, носителей которой отождествляют с антами Иордана и Прокопия Кесарийского. В Верхнем Подонье в течение всего V в. существовал особый анклав полиэтнического населения, в котором преобладали ранние славяне. Не исключено, что здесь находился один из центров гуннской державы.

Таким образом, в процессе изучения памятников I–V вв. выяснилось, что общее направление этнокультурных процессов в Поднепровье было правильно очерчено П.Н. Третьяковым и В.Н. Даниленко (хотя реальное содержание этих процессов было значительно сложнее, чем они предполагали).

Современные представления о культурогенезе в Поднепровье достаточно резко расходятся с теорией о висло-одерских истоках славянства, активным сторонником которой в российской историографии в последнее время был В.В. Седов.

2.7. У ИСТОКОВ СЛАВЯНСТВА*

Сложная судьба славянских народов, их заметный вклад в формирование этно-политического облика современной Европы вполне объясняют интерес к жизни древних славян, которая до VI в. протекала вне поля зрения письменной истории. Проблема происхождения славян принадлежит к числу «вечных» вопросов науки. Процессы, приведшие к появлению одного из крупнейших этносов Европы на исторической

* Автор раздела — Р.В. Терпиловский, доктор исторических наук, Институт археологии НАН Украины.

арене, все еще недостаточно изучены. Основными причинами такого положения являются сложность самих этногенетических процессов и отсутствие надежных письменных свидетельств о глубинных областях Восточной Европы, где находилась прародина славян до начала их широкого расселения.

В настоящее время общепризнано, что проблема происхождения славян должна решаться на основе комплексного подхода, то есть общими усилиями историков, лингвистов, археологов и представителей других гуманитарных дисциплин. Однако совместное решение этногенетических вопросов возможно лишь при том условии, что выводы каждой отрасли базируются на собственных материалах, а не навешаны данными смежных наук (Седов, 1979, с. 17). Каждой из указанных наук свойственны специфические методы исследования, поэтому перед каждой из них могут быть поставлены определенные задачи. При этом нужно учитывать, что языковеды считают праславянскими этноязыковые общности, пользовавшиеся системой праславянской речи. В то же время археологи под праславянами понимают носителей археологических культур (этнокультурные группы) — предшественников населения, оставившего раннеславянские древности V–VII вв. (рис. 2.7.1). Некоторые историки критерием славянства считают только самосознание, зафиксированное в письменных источниках начиная с VI в. Разговор же о праславянах на основе свидетельств более древних авторов, по их мнению, беспредметен (Иванов, 1991). Ясно, что такие представления отражают различные аспекты этногенеза и их корректное использование позволяет полнее представить общую картину. Как принято считать, «комплекс, составленный общей культурой, самостоятельным языком и самосознанием оказывается... в подавляющем большинстве случаев специфичным для любого народа» (Алексеев, 1986, с. 33). Славянский культурно-бытовой набор реконструируется прежде всего на основании археологических данных, а также в какой-то степени с использованием этнографических и исторических материалов. Язык, которым пользовались древние славяне, восстанавливается лингвистикой на основании письменных памятников. Наконец, самосозна-

ние, которое относится к числу важнейших характеристик этноса, непосредственно связано с существованием самоназвания. Его история может быть прослежена на основе изучения свидетельств древних авторов, зафиксированных в письменных источниках.

Общеизвестно, что свидетельства древних авторов о славянах крайне скудны и отрывочны. Однако, в отличие от данных других дисциплин, они обладают этнической, а также временной и пространственной определенностью. Необходимо отметить, что в последние годы наметился более строгий подход, переходящий порой в скептицизм, к оценке этих сведений, поколебавший ряд устоявшихся со времен П. Шафарика и Л. Нидерле представлений. Особенно четко это проявляется в комментариях некоторых историков к источникам, вошедшим в «Свод древнейших письменных известий о славянах» (т. 1).

Как известно, историк готлов Иордан (VI в.) утверждал, что венеты, «произошедшие из одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и склавинов» (Iord. Get., 119). Исходя из этого утверждения, многие слависты обычно привлекают в качестве основного источника по древней истории славян сведения, которые сообщают о неких венетах/венетах три автора I–II вв. — Плиний Старший, Тацит и Птолемей. Сведения эти нередко рассматривались суммарно, так как считалось, что все они относятся примерно к одному и тому же периоду. Однако внимательный анализ источников дает более сложную картину, на что обратил внимание Д.А. Мачинский (1976). Из текста Иордана следует, что, говоря о «едином корне» венетов, антов и склавинов VI в., он имел в виду вовсе не венетов, упомянутых авторами I–II вв., а тех венетов, с которыми воевал в IV в. король готлов Германарих. Именно это сообщение о венетах-славянах времен Германариха, восходящее к готской фольклорной традиции (Iord. Get., 28, 117–119), и является древнейшим, достаточно достоверным, письменно зафиксированным фактом славянской истории.

Что же касается венетов/венетов Плиния, Тацита и Птолемея, то, как известно, этот этноним встречается еще до рубежа нашей эры для обозначения заведомо неславянских племен

в Бретани и на северном побережье Адриатики. В качестве топонима корень «вент» или «венд» отмечается начиная с римского времени во многих местах Европы. Кроме того, сведения Плиния, Тацита и Птолемея о венедах/венетах нельзя рассматривать как нечто цельное. Кроме современных им сведений Плиний и Птолемей широко использовали в своих описаниях данные античной географической традиции. Наименее заметно влияние этой традиции в труде Тацита, отражающем реальность I в. н.э. и дающем развернутую, внутренне последовательную и логичную этническую карту варварской Европы. Венеты при этом обрисованы как крупный этнос, занимающий лежащую вдали от морей область к востоку от лугиев, готов и эстиев, к северу от бастарнов и сарматов, к югу от феннов (Тас. Germ., 46). Территория обитания этих венетов и их характеристика не исключают сопоставления этой группы с основным массивом древнего славянства. При этом существенно, что Тацит, описывая венетов, в отличие от других случаев не указывает, к какому из «варварских» языков близка их речь. Этого бы не произошло, если бы венеты говорили на германском или иллирийском языке, но очень вероятно, если они были славяноязычными, то есть говорили на языке, неизвестном римлянам.

Анализ сведений Тацита привел Д.А. Мачинского к ряду важных выводов. Основные данные по этногеографии глубинных областей Восточной Европы (в том числе сведения о венетах) были получены римлянами между 50-ми гг. и 98 г. н.э., то есть относятся ко второй половине I в. н.э. Опираясь на общее расположение различных племен, можно очертить территорию венетов следующим образом: от среднего течения Западного Буга на западе, далее к востоку — по верховьям Южного Буга и несколько севернее Роси. Восточная граница венетского ареала по данным письменных источников не фиксируется. Характерно, что, согласно сообщению Тацита, жизнь венетов была нестабильной. Они находились в постоянном передвижении, выступая как воинственные завоеватели («ради грабежа рыщут»). Область, занимаемая венетами, находилась в северной части зоны «обоюдного страха», отделявшей Германию Тацита от Сарматии. Венеты, с одной стороны, вероятно,

подвергались набегам сарматов, с другой — сами выступали как активная воинственная сила. Тацит подходит к описанию венетов, двигаясь с Запада на Восток, поэтому сведения, очевидно, в основном относятся к западной части венетской территории: к Западной Волыни и Подолии. Создается впечатление, что эти области во второй половине I в. н.э. были еще не вполне освоены венетами. Их коренная территория, очевидно, лежала к северу или востоку от верховий Припяти и Днестра (Мачинский, 1976).

Анализ последующих письменных источников позволяет предположить, что зафиксированная Тацитом этническая карта в основных чертах оставалась неизменной до середины II в. и вплоть до этого времени венеты в основном обитали на той территории, где их отмечает Тацит в «Германии». В связи с этим обратим внимание на этноним «ставаны», содержащийся в труде Клавдия Птолемея (160-е гг.) и локализуемый между судинами Прибалтики и степняками-аланами. Территория ставанов, входивших в «великий народ венетов», таким образом, размещалась где-то в Среднем Поднепровье (Łowmiański, 1963, s. 175–179). По общему мнению, сообщение Птолемея восходит к описанию торгового пути, которое составили купцы, торговавшие с Восточной Европой в I — начале II в. Ряд исследователей вслед за П. Шафариком склонны усматривать в имени ставанов искаженное самоназвание славян.

На карте, восходящей к оригиналу, созданному в римское время и, очевидно, отражающему реальность III в. («Певтингеровы таблицы»), венеты в первый и единственный раз отмечены в Подунавье. Естественнее всего связать их появление здесь с движением на юго-запад каких-то групп венетов Тацита, так как во второй половине II в. наблюдается значительное движение северных варваров в направлении Подунавья. Очевидно, численность венетов Певтингеровой карты была незначительной, поскольку их участие в событиях II–IV вв. не отмечено.

Остановимся теперь на упомянутом выше древнейшем достоверном свидетельстве о славянах-венетах у Иордана. Описывая эпоху расцвета остроготского союза племен, историк рассказывает о войне Германариха с венетами — предками хорошо известных Иордану склави-

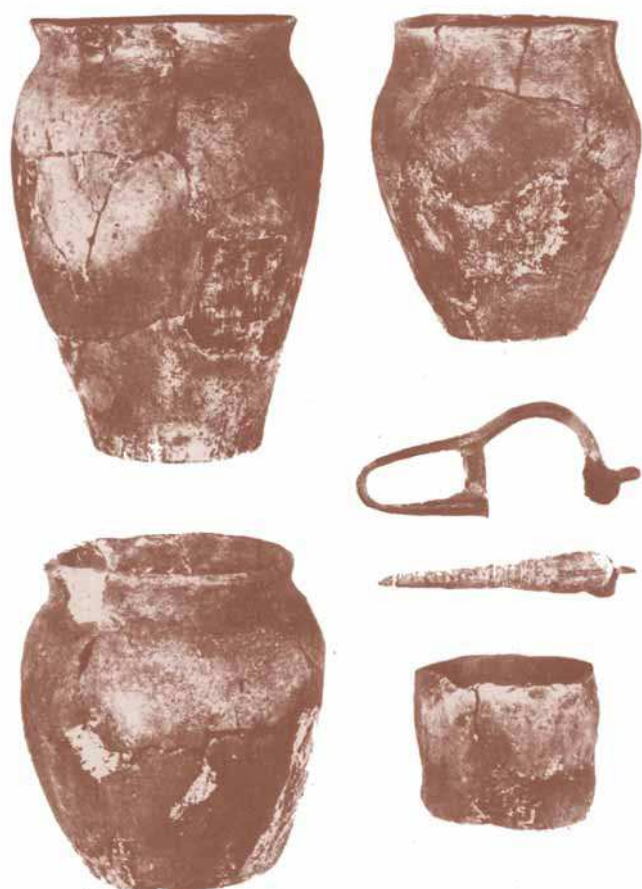

Рисунок 2.7.1. Керамика и застёжка для фибулы из раннего славянского поселения Сучав. VI в.

нов, венетов и антов VI в. Из текста (Iord. Get., 119) следует: венеты жили в непосредственном соседстве с областью, где доминировали готы, хотя и не были им подчинены до войны с Германарихом; венеты обитали между готами и эстами (эстиями Тацита) — одним из балтских племен; по характеру вооружения и типу военной организации венеты принадлежали к иной социокультурной группе, чем германцы; они были весьма многочисленны. Не вполне, правда, ясно, когда происходила война, в которой венеты потерпели поражение — обычно ее датируют в диапазоне от рубежа III–IV вв. до 50–70-х гг. IV в. (Щукин, 1980, с. 404; Мачинский, 1976). Территория, подчиненная остроготам, охватывала, по данным ряда источников (Аммиан Марцеллин, Иордан и др.), степные области Северного Причерноморья и большую часть лесостепной зоны между Днестром и Днепром, а также, возможно, в Днепровском Левобережье. Где-то к северу и северо-востоку от этого ареала обитали балтские (колдас, голтаскифа) и финно-

угорские племена (меренс, морданс). Восточнее готов жили аланы, юго-восточнее, у Азовского моря, — герулы. К западу от них, за Днестром, обитали везиготы, на Западной Волыни готы сталкивались с гепидами и другими германскими племенами Повисленья. Таким образом, единственным местом для обитания славян-венетов как самостоятельной и своеобразной этнической группы остается Припятское Полесье с некоторыми примыкающими областями (Мачинский, 1976) или, на наш взгляд, вся южная часть лесной зоны Поднепровья вплоть до водораздела Днепра и Дона.

Другой эпизод сочинения Иордана, связанный с историей славян IV–V вв., касается войны потомка Германариха — Винитария с антами (Iord. Get., 247–248). Напомним, что Иордану и другим авторам VI в. были достаточно хорошо известны современные славянские группировки, с которыми Византия постоянно враждовала. В частности, Иорданом даны вполне конкретные географические привязки, позволяющие их локализовать в период экспансии на Балканы. В соответствии с ними выходит, что анты жили между Днестром и Днепром; склавины — к востоку от Карпат, от Нижнего Дуная до Днестра, а на севере — до верховьев Вислы (Iord. Get., 34, 35). Местоположение венетов (в «узком» значении этого термина) Иордан не указывает. Отметим, что кроме Иордана, написавшего свой труд на основе сочинения Кассиодора, другие современники, в том числе Прокопий, впервые давший славянам развернутую характеристику (Procop. Bell. Got., IV, 21–30), венетов не упоминают. Для локализации славянских группировок важно также сообщение Прокопия о движении с Дуная части герулов, разбитых в войне с лангобардами, через «поочередно все племена склавинов» и «обширную пустынную землю» в сторону варнов и данов (Procop. Bell. Got., VI, 15). Событие это М. Парчевский относит к 512 г. и, сопоставляя эти сведения с ареалами склавинов по Иордану, приходит к выводу о запустении в начале VI в. земель, лежащих к западу от верховий Вислы (Parczewski, 1998, s. 33–51).

Важно также отметить, что, по мнению А.Н. Анфертьева, использованные Иорданом данные о расселении славянских племен были получены Кассиодором в течение первого десятилетия

VI в. и, следовательно, отражают ситуацию рубежа V–VI вв. (Свод древнейших письменных известий о славянах, 1991, т. 1, с. 134–135).

Прокопий указывает несколько более широкие географические рамки обитания антов — от Нижнего Подунавья до Приазовья (Procop. Bell. Got., VIII, 4). Трудно, однако, определить ареал антов, о которых идет речь в связи с событиями, имевшими место вскоре после нашествия гуннов в 375 г. Мало того, другие авторы, описывая этот период, антов не упоминают. На наш взгляд, не исключено, что Иордан перенес имя хорошо известных ему антов VI в. на реальность более раннего времени. Об этом, в частности, может свидетельствовать имя предводителя готов Винитария, которое может быть интерпретировано как «победитель венедов» (Трубачев, 1991, с. 89). Таким образом, вполне вероятно, что Боз и 70 старейшин, распятых готами, принадлежали к тому единому народу венетов, которые в этот период или вскоре после описанных событий разделились на венетов, антов и склавинов. При этом территория обитания «антов Боза» остается достаточно неопределенной. Очевидно, она находилась где-то в пределах очерченных выше ареалов венетов IV в. и антов VI в.

Остановимся вкратце на вышеперечисленных этнонимах, используемых древними авторами для описания славян. Среди лингвистов распространено мнение, согласно которому название «венеды/венеты» при обозначении славян как этнического целого употреблялось лишь соседями-неславянами. Предполагается, что первоначально этот термин обозначал другой народ на северо-восточных германских рубежах — древних индоевропейских венедов и лишь вторично был перенесен германцами на славян, занявших частично их место (Иванов, Топоров, 1980, с. 20–23; Трубачев, 1991, с. 89).

Термин «анты», напротив, служил для обозначения славян в языках ираноязычных этносов, располагавшихся к юго-востоку от Славии. Впервые он встречается у авторов I в. н.э. Помпония Мелы и Плиния в перечне народов, населяющих Кавказ. Очевидно, и это название было перенесенно позднее на соседнее славянское население. Таким образом, этнонимы венеды/венеты и анты вряд ли являются самоназваниями и скорее всего были даны различным общнос-

тям славян их соседями — германцами или балтами и скифо-сарматами.

Совершенно иначе обстоит дело с терминами типа «склавины», «стлавины», «склавы», которые в византийской традиции с начала VI в. служили для обозначения одной из крупнейших славянских групп. Как известно, для греческого языка сочетание «сл» было неудобопроизносимым, поэтому при передаче названий с корнем «слов-» или «слав-» обычно использовалась вставка «к» или «т». В этом случае, безусловно, имеет место передача самоназвания, близкого к современному «славяне». Именно упоминание Иорданом и Прокопием в одном ряду со склавиными антов и венетов не оставляет сомнений в том, что речь идет именно о славянских племенах, этнографическое и языковое родство которых для соседей было очевидно.

Считается, что самоназвание «славяне» не было изначальным и на ранних этапах истории этнонима могло сопровождаться частичным изменением фонетики слова, фиксирующим перемены семантических мотивировок и ассоциаций. Наиболее раннее наименование славян могло быть связано с древнеиндоевропейским корнем *suobh-*, для которого реконструируется значение «свобода», «человек, принадлежащий своему народу» (оппозиция «свой»–«чужие»). «Своих» объединяло в первую очередь взаимопонимание речи, откуда идет более поздняя этимология имени — от «слыть, слову/слыву» в значении «быть понятным», то есть славяне — люди слова — своего языка (Иванов, Топоров, 1980, с. 14–18; Трубачев, 1991, с. 90). В целом сам принцип обозначения самоназвания от слова «свой» достаточно широко известен в разных традициях.

Значительное место в изучении славянского этогенеза принадлежит языкознанию Центральной и Западной Европы. Языковеды много сделали для реконструкции праславянского языка, успешно решили вопрос об отношении славянского к другим индоевропейским языкам. В связи с этим был предпринят ряд попыток локализации «славянской прародины» на основе интенсивности языковых контактов славян с другими индоевропейскими народами, распространения славянской топонимики и др. Вместе с тем языковым данным очень часто не

хватает пространственной, хронологической и конкретно-исторической определенности. Можно согласиться с В.В. Седовым (1994, с. 72), считающим, что насущной необходимостью современной науки является привлечение на помощь лингвистике данных археологии и других дисциплин, способных осветить неясные стороны славянского этногенеза.

В славянском языкознании существует множество различных, часто диаметрально противоположных концепций. Так как анализ обширнейшей лингвистической литературы не входит в наши задачи, остановимся лишь на некоторых из них.

Обычно глоттогенез рассматривает процессы, происходившие не на тех территориях, где застала славян письменная история, и задолго до этого времени. Так, О.Н. Трубачев (1991) реконструирует ряд географических перемещений носителей праславянского языка и их связи с различными индоевропейскими группами 3-го тыс. до н.э. В этом случае, очевидно, о славянах можно говорить весьма условно. Скорее речь должна идти об их отдаленных языковых предках.

Наиболее активные языковые контакты славян прослеживаются с балтами, в меньшей мере они фиксируются с германцами и иранцами, еще слабее — с фракийцами и кельтами. Типологическая близость балтских и славянских языков исключительно велика. Такой степени схождения не наблюдается между другими языками индоевропейской семьи, что дает некоторое основание говорить о периоде балто-славянской общности. Однако понимают и трактуют эту общность лингвисты по-разному: как свидетельство существования балто-славянского праязыка; как независимое развитие близких балтских и славянских диалектов; как вторичное сближение балтского и славянского диалектов и др. Так, О.Н. Трубачев считает, что балто-славянское сближение началось только в раннем железном веке, то есть в последних веках до н.э. (Трубачев, 1991, с. 29). В любом случае, рассматривая историю славян в первой половине 1-го тыс. н.э., нельзя не учитывать существования в это время самых тесных контактов между славянами и балтами.

Напомним, что термин «балты» является чисто кабинетным и отражает довольно сложное, динамичное и трудноуловимое языковое

состояние. Балтский язык — это древнейшее, дошедшее до нас в живой речи, состояние индоевропейских языков и предок конкретных языков современных литовцев и латышей (а также исчезнувших племен — ятвягов, пруссов, судабов и галиндов). Как считает ряд языковедов, балтский язык — предок славянского языка, который является результатом «преобразования модели, установленной для древнейшего балтского состояния» (Иванов, Топоров, 1961, с. 303). В последнее время гипотеза, согласно которой общеславянский праязык сложился на основе периферийных балтских диалектов, получила широкое распространение (Иванов, Топоров, 1961, с. 218; Лер-Сплавинский, 1964; Хабургаев, 1980, с. 45–51 и др.). При этом особого внимания заслуживают западнобалтские диалекты, принадлежавшие пруссам, ятвягам, голяди и совмещавшие как восточнобалтские особенности, так и черты реконструированной праславянской языковой системы. «Нет сомнения в том, что балто-славянская общность охватывала прежде всего праславянский, прусский и ятвяжский языки» (Бернштейн, 1961, с. 34).

Поддавляющее большинство специалистов считает, что праславянский язык принадлежит к числу относительно молодых. Так как славянские языки характеризуются значительным единообразием, это дает возможность довольно точно представить облик праславянского языка в доисторическую эпоху, слабо дифференцированную в диалектном отношении. Очевидно, эта эпоха очень недалеко отстоит от времени создания первых письменных источников — древнерусских летописей рубежа 1–2-го тыс. н.э. Поэтому конец праславянского или балто-славянского состояния должен быть отнесен к весьма позднему времени (Иванов, Топоров, 1961, с. 307). Очевидно, праславянская языковая общность существовала еще около середины 1-го тыс. н.э. («бессуфиксные» славянские этнонимы, известные в VII в., отражают ее существование накануне распада), а ее начало, то есть выделение из балто-славянской общности праславянского как самостоятельного индоевропейского языка следует искать в первой половине 1-го тыс. н.э. (Лебедев, 1982, с. 47).

По мнению других исследователей, этот процесс охватывал несколько больший период. Так,

Ф.П. Филин (1962, с. 99–100) относит развитие праславянского языка к 1-му тыс. до н.э. — VII в. н.э., причем средний этап датируется от конца 1-го тыс. до н.э. до III–V вв. н.э. В этот период происходят серьезные изменения в фонетике (палатализация согласных, устранение некоторых дифтонгов, изменение в сочетании согласных, отпадение гласных в конце слова). Одновременно развивается диалектная дифференциация славянского языка, что приводит к возникновению на позднем этапе, в V–VII вв., условий для зарождения отдельных языковых групп.

Поиски прародины славян тесно связаны с исследованиями восточноевропейской гидронимии. Усилиями нескольких поколений лингвистов (К. Буга, М. Фасмер, Х. Крае, В.П. Шмид, В.И. Абаев, В.П. Петров, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев и др.) создана карта географических названий Восточной Европы различных этноязыковых групп и периодов. Особенное значение имеет анализ взаиморасположения древнеевропейских, балтских и архаичных славянских гидронимов. Балтские и славянские названия входят в древнеевропейский гидронимический ареал, образуя там единое пространство с широкой переходной зоной.

В пределах южной части лесной и лесостепной зон Восточной Европы массовый характер носит именно балтская и славянская гидронимия. Названия иранского, фракийского, иллирийского, германского происхождения здесь единичны. Согласно этим данным, приблизительно очерчивается территория, где, возможно, происходило становление балтской и славянской этноязыковых общностей. Она занимала обширную область между Балтийским морем, Вислой, Росью, Сеймом, Окой и Западной Двиной. Архаические славянские речные названия занимают здесь окраинное юго-восточное положение (Schmid, 1984; Железняк, 1987, с. 152–158). Основная зона архаичной славянской гидронимии находится на Верхнем Днестре, в Поречье правых притоков Припяти, Тетерева, а также по обоим берегам Днепра в его среднем течении (Трубачев, 1968). Интерпретация полученной картины требует, однако, определенной осторожности. Архаические славянские гидронимы распространяются компактными группами вплоть до Центральной Европы и Балкан,

а поэтому скорее всего отвечают эпохе широкого расселения славян в VI–VII вв., а не их ареалу накануне этих событий. Предполагается, что место первоначального обитания должно давать не кучность однородных названий, а несколько смазанную картину (Седов, 1979, с. 27–28; Трубачев, 1991, с. 16, 101). Поэтому, например, попытка локализации славянской прародины в небольшом районе Прикарпатья по одной из зон концентрации архаических речных названий, предпринятая Ю. Удольфом, встретила резкую критику (Godłowski, 1985; Трубачев, 1991, с. 15–16). С другой стороны, гидронимические ареалы, очевидно, включают разновременные названия и лишь отчасти соответствуют реальной ситуации. В частности, предполагается, что пласт гидронимии Верхнего Поднепровья, выделенный О.Н. Трубачевым и В.Н. Топоровым, может отражать не чисто балтское, а балто-славянское состояние до окончательного разрыва между языковыми группами (Birnbau, 1973, v. 1, p. 57). Таким образом, исключать Верхнеднепровский регион (во всяком случае его южную часть) из славянской прародины по лингвистическим соображениям нет достаточных оснований.

Обратим внимание на некоторые выводы лингвистической географии. В праславянской лексике особенно широко были распространены разнообразные названия животных, птиц, деревьев и растений умеренной зоны. В то же время общеславянские наименования специфических черт гор, степей и моря отсутствуют. Поэтому утверждают, что прародина славян, по крайней мере в последние столетия их истории как единой этнической единицы, находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами (Филин, 1962, с. 122–124).

Иногда считают, что общеславянский язык мог существовать где-то между зонами распространения бука, лиственницы и пихты, то есть в южной части области, лежащей к востоку от линии Калининград — Одесса (Филин, 1962, с. 22), поскольку собственных названий для этих деревьев славяне не придумали.

Таким образом, среди ряда лингвистов распространено мнение, согласно которому становление общеславянского языка происходило в восточной части далекой от гор и морей об-

ласти, богатой лесами, болотами и озерами, незадолго до появления древнерусских летописей и на основе балтских диалектов.

Очевидно, при рассмотрении проблемы славянского этногенеза многого можно было бы ожидать и от таких наук, как антропология, этнография и фольклористика, однако они наталкиваются на ряд объективных трудностей. Как известно, у славян вплоть до IX–X вв. господствовал обряд кремации умерших, что лишает нас полноценных антропологических данных. Фольклорно-этнографический подход ограничен сложностью выделения первоначального пласта явлений славянской духовной и материальной культуры из источников, зафиксированных лишь в последние столетия.

Не отрицая большого значения истории и лингвистики в исследовании славянского этногенеза, следует отметить, что по мере накопления археологических фактов роль археологии в изучении этой проблемы становится ведущей. В отличие от лингвистических данных, которым часто не хватает пространственной и хронологической определенности, материалы этой науки конкретно историчны и географически локализованы. К тому же археология по сравнению с другими общественными дисциплинами способна резко расширить объем источников, в чем приближается к естественным наукам, опирающимся на экспериментальные факты. Подход археологов к проблеме славянского этногенеза сводится главным образом к поискам предшественников культур раннеисторических славян. В этом смысле вопрос о генезисе славянских культур и поисках их предшественников среди археологических культур первой половины 1-го тыс. н.э. справедливо расценивается как первостепенный (Седов, 1979, с. 43).

Остановимся на некоторых обобщающих работах археологов по проблеме происхождения славян с привлечением данных истории и языкознания. В целом можно выделить три основных направления, которых придерживаются исследователи, стремящиеся найти соответствие этносам, упоминаемым в письменных источниках, среди носителей археологических культур Восточной Европы.

Особенностью послевоенного развития славянской археологии является стремительное

расширение источниковедческой базы, что в первую очередь и определило успехи в изучении путей формирования и развития материальной культуры древних славян. Рост круга археологических данных сопровождался изменениями в оценке места тех или иных археологических общностей в процессе этногенеза и ранней истории славян. Ограничимся рассмотрением основных концепций по данной проблеме за последние полвека, так как именно в это время славянская археология выходит на ведущее место, оставив позади ряд других наук, в том числе языкознание и историю.

В 1940–1950-е гг. получили окончательное оформление чисто автохтонистские в своей основе концепции, чему способствовал рост самосознания славянских народов после завершения Второй мировой войны. Исторические науки (в том числе и археология) все крепче привязывались к господствующей идеологии. Поэтому наличие объективно существовавших хронологических и территориальных лакун, как правило, не мешало построению культурно-исторических схем, показывавших изначальность пребывания славян в Поднепровье и Повисленье по крайней мере с эпохи бронзы. В это время археологи знали достоверно славянские памятники лишь VIII–X вв. (древности типа Луки-Райковецкой и роменско-боршевскую культуру), непосредственно предшествовавшие культуре Киевской Руси. Поскольку ближайшей по времени оказывалась черняховская культура, то в ее носителях также усматривали славян. Далее выстраивалась следующая ретроспективная цепочка культур: черняховской предшествовала зарубинецкая культура; затем следовала скифская лесостепная культура, далее предскифские чернолесская и белогрудовская культуры и, наконец, — тшинецко-комаровская эпоха бронзы. В ряде случаев между этими звеньями, однако, зияли хронологические разрывы. Особенно бросалась в глаза лакуна между черняховской культурой и славянами, составлявшая несколько сот лет. «Черняховское», или «южное», направление наиболее последовательно отстаивал М.Ю. Брайчевский. Его эрудиция, привлечение широкого круга исторических, лингвистических, антропологических, фольклорных и этнографических материалов были направ-

лены на доказательство принадлежности черняховской культуры «бесчисленных племен антов» (Брайчевский, 1964; 1968 и др.). В это же время польские археологи-слависты пытались решить эту проблему, выстраивая следующую последовательность: славянам VIII–X вв. между Вислой и Одрой предшествовали пшеворская и оксывская культуры, существовавшие со II в. до н.э. по IV в. н.э. (объединяемые термином «венедская культура»), затем следовала поморская культура IV–III вв. до н.э. и, наконец, лужицкая культура, уходящая корнями в эпоху бронзы.

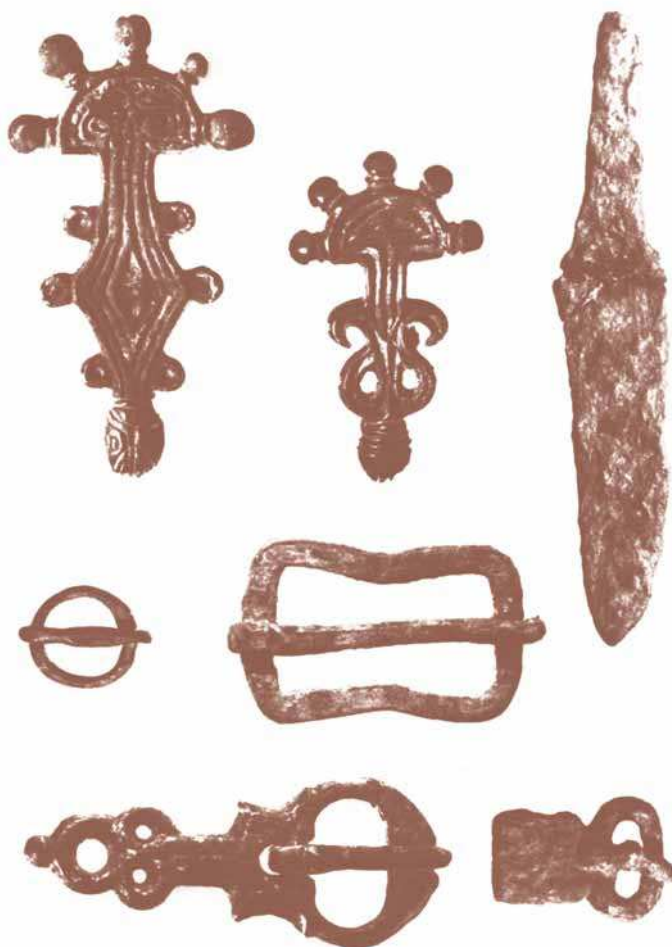
В 1950-е гг. были, наконец, обнаружены памятники VI–VII вв., предшествовавшие славянским культурам кануна Киевской Руси (рис. 2.7.2). Их число стало стремительно расти, и вскоре археологи стали различать три похожие культуры — пражскую (пражско-корчакскую), пеньковскую и колочинскую. Таким образом, славянская археология сделала важный шаг, «спустившись по лесенке ретроспекции на одну двухсотлетнюю ступеньку» (Шукин, 1987). Однако при этом разница в облике между славянскими культурами и черняховскими, а также пшеворскими памятниками стала еще резче, что привело к потере популярности концепций славянской принадлежности этих древностей.

Вторую гипотезу развивали П.Н. Третьяков, В.Н. Даниленко и другие сторонники «зарубинецкой», или «северной», линии славянского этногенеза. В этот процесс включался ряд культур: мощинская, длинных курганов, сопок, пеньковская, колочинская и др. Основной путь развития славянских культур пролегал в стороне от черняховской культуры и предполагал движение через зарубинецкую культуру к «поздnezарубинецким» древностям римского времени, а затем — к раннесредневековым славянским культурам. При этом предполагалось отступление на Север потомков зарубинецкого населения и усиление их контактов с племенами лесной зоны (балтами и финно-уграми), позднее — широкое распространение возникших на этой основе культур раннеисторических славян в Среднем Поднепровье, Подунавье и др. П.Н. Третьяков, В.Н. Даниленко и их последователи верно подметили структурное сходство указанных культурных групп, выявили новые перспективы полевых исследований, но систему

доказательств детально не разработали. Венетами априори признавались носители зарубинецкой культуры, а антами — племена колочинской или пеньковской культур (Третьяков, 1966; 1970; 1982; Даниленко, 1976).

Ряд авторов ищет компромиссные решения, пытаясь выделить славянские элементы в пшеворской и черняховской культурах. Отметим, что в оценке обеих культур на протяжении 1970-х гг. произошли существенные изменения. Их уже не рассматривали как монолитные, бесспорно славянские группировки. Общепринятыми стали представления о сложном этническом составе и пути формирования обеих культур, о значительной роли в них германского компонента. Отказ от тезиса об исключительно славянской принадлежности пшеворской и черняховской культур раскрыл новые возможности их изучения: появились основания, не отрицая резких различий между этими культурами и славян-

Рисунок 2.7.2. Изогнутые застёжки с подножием в виде маски, железный нож и железные и бронзовые пряжки. VI–VII вв.

скими древностями VI–VII вв., искать в них отдельные сходные элементы. При этом предполагается, что они выступают в памятниках первой половины 1-го тыс. н.э. рассредоточенно, а в VI–VII вв. образуют основу очень однородных и простых славянских культур. Таким образом, основная линия славянского этногенеза все же связывается с соответствующими элементами в пшеворской и черняховской культурах. Древности более северных территорий В.В. Седов (1970; 1979; 1994) и И.П. Русанова (1976) относят к балтскому кругу. Мало того, антов — носителей пеньковской культуры И.П. Русанова в отличие от В.В. Седова также не считает славянами. К славянам она причисляет лишь население пражской культуры (Русанова, 1976, с. 197–199).

Однако «славянские» признаки в черняховской, пшеворской культурах и предшествующей последней культуре подклешевых погребений отнюдь не образуют ту же систему, что и в раннесредневековых славянских культурах. Не находит убедительного объяснения и различный уровень провинциально-римских и раннесредневековых древностей.

Оригинальная точка зрения была высказана Э.А. Сымоновичем. В своих последних работах он пытался показать не только хронологическую и территориальную близость киевских и черняховских памятников, но и их типологическое единство, берущее свое начало в общей, зарубинецкой, подоснове. В результате тесных контактов в пограничных зонах, в частности в Курском Посеймье, возникли смешанные в культурном отношении памятники. На их основе в свою очередь сформировалась раннеславянская колочинская культура (Сымонович, 1983). Мнение Э.А. Сымоновича, согласно которому восточнолевобережные древности типа Букреевка-2 возникли в результате миграции на восток части племен Верхнего Поднестровья и, следовательно, относятся к черняховским, разделяет также В.Д. Баран (1998, с. 181–188).

С конца 1970-х гг. очерчиваются контуры нового направления, к которому почти независимо пришли многие археологи-слависты разных научных центров. Эта концепция, используя основные конструктивные выводы предыдущих гипотез, позволяет корректно определить место и зарубинецкой, и киевской, и пшеворской,

и черняховской культур по отношению к славянским культурам V–VII вв. При этом все сторонники данного направления признают особое место «пост- или позднезарубинецких» памятников в сложении древностей раннеисторических славян. Расхождения между взглядами разных авторов касаются главным образом акцентов. Так, основные процессы, приведшие к кристаллизации культур раннесредневековых славян, по мнению И. Вернера (1972), К. Годловски (Godlowski, 1979), М.Б. Щукина, Д.А. Мачинского и Г.С. Лебедева, происходили в лесной зоне. При этом подчеркивается структурное сходство, общая «культурная модель» «лесных» древностей первой половины 1-го тыс. н.э. и славянских памятников V–VII вв. Петербургские исследователи активно используют сведения письменных источников и ряд выводов лингвистов, однако считают «зарубинцев» бастардами, а с венетами связывают обитателей слабо изученного «полесского белого пятна» (Мачинский, 1976; Лебедев, 1982; Щукин, 1976; 1987). В.Д. Баран и Д.Н. Козак основное значение придают этнокультурным процессам в северо-западных областях Украины, выделяя здесь пшеворско-зарубинецкую зубрецкую группу и своеобразные черняховские памятники. Именно с ними исследователи связывают венетов (Козак, 1992, с. 137–140) и антов (Баран, 1981, с. 176), на их же основе формируется пражская культура (Баран, 1988, с. 56–79).

Взгляды исследователей, непосредственно изучающих позднезарубинецкие и киевские памятники, можно считать в той или иной мере производными от концепций В.Н. Даниленко и П.Н. Третьякова (Поболь, 1969, с. 105–108; Кравченко, Гороховский, 1979; Горюнов, 1981, с. 35–43; Максимов, 1982, с. 133–154; Терпиловский, 1984, с. 42–58, 73–85; Обломский, 1991, с. 133–148 и др.). Подобные взгляды в целом были учтены в концепции славянского этногенеза, разработанной сотрудниками отдела славянской археологии Института археологии НАН Украины. Ее основные положения изложены в серии коллективных работ (Этнокультурная карта, 1985; Археология Украинской ССР, 1986; Славяне Юго-Восточной Европы, 1990 и др.). В них фактически суммированы взгляды различных киевских авторов на данную проблему,

хотя ряд противоречий между ними устранить не удалось. Наконец, в последние годы вышли из печати объемистые монографии А.М. Обломского (2002) и Р.В. Терпиловского (2004), в которых подведены итоги исследований в данном направлении.

Важно отметить, что признаки, типичные для славянских культур второй половины или даже последней четверти 1-го тыс. н.э., не существовали изначально, а сложились исторически. Так, славянское жилище в его классическом виде (полуземлянка с печью-каменкой) оформилось в конце IV в. в Среднем Поднестровье и не имело в первых веках нашей эры прямых прототипов. Соответственно «пражские» горшки лишь в редких случаях встречаются среди древностей первой половины 1-го тыс. н.э. и более раннего времени. Только начиная с конца V в. они окончательно оформляются и занимают ведущее место в керамическом комплексе пражской культуры (Баран, 1988, с. 61). Конечно, в некоторых восточно- и средневропейских культурах первой половины 1-го тыс. н.э. можно отыскать те или иные элементы, типичные для раннесредневековых славянских культур (полуземляночные жилища, трупосожжения, «пражские» горшки). Однако такие элементы, как правило, составляют незначительный процент в комплексе той или иной культуры и, что особенно важно, не коррелируют между собой. Главнейшим же условием успешных поисков «предшественника» славянских культур, на наш взгляд, является сходство основных элементов рассматриваемых археологических культур, образующих такую же систему.

Очевидно, это условие не всегда учитывается исследователями, которые, исходя из предположения, что «славянским древностям третьей четверти 1-го тыс. н.э. всюду территориально предшествуют или полиэтничные археологические культуры, или культуры, явно неславянские» (Седов, 1979, с. 43), пытаются отыскать отдельные «славянские» элементы в черняховской и пшеворской культурах. Согласно другой концепции, славянские культуры сформировались в ходе продвижения к границам Византии группировок лесной зоны (Вернер, 1972; Godłowski, 1979, s. 8–27), поэтому важны не типологические сопоставления археологических признаков культур славян и их предшественников, а общая

модель культур и уровень социально-экономического развития населения.

Между указанными концепциями имеется нечто общее — обе они не допускают существования единого ядра, имеющего конкретное сходство большинства признаков, объединенных в ту же систему, что и у пражской, пеньковской и колочинской культур. Между тем, учитывая, что хронологически памятники киевской культуры непосредственно предшествуют указанным культурам третьей четверти 1-го тыс. н.э., что их ареалы в известной степени совпадают, а сравнительный анализ показывает подобие основных элементов материальной культуры, образующих аналогичную систему, киевская культура вполне может считаться ядром. Вокруг него сформировались раннесредневековые славянские культуры, в первую очередь колочинская и пеньковская.

В целом в истории изучения позднезарубинецких памятников и киевской культуры можно выделить три периода.

1. Рубеж 1940-х — 1970-е гг. — «эпоха первоначального накопления» данных о киевской культуре (и о позднезарубинецких памятниках, рассматриваемых в рамках «классической» зарубинецкой культуры). Начало этого периода совпадает со временем появления первых концепций «зарубинецкой линии» славянского этногенеза (В.Н. Даниленко, П.Н. Третьяков и др.).

2. Конец 1970-х — середина 1980-х гг. — «эпоха переосмысления», период проведения серьезных источниковедческих исследований, посвященных позднезарубинецким и киевским древностям.

3. С конца 1980-х гг. — «период подведения итогов» на уровне создания обобщающих работ, учитывающих конкретные исследования позднезарубинецких и киевских памятников в полном объеме. Одновременно основные усилия направляются на изучение этнокультурных процессов в отдельных регионах, заполнение территориальных и хронологических «белых пятен» (Терпиловский, 2004, с. 15–19).

Вместе с тем проблему нельзя считать окончательно решенной. Причины этого коренятся, в частности, в недостаточно равномерной изученности позднезарубинецких и киевских памятников. Лишь в последние годы наблюдается существенный рост источниковедческой

базы, сопровождаемый появлением подробных публикаций и специальных исследований (Терпиловский, 1984, 2004; Терпиловский, Абашина, 1992; Обломский, 1991, 2002; Обломский, Терпиловский, 1991 и др.).

В связи с этим попытаемся изложить свое видение хода культурно-исторических процессов, происходивших в первой половине 1-го тыс. н.э. в Поднепровье и прилегающих областях, опираясь как на археологические, так и на исторические и лингвистические данные.

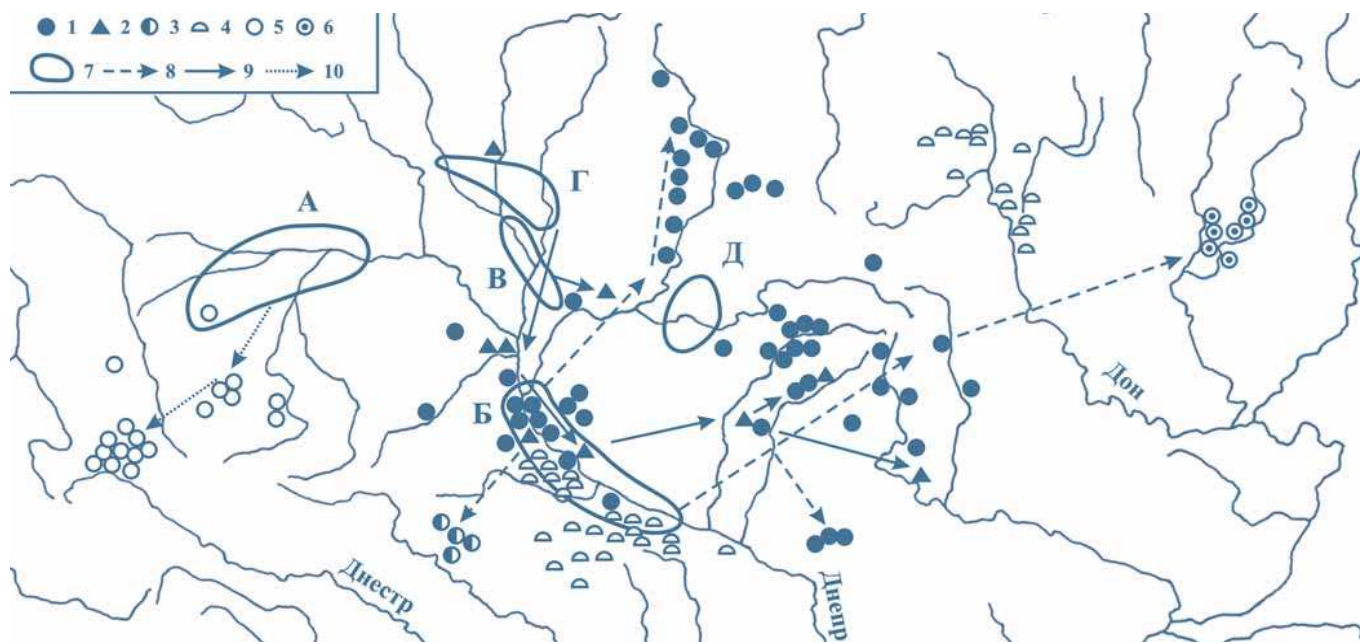
Около рубежа нашей эры произошел распад латенских традиций, выразившийся в исчезновении таких культур, как зарубинецкая, поянешти-лукашевская, ясторфская и другие, а также в значительной трансформации пшеворской и оксывской культур. Кризис зарубинецкой культуры, очевидно, был вызван комплексом различных причин: прежде всего вторжениями сарматов в Среднее Поднепровье (Щукин, 1972; 1987, с. 107–109) и эколого-демографическим кризисом. Возникшие в результате кризиса памятники второй половины I–II вв. не были прямым продолжением зарубинецкой культуры, а являлись новой культурно-исторической общностью раннеримского времени (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 9–10). Произошел «зарубинецкий взрыв» — позднезарубинецкий ареал расширился в несколько раз по сравнению с зарубинецкой культурой за счет миграций населения, причем заселились и ранее неосвоенные

районы — Южное Побужье, Подесенье, Днепровское Лесостепное Левобережье (рис. 2.7.3). Такие периодические миграции населения вызывали истощение подходящих почв в округе поселков в результате экстенсивных форм земледелия. В своих основных чертах эта система хозяйства сохранилась у славян до VII–VIII вв.

Освоение новых территорий потомками зарубинецкого населения привело к контактам с различными местными племенами, в результате чего различные позднезарубинецкие группы формировались на смешанной основе. В частности, позднезарубинецкие памятники обнаруживают значительное структурное сходство с зубрежкой (волыно-подольской) культурной группой, распространенной на Западной Волыни и в верховьях Днестра. Дело в том, что

Рисунок 2.7.3. Этнокультурная ситуация I–II вв. в Лесостепи и на юге лесной зоны Восточной Европы:

1 — позднезарубинецкие памятники типа Лютеж, Почеп, Картамышево-2, Терновка-2; 2 — памятники типа Грини; 3 — памятники типа Рахны; 4 — сарматские памятники Среднего Поднепровья и Верхнего Подонья; 5 — памятники зубрежки группы; 6 — памятники инясевской группы; 7 — границы локальных групп зарубинецкой культуры (А — полесский вариант; Б — среднеднепровский вариант, В — памятники типа Горошков–Чаплин, Г — памятники типа Кистени–Чечерск; Д — памятники типа Харьевка); 8 — миграция населения среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры; 9 — миграция населения группы типа Кистени–Чечерск; 10 — миграция населения полесского варианта зарубинецкой культуры

основными этнокультурными компонентами обеих групп являлись зарубинецкий и пшеворский, хотя, естественно, доля пшеворских элементов в Западной Украине была значительно выше. В целом же наблюдается определенная унификация основных компонентов культуры (керамики, домостроительства и др.), что, очевидно, может указывать на начальные процессы формирования в Лесостепи и на юге лесной зоны единой культурной области, простиравшейся от Сана на западе до Оскола на востоке и от Орели на юге до Судости на севере.

Ситуация несколько изменилась во второй половине II в., когда на Волынь проникло население вельбарской культуры, следствием чего прекратилась жизнь на основных зубрецких селищах. Таким образом, миграция носителей вельбарской культуры «разрывала» складывавшуюся позднезарубинецко-пшеворскую общность, и дальнейшее развитие ее западной и восточной частей протекало практически независимо.

Поскольку сообщение Тацита о венетах соответствует (территориально, хронологически и по сути описанных событий) миграциям позднезарубинецкого населения, то имеются все основания считать, что позднезарубинецкие памятники оставлены венетами (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 104–108). Этому не противоречит соотнесение с венетами носителей другой культурной группы — зубрецкой (Козак, 1992, с. 137–140). По образному выражению М.Б. Щукина (1987, с. 110), Плиний и Тацит, впервые упомянувшие восточноевропейских венедов/венетов, описали как раз состояние «брожения венедского котла». Венеты — носители позднезарубинецкой и зубрецкой культурных групп, поддерживали активные контакты (очевидно, далеко не всегда мирного характера) с соседними народами. На западе и северо-западе они граничили с германцами — лугиями и готами (племенами пшеворской и вельбарской культур), на юге и юго-востоке — с аланами, на севере и северо-востоке — с балтами и, возможно, с «народами между балтами и славянами». Очевидно, все они в какой-то степени участвовали в сложении позднезарубинецких памятников. В свою очередь позднезарубинецкие элементы проникали далеко за пределы основного ареала, особенно в балтскую среду.

Рисунок 2.7.4. Нагрудное украшение — цепь киевской культуры (III в.). Днепроовское Левобережье (бронза с выемчатой эмалью)

Этнокультурная ситуация в Поднепровье изменилась на рубеже II–III вв.: разнородные позднезарубинецкие памятники сменяются генетически связанной с ними киевской культурой, характеризующейся гораздо большей монолитностью (рис. 2.7.4). Возникшая в результате новая общность сохранила лишь немногие черты зарубинецкой культуры и является специфическим культурно-хронологическим комплексом, основные элементы которого выразительно отличаются не только от соседних культур, но и от предшествующих и последующих древностей той же территории.

С севера к ареалу киевской культуры примыкают архаичные «лесные» группы, оставленные балтскими племенами. Между ними находится обширная контактная зона в виде памятников типа Заозерье, насыщенная киевскими элементами. Значительное влияние на развитие киевской культуры с середины III в. до начала V в. оказала высокоразвитая черняховская культура, памятники которой занимают преимущест-

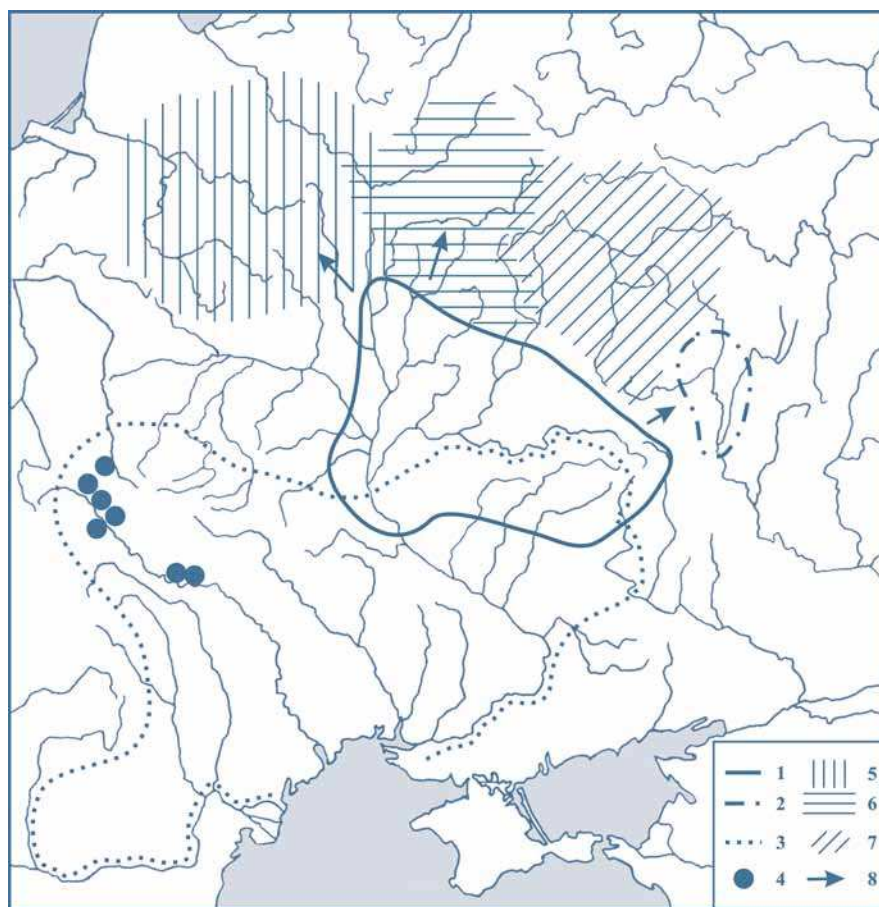

Рисунок 2.7.5. Карта археологических культур III–V вв.:

- 1 — киевская; 2 — памятники типа Седелки;
3 — черняховская; 4 — памятники типа Черепин;
5 — культура штрихованной керамики; 6 — днепро-двинская;
7 — мощинская; 8 — направления экспансии киевских племен

венно Лесостепь (рис. 2.7.5). Даже располагаясь по соседству, киевские и черняховские селища, как правило, занимали различные ландшафты, что свидетельствует об определенных различиях в характере земледелия. Киевские поселения типологически подобны позднезарубинецким, многие из них по-прежнему тяготели к невысоким участкам речных долин, в то время как черняховские поселения нередко достигали крупных размеров и обычно занимали черноземы по балкам коренного берега или на краю второй надпойменной террасы. Тем не менее киевские племена постепенно начинали использовать новые типы сельскохозяйственных орудий (ручные мельницы и железные наральники), очевидно заимствуя опыт соседей.

Появление черняховских памятников на Среднем Днестре и в Левобережье, вплоть до Се-

верского Донца — результат образования маргинальной зоны. Нередко черняховское население расселялось чересполосно с киевским, что приводило к взаимопроникновению элементов обеих культур. Некоторая часть киевского населения включалась в состав черняховских общин, о чем свидетельствуют находки характерной керамики на ряде поселений Среднего Поднепровья (Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999). Цепочка черняховских поселений с раннеславянской традицией тянется от памятников типа Черепин в верховьях Днестра и Западного Буга через Среднее Поднепровье (Журавка, Жуковцы, Новолиповское и др.) и Левобережье (Великий Бобрик, Песчаное) до водораздела Днестра и Дона. Отдельные памятники типа Каширка-Седелки, сочетающие киевскую лепную керамику

с черняховским домостроительством, во второй половине III в. достигают даже верховьев Дона (Обломский, Терпиловский, 1998).

В начале IV в. черняховско-вельбарское население практически вытеснило из Лесостепи киевские племена: на ряде селищ киевский горизонт перекрыт черняховскими слоями (Обухов-1 и 3, Глеваха, Боромля-2, Гочево-3 и 4). Не исключено, что это продвижение сопровождалось военными столкновениями, поэтому указанная ситуация может соответствовать описанным Иорданом войнам готов Германариха с венетами.

Вероятно, в результате описанных событий некоторая часть венетского населения в южной части Среднего Поднепровья и особенно на востоке Левобережья попала в политическую и экономическую зависимость от державы Германариха, следствием чего явилась культурная и этническая ассимиляция этих венетских групп. Вместе с тем само наличие довольно четкой границы между киевской и черняховской культурами в этот период, относительная немногочисленность черняховских импортов

в лесной зоне, вероятно, указывают на преувеличение Иорданом значения поражения венетов. Поступление черняховских импортов и ряд технологических новаций лишь в незначительной мере изменили традиционный уклад жизни в лесной зоне. Скорее всего «северные народы» были лишь номинально зависимы от готского племенного союза.

Во второй половине IV — начале V в. фиксируется активное поступление импортов или даже инфильтрация небольших черняховских групп в киевскую среду. Не исключено, что археологическая ситуация этого периода соответствует войне «антов Боза» и готов Винитария. Вероятно, какие-то скифо-сарматские группировки в составе черняховской культуры впервые применили к оставившим южные киевские памятники племенам этноним «анты» (окраинные жители). Впрочем, возможно, что термин этот был ретроспективно перенесен Иорданом на предков антов VI в., известных на рубеже IV–V вв. под прежним именем венетов (рис. 2.7.6).

В первой половине V в. наблюдается угасание черняховской культуры, вызванное господством гуннов, крахом провинциально-римской системы связей, эколого-демографическим кризисом (Шишкин, 2001–2002). Везиготы, позднее остrogоты и ряд других племен ушли на Запад, в пределы империи. Последние проявления черняховской культуры относятся к середине V в. Вместе с ее распадом произошли изменения и в среде северных племен, в основном сохранивших прежнюю социально-экономическую структуру. Киевская культура также прекратила свое существование, однако в отличие от черняховской не исчезла бесследно. На ее основе сформировались новые раннесредневековые культуры. При этом колочинская продемонстрировала относительно плавное развитие позднезарубинецко-киевских традиций лесной зоны, в то время как пеньковская, очевидно, возникла на основе южных киевских памятников, находившихся в постоянном контакте с различными черняховскими группами (рис. 2.7.7). Очевидно, пражская культура сформировалась на основе памятников северо-западной черняховской периферии, по основным своим признакам и происхождению близких памятникам киевского типа.

Зона формирования славянских памятников V в. охватывает преимущественно традиционную раннеславянскую территорию — пограничье лесной и лесостепной полос от верховьев Днестра и Западного Буга до верховьев Сейма, Псла и Северского Донца. Более поздние памятники пеньковской и частично пражской культур располагаются уже в глубине Лесостепи, занимая большую часть прежнего черняховского ареала (рис. 2.7.8). Очевидно, развитие славянской общности происходило весьма динамично — уже к началу VI в. византийские авторы отмечают появление склавинов и антов на левом берегу Дуная. Расселение славянских племен в северном и западном направлениях практически не

Рисунок 2.7.6. Фибула рубежа IV–V вв. Черниговская обл. (золото, серебро, гранаты)

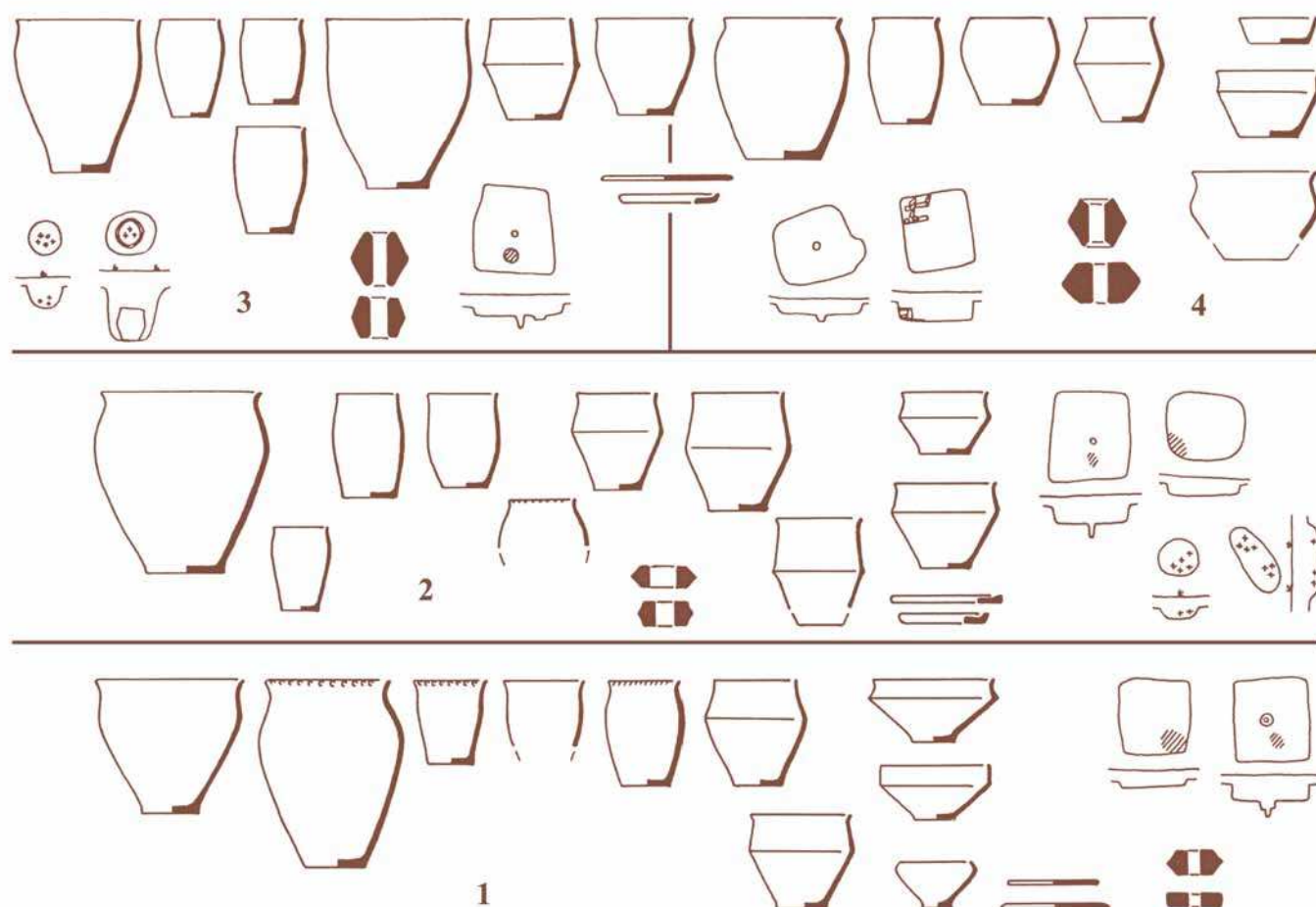

Рисунок 2.7.7. Основные элементы
позднезарубинецких памятников (1), киевской (2),
колочинской (3) и пеньковской (4) культур

фиксируется по письменным источникам, зато о нем красноречиво говорят археологические данные. Вряд ли можно согласиться с М. Парчевским, считающим, что население колочинской культуры, в отличие от пражских и пеньковских племен, осталось на своей коренной территории (Parczewski, 1998, s. 42). Напротив, в наиболее изученном регионе, Черниговском Подесенье, отмечается многократное уменьшение числа колочинских памятников по сравнению с киевскими, причем размеры их, как правило, значительно меньше. Очевидно, излишек населения переселился на новые земли. Исчезают культура штрихованной керамики и днепродвинская культура, а возникшие на их месте памятники типа верхних слоев Банцеровщины и Тушемли содержат выразительные южные (киевско-колочинские) элементы (Лопатин, 2004, с. 144–157). Судя по всему, основной тенденцией на территории Верхнего Поднепровья во

второй и третьей четвертях 1-го тыс. н.э. были начальные процессы славянизации балтов или «народов между балтами и славянами» (Терпиловский, 1994, с. 74–75).

В движении на Запад участвовало в основном население пражской культуры. Еще раньше, в IV–V вв., возможно, имело место проникновение небольших славянских групп на территорию Словакии (памятники прешовского типа) и на юго-восток Паннонии. С некоторым участием местного населения в VI в. на территории Румынии складывались ипотешти-кындештская, а на территории Польши — дзедзицкая культура. Однако их ядром послужили в первом случае пражско-пеньковские, а во втором — пражские памятники (Седов, 1995, с. 40–67, 95–108). Таким образом, экспансия носителей пражской и пеньковской культур была направлена на запад и юго-запад, в Среднюю Европу и Подунавье, а колочинских племен — на север.

Существуют различные точки зрения относительно того, какие археологические общности соответствуют склавинам, антам и венетам

Иордана и Прокопия. Практически нет расхождений в том, что две первые группы совпадали с носителями пражской и пеньковской культур (Славяне Юго-Восточной Европы, 1990, с. 358–360 и др.). Именно эти народы представляли наиболее реальную опасность для византийских владений на Среднем и Нижнем Дунае в середине VI в. Ареалы пражской и пеньковской культур вполне совпадают с районами обитания склавинов и антов, что наиболее отчетливо показал М. Парчевский (1998). Венетами (в «узком» понимании), территория которых Иорданом не указана, считают население дзедзицкой (Баран, 1998, с. 74) или колочинской культур (Щукин, 1987, с. 115). Последняя точка зрения представляется более аргументированной, поскольку, как отмечалось выше, данная информация относится к рубежу V–VI вв., в то время как дзедзицкая культура сформировалась лишь во второй половине VI в. (Parczewski, 1998, s. 33–35, 42).

Таким образом, принадлежавший сначала небольшой группе этноним, зафиксированный, возможно, во II в. н.э. в форме «ставаны», распространился со временем на одну из крупнейших раннесредневековых славянских общностей. К началу VII в. имена венетов и антов, под которыми эти племенные союзы были известны соседям, постепенно были поглощены самоназванием «славяне», которое охватило весь славянский мир.

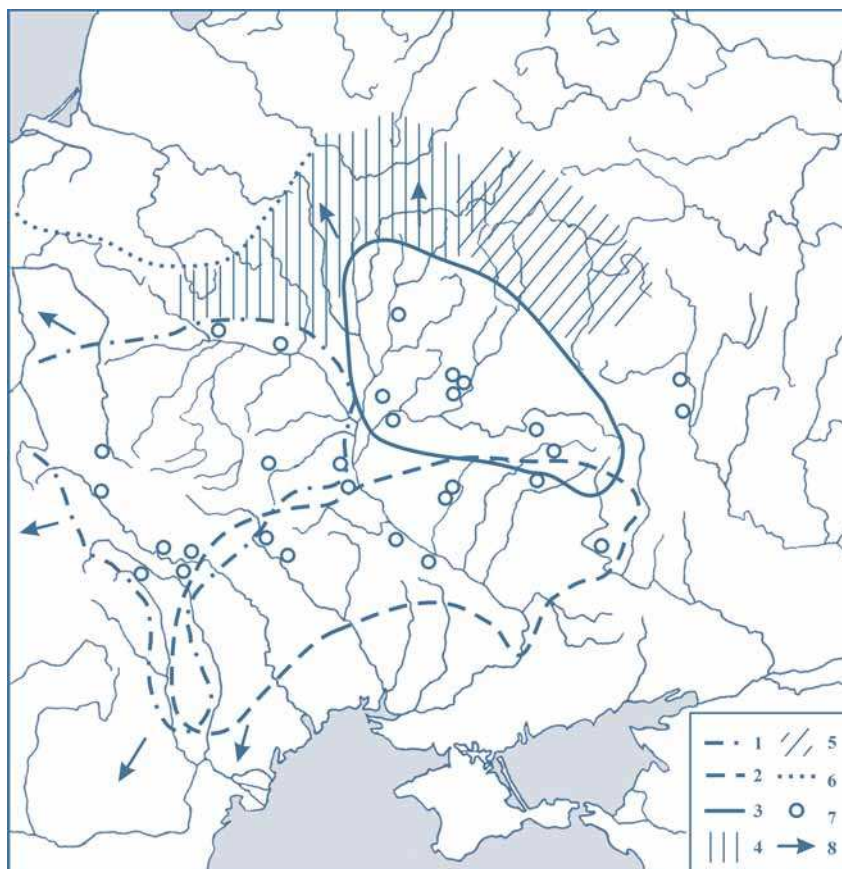
Результатом широкого расселения славян стало членение единого этноса на отдельные народности, причем их формирование протекало неодинаково в разных местах славянского ареала. Так, считают, что сербы, хорваты, лужичане складывались на основе крупных племенных объединений предшествующего времени; чехи — путем объединения небольших родственных племен при главенствующей роли одного из них. Становление болгар стало результатом синтеза разноплеменного славянства с расселившимися в его среде булгарами-тюрьками (Развитие этнического самосознания славянских народов...1982).

Необходимо отметить, что историко-культурные процессы, протекавшие на территории нынешних Украины, Белоруссии и Южной России во второй половине 1-го тыс. н.э., имели в значительной мере общий характер. Естественно, различные субстраты определили этнокультурное своеобразие восточнославянских группировок, однако последующие многократные перемещения населения в результате войн, неурожаев, политики тех или иных государств не позволяют переоценивать роли процессов начала Средневековья в сложении современных народов.

О завершении процесса общеславянского этногенеза в середине 1-го тыс. н.э. позволяют говорить три феномена: слияние воедино культурно-бытового комплекса (охватывающего формирование однообразных археологических культур, единство социально-экономической структуры их носителей, единство религиозных представлений, отраженное в существовании не-

Рисунок 2.7.8. Карта археологических культур V–VII вв.:

1 — пражская; 2 — пеньковская; 3 — колочинская;
4 — банцеровско-тушемлинская; 5 — мощинская; 6 — границы культур западных и центральных балтов; 7 — раннеславянские памятники V в.; 8 — направления славянской экспансии

скольких вариантов погребений с кремацией); общность языка, зафиксированного древними авторами и реконструированного современными лингвистами; рост самосознания, отраженный в широком использовании самоназвания. Далее речь может идти уже об этногенезе восточных, западных и южных славян, еще позже — об этногенезе украинцев, русских, белоруссов и других современных славянских народов.

Следует отметить, что завершение общеславянского этногенеза знаменует и финал «внутриутробного» развития славянской цивилизации. С выходом славян на широкую историческую арену в VI–VII вв. они приобщаются к достижениям византийской культуры. Особенно это касается тех группировок склавинов и антов, которые расселяются в Подунавье и на Балканах. Тем не менее межплеменные контакты внутри славянского мира постепенно приводят к изменениям и на коренных территориях. Так, архаичные пражская, пеньковская и колочинская культуры на рубеже VII–VIII вв. сменяются более развитыми в социально-экономическом отношении райковецкой, волынцевско-роменской и боршевской культурами, в целом продолжающими «пражскую линию развития». В последней четверти 1-го тыс. н.э. восточнославянские древности демонстрируют активные связи с Византией, Болгарией, Великой Моравией на юге и западе, а также с Хазарией на востоке. Очевидно, в это время на смену племенным союзам склавинов и антов приходят более развитые протогосударства-вождевства — княжения летописных племен. Вслед за созданием первых славянских держав в Подунавье и на Балканах в середине IX в., согласно летописной традиции и археологическим данным, возникает и первое восточнославянское государство — Киевская Русь.

2.8. ЗАПАДНЫЕ ИМПУЛЬСЫ В ФОРМИРОВАНИИ СЛАВЯНСТВА*

Поиски западных корней происхождения славянской цивилизации необходимо начать с краткого обзора результатов разысканий прародины славян. Как уже говорилось в разделе «У истоков славянства», в 1940–1950-е гг. получили

окончательное оформление чисто автохтонистские в своей основе концепции. Объективно существовавшие хронологические и территориальные данные не мешали построению культурно-исторических схем, утверждавших изначальность пребывания славян в Поднепровье и Повисленье, по крайней мере с эпохи бронзы. Не вдаваясь в детальное рассмотрение всех концепций (Седов, 1994, с. 5–94), обратим внимание на два основных направления поиска истоков славянства: висло-одерскую (западную) и висло-днепровскую (восточную) концепции.

Первая из них предусматривала формирование славянства на землях между Вислой, Одером и верховьями Эльбы. Она активно разрабатывалась преимущественно польскими учеными между мировыми войнами и в 1940–1950-е гг. Наиболее развернуто висло-одерская концепция представлена в трудах Ю. Костшевского, главы школы польских автохтонистов, лингвиста Т. Лер-Сплавинского, археолога В. Гензеля. В те годы археологи-слависты пытались решить проблему, выстраивая следующую ретроспективную последовательность: славянам VIII–X вв. между Вислой и Одрой предшествовали пшеворская и оксывская культуры, существовавшие со II в. до н.э. по IV в. н.э. (объединяемые термином «венедская культура»), затем следовала поморская культура VI–II вв. до н.э. и, наконец, лужицкая культура, уходящая корнями в эпоху бронзы.

Советские ученые в это время основной акцент делали на автохтонное развитие населения Среднего Поднепровья, на что еще в начале XX в. обращал внимание киевский археолог В.В. Хвойка (1913). При этом выстраивалась такая ретроспективная цепочка культур: славянским памятникам кануна Киевской Руси, VIII–X вв. (древности типа Луки-Райковецкой и роменско-боршевская культура) непосредственно предшествовала черняховская культура; ей в свою очередь — зарубинецкая; затем следовала скифская лесостепная культура, далее предскифские чернолесская и белогрудовская культуры и, наконец, тшинцево-комаровская эпохи бронзы. Однако в ряде случаев между этими звеньями зияли хронологические разрывы, что отнюдь не смущало сторонников обеих концепций.

Необходимо отметить, что славянство пшеворской, оксывской, зарубинецкой и черняхов-

* Автор раздела — Р.В. Терпиловский, доктор исторических наук, Институт археологии НАН Украины.

ской культур на протяжении первой половины XX в. (да и позднее) отрицалось рядом западноевропейских, преимущественно немецких, ученых. Еще П. Райнеке обратил внимание на сходство находок из раскопок В.В. Хвойки с материалами из памятников латенского и римского времени на территории Западной Европы (Reinecke, 1906). Последние вполне укладывались в ареалы расселения кельтских и германских племен, указанные Юлием Цезарем, Корнелием Тацитом, Иорданом и другими древними авторами.

Открытие славянских древностей VI–VII вв. в 1950–1960-е гг. как в Поднепровье, так и на Дунае, Висле и Эльбе коренным образом изменило ситуацию. Провинциально-римский характер пшеворской и черняховской культур плохо соответствовал архаичному облику раннесредневековых славянских памятников. В результате взгляды ряда исследователей — В.Н. Даниленко (Киев), П.Н. Третьякова (Ленинград), Й. Вернера (Мюнхен), К. Годловски (Краков) — обратились к древностям северной периферии Черняхова, продолжающим зарубинецкую традицию. Работы последующих десятилетий подтвердили перспективность этого направления. Ныне памятники киевской культуры III–V вв. рассматриваются подавляющим большинством археологов-славистов как ядро формирования раннесредневековых славянских древностей (Обломский, 2002; Терпиловский, 2004).

Вместе с тем ряд авторов ищет компромиссные решения. В наиболее общей форме это делал Б.А. Рыбаков (1981). По его мнению, во все века существовало определенное «славянское» единство культур между Одером и Днепром — тшинецко-комаровское, лужицко-скифское, пшеворско-зарубинецкое, пшеворско-черняховское. Отметим, что в оценке последних культур на протяжении 1970-х гг. произошли существенные изменения. Их уже не рассматривали как монолитные, бесспорно славянские группировки. Общепринятыми стали представления о сложном этническом составе и пути формирования пшеворской и черняховской культур, о значительной роли в них германского компонента. Эти представления раскрыли новые возможности изучения пшеворской и черняховской культур. Предполагается, что они выступают в памятниках первой половины 1-го тыс. н.э. рассредоточенно,

а в VI–VII вв. образуют основу очень однородных и простых славянских культур. В основном придерживаясь «западной» концепции и выводя начало славянства из лужицкой и поморской культур раннего железного века, И.П. Русанова (1976) и В.В. Седов (1979, 1994) основную линию славянского этногенеза связывают с соответствующими элементами в пшеворской и черняховской культурах. Древности более северных территорий они относят к балтскому кругу.

Однако «славянские» признаки в черняховской, пшеворской культурах и предшествующей последней культуре подклешевых погребений отнюдь не образуют ту же систему, что и в раннесредневековых славянских культурах. Не находит убедительного объяснения и различный уровень провинциально-римских и раннесредневековых древностей.

Попытаемся в общих чертах выявить западные элементы в археологических культурах, образующих следующую цепочку: зарубинецкая культура (рубеж III–II в. до н.э. — I в. н.э.) — поздnezарубинецкие памятники и зубрецкая группа (I–II вв.) — киевская культура и некоторые черняховские древности III–V вв. — пражская, пеньковская и колочинская культуры V–VII вв. — восточнославянские культуры предгосударственного периода.

Как известно, важнейшим фактором развития Европы второй половины 1-го тыс. до н.э. было формирование кельтской, или латенской, цивилизации. Ее влияние на европейские народы в последующие столетия можно сравнить только с влиянием античного мира. Подобно скифской культуре Восточной Европы и эллинизму Средиземноморья латенская культура сnivelировала мозаичную картину европейского Барбарикума раннего железного века. Племена кельтов создали новую цивилизацию, получившую в археологии название латенской (от поселения Ла-Тен в Швейцарии) и просуществовавшую до рубежа нашей эры. Путем военной экспансии кельтские поселения и городища-оппидумы распространились от Британии до Карпат. Еще шире было культурное влияние, проявившееся в возникновении особого латенского стиля у множества соседних этносов. Десятки типично латенских изделий встречены, в частности, на территории Украины вплоть до Днепра (Бидзиля, Щукин, 1993, с. 68–69).

Рисунок 2.8.1. Столовая чернолощенная керамика зарубинецкой культуры. Пироговский могильник

Мощный латенский импульс привел к тому, что на восточной периферии Кельтики возникли так называемые латенизированные культуры, соединявшие местные и общелатенские традиции (разные варианты погребений с трупосожжением, характерные элементы застежек-фибул и чернолощенных сосудов).

Считается, что катализатором латенизации в Поднепровье были выходцы из ясторфского круга культур Средней и Северной Европы. Вследствие контактов с кельтами культура этих племен (германцев или «народов между кельтами и германцами») приобрела определенную латенскую окраску. В свое стремительное продвижение на юг они втянули племена, оказавшиеся на пути. К ним присоединились выходцы с территории поморской культуры и часть населения Поднепровья (носители милоградской и скифской лесостепной культур). Появившись на Нижнем Дунае, эти разноэтничные военные отряды получили в античных источниках конца III в. до н.э. имя бастарнов, или скирров (Щукин, 1994, с. 116–136). Они познакомились с латенской цивилизацией и латенско-иллирийскими культурами Карпато-Дунайского региона (Каспарова, 1981; Максимов, 1982, с. 155–158; Еременко, 1997, с. 114–120). Так, отдельные кремации со скифской керамикой на зарубинецких могильниках Среднего Поднепровья (Корчеватое, Пирогов) могли принадлежать представителям

местных племен, участвовавших в дунайских походах (Кубишев, Скиба, Скорый, 1995). Именно тут они могли перенять некоторые черты погребального обряда, прототипы фибул зарубинецкого типа или даже привести с собой пленных кельто-иллирийцев (рис. 2.8.1, 2.8.2).

Западные черты (прежде всего в оформлении керамики) наиболее ярко выражены в самой западной зарубинецкой группе — в Припятском Полесье, что вполне естественно, а также в наиболее восточной группе — памятниках типа Харьевка, исследовавшихся в последние годы в районе Путивля (Обломский, Терпиловский, 1994, с. 159–181). Как оказалось, в их формировании активно участвовало кроме среднеднепровского зарубинецкого компонента также западное латенизированное население, проникшее далеко на восток в период формирования культуры. Именно в среде ясторфской, пшеворской и поянешти-лукашевской культур находят соответствие формы сосудов, не имеющие аналогов в зарубинецком керамическом комплексе. Это вазы и миски с округлым бочком и коротким утолщенным венчиком. Некоторые из них орнаментированы каннелюрами, наклепными шишечками или врезным орнаментом. Нередко верхняя часть сосуда подлощена, а нижняя — нарочито ошершавлена (рис. 2.8.3). Сюда же входят некоторые горшководные сосуды с лощеной и с ошершавленной (хрупчатой) поверхностью или поверхностью, покрытой вертикальными расчесами.

Если допустить присутствие в Посеймье в позднелатенское время каких-то групп западного на-

селения, то «встают на место» не имевшие долгое время объяснения находки в районе устья Сейма шести коронообразных бронзовых гривен. Такие украшения, по мнению большинства исследователей, имеют ясторфское происхождение. Очевидно, они оставлены ясторфскими или родственными им племенами в ходе движения вверх по Сейму (Обломский, Терпиловский, 1994, с. 162).

Подчеркнем, что зарубинецкая культура была совершенно новым явлением, а не результатом эволюционного развития какой-либо предшествовавшей или копированием одной из синхронных культур. В ней соединились воедино черты центральноевропейских латенизированных культур и местных древностей, создав своеобразную этнокультурную систему. Именно тут, как нам кажется, и начинается предыстория славянства.

Опосредованное отношение к этому процессу имела и пшеворская культура. В отличие от территории Польши, где основную массу населения, очевидно, составляли латенизированные восточные германцы (лугии Тацита?), на Волыни и Подолии, куда пшеворские племена проникли только в I в. до н.э., местное население состояло в основном из потомков поморско-подклешовой культуры (Давня історія України, 2000, т. 3, с. 31–32). Начиная с середины I в. н.э. в пшеворскую среду на западноукраинских землях вливались пришельцы — группы зарубинецких племен из Припятского Полесья. В результате интеграционных процессов между ними возникло новое культурно-историческое явление — памятники типа Зубры или зубрецкая культура римского времени. В Верхнем Поднестровье в формировании новой общности приняли участие также дакийские племена липицкой культуры (Козак, 1992, с. 30–69).

Следует также отметить наличие по соседству и в составе пшеворского населения ряда кельтских групп, обитавших преимущественно на территории Силезии и Малопольши (Dąbrowska, 1988, s. 105–150). Предполагается, что именно с кельтским субстратом могут быть связаны некоторые формы пшеворской керамики, украшений и оружия, а также погребального обряда. Не исключено, что отдаленные реминисценции пребывания кельтов на территории Закарпатской Украины, Южной Польши, Чехии и Словакии нашли свое отражение в своеобразной славянской этнографии этих земель.

Могущество кельтов было окончательно подорвано в I в. до н.э. в результате экспансии даков на востоке, германцев — на севере, Рима — на юге и западе. Европа из кельтской превратилась в римско-германскую. Примерно с рубежа нашей эры влияние Римской империи начало ощущаться даже в областях, достаточно удаленных от римского лимеса, что привело к распространению новых типов посуды, орудий труда, украшений. Латенские традиции стали распадаться, что нашло свое выражение в исчезновении таких культур, как поянешти-лукашевская и ясторфская, в трансформации пшеворской и оксывской культур, а также в появлении позднезарубинецких и зубрецких памятников.

В течение середины — третьей четверти I в. н.э. зарубинецкая культура в своем «классическом» виде прекратила существование, трансформировавшись в позднезарубинецкие памятники.

Рисунок 2.8.2. Бронзовые фибулы зарубинецкой культуры

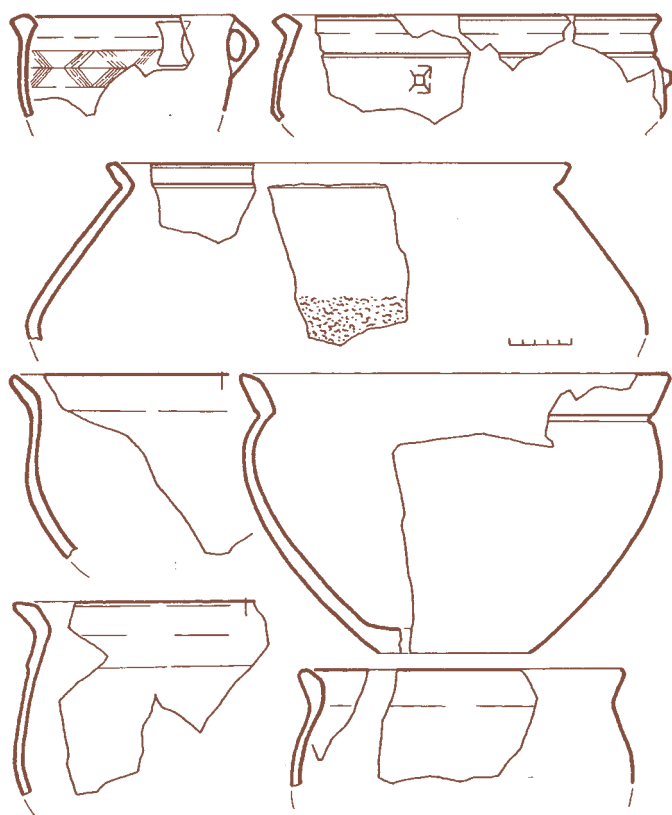

Рисунок 2.8.3. Столовая керамика центральноевропейской традиции из зарубинецких памятников Путивльского Посеймья

Причина этого — смена эколого-климатической ситуации, а также экспансия сарматов в Среднем Поднепровье (Шукин, 1972; Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990). В результате «зарубинецкого взрыва» — стремительного расселения днепровских племен — ареал позднезарубинецких памятников в несколько раз увеличился по сравнению с территорией зарубинецкой культуры, постепенно утратились латенские традиции, усилились контакты потомков зарубинецких племен с другими этническими группировками, в частности с носителями пшеворской культуры. Для левобережной группы позднезарубинецких памятников типа Картамышево-2 — Терновка-2 (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 88–90) типичны лощеные ребристые миски, на которые в ряде случаев нанесен врезной орнамент в виде разнообразных меандров и свастик. Следует отметить, что подобная керамика встречена и на ряде памятников, относящихся к несколько более позднему времени, концу II — первой половине III в. (рис. 2.8.4). Так, она найдена на раннекиевских поселениях Попово–Лежачи-4

на Среднем Сейме и Шишино-5 в верховьях Северского Донца (Терпиловский, 2004). Находки на Левобережье мисок раннеримских типов, выполненных в пшеворской традиции, вполне сочетаются с пряжками и другими предметами убора центральноевропейского происхождения (Малашев, Обломский, 2002). Не исключено, что одновременно сюда попали и мечи, имеющие аналогии в пшеворской культуре (Левада, 1998). Таким образом, как и в позднелатенское время, на восток позднезарубинецкого ареала проникли какие-то группы западного населения, что и сказывается на облике местных древностей.

Позднезарубинецкие памятники Поднепровья и зубрецкие древности Волыни структурно близки и имеют немало общих черт. Наблюдается определенная тенденция к унификации основных элементов в пределах обширной культурной области, охватывающей западную часть Лесостепи и смежные районы лесной зоны Восточной Европы. Возможно, именно это население было обозначено Тацитом в конце I в. н.э. и Птолемеем во II в. н.э. как венеты (Обломский, Терпиловский, 1991, с. 104–108; Козак, 1992, с. 137–140). Согласно Тациту, они обитали между бастарнами и феннами, согласно Птолемию — между народами Прибалтики и степными аланами. Процесс формирования единой общности, очевидно, был приостановлен вследствие инвазии вельбарских племен в конце II в.: на ряде поселений Волыни горизонт зубрецкой культуры перекрыт вельбарскими материалами.

Дальнейшее развитие западных и восточных венетов/венедов проходило практически обособленно. Памятники на Верхнем Днестре существовали до начала III в. и трансформировались в локальную группу черняховской культуры типа Черепин, а памятники восточной зоны — в киевскую культуру. Последняя характеризуется гораздо большей однородностью, чем генетически связанные с ней разнородные позднезарубинецкие памятники. Новая общность сохранила лишь немногие черты «классической» зарубинецкой культуры латенского периода и является специфическим культурно-хронологическим комплексом позднееримского периода (Терпиловский, 1984, с. 47–50).

В позднееримское время сформировались новые этнокультурные общности на территории

Восточной Европы. Появление части из них было вызвано миграциями германцев на юг, усвоением достижений римской цивилизации местными племенами, перестройкой традиций предыдущих местных культур.

Завоевание Дакии в начале II в. усилило торговые контакты Римской империи с народами Причерноморья, Прикарпатья и Поднепровья, дало толчок стремительному социально-экономическому развитию местных племен. Активизировались варварские народы на границах империи. Прологом эпохи переселения народов стали Маркоманнские войны (166–180 гг.) и миграция готов на рубеже II–III вв. к Черному морю. В течение III в. Рим переживал глубокий кризис, что позволило коалиции варварских племен (готов, карпов, бастарнов, аланов) начать так называемые Скифские войны, нападая на его северные провинции и приморские города.

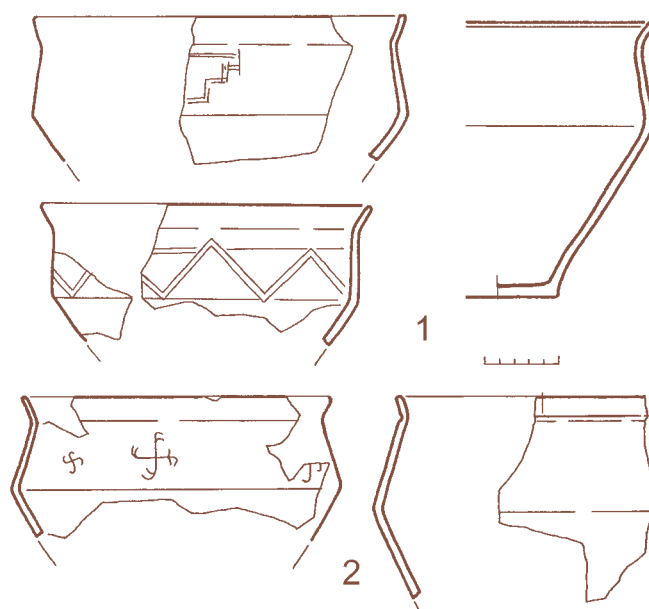
Как полагают, именно в этот период и произошло сложение черняховской культуры, одного из самых ярких явлений европейского Барбарикума. Феномен черняховской культуры с ее «цивилизованностью», многочисленным и зажиточным населением объясняется постоянными контактами с Римом, с одной стороны, и властью готских вождей, создавших из разных народов своеобразную «империю», — с другой (Магомедов, 2001). Значительную роль в процессах формирования черняховской культуры сыграло и явление так называемого кельтского ренессанса. Хотя латенская цивилизация прекратила свое существование около рубежа нашей эры, ее традиции в известной мере сохранились в среде потомков кельтов, населявших вновь созданные римские провинции — Галлию, Рецию, Норик и Паннонию. Вероятно, эдикт императора Каракаллы 212 г., предоставлявший права римских граждан всем свободным жителям империи независимо от происхождения, способствовал оживлению деятельности кельто-римских ремесленников-провинциалов (Щукин, 2005, с. 119–121). Не исключено, что в составе черняховского населения оказались (добровольно или в качестве военнопленных) мастера-ремесленники, которые принесли навыки и секреты гончарного производства, кузнечного и ювелирного ремесла, стеклоделия и т.д. В свою очередь через посредство черняховских племен не толь-

ко импорты, но и технологические инновации могли попадать к северным соседям, в первую очередь к племенам киевской культуры. Таким образом, западные по происхождению элементы римской цивилизации постепенно проникали вглубь лесной зоны Восточной Европы.

После появления черняховских памятников на Среднем Днепре и Левобережье в середине III в. возникла маргинальная зона с киевской культурой. На водоразделе Днепра и Дона черняховское население расселялось рядом с киевским, что привело к взаимопроникновению элементов обеих культур. В Среднем Поднепровье граница между киевской и черняховской культурами прослеживается более четко, проходя приблизительно вдоль Стугны.

Следует отметить, что часть киевских племен вошла в состав черняховских общин северной периферии. Очевидно, жители черняховских поселков, изготавливавшие киевские по формам лепные сосуды, находились в постоянном контакте с населением, обладавшим другими этнокультурными традициями. Киевские по происхождению семьи активно перенимали нетипичные для них приемы домостроительства и даже иную идеологию. В результате появились трупоположения с киевскими элементами инвентаря (Великая Бугаевка, Компанийцы).

Рисунок 2.8.4. Столовая керамика центральноевропейской традиции из позднезарубинецких (1) и киевских памятников (2)

Именно эти контакты, видимо, способствовали широкому распространению гончарной посуды, изменениям в технологии производства лепной керамики, изменению моды на украшения (по всему ареалу киевской культуры характерные для предыдущей эпохи массивные изделия с выемчатой эмалью сменились небольшими по размерам фибулами и пряжками) и т.д. Не исключено, что киевское по происхождению население освоило производство гончарной посуды в Хлопкове (Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999).

Одновременно в верховьях Днестра и Западного Буга зубрецкие памятники трансформировались в своеобразную черняховскую группу типа Черепин, характерные признаки которой — углубленные жилища со значительным количеством лепной керамики и отсутствие могильников. Вместе с тем здесь также известны отдельные горны для обжига гончарной посуды (Баран, 1981, с. 51–53). Таким образом, цепочка поселений с «праславянской» традицией тянется от верховьев Днестра и Западного Буга через Среднее Поднепровье до водораздела Днепра и Дона. Впрочем, вряд ли в это время происходили значительные миграции праславян на восток, скорее перемещались небольшие группы населения. Отдельные памятники типа Седелки с восточнолевобережной киевской керамикой и черняховским домостроительством во второй половине III в. достигли даже Верхнего Дона (Обломский, Терпиловский, 1998).

В начале IV в. отдельные группы носителей черняховской культуры с выразительной вельбарской традицией незначительно продвинулись на север от Стугны, вытесняя население киевской культуры с таких поселений, как Глеваха (Терпиловский, 1989). Возможно, в результате этого часть среднеднепровских киевских племен переселилась в Черниговское Подесенье. На это может указывать рост количества денинских памятников начиная с середины IV в., а также некоторое изменение характера местной керамики и домостроительства (Терпиловский, Шекун, 1996, с. 32–33).

Эта картина наиболее точно соответствует описанным Иорданом войнам готов Германика с венетами (Терпиловский, 2004, с. 94). Однако, как уже отмечалось в разделе «У истоков

славянства», Иордан преувеличивает значение поражения венетов, традиционный уклад жизни в лесной зоне изменился незначительно.

В течение III–V в. н.э. огромные массы варварских народов Европы и Азии снимались с насиженных мест. В результате великого переселения народов перекраивалась этническая карта, исчезали веками установленные этнические и политические границы. Под ударами германцев и гуннов в V в. Римская империя погибла, а на ее обломках возникли новые варварские королевства.

В первой половине V в. наблюдалось угасание черняховской культуры, вызванное господством гуннов, крахом провинциально-римской системы связей, эколого-демографическим кризисом (Шишкин, 2001–2002). Основной тенденцией этнополитических процессов этого периода стало движение на запад огромных масс населения. На территории Украины практически бесследно исчез ряд культур римского времени, носители которых были втянуты в движение гуннов, готов и аланов на запад. Последние проявления черняховской культуры относятся к середине V в. С этим же периодом связано появление в пограничье лесной и лесостепной зон Восточной Европы — Качин, Нежин, Мухино, относящиеся к так называемому горизонту Ун-трезибенбрунн (Щукин, 2005, с. 330–336) — ряда находок украшений из драгоценных металлов, в том числе и в полихромном стиле.

В связи со сложными этнокультурными процессами эпохи великого переселения народов следует упомянуть о своеобразной группе памятников у г. Замятино на Острой Луке в верховьях Дона. Исследованные здесь в последние годы три поселения трудно назвать рядовыми, в той или иной мере типичными для всей «варварской» Европы середины 1-го тыс. н.э. Об особом статусе поселений в первую очередь свидетельствует сложный этнический состав населения, включавший, очевидно, славян (киевская культура), балтов или финно-угров (дьяковская и мощинская культуры). Менее уверенно можно говорить о присутствии на Острой Луке поздних скифов и германцев (черняховские, пшеворские и вельбарские элементы). Весьма показательны и такие уникальные для Верхнего Подонья производства, как изготовление гребней и гончар-

ное дело, а также высокий уровень кузнечного ремесла. Особенности технологических процессов этих производств, несомненно, указывают на западный источник — провинциально-римский культурный круг, в который входит, в частности, и черняховская культура. Следует отметить также довольно активные торговые и культурные контакты местного населения с Причерноморьем, Нижним Подопьем (прежде всего с Танаисом и его округой) и Северным Кавказом.

Таким образом, полиэтнический состав населения и высокое развитие характерных для черняховской культуры ремесел — гончарного дела, металлургии и металлообработки, производства костяных гребней находят ближайшие параллели в древностях Острой Луки гуннского времени.

Не исключено, что Замятинские поселения, как, возможно, и вся вообще верхнедонская культурная группа типа Чертовицкое–Замятино (Обломский, 1999), представляют собой археологический эквивалент своеобразного «осколка» мощного гуннского племенного союза. По свидетельствам Аммиана Марцеллина, Приска Панийского и Иордана, в период своего расцвета «империя» Атилы включала множество оседлых и кочевых племен. Не исключено, что после распада этого образования (в результате разгрома гуннов на реке Недао в 454 г.), а возможно и несколько раньше какая-то часть этих племен закрепилась на Верхнем Дону. В этом случае находят объяснение и сложный этнический состав обитателей Задонской Луки, и западные технологические приемы, и специализированный характер поселков, предназначенных для обслуживания племенной верхушки. Ставка последней скорее всего находилась где-то неподалеку. Во всяком случае в трех километрах от Замятино на поселении того же круга Мухино встречено богатое погребение женщины, одежда которой расшита золотыми бляшками в гуннском стиле. Впрочем, пока трудно сказать, состояла племенная верхушка из кочевников-гуннов или же из вождей оседлых племен («Острая Лука Дона в древности», 2004).

Одновременно с распадом черняховской культуры произошли изменения и в среде ее северных соседей, в основном сохранивших прежнюю социально-экономическую струк-

туру. Киевская культура также прекратила свое существование, но в отличие от черняховской не исчезла бесследно — на ее основе сформировались раннесредневековые колочинская и пеньковская культуры. Это дает основание рассматривать киевскую культуру как ядро, вокруг которого произошла «кристаллизация» славянских древностей (Терпиловский, 2004, с. 70–72). После того как, по меткому выражению М.Б. Щукина, южная стенка венедского котла была разбита, его содержимое выплеснулось в Лесостепь, и на историческую арену вышли раннесредневековые славяне — склавины и анты. Лесостепи, освободившиеся в начале V в., стали все шире осваиваться славянскими племенами — потомками населения киевской культуры и северной части черняховского ареала.

В целом зона формирования славянских культур V в. охватывала преимущественно пограничье лесной и лесостепной зон от верховьев Днестра и Западного Буга до верховьев Сейма, Пела и Северского Донца. Несколько позже памятники пеньковской и частично пражской культур располагаются уже в глубине Лесостепи, занимая значительную часть прежнего черняховского ареала. Очевидно, развитие славянской общности происходило весьма динамично — начиная с 512 г. византийские авторы отмечают появление склавинов и антов на левом берегу Дуная. Экспансия населения пражской и пеньковской культур была направлена на запад и юго-запад, в Центральную Европу и Подунавье, а колочинской культуры — на север, в глубину лесной зоны Восточной Европы (Терпиловский, 2001–2002, с. 428–429).

В результате широкого расселения славян на землях Европы неизбежно происходило смешение местного населения с пришельцами, что подтверждается, в частности, характером материальной культуры, которая постепенно меняется, включая все больше туземных черт. Показательны в этом отношении, например, дзедзицкая культура на территории Польши и памятники типа Ипотешть–Кындешть–Чурел в Румынии (Седов, 2005, с. 40–67, 95–108). Первая, как считают, формировалась преимущественно на основе пражской культуры на протяжении второй половины VI в. Вместе с тем наряду с квадратными полуземлянками, типичными

Рисунок 2.8.5. Восточнославянские серебряные браслеты и гривна VIII в. Андрияшевский клад

для славянских культур Восточной Европы, на территории Великой Польши получили распространение наземные дома с углубленной «корытообразной» частью. Часть лепных горшков приобретает приземистые пропорции, характерные для германских культур. Возможно, появление новых черт указывает на участие пшеворского субстрата в процессе формирования дзедзицкой культуры (Баран, 1998, с. 73–78). В свою очередь памятники типа Ипотешть–Кындепть–Чурел возникают в пограничье с византийскими владениями на Нижнем Дунае в контактной зоне пражской и пеньковской культур при участии местных фракийских древностей (Седов, 1995, с. 95–108).

Аналогичные процессы происходили и на других землях от Эльбы до Пелопонесса, охваченных расселением славян. Естественно, активные контакты с разнородным населением византийских провинций способствовали ускоренному социально-экономическому разви-

тию славян Балкан и Подунавья. Именно здесь, согласно письменным источникам, действовали наиболее крупные и воинственные племенные союзы, именно здесь в VII–VIII вв. формировались первые славянские (или полиэтнические, но со значительным славянским компонентом) государства: держава Само, Болгария, Великая Моравия.

Развитие коренных славянских земель протекало более плавно. Славянские культуры V–VII вв. на территории Украины демонстрируют преимущественно экстенсивный путь развития и земледелия, и ремесел (металлургия и металлообработка, гончарное дело). Прогресс в этих областях можно заметить лишь начиная с рубежа VII–VIII вв., причем ряд исследователей связывают его с возвращением в Поднепровье части балканских славян (рис. 2.8.5).

Возвратная миграция славян из Дунайского региона, начавшаяся еще в VII–VIII вв., продолжалась и позднее, вплоть до начала X в. Проникновение славян из Дунайских земель было многоступенчатым процессом, переселения осуществлялись более или менее крупными

группами и затронули все восточнославянские земли. Считается, что отток славян с Дуная в Восточную Европу отразился в фольклоре и обрядности, а также в летописях.

Перелом в социально-экономическом развитии на рубеже VII–VIII вв. может быть продемонстрирован, в частности, на примере известного Пастырского городища в южной части Среднего Поднепровья. Широкие раскопки, проведенные на памятнике В.В. Хвойко, М.Ю. Брайчевским и О.М. Приходнюком, позволили получить обильный материал. Они позволяют датировать памятник концом VII — первой половиной VIII в. Кроме 50 полуземлянок и хозяйственных построек, в одной из которых было выявлено большое количество обугленного зерна, тут исследованы мастерские кузнецов, ювелиров, гончаров. Феномен Пастырского городища объясняется исследователями по-разному. О.М. Приходнюк, монографически издавший материалы раскопок, предполагает, что обитателями городища были потомки славян, колонизировавших в VI–VII в. Нижнее Подунавье и северо-восточную часть Балканского полуострова. С приходом туда болгар в 680 г. часть славян была вынуждена вернуться на свои исходные земли, основав Пастырское городище. Именно этим объясняется сравнительно высокий для Поднепровья уровень производства, наличие близких аналогий

в формах украшений, орудий и оружия, а также в гончарной керамике (Приходнюк, 2005).

В течение VIII–IX вв. в экономике и общественных отношениях восточнославянских племен наблюдался значительный прогресс, чему способствовали активные контакты с Подунавьем, кочевыми и полукочевыми группировками Северного Причерноморья и Подонья. Так закладывался социально-экономический фундамент Киевской Руси.

Таким образом, формирование и догосударственное развитие славянской общности на протяжении свыше тысячи лет испытало несколько мощных западных импульсов. Первый из них, охватывающий первые века до нашей эры, связан с мощным влиянием латенской цивилизации, распространившейся также в германской и гето-фракийской среде. Первая половина 1-го тыс. н.э. прошла в условиях взаимодействия с германскими племенами и римской цивилизацией. События эпохи великого переселения народов привели в конечном счете к выходу славян на страницы письменной истории в 512 г. И наконец, после широкого расселения славян на просторах Европы, на рубеже VII–VIII вв. произошло возвращение части славянского населения из Подунавья в Восточную Европу, обогатившее местную экономику и культуру традициями византийской цивилизации.

Глава 3

ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Истории той или иной локальной цивилизации всегда предшествует предыстория, которая обнаруживает ее корни и предпосылки. Восточнославянская цивилизация начала формироваться не на белом листе цивилизационного развития. Ей предшествовали и в ее наследственном гено типе оставили следы археологические культуры неолита, медного и железного веков, Аркаим, скифы, сарматы, греко-римская цивилизация второго поколения. Все это составило культурное наследие, историческую память, освоенную восточными славянами при их переселении в степь и лесные края восточной окраины Европы.

3.1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ НЕОЛИТА, БРОНЗОВОГО И ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ

Ритмы цивилизационной динамики северной части евразийского континента представлены на *табл. 3.1*.

3.1.1. Неолит

Изучение истории цивилизационного прогресса в северной части огромного евразийского континента можно начинать с 5-го тыс. до н.э. — здесь первые поселения людей появились на три тысячелетия позднее, чем на Ближнем Востоке и севере Африки, где были заложены основы первого исторического суперцикла. Такое запоздание объясняется прежде всего особенностями климата Северной Евразии, что отмечал Г.В. Вернадский: «Гигантский ледник простирался от Скандинавии на юг и юго-восток, покрывая целиком Северную и Центральную Россию. Во время наиболее широкого распространения ледника его южный край достигал линии, которая может быть проведена от Карпат до Киева на Днепре и оттуда до Орла; от Орла он шел изгибом до Воронежа и вверх на Восток к Волге, затем вверх по Волге и устью Камы и далее через северную часть Уральских гор к истокам Оби в Сибири... Даже после того, как ледник в конце концов начал отступать на север, его следы еще долго были заметны по всей стране... Климат областей, недавно освобожденных от ледяного покрытия, был холодным, как климат теперешних субполярных районов; подобные

природные условия были благоприятны для распространения мамонтов... Человек в течение ледникового периода мог жить только на юге» (Вернадский, 2004, с. 35, 36).

И действительно, лишь в южной части нынешней территории России, Украины, Закавказья и Центральной Азии сложились условия, благоприятные для распространения примерно с 5-го тыс. до н.э. неолитических культур, с 3-го тыс. до н.э. — культур бронзового, а с VII в. до н.э. — железного века. «Хронологически распространение неолитической культуры по территории России относится к концу 4-го или началу 3-го тыс. до н.э. Новые формы родовой социальной организации появились в неолитический период, равно как и новые направления человеческой экономической деятельности — земледелие и скотоводство. Духовная жизнь также приобрела иные выражения... Люди должны были уже обладать определенной системой религиозных верований» (Вернадский, 2004, с. 39). В Северном Причерноморье и на Северном Кавказе этот процесс начался раньше.

Таблица 3.1. Ритмы цивилизационной динамики на севере Евразии

Цивилизации, период	Цивилизационная динамика	Контакты с цивилизациями
Неолит 5–4-е тыс. до н.э.	Трипольская культура на Украине, культура воронковидных кубков, культуры Северного Кавказа	Центральная Европа
Энеолит и бронзовый век 2-е – начало 1-го тыс. до н.э.	Майкопская, триалетская, кобанская, андроновская, фатьяновская культуры, аркаимские на Южном Урале, трипольская культура на Украине	Цивилизации Двуречья, Китая
Железный век VII в. до н.э. – VI в. н.э.	Приднепровье, Поволжье, Северный Кавказ, Юг Урала. Дьяковская, городецкая, ананьинская культуры. Форпосты греко-римской цивилизации в Северном Причерноморье, Боспорское царство. Скифская протоцивилизация	Греко-римская, персидская, китайская цивилизации

Отступление ледников на север и быстрое истребление стад крупных животных вынудило охотничьи общины постепенно перейти к скотоводству и земледелию. Затем было освоено гончарное ремесло, прядение и ткачество, изготовление соответствующих орудий труда. Появились первые постоянные земледельческие поселения (майкопская культура), начался переход к территориальной общине. Это стало основой общественного разделения труда, натурального межобщинного обмена, социальной дифференциации. Очаги неолитических культур были разбросаны на огромной территории. Важными источниками средств существования по-прежнему оставались для людей охота, рыболовство, бортничество, собирательство. Суровые зимы давали толчок развитию строительства домов из теплосберегающих материалов (камня, дерева).

В 4–3-м тыс. до н.э. на территории Правобережной Украины (Прикарпатье, Среднее Приднепровье) и Румынии получила распространение трипольская культура эпохи энеолита. Развивались земледелие и скотоводство, строились укрепленные городища, осваивалась техника обработки меди. Для трипольской культуры характерны поселения от нескольких десятков до нескольких сотен домов, расположенных концентрическими кругами вокруг центра городища. Так, например, поселение в Доброводах (Украина) занимало площадь около 250 га, дома были расположены 9–10 кругами, население могло составлять от 10 до 20 тыс. человек.

3.1.2. Бронзовый век

В 3–2-м тыс. до н.э. происходил постепенный переход к бронзовому веку (прежде всего на Северном Кавказе, в Прикарпатье, Причерноморье). Люди осваивали выплавку металлов и изготовление из них орудий труда, оружия, украшений, расширилась сеть поселений и увеличились их размеры, регулярный характер приобрел обмен между земледельческими и скотоводческими племенами, а также общинами, освоившими металлургию (кобанская, фатьяновская, андроновская культуры). Общинная собственность сочеталась с частным хозяйством больших патриархальных семей.

Общины объединялись в племена; родовая знать, опираясь на вооруженные отряды, прибирала к рукам значительную часть богатств. Создавались союзы племен — зародыши будущих государств. Центры мировой цивилизации бронзового века возникли в Прикарпатье, на Северном Кавказе, Южном Урале. Однако у этих культур в отличие от раннеклассовых цивилизаций Ближнего Востока и Северной Африки не было условий для строительства мощных систем орошаемого земледелия, а следовательно, и для концентрации населения в долинах крупных рек. Сильные государства не сложились, отсутствовало рабовладение, которое в большей мере было присуще культурам Средиземномо-

Дольмен в долине р. Жане близ Геленджика

рья, Ближнего и Среднего Востока. В середине 50-х гг. XX в. на Юге Урала были открыты исторические памятники цивилизации бронзового века (Аркаим), где располагался очаг развитой материальной культуры. Исследование этих памятников продолжается и в наши дни.

Следует отметить, что уже в период бронзового века Северное Причерноморье, Северный Кавказ, бассейны Днепра, Волги и Камы стали магистралями торгового и культурного обмена цивилизаций первого поколения с народами, находившимися на ранней стадии цивилизационного развития. Пути такого обмена были реки: «Реки служили главными торговыми путями, при этом Волга играла особенно важную роль как связующее звено между северокавказской культурной зоной и верхневолжской и рекой Камой... Регион Днепра был связан с территорией Балкан, с одной стороны, и с Кавказом — с другой. Через Кавказ область Оки — Волги была открыта влиянию культуры Месопотамии. А из региона Волги — Камы купцы должны были проникать в Западную Сибирь и наоборот. Народы Западной Сибири торговали с народами Казахстана, а они в свою очередь нашли дорогу на Кавказ. Так был завершён круг» (Вернадский, 2004, с. 45–47). К этому стоило бы добавить конечные пункты такого обмена между цивилизациями — древние цивилизации Китая, Индии, Средиземноморья.

Культура бронзового века укоренилась на Северном Кавказе в 3-м тыс. до н.э., хотя Майкопский вал, где найдено немало медных, золотых и серебряных изделий, относится к 3-му тыс. до н.э. Начало второй мировой цивилизации на Юге современной России, в районах Северного Кавказа и Причерноморья и на правобережье современной Украины (трипольская культура) можно датировать 3-м тыс. до н.э., но тогда здесь еще не сложились самостоятельные локальные цивилизации.

Несколько особняком в потоке предистории восточнославянской цивилизации стоят открытые в конце XX в. и еще до конца не исследованные памятники Аркаима и других городищ Страны городов на Южном Урале и в прилегающих районах северо-запада Казахстана. Толкованию исторического значения этого памятника и его места в мировой цивилиза-

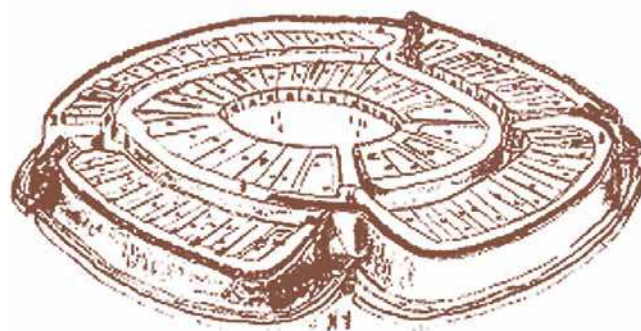

Рисунок 3.1. Аркаим — город-крепость, город-храм, город-обсерватория и город металлургов

ции посвящена книга зам. директора Научного центра гуманитарных исследований «Евразия» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева А.К. Нарымбаевой. Воспользуемся материалами этой книги, чтобы дать свое, во многом предварительное толкование места Аркаима в предистории восточнославянской цивилизации (и тюркской протоцивилизации).

Археологическое изучение Аркаима началось с открытия в 1987 г. этого памятника археологической экспедицией Челябинского государственного университета. Археологические исследования помогли обнаружить в огромном четырехугольнике (его границы: на севере — р. Уй, на юге — г. Джетигора, на западе — р. Урал и на востоке — р. Тобол) более 20 городов и связанных с ними некрополей и поселений. В ученом мире это сенсационное место названо Страной городов, а культуру — аркаимско-синтаистинской (вторая половина 4-го тыс. — 2-е тыс. до н.э.). Аркаимско-синтаистинская культура предшествует андроновской культуре (2–1-е тыс. до н.э.).

Полученные данные позволили археологам осуществить реконструкцию Аркаима в период его расцвета (рис. 3.1). Это был не только город, но и крепость, храм и ремесленно-металлургический центр, насчитывавший 2–3 тыс. жителей, не считая жителей окрестных поселений. Город занимал площадь около 20 тыс. кв. м и был окружен двумя мощными оборонительными стенами: толщина наружных стен с башнями — 4–5 м, высота — 3,5–5 м.

По оценке американского антрополога А. Ричарда, Страна городов была заселена европеоидами, которые не имели характерных мон-

Аэрофотосъемка Аркаима

гольских черт (Нарымбаева, 2004, с. 27). Одним из основных занятий жителей Аркаима было производство и обработка металла. Найдены отлично сохранившиеся литейные формы, наборы кузнечных орудий, изделий из бронзы и керамики, бронзовые топоры, копья, ножи и кинжалы, металлические наконечники стрел, разнообразные женские украшения, предметы быта, орудия труда. Следовательно, речь идет о культуре бронзового века, причем не о ее зарождении (энеолит и ранний бронзовый век), а о периоде зрелости этого века (2-е тыс. до н.э.).

На основе обобщения имеющихся археологических данных А.К. Нарымбаева выдвинула ряд новых и смелых гипотез (оценка авторами монографии отдельных гипотез и выводов А.К. Нарымбаевой дана курсивом в скобках).

1. В Аркаиме — городе-обсерватории — делались более точные астрономические наблюдения и измерения, чем в знаменитом британском Стоунхендже, но раньше на 200 лет (Нарымбаева, 2004, с. 40, 41).

2. В Стране городов имелись высокая социальная дифференциация жителей и значительная социальная иерархия (Нарымбаева, 2004, с. 46).

3. Шумеры ушли в Двуречье с территории Казахстана в конце 4-го тыс. до н.э., имея на-

выки обращения с золотом, серебром, бронзой (Нарымбаева, 2004, с. 51–52); открытие древнейших источников Карганы и отсутствие в Двуречье полиметаллических руд показывает, что между Страной городов и шумерами поддерживались достаточно тесные отношения... «шумеры — степняки, прототюрки... они пришли в Двуречье с урало-казахстанских степей» (Нарымбаева, 2004, с. 57).

4. Саки, скифы и тюрки — потомки аркаимцев и андроновцев; между культурами, существовавшими на территории Великой Степи, существовала преемственность, сакская и тюркская культуры возникли на основе предыдущих культур (Нарымбаева, 2004, с. 116).

5. В Причерноморье, Казахстане, Горном Алтае, Тыве (Нарымбаева, 2004, с. 135, 139) было широко распространено скифское искусство, превосходившее по уровню развития современное ему искусство Архаичной Греции. *(Этот спорный вывод сделан на основе изучения находок богатейших могил Аржан-I и Аржан-II XII–VII вв. до н.э.; в последнем обнаружено около 9300 золотых изделий высокохудожественного мастерства в скифском «зверином стиле» общим весом 20 кг золота.)*

6. «Письменность в Великой Степи возникла в Аркаимский период и в последующем совершенствовалась и распространялась по всему миру вместе с прототюрками, покидавшими степь в разные периоды истории».

7. Найденные в Аркаиме бронзовые изделия, а также открытые в 1999–2000 гг. на холмах Оренбурга мощнейшие и богатейшие бронзовые рудники, где металлурги эпохи бронзы начали добывать руду, позволили сделать вывод о том, что «эпоха бронзы началась в Карганах» (Нарымбаева, 2004, с. 33–34) и что «шумеры в Двуречье в конце 4-го — начале 3-го тыс. до н.э. вобрали в себя уже секреты металлургии» (Нарымбаева, 2004, с. 29, 33). *(Эти достаточно смелые утверждения нуждаются в дополнительных исследованиях и доказательствах. Вряд ли эпоха бронзы имела один географический первоисточник.)*

8. «В эпоху бронзы степняки были поставщиками бронзы, бронзовых изделий всему античному миру, ибо, как утверждает археолог Е. Черных, еще более тысячи лет не будут знать в других

регионах о металле» (Нарымбаева, 2004, с. 35). *(Начало бронзового века датируется 4–3-м тыс. до н.э. в очагах древних цивилизаций — Двуречье, долинах Нила и Инда. Невозможно предположить, чтобы транспорты с бронзой («Великий бронзовый путь») уже в 3-м тыс. до н.э. направлялись из Карганы и Аркаима в эти весьма отдаленные районы.)*

9. Степняки, ушедшие во второй половине 2-го тыс. до н.э. в Индию и Иран, вели полукочевой образ жизни. «Ушедшие из степи племена, прибыв на новые места обитания (в Двуречье, Малую Азию, Индию, Иран), приспосабливались к новым условиям жизни (географическим, природным, этническим, демографическим) на основе своей культуры, продолжали развивать земледельческую и городскую культуру» (Нарымбаева, 2004, с. 176). Эта гипотеза А.К. Нарымбаевой интересна тем, что вводит понятие взаимосвязи в периодических циклических колебаниях оседлого и кочевого образа жизни цивилизации, земледелия и скотоводства *(такие переходы позднее наблюдаются в динамике скифской протоцивилизации и монгольской цивилизации).*

Обобщая полученные в Аркаиме и Стране городов данные, А.К. Нарымбаева делает вывод

об первенствующем значении тюрков в истории мировой цивилизации:

- прототюрки дали миру все то, что связано с градостроительством. Аркаим и десятки других протогородов на Южном Урале и в Казахстане — новые города на евразийском континенте. Эти города древнее египетских пирамид (Нарымбаева, 2004, с. 193) *(необходимо возразить, что если их предельный возраст определяется в 4800 лет, то Иерихон значительно древнее. Кроме того, в Аркаиме, по оценке, жило 2–3 тыс. жителей, а в центре хараппской цивилизации, основанной отнюдь не тюркскими народами, а особой расой, остатки которой сохранились на юге Индостана, — от 40 до 70 тыс. жителей, причем город был построен по единому плану, имел водопровод, канализацию);*

- «... в России после распада Золотой Орды образование Российского государства происходило из трех основных этносов: тюрков, угрофиннов и славян, в котором на начальном этапе власть принадлежала тюркам» *(однако, как мы видели в предыдущей главе, восточнославянская*

Шумерская мозаичная панель 3-го тыс. до н.э., известная под названием «Штандарт Ура»

цивилизация начала складываться почти за тысячелетие до этого времени на базе симбиоза славянских и местных финно-угорских племен. Владычество Золотой Орды оставило заметный след в истоках евразийской цивилизации, но вряд ли оно было определяющим);

- прототюрки еще в 4-м тыс. до н.э. первыми в мире приручили коня, раскрыли секреты получения бронзы, изобрели колесо и колесницы, совершили экономический взрыв, техническую революцию, обеспечили с помощью бронзового оружия военное преимущество на тысячелетие, ибо в других регионах еще 1000 лет не будут знать секретов получения бронзы (Нарымбаева, 2004, с. 194) *(переход к бронзовому веку действительно сопровождался технической и экономической революцией, многократно поднявшей производительность труда и сделавшей возможным возникновение государств и локальных цивилизаций. Но эта революция произошла примерно одновременно в долинах Инда, Тигра и Евфрата и Нила, и вряд ли Аркаим при всех своих успехах имел здесь первенство);*

- гунны, потомки прототюрков «огнем и мечом покорили Европу, причем несли с собою

свою высокую культуру и внедряли свою религию» (Нарымбаева, 2004, с. 210). И дальше: «Сегодняшние цивилизованные народы — англичане, французы, германцы, славяне — в то время томились под рабским игом Римской империи и находились на уровне первобытно-общинного строя» (Нарымбаева А.К., 2004, с. 211) *(гунны под предводительством Атиллы действительно разрушили центры цивилизации и высокой античной культуры в Северном Причерноморье (Боспорское царство), в Восточной и значительной части Западной Европы. Что же касается британицев, французов, германцев, славян, то они находились не на стадии первобытно-общинного строя, а у них складывались довольно сильные государства, временами противостоявшие Риму).*

Общий вывод А.К. Нарымбаевой: «На евразийском континенте цивилизация началась в Стране городов и Аркаиме, и создавали ее прототюрки. Тюркская цивилизация дала толчок развитию и процветанию общечеловеческой культуры. Идеи, открытия тюрков были восприняты и развиты другими народами» (Нарымбаева, 2004, с. 233). *(Идея о «первородине» прототюркской цивилизации весьма сомнительна. Во-первых, еще не доказано, существовала ли со времени Аркаима (с 2800 г. до н.э.) прототюркская цивилизация*

Скульптурная фигурка быка с отверстием в спине.
Майкопская культура. 4-е тыс. до н.э.

или протоцивилизация; археологические находки на Южном Урале и в Северном Казахстане пока еще не дали достаточного археологического материала для такого вывода. Во-вторых, насколько можно судить по современным археологическим данным, древнейшие локальные цивилизации (шумерская, хараппская, древнеегипетская) возникли примерно в одно время — в конце 4-го тыс. до н.э. и были старше Аркаима на несколько столетий. В-третьих, вообще сомнительны положения о единой прародине, языке, от которых пошло все разнообразие человеческой цивилизации. Более убедительным представляется суждение о нескольких центрах зарождения цивилизаций.)

Несмотря на очевидную ошибочность ряда выводов, исследования А.К. Нарымбаевой, как и вся литература о недавно открытых Аркаиме и Стране городов, представляют значительный интерес и ставят перед наукой много вопросов.

3.1.3. Железный век

Начало железного века — третьей мировой цивилизации — на территории нынешних России и Украины относится к первым столетиям 1-го тыс. до н.э. — примерно к тому же периоду, что и в Древней Греции. В Волосово близ Мурома железные изделия начала 1-го тыс. н.э. были обнаружены вместе с бронзовыми, что является свидетельством перехода культуры от бронзового к железному веку.

К VIII–VII вв. до н.э. культуры железного века сформировались в Приднепровье, Поволжье, на Северном Кавказе (дьяковская, городецкая культуры), с середины VII в. — на Юге Урала, на Алтае, в Западной Сибири.

Каковы принципиальные особенности периода железного века на севере Евразии?

Во-первых, цивилизационный ареал значительно расширился на север, в степные и лесные районы, поскольку там люди получили больше возможностей для изготовления и использования прочных и эффективных железных орудий. Это позволило вовлечь в цивилизационный процесс новые обширные регионы.

Во-вторых, сформировались протоцивилизации (зачатки локальных цивилизаций) и протогосударства (вождистские государства, или чифдомы).

Киммерийцы в период своего высшего могущества контролировали Северное Причерноморье от Днепра до Керченского пролива, господствовали в Крыму, Приазовье и на Кубани, проникали в Закавказье, а в VIII в. до н.э. атаковали царство Урарту. Однако нет оснований для того, чтобы утверждать, что они составляли полноценную локальную цивилизацию. Ее формирование было прервано волной скифского переселения с востока. Одна часть киммерийцев осела в Крыму и смешалась с местным населением, другая направилась на Запад и была разбита скифами на Днепре.

Больше оснований говорить о формировании локальной скифской протоцивилизации. «В течение первой части VII в. до н.э. скифы сломали сопротивление киммерийцев и распространили свое владычество от Волги до Днепра. В конце столетия скифское государство приняло определенные очертания. Их царство было одной из кочевых империй, которые сменяли друг друга в евразийских степях. Скифская империя не являлась централизованным государством. Авторитет царя главной орды признавали предводители более мелких орд, но царь не был абсолютным правителем. Скифское государство было скорее конфедерацией сильных кочевых родов. Скифская империя социологически может быть описана как власть кочевой орды над соседними земледельческими племенами» (Вернадский, 2004, с. 72–73). В.И. Гуляев пишет о скифской цивилизации от Дона до Дуная (Гуляев, 2005, с. 380).

Насчет империи, пожалуй, слишком сильно сказано, хотя ареал распространения скифской протоцивилизации был значительно шире, чем отмечал Г.В. Вернадский: памятники скифской культуры обнаружены не только в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, но и на Южном Урале, на Алтае, в Средней Азии и даже на границе Северного Китая. В последней трети VII в. до н.э. скифы завоевали Мидию, Сирию, Палестину, Малую Азию, но в начале VI в. до н.э. были вытеснены с этих территорий. В 512 г. до н.э. поход персидского царя Дария I против скифов окончился неудачей. На рубеже V–IV вв. до н.э. скифский царь Атей объединил под своей властью земли от Дуная до Азовского моря.

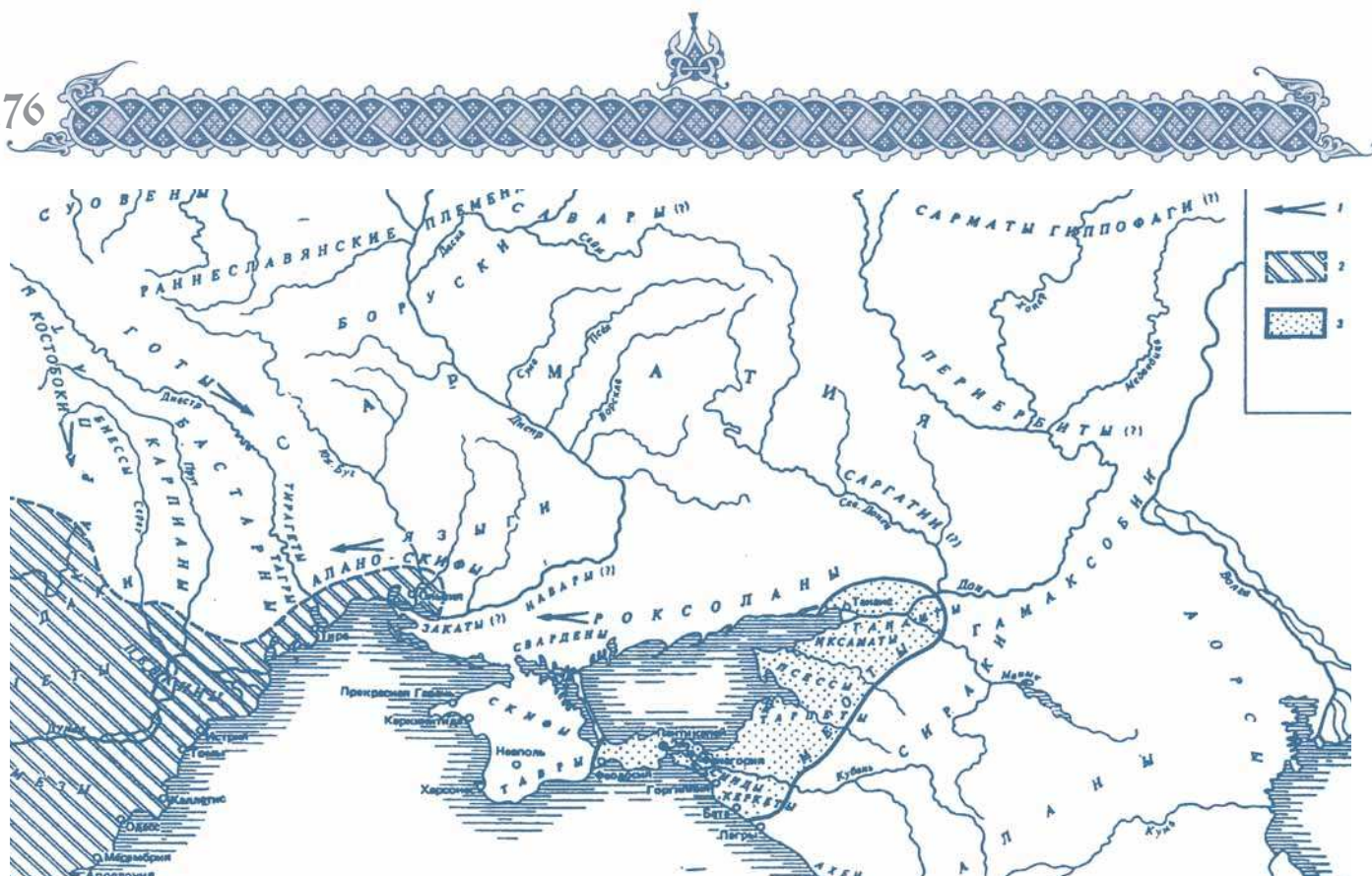

Рисунок 3.2. Боспорское царство

Источник: Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь — М.: ЛЕАН — Аграф, 2004

В конце III в. до н.э. столица скифов была перенесена в Крым (Неаполь Скифский, на окраине нынешнего Симферополя). Во второй половине III в. н.э. скифское государство пало под ударами готов. Скифы были преимущественно скотоводами, но занимались также и земледелием. Они установили тесные контакты с греческими колониями — Ольвией, Пантикапеем, Херсонесом, образовали ряд воинственных протогосударств, неоднократно вступавших в схватки с Ассирией, Персией. Социальный и этнический состав скифской протоцивилизации был весьма пестрым. Греческий историк Геродот, побывавший в этих краях в V в. до н.э., писал о том, что здесь живут царские скифы — кочевники, скифы-земледельцы, а также воинственные тавры.

Г.В. Вернадский высоко оценивает скифскую протоцивилизацию: «Скифское владычество обеспечило мир для Западной Евразии в течение трех столетий. Скифский мир имел колоссальное значение в поддержании торговли и благосостояния не только самих скифов, но также и других племен, контролируемых ими» (Вернадский, 2004, с. 75).

В-третьих, в железном веке территория современных России и Украины стала пространством интенсивного взаимодействия и симбиоза

за локальных цивилизаций второго поколения (прежде всего греко-римской цивилизации) с протоцивилизациями и доцивилизационными обществами Северного Причерноморья и кочевыми народами, приходившими сюда с Востока и Северо-Запада. Уже с VII в. до н.э., в период Великой греческой колонизации, колонии греческих государств-полисов (особенно ионийского Милета) распространились по северному побережью Черного моря — это Тира в устье Днестра, Ольвия в устье Южного Буга, Танаис в устье Дона; Керкинитида (нынешняя Евпатория), Херсонес, Пантикапей (современная Керчь), Феодосия в Крыму; Горкиппия (близ Анапы), Фанагория и Гермонасса на Таманском полуострове и многие другие города. «Некоторые из греческих городов скифского периода были полноценно развитыми сообществами, в которых процветала не только торговля, но и искусство и ремесла; сельское же хозяйство достигло высокого уровня в соседних районах. Так греческие города этого периода стали важными культурными центрами.

Кроме того, они были тесно связаны с собственными городами Греции, равно как и малоазийскими, оставаясь частью целостного эллинского мира. Они, следовательно, служили мостом между греческим миром и скифами... С исторической точки зрения Боспорское царство на Керченском проливе, которое просуществовало от VI века

до н.э. по VI век н.э., было предшественником русского владычества в Тмутаракани с IX по XI столетие н.э.» (Вернадский, 2004, с. 76–77) (рис. 3.2).

Формирование пространства взаимодействия античного мира с народами Причерноморья не стоит представлять как цивилизаторскую миссию греков среди варваров. В исторической науке распространено мнение, что к моменту колонизации местное население находилось в состоянии первобытно-общинного строя, на доцивилизационной стадии развития. В некоторых трудах по истории Древнего мира выдвигается мысль, что племена Северного Причерноморья по уровню своего развития не были способны создать государственное образование, подобное эллинистическим державам того времени. Эти положения не отвечают современным знаниям о процессе формирования цивилизаций в этом регионе, что подтвердила организованная в июле 2005 г. авторами данной монографии научно-цивилизационная экспедиция в Северное Причерноморье.

Интересные данные о развитии скифской протоцивилизации и ее контактах с античным миром получены при раскопках Матронинского городища скифской эпохи на Правобережной Украине (Археология УССР. 1986).

Крепость, существовавшая в VI–IV вв. до н.э., была окружена тремя рядами валов высотой 15–20 м общей протяженностью около 8 км и рвом шириной до 13 м и глубиной до 6 м. Расчеты показали, что для выполнения такого объема строительных работ (с учетом уровня развития техники того периода) потребовались бы усилия такого количества работников, которое многократно превышало возможную численность населения близлежащих районов. Отсюда можно сделать вывод, что здесь находилась столица крупного государственного образования, для обустройства которой привлекались жители других регионов. На водоразделе Южного Буга и Днепра (который в ту эпоху имел иное русло) обнаружена целая сеть городищ-крепостей, найдено большое число греческих амфор и других античных изделий. Следовательно, можно предположить, что основной торговой артерией этих древних земель служил в то время не Днепр, а значительно более удобный для плавания Южный Буг, по-гречески — Гипанис. Торговля шла через крупную греческую колонию

Ольвию, расположенную в его устье. Главными статьями скифского экспорта были кожа, меха, рыба, мед, рабы и т.д.

3.1.4. Греко-римская колонизация Северного Причерноморья

Вторым актом цивилизационного действия в южной части Восточноевропейской равнины стала основанная с VII в. до н.э. сеть греческих городов-полисов в Северном Причерноморье. Через них античная греко-римская цивилизация осуществляла взаимодействие с племенами, народами и протоцивилизациями в период, предшествующий заселению этого региона славянами. Можно выделить две волны этого взаимодействия.

Первая волна относится к VII–IV вв. до н.э., когда поток переселенцев из Древней Греции, которая в тот период являлась лидером цивилизационного процесса в Средиземноморье,

Базилика Херсонеса

устремился на побережье Черного и Азовского морей. Колонисты быстро освоились на этих благодатных землях и основали множество городов-полисов — в устьях Днестра и Южного Буга, на Крымском и Таманском полуостровах, на Северо-Восточном побережье Черного моря. Греки принесли с собой на эти земли все самые современные на тот момент технологии, одну из самых совершенных систем политического устройства — полисную демократию, обогатили местные племена элементами своей уникальной культуры, передали им часть собственных цивилизационных ценностей. Греки находились в постоянном взаимодействии с народами, населявшими Северное Причерноморье: «В IX столетии до нашей эры в Крыму начался железный век, в раннюю пору которого на полуострове обитали киммерийцы, вытесненные вскоре скифами и таврами... Период с IX в. по первую половину VII в. до н.э. часто называют киммерийским» (История Древнего мира. 1989, с. 34).

Киммерийцы представляли собой союз племен, в котором к тому времени уже выделилась военная аристократия; историки называют подобное образование вождистским государством, или чифдомом. Киммерийцы населяли Северное Причерноморье в VIII–VII вв. до н.э., а затем были вытеснены с этих мест скифами, о чем сообщает в своей «Истории» Геродот. О том, что киммерийцы некогда были хозяевами этих мест, свидетельствуют данные топонимики (Боспор Киммерийский — древнее название Керченского пролива).

Тавры, в IX–V вв. до н.э. населявшие значительную часть Крыма (особенно горного) и давшие полуострову название Таврия, или Таврида, находились, вероятно, на более ранней стадии развития, чем киммерийцы и скифы. Позднее племена тавров были ассимилированы теми же скифами. Столкновения с воинственными таврами доставляли немало неприятностей как грекам, так и римлянам.

Однако более тесные и долгосрочные взаимосвязи установились у греческих поселенцев со скифами, в VII–II вв. до н.э. населявшими степи Северного Причерноморья. Сюда они переселились, согласно Геродоту, из Малой Азии. Скифы прошли определенные стадии цивилизационного и государственного развития, что дает

повод говорить о существовании скифской protoцивилизации, вступающей в непосредственные экономические и политические контакты с греческими колониями на Черном море.

Результатом культурного взаимодействия стало появление особого художественного стиля, который получил в науке название греко-скифского искусства. Известный исследователь В.Д. Блаватский понимал под ним «то художественное творчество, которое являлось результатом контактов греков и местных племен Северного Причерноморья. Результаты этого контакта на протяжении многих веков были весьма разнообразны и существенным образом отразились на обеих сторонах» (Блаватский, 1961, с. 133). Позднее, когда скифов вытеснили из этих мест сарматы и другие кочевые племена, подобные связи были почти полностью разрушены, но традиции контактов культур сохранялись: «Период I в. до н.э. — IV в. н.э. в истории Северного Причерноморья не может быть назван греко-скифским, ибо скифы уже не играли существенной роли. Однако в художественной культуре Северного Понта наблюдается дальнейшее развитие и усиление тех традиций, которые там формировались на протяжении ряда столетий симбиоза греков с местными ираноязычными племенами. Прежде этот симбиоз приводил к тому, что в классические формы искусства нередко вкладывалось иное содержание, в известной мере продиктованное местной средой; теперь эти изменения, став более разнохарактерными, налагали печать и на содержание, и на художественные формы» (Блаватский, 1961, с. 155). Материальные свидетельства взаимодействия народов, населявших Северное Причерноморье в ту эпоху, сохранились в музеях России и Украины. В экспозициях представлены десятки и сотни различных произведений искусства и предметов быта, как привезенных греческими колонистами с исторической родины, так и изготовленных местными мастерами: «На Боспоре был создан ряд совершенно самостоятельных художественных ценностей, которые вошли в общую сокровищницу мирового искусства.

Эти произведения отличаются значительным своеобразием, обусловленным тесным контактом боспорских греков с северо-восточной ветвью иранского мира» (Блаватский, 1961, с. 163).

Взаимоотношения Скифии с греческими городами-колониями, с Боспорским царством, Херсонесом, Ольвией, Тирой были неоднозначными. Чаще всего они реализовывались в форме торгового и культурного обмена, а также военно-политических союзов.

Ярким примером может служить Боспорское царство (образовавшееся в 480 г. до н.э.), которое объединяло, с одной стороны, ряд греческих колоний-полисов Восточного Крыма, Таманского полуострова и Нижнего Придонья (Пантикапей, Феодосия, Фанагория, Гермонесса, Горгиппия и др.), а с другой — скифские поселения и даже города. Здесь сочетались черты традиционной для материковой Греции полисной демократии (распространявшейся только на граждан) и монархического управления скифскими анклавами: «Теперь Боспорское государство стало качественно иным: не греческим, а греко-варварским, в котором по отношению к эллинам правители называли себя архонтами, а по отношению к местным племенам — царями. Покоренные народы платили династам

дань, поставляли воинов. Но во главе племен оставались местные вожди. В новом этнически разнообразном государстве верхушку общества образовала сложившаяся эллинская и синдо-меото-скифская аристократия; правители содействовали этому слиянию и сами охотно заключали браки с представителями местной верхушки... Материалы разнообразных источников свидетельствуют о полиэтническом составе городского населения, однако греки по-прежнему составляли большинство, особенно среди его зажиточных торгово-ремесленных слоев. Негреческое же земледельческое население преобладало на территории сельскохозяйственной хоры» (Зубарь, Русяева, 2004, с. 510).

Экономика Боспорского царства и греческих городов базировалась на земледелии, ремесле, строительстве и внешней торговле. Плодородные земли давали высокий урожай, что позволяло, например, в IV в. до н.э. ежегодно вывозить в Грецию до 32–48 тыс. т зерна. В речах афинского оратора Демосфена мы находим слова о том, что Афины ежегодно получали с Боспора 15–17 тыс. т хлеба, поставляя взамен вооружение, ремесленные изделия, предметы искусства. Следует также отметить, что рабский труд

Золотая бляха в виде оленя. Курган у ст. Костромская. Северный Кавказ. VII—VI вв. до н.э.

Мраморная статуя Артемиды. Херсонес. Конец IV в. до н.э.

не был основой экономики ни Боспорского царства, ни греческих колоний, ни поселений скифов. Хотя рабство имело место, но оно носило скорее вспомогательный характер. Главным источником богатств был труд свободных или зависимых земледельцев, ремесленников, торговцев. О широте внешних связей Боспора можно судить по импорту товаров в Танаис из десятков городов Средиземноморья.

Следовательно, есть основания говорить о том, что в V–VI в. до н.э. в крымской части Боспорского царства образовалась своеобразная скифская протоцивилизация. Однако этот процесс был грубо прерван вторжением с Востока сарматов и других кочевых народов. «О катастрофе, постигшей и скифов, и греков в 70–60-е гг. III в. до н.э., можно судить по материалам скиф-

ских поселений Северо-Западного Крыма. Жизнь внезапно прекратилась на сотнях поселений, на некоторых из них обнаружены следы пожаров и останки погибших людей. Картина полного разгрома удручающая: видимо, пришедшие из-за Дона сарматские племена в течение одного или нескольких походов полностью покончили со скифами, не пощадив и греческих владений. Уцелели лишь греческие города, защищенные мощными каменными стенами» (Зубарь, Русяева, 2004, с. 43).

В фундаментальном труде Института археологии НАН Украины «Древняя история Украины» отмечено, что Северное Причерноморье превратилось в своеобразную контактную зону между культурами, находившимися на разных уровнях социально-экономического развития: «Тесные контакты греков с местным населением, с одной стороны, и со многими городами Эллады, а позднее Римской империи — с другой, сказались на многих сферах их жизни. Северное Причерноморье превратилось в своеобразную контактную зону, в которой взаимодействовало три разных по своему политическому и культурному развитию мира (номады, эллины и земледельческие племена). Все вместе они сыграли чрезвычайно большую роль в непрерывном снабжении Афин и многих других полисов Греции, особенно в V–IV вв. до н.э., продуктами питания, прежде всего зерном, что в значительной мере стимулировало их экономический и культурный прогресс. Северочерноморские города содействовали ускорению социального развития этнических объединений на территории Украины, становлению в них... государственности» (Давня історія України. Т. 2, с. 6). Такое же содействие оказывали античные полисы, основанные в Приазовье, ускорению цивилизационного развития юга России. Именно в этом регионе впервые на территории нынешних Украины и России возникли первые государства, характерные для локальных цивилизаций второго поколения: «В процессе колонизации этого региона в VI–V вв. до н.э. возникли четыре главных античных государства (Боспорское царство, Херсонес Таврический, Ольвия, Тира) с характерными для каждого из них особенностями политического, социально-экономического развития» (Давня історія України. Т. 2, с. 197).

3.2. ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ОСОБЕННОСТИ И «СКРЕПЫ»)

3.2.1. Великое славянское переселение

Главным истоком восточнославянской цивилизации стало Великое переселение славянских племен из Центральной Европы (пражско-корчаковская и пражско-пеньковская археологические культуры) на Восток и Северо-Восток, в районы Приднестровья, Западной Двины, Оки, Ильменя, Верхней Волги. Представление о расселении славянских племен в Восточной Европе дает табл. 3.2. В таблице не указаны ильменские славяне, поскольку освоение этого региона началось в VIII в.

По мере удаления славянских племен на Восток и Северо-Восток и сближения с проживавшими там в течение столетий финно-угорскими племенами нарастали различия между союзами племен, занимавшими разные территории, происходила дифференциация прежде единого этноса славян на различные, хотя и родственные по происхождению, языку, культуре, верованиям этносы. В начале VII в. в Европе произошло разобщение славян. Их стали разделять конфессиональные особенности, своеобразие языковых диалектов, различные пути исторического развития и отдельные союзы. Лишь в IX–X вв. верх стала брать противоположная,

интеграционная тенденция, которая привела к формированию Древнерусского государства, но уже отделенного историческими границами от государств западных и южных славян, которые в долгосрочной перспективе составили основу восточноевропейской цивилизации.

Вторая волна славянской колонизации происходила в VIII–X вв. и привела к формированию ряда княжеств (в основном по речным системам) в Северо-Западной, Центральной и Южной Руси в рамках единого Киевско-Новгородского государства.

Третья волна славянской колонизации в XIII–XIV вв. из Великого Новгорода и Понизовья охватила огромные просторы Русского Севера и завершилась формированием Московского царства, объединившего все восточнославянские земли в единую цивилизацию с единой государственностью.

Четвертая волна колонизации, выходящая за рамки исследуемого нами периода (VI–XV вв.), охватила период XVI–XVIII вв. и привела к включению в состав Московского царства, а затем Российской империи Сибири, Дальнего Востока, Центральной Азии, Закавказья. Так сформировалась обширная евразийская цивилизация.

Возвращаясь к истокам этого длительного процесса территориальной экспансии славян, необходимо выяснить, чем была вызвана первая и вторая волны колонизации.

Известен период Великой греческой колонизации VIII–VI вв. до н.э. Десятки тысяч жителей греческих городов караванами судов устремились в Западное, Южнее и Северное Средиземноморье, Причерноморье, а затем Приазовье,

Таблица 3.2. Союзы славян Восточной Европы V–VII вв.

Источник: Гудзь-Марков А.Г. Домонгольская Русь в летописных сводах V–XIII вв. М.: Вече, 2005. С. 11

Культура пражско-корчаковская		
Волыняне	Реки Стирь, Горынь	Славянские союзы, имеющие тесные связи с хорватами, волынянами и полянами центра Европы. Носители восточного крыла пражско-корчаковской культуры V–VII вв.
Хорваты	Верховья Днестра и Прута	
Поляне	Средний Днепр	
Дулебы	Верховья Западного и Южного Буга	
Дреговичи	Бассейн р. Припять	
Культура пражско-пеньковская		
Северяне	Левобережье Среднего Днепра	Славянские союзы юга Восточной Европы, создатели пражско-пеньковской культуры V–VII вв. Их предки в I–VI вв. именовались антами. Объединения антов нередко противопоставлялись славянам центра Европы. Все авторы, включая Иордана, подчеркивали, что славяне, анты и венеты суть единый народ
Бужане, дулебы	Верховья Южного Буга	
Тиверцы	Средний Днестр	
Уличи	Правобережье Нижнего Днепра	

основывая там новые государства и колонии, перенося туда свои цивилизационные характерные черты и особенности и вступая в разнообразные контакты с местными племенами, с протоцивилизациями, а затем и цивилизациями. Это переселение шло организовано, ему предшествовали морская разведка, поиск наиболее подходящих мест на побережье. Пример Милета, выходцы которого основали более 70 городов-полисов, показывает, что это были не странствия в неведомые края, а сознательная, организованная цивилизационная экспансия. Нам неизвестны случаи, когда греки, поселившись в одном месте, потом бросали его и уходили в поисках «земли обетованной», подобно евреям (бегство из Египта).

В отличие от греческой колонизации славянская цивилизация охватывала не сотни, а десятки и сотни тысяч людей, которые отнюдь не привыкли к дальним странствиям. Они шли не привычными морскими путями, а через реки, болота, леса, местности, заселенные, хотя и не плотно, другими племенами, которые отнюдь не всегда встречали пришельцев хлебом-солью. Славянская миграция означала разрыв с оставленными местностями. Она в течение столетий охватывала все новые территории, была переселением племен на новые территории всерьез и надолго.

Что же толкало славянские племена сниматься с привычных, освоенных земель и устремляться в неведомые, во многом иные по природно-экологическим условиям края? Отнюдь не агрессивная погоня за наживой (приходилось выживать, а не обогащаться) и не «охота к перемене мест». Для такого переселения были веские причины и основания — прежде всего демографические, экологические, геополитические.

Демографические причины состояли в том, что увеличивавшуюся численность населения в сравнительно благоприятных природно-климатических условиях Центральной Европы уже невозможно было прокормить. Основными занятиями славянских племен были земледелие и скотоводство, дополнявшиеся охотой и рыболовством. Пашенных земель и выгонов скота для численно выросшего населения не хватало, плодородные земли истощались, крупные животные в лесах попадались все реже. Основной инстинкт — продолжение рода — толкал пле-

менных вождей и старейшин к поиску новых естественных источников существования. Западные земли к тому времени были густо заселены. Оставался один путь — на малонаселенный Восток, богатый природными ресурсами.

Демографический фактор был усилен природно-экологическим фактором, который, возможно, сыграл ключевую роль. В.В. Седов отмечает, что первые четыре века 1-го тыс. н.э. были весьма благоприятными для сельскохозяйственного производства в Европе (Седов, 2005, с. 354–356). Однако в V в. произошло резкое похолодание (наиболее сильное за два тысячелетия) и повышение влажности. Уровень Балтийского моря, рек, озер, грунтовых вод поднялся, увеличилась площадь болот, часть ранее плодородных земель стала непригодной для земледелия. Это побудило славян покинуть давно освоенные земли и могилы предков и уйти в малоосвоенные районы Востока, Северо-Востока, Юга. С VI в. климатические условия изменились в лучшую сторону: влажность уменьшилась, уровень Балтийского моря и озер стал понижаться, освобождая пойменные земли для земледелия. По данным археологов, прорыв озера Ильмень к Ладожскому озеру через Волхов, а Ладожского озера к Балтийскому морю через Неву высвободил значительные площади плодородных земель.

Третья причина — геополитическая. По Южной Европе прошла волна гуннских завоеваний. Местные государства и народы терпели поражения и вытеснялись на север, в Центральную Европу. Усиливалось давление на славян, франков, германцев, которые и без того нуждались в освоении новых земель. В центр Европы устремились венгры, занявшие значительную часть пригодных земель. Перед славянскими племенами стал нелегкий выбор: либо подчиниться новым хозяевам, либо сохранить самостоятельность и уйти на Восток и Юг в поисках сравнительно свободных и плодородных для привычного уклада жизни земель. Большинство славянских племен выбрало второй путь, хотя выбор этот и освоение новых земель на Востоке растянулся на века. «Нашествие гуннов и ряд других исторических обстоятельств, — пишет В.В. Седов, — ...разрушили культуры, в составе которых были славяне, и привели в движение народы. Началась великая славянская миграция» (Седов, 2005, с. 202).

3.2.2. Особенности восточнославянской цивилизации

Такой путь формирования восточнославянской цивилизации во многом предопределил ее особенности — природно-экологические, демографические, технологические, экономические, социально-политические и социокультурные.

Рассмотрим эти особенности.

1. Природно-экологические условия

Переселившиеся на Восток славянские племена получили в свое пользование более трудные по климатическим условиям (длительные и суровые зимы, бурные весенние разливы рек, жаркое лето), но благоприятные по природным богатствам земли. «Реки, леса, луга в те времена были девственно чисты. Вода в протоках была холодна и прозрачна. Водоемы полны рыбой, под сенью леса скрывалось множество диких животных. Под кронами пятидесятиметровых елей и сосен скрывалось много пушного зверя. Славяне в течение тысячелетий занимались домашним скотоводством, держали домашнюю птицу, сажали огород, разводили пчел. Возможности, предоставленные Русской равниной, славяне воспринимали с благоговением. При этом они боготворили природу, стремясь уклад жизни и хозяйства органично и без ущерба для земли вписать в завораживающую божественной красотой рамку зелени лесов, лугов и в синеву всегда прохладной и чистой воды» (Гудзь-Марков, 2005, с. 15–16).

Конечно, не все было столь идеально, и хозяйствование наносило ущерб окружающей среде, хотя и в малых, локальных масштабах. Но общий баланс был в пользу переселившихся в эти края славянских племен, которые получили более благоприятные природно-климатические условия для воспроизводства и развития. Трудности межплеменных связей в связи с обширностью территорий смягчались обилием речных путей.

2. Демографический фактор. Условия для демографического развития формировавшейся восточнославянской цивилизации также были весьма благоприятными. Выросшее численно население смогло разместиться на новых землях, военные стычки с гибелью людей первоначально были редкими. Можно полагать (хотя для этого нет достаточных археологических

Смешанный лес средней полосы России

Страны мира	1000 г.		1500 г.		Среднегодовой прирост, %
	ВВП на душу населения, долл.	% к миру	ВВП на душу населения, долл.	% к миру	
В среднем по миру	436	100	568	100	0,05
Территория бывшего СССР	400	92	499	88	0,04
Западная Европа	400	92	771	136	0,13
Восточная Европа	400	92	496	99	0,04
Китай	450	103	106	98	0,06
Индия	450	103	550	99	0,04

Таблица 3.3. Сопоставление уровней и темпов экономического развития по цивилизациям Средневековья

Источник: Madison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OBCD, 2003. P. 262

и фактических доказательств), что в первые столетия колонизация сопровождалась демографическим взрывом, который затем ушел в прошлое в связи с ростом плотности населения на освоенных землях, участвовавшими военными столкновениями. В период монгольского нашествия численность населения абсолютно сократилась. Его рост возобновился в XIV–XV вв., но он был уже более умеренным. По оценке А. Медисона, численность населения на территории бывшего СССР с 1000 по 1500 гг. увеличилась с 7 до 17 млн человек; среднегодовые темпы прироста населения составили за этот период 0,17% против 0,10% в среднем по миру, 0,16% по Западной Европе, 0,11% по Китаю и 0,08% по Индии (Madison A., 2003, P. 256, 257).

По мере продвижения славян на новые территории этнический состав населения становился все более пестрым. Усилились этнические различия между славянскими племенами степей Причерноморья, лесостепной зоны и лесных краев. Вступая в тесные взаимосвязи с проживавшими здесь финно-угорскими племенами, заключая смешанные браки, славяне частично перенимали их образ жизни, обычаи, верования, устанавливали с ними прочные экономические и культурные связи. Можно сказать, что восточнославянская цивилизация с самого начала формировалась как смешанная, причем доля иных племен нарастала по мере колонизации восточных земель.

3. Технологии. Славяне принесли с собой на новые земли развитые технологии земледелия, скотоводства, переработки сельхозпродукции, ремесла, строительства, транспорта, отвечавшие

уровню раннесредневековой мировой цивилизации. На новых землях они не растеряли накопленные технологические навыки, но дополнили их новыми: возросла роль охоты, рыболовства, особенно добычи пушных зверей, деревянное строительство. Это сделало используемый технологический способ производства более разнообразным и продуктивным. Развивался речной флот (даже морской, о чем свидетельствуют походы на Константинополь). Можно сказать, что производительные силы восточнославянской цивилизации вполне отвечали уровню развития Средневековья, что обеспечивало необходимый уровень экономической и военной мощи российской державы. Лишь в периоды монгольского нашествия производительным силам цивилизации был нанесен существенный урон, который долго и нелегко преодолевался. Крупные торгово-промышленные центры были разрушены, технологии отброшены на столетия назад.

4. Экономика. Благоприятные природно-экологические и демографические условия обеспечили уровень экономического развития, примерно равный среднемировому, западноевропейскому, китайскому и индийскому (табл. 3.3).

Во второй половине XIII в. экономика России была в значительной мере разрушена и медленно восстанавливалась. Можно предполагать, что в XI — первой половине XIII в. экономика восточнославянской цивилизации росла темпами, существенно превышавшими среднемировые и приближавшимися к высоким темпам роста экономики Западной Европы, которая избежала монгольского нашествия (хотя и там были периоды падения — во время эпидемий чумы, черной оспы).

Каков был характер экономики восточных славян? Широко распространено мнение, что это были сравнительно примитивные экономи-

ческие отношения с преобладанием первобытно-общинного социального строя, незначительной имущественной дифференциацией и слабо развитым рынком. Однако это мнение далеко от истины. Конечно, экономический способ производства восточнославянской цивилизации менялся со временем, но он был адекватен уровню развития экономического строя средневековой мировой цивилизации. На первых порах осваиваемые природные ресурсы были общей собственностью общины, племени, союза племен. Но основные орудия труда, скот, жилища, предметы домашнего хозяйства и быта находились в частной собственности семей; они присваивали и произведенный продукт, деля последний с общиной, племенем и в какой-то мере с союзом племен. Это закреплялось натурально-товарным характером хозяйства. Хотя преобладал натурально-патриархальный уклад, обеспечивавший условия воспроизводства больших крестьянских семей, однако постепенно наращивалась доля семейного, общинного, княжеского дохода, связанного с рынком, торговлей, продажей своих товаров и взиманием пошлин с проходивших по рекам караванов речных судов (торговая и транспортная рента).

Развитию рыночной экономики благоприятствовала густая сеть речных путей, через которые осуществлялась торговля между цивилизациями Востока, Западной Европы и Византии: «В VIII–X вв. на Русской равнине существовала система речных путей, снабженных множеством необходимых мест торговли, складирования и отдыха. Речные пути позволяли перемещать огромные массы товаров из Черного, Каспийского и Средиземного морей в Балтику и в обратном направлении. Речной каркас, зиждившийся на руслах Днепра, Волги, Западной Двины, оказался кровеносной системой, наполнявшей неоглядные просторы востока Европы шумом и гамом континентального рынка. А рынок стал манить на Русскую равнину северных германцев и караваны персидских, арабских и иудейских торговцев. В VIII в. на Руси стали переплетаться интересы Востока и Запада» (Гудзь-Марков, 2005, с. 20).

С XI до середины XIII в. великие речные пути продолжали быть основными источниками богатств, формирования сети торговых ремесленных городов — нервных узлов цивилиза-

Приношение Руси дани разными народами.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

ции. После перерыва во второй половине XIII в., в период господства Золотой Орды, значение великих речных путей в функционировании экономики восточнославянской цивилизации ослабло, но зато оставался Великий пушной путь по северным рекам, дополнявший Великий Волжский путь. После завоеваний Казанского и Астраханского ханств эти пути оказались в рамках одного государства, но интенсивность движения по ним товаров, а значит, и транспортная рента значительно уменьшились.

Следовательно, восточнославянской цивилизации присущи общие черты экономики локальных цивилизаций средневековой эпохи: сочетание в основном натурального сельского хозяйства с развитым ремесленным и торговым рыночным хозяйством, с активным межцивилизационным и внутрицивилизационным товарным обменом.

5. Социально-политический строй. Немалое число российских историков убеждены, что классового расслоения и государства в полном (классическом) смысле слова в Киевской и Новгородской Руси, в княжествах Центральной

Старая Ладога

Руси до XI–XIII вв. не было, и лишь на последних стадиях жизненного цикла восточнославянской цивилизации здесь сформировалось классовое общество (структура которого подробно описана О.В. Ключевским) и полноценное государство.

Представляется, что подобная оценка не отвечает исторической действительности, нормальному ходу цивилизационного прогресса у восточных славян. Уже в период великой миграции славян в их союзах было заложено начало государственности, военной демократии. Власть племенных вождей опиралась на группу приближенных ратников; об этом пишет В.В. Седов, характеризуя общество у антов. В следующей эпохе, в VIII–IX вв., эти начала государственности укреплялись, опирались на сеть славянских городов на берегах рек и на великих торговых путях. А.Н. Кирпичников пишет о государственном значении Ладоги, основание которой отнесено к 853 г.: «Ладога выдвинулась в качестве самого значительного на севере Восточной

Европы международного морского торгового порта. Через Ладогу на рынки стран региона Балтийского моря начиная со второй половины VIII в. хлынул основной поток монетного серебра и устанавливались глобальные экономические связи Востока и Запада. В результате едва ли не впервые в истории раннесредневековой Восточной Европы наладился регулярный и масштабный обмен достижениями и ценностями Запада и Востока. В условиях стремительного экономического подъема целых областей и своей округи Ладога становится центром федерации славянских и финских племен, а затем в 962 г. — первой государственной столицей складывающейся империи Рюриковичей» (Кирпичников, 2002, с. 49–50).

Варяжские дружины не создавали государства среди находившихся на догосударственном уровне славян, а нанимались славянскими протогосударствами для выполнения определенных функций, хотя потом нередко злоупотребляли доверенной им властью.

Важнейшая социально-политическая особенность восточнославянской цивилизации состоит в том, что на протяжении почти всего своего жизненного цикла она строилась на двух типах власти — автократической (монархической) и демократической (республиканской), представляя собой уникальное явление среди цивилизаций третьего поколения.

На первом этапе в племенах и вождистских полугосударствах преобладал типичный для политических образований такого типа строй вечевой демократии: вече избирало вождя, его действия находились под контролем соплеменников, преобладало обычное право.

Однако уже на второй стадии, в VIII–X вв., княжеская власть усилилась и отделилась от народа, опиралась на дружину и круг ближайших семей. Усилилась социальная дифференциация, появилась система налогов в виде дани, собиравшейся князем или его дружиной. Эта система упрочилась в Киевской Руси после принятия христианства (православия) и строилась по образу и подобию Византийской империи, но без императора и с более сильной самостоятельностью удельных князей.

Иная политическая система сохранялась в Новгородской республике, где была отлажена,

существовала и эффективно функционировала система вечевой демократии. Вульгарные представления о вече как о собрании, где подкормленные боярами горожане стремились перекричать друг друга и кто кричал сильнее, тот одерживал победу, — жалкая карикатура на существовавший много столетий демократический строй. В Новгороде, Старой Руссе и других его пригородах это была разумно и эффективно организованная трехступенчатая демократия. Каждая улица имела своего выборного старейшину; их собрание формировало выборную власть пятины (одного из пяти районов Великого Новгорода); вечевое собрание города включало представителей пятин и улиц, а при решении важнейших вопросов — и пригородов и волостей огромной Новгородской республики. Вече выбирало посадника и тысячного, а также архиепископа — главу церковной власти. Именно гражданские службы определяли законы и собирали налоги. Князь со своей дружиной «нанимался» (после грамоты Ярослава Мудрого 1019 г.), подписывал договор, но не имел права жить в городе, иметь собственность и собирать дань; он находился как бы на службе у Великого Новгорода и мог быть уволен за неправильное выполнение своих обязанностей. Строго соблюдался принцип разделения властей — законодательной, исполнительной, судебной, военной и духовной, причем последняя нередко оказывалась важнейшей в разрешении конфликтов. Казна Великого Новгорода хранилась в святой Софии.

Такая организация власти была не случайной, она отвечала характеру преобладавших в республике рыночных отношений, предполагавших демократическое регулирование государственно-политических отношений. И хотя, конечно, это не была современная классическая парламентская демократия, это был, пожалуй, единственный среди цивилизаций третьего поколения (его горизонт — с VI по XV столетие) случай длительного и устойчивого существования демократического государства, во многом напоминавший республики в Венеции, Генуе, в какой-то мере во Флоренции, и в крупных масштабах — в Ганзейском союзе городов, в состав которых входил Великий Новгород.

Поучителен и пример своего рода конфедеративного устройства обширной Новгородской

республики, позволившего согласовывать интересы и удерживать в общих государственных рамках удаленные друг от друга и разнообразные по характеру волости и пригороды.

6. Духовный мир восточнославянской цивилизации отвечает уровню авангардных цивилизаций третьего поколения. Он, конечно, значительно ниже высот в области науки, культуры, образования, которых достигли авангардные цивилизации третьего поколения и в античном мире, а также в Боспорском царстве, Ольвии и других городах-полисах Северного Причерноморья.

Основная особенность цивилизаций третьего поколения — ведущая определяющая роль религии, которая охватывала все сферы духовной жизни, оказывала сильное влияние на политическую жизнь и экономику. В восточнославянской цивилизации эта главная черта особенно сильно проявилась после принятия христианства (православия). Служители церкви и монахи выполняли важнейшие функции в функционировании общества, государства и семьи. Они крестили детей, организовывали их обучение, венчали, хоронили, выступали посредниками в спорах, осуждали нарушения морали, нередко вершили суд. Особенно высока и демократична была церковная власть в Новгородской республике.

Другой особенностью духовного мира восточнославянской цивилизации был высокий уровень грамотности, прежде всего в Новгородской республике. Об этом свидетельствует множество берестяных грамот, найденных на раскопках Великого Новгорода, Старой Руссы, Торжка и других древнерусских городов. Причем грамотой владели не только бояре и купцы, но и простые семьи, особенно семьи ремесленников и торговцев, а это означает, что было организовано обучение детей грамоте. Ярослав Мудрый посылал детей на обучение в Великий Новгород. Позднее туда же своего сына послал московский князь Иван Калита. Интересно было бы провести сопоставление уровня грамотности разных цивилизаций третьего поколения. У Фернана Броделя проведено описание системы образования в Венеции, но это было более позднее время, хотя основа общая: открытость рыночной экономики, необходимость считать и торговать со многими партнерами.

Мало известно об уровне развития науки в период восточнославянской цивилизации. Совсем неизвестно о существовании каких-либо научных школ. Но очевидно, что уровень прикладной науки был достаточно высоким, чтобы строить храмы и дворцы, водить караваны кораблей и строить их, заниматься земледелием и ремеслом.

Для населения восточнославянской цивилизации характерен довольно высокий моральный уровень.

3.2.3. «Скрепки» цивилизации

Союзы племен восточных славян занимали обширную территорию, были отделены друг от друга, смешивались с различными местными племенами, имели подчас враждебных соседей. Что же объединяло эти союзы в единую локальную цивилизацию, служило «скрепами», позволявшими ощущать единую цивилизационную общность, выживать и развиваться на протяжении веков, а затем многократно расширяться, превратившись в одну из крупнейших в мире евразийскую цивилизацию? Можно выделить несколько таких «скреп».

1. Этническая общность. Все восточнославянские союзы племен — от антов до ильменских славян — имели общее историческое происхождение, общую родину — Центральную Европу, откуда они вышли в дальний и безвозвратный путь в период Великой славянской миграции — в V–VII вв. н.э. Они имели общий язык, хотя он отличался по диалектам, и это облегчало взаимопонимание. Они имели одни этнические обычаи, похоронные ритуалы, легенды и мифы, единую, хотя и несколько дифференцированную культуру. И хотя со временем в результате процесса дезинтеграции стало возможным говорить о нескольких этносах, а в дальнейшем и нациях (русские, украинцы, белорусы): по крайней мере в I-м тыс. они представляли один суперэтнос — основу единого Древнерусского государства, хотя и разделенного на княжества.

2. Великие торговые пути. Отдельные племена и княжества, отдаленные друг от друга сотнями, а то и тысячами верст лесов, болот, степей, объединяла единая транспортная система — сеть великих речных путей, которые служили не только системами для общения между собой

В.М. Васнецов. «Гусляры»

племен и княжеств, но и транзитными путями в торговом обмене с Востоком, Западом, Севером. Великий Волжский путь, Волхов-Днепровский путь, временами прерываясь в период нашествий, служили не только магистралями диалога и торговли, но и источниками богатства, транспортной ренты, осями, на которых возникали и существовали десятки славянских городов — первых узлов цивилизации. Говоря современным языком, сеть речных путей формировала единое экономическое пространство — экономическую основу цивилизации.

3. Государственность, военно-политическое единство, дружина, армия. Славянские союзы племен уже в период Великой славянской миграции были полугосударственными военно-политическими образованиями. Только так можно было созвать тысячи и десятки тысяч соплеменников и двинуть их на освоение новых земель, навстречу неведомой опасности и многочисленным внешним врагам. У них было от кого воспринять опыт государственного устройства: в течение столетий они контактировали с Римской империей, кельтами, гуннами, германцами, готами. В.В. Седов пишет, что анты,

выйдя из подчинения готов, имели свое государственное образование со своим правителем и что «в IV в. антское общество имело военную демократию, наследственный характер власти вождей» (Седов, 2005, с. 200, 201).

В.В. Седов отмечает особую роль, которую играла в сплочении цивилизации княжеская дружина: она включала представителей разных племен, которые в «общем котле» пронизывались единством языка и интересов, отстаивали эти интересы, рискуя жизнью, в борьбе с внешними врагами и внутренними сепаратистами.

Важную роль в становлении единой государственности играло наличие общих врагов. А таких врагов было достаточно в истории восточнославянской цивилизации — как с Запада, так и с Востока и Юга. Цивилизация мужала и крепла, отстаивая свою самостоятельность и независимость.

4. Единство веры. В период формирования восточнославянской цивилизации у племен было множество богов — как общих для нескольких племен, так и своих «персональных» у каждого

племени. Это отражало структуру дифференцированного общества начала Средневековья, хотя в смежных цивилизациях уже разворачивался монотеизм, свойственный мировым религиям. Для укрепления духовной основы единой цивилизации требовалась единая религия. Это понимала псковитянка княгиня Ольга, первой принявшая православие, это осуществил князь Владимир. Сначала он попытался ввести монотеизм, избрав главным богом Перуна и определив иерархию между многими богами. Но потом понял, что частичными реформами единство веры не ввести, принял сам православие и насаждал его — где увещанием, а где и силой по всей Киевской Руси (примером может служить насаждение Добрыней православия в Великом Новгороде). Процесс христианизации шел долго, новые каноны еще долго сочетались с языческими верованиями. Но главное было достигнуто: церковная власть, дополнявшая и усиливавшая великокняжескую власть, обеспечивала духовное единство цивилизации и укрепляла ее в годы суровых испытаний. Церкви и особенно монастыри играли важнейшую роль в экспансии восточнославянской цивилизации, укреплении ее единства, способст-

вовали распространению христианской морали. Не случайно Дмитрий Донской, отправляясь на смертельную схватку с Мамаем, просил благословения у Сергия Радонежского, и тот дал в подмогу князю двух своих самых верных и мужественных монахов, которые сыграли важную роль в Куликовской битве.

Все эти «скрепы», дополняя и усиливая друг друга, обеспечили становление и развитие восточнославянской цивилизации на протяжении тысячелетнего жизненного цикла, а затем трансформацию в евразийскую цивилизацию, давали возможность выживать и возрождаться после цивилизационных катастроф — монгольского нашествия второй половины XIII в., Великой смуты начала XVII в.

3.3. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ГОРОДА

Восточнославянская цивилизация в первые столетия своего становления представляла собой сеть взаимосвязанных, а порой противоборствующих городов, постепенно расширяющуюся на восток, юго-восток и северо-восток нынешней территории Европейской России. Чтобы понять исторические корни и содержание этой цивилизации, нужно остановиться на теории и истории

Реконструкция древнерусского города. Макет

возникновения городов и их роли в зарождении и развитии локальных цивилизаций, а затем уже подробно рассмотреть функции и судьбу восточнославянских городов.

3.3.1. Роль городов в возникновении и развитии локальных цивилизаций

Становлению локальных цивилизаций предшествовала и составила их основу так называемая городская революция — возникновение в конце неолита сети густо населенных и укрепленных пунктов, в которых концентрировалась экономическая, социально-политическая и культурная жизнь. Первые археологически доказанные города, возникшие 6–7 тыс. лет назад, — Иерихон и Чатал-Хююк.

Что стало предпосылками и факторами возникновения городов?

Во-первых, демографический фактор. Должна быть достаточно высокая концентрация населения в общине, племени, чтобы самая активная часть общества смогла объединиться для постоянного проживания на одной, сравнительно небольшой территории. При небольшой численности населения возможно временное или постоянное малое поселение. Чтобы возник город, должна быть достигнута критическая масса

населения, объединенного родственными связями, видами совместной деятельности, общей организацией, культурой, верованием.

Во-вторых, природно-географический фактор. Город обычно располагался на берегу реки или на морском побережье, на возвышенности, удобной для обороны, в районе со сравнительно благоприятными климатическими условиями. Вокруг него имелись плодородные земли или другие источники воспроизводства.

В-третьих, важнейшую роль играют технологические и экономические факторы. Предпосылкой возникновения городов стало разделение труда, развитие земледелия, скотоводства, ремесла, торговли, строительства как важнейших видов деятельности. Кочевое скотоводство не предполагало формирования городов — они возникли в районах с оседлым земледелием, в них концентрировались семьи землевладельцев, а также ремесленников и торговцев. Возникновению поселений на берегах рек способствовали развитие рынка, активный торговый обмен между племенами, государствами, цивилизациями.

В-четвертых, города стали центрами социально-политического строя цивилизаций. Именно в них концентрировалась сначала племенная, а затем государственная верхушка. Здесь реализовались ранние формы демократии — вечевые собрания, собрания граждан, здесь творился суд, проживали правители и их свита, сюда поступали дань и налоги, здесь строились дворцы и храмы. Крупные города служили своеобразными нервными узлами, управлявшими функционированием всего государственно-политического и правового механизма и возникновением первых гигантских цивилизаций, государства и права более пяти тысячелетий назад.

В-пятых, города стали центрами духовной жизни, формирования системы цивилизационных ценностей. В них возникла наука — эмпирическая, а затем абстрактная (научная революция в Древней Греции в VI–IV вв. до н.э., которой предшествовали и сопутствовали научные достижения первых цивилизаций Востока). В городах концентрировались архитекторы и скульпторы, художники и музыканты, в них передавались от поколения к поколению основы древнего искусства.

В городах начала формироваться система образования — особый вид деятельности, направленный на упорядочение и передачу следующим поколениям накопленных знаний и навыков (школы писцов в Шумере, Древнем Египте, школы философов в Древней Греции, академия Платона и лицей Аристотеля в Афинах, школы в Китае). В городах систематизировались и соблюдались нормы этики, правила взаимоотношений людей и первичных ячеек общества. Стоит отметить важнейшую роль городов в формировании, развитии, поддержании религиозных верований, которые служили цементирующими силами племен, государств и цивилизаций, ядром системы цивилизационных ценностей.

Следовательно, можно сказать, что возникновение городов многофакторно, а их роль в возникновении и развитии цивилизаций многофункциональна. Для разных городов и в разные исторические эпохи соотношение этих факторов и функций менялось, на передний план выходили то одни, то другие.

3.3.2. Смена поколений городов

Роль и функции городов менялись вместе с обществом, со сменой мировых цивилизаций. Можно говорить о закономерности смены поколений городов в различные исторические эпохи, при их особенностях в разных локальных цивилизациях.

Первое поколение городов относится к эпохе позднего неолита и энеолита, когда некоторые неолитические земледельческие поселения перерастали в сравнительно крупные города (этот период предшествовал возникновению государства). Они были устойчивыми родоплеменными центрами, но приобретали новые черты и функции и становились ядром формирования так называемых вождистских государств. Таких государств было сравнительно немного в эпицентрах зарождения локальных цивилизаций первого поколения.

Второе поколение городов связано со становлением локальных цивилизаций первого поколения, прежде всего в долинах великих исторических рек. Это были центры становления государственности, концентрации власти, богатства, экономики, культуры. Достаточно на-

звать древние Фивы в Египте, Мохенджо-Даро в долине Инда, Ираклион на Крите, Тир как центр финикийской цивилизации, легендарную Трою, крупные городские центры Персии, Индии, Китая. На территории Западной Европы (кроме Средиземноморья) и большей части нынешней России предпосылок для становления городов первого и второго поколений не было, они возникли значительно позднее, в 1-м тыс. до н.э.

Третье поколение городов характерно для античной мировой цивилизации. Наиболее яркое явление среди них — греческие полисы, города-государства, в которых сформировались основные принципы демократии (для свободных), достигнуты непревзойденные вершины духовной жизни — науки, культуры, искусства. Такие города-государства возникли вследствие греческой колонизации с VII в. до н.э. в Северном Причерноморье — Тира, Фанагория, Пантикапей, Херсонес, Ольвия, Феодосия. Их основой, как правило, было сельское хозяйство, гражданами города были владельцы земельных участков в окрестностях города. Однако значительную роль в жизни полиса играли ремесло, торговля, судоходство, искусство, строительство и архитектура. Все граждане полиса в случае военной угрозы становились на его защиту. Из общей массы полисов выделялись города-лидеры, которые становились центрами обширных государств — Афины, Пантикапей, Рим, Карфаген и др. Формировались своеобразные союзы городов-полисов с подчиненной округой. Например, демократически избираемый архон Пантикапея был одновременно царем Боспорского царства. Города-полисы были центрами античной цивилизации в Средиземноморье. В Персии, Индии, Китае города были столицами империи, там демократические принципы самоуправления проявлялись слабее.

В конце античной эпохи крупнейшие центры империй (Рим, Константинополь) превратились в своего рода мегаполисы. В них концентрировались социальные и политические противоречия, шла борьба представителей разных кланов правящей верхушки, развивалась торговля. Значительная доля свободных граждан имела право участвовать во все более формальных демократических процедурах. Такие города были оторваны от сельскохозяйственного производ-

ства, да и ремесло рассматривалось как занятие рабов. Значительную долю в населениях таких городов занимали рабы, которые обслуживали паразитическое потребление знати, были гладиаторами и т.п. Это была стадия заката, загнивания античной цивилизации и главных городов третьего поколения.

В эпоху становления средневековой цивилизации, прежде всего в Европе, формировалось *четвертое поколение городов*. Средневековые города носили преимущественно торгово-ремесленный характер. Обычно они возникали на оживленных торговых путях, магистралях диалога цивилизаций. Встраиваясь в формирующийся феодально-иерархический строй, они в то же время обладали известной политической незавершенностью и стабильностью, организацией производства и торговли (цеховые организации, торговые гильдии), своеобразным демократическим устройством, относительной свободой горожан: «Воздух города делает человека свободным». Часто они располагались вокруг замков феодалов, пользовались их защитой, но нередко имели и свои вооруженные силы. Яркими примерами таких городов могут служить Флоренция, Любек, Бремен, Новгород. Формировались союзы городов, представлявшие их общие политические и экономические интересы. Самым эффективным из этих союзов была Ганза, объединявшая около 100 средневековых городов Европы в XIII–XV вв. Она имела общие институты, а иногда даже вступала в военные конфликты с государствами: объединенные силы ганзейских городов нанесли поражение Дании и продиктовали ей условия мира.

Средневековые города были зародышем зарождения капиталистической экономики, буржуазной демократии, причудливо переплетавшейся с феодальным строем, цеховой иерархией, с преобладанием рыночного хозяйства.

В связи с этим следует отметить, что неизменного понятия «демократия» не существует. Народовластие модифицировалось от эпохи к эпохе, от цивилизации к цивилизации. Самоуправление было присуще общинно-родовому и племенному устройствам общества, хотя участвовать в принятии общих решений могли лишь главы семей, родовая и племенная верхушка. Демократия античных городов также не

Флоренция

избежала перерождения в охлократию, аристократию, тиранию, что убедительно показано в «Государстве» Платона и «Политике» Аристотеля. Демократия средневековых городов (вечевая демократия русских республик — Новгорода, Пскова, Вятки) сочеталась с властью феодалов — князей, местных бояр и богатых купцов. И в последующие эпохи — раннеиндустриальную, индустриальную — понятие демократии модифицировалось и существенно различалось для цивилизаций Запада и Востока.

В период раннеиндустриальной цивилизации (XVI–XVIII вв.) в Европе преобладало *пятое поколение городов*, характерные черты которого детально исследованы Фернаном Броделем. Многократно росло их количество, увеличивались экономическая сила и политический вес. Для Средневековья было характерно преобладание феодального землевладения и феодальной ренты, нараставший в городах капитал (торговый и цеховой) носил ограниченный характер. Со временем окрепшие города становились центрами международной торговли (которая после эпохи Великих географических открытий приобрела глобальный характер и обусловила громадные межцивилизационные перетоки богатств), силы капитала все более отчетливо заявляли претензии на экономическое и политическое лидерство. Нидерландская, а затем

Вид собора святого Павла и центра Лондона. 1860 г.

Английская буржуазные революции отчетливо выявили эти тенденции и претензии, закрепили лидерство городов в социально-политическом устройстве. Да и в самих городах все более вырисовывались контуры буржуазной демократии. Однако в странах Востока, в России, в завоеванной Америке эти свежие веяния были менее заметны, особенно в условиях формирования колониальных империй, диктовавших выгодные им порядки в завоеванных странах. В колониях города становились центрами колониального господства, ни о какой демократии речи не шло. Следовательно, границы пятого поколения городов были ограничены в основном Европой, где наряду с крупными торгово-промышленными центрами (Антверпен, Лондон, Лиссабон, Краков, Прага и др.) сформировались городареспублики — Венеция и Генуя, образовавшие обширную сеть колоний в Средиземноморье и Черноморье и извлекавшие огромные массы мировой торговой ренты. Особенно интересно демократическое устройство Венеции.

Для индустриальной цивилизации (XIX–XX вв.) характерно преобладание *городов шестого поколения*. В них торговый и ростовщический капитал уступал лидерство промышленному и финансовому капиталу. Города превращались

в крупные промышленные центры, из них потоки товаров устремлялись в сельские местности и другие страны для обмена на продовольствие, сырье, предметы роскоши. Окончательно утвердившая свое господство буржуазия установила политический строй буржуазной демократии, наиболее ярко проявившейся в конституции Соединенных Штатов Америки, в британском и французском политических устройствах.

Города индустриальной эпохи дифференцировались по уровню и характеру деятельности. Одни из них стали центрами колониальных империй, в конце периода, в условиях глобализации — мировыми финансовыми центрами (Нью-Йорк, Лондон, Токио, Гонконг, Париж и др.). Другие — столицами национальных государств, концентрировавшими политическую власть и богатство. Третьи — национальными центрами. Четвертые — промышленными или культурно-туристическими центрами. Крупные центры дополнялись сетью средних малых городов, покрывавшей страну. В XX в. сформировалась сеть мегаполисов, суть которых раскрыл Н.Н. Моисеев. Сверхконцентрация людских потоков, чрезмерная урбанизация породили новые противоречия в фазе заката индустриальной цивилизации и шестого поколения городов.

В XXI в. начался процесс формирования *городов седьмого поколения*, адекватных условиям формирующейся гуманистически-ноосферной постиндустриальной мировой цивилизации. Современные инновационные технологии и деконцентрация производства открывают возможность рассредоточения населения мегаполисов, увеличения доли работающих в малых предприятиях и на дому («электронные коттеджи»). Этому же способствует развитие электронной торговли. С другой стороны, наблюдается тенденция сближения условий жизни в крупных, средних и малых городах. Энерго-экологическая революция позволит уменьшить загрязнение окружающей среды и сделает условия жизни в городах более комфортными и экологически безопасными. Крупные города превращаются в глобальные информационно-культурные, образовательные и цивилизационные центры, распределенные по планете, но формирующие единую глобальную сеть. В процесс глобализации втягиваются малые и средние

города, в большей мере сохраняя особенности локальных цивилизаций и становясь объектом цивилизационного туризма. Растущие потоки мигрантов превращают крупные города вместе с пригородами в многоцивилизационные мегаполисы, которые нередко становятся очагом междоцивилизационных конфликтов.

Понятно, что сказанное — только первоначальные контуры; подлинная сущность и роль городов седьмого поколения выяснится несколькими десятилетиями позже, когда яснее станет суть постиндустриального общества.

3.3.3. Города восточных славян

Теперь, когда мы уяснили роль и функции городов и смены их поколений в динамике цивилизаций, нам проще подойти к проблемам возникновения и значения городов в становлении, развитии и закате восточнославянской цивилизации.

По этому вопросу существует обширная литература и выдвинуто несколько теорий. Одни историки и археологи придерживаются торгово-ремесленной концепции возникновения славянских городов на насыщенных торговых путях. Другие связывают их происхождение с формированием родоплеменных центров. Третьи считают их центрами формировавшихся варварских государств. Четвертые рассматривают их как крепости, созданные варягами на торговых путях для защиты от набегов местных племен.

Представляется, что односторонний, одномерный подход здесь вряд ли уместен. Следует учитывать совокупность ряда взаимосвязанных факторов на фоне формирования восточнославянской цивилизации — одной из крупнейших локальных цивилизаций третьего поколения (Кузык, Яковец, 2006).

Во-первых, это своеобразное генетическое ядро формирования локальной цивилизации. Не следует забывать, что это города четвертого поколения, во многом впитавшие и трансформировавшие исторический опыт предыдущих поколений и прежде всего опыт античных городов Северного Причерноморья, которые тысячами нитей были связаны с дославянскими и праславянскими племенами и народами Восточной Европы. Исторический опыт развития цивилизаций и их взаимодействия не исчезает

бесследно. В той или иной форме он передается от поколения к поколению, модифицируясь и обогащаясь. Археологические раскопки в Матронинском и Бельском городищах, в десятках других исторических городов свидетельствуют о контактах как с ближайшими, так и с дальними городами Юга, Запада и Востока.

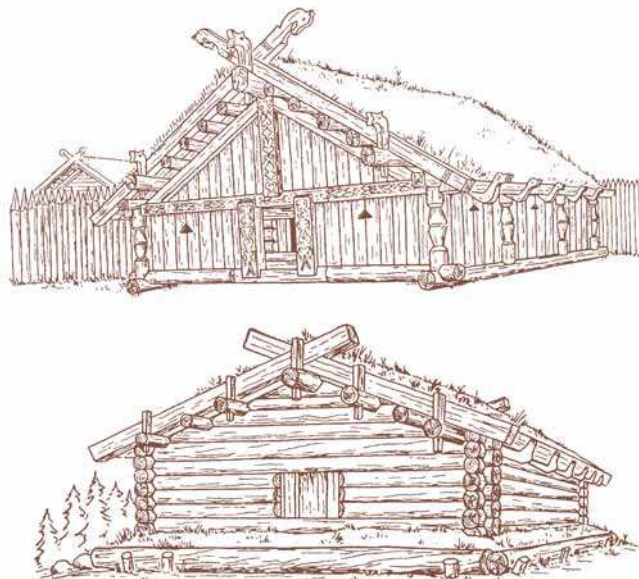
Во-вторых, большинство восточнославянских городов возникали на берегах крупных рек, бывших в тот период основными транспортными путями, — Великий Волжский путь (путь «из варяг в греки»), на пути «из варяг в персы» — на притоках Волги, Камы, Оки, Днепра, Десны, Днестра, Кубани, Дона — и играли важную роль в торговле и развитии ремесел. Достаточно ознакомиться с историей возникновения Ладоги, Великого Новгорода, Киева, Ярославля, Смоленска, Чернигова, Ростова Великого, десятков других древнерусских городов. Некоторые города возникали несколько в стороне от этих путей (Суздаль, Москва), но и они были связаны с ремеслом и торговлей, с развитием рынка. Поэтому экономический фактор нельзя игнорировать. Он всегда играл одну из важнейших ролей.

В-третьих, безусловно следует учитывать и политический фактор, роль городов в формировании государственности во всем разнообразии ее функций. В славянских племенах и их союзах постепенно выделялась верхушка, которая брала на себя ряд функций государственной власти: упорядочение на новой основе системы имущественных и правовых отношений (это нашло отражение в «Русской правде» Ярослава), защиту от внешних врагов, расширение территорий, организацию набегов на соседние государства и цивилизации (многочисленные набеги на Царьград, на окрестности Византии, Хазарский каганат, Бугнар и т.д.). Факт наличия государственности примерно с VIII–IX вв. налицо, и можно согласиться с теми, кто говорит о «варварском государстве» как особом институте периода становления средневековой мировой цивилизации. Социальная стратификация общества на протяжении этой эпохи богаче, разнообразнее и динамичнее биполярной классово-антагонистической схемы. То же справедливо и в отношении функций государства, особенно в период его возникновения.

В-четвертых, славянские города были центрами духовной жизни формировавшейся восточнославянской цивилизации, развития культуры, образования, науки, этики, религии. Особенно очевидным это стало после принятия христианства. Христианские храмы и особенно монастыри стали средоточием культурных ценностей, письменных памятников, нравственных принципов, служили надежными «скрепами» восточнославянской цивилизации. На следующем этапе развития они не смогли воспрепятствовать феодальной раздробленности Руси, но в период монгольского завоевания стали одним из главных устоев сохранения восточнославянской цивилизации. Правда, феодальная раздробленность имела и положительную сторону: владимирские, рязанские, смоленские, ростовские и иные князья стремились сделать свои столицы социокультурными центрами (Владимир, Рязань, Смоленск, Чернигов и др.).

По вопросу о главном факторе возникновения и преимущественном занятии населения первых городов Северо-Западной Руси — Ладоги, а затем Новгорода (а возможно, несколько раньше — Городища на развилке Волхов-Волжского и Волхов-Днепровского великих речных путей) среди российских историков и археологов нет единого мнения. Так, И.Я. Фроянов считает: «Старая Ладога возникла и существовала длительное время как племенной центр. Своим

**Деревянные дома второй половины VIII — X в.
Реконструкция Ю.П. Спегальского**

происхождением она обязана окрестному населению, организованному в родовые общины. Ладога, расположенная в гуще этих общин, отразила процесс их слияния в единое племя для поддержания жизнедеятельности, для которого она и предназначена. Вот почему Ладогу нельзя рассматривать изолированно от соседствовавших с ней поселений. Вместе с ними она составляла неразрывное целое... Экономика Ладоги, как и других племен, связанных одной культурой, базировалась прежде всего на земледелии и скотоводстве. Важное значение имело домашнее хозяйство. Внешняя торговля превалировала над внутренней... Она скользила по поверхности ладожского общества, увлекая своим потоком отдельных его представителей, но при этом не размывала основ родоплеменного строя ладожан. Особый якобы характер экономики Ладоги, определяемой ее ключевым положением на крупнейшем Евразийском торговом пути, нам кажется недостаточно обоснованным» (Фроянов, 1992, с. 37). И.Я. Фроянов не видит имущественного неравенства среди ладожан, чем он аргументирует версию о городе как центре большесемейной общины: «Отсутствие в Ладоге имущественного неравенства, засвидетельствованное археологическими источниками, — верный признак социальной однородности ладожского населения, которая может быть истолкована только как проявление первобытного равенства. Гнездовые жилые строения в нашем городе по аналогии с подобной застройкой поселений следует понимать как происходящую консолидацию большесемейной общины, сменившую в конечном счете родовую организацию» (Фроянов, 1992, с. 33).

Принципиально иного взгляда на происхождение, характер и структуру экономики Ладоги, Новгорода и других городов Северо-Западной Руси придерживаются А.Н. Кирпичников и Е.Н. Носов и другие петербургские археологи. Они отмечают, что Ладога — одно из открытых торгово-ремесленных поселений, что решающим фактором развития ладожской экономики было не земледелие и скотоводство, а международные торговые связи, в которые активно включились в VIII–IX вв., с одной стороны, славяне и финны Северо-Запада, а с другой — иные народы. Ладога вместе с округой, выйдя пример-

Раскопки большого купеческого дома X в. Старая Ладога

но с 60-х гг. VIII в. в систему евразийского оборота, выдвинулась в число наиболее развитых северо-западных регионов, приобрела значение международного городища, возникшего на стыке нескольких миров, на оживленной торговой магистрали, где скапливалось пестрое по составу и к тому же от сезона к сезону обновляемое многоязычное население. Это мнение разделяет Е.Н. Носов: «Существование в последние века 1-го тыс. н.э. значительного укрепленного поселения перед порогами весьма симптоматично. Поселение являлось местом последней остановки перед трудным рубежом, местом перегрузки товаров и подготовки судов к переходу, контрольным пунктом на водной магистрали. Видимо, значительная часть населения была занята на проводке судов через опасные пороги. Именно поэтому вся жизнь укрепленного поселения на берегу реки Волхова в конце 1-го тыс. н.э. во многом стимулировалось прохождением пути из стран Балтики на исламский Восток и позднее к пути «из варяг в греки» (Носов, 1977, с. 16). То же самое можно сказать и о Новгоро-

де, и о других городах, возникших в ту эпоху на Великом Волжском пути и пути «из варяг в греки».

Именно ключевое положение Ладоги в начале великих евразийских путей, считает А.Н. Кирпичников, определило ее роль как экономического, политического и культурного центра близлежащей округи, а впоследствии как столицы (на два года) развертывающейся на восточных европейских равнинах империи: «Ладога контролирует сложную для проезда порожистую зону Волхова длиной около 36 км и ограничивает здесь судоходство. Ладога — лидер своей округи, которая занимает узкую каемку приречной земли вдоль Волхова длиной около 50 км. Эта зона осознается по цепочке поселений, суммарно относящейся к последней четверти 1-го тыс. н.э.». Поселения, выросшие около порогов, в административном и территориальном отношении зависели от Ладоги, входя в ладожскую городскую волость, сложившуюся в низовьях Волхова в VIII–IX вв. В 2003 г. А.Н. Кирпичников дает более высокую оценку Ладоге как центру государственного объединения, а в дальнейшем — истоку обширной империи Рюриковичей.

Позиция А.Н. Кирпичникова и Н.Е. Носова представляется более убедительной и обоснованной на фоне процесса становления восточнославянской локальной цивилизации третьего поколения, чем точка зрения И.Я. Фроянова.

Во-первых, первобытно-общинный строй, с его родовым и племенным устройством и уравнительностью, был для восточноевропейского населения давно пройденным историческим этапом. Славяне в последние века 1-го тыс. н.э. жили в условиях межплеменных союзов, социальной стратификации, имущественного неравенства с выделением племенной и государственной верхушки, концентрировавшей и преследовавшей по наследству богатства, с верховными правителями и дружинниками. Это был длительный период стремления средневековой мировой цивилизации, краха одних (Западная Римская империя) и трансформации иных (Византия, Индия, Китай) локальных цивилизаций второго поколения. Эпицентр исторического прогресса перемещался в Западную, а затем в Восточную Европу, а также в Китай и Индию, переживавшие период подъема. Лидерами в Европе становились молодые империи — Французское королевство (империя Карла Великого), затем Священная Римская империя в Германии. Резко активизировались межстрановые и междивизиационные торговые пути, что стало импульсом для становления на этих путях городов четвертого поколения. К таким городам относилась Ладога, Новгород, Киев и другие города.

Во-вторых, племенных центров, основным занятием которых было земледелие, скотовод-

Вид на Старую Ладогу от «Могилы Олега»

ство, охота, огородничество, в Северо-Западной Руси было немало. Но почему из них выделились, стали экономическими, политическими, культурными центрами именно Ладога, Новгород, Киев? Именно потому, что они находились на великих торговых путях, магистралях диалога цивилизаций, что давало им дополнительные средства (мировую транспортную и торговую ренту) для развития ремесла, строительства крепостей, дворцов и храмов (только в сравнительно небольшой по численности населения Ладоге было построено шесть христианских храмов, два из которых сохранились до наших дней, в Великом Новгороде — Кремль и десятки великолепных храмов). Естественно, что основным источником рентных доходов были торговля, обслуживание транспортных путей, изготовление и ремонт судов, а также производство товаров для продажи (включая продовольствие, меха и т.д.). Конечно, земледелие и скотоводство были необходимы для жизнеобеспечения населения и производства предназначенных на экспорт товаров, но вряд ли они играли ключевую роль. Процесс превращения приречных городов в торгово-ремесленные центры был не разовым, он длился столетиями и прерывался в периоды кризисных фаз, во время военных столкновений, но именно этот процесс был определяющим.

В-третьих, Ладога, Новгород, Киев, Смоленск и другие приречные города становились центрами восточнославянской государственности, средоточием политической жизни; именно здесь наблюдалась концентрация политической жизни и государственной власти, формировались правовые нормы, регулирующие экономические и иные отношения.

И.Я. Фроянов считает, что к концу IX — началу X в. родоплеменной строй еще не был пройденным этапом в Северной Руси (Фроянов, 1992, с. 43), что древнерусские города были лишь племенными центрами, в которых находились племенные вожди, старейшины, заседал совет старейшин, собиралось народное вече и ополчение, хранились племенные связи (Фроянов, 1992, с. 46), что в это время не существовало государства, поскольку не было деления общества на классы, и лишь «к середине IX на северо-западе Восточной Европы сложился союз союзов племен (суперсоюз), организованных для

обороны от норманнских завоеваний. Он был примечателен тем, что включал в себя кроме славянских племен и финно-угорские племена. Управление им, по нашему убеждению, должно было осуществляться с помощью механизма, отличного от традиционных родоплеменных учреждений, то есть посредством элементов публичной власти, имевшей, однако, примитивный характер» (Фроянов, 1992, с. 69).

Чтобы отойти от господствующей догмы в формировании племен как неизбежной предпосылки образования государства, некоторые историки (А.И. Нарохин) выдвинули положение о варварском государстве в доклассовом и дофеодальном обществе восточных славян (Фроянов, 1992, с. 11–13). Подобной позиции придерживался и В.В. Мавродин: «Государство, возникшее на Руси, не было ни рабовладельческим государством, так как Русь не знала рабовладельческой формации, ни тем более «союзом племен», ибо назвать «собором племен» государство Владимира и Ярослава можно только по недоразумению. Полагаю, что правильнее было именовать Киевскую Русь той поры «варварским» государством дофеодального периода». Государству Владимира и Ярослава предшествовали «держава волянян» VI–VII вв. — первое славянское «варварское» политическое объединение, которое В.В. Мавродин принимает за начало русской государственности (Фроянов, 1992, с. 11). Стоило бы добавить также, что первому славянскому политическому объединению предшествовал недолговечный Русский каганат, подробно описанный В.В. Седовым (Седов, 2005, с. 693–703).

Однако положение о варварском дофеодальном и доклассовом государстве было отвергнуто Б.Д. Грековым и другими современными историками. Между тем возникновение государства не обязательно связано с делением общества на классы в марксистском их понимании. Необходимой предпосылкой является экономическая стратификация общества, связанная с имущественным неравенством, частной собственностью и рыночными отношениями, и политическая стратификация, выражающаяся в выделении и закреплении правящей властной верхушки с правителем, дружиной, челядью. Этот процесс неоднократно повторялся на разных истори-

ческих этапах. Что касается становления государственности на Руси, то она происходила в условиях, когда уже имелся исторический опыт существования и функционирования государств в разных цивилизациях, и в условиях контактов между ними этот опыт не мог не учитываться при становлении государственности восточнославянской цивилизации. Конечно, при этом оказывали влияние особенности географического положения, относительно меньшая плотность населения, отсутствие орошаемого земледелия, а также наследие вечевого демократического устройства. В то же время основные признаки государства, о которых пишет И.Я. Фроянов (с. 26), — размещение населения по территориальному принципу, наличие публичной власти и взимание налогов, были налицо. Восточнославянские государства, центры которых размещались в городах, выполняли присущие государству основные функции:

- нормотворческую — что было важно для закрепления переворота в общественных отношениях, связанного с появлением и защитой частной собственности, укреплением имущественного и социального неравенства (это отчетливо просматривается в «Русской правде» Ярослава);
- экономическую — регулирование рыночных отношений, взимание таможенных платежей как своеобразной платы за защиту купеческих судов;
- военную — защита государства и прежде всего городов-столиц от вражеских нападений, а также расширение территории и организация набегов на соседние государства и племена, чем занимались все новгородские и киевские князья.

Восточнославянские города были центрами духовной жизни, средоточием культуры, религии, этики, образования и формировавшейся науки. В племенных центрах и княжеских столицах строились крепости и дворцы, после принятия христианства — церкви и монастыри, которые наполнялись византийскими, а затем и собственного изготовления иконами, создавались иконописные школы. Была широко распространена письменность, о чем свидетельствуют сотни найденных в Новгороде берестяных грамот и многочисленные источники и литературные произведения. В городах при постоянных дворах

концентрировались певцы, танцоры, устраивались народные, языческие, а затем и христианские праздники. В Ладоге, Новгороде, Киеве, Суздале, Ростове Великом, Пскове, Смоленске, Владимире, Ярославле создавались великолепные архитектурные ансамбли, составляющие существенную долю всемирного культурного наследия. Это не означает, что восточнославянская культура была представлена только в городах. Насыщенная культурная жизнь существовала и в сельской местности, причем она охватывала не только славянские, но и финно-угорские и другие народности, проживавшие на территории восточнославянских союзов, племен, а затем государств. Широко был развит и межкультурный обмен как с Югом (прежде всего с Византией), так и с Западом (Скандинавией, Литвой, западноевропейскими странами). Итальянские архитекторы участвовали в строительстве Московского Кремля. Византийские мастера помогали становлению местных иконописных школ, обучали детей местной знати.

Следовательно, города стали центрами становления и развития восточнославянской цивилизации, концентрирования наиболее активной части населения, центрами социально-политической, экономической, культурной, религиозной жизни, международной торговли и политики, формировали генетическое ядро восточнославянской цивилизации.

3.4. СТАНОВЛЕНИЕ РУСИ И ПЕРВЫЕ ГОРОДА*

Процесс становления государственности в Древней или Киевской Руси принадлежит к числу кардинальных вопросов российской истории и его решение теснейшим образом связано с общей концептуальной позицией исследователей и научными традициями и представлениями той или иной эпохи. Важнейшей и определяющей ячейкой новых социальных, культурных связей и экономических структур были города. Именно в них кристаллизовались важнейшие черты нового общества, именно они отражали складывающуюся государственность.

* Автор раздела — Е.Н. Носов, член-корреспондент РАН, директор Института истории материальной культуры РАН. Фрагмент из книги «Культурное наследие Российского государства» (СПб.: ИПК «ВЕСТИ», 2002).

Территория Древней Руси принадлежит к тем районам Европы, где не были известны ранние формы урбанизации, восходящие к античности, и где появление городов было обусловлено развитием социально-экономических отношений в среде местных славянских племен. В первой половине I н.э. огромные пространства лесной зоны Восточной Европы были заняты восточно-балтийскими и финскими племенами. Редкое разбросанное население, небольшие родовые поселки, комплексное лесное хозяйство со скотоводством на первом месте, подсечно-огневым земледелием — на втором, большой ролью охоты, рыболовства и лесных промыслов, неспешная размеренная жизнь — вот характерные черты быта и жизненного уклада местного населения.

Вторая половина этого тысячелетия резко отличалась от первой. Появились новые типы археологических древностей, возникли интернациональные формы материальной культуры и первые поселения с центральными функциями, развились ремесло и дальняя торговля.

Проявившиеся новые тенденции определялись двумя главными историческими процессами — славянским расселением и становлением пути Балтика — Восток.

Славяне как центральноевропейский народ в сравнении с местными племенами обладали устойчивыми навыками сельскохозяйственного производства, основанного на пашенном земледелии. Кроме того, в последние века 1-го тыс. н.э. территорию Восточной Европы пересекли два крупных торговых и воен-

ных пути Средневековья — Балтийско-Волжский путь и путь «из варяг в греки». Первый из них сыграл в истории региона особо значимую роль.

В конце 1-го тыс. н.э. торговля с исламским Востоком была единственным источником поступления серебра в Восточную Европу. Часть его оставалась на Руси, другая по водным путям попадала в страны Балтики. Сложение пути между Балтикой и Востоком оказало сильное влияние на экономику находившихся между ними территорий. Важнейшие поселения на его ключевых участках превращались в административно-военные, торговые и ремесленные центры территории. Вдоль пути, вглубь Восточной Европы, ближе к источникам серебра и местным рынкам началось проникновение скандинавов.

Именно сочетание двух отмеченных исторических процессов — славянского расселения и формирование пути Балтика — Восток определило многие черты становления Древнерусского государства и его городов.

Появление древнейших городских поселений в советской историографии обычно рассматривалось под углом зрения поиска общих закономерностей для всей территории Руси и практически не уделялось внимание выявлению особенностей этого процесса в отдельных частях огромной страны. Сейчас становится все более очевидным, что сложение государственной территории на Юге и на Севере Руси, а также становление городов как опорных центров новых общественных и экономических отноше-

Норманнский дракар

Церковь святого Георгия. Старая Ладога

ний и связей, несомненно, с одной стороны, подчинялись общим закономерностям развития восточнославянского общества, но, с другой стороны, имели немало специфических черт, чего нельзя недооценивать. Отнюдь не случайно развитие государственности на берегах Волхова привело к образованию феодальной боярской республики, в то время как в Южной Руси сложились более авторитарные формы правления.

Традиционно принимаемая схема исходит из того, что европейский город немыслим без своей округи, что он является ее порождением и что города возникают в районах наибольшей концентрации сельского населения и развитого земледелия, а это в свою очередь способствует развитию ремесла, торговли и т.д. Эти построения вполне логичны и именно так было с возникновением большинства городов в Среднем Поднепровье — центре Южной Руси, где появлению первых городов предшествовал определенный период стабильности в развитии общества, последовавший за переселением сюда славянских племен. В обществе на основе развивающегося сельского хозяйства, ремесла, торговли шел интенсивный процесс социальной дифференциации и уже для VI–VII вв. можно говорить о появлении укрепленных «градов» как прежде всего административно-политических центров обширных округ и племен. Часть этих «градов» в дальнейшем переросла в города, однако широкий процесс образования городов как нового типа поселений, противостоявших сельской стихии, начался позднее — в VII–X вв.

Эти построения вполне соответствовали господствовавшим в советской науке марксистским социологическим схемам развития общества и становления феодальной формации как обязательной стадии исторического процесса. В таких построениях, естественно, не оставалось места дальней торговле, торгово-военным путям, иноземным влияниям как существенным факторам развития общества и первых городов. Равным образом и роль географической среды в истории страны, формировании ее территории и центров уходила на второй план. Немало сторонников подобного подхода, распространяемого на процесс образования городских центров на всей территории Руси, остается и сейчас среди историков и археологов стран бывшего Советского Союза.

Однако непредвзятый анализ материала и прежде всего постоянно накапливающиеся новые археологические данные показывают, что на Севере Руси наблюдалась совсем иная картина, чем на Юге, не укладывавшаяся в традиционные схемы. Географическое размещение этой области на окраине славянского мира, откуда открывались выходы к торговым центрам Балтики и на богатые пушниной просторы Севера, ключевое расположение на перекрестке важнейших международных путей между Балтикой и Востоком, невысокое плодородие почв и неустойчивые климатические условия при густой заселенности и широкой заболоченности местности определили особенности характера сельского расселения и формирования городов.

В центральном районе Северной Руси — в бассейне озера Ильмень и вдоль Волхова нет ни одного поселения VI–VII вв., которое могло бы претендовать на роль «града», округа. Город как особый тип поселения возникал в этих местах непосредственно при славянском расселении или вскоре после того. Он вопреки традиционным взглядам основывался прежде всего «для себя», для своей городской общины. Такой город сам начинал формировать округу, придавая экономической значимость району. Так, на Волхове в середине VIII в. начиналась Ладога, а в IX в. — Городище, или Рюриково городище, в X в. — Городок на Ловати и Гнездово (предтеча Смоленска) на Верхнем Днепре и т.д.

Города в Северной Руси возникали на новых местах в обществе, лишенном традиций урбанизма, и следует говорить о внутренней природе этого явления. Скудные природные и почвенные условия в Центральном районе Северной Руси не давали основы для быстрого развития экономики на основе сельского хозяйства, связанного с ним ремесла и местной торговли. Тем не менее города здесь появились, отражая процесс формирования важнейшего очага древнерусской государственности в Поволховье. Единственным явлением крупного масштаба, которое может объяснить это, является международная торговля, а именно сложившийся к концу VIII в. путь, связавший Балтику с исламским Востоком. Важнейшие направления пути высвечивают многочисленные клады куваческих монет и их скопления.

Первые славяне появились в Северном Приильменье и в Поволховье к началу последней четверти I-го тыс. н.э.; тогда же здесь стали складываться контуры и механизм обменной торговли серебром и мехами, которая и обусловила активное функционирование торговой артерии и оказала существенное влияние на социально-экономическое развитие этой части Восточной Европы. В середине VIII в. на Волхове появились и скандинавы, основная цель которых первоначально заключалась в продвижении и закреплении вдоль основных водных артерий, выходе к источникам серебра и местным рынкам. В середине же VIII в. в низовьях Волхова была основана Ладога, древнейший город Северной Руси. Таким образом, славянское расселение, возникновение Ладоги, формирование торгового пути, первое появление скандинавов принадлежат исторически к одному периоду, а хронологически — к достаточно короткому отрезку времени и тесно взаимосвязаны.

Так, к примеру, в обобщающей работе, посвященной городам эпохи викингов, Х. Кларк и Б. Амброзиани неоднократно подчеркивают, что викинги не имели собственной городской культуры и многое могли заимствовать на Западе, столкнувшись во время своих набегов с городами Галлии и Британии. Но авторы наделяют скандинавов особыми градостроительными знаниями и сами же признают это «удивительным». В этой работе неоднократно поднимается вопрос о переносе «идеи строительства городов», о ее заимствовании из Западной Европы в Скандинавию, а из Скандинавии на Русь. Однако в VIII в. в Скандинавии никаких устойчивых урбанистических традиций не существовало, и процессы городского развития на берегах Балтики в западославянских и скандинавских землях и на Руси развивались синхронно на местной основе, в чем проявился общий ритм развития славянского и скандинавского обществ, находившихся на одной стадии социально-экономического развития в период становления государственности.

В последнее время предметом оживленного обсуждения вновь стал вопрос о так называемых парных городских центрах. Споры о существовании на Руси подобных центров в отечественной науке ведутся давно и начались

они прежде всего с вопроса о Гнездове. Этот уникальный археологический комплекс находился на Верхнем Днепре, на переломе водных систем, замыкающихся на Киев и на Новгород и одновременно открывающих выходы на Восток — в бассейн Волги и на Запад — по Двине. Комплекс датируется в основном X в. и характеризуется полиэтнической материальной культурой. Он состоял из нескольких поселений, включая два укрепленных ряда курганных групп, насчитывающих более 3 тыс. курганов (по некоторым подсчетам их было до 5 тыс.), богатых кладов вещей и восточных монет. После своего бурного расцвета в X в. Гнездово в XI в. уступило место находящемуся от него в 12 км Смоленску, одному из крупнейших городов Древней Руси, центру княжества и епископии.

Городище (Рюриково городище) в истоке Волхова также на рубеже X–XI вв. отдало первенство Новому городу, находящемуся от него в 2 км. Новгород стал центром огромной земли, в нем располагались христианский комплекс (епископский двор, епископская церковь, общегородской храм), торг, княжий двор.

Сарское городище в Северо-Восточной Руси в начале XI в. уступило место Ростову, ставшему опорным пунктом княжеской власти и центром епископии. В конце X — начале XI в. затухла жизнь на трех значительных торгово-ремесленных поселениях Верхней Волги — Тимере-евском, Михайловском и Петровском и в 10–12 км от них возник город Ярославль. В начале XI в. прекратилась жизнь на торгово-ремесленном поселении Городок в верховьях Ловати и в нескольких километрах от него был основан город Луки (Великие Луки).

Таким образом, на рубеже X и XI в. на обширной территории Северной Руси в целом ряде случаев менялась система городских центров. Рядом с ранними центрами строились новые города. Отдельные примеры можно привести и для Южной Руси, где самой яркой является пара Шестовицы и Чернигов на Нижней Десне. Долгое время исследователи выдвигали различные конкретные объяснения существования пар городов и причин их взаимной смены — изменение направления торговых путей, недостаток городской площади, смена этнического состава населения и т.д. Поскольку сейчас очевидно, что «перенос» города — явление

общее, хотя и проявляется в конкретных формах, то необходимо дать и общее объяснение. При этом следует иметь в виду три принципиальных обстоятельства:

1) в число парных городов обязательно входит центр, возникший в VII–X вв., чаще всего в тесной связи с местной средой;

2) новый город находится поблизости от предшественника, то есть он и не совместим с ним, но и не разрывает полностью традицию преемственности;

3) смена центров происходит на рубеже X–XI вв.

Ранние торгово-ремесленные военно-административные центры VIII–X вв. ориентировались на внешние связи и торгово-ремесленную деятельность, обслуживали военно-дружинные слои общества и не зависели целиком от местной округи. Наоборот, они во многом способствовали ее формированию. Новые города базировались на местной экономической основе и являлись центрами сельских территорий. В них после принятия Русью в конце X в. христианства сосредотачивались новые органы государственного и административного управления. Появление новых городов было связано со стабилизацией государственных структур, формированием на внутренней экономической основе новых территориальных образований, распространением христианства.

Города не оставались на прежних местах, поскольку менялись социальная структура и экономическая основа их существования. Они становились христианскими центрами, где размещались епископские дворы и храмы, городские соборы. Новая идеология была несовместима с языческой религией, пронизывавшей прежнее общество. Очень показательны это топографическое соотношение в Новгороде. Языческое святилище в урочище Перынь находилось почти напротив древнейшего торгово-ремесленного и военно-административного поселения на Городище (Рюриковом городище), а новый христианский центр, вокруг которого стала селиться местная аристократия и возник торг, был заложен совсем в ином месте, в 3 км вниз по течению р. Волхов.

Были и исключения. Например, Ладога в низовьях Волхова. С момента своего возникнове-

ния в середине VIII в. она дает пример комплексного торгово-ремесленного поселения на важнейшей водной артерии. Ладога выполняла роль промежуточного посреднического центра между регионом Балтики и внутренними районами Восточной Европы, где кончались морские дороги и начинался многотрудный путь по рекам через волоки и пороги. Ладога была своеобразными воротами между двумя мирами — Юга и Севера. Однако, находясь на окраине славянских земель и лишенная плотной земледельческой округи (цепочка поселений вдоль Волхова общей картины не меняет), она в VIII–X вв. так и не стала главным административным и культовым центром формирующейся государственной территории Северной Руси. Не стала она таковым центром и позднее, в XI–XIII вв., продолжая выполнять основную функцию перевалочной базы, своеобразного форпоста при входе во внутренние районы Восточной Европы. Эта стабильность функций определила и стабильное положение города на одном месте.

Смена типов городов на Севере Руси сопоставима с аналогичным процессом в регионе Балтики. Здесь также четко улавливаются две системы городов в период с начала VIII до середины XII в.: ранняя до 1000 г. и более поздняя начиная с рубежа X–XI вв. Экономическая основа ранних городов определялась их расположением на пересечении торговых путей, то есть в стратегически важных и географически удобных пунктах,

куда стекались богатства от грабежей в заморских странах, дальней торговли и даней от зависимых племен. Исследователи подчеркивают связь урбанизации и эксплуатации внешних территорий и дальней торговли. Новые города, образующие более позднюю систему, отражали возникновение нового политического порядка, новой центральной системы. Образование христианских государств произошло в конце X в. в Дании, то есть одновременно с Русью, около 1000 г. — в Норвегии и, вероятно, чуть позже в Швеции.

Можно отметить единый ритм социальных процессов в Скандинавии и на Руси. Это и объясняет, почему скандинавы столь легко интегрировались в восточнославянское общество и его правящую элиту. Интересно, что в Скандинавии известны и пары городов: Бирка и Сигтуна, Хедебю и Шлезвиг, Каупанг и Тенсберг или Скин, передвижение Орхуса в Скани на новое место и т.д.

На рубеже X–XI вв. и в Скандинавии, и в Северной Руси происходила смена типов городов. Это подчеркивает общность процессов урбанизации и подтверждает, что эту смену следует объяснять общей тенденцией, которая шире границ государств, хотя она и проявлялась в конкретных формах. «Узлами прочности» в формировании новых политических и религиозных институтов были города.

**Построение Новгорода ильменскими славянами.
Миниатюра из Радзивилловской летописи**

Таким образом, возникновение и развитие городов Киевской Руси является надежным и археологически улавливаемым индикатором становления и укрепления государства и типологически вполне сопоставимо для северной части страны с аналогичными синхронными процессами, проходившими во всем регионе Балтики и прежде всего в Скандинавии.

3.5. МОНАСТЫРИ В ИСТОРИИ РОССИИ*

Факт неоспоримый — история российской государственности теснейшим образом связана с историей Русской Православной Церкви. И не случайно то, что на значительном своем протяжении история России фиксируется монастырскими летописями, прослеживается по истории русских монастырей.

До монголо-татарского нашествия на Русь было известно более тысячи церквей и более восьмидесяти монастырей. Православное сознание стало основой жизни русского народа, и именно это позволило ему выстоять в годы испытаний. Важнейшая, узловая точка истории нашей страны приходится на XIII–XIV вв. Собственно гово-

* Фрагмент из книги Б.Н. Кузика «Святая Русь: время собирать камни» (М: ИНЭС, 2005).

Троице-Сергиева лавра

ря, в это время решался вопрос об элементарном выживании Руси как таковой — навсегда покончить с нею могли и ордынские полчища, и рыцари-крестоносцы. И растворились бы, исчезли русичи, как стинули финикийцы, ассирийцы, египтяне, половцы и многие другие народы.

Конец XIV в. — удивительная эпоха в истории России, эпоха победы на Куликовом поле. Победа эта была связана с духовным возрождением Руси, неотделимым от имени Сергия Радонежского, вдохновителя создания общежительных монастырей на Русском Севере и по всей России. Ближайшие же ученики и «собеседники» Преподобного Сергия положили начало множеству новых обителей в вологодских пределах, в костромских и галичских землях.

Монастыри в Центральной России составили мощный оборонительный пояс страны. Известно, что Преподобный Сергей в большинстве случаев лично выбирал место для будущей обители, осматривал окрестности, лично назначал из числа своих учеников энергичных людей для осуществления планов возведения монастырей. Такова история обителей в Серпухове, Голутвине и Коломне, Дмитрове и Ростове Великом.

Монастыри строились в важнейших с точки зрения обороны страны пунктах с таким расчетом, чтобы контролировать основные транспортные магистрали — сухопутные и водные пути, места слияния судоходных рек, переправы.

Монастыри были умело вписаны в существовавшую систему обороны, являлись узловыми точками системы оповещения, на них опиралась караульная служба Засечной черты, а впоследствии и стрелецкие полки. Некоторые монастыри, например Соловецкий, имели свою артиллерию!

За их крепкими стенами хранились запасы провианта и амуниции. При монастырях жили ремесленники (кузнецы, плотники, шорники), выполнявшие необходимые для обороны работы. Здесь же были люди, способные лечить раненых, заботиться о вдовах и сиротах, хоронить погибших, подвозить на подводах припасы, служить проводниками и переводчиками, писцами, гонцами и хранителями войсковой казны. Зачастую в монастырь переносились и палаты князя, то есть в монастыре были и официальные структуры. Не случайно в народе общеупотребимыми стали такие названия, как Ярославский Кремль, Рязанский Кремль, хотя формально это были монастыри со своим уставом и настоятелем.

Уместен пример времен Ивана Грозного. Для взятия Казани необходимо было быстро и незаметно сосредоточить близ города большое войско, обеспечив его провизией и оружием. И вот как была решена эта непростая задача. В верховьях Волги срубили лес и поставили крепость с башнями. Затем бревна разметили, крепость разобрали и в виде плотов сплавили до острова в устье Свияги, за 40 км от Казани. Крепость быстро собрали, соблюдая скрытность: благо от города остров закрывал высокий берег Волги. В крепости на острове в первую очередь поселили монахов. Буквально в считанные дни вырос мощный форпост — Свияжск, куда доставили необходимый для штурма Казани припас.

Сегодня, по прошествии веков, отчетливо виден глубоко продуманный и поразительно системный подход. Братия монастырей — великая опора Руси, не имеющая других интересов, которые бы отвлекали или препятствовали ей выполнять свои исторические задачи. Монастыри и их насельники издревле были организу-

ющим началом общества, хранителями знаний и умений, традиций и морали.

Монастыри цепью выдвигались из пределов Центральной России на периферию. Они играли роль пограничных опорных пунктов, выполняя ряд типично государственных функций — контролировали поток ввозимых и вывозимых товаров, въезжающих и выезжающих из страны людей, входящей и исходящей информации. Они внимательно следили и за намерениями властителей сопредельных стран. Ну и конечно, выполняли оборонительные функции: так, Соловецкий монастырь вплоть до XIX в. оставался лучшей в инженерном отношении крепостью Европы!

В продвижении на неосвоенные государством земли монастыри играли роль опорных пунктов переселенческого движения, центров организации хозяйственной деятельности на новых территориях. При различных целях функции их были схожими. Это накопление запасов продовольствия для спасения людей от голода в случае неурожая, для хранения посевного материала в зоне рискованного земледелия. Это обучение различным ремеслам, в том числе приемам хозяйствования и строительства. Это социальная защита — лечение, забота о стариках, больных и сиротах. Это развитие торговли — собирание обозов и караванов судов из России и вглубь России по системе рек и волоков, проведение централизованных закупок местных товаров и их продвижение на рынки других регионов, организация складов и перевалочных пунктов, открытие ярмарок. Это, наконец, развитие промыслов — организация сети пунктов переработки продукции моря (засолка, копчение рыбы, добыча жира, выделка шкур морского зверя), леса (производство меда, воска, дегтя, древесного угля, обработка древесины, сбор грибов и ягод, выделка мехов), сельского хозяйства (производство льна, пеньки, солонины, муки и круп, кваса и пива, выпечка хлеба), природных ресурсов (добыча серебра, соли и др.).

Сотни монастырей, у каждого несколько подворий в крупных городах: это мощная сеть продвижения товаров, услуг, знаний, информации, технологий!

Но, пожалуй, важнее всего было то, что результатом развития монастырей явились глубокие

изменения в сознании русского человека, в его духовности. Русь освобождалась от беспросветного господства монголо-татар, возрождалась. Летописи, относящиеся к началу XV в., отмечают относительное житейское благополучие русских людей, их более светлое мироощущение.

Монастырям была свойственна кропотливая культурно-просветительская работа с местным населением. Так, Стефан Пермский посвятил свою жизнь просвещению язычников-зырян, финского племени северо-восточной окраины Руси. Для своей новой паствы он создал азбуку, сделал переводы Священного Писания и богослужебных книг. Стефан обучал зырян не только письменности, но и иконописному мастерству, которым сам владел в совершенстве.

Уместно напомнить, что до революции система образования в России во многом опиралась на деятельность Русской Православной Церкви. Было принято, например, отправлять мальчиков и юношей на год-два в монастыри на послушание (по обещанию или по обету, что не сопровождалось принятием пострига). За это время они становились настоящими мужчинами, обучались различным умениям — кто-то постигал основы ремесла, кто-то приобретал навыки писца и счетовода, кто-то получал опыт руководства коллективными работами, кто-то учил иностранные языки.

Монастыри выявляли наиболее одаренных людей и способствовали их продвижению; сегодня мы сказали бы, что они сохраняли генофонд нации. Активным и инициативным молодым людям монастыри помогали материально и финансово — на условиях возврата и окупаемости. Приехав в новые места, человек шел на подворье монастыря, где ему давали мудрый совет и помогали делом: сохранить товар, установить контакты с местными торговцами, нанять на работу надежных людей. Иначе говоря, работала большая надежная система. А для тех, кто вел торговлю за рубежом, посещение русского храма на чужбине было еще и способом остаться русским.

Монастыри были ответственными за судьбы отроков из виднейших родов: юношей обучали и пестовали, направляли на учебу в столицу, в Европу, в монастыри на Афоне. Устраивали их продвижение на государственной службе, а нередко и семейную жизнь.

Среди современных историков и юристов распространено мнение, что коренное отличие между историческими процессами в России и в Европе кроется в том, что не было у нас европейского феномена городов, самоуправления, магдебургского права. Участие в таких дискуссиях людей другого образа мысли — экономистов — может быть очень полезным хотя бы в постановке вопросов, в формулировке задач исследований. Сегодня представляется очевидным, что роль русских монастырей в экономической жизни страны, в становлении государственности России до сих пор детально не изучена. Мало того, она намеренно принижалась в течение долгих лет.

Русские монастыри в пору своего расцвета были крупнейшими в Европе, а по своим территориальным владениям и по количеству занятого в их хозяйственной деятельности населения превосходили некоторые государства Европы. В том, что России удалось в историческом плане удержать и освоить громадные пространства, — немалая заслуга русских монастырей, которые были составной частью и опорой проходивших в отечестве экономических и социальных процессов.

Монастырское землевладение было выгодно не только для обитателей, но и для крестьян. И дело не только в человеколюбии, которое проявляли монахи по отношению к крестьянам (что разительно контрастировало с тем, как обращались со своими крестьянами вотчинные землевладельцы и помещики). Дело в том, что монастырские крестьяне чаще всего освобождались от разного рода выплат в государственную казну и от принудительных работ на нужды князя. Это привлекало крестьян на монастырские земли настолько, что вокруг каждого монастыря неминуемо и вполне добровольно возникали сельские поселения. Крепостного права в его законченной форме на Руси в ту пору еще не существовало, и частым явлением был переход крестьян с боярских земель на монастырские, где их ожидали различные льготы и гораздо более человеческое отношение. Неудивительно, что противниками монастырей в эту эпоху выступали не крестьяне, которым был выгоден симбиоз с монастырским хозяйством, а крупные землевладельцы, не желавшие такой конкуренции. Лишь много позже, в основном в XVI в., когда

изменился характер монастырского землевладения, отмечались случаи противодействия свободных крестьян основанию монастырей вблизи их поселений. Таким образом, монастыри становились мощным фактором колонизации и освоения новых земель, в том числе малонаселенного Русского Севера.

В Европе выбор для крестьянина был таков: если он уйдет от господина и сможет прожить не менее года в городе (а это было нелегко) — он станет свободным горожанином. На Руси крестьянин имел право уйти на монастырские земли и начать осваивать новые территории, новые монастырские вотчины на Севере и Востоке.

Монастырское хозяйство было необходимо каждой обители для осуществления ее просветительской и благотворительной деятельности. Средства расходовались отнюдь не для нужд самих монахов, живших крайне аскетично. Известно, например, что Кириллов Белозерский монастырь в голодные годы ежедневно бесплатно кормил до 600 нищих, а Свято-Пафнутьев-Боровский — до 1000 человек. Больницы, школы, гостиницы и богадельни открывались

почти при каждой обители, на их содержание шла львиная доля доходов от земельной собственности. Библиотеки и мастерские по переписыванию и изготовлению книг (а книги в те времена были баснословно дороги) требовали гигантских расходов. Многие монастыри были настоящими центрами церковного искусства. Огромные средства вкладывались в развитие иконописных мастерских, одновременно являвшихся на Руси и художественными школами. Многие монастыри считали необходимым тратить значительные суммы на создание коллекций лучших произведений искусства. На протяжении столетий монастыри сосредотачивали и хранили средства на выкуп пленных.

Лев Толстой писал, что именно совокупность воли и стремлений, в основе которой лежит инстинкт борьбы, и определяет вектор исторического процесса. Высокий человеческий материал высок именно своей однонаправленностью, уникальным ментальным единством, которое не знает ни географических, ни языковых, ни социальных барьеров.

Самой важной сферой деятельности Русской Церкви, «хранительницы духовных ценностей и памяти», было сплочение, создание менталь-

Псково-Печерская лавра

ного единства разных групп и племен на территории Руси. Русский храм являлся центром общественной жизни русской общины на протяжении веков. Вся жизнь вращалась вокруг храма.

Да и сегодня традиции и устои русской жизни в глубинке сохраняются, не размываются так, как в больших городах. По-прежнему в церкви сообщаются важнейшие новости, обсуждаются все события — радостные и горестные. В храме скажут, кто родился, кто женился, кто преставился, кто из армии вернулся. Здесь и гостя поприветствуют, и юбиляра отметят, награду вручат, нерадивому попеняют.

Основная заслуга Андрея Рублева, к слову сказать, не только в том, что он создал высокие образцы искусства. Он первым в мире ввел понятие цветового аккорда, гармонии цветов и оттенков, созвучия красок, действующих на единый результат. Гениальность рублевской «Троицы» и ее отличие от византийских икон заключается в единстве действия: три ангела сидят за одной чашей, динамика наклона фигур и их согласованность, вовлекая в движение весь мир — от гор и до отдельного дерева, превращается в спираль, в центре которой — чаша. Особенность рублевской росписи владимирских храмов в том, что святые едины во всем — они сидят на общих лавках без перегородок, а их позы, взгляды и движения синхронны, согласованны и дополняют друг друга.

Этнический потенциал русских, украинцев и белорусов, возвращенных Русской Православной Церковью, очевиден из истории. Покорение Сибири, Кавказа и Арктики, великие географические открытия, создание трансконтинентальных транспортных артерий показывают удивительную физическую выносливость и духовную стойкость славянских народов.

Можно привести яркий пример национальных особенностей другого рода, известный как «немецкая загадка». Немцы — сильная нация, но в историческом плане она не раз демонстрировала удивительную способность быстро превратиться из успешного завоевателя в жалкого побежденного. Примером может служить захват Украины в 1918 г. и деградация немецкой армии как реакция на революцию в Германии. Именно способность и даже готовность к подчинению обстоятельствам и приказам, готовность признать себя побежденными характерны

Андрей Рублев. «Троица»

для немцев периода Второй мировой войны. Вчерашний германский офицер, добросовестно расстреливавший заложников, завтра, после поражения Германии, будет с таким же усердием делать то, что ему прикажут победители — подметать улицы или чистить сапоги, без видимого ущерба для своего самолюбия.

Сегодня, говоря о факторах, определяющих гибель того или иного этноса, мы особо отмечаем утрату накануне гибели способности рассуждать иррационально. А ведь именно нелогичные, «невозможные» с рациональной точки зрения действия и приводят к победе. Примеров тому много и в новейшей истории, и в Священном Писании. Философы, историки, писатели не раз подчеркивали иррациональный характер войн, где опора была не на разум и логику, а на дух. Особенность войны — почти полное исчезновение личного, индивидуального начала у тех, кто добивался победы.

Такие качества важны не только в случае войны, но и при освоении новых пространств, при осуществлении государственных исторических задач. Именно эти качества восприняты на нашей земле от Русской Православной Церкви.

Возрождение Государства Российского после страшных испытаний, духовный подъем в эпоху, которая проходила под знаменем Преподобного Сергия, не могли не обусловить столь же решающих сдвигов и в области культуры. Русское искусство этого периода демонстрирует нам свой величайший взлет, вполне адекватный тому, который происходил в области духовной, породившей новую культуру Московской Руси.

Не много имен дошло до нас от того времени. Это закономерно: православный художник всегда считал своим долгом анонимное творчество. Дух Святой, а не грешный человек, по мысли мастера, был подлинным творцом написанной им иконы. Отсюда и традиция не подписывать произведения. И все же высоты, до которых поднялись несколько крупнейших мастеров Московской Руси, были столь впечатляющими, что народ благоговейно сохранил память об этих именах: Андрей Рублев, Дионисий, Феофан Грек.

Лев Толстой отмечал «уникальное ментальное единство», достигнутое глубоким благотворным духовным воздействием Русской Православной Церкви и связанное с высоким, непререкаемым авторитетом ее иерархов. Одним своим словом они могли примирить враждовавших князей, остановить войну, бунт. Слова патриарха Гермогена было достаточно, чтобы земли русские собрали ополчение и двинулись на Москву: так прекратилась на Руси Смута.

Всякое государство, всякий народ жив только тогда, когда он сохраняет священные принципы,

общественные институты, традиции. Сохраняет их неизменными в течение срока, превышающего срок жизни человека. К таким принципам можно отнести многое, но основные из них таковы:

- вера в высочайший идеал и смысл жизни;
- вера в овечное славой государство, которое возглавляет верховная власть, являющаяся символом народной веры и духа;
- вера в семью как нравственно-духовную опору Отечества и первооснову Родины.

Только на основе отношений собственности — частной, личной, общей и общественной — на все средства производства, на землю, на все, что творит человек, могут развиваться нормальные экономика и хозяйство. Но попытка использовать материальные механизмы, которые обеспечивают только физическую жизнь человека, не опираясь на духовно-нравственные принципы, не создавая единый духовный организм, в историческом плане обречена на провал.

История учит: без соблюдения важнейших моральных принципов народ разлагается и умирает, исчезает с исторической арены.

В России за 1000 лет был создан особый, строгий монастырский строй. Именно он внес смысл в жизнь народа и укрепил в нем духовность. Монастыри были очагами государственности, которая поддерживала общину и препятствовала рабству, боролась со злом и защищала духовность. Монастыри были академией и думой, судом и законом, вековыми накопителями экологического и хозяйственного опыта народа.

Глава 4

КИЕВСКАЯ РУСЬ

Начнем исследование исторического пути отдельных составных частей восточнославянской цивилизации с Киевской Руси. При этом будем иметь в виду не всю территорию Древнерусского государства XI–XII вв., охватывавшую почти весь ареал цивилизации (кроме тогда еще не колонизированного Русского Севера), а только южнорусские земли, включая и Северное Причерноморье, более детально исследованное в предыдущем томе монографии (Кузык, Яковец, Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций. М.: ИНЭС, 2008).

4.1. ЮЖНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ — ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В российской, украинской и иной исторической литературе под Киевской Русью понимают могучее, крупнейшее по масштабу европейское государство, сложившееся в IX–X вв. с центром в Киеве и постепенно расширившее свои владения как империя Рюриковичей, потомственно занимавших все княжеские столы. Основными соперниками Киева были сначала Великий Новгород (где начинали свой путь большинство киевских князей, в частности Владимир Святославич и Ярослав Мудрый), позднее — Владимир, стольный град Владимиро-Суздальского княжества, а в итоге при трансформации восточнославянской цивилизации в евразийскую — Москва. При Иване III она была провозглашена столицей Русского царства — наследницей византийской цивилизации, центром православия.

Почему именно южнорусские земли стали центром формирования восточнославянской цивилизации? Для этого были веские основания.

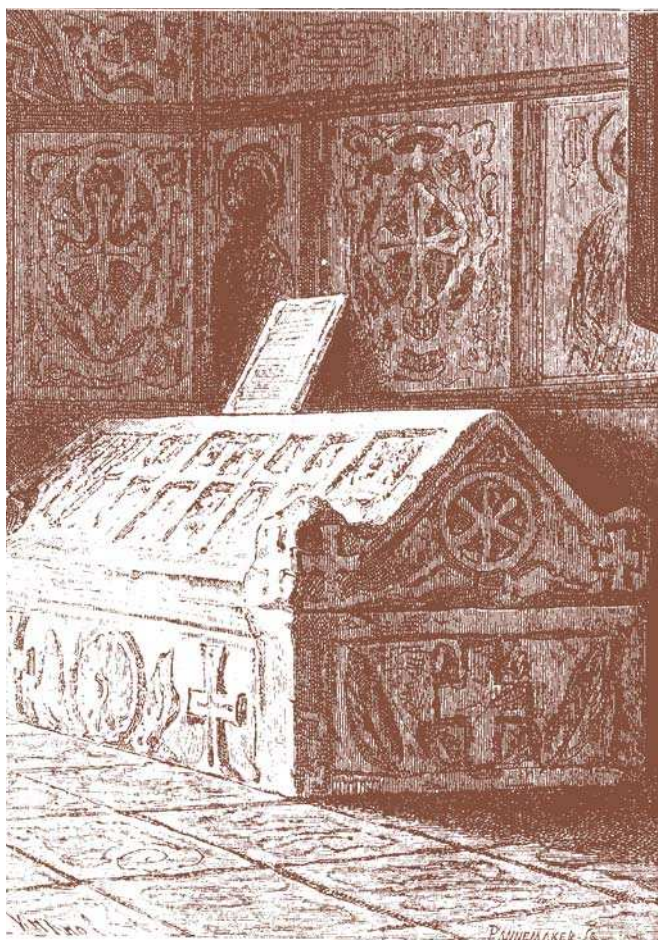
1. Историческое цивилизационное наследие. Киевская Русь стала главной наследницей цивилизационных процессов, развивавшихся на пространствах Северного Причерноморья с VII в. до н.э., когда представители античной греческой цивилизации основали густую сеть городов-полисов, вступили в тесные контакты со скифской протоцивилизацией (по мнению В.И.Гуляева — цивилизацией). Греческие купцы

из Ольвии, Тиры, Херсонеса проникали далеко на север по Днепру (Борисфену) и Южному Бугу, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки в городищах нынешней Украины. Цивилизационный процесс и контакты продолжались и дальше — с восточными территориями Римской империи, а затем с генуэзскими торговыми крепостями — Судаком и Кафой (Феодосией). Связи тянулись через Боспорское царство, а затем через Русский каганат, Тмутараканское княжество на Таманском полуострове.

Хотя эти контакты прерывались войнами, нашествиями готов, гуннов, аваров, однако они не могли не оставить значительных следов среди местного населения. Великим торговым путем «из варяг в греки» оно было непосредственно вовлечено в устойчивые торгово-экономические связи с Северо-Западной Европой и Византией, а через Великий Волжский путь и Великий шелковый путь (одно из ответвлений которого проходило через Приазовье и Причерноморье) — с индийской, китайской и мусульманской цивилизациями.

Пришедшие в южнорусские степи из Центральной Европы славянские племена (анты) восприняли это многовековое цивилизационное наследие, продолжили контакты в разнообразных формах, используя многочисленные речные пути, пересекавшие Восточно-Европейскую равнину. Поэтому здесь раньше, чем в центральных, северо-западных и тем паче в малонаселенных северных землях, стали формироваться зародыши восточнославянской цивилизации третьего поколения.

2. Демографический фактор. Северное Причерноморье, лесостепные регионы Восточнославянской равнины были более густо заселены (плотность населения здесь была во много раз выше), чем лесные и лесостепные регионы центра, северо-запада и севера этой равнины. Еще в скифскую эпоху здесь возникали крупные поселения на сотни тысяч гектаров (примеры таких городищ — Бельского и Матронинского — рассмотрены во главе 2 настоящей монографии). Сеть поселений, а затем городов на берегах рек была достаточно густой. И хотя население периодически сокращалось из-за набегов кочевников и военных столкновений, плотность на-

Ярослава гробница. Софийский собор в Киеве

селения достигала той критической массы, которая уже позволяет говорить о формировании локальной цивилизации.

Нельзя упускать из виду и другой немаловажный фактор: полиэтничность местного населения. Передавали друг другу цивилизационное наследие представители разных наций и этносов — славяне, потомки скифов, сарматов, готов, гуннов, греков, тюрков, армян и т.д. Такая полиэтничность облегчала восприятие иных цивилизационных ценностей и иного социально-политического устройства, делала цивилизационный генотип здешнего населения более гибким, восприимчивым, жизнестойким.

3. Природно-экологические условия, обилие плодородных земель, особенно в притоках многочисленных рек, позволяли заниматься земледелием и экспортировать зерновые в другие страны. Степи и лесостепи были благоприятны для занятий скотоводством. Разветвленные речные системы способствовали прочным кон-

тактам, внутрицивилизационным и международным связям. Да и условия умеренного, сравнительно теплого и влажного климата создавали условия для продуктивного сельского хозяйства, а следовательно, и ремесла. Многочисленные месторождения металла способствовали развитию металлургии, изготовлению железных орудий труда и железного оружия. Реки изобиловали рыбой и не замерзали большую часть года, а леса полны разнообразным зверьем. В то же время плотность населения не достигала такого высокого уровня, как в некоторых южных цивилизациях, и не оказывала существенного отрицательного влияния на природную среду. Одним словом, природно-экологические условия были благоприятными для развертывания цивилизационного процесса.

4. Уровень технологического развития.

По этому показателю южнорусские регионы немногим уступали западноевропейской цивилизации эпохи раннего Средневековья. Конечно, технологии земледелия и ремесла были значительно ниже, чем в Римской империи, но становление средневековой мировой цивилизации началось с технологического регресса, с отката назад, и лишь столетия спустя технологические достижения античной эпохи были достигнуты и превзойдены. Но набор орудий труда, технологий Северного Причерноморья, Степи и Лесостепи были примерно такими же, как на Европейском Западе и Северо-Западе, вероятно, и производительность труда была примерно равной. В то же время в центральных, северо-западных и особенно в северных регионах, где условия для земледелия были менее благоприятными, сельское хозяйство находилось на более низком уровне, зато активно развивались ремесла, особенно в городах и городищах, расположенных на торговых путях.

5. Уровень экономического развития

во второй половине 1-го тыс. н.э. был достаточным для формирования основ локальной цивилизации. Выше уже приводились данные А. Мэддисона о том, что в 1000 г. ВВП на душу населения на территории бывшего СССР составлял 400 долл., то есть равнялся западноевропейскому и лишь на 8% уступал среднемировому уровню (Maddison, 2003). Можно предположить, что ВВП в Киевской Руси был значительно выше

этого уровня и превышал среднемировой показатель. Складывавшийся строй экономических отношений также отвечал строю раннего Средневековья в Европе. Преобладало семейное и общинное землевладение, существовала семейная частная собственность на основные орудия труда, оружие, жилища, а также предметы быта. Имела место имущественная стратификация, растущую часть богатств присваивали племенные вожди и их ближайшее окружение, закладывались основы будущего классового деления. Хотя семейное хозяйство крестьян было преимущественно натурально-патриархальным, все большее распространение получали рыночные отношения. Ремесленники работали на рынок, росла доля товаров, поставляемых на экспорт, была высокой доля импортных товаров в потреблении племенной верхушки.

Рыночные механизмы получали развитие не только в Южнорусском регионе и Приднестровье, но и на Северо-Западе, и в верховьях крупных рек, особенно после освоения этих регионов славянами и развития торгового и культурного обмена Востока и Запада примерно с VIII в. Речные системы Севера вступили в эти торговые пути позднее, с XI–XII вв. — со времени новгородской и понизовской колонизации Севера и формирования Великого пушного пути.

6. Социально-политические условия для формирования восточнославянской цивилизации сформировались первоначально в южных регионах. Сюда прежде всего двинулись славянские племена, здесь зафиксировано историками первое полугосударственное образование славян-антов. Здесь сложились крупные союзы славянских племен, центры которых трансформировались в расположенные на берегах Днепра и других крупных рек города, в том числе Киев. Еще до прихода Рюриковичей здесь существовало государственное образование во главе с легендарным Кием, действовала система взимания княжеской дружиной налогов с местных племен, собирались таможенные сборы с проходящих судов и караванов.

Следовательно, и социальная дифференциация, и обособленная государственная власть (при значительных признаках военной демократии) сложилась в этом регионе сравнительно

рано, в VII–VIII вв. Несколько позднее, в VIII–IX вв., подобные государственные образования сложились на Северо-Западе и в центре Руси. Таким образом, был достроен недостающий этаж цивилизационной пирамиды — социально-политический. Возникли государство и право («Русская правда» Ярослава Мудрого).

Киевская Русь вскоре получила международное признание, заняла свое место в геополитическом пространстве того времени. Об этом свидетельствуют брачные связи семейства Ярослава Мудрого с королевским двором Европы. Своеобразие социально-политического строя восточнославянской цивилизации состоит в том, что она объединяла государственное устройство двух преобладавших типов, характерных для средневековой эпохи. Один тип — авторитарное монархическое государство византийского или западноевропейского типа. Основными властными функциями был наделен правитель государства — император, царь, великий князь, стоявший на вершине пирамиды зависимых от него властей более низких рангов

К.В. Лебедев. «Сбор дани князем»

(в данном случае — великого князя киевского и князей новгородских, ростовских, переяславских и т.д.). Вряд ли здесь уместно говорить о военной демократии, поскольку не дружина выбирала князя, а князь формировал и набирал дружину, целиком зависимую от него. Другой тип государства можно назвать торгово-ремесленной вечевой демократией. Вече — собрание народных уполномоченных — выбирало органы исполнительной власти, а в Великом Новгороде могло сместить князя, а также посадского, тысяцкого. И такая форма власти существовала не только в Великом Новгороде, Пскове, Старой Руссе, Торжке, Вятке и в волостях Новгородской республики, но и в крупных городах и в торговых центрах собственно Киевской Руси, в том числе в стольном граде Киеве.

И все же административная власть князей, институты государственного устройства в конечном счете объединяли многочисленные и своенравные удельные княжества в единое мощное Древнерусское государство (хотя это

не всегда удавалось). И главенство здесь было за Киевом — с момента взятия Киева Олегом, провозгласившего Киев «матерью всех городов», и до разгрома монголами Киевской Руси в середине XIII в.

Следует отметить, что, несмотря на княжескую междоусобицу и борьбу за киевский престол, все князья были представителями одной династии — Рюриковичей, которая царствовала на Руси до конца XVI в.

7. Киеву принадлежала ведущая роль **в духовной сфере**, прежде всего в области религии. Хотя в Новгородской республике уровень образования населения был выше — к этому вынуждала развитая сеть торговых отношений, но первенство после принятия православия осталось за Киевом, особенно после того, как главой церкви стал не присланный Константинополем иерарх, а избранный епископами Иракий. Киево-Печерский мужской монастырь (основан в 1051 г.) с 1598 г. главенствовал в развитии православия в Киевской Руси, из его монахов назначалось большинство епископов на местах, в удельных княжествах.

Псков

4.2. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

История Киевской Руси достаточно широко и детально исследована российскими, украинскими и зарубежными историками. Назовем лишь несколько наиболее важных публикаций — В.О. Ключевского (Курс русской истории, части 1 и 2); Б.Д. Грекова (Киевская Русь); Г.В. Вернадского (История России — Киевская Русь); книги Б.А. Рыбакова, Н.Я. Фроянова, коллективный труд Института археологии НАН Украины «Давня історія України» (т. 3), монографию О.П. Толячко и П.П. Толячко «Киевская Русь». Поэтому остановимся на основных этапах развития Киевской Руси в узком смысле слова — как совокупности южнорусских земель в составе восточнославянской цивилизации.

4.2.1. Зарождение цивилизационных основ в южнорусских землях

Выше уже отмечалось, что определенные предпосылки для формирования локальной цивилизации на пространствах южнорусских степей и лесостепей возникали еще в первой половине 1-го тыс. н.э. Это и возросшая численность и плотность населения, и благоприятные природно-климатические условия и близкий другим «варварским» районам Европы технологический уровень, и степень развития системы экономических и торговых отношений, и опыт общения с более развитыми цивилизациями Средиземноморья, и сравнительно высокий уровень образования. Не хватало двух важнейших предпосылок — социальной дифференциации общества и возникновения государства и права, поддерживающих и защищающих имущественную стратификацию.

По мнению некоторых историков, в городах и княжествах восточнославянской цивилизации вплоть до XII в. преобладали родоплеменные отношения, и полноценного государства не существовало. Однако с такой оценкой не согласен большинство ученых.

Основным содержанием этапа зарождения восточнославянской цивилизации в южнорусских землях (VI–VIII вв.) было становление государственности.

Этот период начался в период великого расселения союзов славянских племен, которое само

по себе требовало высокого уровня организации и наличия властных полномочий у племенной верхушки и дало толчок к формированию и самоидентификации славянских этносов. «Уже к середине 1-го тыс. н.э. начинается собственная история славянских народов, начальным периодом которой стал одновременный этногенез восточных, западных и южных славян», — записано в коллективном труде украинских археологов. Историческое значение великого переселения народов, которое охватило и славянский мир, состоит в том, что оно показало прочность разделения славян на этнические группы, которые в зависимости от исторических обстоятельств заложили основы формирования современных славянских народов (Давня історія України, т. 3).

Украинские археологи видят основную причину появления государств у славян в необходимости распределения излишков продуктов, которые появлялись в результате возросшей продуктивности труда, а главную функцию этих начальных полугосударственных образований — в перераспределении этих излишков (Давня історія України, т. 3, с. 144–145). В действительности причины становления государственности были гораздо более разнообразными.

Во-первых, переселение тысяч и десятков тысяч семей со всем их скарбом и скотом, освоение новых мест, конфликты с местными племенами, периодические набеги кочевников диктовали необходимость наличия группы наиболее активных, смелых и организованных людей, которые руководили бы этими процессами и в случае необходимости вступали в вооруженную борьбу. Позднее это стало называться князем и его дружиной.

Во-вторых, внешние факторы дополнялись внутренними процессами социальной дифференциации (стратификации), переходом от общинной к семейно-частной собственности. Здесь важнейшую роль играют социально-экономические факторы. Освоение новых земель, распашка участков, разведение и содержание домашнего скота требовали интенсивного труда всех членов большой семьи, частного присвоения как средств труда, так и произведенного продукта (включая прибавочный продукт). При этом одни семьи богатели, другие беднели.

Серебряный позолоченный наперсный крест, украшенный ложнозернистым орнаментом. X—XI вв.

Развитие товарно-денежных отношений вело к появлению слоя ремесленников, земледельцев, скотоводов, охотников, работавших на рынок — не столько на местный, сколько на племенной и международный (включая межцивилизационный). Князья и дружинники, захватив в случае успеха большую добычу, не хотели отдавать ее целиком в общее пользование. Все это неизбежно порождало социальное неравенство, имущественную стратификацию. Требовался авторитет государственной власти, чтобы закрепить право частносемейной собственности. Усиливалась тенденция повышения производительности труда, роста интенсивности хозяйств, совершенствования военного искусства, что в купе стимулировало прогрессивные инновации. Следовательно, возникновение государства было неизбежным следствием изменения структуры и повышения эффективности воспроизводства и всего уклада жизни племен и союзов племен на этом этапе их развития.

В-третьих, формирование государственных образований дало толчок к развитию и обогащению духовного мира восточных славян. Имущая верхушка предъявляла спрос на предметы росписи и изделия художественных промыслов,

на услуги певцов, музыкантов и летописцев, нуждалась в грамотных людях, умеющих считать, писать и вступать в контакты с чужеземцами. Она организовывала обучение своих детей. Укрепление единства государства требовало мощной идеологической опоры. Ее не смогла дать прежняя религия с ее многобожием и наличием локальных божеств и ритуалов. Возникла необходимость в монотеистической религии, которая строилась бы на принципах единообразия и строгой иерархии божественной власти, на освящении верховной власти монарха и феодальной иерархии государственной власти. Волжские булгары приняли ислам, верхушка хазар — иудаизм, а Киевская Русь — православие, которое стало надежной опорой государственной власти, ее идеологическим оправданием.

В-четвертых, важную роль в формировании государственности в Южнорусском регионе сыграли внешние факторы — постоянные войны, столкновения с Византией, с кочевыми племенами с востока и юга. Б.Д. Греков делает вывод, что этот процесс начался с VI в.: «VI век застаёт славян и антов в состоянии военной демократии». В этом же веке славяне и анты сделали большие успехи в военном деле, позволившие им победить Восточную Римскую империю, подобно тому, как гунны за одно столетие до этого одолели Западную Римскую империю» (Греков, 2004, с. 396). Пожалуй, роль славян в крушении Восточной Римской (Византийской) империи преувеличена, но в длившихся несколько столетий взаимоотношениях формирующейся восточнославянской и идущей к закату византийской цивилизаций были как неоднократные войны (заканчивавшиеся потерями с обеих сторон), так и десятилетия мирного сотрудничества и торгового партнерства. Славяне восприняли у греков (византийцев) не только идею государственности, но и многое в организации государственной власти и армии, в религии и культуре, особенно после крещения Руси.

Конечно, становление государственности у восточных славян заняло столетия. Уже у антов имелись племенные вожди и старейшины, которые составляли зачатки государственной власти (эти вожди (князья?) с почетом принимались в Константинополе — столице Византийской империи).

4.2.2. Становление и расцвет Киевской Руси

Примерно с VIII в. формируется Киевская Русь — крупнейшее средневековое государство в Восточной Европе да и, пожалуй, во всей Европе. «Славяне — самый многонациональный народ в Европе, — пишет Б.Д. Греков — Древнерусское государство — самое крупное государство из всех славянских и неславянских государств» (Греков, 2004).

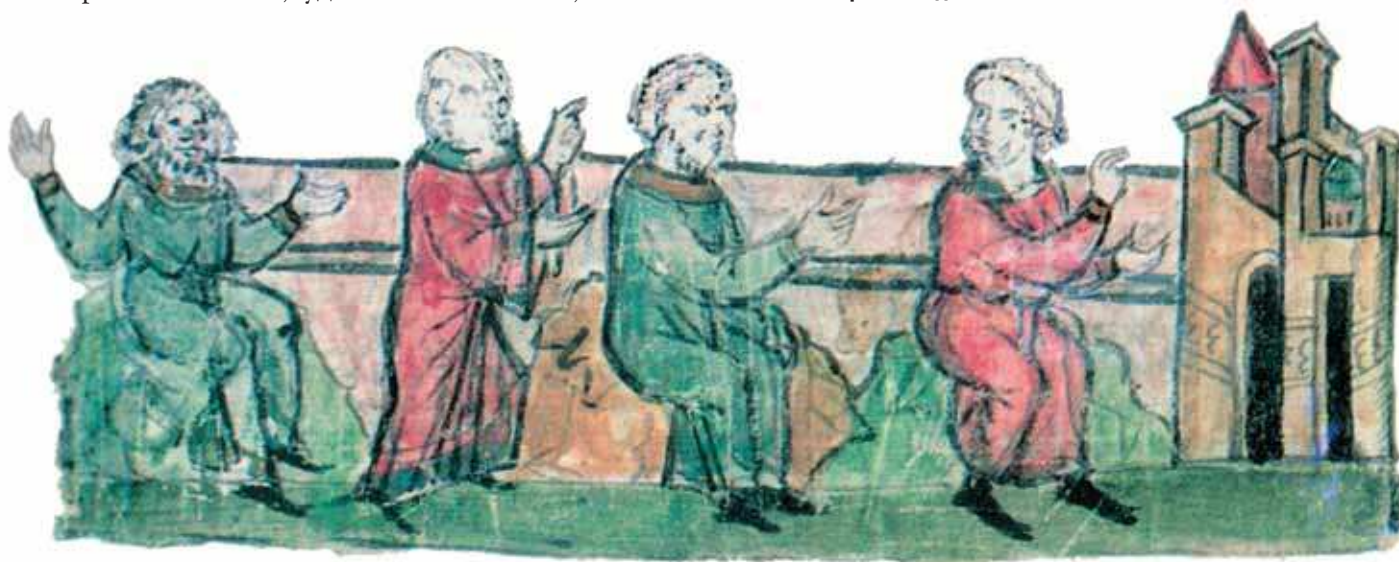
В.О. Ключевский характеризует Древнерусское государство как основную политическую организацию восточнославянской цивилизации. С VIII по XIII в. масса русского населения сосредотачивалась на Среднем и Верхнем Днепре с его притоками и его историческим водным продолжением — линией Ловать — Волхов. Господствующий политический фактор этого периода — политическое дробление земли под руководством городов: политическим и хозяйственным центром каждой отдельной области является большой торговый город, устроитель и руководитель ее политического быта. Господствующим фактором экономической жизни в этот период является внешняя торговля, занятия лесными промыслами, звероловство, лесное пчеловодство. Это Русь Днепровская, городовая, торговая» (Ключевский, 1987, с. 51).

С XII до середины XVI в., согласно В.О. Ключевскому, центр восточнославянской цивилизации и масса русского населения перемещались на Северо-Восток, в верховья Волги и ее притоков, что положило начало следующему этапу — Руси Верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-

землевладельческой (с середины XV в. до второго десятилетия XVI в. набирала силу Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая) (Ключевский, 1987, с. 52).

Политическим и экономическим центром Древнерусского государства стал Киев. Это объясняется некоторыми причинами, на которых концентрирует внимание В.О. Ключевский. Он объясняет это не только выгодным расположением города в центре плодородных, богатых равнин, но и важнейшим местом в речных междоузлиях торговых путей. В IX и X вв. «довольно явственно выступают два факта: тяготение варяжских пришельцев с Балтийского моря к Киеву. Кто владел Киевом, тот удержал ключ от главных ворот русской торговли» (Ключевский, 1987, с. 158). Киев служил главным оборонительным центром страны против Степи и центром русской торговли. «Завязавшиеся торговые связи с Византией и арабским Востоком, черноморскими, азовскими и каспийскими рынками, направляя народный труд на разработку лесных богатств страны, устанавливали к Киеву важнейшие хозяйственные обороты». В силу этих факторов Киевское княжество, по мнению В.О. Ключевского, стало первой формой русского государства: «Под властью киевского князя волей или неволей соединились другие русские княжества и городовые области Руси и тогда Киевское княжество получило зна-

**Основание Киева тремя братьями: Кием, Щеком и Хоривом, занявшими три горы, и сестрой Лыбедью (стоит).
Миниатюра из Радзивилловской летописи**

чение Русского государства. Это подчинение было вынуждено политической и экономической зависимостью от Киева» (Ключевский, 1987, с. 158). Историк оспаривает позицию о первенстве Новгорода в формировании Древнерусского государства: «Появление Рюрика в Новгороде принято считать началом Русского государства, но тогда в Новгороде возникло местное и притом варяжское княжество. Русское государство основалось с приходом Олега в Киев; из Киева, а не из Новгорода пошло политическое объединение русского славянства. Киевское варяжское княжество стало зерном того сплава славянских и соседних с ним и финских племен, который можно признать первоначальной формой Русского государства» (Ключевский, 1987, с. 52).

С этим мнением В.О. Ключевского (как и многих других историков) можно поспорить.

Во-первых, Новгород находился на магистрали главных торговых путей Восточно-Европейской равнины, более того, он находился на перекрестке двух главных магистралей междивизиационного диалога и взаимосвязей — «из варяг в греки» и «из варяг в персы», Волхов-Днепровского и Волхов-Волжского речных путей. В Ладогу и в Новгород стекались огромные богатства, товары из Византии, Арабского халифата, Индии, скандинавских и германских стран и торговых городов. Несколько позднее к ним присоединился третий поток — Великий пушной путь с Русского Севера после колонизации его новгородцами.

Во-вторых, в VIII–IX вв. было несколько центров формирования Древнерусского государства, из которых выделялись Новгород и Киев. Киев в тот период вряд ли можно считать центром этого государства. Он стал таковым лишь после захвата его Олегом, после того, как Рюрик два года княжил в Ладоге и 20 лет в Новгороде. Вряд ли Новгород следует считать кратковременным местным варяжским княжеством — именно здесь был заложен фундамент династии Рюриковичей, правивших государством до начала XVII в.

В-третьих, хотя Киев после переноса в него Олегом функций столярного града Древнерусского государства стал играть в нем главенствующую роль (до 1169 г., когда Андрей Боголюбский разорил Киев), Новгород оставался центром объединения северных и северо-восточных русских и финских племен на территории, превосхо-

дившей площадь Киевского княжества и других южнорусских княжеств. А после разгрома Киева и центрально-русских княжеств монголами в середине XIII в. именно Великий Новгород оставался средоточием русской государственности, экономики и культуры, пока эти функции не перехватили Владимир, а затем Москва.

Тем не менее следует признать, что Киев имел географическое, экономическое, политическое, культурное основания, чтобы стать столицей Древнерусского государства, матерью городов русских.

4.2.3. Цивилизационные особенности Киевской Руси (южнорусских княжеств)

Рассмотрим основные цивилизационные особенности Киевской Руси в эпоху ее формирования и расцвета (до конца XII в.).

1. Территория и естественная среда.

Географическое положение южнорусских княжеств было весьма благоприятным для цивилизационного развития. Южнорусские княжества располагались на обширной территории, где имелись: значительные свободные, в том числе плодородные земли для хозяйственного освоения растущим населением; речные системы, которые служили транспортными и торговыми путями; леса, богатые зверьем (пушнина), медом, запасами некоторых видов минерального сырья и древесиной как главным строительным материалом и источником энергии (особенно в зимнее время, более короткое, чем в центральных, северо-западных и тем более северных районах). Правда, месторождения благородных металлов здесь практически не встречались, но золото и серебро в достаточном количестве поступало в обмен на местные товары.

2. Население. После переселения славян из Центральной Европы численность населения в этом регионе быстро росла, тем более что естественных ограничений для демографического роста практически не было. Пришлые славяне, так же как и варяжские дружинники, смешались с финскими и другими местными племенами. Этот симбиоз периодически пополнялся кочевыми племенами, которые частично оседали здесь или проходили дальше на Запад. Часть населения погибала во время вражеских втор-

№	Воспроизводственные сектора и отрасли	500	600	700	800	900	1000	1100	1200	1300	1400	1500
1	Потребительский сектор	81	79	76	73	70	68	67	67	72	76	79
1.1	Сельское хозяйство	63	61	59	65	53	51	49	49	56	60	63
1.2	Лесные промыслы (охота, бортничество)	9	9	8	7	6	5	5	5	6	7	7
1.3.	Переработка сельхозпродуктов	8	8	8	9	9	9	9	9	8	7	7
1.4	Культура и религия	1	1	1	2	2	3	4	4	2	2	2
2	Орудия труда и оружие	5	5	6	7	8	9	10	10	9	8	6
2.1	Изготовление орудий труда	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
2.2	Изготовление оружия	1	1	1	2	2	2	3	3	3	3	2
2.3	Строительные материалы	2	2	3	3	4	5	5	5	4	3	2
3	Энергосырьевой сектор	6	7	7	8	9	9	9	8	7	6	7
3.1	Добыча минералов, деревообработка	2	2	2	3	3	3	3	3	3	3	2
3.2	Лесозаготовки, топливо	2	3	3	3	3	3	3	3	2	2	3
3.3	Строительство	2	2	2	3	3	3	2	3	2	2	2
4	Инфраструктура	8	9	11	12	13	14	14	15	12	10	8
4.1	Транспорт	3	3	4	4	4	4	4	4	4	3	2
4.2	Торговля	3	3	4	4	4	4	4	4	4	3	2
4.3	Госаппарат, дружина	2	2	3	3	4	4	4	5	3	2	2
	Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 4.1. Динамика воспроизводственной структуры экономики Киевской Руси (южнорусских княжеств) (доля в числе занятых, %, оценка)

жений, военных походов и междоусобных столкновений, но убыль мгновенно восполнялась. Преобладало сельское население, но быстро росло число городов и численность их жителей. Можно сказать, что демографический фактор был более благоприятен для цивилизационного прогресса, чем в Европе или Византии.

3. Технологии. Основным занятием и источником энергопотребления Киевской Руси было земледелие, дополняемое домашним скотоводством, ремеслом, лесным и рыбным промыслами. Б.К. Греков специально исследовал роль сельского хозяйства в Киевской Руси и отмечал, что земледелие, а не охота и торговля, было главным источником средств существования населения. Осуществлен переход технологии от подсечной к плужной пашне.: «с VIII–IX вв. мы можем смело говорить о ведущей роли пашенного земледелия даже в северных частях территории Руси. Среднее и южное Приднепровье... знало его очень давно... Основная линия развития сельского хозяйства идет по новому, проложенному сохой и плугом, пути, конечно, с учетом

различий северных и южных регионов» (Греков, 2004). Технология и технические средства земледелия, скотоводства, ремесла, охоты примерно соответствовали уровню формировавшейся в тот же период западноевропейской цивилизации, хотя и были ниже, чем в развитой Римской империи и ее наследнице — Византии. Сельское хозяйство было достаточно продуктивным, чтобы обеспечивать удовлетворение растущего населения в основных видах продовольствия и давать излишки для экспорта. Б.Д. Греков отмечал это: «Земледелие есть основное занятие наших предков. До образования раннефеодального Русского государства оно пережило несколько этапов в своем развитии, и к тому времени, когда русский народ облекся в государственную форму, на большей части занятой им территории уже находилось на значительном высоком уровне: пашня пахалась взрыхляющим землю плугом при помощи тяговой силы животных» (Греков, 2004, с. 113).

4. Экономика. Воспроизводственная структура экономики Киевской Руси (южнорусских княжеств), по предварительной оценке, представлена в табл. 4.1. Основой экономики было сельское хозяйство — земледелие, скотоводство, подсобные отрасли.

Конечно, распределение занятых по отраслям весьма условно — один и тот же работник мог заниматься земледелием и содержанием скота, лесным промыслом, строительством и ремеслом и в случае опасности становиться воином. Поэтому скорее можно говорить о распределении общей массы труда между разными видами деятельности.

Можно выделить *четыре этапа* в структурной динамике экономики южнорусских регионов Киевской Руси. На первом этапе, в фазе зарождения жизненного цикла восточнославянской цивилизации (VI — середина VIII в.), в период переселения славянских племен в восточноевропейскую лесостепь и лесную зону, экономика носила примитивный аграрный характер с общинным землевладением; в сельском хозяйстве было занято около двух третей трудоспособных, значительная часть — изготовлением сельскохозяйственных орудий и переработкой сельхозпродуктов, а также строительством жилых домов. Почти десятая часть труда шла на лесные промыслы. Производительность труда была низкой, норма прибавочного труда не-

лика. Торговля развивалась, но ею было занято всего 3–4% труда.

На втором этапе, с середины VIII по X в., происходила экспансия экономики, расширение разделения труда. Доля занятого в сельском хозяйстве труда сократилась до 51–53%, но его продуктивность значительно выросла, увеличилась норма и масса прибавочного продукта. Это позволило увеличить сеть городов и затраты труда на их строительство, защиту и благоустройство, на изготовление орудий труда, возросли затраты труда в торговле и управлении (княжеская дружина и другие органы сформировавшегося государства).

На третьем этапе, с XI до середины XIII в., продолжала снижаться доля труда в сельском хозяйстве, возросли затраты труда в искусстве, в религиозных учреждениях и в торговле.

На стадии заката Киевской Руси, в XII–XIV вв., были нарушены главные торговые пути, во многом опустели Киев и другие торговые города, значительная часть населения устремилась в деревни

А.М. Васнецов. «Двор удельного князя»

и леса. Вновь повысилась доля занятых сельскохозяйственным производством, упала доля занятых в торговле, госаппарате, культуре, ремесле и на транспорте. Центр экономического и социального прогресса переместился на восток.

До сих пор вызывает дискуссию характер социально-экономического строя Киевской Руси. В.О. Ключевский полагал, что «экономическое благосостояние Киевской Руси XI и XII вв. держалось на рабовладении. К половине XII в. рабовладение достигало там громадных размеров» (Ключевский, 1987, с. 278). И дальше: «Люди из высшего общества стали сажать на землю, применять рабовладение к земледелию... Во всех известиях о частном землевладении XII в. земельная собственность является с одним отличительным признаком: она населялась и эксплуатировалась рабами: это «села с челядью» (Ключевский, 1987, с. 278).

Хотя рабство было известно в Киевской Руси, а торговля рабами (в основном пленными) развивалась, однако рабство не было основой способа производства. Хозяйство вели свободные или зависимые крестьяне (смерды) и ремесленники, владевшие собственными средствами производства и платившие ренту князю или боярам; немалое место занимала и общинная собственность.

Б.Д. Греков придерживался иной точки зрения: «Славяне, и, в частности, восточная их ветвь, в момент выхода из первобытно-общинного своего состояния столкнулись с разрушавшимся рабовладельческим миром и принадлежали к той группе народов, которая благодаря своему общинному строю могла омолодить умирающую Европу». И дальше: «Смерд свободный и крепостной — это и есть основная производительная сила Киевской Руси» (Греков, 2004, с. 157, 305).

Действительно, сформировавшаяся восточнославянская цивилизация принадлежала к цивилизациям третьего поколения. Если первым двум поколениям было свойственно рабовладение как основа экономики (она сочеталась с трудом свободных крестьян и ремесленников, купцов, особенно в Китае, Индии, Персии), то для цивилизаций третьего поколения (Средневековья) это уже был в основном пройденный исторический этап, хотя какое-то время рабо-

торговля и рабовладение сохранились, а в Америке позднее наблюдался даже рецидив этого отжившего способа производства, унесший жизни десятков миллионов рабов и африканцев, которых превращали в рабов.

5. Государственно-политическое устройство. Период становления и расцвета Киевской Руси характеризовался тенденцией «собирания земель», интеграцией разрозненных союзов славянских племен в мощное Древнерусское государство, возглавлявшееся великим князем киевским. В отличие от новгородского вечевого строя здесь формировалось сильное авторитарное государство с единоличной княжеской властью подобно византийскому государственному устройству. Однако это монархическое устройство отличалось тремя особенностями.

Во-первых, князь киевский был вынужден советоваться или по крайней мере считаться с мнением и интересами других членов династии. В борьбе за княжеский стол существовал и такой институт, как время от времени проходившие съезды князей, на которых обсуждались жизненно важные государственные вопросы. Это была своеобразная «княжеская демократия».

Во-вторых, князь мог советоваться по важнейшим вопросам со своей дружиной (ее верхушкой) и приближенными. В случае резких расхождений интересов она могла сменить или убить князя. Это были остатки «военной демократии».

В-третьих, в Киеве и других городах продолжало действовать народное собрание — вече, сохранялся режим «городской демократии», хотя и в ограниченном виде. Поэтому здесь не было такой абсолютной монархии, как на востоке.

Правда, Б.Д. Греков отрицает значение вече в Киевской Руси в период ее расцвета, признавая повышение их роли в период заката: «В Древнеримском государстве как такового вече, строго говоря, не функционировало; расцвет вечевой деятельности падает уже на период феодальной раздробленности. Только в конце периода Древнерусского государства можно наблюдать в некоторых городах вечевые собрания, свидетельствующие о росте городов, готовых выйти из-под власти киевского великого князя» (Греков, 2004, с. 157).

Работа живописца. Миниатюра из рукописи
«Житие Антония Сийского»

Наличие вече историки считают признаком исторической отсталости: «В то время, когда в Древнерусском центре в X в. вечевых собраний мы почти не видим совсем, эти собрания существуют в более отсталых частях Древнерусского государства и носят характер племенных собраний. Вечевые собрания живут долго на северо-западе (Новгород, Псков, Полоцк) как результат определенного соотношения классовых сил, при которых феодальная знать, захватившая в свои руки власть, не была в силах уничтожить народное собрание, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в оружие своих интересов» (Греков, 2004, с. 305).

С такими выводами трудно согласиться по ряду причин.

- Во-первых, вече торговых городов действовали не только в Новгородской земле и не только в период заката Киевской Руси. Они действовали весь период существования Древнерусского государства во всех его составных частях и были важным составным элементом государственно-политической системы этого государства.

- Во-вторых, вече было необходимым элементом самоуправления торгово-ремеслен-

ных городов, живших по законам рыночной экономики, которая требовала известного равноправия, самоуправления, независимости в принятии решений агентами рынка. Они были не пережитком прошлого, а элементом нарождавшейся новой системы, которая становилась преобладающей в Западной Европе (где самоуправляющиеся демократические государства и города существовали столетиями).

- В-третьих, Новгород, Псков, Вятка, Старая Русса, Торжок и другие торговые города Северо-Запада представляли демократический вариант государственно-политического устройства, соединявшийся со значительно ограниченной княжеской властью. Они были устойчивой, строго организованной политической системой Новгородской республики, просуществовавшей более трех с половиной столетий (о чем речь пойдет в следующей главе).

В то же время можно согласиться в Б.Д. Грековым (а не с Н.Я. Фрояновым, о чем речь шла выше), что уже в этот период сложилась развитая социально-экономическая система, классовое деление обществ: «К VII–IX вв. у народов, населявших бассейн Волхова–Днепра, сложился уже налицо классовый строй... К IX в. можно говорить о существовании раннефеодального Древнерусского государства, непрерывно и быстро растущего в течение X и первой половины XI в.».

6. Культура и религия. Киевская Русь отличалась высоким уровнем культуры, превосходившей уровень, достигнутый многими народами Востока, Севера и Западной Европы. И это не случайно. Особенность русской культуры — ее открытость, способность впитывать и синтезировать достижения культур многих народов. Русская культура многонациональна по своему происхождению. Еще во время своего пребывания в Центральной Европе славянские племена активно вели диалог культур с Римской империей, кельтами и германцами. Переселявшиеся на Восток славянские племена восприняли многое от античной культуры, глубоко укоренившейся в Северном Причерноморье. Б.Д. Греков отмечает, что «начиная с VI века памятники позволяют говорить более определенно о характере собственной и в достаточной степени определившейся культуры восточного славянства, известного с того времени под именем антов-руси... В этот

же период анты-русь входят в непосредственное общение с Византией и народами Востока и за-вязывают с ними постоянное общение» (Греков, 2004, с. 468).

Общение с купцами Запада, Востока, Юга на Волхов-Днепровском и Великом Волжском путях обогащали русскую культуру знанием культур многих народов и цивилизаций. Приобщение к православию еще более усилило влияние древнейшей античной культуры. «Византийская церковь, стараясь приобщить Русь к вековой византийской культуре, способствовала поднятию культуры в нашей стране» (Греков, 2004, с. 493).

Византийские иконописцы, археологи, священнослужители привозили с собой иконы и книги, обучали семей грамоте, передавали знания. В монастырях собирались богатые библиотеки, включавшие труды Платона, Аристотеля, греческих и византийских историков.

Это дало толчок развитию системы образования, написанию летописей, первых литературных произведений. Со времени Владимира Святославича официально существует в Киеве

государственная школа. Ярослав учредил государственную школу в Новгороде, где стали учиться 300 детей, собрал библиотеку. Пополнили библиотеки и другие киевские князья.

Переход от языческой раздробленной религии к христианству заложил мощную религиозную основу в структуре государства. По сути дела была создана новая ветвь власти, дополнявшая и укреплявшая власть князей, служившая одной из скреп Древнерусского государства.

Подводя итоги сказанному выше о Киевской Руси, вполне можно согласиться с выводами историков О.П. Толочко и П.П. Толочко, что Киевская Русь «стала выдающимся явлением европейской средневековой истории. Целиком справедлива сентенция знаменитого Киевского митрополита Илариона, согласно которой Русь была страной, известной во всех четырех концах земли.

Занимая географически промежуточное место между Востоком и Западом, Севером и Югом, она была зоной важнейших историко-культур-

Баптистерий, место крещения князя Владимира

ных контактов, формировалась не только на самодостаточной внутренней основе, но и под влиянием соседей (Хазарии, скандинавских стран, а также Византии). Отдавая должное роли иностранных влияний в ранней истории Руси, следует отметить, что эти влияния находили исключительно благоприятную среду. Наиболее развитым славянским регионом с давних времен было Среднее Приднепровье, поэтому естественно, что оно стало средоточием ранней русской государственности, а затем и политическим стержнем Киевской Руси. Именно здесь бился, подчас неровно, но непрерывно, политический пульс огромной средневековой державы. Здесь концентрировался, а затем перераспределялся ее прибавочный продукт, который обеспечивал функционирование всех сфер жизни. Значительная его часть шла на строительство городов, возведение оборонных систем на юге Руси, развитие культуры и т.д. По экономическому уровню, как свидетельствуют археологические материалы, Русь не уступала своим европейским соседям» (Толочко О., Толочко П., 1998, с. 343).

4.3. СТРАНА «РУСЬ»*

История первого восточнославянского государства является актуальной темой исследований на протяжении длительного времени. Но если в предыдущие периоды основной акцент делался на доказательство того, что общество Восточной Европы в средневековую эпоху ни в чем не отличалось от общества Европы Западной, то сейчас эта проблематика все чаще используется для утверждения исключительного права того или иного современного восточнославянского народа на тысячелетнее наследие, а также для обоснования теории цивилизационного раздела Европы по «линии Хаттингтона».

Следует напомнить, что «Киевская Русь», как и «Древняя Русь» или же «Русь — Украина», являются кабинетными терминами. Ведь современники называли это государственное образование «Русь», «Русская земля». Первое из вышеупомянутых наименований появилось в результате разработки сначала книжниками XVI в., а позже

Н. Карамзиным, С. Соловьевым, В. Ключевским и многими другими историками Российской империи концепции о генеалогической непрерывности на протяжении длительного времени правящего в Москве княжеского рода. Одновременно с обоснованием этой концепции появились и термины «Киевская Русь», «Владимирская Русь», «Московская Русь» — по названиям центров концентрации в то или иное время всей полноты власти. Этому же взгляду придерживается и большинство современных российских исследователей, да и не только они.

В последнее время предпринимаются попытки снова скоррелировать исторические события конца 1-го тыс. н. э.: город Ладога на далеком восточнославянском Севере объявляется первой столицей Руси; позже эта миссия переходит к Новгороду Великому, а лишь затем — к Киеву. Но здесь ради справедливости следует отметить, что на такие «ура-патриотические» позиции перешли не все российские исследователи. Они отмечают, что упомянутый небольшой город правильнее рассматривать лишь как первую резиденцию представителей княжеской династии Рюриковичей (Кирпичников, 2001, с. 36; Кузьмин, Волковицкий, 2003, с. 29).

Сегодня существует более полутора десятков гипотез о происхождении Руси. Кроме наиболее известных — варяжской и норманнской, можно назвать готскую и подобную ей герульскую, кельтскую, полабско-поморскую, прусско-литовскую, русскую и русанскую, волжскую, русскую, греческую, латинскую, ревксинальско-роксоланскую, карельскую и др. (Етимологічний словник... 1985; Паранин, 1990; Прицак, 1997; Древняя Русь... 1999; Станг, 2000; и др.).

Говоря о киевском периоде истории восточнославянской средневековой цивилизации, отметим, что территория Среднего Поднепровья действительно являлась центром Руси. Поэтому о Киеве все же и дальше следует говорить как об основном урбанистическом центре в данном европейском регионе. Это зафиксировал еще князь Олег по прозвищу Вещий, который в 882 г., уничтожив старую династию Киевичей, объединил северные и южные территории восточнославянского расселения и обозначил упомянутый город как «мать городов русских» (Полное собрание русских летописей, 1962, столб. 6).

* Автор раздела — А.П. Моця, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, Институт археологии НАН Украины.

Кроме этого летописного известия многочисленные сообщения в разных списках локализируют собственно Русь в исторически-географическом отношении именно на юге восточнославянского феодального государства. Это касается не только южных летописных сводов, но и новгородских, где Приладожье да и вся Новгородщина всегда именуется как «вся Новгородская область». Такое же постоянство в терминологии прослеживается в отношении названия «Русь» в ее среднечерном географическом обозначении. Сюда из Новгорода Великого приходили епископы, князья и посадники для решения своих проблем и вопросов, получения власти, координации действий и т.п. Это подтверждают следующие сообщения: в 1132 г. «Въ се же лето ходи Всеволодъ в Русь Переяславлю» (то есть из Новгорода Великого в Переяславль-Русский — сейчас Переяслав-Хмельницкий); в 1132 г. «Въ то же лето, на зиму, иде в Русь архиепископъ Нифонтъ съ лучшими мужи и заста кыяны съ черниговцы стояще противу собе, и множество вои»; в 1142 г. «Епископъ и купце и слы новгородскыя не пуцаху из Руси» (то есть из Киева); в 1149 г. «Иде архиепископъ новгородскыи Нифонтъ въ Русь», а также многочисленные иные случаи (Новгородская первая летопись... 1950, с. 22, 24, 26, 28).

Если говорить о Северо-Востоке восточнославянского мира, то представление о Суздальской земле (позже — Великое княжество Владимирское) как «Залесской земле» сложилось в древнерусское время в южнорусских землях. Разделяли это представление, судя по всему, жители Русской земли в первоначальном смысле слова, то есть Киева, Переяславля-Русского и Чернигова с подвластными им владениями, а также обитатели Смоленской земли. Это был именно взгляд извне — на далекие земли, отдаленные густым лесом, который занимал большие пространства где-то в земле вятичей на Оке. Проехать сквозь нее даже во второй половине XI в. было, как следует из известных слов Владимира Мономаха, делом нелегким (Журавель, 2006, с. 66).

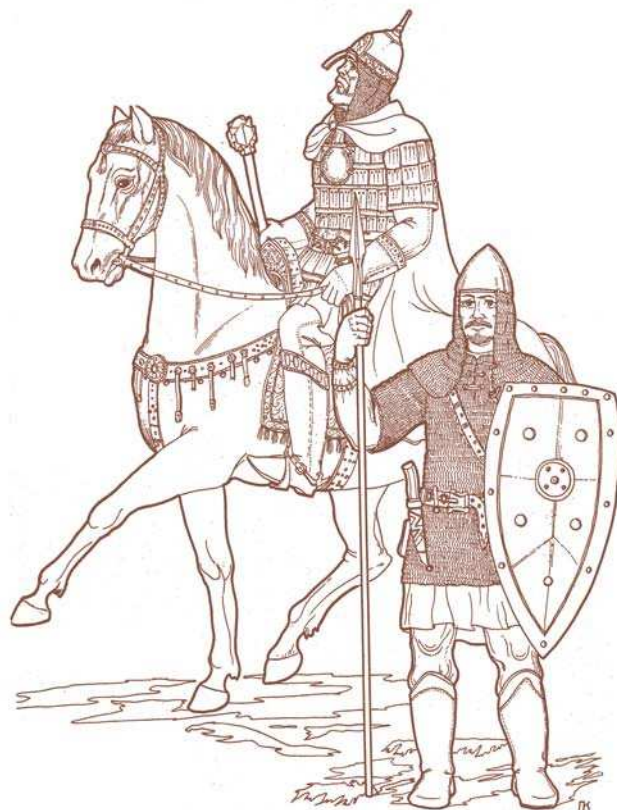
Византийский император Константин Багрянородный обозначает Среднее Поднепровье как ядро государства. В X в. он указывал на северные районы восточнославянской ойкумены как на «Внешнюю Русь», откуда корабли идут к центру, то есть на среднечерном юг:

Золотая монета князя Владимира Святославича и наконечник ножен меча скандинавского типа. Киев, с. Шестовица на р. Десне

«...приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда (то есть Новгорода. — АМ.), в котором сидел Сфендослав (то есть Святослав. — АМ.), сын Ингора (то есть Игоря. — АМ.), архонта Росии, а другие — из крепости Милински (то есть Смоленска. — АМ.), из Телиуци (то есть Любеча. — АМ.), Чернигоги (то есть Чернигова. — АМ.) и из Вусеграда (то есть Вышгорода). Итак все они спускаются рекою Днепр

Древнерусские дружинники. Реконструкция П.Л. Корниенко

и сходятся в крепости Киоава (то есть Киева. — *АМ.*)» (Багрянородный, 1991, с. 45). Упомянутый император одновременно описал маршрут знаменитого пути «из варяг в греки» — основной торговой артерии Восточной Европы, которая связывала балтийский и черноморский миры. Но в связи с тем, что с более развитого юга поступало гораздо больше разнообразных товаров, было бы правильнее именовать этот путь «из грек в варяги».

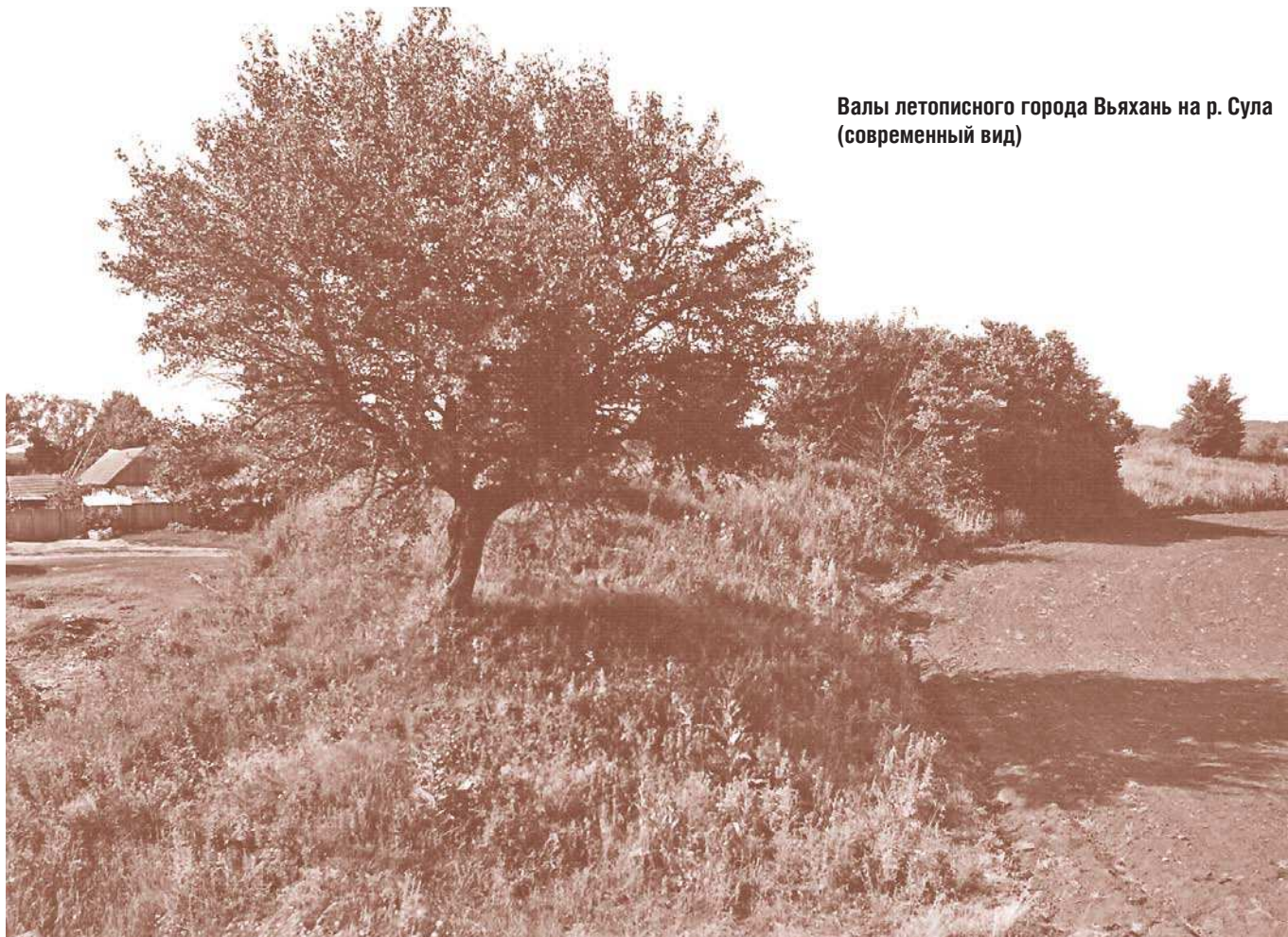
Более поздние названия Малая и Большая Россия непосредственно относятся к вышеупомянутой ситуации территориального определения разных регионов восточнославянского мира. Ведь термины *Maior* и *Minor* в средневековых источниках использовались не для обозначения размеров или площадей (большие — маленькие), а для политико-административного разграничения частей той или иной страны. Малая часть — это метрополия, а большая — территория расселения определенного народа (Агеева, 1990, с. 141). Лишь в более поздние времена приведенная выше семантика слов изменилась

и термины начали использоваться в противоположном значении.

Рассматривая само появление названия «Русь», следует отметить, что информации по этому поводу явно недостаточно. Среднее Поднепровье является не единственным местом, в котором отдельные источники локализуют территорию проживания русов. Другие места известны в Прибалтике (остров Рюген) и Подунавье (Рузара марка и Рутенская марка), в Тюрингии и Саксонии (Рейнланд), в Прикаспии и Северной Африке (русская колония). Возможно, конечно, что в результате каких-то событий единый народ рассеялся по всему свету. Но до нашего времени никто это не сумел доказать. Выводы, построенные на близком звучании названий, по нашему мнению, недостаточно убедительны.

Впервые название «Русь» встречается в арабоязычной литературе и принадлежит среднеазиатскому ученому IX в. аль-Хорезми. В своем географическом сочинении «Книга картин земли», написанном между 836 и 847 гг., он упоминает

**Валы летописного города Выхань на р. Сула
(современный вид)**

р. Друс (Данапрос — Днепр), которая берет начало с Русской горы (Джабал-Рус). Ибн-Хордадбех, который написал в 80-е гг. IX в. «Книгу путей и стран», отмечал: «Если говорить о купцах ал-Рус, то это одна из разновидностей славян». А в сочинении неизвестного автора IX в. «Худуд-ал-Алам» имеется сообщение, что «страна русов находится между горою печенегов на востоке, рекою Рутю на юге и славянами на западе. Царя их зовут хакан Русов».

Среди аргументов, которые использовались для подтверждения северного происхождения названия «Русь», постоянно присутствует свидетельство Бертинской хроники епископа Пруденция 838–839 гг. о посольстве русов. Когда эти послы прибыли в Константинополь — столицу Византийской империи, они назвались представителями народа «Рос» (RHOS), посланными хаканом (SHACANUS) «с целью дружбы». Позже они в составе посольства византийского императора Феофила прибыли в столицу франкского королевства Ингельхейм, где их принял император Людовик Благочестивый. А в ходе беседы выяснилось, что они собственно не русы, а шведы (свеоны).

Для многих это сообщение послов является непосредственным аргументом в пользу северного происхождения названия «Русь». Но этот вывод может иметь и противоположное значение — ведь тождественность варягов и русов отрицается собственно варягами. Они действительно не были русами, но пребывали у них на службе и в данном случае справедливо выступали как их представители. Несколько позже, во времена правления Олега и Игоря, шведы входили в состав посольств русов в Константинополь, но их этническое происхождение не может иметь непосредственного отношения к характеристике нового государства, от имени которого они выступали.

«Но независимо от происхождения в период восточнославянской политической и культурной консолидации название «Русь» было тождественно названию «славяне». Чтобы согласиться с этим, достаточно посмотреть, в каком понимании летопись употребляет выражения «Русские грады», «мы от рода Русского», «Русин» и др. Несомненно, что уже в IX–X вв. бывшие межплеменные восточнославянские союзы —

поляне, древляне, северяне, кривичи, волыняне, дреговичи, уличи, дулебы, словены и другие — соединились в большую общность, которая получила название «рода Русского», «Руси» (Толочко, 1996, с. 35).

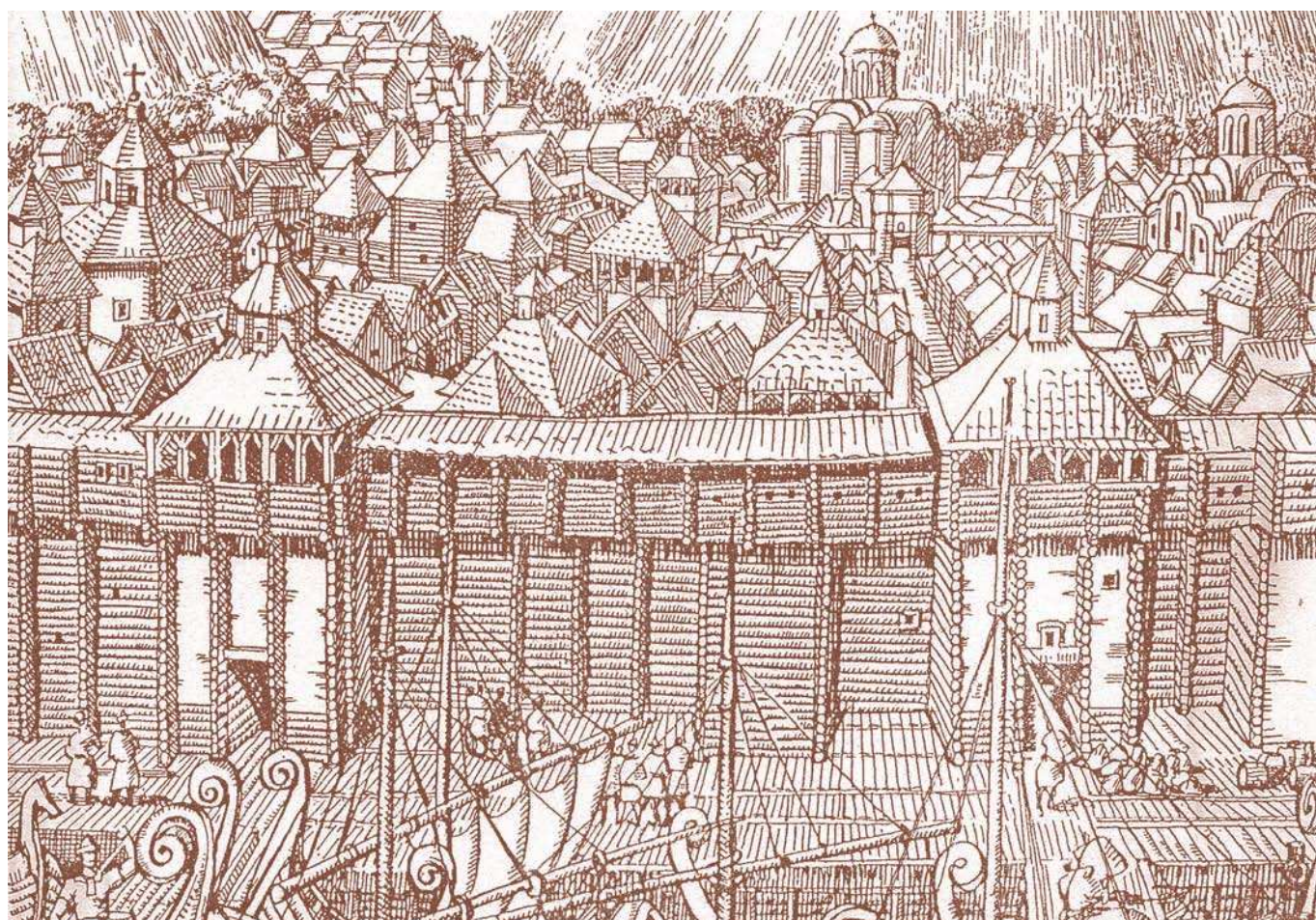
Но появление названия и процесс формирования центральной части страны со стольным градом — разные вещи. Поэтому следует здесь процитировать мнение одного известного историка: «Чрезвычайно характерным является отношение Святослава (князя киевского. — А.М.) к отдельным землям, которые входили в состав его государства: когда новгородцы пришли просить себе князя, то Святослав с презрением спросил: «А бы пошел кто к вам?»

Как известно, более поздние князья дорожили этим большим центром и всячески пытались закрепить его за собой» (Юшков, 1992, с. 52).

Это наблюдение ученого, работавшего в середине XX в., можно подтвердить и текстами первых русско-византийских договоров X в., в которых киевская государственная верхушка указала на наиболее важное значение для нее в то время определенных градов и окружающих их земель. Так, в договоре 907 г. князь Олег требует дани: «...первое на Киевъ, также на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочая города. По ием бо городомъ сядяху князя подь Ольгом суще». А в договоре 945 г. уже князь Игорь требует материального содержания в столице Византийской империи Константинополе для своих купцов и послов, которые приходят туда «...первое от града Киева, и паки ис Чернигова, и ис Переяславля, и прочиии города» (Полное собрание русских летописей, 1962, столб. 22, 37).

Как видим, ни Ладога, ни Новгород Великий, ни Изборск, ни Белоозеро — основные центры Северной Руси — в названных международных документах не упомянуты. Они, вероятно, относились тогда к «прочим градам», то есть менее важным с точки зрения государей Руси X в.

Объяснение вышеназванным бесспорным историческим фактам о значении разных восточноевропейских регионов в процессе формирования первого восточнославянского государства уже ранее было представлено: «...Обильный материал разнородных источников убеждает нас в том, что восточнославянская государственность

вызревала на юге, в богатой и плодородной лесостепной полосе Среднего Поднепровья. Здесь, за тысячи лет до Киевской Руси, было известно земледелие. Темп исторического развития здесь, на юге, был значительно более быстрым, чем на далеком лесном и болотистом севере с его тощими песчаными почвами. На юге, на месте будущего ядра Киевской Руси, за тысячу лет до основания Киева сложились «царства» земледельцев-борисфенитов, в которых следует видеть праславян; в «трояновы века» (I–IV века н.э.) здесь возродилось экспортное земледелие, приведшее к очень высокому уровню социального развития.

Смоленский, полоцкий, новгородский, ростовский север такого богатого наследия не получили и развивались несравненно медленнее. Даже в XII в., когда юг и север во многом уже уравнились, лесные соседи все еще получали у южан иронические характеристики «звериньского» образа жизни северных лесных племен.

При анализе неясных и порою противоречивых исторических источников историк обязан исходить из аксиомы неравномерности исто-

**Древний Киев. Вид со стороны Днепра.
Реконструкция А.И. Кутового и В.А. Розенберга**

рического развития, которая в нашем случае проявляется четко и контрастно. Мы обязаны отнестись с большой подозрительностью и недоверием к тем источникам, которые будут преподносить нам Север как место зарождения русской государственности, и должны будем выяснить причины такой явной тенденциозности» (Рыбаков, 1984, с. 39).

С процессом становления Киевской Руси тесно связан процесс формирования ее территориального пространства. Необходимо напомнить, что «под государственной территорией нужно понимать территорию, представляющую собой собственность организованного в государство эксплуататорского класса, который с помощью своих органов власти устанавливает на данной территории свое административное деление, подчиняет ее население общим публично-правовым нормам, принуждает его к содержанию государственного аппарата, натуральным по-

винностям и военной службе. Так может быть охарактеризована, в частности, и территория феодального государства, причем не только в момент своего появления, но и в течение длительного периода последующей эволюции. Конечно, дальнейшее развитие государственной территории существенно отличается от ее генезиса. Однако отличия эти не носят принципиального характера» (Кучкин, 1984, с. 6). Иными словами: «...государственная территория про-изросла путем распространения дани и суда» (Насонов, 1951, с. 217).

В письменных источниках термин «Русская земля» мог обозначать и этническую общность, и совокупность владений Рюриковичей, а иногда даже и войско. Но в большинстве случаев этот термин обозначал именно землю, определенное пространство, территориальное ядро начальной Руси (Древнейшие государства... 1995, с. 39).

Говорить о какой-либо целостности государства во времена Аскольда и Дира, Олега (который и устранил двух первых) преждевременно. Сама ее территория несколько напоминает восьмерку и состоит из двух половинок — «Внешней» и «Внутренней» Руси, что стыкуются на Верхнем Днепре. Во времена правления Игоря, Ольги и Святослава ситуация менялась быстро. Тогда были укреплены основы общества, а само понятие великокняжеского рода уже начало означать лишь семью великого князя киевского и его ближайших родственников. В третьей четверти X в. Русь в территориальном отношении выросла наиболее всего в своей истории, а упомянутый князь-воин даже планировал перенести столицу государства:

«Не любо мне в Киеве жити. Хочю жити в Переяславци на Дунаи, бо то есть середина земли моеи. Ведь там все добро сходится: из Грек — поволоки, золото, вино и овощи разные, а ис Чеховъ и Угровъ — серебро и кони, ис Руси же — скоро, и воск, и медь, и челядь», — отмечает летописец.

Политика восточнославянских правителей предыдущих поколений получила логическое завершение во времена княжения Владимира Святославича, который, по определению летописца, с 980 г. «начал княжити в Киеве один». В конце X в. в целом закончился процесс формирования Киевской державы, границы которой проходили: в верховьях Оки и Волги на востоке;

Сулы, Северского Донца, Роси — на юго-востоке и юге; Днестра, Прута, Западного Буга, Двины и Немана, а также Карпат — на западе; через Чудское озеро, Финский залив, Ладожское и Онежское озера — на севере. В сфере политического влияния Руси оставались также отдельные районы в Крыму и Приазовье.

Во времена правления этого князя и его не менее известного сына Ярослава Мудрого границы страны начали стабилизироваться и в основном совпадать с этническими рубежами расселения восточных славян (хотя в их пределы попадали и некоторые земли, заселенные представителями иных народов). Западная ориентация в политике оформила Киевскую Русь как полностью европейское государство. Но все же полная стабилизация границ произошла уже после Ярослава.

Во времена правления этого князя начала широко использоваться «Русская правда» — свод правовых норм, отдельные статьи которого определяли штрафы за убийства, унижения, регламентировали состояние изгоев — новых жителей городов, которые разорвали отношения со своими сельскими общинами. Конечно, закон в первую очередь защищал жизнь и честь высших прослоек общества. Этот юри-

Поясные бляшки, каменная формочка для их отливки и пояс знатного руса. Реконструкция Р.С. Орлова

дический кодекс, несмотря на его изначальную новгородскую приуроченность, имел важное общерусское значение, отображал жизненный уклад древнерусского города вообще и сохранял свою юридическую силу на протяжении нескольких столетий. Вообще, годы княжения Ярослава Мудрого (1019–1054) стали периодом перманентного подъема Руси и ее столицы. Не случайно неизвестный автор, который оставил в центральном нефе Софийского собора в Киеве сообщение о смерти Ярослава Мудрого, назвал его «царем». Во времена его великого княжения Киевская Русь обосновалась на одном из центральных мест в системе европейских политических взаимоотношений. Расширение политических контактов, несомненно, определялось потребностями экономических связей, в первую очередь со странами Западной и Центральной Европы.

Политику отца сначала продолжали его сыновья, а затем внуки и правнуки. После смерти в 1132 г. сына Владимира Мономаха Мстислава Великого объединительные тенденции на Руси еще определенное время доминировали, но в связи с дальнейшим развитием отдельных земель-княжеств начался их постепенный отход от Киева (Моця, 2001, с. 42–50).

Характеризируя политическое устройство и социально-экономические отношения, весь древнерусский период развития восточных славян следует разделить на два этапа: раннефеодальной монархии (IX–XII вв.) и феодальной раздробленности (XII–XIII вв.). На первом из них основные импульсы руководства осуществлялись из государственной столицы — Киева, а на втором эффективно развивались центры удельных княжеств, что было типичным и для других европейских стран.

Важную роль на начальном этапе развития феодализма на Руси играли военные походы за пределы ее территории. Вследствие этого правящие структуры имели значительные блага, а сама молодая держава подымала свой престиж на международной арене. Заинтересованность в получении прибыли в результате межгосударственных военных конфликтов, а также внешних торговых операций составляла наихарактернейшую черту политики государей конца IX — первой половины X в. В то же время центральная

казна начала пополняться поступлениями из внутренних районов страны. Далее эта тенденция усиливалась, а сам процесс феодализации «добавил обороты».

В социально-политической сфере взаимоотношения разных групп элитарной верхушки развивались в диалектической связи двух основ — государственной и родовой. Верхних ступеней социальной иерархии желали достичь как представители старой племенной верхушки, так и безродные, но полностью преданные великому князю и его окружению выходцы из разных земель и народов. Среди них кроме аборигенов находились и скандинавы, номады причерноморских степей, хазары, финно-угры и др.

В результате этого процесса сформировалась социальная прослойка, известная в летописных источниках как «дружина». Этот институт не был специфичным для какого-то народа или региона, а представлял собой общеисторическое явление. К нему относились не только взрослые мужчины, которые все же составляли его основу и представляли его социальную характеристику, но и представители обоих полов и всех возрастных групп. В широком понимании дружина включала обязанных нести службу киевских вассалов и имела четыре основные черты — функциональную, экономическую, организационную, идеологическую. Она разделялась на определенные группы, в основном на старшую и младшую. Первая из них состояла из представителей военно-феодальной аристократии, которые часто именовались «боярами», «лучшими мужами», а вторая — из рядовых профессиональных воинов («отроков», «децких», «пасынков»).

Следующая эпоха феодальной раздробленности характеризовалась углублением процесса феодализации земель, усовершенствованием производства в городе и деревне. На южнорусских территориях были сформированы пять земель-княжеств: Киевское, Чернигово-Северское, Переяславльское, Волынское и Галицкое. В дальнейшем процесс дробления продолжался, а поэтому появлялись более мелкие надель. Хотя это было не одностороннее движение. В конце XII в. Галичина и Волынь объединились и в результате появилось Галицко-Волынское княжество.

Князья — основатели местных династий, укрепившись в отдельных землях, вошли в тесный контакт с земским боярством, крупной земельной знатью, которая была весьма заинтересованной в стабильном и мирном функционировании своих вотчин. Но со временем между оседлыми князьями и местным родовым боярством возникали серьезные противоречия, которые могли перерасти и в вооруженное противостояние. Поэтому в борьбе с сепаратистскими тенденциями со стороны великого боярства князья снова вынуждены были опираться на постоянную военную дружину, которая размещалась уже около столицы каждого из княжеств и всегда была готова выступить в поход против врага своего сюзерена. Так в XII в. в каждой земле начала формироваться низшая прослойка феодалов — мелкое дворянство, состоявшее из княжеских дружинников, слуг, административного персонала вотчин.

На разных восточнославянских территориях в то или иное время преобладали монархические или республиканские феодальные тенденции, получали перевес центробежные или центростремительные силы, укрепляли свое положение

Крещение Владимира Святославича в Корсуне на берегу Черного моря. Миниатюра из Радзивилловской летописи

или теряли его отдельные княжеские семьи. И только Киевская земля так и не выделилась в наследственную вотчину какой-либо ветви Рюриковичей, не оформилась в отдельное независимое княжество. Вплоть до трагических событий 40-х гг. XIII в. (времени нашествия Батые), она являлась собственностью великокняжеского стола и даже общединастическим наследием всего великокняжеского рода (Толочко, 1987, с. 208–233).

Поэтому весь период существования первого государства восточных славян, вероятно, необходимо обозначать как киеворусский. А владимирский и московский, которые относятся к более позднему времени и которые уже упоминались выше, нужно относить к истории этнических великороссов. На южнорусских, позже украинских землях дальнейшая историческая периодизация должна рассматриваться по своим специфическим параметрам.

Сущность древнерусского феодализма состояла в государственной принадлежности зе-

мельных владений, которые распределялись великим князем или же властелином отдельной летописной земли, но не просто как частным владельцем, а как носителем государственных символов. Права владельца — как великого князя киевского, так и князей удельных земель — соответствовали владению определенным столом. Такой «государственный» феодализм характеризуется владением землей, которое вытекало непосредственно из отношений господства. Происхождение определяло и существенные элементы феодальных отношений, среди которых кроме вышеупомянутого имеются еще два. Первый из них — доминирование «волоости» как формы землевладения, близкой по своей сути к бенефициальной, и подчиненное значение «вотчины», близкой по своей сути к западноевропейскому аллоду. Второй элемент — господство централизованно-рентной системы эксплуатации «волоости» князьями при наличии и «вотчинной» — в домениальных владениях. В отличие от полной, отчужденной собственности, которая была характерна для феодальной Западной Европы, в Восточной Европе на первом месте находилась собственность условная,

временная. Главной в древнерусских взглядах на сущность государственной власти была идея, что субъектом власти вместе с тесно связанной с ней земельной собственностью являлся не один какой-то правитель начиная с великого князя киевского, а весь княжеский род Рюриковичей, по отношению к которому отдельный его представитель выступал в роли временного владельца определенной территории (Толочко, 1992, с. 77, 160, 174).

Но все это вовсе не свидетельствует об отсталости социально-экономического развития населения Восточно-Европейского региона. Ведь существует и достаточно обоснованное мнение, что западноевропейская модель феодализма была очень конкретным (возможно, даже уникальным) вариантом в истории, а не собственно этапом. Да и некоторые факты говорят о том, что до XIII в. восточная модель развития общества опережала по качественным показателям западноевропейский мир в экономическом отношении, а города Византии и Руси в лучшую сторону отличались от Парижа и Лондона, имели много общего с урбанистическими центрами Востока (Большаков, 1984; Толочко, 1989; Куза, 1989).

Курганы в с. Липовое на р. Ромен (современный вид)

Такие утверждения логично обосновываются даже географическим расположением средневековых обществ Черноморско-Средиземноморского бассейна, центром которого в те времена являлась Византийская империя. Вследствие этого общие черты древнерусского феодализма можно искать не только на Балканах, но и на юге, в частности в средневековом Египте (Литаврин, 1989, с. 11–35; Семенова, 1982, с. 100–110).

Конечно, это было не просто отражением процессов в зоне контактов цивилизаций Запада и Востока по условной линии «Трех К» (Киев — Константинополь — Каир), а конкретными проявлениями общеисторических закономерностей. В отличие от тех же Египта и Византии, где зафиксирована этническая обособленность правящих прослоек общества (в Египте) или частая смена династий (в Византии), на Руси с самого начала у власти находились только Рюриковичи, представители которых достаточно быстро были ассимилированы славянами. Следует напомнить в этой связи хотя бы имена первых князей: Олег и Игорь — в своей основе скандинавские (Хельгу и Ингвар) имена, а уже в третьем поколении Святослав — чисто славянское имя.

В отличие от западноевропейских феодалов всех рангов, которые в преобладающем большинстве, получив свои владения, оставались там навсегда и передавали их своим потомкам (этот процесс повторялся из поколения в поколение), древнерусские князья со времен раннефеодальной монархии постоянно находились в движении, не жалея сил и энергии для перемещения и получения более политически и экономически выгодного стола.

При этом властелины отдельных земель-княжеств, стараясь захватить новые владения, пытались оставить за собой и старые. Для западноевропейских феодальных владений и их хозяев, которые находились в статичном состоянии, была бы абсолютно нетипичной ситуация, зафиксированная в Ипатьевской летописи под 1135 г.: «Юрьи испроси оу брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку дасть Суждаль, и Ростовъ и прочюю волость свою но не всю» (Полное собрание русских летописей, 1962, столб. 295). Вместе с князем на новые места обитания переходила и его многочисленная свита, что в свою очередь способствовало контактам меж-

Амулет-змеевик Владимира Мономаха

ду представителями отдельных элитных групп на разных территориях.

Специфика древнерусского феодализма приводила и к отличиям в формировании поселенческих структур Киевской Руси. Становление городских форм жизни не происходило по единой социологической схеме — эти процессы были многогранными и разнообразными. Условно можно выделить три основных пути градообразования: торгово-ремесленный, общинно-феодальный, а также феодальный, или государственный. «Первый путь оказался фактически тупиковым, поскольку обуславливался не столько внутренними, сколько внешними причинами. Торгово-ремесленные центры пришли в упадок и прекратили свое существование в конце X — начале XI в. в связи с прекращением функционирования трансевропейской торгово-экономической общности. Общинно-феодальный и феодальный (государственный) пути образования городов являлись естественной эволюцией новых социальных форм жизни, возникших из потребностей развития самого восточнославянского общества. Города становились центрами древнерусской государственности, изначальными функциями которых были: административно-политическая, редистрибутивная (концентрация и перераспределение прибавочного продукта),

а также культовая. Для земледельческой округи древнерусский город — это естественное средоточие, он был рожден этой округой и без нее не мыслился» (Толочко, 1989, с. 233).

С точки зрения процитированного исследователя, тесные административно-политические и хозяйственные связи восточноевропейских городов с сельской округой создали определенную специфику в их социально-экономической жизни. Ремесло и торговля, которые в целом были достаточно развитыми, не составляли основу развития восточноевропейских городов — ведь прибавочный продукт этих отраслей хозяйства был сравнительно небольшим в общем экономическом балансе древнерусского общества. Поэтому города в первую очередь развивались за счет прибавочного продукта, который создавался в сельскохозяйственном секторе экономики и на который они имели право вследствие значительной концентрации в них социальных прослоек, владевших земельными угодьями.

Иногда древнерусский город называют коллективным замком, где проживали наиболее могущественные феодалы округи или более обширной территории. Кстати, само понятие восточноевропейского феодального замка на

сегодня еще окончательно не выработано. Но накопленные материалы все же позволяют в общих чертах охарактеризовать этот тип населенных пунктов.

Социологически замок — это феодальное поселение его хозяина (иными словами — резиденция), которое обычно было укреплено и являлось центром вотчинных владений. Понятию замка (от польск. *zamek*) в древнерусских летописях частично соответствовали термины «градъ» и «дворъ». Резиденции были рассчитаны на проживание самого феодала с семьей, его челяди, представителей вотчинной администрации, дружинников, населения, которое обрабатывало землю местного вельможи и постоянно находилось на феодальном дворе. К характерным чертам планирования замков обычно относят жилища самого феодала и его окружения, разные производственные и хозяйственные постройки. Сама площадь резиденции достигала чаще всего 1 га. Этим она отличалась от размеров укрепленных частей большинства малых городов древнерусского времени, которые имели размеры не менее 2–2,5 га. Сами же замки были приспособлены к защите незначительным количеством воинов. Этот факт имел аналогии и в Западной Европе — там гарнизон крупного замка состоял приблизительно из 100 человек, а замки средних размеров оборонялись 25–50 воинами.

Около каждого из замков находилось по несколько открытых поселений. Вероятно, в них и проживали лично зависимые от конкретного хозяина крестьяне. Такая структура «гнезда» поселений (укрепленного и нескольких неукрепленных) археологически отображала феодальную вотчину, детально не описанную в письменных источниках. Но на многих площадках замков не было выявлено постоянных, стационарных жилищ самих феодалов. Особенно это касается наиболее крупных по размерам замков, которые, конечно, принадлежали наиболее авторитетным магнатам. Этот на первый взгляд парадоксальный факт можно вполне разумительно объяснить вышеприведенной характеристикой восточноевропейского города как коллективного замка. Урбанистический центр в первую очередь являлся центром сельскохозяйственной округи и поэтому с повышением

Памятник крестителю Руси Владимиру в Киеве

**Древнерусское селище под Каневом на Днепре.
Реконструкция В.А. Пertaшенко и В.К. Козюбы**

социального статуса конкретного представителя феодального страта (по-иному — класса) он предпочитал больше времени пребывать в городе и контролировать ситуацию, а не постоянно проживать в своей вотчине. Ведь там его хозяйством занималась верная администрация (Моця, 2000, с. 22–36).

Основная масса населения феодальной поры проживала не в городах или замках, а в сельских поселениях. Ведь даже в XVI–XVIII вв. мир представлял собой все еще большую крестьянскую страну, где от 80 до 90% людей существовало за счет обработки земли (Бродель, 1986, с. 60). Крестьянство в широком понимании охватывало всех мелких сельских производителей, которые занимались индивидуальным хозяйством собственными силами и своим инвентарем и для которых трудовая деятельность была наиболее важной функцией. Именно в результате крестьянского труда развивалось сельскохозяйственное производство — крестьяне сделали наибольший вклад в усовершенствование инструментов для обработки земли (рала, плуга и т.д.), вывели новые сорта зерновых и технических культур, новые породы скота. Весьма успешно развивались разнообразные ремесла, что также

оказывало влияние на весь социально-экономический потенциал общества того времени.

Село упоминается уже в первых договорах Руси с византийцами и во вступительной части Повести временных лет во время описания жизни восточных славян. Но эти сведения весьма фрагментарны. Поэтому основную информацию дают археологические материалы, которые позволяют отмечать, что формирование древнерусской сельской поселенческой структуры прослеживается начиная с IX–X вв. Часто новые селища возникали на площадках более ранних. Уже в X–XI вв. началось формирование усадеб в сельской местности, что получило новый импульс в XII в. на всей территории южнорусских земель и свидетельствует об экономическом укреплении малой (парной) семьи, хотя в некоторых случаях большая семья (также по объективным причинам) продолжала существовать. Тенденции развития частной собственности фиксируются и в появлении таких категорий, как замки и ключи (то есть собственность начинают охранять). Еще один интересный факт:

на протяжении многих десятилетий затухание жизни на многих сельских поселениях в XIII в. объяснялось исключительно негативным влиянием монголо-татарского нашествия в 40-е гг. этого столетия (даже там, где захватчиков и не было). На этот процесс оказывал влияние и экологический фактор: вследствие истощения земли жители многих сел просто вынуждены были переселяться на новые площадки.

Сейчас уже можно говорить о паритетных отношениях между городом и деревней в древнерусское время; об определенной специализации и хозяйственных возможностях жителей отдельных поселков в зависимости от экологической специфики в зонах их размещения; о высоком уровне развития сельского ремесла, которое во многих отношениях не уступало городскому; об особенностях идеологических представлений в мировосприятии широких народных масс (Село Київської Русі, 2003).

Возвращаясь к уже упомянутой российской исторической концепции о перенесении центра страны из Днепра на Волгу (Киевская — Владимирская Русь), следует отметить, что в этой

Бой русов под предводительством князя Мстислава Изяславича с половцами. Миниатюра из Радзивилловской летописи

теории достаточно важными являются события 1169 г., когда силами Андрея Боголюбского древняя столица державы была взята и разграблена. Но сам владими́ро-суздальский князь не возглавлял войска и вообще оставался дома. Проведение операции он поручил своему сыну Мстиславу. Тогда в походе на Киев «...принимали участие не только, и даже не столько, суздальские силы, сколько южнорусские. Подобные акции по отношению к древней столице Руси предпринимали и другие князья, в частности Всеволод Ольгович, Роман Мстиславич и Рюрик Ростиславич, которые занимали черниговский, волынский и киевский столы. Это была борьба за власть, за старшинство среди древнерусских князей, представителей одной страны и единой древнерусской народности» (Толочко, 1980, с. 178).

Но прежде чем перейти к рассмотрению весьма спорного вопроса о существовании этой древнерусской народности (особенно на этапе феодальной раздробленности), следует остановиться на некоторых теоретических разработках, которые имеют прямое отношение к данной теме.

В частности, изучение человеческих общностей в последние десятилетия базируется на относительно неплохо разработанной теории

эволюции этнических процессов разного уровня. Сформулировано, например, такое понятие, как «этникос», то есть этнос в узком значении этого термина. Под ним понимается исторически сформированная на конкретной территории устойчивая общность людей, которая имела общие, относительно стабильные особенности культуры (включая язык) и психики, а также осознание своего единства и отличия от иных подобных образований (самосознание), что фиксируется в самоназвании (этнониме). Среди компактных этнических образований особенное место занимают те, которые связаны с так называемыми социальными организмами, под которыми понимают отдельные территориально-политические (или же потестарные) общности. Они составляли самостоятельные макроединицы общественного развития. Образования, которые возникают при этом, — так называемые этносоциальные организмы, создают благоприятные условия для стойкости этноса и его возрождения.

Оба понятия тесно связаны с понятием «народность». Народности в докапиталистических формациях существовали в рамках социальных организмов. Процесс формирования новых общностей был сложным и противоречивым в связи с иерархическим строением политической структуры и острым противостоянием носителей центробежных и центростремительных тенденций.

Факторами, которые влияли на процесс появления новых этнических объединений, были усиление межплеменных контактов в связи с увеличением народонаселения, наличием раннеклассовых государств, миграции. Важным является и наблюдение, что этническое самосознание, которое культивировалось в основном среди представителей господствующих прослоек общества, не оставалось неизменным во времени. Так, представление об общности происхождения, которое выступало в роли одного из главных компонентов самоопределения различных этнических объединений на определенных этапах развития народности, отходит на второй план. На первое место стало выходить представление об общности культуры (Бромлей, 1981, с. 24; Он же, 1983, с. 267, 287–288; Он же, 1987, с. 22).

Славянские и половецкие женские украшения

Последнее утверждение является весьма важным именно в контексте рассматриваемого нами вопроса. В современных разработках все чаще речь идет о необходимости изучения двух культур в социально стратифицированном обществе. Начало этого процесса относят к периоду разложения первобытного строя — к этапу так называемого вождества, когда уже существует имущественное неравенство, но еще отсутствует легализированный аппарат принуждения, который подвластен социальной верхушке. С выделением единого эгалитарного общества, с одной стороны, богатых («великих», «лучших», «сильных») людей или мужей, а с другой — бедных общинников, которые иногда не имели возможности даже прокормить себя и своих родственников и поэтому попадали в зависимость от новых богатых, началось и становление двух полярных субкультур в единой культуре этноса.

Далее эти процессы эволюционировали. На протяжении восходящей (прогрессивной) стадии развития того или иного социально стратифицированного общества (в частности,

феодалного) культура социальной верхушки являлась передовой, интегрирующей. Начиная с первых веков существования Руси эти две культуры сформировались в четко выраженные явления, которые в науке получили наименования дружинной и народной культур. Для иных этнических образований исследователи использовали термины официозной, элитарной, городской культур, а также сельской культуры, хотя в целом существа вопроса это не меняет (Рыбаков, 1970, с. 24, 33; Шнирельман, 1985, с. 64–65, 108–109; Гуревич, 1991, с. 28).

Возвращаясь к древнерусской проблематике, а конкретнее — к проблеме о существовании народности, общей для всех восточных славян, напомним еще раз о достаточно интенсивном передвижении отдельных княжеских семей и их окружения со стола на стол, между которыми могли быть сотни и тысячи километров расстояния. В соперничестве за лучшие грады и веси в отдельные коалиции могли вступать князья со своими военными дружинами разных регионов, а географическое расположение их земель при этом не имело никакого значения во имя достижения желанных целей. Особенно это было характерным для эпохи феодальной раздробленности.

Интенсивные микромиграционные процессы, особенно в верхних прослойках общества, происходили и ранее — во времена раннефеодальной монархии, что было связано со становлением и укреплением верховной государственной власти над племенными территориями и проникновением туда представителей великокняжеского управленческого аппарата. Также зафиксировано переселение отдельными князьями, в частности Владимиром Святославичем, «лучших мужей» из северных районов восточнославянской ойкумены на юг для охраны государственных границ от кочевников в конце 1-го — начале 2-го тыс. н.э. Да и «открытость дверей» в великокняжеских военных формированиях для профессионалов из разных земель и народов способствовала отмиранию старого узкоплеменного обособления.

Также следует напомнить, что в феодальном обществе мировосприятие было религиозным. Поэтому на высшем уровне этнической иерархии в основу этнического самосознания закладывался и этнический критерий, который про-

являлся на протяжении длительного времени. Он легко становился этноконфессиональным по своему характеру. В конкретной восточноевропейской ситуации вследствие развития самого общества по законам феодальной формации, и, в частности, в связи с появлением социальной иерархической «лестницы», которая формировалась по принципу сюзерен — вассал (наверху всегда находилась определенная личность), появилась потребность в монотеизме. И им стало византийское православие, которое проникло на Русь по Днепру и через Карпаты, а в 988 г. стало официальной государственной религией восточных славян.

Этому событию предшествовали поиски альтернативы традиционному языческому многобожию. Летописи указывают на то, что князь Владимир Святославич знакомился с постулатами ислама, иудаизма, христианства в западном и восточном вариантах. После детального изучения всех религиозных систем, оценки конкретной политической ситуации и целого ряда дипломатических мероприятий князь, а за ним и вся Русь приняли христианское вероучение в его восточном варианте — православие. Вследствие этой акции огромного исторического значения Киевская Русь вошла в круг европейских христианских стран.

После принятия православия политическое влияние великого князя киевского весьма возросло. Брак с византийской принцессой Анной сделал Владимира фактически равным императору. Случилось это, конечно, не по доброй воле константинопольского двора, который категорически отвергал подобные мезальянсы, а под влиянием древнерусского правителя. Для этого ему пришлось осуществить поход на крымский Херсон (летописный Корсунь), где после военной операции и произошли торжественные события — крещение князя и его венчание с Анной. Позже произошло крещение киевлян и жителей разных мест и регионов.

В христианском вероучении был накоплен богатый общественный опыт Византийской империи. Киевский правитель вполне ощущал свою решающую роль в деле реорганизации всей системы религиозного учения. Как видно из диалога князя с греческим «философом», ему, несомненно, было известно о подчинении

«Мстиславова корчага». Надпись на византийской амфоре

Церкви интересам светской власти в Византии. Важно указать на то, что в понимании варварских вождей той эпохи византийская модель христианства связывалась прежде всего с представлениями о первенстве светской власти. Эта важная деталь сыграла, возможно, решающую роль во введении на Руси христианства по византийскому обычаю. Эта модель наиболее отвечала политическому устройству Киевской Руси.

Церковь существенно расширила границы княжеской власти, сотворив идеальный образ христианского властелина и связанную с ним систему взглядов на прерогативы монарха, пути и методы осуществления им властных функций. Развивая восточно-христианскую концепцию верховной власти, Церковь способствовала утверждению в древнерусском обществе новой политической морали. Ее деятельность позитивно повлияла на развитие общественной мысли, древнерусскую письменность, литературу и культуру в целом (Моця, Ричка, 1996, с. 61, 77).

Одним из основных «локомотивов» церковной политики на Руси были кроме высших иерархов деяния монастырей, среди которых особо следует выделить Киево-Печерскую

лавру. Этот монастырь, исходя из его особенного в отношении княжеской администрации статуса, имел определенную самостоятельность в обустройстве церковной иерархии и организации страны. Во-первых, это нашло проявление в реализации широкой и длительной кадровой программы, которая обеспечивала интересы древнерусского духовенства. Наиболее четко эту программу, которая выполнялась практически от игуменства в Лавре Феодосия (1061–1074), обозначил в начале XIII в. епископ Владимирский и Суздальский Симон в своем «Послании к Поликарпу, черноризцу печерскому» (оно вошло в Киево-Печерский Патерик). Епископ, бывший печерский монах, сетуя на гордыню своего побратима, писал: «Не в том достоинство, брат, чтобы славили нас все, но чтобы правильно вести житие свое и чистым его содержать. Поэтому-то, брат, с Печерского монастыря пречистой Богоматери много епископов поставлено было, как от Христа, Бога нашего, у весь мир были посланы Апостолы, и как светила светлые, осветили они всю Русскую землю святым Крещением».

Наивысшим послушанием, верностью Духу и смирением печерские монахи заслужили исполнение различных должностей в церковных институтах всей Руси. Достижению успехов

в выполнении возложенных на них обязанностей способствовали непосредственные контакты с княжескими администрациями. А в случае неудачи обитель гарантировала монаху возвращение в свое лоно, конечно, при условии смирения. Послушников Печерского монастыря, которые стали епископами на протяжении второй половины XI–XII вв., по мнению епископа Симона, было «около пятидесяти». Некоторые из них получили божественное отличие в пределах своих епископатов: Никола и Ефрем — в Переяславле-Русском, Феоктист — в Чернигове, Лука — в Белгороде Киевском, Марин — в Юрьеве на Роси, Стефан — во Владимир-Волынском, Никола — в Полоцке, Лука, Герман, Никита и Нифонт — в Новгороде Великом, Леонтий, Авраамий и Исайя — в Ростове, Ефрем — в Суздале. В канонизированном списке Печерских святых, уложенном митрополитом Петром Могилой в 1643 г., святых отцов печерских 118 человек (Зоценко, 2002, с. 91–92).

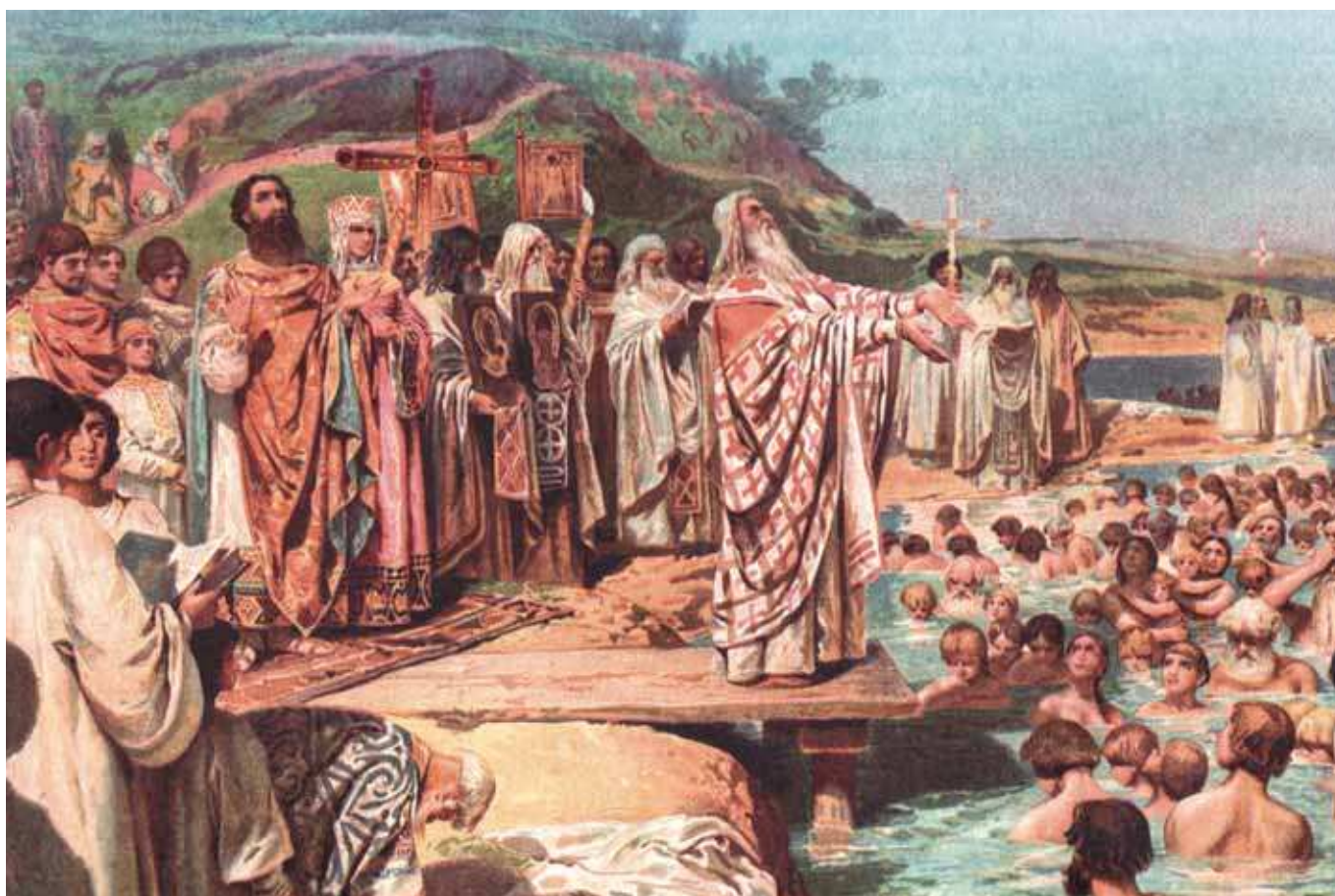
Но, конечно, на начальном этапе утверждения христианских идей не все неофиты моментально становились искренними сторонниками новой

веры — это случилось намного позже, после глобальной катастрофы XIII в., когда гибель княжеств под ударами монголо-татар начала рассматриваться как божья кара за грехи земные. Известно много реальных фактов о деяниях искренних язычников первых веков 2-го тыс. н.э. Это было связано не только с консервативным восприятием окружающего мира многими русами, но и с самим древним вероучением. Анализ источников тех времен позволяет утверждать: языческая система мировидения представляла собой сложный комплекс обрядов и идей, которые отображали богатый духовный дохристианский мир.

Не следует также забывать и о многочисленном отряде «двоеверцев», среди которых преобладали представители нижних социальных слоев. К самому понятию «двоеверия» могут быть отнесены следующие явления:

- одновременное обращение к христианским и нехристианским надприродным персонажам, а также иные формы смешения различных религиозных элементов;

К.В. Лебедев. «Крещение киевлян»

- использование христианами элементов языческой обрядности и фразеологии;
- присвоение персонажам христианской мифологии качеств языческих низших и высших божеств;
- обращение к языческим персонажам и мотивам в христианской среде.

С церковной точки зрения к двоеверию относятся не только синкретизм христианства и восточнославянского язычества, но и смешение с христианством элементов иных религий (Чернецов, 1993, с. 73–75).

Возвращаясь к проблеме двух культур в обществе Киевской Руси, следует указать на то, что все имевшиеся факты единения относятся именно к носителям элитарной культуры, которые и ощущали это единство в обществе тех времен. Вряд ли возможно хоть как-то доказать принадлежность Владимира Святославича или Ярослава Мудрого к российской или украинской средневековой правящей верхушке — оба начинали править на восточнославянском севере, в Новгороде Великом, а придя на киевский стол, совершили главные свои деяния в укреплении Руси. А их отец и дед Святослав Игоревич, поправив какое-то время в северной и южной резиденциях, вообще возжелал перенести центр своего государства из Среднего Поднепровья. Практика совершенно нормальная для времен формирования раннефеодальных империй, когда внешняя экспансия являлась одним из главных признаков становления государства.

Ситуация в этом отношении усложнилась в более позднее время. Вот лишь несколько примеров: Владимир Мономах занимал ростовский, смоленский, владимир-волинский, снова смоленский, черниговский, переяславский и только затем киевский столы; его сын Мстислав Великий занимал новгородский, ростовский, смоленский, снова новгородский, белгородский, киевский княжеские столы. Показательной является и судьба другого сына Владимира Мономаха Юрия Долгорукого — он был князем ростово-суздальским четыре раза, переяславским дважды, городецко-ростовским однажды, киевским трижды. В столице Руси все трое и похоронены. При этом нельзя забывать, что князья перемещались по стране вместе со своим окружением, дружиной и челядью.

В то же время широкие народные массы в интеграционных процессах принимали участие еще очень слабо. Поэтому даже трудно представить себе высокое осознание единства для крестьян-смердов, проживавших, к примеру, под Галичем и Курском, не говоря уже о жителях сельской местности на Волыни или Новгородщине. Их «миры» были более конкретными и занимали намного меньшие пространства. Это в первую очередь обуславливалось системой контактов в конце 1-го — начале 2-го тыс. н.э. для преобладающего большинства населения. Поэтому следует согласиться с мыслью о том, что в средневековые времена (особенно на первом этапе этого исторического периода) значительная часть населения была с современной научной точки зрения безэтничной (Козлов, 1969, с. 62–64).

Принятие гипотезы, что древнерусская этническая общность существовала на уровне носителей элитарной культуры и весьма слабо воспринималась рядовым населением, в первую очередь преобладавшим количественно сельским людом, позволяет более логично реконструировать механизм дальнейшего появления на исторической арене россиян, украинцев и белорусов. Гипотеза также объясняет отсутствие попыток этнической интеграции всего восточнославянского массива уже в постмонгольское время, когда Древнерусское государство погибло. Тезис же о крепких и всесторонних связях по горизонтали и вертикали в IX–XIII вв. и в более позднее время не позволяет обоснованно указать причины, которые привели к такому быстрому разделению восточных славян на три ветви и формированию современных народов.

Поэтому, учитывая нынешнее «перетягивание каната» в вопросе о древнерусском наследии, стоит процитировать М.С. Грушевского, который еще в начале XX в. писал: «Да, мы старая Киевская Русь, но вместе с тем мы украинский народ, особый народ, со своим особым языком, историей, письменностью и культурой. Вы великороссы... но мы совсем отдельно от вас пережили наше украинское время, которое наложило свою последнюю печать на нашу жизнь: возрождение XVI века, казаччину, большие народные восстания XVII века, развитие украинского народоправления, казаческого демократизма» (Грушевський, 1991, с. 112).

Киево-Печерская лавра (современный вид)

Эта мысль должна учитываться и в современных разработках новых исторических концепций. Главными в этом направлении должны стать, с нашей точки зрения, несколько основных положений, в том числе:

- «Русская земля» в узком значении этого термина, то есть территория Среднего Поднепровья, являлась центром страны, которую мы сейчас называем «Киевская Русь»;
- южнорусские земли развивались более быстрыми темпами в сравнении с другими регионами восточнославянской ойкумены вследствие своего географического расположения (в первую очередь), богатства природных ресурсов и демографического потенциала;
- князья из династии Рюриковичей и их феодальное окружение являлись основным объединительным фактором на Руси, а народные массы в этом процессе тогда играли еще очень пассивную роль;
- говорить о россиянах, украинцах и белорусах для IX–XIII вв. еще рано — они себя ими не ощущали, именуясь «русами», «русиными», «русичами».

Поэтому передавать древнерусское наследие только одному из современных восточнославянских народов, которые в целом сформировались и ощутили себя в нынешних наименованиях в более позднее время, некорректно с научной точки зрения. Если же оставаться на позициях неизменности в процессах формирования и развития этносов, то весьма актуальная историческая проблема, которая имеет важное значение и для сегодняшних межгосударственных отношений, вместо своего разрешения переходит в разряд бесперспективных.

4.4. КИЕВ. КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА*

Память о проповеди апостола Андрея и о поставленном им первом кресте в земле Русской сохранилась в Киеве на целое тысячелетие. И на том самом месте, где в 1212 г. была построена деревянная церковь во имя Воздвижения Честного Креста, ныне возносится к небу величественная Андреевская церковь — шедевр Растрелли. Князь Владимир, креститель Руси, изваянием застыв-

* Фрагмент из книги Б.Н. Кузика «Святая Русь: время собирать камни» (М.: ИНЭС, 2005).

ший над древним Славутичем с крестом в руках, и апостол Андрей — над Андреевским спуском... Известно, что во времена князя Игоря, в X в., на Подоле стояла соборная церковь святого Илии. Вероятно, церковь существовала на этом месте уже во времена князя Аскольда. Возможно, храм этот был звеном в непрерывной цепи преемственности от Первозванного апостола. Историки находят в летописях упоминания о существовании христианской общины и христианских церквей на территории Киева задолго до крещения Руси князем Владимиром. Здесь наши корни, наши святыни, здесь все дышит историей.

Душой священного города были многочисленные храмы, а их средоточием — первенствующий монастырь Руси: Свято-Успенская Киево-Печерская лавра.

Если смотреть на Киев с левого берега Днепра, то взору предстанет великолепная картина: в пышном бархате зеленых киевских круч сверкающий многочисленными золотыми куполами сказочный комплекс древних сооружений. Это и есть знаменитая Лавра, основанная, как гласят летописи, в 1051 г. преподобным Антонием. Он пришел на Русь по благословению старцев со Святой Горы Афон.

Подвижник поселился вне крепостных стен Киева, в пещере. К нему стали стекаться люди, образовался монастырь, подземная обитель уже не вмещала братию. Тогда появились первые надземные постройки — церковь Рождества Богородицы и кельи.

Сегодня в Киеве заново открывают ранее существовавшие пещеры. Сильное впечатление производит Катаева пустынь в Киеве. Подземные храмы, кельи, куда на 20 и 30 лет уходили в затвор, повторяя духовные подвиги первых христиан.

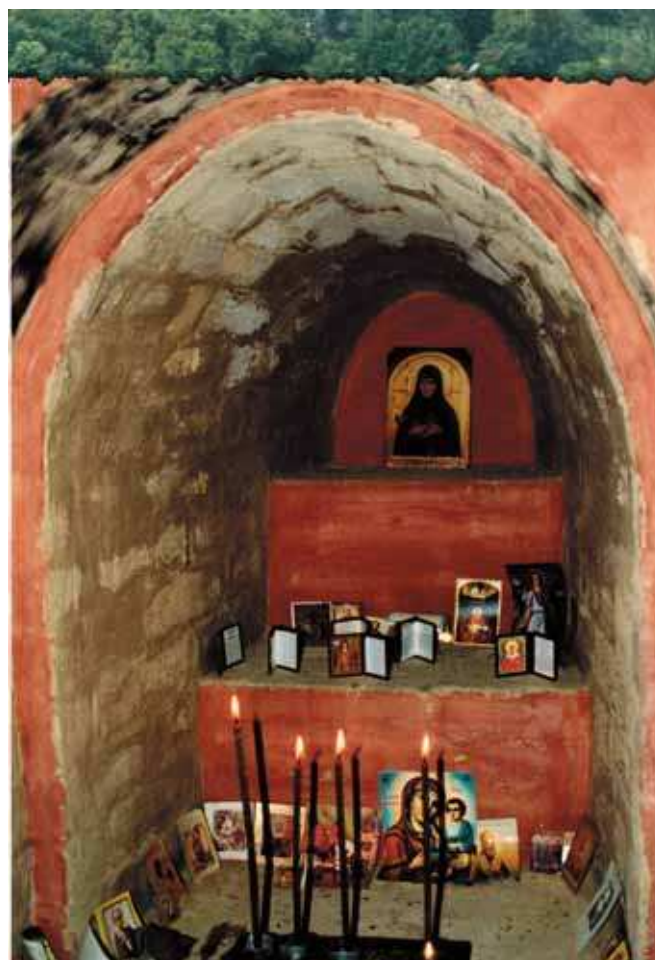
Первоначальное размещение именно в пещерах можно объяснить и экономическими соображениями того времени. Земля, то есть угодья, леса и многое другое, была в собственности князя. Появление келий и храмов в пещерах под землей не нарушало чьих-либо формальных прав на землю. А в дальнейшем, по мере роста известности пустыни среди населения, князь знакомился с ее выдающимися личностями. Это сопровождалось «дарованием» части

территории — формально строился монастырь, осваивалась территория, обитель выходила из-под земли.

Киево-Печерская лавра стала крупнейшим монастырем во всей Руси — на ее территории находится около ста сооружений, 42 из которых являются уникальными, ее площадь — почти 30 га. Лавра имела 23 храма, из них 6 пещерных с 36 алтарями. Знаменитая печерская обитель дала православному миру полторы сотни святых подвижников, сохранив нетленные останки 119 из них в своих пещерах. Из Лавры вышли 50 епископов, которые всюду разносили дух, предания и уставы церкви. Была она и большим центром благотворительной, «социальной» деятельности. Так с самого начала монастырь стал в России «мерилом» всей жизни.

Одно из самых почитаемых мест Киево-Печерской лавры — Пещеры. В них вот уже более девятист лет пятидесяти лет почивают нетленные мощи основателей обители преподобных

Подземный храм. Катаева пустынь

Святой Илья Муромец — небесный покровитель русского воинства

Антония и Феодосия, целителя Агапита, Нестора-летописца и других угодников Божиих. Здесь покоится глава святого равноапостольного князя Владимира.

Рядом с могилами атаманов Кочубея и Искры погребен злодейски убитый 1 сентября 1911 г. в Киеве великий реформатор России председатель Совета министров П.А. Столыпин. В Лавре похоронены князья и гетманы, воины и полководцы, защитники земли Русской.

В Лавре покоится Илья Муромец — самый известный герой русского эпоса и реальная историческая личность, воин, служивший киевскому князю. Он является главным действующим лицом не только наших былин, но и германских эпических поэм XIII в., основанных на более ранних сказаниях. В них он представлен могучим витязем княжеского рода Ильей Русским. Для многих современных людей оказывается

откровением тот факт, что популярный герой эпоса почитается святым Русской Православной Церковью. Илья Муромец был официально канонизирован в 1643 г. в числе еще шестидесяти девяти угодников Киево-Печерской лавры.

Святому Илье не было составлено канонического жития, зато существует его эпическая биография от рождения и исцеления до кончины. Ему посвящено самое большое количество былин во всем русском фольклоре. Насчитывается около тринадцати самостоятельных сюжетов. Русское воинство считает святого богатыря своим покровителем.

Невзирая на всевозможные исторические потрясения — войны, пожары, землетрясения, Лавра осталась общерусской святыней и оплотом православия в борьбе с католицизмом, губительной унией и ересями. Она была центром просвещения в южнорусских землях, вожделенным местом паломничества не только православных христиан. Благодаря Печерской лавре Киев наименован Русским Иерусалимом.

И сегодня Свято-Успенский собор вновь призывно сияет своими семью золотыми куполами, достигающими 52-метровой высоты, над киевскими холмами, словно драгоценная корона подле скипетра-колокольни и круглой державы — трапезного храма, венчает священную историю православной Руси на вечное стояние в правде и благочестии.

Официальная история Православной Церкви в России начинается с Владимира Святого. Это не значит, что до него христианства на Руси не было: достаточно вспомнить о значении в русской христианской памяти святой Ольги — «утренней зари, предваряющей солнце» (слова летописца). Напротив, христианство до крещения Руси уже настолько утвердилось, связи с Византией и «византизированной» Болгарией были настолько прочными, что дело святого Владимира явилось не столько началом, сколько завершением довольно длительного процесса, победой определенной тенденции в государственно-национальном самосознании.

Крещение Руси в сознании самого князя было государственным делом. Для Руси наступило историческое «совершеннолетие», требовавшее включения ее в христианскую традицию культурного мира.

Рядом с княжеским двором когда-то возвышалась многоглавая церковь Успения Богоматери, прозванная Десятинной, потому что князь Владимир повелел десятую часть своих доходов отдавать на устройство этого храма. Построенная в 991–996 гг. греческими мастерами церковь в середине XI в. с трех сторон была обстроена галереями, что характерно для древнерусских храмов домонгольской эпохи. За образец была принята церковь Большого императорского дворца в Константинополе, также посвященная Богоматери и в истории искусства именуемая Фаросской. Современники считали Фаросскую церковь совершенной и называли ее храмом, красота которого превосходит знаменитые библейские святилища. Вероятно, поражала красотой и Десятинная церковь, о которой ныне может рассказать только ее фундамент. Его вернули из небытия археологи в 1908 г.

Как и все храмы Киева XI в., Десятинная церковь была возведена из плоского квадратного кирпича — плинфы — в традициях византийского зодчества. Из такого же материала были построены и дворцы, ее окружавшие. По мнению разных историков, их было три или четыре. В отделке Десятинной церкви широко использовалась мозаика.

На протяжении нескольких десятилетий, пока не был построен главный храм Киева — храм святой Софии, Десятинная церковь оставалась самым значительным и самым почитаемым храмом Руси. В 1240 г., в черную годину нашествия Батыя, Десятинная церковь была разрушена.

Ранние этапы распространения христианства в Древней Руси не находят достаточного отражения на страницах письменных памятников, поэтому для воссоздания исторической картины необходимо полноценное привлечение археологических источников.

Сегодня в науке нет исследований, посвященных древностям Руси как источнику изучения ее христианизации, не существует полной сводки древностей. Хотя факты христианизации Древней Руси многочисленны.

Нельзя отрицать значение новой религии при переходе древнерусского общества на рубеже 1–2-го тыс. от обряда сожжения умерших предков к обряду их захоронения. В Сибири, где христианство распространилось позже, позднее наблюдался и отход от обряда сожжения.

Если по отношению к Киеву еще можно как-то оспаривать справедливость утверждения «Киев — мать городов русских», приводя в пример более старые русские города — Старую Ладугу, Новгород, Белозерск, то главенствующую роль Киево-Печерской лавры в устройении монастырей русских не осмелился подвергнуть сомнению ни один историк.

Свято-Успенская Киево-Печерская лавра — колыбель монашества на Руси и твердыня православной веры — ведет свою историю со времен княжения Ярослава Мудрого, сына святого князя Владимира — крестителя Руси, со времен митрополичьего служения святого Илариона, первого русского по происхождению митрополита Киевского.

Ярослав Мудрый в союзе с митрополитом Иларионом — мудрым философом, выдающимся русским писателем, автором знаменитого «Слова о законе и благодати» — достигли замечательных успехов в деле благоустройства государства. Опору своей деятельности они нашли в рус-

Развалины Десятинной церкви. Рисунок XVIII в.

**«Нерушимая стена» — запрестольный образ
Софийского собора**

ском монашестве, принеся высокие образцы устройства праведной жизни со Святой Горы Афон.

По благословению игумена Есфигменского монастыря Феоктиста преподобный Антоний, принявший иночество на Афоне, пришел оттуда в Киев в 1051 г. и поселился в выкопанной им самой пещере. Она находилась в районе Варяжских пещер, составляющих часть нынешних Дальних пещер. Эту дату принято считать датой основания Киево-Печерского монастыря.

Скоро преподобный Антоний стал широко известен среди горожан, приходивших к нему за благословением и духовными советами. Вокруг Антония постепенно стала собираться братия, и, когда число иноков достигло 12, были устроены новые кельи и началась перестройка нынешних Дальних пещер.

Частыми посетителями пещерного монастыря стали князь Изяслав, сын Ярослава Мудрого, другие князья и бояре. В 1062 г. они пожертвовали средства на сооружение наземных построек, так как пещеры стали слишком тесны для братии. Тогда же преподобный Антоний поставил первым игуменом обители своего ученика Варлаама, а сам на сорок лет удалился в отдаленную пещеру.

Сила подвигов и молитв иноков изумляла современников. Монахи обители, затворники, отличались нравственностью и подвижничеством. Монастырь стал кузницей кадров для возникающих по всей земле Русской православных монастырей.

После перевода преподобного Варлаама настоятелем в построенный князем Изяславом Свято-Дмитриевский монастырь Антоний благословил на игуменство Феодосия как самого кроткого и смиренного монаха. При игуменстве преподобного Феодосия в 1060–1062 гг. над Дальними пещерами был построен деревянный монастырь, куда и перешла из пещер вся братия. Численность ее на тот момент составляла около 100 человек, что было много даже для греческих монастырей.

Преподобный Феодосий послал в Константинополь одного из иноков, дав ему задание переписать Студийский устав и принести его в Киев. На основе Студийского устава и был создан общежительный Устав Печерской обители, который впоследствии приняли все монастыри Киевской Руси.

Важным событием в жизни монастыря стало построение храма Успения Божией Матери. В течение 15 лет греческие зодчие и иконописцы возводили и украшали эту церковь, которая была освящена в 1089 г. митрополитом Иоанном. В росписи храма участвовал преподобный Алипий, считающийся родоначальником особенного, отличного от греческого, иконописного искусства. В 1091 г. в храме были положены мощи преподобного Феодосия. Преподобный же Антоний, согласно завещанию, был погребен под спудом в Ближних пещерах.

Печерские иноки становились миссионерами и отправлялись проповедовать христианство в те области Руси, где население еще исповедовало язычество. Так, в 1096 г. преподобный

Евстратий Постник был взят в плен половцами, продан иудеям и замучен за проповедь христианства. Преподобный Кукша и его ученик Иоанн, крестившие вятичей, также были замучены. Преподобный Никон Сухой склонил к христианству одного из знатных половцев и всю его большую семью. Летописи помнят много имен подвижников, принесших свет новой веры с берегов Днепра в отдаленные уголки страны.

С деятельностью насельников Киево-Печерского монастыря связано и начало регулярного летописания, и появление первой на Руси библиотеки, а следовательно, первого опыта осмысления русской истории. Первым известным летописцем был преподобный Никон, игумен Печерского монастыря. Автором Печерской летописи считается преподобный Нестор Летописец, в 1113 г. завершивший свой труд — Повесть временных лет. В первой четверти XIII в. в монастыре было создано уникальное произведение — Киево-Печерский патерик. Киево-Печерская лавра была духовным, социальным, культурным и просветительским центром, пользовалась известностью в Польше, Литве, Армении, Византии, Болгарии, Сербии.

Начиная с 40-х гг. XIII в. и до начала XIV в. Киево-Печерский монастырь, как и весь Киев, сильно пострадал от монголо-татарского нашествия. Вся местность, по которой прошла лавина завоевателей, представляла собой пустыню, пепелище и братскую могилу. Источников, сообщающих о жизни обители в этот период, почти не сохранилось.

Лаврские пещеры стали местом погребения защитников Киева. В Ближних пещерах есть большие ниши, заполненные человеческими костями. Большинство историков считает, что именно здесь находятся захоронения воинов, оборонявших город от захватчиков.

Есть основание полагать, что жизнь и богослужения в монастыре не прекращались даже в те тяжелые годы. Выдающийся историк Русской Православной Церкви митрополит Макарий (Булгаков) писал, что иноки жили не в самой обители, а вокруг нее, «по дебрям и лесам, в уединенных пещерах, и тайно сходились в один уцелевший от разорения придел церкви

Подземная церковь святого Феодосия Печерского в Дальних пещерах

для совершения богослужения». Есть свидетельства, что в 1251, 1274 и 1277 гг. в Киев из Греции приезжал митрополит Кирилл. Он совершал в Софийском соборе хиротонии епископов городов Владимирка-на-Клязьме и Новгорода. В 1284 г. митрополит Максим созвал Собор епископов и также совершал епископские хиротонии.

С середины XIV в. эти земли подверглись новым атакам, на сей раз со стороны Литвы. Литовский князь, которому подчинялись Киевские земли, был язычником, но после принятия Кревской унии (1385 г.) между Литвой и Польшей был крещен по католическому обряду и начал активно насаждать католицизм на Киевских землях. Печерская же обитель, оправившаяся к тому времени от монгольского разорения, стала незыблемым оплотом православия.

Постриженники Киево-Печерского монастыря основали в сопредельных землях множество обителей. Так, в XIV в. Стефан, Махрицкий чудотворец, заложил недалеко от Москвы Махрицкий, а в Вологодской земле — Авнежский монастыри. Тверской епископ Арсений основал в своей епархии Желтоводский Успенский монастырь, а Косма Яхромский в конце XV в. — монастырь на р. Яхроме, недалеко от Москвы.

К концу XVI в., преодолевая различные трудности, связанные с окатоличиванием украинских земель, а также вмешательство во внутреннюю жизнь Лавры короля и магнатов Польши, монастырь полностью восстановился. Обитель приобрела в свое владение новые земли, отстраивались храмы, росла численность братии. Лавра сохраняла свое значение как крупный духовный, просветительский и культурный центр Украины.

Духовный авторитет Печерского монастыря еще более возвысился в период борьбы с унией, когда обитель возглавляли выдающиеся деятели той эпохи: архимандриты Никифор Тур, Елисей Плетенецкий, Захария Копыстенский, митрополит Петр Могила, Иннокентий Гизель.

С именем Елисея Плетенецкого связано начало книгопечатания в Киеве. Первой отпечатанной в типографии Лавры книгой был «Часословец» (1616–1617). В 1680–1990-е гг. будущий святитель Дмитрий Ростовский, тогда насельник Лавры, составил «Жития святых».

Киево-Печерскую лавру не обходил вниманием ни один из русских государей: на ее устрое-

ние жертвовали значительные суммы Алексей Михайлович и Петр Великий, Анна Иоанновна и Елизавета, Екатерина II и Павел I, Александр I и Николай I, Александр II, Александр III и Николай II... Посещая Лавру, цари, как и их подданные, простые люди, брали благословение у настоятеля.

Среди дарителей — великие князья, граф Шереметев и княгиня Гагарина, граф Румянцев-Задунайский и князь Потемкин, гетман Мазепа, графиня Орлова-Чесменская, сотни дворян, купцов, промышленников и даже иностранцы.

При Печерском монастыре существовала больница, на строительство которой Лавра израсходовала более ста тысяч рублей. Святая обитель ежегодно принимала на иждивение до восьмидесяти тысяч паломников. Многие из них бесплатно проживали в лаврской гостинице, питались за счет монастыря три, четыре и более дней кряду. И так на протяжении десятилетий!

Лавра выделяла большие средства на развитие образования: содержала собственную начальную школу, Духовное училище, давала деньги на обучение бедных учащихся Киевской епархии, устанавливала специальные стипендии в духовно-учебных заведениях страны.

Существенными были пожертвования Лавры «на военные издержки и разоренных войною» — в годы Отечественной войны 1812 г., в годы Крымской, Русско-японской и Первой мировой войн.

Обитель всегда отзывалась на всякое благое дело. Любовь к ближним создавала Киево-Печерской лавре заслуженный авторитет.

Многие именитые люди хотели, чтобы после смерти их похоронили на погосте Лавры. Поэтому здесь сложился уникальный некрополь. На Рождественском кладбище, в Большой Успенской церкви, в других храмах и пещерах на территории обители покоятся первый митрополит Киевский Михаил, князь Федор Острожский, Елисей Плетенецкий, митрополит Петр Могила, Иннокентий Гизель и десятки других священнослужителей и мирян — лучших сынов Отечества.

Выдающийся русский военачальник Петр Александрович Румянцев-Задунайский, согласно его завещанию, 8 декабря 1769 г. был похоронен у клироса соборной Успенской церкви.

В 1911 г. земля обители приняла останки Петра Аркадьевича Столыпина — выдающегося государственного деятеля Российской империи.

4.5. ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ РУСЬ*

В 1245–1247 гг., после гибели большей части древнерусских княжеств под ударами монголо-татарских войск Батыя, монах-францисканец Иоанн де Плано Карпини осуществил поездку в столицу степной империи город Каракорум с целью провести «глубокую разведку в стане врага» и доложить собранную информацию весьма встревоженным правителям Западной Европы. Его путь пролегал через южный регион восточнославянской ойкумены, и монах оставил важные сведения о том, что увидел (Иоанн де Плано Карпини, 1911, с. 9, 25, 44, 45, 50, 57, 61). В состав страны «Руссия» он включил Киев (назвав его столицей) и Чернигов, Волынь (владими́ро-во-лы́нский правитель Василько именуется князем), Галицкую землю (князь Даниил назван «королем русским»), а также Владимиро-Суздальскую землю. Здесь впервые в иностранных источниках Поволжье отнесено к Руси: в домонгольские времена этот район восточнославянского мира обычно именовался жителями южных княжеств как «Залесье» (Журавель, 2006, с. 70), а сама «Русская земля», первоначально находившаяся в Среднеднепровском регионе, на рубеже XII–XIII вв. включила в себя и земли Галицкой Руси (Моця, 2007, с. 201–207).

В контексте данной работы для нас особенно важным является упоминание о галицко-волынских территориях, правители которых в глазах францисканца имели разные статусы — «короля» и «князя» — и где продолжалась эволюция цивилизационных и государствообразующих процессов. При этом следует отметить, что вступление галицкого территориального ядра в сферу «русской зоны» все же не привело к однозначному перенесению туда основного политического центра всех южнорусских земель, как это представлялось еще недавно многим историкам-медиевистам. Кроме традиционной столицы на Среднем Днепре — «матери городов русских», которая не превратилась в ординарное пограничное местечко, да и самого Галича, на восточнославянском юге начал формироваться еще один, новый государствообразующий очаг. Речь идет о Черниговском

Град Тустань в Карпатах. Реконструкция М.Ф. Рожко

княжестве, правители которого активно выступали против экспансионистских планов владими́ро-суздальских и смоленских князей установить свою гегемонию на обширных просторах (Коваленко, 1994, с. 20).

Да и на территории карпатского региона не все было так стабильно в смысле возникновения нового центра, как это считалось совсем недавно. В частности, редкая встречаемость в древнерусском летописании самого Галича как первопрестольного и царственного града Юго-Западной Руси была связана с его претензиями на наследие в отношении к Киеву, который в книгах тех времен декларировался как Второй Иерусалим.

Между тем формула «Галич — второй Киев», которую так и не смогли достаточно четко обосновать средневековые галицкие книжни-

Львов второй половины XIII в. Реконструкция И.И. Базарника

* Автор раздела — А.П. Моця, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, Институт археологии НАН Украины.

Печать Львова XIV—XV в.

ки, получила окончательные формы только в середине XX в. А в 30-е гг. XIII в. в этом районе Руси начал формироваться новый столичный центр — Холм (современный польский Хелм), в котором Даниил Галицкий видел новую царственную столицу. О высоком социальном статусе и будущем предназначении этого града засвидетельствовали и слова галицко-волынско-го книжника о том, что Холм «бысть созданъ Божиим веленьемъ». Вполне возможно, что амбиции упомянутого Даниила Романовича были направлены именно на превращение его последней столицы во второй Киев, а не только в основную оборонительную крепость на территории Забужья (Ричка, 2005, с. 227–229).

К этому мнению, вероятно, следует добавить и то, что о переносе «галицкого центра» Даниилу постоянно «напоминало» местное боярство, с сепаратизмом которого ему приходилось сталкиваться еще с детских лет. В новом центре, конечно, ему было спокойнее жить и править, не ожидая постоянно «удара в спину» со стороны традиционных недоброжелателей.

Но здесь все же следует сказать несколько слов о геополитическом значении Карпатского региона в рассматриваемые (да и последующие) времена. Оно определялось прежде всего положением наиболее выдвинутой на запад территории современной Украины, тогда оберегающей свою стратегическую мощь и государственных

мужей, которые стремились использовать ее в интересах значительной части восточного славянства. Историческая ситуация превратила Галицко-Волынскую Русь и в форпост, который оберегал восточнославянское государство с юго-запада, и в своеобразный медиатор его экономических, культурных и цивилизационных контактов с многими государствами Европы. Здесь был завязан один из наиболее сложных узлов межрегиональной, а позже и континентальной геополитики. Соответственно возрастала и роль Галицко-Волинской Руси в комплексе интересов всей Руси Киевской, как и ее место в сдерживании агрессивных акций иных стран.

С прогрессирующим падением сил и престижа великокняжеского киевского стола галицкие правители развернули активную дипломатическую деятельность, завязывая отношения с непосредственными соседями и с Западной Европой. Концентрируя внимание сначала на региональных проблемах, они со временем вступили в крупные политические игры (Симоненко, 2001, с. 122). Именно этот период в истории Галицко-Волинской земли представляет наибольший интерес.

В свое время известный украинский историк М.С. Грушевский писал: «Всеукраинской, какой была Киевская, Галицко-Волинская держава стать не смогла, ограничилась Западной Украиной, хотя было несколько моментов, когда поднималась если не на обладание целой Украиной, то на значительное расширение сферы влияния на востоке. Преградой становились разные причины и приключения, но и без них такое расширение влияния на Поднепровье затруднялось тем, что фундаментом государства стала Галичина — западный край украинской территории. Хотя начал творить Галицко-Волынскую державу князь волинский, но основой ее стала Галичина, которая, как мы видели, на протяжении XII в. развила в себе значительные материальные силы; несколько позже в руках галицко-волинских князей собираются волости, и только с началом XIV в. объединяются все галицко-волинские земли в единый комплекс, в руках Юрия. Центр тяжести тогда переносится на Волинь» (Грушевский, 1993, с. 1). Ясно, что в отношении некоторых деталей объединительных процессов в данном регионе уважаемый академик, мягко говоря, ошибался.

Укажем, что часто встречающийся термин «украинский» следует воспринимать условно — его использование в современном понимании появилось намного позже. В первые же послемонгольские десятилетия (как и не раз до этого) он применялся для обозначения окраинных территорий. Вот фрагменты Ипатьевской летописи, в которой южнорусские события освещены наиболее полно. 1280 г.: «Посем же Левъ (сын Даниила Галицкого. — АМ.) всхоте собе части в земле Лядскои (Польше. — АМ.) города на Вкраини»; 1282 г.: «...и воспомяну Володимеръ (князь волынский. — АМ.) оже преже того Лестко пославъ Люблинець (люблинцев. — АМ.) взять бяшетъ оу него село на Вкраинци именовъ Воинь».

Но сейчас остановимся на другом, поистине проблемном вопросе. Речь идет об использовании терминов «держава» и «княжество», о которых постоянно спорят. Первый из них, вслед за М.С. Грушевским, использует и Я.Д. Исаевич. Второй, следом за И.П. Крипякевичем, отстаивает Н.Ф. Котляр (Исаевич, 2002, с. 3; Крипякевич, 1984; Котляр, 2003, с. 38 и др.). Поэтому необходимо хотя бы в общих чертах остановиться на их аргументации.

Сторонники «княжеской» теории отмечают, что для державы средневекового времени обязательным является территориальное единство под властью, которая исходит от общего и единого для всего пространства политического центра. Он «окняживает» подвластную ему землю, то есть устанавливает на ней свои системы администрирования (управления), суда и собирания податей (дани). Но на протяжении XIII в. Галичина и Волынь были объединены в единое целое лишь во времена княжения отдельных личностей, что не позволяет использовать этот термин на протяжении всего рассматриваемого исторического периода (Котляр, 2003, с. 39–42).

Их оппоненты выдвигают свои аргументы: «Возникает вопрос, в каком понимании мы называем Галицко-Волынское княжество «державой». Н. Котляр справедливо отмечает, что термином «держава» для этого времени пользуются дилетанты, плохо информированные об истории данного времени. Некоторые из них просто компрометируют этот термин. По мнению Н. Котляра, державой Галицко-Волынское кня-

Представитель Папы подносит Даниилу Галицкому корону

жество можно называть на протяжении 24 из ста лет в XIII в., а конкретно в те годы, когда страна была объединенной; в иные периоды она была разделенной на удельные княжества. Впрочем, по нашему мнению, существенные черты державы (территорию, систему администрации) имело каждое княжество. В сознании людей того времени основным символом государственности выступал князь, правитель державы. Поэтому везде, где был независимый князь, можно говорить о независимой державе. А в тех случаях, когда князь зависел от иных сюзеренов, есть основания утверждать о наличии государственных вассальных структур. Даже во времена раздробленности Галицко-Волынская земля являлась своеобразной конфедерацией небольших княжеств, которые, вопреки борьбе между собой, иногда очень острой, оставались частями большего целого» (Исаевич, 2002, с. 5–6).

Мнения обеих сторон имеют определенный смысл. В данном случае главным все же является несомненный факт государствообразующего процесса уже после Батыевого нашествия. А термины, о которых речь шла выше, можно просто заменить (до дальнейших исследований) еще одним, но более нейтральным — «Галицко-Волынская Русь», который используется уже давно и ни у кого не вызывает возражений (Пашуто, 1950). Ведь и Киевская Русь состояла из многих, правда, более крупных по размерам удельных княжеств.

Теперь можно перейти собственно к характеристике самого государствообразующего (и одновременно цивилизационного) процесса,

который происходил в рассмотренное время в данном регионе восточнославянского мира.

Объединение галицких и волынских земель впервые было осуществлено во времена Романа Мстиславича, который до этого занимал княжеский стол во Владимире-Волынском. Учитывая государственные деяния этого князя как великого галицко-волынского правителя, можно предполагать, что еще во времена пребывания в «северной столице» объединенной земли он создал собственную модель государственного правления. Роман понимал, что сильная княжеская власть коренится в независимости от контроля землевладельцев-аристократов. Поэтому он последовательно ограничивал боярские вольности, контролируя ситуацию в отношении направленных против него оппозиционных сил феодалов. Польский историк XV в. Я. Длугош из не известных сегодня источников древнерусского времени узнал, что Роман «приструнил» даже местного духовного князя — владимирского епископа, который также противился его централизаторским мероприятиям.

Так же, как и иные князья, Роман находил опору в сильной и преданной боевой дружине, хорошо вооруженной и обученной. Но в отличие от многих иных правителей он постоянно заботился о широкой социальной поддержке своих акций, опирался при этом на средние и высшие слои жителей многих волынских городов и, естественно, в первую очередь столицы. Это позволило существенно укрепить «плацдарм» для объединения более обширных территорий: в 1197 г. он утвердился в Галиче, который

Холм — последняя столица Даниила Галицкого

провозгласил столицей новообразованного Галицко-Волынского великого княжества.

Амбициозный и целеустремленный князь на этом не успокоился. В самом начале следующего века (1203–1205) Роман закрепил за собой и Киев, посадив там своего посадника, хотя сам остался в Галиче на Днестре. Этого требовала внешнеполитическая ситуация: он лично принял участие в междоусобной борьбе польских князей. Но, главное, этот князь решительными и крутыми мерами подавлял боярскую оппозицию. Местное боярство представляло собой историко-социальный феномен, подобного которому не знали другие южнорусские земли княжества. Только бояре Новгорода Великого, которые почти ежегодно изгоняли своего князя, могли померяться с галицкими «коллегами» своеволием и эгоизмом, заносчивостью и властолюбием. Военная и политическая мощь галицких бояр опиралась на крупное землевладение и неисчислимые богатства. Они строили загородные укрепленные замки, внутри которых могли выдерживать осаду княжеского войска. Неудивительно, что они помыкали всеми предшественниками Романа на галицком столе.

К сожалению, все проведенные Романом мероприятия по прочному объединению Галичины и Волыни не увенчались созданием настоящего и стабильного государственного организма, хотя летописец и характеризовал его как векопомного самодержца всей Руси, держателя всей Русской земли. Объединение, которое держалось на силе и авторитете одного князя, оказалось недолговечным. Поэтому не удалось создать и укрепить систему администрирования, судопроизводства и сбора податей, а власти центра — стабильно укрепиться на всей территории нового княжества. Да и достаточно разными были основные его составляющие: Волынь — стойкая государственная власть, развитая самим Романом, земельная аристократия, которая в своем большинстве поддерживала этого правителя, усмиренная боярская оппозиция; Галичина, в которой князь всегда зависел от крупного боярства и в которой Роман так и не успел полностью искоренить боярскую олигархию и при этом достаточно укрепить собственную власть. Он действительно начал широкомасштабную

Печать Юрия Львовича

кампанию против галицких бояр, но довести ее до логического завершения не позволила его неожиданная для всех смерть в 1205 г. (Котляр, 1998, с. 105, 157, 159).

Следует отметить, что XIII в. для целого ряда европейских стран стал во многом переломным этапом в борьбе монархов за утверждение власти и подчинение феодалов королю. Аналогичные процессы прослеживаются и в Черниговском княжестве. Выше уже отмечалось, что Романа Мстиславича величали самодержцем всей Руси. Само слово «самодержец» (дословный перевод греческого «автократор») применялось в отношении императоров Византии и отражало уровень личной власти князя.

В Западной Европе тех времен параллельно с усилением королевской власти осуществлялся процесс формирования сословной монархии, которая обеспечивала юридическое подтверждение прав и роли в государстве феодалов и в определенной степени мещан. На примере данных по Киевщине и Галицко-Волынскому княжеству видно, какое существенное влияние на ход государственных процессов оказывали боярские роды, а иногда и часть «местичей» — зажиточной верхушки городского населения, в первую очередь купцов. На страницы летописи попадали прежде всего сведения о бескомпромиссной борьбе князей с боярскими группировками, которые делали ставку на разных лидеров. Успех или неудача отдельных князей в междоусобной борьбе в значительной степени определялись соотношением сил региональных княжеско-боярских коалиций. Понятно, что во времена бесконфликтного сосуществования княжеская власть также должна была учитывать интересы тех бояр, из числа которых фор-

Богородица «Одигитрия». Икона XIV в. из Луцка

мировались государственная администрация и военное командование. Более того, конфликт с одной группой бояр заставлял князя идти на определенные, большие или же меньшие, уступки другим. Имеются основания предполагать, что князья, хотя бы с XIII в., документально закрепляли за крупными землевладельцами их владения. Известны и случаи закрепления имущественных прав за местичами, а юридических — и за отдельными городскими общинами. Но все же вряд ли следует говорить о конкретном размежевании прав собственности и политической власти: еще не было достаточно четко сформулированных правовых актов, которые определяли бы статус и общие сословные права боярства или местичей. Вполне возможно, что процесс юридического оформления сословной монархии развернулся бы и в Галицко-Волынской Руси и иных княжествах, если бы их развитие не было прервано монголо-татарским нашествием (Исаевич, 2001, с. 4–5).

Новое объединение Галицких и Волынских земель в единое целое было осуществлено во времена княжения Даниила Романовича. На протяжении более чем двадцати лет после смерти отца его молодые сыновья не играли почти никакой роли в важных событиях, которые происходили в Галичине. Венгерский король Андрей и краковский князь Лешко, которые объявили себя протекторами этих молодых князей, использовали их в собственных интересах, не обеспечивая Романовичей ничем из земельных владений отца. Только благодаря чрезвычайным усилиям их матери Анны, даже вопреки сильному противостоянию боярской верхушки, которая в своем большинстве перешла на сторону иностранных правителей, сыновья Романа получили мизерные части отцовских владений на Волыни. Эта территория и явилась базой для последующих их действий. Сидя во второстепенных волостях, Романовичи — Даниил и его брат Василько — не оставляли надежд получить обратно отцовское наследство: «Или так, или иначе, — Владимир будет наш». Это случилось в 1230 г. Далее началась борьба за вторую «полуотчизну» — Галицкое княжество. И восьмилетняя борьба окончилась победой Даниила.

Но жизненные перипетии этого князя продолжались: на него, как и на других древнерусских правителей, надвигалась глобальная катастрофа в лице орд хана Батыя и других ставленников Чингисхана (впервые молодой князь с ними сошелся еще в проигранной битве на р. Калка в 1223 г., где был даже ранен). В 1241 г. Даниил не смог организовать отпор захватчикам — когда они вошли в галицкие земли, он пребывал в Венгрии. Но все же Галицко-Волынская Русь пострадала сравнительно меньше, чем более восточные древнерусские княжества. Это в свою очередь дало возможность после перехода монголо-татар на центральноевропейские просторы начать не только восстановление разрушенных населенных пунктов, но и строить новые города.

Тем не менее боярская оппозиция попыталась воспользоваться моментом и выдвинула претендентом на галицкий стол черниговского князя. Но в битве под Ярославом (1245) Даниил одержал сокрушительную победу и сорокалетняя борьба за Галичину в основном закончилась. Боярская оппозиция была уничтожена, а несомненным правителем вновь объединен-

ных юго-западных земель стал энергичный и талантливый князь.

После таких важных событий Даниил поехал к Батюю в Сарай и в переговорах с грозным ханом проявил большие дипломатические способности (не хуже Александра Невского): не позволил себя уничтожить, как Михаил Черниговский, и даже добился подтверждения своих прав на Галицко-Волынское княжество. Но, как отмечал летописец: «Ой, горше зла честь татарская, Данило Романовичь был великим князем, владел Руской землею, Киевом, Владимиром и Галичем и с братом иными землями; сегодня же стоит на коленях и холопом называется, и даней хотят, и жизни не надеяться и грозы проходят. Лихая честь татарская. Его же отец был царем в Руской земле, подчинил половецкую землю и воевал с другими странами, а сын его не получил почестей, и кто же иной может знать?»

Следует отметить, что в дипломатии галицкие и волынские князья в XIII в. были намного активнее и разнообразнее, чем другие русские князья (Котляр, 2002, с. 126–127). Эта тенденция сохранялась и в последующие десятилетия.

Западная Европа с большой тревогой наблюдала за успехами правителей кочевнической империи и искала путей нейтрализации такой грозной силы. На Лионском соборе 1245 г. обсуждалась необходимость общего выступления всех европейских стран против завоевателей, дошедших до Адриатики. В то же время римская курия пробовала воспользоваться сложным положением стран Центральной и Западной Европы в своих интересах. Уже упомянутый францисканец де Плано Карпини по дороге в Орду лично встречался с Даниилом и Васильком. В этих и более поздних переговорах галицкий князь выразил основное желание: получить помощь Западной Европы в противостоянии завоевателям. Собственно церковные дела его интересовали мало. Рим, напротив, надеялся в перспективе решить именно религиозную проблему — перетянуть Русь на свою сторону. Чтобы приблизить Даниила, Папа Иннокентий IV прислал ему королевскую корону и его представитель короновал его в Дорогичине в 1253 г. Так на землях современной Украины появился свой первый король (вторым и последним королем был его внук Юрий Львович).

Даниил Романович твердо придерживался основного условия договора, выработанного при коронации: получения военной помощи против Орды со стороны католического Запада. По этому поводу летописец повествует: «Опиза (легат Папы римского. — АМ.) же приде, венець нося, обещавався, яко «помощь имети от папы. Оному (Даниилу. — АМ.) же одинако не хотящу. И убеди его мати его и Болеслав и Семовит (польские князья. — АМ.) и бояре Лядские». Можно предполагать, что принятие королевского титула стало результатом длительного дипломатического торга между князем и папским престолом.

В последующие годы обе стороны не выполнили условий этого договора. Декларированный Папой крестовый поход против монголо-татар со стороны христиан Польши, Чехии, Моравии, Сербии и Поморья не состоялся, да и не мог состояться. Ведь эти страны были весьма слабыми, погрязли во внутренних конфликтах, да и просто боялись воевать с грозными кочевниками. Даниил же не пустил к себе католических миссионеров и монахов, не сделал и минимальных послаблений в конфессиональном вопросе. Следующий Папа Александр IV даже угрожал новому королю церковными карами.

Даниил активно переключился на внутренние проблемы и в частности жестоко покарал правителей и всех жителей небольшой Болоховской земли, находившейся между Киевской и Галицкой, которые перешли на сторону завоевателей. Эта акция органически соединилась с политикой князя-короля по подавлению сопротивления боярской оппозиции и усилению центральной власти. В этом он вместе с уже упомянутым братом Васильком опирался на широкие слои населения и на ту часть боярства, которая рассчитывала на княжеское покровительство; их также поддерживали городские купцы и ремесленники, в том числе и иностранные переселенцы — армяне, немцы и другие. Все они являлись сторонниками сильной княжеской власти (только позже, когда государственные структуры ослабели, городские колонии католиков начали ориентироваться на своих единомышленников из европейских стран). Для победы Романовичей имела существенное значение и позиция крестьян-общинников, которые уси-

ливали княжеское профессиональное войско пешими подразделениями. Укрепление боярства не предвещало смердам ничего хорошего, а иллюзия «доброго князя» уже в то время имела распространение в народе. Союз княжеской власти, боярства, что ему служило, и городской верхушки был направлен на установление такого варианта государственного строя, который больше бы отвечал потребностям экономического и культурного развития, чем боярская олигархия.

Князь старался создать центральный управленческий аппарат из верных ему бояр. Но, в отличие от иных древнерусских структур, здесь имели место и некоторые специфические черты, что вполне объясняется местными особенностями и ролью Галицко-Волынской Руси в международных культурных связях. Так, Галицко-Волынская летопись (часть Ипатьевской летописи) — наряду с известными во всех княжествах должностями тысяцкого, воеводы и тиуна — называет и должность печатника. Вполне возможно, что его нужно сравнивать с византийским логофетом или же западноевропейским канцлером. Кроме того, раньше, чем в других княжествах, здесь появилась должность дворского.

Усиление своих позиций позволило Даниилу разгромить рыцарей Добжинского ордена, которые захватили город Дорогичин (где он сам позже короновался), и даже взять в плен магистра

этого ордена. По словам летописца, князь перед этим провозгласил: «Не подобает держать нашу отчизну крыжевникам (крестоносцам. — А.М.)». А незадолго до взятия Киева войсками Батыя Даниил укрепился в этом стольном граде и посадил там своего тысяцкого Дмитрия — опытного и храброго воеводу, который и руководил непосредственно обороной града на Днепре.

Кроме Холма, о котором речь уже шла выше, Даниил Романович начал строительство и других городов, в частности Львова, куда приглашали «седельников, и лучников, и тульников, и кузнецов железа, и меди, и серебра, и жизнь наполняла двory навколо замка, поля и села».

Продолжала проводиться и активная внешняя политика. В частности, после кончины последнего австрийского герцога из династии Бабенбергов сын князя Даниила Роман женился на Гертруде Бабенберг и с помощью венгерского короля сделал попытку овладеть герцогским престолом Австрии. Но попытка эта не увенчалась успехом.

Следует обратить внимание еще на одну важную деталь государственной политики этого князя: митрополитом был поставлен печатник Кирилл, рус по происхождению (до этого главой церковной организации становились только двое неставленников константинопольского патриарха — русы Иларион и Клим Смолятич).

Смерть Даниила снова привела к политическому расчленению Галицко-Волынской Руси. Формально его преемником и великим князем стал его брат и сподвижник Василько, но он лишь частично владел Волынью. Другими территориями распоряжались его родственник Ярослав и сыновья Даниила Шварно и Лев (последний был наиболее сильной фигурой). Интересно, что во время описания событий 1264 г. волынский книжник сделал ремарку: «Тогда княжествовали в Литве Войшелк и Шварно». Поэтому можно сделать вывод, что в молодом Великом княжестве Литовском установилось двоевластие, к чему литовского и древнерусского князей подтолкнули постоянные татарские угрозы и необходимость противостояния агрессии со стороны Польши (оно просуществовало не более трех лет).

Сначала волыньско-литовский союз был настолько крепким, что в 1267 г. великий литовский князь Войшелк по своей инициативе пере-

Церковь Пантелеимона под Галичем, с. Крылос на Днестре

дал престол Шварну Данииловичу. Волынский летописец по этому поводу отметил, что: «потом Войшелк отдал свое княжение зятю своему Шварну, а сам восжелал... принять монашеский постриг». Это было событие исключительно, необыкновенного значения, которое далеко выходило за пределы межгосударственных отношений Руси и Литвы: один из Данииловых сыновей занял великокняжеский стол Литвы. Перед Шварном и всей династией Романовичей открывалась прекрасная и блестящая перспектива создания огромной и могущественной Русско-Литовской державы — и это на сто лет ранее вторжения Ольгерда Гедиминовича на земли Среднего Поднепровья (1363), но с той принципиальной разницей, что в том государстве XIII в. правителями были бы не литовские, а древнерусские князья.

Но Русско-Литовскому княжеству не суждено было создаться. В том же 1267 г. Лев Даниилович, разъяренный тем, что Войшелк передал Литву не ему, а его брату, умертвил новоиспеченного монаха. Такое бессердечное деяние навсегда перечеркнуло его личные попытки сесть на место своего отца и весьма ухудшило положение его брата. По мнению Н.Ф. Котляра, совершенно логично предположить, что после этого литовские вельможи начали с недоверием и боязнью относиться к своему князю древнерусского происхождения, родной брат которого так подло убил бывшего великого князя Войшелка. Постепенно власть Шварна в Литовском княжестве сошла на нет, а сам он вскоре умер. И освободившийся трон занял уже не русский, а литовский князь (Котляр, 1998, с. 214–216).

В начале XIV в. Галицко-Волынская Русь вновь объединилась под властью одного князя — Юрия Львовича. О далеко идущих планах этого правителя свидетельствует хотя бы то, что он добился от Константинопольской патриархии благословения на создание отдельной Галицкой митрополии, которая стала символом государственного суверенитета княжества, способствовала укреплению его реальной независимости. Это случилось в 1303 г. Общеизвестно, как Византия противилась созданию новых митрополий на просторах Киевской Руси — достаточно вспомнить хотя бы неудавшуюся попытку суздальского князя Андрея Боголюбского, да и более

Възд в Луцкий замок. XIII–XIV вв.

поздние попытки великих князей литовских. Новая митрополия получила 81-е место (на 10 позиций меньше Киевской). В ее состав перешли галицкая, владимирская, перемышльская, луцкая, туровская и холмская епископии.

Именно тогда, в грамоте Цареградского патриархата, впервые упомянуты термины «Малая» и «Великая» Русь при провозглашении создания новой митрополии. «Малая Русь» снова появилась в тексте императорской буллы Иоанна Катакузена под 1347 г., когда эта митрополия была упразднена. Отметим, что неполнота источников XV–XVI вв. не позволяет конкретно говорить о том, насколько широко употреблялись тогда оба названных термина. Возможно лишь допустить, что они не исчезли хотя бы в литературной традиции. Но имеются основания предполагать, что уже в первой четверти XVII в. «малорусское» название могло относиться уже к территории всей бывшей среднеднепров-

ской Южной Руси или же к Руси в узком значении этого слова, соответствующей понятиям Киевской державы. Постепенно термин «Малая Русь» из сферы литературно-духовной перешел в государственно-политическую (Толочко, 1997, с. 26). Как уже говорилось в подразделе 4.3, понятия «Великая» и «Малая» (Maior и Minor) были употребительны в сочинениях средневековых географов и обозначали внутреннее политическое деление в некоторых странах (ср. Великая Польша и Малая Польша). Малая часть страны — ее метрополия, исторический центр; Великая — колония, расширенная территория (Агеева, 1990, с. 141). Позже значения этих терминов поменялись на противоположные.

Юрий Львович принял королевский титул и стал величать себя «королем Руси, князем Лодомирии». Такая титулатура зафиксирована на его печати: S[igilum] Domini Georgii regis Russiae (аверс) и S[igilum] Domini Georgii principis Ladimirae (реверс). Поскольку Лодомирия — это Володимирия, то есть Волынь, историческим центром которой являлся город Владимир-Волынский, то совершенно очевидно, что в понимании упомянутого правителя Русским королевством была Галицкая земля (напомним, что уже де Пано Карпини вычленил две составляющие этого региона). Титул короля Руси не обязательно свидетельствует о коронации самого Юрия, поскольку западноевропейские источники тех времен связывают определение статуса «королевство» с государством, а не с его правителем.

Смерть последних Романовичей — Андрея и Льва II — остается загадкой, которую в связи с фрагментарностью источников невозможно расшифровать однозначно (вполне вероятно, что их отравили).

Факт, что Галицко-Волынская Русь функционировала как фактически самостоятельное государство еще более 100 лет после монголо-татарского нашествия, имел историческое значение для сохранения и дальнейшего развития традиционной культуры на юго-западе бывшей Киевской Руси. Как отмечает Я.Д. Исаевич, возможно лишь предполагать, какой бы стала судьба Киевского и Черниговского княжеств, если бы их самостоятельное развитие не было прервано глобальной катастрофой. В то же время, как укреплялась государственность западных

и северных соседей — Польши, Венгрии, Литвы, территориальное соприкосновение с Ордой, переходы ее войск через земли этого княжества, грабительские нападения со стороны завоевателей — все это обескровило Галицко-Волынскую Русь, и она стала жертвой экспансии Запада.

При этом судьбы Галичины и Волыни сложились по-разному. Как известно, в 1340 г. Галичину захватил польский король Казимир III, но местным боярам удалось вытеснить его войска, и до 1349 г. она сохраняла относительную независимость под властью одного из бояр. Но с 1349 г. большая часть этой территории снова попала под власть Казимира III, который сначала пытался не присоединять эту землю к Польше, а править в ней на основе династической унии. Казимир называл себя королем Польши и Русского королевства, но под давлением южно-польских магнатов, которые стремились к экспансии на Восток, в конце концов перешел от политики династической унии к политике инкорпорации — полного включения галицких земель в состав Польского королевства. Однако при нем такой инкорпорации еще не получилось. Он вынужден был признать права на эти земли за Венгрией. Лишь позже Прикарпатский регион был аннексирован Польшей.

На Волыни с 1340 г. правил князь Любарт — Дмитрий Гедиминович, который принял православие, язык и обычаи автохтонного населения, а поэтому оно признало его своим, а не иностранным князем. Вплоть до своей смерти он последовательно боролся за возрождение Галицко-Волынской Руси.

Земли между Днестром и Прутом, которые ранее входили в состав Галицко-Волынского княжества, в том числе и Буковина, во второй половине XIV в. вошли в состав Молдавского княжества, которое в это время формировалось. Сначала господари (правители) Молдавии находились в вассальной зависимости от Польши, а с первой половины XVI в. Молдавское княжество стало вассалом Османской Порты. Так во второй половине XIV в. изменилась политическая принадлежность почти всех современных украинских земель Карпатского региона, кроме Закарпатья — оно и далее входило в состав Венгерского королевства (Исаевич, 1987, с. 73; Исаевич, 2001, с. 7–10).

Таким образом, все изложенные сведения несомненно свидетельствуют о том, что цивилизационный процесс на современных украинских территориях (и в частности в Западном регионе) не останавливался. Просто он развивался в новой исторической ситуации и имел определенные специфические особенности.

4.6. ХОРТИЦА* (историко-археологический очерк)

Испокон веков Днепр являлся стратегическим путем, соединявшим страны Северной Европы с областями Причерноморья. Получивший в эпоху Средневековья название путь «из варяг в греки», этот трансевропейский культурный и экономический коридор стал одним из важных факторов формирования древних культур на огромной территории Восточной Европы. Но все контакты, осуществлявшиеся по Днепру, сталкивались с серьезной преградой — днепровскими порогами — выходом украинского кристаллического щита, который на участке между современными Днепропетровском и Запорожьем образовал 9 порогов. Крупнейший из порогов — Ненасытец — преграждал реку грядами камней

Южная часть Хортицы — начало плавней Великого Луга Запорожского

и водопадами на протяжении одного километра, а скорость течения достигала 60 км/ч. Именно пороги стали одним из главных препятствий для проникновения греческих мореплавателей на север по Днепру. В Истории Геродота при описании местности «Герр», где были расположены царские гробницы, упомянуто «место, до которого Борисфен судоходен» — этим местом был остров Хортица. Длина Хортицы — 12,5 км, ширина — 2,5 км, общая площадь достигает 2,5 тыс. га. Остров делит реку на два больших русла — Новый и Старый Днепр. Северная и центральная части острова возвышенные и опоясаны скальными выходами высотой до 35 м, а южная часть — лесистая низина — изрезана водной гладью плавневых озер, богатых рыбой и дичью. Южнее острова простирался Великий Луг — пойма Днепра и р. Конки, по Геродоту — лесистая область Гиллея. Ширина заболоченной, изрезанной протоками и островами днепровской долины достигала 30 км, образуя лабиринт, неприступный для кочевников.

Именно здесь, «за порогами», со временем сформировалось запорожское казачество, создавшее плацдарм для дальнейшей славянской колонизации Северного Причерноморья.

* Автор раздела — М.А. Остапенко, заместитель генерального директора Национального заповедника «Хортица».

Тем, что Хортица находилась на стыке двух природных зон Днепра — Надпорожья и плавневой части Нижнего Поднепровья, в значительной степени обусловлена уникальность ее природы. Окруженный высокими гранитными скалами, песчаными пляжами, озерами и протоками, сочетающий участки степи и леса, остров с глубокой древности привлекал к себе людей. Древнейшие археологические памятники на Хортице относятся к эпохе палеолита — мезолита, однако первые стационарные поселения появились на острове в эпоху нового каменного века и представлены поселениями охотников и земледельцев днепро-донецкой неолитической культуры. В эпоху энеолита в Северном Причерноморье сформировалась огромная культурная общность — среднестоговская, получившая свое название от одной из хортицких скал, где в 20–30-е гг. XX в. было исследовано первое поселение этой культуры. Многими исследователями среднестоговцы рассматриваются как одна из культур, давших толчок формированию в V–IV тыс. до н.э. индо-европейской общности, со временем расселившейся на огромной тер-

ритории от Апеннин до Гималаев. Археологические исследования позволили установить, что именно среднестоговцы первыми приручили лошадь для верховой езды и дали начало развитию ранних кочевых культур.

В эпоху раннего металла (медного и бронзового века) началось формирование древнейших водных и сухопутных путей, сохранивших свои направления на протяжении тысячелетий. Археологически зафиксировано, что в это время начали функционировать две удобные переправы через Днепр, расположенные с севера и юга острова. В средневековых летописях эти переправы получили названия Крайрийский перевоз и Протолчий брод.

Периодом расцвета Хортицы была эпоха бронзы — ямно-катакомбная культура (конец 3-го — середина 2-го тыс. до н.э.), культура многоваликовой керамики (XV–XII вв. до н.э.), срубно-сабатиновская и белозерская культуры (XIII–IX вв. до н.э.). В этот период вся территория острова была освоена. Возникла система неукрепленных поселений у реки с преимущественно каменными постройками, получили развитие металлургия, ремесла, различные виды домашнего производства. Ярким памятником

Большое святилище эпохи бронзы на о. Хортица

этого времени стала мощная крепость с каменными стенами на острове Байда (Малая Хортица), которая по праву может рассматриваться как «столица» всего региона.

Одновременно с поселениями возникали объекты, связанные с погребально-культовой обрядностью, — курганы, грунтовые могильники и святилища. Последние помимо поминально-обрядовых функций использовались как простейшие обсерватории для наблюдения за важнейшими солнечными явлениями — солнцестоянием, равноденствием и т.п. Принципы функционирования, заложенные в святилищах-обсерваториях Хортицы и Надпорожья, известны в различных типах европейских хенджей, дольменов и менгиров, разбросанных на огромных пространствах расселения индоевропейских племен от Британии до Алтая.

В VI–V вв. до н.э. на Хортице появилось скифское население. Со временем кочевые скифы в Приднепровье перешли к полuosедлому и оседлому быту, формируя небольшие неукрепленные селища, поселения и городища. Одно из таких городищ возникло на скале Совутиной. Оно является единственным скифским укрепленным пунктом на острове. Остров сам по себе фактически был крепостью, окруженной рекой и высокими скальными берегами, поэтому дополнительные укрепления были необходимы лишь над местом переправы на остров. Городище занимало небольшую площадь, но было укреплено мощными деревянными и земляными укреплениями, задача которых — препятствовать проникновению на Хортицу с левого, восточного берега Днепра. Со скифами связано несколько местонахождений в русле реки, которые относятся к местам переправ и пребывания судов греческих мореходов у острова. Наиболее типичными находками гидроархеологических исследований являются образцы местной и импортной керамики, амфоры, предметы узды и снаряжения небольших кораблей.

В скифское время продолжали достраиваться курганные группы, возникновение которых относится к более ранним временам. Известно, что общее количество курганов на Хортице достигло 129. Крупнейший из них — «Зорова могила» — расположен на наивысшей точке острова и в последующие столетия служил местом на-

Скифский акинак V в. до н.э. с о. Хортица

блюдения за прилегающей территорией обоих берегов Днепра. Рядовое скифское население, основным занятием которого стало земледелие, хоронили в бескурганных могильниках недалеко от поселений. Характерно, что поверх могил сооружали различные каменные конструкции — «каменные закладки», традиция сооружения которых уходит своими корнями в эпоху энеолита и бронзы.

В сарматское время (II в. до н.э. — III в. н.э.) скифские поселения и городища прекратили свое существование, а количество населения резко уменьшилось. Только со II в. н.э. оно начало расти, что было связано с проникновением в Нижнее Поднепровье земледельческих племен, носителей черняховской археологической культуры (II–V вв.). Полиэтническая черняховская общность, имевшая облик провинциальной римской культуры, в значительной степени состояла из славянского населения. Именно этот исторический период можно считать началом

славянской колонизации, которая на многие столетия вперед определила вектор развития Северного Причерноморья.

К VII–XI вв. славянские племена в степном Поднепровье, известные по летописным источникам под именами антов, уличей и бродников, полностью освоили долину Днепра. В степной зоне славянское население имело преимущественно мирные отношения с кочевниками, волнами проходившими по степному коридору на протяжении всего Средневековья — гунны (IV–V вв.), авары (V–VI вв.), хазары (VIII–IX вв.), печенег (IX–XI вв.), половцы (XI–XIII вв.), монголо-татары (XIII–XV вв.). Славяне в Нижнем Поднепровье и на Хортице развивали пашенное земледелие, скотоводство, рыбную ловлю. Большое развитие получили ремесла — гончарное, деревообработка и особенно металлургия. Приоритетное значение имело обслуживание сложных участков переправ и торгового пути «из варяг в греки».

Именно с этим историческим периодом связано первое письменное свидетельство о Хортице. В трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (952 г.) дается детальное описание пути по Днепру,

где впервые упомянут остров Святого Георгия, на котором было расположено святилище у огромного дуба. После трудного перехода через пороги путешественники ремонтировали корабли, отдыхали и совершали благодарственные молебны богам: «...на этом острове они приносят свои жертвы: там стоит огромный дуб. Они приносят в жертву живых птиц; вокруг втыкают также стрелы, а другие кладут куски хлеба и мяса, и что у кого есть, как этого требует их обычай. Тут они кидают жребий — убивать птиц и есть, или оставить живыми». Возможно, название острова именем христианского святого можно объяснить тем, что задолго до официального принятия христианства по водному пути «из варяг в греки» происходило проникновение христианства на территорию Киевской Руси. С другой стороны, Георгий в переводе с греческого — земледелец. Известно также, что еще в древнегреческие времена на этой территории, вдоль нижнего течения Днепра-Борисфена, обитали скифы-земледельцы (георгой). Возможно, греческое название острова хранило память о населении, которое жило на этой территории много столетий назад.

Участок пути «из варяг в греки» у о. Хортица

Под именем «Хортич» остров впервые упоминается в древнерусских летописях в связи с походом русских дружин на половцев в 1103 г.: «...и придоша на конях и лодиях, и стаща ниже порог в Протолчах и в Хортичем острове».

Лингвисты по-разному объясняют происхождение названия острова. Одни считают, что оно происходит от имени древнеславянского бога Хорса, другие — от южнорусского «хорт» — волк. Некоторые исследователи объясняют название острова тюркским словом «орта» — средний, расположенный между протоками.

Согласно древнерусским летописям, Хортица неоднократно служила стратегическим местом сбора русских дружин перед походами против тюркских кочевых племен — печенегов, половцев и монголо-татар. В 1224 г. из Хортицы выступили войска русичей на битву у р. Калка, которая стала трагическим началом монголо-татарского нашествия.

В южной части острова в районе переправы через Днепр возникло довольно крупное славянское поселение Протолче, исследования которого проводились в 70–80-х гг. XX в. На поселении кроме большого количества производственных объектов были выявлены крупные помещения полуземляночного типа, которые интерпретируются как дружинные жилища. Находки монет и большого количества византийской керамики свидетельствуют об оживленных торговых контактах по Днепру в этот период. В XIII–XIV столетиях территория о. Хортица попала в зависимость от золотоордынских ханов, которая особенно ощутима в период 1360–1380-х гг., когда Поднепровье стало одним из эпицентров династической борьбы в Золотой Орде (период выдвижения Мамаю). Местом ставки Мамаю был Шехр-аль-Джедид (Кучутурское гордище), расположенный в 20 км к югу от Хортицы. После 1399 г. границу между Ордой и русско-литовскими землями установили по Днепру.

С XIV–XV вв. в пограничных землях Нижнего Поднепровья началось формирование казачества, которое на протяжении нескольких последующих столетий было одним из решающих геополитических и культурных факторов. Именно с казачеством в восприятии современного человека ассоциируются названия «Запорожье» и «Хортица». Именно земли наибольшего остро-

Оружие из замка Вишневецкого

ва «за порогами» стали колыбелью запорожского казачества. Тут, как и на других островах, они сооружали свои первые укрепления — засеки, ставшие основными пограничными форпостами по охране южных рубежей от татар.

В 1552–1558 гг. на острове Малая Хортица возник «земляной городок» — замок князя Дмитрия Вишневецкого. Этот пункт по праву считается первой Запорожской Сечью. Летом 1556 г. отсюда Вишневецкий организовал поход на турецкую крепость Очаков. Штурмом казаки овладели крепостью и городом, разбили большой турецко-татарский отряд, захватили богатую добычу и пленных, вернулись на Хортицу. В октябре 1556 г. казаки штурмом захвали крепость Ислам-Кермень и всю захваченную артиллерию вывезли в замок Вишневецкого. В январе 1557 г. крымский хан Девлет-Гирей подошел к Хортице с ордой и осадил «хортицкий городок». Понеся значительные потери, Девлет-Гирей после трех недель осады вынужден был вернуться в Крым «с великим соромом», как писал Вишневецкий в письме Ивану Грозному. В октябре 1558 г. хан подошел к Хортице повторно с большими силами. В составе войска кроме крымцев были турецкий отряд на галерах и молдавская пехота. Положение Вишневецкого было крайне тяжелым, так как от союзников так и не поступили оружейные припасы и провиант. После затяжных боев казаки Вишневецкого покинули крепость на Малой Хортице и на чайках

Фальконет с казачьей лодки. 1736–1739 гг.

по Днепру ушли вверх по реке в Черкасы. Турки и крымцы вошли в пустой «городок» и полностью уничтожили все его укрепления. Сведения о разрушении замка Вишневецкого оставил посол германского императора Эрих Лясота, который с посольством посетил казаков в 1594 г. Польский хронист Мартин Бельский, бывший современником этих событий, описал эту войну и высоко оценил значение Хортицкой крепости: «Есть еще другой островок... который называется Хорчика. На нем Вишневецкий перед этим жил и татарам очень вредил, так что они не осмеливались из-за него в то время вторгаться...»

В 1577–1578 гг. на Хортице возвел укрепления гетман Яков Шах, соратник легендарного Ивана Подковы, и отсюда вновь выступил в поход на турок и ордынцев. Представитель польского короля Стефана Батория шляхтич Самуил Зборовский в 1579 г. записал в своем дневнике: «Переночевали в крепости на Хортице... второго дня поехал с запорожцами на о. Томаковка».

В 1618–1620 гг. Хортица служила опорным пунктом выдающемуся полководцу — гетману Петру Конашевичу-Сагайдачному. О пребывании Сагайдачного на Хортице свидетельствуют многочисленные топонимы, сохранившиеся до наших дней, — урочище Сагайдачного, камень «Люлька Сагайдачного», Сечевые ворота и др.

С началом «Казацких войн» в Польше в первой половине XVII в. на острове постоянно содержалась польская застава, состоявшая пре-

имущественно из реестровых казаков. Во время восстаний 1628–1629, 1630, 1632 гг. реестровцы поддерживали запорожцев и практически в полном составе переходили в ряды восставших.

В конце января 1648 г. Запорожье и Хортица стали свидетелями значительных событий: Богдан Хмельницкий во главе небольшого отряда напал на польскую заставу у Хортицы. Большая часть реестровцев перешла на сторону запорожцев. Эти события по праву считаются началом освободительной войны Хмельницкого 1648–1654 гг. Польский шляхтич Машкевич 15 февраля 1648 г. записал в своем дневнике: «...какой-то Хмельницкий, собрав немного гультайства, с Запорожья прогнал корсунский полк, который был... в заставе, прогнав, объявил волю, и к нему присоединилось все живое...»

С середины XVII в. и до разрушения Сечи в 1775 г. Хортицей неизменно владели запорожцы. В период Новой Сечи (1734–1775) усовершенствовалось административно-территориальное деление Войска Запорожского, в результате которого Хортица стала входить в состав Самарской паланки, а с 1768 г. — во вновь созданную Протовчанскую паланку. Эти земли относились к числу наиболее заселенных и развитых территорий запорожцев. Основу хозяйства в то время составляли так называемые зимовники — хутора зажиточных запорожцев, на которых активно развивались сельское хозяйство, скотоводство, рыбалка и промыслы. Большое количество зимовников было и на Хортице, от которых получили названия многие топонимы острова — балки Наумова, Громушина, Каракайка, Башмачка, Чавунова, Совутина и т.д.

Драматические события 30-х гг. XVIII в. оставили немало следов на территории острова. В 1735 г. началась Русско-турецкая война, в которой запорожцы принимали активное участие. На Хортице была создана мощная военная база армии и Днепровской флотилии. Система укреплений имела 29 редутов, люнетов и капониров, соединенных между собой земляными валами и рвами. В центре защищенной территории, в русле Старого Днепра на острове Малая Хортица, по приказу Адмиралтейской коллегии от 3 сентября 1736 г. была построена крепость, получившая название «Запорожская верфь». Переправа судов флотилии, построенных на

Брянской и Киевской верфях, через пороги оказалась крайне сложной, поэтому командование и Адмиралтейство приняли решение сплавлять по реке лес и суда «разборными членами», а сборку вести у Хортицы. К 1738–1739 гг. там базировалось до 400 кораблей различных типов — галеры, бригантины, кончебасы, дюбель-шлюпки, а также большое количество типичных для казаков кораблей — казачьи лоды, байдаки, дубы. Командование верфями и флотилией было возложено на известного русского флотоводца Петровской эпохи Наума Сенявина, который, по преданию, и умер на Хортице.

Несмотря на большие военные успехи, война обернулась для России неудачами — разразившаяся на фронте эпидемия не позволила успешно завершить кампанию, а просчеты дипломатов практически свели на нет территориальные завоевания армии. Зимой 1738/39 г. у Хортицы зимовало 408 единиц Днепровской флотилии. В результате необычно суровой зимы, сильнейшего паводка и эпидемии, занесенной с фронта, значительная часть судов флотилии затонула на месте стоянки. Этот уникальный

комплекс затонувших судов уже более 35 лет исследует у Хортицы Экспедиция подводных археологических работ. Среди наиболее значимых находок кроме множества предметов быта вооружения, такелажа особо следует отметить поднятые в 1999 и 2004 гг. «казачью лодку» и «бригантину русского манира». Эти корабли являются единственными исследованными и законсервированными гидроархеологическими памятниками судоходства в пределах бывшего СССР. После подписания мира с Турцией в сентябре 1739 г. армия покинула Хортицу, как и все нижнеднепровские укрепления, и захваченные у турок крепости.

В 1768 г. вспыхнула вторая Русско-турецкая война. Задача защиты Хортицы была возложена на Запорожское войско (двести запорожцев под командованием полковника Ивана Бабуры). В результате этой войны Российская империя вышла к Черному морю. Запорожская Сечь потеряла свое стратегическое значение южного форпоста в борьбе против Крымского ханства.

Бригантина в реставрационном ангаре

К тому же дух свободы и экономической независимости был крайне нежелательным для царского правительства. Возвращаясь из Крыма, русские войска по приказу Екатерины II 5 июля 1775 г. разрушили Запорожскую Сечь...

Хортица со временем была превращена в ранговую дачу князя Потемкина, который планировал построить здесь большое имение с садами и парками. Грандиозным планам светлейшего князя не суждено было свершиться, и в 1789 г. Хортицу передали во владение немцев-меннонитов, прибывших по распоряжению Екатерины из Данцига. В 1790 г. была основана Остров-Хортицкая колония, просуществовавшая до 1916 г.

В 1965 г., учитывая огромную культурно-историческую ценность Хортицы, остров был объявлен Государственным историко-культурным заповедником, а в 1993 г. получил статус национального. Именно с этого времени начались системные работы по сохранению и исследованию его территории, формированию экспозиций и музеефикации обнаруженных объектов. Благодаря этому Хортица превратилась в один из наиболее посещаемых заповедников Украины, в котором гармонично сочетается богатство уникальных природных ландшафтов и разнообразных исторических памятников.

4.7. ПОД СЕНЬЮ ЗОЛОТОГО ГРИФОНА* (Музей исторических драгоценностей Украины)

Приметой нашего времени можно назвать все возрастающий интерес миллионов людей к своей истории, историческому и культурному наследию других народов. Поэтому особенно большое значение приобретают музеи, которые хранят материальные и духовные богатства человечества.

Среди многих известных собраний произведений искусства достойное место занимает Музей исторических драгоценностей Украины — филиал Национального музея истории Украины. И хотя он существует не так давно, коллекции, представленные здесь, по многим параметрам не уступают тем, которые создавались столетиями.

* Авторы раздела — Е.В. Старченко и Л.С. Ключко, Музей исторических драгоценностей Украины.

Золотая пластинка с изображением грифона. VII в. до н.э., с. Марьяновка, Киевская обл.

В одном из наиболее красивых уголков Киева, в здании, архитектура которого отражает противоречивость XVIII в. — с одной стороны, простота и четкость линий, а с другой, вычурность декора и стремление к роскоши, — находится Золотая кладовая, или Сокровищница Украины. Эти неофициальные названия Музея исторических драгоценностей Украины известны в разных странах не менее чем официальные. Вероятно, потому, что они подтверждают значимость хранящихся здесь материалов. Ведь собрания музея отражают историю художественной обработки металлов и ювелирного искусства на территории современной Украины в течение пяти тысячелетий. Каждое изделие содержит сведения о знаниях, технологических достижениях мастеров своего времени, отражает мировоззрение и эстетические идеалы многих племен и народов, которые жили на нашей земле.

Документы об организации музея были подписаны правительством Украины еще в ноябре 1963 г. Затем в течение пяти лет (до конца 1968 г.) сотрудники вновь созданного учреждения скрупулезно собирали экспонаты, а 4 января 1969 г. первые посетители переступили его порог.

Нетрудно подсчитать возраст нашего музея — он совсем небольшой. Но история формирования его коллекций насчитывает более столетия, а ее страницы наполнены драматизмом и даже трагизмом.

А начиналось все с золотых грифонов. Как раз пластинки с изображением этого фантастического существа — наиболее ранние по времени выявления экспонаты. В память об этом, а также из-за глубокой символичности образа — страж на пути к духовному совершенству и хранитель материальных богатств — мы сделали его логотипом музея.

Заслуга открытия этих украшений в кургане Перепятиха принадлежит профессору Киевского университета им. святого Владимира М.Д. Иванишеву. Занимая пост вице-председателя Киевской археографической комиссии, он отдал много сил изучению древней и средневековой истории своей родины. По заданию комиссии в 1845–1846 гг. ученый проводил археологические раскопки курганов Перепятиха и Перепет (недалеко от Киева, возле сел Марьяновка и Фастовец), о которых как о межевых знаках на границах владений Киево-Печерского монастыря упоминает летопись (Скорий, 1990, с. 5). Под насыпями были исследованы захоронения раннескифского времени (VII в. до н.э.). Вещи, найденные в погребениях, поступили в коллекцию Музея древностей Киевского университета. Следует отметить, что музеи, созданные при университете и Духовной академии, внесли значительный вклад в дело сохранения и изучения памятников культуры на территории современной Украины.

Университетский музей и Нумизматический кабинет возглавлял В.Б. Антонович — один из наиболее известных историков и археологов, которые работали в Украине во второй половине XIX в. Благодаря ему были созданы довольно значительные по объему собрания археологических материалов (13 тыс.) и монет (60 тыс.) (Черняков, 2006, с. 23).

Пополнение музея экспонатами оказалось делом сложным, особенно изделиями из драгоценных металлов. Ведь еще Петр I в 1702 г. приказал собирать в Киеве и других малороссийских городах уникальные предметы старины и передавать в Москву, во вновь созданный «цехоус» (Полное собрание законов, 1830, № 3159). Впоследствии также появлялись высочайшие указы, предписывавшие доставлять в Петербург и Москву различные памятники культуры: археологические находки, церковную и светскую

утварь — словом, все, что представляло художественную ценность (Шовкопляс, 1999, с. 16).

Большой вред сохранности древностей приносили беспорядочные раскопки: владельцы земель, на которых находили драгоценные произведения, распоряжались ими по своему разумению — большинство вещей переплавляли. Например, так были утрачены несколько сотен древнерусских изделий из клада, открытого в Киеве на усадьбе Анненкова в 1842 г. (Старченко, 1999, с. 9).

Навести порядок в проведении раскопок был призван государственный орган — Императорская археологическая комиссия, утвержденная в 1859 г. Она контролировала и работу общественных организаций — археологических обществ Москвы, Петербурга, Одессы. Так, в 1889 г. было утверждено «повеление», которое гласило: «Исключительное право производства и разрешение с археологической целью раскопок в им-

Золотая обивка парадного горита. IV в. до н.э.
Мелитопольский курган, г. Мелитополь, Запорожская обл.

перии предоставить Императорской археологической комиссии. Открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы в комиссию для представления на высочайшее воззрение» (ОАК за 1889 г., 1892, с. 2–4). Это привело к тому, что вещи, найденные на украинских землях, в частности в Киеве, отправляли в Петербург (Эрмитаж и Русский музей), а также в Москву (Исторический музей). Причем иногда материалы из одного памятника «распределяли» между двумя музеями. Такие факты резко осуждали известные ученые. Так, Н. Макаренко писал: «...Столь варварское обращение с материалом первоисточника, свидетелями которого нам, к большому сожалению, приходится быть, заслуживает резкого и беспощадного обвинения... Эрмитажу предоставлено право заниматься выборкой вещей для своих коллекций из вещей, доставляемых из различных раскопок в комиссию» (Шовкопляс, 1999, с. 18). Изменить ситуацию помогли исследователи, которые принадлежали к Киевской историко-археологической школе В. Антоновича, а также коллекционеры и меценаты. Все они старались выявить и приобрести памятники истории и культуры, чтобы сохранить их в Украине, причем не столько в частных собраниях, сколько в музеях.

В среде киевской интеллигенции еще в 80-е гг. появился замысел создать городской музей. В этом направлении (медленно, но последовательно) работали члены Товарищества любителей древностей и искусств, организатором

Серебряная чаша. IV в. до н.э.

Гайманова Могила, с. Балки, Запорожская обл.

которого был известный киевский меценат и коллекционер Б.И. Ханенко (1848–1917). О нем и его жене Варваре Николовне (урожденной Терещенко) в последние годы уже написано немало, хотя долгое время эту фамилию упоминали неохотно, как, впрочем, и имена других меценатов. Он финансировал раскопки ученых, в частности В. Хвойко, покупал произведения древнего и средневекового искусства у кладоискателей и владельцев земли, на которой проводились раскопки. Так, например, роменский помещик С. Мазараки (по открытому листу Археологической комиссии) исследовал скифские курганы на Посулье. Первые находки из них были переданы в Московский исторический музей. Но затем Б.И. Ханенко приобрел у исследователя многие замечательные декоративные изделия. В коллекцию Б.И. Ханенко нередко поступали высохудожественные произведения древнерусского времени. Например, клад из поселения Девич-гора (с. Сахновка, Черкасская обл.), включавший инсигнии власти — диадему и бармы. Предметы — прекрасные творения мастеров Киевской Руси — поражают совершенством, исполнены в технике перегородчатой эмали. Отметим, что экспонаты разного времени из коллекции Б.И. Ханенко составляют ядро собрания нашего музея (1500 единиц хранения).

Но вернемся к товариществу любителей древностей и искусств. Оно объединяло примерно 200 человек и главной целью полагало создание в Киеве большого городского музея и приобретение для него экспонатов. Важным шагом на пути к его организации было устройство археологической выставки (1897), на которой частные коллекционеры: семейства Н. Терещенко и В. Ханенко, Розенберг, И. Хойновский, Ф. Кундеревиц, Д. Иванисhev, О. Зноско-Боровский, С. Мазараки, В. Хвойко, В. Гезе, В. Тарновский, В. Антонович, а также Императорская археологическая комиссия представили собрания археологических материалов и других древностей. Большое значение имело издание «Указателя выставки Киевского общества древностей и искусств» и заявление Киевского товарищества древностей и искусств, в котором его члены выразили надежду, что «общественность сочувственно отнесется к первым меро-

приятиям того, безусловно, полезного дела, цель которого — сохранение украинской старины» (Черняков, 2006, с. 140).

Городская дума поддержала идею создания городского музея и выделила землю для постройки этого «хранилища» памятников древней культуры. Это участок фактически в центре города: в начале улицы Александровской, напротив Царского сада. Был объявлен конкурс проектов здания музея, победителем в котором стал архитектор Г. Бойцов. Строительство финансировали украинские меценаты (в частности, Н. Терещенко). Царь Николай II выделил 100 тыс. рублей. Работами руководил известный архитектор В.В. Городецкий, благодаря которому всего за три года (1897–1900) было возведено сооружение в форме древнегреческого храма с шестиколонным портиком. Главный вход «охраняли» две каменные фигуры, изображающие лежащих львов (итальянский скульптор Э. Сала). Для киевлян «здание со львами» стало одной из достопримечательностей города. И сейчас, поднимаясь по широким ступеням

Фрагмент золотой пекторали — мужского нагрудного украшения. IV в. до н.э. Толстая Могила, г. Орджоникидзе, Днепропетровская обл.

на террасу, на которой стоит музей, и рассматривая его оформление — мифические образы и скульптурную группу «Торжество искусства» — понимаешь, что вступаешь в храм Муз...

Открытие Городского музея древностей и искусств состоялось 1 августа 1899 г. и было приурочено к началу работы XI Археологического съезда. На первом этаже нового здания свои собрания древностей демонстрировали аматоры, уже известные по предыдущей выставке. Многие из владельцев коллекций подарили их новому музею. Вторая (и официальная) дата его рождения — 30 декабря 1904 г. В торжественной обстановке был открыт Киевский художественно-промышленный и научный музей имени государя-императора Николая Второго Александровича. Его многочисленные собрания впоследствии дали жизнь нескольким новым музеям страны.

Золотая полая подвеска-колт с изображением сиринов (птиц с женскими ликами). XII в. Из клада, найденного в с. Сахновка, Черкасская обл.

Для сохранения музейной коллекции и постоянного пополнения ее новыми экспонатами много усилий приложили первый директор музея известный ученый М.Ф. Биляшивский и другие деятели культуры: Д.М. Щербакивский, В. Хвойка, Ф. Вовк.

За время существования музея произошло несколько его реорганизаций: в 1919 г. он получил название Первый государственный, в 1924 г. стал Всеукраинским историческим музеем им. Т.Г. Шевченко; в течение 1934–1935 гг. из его собраний выделена коллекция, которая легла в основу Центрального исторического музея им. Т.Г. Шевченко (его переместили в Музейный городок на территории Киево-Печерской лавры). Во время Второй мировой войны собраниям музея был нанесен большой урон. Хотя уникальные экспонаты эвакуировали в Уфу, многие коллекции вывезли фашистские оккупанты. Вещи вернули в 1947 г., но, к сожалению, не все... Музей возобновил работу уже в ноябре 1943 г., а в мае 1944 г. получил имя Государственного республиканского исторического музея и новое помещение — здание художественной школы на Старокиевской горе. Позже были еще переименования: 1950 г. —

Киевский государственный исторический музей; 1965 г. — Государственный исторический музей УССР, 1991 г. — Национальный музей истории Украины (Ковтанюк, 2001, с. 6).

Музей пережил различные исторические события, которые так или иначе отразились на состоянии его собраний. Как известно, при советской власти в 20-х гг. XX в. было утрачено значительное количество национальных сокровищ. Из них больше всего культовых предметов. На основании Декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет принял постановление «О передаче церковных ценностей в фонд помощи голодающим». Результатом выполнения этих предписаний было изъятие и фактическое уничтожение из церквей всех конфессий многих ритуальных и церемониальных вещей из драгоценных металлов. Правда, благодаря участию в работе комиссий патриотично настроенных специалистов (например, М.Д. Щербакивского), удалось «отстоять» некоторые произведения XVII–XIX в. К таким спасенным экспонатам относится золотая митра, украшенная драгоценными камнями, жемчугом, финифтевыми медальонами, а также потиры, диски, дарохранильницы, панагии. Позже, в 1926 г., эти изделия, а также церемониальные еврейские предметы передали в музейные собрания — Всеукраинский исторический музей им. Т.Г. Шевченко в Киеве и Всеукраинский музей еврейской культуры в Одессе.

Советское правительство разрушало коллекции музеев. Так, в 1929 г. по его распоряжению Госторгу следовало «...взять вещей из музеев Украины на сумму не меньше чем на 600 тыс. рублей». Это относилось прежде всего к драгоценным музейным экспонатам национально-культурного значения. Администрация и сотрудники музеев всячески препятствовали выполнению постановления, но предметы в конце концов были отобраны и отправлены в Ленинград, где находилась контора «Антиквариат», продававшая ценности на международных аукционах.

В ноябре 1933 г. Народный комиссариат просвещения Украины издал директиву о передаче музейных ценностей из драгоценных металлов

на сохранение в Госбанк. Всеукраинский исторический музей им. Т.Г. Шевченко выполнил предписание в течение 8 января — 8 марта 1934 г.

Во время Великой Отечественной войны, буквально через месяц после ее начала, особо ценные музейные экспонаты были отправлены в Москву, в Государственное хранилище, а затем — в Уфу. В октябре 1946 г. музейные коллекции вернули в Киев, и они влились в фонды Киевского исторического музея. Но произведения из золота и серебра лишь частично включили в его экспозиции.

В 1968 г. появился Музей исторических драгоценностей. Его рождению способствовало знаменательное событие в украинской археологии: в 1954 г. в Мелитополе выдающийся ученый А.И. Тереножкин раскопал скифский «царский» курган (IV в. до н.э.). Это произошло впервые после длительного перерыва в исследовании усыпальниц скифской аристократии. В Мелитопольском кургане найдено около 4 тыс. золотых украшений, центральное место среди которых занимает обивка горита — футляра для лука и стрел. Золотая пластина, на поверхности которой помещены рельефные изображения на темы мифов об Ахилле. Произведение выделяется совершенством многофигурной композиции, выразительными характеристиками образов, сложностью ювелирных приемов. К этому времени уже были известны такие же пластины, сделанные по одной матрице, — из курганов Чертомлык и Илленицкого. Что касается последнего, то вещи из него утрачены, так что

в эрмитажной коллекции можно увидеть только чертомлыкскую обивку.

Украинские археологи во главе с директором Института археологии И.Г. Шовкоплясом решили оставить весь комплекс находок из Мелитопольского кургана в Украине. Но директор Эрмитажа — видный ученый М.И. Артамонов — направил руководству института письмо, в котором обосновал необходимость передать вещи в Эрмитаж «сложившейся традицией». Не получив положительного ответа, М.И. Артамонов обратился к президенту Академии наук СССР академику О.И. Палладину. Но академик поддержал украинских археологов и распорядился передать все материалы из Мелитопольского кургана в Государственный исторический музей СССР, а в будущем оставлять исторические реликвии на своей земле (Шовкопляс, 1996, с. 10–11).

Так, благодаря сенсационному открытию у археологов, историков, искусствоведов и всех неравнодушных к развитию культуры в Украине появилась надежда на создание в Киеве «хранилища древних памятников ювелирного искусства» по образцу знаменитой Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Через некоторое время после передачи находок из Мелитопольского кургана в Исторический музей его сотрудникам было предложено подготовить выставку изделий из драгоценных металлов. Экспонаты разного времени, изготовленные в основном из золота и серебра и украшенные эмалями и драгоценными камнями, разместили в лекционном зале. Правительственная комиссия, посетившая выставку, пришла к выводу, что «драгоценностей» вполне достаточно для выделения

Серебряные пластины с антропоморфной и зооморфными фигурками. VI–VII вв. Случайная находка возле с. Мартыновка, Черкасская обл.

Золотые церемониальные нагрудные украшения — бармы. XII–XIII вв. Из клада, найденного возле с. Сахновка, Черкасская обл.

специального отдела Киевского государственного исторического музея — Золотой кладовой. Официальное постановление Совета министров УССР (№ 1300) утверждено 22 ноября 1963 г. Позднее, в 1965 г., отдел получил статус музея — филиала Государственного исторического музея УССР, в 1968 г. стал Музеем исторических драгоценностей УССР, а в 1991 г. — Музеем исторических драгоценностей Украины (МИДУ).

Основа собрания Золотой кладовой — отдельные предметы и комплексы изделий из фондов Исторического музея. В становлении МИДУ большую роль сыграл Институт археологии Национальной академии наук Украины: 30 тыс. экспонатов — находок из объектов его исследований — дополнили коллекции музея. Археологические материалы передали также Днепропетровский и Донецкий государственные университеты.

Новый музей в процессе формирования получил экспонаты из хранилищ разных городов: Днепропетровска, Херсона, Николаева, Севастополя, Симферополя, Полтавы, Львова и других, в общем из 20 музеев республики.

Итогом работы сотрудников и консультантов различных специальностей стало создание систематизированного собрания памятников декоративного искусства — одного из наиболее древних в творческой деятельности человека.

Со времени своего основания музей работает над научными методиками комплектования фондов. Специальная комиссия (фондово-закупочная) отобрала и приобрела тысячи предметов музейного значения у частных лиц и организаций (например, у киевского объединения «Ювелирпром»). Немало произведений декоративного искусства переданы Государственной таможней, случаются и подарки. Сейчас в нашем музее хранится 56 тыс. экспонатов. Большая часть из них находится в фондах. Это (наиболее обширные по количеству) археологические коллекции: изделия 3-го тыс. до н.э. — XIV в. н.э. Значительное место занимают памятники декоративно-прикладного искусства, выполненные мастерами Украины, России, Западной Европы в XVI–XX в.

В экспозиции представлено 14 тыс. экспонатов. Специфика музейного собрания диктует хронологическое и тематико-коллекционное размещение предметов.

Наиболее древние ювелирные изделия в экспозиции — серебряные спиралевидные подвес-

ки из погребения ямной культуры (рубеж 4–3-го тыс. до н.э.), затем — изделия середины 2-го тыс. до н.э. из региона Закарпатье: серьги, браслеты. Простые лаконичные формы украшений способствовали поискам дополнительных приемов для их оформления. Предметы свидетельствуют об определенных достижениях мастеров того времени: они применяли литье по восковой модели, ковку, волочение, гравировку (Ключко, Подвысоцкая, 2004, с. 18–23).

Эта коллекция — лишь штрих в картине развития ювелирного искусства в Европе. Изделия начала эпохи раннего железа — киммерийского времени — представляют еще один фрагмент на этом огромном многоплановом полотне. Киммерийцы — первые известные нам по самоназванию племена, которые занимали степи Северного Причерноморья в IX–VIII вв. до н.э. Но характерные черты их культуры были присущи и жителям лесостепной зоны — земледельцам.

Группа киммерийских материалов небольшая, но зато включает комплексы предметов из погребений: это важно для их научной интерпретации. Здесь представлены образцы художественной обработки золота, бронзы — элементы парадного облачения мужчин и женщин, детали узды, оружия. Им присущи утонченность форм, цельность композиции, геометрические узоры. Изделия выполнены в сложных ювелирных техниках: литье по восковой модели, волочение, чеканка, инкрустация цветным фаянсом. Художественные традиции киммерийцев складывались под влиянием культуры населения Северного Кавказа, Подунавья и Балкан, Передней Азии и Закавказья.

Следующий этап в развитии ювелирного искусства демонстрируют памятники скифского времени VII в. до н.э. — III в. н.э.: от начала выхода на арену мировой истории скифов — ираноязычных кочевников (мигрантов из Средней Азии) до завершения их исторического пути.

«Скифское золото» — самая большая коллекция не только в нашем музее, но и в мире. Она же и наиболее известна во многих странах благодаря выставкам, которые проводит музей. Чтобы создать у посетителей определенный настрой, мы поместили в верхнем вестибюле панно с изображением кургана, а также витрины, в которых находятся вырезки грунта из скиф-

ских погребений: женского и детского (хорошо известный специалистам курган Толстая Могила, г. Орджоникидзе, Днепропетровская обл.). Помогают проникнуть в «скифский мир» яркие образы на гобеленах, которые украшают одну из стен. Скифы, персы, греки — все ушли в вечность, которую стерегут грифоны. А посланиями оттуда, из глубины столетий, стали произведения ювелирного искусства...

Формирование собрания скифских древностей началось еще в XIX в., но наибольшее количество материалов найдено благодаря огромной работе украинских ученых уже нашего времени. В конце 60-х гг. прошлого столетия развернулись масштабные исследования в Крыму, Херсонской, Запорожской, Днепропетровской, Николаевской областях, то есть в степной зоне Украины. Здесь проводили работы экспедиции Института археологии НАН Украины, которыми руководили сотрудники этого учреждения: В.И. Бидзиля, В.Ю. Болтрик, Г.Л. Евдокимов, А.И. Кубышев, Г.Т. Ковпаненко, О.М. Лесков, Б.М. Мозолевский, В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамкин, А.И. Тереножкин, Н.Н. Черденченко, О.Г. Шапошникова.

Золотые колты, трехбусинные серьги, перстень из кладов, найденных в Киеве. XII–XIII вв.

Музей хранит значительную коллекцию ювелирных изделий, найденных в курганах скифов. Декоративные элементы головных уборов, одежды, оружия, узды, деревянных сосудов, личные украшения (серьги, ожерелья, гривны, браслеты, перстни, сделанные из золота и серебра) привлекают внимание многообразием форм, изысканными узорами, богатством сюжетов, сложными ювелирными техниками (тиснение, литье по восковой модели, филигрань, зернь). Эти предметы отражают художественное и семантическое развитие декоративного искусства «во времени и пространстве». В экспозиции воссозданы все периоды истории ювелирного производства в Северном Причерноморье, показаны общие тенденции развития и варианты скифской культуры: лесостепных регионов Днепровского Правобережья и Левобережья, Степной Скифии, Крыма.

Среди архаических ювелирных изделий (VII–VI вв. до н.э.) особенно выделяются золотые пластинки-аппликации с изображением оленей, горных козлов, лосей, хищников из породы кошачьих, выполненные в так называемом зверином стиле. Это своеобразная манера, для которой характерны гармоничное соединение реализма и стилизации, суммарности и индивидуальной

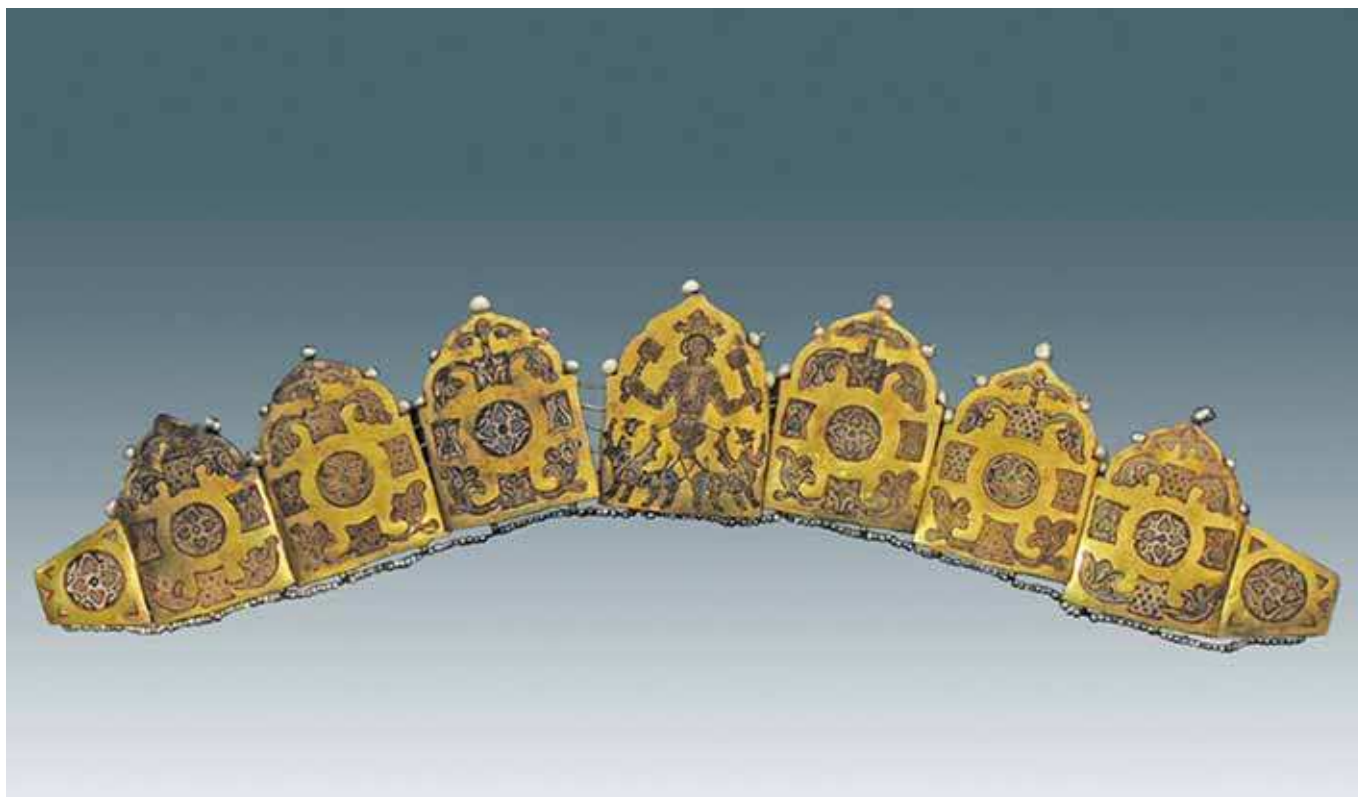
характеристики в трактовке образов животных. Они показаны в определенном ракурсе, подчеркнуты их видовые признаки, пластика тела, внутренняя динамика, скрытая энергия мышц.

Привлекают внимание и пластинки, вырезанные по контуру изображения грифона, — находки М.Д. Иванишева в кургане Перепятиха. К сожалению, их осталось только 9 экземпляров, хотя в отчете о раскопках зафиксированы 24 бляшки (Скорий, 1990, с. 38).

Памятники V в. до н.э. свидетельствуют о постепенной трансформации звериного стиля, вплетения в его канву эллинских мифических персонажей, а также растительных узоров.

В коллекции музея больше всего произведений V–V вв. до н.э. — времени сложения эллино-скифского стиля, художественные методы которого вобрали эстетические традиции скифского (в широком смысле) и греческого населения Причерноморья. Кроме изысканных личных украшений в витринах представлены золотые предметы, на которых поданы сюжетные композиции — культовые жанровые сцены так называемой этнографической серии.

**Золотая диадема из княжеского парадного облачения. XII в.
Из клада, найденного возле с. Сахновка, Черкасская обл.**

Особенно интересны находки из усыпальниц скифских царей. Некоторые произведения — настоящие шедевры античного искусства. К ним относится серебряная чаша из кургана Гайманова Могила (с. Васильевка, Запорожская обл.), на которой подан сюжет о скифском обычае оказывать почести героям. Еще один предмет первого зала — золотой шлем (найден в кургане Передериева Могила), на котором показаны сцены битвы старых скифов с молодыми — иллюстрация скифской легенды.

В зале № 2 выделяется золотая пластина — обивка горита из Мелитопольского кургана, о которой мы уже упоминали. Доминанта экспозиции в третьем зале — непревзойденное произведение древнего искусства: золотая пектораль (курган Толста Могила, г. Орджоникидзе, Днепропетровская обл.). Художественное совершенство образов, философская глубина и информативность, использование сложных ювелирных техник — все это возносит памятник до уровня «находки столетия». Известный археолог (и поэт) Б.М. Мозолевский — исследователь кургана, в котором найдена пектораль, писал: «Как в капле росы, в ней отразился не только весь блеск, все сияние скифского золота, но и высокая душа целого народа» (Мозолевский, 2004, с. 162).

Законы музейного экспонирования требуют от специалистов воссоздания облика предметов, декоративные фрагменты которых найдены при раскопках. Поэтому в музее ведется работа по изучению и моделированию некоторых объектов, отражающих костюм, быт, обычаи древности. Мы восстанавливаем не только форму вещей, но и принципы их художественного оформления, его этнокультурные особенности. С этой целью были сделаны муляжные реконструкции головных уборов, одежды, обуви, деревянных чаш и других предметов, которые стали ярким дополнением к подлинным находкам, пришедшим из глубины веков.

Отдельную страницу составляют изделия из позднескифских памятников III в. до н.э. — III в. н.э., исследованных в Крыму.

Украшения из некрополей Ольвии, Тиры, Херсонесса, Пантикапея раскрывают тему: «Искусство античных городов Северного Причерноморья». Материалы раскопок свидетельству-

Золотая митра, украшенная жемчугом и драгоценными камнями. Начало XVIII в.

ют о мастерстве ювелиров, которые владели сложными приемами изготовления сережек, медальонов, ожерелий, перстней: литье по восковой модели, зернь, скань. Модные среди жителей эллинских городов ювелирные изделия выполняли по канонам, принятым в Греции, а также сложившимся в Северном Причерноморье. Небольшая коллекция в концентрированном виде отражает явления, связанные с существованием культуры в условиях полиэтнического окружения. Кроме того, она своеобразный мостик для понимания декоративных произведений сарматского времени.

Памятники искусства сарматских племен составляют еще один раздел археологического собрания нашего музея. Сарматы — ираноязычные кочевники, которые пришли из Поволжско-Приуральских степей на Дунай и в предгорья Кавказа (II в. до н.э. — IV в. н.э.). Декоративные изделия, характерные для их культуры, демонстрируют своеобразие нового, так называемого полихромного стиля: украшения с вставками из камней и эмалей. В экспозиции представлены комплексы из курганов: Ногайчинский (Крым), Соколова Могила (с. Ковалевка, Николаевская

обл.) и др. Наборы находок из аристократических захоронений включают изделия из Северного Причерноморья, Малой Азии, Фракии, Кушан, а также из центров Римской империи. Большое значение для раскрытия темы имеет реконструкция костюма знатной сарматки (по материалам исследования кургана Соколова Могила), так как он несет информацию о социальном статусе, общественной роли, нормах морали, верованиях, технологических достижениях, эстетических идеалах его владельца.

Археологическая часть музейного собрания включает памятники ювелирного искусства, распространенные на территории современной Украины в эпоху раннего Средневековья (IV–VIII вв.). Это произведения мастеров разных народов, которые в одно время жили в лесостепной зоне и лесах (земледельцы — ранние славяне), а также в степях от Дона до Дуная (кочевники — гунны, авары, хазары).

В собрание музея включены коллекции, которые отражают темы: «Ювелирные изделия ранних тюрков» (VI–VII в.); «Ювелирные из-

Золотой потир — чаша для причастия. 1686 г. Россия, Москва

делия готов» (VI–VII в.). Они демонстрируют характерные произведения, своего рода визитные карточки народа (Хардаев, 2004, с. 110–113).

Раннеславянское искусство представлено кладами серебряных изделий так называемого Мартыновского круга (правда, их происхождение до сих пор вызывает споры специалистов — некоторые относят их к аварским древностям). Но знаменательно то, что они отражают своеобразие художественного мышления, которое в дальнейшем отразилось в произведениях, найденных на славянских городищах. Это еще раз показывает взаимодействие творческих потенциалов разных народов.

Еще одну интересную страницу истории ювелирного искусства раскрывают «Памятники ювелирного искусства на территории современной Украины в эпоху Средневековья IX–XIV вв.». Среди них выделяется коллекция «Ювелирное искусство Киевской Руси (IX–XIII вв.)».

Творческое наследие Киевской Руси — это сложное соединение иранских, фракийских и финно-угорских традиций. Много мотивов и технологических достижений заимствовано из византийских, арабских и норманнских источников. Но в основе древнерусского искусства сохранились национальные формы, сюжетные композиции и орнаменты, которые отвечали старинным местным традициям и обычаям.

Расцвет ювелирного искусства приходится на XI–XIII вв. Изделия этого времени донесли до нас клады, найденные в Киеве, Каневе, Чернигове. Древнерусские ювелиры достигли большого совершенства в изготовлении украшений женского убранства, княжеского облачения, ритуальных предметов. Больше всего ювелирных изделий сделаны для женского костюма: серьги из трех бусин, подвески-колты, ожерелья. Особенно выделяются произведения, выполненные в технике перегородчатой эмали: тонкие узоры из растительных мотивов, композиции с изображением мифических образов. Сочетания цветов на фоне золота создают особую нарядность. Одно из наиболее выдающихся произведений этого времени, выполненное в технике перегородчатой эмали, — золотая диадема из клада, найденного в с. Сахновка (Черкасская обл.). Она состоит из 9 пластин разного разме-

**Серебряная двенадцатилопастная чаша. XII в.
Из клада, найденного в г. Чернигове**

ра. На каждой нанесен тонкий узор, а на центральной пластине помещена сцена «Вознесение Александра Македонского на двух грифонах». В кладе были также бармы — медальоны с изображением святых. Вероятно, Сахновский клад содержал инсигнии власти.

Одно из лучших произведений этого времени — серебряная чаша, найденная в Чернигове. Она выделяется техникой исполнения и художественными особенностями. Это образец византийского светского сосуда, изготовленный мастерами из восточных провинций Византии.

В музее хранятся изделия, в которых нашли отражение особенности художественной культуры племен печенегов, половцев, Золотой Орды. Памятники ювелирного искусства свидетельствуют, что оно формировалось в процессе слияния традиционных элементов с культурой завоеванных и соседних народов — сначала славян, а потом — Киевской Руси под сильным влиянием Византии.

Все наши коллекции археологических материалов — наиболее полный источник для изучения ювелирного искусства. Но такой же информативностью и глубиной обладает и другая

часть собрания музея, которая содержит предметы декоративно-прикладного искусства Нового времени, — коллекции произведений украинских, русских и западноевропейских мастеров XVI–XX вв. Это изделия культового характера, предназначенные для украшения интерьеров церквей, богослужебных целей, а также светские вещи, которые использовали в быту. Предметы выполняли в соответствии с нормами модных художественных стилей, применяя сложные технические способы оформления работ.

Среди чудесных творений, которые хранятся в музее, большое впечатление производит коллекция «Памятники ювелирного искусства Украины XVI — первой четверти XX в.». Она отражает самобытность национальной культуры. Здесь собраны напестольные кресты, разнообразные серебряные ризы к иконам, потиры, дарохранильницы, митры, пангии, крестики, украшенные драгоценными камнями. Некоторые вещи связаны с известными политическими деятелями.

Серебряный чайник с изображениями драконов на ручке и носике. Конец XVIII в. Франция

Изделия, выполненные во второй половине XVII — первой половине XVIII в., свидетельствуют о расцвете украинского золотарства. В это время большую роль в развитии культуры играли города, в первую очередь Киев. Возникли и новые центры ювелирного искусства: Стародуб, Переяслав, Глухов. В их мастерских изготавливали яркие произведения в стиле барокко. В 20–30-е гг. XVIII в. он получил в творчестве украинских мастеров своеобразную интерпретацию благодаря обогащению национальными формами. Прекрасные образцы произведений, выполненных в стиле украинского барокко: серебряные золоченые ризы к иконам Дегтяревской и Каплуновской Божией Матери, произведения золотарей И. Равича, М. Левицкого, И. Мощенко.

Интересны изделия 60-х гг. XVIII в. Их отличают причудливые формы с изогнутыми линиями, завитками, асимметричным орнаментом в виде стилизованной ракушки — характерные черты стиля рококо. Предметы выглядят несколько

причудливо, но это соответствовало художественным вкусам определенной части общества, в частности правящей верхушке. Позднее, в XIX — первой четверти XX в., появились вещи, выполненные в стиле классицизма. Их особенности в простоте абриса, строгости композиций, заимствовании из античности декоративных мотивов. В это же время приобрела популярность массовая продукция, которую выпускали технически оснащенные мастерские. Особенно знаменитым стал владелец ювелирной фабрики И. Маршак. В нашей коллекции представлены изысканное блюдо, подстаканник в стиле модерн, но особенно привлекает внимание пасхальное яйцо, оформленное в технике эмаль по скани.

Назовем еще одну музейную коллекцию: «Ювелирные изделия крымских татар, мастеров Средней Азии, Кавказа и Закавказья в Украине XVI — начала XX в.». Изделия демонстрируют национальный колорит, который отражается в своеобразии форм и декора.

В Украину привозили вещи, изготовленные в ювелирных центрах России. Часто это были подарки монастырям и высшему духовенству от особ царской семьи, придворных вельмож, дворян, купцов. Некоторые предметы покупали богатые люди — представители украинского общества (Березова, 2004, с. 186). Это вещи из коллекции «Памятники российского ювелирного искусства в Украине (XVII — начала XX в.)». В экспозиции представлены изделия, выполненные в Москве и Петербурге. Особенно выделяются предметы, оформленные в технике финифти и чернения. Небольшую группу составляют произведения XIX — начала XX в.: великолепная серебряная посуда, женские украшения, изготовленные известными фирмами П. Сазикова, Ю. Раппопорта, П. Овчинникова, Карла Фаберже.

Значительное место в экспозиции принадлежит «Памятникам еврейского ювелирного искусства» — коллекции еврейских церемониальных предметов, которая дает возможность посетителям и специалистам познакомиться с лучшими образцами еврейского культурного наследия (Романовська, 2004, с. 320). Произведения представлены в определенной последовательности — в соответствии с их назначением

в исполнении обрядов в синагоге и дома. Так, особенно большое значение имеют серебряные изделия, предназначенные для свитка Торы — святыни еврейского народа. Свиток увенчивали коронами, украшали специальными пластинами. Для чтения Торы использовали специальные указки. Все предметы глубоко символичны: они должны напоминать о важных положениях вероучения. Большинство изделий выполнены в XIX в. в известных ювелирных центрах — Житомире, Киеве, Львове, Одессе, а также мастерами Москвы, Петербурга, Австрии, Германии, Польши. Форма и декор предметов подчинены канонам иудаизма, но в то же время отражают художественные традиции своего времени.

Украшением музейного собрания называют коллекцию «Художественное серебро Западной Европы XV — начала XX в.». Она включает предметы, которые происходят из наиболее известных ювелирных центров Германии, Польши, Венгрии, Голландии, Франции, Италии, Швеции, Австрии. Экспозиция знакомит с творчеством почти 100 ювелиров, которые работали в разное время (Волковинська, 2004, с. 268). Особенно

прославился Нюрнберг изготовлением разнообразных кубков — двойных, колоколовидных, ананасных, виноградных, в виде корабликов и фигур животных. Ведущими центрами были Аугсбург, Кенигсберг, в мастерских которого изготавливали массивные кружки (часто украшенные монетами).

Многие ювелирные изделия, светские и культовые, сделаны в Польше — Вроцлаве, Гданьске, Варшаве, Кракове. Особенно привлекают внимание посуда, приборы для сервирования стола в стиле барокко.

Произведения западноевропейских ювелиров — образцы творческих поисков художественных решений в разных стилях — от готики до модерна.

Музей исторических драгоценностей Украины — филиал Национального музея истории Украины — известен во многих странах мира. Финляндия, Германия, Япония, Австрия, Великобритания, Франция, Дания, США, Канада — вот география выставок последних лет. И везде они привлекали внимание, находили живой отклик у посетителей.

Глава 5

НОВГОРОДСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Рассмотрим теперь судьбу и цивилизационные характеристики второй составной части восточнославянской цивилизации — Новгородской земли, жизненный цикл которой охватывал весь период существования этой цивилизации и которая в течение почти пяти столетий была уникальным примером существования и развития демократического государства с рыночной системой экономики. Предварим наше исследование кратким теоретическим очерком о полюсах локальных цивилизаций.

5.1. ДВУХПОЛЮСНОСТЬ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Локальные цивилизации могут быть однополюсными и многополюсными, причем в историческом времени эти полюса могут меняться, смещаться. В однополюсной цивилизации государственно-политическая власть, центр экономической, научно-технологической, культурной и религиозной деятельности сконцентрированы в одном городе. Таких примеров немного — греко-римская (сначала Афины, затем Рим), японская (сначала Киото, затем Токио) цивилизации.

Более распространены двухполюсные цивилизации, где центры деятельности и власти распределены в двух городах (североамериканская цивилизация — Вашингтон и Нью-Йорк; восточнославянская — Киев и Новгород; евразийская — Санкт-Петербург и Москва; китайская — Пекин и Шанхай; индийская — Дели и Бомбей-Момбай). Еще чаще встречаются цивилизации с несколькими центрами — западноевропейская, восточноевропейская, мусульманская, латиноамериканская, буддийская, африканская.

Однополюсное устройство цивилизации имеет как преимущества, так и недостатки. Преимущества в том, что облегчается управление, достигается однозначность принимаемых решений, централизуются основные функции государственной власти, политической, деловой и духовной элиты. Недостатки — отсутствие конкуренции, выбора, нарастание элементов монополизма, который ведет к загниванию и ослаблению позиции цивилизации в геочивилизационном пространстве. Так было в поздних Афинах и позднем Риме.

В многополюсном устройстве цивилизации конкуренции предостаточно. Борьба между центрами подрывает единство цивилизации в условиях вызовов эпохи, а иной раз ведет к противоречиям, войнам за лидерство. Примеров тому немало в истории Западной и Восточной Европы, мусульманской и латиноамериканской цивилизаций.

Наиболее устойчивой представляется двухполюсная система, которая, с одной стороны, предполагает конкуренцию, борьбу за лидерство двух полюсов, но с другой — обеспечивает известное распределение функций между центрами и взаимодополняемость. Например, Вашингтон является центром государственной власти, Нью-Йорк — центром экономической, культурной, религиозной жизни. Пекин — политический центр китайской цивилизации, Шанхай — центр экономической и культурной жизни. Такое же соотношение между Дели и Бомбеем.

Восточнославянская цивилизация с самого начала формировалась как двухполюсная система. Такими полюсами были Киев и Новгород. Сначала они были самостоятельными, но после принятия христианства лидерство закрепилось за Киевом. Однако Новгород продолжал бороться за свое особое положение в восточнославянской цивилизации. Это особое положение было оформлено юридически — Ярослав Мудрый (которого новгородцы поддержали в критической ситуации и помогли овладеть киевским престолом) в 1019 г. даровал Великому Новгороду право самому выбирать и менять князя и заключать с ним договор. Это право сохранилось до конца XV в., до окончательного присоединения Новгорода к Московскому царству.

Со временем в восточнославянской цивилизации сформировались не только два полюса, но и два типа государственного устройства: монархически-автократического в Киеве и демократически-республиканского в Новгородской земле; унитарное государство в Киевской земле — и что-то вроде федерации или конфедерации в Новгородской земле. Поэтому можно говорить о Киевско-Новгородском древнерусском государстве, уникальном типе государства, где столетиями существовали (и противоборствовали) два типа государственно-политического устройства (хотя длительное время лидерство со-

хранялось за Киевом). Это порождало противоречия, но и обеспечивало более высокую жизнестойкость цивилизации, что отчетливо проявилось во время монгольского нашествия, когда Киев потерял лидерство, а Новгород стал средоточием ценностей восточнославянской цивилизации.

Двухполюсность Древней Руси начала теряться, разлагаться с конца XII — начала XIII в., в период феодальной раздробленности, когда на пространстве восточноевропейской цивилизации возникло несколько княжеств, претендовавших на лидерство: Ростово-Суздальская, а затем Владимиро-Суздальская Русь, Великое Тверское княжество. Позже лидерство перешло к Московскому княжеству, которое взяло на себя

Памятник «Тысячелетие России». Великий Новгород

функцию собирания земель русских, вступило в конкуренцию, политическую, экономическую, а порой и в военную борьбу с Новгородской республикой. В конечном счете Москва сокрушила ее, присоединила ее земли, железной рукой подавила демократические начала, уничтожив или переселив в другие земли политическую и экономическую элиту Новгорода.

В течение двух веков формирующаяся евразийская цивилизация оставалась однополюсной. Все нити государственно-политической власти, экономической, культурной, религиозной деятельности были сконцентрированы в Москве до начала XVII в., когда Москва оказалась под властью польских ставленников. Но с началом XVIII в., со строительством Санкт-Петербурга огромная Российская империя вновь приобрела двухполюсный характер. Государственная власть, а вслед за ней экономическая, культурная и религиозная элита переместились в новую столицу, а Москва продолжала играть важную, хотя и подчиненную роль.

С перенесением в 1918 г. столицы России в Москву началась конкуренция государственно-политической, финансово-экономической и культурной деятельности. Ленинград продолжал оставаться опасным для Москвы. Периодически центральная власть проводила его «чистку» от оппозиции (зиновьевские процессы, репрессии после убийства Кирова, Ленинградское дело в 1949–1950 гг.).

После распада СССР в Российской Федерации все функции власти и новой экономической элиты сконцентрировались в Москве. Однако Санкт-Петербург все более отчетливо заявляет о себе не только как о культурной столице новой России, но и претендует на некоторые политические функции. В то же время на пространстве бывшего СССР появляется немало новых претендентов на роль цивилизационных полюсов: это Астана и Киев, Минск и Тбилиси. Евразийская цивилизация (представленная СНГ) вновь стала многополюсной, что предопределяет ее неустойчивость и слабые позиции в геополитическом пространстве. В перспективе она может либо вновь возродиться (но уже в более узком составе), либо окончательно распасться, передав основные функции российской цивилизации (в рамках Российской Федерации).

5.2. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД*

На протяжении семидесяти лет средневековый Новгород подвергается активному археологическому исследованию, результаты которого позволяют существенно компенсировать досадную бедность древнерусских традиционных исторических источников. Причина этой бедности — бытовая. На всем протяжении Средних веков (да и значительной части нового времени) русские жили в деревянных домах, а города, бывшие средоточием культуры, представляли собой скопления деревянных строений, регулярно становившиеся жертвой пожаров.

Особенность новгородского культурного слоя такова, что в нем из-за повышенной влажности и, следовательно, отсутствия аэрации сохранились все древние предметы, в том числе и изготовленные из органических материалов (дерево, кость, кожа, ткани, а также зерно), как правило, безвозвратно разрушающиеся в обычных условиях. Эта особенность предоставила исследователям возможность точного датирования всех открываемых раскопками объектов методом дендрохронологии. Она же стала условием великого открытия в 1951 г. идеально сохранившихся в культурных напластованиях документов, написанных на березовой коре. Таких документов к концу полевого сезона 2007 г. в Новгороде найдено уже 961, а на территории Новгородской земли еще 60 (41 в Старой Руссе, 19 в Торжке). В их числе около 500 — в слоях XI — первой тре-

Устройство Ольгой погостов и обложение данью населения по всей Новгородской земле. Миниатюра из Радзивилловской летописи

ти XIII в., что существенно увеличило объем письменной источниковой базы раннего исследуемого периода и позволило основательно подойти к решению многих проблем, остававшихся долгое время спорными.

Обширные пространства российского Северо-Запада, изобилующие лесами, озерами, болотами и весьма бедные пахотными землями, на протяжении длительного периода (начиная со времен неолита и бронзового века) были заселены племенами финно-угорской языковой группы. Начиная с V–VI вв. сюда стали проникать славянские племена. Их приход не сопровождался столкновениями с аборигенным населением. В то время как основным хозяйственным занятием аборигенов были рыболовство и охота, славяне умели возделывать злаки. Следовательно, оба этнических компонента тяготели к разным природным участкам расселения и не мешали друг другу.

В историографии долгое время существовало представление о том, что исходным пунктом переселения славян (новгородских словен и кривичей) было среднее Поднепровье. Предполагалось, что вплоть до разделения Руси на отдельные княжества в XII в. все восточные славяне говорили на одном языке и только в XII в. началось образование диалектов, активизированное в XIII в. татаро-монгольским нашествием. Изучение сотен берестяных грамот выявило наличие совершенно противоположного процесса.

* Автор раздела — В.Л. Янин, академик РАН, зав. кафедрой археологии исторического факультета МГУ, руководитель Новгородской археологической экспедиции.

Выяснилось, что особенности новгородского диалекта наиболее ярко проявляются в текстах XI–XII вв., а в более позднее время они заметно утрачиваются на основе контактов с другими восточнославянскими диалектами. Поиски аналогов особенностей новгородского диалекта привели к выводу, что импульсы славянского переселения на российский Северо-Запад исходят с территории современных Польши и Северной Германии, откуда и переселяются предки средневековых новгородцев. Этот вывод находит подтверждение и в материалах археологии.

Главным событием ранней истории славянского Северо-Запада стало временное его подчинение власти скандинавов. Позднейший рассказ новгородской летописи сообщает о том, что варяги брали поголовную дань (по белке с человека), собирая ее со словен, кривичей и чуди (то есть финно-угорских племен), которые до того не были объединены. Общая беда привела к восстанию против варягов, которые были изгнаны, а объединившиеся племена славян и финно-угорцев, обретя независимость, стали строить города. Но затем племена поссорились между собой и, не желая отдавать предпочтение одному из членов триады (славян, кривичей, финно-угорцев), приняли решение пригласить князя из-за моря от варягов, в результате чего князем этой конфедерации стал Рюрик, в котором логично видеть выходца из Дании или Фрисландии.

Приглашение Рюрика состоялось в 862 г. Достоверность этого события подтверждается рас-

копками Е.Н. Носова на городище (в 3 км от Новгорода), где вплоть до конца XV в. находилась резиденция новгородских князей. Ее формирование началось именно в середине IX в. — сумма находок этого периода наглядно демонстрирует как элитарность комплекса, так и наличие в нем преобладающего норманнского элемента.

Одной из наиболее значительных проблем в изучении новгородской государственности является вопрос о времени возникновения тех ограничений княжеской власти, которые фиксированы в условиях приглашения князя в Новгород. Они известны по самым ранним из дошедших до нас договоров Новгорода и князя, датирующихся 60-ми гг. XIII в. (более ранние соглашения не сохранились).

Наиболее существенное ограничение состоит в запрещении приглашаемому князю и его людям собирать государственные доходы на новгородских землях. Это право принадлежало самим новгородцам, которые из собранных сумм выплачивали князю так называемый дар, то есть вознаграждение за исполнение своих обязанностей. В ходе раскопок Новгорода в слоях конца X — первой четверти XII в. неоднократно обнаруживались деревянные «замки» для гарантированного сохранения содержимого мешков с собранными в виде пушнины государственными доходами. На поверхности этих устройств находились надписи, указывавшие принадлежность содержимого мешка князю или самим сборщикам налогов, которым, согласно «Русской правде» (древнейшему законодательному кодексу), полагался определенный процент от собранного.

Берестяная грамота. Новгород. XI в.

Всего найден 51 такой предмет и всякий раз — на усадьбах самих новгородцев. В ряде случаев подобные находки сопровождались берестяными грамотами, адресованными тем же лицам, чьи имена были написаны на этих «замках», и сообщавшими о деталях собирания доходов. Хотя древнейший известный сегодня такой «замок» датируется концом X в., аналогичные находки в слоях X в. польского Щецина и ирландского Дублина позволяют заключить, что сам обычай применения подобных устройств имеет норманнское происхождение, а ограничение княжеской власти в такой важной области, как сбор государственных доходов и формирование государственного бюджета восходит скорее всего к прецедентному договору с Рюриком.

Если это так, становятся понятными причины ухода из Новгорода преемника Рюрика Олега с сыном Рюрика Игорем. Нарушив договор о пожизненном княжении, Олег отправился на юг для завоевания Смоленска, а затем Киева. Его власть в Киеве основывалась не на договоре, а на праве завоевателя. Там он был не ограничен в своей деятельности и лично во главе дружины собирал доходы с подвластных ему земель (так называемое полюдь).

Озеро Ильмень. Рюриково городище

Уход Олега и Игоря на юг создали на Северо-Западе Руси политический вакуум. Вместо князя, нарушившего договор, на городище осталась его дружина, вероятно, с княжеским наместником во главе. Но в это время не было еще и Новгорода. Раскопки в разных его районах не обнаружили культурных напластований IX в. Активное заселение места будущего Новгорода началось именно на рубеже IX и X вв. Этот процесс совпал с процессом запустения многих населенных пунктов в его округе. Надо полагать, что оба этих процесса взаимосвязаны и вызваны политическим вакуумом, побудившим родоплеменную аристократию словен, кривичей и чуди селиться на месте будущего Новгорода.

Выбор этого места, равно как и места княжеской резиденции в середине IX в., был определен его узловым положением на перекрестке важнейших международных торговых дорог. Здесь, у истока Волхова из озера Ильмень, пересекались «путь из варяг в греки» — главная коммуникация между Севером и Югом — и Волжско-Балтийский путь — главная коммуникация между Востоком и Западом. Активность торгового движения по

этим магистралям наглядно демонстрируют многочисленные монетные клады восточного серебра конца IX — начала X в., а после истощения азиатских серебряных рудников — клады западноевропейских денариев X — начала XI в.

Раскопками выявлено состояние места будущего Новгорода в первой половине X в. Это еще не город, а три поселка родовой аристократии, разделенные пустыми пространствами. Вокруг центральных усадеб поселков расположены пашни и сады, пересеченные грунтовыми проселочными дорогами. Сами названия поселков, ставших в дальнейшем основой административно-территориального деления Новгорода (его «концов»), говорят об их разноэтничности: Славенский (то есть славянский), Неревский (от названия финно-угорского племени «норума» или «нерева»), Людин (от славянского «люди»; вероятнее всего, это поселок кривичей). Преобразование этой рыхлой догородской структуры в город произошло в середине X в. В 947 г. киевская княгиня Ольга, упорядочивая административную систему государства, организовала походы, в результате которых были присоединены конкурировавшие с Приильменским регионом обильно населенные районы по течению рек Мсты и Луги. Податная система Новгорода и объем государственных доходов увеличились по крайней мере вдвое, в результате чего в нем началось мощение улиц, возникли системы благоустройства, уличная усадебная застройка и т.д. С этого времени закономерно употребление термина «Новгород», поскольку именно тогда возник общественный центр этого новообразования — кремль (детинец), который поначалу и назывался Новым городом по отношению к трем старым поселкам-городкам и к городищу.

Преображенный город обрел притягательную силу для общерусского княжеского дома. В 970–980 гг. за право княжить в нем боролись сыновья киевского князя Святослава Игоревича — Владимир и Ярополк, посылавшие в него своих наместников. В конечном счете победа осталась за Владимиром, при котором (когда он был уже киевским князем) вслед за Киевом Новгород около 990 г. принял христианство, а вместе с ним получил от Владимира в князя его сына Ярослава Мудрого. В конце X в. в Новгороде построены первые церкви — деревянный

собор святой Софии и храм святых Иоакима и Анны, посвящение которого связано с именем первого новгородского епископа Иоакима.

Княжение Ярослава продолжалось до 1015 г., когда после смерти своего отца он вступил в борьбу со Святополком Окаянным за Киев. Победить в этой борьбе ему помогли новгородцы, которые в награду за активную помощь получили от Ярослава новые льготы. В их числе объявление неподсудными княжескому суду новгородских бояр, то есть прямых потомков той родоплеменной аристократии, которая в свое время пригласила в Новгород Рюрика. Но еще до смерти Владимира Ярослав в 1014 г. отказался платить в Киев традиционную дань в 2000 гривен. Только смерть Владимира предотвратила военное столкновение между сыном и отцом.

Льготы, предоставленные новгородскому боярству Ярославом Мудрым, положили начало разделению Новгорода на две административные структуры. Боярские гнезда, неподсудные князю, стали основой системы концов. Разделявшие эти концы пространства заселялись независимым от бояр населением, в том числе свободными ремесленниками и купцами. Эти районы оставались в юрисдикции князя. Они были разделены на сотни и управлялись тысяцким и соцкими, которые вплоть до конца XII в. составляли аппарат княжеского управления.

Будучи уже киевским князем, Ярослав принял действие, чрезвычайно важное для развития новгородской культуры. Во время посещения Новгорода в 1030 г. он «собрал от старост и поповых детей 300, чтобы учить их книгам». Однако не это было началом грамотности новгородцев. В 2000 г. в ходе раскопок в слое самого начала XI в. была обнаружена цера (комплект из трех навощенных табличек) с записью нескольких псалмов. Как показало ее исследование, она предназначалась для обучения грамоте: учитель писал, давал ученикам списать написанное, стирал текст и на стертом месте писал следующие тексты. На сегодня новгородская Псалтирь является древнейшей датированной книгой всего славянского мира. По ней учились первые новгородские христиане, только что, в конце X в., принявшие крещение. Учреждая в Новгороде школу, Ярослав, следовательно, опирался на уже существующий опыт.

Очевидное укрепление княжеских позиций в структуре власти при Ярославе отражено принятым Ярославом переносом княжеской резиденции с городища в Новгород, где она заняла территорию, известную до нашего времени как Ярославово дворище.

В 1045–1050 гг., после гибели в пожаре деревянного Софийского собора, в Новгороде по инициативе князя Владимира (сына Ярослава Мудрого) с участием киевских мастеров был сооружен каменный собор, древнее здание которого существует и ныне. Это древнейший на территории России каменный храм. Одновременно с его сооружением были возведены новые фортификации кремля, надежно защищающие собор и расположенную рядом с ним резиденцию епископа.

В последней четверти XI в. в Новгороде произошли события, свидетельствовавшие об усилении местной аристократии (бояр) и ослаблении княжеских позиций. В 1088–1094 гг. в Новгороде княжил малолетний сын Владимира Мономаха Мстислав. Присланный из Киева на его место князь Давид был изгнан новгородцами, настоявшими на возвращении Мстислава. Это первый случай проявления принципа «вольности в князьях», ставшего конституционным принципом новгородских бояр, ссылавшихся на прецедент приглашения Рюрика. В 1102 г. новгородцы снова противодействовали Киеву в намерении заменить Мстислава киевским ставленником. Анализ археологических материалов импортного происхождения показывает, что противодействие Киеву сопровождалось торговой блокадой Новгорода: Киев перерезал пути поступления в Новгород южных товаров. Забота новгородцев о Мстиславе сопровождалась учреждением в его малолетство важнейшего государственного органа боярского правления — посадничества. Если раньше посадниками Новгорода назывались присылаемые из Киева наместники, то теперь посадник избирался из числа бояр для совместного с князем управления Новгородским государством. Тогда же было предпринято второе важнейшее ограничение княжеской власти — запрещение приглашенному князю владеть какими-либо землями на правах частной собственности на всей подвластной Новгороду территории. Это право предоставлялось лишь самим новгородцам. Кро-

Софийский собор в Новгороде

Битва новгородцев с суздальцами

ме того, князь и его двор вернулись на городище, где была возобновлена его резиденция.

В 1117 г. Мстислав Владимирович по воле Владимира Мономаха ушел из Новгорода в Смоленск, оставив вместо себя в качестве новгородского князя своего сына Всеволода. Для материального обеспечения Всеволода Мстислав передал Новгороду из состава своего Смоленского княжества значительные пограничные территории, ставшие доменом Всеволода. Передача этих земель была обусловлена тем, что доходы с них поступали в распоряжение новгородского князя лишь в том случае, если этот приглашенный князь был прямым потомком Мстислава. Если его призывали из иных княжеских линий, домениальные доходы должны были направляться в Смоленск.

Во время княжения Всеволода новгородское боярство предприняло еще одно ограничение княжеских прав. Изначально князь выполнял функции верховного судьи Новгорода. Теперь же был создан совместный суд князя и главы бояр посадника, в котором внешне главная роль оставалась за князем (он скреплял решения своей привесной печатью), однако без санкции посадника князь не имел права выносить окон-

чательное решение. В ходе раскопок 1998 г. было открыто место заседаний такого суда, оборудованное в середине 1120-х гг. и функционировавшее на протяжении пяти или шести десятилетий, что отразилось в более чем 100 найденных там берестяных документах, касающихся разного рода судебных конфликтов.

В 1136 г. в результате восстания князь Всеволод был изгнан из Новгорода, а на его место приглашен из Чернигова Святослав Ольгович. Эта перемена, естественно, заставила заново решить вопрос о материальном обеспечении княжеского аппарата. Святославу были выделены земли на Севере, в районе рек Северной Двины и Печоры. Впрочем, уже в XII в. эти земли вернулись в боярское управление, а взамен них князьям были предоставлены менее богатые территории.

С начала XII в. проблемы, связанные с землевладением, надолго стали центральными в экономической и политической истории Новгорода. Новгородская земля была бедна полезными ископаемыми. На ее территории имелось лишь железо в виде болотных руд. Все остальное сырье ремесленного производства могло получаться только в виде импорта. Из Скандинавских стран привозили медь. Из Англии и Польши — свинец. Из разных пунктов Западной Европы —

серебро. С Урала — поделочные камни. Из южных стран — кипарис и самшит. Из Северной Франции — дорогие ткани. Эквивалентом в международной торговле служили те богатства Новгородской земли, которые добывались охотой, рыбным промыслом и пчеловодством: дорогие меха, ценная рыба, воск и мед. Овладение землями, богатыми этими ценными в экспорте продуктами, стало базой экономического процветания новгородских бояр.

В структуру любой городской боярской усадьбы входили не только жилые и хозяйственные постройки, но и мастерские зависимых от владельца усадьбы ремесленников. Добываемые на боярских землях продукты обрабатывались этими ремесленниками и поступали на городской торг, на котором купцы получали возможность реализовать их в обмен на поступающее из-за рубежей ремесленное сырье. В конечном счете главный доход получали землевладельцы, обладавшие исходным продуктом.

В этой связи одним из основных направлений военной политики XII в. в Новгороде стала защита северных владений от посягательств на них со стороны соседнего Владимиро-Суздальского княжества. Исторические хроники отмечают многочисленные военные столкновения между Новгородом и суздальскими претендентами на эти владения. Из них наиболее значительным был вызванный такими конфликтами суздальский поход на Новгород в 1169–1170 гг., завершившийся победой новгородцев. Их успех был приписан чуду иконы «Знамение», ставшей главной святыней Новгорода на все будущие времена.

Во внутренней политике боярства многое определял элемент противоборства между территориальными группировками, восходивший к древнему соперничеству между тремя поселениями, из которых сложился Новгород. Борьба между собой за пост посадника, эти группировки находили союзников в князьях Смоленска, Чернигова, Суздаля, в результате чего борьба между ними сочеталась с конкуренцией русских князей за влияние в Новгороде. Ярким эпизодом этой незатишающей борьбы стало восстание 1207 г. Находившаяся у власти боярская группировка Людина «конца» была изгнана из Новгорода, ее богатства, в том числе и земельные, были розданы участникам восстания, усадьбы

сожжены, а пост посадника перешел в руки соперничавшей боярской группировки, которая в союзе с суздальским князем и организовала это восстание. Важной вехой развития боярской государственности стало в конце XII в. учреждение должности республиканского тысяцкого, в результате чего сотенная система перешла из юрисдикции князя в юрисдикцию боярской республики.

На протяжении XII в. в Новгороде сложилась собственная школа архитектуры и живописи. В начале столетия были возведены и расписаны фресками соборные церкви Антониева и Юрьева монастырей, а на княжеском городище построена церковь Благовещения. Эти храмы стали образцовыми для архитекторов всего XII в. К числу наиболее значительных шедевров относится сооруженная в 1197 г. рядом с городищем Спас-Нередицкая церковь, расписанная фресками в 1198 г. Этот живописный ансамбль существовал во всей его полноте вплоть до XX столетия, будучи, по оценкам искусствове-

Георгиевский собор. Юрьев монастырь

Спас-Нередицкая церковь

дов наиболее значительным памятником русского Средневековья. К величайшему сожалению, он в своей основной части был разрушен в ходе последней войны и остается доступным в копиях и фотографиях.

Следует заметить, что средневековая живопись на Руси чаще всего оставалась анонимной, и исследователи неоднократно высказывали мысль о том, что эта анонимность навсегда останется непреодолимой. Между тем в ходе раскопок археологам удалось обнаружить усадьбу художника конца XII — начала XIII в., имя которого указано в адресованных ему берестяных письмах. Многие из них были заказами на написание икон. Художника звали Олисем Петровичем; из летописи он был известен и как мастер фрески. Изучение его автографов в записях на бересте и сравнение их с почерком художника, возглавлявшего артель, которая расписывала Спас-Нередицкую церковь, позволило установить, что именно Олисей был основным автором этих росписей.

С отцом Олисея — Петром Михалковичем связаны также многие берестяные письма, написанные или полученные им. Изучение этой группы документов позволило установить, что

именно он и его жена Мария (Марена) были заказчиками самой знаменитой новгородской иконы XII в. «Знамение Богородицы», которая, как сказано выше, была с новгородцами в битве 1170 г. Как выяснилось, эта икона написана в связи с бракосочетанием дочери Петра Михалковича Анастасии и новгородского князя Мстислава — сына знаменитого князя Юрия Долгорукого. Свадьба состоялась в 1155 г. Тогда же был изготовлен и один из выдающихся шедевров прикладного искусства — серебряный кратир (причастная чаша) мастера Косты, заказанный Петром и его женой Марьей и содержащий изображения Богородицы и святых Петра и Анастасии.

XIII в. стал для Новгорода временем тяжких испытаний. В самом начале этого столетия на западных рубежах Новгородской земли возникла перманентная военная опасность со стороны обосновавшегося в Прибалтике Немецкого ордена. На северо-западных рубежах возникла не менее опасная угроза шведской агрессии. В 1238 г. началось вторжение монголо-татарских полчищ на новгородскую территорию. Войска Батия в течение месяца осаждали новгородский город Торжок и уничтожили его героических защитников. Однако оборона Торжка спасла Новгород. Торжок был взят в марте, и обычное для этого времени истощение запасов фуража создало угрозу падежа коней — главного средства военного передвижения монголо-татар. Не дойдя сотни километров до Новгорода, Батиево войско развернулось и направилось в южные степи. А успехи дипломатии князя Александра Невского обеспечили мир Новгорода с монголами на будущее. Новгородцы смогли сосредоточить военные силы для защиты своих западных рубежей. В 1240 г. Александр в битве на Неве победил шведов, за что и получил прозвище Невского, а в 1242 г. разбил войско немецких рыцарей на льду Чудского озера. Эта победа не была окончательной. Потребовалось еще кровопролитное сражение под Раковором (Раквере) в Эстонии в 1269 г.

В то же время монголо-татарское нашествие не прошло без последствий для Новгорода. Была разорвана система традиционных торговых и культурных связей с лежащими в развалинах русскими княжествами. На шестьдесят лет за-

мерло строительство каменных храмов. Только в 1302 г. началось возведение каменного кремля на месте древнего деревянного. Существенным образом изменился характер взаимоотношений боярского Новгорода с князьями. Если раньше в основе этих взаимоотношений лежал принцип

П. Корин. «Александр Невский»

«вольности в князьях», то теперь новгородцы автоматически признавали своим князем того, который золотоордынскими ханами утверждался главой русских князей (великим князем). А поскольку главное поле деятельности великого князя оставалось за пределами Новгорода, его личность стали представлять присылаемые им наместники. Последним князем, который более или менее регулярно бывал в Новгороде, был внук Александра Невского Юрий Данилович.

В последней трети XIII в. в государственном устройстве Новгорода произошли важные перемены. Боярство, пытаясь смягчить соперничество в борьбе за обладание высшими государственными должностями, организовало орган, в котором были представлены интересы всех территориальных группировок, а в конце XIII в. приняло порядок ежегодного избрания посадника из числа пожизненных представителей этих группировок. Сравнительно мирное время и успехи христианизации позволили боярским семьям направить энергию на строительство ктиторских монастырей и снабжение их земельными вкладами. Эта деятельность привела к изъятию монастырской земельной собственности из-под юрисдикции архиепископа и установлению над ней прямого боярского контроля. Возникла система архимандритии. Архимандрит, получавший в качестве резиденции Юрьев монастырь в 4 км от Новгорода, возглавлял игуменов главных монастырей пяти административных районов Новгорода, избирался на вече, подобно посадникам и другим должностным лицам государства, и был подотчетен в своей экономической деятельности не архиепископу, а боярской власти. Особую административную систему составляла купеческая организация во главе с тысяцким, также избиравшимся на определенный срок. Была преобразована система суда. Рядом с совместным судом князя и посадника возникли также торговый и архиепископский суды.

Важные события произошли на юго-западных рубежах Новгородской земли. На протяжении середины XIII — первой трети XIV в. северные районы пограничного с Новгородом Смоленского княжества в результате литовской агрессии против Смоленска и Новгорода оказались в руках Литвы. После успешных военных дей-

ствий Новгорода в 1326 г. был заключен общий мир между Новгородом, Немецким орденом, Смоленском, Полоцком и Великим княжеством Литовским. Его главным и долговременным результатом стало создание принципиальной системы пограничных взаимоотношений Литвы и Новгорода. Литва приняла на себя обязательство строго соблюдать суверенитет Новгорода на всей территории его владений в обмен на уплату ей доходов с тех пограничных новгородских земель, которые волей Мстислава в 1117 г. были переданы Новгороду из состава Смоленского княжества в домениальную собственность новгородских князей — потомков Мстислава. Завоевав смоленские территории, Литва стала, таким образом, правопреемником древних взаимоотношений Смоленска и Новгорода.

В ближайшие после этой акции годы система военного и политического сотрудничества Новгорода и Литвы расширилась. Князья Литов-

ского дома получили «в кормление» небольшие новгородские города на границе с Швецией и приняли на себя обязательство охранять там Новгородскую землю от возможной шведской экспансии. Эта система переживала периоды конфликтных отношений, но в целом успешно действовала на протяжении последующего времени вплоть до падения новгородской независимости в конце XV в.

До решительной победы Руси над Золотой Ордой в 1380 г. на Куликовом поле шла борьба за обладание великокняжеским титулом между представителями разных русских центров, в основном между Тверью и Москвой. Победа 1380 г. окончательно закрепила этот титул за московскими князьями. Но вместе с тем для Новгорода это обстоятельство было равносильно потере традиционного выбора, что привело к обострению взаимоотношений с Москвой и попыткам искать альтернативу Москве в среде ее противников.

В 1384 г. новгородцы провозгласили свою неподсудность московскому митрополиту. Спустя два года московский князь Дмитрий совершил военный поход на Новгород в отместку за нападение новгородцев на его владения. В 1397 г. сын Дмитрия Василий I разорвал мир

Новгородский Кремль

с новгородцами, добился подчинения Москве принадлежавшей Новгороду Двинской земли, а также захватил Волоколамск, Торжок, Вологду и Бежецк. Положение было частично восстановлено только в 1398 г. В 1419 г. новгородцы провозгласили своим князем брата московского князя — Константина Дмитриевича, поссорившегося с Василием I; впрочем, этот конфликт был быстро улажен.

Сложность отношений с Москвой стала важным поводом для расширения фортификаций Новгорода. В 80-х гг. XIV в. появилось кольцо внешних оборонительных сооружений — Окольный город — протяженностью около 9 км, земляной вал с деревянной стеной на нем и каменными проездными башнями.

Отсутствие традиционной альтернативы в выборе князя стало одной из причин консолидации новгородского боярства. Второй столь же серьезной причиной консолидации стало усиление антибоярских настроений в массе непривилегированного населения Новгорода. Еще в середине XIV в. орган боярской власти был реорганизован. Если до реформы 1354 г. каждый из пяти новгородских «концов» избирал в этот орган пожизненного представителя, из числа которых (и только из этого числа) ежегодно избирался посадник, теперь все пять представителей стали посадниками, и кроме того на общегородском вече избирался главный (степенный) посадник. В 1410 г. новая реорганизация расширила число посадников сначала до 9, а затем до 18, а выборы степенного посадника стали происходить не один, а два раза в год. Мощное антибоярское восстание 1418 г. побудило боярство Новгорода к новой консолидации, и количество единовременно действующих посадников было доведено до 24, а в 1463 г. — до 36 (тогда же стали избирать 7 тысяцких). Практически каждая боярская семья Новгорода оказалась прикосновенной к власти. Представители всех этих семейств не только располагали возможностью быть избранными на должность посадника или тысяцкого, но и практически владели этими должностями. Показательно, что летописец, касаясь событий третьей четверти XV в., в ряде случаев не титулет бесспорных посадников. В результате реформ XV в., расширивших количество посадников практически до количества боярских семей, ти-

тул посадника был принижен, а звание боярина приобрело дополнительную ценность. По-видимому, в этот период вообще наметилось бытовое сближение терминов «боярин» и «посадник».

Любопытные материалы, свидетельствующие об осознании в Новгороде сущности новых порядков, предоставляет истолкование изображения на новгородских монетах, чеканка которых началась в 1420 г. (оно оставалось неизменным до присоединения Новгорода к Москве в 1478 г.). На монетах изображена женщина в зубчатой короне, восседающая на троне, и коленопреклоненный человек, принимающий из ее рук некие символы власти. Единственная аналогия такой композиции имеется на венецианских монетах, где покровитель Венеции святой Марк вручает коленопреклоненному дожу символы власти. Тождество сюжетов позволяет видеть в женщине покровительницу Новгорода святую Софию, а в ее визави — новгородского посадника. Это тождество предполагает понимание новгородцами существенного сходства между реорганизованным посадничеством и венецианским сенатом.

В то же время возникновение олигархического органа государственности коренным образом изменило систему взаимоотношения между боярством и прочими слоями новгородского населения. Если раньше, в разгар борьбы за власть между территориальными боярскими группировками, претенденты на власть могли противопоставлять себя наличным ее обладателям, то теперь консолидированный боярский орган в целом противостоял непривилегированным слоям новгородского населения. Эта новая расстановка сил отражена летописными записями середины XV в., говорящими о «бесправдивых боярах» и о том, что «у нас правды и суда правого нет», а также появлением целого пласта литературных произведений, осуждающих корыстолюбие и взяточничество бояр и особенно посадников («Повесть о посаднике Добрыне», «Повесть о посаднике Шиле»). Эти настроения роковым образом сказались очень скоро, когда новгородская власть во время смертельной схватки с Иваном III не смогла найти защиты в массе простого населения.

Тем временем противостояние Новгорода Москве от десятилетия к десятилетию усиливалось. Знаменитый конфликт московского князя

Иван III. Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1575 г.

Василия Темного и галичского князя Дмитрия Шемяки не обошел стороной Новгород. Дмитрий Шемяка, потерпевший поражение от ослепленного им Василия, нашел приют в Новгороде. Здесь его и настигла месть Василия Темного: Дмитрий был отравлен по распоряжению московского князя, который вскоре после этого — в 1456 г. — совершил военный поход на Новгород. Новгородцам было предписано не оказывать какой-либо поддержки сыну Дмитрия Шемяки Ивану и его союзнику — можайскому князю Ивану Андреевичу. Характерно, что в 1463 г., когда новгородцы нарушили этот запрет, декларируя таким актом решительный разрыв с Москвой, была проведена последняя реформа расширения боярского представительства в высшем органе власти. Столь решительный шаг не мог быть осуществлен без нового единения боярских группировок.

Конец новгородской независимости приближался. Острые антиновгородской политики Ивана III было направлено против приписываемого

Новгороду желания перейти под власть Литвы и отречься от православной веры. Действительно, опасаясь московской экспансии, Новгород искал союза с Литвой и выдвигал идею приглашения на свой престол литовского великого князя Казимира, однако в проектах возможного соглашения специально оговаривались конфессиональная независимость и неприкосновенность православных святынь. Тем не менее под лозунгом защиты православия Иван III в 1471 г. совершил поход на Новгород и одержал победу в битве на р. Шелонь. Инициаторы союза с Литвой были казнены, но структура боярской власти не подверглась какой-либо деформации.

В 1475 г. московский князь предпринял еще один, на этот раз «мирный поход» на Новгород, демонстрируя свою власть. Его встречали делегации новгородцев на пути следования, а затем он продемонстрировал некую объективность судебных решений по жалобам жителей Новгорода.

Финал наступил в 1477 г., когда Иван III двинул на Новгород многочисленное войско. Парадоксально, что московский великий князь, как это очевидно следует из некоторых документов, не имел прямого намерения покорить Новгород. Сохранилась его походная тетрадь, в которой были собраны документы, обосновывавшие права Москвы только на владение территорией, примыкающей к Северной Двине. Отобрать у Новгорода Двинские земли, которые в 1397 г. передавались Москве, и было конечной целью его военного предприятия. Однако, как уже отмечалось выше, у боярской власти не нашлось защитников, и Новгород упал в руки московского князя, утвердившего полную власть над новгородцами в январе 1478 г. Вече было запрещено, посадничество как символ самостоятельности ликвидировано, вечевого колокол увезен в Москву. Однако московский князь поклялся не вторгаться в земельную собственность новгородцев. Эта клятва была нарушена спустя каких-нибудь десять лет, когда тысячи новгородских землевладельцев были переселены в московские земли, а на их место привезены московские помещики.

Каким Москва застала Новгород в момент ликвидации его самостоятельности? Ответ на такой вопрос предусматривает несколько важных ракурсов оценки его культуры.

Еще полстолетия тому назад в научной литературе бытовало убеждение о тотальной безграмотности населения средневековой Руси. Предполагалось, что грамотными были священнослужители и князья, причем далеко не все. Сейчас в разных городах Древней Руси найдено уже свыше тысячи текстов XI–XV вв., написанных на березовой коре, причем 953 из них обнаружены в Новгороде. Подсчеты, основанные на характеристике культурного слоя Новгорода, позволяют утверждать, что в почве Новгорода сохранялось и в значительной степени сохраняется не менее 20 тыс. подобных документов, написанных людьми самого разнообразного социального положения — боярами и крестьянами, ремесленниками и купцами. Среди документов немало текстов, написанных женщинами, что для Средневековья является наиболее чутким индикатором высокого культурного уровня общества. Очевидно, что приведенная выше цифра — лишь ничтожная доля того, что было написано на бересте в средневековом Новгороде: большинство таких писем сгорело в огне частых пожаров и в печах. Замечено, что большинство текстов, принадлежавших авто-

рам низкого социального уровня, датируется XIV–XV столетиями.

Редкость берестяных текстов в других городах и их обилие в Новгороде является не только результатом того, что масштабные раскопки в Новгороде ведутся постоянно начиная с 1932 г. Главная причина этого — особенности политического строя этого города и государства. Как уже отмечено, ежегодное обновление высших государственных должностей открывало перед каждым боярином возделенную возможность быть избранным на такие должности. Экономической основой новгородского боярства было крупное и крупнейшее землевладение. Если в условиях монархической власти средне- и южнорусских княжеств тамошний боярин был «центробежен», то есть стремился жить подальше от князя, в своем феоде, где он сам был монархом над своими вассалами, то новгородский боярин «центростремителен». Уйти из Новгорода и жить в своем владении, отстоящем от Новгорода на десятки и сотни километров, значило вырваться из гущи политических страстей, отказаться от притязаний на власть. Новгородский боярин, как это показывают кадастры XV в., жил в Новго-

Кожаная туфля, поршень и подметки разных размеров. Неревский «конец». Новгород. XIII в.

роде, вдали от своих земельных владений и своих крестьян. Но эти владения требовали от него постоянной заботы. Ему надо было отдавать распоряжения своим управляющим, получать от них отчеты о сельскохозяйственных работах, о видах на урожай, наконец, о доходах от своего владения. Берестяные письма XIV–XV вв. в значительной части связаны с этими заботами. Но переписка требовала грамотности не только господина, но и его слуг. И среди писем указанного времени немало написанных крестьянами и содержащих разнообразные жалобы, в том числе и на действия господских управляющих.

Существует еще один важный фактор, формировавший более высокую культуру горожан Новгорода. В отличие от Венеции, где сенат собирался в закрытом помещении, обеспечивавшем конфиденциальность его заседаний, новгородское вече, на котором сначала ежегодно, а потом дважды в год избирались высшие руководители боярской республики, обсуждало свои проблемы под открытым небом около собора святителя Николая, по соседству с городским торгом. Членами вече, обладавшими правом решающего голоса, были представители городской элиты, владельцы больших городских усадеб, в первую очередь бояре. «300 золотых поясов» — так немецкий источник XIV в. назвал новгородское вече. И это соответствует примерному числу владельцев больших городских усадеб. Но вечевому собранию была свойственна гласность: новгородский плебс имел возможность, обступая вечевую площадь, криками одобрения или порицания влиять на ход собрания, создавать для себя видимость участия в политической жизни города и государства. Пусть иллюзорное, но это самосознание, несомненно, было важной составляющей менталитета средневекового новгородца.

Весьма значительным было влияние активных международных связей. Новгород не был членом Ганзейского союза, однако, подобно Лондону, Бергену и Брюгге, имел торговую контору Ганзы — Немецкий двор, которая организовывала постоянную деятельность приезжавших из Западной Европы купцов. Контакты не ограничивались торговлей. Вход в главный новгородский собор святой Софии украшали и украшают до сих пор великолепные бронзо-

вые врата, изготовленные в XII в. в Магдебурге и попавшие в Новгород в XIV в., когда русский мастер добавил к ним несколько новых рельефов и снабдил латинские надписи переводом на русский язык. Летопись рассказывает, что строителями дворца новгородского архиепископа в 1433 г. были немецкие мастера, работавшие вместе с новгородскими мастерами. Выше уже рассказывалось об использовании на новгородских монетах венецианского сюжета, переработанного применительно к местному культу.

Высоту культурного взлета Новгорода в XIV–XV вв. может характеризовать количество храмов, фигурирующих в описи конца XV в., которая была составлена сразу же после присоединения

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице

Новгорода к Москве. Всего в городе было 83 действующих храма, почти все — каменные. Среди них построенные в XIV в. шедевры новгородского архитектурного стиля церкви святого Феодора Стратилата на Ручье, Спаса Преображения на Ильине улице; обе расписаны фресками. Художником Спас-Преображенской церкви был великий Феофан Грек. В 1407 г. воздвигнута церковь святых Петра и Павла в Кожевниках — вершина новгородского средневекового зодчества. Новгород окружен плотным кольцом пригородных монастырей, среди которых церкви XIV в. в Володове, на Ковалева и храм Рождества на кладбище, сохранившие в своих интерьерах выдающиеся ансамбли фресок того же времени. Это кольцо пригородных монастырей начало формироваться еще в XI в., включив в себя выдающиеся шедевры архитектуры и живописи — соборы Юрьева, Антониева, Благовещенского и Спас-Нередицкого монастырей XII в.

Любопытной страницей истории новгородской архитектуры оказался отрезок времени, связанный с деятельностью архиепископа Евфимия II (1428–1454). Убежденный противник Москвы, он стал главным идеологом антимосковских настроений. Взывая к XII столетию, когда были достигнуты наиболее существенные успехи в борьбе с княжеским самовластьем и в укреплении боярской государственности, Евфимий возродил архитектурный стиль этой эпохи, разительно отличающийся от стиля XIV — начала XV в. Если к его времени был канонизирован стиль одноапсидного храма с лопастным покрытием, то по инициативе Евфимия II началось восстановление храмов XII в. «на старой основе» с присущей им трехапсидностью и позакомарным покрытием. Утвердившись в Новгороде, москвичи восприняли эти возрожденные церкви как проявление новейшей моды и в дальнейшем в развитии архитектуры Новгорода опирались на эти образцы.

Присоединение Новгорода к Москве в 1478 г. надолго прервало в нем строительную деятельность. Ее остановила агония новгородской независимости в бурные годы финального столкновения с Москвой. Последняя церковь в Новгороде (до присоединения) сооружена в 1463 г., а следующая — только в 1508 г. Главные заботы овладевших Новгородом москвичей были направлены на укрепление города как важ-

Иван IV Грозный. Портрет XVI в.

нейшей приграничной крепости на Северо-Западе Руси. В конце XV в. были заново выстроены стены и башни кремля. Затем наступила очередь нового укрепления Окольного города — внешней фортификации Новгорода. Москва готовилась к затяжной войне за овладение широким выходом к Балтийскому морю.

В 1570 г. Иван Грозный, заподозривший новгородцев в измене, залил Новгород кровью его жителей. Ливонская война (1558–1583) еще больше обезлюдил Новгород. Кадастры, составленные в 80-х гг. XVI в., отражают картину запустения некогда цветущего города. В самом конце этого столетия, как показалось, Новгород начал вставать на ноги. Приглашенный в Новгород итальянский архитектор (имя его не дошло до нас) возвел вокруг каменного кремля еще одну линию укреплений — Земляной город, соорудив его — одним из первых в Европе — по бастионной системе. Однако с наступлением XVII в. и Смутного времени Новгород на целых семь лет (1611–1617) оказался во власти Швеции. Эти годы довершили его разорение, которое усугубилось также переносом главного центра торговли России с Западной Европой в Архангельск.

5.3. НОВГОРОДСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО С РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Восточнославянская цивилизация знала три разнородности государств с модификациями социально-политического строя, свойственными и локальным цивилизациям третьего поколения. Первая модификация — это формирование на базе союзов племен государства с преобладанием военной демократии и постепенно набиравшей силу племенной верхушкой, превратившейся в государственный аппарат, с усиливавшейся экономической, социальной и политической дифференциацией (стратификацией) общества, началом формирования классового общества. Эта модификация преобладала среди восточных славян после их переселения и охватывала период VI — первой половины VIII в.

Вторая модификация — это государство феодально-монархического типа с иерархическим построением власти, делившейся между цент-

ром и местными феодалами, с явно выраженной классовой структурой общества. В восточнославянской цивилизации это великий князь, деливший власть с удельными князьями. Общество делилось на зависимых и свободных крестьян, ремесленников, купцов, военное и духовное сословия. Основой экономики здесь было сельское хозяйство, ремесло и торговля дополняли его.

Третья разновидность — демократическое государство, соединенное с ограниченной княжеской властью, при решающем слове вечевой демократии, с преимущественно рыночной экономикой и важнейшей ролью в социально-политической жизни купечества. Именно таковыми были Новгородская республика (включая демократически самоуправляемые пригороды — Старую Руссу, Торжок, Вятку, волости) и Псковская республика.

Чтобы понять содержание и историческое место Новгородской республики, сопоставим ее с государствами той же модификации социально-политического строя в Западной Европе — с республиками Венецией и Генуей, а несколько позднее — с Великобританией.

Венеция

Венеция наиболее близка по своей исторической судьбе к Великому Новгороду. Уже в VII — начале VIII в. на группе островов в Венецианском заливе Адриатики возникла республика. После образования Венеции в начале IX в. республика сравнительно быстро превратилась в центр торговли между Востоком и Западом, обзавелась собственным мощным флотом, захватила ряд территорий на Апеннинском полуострове. Во время крестовых походов Венеция приобрела острова Крит, Эвтея, овладела частью Константинополя, затем проникла в Северное Причерноморье, присоединила ряд итальянских городов. В результате войн с Османской империей XV–XVIII вв. она потеряла почти все свои владения, в 1797 г. была оккупирована Наполеоном и затем передана Австрии.

В период своего расцвета (в XIII в.) Венеция управлялась как олигархическая республика. Высшим органом был Большой совет, функции правительства выполнял Малый совет. Сенат ведал внешней политикой и колониальными делами, Совет Сорока был высшим судебным органом.

Фернан Бродель, оставивший блестящий очерк средневековой Венеции, отмечал, что основой экономического и политического могущества Венеции, превратившейся в мировую империю, была торговля, приносившая до 40% прибыли: вся Европа находилась в зависимости от Венеции (Бродель, 1992, т. 3, с. 121). Республика с численностью населения 100–150 тыс. человек владела колониями с населением более 1 млн человек. Она была не уникальным явлением в средневековой истории, а выражала одну из типичных тенденций для тех частей европейской цивилизации, в которых шло активное формирование рыночной экономики, закладывались основы будущей раннеиндустриальной мировой цивилизации (XVI — середина XVIII в.) и четвертого поколения локальных цивилизаций (XVI–XX вв.). Проявлениями этой тенденции были также Генуя, Ганзейский союз, Новгородская республика.

Почему же именно в Новгороде и других городах Северо-Западной Руси утвердился республиканский социально-политический строй в симбиозе с княжеской монархической властью?

Прежде всего следует отметить, что этот строй имел исторические предпосылки. Союз

союзов ильменских славян напоминал федерацию (точнее, конфедерацию), основанную на принципах родоплеменной демократии и становления вождистских государств. Новгород сыграл решающую роль в приглашении на Русь Рюрика: «В деле призвания варяжских князей Новгород занимал первенствующую роль. Он руководил союзом, в лице своего Гостомысла он первым дал голос о призвании княжеского рода; в Новгороде воцаряется главный князь, в других местах — его братья и мужи. Новгород — центр образующейся федеративной русской державы. Но это великое значение скоро исчезает» (Костомаров, 1994, с. 23). При Олеге центр державы был перенесен в Киев, а Святослав и Игорь закрепили место Новгорода как одного из подвластных Киеву княжеств.

Однако при Ярославе Мудром положение Новгорода в Киевской Руси начало меняться, что в 1019 г. было закреплено Ярославовой грамотой. «Победа при реке Альга в 1019 г. утвердила навсегда свободу Новгорода» (Костомаров, 1994, с. 31). Он получил право выбирать себе князя, постепенно расширял и укреплял это право, жестко регламентируя экономические возможности князя и его двора на основе выборности глав местной исполнительной власти — посадского и тысяцкого, а со временем и главы церковной власти — епископа.

«Прошло после Ярослава много веков, Новгород, сохраняя свою независимость и гражданскую свободу, постоянно указывал на Ярославову грамоту как на свою древнюю великую хартию» (Костомаров, 1994, с. 32).

Этому в немалой степени способствовало выгодное географическое положение Новгорода. «Новгород, находясь недалеко от Балтийского моря и овладев его берегами, естественно должен был стать главным пунктом торгового сообщения всего русского мира с Балтийским морем и Европой» (Костомаров, 1994, с. 38). Добавим — не только русского мира с Европой, но и торговли Европы с Византией (путь «из варяг в греки»), с мусульманской и индийской цивилизациями (путь «из варяг в персы»), а позднее — Великого пушного пути из Русского Севера в Европу. Это обеспечивало немалые торговые прибыли и рост богатства по сравнению с другими русскими землями, что дало толчок развитию эконо-

И. Некрасов. «Вече в Новгороде»

номики, подъему культуры и укреплению начал самоуправления: «Новгород вошел уже в торговую деятельность с Западом, через его руки проходили западные товары в русские края. Киевская Русь, изнуренная междоусобными и иноплеменными нашествиями, год из года падала; напротив, Северо-Восточная процветала обилием и зажиточностью» (Костомаров, 1994, с. 55). Подобное происходило и в средневековой Венецианской республике.

Ведущая роль рынка в экономике стала основой развития демократии и социальной дифференциации общества. Рыночная экономика строится на свободе выбора и принятия решений агентами рынка, на их равноправии, на зависимости продавца от покупателя. И в то же время рыночная конкуренция постоянно порождает имущественное расслоение. Одни, получая высокие прибыли, богатеют и заявляют претензии на участие в принятии важнейших политических решений и в обеспечении безопасности. В то же время другие беднеют, разоряются, попадают в зависимость. Можно считать, что экономической основой республиканского

строения было развитие и первенство рыночных отношений, хотя и сохранялась свойственная для средневековой мировой цивилизации социальная и политическая дифференциация.

Можно ли считать, что вечевой строй в Новгородской республике был действительно демократическим? Костомаров признает, что вече играло решающую роль в политической жизни Новгорода: «Вече ведало всей областью законодательства, всеми вопросами внешней политики и внутреннего устройства, а также судом по политическим и другим важнейшим преступлениям... Вече постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главных городских сановников, разбирало их споры с князем, решало вопрос о войне и мире и т.п.» (Костомаров, 1994, с. 64–65).

Однако тут же историк не признает вече нормальным демократическим органом, отмечает его анархический характер: «На вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования. Решение составлялось на глаз, скорее по силе криков, чем по большинству голосов. Когда вече разделялось на партии, приговор вырабатывался насильственным способом, посредством драки: осилившая сторона и признавалась большинством» (Костомаров, 1994, с. 5).

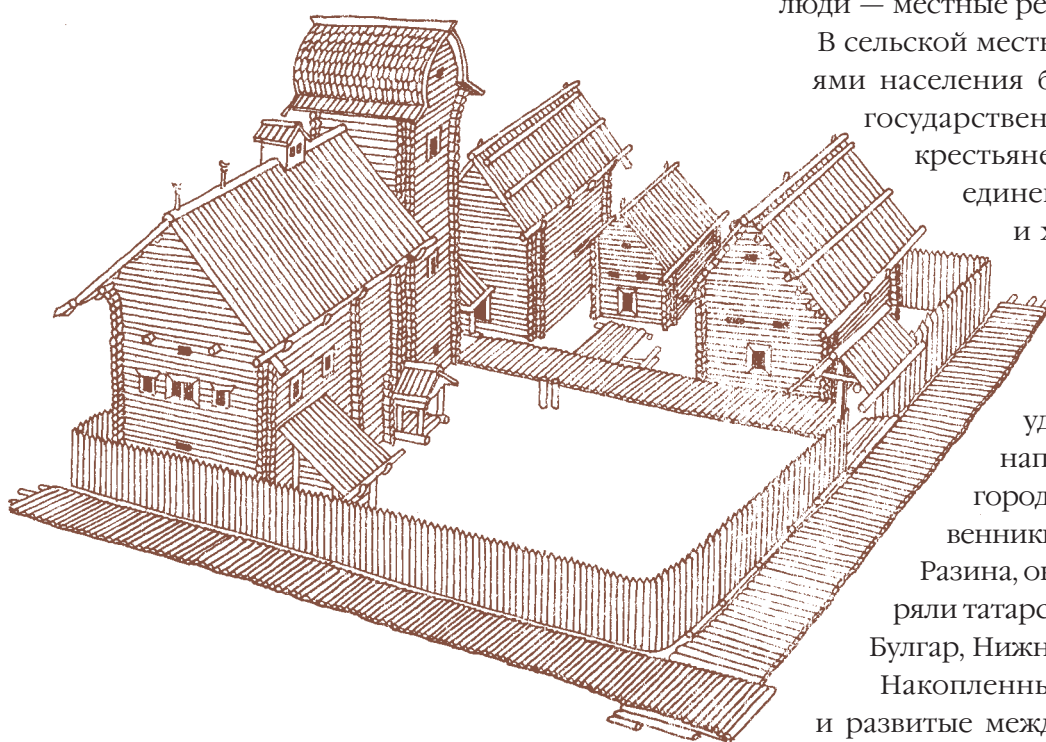
Такое карикатурное изображение вечевой демократии не объясняет, как могла при такой форме правления Новгородская республика просуществовать (и процветать) в течение трех с половиной столетий, полных ненастий и вражеских набегов. Почему подобный вечевой строй и вечевая демократия столетиями эффективно функционировали в Пскове, Старой Руссе, Торжке, Вятке и других городах Новгородской республики?

В реальности анархические элементы в вечевой демократии были сведены к минимуму. Это было четко организованное демократическое устройство снизу доверху. Каждая улица избирала своих старейшин. Все вместе они образовывали вече городского квартала — конца (в Новгороде их было 5, а в Старой Руссе — 18). На городское вече собирались представители пригородов, волостей, земель. Все решения тщательно прорабатывались до вынесения на вече городским старейшиной, в их принятии

принимали участие посадский, тысяцкий, епископ. Решения, требовавшие городских расходов, осуществлялись за счет городской казны, хранившейся в Софийском соборе. Порядок сбора и распределения налогов, выделение доходов на содержание князя и его дружины были четко определены и закреплялись каждый раз в договорах с князем. Экономическая и политическая демократия в Новгородской республике была гораздо более сильной и эффективной, чем в других частях Древнерусского государства, чем в западных монархиях и восточных деспотиях. И она имеет немало поучительного и для демократического устройства современной России, хотя это уже совсем иная эпоха, время локальных цивилизаций пятого поколения.

Представляет интерес и федеративное устройство обширной Новгородской республики, которая строилась, по мнению В.О. Ключевского, на принципе «двойственности начал — централизма и местной автономии. Новгород был державный город, повелевавший обширной территорией, но он представлял частям этой территории значительную самостоятельность» (Ключевский, 1988, с. 69).

Средневековая новгородская усадьба.
Реконструкция Г.В. Борисевича

В управлении Новгородом участвовали пятинны, представлявшие пять концов города, а также пригороды: «Пригород был такой же местный саморегулируемый мир, каким были новгородские концы и сотни» (Ключевский, 1988, с. 75). Его автономия выражалась в местном пригородном вече. Были вече в волостях, особенно в отдаленных землях (например, после колонизации Новгородом Русского Севера).

Социальный строй Новгородской республики был типичным для аналогичных европейских торговых городов средневековой эпохи. Как отмечает В.О. Ключевский, население Новгорода состояло из четырех социальных слоев: бояр, житых людей, купцов и черных людей. Бояре происходили не из княжеских людей (как в других частях Древнерусского государства), а из местной знати. «Правя городом по вечевому выбору, это боярство вместе с тем руководило и народным хозяйством в Новгородской земле. Это были крупные землевладельцы и капиталисты». Насчет капиталистов говорить преждевременно — имеются в виду городские старшины, владевшие значительным имуществом.

Житые люди — это люди среднего состояния, принимавшие активное участие и в торговле. Купцы были значительным социальным слоем в преимущественно торговой республике; они объединялись в купеческие сообщества. Черные люди — местные ремесленники и рабочие.

В сельской местности преобладавшими слоями населения были смерды (сидевшие на государственных или частных землях), крестьяне-собственники, часто объединенно владевшие имуществом, и холопы — наиболее бедный и эксплуатируемый слой.

Особым социальным слоем в Новгородской земле были ушкуйники — ватаги удальцов, которые на лодках нападали на многие приречные города и грабили их; это предшественники казачьей вольницы Степана Разина, они ходили на Кострому, разоряли татарские города, Ярославль, Вятку, Булгар, Нижний Новгород.

Накопленные новгородцами богатства и развитые международные торговые связи

поддерживали культуру. Бояре и богатые купцы выделяли деньги на строительство храмов, выписывали для их строительства из Византии архитекторов, иконописцев. Торговля требовала грамотности, поэтому было широко развито образование, грамотность превосходила уровень, наблюдавшийся в других русских землях. Сложилась самобытная новгородская иконописная школа, развивались литература, музыка. Уровень культуры был ниже, чем в центрах античного мира, но не ниже большинства стран Западной Европы, Золотой Орды.

Оценивая историческое наследие Новгородской республики, следует признать, что это была одна из вершин в развитии восточнославянской цивилизации, пример демократического федеративного государства, крупнейшего по территории в Европе, с развитой рыночной экономикой, подобной той, которая преобладала в тот период в Италии, Северной Германии, Скандинавии. Однако исторические судьбы сложились так, что этот вариант развития был отброшен, а за основу трансформации восточнославянской цивилизации в евразийскую был положен московский, в своей основе византийский вариант с авторитарно-централизованным государственным устройством, феодально-крепостническим экономическим строем и ограниченными рыночными отношениями. Тем самым были заложены основы будущего цивилизационного кризиса, который разразился в Смутное время начала XVIII в. и привел к временному распаду Русского государства, не скоро оправившегося от кризиса и заметно отставшего от авангардной западноевропейской цивилизации. Только героический рывок Петра I, закрепленный в период правления Екатерины II, позволил в основном преодолеть это отставание и вывести российскую империю в число авангардных цивилизаций XIII в.

5.4. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД: МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР СРЕДНЕВЕКОВОЙ РЕСПУБЛИКИ*

75 лет назад начались раскопки Новгорода, существенно изменившие наше представление о древнерусском городе, но до сих пор мало влияющие на наши знания о Новгородской рес-

публике. Безграничное накопление археологической информации (одних только индивидуальных находок-артефактов в музейных фондах насчитывается уже более 1 млн единиц) все еще остается вне внимания широкого круга специалистов, интересующихся не только древними технологиями и деталями средневекового быта, но и широким кругом культурологических и социологических проблем «вольного Новгорода». Расширить границы научного познания древней столицы Приильменя был призван недавний проект изучения подводных остатков средневекового Великого моста, с успехом реализованный на базе Новгородского общества любителей древности и Новгородской федерации подводной деятельности. Результаты этих исследований и некоторым другим аспектам археологической, то есть «материальной» истории Новгородской республики посвящен данный раздел.

5.4.1. Природа Новгорода

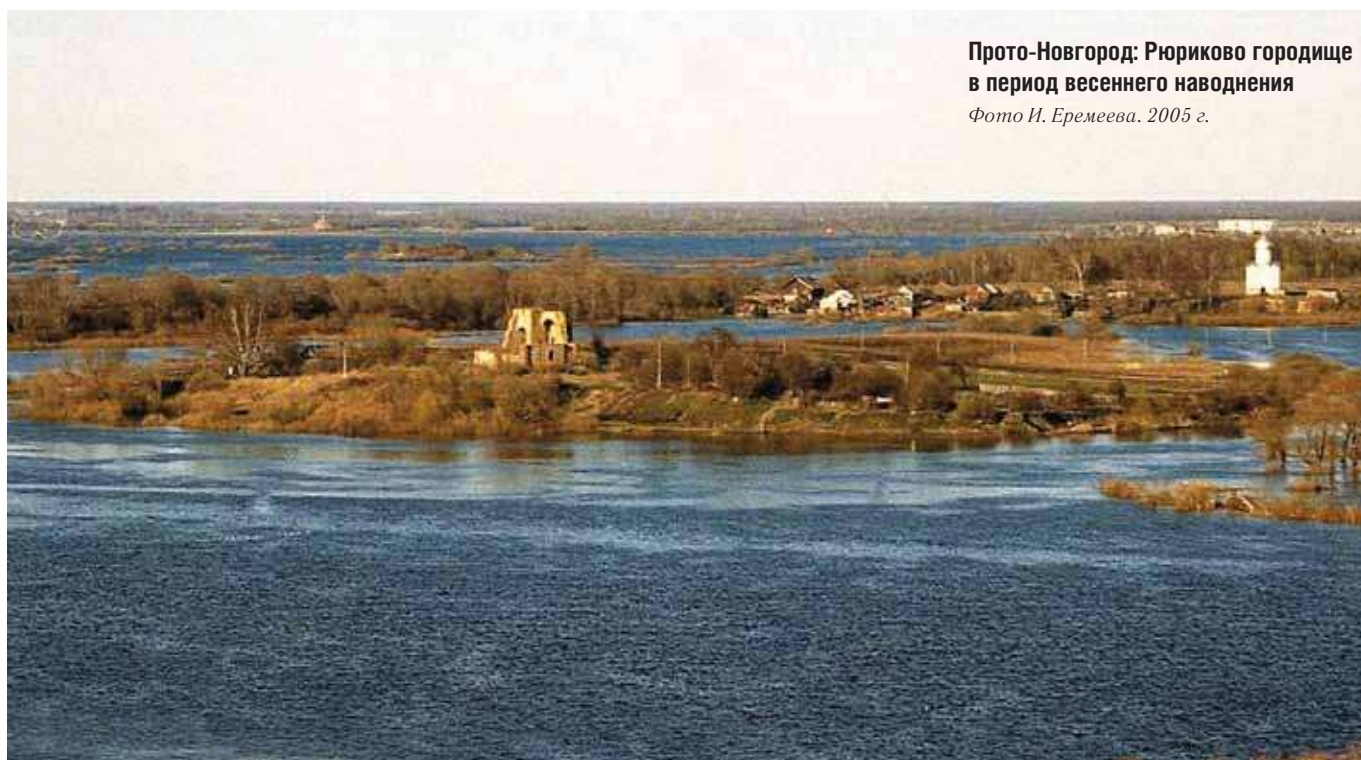
Любая история начинается с географии. Не исключение в этом смысле и история Новгородской республики, многие черты которой с самого начала были обусловлены природным расположением города и особенностями климата, с самого начала городской истории влиявшими на внутреннюю мобилизацию горожан не только в ситуациях политических конфликтов, но и перед лицом различных стихий.

Волхов — единственная река, которая вытекает из оз. Ильмень, хотя впадает в него около сотни больших и малых рек. Почти вся территория Приильменя представляет собой плоскую равнину, находящуюся на отметках 20–60 м над уровнем Балтийского моря. Особенностью этой территории, обусловленной историей формирования и климатом, является ее чрезвычайная увлажненность, в частности значительное преобладание осадков над испарениями. Волхов является молодой рекой, хотя русло реки приурочено к древней дочетвертичной долине. В зимний период Волхов на участке исторического центра Великого Новгорода замерзает только при температуре воздуха ниже -15°C , в остальном температурном диапазоне река от истока до южной линии Окольного вала остается свободной ото льда. Максимальный подъем уровня воды в реке в паводок, начинающийся

* Автор раздела — С.В. Трояновский, кандидат исторических наук.

**Прото-Новгород: Рюриково городище
в период весеннего наводнения**

Фото И. Еремеева. 2005 г.

в апреле, может составлять 8 м. Половодье растягивается на период с апреля по июль вследствие малого уклона русла реки и влияния огромного бассейна оз. Ильмень.

Частым явлением на Волхове является движение реки вспять, которое зафиксировано летописями в 1063, 1162, 1176, 1325, 1373, 1376, 1415 и 1525 гг. (Новгородская первая летопись, с. 113) и продолжалось до недавнего времени, несмотря на появление в 1922 г. Волховской ГЭС, осуществляющей регулируемый сброс воды.

5.4.2. Прото-Новгород, которому не хватило места

Новгород возник в верховьях реки Волхов, плотно покрытых сетью поселений уже в первой половине X в. Пространственная структура этих поселений определялась низменным характером местности, регулярно затапливаемой весенними разливами Волхова и его притоков. Древнейшие жители осели на холмах, тянувшихся вдоль берега Волхова и возвышавшихся над общим уровнем местности на высоту от 3 до 6 м, что защищало их жилища от подтопления в период весеннего половодья.

Концентрация славянского населения в верховьях Волхова определялась относительным плодородием почв, особенно в зоне истока

Волхова из оз. Ильмень. Экономика славянских поселенцев базировалась на пашенном земледелии, при этом родовая верхушка новгородских словен постепенно втягивалась в международные торговые связи, пронизавшие Восточную Европу в раннем Средневековье.

Основным торговым маршрутом, проходившим через территорию будущего Новгорода, был Балтийско-Волжский путь, связывавший в VIII–X вв. Северную Европу с арабским Востоком посредством разветвленной озерно-речной сети Восточной Европы. Формирование этого маршрута является несомненной заслугой викингов, по-древнерусски варягов, присутствие которых фиксируется археологическими материалами по всей территории Древней Руси с VIII века. Основными предметами торговли на Балтийско-Волжском пути были северные меха, рабы и восточное серебро.

Русское название этого поселения, известное с 1103 г., не оставляет сомнений, что городище было старым городом, предшественником нового города — Новгорода. Регулярными раскопками, начатыми в 1975 г., здесь обнаружены несомненные следы присутствия скандинавов-варягов, рассматривавших городище как одно из ключевых поселений, запиравших выход в оз. Ильмень. Военно-административные функ-

ции городища хорошо проиллюстрированы сообщениями русских летописей, рассказы- вающих о призвании в 862 г. скандинавского князя (конунга) Рюрика для установления мира и порядка в протогосударственной структуре славянских поселений в истоке Волхова. Закрепление торговой оси между Севером и Югом произошло в результате похода князя Олега в 882 г. из Новгорода (городища) через Смоленск на Киев. Возникшая в результате похода связь Новгорода и Киева заложила биполярную структуру Древнерусского государства, просуществовавшего до середины XI в.

Однако территория городища, омываемого водами Волхова и его многочисленных притоков, была слишком мала для развития. Поэтому новый город уже с середины X в. начинает осваивать речные берега в 2 км ниже по течению, где было достаточно места для нового населения.

5.4.3. Вечевая площадь

В 1998 г. на Троицком раскопе была обнаружена уникальная усадьба, большая часть которой представляла собой мощеную площадь размером почти 130 кв. м. В досках настила были вырублены отверстия для столбов, явно удерживавших навес. Для чего жителям этой части города по-

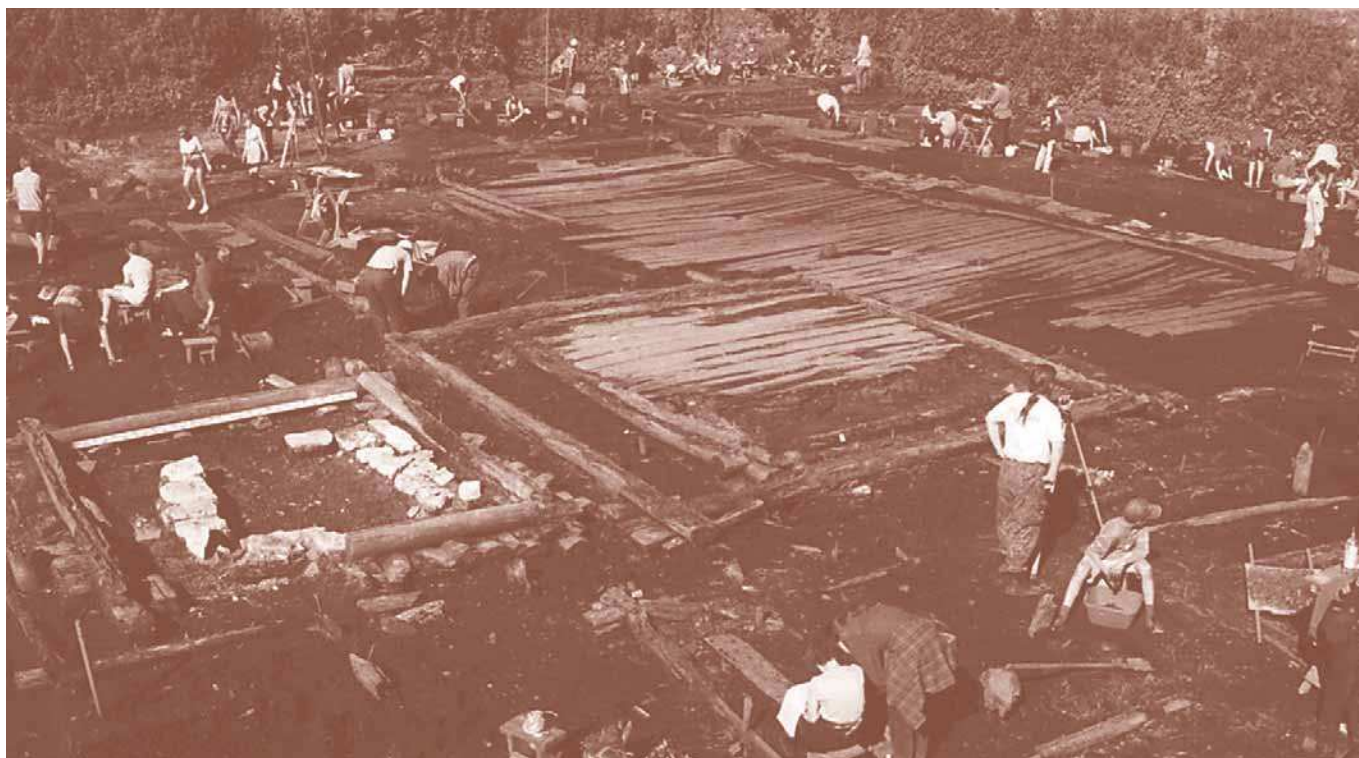
надобилась такая площадь, служившая, судя по навесу, местом собрания в любую погоду?

Разгадку дали десятки берестяных грамот, найденных рядом с настилом. Это были в основном документы о судебных разбирательствах. Значит, перед нами судебный двор, где князь или его представители вместе с новгородским посадником вершили «сместной», то есть совместный суд. Приведенный пример еще одной «общей вещи» позволяет определить время установления в Новгороде публичной судебной инстанции, без которой было бы немыслимо развитие демократических институтов власти. Эта судебная площадь, судя по годичным кольцам плах настила, появилась в 1126 г. и в течение почти всего XII столетия возобновлялась на прежнем месте. Здесь и собирались древние новгородцы, чтобы обсудить общие проблемы, часто называя их «вещами», что зафиксировано летописями; само собрание при этом они называли вече, но не от «вещи», а от глагола «вещать», то есть говорить, обсуждать.

Подобные площади существовали и в других концах города, а всего концов уже в XIV в. насчитывалось пять. Главными городскими

Вечевая площадь, обнаруженная раскопками 1998 г. в Людином конце Новгорода

Фото С. Орлова

площадями для сбора вече со временем стали площадь у Софийского собора и пространство у Никольского собора на Ярославовом дворище. Случалось, что на обеих сторонах города собирались сразу два вече, что нередко приводило к столкновениям сторон на Великом мосту.

5.4.4. На заре коммунального хозяйства

С первых же дней жизни на глине новгородцы были вынуждены мириться с постоянной сыростью, которая настигала их не только сверху, но и снизу. Причем, если снег и дождь рано или поздно прекращался, то хлюпающая под ногами грязь высыхала лишь в погожие летние дни.

Чтобы хоть как-то осушить свое жизненное пространство, горожане вначале окапывали свои дома дренажными траншеями. Но вскоре траншеи стали заплывать мусором, и тогда горожане стали подсыпать во дворы щепу, вываливать навоз, укладывать поверх болотистой хляби мостки и настилы. Но влага, которая не могла просочиться сквозь материковую глину, упрямо стремилась вверх, пропитывая все, что падало под ноги новгородцев.

В бесконечной борьбе с сыростью горожане стали одерживать верх лишь тогда, когда научились мостить улицы, а затем прокладывать дренажные трубы. Первые дренажные системы, обнаруженные археологами, датируются 1270–1280-ми гг. (Гайдуков, Дубровин, 1998, с. 29). Они представляют собой деревянные трубы, сделанные из долбленых бревен хвойных пород и соединенные в подобие ливневой канализации посредством деревянных колодцев отстойников. При помощи такой нехитрой конструкции новгородцы научились перегонять грунтовые воды на расстояния в несколько сот метров, сбрасывая их в Волхов, другие естественные протоки или городские рвы. Источником инженерных инноваций в это время для Новгорода скорее всего служили немецкие города, в первую очередь Любек, где в это время уже существовала разветвленная водоводная сеть. Содержание, очистка и ремонт колодцев и труб были крайне ответственной частью жизни дворовладельцев и городских магистратов вплоть до XX столетия.

Несмотря на появление и развитие дренажных систем, каждые 20–25 лет деревянные ули-

**Дренажная система 1270-х гг.,
вскрытая на Троицком раскопе в 1996 г.**

Фото П. Гайдукова

ные настилы приходилось обновлять, потому что они тонули в грязи. Так город постепенно рос не только по сторонам Волхова, но и вверх. Прежние холмы стали еще немного выше, а древние овраги и низины затянулись многометровым слоем отходов городской жизни. В результате сейчас мы почти не видим древнего рельефа, сглаженного тысячелетним слоем городской жизни.

Название «культурный слой» не слишком точно отражает происхождение этого слоя, ведь его никто не возделывал, не обрабатывал, как предполагает латинское слово *cultura*. Археологи тонко иронизируют по этому поводу: «Чем некультурнее человек, тем больше культурного слоя». Тем не менее это замечательное сочетание природных неудобств и стремления человека к комфорту создало Новгороду славу «русских Помпей». Более того, если под слоем лавы Везувия мы видим последний день погибших Помпей, то в Новгороде археологи имеют потрясающую возможность раскапывать всю последовательность жизни города в ее бесконечном разнообразии. Ведь все, что попадало в торфянистую городскую почву, пропитывалось водой и консервировалось на столетия. Представьте эмоциональный шок археолога, прикасающегося на раскопе к опавшей ивовой листе X в. или раскалывающего лесной орешек, потерянный кем-то из новгородцев в XII столетии!

5.4.5. «Поставиша стены всем градом»

Одним из центральных объектов заботы новгородцев о своем городе были его укрепления. Причем это не было напрямую связано с военной опасностью для Новгорода, отстоявшего на сотни километров от границ с потенциально опасными соседями и окруженного лесными дебрями и топами болот.

Тем не менее уже с XII в. горожане строили и содержали в исправном состоянии дубовые стены детинца (центральной крепости) и наружную линию острога или окольного города. В этом проявляется общая специфика Средневековья, исторический ландшафт которого определяла крепостная архитектура — городища, замки и городские стены.

Особенно насыщены событиями военно-оборонительного строительства первые десятилетия XIV в. С 1302 г. серьезнейшей реконструкции подверглись укрепления детинца. Археологические материалы позволяют выявить следующую последовательность работ: сначала по периметру новых стен был вырыт мощный ров (шириной до 30–35 м, глубиной 5–6 м). При этом культурный слой и глина из рва были использованы для устройства массивной деревоземляной фундаментной площадки в форме вала. Эти работы, несомненно, привели к полному изменению топографии центральной части Софийской стороны: десятки городских усадеб были перемещены из-под стен первого детинца и на их месте пролегла линия рва и вала. Южная часть новой крепости подверглась полной перепланировке; здесь появились новые уличные трассы, ориентированные на новую топографию крепости. Все эти изменения хорошо прослеживаются по материалам раскопок в кремле.

Затем летопись последовательно сообщает об оформлении плана новой крепости каменными надвратными церквями:

1296 г. — церковь Воскресения Христова (западный вход в крепость);

1297 г. — церковь Спаса Преображения (южный вход в крепость);

1305 г. — церковь Покрова Богородицы (юго-западный вход в крепость);

1311 г. — церковь святого Владимира (северный вход в крепость).

Новгородский Кремль в наводнение 1999 г.

Фото автора

Последовательное возведение каменных стен и надвратных церквей было, несомненно, грандиозным строительным проектом, на реализацию которого должны были уйти годы, а возможно, и десятилетия. После строительства на рубеже XIII–XIV вв. четырех надвратных храмов и закладки в 1302 г. каменного города в летописных сообщениях наступает значительный перерыв вплоть до того момента, когда на новгородской кафедре оказался архиепископ Василий Калика. Уже спустя год после своего избрания, в 1331 г., новый архиепископ «заложил город камен от святого Володимера до святой Богородицы, а от Богородицы до Бориса и Глеба». Указание надвратных храмов в описании последовательности строительства стен выглядит аргументом в пользу того, что Василий Калика продолжал дело, начатое его предшественниками на новгородской кафедре. Через два года крепостное строительство, по сообщению летописи, было завершено: «город каменный постави, поспешением божьим, в два лета».

**Сохранившийся фрагмент каменной стены
Торговой стороны Новгорода. XIV в.**

Фото автора

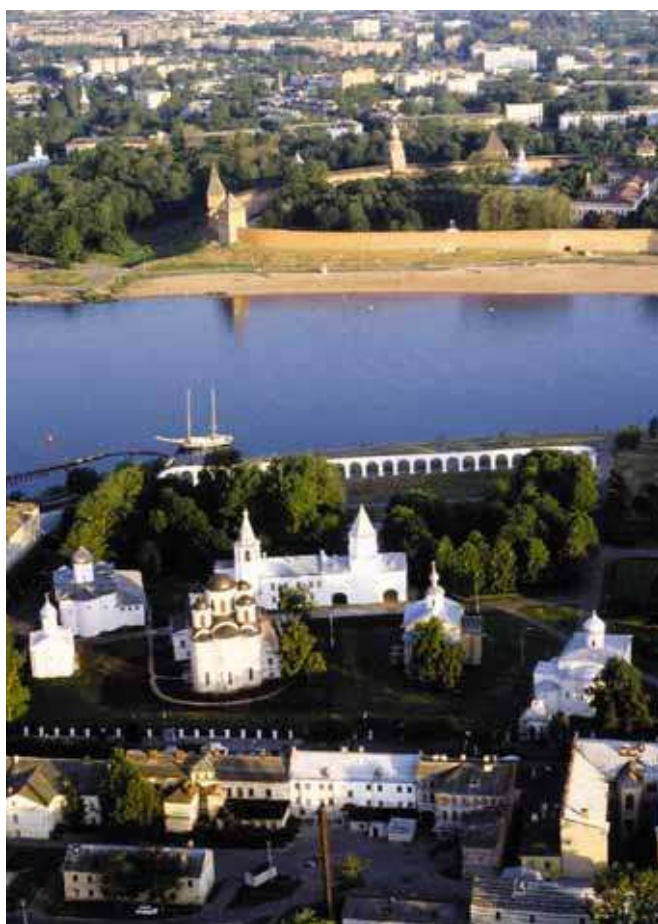
Еще через два года деятельность Василия Калики по усилению крепостной мощи Новгорода проявилась на внешних рубежах города. В 1335 г. владыка совместно с посадником Федором Даниловичем и тысяцким Остафием заложил каменный острог на Торговой стороне. Это строительство, хорошо известное нам по раскопанным А.В. Арциховским и А.Л. Монгайтом фрагментам каменных стен, велось в той же строительной технике, что и в детинце. Вообще, вся строительная активность Василия Калики выглядит хорошо спланированным проектом по совершенствованию оборонительных систем города. Вместе с тем обведение каменными стенами центра Софийской стороны и укрепление юго-восточных рубежей города на Торговой стороне заложило основы новой планировочной системы Новгорода, получившей дальнейшее развитие в конце XIV в., в период сооружения вала и рва Окольного города.

О том, что городские укрепления к этому времени стали действительно «градской вещью»,

ярко свидетельствует сообщение новгородских летописей о строительстве каменных башен-«костров» в 1391 г.: «А новгородци взяли сребра 5000 у святеи Софьи с полатей, скопления владычня Алексеева, и разделиша на 5 концов, по 1000 на конец, и изставиша костры каменные по обе стороны острога у всякой улицы».

5.4.6. Великий мост

Особенности гидрорежима делали исключительно неудобной для мостостроения разделявшую Новгород р. Волхов. Традиционный для Древней Руси наплавной мост оказывался под угрозой сноса сильным течением или льдом, а зимняя переправа по льду просто невозможна, ведь река замерзает лишь при критических температурах (ниже -15°C) и то лишь на несколько дней. Новгородские летописи содержат многочисленные сообщения о катастрофических последствиях наводнений для моста: «Бысть вода велика в Волхове, яко же не бысть бывала николи же, <...> и снесе великого моста 10 городень» (1338 г.); «Того же лета иде лед силенъ изъ озера, и вышибе изъ великаго мосту городню» (1406 г.); «бысть вода велика <...> и снесе Великыи мост» (1421);

Вид на центр Новгорода с птичьего полета. Деревянный Великий мост соединял детинец и Торг в правой части снимка

Фото А. Орлова

«выломи ледом ночь мержею у великого мосту 7 городень» (1436) (Новгородская первая летопись, с. 348–349, 399, 413, 419).

Столь сложные природные условия оказали решающее значение при выборе новгородцами конструктивного устройства моста. Чтобы иметь надежное и непрерывное сообщение между частями города, им пришлось озаботиться сооружением многосезонного моста, причем уже на ранней стадии существования города.

Древнейшее достоверное упоминание моста в Новгороде относится к 1133 г. В последующем мост упоминается регулярно, в основном в связи с его ремонтами и поновлениями после наводнений или пожаров. Название «Великий» появляется лишь в 1220-х гг.: «Тои же осени бысть вода велика въ Вълхове: пойма около озера сена и по Волхову. Тъгда помързъшю озеру и стоявшю 3 дни, и въздре угъ ветръ, изламавъ, вънесе все въ Вълхово, и въздре 9 городень великаго

моста, и принесе къ Питбе подь святыи Николу 8 городень въ ночь, а 9-ю рознесе, месяца декабря въ 8 день, на святого Патапия» (Новгородская первая летопись, с. 67).

О конструкциях мостов через Волхов периода новгородской независимости (X–XV вв.) известно крайне мало, как и в целом о древнерусском мостостроении. Исследователи обычно отмечают, что строительство мостов на Руси началось в глубокой древности, а их конструкции напоминали простейшие «лавы» — перекинутые через узкий проток 2–3 ряда бревен, опирающихся на сваи. Остатки подобных конструкций были обнаружены при раскопках в Москве у древнего ручья Чертороя; сохранялись они до недавнего времени и на Русском Севере (Рабинович, 1976, с. 32).

О стационарных мостах, к которым относят и новгородский Великий мост, в отечественной историографии сложилось устойчивое мнение, что в основе их устройства находились срубные «городни», набитые землей и камнями. В основу этого мнения, по всей видимости, легло употребление в древнерусских источниках термина «городня» как для обозначения мостовых опор, так и для срубных конструкций, использовавшихся в Древней Руси при строительстве крепостных укреплений. Конструкция крепостных городней была детально изучена при раскопках древних стен Новгородского Кремля. Действительно, это были дубовые четырехугольные срубы, заполненные культурным слоем и состыкованные в линию стены (Трояновский, 2001, с. 16–17).

Среди немногих аналогий новгородскому мосту упоминаются остатки срубной городни XVI в., также обнаруженной в Москве. Треугольная в плане конструкция этой городни была обращена острием против течения р. Неглинной, а основанием — к одной из башен Московского Кремля. Сруб был закреплен вертикально врытыми у нижнего венца сваями. Автор публикации отмечает, что подобная конструкция, найденная на берегу, вряд ли использовалась на глубоком месте (Трояновский, 2001, с. 32–33). Кроме того, в исследованиях по истории древнерусского мостостроения принято широко использовать аналогии мостов на срубных быках, сохранявшихся до 1960–1970-х гг. на северных русских реках (Иванова-Везн, 1988). Исходя

из северных аналогий, за Волховским мостом в Новгороде, несмотря на отсутствие каких-либо физических свидетельств, прочно закрепилась репутация моста ряжевого типа (Иванова-Веэн, Хархордин, 2003, с. 203).

В то же время, судя по издававшимся еще в начале XX в. пособиям по деревянному мостостроению, конструктивное устройство мостовых опор выбиралось в зависимости от характера грунта реки. В одном из таких пособий указывается, что ряжевые опоры (быки), применяются «при скалистом и при весьма слабом грунте, не допускающем забивки свай». Конструкция свайных опор (быков) состоит «из забитых в грунт свай и элементов, приводящих сваи в жесткую и устойчивую систему. В России это наиболее употребительный тип быков» (Иванова-Веэн, Хархордин, 2003, с. 203).

Ответ на вопрос о времени появления древнейшего моста Новгорода, а также его локализации связан с более широкой проблемой возникновения и становления городской инфраструктуры. Рассматривая вопрос о локализации моста, нам придется иметь дело с изучением динамики его перемещения, о чем прямо говорят летописные сообщения: «делаша мость вьсь чересь Волхово, по стороне ветхаго, новъ вьсь» (1144) (Патон, Рабцевич, Симинский, 1915, с. 5); «томъ же лете делаша мость новъ чересь Волхово по сторонъ ветхаго» (1188) (Новгородская первая летопись, с. 27).

На Торговой стороне значение центральной магистрали принадлежало Славной улице, в основе которой лежала древняя дорога, соединявшая городище с княжеским двором на территории города (так называемый Ярославов двор). Большинство других улиц пересекали ее под разными углами, устремляясь к берегу Волхова, где находились торговые ряды и пристани. Все это очень напоминает купеческие поселения в разных уголках Балтийского региона.

Из реконструкции уличной сети, созданной на основе многолетних раскопок, очевидно, что уже на начальном этапе истории города уличные магистрали сходились к реке, а главное место в структуре городских коммуникаций занимал мост через Волхов. Без постоянного моста полноценная жизнь города на берегах почти незамерзающей реки была бы невозможна.

Попытки реконструкции трассы древнейшего моста, основанные на исторических сведениях, предпринимались неоднократно, но успешными их назвать нельзя. К сожалению, мы до сих пор не располагаем надежными топографическими привязками местоположения береговых окончаний моста ни на Софийской, ни на Торговой стороне.

Мост — важнейшее звено в системе городских коммуникаций — должен был не только связать берега Волхова, но и установить *via principia* между важнейшими объектами городской жизни. На левом берегу Волхова к числу таких объектов относился детинец (городская цитадель), внутри которого находился главный городской собор святой Софии и епископский двор (Petrov, Troianovsky, 2001, Р. 137–142). К северу и югу от детинца находились два крупных района города — Неревский и Людин концы.

На противоположном берегу Волхова находился Торг — общегородской рынок, тянувшийся

Икона «Чудо от иконы «Знамение Богородицы», изображающая битву новгородцев с суздальцами в 1170 г. Середина XV в.

ся широкой прибрежной полосой. Локализация древнейшей территории городского рынка до конца не прояснена, но уже в XII в. его местоположение очевидно и надежно очерчивается каменными храмами, построенными новгородскими князьями. Планировочная структура общегородского рынка изучена слабо, хотя в 1930–1940-е гг. здесь проводились большие археологические раскопки. Но полученный в них материал был весьма ограничен и не позволяет уточнить расположение различных торговых рядов на плане города (Рыбина, 2001 с. 290–292). Поэтому историки при описании территории рынка в основном оперируют документами XVI–XVII вв. (Семенов, 1936; 1961; Пронштейн, 1957 и др.). По общему мнению, осевой линией рынка был Великий (Пробойный, Сурожский) ряд, являвшийся продолжением Славной улицы и выходивший на Великий мост. Остальные ряды, число которых уже в XVI в. достигало 43, расходились от Великого ряда сложной паутиной, сформировавшейся под воздействием исходного рельефа территории (Петрова, 1999, с. 187–193).

Вид на участок подводных исследований сквозь арку Водяных ворот кремля. Февраль 2006 г.

Фото автора

Таким образом, линия древнейшего моста замыкается между окончанием Великого ряда на Торговой стороне и входом на территорию городской крепости — детинца на Софийской стороне. Но если положение Великого ряда можно считать неизменным (для противоположной точки зрения нет никаких оснований), то местоположение крепостных ворот детинца явно изменялось с течением времени. Полученные в ходе зимних работ 2006 г. первые датированные образцы древесины средневекового периода позволяют предполагать, что в XIII–XIV вв. мост находился примерно на этом же месте. Некоторые соображения могут быть высказаны в отношении общей конфигурации моста. Его тупоугольное очертание, отраженное на рисунках и планах XVI–XVIII вв., возможно, не является первоначальным и служит следствием изменения топографии Софийской стороны, а именно расширения территории детинца и смещения входа в крепость. Это предположение на уровне графической реконструкции уже вы-

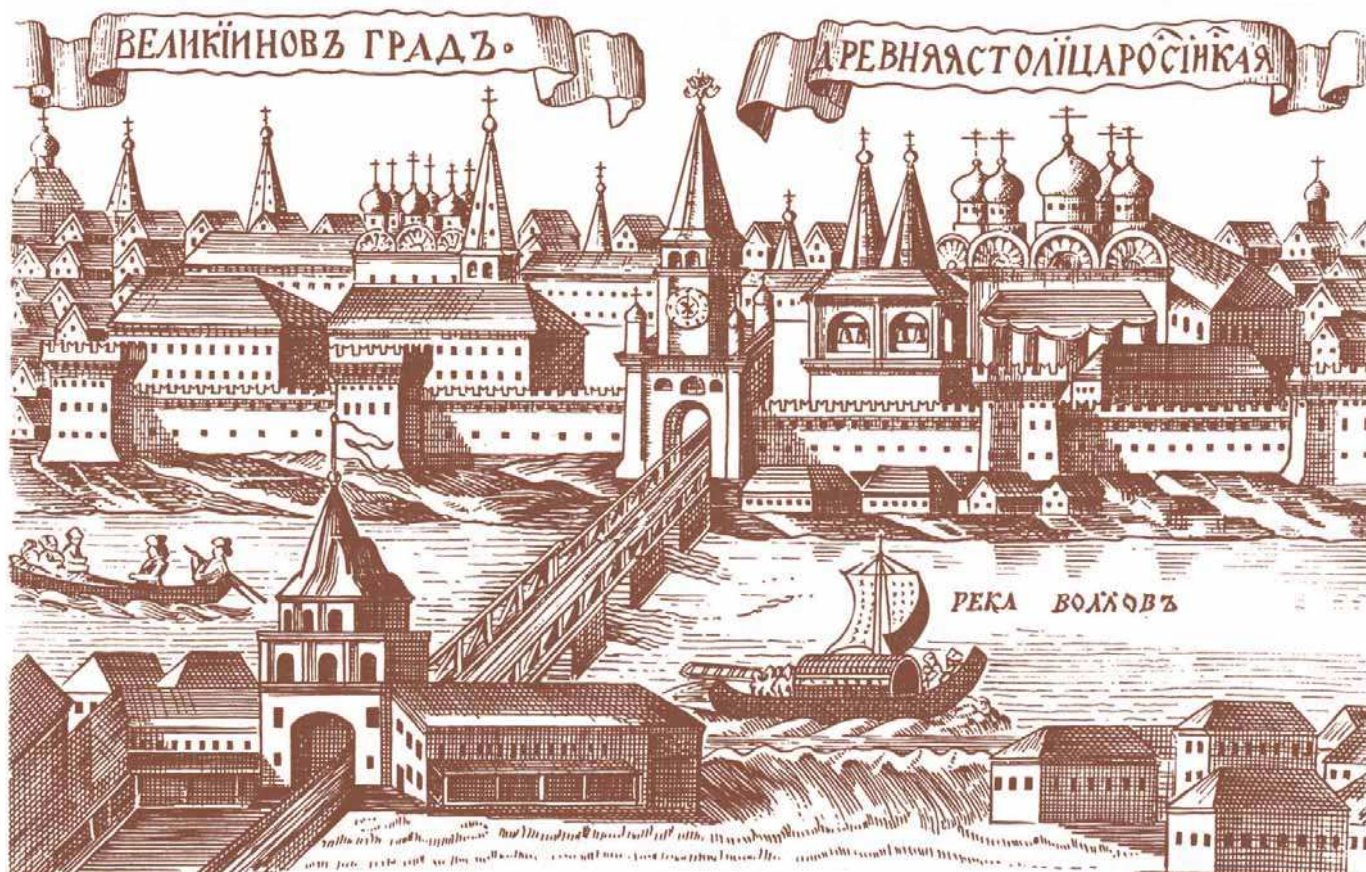
сказывалось и ранее (Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1995). Наши материалы добавляют некоторые археологические аргументы в пользу этой гипотезы, поскольку распределение археологического материала вокруг опоры, находящейся на траверзе южной части кремля, и опоры, следующей в направлении Пречистинской башни, то есть после мостового изгиба, качественно отличаются. Культурные отложения на «поворотном» участке моста практически не содержат керамики ранее XVI в., и количество артефактов эпохи новгородской независимости здесь также незначительно.

Существующие археологические реконструкции уличной сети и планировки средневекового Новгорода в целом также не противоречат подобной гипотезе. Для Софийской стороны и Прусская, и Чудинцева улицы с одинаковой вероятностью могли выходить на Великий мост. Более того, полученные в ходе исследований результаты позволяют расширить круг вопросов для дальнейших исследований. Исходя из местоположения найденной опоры моста XIV в., при дальнейших раскопках открывается возможность доказать или опровергнуть пред-

положение о существовании «прямого» моста в XII–XIII вв.

В изучении вопроса об изменениях местоположения моста существенное значение могут иметь косвенные указания исторических и археологических источников на общий характер градостроительных изменений (планировки и застройки города). Мост как важнейший элемент планировочной структуры города был одним из самых «чувствительных» индикаторов градостроительных изменений, причем не только в XVIII–XIX вв., но и на ранних этапах истории Новгорода. Показательной в этом отношении является ситуация 1330-х гг., о которой пойдет речь ниже: в этот период центральная часть Новгорода переживала коренные изменения (перестройка укреплений кремля в камне, изменение внутренней планировки детинца, возведение наружной линии укреплений города и др.). Не случайным в этой связи является и сообщение летописи о трех последовательных обновлениях Великого моста в 1336, 1337, 1340 гг.

Лубок начала XVIII в. «Великий Новград.
Древняя столица Российская»

Даже при отсутствии прямых указаний на строительство моста или его ремонт следует обратить особое внимание на признаки возможных перемен в планировке прибрежной ситуации и в целом в центральной части города. Вполне очевидно, что наиболее тесно изменения в расположении и конструктивном устройстве должны быть связаны с детинцем и Торгом, являвшимися планировочными доминантами Софийской и Торговой сторон соответственно.

Можно сказать, что в эпоху независимого Новгорода Великий мост выступал индикатором социально-политических перемен, влекущих за собой неизбежное перераспределение контроля над городским коммунальным хозяйством как с точки зрения организации и финансирования мостовых работ, так и с позиций внимания к этому современников, в первую очередь хронистов.

Содержание одного из центральных документов по истории Великого моста — Устава о мостех — посвящено последовательности и «зонам ответственности» улично-мостового мощения в тех частях города, которые имели статус общегородских или публичных территорий: часть городской цитадели (детинец) за исключением епископского двора, Великий мост, Торг и иностранные торговые фактории, а также береговые пристани на Торговой стороне. По мнению В.Л. Янина, главная цель Устава — организовать те магистрали, которые обслуживают Торг. На это как будто указывает в начальной части Устава источник финансирования работ по мощению — оплату должны производить так называемые осменики, сборщики торговой пошлины (Янин, 1977).

В тексте Устава последовательно упоминаются территории, прилегавшие к Великому мосту с обеих сторон Волхова, а также указываются территориальные городские структуры (уличанские общины, пригородные волости и т.д.) и институты городского управления (владыка, софьяне, тысяцкий, посадник), ответственные за организацию этого мощения.

В отношении возможной ответственности городских магистратов за мощение самого Великого моста мнения исследователей разделились. В.Л. Янин считает, что «выбирая между софьянами и тысяцким, вряд ли можно сомне-

ваться в обязанности именно тысяцкого организовывать сооружение и ремонт моста через Волхов» (Янин, 1977). Существует, однако, и прямо противоположная точка зрения. Она принадлежит В.А. Бурову, ссылающемуся на отсутствие в летописях указаний на роль тысяцкого в деле строительства и ремонта Великого моста. По его мнению, мощение мостовых пролетов закономерно находилось в руках владыки и софьян, «если под «софьянами» понимать высших владычных «чиновников» (включая наместников владыки), которые заведовали Домом святой Софии» (Буров, 1994, с. 88).

Наиболее важным и одновременно показательным периодом для изучения влияния мостостроительства на градостроительные изменения является XIV в. По замечанию В.Л. Янина, в этот период времени «борьба вокруг посадничества постоянно принимает форму борьбы Торговой и Софийской сторон» (Янин, 2003, с. 263). Ярким индикатором политического соперничества в это время были одновременные вечевые собрания на обоих берегах Волхова (Новгородская первая летопись, с. 356).

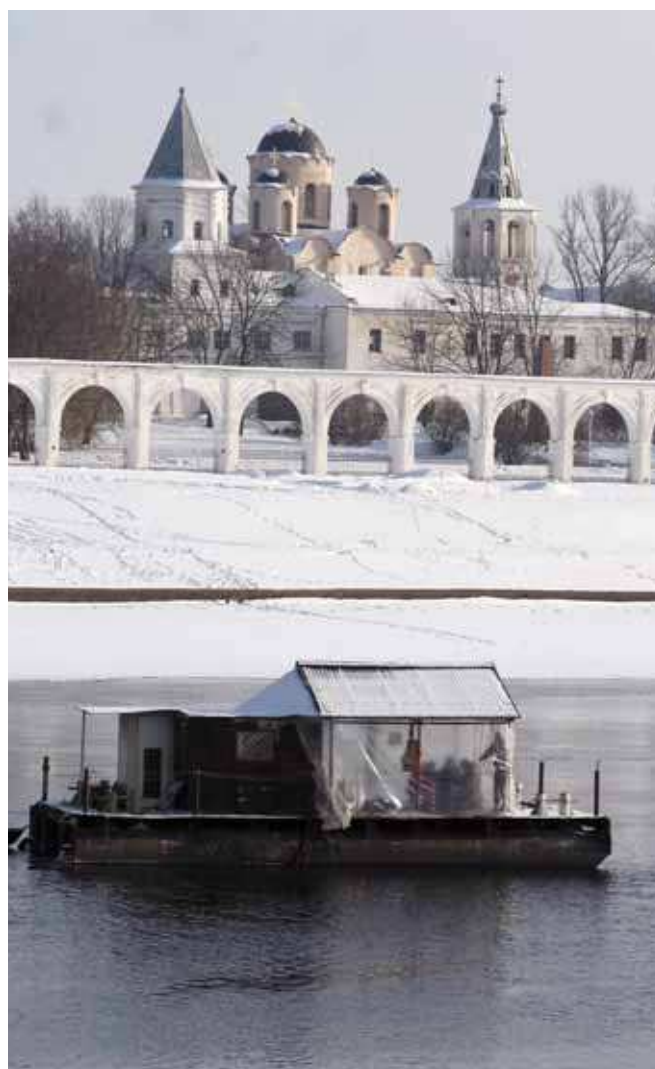
Сакральное значение Великого моста подчеркивается строительством на нем (в части, примыкающей к Софийской стороне) часовни Чудного креста. Еще в 1930-е гг. здесь находился резной липовый крест высотой 2,4 м. Надпись на нем указывала, что крест поставлен в 1548 г. «повелением раба божья Петра Невежина на мосту». Новгородские предания связывали его водружение со строительством Софийского собора (1045–1050) (Муравьев, 1927, с. 30–31). Во время восстания 1418 г. новгородскому архиепископу Симеону пришлось брать этот крест в свои руки, чтобы остановить смуту, возникшую из столкновения простолюдина Степанко с боярином Божиным.

Документы XVI в. прямо указывают на активную торговлю, продолжавшуюся на Великом мосту несмотря ни на что. В частности, в купчей 1591 г. говорится о продаже 1/3 лавки в Лекарном ряду, при этом указывается, что «стоит та моя треть лавчишка в Лекарном ряду на Волховском мосту, идучи с Софийской стороны на Торговую сторону по правые стороны» (Великий Новгород во второй половине XVI в., 2001). Еще одним важным признаком сохранившейся

интеграции Великого моста в торговое пространство города является его систематическое упоминание в качестве ориентира для локализации торговых лавок. Купчая того же 1591 г. на лавку в Шпанном ряду сообщает: «А стоит та моя лавка от Иванна Предтечи идучи к Большому мосту во Шпанном ряду по правой стороне подле Федоровы лавки пирожниковы, а по другую сторону подле Максимовы лавки точилниковы» (Великий Новгород во второй половине XVI в., 2001, с. 191). За этими описаниями просматриваются более древние реалии республиканского периода, когда на мосту также существовала активная торговля, что подтверждается и материалами подводных археологических работ.

Подробное описание Великого моста в московское время содержится в сохранившихся лавочных книгах последней трети XVI в. Перечисление лавок и их владельцев дает яркую картину активной хозяйственной жизни на мосту, в том числе содержит информацию о предпочтениях в торговле на мосту. Упоминаются лавки, содержание торговли в которых обозначено характеристикой владельца (в терминологии документа): детяри, луковники, горшечники или гончары, серебряники, свечники, уксусники, темьянники, воскобойники, замочники, судоплаты, квасники (Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г., 1930, с. 9–10, 129–131). Характер торговли во многих лавках не указан, что, вероятно, связано с широким ассортиментом продававшихся в них товаров. При этом владельцам лавок даны развернутые характеристики, позволяющие установить их социальный статус, например: Федька Семенов — сторож Дьячей избы; Мишук Нос — садовник Государева двора, Ивановский пономарь и др.

Помимо торговых заведений Лавочная книга 1583 г. также упоминает устройство пристаней для судов (насадов) на первых четырех городнях со стороны детинца: «Против каменного города на Волхове на мосту 4 городни солетцких насадщиков и свиноретцких Васьки Тимофеева Малого, да Иванка Омелянова Хобора, да Иванка Нестерова сына мясника с Новинки, да Богдана Иванова сына перевозника, да Тимофея Григорьева сына извозчика с Черницыны улицы и всех солетцких и свиноретцких насадщиков, а оброку 3 рубли».

Водолазная станция-понтон над местом подводно-археологических работ. Февраль 2006 г.

Фото автора

5.4.7. Мост под бурными водами

Великий мост средневекового Новгорода долгое время оставался вне пристального внимания исследователей, поскольку скудная документальная база его истории расплывлена по различным источникам, а археологи не проявляли решимости в изучении его остатков на дне Волхова. Поэтому работы 2005–2006 гг. можно считать серьезным прорывом в изучении одного из важнейших объектов городской топографии Великого Новгорода. Комплексность этого изучения была обеспечена междисциплинарным характером исследовательского проекта и привлечением максимально возможного круга источников. Подводные археологические исследования на дне р. Волхова были начаты в 2005 г. и продол-

**Фрагмент мостовой конструкции XIII–XIV вв.,
обнаруженный при раскопках зимой 2005/06 г.**

Стоп-кадр видеосъемки, оператор А. Степанов

жены в 2006 г. в целях выявления археологизированных остатков Великого моста и следов хозяйственной деятельности средневекового периода на речной акватории.

Исследовательская программа работ финансировалась международным фондом ИНТАС в рамках реализации проекта «Мосты как res publica и их значение в реформировании местного самоуправления в Западной и Восточной Европе». Наиболее важной частью проекта стали подводные работы, которые проводились в два этапа: июнь–август 2005 г. (предварительные инженерно-геологические и дистанционные исследования) и февраль–март 2006 г. (подводно-археологические работы). Одновременно на первом этапе работ проводилось сопоставление имеющейся историко-архивной информации, в том числе планов моста XVIII–XIX вв. с результатами дистанционного зондирования Волховского дна на участке между Новгородским Кремлем и Торгом.

Перед началом подводно-археологических исследований возможных остатков деревянных конструкций Великого моста было установлено, что дно реки в зоне поиска не должно быть покрыто большим слоем ила. Этот вывод,

сделанный на основе анализа инженерно-геологических материалов, значительно облегчил постановку задачи подводно-археологических исследований и упростил их методическую и техническую стороны.

Наличие в распоряжении исследователей перед началом археологических работ детального чертежа 1808 г., во многом повторявшего конструкции его предшественников, существенно облегчало задачу выявления на дне Волхова мостовых опор. В то же время различные природные и исторические катаклизмы (наводнения, непрерывное мостостроительство

с XII до XX в., военные разрушения, прокладка по дну инженерных коммуникаций) позволяли высказать и скептические оценки в отношении перспектив подводных поисков мостовых конструкций. Поэтому, прежде чем приступить к археологическим работам на дне, был проведен цикл дистанционных исследований с использованием различных технических средств.

В результате было получено гидроакустическое изображение-сонограмма дна Волхова на исследуемом участке. При детальном изучении полученного изображения поверхности дна на изучаемом участке выяснилось, что дно реки пересекают две «структуры» техногенного происхождения, которые в целом занимают около 2 га.

Уже первые погружения водолазов показали, что дно реки в местах отсутствия мостовых конструкций сложено гравелистыми песками средней плотности и плотными. Мощность этих песков составляет около 1,5 м. Пески подстилаются озерными суглинками мощностью около 0,5–1,2 м. Все археологические находки приурочены к слою песков. Нижележащие суглинки археологические объекты содержат в незначительном количестве или не содержат вовсе. С точки зрения археологических работ это означало, что поверхность суглинков можно было принять за археологический материк (subsoil), с поверхности которого началась строительная

и хозяйственная активность людей, связанная с историей Великого моста.

При отсутствии ясного представления о конструкции моста до начала археологических работ на дне Волхова можно было сделать несколько предположений. Летописные миниатюры и иконографические изображения Великого моста (XIV–XVII вв.) при их несомненной условности позволяют предполагать два варианта опорных конструкций моста: срубный и свайный. Высота моста явно была небольшой, на что указывает целый ряд сообщений в источниках. В рассказе о «чуде архиепископа Иоанна» говорится, что новгородцы посадили его на плот «низвесивше» с Великого моста (Литература Древней Руси, с. 229). Второй эпизод относится уже к XVI в. и сохранился в составе Псковской первой летописи: «Того же лета в Новгороде была вода велика, потопиша монастыри многие и двory многие, а воду черпали с мосту с Волховского колпаки» (Псковские летописи, 1941, с. 111).

Прежде чем перейти к описанию полученных в результате раскопок материалов, необходимо отметить, что исследование волховского дна на предмет обнаружения остатков средневековых гидротехнических сооружений никогда ранее не предпринималось. Отсутствовала также какая-либо практика подводных археологических работ в Великом Новгороде в целом.

Участок подводных раскопок пришелся на центральную часть русла Волхова. Ширина реки в месте работ составляет около 200 м и изменяется в зависимости от уровня воды. За период работ глубина погружения менялась от 8 до 4 м, скорость течения — от 1,5 до 0,5 м/с, видимость — от 0 до 0,7 м. В столь сложных гидрологических условиях подводные археологические исследования в России ранее не проводились.

Первые три этапа (летний период, июль–август 2005 г.) проводились при очень высоком уровне речной воды и быстром течении, поэтому в основном они сводились к рекогносцировочным мероприятиям — выяв-

лению свайных опор без применения техники, маркированию деревянных конструкций, сбору подъемного материала.

Перерывы между этапами работ использовались для анализа полученных результатов, изучения условий работы в разные гидрологические периоды, корректировки методики исследований. Собственно раскопочные работы были начаты только в феврале 2006 г. Всего за зимний период работ гидромонитором («водяной лопатой») было «промыто» три шурфа общей площадью 51 кв. м.

На начальной стадии работ в результате комплекса геофизических и подводно-технических работ были обнаружены остатки опорных конструкций мостов XIV и XVIII вв., датированных естественно-научными методами. В ходе собственно подводных исследований работ собрана значительная коллекция артефактов (более 450 предметов из железа, цветных металлов, кости, кожи, стекла, камня), датируемых в диапазоне XII–XIX вв.

Для датировки обнаруженных конструкций дендрохронологическим и радиоуглеродным методами в ходе археологических исследова-

Первые находки со дна Волхова. Июнь 2005 г.

Фото А. Орлова

ний 2005–2006 гг. с деталей различных деревянных конструкций на дне р. Волхов был сделан 21 спил. Спилов исследовались в лаборатории дендрохронологии Новгородского археологического центра.

Как показала первичная обработка древесных спилов (выполнена научным сотрудником новгородского Центра по организации археологических исследований О.А. Тарабардиной), три образца действительно являются дубовыми (*Quercus* sp), 18 принадлежат деревьям хвойных пород: сосне (*Pinus silvestris*) — 14 экз. и ели (*Picea abies*) — 4 экз. Возраст образцов колеблется от 29 до 172 лет. Большая их часть имеет достаточное количество годовичных колец для убедительной синхронизации с эталонными моделями новгородских дендрохронологических шкал. Сохранность внешних колец, определяющих датировку образцов, в большинстве случаев удовлетворительная.

В результате проведенного дендрохронологического анализа, выполненного с использованием компьютерных программ DENDRO и CATRAS, датировку получили семь сосновых образцов. Датированные образцы относятся к двум различным хронологическим периодам. Ряд крупных свай поздней группы обнаруживает убедительное

сходство с эталонными образцами поздней части новгородской дендрошкалы (XVIII–XX вв.). В качестве эталонов использовались как живые деревья, так и датированные сооружения XIX–XX вв. из Новгорода и Старой Руссы, для сравнения привлекались и другие материалы, в частности шкала Юго-Восточной Финляндии. Датированные образцы составляют хронологически компактную группу: часть свай с сохранившимися внешними кольцами датируются 1782 г., одна — не ранее 1781, еще одна — не ранее 1778 г. На основании полученных датировок группа хвойных свай, исследованных на дне Волхова, отнесена к последней четверти XVIII в. (не ранее 1782 г.).

Датировку получили также два спила с деталей двух однотипных конструкций из плах (пластин), соединенных с помощью вырубков и крупных нагелей. Плаха из первой конструкции датирована 1286 г., еще одна плаха второй конструкции — 1354 г. Принадлежность образцов эпохе Средневековья не вызывает сомнений: сходство с эталонной хронологией Новгорода характеризуется достаточно высокими коэффициентами.

Таким образом, помимо конструкций XVIII в. в изучаемой выборке представлены две разновременные средневековые конструкции 1280-х и 1350-х гг.

Значительно меньшая коллекция дубовых свай небольшого размера в количестве трех штук была собрана для радиоуглеродного датирования. Образцы дуба — сваи, выявленные в нижней части шурфов 2006 г., обнаруживают существенное сходство тенденций роста годовичных колец с образцами дубовых конструкций XIV в. из культурных напластований Новгорода (материалы Никитинского, Посольского, Троицкого раскопов), что еще до проведения радиоуглеродного анализа позволяло предполагать, что дубовые сваи также относятся к периоду Средневековья.

В результате радиоуглеродного датирования дубовых образцов в лаборатории Института истории материальной культуры (СПб.) выделены два наиболее вероятных хронологических интервала, в которые могли существовать дубовые сваи:

Монетная коллекция из подводных раскопок 2005–2006 гг.

Фото С. Луция

1-й интервал — 1285–1300 гг.;

2-й интервал — 1365–1385 гг.

Оба интервала равновелики. Комбинированная дата, то есть календарный интервал с 98% процентами вероятности — 1270–1330 гг.

На основании обнаруженных конструкций и их датировки впервые можно достаточно уверенно говорить о свайном характере мостовых конструкций XIV в. и, вероятно, средневековых мостов в целом. Выбор свайной конструкции выглядит вполне осмысленным как с точки зрения гидрорежима реки и характера донных отложений, так и исходя из традиционной практики мостового строительства в России. По всей видимости дубовые сваи забивались в грунт на глубину не более 1 м. Способ скрепления свай между собой хорошо известен и был распространен в мостостроении еще в начале XX в. Для придания жесткости свайной конструкции необходимо «расшить» сваи между собой косыми пересекающимися связями из досок (пластин). Именно такие пластины с гнездами и анкерами для скрепления под различными углами и были обнаружены поверх дубовых свай. Важно отметить, что обнаруженные в ходе раскопок

Трехмерная реконструкция дна р. Волхов и раскопанных мостовых опор

Автор С. Луцкий

дубовые сваи XIV в. не завалены камнями, а занесены суглинком и уже затем завалены слоем с керамикой XVI–XVII вв. Из этого следует, что каменная засыпка верхних ярусов опор в это время отсутствовала, что, вероятно, и сказывалось на устойчивости всей конструкции.

Вывявленные дубовые сваи не только маркируют местонахождение одной из опор моста XIV в. и характеризуют конструкцию моста, но и вселяют надежду на результативность дальнейшего поиска мостовых конструкций предшествующего периода. Обломки пластин (плах), соединяющихся дубовыми нагелями, две из которых датированы 1286 и 1354 гг., позволяют осторожно предполагать локализацию более ранних опор несколько выше по течению.

Благодаря первым археологическим исследованиям остатков моста, проведенным в 2005–2006 гг., теперь можно с уверенностью говорить о доступности мостовых конструкций для широкого изучения, в том числе датировки естественно-научными методами. Обнаружен-

ная в ходе подводных раскопок коллекция индивидуальных находок (свыше 450 ед.) и массового материала (керамика, костные останки etc.) представляет собой достаточно емкий объем информации для характеристики «жизни на мосту». Находки печатей и западноевропейских пломб при комплексном подходе к анализу позволяют поймать «в фокус» исторические реалии деятельности городских магистратов по ремонту и содержанию моста.

5.4.8. От подводных артефактов к символам республики

Несмотря на общую скудость письменных известий по истории Великого моста, некоторые исторические обстоятельства его «жизни» в средневековом Новгороде стали доступны благодаря целому ряду находок в раскопках 2005–2006 гг. Прежде чем перейти к описанию находок, заметим, что результаты подводных исследований убеждают нас в том, что археологизация средневековых древностей на дне Волхова, то есть оседание предметов в придонных отложениях не носило стихийного характера, а в основном подчинялось некоторым закономерностям. Выявление всего набора этих закономерностей является делом будущего, но о наличии некоторых из них можно говорить вполне определенно уже после начального этапа работ.

В одном из раскопов на дне Волхова была обнаружена свинцовая вислая печать, точнее, ее половинка. Эта находка относится к категории именных печатей новгородских тысяцких, количество которых весьма невелико: всего известно 38 печатей, происходящих от 25 пар матриц. Волховская печать принадлежит к 1-й группе таких печатей, признаками которой является нанесение на одну сторону печати имени (без отчества) тысяцкого; на оборотной стороне помещается изображение святого. Все известные печати этой группы (5 экз.) принадлежали новгородским тысяцким XIV в.

Известный ранее экземпляр (№ 595а по Своду актов печатей Древней Руси) происходит из раскопок 1995 г. на Андреевском раскопе в Новгороде (Янин, Гайдуков, 1998, с. 90, 195). Эта свинцовая булла сохранилась целиком, ее размеры 26–27 мм, на лицевой стороне хорошо читается надпись «ПЕЧАТЬ АВРАМОВА ТЫСЯЧЬСКОГО».

А - половинка печати из раскопок Великого моста, 2006 г.
Б - печать из Андреевского раскопа, 1995 г.

Печати новгородского тысяцкого Аврама

На обороте изображен святой всадник с копьем, подпись к которому сообщает, что это святой Авраам. В отношении персональной принадлежности «печати Аврама» публикаторы первой находки сообщают: «Источники знают двух тысяцких Аврамов. Один был деятелем 20-х гг. XIV в., другой Аврам Олферьевич — упоминается под 1340, 1345, 1348 и 1350 гг. Не исключено, правда, что это одно лицо» (Янин, Гайдуков, 1998, с. 195). Таким образом, печать со дна Волхова принадлежала тысяцкому Авраму и является вторым экземпляром печати этого типа. Из сравнения оттисков на обеих печатях, в первую очередь очертаний букв, следует, что они выполнены разными матрицами. Характер излома обычен для вислых свинцовых печатей — чаще всего они ломались по линии сквозного канала, через который пропускался шнур, скреплявший опечатанный документ. Наглядный образец устройства буллы до ее «опечатывания» дает еще одна находка (так называемая заготовка печати) из раскопок на дне Волхова.

Находка печати тысяцкого Аврама является несомненной удачей археологов, существенно влияющей на общую оценку результатов подводных исследований. Во-первых, обнаружение печати магистрата, занимавшего должность тысяцкого в 1320–1340-х гг., рядом с мостовыми конструкциями, относящимися (согласно естест-

венно-научным анализам) к XIII–XIV вв., является убедительной перекрестной датировкой.

Именно в XIV в., к которому относится находка нашей печати, произошла резкая перемена в сословной принадлежности тысяцких. Если в XIII в. они избирались из среды так называемого сотенного, то есть непривилегированного населения города, то уже в XIV в. тысяцкие избираются только из числа новгородских бояр, что свидетельствует о повышении престижа должности тысяцкого и постепенном сращивании городских «сотен» с боярскими кланами. Немалую роль в процессе боярского поглощения «сотен», по мнению В.Л. Янина, сыграло церковное строительство бояр, поскольку в состав приходов вновь воздвигнутых храмов входило как население боярских усадеб, так и жители городских «сотен». Таким же «общим» объектом содержания в городском масштабе для представителей боярского и «сотенного» являлся, вне сомнения, и Великий мост.

Из текста Устава о мостех следует, что тысяцкий отвечал за мощение одного из участков центральной части Новгорода. Исследователи сходятся в том, что этот участок продолжался от Великого моста до церкви Иоанна на Опоках, являвшейся центром крупнейшей торговой корпорации новгородских «вощников», а также местом торгового суда. Таким образом, место находки печати Аврама находится если не прямо в зоне юрисдикции тысяцкого, то в непосредственной близости от нее. Можно представить гипотетическую ситуацию, при которой документ, скрепленный печатью тысяцкого, был «распечатан» его адресатом прямо на Великом мосту. Разломанная при этом пополам печать должна была соскользнуть со шнура и вполне могла провалиться в воду между досками мостового настила.

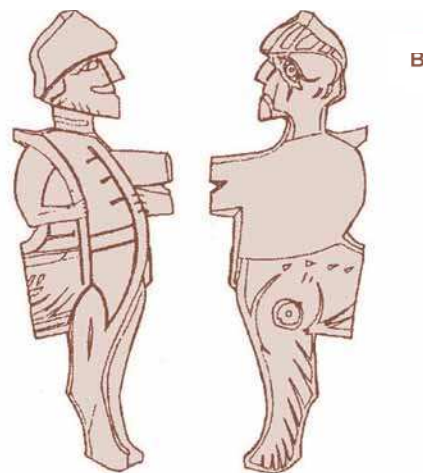
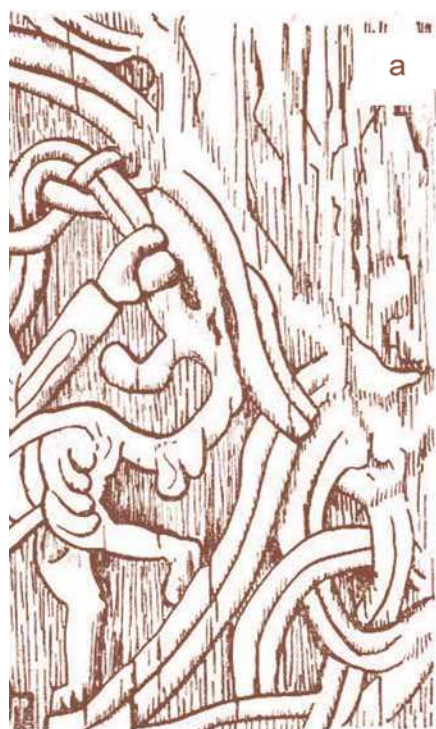
Персональная принадлежность печати вносит некоторые нюансы в историко-археологический контекст находки буллы в районе Великого моста. Независимо от того, действовали в Новгороде с 1320-х по 1340-е гг. два тысяцких Аврама или один, этот период времени отмечен в истории Новгорода всплеском градостроительной деятельности. Как уже отмечалось выше, кардинальные перемены в градостроительстве Новгорода начались с грандиозной

перестройки архиепископом Василием Каликой (1331–1350) укреплений детинца, ставшей этапом перепланировки всей центральной части Софийской стороны. Под 1336 г. летопись сообщает о строительстве нового моста, что выглядит логическим продолжением всей цепочки строительных акций (Новгородская первая летопись, с. 347).

Уместно привести слова Василия Калики из его известного поучения, вошедшего в текст Новгородской первой летописи под заголовком «Послание архиепископа новгородского Василия к владыке тверскому Федору» (Новгородская первая летопись, с. 422–427). В нем он поучает тверского владыку правильному толкованию «мысленного рая», говоря при этом: «Самовидец есмь сему, брате: егда Христос иды в Иерусалим на страсть волную и затвори своими рукама врата градная, и до сего дни не отворими суть» (Новгородская первая летопись, с. 425). Эта фраза помогает понять логику пос-

Прорись сцены Васильевских врат 1336 г.

- а) Фрагмент дубовой резной колонны от портала деревянной церкви. Новгород, Неревский раскоп, XI век.
 б) Деталь цепи паникадила XV-XVI вв. Новгород, Софийский собор.
 в) Обломок деревянной резной фигурки. Новгород, Троицкий раскоп. XI век.

Изображения кентавров — «китоврасов» на различных предметах из обихода новгородцев

ледовательности строительных работ 1330-х гг.: сначала владыка строил каменные стены общегородской крепости (детинца), затем отгораживал внутри нее сектор своего «владычного двора», оформлял проход в него со стороны Великого моста храмом Входа в Иерусалим, а на обращенный к тому же храму и мосту портал Софийского собора навешивал новые меднозолоченые ворота, причем именно с южной стороны — от линии нового моста, нового храма и новой ограды владычного двора.

Находка печати тысяцкого Аврама потянула за собой ниточку «расследования» событий 1320–1340-х гг., как это часто бывает в археологии, явно находящейся в родстве с ремеслом следователя. Одним из наиболее любопытных исторических сюжетов этого периода, имеющего прямое отношение к республиканскому устройству Новгорода, и в том числе к активным символам этого устройства, является набор изображений на меднозолоченых воротах Софийского собора, получивших со временем название Васильевских по имени самого Василия Калики.

Сразу отметим, что сами ворота представляют собой уникальный исторический источник,

поскольку содержащиеся на них изображения наполнены глубоким символическим смыслом. В этом отражена фигура самого Василия, который явно был увлечен неканоническими сюжетами православия и сам является автором «послания о земном рае», которое можно причислить к древнерусским апокрифам. Именно во времена Калики в Новгороде зародилось и начало распространяться на Руси первое еретическое движение, известное под названием стригольничества.

Среди достаточно традиционных изображений сцен из Ветхого и Нового заветов на правой створке Васильевских ворот сохранилась сцена под названием «Китоврас, забрасывающий царя Соломона на край света». Смысл этой сцены достаточно прозрачен: в борьбе кентавра, символизирующего патрона «зодчих», с его «братом» царем Соломоном, первый одерживает верх, забросив мудрейшего из царей за край света, где его затем обрели мудрецы и вернули на трон. Содержание этого апокрифа, известного и в древнерусской литературе, являет собой яркий пример монархомахии, то есть борьбы с княжеской тиранией (Апокрифы Древней Руси, 2006, с. 51–52). Для Новгорода, вступившего в эти годы в ожесточенные конфликты с псковскими и московскими князьями, сюжет с Китоврасом выглядит более чем актуальным.

В то же время изображения кентавров практически с момента основания сопровождают новгородцев в их быту. Среди известных изображений можно упомянуть и резные колонны от несохранившейся деревянной церкви XI в., раскопанной в 1950-х гг., и небольшие фрагменты древних паникадил-люстр Софийского собора, и даже деревянные резные фигурки, украшавшие интерьеры жилищ новгородцев. По мнению искусствоведов, находка значительно раздвигает наши представления о степени знакомства населения Древней Руси с литературным наследием и древнегреческой мифологией, в которой кентавры занимают одно из ведущих мест (Чернецов, 1975, с. 43–46).

5.4.9. Заключение

Изучение средневекового Новгорода ярко выделяется на общеевропейском фоне взаимодополняющим сочетанием исторических и археологических источников. Если бы не начатые в 1932 г. масштабные раскопки, историки до сих пор пребывали бы в полном неведении относительно общих принципов организации городской жизни и деятельности городских магистратов в этом городе, обладавшем республиканскими чертами управления уже в XII в.

Расширение круга источников благодаря планомерным и тщательным археологическим исследованиям спустя 75 лет позволяет говорить об их компенсирующем действии в условиях чрезвычайной бедности письменных свидетельств истории Новгорода X–XV вв. В последние десятилетия проблематика изучения Новгорода претерпевает качественные изменения в связи с накоплением информационной базы. Это позволяет перейти к системному изучению наиболее важных научных тем: возникновение и ранняя история города; его градостроительное развитие в пространстве и во времени; эволюция политических институтов и культурное взаимодействие с восточными и западными соседями. И все же главной темой Новгорода, появившейся еще в эпоху исторического романтизма, остается тема новгородской вольности, республиканства и демократической традиции Северной Руси.

Возникший в исключительно неблагоприятных условиях переувлажненной Ильменской низменности, разделенный быстрой и незамер-

зающей рекой, Новгород не смог бы развиваться в мощный политический организм, если бы его жители с самого начала не озаботились устройством городской инфраструктуры. Уже с середины X в. в городе возникло регулярное мощение деревянных улиц, в XI–XIII вв. появились первые общегородские дренажные системы, в XIV в. город создал по периметру своей территории мощную оборонительную и гидротехническую систему вала и рва Окольного города. Все эти мероприятия и сами сооружения (улицы, дренажи, стены и валы) создавали повседневный фон республиканской жизни, провоцировали бытовые и политические конфликты, стимулировавшие развитие местного самоуправления и республиканских институтов.

5.5. НОВГОРОД И ГАНЗА*

Новгород, возникший на перекрестке важнейших водных путей (путь «из варяг в греки» и Балтийско-Волжский путь), с самого начала своего существования естественным образом был включен в орбиту балтийских связей средневековой Европы. Как сказано современным литератором Б.Е. Киселевым, «Петр I в XVIII в. рубил окно в Европу в том самом месте, где во времена Великого Новгорода двери были настежь».

5.5.1. Доганзейский период

Новгородско-ганзейским отношениям предшествовал долгий период становления и развития торговых, культурно-исторических и политических связей Новгорода с европейским Севером и Западом. В X–XI вв. несомненно тесные культурно-исторические и торговые контакты Новгорода с южной Балтикой, уходящие корнями в далекое прошлое этих регионов, а также торговые и политические связи со Скандинавией. В X в. установились тесные контакты Новгорода с островом Готланд, который на протяжении веков был центром балтийской торговли. Новгородцы имели свое подворье в Висбю (главном городе острова) точно так же, как готские купцы уже в начале XII в. устроили свой гостинный двор в Новгороде, известный в источниках как Готский двор с церковью святого Олафа.

* Автор раздела — Е.А. Рыбина, профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ.

Во второй половине XII в. в балтийской торговле произошли существенные перемены, обусловленные появлением на Балтике немецких купцов. Наряду с Готландом в середине столетия важное торговое значение приобрел город Любек, который начал устанавливать прямые контакты с островом. Большое значение для упрочения торговых отношений Готланда с Любеком имел договор 1163 г., по которому готским купцам предоставлялся ряд привилегий с условием, что они будут посещать Любек. Немецкие купцы охотно посещали готский рынок и даже переселялись на постоянное жительство в центральный город острова — Висбю, основав там в 80-е гг. XII в. свою купеческую общину (*gilda communis*). Обосновавшись на Готланде, немецкие купцы вступили в прямые контакты с давними партнерами готов новгородцами и стали налаживать с ними торговые отношения. В 1188 г. между новгородскими купцами и немецкой купеческой общиной на Готланде произошел конфликт, прервавший едва начавшиеся торговые контакты. Однако взаимная заинтересованность сторон в продолжении торговли потребовала

скорого урегулирования конфликта, и в 1191–1192 гг. был заключен торговый договор от имени князя Ярослава Владимировича, посадника Мирошки, тысяцкого Якова и всех новгородцев с послом Арбудом, с немцами и готами.

Это первый дошедший до нас торговый договор Новгорода с западными партнерами, в котором впервые были закреплены сложившиеся на практике правила торговли. Главное положение состояло в том, что любое спорное дело, возникшее между торговыми партнерами, не должно вести к взаимной конфискации товаров или прекращению торговли. Кроме того, договор предписывал предъявлять иск только виновным лицам, а не любому соотечественнику провинившегося купца.

В результате урегулирования конфликта 1188 г. немецкие купцы получили право устроить по примеру Готского собственный двор в Новгороде, который и был создан в 1192 г. Заключением первого торгового договора с немцами и строительством в Новгороде Немецкого дво-

Любек

ра с церковью святого Петра в 1192 г. начался новый период в западноевропейских торговых связях Новгорода. На рубеже XII–XIII вв. немецкие купцы монополизировали западноевропейскую торговлю Новгорода в Балтийском регионе. Сначала это была немецкая купеческая община, затем городская немецкая община и, наконец, общегородской союз немецких городов, широко известный под названием Ганза.

5.5.2. О Ганзе

Что же такое Ганза? Сам термин по смыслу аналогичен слову «гильдия» и означает союз, товарищество. Однако Ганза, о которой идет речь, с трудом поддается определению, поскольку содержит множество аспектов. Ганза — это не только торговое объединение. В XIII–XVI вв. Европа была пронизана духом Ганзы. Ганзейские города находились в разных странах, существовало ганзейское право, моря бороздили ганзейские корабли, ганзейские купцы влияли на социально-политическое и культурное развитие городов. Регулярно проходили ганзейские съезды, которые не только решали торговые дела, но и занимались сугубо городскими проблемами.

Долгое время формальной датой образования Ганзы считался 1370 г., когда объединенные немецкие города одержали победу над Данией, ознаменовав ее подписанием Штральзундского мира (Штральзунд — один из крупных торговых центров на южном побережье Балтики). В подписании участвовало более 70 немецких городов, составлявших основу Ганзы. На самом деле процесс образования Ганзы в том виде, в каком она была известна во всей средневековой Европе, начался гораздо раньше, и современные историки не берутся назвать точную дату образования Ганзейского союза городов.

Важнейшим этапом на пути создания общегородской Ганзы было создание во второй половине XIII в. союза вендских городов, расположенных на южном побережье Балтийского моря: Любека, Ростока, Висмара, Штральзунда, Грайфсвальда. Особое значение среди них имел Любек, удобно расположенный в устье р. Траве и связанный как с внутренней частью Германии, так и со всем морским побережьем. Это обстоятельство предопределило в дальнейшем ведущую роль Любека в союзе немецких городов.

Наряду с вендскими в течение XIII в. периодически объединялись города других регионов Германии: Нижней Саксонии, Рейнской области, Вестфалии. К концу XIII столетия создались реальные предпосылки для образования общенемецкого союза городов. Однако в первые десятилетия XIV в. группа вендских городов во главе с Любеком, стоявшим в центре объединительного процесса, была отвлечена на борьбу с Данией. Лишь в 1356 г. состоялся первый общеганзейский съезд, в котором участвовало более 70 городов, представлявших различные регионы Германии и Ливонии.

На протяжении XIV–XV вв. Ганза держала в своих руках все нити западноевропейской торговли, будучи главным посредником в торговых связях между отдельными областями Центральной, Восточной и Северной Европы. В XVI в. Ганза стала испытывать сильнейшую конкуренцию со стороны быстро развивающихся Нидерландов и вскоре утратила значение монопольного посредника в торговле между балтийскими странами.

5.5.3. История и характер новгородско-ганзейских отношений

Новгород во все времена был одним из главных партнеров Ганзы. Ганзейцы вывозили отсюда меха, известные во всей средневековой Европе, воск, мед и другие товары. В свою очередь Новгород импортировал западноевропейские ткани, соль, цветные металлы, янтарь, а также сельдь, вина и другие товары.

Новгородско-ганзейские отношения прекрасно документированы разнообразными письменными источниками, в числе которых торговые договоры (19 экз.) и торговые грамоты (33 экз.) конца XII — второй половины XV в., а также многочисленные ганзейские материалы XIV–XV вв., среди которых переписка ганзейской конторы, постановления съездов, торговые и таможенные книги немецких городов. Особое место среди этих источников занимает скра (устав Немецкого двора в Новгороде), которая подробнейшим образом регламентировала пребывание ганзейских купцов во дворах, содержала постановления о правилах торговли различными товарами, предписывала порядок ведения торговли с русскими. Первая редакция скры была принята еще во второй четверти XII в. и состояла всего из де-

Ливонские серебряные монеты

вяти статей. В дальнейшем ее содержание менялось в связи с происходившими изменениями в новгородско-ганзейских отношениях.

В конце XIII в. в результате активной торговой политики Любека немецкая купеческая община, существовавшая в Висбю (Готланд), уступила свое влияние и роль посредника в балтийской торговле городской общине немецких купцов. Тогда же была создана новая редакция скры, узаконившая сложившийся порядок.

Начало XIV в. ознаменовано активной деятельностью немецких купцов по обеспечению безопасности торговых поездок в Новгород. В 1301 г. Новгород гарантировал немецким купцам, от имени которых выступали послы Любека, Готланда и Риги, три сухопутных пути и один водный, «в речках». Замечу, что здесь впервые наравне с прежними партнерами Новгорода (Готландом и Любеком) названа Рига как представитель ливонских городов.

Несмотря на взаимный интерес, торговля между Новгородом и Ганзой неоднократно прерывалась из-за различных конфликтов, главными причинами которых были несоблюдение торговых правил, недовольство условиями обмена, разбойные нападения на купцов, столкновения между иноземными купцами и жителями Новгорода. Кроме того, торговые отношения могли полностью прерываться из-за военных столкновений между Новгородом и его соседями.

В первой половине XIV в. особенно острые конфликты между новгородцами и ганзейскими купцами происходили по разным поводам в 1331 и 1338 гг. Суть первого конфликта заключалась в столкновении немецких купцов с местными жителями, во время которого был убит один новгородец. Разбирательство этого дела длилось несколько дней, в один из которых новгородцы напали на Немецкий двор, уничтожили часть забора, взломали амбары. Новгородцы требовали удовлетворения не только за убитого в драке новгородца, но и за убитого ранее в Дерпте новгородского купца Ивана Сыпа. Немцы отвечали, что они к тому делу не имеют отношения, потому что приехали из морских (а не ливонских) городов.

Спустя семь лет разгорелся очередной конфликт, вызванный ограблением и убийством под Нарвой новгородского купца Волоса с «братиею». В ответ новгородцы заперли немецких купцов в Новгородской церкви и потребовали выдачи убийц и награбленного товара. И хотя арестованные немецкие купцы не имели отношения к совершенному убийству и ограблению, Ганзе пришлось подчиниться новгородцам и выдать в качестве залога такое количество товаров, какое было похищено у новгородских купцов.

Оба конфликта, вызванные разными поводами, в конце концов были урегулированы. Однако их действительная причина — несоблюдение установленных правил торговли — никогда не была преодолена в новгородско-ганзейской торговле. Предусмотренные еще в первом торговом договоре и неоднократно повторяемые правила — предъявлять претензии только к непосредственным виновникам, истцу ведаться с истцом, дело решать там, где оно возникнет, — никогда не соблюдались.

После объединительного съезда 1356 г. немецкие города вплотную занялись делами своих зарубежных контор в Брюгге, Новгороде, Лондоне и обнаружили полную самостоятельность и независимость купцов в вопросах правопорядка во дворах. В связи с этим города приняли различные решения по содержанию дворов, порядку в них и правилам ведения торговли. С этих пор все дела новгородской конторы обсуждались на ганзейских и позже на ливонских съездах.

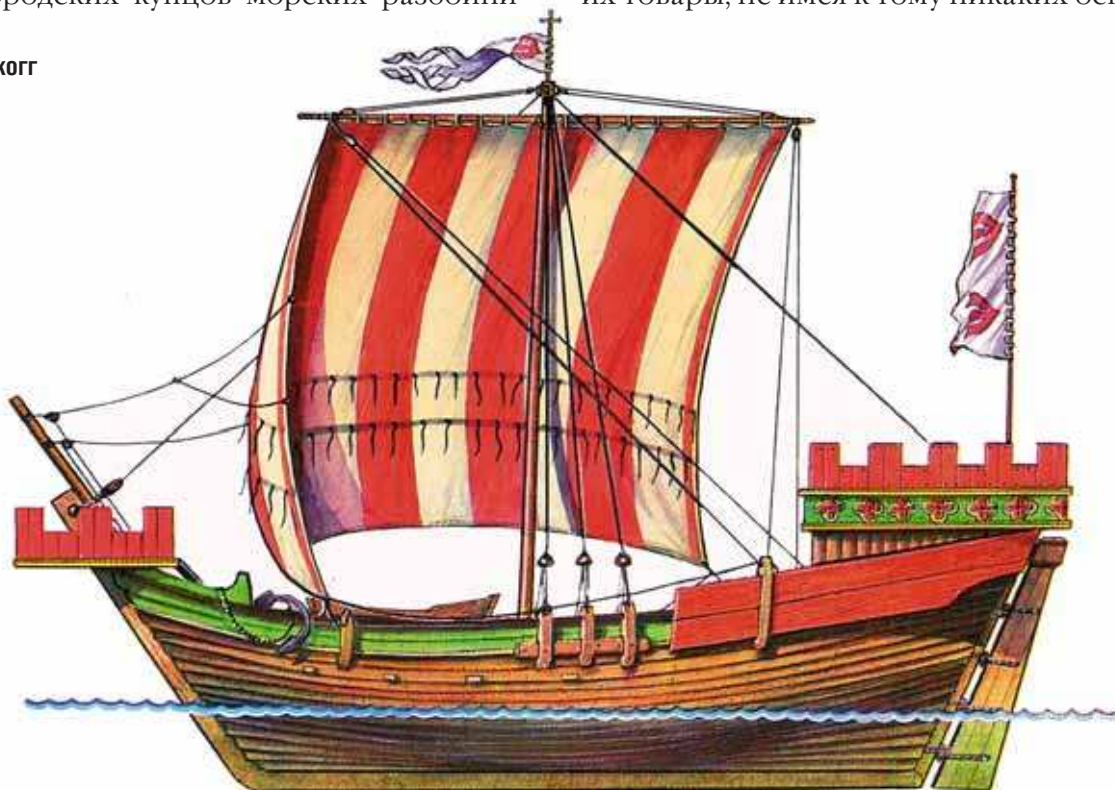
На съезде ганзейских городов в Любеке, проходившем в 1366 г., были приняты многочисленные постановления по поводу контор в Новгороде и Брюгге, а находившимся там купцам были посланы разнообразные инструкции. Главными из них были запрет торговли в кредит, указания о выборах старост, ограничение круга купцов, пользующихся правом двора святого Петра в Новгороде, только гражданами ганзейских городов.

Вторая половина XIV в. изобиловала запретами Ганзы на торговлю с Новгородом: в частности, в 70-е гг. конфликты между Новгородом и ганзейскими купцами следовали один за другим. Еще в 1368 г. магистр Ливонии обратился к Любеку и другим морским городам с предложением прекратить торговые поездки в Новгород в связи с его враждебным отношением к Ордену и католической церкви. Любек согласился. Однако купцы ливонских городов продолжали торговать с русскими в Выборге, Нарве и на Неве, что вызвало недовольство Любека и его жалобу орденскому магистру. С этих пор все отчетливее начали сказываться разногласия между ливонскими городами и Любеком, интересы которых в торговле с Новгородом не всегда совпадали. Отношения между Новгородом и Любеком в это время обострились еще из-за нападения в 1370 г. на новгородских купцов морских разбойни-

ков, отправивших товары новгородцев в Любек. Несмотря на заключенное в 1371 г. перемирие, вернувшиеся в Новгород немецкие купцы снова подверглись притеснениям.

В июле 1375 г. в ответ на арест в Дерпте новгородских купцов и их товаров были арестованы немецкие купцы, находившиеся в Новгороде, о чем последние сообщали в письме Ревелю. Новгородское посольство в Дерпт было безуспешным, новгородские купцы и их товары возвращены не были, что вызвало в свою очередь ухудшение положения немецких купцов в Новгороде. Мало того, в ноябре 1375 г. с согласия посадника и тысяцкого в Новгороде был арестован некий Иоганн Брунsvик, прибывший с зимним поездом торговать в Новгород и не подозревавший о происходивших там событиях. Его товары были перенесены в церковь Иоанна Предтечи, а с ним самим обращались как с преступником. Немецкие купцы обратились с жалобой к новгородскому архиепископу, который выразил сожаление по поводу происшедшего и дал своего человека немцам с тем, чтобы они передали жалобы посаднику. В ответ им было сказано, что, поскольку епископ и рат Дерпта задержали новгородских купцов и опечатали их товары, не имея к тому никаких оснований,

Ганзейский когг

**Ганзейский город Берген (Норвегия). Район ганзейских купцов
Брюгген с сохранившейся деревянной мостовой**

они стали инициаторами конфликта и спровоцировали ответные действия новгородцев. В случае благополучного возвращения их братьев с товарами из Дерпта новгородцы обещали отпустить арестованного Брунсвика и вернуть ему товар. В мае 1376 г. этот конфликт был улажен: новгородский купец в Дерпте был освобожден и отправлен с послами в Новгород.

Описанный случай является конкретным и вместе с тем очевидно типичным примером из практики новгородско-ганзейских отношений. При этом обсуждением и разрешением возникшего конфликта занимались исключительно ливонские города, что отражало их возрастающую роль в новгородской торговле и в руководстве ганзейской конторой в Новгороде.

В 1377 г. произошло новое столкновение между новгородскими и немецкими купцами, приведшее опять к взаимному аресту купцов и конфискации их товаров. В 80-е гг. XIV столетия отношения между Новгородом и ганзейскими купцами продолжали оставаться напряженными. Аресты купцов с обеих сторон следовали один за другим. В январе 1385 г. съезд ливонских городов в Вольмаре полностью за-

претил поездки в Новгород. С этого времени новгородско-ганзейская торговая война не прекращалась несколько лет не только из-за арестов купцов и конфискации товаров, но и из-за взаимного недовольства условиями торговли. В частности, новгородцы жаловались, что они терпят убытки в связи с отказом немецких купцов покупать некоторые сорта мехов. Тогда же новгородцы предъявили немцам претензии в отношении стоимости соли. В свою очередь ганзейцы требовали соблюдения прежних привилегий в торговле. На съезде в Любеке в июле 1386 г. ганзейские города обсуждали вопрос о поездках в Новгород и высказали предложение перенести всю торговлю с русскими в Дерпт и не торговать с ними ни в каком другом месте. Это предложение не получило поддержки, но на съезде в Дерпте в 1389 г. было принято решение запретить поездки на Русь под угрозой потери жизни и товаров, о чем были предупреждены купцы всех городов.

В довершение всего в 1385 г. в Новгороде случился большой пожар, в результате которого выгорела вся Торговая сторона («погоре в Новгороде Торговая сторона вся и церкви вси... лют бо бяше пожар»). И Готский, и Немецкий дворы не только пострадали из-за пожара, но и были разграблены.

Только в 1391 г. состоялись переговоры между новгородцами и немецкими послами в Изборске, завершившиеся в 1392 г. заключением мира. Он вошел в историю под названием Нибурова мира — по имени ганзейского посла Иоганна Нибура, заключавшего договор от имени Ганзы. После подписания мира немецкие послы отправились в Новгород и, как сообщает летопись: «товары свои поймахут, и крест целовале, и начаша дворъ свои ставити изнова: занеже не башет по 7 год миру крепкаго». Нибуров мир наряду с урегулированием конкретных нарушений торговли устанавливал и традиционный, известный по прежним соглашениям, порядок решения конфликтных ситуаций: истцу ведаться с истцом; возникающие между сторонами тяжбы рассматривать там, где они произойдут, и т.д. Что касалось пожара 1385 г. и случившегося при этом грабежа немецких товаров, новгородцы обязывались произвести розыск. Договор 1392 г. на многие годы определил характер торговли и служил основой при решении последующих конфликтов между новгородскими и ганзейскими купцами.

Нибуров мир стал своего рода рубежом в новгородско-ганзейских торговых отношениях, которые с этих пор целиком находились в ведении ливонских городов. Все торговые соглашения между Ганзой и Новгородом, имевшие место в XV в., заключались только послами ливонских городов без участия послов Любека и Висбю. По сложившейся еще в XIV в. практике по всем насущным вопросам — конфликты с новгородцами, финансовые проблемы, дела, связанные с восстановлением дворов, — немецкие купцы обращались в Ревель и Дерпт.

Первое десятилетие XV в. было трудным для ганзейской торговли в Новгороде. Заметно сократилось количество купцов, приезжавших в Новгород, опустела казна святого Петра, вследствие чего купцы не могли даже приобрести необходимые для двора предметы и вынуждены были пользоваться услугами отдельных купцов. В это же время начались и новые конфликты между Новгородом и Ганзой. Характерной чертой новгородско-ганзейских отношений в XV в. явилась более активная позиция Новгорода, что выразилось в требованиях об упорядочении торговли солью, медом, сукнами, об условиях

оплаты носильщиков и лодочников, о розничной торговле и самое главное — в требовании «чистого пути за море». Весь XV в. прошел под знаком непрекращавшихся конфликтов между Новгородом и Ганзой, отмеченных в 1403, 1406–1409, 1410–1412, 1416, 1420–1421, 1424–1425, 1439–1440, 1441, 1443, 1448, 1468, 1478 гг.

Только одно десятилетие после заключения Нибурова мира между партнерами сохранялись стабильные отношения. Уже в декабре 1403 г. новгородцы запретили выезд из Новгорода немецким купцам в связи с жалобой новгородца Ивана Кочерина. Особенно осложнились торговые отношения в 1406 г., когда началась война Литвы и Ордена против Пскова. Хотя новгородцы обещали ганзейцам сохранять гарантии «чистого пути» в своих владениях, весной 1406 г. немецкие купцы были вновь задержаны в Новгороде. Неустойчивое положение немецких купцов в Новгороде сохранялось несколько лет и только в августе 1409 г. отношения были урегулированы в результате заключения договорной грамоты о взаимном возврате захваченных товаров.

Тем временем в Новгороде продолжало расти недовольство условиями торговли, которые не были исправлены заключенным в августе 1409 г. соглашением. Поэтому новгородцы не только ужесточили правила торговли, но в начале 1410 г. в течение четырех недель вообще не вели торговлю, в результате чего в немецких дворах скопилось большое количество товаров и церковь святого Петра была забита ими до отказа. Новгородцы надеялись, что приезд летних гостей заставит ганзейцев пойти на уступки и принять их требования. Новгород пытался воздействовать на Ганзу разными способами, предъявляя претензии как в отношении торговых дел, так и в устройстве ганзейской конторы. Дело в том, что приказчик двора не имел права вести торговлю, но для возмещения расходов ему было разрешено держать во дворе корчму, доходы от торговли в которой шли в его пользу. В описываемый период новгородцы требовали ликвидировать корчму, которая способствовала, по их мнению, возникновению беспорядков, так как ее охотно посещали и русские.

В 1416 г. произошел очередной разрыв в новгородско-ганзейских связях, в результате которого был объявлен запрет на торговлю с Нов-

городом сначала ливонскими, а затем и всеми ганзейскими городами. В свою очередь Новгород запретил поездки новгородцев в Полоцк и Псков, где можно было встретиться с немецкими купцами. В этом конфликте обращает на себя внимание то обстоятельство, что ливонские города самостоятельно, без уведомления Любека, объявили торговую блокаду, что лишний раз подчеркивает их авторитет в этот период в новгородско-ганзейской торговле. Урегулированием конфликта также занимались исключительно ливонские города. Именно ревельские послы заключили в 1417 г. очередной мир с Новгородом также без санкции Ганзы. Таким образом, торговые отношения между Новгородом и Ганзой были восстановлены и жизнь двора святого Петра оживилась.

30-е гг. XV столетия стали переломными в истории новгородско-ганзейской торговли. В связи с усилением конкуренции ганзейскому купечеству со стороны бурно развивавшихся Нидерландов позиции Ганзы в общей балтий-

ской торговле ослабли, что отразилось и на состоянии ганзейской конторы в Новгороде. Поскольку центр новгородско-ганзейской торговли переместился к тому времени в ливонские города, заметно сократилось количество купцов, приезжавших в Новгород, в связи с чем установленный прежде порядок выбора старост и их помощников часто нарушался и контора оставалась без руководства. Все это вынудило ливонские города, которые оставались по существу единственными руководителями конторы, учредить новые должности во дворе святого Петра. Они должны были при отсутствии традиционных выборных старост выполнять их функции. Новой административной должностью стал *Vorstender* (дословно — управляющий или начальник), который следил за соблюдением скры, своевременным внесением налогов, штрафов, назначал наказания, то есть осуществлял юридическую власть во дворе.

Внешне упадок конторы выражался в нарушении порядков двора отдельными, особенно молодыми, купцами, в невыполнении постановлений скры, что можно объяснить отсутствием здесь твердой власти. Молодые люди (*Junge*), обучавшиеся торговому делу, подолгу задерживались во дворе вопреки установленному сроку. Они же продавали вино и пиво бочками и ведрами, что запрещалось постановлениями двора, играли в азартные игры и т.п.

Положение немецких купцов в Новгороде в XV в. с каждым годом ухудшалось. Еще в 1439 г. при установлении новых ворот на Готском дворе возник острый спор между купцами и старостами Михайловой улицы, красочно описанный в донесении купцов в Дерпт и Ревель. Речь шла о захвате уличанской территории немцами во время строительства ворот. На самом деле площадь занятой земли была ничтожной, всего в ладонь шириной; при установлении косяков ворот столбы не помещались на старом месте, поэтому пришлось подтесать мостовую Михайловой улицы, что и вызвало резко отрицательную реакцию новгородцев, призвавших на помощь посадника и тысяцкого. Дело было, конечно, не в величине занятой территории, а в принципе. В эти годы отношения с немецкими купцами постоянно сопровождались взаимной конфискацией товаров и задержаниями

Варка пива. Лицевой летописный свод

купцов, упреками в плохом качестве товаров. Новгородцы ни в чем не хотели уступать немцам, и это сказывалось в любых мелочах.

Значительные перемены, происшедшие в новгородско-ганзейской торговле в первой половине XV в., требовали изменения существующего устава двора святого Петра. Вопрос о новой редакции скры обсуждался на нескольких ливонских съездах начиная с 1450 г. Очевидно, ливонские города, получив официальную власть в управлении новгородской конторой, стремились зафиксировать это юридически в новых постановлениях скры. Состоявшийся в Пернау в 1465 г. съезд принял решение о необходимости подготовки новой скры. Уже в следующем, 1466 г., как сообщают источники, Дерпт, Ревель и Любек с 73 городами, вместе с купцами издали новую скру для двора.

Перемены в новгородской конторе ганзейцев коснулись и самого порядка ведения торговли. Так, еще в начале XIV в. было принято постановление, запрещающее держать во дворе маклера, то есть посредника между продавцом и покупателем. Однако к середине XV в. маклеры были узаконены во дворе. Впервые маклеры упоминаются в документе в 1437 г., а в 1452 г. уже был принят маклерский порядок во дворе святого Петра, в котором определялись права и обязанности торговых посредников.

Грамота об основании ганзейского города Штральзунд

Вторая половина XV в., так же как и предыдущие периоды, была заполнена бесконечными конфликтами, возникавшими во взаимоотношениях Новгорода и Ганзы из-за несоблюдения правил торговли, плохого качества товаров и т.д. Несмотря на повторяющиеся в каждом договоре условия, что военные действия не должны влиять на приезд купцов в Новгород, военные конфликты Новгорода с Орденом постоянно оказывали отрицательное действие на торговлю. Как отмечают исследователи, сосредоточение ганзейской торговли в руках ливонских городов поставило эту торговлю в теснейшую зависимость от взаимоотношений Новгорода с Орденом, который давно уже пытался оказывать влияние на новгородско-ганзейскую торговлю. Особенно ярко эта зависимость проявилась в конце 30-х и в 40-х гг. XV столетия. Так, в 1439 и 1440 гг. последовали запреты Ордена на ввоз соли и лошадей на Русь. В 1441 г. в ответ на обиды, нанесенные новгородцам в Ревеле и Нарве, немецкие купцы были арестованы в Новгороде. После неудачных переговоров новгородских и орденских послов в Нарве в 1442 г. положение ганзейцев ухудшилось: приказчик двора сообщал в Дерпт, что новгородцы угрожают ему смертью.

Аркада Гостиного двора

В 1443 г. на ливонском съезде в Пернау было принято решение о закрытии новгородской конторы, при этом Рига от имени ливонских городов просила Данциг известить об этом запрете остальные ганзейские города. Постановления съезда предписывали немецким купцам покинуть двор, церковь закрыть, а ключи передать, как обычно, архиепископу Новгорода и архимандриту Юрьева монастыря.

Этот конфликт был одним из самых сложных и трудных в истории новгородско-ганзейских отношений. Впервые на время отъезда немецких купцов из Новгорода церковные власти города отказались принять ключи от немецкой церкви и двора, как это было раньше в подобных случаях.

Начавшаяся в 1443 г. война Новгорода с Орденом также ухудшила и без того обострившиеся торговые отношения, но вместе с тем, несмотря на принятый запрет, ганзейские товары продолжали поступать в Новгород через Псков, с которым ганзейские купцы не прекращали торговать. В связи с этим орденский магистр приказал Ревелю закрыть дороги от Ревеля в Дерпт, так как товары, идущие оттуда, попадали

в Псков, а затем в Новгород. Ливонские города и особенно Ревель были недовольны таким положением дел, поскольку терпели большие убытки в связи с запрещением новгородской торговли. Поэтому уже в 1444 г. они предложили магистру прекратить военные действия и заключить с Новгородом мир. Города угрожали орденскому магистру, что в случае отказа они найдут себе другого покровителя. Кроме того, они настаивали, чтобы Орден не вмешивался в торговые дела городов и не путал их с политическими делами страны. После заключения в 1448 г. договора между Новгородом, Псковом и Орденом города занялись урегулированием своих отношений с новгородцами.

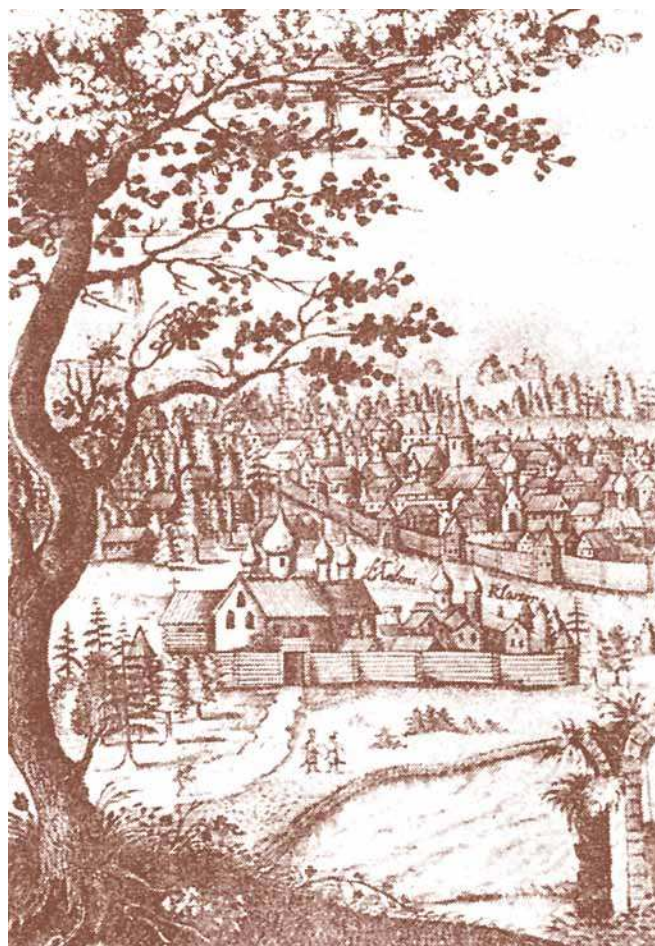
Осенью 1468 г. состоялись очередные переговоры между Новгородом и ганзейскими городами, представленными Дерптом и Ревелем. Новгородцы требовали, чтобы немецкие купцы взяли на себя ответственность за постоянные ущербы, которые терпят они (новгородцы) в торговле с немцами. Послы, возмущенные столь наглым, по их мнению, требованием, велели замуровать, то есть закрыть, церковь и покинули Новгород вместе с купцами. Состоявшиеся в феврале и апреле 1469 г. съезды в Вольмаре и Любеке утвердили это решение. Любекский съезд 1470 г. под-

твердил запрет на торговлю с Новгородом, причем предостерегал от контрабандных поездок к устью Невы. Запрет распространялся и на ливонские города, имевшие обыкновение торговать с новгородцами в период конфликтов. Наконец, в 1472 г. начались переговоры, закончившиеся подписанием мира, последнего торгового договора Новгорода с Ганзой времен независимости Новгорода.

Поход Ивана III на Новгород в 1478 г., в результате которого Новгородская республика утратила свою независимость и была подчинена московскому князю, отразился также на судьбе новгородско-ганзейской торговли в целом и ганзейской конторы в Новгороде и ее жителей в частности. Как сообщали ливонские города в Любек, немецкие купцы с их товарами были задержаны в Новгороде в связи с тем, что великий князь подчинил Новгород своей воле. В 1484 г. проходили переговоры с Новгородом о сохранении дворов и церкви немцев в Новгороде. В ответ на письмо Дерпта по этому поводу из Новгорода пришла грамота, выражавшая желание и согласие новгородцев торговать по-старому.

Необходимо отметить, что после вхождения Новгорода в Московское государство, несмотря на ликвидацию независимости и ломку административного аппарата республики, вплоть до середины 80-х гг. XV столетия оставалась неизменной экономической основа новгородского боярства — землевладение, участие в международной торговле и т.д. Только с выводом бояр и житых людей в 1480–1484 гг. и помещением на их место москвичей произошло коренное изменение всей системы новгородской экономики. В это время изменился контингент торговых людей Новгорода, ведущих торговлю с западными партнерами, что создало дополнительные трудности ганзейским купцам. Им пришлось переориентироваться в новой ситуации, налаживать новые торговые связи.

Регулированием создавшегося сложного положения в новгородско-ганзейской торговле занимались исключительно ливонские города, по инициативе которых в 1486 г. в Москву было отправлено посольство, стремившееся получить у великого князя подтверждение своих старых торговых свобод. В ответ на это Иван III уполномочил своих наместников в Новгороде заключить мир с ганзейцами.

Новгород. Торговая сторона. Гравюра А. Олеария

В 1494 г. ганзейская контора в Новгороде была закрыта по велению Ивана III. В литературе существуют различные мнения по поводу закрытия немецкой конторы в Новгороде, которые особенно подробно рассмотрены в работах Н.А. Казаковой. Исследовательница на основании тщательного анализа всех материалов, связанных с закрытием конторы, пришла к выводу, что оно не было заранее запланированным мероприятием правительства Ивана III, который на самом деле намеревался урегулировать возникший в 1494 г. конфликт мирным путем. И только после казни двух русских купцов в Ревеле, явившейся нарушением условий договора, Немецкий двор в Новгороде был закрыт, а купцы и их товары арестованы.

Во время ареста во дворе находилось 49 купцов из 18 городов, среди которых большую часть (17 человек) составляли представители Любека; из Дерпта было 7 человек, в их числе приказчик двора; по три купца было из Дортмунда,

Коосфельда, Ревеля; Лунеберг, Шеперод, Шверин были представлены каждый двумя купцами; по одному купцу было из Гамбурга, Мюнстера, Брекенфельда, Инна, Дусборка, Франкфурта, Эмеке, Дудерштадта, Грайфсвальда, Лемгардена. Это единственный список, сохранившийся за все время существования конторы в Новгороде, в котором отражено участие городов в поездках в Новгород. Несомненно, что и в прежние, особенно благополучные времена состав купцов был столь же разнообразным. Вместе с товарами стоимостью 96 тыс. марок были описаны и ценности конторы. С закрытием ганзейской конторы в Новгороде в 1494 г. завершился период самостоятельных новгородско-ганзейских связей.

5.5.4. Характер торговли

Ни в русских, ни в ганзейских источниках нет прямых указаний, как и где велась торговля в Новгороде с иноземцами, но многочисленные сведения из постановлений городских съездов, переписки двора, статей скры дают возможность хотя бы в общих чертах восстановить способ и характер торговли. Очевидно, что новгородско-ганзейская торговля была меновой и оптовой, впрочем, как и вообще вся средневековая

торговля. Известно, что ткани продавались поставами, запечатанными специальными пломбами, соль — мешками, мед, вино, сельдь, цветные металлы — бочками. При раскопках на Неревском конце на усадьбах богатой посадничьей семьи Мишиничей-Онцифоровичей в большом количестве были найдены днища дубовых бочек с ганзейскими купеческими знаками. Несомненно, что в этих бочках в Новгород доставлялся ганзейский товар, который богатые новгородцы покупали оптом. Оптовая продажа была характерна даже для таких мелких штучных товаров, как перчатки, нитки, иголки, которыми разрешалось торговать ученикам купцов в клетях. Названные предметы должны были продаваться дюжинами, сотнями, тысячами штук. Русские товары также закупались большими партиями: воск — кругами, меха — сотнями шкурок.

Вместе с тем розничная торговля, судя по некоторым данным, также имела место. В 1416 г. новгородское вече объявило запрет на ведение розничной торговли немецкими купцами. В отчете ливонских послов о переговорах с Новгородом в 1436 г. содержится просьба, чтобы и в будущем «немцам было разрешено вести мелкую торговлю, где они могут, как это было раньше». Видимо, немецким купцам в прежние времена было разрешено вести торговлю в розницу, но в XV в., в связи с общим ужесточением торговых правил со стороны русских, такая торговля была запрещена, о чем купцы жаловались немецким городам.

Поскольку торговля была оптовой, то купцам не было необходимости выходить со своим товаром на рынок. Судя по статьям скры, основным местом торговли был иноземный двор, куда приходили новгородские купцы, чтобы договориться о сделках и забрать товар. Немецкие купцы приобретали новгородские товары также непосредственно на усадьбах русских партнеров. В скре говорится, что купцу нельзя было выходить на покупку с братом, компаньоном или своим помощником, но обязательно с другим купцом. Выбранный товар нельзя было забирать в течение трех дней, пока не было получено согласие другого купца, с кем отправлялись на покупку.

Особенно строго следила скра за соблюдением менового характера торговли, то есть торговли «наличный товар за наличный товар»

В лавке. Гравюра А. Олеария

(rade umme rade). Впервые запрет брать что-либо в долг у русских появился еще во второй и третьей редакциях скры. В 1318 г. на общем собрании купцов в Новгороде было принято решение, категорически запрещающее торговлю в кредит под угрозой конфискации товара, купленного таким незаконным способом. В дальнейшем это правило постоянно возобновлялось и включалось во все редакции скры. Торговля в кредит не раз обсуждалась на городских съездах, и всякий раз она решительно запрещалась под угрозой потери товара и доброго имени купца. Вместе с тем постоянное возобновление правила торговли «наличный товар за наличный товар» свидетельствует, что оно также постоянно нарушалось купцами. Известны конкретные случаи торговли в кредит: например, в 1406 г. двор жаловался в Ревель, что два ревельских купца торгуют с русскими в кредит. В связи с этим в 1407 г. на съезде городов было принято очередное решение, чтобы при торговой сделке оба товара (покупаемый и продаваемый) были налицо («один товар рядом с другим») и поставлять их нужно было не иначе как через порог. В XV в. это правило продолжало нарушаться, что заставило города усилить меру наказания. В 1453 г. было вынесено постановление, карающее за торговлю в кредит «высшей мерой без всякого снисхождения».

Что касается регулирования юридических взаимоотношений между иноземными гостями и новгородцами, то, судя по нормативным источникам, разрешение споров в торговых делах целиком находилось в компетенции тысяцкого и купеческих старост Новгорода. В статьях договора 1269 г. отмечалось, что «кончать ссору» между немцами и новгородцами следует во дворе святого Ивана (церковь Иоанна Предтечи на Опоках) перед тысяцким. Только пристав тысяцкого имел право приглашать провинившиеся стороны на суд.

Немецкие купцы также постоянно настаивали на том, чтобы место купеческого суда было во дворе святого Ивана и нигде в другом месте, «перед тысяцким и двумя старостами немецкими». Дело в том, что на практике торговые споры часто приводили к столкновениям и конфликтам, влекущим за собой нарушения не только торгового, но и уголовного законодательства, а в этом случае требовалось вмешательство

Церковь Иоанна Предтечи на Опоках

новгородских властей. Изучение договорных грамот Новгорода с западными контрагентами, начиная с древнейшей, конца XII в., и кончая документами XV в., свидетельствует, что в разборе конфликтных дел новгородцев с иноземцами активно участвовали высшие власти Новгорода, включая князя или княжеского наместника, посадника и тысяцкого. О том же говорят и донесения ганзейской конторы, касающиеся описания конкретных конфликтов.

5.5.5. Ганзейская контора и ганзейское купечество в Новгороде

Ганзейская контора в Новгороде была одной из крупнейших в Европе наряду с конторами в Бергене, Брюгге и Лондоне. Ее основу составлял, несомненно, Немецкий двор с церковью святого Петра, основанный, напомним, еще в конце XII в. Готский двор, устроенный почти на столетие раньше, оставался собственностью Готланда и сдавался в аренду немецким купцам. Оба двора находились на Торговой стороне города неподалеку от Ярославова дворища: Готский двор с южной стороны, на берегу Волхова (на месте нынешней гостиницы «Россия»), Немецкий — с восточной стороны дворища (напротив Никольского собора и церкви Параскевы).

Готский и Немецкий дворы, расположенные внутри чуждого, а порой и враждебного им города, служили своеобразными крепостями для иностранных купцов. Они были огорожены высокими прочными частоколами, поддержание которых в порядке было одной из постоянных забот немецкого купечества во все время существования конторы. Главными зданиями внутри обоих дворов были церкви: на Готском — святого Олафа, на Немецком — святого Петра. В церкви святого Петра наряду с казной конторы, церковными ценностями, архивом двора хранилось также и большинство ганзейских товаров. Сама церковь не раз служила надежным убежищем для немецких купцов во время конфликтов с новгородцами, о чем свидетельствуют разнообразные документы.

Кроме церквей во дворах находились помещения для жилья, амбары для хранения товаров (в частности соляные амбары на Готском дворе), пивоварня, мельница и даже больница. Некоторые конкретные представления о сооружениях и предметах, сопровождавших быт ганзейских купцов, были получены во время раскопок Готского двора в 1968–1970 гг. За три года был исследован участок общей площадью 552 кв. м, на

Ганзейский город Штральзунд

котором в ходе раскопок были открыты частокол, два сруба, руины каменной башни и большая коллекция западноевропейских предметов.

Приезжавшие в Новгород из разных городов ганзейские купцы представляли собой во дворе единое немецкое купечество, которое руководствовалось во всем статьями скры и общими постановлениями и возглавлялось wybranymi из его среды старостами. Торговать в Новгороде и жить во дворах имели право только купцы ганзейских городов, всегда стремившихся к монопольной торговле с русскими. Во всех редакциях скры и в переписке городов настойчиво повторялся запрет вступать в компанию с неганзейцами, особенно с голландцами и фламандцами — главными конкурентами Ганзы, или привозить их товары в Новгород. Нужно сказать, что даже не все ганзейские города пользовались одинаковыми правами во дворе. Чаше других посещали Новгород и пользовались преимуществами купцы из ливонских, вендских, вестфальских городов, в то время как купцы из прусских городов, также входивших в Ганзу, были ограничены в торговле в Новгороде. Им запрещалось, например, привозить польские сукна, чтобы не создавать конкуренцию. Купцы ганзейских городов, редко посещавшие Новгород, имели от своих магистратов рекомендательные письма для получения права торговать в Новгороде. Так, в 1437 г. г. Бреслау (ныне Вроцлав) рекомендовал принять во двор некоего Андреаса, слугу бреславского гражданина, отправленного в Новгород по торговым делам своего господина, «так как наш город Бреслав и мы все принадлежим немецкой Ганзе».

Купцы подразделялись на зимних и летних гостей, из которых первые прибывали в Новгород осенью во время последней навигации или с первым санным поездом, а покидали город весной. Им на смену приезжали летние гости. Поначалу существовал только морской путь из Балтики по Неве в Ладожское озеро, затем по Волхову в Новгород, но уже в начале XIII столетия упоминается «горный» путь, то есть по суше. Поначалу морские гости имели преимущества перед сухопутными, что зафиксировано в первых редакциях скры. Однако постепенно разница между морскими и сухопутными гостями стерлась, тем более что с начала XIV в. немецким купцам обеспечивались «чистые» пути по суше.

Ганзейский когг в Любеке около 1350 г.

Купцы различались не только по принадлежности к той или иной городской общине, но и по их социальному положению. Основную группу купеческого сословия, торговавшего в Новгороде, составляли Meistermanner, самостоятельные купцы, имевшие собственный капитал и товары. Каждый из них мог привезти с собой двух человек, называемых Knecht или Knabe (буквально — слуга), на самом деле выполнявших обязанности не личных слуг купца, а его помощников по торговле. В другом случае это были Junge, то есть молодые люди, обучавшиеся торговому делу и помогавшие самостоятельным купцам.

Трудно сказать, какое максимальное число купцов могли вместить оба двора. Обычно источники называют около 150 человек: например, в зиму 1336/37 г. во дворе находилось 160 человек, в 1425 г. — от 116 до 150, самую большую цифру — 200 человек — называет документ 1439 г. Очевидно, 150–200 человек было обычной нормой для проживания на Немецком и Готском дворах в благополучные времена. С упадком конторы в XV в. количество купцов, приезжавших в Новгород, заметно сократилось, что было отражено даже в скре.

Поначалу при отсутствии мест для проживания на Немецком или Готском дворе не запрещалось останавливаться на постой и в новгородских усадьбах. Факт размещения немецких купцов у жителей Новгорода зафиксирован при археологических раскопках 1972–1974 гг. соседнего с Немецким двором участка, расположенного на нынешней Михайловой улице. Здесь в слоях

XIV в. в значительном количестве найдены западноевропейские бытовые предметы, несомненно свидетельствующие о проживании на данной усадьбе немецких купцов. Однако со временем был введен запрет на использование ганзейцами новгородских усадеб для жилья и хранения своих товаров. Данное ограничение было вызвано тем, что в первой половине XV в., когда запреты на торговлю с Новгородом следовали один за другим, находились купцы, вопреки этим запретам приезжавшие в Новгород и размещавшие свои товары в русских дворах. Сохранились две жалобы (1421, 1431 гг.) купечества ганзейской конторы на купцов, проживавших у русских. Это заставило ливонские города на съезде в Вольмаре в 1434 г. принять решение о запрещении размещать немецкие товары в русских дворах и назначить штраф за невыполнение этого решения.

На рубеже XIV–XV вв. в крупных городах Германии стали появляться объединения купцов, специализировавшихся на торговле с тем или иным городом или с той или иной страной. В одном только Любеке в начале XV в. насчитывалось около 10 таких объединений, среди которых было и новгородское. Купцы, ведшие торговлю с Новгородом, назывались *Nowgorodfahrer* (буквально — те, кто ездит в Новгород). В Штральзунде в купеческой церкви святителя Николая над скамьями купцов, совершавших торговые поездки в Новгород, находился деревянный резной фриз с изображением новгородцев, охотящихся на пушного зверя, собирающих мед и доставляющих эти товары на Немецкий двор. В руках охотников — деревянные лук и стрелы, аналогичные тем, которые обнаруживаются при археологических раскопках.

Условия проживания немецких купцов в Новгороде определялись, с одной стороны, интересами ганзейского купечества и принятым во дворе порядком, с другой — зависели от взаимоотношений с купцами и жителями Новгорода и от распоряжений новгородских властей. Ганзейские города всегда стремились к монопольной торговле с Новгородом и поэтому старались исключить какую бы то ни было конкуренцию не только со стороны неганзейских купцов, но и внутри самого ганзейского товарищества. В частности, срок пребывания в Новгороде был ограничен одним сезоном, то есть зимним или летним периодом. Правда, предусматривались

возможные задержки купцов, но и в этом случае максимальный срок пребывания во дворах не должен был превышать одного года и дня, в противном случае купец лишался права посещать контору. Точно так же была ограничена стоимость ввозимых товаров — тысяча марок и не больше. Купец, нарушивший это правило, лишался товара, который переходил во владение двора; кроме того, виновному запрещалось впредь привозить свой товар в Новгород. Эта мера была вызвана заботой о сохранении стабильных цен на ганзейские товары. Только в критической ситуации, когда ганзейская торговля стала приходить в упадок, города разрешили повысить общую стоимость товаров до 1500 марок.

Что касается новгородских условий, то они определялись стремлением Новгорода держать под контролем немецких купцов и, кроме того, обеспечивать доход новгородцам. Отъезд немецких купцов из Новгорода целиком зависел от воли города, так как им было предписано пользоваться услугами только новгородских носильщиков при переносе товаров во дворы и обратно. Кроме того, ганзейские суда не поднимались по Волхову в Новгород, а оставались в устье Невы или у порогов, где происходила перегрузка товаров в новгородские ладьи, управляемые новгородскими лоцманами. Это правило облегчало новгородцам возможность задержания немецких купцов в Новгороде в случае необходимости, чем они неоднократно пользовались на протяжении всего периода торговли с Ганзой. Первоначально плата за переноску товаров была строго определена договором 1269 г. (15 кун на Немецкий двор, 10 кун — на Готский). В IV скре плата за разгрузку товаров устанавливалась в 15 кун и не больше. Однако в XV в. новгородские носильщики самостоятельно назначали цены за разгрузку и погрузку товаров, что вызывало постоянные нарекания со стороны ганзейцев. Кроме того, немецкие купцы были недовольны и тем, что не имели права сами переносить свой товар, как это было заведено в ганзейских городах.

5.5.6. Заключение

Новгородско-ганзейскую торговлю можно оценивать двояко: с одной стороны, несомненно большая взаимная заинтересованность сторон в торговле, с другой — история новгородско-

**Вид Староладожской крепости с правого берега р. Волхов.
Акварель Д. Иванова и А. Ермолаева**

ганзейских отношений изобилует постоянными конфликтами, запретами на торговлю, частыми столкновениями между иноземными купцами и жителями города. Практически за всю историю новгородско-ганзейской торговли не было ни одного спокойного десятилетия, когда бы не предъявлялись взаимные претензии, не проводились взаимные конфискации товаров, аресты купцов и т.д. Во время самых острых конфликтов ганзейские купцы закрывали церковь и дворы, забирали с собой все ценности и архив конторы, покидали Новгород. Новгородцы в свою очередь стремились задержать ганзейцев до удовлетворения своих требований. Но всякий раз даже самые напряженные конфликты и длительные перерывы в новгородско-ганзейской торговле (например, в конце XIV в., когда с 1385 по 1391 г. партнеры находились в состоянии торговой войны) заканчивались переговорами и заключением очередного торгового соглашения.

Точка в новгородско-ганзейских торговых связях была поставлена Иваном III в 1494 г., когда ганзейская контора в Новгороде была закрыта, ганзейские купцы и их товары арестованы и отправлены в Москву. Через 20 лет, в 1514 г., ганзейская контора вновь была открыта в Новгороде, но это была уже совсем другая страница и в истории Новгорода, и в истории Ганзы.

5.6. СТАРАЯ ЛАДОГА*

Среди древнерусских городов Ладога, основанная в середине VIII в., особенно примечательна. Она входит в число древнейших упоминаемых в летописи городов и выступает и как предтеча некоторых из них.

Почти за 1000 лет до основания в 1703 г. Санкт-Петербурга Ладога была первым «окном в Европу» славян-русских, ключевым городом-портом на великих трансконтинентальных путях — Балто-Онежском и Балто-Днепровском. В создании Ладоги воплотилась «балтийская идея» славян получить выход к Балтийскому морю, к свободным связям с Западной Европой, Скандинавией, Западно-Славянским Поморьем. В первые века русской истории Ладога, своеобразный «вольный город», преобразующим образом повлияла на процессы экономической и культурной интеграции народов Евразии, на развитие мировой торговли и судоходства.

Велико значение Ладоги на начальных этапах русской истории, но оно этим не исчерпывается. С самого начала своего существования Ладога выступала как один из важных центров цивилизации стран Балтийского региона. В Европе это время было эпохой «бури и натиска». Рождались государства, города, ремесла, формировались

* Автор раздела — А.Н. Кирпичников, доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН. Фрагмент из книги А.Н. Кирпичникова и В.Д. Сарабьянова «Старая Ладога. Древняя столица Руси» (СПб., 2003).

новые общественные силы, устраивались ближние и дальние, военные и торговые экспедиции. Торжествовали и творили чудеса свободное общество людей, рыночная экономика, частная инициатива. Всеобщий подъем коснулся и населения Нижнего Поволжья. В Ладогу обитатели бескрайних северных лесов свозили лучшие в мире меха. Всему лесному северу этот город поставлял ювелирные изделия, оружие, предметы быта. Вскоре Ладога стала европейски известным складочным местом различных грузов и центром транзитной и собственной торговли. Ее особенностью было отсутствие аграрного окружения. Экономика Ладоги в первые века ее существования была ориентирована на внешние связи и обеспечение судоходства. Быть может, поэтому археологи не обнаружили в Ладоге характерных для городов земледельческих комплексов и крупных дворов бояр. Владельцами домов, судя по раскопкам, были в основном социально уравненные свободные горожане, занимавшиеся коммерческой и производственной деятельностью.

Расположенное на стыке морских и речных путей Ладожское поселение служило местом контакта различных этнических групп и культур и само являлось базой и рынком для налаженного производства и продажи «эко-

номических» ценностей, особенно мехов. Здесь организовывались торговые поездки, осуществлялись сбыт и обмен местных и привозных товаров, развивались специализированные ремесла, преимущественно ювелирное и кузнечное. Все это выдвигало раннюю Ладогу в число наиболее преуспевающих торговых и рыночных центров средневековой Европы наравне с такими балтийскими городами, как датский Риге и шведская Бирка.

В первые сто лет своего существования Ладога была едва ли не единственным крупным поселением на севере Восточной Европы. Восточные и западные источники (включая древнерусские) в повествованиях о событиях, происходивших в VIII–IX вв., отмечают север Восточной Европы как зону растущей политической и торговой активности (Кирпичников, Великий Волжский путь...). Из этих мест в Багдад везли меха и мечи, а названные в одном арабском описании «ал-лудаана», возможно, купцы-ладожане, по торговым делам ездили в Хазарию, Константинополь и Испанию. Во многом загадочная, но поддающаяся расшифровке Иоакимовская летопись сообщает о существовании на Севере «великого города»

Урочище Сопки. Слева — так называемая могила Олега Вещего

и доваряжской княжеской династии. Весьма вероятно, что не позднее первой трети IX в. Ладога стала центром Русского каганата — раннегосударственного образования, возникшего в Восточной Европе на северном отрезке Великого Волжского пути.

О послых этого каганата византийский император Феофил в 839 г. писал королю франков Людовику Благочестивому. По верному замечанию Г.С. Лебедева, «Ладога второй половины VIII в., несомненно, была направляющим центром событий, развернувшихся от Скандинавии до Прикаспия, а к 830 гг. — дотянувшимся до Константинополя и Ингельгейма» (Лебедев, 2002, с. 33).

В эпоху раннего Средневековья Ладога развивалась усилиями разных этнокультурных и социальных групп и представляла в тот период своеобразный разноязычный Вавилон, поражающий не межобщинной рознью, а уживаемостью основного населения славян и отчасти финнов со скандинавами, западными славянами, булгарами и другими представителями тогдашнего мира. Здесь произошла историческая встреча людей Запада и Востока, породившая животворные достижения в области духовной и материальной культуры.

Находки, связанные с первым столетием жизни Ладоги, как и вся ее культура этого и последующего периодов, полиэтничны. Здесь при раскопках найдены средиземноморские бусы, фризские гребни, скандинавские бронзовые фибулы-застежки, железные гривны с молоточками скандинавского бога-громовержца Тора и другие изделия. С Востока привозились гирьки, стеклянные подвески-лунницы, перстни и бусы из сердолика и горного хрусталя. С южного побережья Балтийского моря в Ладогу поступал янтарь, частью обрабатывавшийся на месте. Встречаются здесь и финские украшения (кресала, гребни, копоушки, булавки, подвески).

Как попали те или иные изделия в Ладогу: как товары или как собственность постоянных жителей? И каких именно жителей? За вещами археологи пытаются определить носителей культурных традиций. Сортировка находок, связанных с первыми ладожанами, свидетельствует о наличии трех главных материальных компонентов в культуре ранней Ладоги: славянском, скандинавском и финском. Конечно, не обя-

Деревянные игрушечные мечи, железное двушипное копье, бронзовый наконечник ножен меча с изображением птицы IX—X вв. Раскопки Н.И. Репникова, В.И. Равдоникаса, В.П. Петренко

зательно за каждым даже этноопределяющим предметом предполагать местного жителя или приезжего чужеземца. Люди того времени охотно пользовались изделиями разных народов и культур. Однако если такие изделия в находках не единичны, то это уже не случайно.

Тысячи обломков славянской глиняной посуды представлены во всех напластованиях Ладоги. Особое внимание обращают на себя женские височные кольца и некоторые украшения женского убора, которые могут служить устойчивым этноопределяющим признаком. Именно по таким вещам устанавливают присутствие славян в составе первоначальных ладожан. Таково, например, бронзовое серповидное кольцо с семью отверстиями для подвешивания трапцевидных подвесок. Такие кольца характерны для кривичей, пришедших в Ладогу из более

Фигура Рюрика из группы «Основание Руси» памятника «Тысячелетие России». 1861–1862 гг. Новгород

южных областей. Аналогичного происхождения круглая бронзовая бляха с выпуклостью в центре и симметричным глазковым орнаментом. К ней приближается по оформлению и технике отделки своеобразное височное кольцо полулунного очертания (Мачинский, Мачинская, 1988, с. 52).

Выделяются также не единичные для Ладоги бронзовые и серебряные провололочные кольца со спиральным завитком. Древнейшие украшения этого рода (VII—VIII вв.) зафиксированы между Балканами и Днестром и попали на Верхний Днепр и в Ладогу вместе с переселявшимися на Север южными славянами (Мачинский, Мачинская, 1988, с. 50). В X в. подобные провололочные кольца стали общерусским украшением (Кирпичников, 1980, с. 452–455). Таким образом, предметы женского убора помогают выявить славянское присутствие в первоначальной Ладоге, что поразительным образом соответствует упоминанию в летописном «Сказании

о призвании варягов» двух племен — словен и кривичей, по-видимому, принявших вместе с финскими племенами участие в формировании этого центра.

Ладожские находки позволяют сделать еще одно наблюдение. Замечено, что провололочные и лунничные височные кольца встречены в Дунайских землях. В Ладогу эти женские украшения попали скорее всего опосредованно, в процессе славянской миграции, затронувшей разнородное славянское население, что подтверждает и летопись. Недаром предания о Дунае-батюшке были широко распространены в ряде восточнославянских регионов (Седов, 1995, с. 229–238). Входила в эту зону, где встретились ильменские словени и полоцко-смоленские кривичи, и Ладога. В этой связи интересно следующее недатированное известие Воскресенской летописи: «пришедше словени с Дуная и седше у озера Ладожскаго и оттоле прииде и седоша около озера Илменя» (Полное собрание русских летописей, 1856, с. 256). Конечно, трудно представить, чтобы словени из пределов Юго-Восточной Европы вышли к берегам Ладожского озера, минуя Ильменскую область, однако их выдвижение к устью Волхова действительно было очень ранним и запечатлено как в археологических, так и особенно в письменных источниках. Как бы то ни было, летописные известия о поселенцах Северного Поволжья, думается, раскрывают этническое происхождение основной части населения Ладоги как славянского, что, конечно, не исключает присутствия здесь и некоторого числа норманнов и представителей других племен и народов. Скандинавы в Ладоге появились, по-видимому, рано. Они искали дорогу на Восток, в богатые серебром мусульманские страны. Среди этих пришельцев были бродячие ремесленники, а также торговцы, приезжавшие на сезонные ярмарки. Считать этих людей основателями Ладоги не приходится, тем более что, как известно, они в чужих землях городов, как правило, не основывали, а селились в уже созданных. Присутствие норманнов в Ладоге станет особенно заметным в связи с событиями середины IX в.

Торговая необходимость, лежавшая в основе происхождения и развития Ладоги, и мощные импульсы международных культур повлияли на

ускоренное формирование города, минуя его раннюю эмбриональную фазу развития.

К поселениям в Северном Поволховье можно смело отнести слова хрониста Адама Бременского, адресованные городу Волину на южном побережье Балтики: «Приезжие получают равные права с местными жителями, лишь бы только, находясь там, не выставляли напоказ христианской веры (горожан хронист причислял к язычникам. — АК). ...Что же касается нравов и гостеприимства, то нельзя найти людей честнее и радушнее. В этом городе, полном товарами всех северных народов, есть все, чего не спросишь дорогого и редкого» (Хрестоматия по истории Средних веков, 1949, с. 42–43). Многоязычие, веротерпимость, процветающая местная и дальняя торговля, активное предпринимательство — таковы черты не только Волина, но и некоторых других бурно растущих городов, в том числе и Ладоги.

В Ладоге с удивительной быстротой научились изготавливать то, что пользовалось спросом в близких и далеких регионах. Кроме того, этот город привлекал размахом своего торжища.

С Запада в Ладогу и через нее на русские и восточные рынки везли вооружение, чаще всего мечи с ножнами, украшения (некоторые типы стеклянных бус, бронзовые черепаховидные фибулы-застежки и др.), предметы туалета (костяные гребни, копоушки-уховертки, булавки, игольники), стеклянные кубки, ткани, янтарь и, вероятно, невольников.

С Востока (точнее, из Нижнего Поволжья, Подонья, Закавказья, Прикаспия, областей Переднего Востока и Средней Азии) в Северное Поволховье и страны Балтийской Европы доставляли серебряные монеты — дирхемы, наборные пояса, бусы из горного хрусталя и сердолика, раковины каури, стеклянные лунницы, снаряжение для всадников и коней, возможно, шелк, парчу и другие ткани, пряности, предметы роскоши. Сама Ладога нуждалась в сырье: кричном железе, кости, янтаре, серебре, олове и меди. На ладожском торжище пушнина (меха соболей, белок, куниц, горностаев, лисиц, бобров), бусы, костяные гребни, украшения из металла, оружие, воск, янтарь и, вероятно, рабы продавались (или менялись) приезжим купцам за дирхемы, частью же отвозились в страны Запада и Востока самими ладожанами.

Торговая активность ранней Ладоги выраźnie прослеживается по найденным при раскопках восточным монетам. В тот период основной платежной единицей служили арабские дирхемы. На них имелись надписи: цитаты из корана, данные о правителе, при котором чеканилась монета, дата чеканки. Производились монеты по большей части на территории нынешних Ирана, Ирака, Афганистана, Средней Азии. Через Каспий и Кавказ, по рекам Русской равнины они распространялись в Восточной Европе и главным образом через Ладогу проникали в страны Балтийского региона. При этом две трети ввозимого в Восточную Европу серебра употреблялись на внутренние нужды славянского общества и лишь оставшаяся треть попадала на Запад.

Показательно, что в Старой Ладоге и ее окрестностях в разные годы найдено не менее 7 кладов и порознь 34 куфические монеты. В общей сложности насчитывается около 467 найденных монет. Эти находки датируются VII–XI вв., а по времени сокрытия или потери — второй половиной VIII — XI в. (Кирпичников, 1995, с. 41). По концентрации находок кладов

Стена крепости начала XII в. с «торговой аркой»

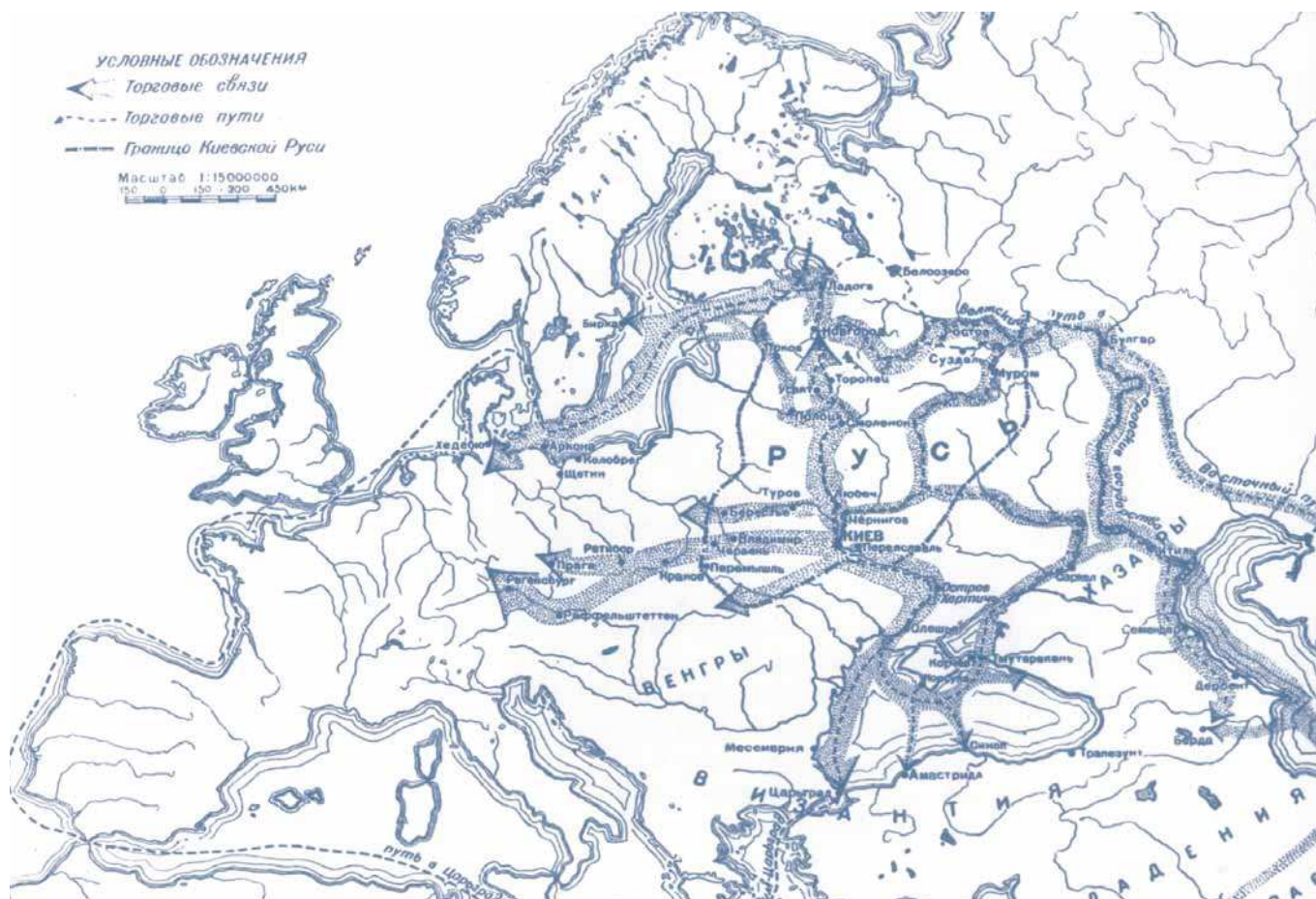
и отдельных монет, соответствующих первым трем векам ее существования, Ладога не знает себе равных как среди русских городов, так и среди городов и торговых мест Балтийского региона.

Примечательно, что в Старой Ладоге найдены монета (в отложениях 750–760 гг.), изготовленная в Дамаске в 699–700 гг., и клад из 28 целых и 3 обломков дирхемов, чеканенных в 749–786 гг. Эти монеты, одни из самых древних среди до сих пор встреченных в Восточной Европе, с учетом времени распространения и всякого рода случайностей свидетельствуют о начале международной «серебряной» торговли, достигшей низовьев Волхова не позднее 750–760-х гг. Именно Ладога — один из первых центров Русской равнины, где дирхемы зафиксированы сразу же, как только началось их распространение в странах Восточной и Северной Европы. Найденные в Ладоге монеты попали в Нижнее Поволжье по Великому Волжскому

пути, а следовательно, его поэтапное функционирование началось скорее всего до середины VIII столетия. Именно этот начальный поток арабского серебра привлек в Ладогу викингов, сделав ее для них своеобразными «серебряными» воротами в далекие, сказочно богатые страны Востока.

Лидирующее значение Ладога сохраняла и в последующий период (IX–X вв.) широкой евразийской монетной торговли. Распространено мнение о том, что обычно сокровища прятали в связи с военными осадами, боязнью нападений вообще. Между тем, судя по археологическим раскопкам, сокровища находились в домах и могли каждодневно использоваться в качестве обменного и платежного средства. Иногда человек желал сохранить серебро в тайнике на время своего отсутствия или в ожидании наиболее благоприятной коммерческой ситуации. Правдоподобно, что часть своих ценностей пришельцы могли прятать перед отъездом на родину, чтобы в дальнейшем, по возвращении, располагать своим капита-

Карта торговых путей Руси X–XI вв. (по Б.А. Рыбакову)

лом. Именно таким, скрытым в мирное время до очередной надобности, кажется многопудовый клад, обнаруженный на берегу Ладожского озера в 1809–1810 гг. Изучая монеты Восточной Европы, американский нумизмат Т. Нунан выяснил, что в кладах, зарытых в Восточной Европе между 780 и 899 гг., около 85% дирхемов отчеканено до 860 г. (при этом многие — до 820 г.), что предполагало активную торговлю Руси с участием своих и приезжих купцов со странами Ближнего Востока в 750–850 гг. (Нунан, 2002).

А вот факт, не бесполезный для изучения функционирования северного участка Великого Волжского пути, проходившего через Ладогу. По подсчетам Т. Нунана, 125 млн исламских серебряных монет в течение X в. было экспортировано из Средней Азии в Северную Европу (экспорт в весовом отношении составлял ежегодно 3750 кг серебра, для чего требовался эквивалент в виде 500 тыс. шкурок меха высшего качества) (Thomas Noonan). Можно представить громадный объем и интенсивность движения ценностей, которые по преимуществу провозились тогда через Ладогу. Несомненно, что в этой международной коммерции не могли не участвовать жители этого ключевого маршрутного города.

Возникнув наряду с другими раннегородскими образованиями на Балтике как разнотническое торгово-ремесленное поселение на трансевропейской магистрали, Ладога в силу особенностей своего расположения стала сначала форпостом Балтийской цивилизации на пути к богатствам Востока, затем политическим центром складывающегося Русского государства и, наконец, крупным древнерусским городом с населением около тысячи человек. В отличие от многих синхронно с ней возникших поселений такого рода Ладога не меняла своего местонахождения, и жизнь в ней никогда не замирала.

Характерной особенностью хозяйства Ладоги была ориентация на внешние связи и отсутствие сколько-нибудь заметной роли земледелия. Безусловно, известное ладожанам в достаточно развитом виде земледелие в окрестностях Ладоги затруднялось природными условиями, мелкоконтурными сельскохозяйственными угодьями и не лучшими для возделывания подзолисты-

Железный амулет-молоточек Тора, серебряная фибула с длинной иглой и каменная форма для отливки платёжных слитков X в. Раскопки А.Н. Кирпичникова

торфяными почвами. Сельскохозяйственные возможности населения Нижнего Поволжья нельзя, однако, преуменьшать. Выборочные археологические разведки выявили здесь плотную береговую заселенность в эпоху Средневековья, в полосе течения реки, на протяженности почти 60 км. Прилегающие к Волхову угодья и долины впадающих в него речек, очевидно, были вполне пригодны для самодостаточных сельскохозяйственных занятий населения.

При всем этом основу ладожской экономики составляли дальняя и ближняя торговля и обмен и в какой-то мере сбор даней с окрестного финноязычного населения. Отношения с последним, наряду с другими, ранее уже оговоренными факторами, стимулировали развитие в Ладоге косторезного, деревообрабатывающего, кожевенного, а особенно кузнечного, бронзолитейного и стеклодельного ремесел.

Во время раскопок, проводившихся Староладожской археологической экспедицией в 1973–1975 гг., Е.А. Рябинин добрался до самых глубоких слоев Земляного городища и неожиданно почти на самом материке, то есть на непотрево-

женном основании, сделал сенсационную находку: остатки кузнечно-ювелирной мастерской с беспрецедентным по разнообразию и редчайшим для своего времени (750-е гг.) набором из не менее чем 28 инструментов ремесленника-универсала. Вместе находились 7 клещей, 2 сверла, наковаленка, 3 ювелирных молоточка, 2 зубила, ножницы для резки металла, 2 волочильные пластины для протягивания проволоки, тигли. Там же находились ножи, гвозди, наконечники стрел, корабельные заклепки, литые украшения (Рябинин, 1994, с. 5). Судя по всему, в мастерской производились не только кузнечно-слесарные, но и ювелирные работы. При этом осуществлялся полный цикл обработки изделий из черных и цветных металлов, включая плавку, ковку, сварку, волочение проволоки, разрезание металла, литье из бронзы, свинца и олова. Мастерская по всей видимости работала сезонно, в теплое время года, а ее владельцем мог быть бродячий мастер (или мастера), занимавшийся среди прочего ремонтом и починкой кораблей. Археологическим подтверждением этому служат согнутые пополам сверла. Очевидно, они были слишком длинные, и мастер, сняв деревянные рукояти, согнул их так, чтобы они помещались в какой-то походный футляр. Вероятно, это было сделано при отъезде ремесленника из Ладоги. О происхождении мастера однозначно сказать трудно. В зоне мастерской найдены серповидное кольцо, колпачковидная и трапециевидная подвески, сходные с такими же находками в смоленских длинных курганах VIII–IX вв. Другой адрес — скандинавский — указывает обнаруженное вместе с инструментами бронзовое антропоморфное навершие какого-то изделия, возможно пинцета. Рассматриваемый производственный комплекс знаменует собой начало городского ремесла с непрерывным циклом изготовления изделий, разделением труда между мастером и подмастерьем, производством не только на своем, но и на привозном сырье (отливки с использованием меди, бронзы и олова). Перед нами наглядная иллюстрация того, чем занимались первые ладожане еще в предвикингский период (эпоху викингов обычно датируют концом VIII — первой половиной XI в.).

В культурных напластованиях Ладоги найдены остатки и других мастерских по изготов-

Части «большого дома», его очаг. 2002 г.

лению бронзовых и стеклянных изделий, обработке кожи и кости. При раскопках, которые проводит Староладожская археологическая экспедиция в настоящее время, почти во всех жилых постройках постоянно встречаются тигли, льячки, иногда ремесленные инструменты, а также куски янтаря, заготовки из кости, обломки бронзы, полуобработанные бусы, капли стекла и бронзы, литейные формочки и тому подобное. Очевидно, что владельцы этих построек занимались ювелирным и отделочным ремеслом, иногда сразу нескольких разновидностей. Можно предполагать, что эти дома служили жильем и одновременно мастерскими, в которых ремесленники изготавливали различные украшения. Комплексное многоассортиментное ювелирное ремесло составляло одну из основных, если не главную сферу деятельности ладожан как в VIII–IX, так и в X вв. Характерно, что курганы

Юго-Восточного Приладожья, принадлежавшие финнам-чуди, наполнены бусами, застежками, браслетами, подвесками, гребнями, топорами, копьями, ножами либо произведенными в Ладогe, либо поступившими сюда через этот город.

Постоянство, с каким в раскопках встречаются различные деревянные и костяные фигурки людей, птиц, коньков, орнаментированные блюда, фигурные стержни, рисунки на досках человеческих личин и зверей, свидетельствует о желании наших далеких предков окружать себя не только строго функциональными, но и эстетически привлекательными вещами. Подтверждают это, например, костяное навершие с изображением бегущего оленя (Васильев, 1995, с. 22–24), фигурка из рога в виде тюленя(?), навершие с головой дракона (Давидан, 1966). Одно из деревянных наверший в виде мужской головы считают идолом. Однако какие-либо атрибуты бога здесь отсутствуют (Древности Северо-Запада России, 1995). Напротив, некоторые другие образцы «малой пластики» имели культовый смысл как домовые, обереги, символы небесных, водных или иных сил. Обращают на себя внимание детские деревянные игрушечные мечи, копирующие настоящее оружие. На одном клинке в подражание подлинному весьма правдоподобно вырезано клеймо в виде поперечных и наклонных черт (Рябинин, Предметы вооружения...).

Мода была интернациональной. Для носителя украшений зачастую не имело значения, где были сделаны украшения, лишь бы они по своей отделке соответствовали его положению в обществе. Неудивительно, что славяне могли носить парные скандинавские фибулы, скрепляющие бретели сарафана, а скандинавы щеголяли в «русских шапках», отороченных мехом, и в накидках и рубахах из восточного шелка и византийской парчи. Богатством нередко выделялись золоченые бронзовые скандинавские фибулы овальной формы, украшенные разновидностями ленточного и звериного орнамента. Одну из таких фибул удалось обнаружить на Земляном городище во время раскопок 1984 г. Эта вещь оказалась очень редкой. Немногие аналогии, найденные на Оркнейских островах, в Норвегии, Швеции, Британии, Исландии, относятся к IX в. Горожане широко пользовались костяными расческами, которые выделялись в самой Ладогe, а также привозились из стран Балтийского региона. Спинки гребенок обычно покрывались кружковым или геометрическим орнаментом (Давидан, 1962, с. 95–108). Эти предметы личного туалета были неременной принадлежностью свобод-

**Инструменты из ювелирно-кузнечной мастерской 750 г.
Раскопки Е.А. Рябинина**

ного человека, носились при себе и большими единообразными партиями распространялись по всей Европе.

В раскопках встречены и необычные художественные изделия. Таково найденное на Земляном городище в слое второй половины X в. ребро животного с изображением на одной стороне растительного узора, а на другой — стрелы. При гравировке рисунка мастер, очевидно виртуоз высшего класса, с помощью немногих линий добился эффекта стремительного движения стрелы, ее полета. Возникла даже идея использовать это динамичное изображение в гербе Старой Ладogi. Ребро с описанными начертаниями не имеет какой-либо функции. Возможно, перед нами проба резца, упражнение или эскиз будущей композиции. К такого же рода «пробным эскизным» произведениям относится и трапецевидное лезвие топорика, выполненное не из металла, а из сланца. Этот частично сохранившийся предмет найден неподалеку от описанного выше ребра в остатках деревянной постройки, возможно ювелирно-отделочной мастерской. На одной стороне топорика — плетение, собранное в затейливый узор, на другой — плетенка, сгруппированная по

сторонам центральной полосы. Можно думать, что мастер или подмастерье намечал на камне рисунок будущей отделки боевого топорика. Узор похож на учебный: не все линии поместились в заданном пространстве, да и выполнен узор с долей схематизма. Характерно, что на обеих вещах отсутствуют элементы скандинавского звериного орнамента и, наоборот, выступает ленточный узор, который в дальнейшем будет присущ русскому ювелирному искусству. Обе находки, а подобного рода художественные вещи в городах Киевской державы не единичны, убеждают, что поиски собственного стиля наместились не позже X столетия. К произведениям уже сформировавшегося «национального» художественного ремесла относится золотая трехбусинная (сохранились две бусины) серьга, найденная в 1994 г. на Земляном городище. На шаровидных бусинах серьги напаяно множество мельчайших капелек зерни. Работа требовала большого умения, точности и терпения. Даже на небольшом расстоянии детали серьги зернь и скань (оплетка из тонкой проволоки) почти неразличимы. Серьга воспринимается будто в ореоле таинственного мерцающего свечения. Видимо, такого зрительного эффекта, усиленного декоративностью самой вещи, и добивался ее создатель. Яркой, можно сказать, многоцветной ковровой гаммой красок отличались стеклянные, янтарные, сердоликовые и хрустальные бусы.

Излюбленными были орнаментированные полосками и глазками, а также однотонные бусы — зеленые, синие, бордовые, золото- и серебро-стеклянные. Добавим сюда желтый, зеленый, синий, серо-голубоватый бисер. Извлеченные из земли, эти украшения в большинстве своем выглядят так, словно они только что сделаны. Бусы, несомненно, были популярны и доступны, но некоторые ценились особо. Известно, что чем больше нитей носила женщина, тем выше оценивалось благосостояние ее семьи. Спрос на бусы удовлетворяли их массовым привозом из разных стран Европы и Азии. Их изготавливали и на месте, правда, частью на импортном сырье. В раскопках неоднократно находили капли стекла, незаконченные или бракованные экземпляры.

Ни один древнерусский город или поселение VIII–IX вв. не может сравниться с Ладогой по степени сохранности своих построек. Благодаря

Бусы. Стекло. Сердолик. X в.

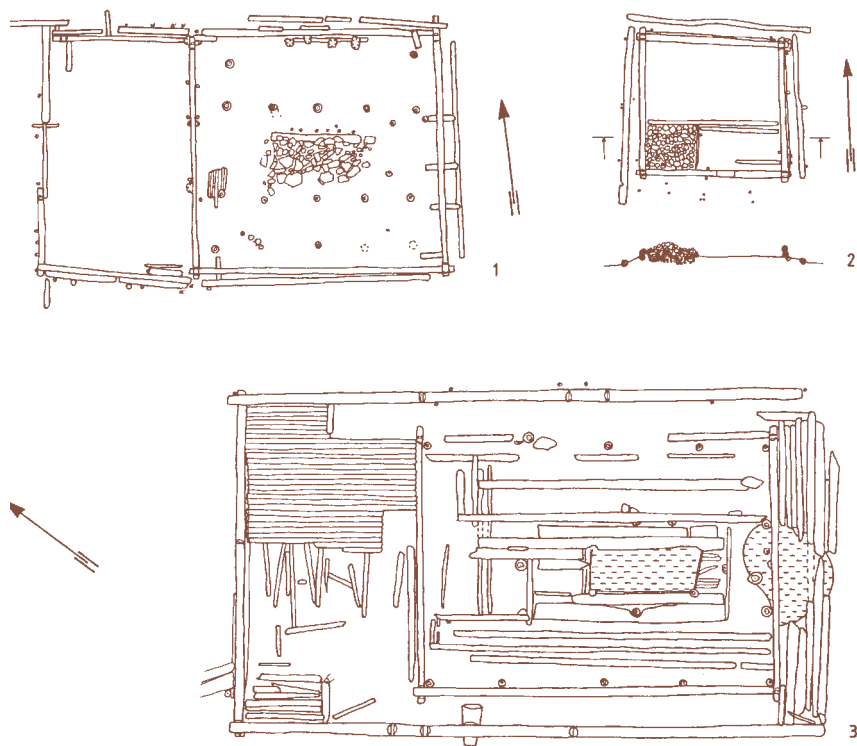

этому счастливому обстоятельству ученые могут детально воссоздать планы и конструктивные детали домов, строившихся в Ладоге уже на начальном этапе ее существования. Один из основных типов ладожских построек — четырехугольная изба размером от 3,7×3,9 до 5,5×6,0 м — возводился в Ладоге уже ее первыми поселенцами. Несколько построек такого рода открыто в древнейшем слое Земляного городища, датированном 750–830 гг. Сооружались они и позже. Эти постройки представляли собой бревенчатый сруб, обычно ориентированный по сторонам света. Внутри сруба, часто в одном из противоположных входу углов, устраивалась квадратная или прямоугольная печь-каменка. Стены срубов укладывались «в обло» с врубленной чашей и пазом на каждом бревне. Доски пола настилались на лаги продольно по направлению к входу. В ряде случаев дома обстраивались наружной галереей шириной не менее 0,5 м. Стены галереи в отличие от основного сруба набирались из досок, помещавшихся в пазы, выбранные в бревнах и столбах. В условиях холодного климата постройки с галереями, подведенными под одну крышу, были весьма практичными. Наряду с описанными избами в Ладоге VIII–X вв. были распространены постройки и другого типа. Это относительно крупные дома общей площадью до 60–80 кв. м. Они состояли из основного

Стена 1113–1114 гг. в процессе раскопок

отапливаемого сруба и холодной пристройки. Центральную часть отапливаемого помещения занимал прямоугольный в плане очаг, обложенный по краю вертикально поставленными плитами. Вдоль стен тянулись нары. Крыши построек держались на слегах, врубавшихся в торцевые щипцы, и иногда поддерживались внутренними столбами. Последние обычно использовались, если размер отапливаемого сруба превышал 6×7 м и бревенчатые стены постройки не могли выдержать давление земляной кровли. Отапливались эти помещения «по-черному» и потолка не имели. Пристройка возводилась одновременно с домом. Она делалась из бревен или представляла собой трехстенный сруб. В ней могла находиться лестница для подъема на специальный помост. Некоторые из двухкамерных построек можно рассматривать как жилища владельцев городских усадеб. Не случайно они, как правило, окружены хлевами, амбарами и другими хозяйственными постройками. По плану двухкамерные ладожские дома поразительно похожи на дома-пятистенки, обнаруженные археологами в Новгороде и Белозере. Правда, последние относятся к несколько более позднему времени. Ладожские двухкамерные дома, а их в слоях VIII–X вв. открыто десять, можно рассматривать в качестве предшествен-

Основные типы ладожских построек VIII–X в. Планы:
1 — дом-пятистенка; 2 — изба; 3 — «большой дом».
 По раскопкам В.И. Равдоникаса и В.А. Рябина

ников изб-пятистенок русского Средневековья и Нового времени. Происхождение этого типа ладожских построек, возможно, также следует связывать со Скандинавией, где хорошо известны аналогичные двухкамерные жилища. Там сохранились подобные постройки, относящиеся и к XIII столетию. Обнаруженные при раскопках сооружения такого рода датируются, например в Тронхейме, XI в. В этом ряду ладожские двухкамерные постройки пока наиболее древние. Для их реконструкции уместно использовать такие детали древненорвежских домов, как расположение входа не с торца, а с одной из боковых сторон холодной пристройки, а также обрамление его двумя порталными полуколоннами.

Изначально в Ладоге сооружались как избы, так и двухкамерные дома. В X в., по сравнению с более ранним временем, избы все больше, они потеснили двухкамерные жилища. Посадское население явно стало предпочитать этот вариант постройки в силу его простоты, а также удобного использования для всякого рода строительных комбинаций (например, трех-

частная связь). Оригинальной особенностью Ладоги является обнаружение в слоях Земляного городища IX–X вв. «больших домов»: в плане 10×16 м, основной отапливаемый покой (8×10 м) и обходная, наружная галерея. В центре домов находится очаг из камней и глины, в отделке использовались корабельные доски. У торцов находились глиняные печи для приготовления пищи и выпечки хлеба. Не будь описания арабского путешественника Ибн-Фадлана, в 921–922 гг. посетившего Среднее Поволжье и описавшего подобные постройки как дома купцов-русов, данные строения ладожан могли быть истолкованы как резиденции знатных владельцев. Ибн-Фадлан между тем писал: купцы-русы «прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на

Атиле (Волге)... и строят на ее берегах большие дома из дерева, и собираются их в одном доме 10 и (или) 20 — меньше или больше, и у каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ним сидит девушка — восторг для купцов» (Путешествие Ибн-Фадлана, 1939, с. 79). Ладожские дома наглядно иллюстрируют это описание. Части одного дома были распознаны в 1973 и 1981 гг. Е.А. Рябиным (2002, с. 15), части другого — в 2002 г. экспедицией под руководством А.Н. Кирпичникова. Отметим, что с наружной стороны дома, зафиксированного в 2002 г., обнаружено скопление 2500 стеклянных бус зеленого цвета (бисер) — явно запас торговой партии, а в слое несколько выше остатков дома найдена вставка от перстня-печати из горного хрусталя с выгравированной арабской надписью. В переводе востоковеда В.В. Полосина надпись гласит: «Помощь моя (только у Аллаха) на него я положился и к нему обращаюсь». Это текст суры из Корана. Очевидно, что такой перстень предполагает личное присутствие в Ладоге восточного путешественника, скорее всего купца.

Дома, сходные с ладожскими и описанные Ибн-Фадланом, могли строиться в торговых городах и местах, расположенных на великих речных путях Восточной Европы «из варяг в персы»

и «из варяг в греки». Они служили купеческими гостиницами. В подобных домах останавливались члены торговых корабельных команд, пережидая зиму, участвуя в ярмарках, ремонтируя корабли. Такие постройки свидетельствуют о дальней торговле и евразийских связях средневековой Ладоги со странами Старого Света.

Судя по раскопкам, деревянные жилые и хозяйственные строения тяготели к Волхову, и многие были ориентированы по линии север-юг, вдоль береговой линии. Элементы упорядоченной планировки и уличное расположение домов прослеживаются примерно с середины IX в. Однако относительно скромные размеры раскопанной территории не позволяют сказать о благоустройстве города в VIII—X вв. определеннее.

Геополитическое, транспортное и хозяйственное значение Ладоги определило ее ведущую роль в создании северорусского государства — предшественника Киевской Руси. Процесс осложнился начавшимися походами викингов на Восток. В «Житии святого Ансгария», составленном его учеником Римбертом, описано нападение датчан в 852 г. на некий богатый город в «пределах земли славян», который можно сопоставить с Ладогой. «Напав неожиданно на

его обитателей, живших в мире и тишине, они захватили его силой оружия и, взяв большую добычу и сокровища, возвратились восвояси» (Кирпичников, 1988, с. 48). Не исключено, что побежденные были обложены данью. Этот набег показал растущую опасность экспансии со стороны викингов. О дальнейшем развитии событий можно судить по реальному в своей основе «Сказанию о призвании варягов», занесенному на страницы Повести временных лет в начале XII в. Здесь следует заметить, что именно Ладога (а не Новгород) названа во всех текстологически наиболее достоверных летописных записях. Сомнения в этом вопросе окончательно преодолены недавними исследованиями (Мачинский, 2002, с. 5–38). Приведем заслуживающий доверия вариант упомянутого «Сказания» (по тексту Ипатьевской летописи). «В лето 6367 (859 г.) Имаху дань Варязи, приходяще из заморья (Балтийского), на Чюди, и на Словенех, и на Мерях, и на всех Кривичах. <...> «В лето 6370 (862 г.). И изгнаша Варягы за море, и не даша им дани. И почаша сами в себе володети, и не бе в них правды (то есть закона). И вьста род на род, и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша». И тогда сказали «Поищем сами в себе князя, иже бы володел нами и рядил, по ряду (договору) по праву. Идоша за море к варягом... Р(е)коша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и вся земля наша велика и обилна, а наряда (порядка)

**Посольство славян к варягам; поход варяжских князей со своими родами в славянские земли.
Миниатюра из Радзивилловской летописи**

**Княжение варяжских братьев Рюрика, Синеуса и Трувора.
Миниатюра из Радзивилловской летописи**

в ней нет. Да пойдете княжит и володеть нами. И избращася трие брата с роды своими <...> и придоша к словенам первее, и срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрик, а другии Синеус на Белеозере, а третей Трувор в Изборьске <...> По дъвою же лету (то есть в 864 г.) умре Синеус, и брат его Трувор, и прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю (Ильменскому озеру), и сруби город над Волховом, и прозваша и Новгород. И седе ту княжа, и раздая мужем своим волости и города рубити; овому Польшеск, овому Ростов, другому Бело-озеро. И по тем городом суть находнице Варязи; первии наследници в Новегороде Словене, и в Полотьске Кривичи, Ростове Меряне, Белеозере Веси, Муроме Муромы. И тем всеми обладаше Рюрик» (Полное собрание русских летописей, 1962).

Итак, в 862 г. славянские и финские племена, а точнее их старейшины, собравшиеся скорее всего в Ладоге, которая была для них межплеменной столицей, решили на договорной основе пригласить знатного скандинава Рюрика с братьями. Договоры того времени, судя по западноевропейским источникам, содержали следующие условия: верно служить, собирать дань, защищать край от нападений. Причины призвания летописец объяснил междоусобными распрями и беспорядками. Можно предпо-

ложить, что действительность была иной. На выбор предводителя из варягов повлияли разбойничьи нападения викингов, которые по всей Европе грабили и жгли города, а с населения брали тяжелые поборы. Приглашенный чужеземец, конечно, знал военные приемы своих соотечественников и мог защитить северные племена от пиратских набегов, но вскоре, опираясь на свою гвардию, узурпировал власть местных старейшин. Через два года, в 864 г., Рюрик перебрался из Ладоги в новоукрепленный Новгород (а точнее, Предновгород, каким являлось Рюриково городище на Волхове у Новгорода), раздал своим мужам кривичский Полоцк, мерянский Ростов, а также Муром и Белоозеро в землях муромы и веси. Этим очерчивается первое на севере Восточной Европы устойчивое государственное образование, возникшее на месте конфедерации славянских и финских племен. Так было положено начало власти династии Рюриковичей, правившей в России вплоть до конца XVI в. Ладога же стала первой столицей нового европейского государства. В дальнейшем столица была перенесена в Новгород, а при преемнике Рюрика князе Олеге — в Киев.

В «Сказании» записано, что Синеус и Трувор умерли бездетными в 864 г. Поиски их имен в древнескандинавской ономастике не дали ясного результата. Следует сказать, что сюжет о трех братьях-чужестранцах — основателях городов и родоначальниках династий — своего

рода фольклорное клише. Подобные предания были распространены в Европе в Средние века. Высказана гипотеза, что Синеус и Трувор не существовали, а летописец буквально передал слова старосведского языка *sine hus* и *thru varing*, означавшие «с родом своим» и «верной дружиной». Это предполагает существование документа на старосведском языке — «ряда» — договора, который был заключен с Рюриком в связи с его призванием славянскими и финскими старейшинами. Возможно, что этот договор сохранялся в княжеском государственном архиве и был использован в начале XII в. летописцем, не понявшим некоторых его выражений. Если верить тому, что Рюрик и датский викинг Рерик одно и то же лицо, то у последнего действительно были два брата, Гемминг и Гаральд, но они относительно рано умерли (в 837 и 841 г.) и поэтому не могли сопровождать брата на Русь. Определенное недоумение вызывают и города или местности, куда направились Синеус и Трувор по приезду к славянам и финнам. В первом случае — «на Бело-зеро», во втором — в Изборск. Однако Белоозеро как город возникло в X в., то есть позже событий, описанных в «Сказании», а в Изборске не обнаружено характерного комплекса скандинавских изделий, поэтому вряд ли там появлялся брат Рюрика. Возвращаясь к Рюрику и его преемнику, князю Олегу, отметим, что они, судя по всему, оказались людьми незаурядными. Основатель новой династии и его продолжатель, придя к правлению в чужой земле, поняли, что следует сохранить и расширить доступ страны к Балтике и осуществить внутренние задачи молодого Русского государства. В жизни разрозненных племен Восточной Европы обозначилась новая эпоха, была создана общегосударственная машина властвования, увеличена международная торговля, началось активное собирание земель, строились и укреплялись города. Рюрик впервые стал именоваться великим князем. Его родовый знак — схематическое изображение сокола в виде двузубца — стал эмблемой правящего дома.

В военном отношении призвание Рюрика себя оправдало. Вплоть до конца X в. скандинавы не нападали на область Ладоги и Новгорода, предпочитая торгово-транспортные и межгосударственные связи. Первые норман-

ны-правители принесли мир нескольким поколениям жителей Северной Руси. Может быть, это и стало одной из причин мощного военнополитического импульса, который шел с севера и способствовал образованию единого общерусского государства. Итак, в середине IX в. Ладога оказалась причастной к событиям, связанным с появлением на Руси династии Рюриковичей. Имеются ли этому подтверждения?

В этой связи коснемся довольно необычных известий Иоакимовской летописи, опубликованной историком В.Н. Татищевым в XVIII в. Ученого поразили сведения этой летописи о Северной Руси и русско-скандинавских отношениях (Татищев, 1994, с. 107). Часть упомянутой летописи была прислана Татищеву в 1748 г.,

В.М. Васнецов. «Нестор-летописец»

а затем исчезла, что в дальнейшем дало повод ученым усомниться в ее достоверности. Сомнения относительно этого источника не улеглись бы и по сей день, если бы некоторые изложенные в утраченном манускрипте известия неожиданно не нашли подтверждения (Янин, 1984, с. 49–56). В Иоакимовской летописи сообщается о местной славянской княжеской династии, которая властвовала на Севере Руси до появления здесь в 60-е гг. IX в. скандинавского выходца Рюрика. Приводятся имена князей нескольких поколений, отмечены войны, которые они вели, указана их резиденция Великий город, основанный князем Славеном. Этот Великий город был возведен славянами, переселившимися из далекого Подунавья. Далее отмечено, что Великим городом стали обладать варяги, «дань тяжку возложиша на словяны, русь и чудь». Освободил от дани упомянутые племена князь Гостомysl, который «варяги бывшиа овы изби, овы изгна, <...> и шед на ня победы <...> учини с варяги мир, и бысть тишина по всей земли. Сей Гостомysl бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем его любим» (Татищев, 1994, с. 108). Изложенное в определенной мере соответствует свидетельствам Повести временных лет о том, что варяги брали дань со славянских и финских племен до тех пор, пока эти племена «изгнаша Варягы за море и не даша им дани» (Повесть временных лет, 1950, с. 18). Происходить эта «налоговая» война могла с наибольшей вероятностью именно в Ладоге, до середины IX в. наиболее пригодном для славяно-скандинавских контактов и единственном крупном поселении на всем Севере Руси. Поэтому нет особого риска в отождествлении Великого города и Ладоги, ставшей, как сообщает Повесть временных лет, местом антиваряжского выступления.

Не только летопись, но и археология, открывшая существование Ладоги в VIII — первой половине IX в., позволяет считать сопоставление Ладоги с Великим городом правомерным. Развитое ремесло и жилые кварталы появились в поселении в низовьях Волхова уже в первые десятилетия его существования. В Ладоге же, как сложившемся межплеменном центре, могла существовать и «доваряжская» племенная княжеская династия.

Согласно Иоакимовской летописи, Рюрик (по версии этой летописи, полускандинав-полуславянин) и его братья были приглашены на Русь в связи с отсутствием наследников по мужской линии у местного князя Гостомысла. Иначе данный факт, как можно было убедиться, освещен в упоминавшемся выше «Сказании о призвании варягов». Какими бы ни были причины приглашения скандинавов, оба летописных источника согласны в одном — к власти в Северной Руси со столицей в Ладоге пришли норманны Рюриковичи. В итоге, по всем прямым и косвенным показаниям, в том числе и Иоакимовской летописи, Ладога в середине IX в. оказалась столь влиятельной, что была избрана, пусть и кратковременно, столицей новой «Державы Рюриковичей». Через десять веков после своего вокняжения основатель династии Рюрик был увековечен в бронзе. В ознаменование 1000-летия России в 1861–1862 гг. в Новгороде был воздвигнут многофигурный монумент, выполненный скульптором М.О. Микешиним и его помощниками. Среди главных персонажей русской истории мы видим Рюрика в шлеме, кольчуге, с мечом. На его щите проставлен славянскими буквами 862 г. Россия оказалась едва ли не первой тогда страной Европы, где был сооружен памятник норманну, основателю династии и государства. Советская официальная наука и пропагандисты, правильно считая, что один человек не мог создать государство славян (все предпосылки этого процесса в середине IX в. были налицо), обрушились на «Сказание о призвании варягов» с идеологической непримиримостью, Рюрик впал в немилость, а порожденный «Сказанием о призвании варягов» «норманнский вопрос» оброс политическими обвинениями. Время не подтвердило такого подхода. Варяжское «призвание» отнюдь не принижало прошлого России, которую всегда отличали живительные связи со всем миром, в том числе и со Скандинавией. Варяги принесли на Русь не только обновленный механизм правления, но и лучшее оружие, совершенные корабли, особые украшения; способствовали евразийской торговле. В свою очередь благодаря славянам и другим восточноевропейским народам они получили серебро, меха, зерно, мед, воск, а также невольников; восприняли на-

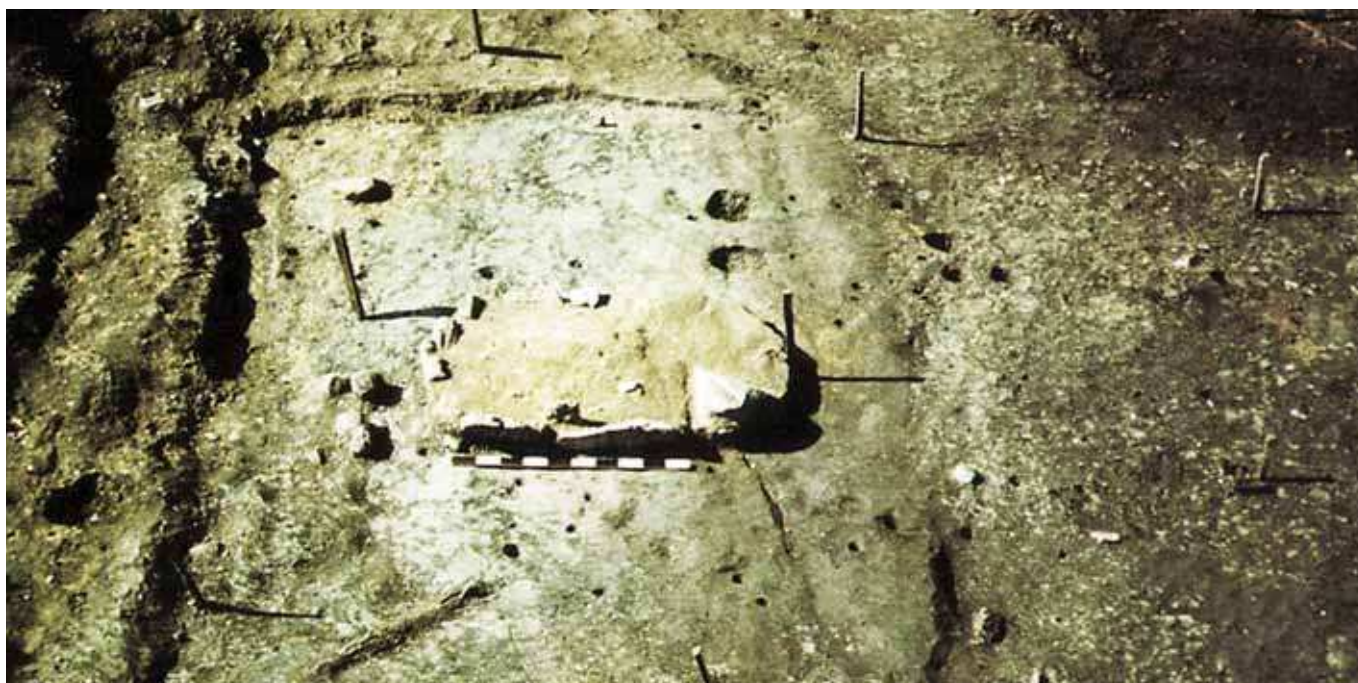
выки кавалерийского боя и владение восточным оружием, приобщились к строительству городов и более совершенному устройству общественных и политических институтов, такому, например, как вече. Скандинавы, славяне и финны обогатили себя арабским серебром, хлынувшим на европейские рынки по великим водным путям «из варяг в греки» и «из варяг в персы». 862 год, отлитый на щите Рюрика, при всей условности — крупная веха в жизни Руси и Скандинавии. Эту дату достойно признать в качестве государственной, не стыдясь того, что она, повторяя летопись, запечатлена на щите норманнского пришельца.

Время Рюрика и его преемника князя Олега Вещего оставило в Ладоге выразительные следы. В последней четверти IX в. на мысу, образованном реками Волховом и Ладожкой, была построена первая на Руси каменная крепость. Судя по упавшим блокам, первоначальная высота ее стен составляла не менее 3 м при толщине до 3 м. Возвели ли ее пришлые мастера, может быть рейнские, сказать трудно, однако цели строительства представляются очевидными. Твердыня обеспечивала безопасность судоходства, да и самого города. Она должна была защитить горожан прежде всего от разбойничьих набегов викингов (Кирпичников, 1984, с. 23). Эта задача была решена успешно. Только в конце

X в. норвежскому ярлу Эйрику удалось разрушить крепость и сжечь посад Ладоги, при этом часть каменных стен была просто опрокинута на землю. Появившиеся в низовьях Волхова переселенцы-норманны, похоже, селились отдельно. Не случайно в Ладоге до сих пор существует Варяжская улица, где в древности находились, вероятно, дворы скандинавов. Своих варяги хоронили особо, на отдельных семейных кладбищах. К этим кладбищам относится могильник в урочище Плакун и захоронения (они, правда, не древнее XI–XII вв.) возле церкви святого Климента на Земляном городище (Санкина, Козинцев, 1994, с. 57–60). Урочище Плакун расположено на почетном месте на первой надпойменной террасе правого берега Волхова напротив Ладожской каменной крепости. Здесь насчитывали 18 курганов, 15 из которых удалось изучить археологически. В одном из них (№ 11) во время раскопок в 1968 г. был обнаружен дощатый гроб с останками 60–70-летнего мужчины. Гроб в свою очередь помещен в деревянную камеру. Дендрохронологическая дата захоронения — 890-е гг. Описанное устройство захоронения сопоставляется с аналогичными камерными погребениями Югландии (Михайлов, 1996, с. 52–60). Не здесь ли таится датский

Кладка башни укрепления. Конец IX — начало X в.

**Остатки жилища на парцелле. Вторая половина IX в.
Раскопки Н.А. Кирпичникова**

след окружения Рюрика, если считать его датчанином, направившимся на Русь вместе с родичами и слугами. Это напоминание о Дании в Ладоге, впрочем, не единственное.

Превращение Ладоги в столицу империи Рюриковичей сказалось и на ее гражданском строительстве. Во время раскопок в 1991 г. археологи достигли пятиметровой глубины, ниже залегал материк — не потревоженная глина. И в последний день работ в предматериковом слое проступили контуры сгоревшего двухчастного жилища с прямоугольной печью в одной из камер. Сходные по типу дома-пятистенки в Ладоге строили начиная с VIII в. По соседству с жилищем был расчищен горн для плавки железа, а также предгорновая яма, где стоял работник, нагнетавший мехи. Жилая и производственная зоны были разделены канавами, скорее всего служившими для вытаскивания на сушу речных судов. Участки земли, разделенные канавами, по ширине составляли около 7 м и тянулись к р. Ладожке. Очевидно, их торцы подходили к берегу реки, где были пристани. Видимо, человек, живший в постройке, рядом и работал — достаточно было переступить канаву. Он, должно быть, являлся одновременно и ремесленником, и торговцем (Кирпичников, Назаренко, 1992, с. 141–151).

Не этот ли универсальный класс береговых жителей (на Западе Европы они назывались штедингами) обеспечил невиданный тогда подъем благосостояния города. Дата всего обнаруженного — вторая половина IX в., то есть время первых норманнских властителей Руси.

На удивление сходные по планировке участки земли с мастерскими по изготовлению изделий из бронзы, янтаря и кости были обнаружены археологами в датском городе Рибе. Там участки были также разделены канавами на одинаковые полосы шириной около 7 м. Они также выходили своими торцами к воде. Получается, что в городах, разделенных 1600 км, строили по одному землеустроительному плану. Как можно это объяснить?

Деление городской территории на участки, примыкающие к реке, улице, крепостной стене, характерно для планировки ряда европейских городов, в том числе и скандинавских. К примеру, по свидетельству «Саги об Олаве Святом» (помещенной в сочинении «Круг земной» Снорри Стурлусона), при основании торгового города Нидароса (г. Тронхейм в Норвегии) конунг «размечал участки для застройки и давал их бондам, купцам и другим людям, которые пришлось ему по нраву и хотели там обосноваться» (Стурлусон, 1980, с. 80). Становится понятным, что «разметка участков» — свидетельство определенного порядка городского землепользования

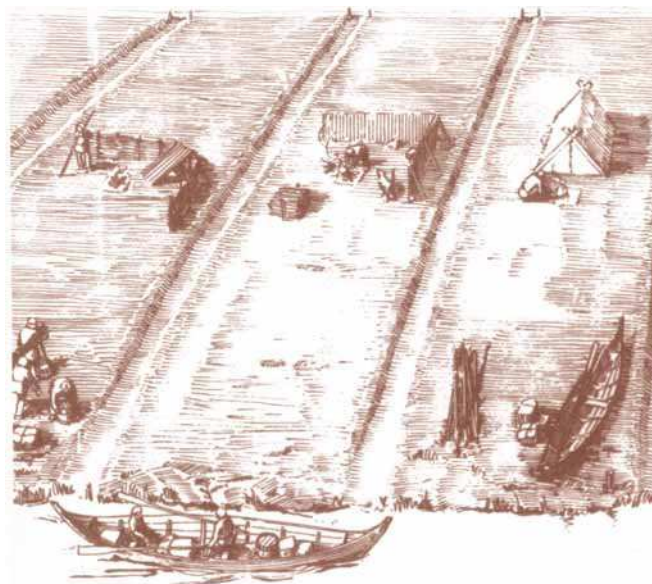
и наличия администрации, осуществлявшей раздел территории, особенно в таких удобных и выгодных районах города, каким была в то время прибрежная суша. На примере Рибе и Ладоги появление такой практики следует отнести к VIII–IX вв. Заманчиво связать ладожские наделы — парцеллы — с деятельностью викинга Рюрика или его продолжателя Олега Вещего. При них ладожское поселение расширилось и заняло оба берега р. Ладожки, а ее устье стало служить естественной общегородской гаванью. Возможно, с этим и связано расположение участков, выходявших непосредственно к этой реке.

При первых норманнских по происхождению властителях вместе с воинами и купцами из северных стран в Ладогу приезжали ювелиры, продолжавшие творить по образцам своей страны. При этом создавались произведения, по своему декоративному стилю и качеству не уступавшие тем, которые изготавливались в самой Скандинавии и странах региона Балтийского моря. В этом лишний раз убеждают находки из раскопок на Земляном городище в 1997 г. Тогда из руин сгоревшей мастерской, существовавшей во второй половине IX — начале X в., были извлечены вещи, удивившие даже специалистов. Среди них оказался обломок овально-выпуклой фибулы со звериным орнаментом, отлитой из латуни (среди 4 тыс. аналогичных по форме застежек этой формы из Восточной и Северной Европы данному изделию — случай небывалый — не нашлось полного соответствия). Там же нашлись еще одна редкая латунная застежка с геометрическим орнаментом (фибула типа «Вальста»), латунный браслет, из которого пытались сделать кольцевидную фибулу с длинной иглой, бусы из закрученной в шесть витков проволоки, булава с золотым колечком-держателем бус, железное кресало, инструмент-чекан, пластина из латуни — заготовка для плавки, 60 разных стеклянных бус, из которых четверть имела следы производственного брака (Кирпичников, 2002, с. 227). Владелец мастерской, очевидно, занимался обработкой женских украшений нескольких разновидностей. Изготовление, обмен и продажа такой продукции (а этим постоянно занимались жители многих археологически изученных домов) приносили ладожским ремесленникам, по-видимому, не-

малую прибыль. При этом не имело большого значения, в каком стиле были выработаны вещи, лишь бы по своей отделке они соответствовали качеству и престижу международно признанных образцов. Скандинавские вещи с динамичной звериной и геометрической орнаментацией как нельзя лучше соответствовали этой моде.

В период первых властителей из дома Рюриковичей Ладога стала их наследственным фамильным владением. Ее особый государственный статус подтверждается рядом прямых и косвенных известий. Преемник Рюрика князь Олег (возможный строитель Ладожской каменной крепости) после своего победоносного похода на Царьград, как упоминалось выше, «иде в Ладогу». В этом городе, таким образом, в последний раз видели загадочно ушедшего из Киева князя. Не исключено, что в определенный период наследники киевского великокняжеского престола находились в Ладоге, а не в Новгороде. Так, по сообщению саги о Стурлауге Трудолюбивом в Альдейгьюборге, как именовалась в Скандинавии Ладога, «правил конунг Ин-гвар, он был мудрый человек и большой хевдинг». В названном человеке усматривают Игоря — великого киевского князя с 912 г. — возможно, какое-то время находившегося в Ладоге (Глазырина, Джаксон, 1987, с. 167–168). Сходная ситуация повторилась с его сыном Святославом. Византийский император Константин

**Парцеллы по раскопкам в датском городе Рибе. VIII в.
Реконструкция С. Енсена и Л.Ф. Франдсен**

«Чудо святого Георгия о змие». Фреска диаконника церкви святого Георгия. Старая Ладога

Багрянородный в своем сочинении об управлении государством, написанном между 948 и 952 гг., сообщал, что в Немогарде (Невогарде) «сидел Сфендо-слав сын Ингоря архонта Росии» (Константин Багрянородный, 1991, с. 45, 310). Княжение Святослава, как известно, началось в Киеве в 946 г. В Северной Руси он мог быть в юном возрасте, до смерти своего отца Игоря. Обращает на себя внимание название резиденции молодого княжича, которую считают Новгородом. Однако этот город в период написания трактата «Об управлении империей» только отстраивался на новом месте и поэтому вряд ли был известен в далекой Византии. Возможно, что в приведенном выше имени некоего северного города запечатлено древнее название Ладожского озера — Нево. Поэтому можно допустить, что речь идет о приозерном городе Ладога, входившем во владение правящего дома и служившем местопребыванием наследника престола.

«Серебряная» торговля в конце X в. пришла в упадок, но Ладога сохранила значение круп-

ного международного порта, торгового, ремесленного и культурного центра. Еще в X столетии соседние с Ладогой области с преимущественно финским и лопарским населением попали в прочную административную и данническую зависимость от нее. Ладога оказала немалое воздействие на общественное и экономическое развитие коренных народов Русского Севера. Постепенно сформировалась Ладожская земля, включавшая Обонежский край и некогда располагавшиеся на территории Ленинградской области Лопский и Ижорский регионы. Доминирующим ядром оставалось Ладожское Поволховье, через которое разворачивалось освоение северных земель, включая Беломорье и Северное Подвинье.

В 1114 г. в Ладоге побывал летописец и записал местные рассказы о том, как в северных странах «старые мужи» ходили «за югру и самоядь». Маршрут «старых мужей» — современников великого князя Ярослава Мудрого, привел их, кажется, в Северное Зауралье (Насонов, 1951, с. 80). Ладожане были, очевидно, одними из первых русских землепроходцев, прокладывавших новые пути на необозримых пространствах севера Восточной Европы и Сибири.

В начале XI в. к Ладоге как к важному городу и центру большой области вновь было проявлено государственное внимание. Около 1019 г. Ладога-Альдейгьюборг и та земля, которая к ней относилась, были отданы великим князем Ярославом Мудрым в качестве свадебного подарка во владение своей жене Ингигерд — дочери шведского конунга Олафа. Управлял Ладогой наместник великой княгини Ингигерд-Ирины ее родич Ронгвальд, а после смерти последнего — его сын Эйлиф. По договору действия правителей ограничивались тем, что они управляли Ладожской землей, содержали наемный отряд для ее защиты, собирали дань, отдавая ее часть центральным властям. По словам древнеисландской саги, «это ярлство давалось для того, чтобы ярл тот защищал земли конунга (Ярослава Мудрого. — АК) от язычников» (Глазырина, Джаксон, 1986, с. 110, 111). Под последними можно понимать некоторые воинственные финские народы вроде еми и норманнов-пиратов, опустошивших Ладогу в 997 г.

В последней четверти XI — начале XII в., видимо при князе Мстиславе Владимировиче — по-

следнем самодержце Киевской державы, в Ладоге на смену скандинавскому ярлу пришла русская администрация во главе с посадником. Переход Ладоги под контроль центральных властей совпал по времени с усилением ее регионального, прежде всего военного, значения. В 1113 или 1114 г. в продолжение традиции укрепления Ладоги первыми Рюриковичами и по инициативе князя Мстислава здесь была построена новая каменная крепость. Остатки этого сооружения обнаружены вмурованными в кладку более позднего времени. Благодаря этому стены, сложенные из плитняка на известковом растворе, местами сохранились на полную высоту 8,5 м, включая бруствер и площадку боевого хода. Ладожская крепость предвосхитила распространение каменных сооружений на Руси, начавшееся в основном столетием позже, и вплоть до конца XV в. обеспечивала безопасность города в Нижнем Поволховье.

В XII столетии Ладога, наряду с Псковом и, конечно же, Новгородом, продолжала оставаться крупнейшим торговым, ремесленным и культурным центром Новгородской земли. Преимущественно через Ладогу осуществлялись связи Руси с Готландом и странами Северной и Западной Европы. Расширить наши знания о вовлеченности Ладоги и ее деятелей в события времен Киевской державы (IX — первая четверть XII в.) и затем Новгородского государства (XII—XV вв.) помогла сфрагистика — историческая дисциплина, занимающаяся печатями. Исследователи изучили свинцовые печати и пломбы XI—XV вв., происходящие из Старой Ладоги и оказавшиеся исторически очень ценными. Часть этих предметов оказалась в музеях, часть — у коллекционеров. С.В. Белецкому удалось составить и опубликовать их полный каталог, насчитывающий 91 экземпляр. Некогда печати и пломбы скрепляли различные документы как частного, так и государственного значения. Сфрагистический материал позволил предположить присутствие в Ладоге в XII — начале XIII в. владетельных князей Рюриковичей. Подтвердилась и самостоятельность этого города в низовьях Волхова. Лишь в 80-е гг. XIV в. Ладога была полностью подчинена Новгороду. По надписям и изображениям на печатях и пломбах удалось установить многих лиц, имевших отношение к некоторым несохранившимся

документам. Это князья, посадники, бояре, духовные служители, ладожские наместники. Некоторые печати свидетельствуют о существовании грамот, связанных с посольствами и приездами в Ладогу новгородских посадников и иерархов церкви. Впервые выявлены имена персон, неизвестных по письменным источникам. Атрибутированы и буллы первых лиц тогдашней Руси великих князей Владимира Мономаха, его сына Мстислава Владимировича и их помощников. Так, одна из найденных пломб с изображениями святого на одной стороне и двузубца — знака Мстислава Владимировича — на другой предположительно может быть приписана посаднику Павлу (Белецкий, Петренко, 1994, с. 248), который вместе с великим князем участвовал в закладке в 1113 или 1114 г. Ладожской каменной крепости. Изучение печатей подтвердило и сведения о древности одного из монастырей. Внимание ученых привлекла печать XIII в. с композицией «Собор Иоанна Предтечи» на лицевой стороне и с изоб-

Вислая печать митрополита Леонтия. 1070-е гг.

Старая Ладога. Никольский монастырь

ражением святого воина, извлекающего меч из ножен, на обороте. Первый сюжет символизирует покровительство святыни владельцу печати (Белецкий, Петренко, 1994, с. 204), каковым мог выступать монастырь Иоанна Предтечи, возникший в Ладоге, как писалось выше, не позже XIII в. Дальнейшее исследование печатей может приоткрыть и другие загадки местной истории.

Ни до XII в., ни после в городе в низовьях Волхова не строилось такого количества монументальных сооружений. Храмы сооружались одной артелью мастеров в короткий срок, примерно в третьей четверти XII в. (Раппопорт, 1982, с. 189). Для своего времени это был рекорд. Так как ладожские церкви возводили пришлые, новгородские каменщики, то в самом Новгороде каменное дело почти приостановилось. Этот факт при всей его необычности не случаен и свидетельствует о том, что в столице шли на определенные издержки и даже жертвы, чтобы удовлетворить нужды окраинного города.

Хронологическую последовательность строительства, насколько это удастся установить, распределяют следующим образом: церкви святого Климента (1153 г., закладка), Успения (1157–1158),

Спасская (на берегу Волхова), Воскресенская (на берегу Ладозки), святого Георгия (около 1164 г.), Никольский собор (1160-е гг.) (Мильчик, 2002).

Само размещение культовых построек говорит о том, что застройка ладожского посада не была стихийной. Храмы располагались цепочкой по краю коренных берегов рек Волхова и Ладозки и возвышались на самых видных местах на расстоянии 125–250 м один от другого, словно по одному градостроительному плану, как бы отмечая определенные, тяготевшие к ним городские районы (Кирпичников, 1985, с. 172). Эти постройки в перечислении с севера на юг располагались в следующей последовательности: церкви Успения, Спасская, Воскресенская (две последние не сохранились; были раскопаны Н.Е. Бранденбургом), Георгиевская, святого Климента (на Земляном городище, не сохранилась), наконец, Никольская. Строительство храмов означало перепланировку города. Возможно, что в этот период оформились соответствующие тем или иным приходским храмам концы, или районы: Богородицкий, Симеоновский, Спасский, Климентовский, Никольский, возможно Городский (в крепости). Территория посада достигла 14–15 га. Кто же был заказчиком такой масштабной и дорогостоящей перестройки города?

Новгородский архиепископ Нифонт, заложивший в 1153 г. церковь святого Климента, умер в 1156 г. Его преемник Аркадий, насколько известно, строительную активность, в том числе по отношению к новгородским «пригородам», не проявлял. В середине XII в. в Новгороде шла борьба за власть между смоленскими и суздальскими князьями — им было не до Ладоги. О каких-либо постройках, которые мог осуществить в Новгороде и Новгородской земле смоленский князь Ростислав Мстиславич (которому приписывают возведение Успенской церкви), летопись не сообщает. Инициаторами строительства могли быть светские лица: уличане, состоятельные купцы и ремесленники. Подтверждение тому — несколько первооснователей Никольского монастыря — вероятно посадских торговых людей, запись о которых сохранилась в синодиках монастыря. Реализовать эту затею мог влиятельный деятель Новгородского государства посадник Нежата. При нем ладожане в 1164 г. отбили самое крупное в XII в. неприятельское нападение шведов. Происшедший тогда пожар околограда, возможно, подтолкнул к реконструкции города. Возведение серии каменных зданий и восстановление после 1164 г. деревянной застройки свидетельствуют о значительном экономическом благосостоянии города в последний период его домонгольского развития.

В результате массового строительства монументальных сооружений выработался новый тип посадского храма. Его характеризуют: крестовокупольная конструкция с четырьмя столбами, одноглавость, равновеликость трех алтарных апсид, позакомарное покрытие сводов, лестницы на хоры в толще западной стены, членение фасадов лопатками на три части, наличие притворов. В облике этих построек проявились демократические вкусы горожан, стремившихся к возведению более дешевых и удобных приходских церквей. Однако не следует упрощать их эстетические представления. Ведь все ладожские храмы были расписаны. Переступив их порог, человек попадал в чарующий мир яркого, насыщенного и впечатляющего искусства. Геометрическая простота внешнего вида здания сменялась богатым внутренним убранством, производившим каждый раз неотразимое впечатление. Суровая четкость форм

архитектуры отступала перед художественной роскошью интерьера. С постройкой храмов Ладога выдвинулась как самостоятельный архитектурно-художественный центр (Пескова, Раппопот, Штендер, 1982). Позднее сложившийся в Ладоге тип храма был полностью перенесен в Новгород и воспринят в других городах: тот же план, те же декоративные элементы и материалы» (Раппопорт, 1982, с. 201).

Историческая миссия Ладоги, в период раннего Средневековья возглавлявшей оборону Обонежской и Ижорской земель и водного пути по Неве и Ладожскому озеру, во многом способствовала сохранению всего этого региона в составе Руси. В военных действиях ладожане участвовали и самостоятельно, и в составе новгородской рати. Они наряду с новгородцами и псковичами составляли костяк общеземельного войска и сражались против шведов, немцев, еми во многих крупных сражениях, были участниками Невской (1240) и Раковорской (1268) битв. Значение Ладоги как передового военного форпоста сохранилось вплоть до конца XVIII в.

5.7. РЕНТА И РЕНТНЫЙ МЕХАНИЗМ В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭКОНОМИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И НОВГОРОДА*

Рента как сверхприбыль, получаемая субъектами экономической деятельности ввиду значительной разницы ценовых факторов, образующихся в результате движения некоторых видов природных ресурсов, имеет множество форм и проявлений в экономической истории и в современной практике. В настоящее время накоплена огромная литература, где установлено понимание данной экономической категории, выведены новые аспекты этой проблемы в условиях глобализации и в цивилизационном измерении.

Цель данного раздела — попытка атрибуции некоторых историко-экономических явлений и процессов, а также изучение поведения экономических субъектов через такую экономическую категорию, как рента.

На территории Восточной Европы отсутствует рудное и самородное серебро. Поэтому

* Автор раздела — Н.А. Хан, кандидат исторических наук, доцент, МГТУ — ИЭ РАН.

Один из шведских кладов (по М. Стэнбергеру)

в Средневековье только импортное серебро могло выступать в качестве средства, обеспечивающего собственное денежное обращение. В период со второй половины VIII до начала XI в. на территории Восточной Европы денежное обращение поддерживалось серебряной арабской монетой с географией чеканки от испанской Андалусии до узбекской Ферганы. Наиболее массовым было поступление монет в течение 60 лет X в., когда из рудников Чаткало-Курминского хребта в горах Карамазара в современной Ташкентской области (с содержанием 0,4–0,5 кг Ag на тонну руды) было добыто за период VIII–X вв. свыше 400 т серебра. Причем исследователи горного дела Республики Узбекистан отмечают регулирование объемов добычи полиметаллических руд путем консервации древних рудников. Последние даже маскировались при этом (Буряков, 1974, с. 18–22). Эти исследования говорят и о непосредственной заинтересованности государства Саманидов (875–999) в эксплуатации полиметаллических рудников. Наличие

монеты в серебряном экспорте и приведенные данные свидетельствуют о государственной монополии на добычу и, как следствие, о чеканке монеты государственными учреждениями. Иначе говоря, речь идет об абсолютной ренте, которую получало государство Саманидов. Было выпущено несколько миллионов таких монет. Только в кладах Швеции их насчитывается 150 тыс. экземпляров (Потин, 1993, с. 17)

Саманидское серебро достигало Англии и Ирландии. Оно транзитом проходило через территорию Восточной Европы, участвуя в местном денежном обращении и насыщая ремесленную сферу ювелирным сырьем.

Поскольку Древнерусское государство и государство Волжских Булгар на Средней Волге находились ближе всего к источнику чеканного серебра, то они пользовались дифференциальной рентой первого рода по отношению к западноевропейским участникам-потребителям в получении саманидского серебра, избыток которого не был тезаврирован местным населением. Обилие восточного серебра на рынках Европы, будь то в Булгаре, Новгороде, Хедебю (Дания), Бирке (Швеция), ставило их в положение конечных потребителей, что зачастую толкало иностранных участников серебряного рынка к вооруженному отъему средств. Однако арабская серебряная монета была выгодным товаром для местного населения, на его перепродаже оно получало свою долю дифференциальной ренты, поскольку основой денежного обращения была не импортная монета, а собственные меховые платежные средства. Как и в последующем, западноевропейская монета второй половины X — первой половины XII в., сменившая арабскую в местном денежном обращении, поддерживала метрологический (девизный) стандарт. Таким образом, импортная монета способствовала развитию экономики Древней Руси и сопредельных стран.

Со второй половины X в. начали разрабатываться серебряные рудники Центральной Европы — Чехии, Германии, Австрии (Nef, 1939; 22, с. 268–270), и арабское серебро стало вытесняться из Северной и Восточной Европы. Если принять во внимание, что качество восточного серебра в конце времени его распространения резко ухудшилось (что было связано, вероятно,

с желанием Саманидов повысить рентные поступления, используя инфляционную составляющую), то можно поставить вопрос о наступлении действия дифференциальной ренты третьего рода, появляющейся на основе межотраслевой конкуренции в добывающей отрасли, где продукция имеет более низкие издержки. Это так называемая полярная рента (Гурен, 2003, с. 118–124).

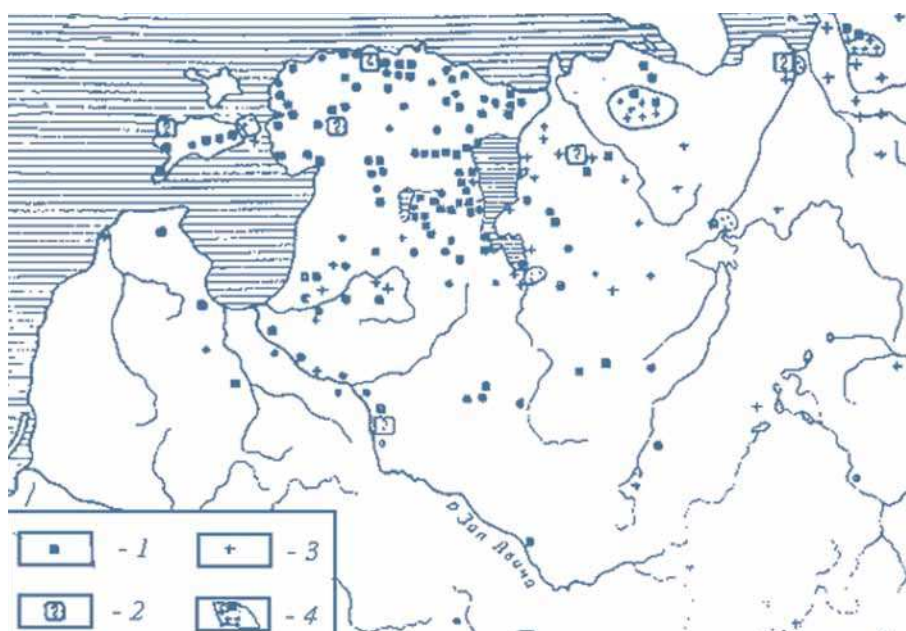
Переключение на западноевропейский источник поступления серебра в монетной форме означало положительное действие полярной ренты, которое приводило к снижению издержек внутреннего денежного обращения на территории Восточной Европы, связанное с поступлением монеты из Англии, Франции, Италии, Чехии и особенно Германии (Потин, 1993, с. 39–40, 186–190). Ареалы распространения восточной монеты и монеты из Западной Европы отражают разное отношение потребителей к серебру. Но, рассматривая их с точки зрения дифференциальной ренты, следует заметить, что в одномоментном срезе картография кладов западноевропейских монет и кладов с монетами реально отражает потребности населения и состояние денежного обращения по сравнению с предыдущей эпохой (рис. 5.1).

Сравнивая топографии восточных и западноевропейских монет X–XIII вв., нетрудно видеть, что остальная территория Руси не испытывала такого прессинга иноземной монеты. И если восточный дирхем был уже ломом, то есть не испытывал на себе рентного механизма, то денарий в этом смысле был сильно переоценен и не мог быть как высокотехнологичный продукт того времени оценен системой торгово-экономических связей на уровне Прибалтика — Германия. Что касается восточной монеты, то «серебряный кризис» конца X — начала XI в. на Востоке, выявленный впервые академиком В.В. Бартольд и связанный с прекращением поставок серебра в Европу, не привел, по наблюдению О.Г. Большакова, к заметному снижению стоимости монеты в странах Ближ-

него и Среднего Востока, а также Центральной Азии, хотя проба ее со временем падала (Большаков, 2002, с. 157–158; Bauer, 1931, S. 99). В это время цены на пряности в Египте не росли, падали цены на потребительские товары в Ираке. Но не росла и зарплата (ремесленников-хлебопек), а также госслужащих, зато росла она у военных (Рябинин Е.А. «Новые данные о «больших домах» Старой Ладogi»). Изложенное позволяет сделать вывод о том, что «серебряный кризис» не отразился на развитии экономики стран Ближнего и Среднего Востока независимо от причин, его породивших. О дефиците серебра на Ближнем Востоке свидетельствует византийско-османский клад, найденный в Синджаре (Турция), где при наличии старших общеримских монет новейшие представлены рубжом XIII и XIV вв. (Miles G., 1939).

Заслуживает дальнейшего изучения и тот факт, что в 1035 г. Масуд Газневи потребовал контрибуцию с Табаристана и Амоля (Сев. Иран) в «один миллион денаров нишапурскими золотыми монетами; 1000 [костюмов-комплектов] драгоценной одежды из Византии и другого производства; 1000 ковров... [и] 5000 шкур меха», что было им получено. «Не менее драматической стороной восточной торговли, — пишет Дж. Мартин, — явилось то, что северный мех также

Рисунок 5.1. Карта массовой тесаврации западноевропейских монет в Восточной Европе X–XIII вв. (по В.М. Потину):
1 — клады; 2 — скопления кладов, 3 — курганные находки;
4 — скопления курганных и иных находок монет

стал полностью доступным двум тысячам гулямов, или солдатам суда, которые носили соболя или шляпы куницы как часть их парадной формы, и другим членам суда Газневидов» (Martin, 1986, p. 18). Учитывая то обстоятельство, что последняя восточная монета, выпавшая в кладах Европы, была отчеканена за 20 лет до этого события (то есть в 1015 г.), значение сообщения источника Дж. Мартина повышается, поскольку 5 тыс. шкурок (скорее всего соболя) необходимо было приобрести за серебряную монету.

С начала распространения западноевропейских денариев Новгород стал финансовой столицей Древней Руси, и его местоположение, а также расцвет были детерминированы логистикой перемещения арабских дирхемов по пути «из варяг в греки и из греков», по Великому Волжскому пути, а позднее поступлением западноевропейских денариев (Носов, 2002, с. 5–42; The Cambridge history of Russia, v. 1, p. 191–192).

Рудники Центральной Европы со второй половины X в. по первую половину XV в. обеспечивали Восточную Европу серебром и вынуждены были в связи с этим нести на себе все тяготы дифференциальной ренты первого рода.

Однако в отличие от предшествующего периода, когда западноевропейское серебро поступало в монетной форме (количество монет в кладах Древней Руси составило до 40 тыс. экземпляров, а всего в других странах вне Германии до 250 тыс. (Потин, 1993, с. 187)), начиная со второй половины XII в. Тевтонский орден и Ганзейский купеческий союз стали поставлять серебро в Новгород в необработанных кусках-слитках, то есть в форме чушек-полуфабрикатов

Один из немецких кусков-слитков (по Bauer)

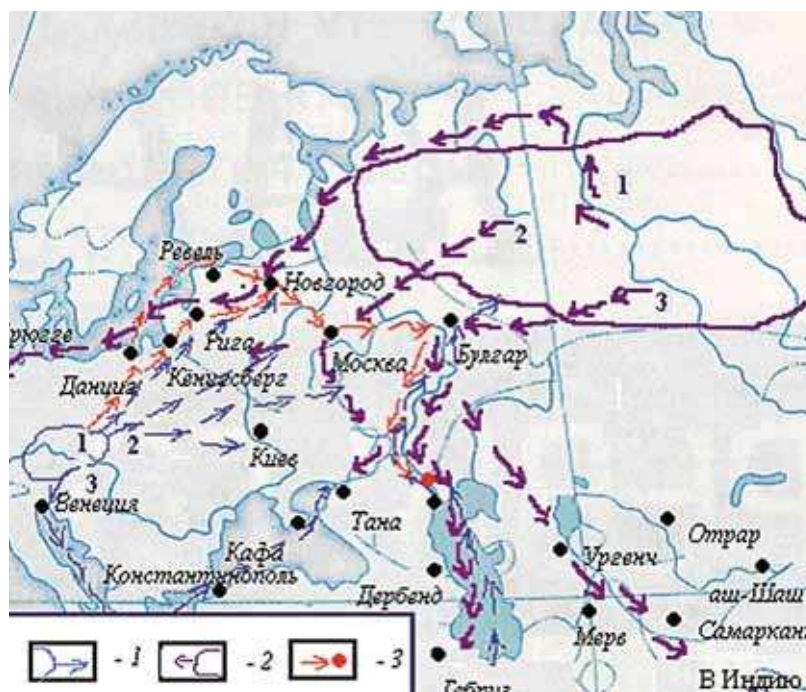

Рисунок 5.2. Карта-схема поступления серебра в Восточную Европу и встречного потока наиболее высококачественного сорта пушнины (соболя)

1. Ареал добычи серебра в Центральной Европе и направления поступления серебра из него: 1 — из Германии; 2 — направление поступления серебра из Чехии, Богемии и Венгрии; 3 — направление поступления серебра из Венеции и Таны.
2. Ареал добычи соболя: 1 — поступление меха в Новгород; 2 — поступление меха в Москву; 3 — поступление меха в Булгар и далее в Тана, Персию и Индию.
3. Движение серебра, отложившегося в кладе Средне-Ахтубинское 1864 г. Астраханской губернии

(Лесников, 1952, с. 263–265; Хан, 2005, с. 268–272; Bauer, 1931, s. 61–100). Простое сравнение двух позиций с точки зрения извлечения горной ренты при сохранении торговых условий поставок (сиф-Новгород) позволяет сделать заключение об «отказе» новгородских купцов от выплат по горной ренте, возникшей на поставках немцами национальной валюты (денариев) в Древнюю Русь. В то же время Германия также отказывалась поставлять в Новгород избыточную добавленную стоимость, которую олицетворяла собой монета. Потоки серебра в Восточную Европу и потоки движения меха представлены на рис. 5.2.

Серебро, добываемое в Центральной Европе, в слитковой форме поступало в Северное Причерноморье, где за гегемонию, согласно С.П. Карпову, в XIII и XIV вв. боролись две итальянские республики — Генуя и Венеция. При этом итальянцы во внутрикониальных рас-

четах пользовались золотоордынской монетой. Отказ итальянцев от монетных эмиссий в Причерноморье объясним нежеланием обслуживать наличный денежный оборот собственно ордынцев, которым серебряных монет требовалось гораздо больше, нежели заморским колонистам.

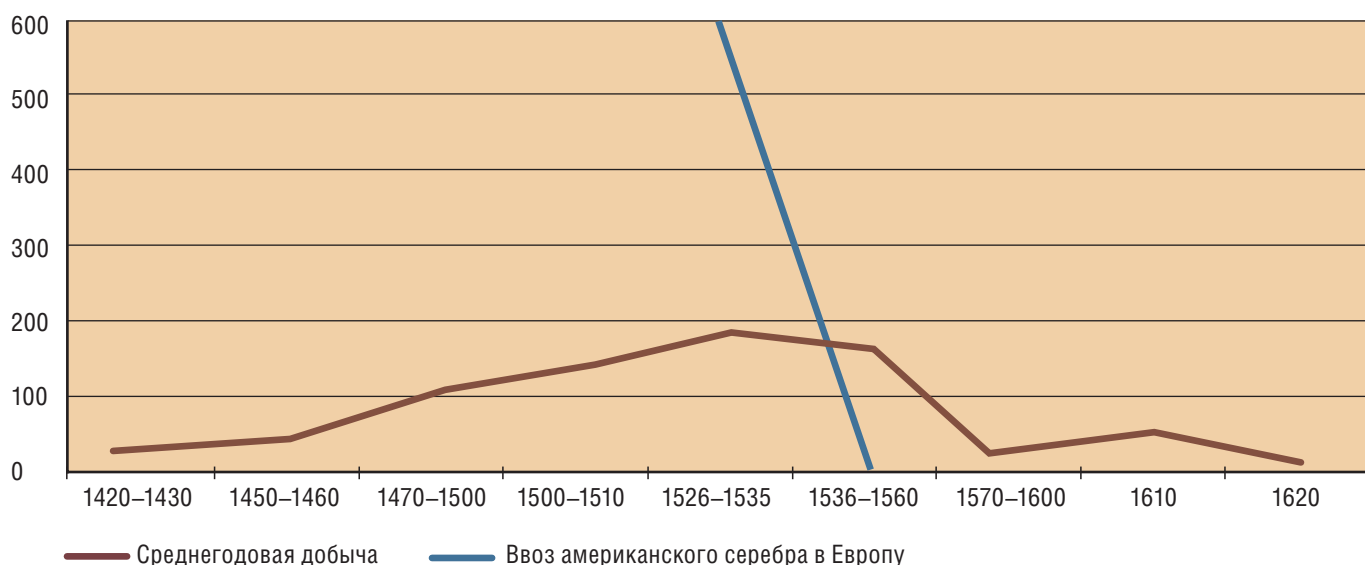
Цикличность в добыче благородных металлов, выявленная, в частности, Н.Д. Кондратьевым (1890–1938) в работе 1928 г. (Кондратьев, 2002, с. 768), позволяет нам, воспользовавшись иностранными источниками, попытаться восстановить цикл добычи серебра. Специальные исследования в области горного дела в Центральной Европе в эпоху развитого Средневековья (Nef, p. 585) показывают, что наиболее низкий уровень добычи серебра в Чехии, Богемии и Силезии был в 20–30-е гг. XIV в. (из-за гуситских войн), а после 1450 г. начался подъем добычи, когда стали эксплуатировать захороненные ранее и затопленные рудники, применять новые методы обогащения породы. Руда, добываемая в горах Центральной Европы, была в основном медносодержащей. Из нее по новой технологии с 1451 г. стали извлекать серебро, используя для этого свинец. Это обеспечило процветание горной промышленности и металлургии в течение всего цикла, который завершился в 1610 г. (Nef, p. 576).

Данные иностранной печати позволили выстроить график, а также уверенно прове-

сти ретроспекцию с учетом того, что Большой Кондратьевский цикл имел повышательную и понизительную волну (рис. 5.3). Со второй половины XIV в. началось снижение добычи серебра в Центральной Европе, что не замедлило сказаться на уровне его поступления в Европу Восточную. Именно такое понимание проблемы помогает правильно, на наш взгляд, объяснить такие процессы, как речное пиратство (ушкунничество), осуществляемое из Новгорода (Уздеников, 1995, с. 51–68, 214). Снижение уровня поставок серебра на другом направлении (причерноморском) подтолкнуло зревшие до того деструктивные процессы в Золотой Орде, весьма желательные для Владимирской Руси (Уздеников, 1995, с. 166–168). Снижение объема добычи серебра в Европе достигло минимального уровня в 1420–1430-е гг. О прямой зависимости между уровнем добычи золота и его свободной ценой вслед за Н.Д. Кондратьевым говорит Ю.В. Яковец (Яковец, 2003, с. 59–60).

Историография прошлого века обсуждала вопрос о причинах падения добычи серебра в третьем десятилетии XVI в. в Центральной Европе. Такой причиной могло быть, по мнению некоторых ученых, мощное поступление серебра с американского континента (Nef, p. 587, 591). Нашло ли в этом проявление полярной ренты — вопрос, который заслуживает самостоятельного изучения, и в рамках рассматриваемой темы возможен целенаправленный поиск в данном направлении. Если следовать утверждению Дж. Нефа о том, что рудники Америки были менее

Рисунок 5.3. Динамика серебряного рынка Европы в XV — начале XVII в. (по данным Дж. Нефа)

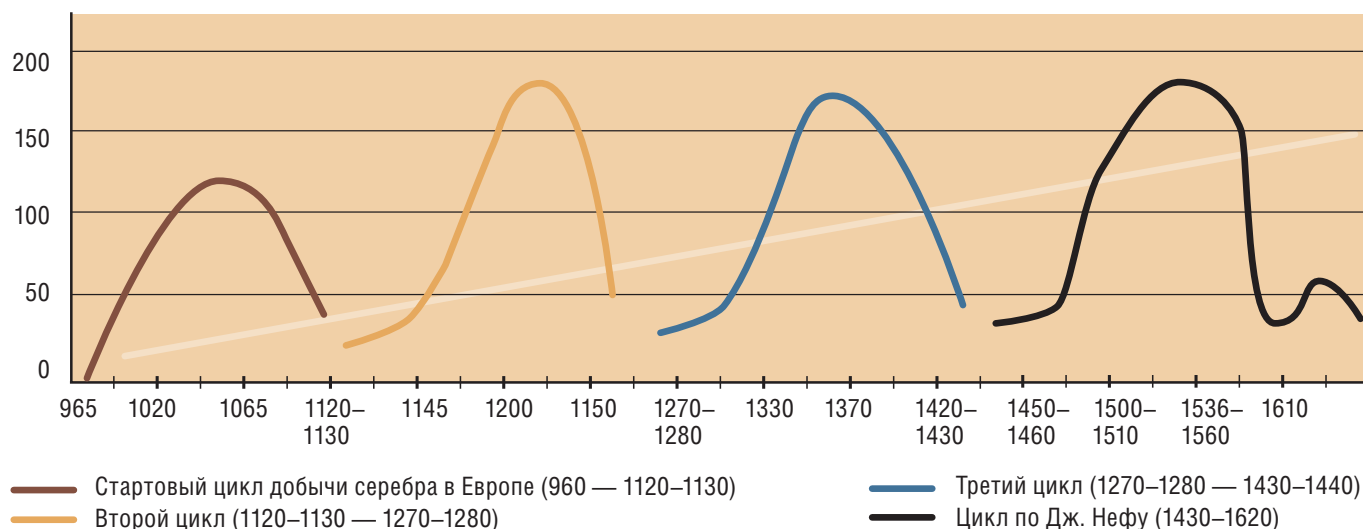

богаты, чем рудники Германии, Австрии, Чехии и Венгрии, то извлечение ренты в глобальном масштабе не следует путать с драгметаллом (золотом), «добытым» конкистадорами из храмов древних цивилизаций Америки.

Существует множество вариантов периодизации развития мировой экономики. Их авторами были Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, Дж. Кейнс, В.В. Леонтьев. Хронологический период времени 1450–1618 гг. — полный цикл добычи, выделенный и в целом охарактеризованный Дж. Нефом, составлял 168 лет. Поскольку мы располагаем надежными данными о начале добычи серебра в горах Центральной Европы, датируемые 965 г. для Германии и 968 г. для Чехии, то количество циклов добычи драгметалла до 1450 г. равняется трем, с условными хронологическими рубежами — 1120–1130 и 1270–1280 гг. Помня о том, что Н.Д. Кондратьев предупреждал о влиянии на продолжительность циклов войн, революций и других социально-исторических явлений, цикл, описанный Нефом, следует начинать не с 1450 г., как предлагает Неф, а связать его с гуситскими войнами (1420–1440), которые еще больше обострили положение на рынке серебра в Европе. В результате получаем, что с начала добычи серебра в центральноевропейской горной провинции цикл длился до 1450 г. Таким образом, перед открытием Колумбом Америки

Рисунок 5.4. **Диаграмма добычи серебра в Центральной Европе со второй половины X — в первой половине XV в.**

Тренд линейный, демонстрирующий, даже без данных ввоза американского серебра, непрерывное нарастание добычи серебра в Европе

существовало три цикла добычи серебра с отчетливо выраженной динамикой подъема и снижения и длительностью около 170 лет (рис. 5.4).

Заметим, что длительность цикла была настолько велика, что эксперты того времени не успевали зафиксировать эту периодичность как экономическую закономерность и каждый раз вынуждены были «изобретать велосипед», приспособливаясь к процессу сообразно политико-экономической ситуации. То есть ни о каком сознательном управлении или даже о предвосхищении событий в этой области говорить не приходится.

Данные ретроспективно-экстраполяционного наблюдения позволили выйти на уровень понимания многих историко-экономических явлений и процессов в средневековой Европе, а также в Древней Руси, являвшейся наряду с Данией, Швецией, Норвегией и Финляндией основным потребителем драгоценного металла, добытого в Альпах.

В этой связи начало прекращения чекана монеты в городах Германии в 1120 г. следует связывать со сменой циклов добычи серебра. На Руси смена цикла (переход от первого цикла ко второму) сопровождалась переходом на поставки необработанного серебра из Германии, двукратным изменением денежного счета сначала ввиду затухания поставок, а затем, вероятно, в связи с изменением эмиссионного источника литья гривен серебра и приведением денежного счета к метрологическому стандарту.

Если окончание первого цикла фиксируется прекращением чеканки германских монет, а также началом ввоза в Новгород серебра

в кусках-чушках — слитках серебра первичного обогащения, то началу второго цикла предшествовали события, которые однозначно свидетельствуют о снижении объема выпуска монет в Западной Европе.

Согласно Ст. Болину, в Португалии, Франции, Дании в 1231–1260-х гг. был введен новый налог на чеканку монет, получивший название «плужные деньги» (Plough Money). Причем о снижающейся чеканке и снижении поступления налогов в королевскую казну названных государств свидетельствует динамика движения средств, когда горожане стремились уменьшить сумму налогов или увеличить срок налоговых освобождений за право чеканки (Bolin, p. 13–20). Исследователь при этом привел сведения по странам, наиболее удаленным от рудников центральной европейской горной провинции (Англия и Швеция с XI в. имели свою горнодобывающую отрасль). Следовательно, середина XIII в. — время снижения добычи серебра в континентальной Европе — связана с событиями в Центральной Азии, где была своя рудная база серебра, и в Европе Восточной, где последней не было.

Выход из пике добычи серебра в середине XIII в. отмечен подъемом веса монеты в Германии со второй половины XIII в., в то время как во Франции и Англии наблюдалась обратная картина (Михалевский, с. 261–264). Естественно, подъем добычи драгоценного металла привел к росту объемов его ввоза в Новгород. Его дешевизна не могла не беспокоить новгородские денежные власти. В результате был изобретен слиток, получивший название рубля, где верхняя отливка была истинной, а нижняя — фальсифицирована. Такая инновация делала слиток-рубль эффективным валютным оружием для борьбы с инфляцией во внутреннем денежном обращении, а также подрывала торговые и платежные балансы контрагентов, так как он принимался по счету и на вес (но не на пробу). Если на этот период монетки Германии имели доходность на чеканке монет в пределах 4–8%, их коллеги в Дании — в пределах 8%, то новгородские ливцы на эмиссии рубля-слитка — 13,33% (Хан, с. 183–187). Таким образом, рентные поступления казны Новгородской феодальной республики, носившие абсолютный характер и казавшиеся неиссякаемыми, зависели только от состояния внешнеэкономических связей.

Объемы поступления серебра в Восточную Европу играли немаловажную роль в историко-политических процессах и денежно-кредитной политике государств этого региона. Будущие исследователи истории горного дела Центральной Европы должны определить характер и степень воздействия на экономику средневековой Европы колебаний в добыче серебра на рудниках Чехии, Тироля и Южной Германии.

С начала добычи серебра на рудниках Центральной Европы оно поступало в Древнюю Русь в виде монет до середины XII в., затем до 1410 г. исключительно в слитках, если речь идет о Новгороде — главном посредническом центре в торговле серебром на Руси. По подсчетам Ф.А. Михалевского, к моменту открытия Америки вся Европа располагала 650 т золота и 10–10,5 тыс. т серебра (Михалевский, 1848, с. 225). Европа словно замерла перед открытием Америки и последовавшим вслед за этим наплывом сначала золота, а затем и серебра.

Логистика серебра, добываемого в Европе, по мере продвижения к потребителю организовывалась таким образом, что позволяла различным субъектам рынка валютного металла успешно продвигать его через пункты последующей переработки, где все время приращивалась добавленная стоимость. Рассмотрим один из самых больших фрагментов движения серебра, добытого в Европе, на примере клада, найденного у д. Средне-Ахтубинская Астраханской губернии в 1864 г. и состоявшего из 50 слитков-полтин с русскими монетами XV в. (Bauer, 1931, s. 80; Хан, с. 108) (*табл. 5.1*).

Чешская или саксонская руда обогащалась на месте рудников — в Богемии; перевалка в Данциге (Гданьске); доставка в Ригу (Ревель). Из Риги или из восточнопрусских городов сухопутным путем непосредственно в Псков или Новгород. Переплавка в рубли-слитки, затем доставка рублей в Москву, где изготавливались и маркировались полтины, а затем в результате торговых операций через Волжскую Булгарию серебро в составе клада выпало в современной Астраханской области.

Приказчики Тевтонского ордена, потерпевшего поражение в Грюнвальдской битве 1410 г. от русско-польско-литовских войск, получали серебро в маркированных слитках и, действуя

Добыча	Обогащение	Доставка (сиф-Новгород)	Литье рублей	Торговля и поставка рублей в Москву	Изготовление московской валюты	Торговля
→		→	→	→	→	→
Тироль, Верхний Грац, Богемия, Саксония или Силезия (Обогащение на месте)		Данциг (Гданьск), Кенигсберг — Рига (Ревель) — Таллин	Новгород	Москва	Москва	Булгар — Ходжатархан

Таблица 5.1. **Логистика серебра в Восточной Европе**
(на примере клада Средне-Ахтубинское 1864 г. Астраханской губ.)

по договору поручения или комиссии, доставляли его в мешках в Новгород. В хождении у иностранцев валютный металл обращался в качестве прусской марки — 186,5 г (Лесников, 1952, с. 262). Данные М.П. Лесникова, составленные на основе изучения бухгалтерской отчетности Ордена, показывают отчетливо выраженную тенденцию снижения таких поставок с 3766 прусских марок в 1398 г. до 1736 прусских марок в 1403 г. (Лесников, 1952, с. 277). Сведения, приведенные А.Л. Хорошкевич о поставках серебра в Новгород и действиях западных поставщиков (Хорошкевич, 1963, с. 282–284), лишь на первый взгляд могут свидетельствовать о хаотичности и непоследовательности, поскольку известно, что величина поставок все время уменьшалась, но не была меньше 323 кг в год (табл. 5.2). Она оставалась таковой и в 1410-х гг., и это означает, что западные поставщики валютного металла в Новгород достаточно активно занимались регулированием серебряного баланса Новгородской республики, постоянно снижая его к середине XV в. В этой связи можно понять и действия новгородских денежных властей.

Экстраполяция приведенных данных о ввозе серебра с установленным В.М. Потиним количеством денариев, выпавших в стране-эмитенте в соотношении как 250 000 к 40 000, составляет 6,25. Это означает, что ввоз серебра в Северо-Западную Русь был в 6,25 раза меньше, нежели экспорт такового из Германии в целом. Еще предстоит установить, можно ли полученные данные экстраполировать на максимальные величины добычи серебра в Европе — 180–210 т в год, поскольку существование такого понятия, как «емкость рынка», не позволяет решать проблему механическим образом. Сейчас мы ограничимся периодом первой половины XV в.,

когда уровень его поступления был минимальным, а также попробуем проверить цифры, полученные на основе анализа данных бухгалтерских книг Тевтонского ордена.

Поскольку клады, источниковый потенциал которых мы только сейчас показали, являются отражением выпадения артефактов из обращения по разным причинам, это позволяет установить искомую величину, которая вполне сопоставима с данными бухгалтерской отчетности Тевтонского ордена. Значение этих сведений состоит в том, что они относятся ко времени минимального объема добычи серебра в Европе, а значит, отражают реальную ситуацию на рынке серебра в Великом Новгороде. Следовательно, Новгород должен был получать от 4 до 4,4 т серебра в год в среднем в течение всего рассматриваемого цикла. Конечно, драгоценный металл, добытый в Германии, не распределялся по квотам или долям. Известно, что Ганзейский купеческий союз, в который входили и города Тевтонского ордена Данциг и Кенигсберг, неоднократно полностью запрещал поставку серебра в Новгород (Хорошкевич, 1963, с. 283–287; Martin, 1986, p. 66–67; The Cambridge history of Russia, 2006, p. 170–173), что полностью совпадает с понижательной волной цикла Нефа.

Предварительные оценки, осуществленные на основе анализа контрибуций, назначаемых князьями и посадниками в XIV — начале XV в. (Хан, с. 67–77), показывают, что необходимая минимальная величина объема ввоза серебра для репродукции слитковой части денежной массы должна была составлять 1–1,5 т серебра в год. Это выводит на понимание возможного уровня поддержания нормального состояния финансовой, ремесленной и торговой системы в Новгороде и как следствие степени устойчивости, ликвидности и надежности его экономики.

Вместе с тем установленная внутренняя цена лучшего сорта белки «шёнверк» составляла

5–9 рублей за тысячу шкурок (924, 36–1663, 848 г серебра), а экспортная — в пределах 30 прусских марок (5,595 кг). Отсюда рента ценового вида составляет 4,67–3,93 кг серебра на каждой тысяче шкурок. Среднегодовой вывоз белки из Новгорода до кризиса 1446 г. составил 600 тыс. шкурок (максимально 840 по Мартину), что позволяет установить чистый рентный доход, включающий в себя и налоги, равный 2358–2802 кг серебра в год. И это только на белке.

Заметим, что рента Новгорода, в том числе и ценовая, основанная на природном факторе, состоит в марже между прусской маркой (186,5 г) и новгородским рублем-слитком, описанным Ланноа (184,781 г). Прусская денежная единица составляла эмиссионную основу в Новгороде для выпуска новгородского рубля-слитка. Интересно, что самым западным пунктом упоминания денежной единицы «рубль» был Полоцк, как это следует из полоцко-рижских договоров 1405–1407 гг., когда была использована дефиниция «во одного рубля» (Трутовский, 1911, с. 27–28).

Абсолютный характер носила рента, которую «выдавали на гора» новгородские денежники, когда слиток Ланноа отливали в два приема. В историографии проводились конкретные подсчеты объемов выпусков российских монет (Узденников, 1995, с. 84). Отсюда становится понятным, что 1–1,5 т серебра в год в виде слитков, отливаемых в два приема в процессе реэкспорта, приносили Господину Великому Новгороду рентные поступления, которые стоили того, чтобы возвести их в ранг государственной политики. Именно поэтому ренту следует называть абсолютной. В политическом плане это выражалось в существовании значительной прослойки бо-

ярской олигархии, которая была ориентирована на получение сверхдоходов.

Скорректированные здесь цифры ввоза серебра в Новгород купцами из Пруссии, как видно из последующих событий, не удовлетворяли Новгород в количественном отношении. Степень монетизации экономики — знаковый макроэкономический показатель. Ее динамику и значение для макроэкономической стабильности исследовал Е.И. Ясин (Ясин, 2005, с. 11). Методика его изысканий может быть перенесена на средневековую модель, хотя оценка ВВП в средневековую эпоху наталкивается на определенные трудности. Здесь показан масштаб ввоза серебра в Новгород, однако значения иных параметров экономики, даже размеры внешнего товарооборота, пока не установлены. Представляется вполне потенциально возможным выявить отношение количества драгоценного металла, необходимого Новгородскому государству, к общей денежной массе, которая требовалась хотя бы для покрытия отрицательного сальдо торговли «с низом». Необходимо еще было насыщать внутреннее денежное обращение и обеспечивать ремесленную «промышленность» сырьем и, самое главное, поддерживать металлический стандарт — отношение количества слитков к иной неслитковой части МО.

Как сообщает Псковская летопись, в 1407–1409 гг. в Пскове был большой урожай хлеба (Аристов, 1866, с. 288), излишки которого пошли на экспорт, а полученные за зерно деньги могли быть использованы по-разному — образовать резерв или начать эмиссию собственной монеты (например, с помощью надчеканов импортных монет или их обрезки). С точки зрения экономики, действия посадника Григория Богдановича, который, согласно Новгородской летописи, в 1410 г. ввел иноземную монету во внутреннее денежное обращение, понятны. Новгородский посадник лоббировал на вече введение иностранных денег в Новгородской республике, обосновывая «серебризацию» экономики повышением уровня жизни. С историографической точки зрения вызывает глубокое уважение мысль нумизмата В.К. Трутовского, высказанная им во многом априорно в 1911 г.: «Реформа 1410 г. — ответственное, но необходимое финансовое мероприятие» (Трутовский, 1911, с. 78).

Таблица 5.2. **Ввоз серебра в Новгород Тевтонским орденом**

Источник: Карпов, 1994, с. 277, 263

Годы*	Уплачено за товары в Новгороде (прусские марки)	В кг
1398	3600	671,4
1399	2800	522,2
1400	2585	482,1
1402	1282	239,1
1403	1736	323,8
Итого:	12 003	2238,2

* Данные за 1401 г. отсутствуют.

С точки зрения категориального аппарата экономической науки, переход от потребления немецкого серебра в слитках на прямое введение в обращение серебряной монеты выглядит как попытка преодоления негативных последствий цикличности в условиях нисходящей волны Кондратьевского цикла, а также как стремление поставщиков серебра из Центральной Европы увеличить рентные доходы по первой форме дифференциальной ренты. Разумеется, что ливонские гроши и немецкие артуги свою покупательную силу в Северо-Западной Руси повысили в том смысле, что позволяли иностранцам покупать товары и недвижимость ниже реальной цены (Бурлачев, 2003, с. 205–207). Горная рента, специально изучавшаяся Ю.В. Разовским, классифицирована как абсолютная и дифференциальная (Разовский, 2000, с. 59, 68, 75, 120–121, 171).

Тевтонский орден поставлял в Новгород серебро не самого последнего передела, а в слитках. Это был ремесленный полуфабрикат, претензии к пробе которого у новгородцев были всегда. Интерпретация данных Лесникова позволяет установить полутокатное повышение цены серебра в Новгороде в сравнении с ценой его в Германии, что представляет собой горную ренту (Гурен, 2003, с. 118–124) немецких поставщиков валютного металла по первой форме. Измеряемое в немецких денежных единицах серебро было тем товаром, который шел в обмен на товары новгородского экспорта: меха, воск, мед, лес и т.д. При этом иноземным купцам разрешалось делать закупки внутри Новгородской земли.

Согласно Дж. Мартину, конъюнктура рынка до середины XIV в. благоприятствовала вывозу из Новгорода серой белки, тогда европейская красная белка пользовалась меньшим спросом (Martin, 1986, p. 66, 159).

Интересно, что Москва в период 1425–1446 гг. сохранила и даже увеличила чеканку монет благодаря использованию скорее всего серебра из Венгрии. Оно полностью шло на нужды Великого княжества Владимирского. И рассредоточение эмиссии монеты по подмосковным княжествам — Верейскому, Можайскому, Дмитровскому, Серпуховскому, Звенигородскому — свидетельствует не столько о слабости центральной власти, сколько о рассредоточении государственного фонда серебра, что наделило каждое из княжеств

определенными правами по валютному регулированию и экспортному контролю за движением валютного металла.

Таким образом, в условиях дефицита серебра и ниспадающей волны Кондратьевского цикла в его добыче по данным историко-экономических исследований выдвигаются две модели поведения субъектов экономических действий. Первая — новгородская — «спрямление» действия дифференциальной ренты через получение продукта самого высшего передела, то есть «звонкой монеты». Вторая — московская — рассредоточение монетной эмиссии по подмосковным княжествам, сделавшее Великое княжество Московское конечным пунктом Восточной Европы на пути движения серебра, добытого в Венгрии и Чехии.

Денежные власти в Средневековье не могли знать понятия ренты, однако сознательное, целенаправленное использование механизмов образования рентных выплат, стремление насытить свой денежный рынок драгоценным металлом способствовало появлению таких действий, которые сегодня называют управлением ликвидностью собственного денежного обращения.

Итак, субъекты Средневековья строили свои экономические и политические взаимоотношения с учетом ренты и механизма рентных поступлений. При минимальной потребности серебра 1–1,5 т в год новгородцы в начале XV в. получали в пределах трети тонны, что неизбежно заставляло власти принимать разные меры. Это и введение в обращение иноземной монеты, и (или) принципиальный отказ от монетного обращения.

5.8. ТОРЖОК: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ОЧЕРК РУССКОГО ГОРОДА*

5.8.1. Что такое Торжок?

Когда вдумчивый путешественник впервые оказывается в Торжке, его поражают два обстоятельства. Во-первых, отсутствие в этом очень древнем городе древних архитектурных сооружений — древнейшее относится лишь к началу XVII в. Объясняется это весьма просто. Торжок и его уезд — родина знаменитых архитекторов XVIII в. С.И. Чевакинского и Н.А. Львова. Для них, «птенцов гнезда Петрова», древнерусская архитектура была «рухлядь», не вызывающей особо-

* Автор — П.Д. Малыгин, кандидат исторических наук.

го интереса. Снести «старье» и построить что-то модное на своей малой родине считалось долгом. Вот поэтому на месте плинфяного, расписанного фресками еще в конце XII — начале XIII в. Борисоглебского храма сейчас стоит классический собор — самая грандиозная постройка Н.А. Львова. Его примеру последовал и К.И. Росси, разработавший в начале XIX в. проект центрального собора Торжка вместо храма XIV в. Второе, что поражает гостя Торжка, — это плачевное состояние большинства архитектурных памятников. И этому печальному факту есть объяснение. В 50-тысячном райцентре — Торжке столько же памятников, сколько и в 400-тысячном областном центре — Твери. Равное количество памятников, но несопоставимые финансовые и технические возможности.

Географически Торжок находится в самом центре Тверской области на отрогах Валдайской возвышенности, где гармонично сочетаются холмистый рельеф и величественные архитектурные сооружения. Но как это ни парадоксально, в историко-культурном отношении это не тверской, а новгородский город, попавший в административную систему Твери лишь в XVIII в. До этого времени взаимоотношения Торжка и Твери были сложными и драматичными. Выдающийся исследователь истории Тверского княжества В.С. Борзаковский справедливо отмечал, что «Торжок и Тверь были близкие соседи и давнишние враги» (Борзаковский, 1994, с. 155).

Исторически сложившаяся планировочная структура Торжка неразрывно связана с ландшафтом территории города, который в прошлом постоянно учитывался градостроителями. Темпы нарастания культурного слоя, его структура во многом также зависели от геолого-ландшафтной ситуации в исторической части города. Именно неразрывная связь планировочной структуры и рельефа делает Торжок уникальным памятником под открытым небом, который может преподноситься туристам и экскурсантам как многообразный историко-природный комплекс.

Первое косвенное упоминание о Торжке в летописи относится к 1015 г., когда началась христианизация окрестных новгородских земель. Здесь в первой половине XI в. Ефремом Новоторжским (Угрином) был основан Бори-

Введенская церковь Борисоглебского монастыря. Первая половина XVIII в. Древнейший из сохранившихся на сегодняшний день храмов Торжка

Памятник Н.А. Львову в Торжке

соглебский (Романодавидовский) монастырь, который является древнейшим православным монастырем России. До возникновения в середине XIII в. Твери как столицы соседнего с Новгородской землей княжества Торжок был единственным крупным городским центром на Верхневолжье.

Как археологический комплекс Торжок не имеет себе равных не только в Тверской области. Напомню, что именно культурный слой древнейшего на Верхневолжье города дал:

- единственный на пространстве от Великого Новгорода до Ростова Великого домонгольский каменный храм с великолепными фресками;
- самые южные для Новгородской земли и самые древние для Центральной России каменные оборонительные сооружения середины XIV в.;
- третью по величине (после Новгорода и Старой Руссы) коллекцию берестяных грамот XI — начала XIII в. (19 берестяных документов);
- второй после Пскова сфрагистический комплекс (музей свинцовых печатей), позволяющий более глубоко изучить политическую историю средневековой Руси.

Торжок. Гравюра А. Олеария. 1630-е гг.

В археологическом отношении Торжок сопоставим с Псковом и Смоленском. Комплекс Верхнего и Нижнего городища и культурный слой посадов Торжка на площади 150 га преподнесет археологам еще много удивительных открытий.

5.8.2. Имя города говорит о многом

Весьма интересны наблюдения над бытованием в летописях названия города в двух вариантах: «Новый Торг» и «Торжок». Древнейший и наиболее детально отображающий историю Торжка летописный источник — Новгородская первая летопись (далее — НПЛ) фиксирует название «Новый Торг» в период с 1139 по 1195 г. и под 1197 г. Под 1196 и 1215 гг. название «Новый Торг» сосуществует с названием «Торжок». В НПЛ под 1300 г. содержится еще одно весьма необычное известие о Новом Торге: «Того же лета, весне, погоре Новый торгъ». От попыток связать в данном случае «Новый торгъ» с каким-либо другим городом следует отказаться.

Археологические наблюдения показывают, что на Нижнем городище угольных прослоек, которые можно связать с пожаром, в слое конца XIII — начала XIV в. не прослеживается. Однако на Верхнем городище под слоем, из которого происходит печать Саввы, наместника новгородского архиепископа Давида (1309–1325), отчетливо фиксируется прослойка черного гумуса с углем. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что пожар 1300 г. произошел на Верхнем городище и соответственно «Новый Торг» — это крепость на Верхнем городище, которую нужно связать с резиденцией князя и его наместников. При разорении Торжка в 1315(1317) г. тверским князем Михаилом Ярославичем, как свидетельствует Тверская летопись, были сожжены лишь посады («пригород») Торжка (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. 15, стб. 408).

Весьма показательно, что первое упоминание о «Торжке» (без сочетания с названием «Новый Торг») в НПЛ под 1210 г. дается в контексте с первым упоминанием о новоторжском посаднике, а упоминание «Торжка» под 1211 г. — в сочетании с известием о новгородских волостях: «...князь Мъстиславъ... самъ идее наТържкъ блюсти волости...» (НПЛ, с. 51, 52, 249). В договорных грамотах Новгорода с князьями Новоторжская волость неизменно именуется «Торжком». Сочетание названий «Новый Торг» и «Торжок», встречаемое в НПЛ под 1196 и 1215 гг., совпадает с периодом уходов князей из Новгорода в Торжок.

Таким образом, есть основания для предположения, что под термином «Торжок» в НПЛ подразумевается новгородская боярская «часть» (прежде всего Нижнее городище), а под термином «Новый торг» — княжеская «часть» (Верхнее городище). Скорее всего «новым» Новый Торг назван по отношению к древнему Нижнему городищу. Предложенное объяснение двойного

Вислые свинцовые печати новоторжских владычных наместников. XIV в.

наименования города раскрывается в знаменитых словах Мстислава Удатного, произнесенных на новгородском вече после ухода в 1215 г. из Новгорода в Торжок Ярослава Всеволодовича: «...да не будетъ Новыи тѣргъ Новгородомъ (над Новым городомъ), ни Новгородъ Тѣржкомъ (под Торжкомъ), нѣ кѣде святая Софія, ту Новгородъ...» (НПЛ, с. 55, 254). Слова Мстислава принято считать символическими. На наш взгляд, в них заложен конкретный смысл. Новый Торг претендует стать Новгородом, так как Ярослав Всеволодович пытается перенести сюда княжеский стол, Новгород же не может находиться под властью Торжка, так как Торжок — центр лишь одной из новгородских волостей.

Если для новгородцев торговый город на их юго-восточных границах по сравнению с великим новгородским торгом был «торжком», то для князей Северо-Восточной Руси, Смоленска и Чернигова это был чрезвычайно значимый и притягательный центр, который они именовали опять-таки по аналогии с Новгородом «новым торгом».

Таким образом, в Средневековье центральная укрепленная часть города с собором Спаса Преображения и вечевой площадью (Нижнее городище) именуется Торжком, в то же время как княжеский

Новоторжская берестяная грамота № 17 (конец XII в.) — феноменальная находка Новоторжской археологической экспедиции 2001 г.

замок (Верхнее городище) — Новым Торгом. Эти два названия города в совокупности дали звучные наименования жителям (новоторжцы или новоторы) и окрестным землям (новоторжские).

5.8.3. Древнейший монастырь России

Судя по церковным источникам, первое официальное проникновение христианства на Верхневолжье следует датировать началом XI в. В это время в Торжке (Новом Торге) появился бывший конюший боярин ростовского князя Бориса Владимировича Ефрем (Ефрем Угрин). В Житии Ефрема Новоторжского (Малыгин, Кузнецов, 2003, с. 280–289) говорится, что он родом венгр (угрин), брат Георгия и Моисея. После трагической гибели в 1015 г. князей Бориса и Глеба и брата Георгия Ефрем ушел из района Киева и появился близ уже существующего города Торжка. Сначала в трех верстах от города (в районе теперешнего села Семеновского) он построил «странноприимницу», а затем (в 1038 г.)

в Торжке воздвиг храм в честь Бориса и Глеба и, «монахов собрав много», основал Борисоглебский монастырь. Умер Ефрем в 1053 г. В 1572 г. были обретены мощи Ефрема; в 1584–1587 гг. Ефрем был официально причислен к лику святых (Малыгин, 1990, с. 10).

Житие Ефрема Новоторжского, составленное в конце XVI в., — источник весьма сложный для изучения, и вокруг него вот уже более 100 лет ведутся споры. В.О. Ключевский, Е.Е. Голубинский, М.Н. Тихомиров считали Ефрема легендарным героем или реальным лицом, но жившим гораздо позднее XI в. Главными их аргументами являются, во-первых, факт очень позднего составления Жития Ефрема; во-вторых, то, что монашество в XI в. лишь зарождалось (один из древнейших Киево-Печерский монастырь был основан только в 1051 г.), и в-третьих, то, что монастырь и церковь, посвященные Борису и Глебу, не могли существовать до официальной канонизации (перенесения мощей) этих святых в 1072 г. М.П. Погодин, А.В. Куза и Д.С. Лихачев, напротив,

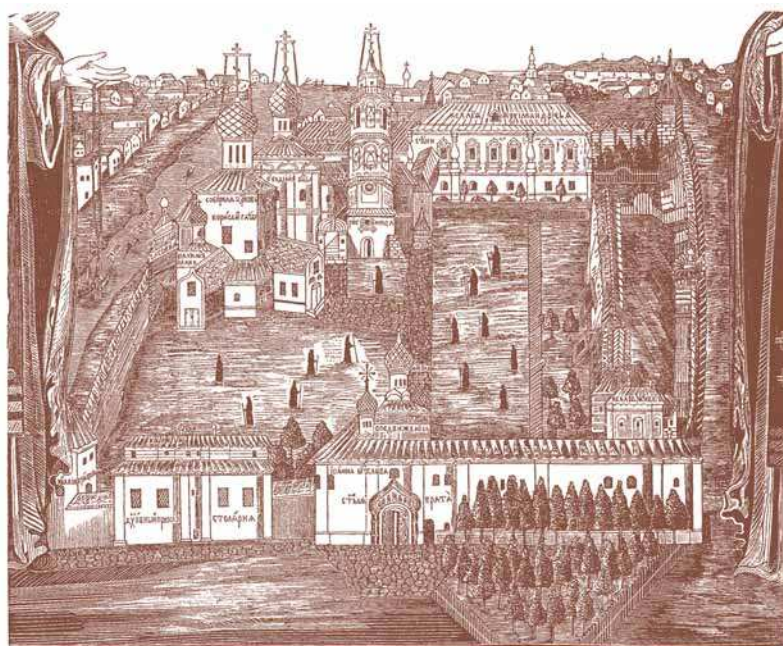
Борисоглебский монастырь — древнейший монастырь России.
Общий вид

настаивают, что данные Жития Ефрема вполне достоверны, ссылаясь при этом на упоминание Ефрема Новоторжского под 1015 г. в Новгородской третьей летописи (Новгородские летописи, 1879, с. 176) и на четкое соответствие Жития «Сказанию» о князьях Борисе и Глебе. Дальнейшие исследования внесли коррективы в изучение этого вопроса. Крупный специалист по древнерусской литературе И.У. Будовниц выделил из списков Жития Ефрема конца XVI — XVII в. «Повесть о разорении Торжка» 1315(1316) и 1372 гг. (Будовниц, 1960, с. 446–451). Таким образом, местное почитание Ефрема имело место в Торжке по крайней мере уже в XIV в. Еще одно свидетельство о Борисоглебском монастыре, как выяснилось, восходит к периоду деятельности Юрия Долгорукого, а точнее к 1148 г. В это время Юрий, в крещении Егорий Васильевич, пожертвовал в Новоторжский монастырь шитую «палицу» — четырехугольный плат, привешиваемый при бедре с правой стороны у церковнослужителей (Малыгин, 1987, с. 39–40).

До недавнего времени и автор этих строк считал, что Ефрем Угрин (Новоторжский) был реальным христианским миссионером первой половины XI в., о чем красноречиво говорит практически полное отсутствие языческих курганов XI–XII вв. в ближайших окрестностях Торжка (Малыгин, 1990, с. 12–13; Малыгин, Лавренов, 2002, с. 22, 24). Учитывая также так называемую официальную канонизацию Бориса и Глеба 1072 г., он был убежден, что монастырь, посвященный святым князьям Борису и Глебу, мог появиться в Торжке лишь после этой даты (Малыгин, 2002, с. 22).

Более пристальное изучение комплекса источников по канонизации Бориса и Глеба и Ефрема Новоторжского позволило изменить это мнение. Дело в том, что ни летописи, ни «Сказание», ни «Чтение» о Борисе и Глебе при описании перенесения мощей святых в мае 1072 г. среди участников этой церемонии не называют новгородского епископа. А это обстоятельство дает повод полагать, что культ князей-страстотерпцев в Торжке, исконном новгородском городе, мог быть распространен и до 1072 г.,

**Борисоглебский монастырь
с иконы Ефрема и Аркадия Новоторжских начала XVIII в.**

а канонизация Бориса и Глеба в это время не была первой и общерусской; вместе с тем праздник Бориса и Глеба не был включен в месяцеслов Остромирова Евангелия (Парамонова, 2003, с. 252), переписанного для новгородского посадника Остромира в 1056–1057 гг. (Янин, 2003, с. 70–71).

Литургические памятники, связанные с культом Ефрема Новоторжского, позволяют сделать вывод о том, что до 1072 г. в Торжке существовал основанный Ефремом монастырь, посвященный во имя святых патронов Бориса и Глеба — Романа Сладкопевца и Давида Псалмопевца (Малыгин, 2006, с. 8; Поппэ, 1995).

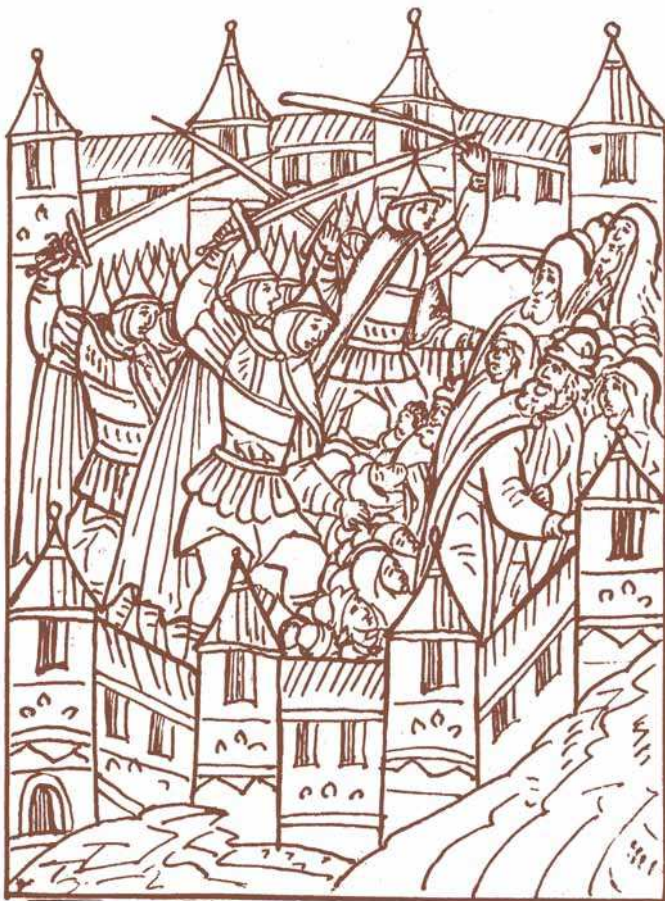
В Новгороде на Троицком раскопе в слое 70-х гг. XI в. обнаружена берестяная грамота (№ 906), которая является самым ранним документом с именами святых Бориса и Глеба (Зализняк, 2004, с. 282–283). В связи с этим можно полагать, что так называемая канонизация 1072 г. узаконила в статусе святых уже непосредственно мирские имена князей-страстотерпцев. Следовательно, с 1038 г. (дата принята в историографии XIX в.) в Торжке существовал Романо-давидовский монастырь, переименованный после 1072 г. в Борисоглебский, являющийся ныне древнейшим православным монастырем на территории России, которому в 2013 г. исполнится 975 лет.

5.8.4. Политическая дилемма средневекового Торжка: с Новгородом или с Москвой?

XII — начало XIII в. — расцвет древнего Торжка. Здесь, как и в Новгороде, сложилась система управления, где на паритетных началах власть принадлежала новгородскому архиепископу с боярами и князьям. К концу XI в. принцип паритетного представительства, а вместе с ним система «сместного» суда князя и посадника стали все чаще и чаще нарушаться. Конфликтующие с боярской администрацией князья взяли за правило уходить из Новгорода в Торжок. Они умело использовали стратегическое положение города на реке Тверце, по которой в Новгород поступал хлеб из Владимиро-Суздальского Ополя. Именно в Торжке князья начали применять безотказное оружие против непокорного Новгорода — хлебные блокады.

Блокада в Торжке хлебной дороги вызывала голод в столице республики, и боярским властям приходилось принимать условия коварных

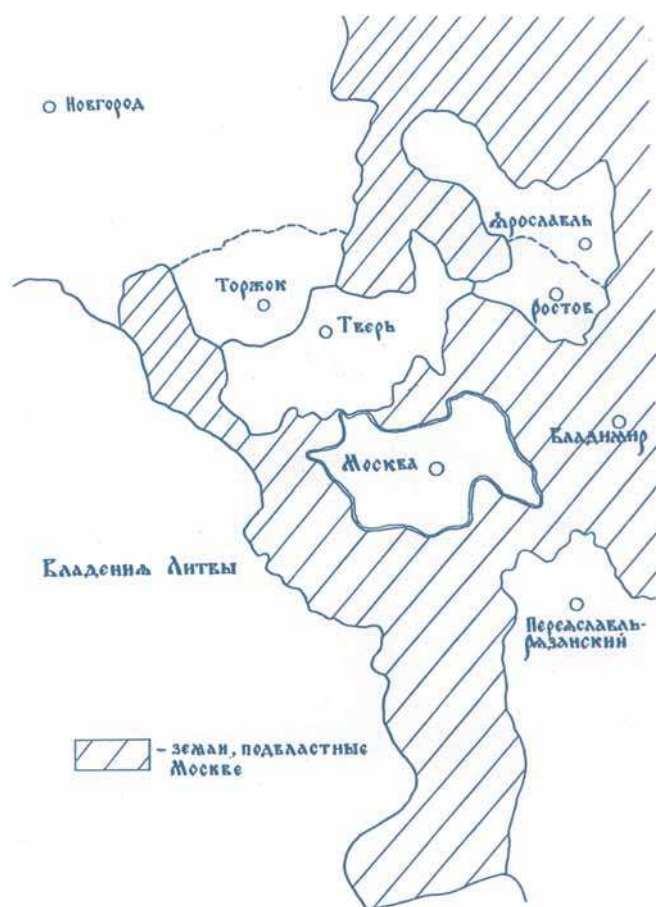
Взятие Торжка монголо-татарами 5 марта 1238 г. Миниатюра XVI в.

князей. Видные отечественные историки в связи с этим называют Торжок «ключом к упрочению влияния в Новгороде» (Черепнин, 1951, ч. 2, с. 117–118). Владимиро-суздальский князь Юрий в 1224 г., организовав блокаду Новгорода в Торжке, заявил новгородским послам: «Уж если я поил коней Тверцою, то хочу напоить их и Волховом» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ), 1950, с. 64, 268). Исключительное стратегическое положение Торжка на пути к Великому Новгороду отчетливо осознал в 1215 г. и Ярослав Всеволодович, будущий отец Александра Невского, и даже попытался перенести в Торжок из Новгорода княжескую резиденцию.

Чтобы яснее представить историю средневекового Торжка, нельзя забывать об одном очень существенном обстоятельстве — Торжок находился в 450 км от Новгорода, в 80 км от Твери и в 300 км от Москвы (расстояние дано по водным путям). Такая удаленность города от Новгорода и близость к основным политическим соперникам Новгородской республики, а также участие Торжка во многих феодальных войнах обусловили возникновение среди новоторжского боярства и торгово-ремесленного населения нескольких политических группировок или партий. Отношения Новгорода и Торжка с ближайшим соседом — Великим княжеством Тверским уже в самом начале XIV в. были испорчены. В 1304 г. Михаил Ярославич тверской перед отъездом в Орду за ярлыком, не будучи еще великим владимирским князем, направил в Новгород и его землю своих наместников и тем самым нарушил многолетний порядок назначения великокняжеских наместников в Новгород. Наместники Михаила были изгнаны. Эти события, а также жестокие разорения тверскими войсками Торжка в 1316, 1372 и 1445 гг. сделали тверских князей крайне непопулярными в Новгороде и особенно в Торжке.

Помимо основной проновгородской партии в Торжке еще при Иване Калите сложилась промосковская группировка (Черепнин, 1960, с. 515–516). В нее входили «притворяне» центрального собора Спаса. Промосковская партия усилилась во время событий 1340 г. Сын и преемник Ивана Калиты Симеон Иванович, будучи после смерти отца утвержден ордынским ханом

Карта-схема русских земель и княжеств в XIV в.

на владимирском великом княжении, послал в Торжок сборщиков дани. Те стали притеснять население. Новоторжские бояре обратились за помощью к новгородскому правительству. Из Новгорода в Торжок неожиданно для великокняжеской администрации явились посадники и бояре с военным отрядом. Они арестовали действовавших от имени великого князя Симеона Ивановича наместников и «борцов» (сборщиков «бора» — дани). Новгородские бояре, укрепив Торжок на случай нападения великокняжеских войск, послали в Новгород за подкреплением. Но новгородские черные люди воспрепятствовали сбору войска для похода в Торжок, так как не хотели возлагать на свои плечи тяжесть новой, ненужной им войны.

Что касается населения Торжка, то, очевидно, поведение находившихся в городе новгородских бояр вызвало у него раздражение не меньшее, чем действия представителей княжеской администрации. Новоторжские черные люди подняли вооруженное восстание и расправи-

лись как с местными, так и с прибывшими из Новгорода боярами. «Въсташа чернь на бояр...» — говорит летописец. В этих условиях «чернь» и решила освободить арестованных боярами представителей великокняжеской администрации и тем самым избавить город от военного разгрома, который мог быть учинен Симеоном Ивановичем. Вооружившись («и съкрутившиеся в брони»), восставшие горожане двинулись «силою» к боярским дворам, потребовали освобождения задержанных княжеских наместников и сборщиков дани и прогнали из Торжка («выпроводиша из города») новгородских бояр. Один из новоторжских бояр был убит по решению вече, а другие, чтобы избежать расправы, побросали имущество «и только душою кто успел» бежали в Новгород.

Затем восстание вышло за пределы города, в нем приняло участие крестьянство, захватившее принадлежавшие феодалам земли и хлеб. Такой вывод можно сделать из лаконичной реплики летописца: «потом и села их (бояр) пуста положища». Именно с этого времени промосковская партия Торжка стала пополняться ремесленным населением города.

В конце XIV в. Торжок приобрел еще большее значение для Московского княжества. Дело в том, что территория главного соперника Москвы — Тверского княжества в это время с юга, запада и востока была окружена московскими или зависимыми от Москвы землями. Лишь с севера к Твери примыкали земли Торжка, входившие в Новгородскую землю. Установив зависимость над Торжком, московский князь мог бы зажать тверское княжество в «тиски».

Весной 1371 г. тверской князь Михаил Александрович добился в Орде передачи ему ярлыка на великое княжение. По договору с Новгородом Михаил посадил в Торжок своих наместников. А осенью 1371 г. ярлык на великое княжение вновь получил Дмитрий Иванович Московский. Жители Торжка совместно с новгородцами изгнали из города тверских наместников и ограбили тверских купцов. В ответ на это в мае 1372 г. тверской князь Михаил Александрович подверг Торжок жестокому разорению. Новгородский летописец отмечал, что такие разорения Торжок не переживал даже от монголо-татар в 1238 г. Были сожжены городские посады, тверские во-

ины вывезли из города большое количество товаров, ремесленных изделий, драгоценностей из церквей и монастырей. Развитию торговли и ремесла Торжка был нанесен тяжелый удар. На несколько месяцев была восстановлена политическая зависимость Торжка от тверского князя. Новгород не смог организовать отпор тверскому князю.

Однако после 1372 г. новгородскому правительству удалось заключить с тверским князем два мирных договора. По этим договорам тверской князь обязывался вывести своих наместников из Торжка. Но то, что было уничтожено и вывезено из Торжка с 1372 г., новгородское правительство неожиданно списало с тверского счета. Подлежали возмещению лишь убытки, причиненные Новгороду до разорения Торжка.

Население разоренного Торжка, которое надеялось на помощь и поддержку Новгорода, несомненно, должно было расценить такую

позицию новгородского правительства как предательство. Видимо, в этой ситуации великий князь Дмитрий Иванович, стремясь привлечь на сторону Москвы торгово-ремесленное население Торжка, выдал две жалованные грамоты новоторжским торговцам Евсевке и Микуле с детьми. Евсевке разрешалось переселиться в вотчину московского князя в Кострому, при этом он освобождался от дани, яма и всех торговых пошлин, но был обязан платить оброк московскому князю. Микула остался жить в Торжке, но освобождался от несения тягла.

В 1375 г. Михаил Тверской вновь добился в Орде ярлыка на великое княжение, послал своих наместников в Торжок и Углич и объявил войну Москве. В ответ Дмитрий Иванович во главе московских военных отрядов из многих русских земель осадил Тверь. Летописи отмечают при этом участие новгородцев, которые решили отомстить за разорение Торжка.

После капитуляции тверского князя Михаила между Москвой и Тверью была составлена окончательная грамота. Дмитрий Иванович уделил особое внимание в этой грамоте Торжку.

Развалины Тайничной каменной башни Новоторжского Кремля, обнаруженные Новоторжской археологической экспедицией. Середина XIV в.

В отличие от грамоты 1373–1374 гг., по которой Новгород «отложил» от Твери все награбленное во время нападения на Торжок, грамота 1375 г. обязывала тверского князя возвратить все захваченное им в 1372 г. в Торжке «войною или грабежом» (Черепнин, 1951, ч. 2, с. 117–118). Такое отношение князя Дмитрия к новоторжским проблемам резко повысило его авторитет среди местного населения и укрепило промосковскую партию.

Кульминационным моментом стали события 1386 г., когда Дмитрий Донской организовал большой поход на Новгород. Перечисляя военные силы, участвовавшие в походе, Новгородская четвертая летопись на последнем месте называет новоторжскую рать. Эту рать составляло главным образом непривилегированное население Торжка, так как та же летопись отмечает: «А Новоторьский болший бояре вси в Новъгород вбегли...» (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2).

В 1389 г. Дмитрий Донской умер. Его сын Василий Дмитриевич продолжил в отношении Торжка политику отца, но действовал более прямолинейно. В 1393 г. он двинул войска на Торжок с целью присоединения его земель к Московскому княжеству. Узнав об этом, новоторжцы пошли на столкновение проновгородской партии с промосковской. При этом был убит один из руководителей промосковской группировки Максим (Бернадский, 1961, с. 215–216). После этих событий начались кровопролитные войны Москвы с Новгородом, основная тяжесть которых легла на Торжок. В этой ситуации Торжок резко изменил свою политику и выступил полностью на стороне Новгорода. Попытки Василия Дмитриевича присоединить к своим землям Торжок успеха не имели.

Во второй половине XV в. промосковская партия Торжка вновь активизировалась. В 1478 г., в год падения новгородской независимости, новоторжцы приняли участие в походе московского князя на Новгород. Причем, в отличие от похода 1386 г., в войске находились новоторжские бояре Берновы и Глуховы (ПСРЛ, т. 13, с. 172). Благодаря их участию, по мнению историка В.Б. Кобрин, после присоединения Новгорода бояре Торжка не считались новгородцами и не разделили печальную судьбу новгородских вотчинников, лишившихся всех своих владений.

Ефрем Новоторжский. Икона конца XVI в.

Несмотря на это, с присоединением в 1478 г. Новоторжской земли-волости к Москве Торжок безвозвратно потерял свое военно-стратегическое и административно-политическое значение.

5.8.5. Торжок — щит Великого Новгорода

Со времени своего возникновения до 1478 г. Торжок был исконным новгородским городом. Помимо того что это был крупный торговоремесленный и культурный центр, Торжок в те времена — мощная крепость на юго-восточных рубежах Новгородской земли. Всего лишь в 30 верстах от города (в районе с. Медного) пролегла фактическая и символическая граница, разделявшая мир новгородских епископа и бояр и мир древнерусских автократий (княжеств-монархий). Если в 30 верстах от Торжка лежали земли неприятеля, то до столицы — Великого Новгорода — пролегал долгий путь в 400 верст. Именно такое историко-географическое положение — оторванность от столицы и максимальная близость к соседям, часто враждебным государствам — должно было сделать Торжок щитом на юго-восточных рубежах Новгородской земли.

Ныне сохранившийся высокий вал Верхнего городища насыпан в середине XII в. при княжившем в Торжке Давиде Ростиславиче, который стал впоследствии одним из героев «Слова о полку Игореве».

В 1238 г. новоторжцы две недели сдерживали войска хана Батые, обрушившего на город тучи стрел и огромные камни метательных орудий. Оценивая подвиг Торжка в дни этой страшной катастрофы, академик В.Л. Янин пишет: «Распятый и поруганный, так и не дождавшийся новгородской помощи, он сражался на смерть, заслонив Великий Новгород. Героической обороной Торжка был спасен от военного разорения Новгород, а вместе с ним и русская государственность» (Янин, 1998).

В череде событий 1237–1238 гг. героическая оборона Торжка описана в НПЛ наиболее подробно. Монголо-татары в течение двух недель обстреливали Новоторжскую крепость из «пороков», защищенных заранее сооруженным «тыном». Новоторжцы, возглавляемые посадником Иванкой и боярами Якимом Влунковым, Глебом Борисовичем и Михаилом Моисеевичем, не получив помощи из Новгорода, «в недоумении и страхе» держали оборону. 5 марта неприятель ворвался в крепость и «исекоша вся»: мужское и женское население, священников и монахов.

Затем монголо-татары двинулись «Серегерским путем» к Новгороду. Археологические исследования 1981 г. на Нижнем городище Торжка явно указывают на катастрофические последствия двухнедельной обороны города. Слой пожара 1238 г. достигает мощности 30–50 см, в нем обнаружены человеческие кости и спекшиеся от огня остатки икон. Раскопки 1984–1985 гг. в южной части Нижнего городища показали, что мощные срубы крепостной стены 1164–1187 гг. после 1238 г. были заменены частоколом(!), сооруженным из остатков построек 1202–1208 гг., а новая срубная стена была возведена только в 1288 г. Последний домонгольский настил набережной улицы, сооруженный в 1218 г., был возобновлен лишь спустя 70 лет, в 1288 г. Исследования 1999 г. позволили восстановить основные этапы строительства на левобережном посаде Торжка. Улица (Воздвиженская), сохранившая три яруса настилов, древнейший из которых датируется 1180-ми гг., прекратила существование, очевидно, в 1238 г. Вместо нее к XVII в. появилась улица, имеющая иное направление и ведущая к броду через Тверцу, что отчетливо видно на плане города Э. Пальмквиста 1674 г. Вдоль Воздвиженской улицы к 1160-м гг. сформировались границы усадеб А и Б, а к началу 1230-х гг. — усадеб В и Г. Катастрофа 1238 г. уничтожила полностью усадьбы А и Б, на их месте застройка возобновилась лишь в XV в. На усадьбах В и Г после 1238 г. жизнь продолжалась, но ни в какое сравнение с домонгольским периодом, судя по археологическим находкам, не идет. Лишь с конца XV в. здесь возобновилась интенсивная застройка. Столь длительный кризис левобережного посада можно объяснить не только монголо-татарским разорением, но и началом расцвета соседней Твери, и усилении ее воинственных князей, претендовавших на Новгородское княжение. Затверецкий посад, на котором до 1238 г. жили богатые новоторжские купцы, стал крайне опасным для обитания кварталом города. Жизнь здесь замерла фактически на 250 лет и активно возобновилась уже в московское время (Малыгин, 2003, с. 95).

После катастрофического разорения Торжка монголо-татарами в марте 1238 г. Новоторжский Кремль, состоявший из двух оборонительных линий Нижнего и Верхнего городищ, был пол-

ностью восстановлен лишь в конце 1280-х гг., и в Торжке вновь появилась мощная деревянная крепость.

Показательно, что термин «кремль» впервые в русских летописях был применен именно по отношению к крепости Торжка под 1315 г. в Тверской летописи (ПСРЛ, т. 15, стб. 408). Рогожский летописец под этим же годом именует новоторжскую крепость «кремником» (ПСРЛ, т. 15, стб. 36). Вновь крепость Торжка названа «кремлем» под 1373 г. в Ермолинской (ПСРЛ, т. 23, с. 117) и Львовской (ПСРЛ, т. 20, с. 194) летописях. Напомню, что термин «кремль», судя по словарю Г.Е. Кочина (Кочин, 1937, с.160-161), применен в русском летописании лишь еще к трем городам: Твери (впервые под 1317 г.), Москве (впервые под 1331 г.) и Мурому (единственный раз под 1458 г.).

Новоторжский Кремль был грозной крепостью, о чем свидетельствуют литовские набеги на Новоторжскую волость. Литовцы так и не смогли покорить Торжок. Помня об этом, великий московский и новгородский князь Иван Данилович Калита превратил Торжок в плацдарм для отражения литовской агрессии. Отсюда «пославъ князь великий, пожже городке Литовьскыи Осечень и Рясну и иных городковъ много» (НПЛ, с. 347).

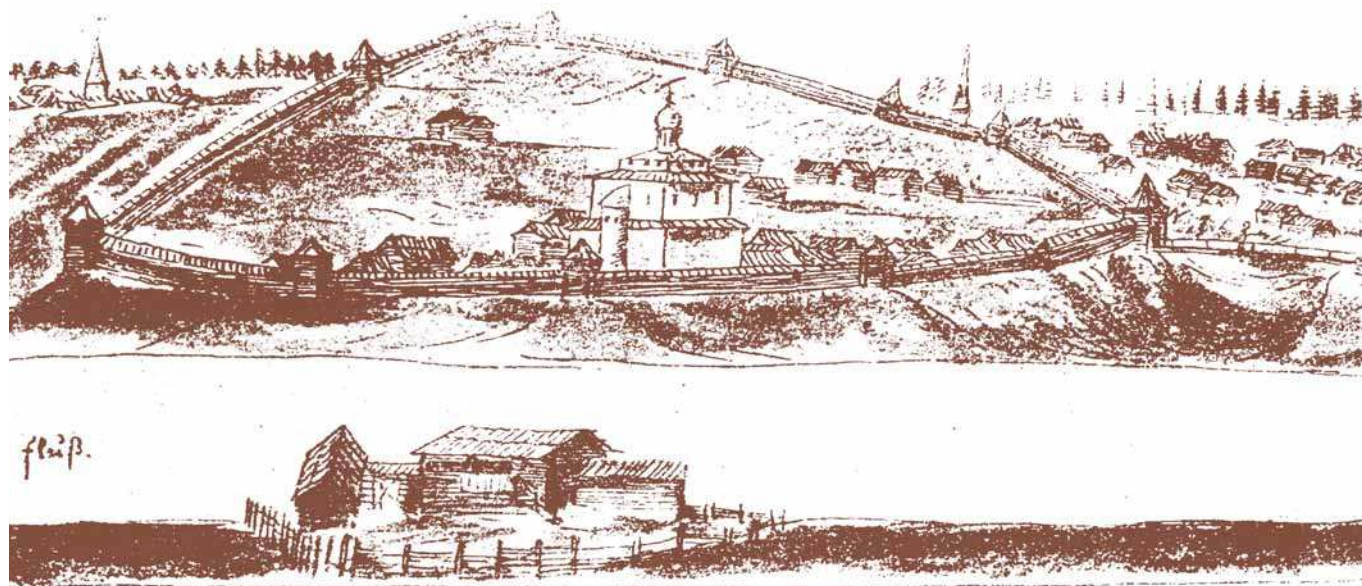
В 1372 г. князь Михаил Александрович Тверской «полки Литовскийи и Тферьскийи... събрашася вкоупе» пришел в Кашин усмирять местного князя Михаила Васильевича. Литовскую рать при этом возглавлял знаменитый князь тракайский Кейстут

Гедиминович. Но даже этот полководец, победитель тевтонских рыцарей, не рискнул напасть на Торжок: «князь Кестутей с Литвою от Кашина поиде по Новоторьскимъ волостемъ, мимо Торжокъ» (ПСРЛ, 2000, т. 4, ч. 1, с. 297). Новоторжский Кремль был захвачен и razoren в 1316 г., когда «поиде князь Михаилъ со всею землею Низовьскою и с Татари к Торжьку» (НПЛ, с. 336).

В 2002 г. Новоторжской археологической экспедицией на Нижнем городище было сделано сенсационное открытие (Сарафанова, Малыгин, Седов, 2003, с. 173–175). В раскопе на глубине 1,7 м от поверхности был вскрыт развал белокаменной кладки на известковом растворе, под которым появилась конструкция одного из пилонов Тайничной воротной башни. Тот факт, что строительство каменной Тайничной башни не зафиксировано в летописях, не должен смущать, поскольку отсутствие упоминаний в летописях о сооружении каменных или деревокаменных крепостей для Новгородско-Псковской территории дело обычное. Не упомянуты в качестве каменных укрепления в Орлеце, Тиверском городке, Острове и Велье.

Тем не менее связать строительство Тайничной башни с конкретной датой вполне удастся. Новгородская первая летопись под 1340 г. отмечает, что, когда сборщики дани московского князя Симеона Ивановича, не получив-

Новоторжский Кремль. Фрагмент рисунка из альбома австрийского дипломата А. Мейерберга. 1660-е гг.

Борисоглебский собор. Архитектор Н.А. Львов. Конец XVIII в.

шего еще ярлыка на великое и соответственно на новгородское княжение, приехали в Торжок «и почаша сильно деяти», новоторжцы «при-слаша с поклономъ в Новъгород», новгородцы послали в Торжок «Матфея Варфромеевича и Терентия Даниловича с братомъ, и Валфрамея посадница сына Остафьева, и Федора Аврамова с полкы», которые изгнали наместников и сборщиков дани из города, «и седеша месяц в Торжъку, город утвердивше» (НПЛ, с. 352–353).

О том, что за месяц новгородцы могли соорудить не только отдельные каменные башни, но и целые крепости, также известно. Например, в 1384 г. «поставиша новгородци город камень на Луге, на Яме...только въ 30 дни и въ 3 дни...» (НПЛ, с. 379).

Год 1340 может считаться почти идеальным для спокойного строительства укрепленного Торжка, находившегося с начала XIV в. под пристальным вниманием воинственной Твери. В 1339 г. тверской князь Александр Михайлович погиб в Орде, а Иван Калита «в Тфери отъ свя-таго Спаса взять колоколъ на Москву» (ПСРЛ, т. 15, стб. 52), «и тако Тверское княжение до конца опусте» (Борзаковский, 1994, с. 133).

Данные археологов-любителей XIX — начала XX в. позволяют предполагать, что в 1340 г. вдоль Тверцы были сооружены три каменные башни, которые вместе с деревянными стенами могли выглядеть подобно башням новгородского Окольного города.

Однако эта фортификационная программа была пресечена тверским великим князем Михаилом Александровичем в 1372 г. Новгородский летописец, пораженный жестокостью разорения Торжка, отметил: «И кто, братье, о сем не поплачется... понеже бо ни от поганных не бывало такового зла...» (НПЛ, с. 371–372). Очевидно, что и Тайничная каменная башня была разрушена в тот роковой год. О масштабах ее разрушения свидетельствует частичная прорезка склона берега Тверцы, сделанная в 2002 г. При этом вскрыт сплошной слой известняковых плит и блоков, спущенных по склону берега от основания пилон. Одной из главных причин столь безжалостного разрушения Торжка тверским князем по всей видимости стали появившиеся на Нижнем городище каменные башни и попытки новгородцев и новоторжцев продолжить строительство каменной крепости. Такая крепость уже одним своим видом могла вызывать раздражение тверских князей, которые в 1369 г. «град Тверь срубили деревян и глиною помазали» (Малыгин, 2001, с. 91).

5.8.6. Почему Торжок считали и считают красивым городом

Торжок традиционно считался красивым городом. В 1660-х гг. его виды трижды рисовал голландский путешественник Н. Витсен (для сравнения: Новгород он запечатлел два раза, а Тверь — один) (Кирпичников, 1995, с. 120–147). В 1674 г. шведский агент Э. Пальмквист помимо плана города зарисовал два вида архитектурных и оборонительных сооружений Торжка, не делая подобного ни в Новгороде, ни в Твери (Пальмквист, 1993, с. 32).

Торжок, считавшийся в первой половине XIX в. «наилучшим городом Тверской губернии», описывался в 1846 г. таким образом: «Явился перед нами прехорошенький городок Торжок... В строениях городских заметно, что торговля, а с нею и богатство, были всегда принадлежностью Торжка: дома, церкви, Гостиный двор,

большие площади, набережные, сады — все это богато не по уездному городку...» (Ишимова, 1846). В это же время полушутя-полусерьезно М.Н. Загоскин отмечал: «Конечно, Москва называется столицей, она многолюднее Новгорода, побольше Твери, покрасивее Торжка, а все-таки провинциальный город» (Загоскин, 1962, с. 188–189).

Красота Торжка вызывала двоякие ассоциации. Во-первых, она ассоциировалась с большим количеством храмов. В марте 1639 г. немец А. Олеарий отметил: «Как ни мал город Торжок, в нем все-таки 30 церквей и часовен, которые ежедневно посещаются; одна из них каменная и довольно красива, если судить по наружному виду» (Олеарий, 1906, с. 535). В октябре 1668 г. голландец Я. Стрейс писал: «Торжок... весьма населен и красив оттого, что в нем свыше тридцати церквей и часовен» (Стрейс, 1935, с. 151). Практически то же самое отмечали и отечественные авторы 200 лет спустя. В 1865 г.: «Множество церквей и колоколен довольно затейливой архитектуры придают очень красивый вид городу...» (Р-въ, 1865). А в путеводителе конца XIX в. отмечалось: «...на месте старых крепостных стен теперь разведены бульвары, красивый мост перевязал Тверцу, соединив Борисоглебскую и Затверецкую стороны, украшенные массою церквей. Положение города очень живописно, а разноцветные его колокольни церквей, разбросанные в живописном беспорядке по берегам Тверцы, придают ему много красоты» (Сидоров, 1894, с. 52).

Во-вторых, красота Торжка ассоциировалась с холмистым рельефом правобережной стороны. В 1856 г. А.Н. Островский отмечал в дневнике: «Ходил по городу, который расположен на горах. Вид с бульвара на ту сторону Тверцы выше всякой похвалы» (Островский, 1952). А вот мнение автора очерка о Торжке 1865 г.: «Расположение города довольно живописно: холмистая местность той части города, которая расположена на правом берегу Тверцы, весьма красива, с другой части, расположенной на крутом левом берегу реки, открывается прекрасный вид на противоположную сторону города и на окрестности... но зато гористая местность, придающая так много вида городу, осенью и весной и вообще в ненастную погоду составляет главное неудобство Торжка по трудности взбираться, а еще более спускаться с гор по глинистому грунту...» (Р-въ, 1865). Зато зимой горы Торжка — раздолье для тех, кто встал на лыжи или сел на санки. Голландец Н. Витсен, посетивший Торжок зимой 1665 г., оставил нам свидетельство о существовании уже в XVII в. забавы, которая ныне сделала некоторых новоторов заядлыми сноубордистами: «Я видел также, как дети слетали с высоких, крутых гор на длинных дощечках быстрее стрелы из лука, ужас!» (Витсен, 1996, с. 78).

Торжок принадлежит к числу тех древнерусских центров, которые, видимо, навсегда утратили свое некогда выдающееся значение. Но следы былого величия Торжка ежегодно обнаруживают археологи и историки.

Глава 6
РУССКИЙ СЕВЕР

Русский Север — обширнейшая территория Европейской России — в течение четырех веков в подавляющей своей части входил в состав Новгородской республики. Он заслуживает особого рассмотрения, поскольку обладает принципиальными отличиями от иных составных частей восточнославянской цивилизации — Киевской Руси, Северо-Западной Руси, княжеств Центральной Руси. В этой главе исследуются основные этапы освоения и развития Русского Севера и его цивилизационные особенности, а также рассматривается история его включения в состав Московского царства (в конце XV в.).

6.1. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

Русский Север — огромная территория от Кольского полуострова на западе до Уральского хребта на востоке, от Северного Ледовитого океана и Белого моря на севере до Онежского озера, Сухоны, Камы на юге — занимает особое место в формировании и развитии восточнославянской цивилизации и ее тысячелетней истории.

6.1.1. Особенности освоения Русского Севера

В силу суровых арктических и приарктических условий освоение этого обширного региона человеком началось на тысячелетие позднее, чем в более благоприятных лесостепных и степных регионах Восточной Европы. Однако темпы исторического прогресса здесь были более высокими, и закон сжатия исторического времени проявлялся отчетливо.

Мы ведем отсчет исторического времени с неолитической революции, которая в регионах вблизи экватора охватывала период в 8–7 тыс. лет до н.э., в Северном Причерноморье и лесостепных регионах — на 2–3 тысячелетия позднее. Как видно из карты на *рис. 6.1*, на Север неолит пришел еще позднее. Он охватывал период — 3000–1500 лет до н.э. — вдвое более короткий, чем в эпицентре исторического прогресса. Но дело не только в сроке, но и в самом характере этого периода. Основным содержанием неолитической революции в классическом смысле был переход к искусственному воспроизводству —

земледелию и скотоводству. Однако природные условия Севера были мало пригодны для земледелия. Оно стало развиваться в долинах рек уже с приходом славянских племен, новгородцев и жителей Центральной России. Тогда же осваивалось и скотоводство (знаменитая холмогорская порода коров, памятная плита в честь которой установлена в Холмогорах). Главным источником жизни для славян были богатства леса (охота на зверя, бортничество), морей и рек (охота на морского зверя — китов, моржей, тюленей, рыболовство). Набор и качество орудий, найденных археологами и представленных в музеях, носили неолитический характер; это и служит основным признаком для отнесения этих археологических культур к эпохе неолита. Стоит отметить, что эта особенность неолита распространяется на северные регионы Сибири, Северной Америки, Скандинавии.

О наличии неолитических культур свидетельствуют, в частности, археологические находки на Соловецком архипелаге, которые относятся к эпохе неолита. Наряду с орудиями труда неолитического типа здесь обнаружены загадочные каменные лабиринты, подобные лабиринтам в других районах Поморья (*рис. 6.2*). Они носили, вероятно, сакральный характер, отражали верования древних народов Севера.

Следовательно, первую мировую цивилизацию (неолитическую) племена Русского Севера проходили по сокращенной программе и в сильно модифицированном виде.

Нечто подобное наблюдается и в прохождении второй мировой цивилизации — бронзового века, рамки которого, согласно представлениям археологов и историков, заняли здесь около тысячи лет (1500–500 гг. до н.э.). Если в центрах цивилизационного прогресса бронзовый век характеризуется как раннеклассовая цивилизация, в рамках которой формировались локальные цивилизации, возникали государства и права, то на Севере ни деления общества на классы, ни государств, ни локальных цивилизаций еще не было. Периодизация проводится на основе памятников материальной культуры, среди которых встречаются изделия из бронзы. В эту эпоху численность и плотность населения в регионе существенно выросли (хотя, в силу природных ограничений, и не так значительно, как в лесо-

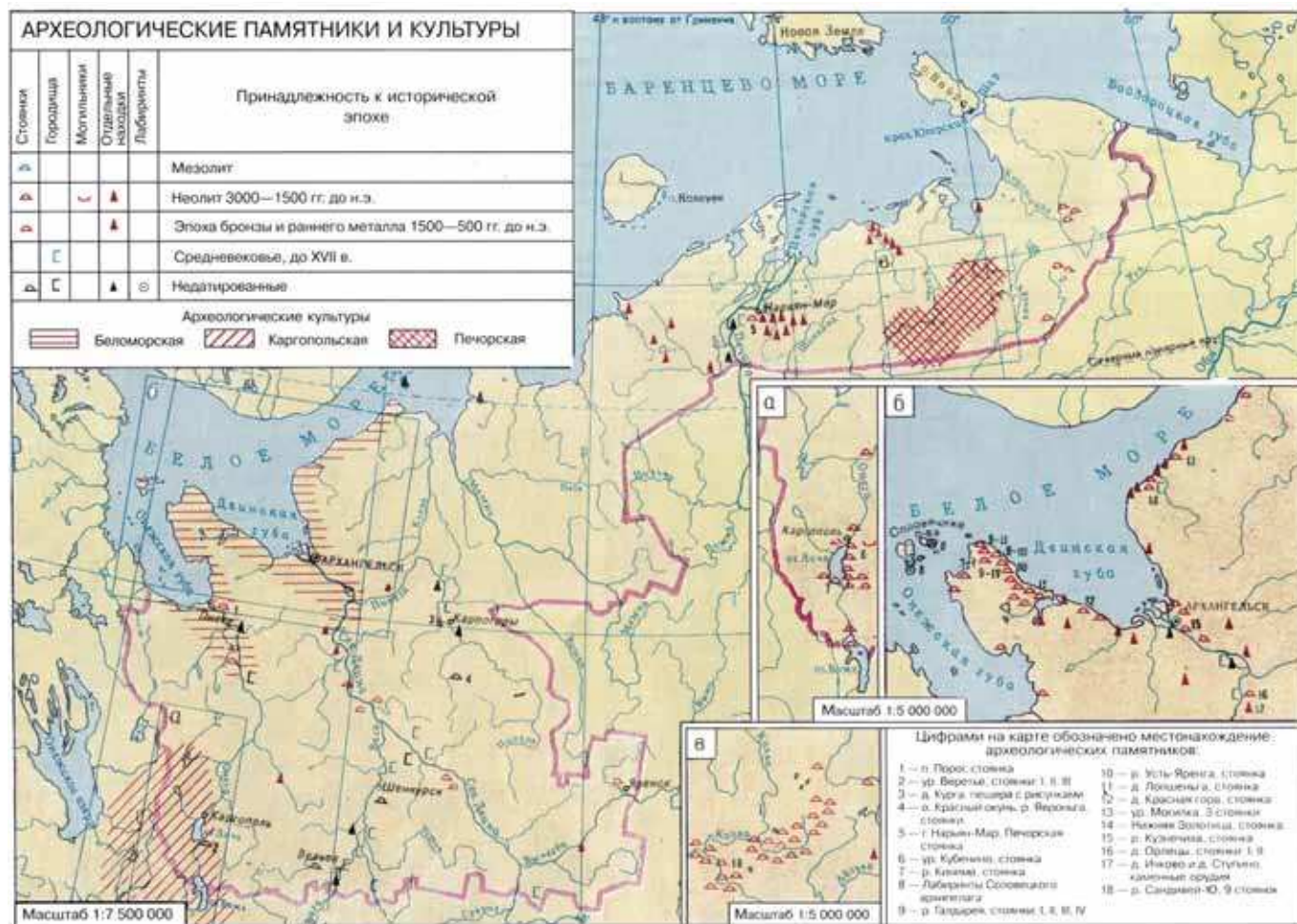

Рисунок 6.1. Север с древнейших времен до XVI в.

Источник: Поморская энциклопедия: В 5 т. /

Под ред. Н.П. Лаверова. Т. 1. История Архангельского Севера /

Под ред. В.Н. Бортатова. Архангельск: ПГУ, 2001

степных и степных регионах), отмечаются более развитые археологические культуры.

Переход к эпохе железа (конец 1-го тыс. до н.э. — первые столетия 1-го тыс. н.э.), который в цивилизационном эпицентре характеризуется как античная цивилизация, на Севере также произошел с запозданием и отличался сохранением родоплеменного строя. Использовалось преимущественно кричное железо. Однако обмен с соседними племенами, имевшими более высокий уровень технологического развития, обусловил разнообразие орудий труда и предметов быта. Имеются сведения о преобладании на этой территории финно-угорских племен — чудо, тень, пинь, немь, ла емь, мечора и др.

Предпосылки для формирования четвертой, средневековой мировой цивилизации на территории Русского Севера стали складываться со второй половины 1-го тыс. н.э. Регион начал запол-

няться славянскими племенами, приходившими с юго-запада и юга. «В XI–XII вв. в тундру (Большеземельскую, Малоземельскую) пришли ненцы, вероятно из Западной Сибири. Древняя культура мирных зверобоев сменилась культурой кочевых оленеводов (Стриннгольм, 2002, с. 246). Западнее располагались земли древних саамов (лопарей).

Именно к этому периоду относятся содержащиеся в трудах многих скандинавских историков (а с их легкой руки и российских ученых, включая и М.В. Ломоносова) сведения о многочисленных плаваниях викингов в легендарную Бьярмию. Красноречивое описание плавания знатного викинга Отара в середине IX в. к берегам Белого моря, в устье Западной Двины содержится в книге шведского историка Андреаса Стриннгольма: «Еще задолго до открытия Гренландии древние скандинавы плавали в северные страны, лежащие на Ледовитом океане к берегам Белого моря и богатой Бьярмии. Они отправлялись туда за моржовой костью и кожей (которая использовалась для морских канатов), а также за пушниной. Через Северную Двину

и Печору, а также Каму, из которой по Вытегре, Коле плывут в Вогулку, а оттуда через горный кряж, называемый у русских Печорским, в Печору. Ледовитое море соединено таким образом с Каспийским. Другой возможный путь частью этими же реками, а также Камой, соединенной с Двиной, впадающей в море у Архангельска, сухим путем проходят с полверсты» (Стриннгольм, 2002, с. 251). Именно в Булгаре происходил обмен товаров Севера и Юга: «Вятка, Кама и соединенные с ними реки приводили болгар в сообщение с Северной Европой, а по Верхней Волге они сохраняли связь с западными и северо-западными племенами России... Через этот город проходили произведения Южной Азии в Пермь, Бьярмию, а оттуда через него же — произведения Севера в Азию; он был складочным местом, где южные товары обменивались на северные. Главным складочным местом была великая древняя Пермь (Великая Пермь — название города в русских летописях). Туда приходили из Булгара серебро и золото Азии, персидские и индийские товары и обменивались на драгоценную рухлядь (пушной товар) Сибири, на беличьи меха и другие товары, доставляемые с Дальнего Севера. Последними звеньями в этой цепи торговых отношений, далее к Ледовитому океану, были торговые места при истоках Печоры и Двины» (Стриннгольм, 2002, с. 253).

**Рисунок 6.2. Каменные лабиринты Белого моря.
«Большой вавилон» Большого Соловецкого острова**

*Источник: Поморская энциклопедия: В 5 т. /
Под ред. Н.П. Лаверова. Т. 1. История Архангельского Севера /
Под ред. В.Н. Боратова. Архангельск: ПГУ, 2001*

Из сказанного можно сделать важный вывод, во многом меняющий подходы к истокам и путям формирования восточнославянской цивилизации. Наряду с общеизвестными магистральями диалога и активного торгового обмена между цивилизациями Западной Европы, Византией, мусульманской (Арабский халифат) и индийской цивилизациями — путь «из варяг в греки» (по балтийско-невско-волховско-днепровско-черноморской водяной системе) и путь «из варяг в персы» (по Великому Волжскому пути — из Балтийского к Каспийскому морям) — существовал третий, примыкавший к ним Великий пушной путь. По нему главный товар Северной Европы — пушнина — устремлялся на запад и юг, обмениваясь на золото, серебро, другие товары. Этот путь функционировал в течение последних столетий 1-го тыс. — первых столетий 2-го тыс. и был основным звеном становления и развития северной части восточнославянской цивилизации.

Начало этому пути было положено еще в дославянские времена, когда просторы севера населяли финские племена (чудь). Это отмечает А. Стриннгольм: «Не подлежит никакому сомнению, что бьярмийцы принадлежали к чудскому племени. Разбросанность чудского народа по Европе и Азии, кажется, указывает на насильственные потрясения и перевороты, постигшие его в старину, но едва ли можно определить с точностью места крайней родины... О бьярмском государстве известно, что оно пало около 1236 г. во время вторжения Чингисхана и его монгольских орд в Северную Европу,

Киж

а потом было покорено царем России Иваном Васильевичем в конце XV в.» (Стриннгольм, 2002, с. 254).

В этих положениях немало неточностей и домыслов. Во-первых, точное положение Бьярмии до сих пор остается спорным; историки называют разные версии — от Печоры до Кольского полуострова и Карелии. Возможно, что центр этого образования смещался с востока на запад. Во-вторых, вряд ли есть основания утверждать, что Бьярмия была государством; скорее это догосударственное (протогосударственное) образование, союз племен, у которого уже выделились вожди, но еще не было самостоятельной государственной власти. В-третьих, в XI–XV вв. Север Европейской России входил в состав Новгородской земли, республики, которая облагала данью чудские и иные местные племена, не имевшие самостоятельной государственности. Поэтому ни монголы в XIII в., ни Иван Грозный в XV в. не могли захватить государство, которого не существовало.

И тем не менее любопытен и знаменателен вывод А. Стриннгольма в конце главы, посвященной походам викингов в Бьярмию: «После того как прекратились всякие мореплавания в Белое море, более трех веков этот торговый путь оставался неизвестным, пока, во времена королевы Марии Стюарт и Елизаветы, не нашел его снова Ричард Ченшер в 1553 году и не сделал Архангельск доступным для английской торговли; но еще за 700 лет до него этот путь был открыт скандинавскими викингами и почти четыре столетия носил их военные флотилии и торговые суда» (Стриннгольм, 2002, с. 253).

Однако и вывод в том, что этот путь в течение трех веков оставался забытым, можно оспорить. Поморы неплохо знали морские пути в Норвегию, равно как и норвежцы навещали своих соседей.

В любом случае ясно, что раннее Средневековье (начало четвертой мировой цивилизации) началось на Русском Севере не с освоения этого обширного края новгородцами, а на несколько столетий раньше — с формирования протогосударства Бьярмии и его разнообразных контактов в северной части западноевропейской локальной цивилизации.

6.1.2. Освоение Севера новгородцами

В Поморской энциклопедии отмечается, что «ладожские и ильменско-новгородские славяне появились в Поморье в X–XI вв. в бассейне р. Сухоны, затем (с XII в.) — в Беломорье. Туда же устремились белозерцы и ростовцы, другие беженцы. Это разрозненное, а затем массовое переселение крестьян было вызвано... установлением феодальных отношений в княжествах — государствах Древней Руси... Значительная часть новгородского крестьянства, новгородцы закрепились вначале в Поморье, а затем перешли через «Камень» (Северный Урал) в Пермь и Югру. Большую роль в этом движении сыграли северные реки Онега, Двина и Печора. Именно по ним шли новые волны народной колонизации» (Поморская энциклопедия, т. 1, с. 12).

Если временные рамки славянской колонизации вряд ли вызывают сомнения и подтверждаются археологами, то мотивы и народный характер колонизации можно оспорить. Таких мотивов было несколько. Как правильно отмечает С.Ф. Платонов, «почин и руководство в колонизационном движении Новгорода на Север... принадлежало верхним слоям новгородского общества — боярству и элитным людям. Новгород ничего не добывал и не производил на собственной земле. Он был только посредником между своими соседями, извлекая для себя пользу из такого посредничества... Новгородцы добытый им на Севере, в Поморье товар предлагали заморским немцам, а товар, полученный в обмен от немцев, отправляли на русский юг и юго-восток и за него получали с юга и юго-востока воск и хлеб. Сам Новгород при этом играл роль главного рыночного пункта, на котором сходились поморские, немецкие и русские купцы и на котором свершались всевозможные сделки» (Платонов, 1994, т. 2). Стоило бы добавить, что, как было показано выше, пушнина была главным экспортным товаром Новгородской республики (Великий пушной путь), а неиссякаемые источники пушнины находились как раз на Севере; поэтому и дань с местных племен, как правило, взималась в виде пушнины. Так что колонизация стала экономической необходимостью, толкавшей состоятельных людей (бояр, купцов) и открывавшей потоки новых каналов для дви-

жения рухляди. Эта необходимость еще более усилилась в период, когда из-за монгольского нашествия Великий Волжский путь на какое-то время был перекрыт для движения товаров с юга и на юг и пришлось искать источники главного экспортного товара на северо-востоке. Это была не народная колонизация, а колонизация экономическая и военная.

Второй мотив переселения вызван поиском рядовыми новгородцами источников заработка и вольной жизни на просторах Севера. Особенно он усилился в годы монгольского нашествия, когда сотни деревень и десятки городов были сожжены, уцелевшие жители спасались в лесах, уходили на Север в поиске свободных земель и новых занятий.

Третий мотив колонизации действительно был связан с укреплением феодально-крепостнических отношений в Московской Руси и других центрально-русских княжествах. Выплата ежегодной дани Золотой Орде, кровавая междоусобица между князьями, частые войны приносили разорение народу.

Четвертый мотив колонизации Севера — конфессиональный. Распространяя православие, священники и монахи направились в язычес-

Новгородские ушкуйники. Средневековая миниатюра

кие племена, вовлекали их в православную веру, основывали скиты, церкви, монастыри. Скиты и обители вскоре сетью покрыли весь Север и служили опорой для приезжавших сюда новгородских и ростовских, а затем и московских бояр, купцов, крестьян, ремесленников.

Следовательно, мотивы колонизации и ее характер были разнородными, противоречивыми, но общий итог освоения Севера оказался положительным. Был совершен скачок в развитии производительных сил, в ряде районов получили развитие земледелие и скотоводство, разнообразные ремесла, торговля. Христианизация местного населения способствовала возникновению монастырей. Поднялся уровень культуры, новгородцы принесли грамотность. Взаимно переплетаясь, славянские и местные финно-угорские племена сформировали особый этнос — помо-

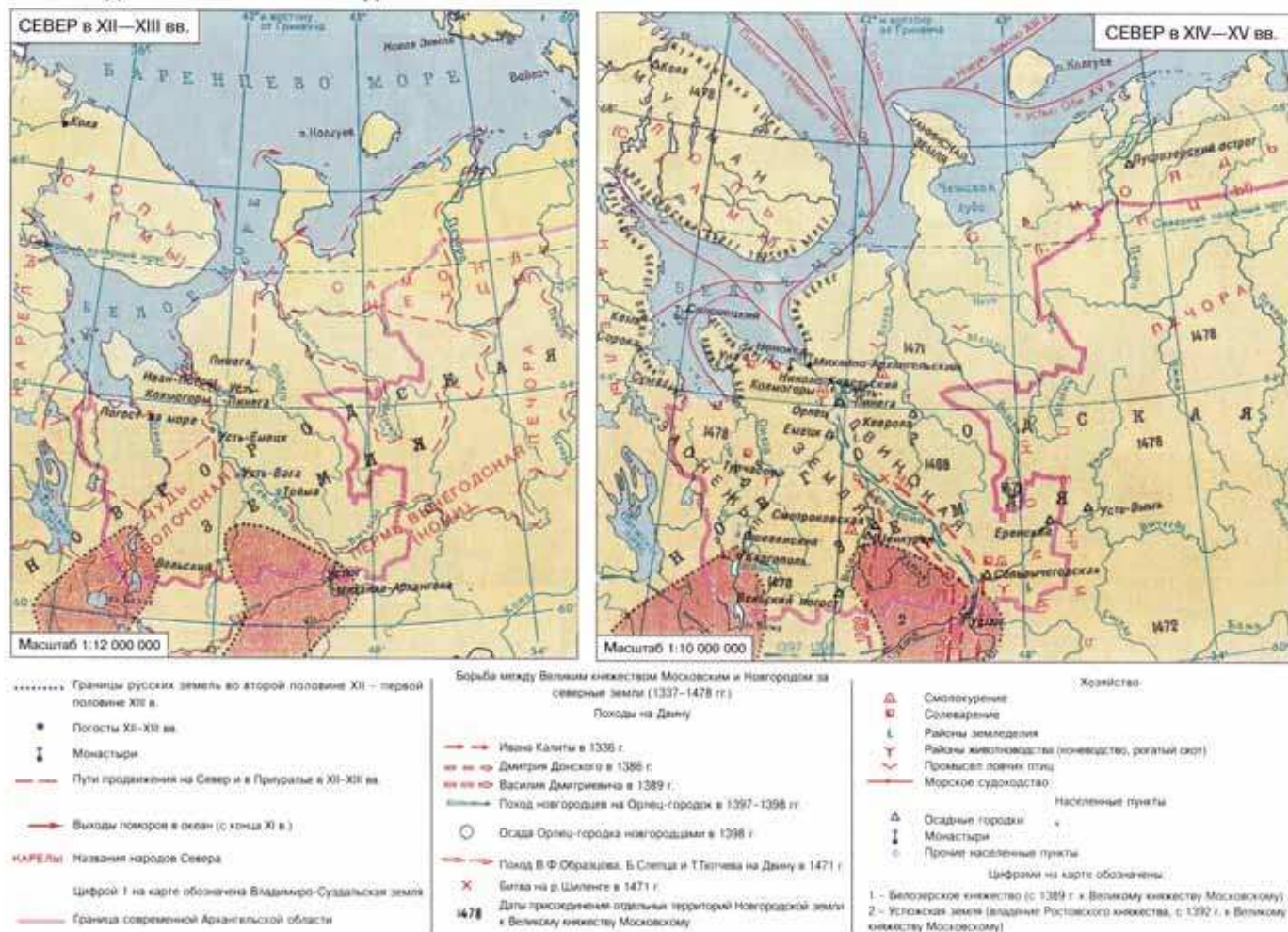
ры. Цивилизационный прогресс в этом регионе сделал крупный шаг вперед, Русский Север стал полноценным элементом восточнославянской локальной цивилизации, связанным экономическими и культурными нитями и с другими русскими землями и иными цивилизациями.

6.1.3. Борьба Новгорода и Москвы за обладание Севером

Последняя фаза, период заката восточнославянской цивилизации связан с ожесточенной борьбой Новгорода и Москвы за обладание просторами и богатствами Севера. Первыми в этот край устремились ростовские князья и купцы: «На север устремились дружины ростовских удельных князей. По рекам и притокам устремились сюда бояре, купцы. В результате стремительной государственно-конфессиональной колонизации почти все было включено в состав восточнославянских государств — Новгорода с его пятинами и Ростова Великого. Наряду с новгородскими властями здесь появились так

Рисунок 6.3. Север с древнейших времен до XV в.

Источник: Поморская энциклопедия: В 5 т. / Под ред. Н.П. Лаверова. Т. 1. История Архангельского Севера / Под ред. В.Н. Боратова. Архангельск: ПГУ, 2001

называемые ростовщины — владения ростовских князей и их вассалов. Исследователи отмечали противоречивый характер этого геополитического процесса: с одной стороны, шло мирное крестьянское переселение, в ходе которого славяно-русские земледельцы относительно легко находили себе свободные земли и поэтому, вероятно, не ссорились с аборигенами; с другой стороны — государственная и церковно-монастырская колонизация имела ярко выраженный захватнический характер» (Куратов, 2006). Этот процесс отмечался тремя обстоятельствами. Во-первых, местные племена были охотничье-рыболовецкими, пригодные для земледелия земли не использовали, и в то же время они охотно меняли пушнину и рыбу на продукты земледелия, скотоводства и ремесла. Во-вторых, финно-угорские племена не вступили в фазу формирования государства, у местных племенных вождей не было сильных дружин, которые могли бы противостоять вооруженным отрядам новгородцев и ростовчан.

В-третьих, верования, которые поддерживались местными шаманами, не могли соперничать с прекрасно организованными в своей вере церковнослужителями и монахами православия, получавшими активную поддержку князей, купцов, переселившегося населения. Новый поток на Север хлынул в период монгольского нашествия. «В тяжелейшую пору татаро-монгольского ига Беломорский север стал спасительным уголком, куда бежали от «басурман» многие русские крестьяне и горожане» (Куратов, 2006).

В результате на карте Севера того времени (рис. 6.3) отчетливо видны два языка с юга — от центральных русских княжеств — в районах княжеств и Великого Устюга.

Новгородцы ревниво отстаивали свою монополию на Русский Север сначала от тверских, а затем от московских князей. В договоре 1264 г. с тверским великим князем Ярославом Ярославичем записано: «А се волости новгородские... Вологда, Заволочье, Югра, Печора»; тверской князь обещал не собирать дань с Заволочья, «не владеть там какими-либо землями и не посылать туда своих людей» (Куратов, 2006).

По мере возвышения Московское княжество стало все более отчетливо заявлять претензии на свое участие в разделе северных земель.

Ростов Великий

«В течение нескольких столетий Двинская земля была яблоком раздора между Новгородом и Москвой. Сначала Иван Калита попытался «насильно взять Поморье, затем такую же неудачную попытку предпринял Дмитрий Иванович Донской (1336, 1386)» (Платонов, 1994, с. 335–336).

И все же проникновение Москвы на Север усиливалось. Она подчиняла себе добровольно или насильно мелкие княжества в этом регионе: «От верхней Волги (через Суду, Текену, Кабанское озеро и р. Кубану) на Вагу и в Подволье, на далекий север, протянулась цепь колонизационных княжеских земель, простершихся по Северной Двине до самого моря и даже до Терского его берега. Когда Москва стала окончательно торжествовать над своими соперниками и врагами (Тверью, Рязанью) и обратилась в собирательный центр, она наложила свою владетельную руку на

мелкие северные земли ослабевших удельных князей и с необыкновенной быстротой стала обращать их в свою собственность» (Платонов, 1994, с. 335–336). Иные владения «прикупались», другие забирались силой, отнимались у Новгорода, дарились местным монастырям. В этом процессе активно участвовали находившиеся под московским влиянием монастыри, количество которых стремительно росло.

Новгородцы и основанные ими города сопротивлялись московской колонизации, но это сопротивление жестоко подавлялось. Примером может служить Вятка, которую Н.И. Костомаров считал третьей русской республикой (после Новгорода и Пскова). Вятка известна с 1374 г. В середине XV в. была захвачена новгородскими ушкуйниками, в 1486 г. сделала попытку обрести самостоятельность от Москвы. Московский великий князь в 1489 г. подавил эту попытку, учинил расправу, а к самой активной части горожан применил «вывод» — выслал их в Боровск, Кришницу, Дмитров и взамен прислал верных ему людей из Центральной Руси. Метод «вывода» (в XX в. он использовался в больших масштабах Сталиным) С.Ф. Платонов описывает так:

«Вывод» состоял в том, что в момент завоевания или усмирения той или иной области московский государь, не довольствуясь наказаниями защитников и вожаков движения против Москвы, брал с места и выселял все руководящие группы местного населения, уничтожал местный господствующий класс и заменял его переселенцами из надежных московских волостей» (Платонов, 1994). В 1488 г. Иван III переселил более 7 тыс. «местных людей» на Москву; этот же метод применял в Новгороде Иван Грозный.

Таким образом, к концу XV в. Русский Север окончательно вошел в состав Московского царства, а Новгородская республика прекратила свое существование. Вместе с тем завершился тысячелетний жизненный цикл восточнославянской цивилизации и пошел отсчет пятисотлетней истории евразийской цивилизации, чему немало содействовали поморы, активно участвовавшие в освоении Сибири (Ермак, Хабаров и др.) и даже Аляски.

**Вятка. Собор Успения Пресвятой Богородицы.
Трифонов монастырь**

6.2. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО СЕВЕРА

Характеристика особенностей Русского Севера в составе восточнославянской цивилизации приведена по шести составляющим цивилизационного генотипа: природно-климатические условия; население и этнический состав; технологии; экономика; социально-политическое устройство; духовный мир (включая религию и культуру).

6.2.1. Природно-климатические условия Поморья

Естественные условия для цивилизационного прогресса на Крайнем Севере, особенно в заполярных регионах, весьма неблагоприятные, что задержало освоение Севера по сравнению с другими составными частями восточнославянской цивилизации, не говоря уже об эпицентрах формирования цивилизаций ближе к экватору.

Неблагоприятными природными факторами являлись:

- низкая среднегодовая температура, длительные и суровые зимы (особенно в Заполярье), обильные снегопады, затруднявшие или делавшие невозможным хлебопашество в заполярных и приполярных областях. Лишь в южной части Русского Севера условия для земледелия и скотоводства были благоприятными;
- обилие лесов и болот, небольшая площадь пригодных для земледелия и скотоводства земель, главным образом по берегам рек, в речных поймах;
- разбросанность территории, затруднявшая торгово-экономические связи. Использование для этого речных путей было ограничено сравнительно коротким периодом навигации (Кура-тов, 2006, с. 24–31).

Однако природа Русского Севера обладала и рядом преимуществ, привлекательных для местного населения, а также переселенцев из Новгорода и Понизовья:

- обилие в лесах пушного зверя, что позволяло как летом, так и зимой промысливать горностаев, соболей, песцов, белок, лисиц и т.п. Пушнина служила главным предметом вывоза в обмен на необходимые ремесленные товары и продовольствие;

- обилие ценной рыбы в реках и морях, большое количество моржей и тюленей, что давало возможность запастись продуктами рыболовства и добытым морским зверем на весь год, получать моржовые шкуры, моржовую кость для косторезного ремесла, поставлять часть добытого на экспорт;

- плотная сеть рек, служивших главными транспортными артериями как летом, так и зимой (санные пути по замерзшим рекам) и позволявшая поддерживать связи с остальными регионами Руси. По морю поддерживались контакты со Скандинавией (варягами).

Поэтому, несмотря на суровый климат, Север имел благоприятные условия для проживания немногочисленных местных племен и для переселенцев — новгородцев, ладожан, жителей Понизовья, где природно-климатические условия были сродни северорусским.

6.2.2. Население

Отличительные особенности населения Русского Севера:

- малая населенность и низкая плотность населения, особенно на Крайнем Севере;
- почти полное отсутствие крупных городов, торгово-ремесленных центров. Исключение составляли Колмогоры (Холмогоры) и Великая Пермь. Местные племена были рассеяны в небольших поселениях по берегам рек, озер, Белого моря. С приходом новгородцев и ростовчан стали возникать сравнительно небольшие города-крепости (один из крупнейших — Орму, основанный новгородцем Лукой Варфоломеевым);
- полиэтнический состав населения. До прихода новгородцев эти края заселяли племена финно-угорской группы, получившей название «чудь заволоцкая» (мурома, мордва, пермь, печора, ямь и др.), а также лопари (саамы), занимавшиеся кочевым оленеводством. Называют также «чудь белоглазую», «темноволосую», «красноликую» (Булатов, с. 40);
- с освоением Севера новгородцами (с XII–XV вв.) быстро росла численность славянского населения, увеличилось число смешанных браков; этническое население чудских племен исчезло к середине XX в.

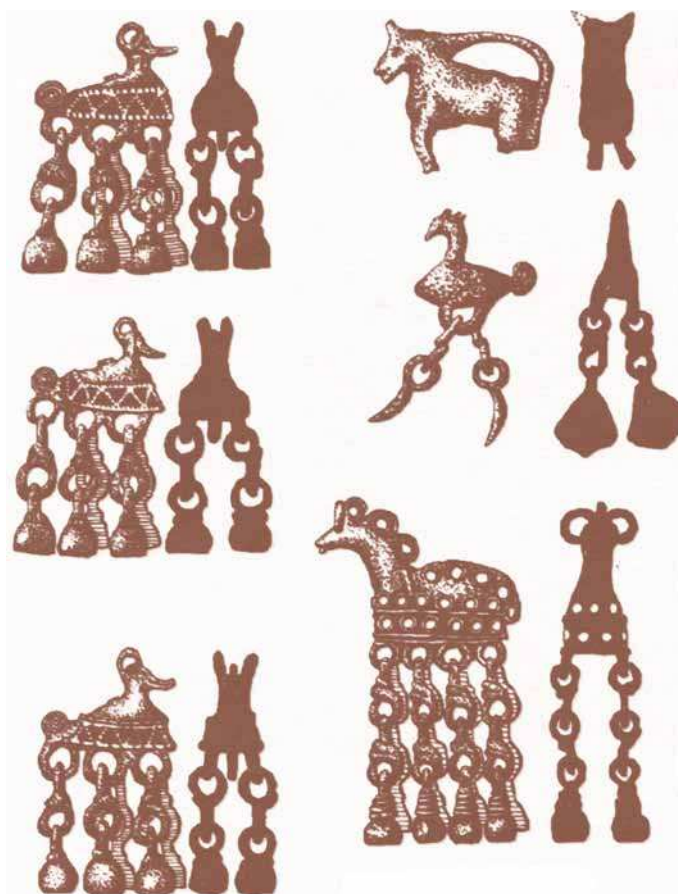
Более подробные данные о чудских племенах приведены в публикуемом ниже отрывке из кни-

ги В.Н. Булатова «Русский Север». Численность поморов к концу XX в. составила около миллиона человек.

6.2.3. Технологии

Используемые жителями Русского Севера технологии отвечали природным условиям и основным видам деятельности жителей этого края. Это прежде всего набор орудий для охотничьего промысла, рыболовства и добычи морского зверя: капканы, гарпуны, рыбные сети, крючки и т.п. Поскольку собственной металлургии и оружейного производства в этом крае не было, ружья, порох, металлические орудия обменивались на пушнину, рыбу и другие местные продукты. Впрочем, есть данные о наличии у чуди собственной металлургии: «Чудские племена на территории Заволонья владели навыками производства металла, подтверждением чему служат «чудские кони», изготовленные в плавильных печах... Для настоящего времени бытуют легенды о чуде Серебрянка на Новой Земле, откуда люди Древнего Новгорода вывозили много серебра»

Бронзовые чудские украшения; р. Вага

(Булатов, с. 85). Но в любом случае производства сложных металлических орудий и ружей, столь необходимых для охотников, здесь не было, они обменивались на меха. Лишь с приходом новгородцев эти виды производства стали налаживаться на Севере.

Но главный результат новгородской и ростовской колонизации — развитие пашенного земледелия и продуктивного скотоводства. Об этом пишет В.Н. Булатов: «Если поначалу в земледелии господствовал лесной перекоп, когда после истощения освоенных участков они забрасывались, вырубался лес и распахивались новые поля, то с XIII в. начала вводиться более прогрессивная трехпольная система. Вся пахотная земля делилась на три части: поля яровые, озимые и поле под пар... Новгородцы распространили пашенное земледелие далеко на Север: на Северную Двину, до побережья Белого моря. Животноводство давало мясо и молочные продукты, шерсть, кожу. Нередко в грамотах упоминались сенокосы. Распространено было и огородничество: основные культуры — капуста, лук, чеснок, репа» (Булатов, с. 56).

Топоры разных размеров, затем и пилы широко применялись для строительства деревянных домов, хозяйственных построек; они представлены в Музее деревянного зодчества в Малых Карелах под Архангельском. Там же представлены орудия и изделия разнообразных ремесел, которыми занимались жители Севера в долгие зимние месяцы. Полученные изделия местных художественных стилей также составляли одну из статей обмена. Местной особенностью была добыча железа, которое пользовалось высоким спросом как у местных жителей, так и в средних регионах Руси и заморских странах. «Широкий размах обрел на Севере такой необычный промысел, как ловля жемчуга. Жемчужные раковины добывались в устьях небольших речек» (Булатов, с. 84).

В Поморье развивалось судостроение, строились суда для прибрежного лова и для хождения в дальние моря (для охоты на большого зверя). Не случайно Петр I заложил верфь и строил морские суда в Архангельске.

Таким образом, набор используемых на Русском Севере технологий, орудий труда и материалов был достаточно разнообразен и развивался от эпохи к эпохе. Можно говорить о смене

поколений техники и технологических укладов (отстававших во времени от Западной Европы и других регионов восточнославянской цивилизации), но границы их достаточно развиты, а в разных районах Севера существовали различные технологические способы производства и уклады — от примитивных у оленеводов тундры (лопарей — саами) до современных для того периода времени — в Подвинье.

Стоит также отметить высокую экологичность используемых на Севере технологий. Местное население имело тесную связь со здешней природой и считалось с ней.

6.2.4. Экономика

Экономика Русского Севера, как и технология, была весьма разнообразной и менялась по этапам развития восточнославянской цивилизации.

Для местных чудских племен (и легендарной Бьярмии) была свойственна семейная собственность на основные средства производства: орудия охоты, рыбной ловли, ремесла, жилые дома, хозяйственные постройки. Она сочеталась с общественной собственностью на общественные здания, алтарь, святилище. Имущественное расслоение существовало, но было еще незначительным. Используемые природные ресурсы были «ничьей» собственностью. Стада оленей у лопарей-олeneводoв были, вероятно, общественной собственностью — семье прокормить большое стадо оленей не под силу. Хозяйство по преимуществу было натуральным, ориентировалось на самообеспечение основными продуктами питания, одеждой, обувью, чумами. Однако развивался и обмен с другими племенами и заезжими купцами для удовлетворения потребностей в изделиях, не производимых на Севере; особенно это было необходимо для формировавшейся знати, племенных вождей. Это остатки родоплеменного строя, сохранившиеся в начале Средневековья и в других районах Севера (в Скандинавии, Северной Америке, Сибири). С началом колонизации Севера новгородцами поселение резко изменилось, произошла своеобразная экономическая революция, утвердившая здесь строй экономических отношений, свойственных развитию Средневековью, но со значительной спецификой. Среди переселенцев преобладала

Мельница. Музей деревянного зодчества в Малых Карелах

частная собственность — как крестьянская, так и боярская, купеческая, ремесленная. Крупными земельными собственниками стали монастыри, особенно Соловецкий монастырь. Возникла государственная собственность — собственность новгородской земли, князей ростовских, углических, московских. Бурно расцвела торговля: Север через Великий пушной путь (основой которого он был) входил в Великий Волжский путь и путь «из варяг в персы». Многократно усилилась имущественная дифференциация, возникли крупные торгово-ремесленные центры (Холмогоры, Великая Пермь).

Основные предметы торговли (рухлядь, красная и белая рыба, моржовая кость и кожа) приносили сверхдоходы (природную ренту), которая становилась источником богатства бояр и купцов, Великого Новгорода, ростовских

Красный угол. Музей деревянного зодчества в Малых Карелах

и московских князей; часть ренты присваивали новгородские разбойники (ушкуйники).

Следовательно, колонизация Русского Севера знаменовала скачок от экономики семейно-общинной с преобладанием натурально-патриархального уклада — к многоприкладной, преимущественно рыночной экономике средневекового типа.

6.2.5. Социально-политическое устройство

До начала новгородской колонизации на Севере преобладал родоплеменной строй со сравнительно незначительной социальной дифференциацией, отсутствовало классовое расслоение, государство и право. Хотя А. Стриннгольм говорит о Бьярмии как о государстве, но фактически это было догосударственное, в лучшем случае протогосударственное социально-политическое устройство без традиционных институтов государственной власти — правящей верхушки, государственного аппарата, армии, системы норм права с обособленной судебной системой.

Племена были немногочисленны, общие вопросы решались на собрании глав семей — своего рода первоначальное вече (родовая демократия). Лидировали признанные племенем вожди и шаманы.

С колонизацией Севера здесь произошла социально-политическая революция — скачок через несколько ступеней к средневековому социально-политическому устройству с делением общества на классы, с институтами государственности. Сначала преобладал присущий Новгородской республике строй феодальной вечевой демократии. Но распространялся он только на новгородских поселенцев; местная чужь, лопари не имели гражданских прав. Затем с распространением на Север власти ростовских, московских и других центральнороссийских княжеств здесь утвердился феодально-аристократический строй — сильная военная власть княжеских наместников. В обоих вариантах сильно было политическое влияние духовенства и монастырей, которые владели здесь значительной частью земли.

Иногда рисуют процесс колонизации Севера как сравнительно мирный процесс. Одна-

ко это не отвечает действительности. Поначалу «народная» колонизация носила относительно мирный характер. Но со временем в ней нарастали насильственные черты — захват обширных богатств, сбор дани, насильственная христианизация. Это встречало сопротивление, вплоть до вооруженного нападения чудских племен. Летописи наполнены сведениями о кровавых стычках местной чуди с новгородцами и понизовцами; сведения об этом можно найти в публикуемом ниже отрывке из книги В.Н. Булатова.

Сердцевиной формирования рыночной экономики на Севере стали великие торговые пути по речным системам Восточной Европы — то, что мы называем Великим пушным путем, — одной из трех магистралей, вокруг которых формировалась восточнославянская цивилизация. Это подчеркивает архангельский историк А.А. Куратов: «Теперь можно с уверенностью сказать о том, что викинги действительно через Белое море (Гандвиг) и Северную Двину (Вину) шли по водным путям в центр Руси. Об этом свидетельствует находка архангельского клада с монетами и ювелирными изделиями XI и XII вв. (1989); клад — свыше 2 тыс. западноевропейских серебряных монет и единичные дирхамы арабской чеканки IX в. — позволил их исследователю О.В. Овсянникову сказать, что на заре Средневековья существовала северо-восточная часть Великого торгового пути, пролежавшего от берегов Англии и Скандинавии до Северного Урала и через Северную (Новгородскую) и Южную (Киевскую) Русь — на восток» (Куратов, 2006). Еще больше возросло значение этого пути после новгородской и понизовской колонизации Севера.

6.2.6. Духовный мир

До новгородской колонизации духовный мир проживавших на Русском Севере племен находился на стадии, отвечавшей начальному этапу цивилизационного процесса, родоплеменному строю. В восприятии окружающего мира преобладали анимистические верования, обожествление природных явлений, культ предков. Отсутствовала грамотность, знания передавались от поколения к поколению через семью и общину, в процессе трудовой деятельности. Культура чуди, финнов, лопарей носила самобытный ха-

рактер, отражая сложившиеся в условиях сурового Севера обычаи и традиции. Местные языки и диалекты, которые можно отнести к финно-угорской группе, существенно отличались от русского и норвежского языков, что затрудняло контакты, обмен культурными ценностями.

Колонизация круто изменила духовный мир Севера. «Не только многонациональность славянского населения, но и культурное его превосходство обеспечило быструю победу русской культуры и русского языка и поглощение разрозненных чудских групп и прежде всего заволочской чуди. Скажем прямо, что смешанные браки и наше русское православие эффективно способствовали колонизации Русского Севера», — подчеркивает В.Н. Булатов (с. 47).

На освоение Севера направлялась наиболее активная и грамотная часть новгородцев — монахи, служилые люди, крестьяне. Они несли с собой русскую культуру, язык, грамотность, накопленные с учетом многовекового диалога цивилизаций знания, опыт, навыки. Эти навыки пополнялись во время долгих походов, морских промыслов, требовавших немалого умения и широкого кругозора. Создавались церковные и монастырские школы, библиотеки, в которые принималось и местное население. Не случайно именно из поморов вышел первопроходец российской науки, трехсотлетие которого будет отмечаться в 2011 г., — Михаил Васильевич Ломоносов, немало внимания уделявший изучению истории и природы родного Русского Севера.

6.2.7. Наследие Русского Севера

Со времени завершения жизненного цикла восточнославянской цивилизации на Русском Севере прошло более пяти столетий. Став составным элементом более обширной евразийской цивилизации, этот край пережил немало взлетов и упадков. Присоединение к Московскому княжеству (затем царству), особенно после открытия Северного морского пути англичанами (1553), стало импульсом для нового подъема экономики и культуры, особенно после основания Новых Холмогор (Архангельска) Иваном IV и создания русского торгового флота Петром I. Именно здесь находился в тот период морской торговый центр, именно здесь проходили потоки товаров из крепнувшего Русского государства в Западную

Л. С. Миропольский. «М.В. Ломоносов»

Европу и обратно. Однако после переноса центра тяжести в экономическом обмене в Санкт-Петербург и прибалтийские порты значение Севера значительно упало. После Гражданской войны и интервенции Север в течение десятилетий стал центром ГУЛАГа, сюда отправлялись и здесь погибали десятки и сотни тысяч лучших представителей российского народа.

Новый подъем Северный край пережил после строительства Беломорско-Балтийского канала и проведения активной политики социально-экономического и культурного развития в послевоенные десятилетия.

В 90-е гг. Русский Север, как и другие регионы страны, оказался в состоянии длительного и глубокого цивилизационного кризиса. Снижался уровень экономики, разрушалось рыболовство и судоходство, вырубались лучшие массивы северных лесов, многократно сократилась государственная поддержка науки, образования и культуры.

С начала XXI в. кризис постепенно преодолевается, наблюдаются признаки оживления. Это особенно видно на примере Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ректором которого в течение 21 года был выдающийся исследователь и патриот Русского Севера Владимир Николаевич Булатов (1946–2007). Со времени третьей научно-цивилизационной экспедиции по Новгородской республике (июль 2002 г.) он проводил регулярные заседания «круглого стола» в Поморском университете «Русский Север в истории восточнославянской цивилизации и Новгородской республики».

Для возрождения Русского Севера в условиях становления гуманистически-ноосферной постиндустриальной цивилизации большое значение имеет накопленное здесь историческое наследие. Об этом говорил академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, сосланный в 20-е гг. на Соловки, чудом выживший там и много занимавшийся изучением культуры Севера. «Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это то, что он самый русский. Он не только душевно русский — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные. Отсюда вышли замечательные землепроходцы, полярники и беспримерные воины» (Булатов, с. 5).

Важнейшим рычагом возрождения Северного края может стать цивилизационный туризм — как отечественный, так и зарубежный, особенно научно-образовательный, чему будут способствовать празднование 300-летия М.В. Ломоносова как общероссийское и международное событие, растущее внимание к глубинам истории российской цивилизации в средней и высшей школе и в обществе. Но это потребует от местных и федеральных властей, деловой, научной, образовательной элиты немалых усилий для воссоздания богатейшей истории края и развития туристической инфраструктуры, которая находится сейчас в запустении.

6.3. ОСТРОВА СОЛОВЕЦКИЕ*

К поездке на Соловки, мне кажется, я стремился долгие годы. Но сколько бы ни было прочитано книг, впечатление от встречи с этими сказочными местами все равно сродни потрясению.

Глубоко-глубоко в сознании народа укоренилась мечта о «земном рае». Ею проникнуты и русские сказки, и русская религиозная философия. Одним из наиболее популярных сюжетов на эту тему является Сказание о граде Китеже. Наиболее древний вариант этого произведения дошел до наших дней в книгах старообрядцев, корни же его уходят в XIII в.

Несомненно, события, описанные в Сказании, имеют под собой вполне конкретную историческую основу. Но в народном сознании оно является произведением, наиболее полно выразившим идею непокоренной, укрывшейся от иноземных захватчиков и сохранившей свою красоту Святой Руси.

И не случайно безымянный автор Сказания утверждает, что в град Китеж никогда не будет доступа людям гордым, корыстным, развратным, лживым. Русская святость должна быть укрыта не только от внешних врагов, но и от греховности вообще.

Важная черта русского самосознания и русской религиозно-философской мысли — мечта о рае на земле, желание устроить Царство Небесное уже в земной жизни. Именно поэтому на Руси сохранилось так много мест, живо напоминающих строки Сказания о граде Китеже...

Соловки не имеют границ. Это понятие негеографическое — как остров Буян в «Сказке о царе Салтане». Уже само путешествие к островам готовит нас к восприятию их главного свойства. Туда нельзя добраться по суше, по четкой полосе дороги. Нужно плыть по морю. Или лететь. Ни на воде, ни в воздухе нет границ, и не остается следов. Открытое море — символ необъятности и непрерывности. Небо же не просто безгранично, оно бесконечно. Как бесконечна изменчивость северного небосклона. Как бесконечна Вселенная.

Путешествие на острова заставляет вплотную соприкоснуться с двумя вольными стихиями —

морем и небом. Такое соприкосновение дает очищение, обязательную паузу между тем, что осталось за кормой, и тем, что впереди. Дарует отдых глазам и душе, открывающейся новым впечатлениям.

Вот, наконец, земля. Сначала кажется, что она четко отделена от моря линией прибоя. Но потом становится ясно, что линия эта постоянно размывается — приливом, отливом и... небом.

На Севере — особенно на заре — никогда не поймешь точно, где граница между небом и морем. Они слиты в единую стихию. Где грань, отделяющая небо от земли? Где оно начинается? Слитое с водами низкое северное небо словно сплавляется с каменистой твердью.

Небо, море, земля составляют одну непрерывность, единый круг, действующий на вооб-

Вид на Соловецкую обитель со Святого озера

* Фрагмент из книги Б.Н. Кузика «Святая Русь: время собирать камни» (М.: ИНЭС, 2005).

ражение не частями, а целиком. В этом единстве заключена одна из тайн природы островов.

Размытость границ присуща и соловецкому лесу. Прибрежная тундра незаметно переходит в тайгу с крепкими соснами, та — в смешанный лес. Метаморфоза совершается за несколько минут небыстрого шага. И вот уже лес непонятно как оборачивается пестрым болотцем, а оно — озерком. Все это напоминает сон, когда яркие и отчетливые образы незаметно сменяют друг друга. Одна определенность превращается в другую без какой-либо границы или паузы.

А дома и храмы? Кажется, они всегда стояли на своих местах, вращались в землю или вырастали из нее, плоть от ее плоти, камни от ее камней, глины от ее глин. Замшелые валуны крепостной стены — родные братья таких же валунов в лесу. Твердыни древних соборов столь же не-

подвижны, как и небольшие острова в бухте. Ветхие лесные избышки истлевают вместе со стоящими рядом умершими деревьями. Каменные дамбы сливаются с берегом, и не отыскать места, где закончила творить природа и где ее сменил человек. Бревна, посеребренные временем, отражают причудливые переливы неба так же, как и покрытые лемехом главы монастырских церквей. И уже нельзя представить Соловецкие горы без белоснежных храмов, поднятых над лесом и видных за многие километры на фоне безбрежного моря. Все крепко соединилось, срослось.

Близость Соловецкой земли небу открывается в своей непреодолимой и торжественной очевидности. «Не бойтесь Соловков, — сказал однажды Михаил Нестеров, — там Христос близко».

Без человека вышли эти острова из моря, без него налились двумястами рыбными озерами, заселились лесными птицами, зайцами, оленя-

Соловецкий монастырь

ми. А вот медведя, волка и другого хищного зверя не было тут никогда. Приходили ледники и уходили, гранитные валуны теснились вокруг озер. Они замерзали долгой соловецкой зимой, ревело от ветра море, покрывалось ломкой шугой, а где и схватывалось крепким льдом. Полыхали полярные сияния в полнеба; снова светлело и теплело. Подрастали ели, бились на токах глухари, трубили молодые олени — кружилась планета в вихре мировой истории. Царства возникали и рушились, а человек сюда все не приходил. «В этой светлости как бы нет греха... Эта природа как бы еще не доразвилась до греха», — так ощутил Соловецкие острова Михаил Пришвин.

И все же иногда здесь причаливали суда новгородцев, приписавших острова к Обонежской пятине. Бывали тут и карелы. И только через полвека после Куликовской битвы перламутровое море пересекли в лодчонке монахи Савватий и Герман. Узнав, что на острове нет хищного зверя, они сочли Соловки местом святым. С тех пор и ведет свою историю Соловецкий монастырь.

К его возвышению приложен был труд многих — сначала самих монахов, а потом и монастырских крестьян. Соединились десятками каналов озера, по деревянным трубам пошла в обитель чистая вода. Легла между островами двухкилометровая дамба из огромных валунов, уложенных по отмелям, — и на островах стали пастись тучные стада.

Соловецкая земля, окруженная студеным морем, оказалась способной кормить многие тысячи людей. На огородах росли плотные кочаны капусты, сладкая репа, крепкая морковь. Все овощи были свои, да все сортные. В оранжереях и теплицах радовали глаз цветы, поспедали огурчики. Развивались рыбные промыслы — морская ловля и рыбоводство в отгороженных от моря «митрополичьих садках». Мельницы мололи здесь же выращенное зерно, появились свои гончарные, переплетная, кожевенная, каретная мастерские, своя литейка, кузница. И сложный фасонный кирпич, и морские суденышки — все делали сами.

Уникален док для морских судов, работающий без применения гидронасосов, уникальна лесопильня, где практически не применялся ручной труд. Здесь же была построена и электростан-

Зосима и Савватий Соловецкие с житием

ция, одна из первых в России. До сих пор принимает корабли каменная пристань — до XVII в. она была единственной в России каменной пристанью. Насельниками Соловецкой обители была обустроена первоклассная гавань (лучшая в этом районе Белого моря) площадью почти 7 кв. км и глубиной на рейде до 45 м, защищенная от жестоких северных ветров. Сооружен Соловецкий маяк, до сих пор являющийся самым крупным на Белом море.

В глазах людей монастырь был местом поклонения, выступал как идеальный организатор духовной жизни и хозяйства. В годы опасности он защищал крестьян от врагов, в голодные годы кормил и одевал их. Жизнь основателей обители, преподобных Германа, Савватия и Зосимы, принявших на себя первые трудности ее становления, воспринималась как нравственный подвиг и служила примером для братии и народа.

Культурное влияние монастыря выходило далеко за пределы островов. Соловецкий Зосимо-Савватиевский Спасо-Преображенский монастырь был мощным центром притяжения, таким же, как Троице-Сергиева лавра, как Афон.

В обители изначально установились очень строгие порядки. Например, человек не мог быть пострижен здесь в монахи раньше 10 лет послушничества. В других монастырях этот срок обычно составлял 3 года. В течение 500 лет, до XX в., на Соловецкий остров не ступала ни одна женщина: они имели право приезжать лишь на соседний маленький остров Муксалму.

С монастырем связаны судьбы выдающихся деятелей Русской Православной Церкви. Это Соловецкий постриженник патриарх Никон и его церковная реформа, изменившая общественные устои, это митрополит Филипп (Колычев) и его безуспешная попытка умиротворить Ивана Грозного и опричников.

От стен Соловецкого монастыря отправлялись в путь боевые корабли Петра I, чтобы, пройдя по Белому морю, затем по суше, Ладоге, Неве, достичь Балтики и отвоевать там кусок древней Русской земли, на которой основана была новая столица — Санкт-Петербург...

Андреевская церковь на Большом Заяцком острове, построенная Петром I и корабельными плотниками

Сколько известных людей побывало на Соловках! Кто-то приезжал на богомолье, кого-то посылали «для исправления образа мыслей».

Шесть лет провел здесь татарский царевич, соправитель Ивана Грозного, князь Симеон Бекбулатович. Здесь жил и умер автор Сказания о событиях Смутного времени Авраамий Палицын.

Здесь закончил свою жизнь соратник Петра I, дипломат, управляющий Тайной канцелярией Петр Толстой. Девятилетней ссылкой на Соловках за дворцовые интриги поплатился и порученец Петра I, член Верховного Тайного совета Василий Долгорукий. Трагична судьба последнего атамана Запорожской Сечи Петра Кальнишевского, 25 лет просидевшего в одиночной камере. За сочувствие декабристам несколько лет провел в монастыре дядя Пушкина П. Ганнибал.

Приезжали в монастырь почетные гости, члены императорской фамилии, иностранцы, например посол Франции в России, будущий министр иностранных дел Франции Талейран.

Интерес к истории и культуре Соловков проявляли многие ученые, писатели, художники. Среди литераторов, оставивших свои воспоминания о Соловках, мы находим имена С.В. Максимова, М.М. Пришвина, Б.В. Шергина. В.И. Немирович-Данченко и В.Г. Короленко восхищались природой Соловецких островов и писали, что по красоте острова напоминают юг Швейцарии. На Соловках работали такие известные художники, как В.В. Верещагин, М.В. Нестеров, А.А. Борисов, а Петербургская академия художеств в XIX — начале XX в. содержала возле монастыря домик для приезжавших на этюды преподавателей и студентов.

Скорбные страницы в историю Соловков вписал XX в. Через ад Соловецких лагерей особого назначения (СЛОН) прошли 40 тыс. человек, среди них — выдающийся философ, математик, химик, священник П.А. Флоренский, профессор Московской консерватории Н.Я. Выгодский, крупнейший исследователь древнерусской литературы Д.С. Лихачев, писатель А.И. Солженицын и многие-многие другие. К счастью, в начале XX в. был спасен архив Соловецкой обители, вывозу и сохранению которого во многом способствовал историк В.Д. Греков.

Время текущее... Нет, оно не похоже на реку, в которую можно войти один раз. Оно похоже на море с его штормами и гуляющими волнами, таинственно шумящими в прохладной ночной тишине. Море с его загадочными зеленоватыми огоньками, выскакивающими из-под руля лодки, с неизреченной радостью утреннего света, поднимающегося из черных вод.

Настоящего нет. Оно растворено в живом прошедшем и таинственном будущем. На Соловках невозможно пройти мимо этого ощущения, невозможно отвернуться от него, закрыть глаза.

Каменный лабиринт, сложенный первобытным жрецом. Тропа, протоптанная преподобным старцем. Дорога, проложенная через дебри святителем. Колодец, вырытый святым. Храм, сложенный царем-реформатором. Следы от неприятельских ядер, разбившихся о стены в одну из прошлых войн. Пила, забытая изможденным зеком. Обрывок письма мальчика-юнга, затерявшийся за оконным переплетом. Изрезанная матросом дверь, превратившаяся в икону... Все это не музейные экспонаты, а живое время, наполняющее острова. Время, не отделенное от прошлого России.

О древности культуры Соловков свидетельствуют имеющиеся там каменные лабиринты (диаметром до 5 м) наподобие тех, что разбросаны по всему Северу Европы. В создании этих древних языческих построек прослеживаются параллели с легендарными сооружениями

крито-микенской (вспомним лабиринт Минотавра!), древнегреческой и других мировых культур. Наиболее близкое к истине объяснение смысла и назначения соловецких лабиринтов дал Даниил Осипович Святский (1879–1940). Запутанный лабиринт, заставляющий путника долго искать выход, является не чем иным, как символом перемещения Солнца в течение полярной полугодиной ночи и полугодиного дня по небосклону по кругам или, вернее, по большой спирали, проецируемой на небесный свод. В культовых лабиринтах, вероятно, устраивались процессии, чтобы символически изобразить такое перемещение, «блуждание» Солнца, подобно тому, как и в позднейших культурах совершаются торжественные процессии вокруг храма или алтаря. Соловецкие лабиринты служили не только для хождения процессий, но также выступали и в качестве схемы-напоминания для ведения магических хороводов. Подковообразные лабиринты, часто встречающиеся на Соловках, вполне могли кодировать движение Солнца в высоких широтах по большей части круга, остающейся над или под горизонтом в период летнего или зимнего солнцестояния. Гипотеза о связи лабиринтов с астральным культом была выдвинута в Германии в 1891 г. Эрнестом Краусом. Он считал европейские спиралевидные мегалиты остатками храмов в честь Солнечного божества, но с полярными представлениями о нем, перенесенными в глубокой древности на юг с далекого Севера.

Глава 7

ЦЕНТРАЛЬНОРУССКИЕ КНЯЖЕСТВА

Рассмотрев вопросы развития южных, северо-западных и северных регионов восточнославянской цивилизации, следует перейти к исследованию истории центрально-русских княжеств, которые с XII в. постепенно становились эпицентром этой цивилизации, и процесса ее трансформации в евразийскую цивилизацию.

7.1. КОЛОНИЗАЦИЯ СЛАВЯНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Освоение славянами обширных лесных массивов центральных и северо-восточных земель началось позднее, чем южных и северо-западных регионов. Это объясняется прежде всего географическим положением земель между Днестром и Верхней Волгой, труднопроходимыми лесами и болотами. Ростовское и Суздальское княжества расположены на речной магистрали «из варяг в персы» (Великого Волжского пути), центральную часть которой контролировала Волжская Булгария, а южную — Хазария. «До половины XII в., — пишет В. Ключевский, — не заметно прямого сообщения Киевской Руси с отдаленным Ростово-Суздальским краем. Заселение этой северо-восточной окраины Руси славянами началось задолго до XII в., и русская колонизация его первоначально шла преимущественно с северо-запада, из Новгородской земли, к которой принадлежал этот край при первых русских князьях. Затем еще до XII в. возникло несколько русских городов, каковы Ростов, Суздаль, Ярославль, Муром и др.» (Ключевский, 1988, с. 289).

В XII в. происходила активная колонизация этого края, строились новые города — Москва, Юрьев, Переславль-Залесский, Дмитров, Владимир, Боголюб, а затем Кострома, Тверь, Галич, Звенигород и др. Усилился отток населения из южнорусских регионов на новые земли. При Андрее Боголюбском (об этом говорилось в гл. 3) процесс перемещения творческого центра восточнославянской цивилизации в центрально-русские регионы приобрел ярко выраженные черты, из Киева лидерство перешло

к Владимиро-Суздальской Руси. «Суздальская область, еще в начале XII в. захолустный северо-восточный уголок Русской земли, в начале XIII в. является княжеством, решительно господствующим над остальной Русью. Политический центр тяжести явственно передвигался с берегов Среднего Днестра на берега Клязьмы. Это передвижение было следствием отлива русских сил из Среднего Приднепровья в область Верхней Волги» (Ключевский, 1988, с. 332).

Это было не просто географическое перемещение в рамках эволюции цивилизации; это было изменение ее характера, перенесение центра тяжести с междоцивилизационной торговли по великим речным системам на внутренние, более устойчивые источники саморазвития (тем более что прежние магистрали на время были нарушены). В.О. Ключевский подчеркивает принципиальный характер этого перемещения центра восточнославянской цивилизации: «В области Верхней Волги сосредотачивались с XIII в. наиболее крепкие народные силы, и там надобно искать завязки основ и форм народной жизни, которые потом получили господствующее значение» (Ключевский, 1988, с. 350).

Заканчивался жизненный цикл тысячелетней восточнославянской цивилизации. Но в ее недрах, на ее северо-восточной окраине формировалось ядро новой, сначала российской, а затем евразийской цивилизации, которой предстояло пройти исторический путь длиной в пять столетий.

Монгольское нашествие прервало этот процесс цивилизационной трансформации, отбросило страну на столетие назад. Опустели многие города, уцелевшие жители ушли в леса или переселились на Север. И тем не менее уже с XIV в. шел активный процесс возрождения цивилизации, но уже в новой конфигурации, в новых экономических и социально-политических условиях, при лидерстве центрально-русских княжеств. Они боролись за ведущую роль между собой и с самым опасным конкурентом — Новгородской республикой, сохранившей свою мощь, осуществлявшей колонизацию Русского Севера и получившей новый источник притока богатств — Великий пушной путь.

7.1.1. Особенности цивилизационного развития центральнорусских земель

Каковы же основные особенности центральнорусских земель в сравнении с другими составными частями восточнославянской цивилизации? Ответим на этот вопрос, как и в предыдущих главах, применительно к составным элементам цивилизационного генотипа.

1. Природа. Природные условия для цивилизационного развития в центральнорусских землях были менее благоприятными, чем в южнорусских княжествах, но лучше, чем на Северо-Западе или Русском Севере. Имелось немало плодородных земель, в том числе и черноземных, особенно в поймах рек. Уникальная плодородная земля вблизи Суздаля снабжала продовольствием Ростово-Суздальскую, а затем Владимиро-Суздальскую Русь. Леса были богаты зверем и птицей. Множество рек, пересекавших территорию, не только обеспечивало население рыбой, но и давало ему речные транспортные пути и летом, и зимой, минуя леса и болота. Месторождений цветных и благородных металлов не было, но строительных материалов вполне хватало. Во всяком случае естественные условия для осуществления расширенного воспроизводства были нормальными.

В.О. Ключевский отмечает влияние природы на население формирующейся Великой-россии: «Великорусское племя — не только известный этнографический состав, но и своеобразный экономический строй и даже особый национальный характер, и природа страны много поработала над этим строем и над этим характером. Верхнее Поволжье, составляющее центральную область Великой-россии, и до сих пор отличается заметными физическими особенностями от Руси днепровской; шесть-семь веков назад оно отличалось еще больше. Главные особенности этого края: обилие лесов и болот, паутинная сеть рек и речек, бегущих в разных направлениях. Эти особенности и наложили глубокий отпечаток как на хозяйственный быт Великой-россии, так и на племенной характер великоросса» (Ключевский, 1988, с. 310).

К этому стоит добавить, что такие же природные условия характерны и для Валдайской воз-

Церковь Покрова на Нерли

вышенности, население которой стало одной из важных составных частей формирования русской нации.

2. Население. Численность населения первоначально была невелика, плотность незначительна, славянские и финские племена были рассеяны по большим территориям. Однако в XI–XIII вв. численность населения стала быстро увеличиваться — не столько за счет естественного прироста, сколько за счет добровольного и принудительного переселения людей из других регионов Руси — владимиросуздальские князья вели большое строительство десятков новых городов, храмов, дворцов, монастырей.

В.О. Ключевский считает, что именно в этот период сложилось деление этнографического состава восточных славян на три ветви — великорусскую, малорусскую (украинскую) и белорусскую, причем основы великорусского племени были заложены в Ростово-Суздальском крае: «В образовании великорусского племени

совместно действовали два фактора: племенная смесь и природа страны» (Ключевский, с. 296).

Это племя сформировалось «из смеси элементов славянского и финского с преобладанием первого. Это влияние проникало в русскую среду двумя путями: 1) пришедшая Русь, селясь среди туземской чуди, неизбежно должна была путем общения кое-что заимствовать из ее быта; 2) чудь, постепенно русея, всею своей массой, со всеми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со своим обликом, языком, обычаями и верованиями входила в состав русской народности» (Ключевский, с. 299). Следовательно, речь идет не о простой ассимиляции переселенцев или местного населения, а о процессе внутрицивилизационной гибридации, при котором главенствовали славянские генетические черты.

В.О. Ключевский подчеркивает в основном мирный характер этой гибридации. «Из этой встречи не вышло упорной борьбы ни племенной, ни социальной, ни даже религиозной; она не повела к развитию резкого антагонизма или контраста ни политического, ни этнографического, ни нравственно-религиозного, какой обычно развивается из завоевания. Из этой встречи вышла тройная смесь: 1) религиозная, которая легла в основу мифологического мирозерцания — великороссов; 2) племенная, из которой выработался антропологический тип великоросса; 3) социальная, которая в составе верхневолжского населения дала решительный перевес сельским классам» (Ключевский, с. 309–310).

С этой позицией можно поспорить, тем более что в ней игнорируется вклад в формирование великорусской национальности Северо-Западной Руси, где как раз был перевес (не численный, но политический, экономический, культурный) городского населения. Но и там происходила гибридация пришедших славян с местным финским населением — в основном в том же порядке, что и в Верхневолжском регионе, но на несколько столетий раньше.

3. Технологии. Славянские племена, заселяя центральнорусские земли, приносили с собой современные для того времени и отвечавшие средневековому технологическому способу производства технологии пашенного земледелия, переработки продуктов рас-

тениеводства и животноводства, обработки металлов, изготовления металлических орудий труда, обработки древесины, прядения и ткачества, строительства. Это позволило повысить технологический уровень производства местных финских племен, обеспечить достаточно высокий уровень производительности труда и создавать прибавочный продукт, изымавшийся государством, правящим князем, частично купцами. Этот прибавочный продукт использовали как для строительства десятков городов с великолепными храмами, до сих пор поражающими гармоничностью и красотой (пример — церковь Покрова на Нерли), так и для содержания богатого княжеского двора и его дружины. «Техника сельского хозяйства, — отмечает Б.Д. Греков, — поднялась на большую высоту, и тем самым положено было основание для серьезных перемен в земельных отношениях, то есть в конечном счете для весьма серьезного переустройства общественных отношений» (Греков, с. 103).

4. Экономика. Основой феодального экономического способа производства было землевладение — собственность на землю, приносящая рентный доход в той или иной форме.

Звездчатый колт. XIII в. Старая Рязань

Как и в других регионах восточнославянской цивилизации, в центрально-русских землях земельная собственность была многообразной и иерархически устроенной. Крестьяне-смерды пользовались землей на правах общинного землевладения, но и они платили дань князю. Надо полагать, что в этой дани совмещались земельная рента и государственные налоги. Основной хозяйственной единицей была большая семья, владевшая необходимыми средствами производства и куском земли.

Формировалось крупное землевладение, которое было представлено несколькими формами: землевладение и хозяйство князей, бояр, церковное и монастырское землевладение и хозяйство. По мнению И.Я. Фроянова, «в княжеском хозяйстве быстрыми темпами развивалось скотоводство с уклоном в коневодство и появляется незначительная по размерам пашня с подсобным заделом» (Фроянов, с. 155). Такая специализация была вызвана тем, что князьям приходилось вести непрекращающиеся войны. Необходимое продовольствие князь и его двор получали в виде «хлебного кормления». Несколько позднее стало расширяться землевладение и вотчинное хозяйство бояр; оно также в основном ориентировалось на скотоводство. С XI в. все

большее распространение получало церковное, особенно монастырское землевладение. Князья щедро даровали монастырям земли вместе с находившимися на них смердами. Так, Андрей Боголюбский наделил землями церковь Богородицы во Владимире.

На первых порах основным способом распространения феодального землевладения была заимка пустых неосвоенных земель; затем все чаще стала использоваться купля уже находившихся в собственности земель (Фроянов, с. 212).

Рыночные отношения в центрально-русских землях первоначально были менее развиты, чем в Киевском княжестве и Новгородской республике, поскольку эти земли в меньшей мере были ориентированы на великие торговые пути. Однако Суздаль, Ростов, Ярославль, Кострома находились на Великом Волжском пути и получали от этого немалые доходы (транспортную ренту). После превращения Владимира в центр Русской земли и строительства новых городов торговля в этом крае значительно активизировалась. Монгольское нашествие подорвало формировавшийся национальный рынок, но через несколько десятилетий торговля начала восстанавливаться, достигнув значительных масштабов в XIV–XVI вв. Тем не менее сельское хозяйство, составлявшее основу средневековой экономики, базировалось в основном на натурально-патриархальном укладе.

Приношение дани князю.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

5. Политический строй. Основной характерной чертой политического строя центра России в XII–XV вв. была возросшая самостоятельность удельных князей при ослаблении роли центра, великокняжеской власти. В.О. Ключевский отмечает эту главную черту: «В XIII и XIV вв., когда этот новый строй установился, уже не оставалось и следов той исторической обстановки, на которую опирался прежний порядок. Единой Русской земли Ярослав и Мономаха не существовало, она была разорвана Литвой и татарами» (Ключевский, с. 335).

Применялись основные принципы владения и передачи по наследству княжеской власти: «Удельный порядок владения — основной и исходный факт, из которого или под действием которого развиваются все дальнейшие явления Суздальской Руси... Двумя признаками обозначилось утверждение нового порядка. Во-первых, прекращается владельческая переделка князей: они становятся оседлыми владельцами, постоянно живут и умирают в своих удельных городах, которые не покидают даже тогда, когда по очереди старшинства занимают великокняжеский стол. Во-вторых, изменяется порядок княжеского наследования: передача волостей преемникам; северный князь XIII–XIV вв., постоянный владетель своей волости, передавал ее по личному распоряжению своим сыновьям или за отсутствием сыновей мог передать ее жене или дочери, даже отдаленному родичу вне очереди» (Ключевский, с. 338).

Тем самым усиливалась политическая независимость удельных князей от великого князя и одновременно ослаблялись остатки демократического народоправства в столичных городах, роль городского вече. Более стабильная и сильная власть князя распространилась на городское устройство.

Эти тенденции усилились после монгольского нашествия и установления зависимости большей части Русской земли от Золотой Орды, правители которой определяли право на великокняжеское старшинство и строго следили за соблюдением установленного порядка и размера дани.

Следовательно, в этот период сильной и независимой восточнославянской державы уже не

существовало. Ее место заняли разрозненные и зависимые удельные княжества, находившиеся под контролем Золотой Орды и боровшиеся между собой за лидерство в новом государственном устройстве.

В.О. Ключевский отмечает такие тенденции социально-политического устройства северо-восточной Руси, как превращение служилых в землевладельцев, ослабление капитала и сокращение хозяйственного оборота, слабость городского порядка, объединение и упрощение общества: «С XIII в. общество северо-восточной Суздальской Руси, слагавшееся под влиянием колонизации, стало беднее и проще по составу». Отмечает он и такую тенденцию: «Удельные князья Северной Руси гораздо менее воинственны в сравнении со своими южнорусскими предками, но по своим общественным понятиям и образу действий они в большинстве более варвары, чем те» (Ключевский, с. 338).

6. Духовная жизнь. Северо-восточные и центральные земли Киевской Руси унаследовали от нее высокий уровень культуры и ведущую роль православия в духовной жизни. Раздробление Русской земли, повышение политической и экономической независимости удельных княжеств привели к тому, что удельные княжества стали превращать свои столицы в культурные и религиозные центры. Строились архитектурные ансамбли, храмы и монастыри в Ростове, Суздале, Владимире, Рязани, Твери, Москве, Юрьеве, Переславле-Залесском и других городах. Сюда привлекали архитекторов. Усиливалась церковная власть на местах, поддерживаемая княжескими дарами, пожертвованиями бояр и купцов. Складывалась своеобразная культура, росла грамотность местного населения, развивалось монастырское образование. Церковь отстаивала и проводила в жизнь нормы христианской морали.

Западное и византийское влияние на культуру и духовный мир северо-восточных княжеств постепенно снижалось. В то же время усиливалось восточное влияние — Золотой Орды, противоборства и контактов с половцами. Примером может служить город Касимов на Оке, с середины XV в. — центр Касимовского царства. В нем проживало значительное количество татар, был построен мина-

рет. В деревнях долго держались пережитки дохристианских культов, особенно среди финно-угорских племен в Поволжье. В этом районе отчетливо проявлялись черты открытости складывавшейся самобытной русской культуры, ее взаимосвязи и взаимообогащение с культурами других народов.

7.2. ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКАЯ РУСЬ*

При первом посещении Владимира задаешься вопросом: что же это за город такой, в который из великого Киева переместился центр Древней Руси? Как дерзнул, как посмел он тягаться с Киевом — матерью городов русских, с Господином Великим Новгородом?

Основание Владимира связывают с именем киевского князя Владимира Святославича. В 990-е гг. Владимир Креститель на высоком берегу некогда полноводной Клязьмы основал город-крепость, создав его по образу и подобию Киева.

Конечно же, сравнения напрашиваются: высокий берег и излучина реки, величественные храмы и Золотые ворота при въезде в город. Но все масштабам скромнее. И Клязьма — не полноводный Днепр, и круча на Клязьме — не высокий днепровский берег. Даже если учесть, что вода в Днепре искусственно поднята плотинами, а Клязьма за века обмелела, все равно масштабы не те.

В период создания Киевской Руси земли на северо-востоке ее территории, по верховьям Волги и Оке, были известны под общим названием Залесская Русь. Непроходимыми лесами была отделена земля Владимиро-Суздальская от остальной Руси и ее центра — Киева.

Заселение северо-восточного края шло только с запада, из земель Новгородских, а путь из Киева в Залесскую Русь шел сначала на север, до верховьев Оки, откуда уже поворачивал на восток.

В былинах на это есть указание. Киевляне не поверили Илье Муромцу, сказавшему, что он проехал в стольный град прямо через дремучие леса, пока он не показал знаменитого Соловья-разбойника, пойманного им в этих лесах.

Хотя Залесская Русь находилась в значительном удалении от других русских земель, она активно заселялась. Уже во времена Владимира Святого здесь существовали такие города, как Суздаль, Ростов и Муром. Сыновья Владимира Святого, Борис и Глеб, получили здесь уделы: Борис — Ростов, Глеб — Муром.

Путь из Киева в эти края был настолько трудным, что Владимир Мономах, много путешествовавший по Руси, в своем «Поучении детям» отмечает как свою особую заслугу, что он проехал «скроз вятичи», то есть прямым путем из Киева в Залесскую Русь (после основания города Владимира именовавшейся уже Владимиро-Суздальской Русью). Но уже его сын Юрий Долгорукий, получивший в удел Залесскую Русь, во время войны с Волынским княжеством водил через леса целые полки. Отсюда можно заключить, что торная дорога из Руси Киевской в Русь Владимиро-Суздальскую появилась не ранее XII в.

Не собирався Владимир, подобно некоторым другим городам, тягаться с Киевом богатством или роскошью. И не от хорошей жизни функции столичного центра перешли от Киева к Владимиру — беда заставила. Княжеская анархия и жестокие набеги половцев в 1150, 1153, 1155, 1159, 1161, 1164, 1167 и 1168 гг. привели города и села Приднепровья к полному запустению, сделали жизнь в этих местах невыносимой. Спасаясь от неминуемой гибели, люди переселялись на северо-восток, в нынешний Мещерский край, где их защищали непроходимые для половецкой конницы леса, болота, озера, а на границе реликтового Туголесского Бора, где пролегали наезженные дороги, легко было ставить засеки.

Киев все больше слабел, чему поспособствовали и его разгромы, учиненные в 1203 г. смоленскими и черниговскими князьями в союзе с половцами и в 1235 г. черниговским князем также совместно с половцами. Кроме того, Киев потерял значение и как торговый центр — на рубеже XII и XIII столетий Византия была захвачена крестоносцами (Константинополь был захвачен крестоносцами в 1204 г.), и торговля пошла иными путями.

В 1169 г. Киев был взят суздальским князем Андреем Боголюбским — сыном Юрия Долгорукого и внуком Владимира Мономаха. Нападение на Киев он совершил не один, а вместе

* Фрагмент из книги Б.Н. Кузика «Святая Русь: время собирать камни» (М.: ИНЭС, 2005).

с десятком князей, составивших коалицию против княжившего в Киеве Мстислава Изяславича. Волынские Ростиславичи, черниговские Олеговичи, переяславский князь Глеб — все они были активными участниками союза, который возглавил Андрей Боголюбский.

Захватив Киев — великокняжескую столицу, Андрей Боголюбский провозгласил себя великим князем, но жить на берегах Днепра не остался. Оставив княжить там младшего брата Глеба, он вернулся в родной Владимир.

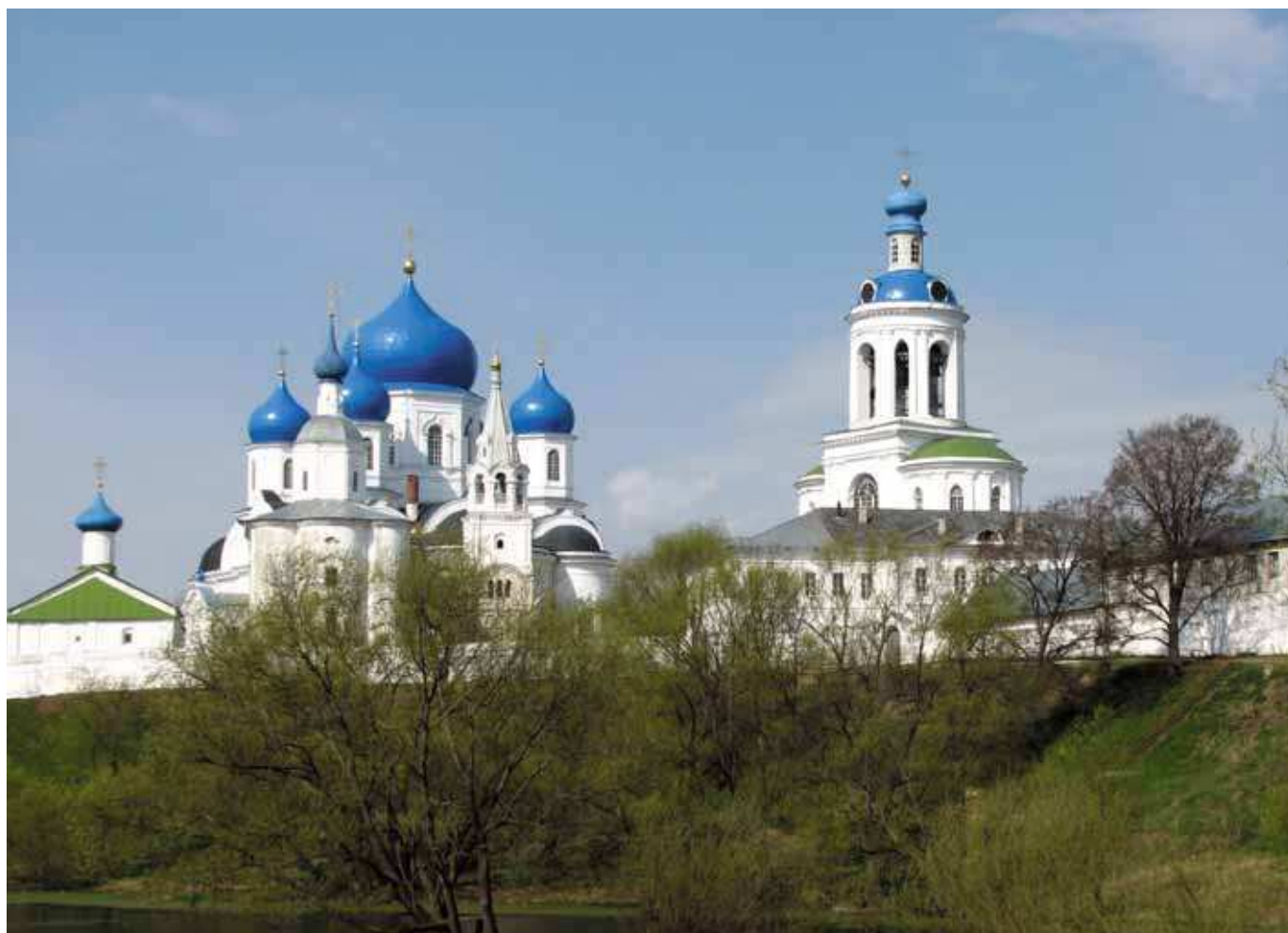
Монголо-татарское нашествие в буквальном смысле слова выжгло цветущую днепровскую землю. После захвата Киева монголами формально прекратилось существование Киевской Руси как единого, независимого государства. Почти четырехсотлетний период ее истории (с 862 г. — с момента основания города до 1240-го — взятия его Батыем) закончился. Страница истории была перевернута.

Свято-Боголюбский женский монастырь

После пронесшейся ордынской лавины почти два столетия в Среднем Приднепровье царил запустение, в городах прекратилось летописание — писать стало некому и не о чем. Только в Ростово-Суздальских землях сохранилось ведение общерусского летописного свода.

В конце XII — начале XIII в. началось формирование юго-западного и северо-восточного центров русских земель, получивших название Галицко-Волынская и Владимирская Русь. Сюда из Приднепровья устремлялись все новые и новые потоки переселенцев. Они основывали города и села, давая им и местным рекам названия, созвучные именам поселений и рек на юго-западе. Так, во владимирских землях возникли города Звенигород, Вышгород, Галич, Переславль-Залесский, Переяславль-Рязанский (нынешняя Рязань), села Киево, Киевцы, Киевское. Реки получают имена Трубеж, Лыбедь, Почайна, Ирпень, то есть названия рек Приднепровья.

Уходя на север и северо-восток, население Киевского, Переяславского и соседних с ними

княжеств приносило на новые земли не только бытовую, но и духовную культуру, в том числе былины — богатый народный эпос, воспевающий эпоху Владимира Святого. С удивительной свежестью сохранились эти былины в памяти людей, населяющих Северо-Восточную Россию.

Истинную славу городу Владимиру, бесспорно, принесли люди, жившие здесь, — мудрые политики, храбрые воины, искусные строители, вдохновенные иконописцы, высокие духом молитвенники за землю Русскую.

В середине XII в., в период правления князя Андрея Боголюбского (1110–1174), Владимир стал главным городом Северо-Восточной Руси, а во времена ордынского нашествия — и общерусской столицей. Князь Андрей, а затем его младший брат Всеволод Большое Гнездо (1154–1212) превратили небольшую крепость в златоглавый белокаменный град. До наших дней сохранились во Владимире храмы той поры: Успенский и Дмитровский соборы.

Успенский собор во Владимире. XII в.

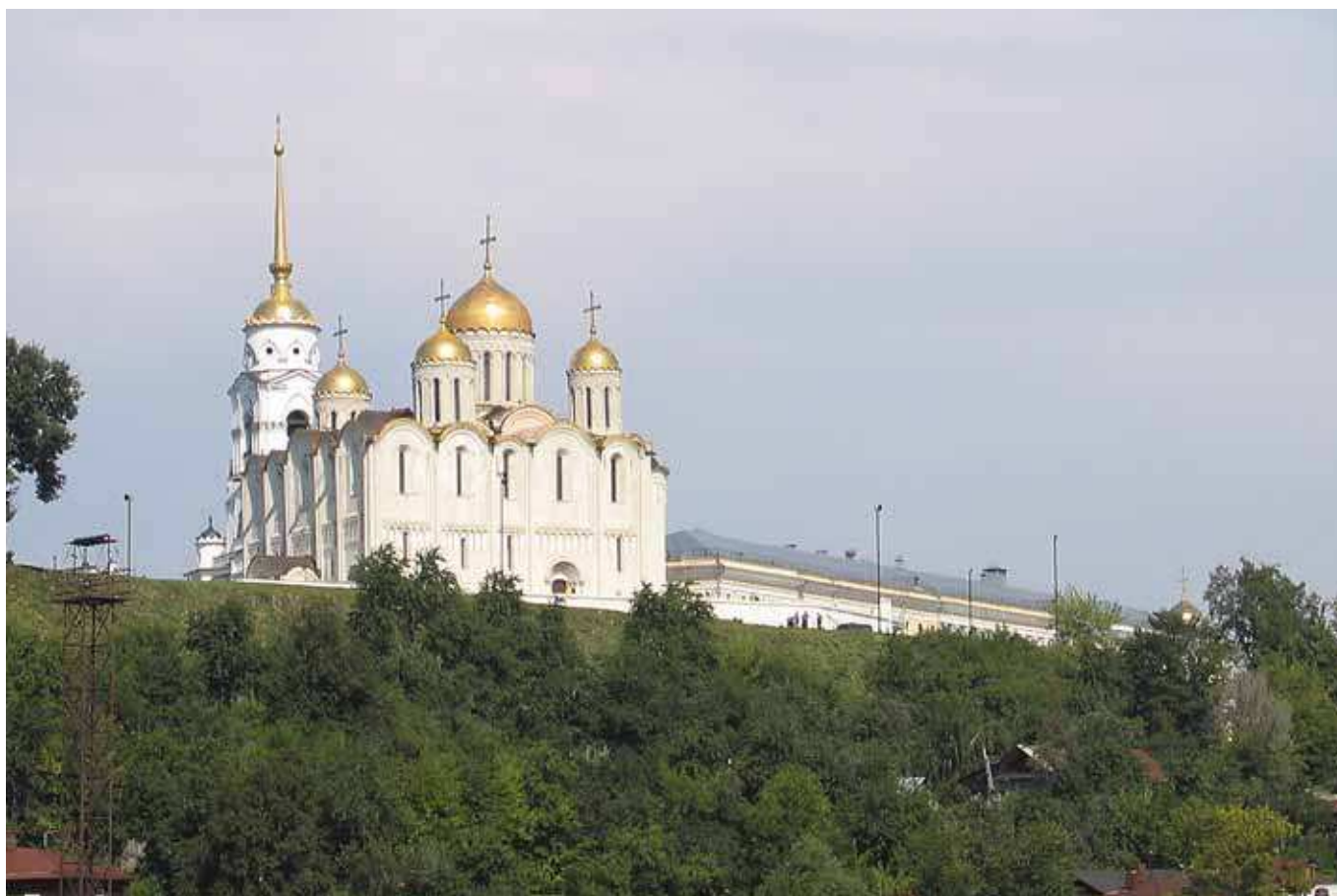
Андрей Боголюбский украшал прекрасными храмами не только Владимир, но и свою резиденцию, расположенную недалеко от города, — село Боголюбово.

Недалеко от Боголюбово, при слиянии двух рек — Нерли и Клязьмы, на округлом, поросшем травой и деревьями холме стоит белоснежная церковь Покрова на Нерли — шедевр древнерусской архитектуры.

При Всеволоде Большое Гнездо Владимир получил статус великокняжеской столицы, что свидетельствует о расцвете как самого города, так и всего Владимиро-Суздальского княжества. Во времена правления сыновей Всеволода здесь появилась и своя епископская кафедра.

Важнейшей чертой древнерусского сознания была мысль о том, что претензии на власть обязаны иметь высокое духовное обоснование. В этом мы, как оказывается, полностью солидарны с нашими далекими предками: Россия и сегодня требует духовного обоснования любого лидерства, будь то политика, наука или бизнес.

В понимании наших предков политический центр государства должен был исполнять роль

и духовного, религиозного центра. Не случайно в годы феодальной раздробленности в столице каждого крупного княжества обязательно строился величественный собор, являвшийся его религиозно-политическим центром. Не случайна также борьба князей за устройство в их городах отдельных епархий, подчеркивающих политическую самостоятельность княжеств. Столь же большое значение придавалось местным святыням — иконам, святым подвижникам, монастырям и другим символам святости.

Переехав со своей дружиной из Киева во Владимиро-Суздальские земли, Андрей Боголюбский взял с собой чудотворную икону Божией Матери, хранившуюся в Вышгородском монастыре. Икона эта, согласно преданию, написана самим евангелистом Лукой и в 1131 г. была доставлена на Русь из Константинополя.

Андрей Боголюбский построил в честь иконы Успенский собор во Владимире-на-Клязьме, а саму святыню окружил особым почитанием. Именно вокруг чудотворной Владимирской иконы Божией Матери на северо-востоке Руси развился особый культ Пресвятой Богородицы, столь характерный для русского православного сознания. Андрей Боголюбский ввел в православный календарь новый, неизвестный в Византии праздник Покрова Богородицы.

В 60-е гг. XII в. был создан яркий памятник древнерусской литературы — Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери. Лейтмотив повествования — тема сильного княжества как единого центра, способного сплотить русские земли.

Владимирская икона — одна из древнейших святынь земли Русской, с ее заступничеством связывают ряд чудесных побед русских войск над врагом. В русском национальном сознании она занимает почетное место в ряду особо почитаемых чудотворных икон-заступниц — Казанской, Тихвинской, Смоленской, Феодоровской, Донской, Почаевской...

Но более всего в исторической памяти народа город Владимир связан с личностью Александра Невского.

Монастырь Рождества Богородицы во Владимире, где был похоронен князь, стал первым центром почитания его как святого. Здесь возникла первая редакция его жития. Автор этого

Владимирская икона Божией Матери

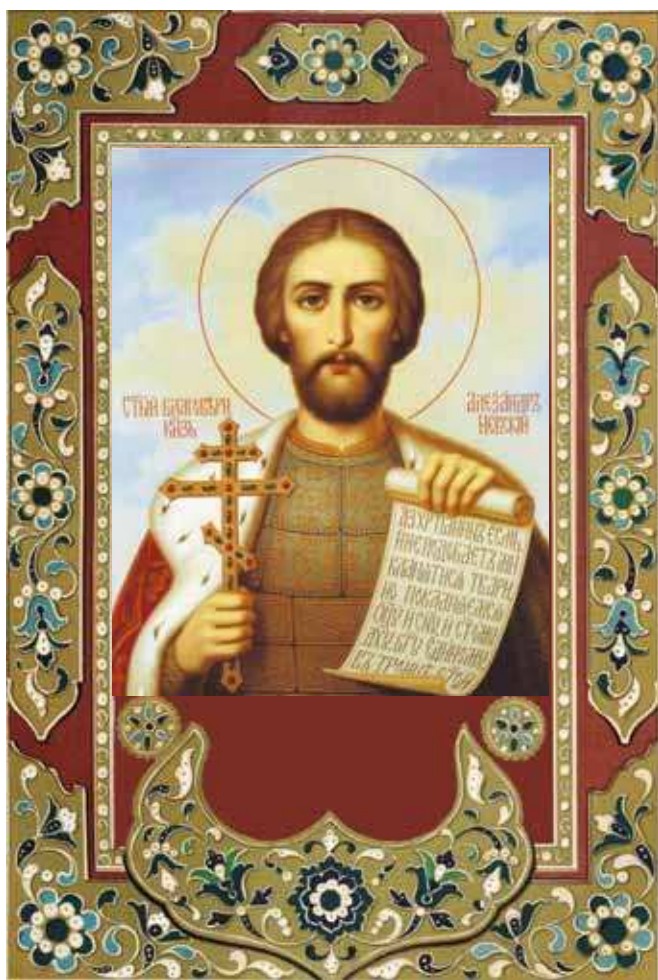
произведения, судя по всему, был современником Александра Невского, книжником и входил в окружение митрополита Кирилла.

Здесь же, в монастыре, множество людей стали свидетелями чуда, происшедшего на похоронах князя.

Александр Невский родился 30 мая 1220 г. в Переславле-Залесском, здесь и прошли его детские годы. Отец Александра был младшим сыном Всеволода III Большое Гнездо, а мать, Феодосия Игоревна, — рязанской княжной.

Обряд посвящения отрока Александра в воины совершил в Спасо-Преображенском соборе Переяславля святитель Симон, епископ Суздальский, один из составителей Киево-Печерского патерика. От благодатного старца Александр получил первое благословение на защиту земли Русской.

В 1227 г. князь Ярослав был послан братом Юрием, великим князем владимирским, княжить в Новгород Великий. Он взял с собой

Александр Невский

сыновей, Федора и Александра. Недовольные владимирскими князьями новгородцы вскоре пригласили на княжение Михаила Черниговского, и в феврале 1229 г. Ярослав с сыновьями ушел в Переславль. Дело кончилось миром: через год Ярослав с сыновьями вернулись в Новгород, а дочь Михаила, Феодулия, обручилась со старшим братом Александра Федором. После его смерти в 1233 г. княжна ушла в монастырь и прославилась в иноческом подвиге как преподобная Евфросиния Суздальская.

С ранних лет Александр сопровождал отца в походах. В 1235 г. он принимал участие в битве на р. Эмайыги (в нынешней Эстонии), где войска Ярослава наголову разгромили немцев. В 1236 г. Ярослав уехал в Киев, «посадив» Александра самостоятельно княжить в Новгороде. В 1239 г. юный князь женился на дочери полоцкого князя Брячислава. Князь Ярослав (в крещении Феодор) благословил молодых при венчании чудотворной иконой Феодоровской

Божией Матери. Эта икона постоянно была потом при Александре как его моленный образ, а затем в память о князе была взята из Городецкого монастыря, где он скончался, его братом, Василием Ярославичем Костромским, и перенесена в Кострому. Она особо почиталась всеми потомками Александра Невского.

Воспользовавшись нашествием Батые, полчища крестоносцев вторглись на Русь. В 1240 г. шведский король послал в новгородские земли войско под командованием своего зятя ярла Биргера. Швед отправил с берегов Невы в Новгород к Александру гонцов с посланием: «Если можешь, сопротивляйся, — я уже здесь и пленяю твою землю».

Александр, которому не было тогда еще и 20 лет, получив грозное предупреждение, долго молился в храме святой Софии. Выйдя из храма, он укрепил дружину исполненными веры словами: «Не в силе Бог, а в правде. Иные — с оружием, иные — на конях, а мы Имя Господа Бога нашего призовем! Они поколебались и пали, мы же востали и тверды были». Ждать помощи от отца, находившегося во Владимире, не было времени, и с небольшой дружиной князь храбро атаковал врагов. За победу на Неве, одержанную 15 июля 1240 г., народ назвал Александра Невским.

В 1241 г. молниеносным походом князь вернул под русское владычество древнюю крепость Копорье, изгнав оттуда немецких рыцарей. Но уже в следующем году немцам удалось захватить Псков. Александр, выступив в зимний поход, освободил город, а 5 апреля на льду Чудского озера наголову разгромил рыцарей Тевтонского ордена.

Современники ясно понимали историческое значение Ледового побоища: западные пределы Русской земли были надежно ограждены, настало время защитить Русь с востока. В 1242 г. Александр Невский с отцом, Ярославом, выехал в Орду. Митрополит Кирилл благословил их на многотрудное служение на поприще дипломатии.

Священную миссию защитников Русской земли Господь увенчал успехом, но она потребовала многих трудов и жертв. Князь Ярослав отдал за это жизнь — он был отравлен в далекой Монголии, в столице огромной кочевой империи.

Завещанный отцом союз с Золотой Ордой, необходимый тогда для предотвращения нового разгрома Руси, продолжал крепить Александр

Невский. В 1252 г. многие русские города восстали против татарского ига. Положение было очень опасным. Александру пришлось снова ехать в Орду, чтобы отвести от русских земель угрозу карательного похода ордынцев.

Александр стал единовластным великим князем всей Руси: владимирским, киевским и новгородским. Великая ответственность перед Богом и историей легла на его плечи. В 1253 г. он отразил новый немецкий набег на Псков, в 1254-м заключил договор о мирных границах с Норвегией, в 1256-м ходил на Финскую землю. Летописец назвал этот поход «темным», поскольку русское войско шло сквозь полярную ночь.

В 1256 г. хан Батый умер, князь Александр в третий раз поехал в Сарай, чтобы подтвердить мирные отношения Руси и Орды с новым ханом Берке. Хотя преемник Батыя принял ислам, он нуждался в союзе с православной Русью. В 1261 г. стараниями Александра и митрополита Кирилла в Сарае, столице Золотой Орды, была учреждена епархия Русской Православной Церкви.

В.А. Серов. «Ледовое побоище»

В 1262 г. во многих городах были перебиты ордынские сборщики дани и вербовщики воинов — баскаки. Ждали монголо-татарской мести. Но заступник народа вновь поехал в Орду и мудро направил события в совсем иное русло: ссылаясь на восстание русских, хан Берке прекратил посылать дань в Монголию и провозгласил Золотую Орду самостоятельным государством.

Эта дипломатическая поездка Александра Невского в Сарай была четвертой и последней. На обратном пути из Орды Александр смертельно занемог. 14 ноября 1263 г., не доехав до Владимира, в селе Городце князь скончался.

Тело его несли во Владимир девять дней, и оно оставалось нетленным. 23 ноября, при погребении в Рождественском монастыре, было явлено Богом «чудо дивно и памяти достойно». Когда князя положили в раку, экононом Севастиан и митрополит Кирилл хотели разжечь ему руку, чтобы вложить в нее напутственную духовную грамоту. Святой князь, как живой, протянул руку и взял грамоту из рук митрополита.

Митрополит Кирилл, духовный отец и сподвижник князя, сказал в надгробном слове: «Знайте,

чада моя, яка уже зашло солнце земли Суздальской. Не будет больше такого князя в Русской земле».

Одним из красивейших городов Северо-Восточной Руси был и остается Суздаль. Археологические раскопки свидетельствуют, что первые поселения на опутанной сетью речек равнине плодородного суздальского Ополя появились еще в VII–IX вв. Впервые Суздаль упоминается в летописи под 982 годом в связи с походом князя Владимира. Город переходил в вотчинное владение потомкам Владимира — Всеволоду, Владимиру Мономаху, Юрию Долгорукому. Сохранившиеся земляные валы и рвы относятся ко времени Мономаха. На несколько лет Юрий Долгорукий сделал Суздаль столицей княжества, перенеся сюда свою резиденцию из Ростова.

Рядом с Суздалем в селе Кидекша на берегу Нерли до наших дней сохранилась одна из

**Суздаль. Покровский собор
Свято-Покровского женского монастыря**

древнейших церквей. Она посвящена памяти первых русских святых — Борису и Глебу. Это не случайно, ведь Ростово-Суздальская земля была вотчиной одного из сыновей киевского князя. Церковь Бориса и Глеба стала прообразом знаменитых владимирских белокаменных соборов, она в чем-то предопределила развитие русской архитектуры того времени.

Суздаль уникален — такого количества церквей не знал ни один древнерусский город. С XIV в. здесь располагалась резиденция епископа, а с конца XVI в. — архиепископа. Это предопределило важную роль города как центра русской культуры и просвещения. Особое значение он получил после того, как Киев попал под владычество сначала монголо-татар, а затем (со второй половины XIV в.) — Великого княжества Литовского.

В Суздале же с епископским двором по красоте архитектурных форм как бы соперничали возникавшие вокруг во множестве монастыри (из десяти обителей, построенных в XIV в., до наших дней сохранилось пять) и храмы разраставшихся вокруг единого центра слободок (20 архитектурных ансамблей). Суздаль интересен тем, что его можно охватить одним взглядом с монастырской стены или колокольни — он компактен и гармоничен.

Суздальские монастыри — это средоточие православной культуры, художественных и духовных сокровищ.

Александровский монастырь, возникший при Александре Невском, долгое время именовался лаврой. Его почитали и жаловали Иван Данилович Калита и его сын Иван Красный, Наталья Кирилловна Нарышкина и ее сын Петр I.

Девичий Ризположенский монастырь обрел известность благодаря святой Евфросинии, в миру — Феодулии, невесте старшего брата Александра Невского и дочери святого князя Михаила Черниговского, принявшего смерть в ставке ордынского хана за отказ порвать с православием. Приняв после смерти жениха постриг с именем Евфросинии, княжна прожила в монастыре до самой смерти. По преданию, ее молитвы спасли обитель во время монголо-татарского разорения.

Одной из достопримечательностей Суздаля является Покровский женский монастырь. Он был основан в 1364 г. суздальско-нижегородским

князем Андреем Константиновичем, давшим такой обет в благодарность за свое спасение во время бури на Волге. С XVI в. обитель стала местом ссылки знатных женщин, а собор — их усыпальницей. Здесь находились в ссылке: жена Василия III Соломония Сабурова; двоюродная сестра Василия III Анна Васильевна Вельская; дочь Ивана III Александра; жена князя Владимира Старицкого Евдокия; одна из жен Ивана Грозного Анна Васильчикова; две жены царевича Ивана — Евдокия Сабурова и Прасковья Соловая; дочь Бориса Годунова Ксения. 19 лет провела в монастыре жена Петра I Евдокия Лопухина.

Полный женственности и лиризма образ древней обители оставляет сильное впечатление. Удивительная изысканность, аристократичность, непостижимая соразмерность с окружающими лугами, гармония архитектурных форм — все это Покровский монастырь.

Суздальский Кремль. Собор Рождества Богородицы. XIII—XVI вв.

В расположенном неподалеку Спасо-Евфимиевском монастыре, заложенном учеником Сергия Радонежского, находится усыпальница народного героя князя Дмитрия Пожарского.

С середины XVII в. в этом монастыре располагалась тюрьма, известная на всю Россию. Узниками ее камер были и декабристы, и сектанты, и старообрядческие епископы, и православные священники-расстриги. В XX в. здесь содержался в заключении и окончил свои дни выдающийся ученый, экономист с мировым именем Николай Дмитриевич Кондратьев, идеи которого мы только сейчас начинаем постигать во всей их глубине. Для авторов данной монографии это имя означает многое — наши научные проекты тесно связаны с идеями Кондратьева.

Приезжаешь в Суздаль и каждый раз поражаешься гармонии древних монастырей и просторных лугов, крепких купеческих домов и аккуратных огородов. Единение природы, духовности, трудов человеческих.

У дома гончара трава уставлена глиняной посудой, а на заборе донышком вверх — крынки, горшки, кружки. Выбирай! Стоит остановиться, и лохматая собачонка позовет из дома хозяина. Возле автобусной остановки стоят люди с ведрами спелой клубники, маленьких и сладких огурцов. Каждую осень сады полны удивительно сочных яблок. И во все времена года вам предлагают медовый квас, медовуху. Люди приветливы, внимательны, неторопливы.

В самом названии «Суздаль» слышатся и перезвон колоколов, и церковный распев, и звуки знаменитой в прошлом ярмарки. Суздаль — город-музей, его спасительная красота принадлежит вечности.

Проедешь по Владимирской, Суздальской земле — и внимательному взгляду откроется многое. Вот на речушке непонятное городским жителям сооружение: аккуратный плот с перилами, на берег ведет трап, а в самом центре плота — большое квадратное отверстие. Это портомойня! Деревенские женщины стирают здесь белье, как сто и двести лет назад... А зимой, на Крещение, на реках возле проруби возводят необычные деревянные сооружения, так называемую Иорданскую сень...

По мысли известного русского философа Сергея Николаевича Булгакова, «история не есть лишь хронология, отсчитывающая чередование событий, она есть жизненный опыт, опыт добра и зла, составляющий условие духовного роста».

Древняя Владимирская земля, страницы истории, с нею связанные, — это сокровищница такого жизненного опыта. Она и сегодня является опорой России. Здесь сосредоточены крупные оборонные предприятия, здесь куется славное русское оружие.

Владими́ро-Сузда́льская земля и сегодня является важным духовным центром земли Русской.

7.3. ТВЕРСКОЕ, РЯЗАНСКОЕ И РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВА

Наиболее опасный соперник Москвы в борьбе за первенство в русских землях — Тверское княжество. Оно было основано сравнительно поздно — в 1247 г., когда князь владимирский Святослав Всеволодович выделил из Переяславльского княжества Тверское и сделал его

князем Ярослава Ярославича (годы княжения — 1247–1271). Тверь впервые упоминается в летописях под 1164 годом, то есть она чуть моложе Москвы. Она возникла на базе торгово-земельного поселения на берегу р. Твери. Первоначально город принадлежал Новгороду, с 1209 г. — Владимиро-Суздальскому княжеству. Во время московского нашествия в 1238 г. Тверь подверглась разорению, но затем восстановилась, используя свое выгодное положение на Великом Волжском пути. Тверь быстро богатела и набирала политический вес, особенно после того, как тверской князь Ярослав Ярославич в 1263 г. стал великим князем владимирским. Пять тверских князей занимали этот стол, пока князь московский Юрий Данилович не добился передачи ему ярлыка великого князя владимирского в нарушение права старшинства. И великий князь Михаил Александрович в 1318 г. был вызван в Золотую Орду и там казнен. Однако после этого тверские князья Дмитрий Михайлович (1318–1326) и Александр Михайлович (1326–1327) сумели побывать на великокняжеском престоле. В 1327 г. в Твери произошло восстание против Золотой Орды, жестоко подавленное золотоордынским отрядом вместе с Иваном Калитой, которому и удалось обрести престол великого князя владимирского.

За 20 лет в Золотой Орде погибла четверть представителей тверской династии, и Тверь окончательно проиграла борьбу за великое княжение (Чернышов, 1996). Правда, в 30–60-е гг. XV в. влияние Тверского княжества усилилось — с князем Борисом Александровичем поддерживали контакты московские князья, византийский император и сын Тамерлана Шахрух. Но затем роль Московского княжества вновь возросла, а влияние Тверского стало падать. Князь Михаил Борисович попытался переориентироваться на Литву, но в результате похода московского князя Ивана III на Тверь в 1488 г. Тверское княжество прекратило самостоятельное существование и вошло в состав Московского царства.

Тверское княжество имело основания для претензий на великорусское наследство: выгодное географическое положение на Великом Волжском пути, развитые торговля и ремесла,

Ростов Великий

высокая культура, обширные внешние связи. Стоит напомнить, что именно из Твери купец Афанасий Никитин в 1468–1472 гг. отправился в путешествие в Персию и Индию. Сравнительно высоким был уровень грамотности в XII–XIII вв. Однако свои амбициозные замыслы стать освободителями Руси после монгольского нашествия тверские князья реализовать не смогли. Их главной стратегической ошибкой была постоянная готовность прибегнуть к помощи Литвы и Золотой Орды в борьбе с Московским княжеством. Так, когда армия хана Тохтамыша в августе 1382 г. подошла к стенам Москвы, великий князь тверской не поспешил на помощь Димитрию Донскому, а после разгрома Москвы послал к Тохтамышу своего посла с богатыми дарами и получил ярлык на великое княжество Тверское (Вернадский, с. 270–272).

Гораздо меньше опасности представляла для Москвы конкуренция великого княжества Рязанского. Рязань — один из старейших цент-

ральнорусских городов; расположен на берегу р. Оки, впервые упоминается в истории в 1096 г., но, согласно археологическим данным, поселение здесь возникло в X в. Рязанское княжество выделилось в 1129 г. из Муромско-Рязанского княжества, которое в XII в. вступило в противоборство с Ростово-Суздальским княжеством. В конце XII–XIII вв. попало в зависимость от Владимирского княжества. В 1237 г. Рязань была разгромлена монголо-татарами. Хорошо известен подвиг небольшого рязанского отряда под руководством Евпатия Коловрата, вступившего в бой с огромным монгольским войском. В начале XIV в. столица княжества была перенесена в Переяславль-Рязанский (ныне г. Рязань). Начался быстрый подъем экономики и культуры, княжество расширяло свои владения по Оке. Получив титул великих князей, местные князья не раз вступали в противоборство с Москвой, поддерживали отношения с Золотой Ордой и Литвой. В 1301 г. Рязань осаждали войска московского князя Даниила; в 1305 и 1379 гг. город был захвачен и сожжен Золотой Ордой.

Е.И. Дешалыт. «Оборона Рязани». Диорама

Когда Тохтамыш подступил к Москве, великий князь рязанский Олег Иванович занял позицию благожелательного нейтралитета, предоставив монгольским войскам проводников при условии, что Рязанское княжество не будет разгромлено. Однако, разорив Москву, на обратном пути монголы опустошили Рязанское княжество. Вслед за этим Дмитрий Донской наказал великого князя Олега Рязанского за предательство. «Таким образом, попытка Олега сохранить нейтралитет принесла его народу только беды» (Вернадский, с. 272). В конце XV в., при княжении сестры Ивана III Анны Васильевны, сепаратистские настроения в Рязани вновь усилились. Но ненадолго. В 1521 г. Рязанское княжество окончательно было присоединено к Москве.

Небольшие шансы стать объединителем русских земель были у Ростовского княжества. Ростов Великий впервые упоминается в летописях под 962 г. В X в. он был одним из центров Ростово-Суздальской земли, а в XI — начале XIII в. входил в состав Владимиро-Суздальского княжества. Ростовское княжество выделилось в 1207 г. из Владимиро-Суздальского княжества и включало Ярославль, Углич, Москву, Белозерск

и Великий Устюг. Ростовское княжество сыграло видную роль в понизовской колонизации Русского Севера, соперничая с Новгородской республикой. Ростовский князь Константин Всеволодович (1186–1219), став в 1216 г. великим князем владимирским, разделил Ростовское княжество между сыновьями, выделив Ярославское, Углическое, а затем и Белозерское княжества.

В 1237 г. Ростов был взят и разрушен монголо-татарами. В 1474 г. он окончательно вошел в состав Московского царства.

С конца X в. в Ростове находилась архиерейская кафедра. В XV в. он превратился в крупный церковный центр. В XVII в. здесь был построен уникальный комплекс Ростовского Кремля.

Таким образом, к XV в. в результате длительной борьбы за политическое, экономическое и военное могущество и лидерство в воссоединении Русского государства у Московского княжества серьезных и устойчивых соперников практически не осталось. Между тем логика эволюции сохранявшей свои жизненные силы цивилизации на Востоке Европы диктовала необходимость такого воссоединения и создания политической организации, которая возглавит такое воссоединение. Эта миссия выпала на долю Московского княжества.

7.4. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РЯЗАНИ*

В седую древность уходит своими корнями история земли Рязанской. Следы первых людей на территории края археологи относят ко временам окончания ледникового периода; исследователям здесь известны многочисленные поселения начиная с мезолита. Земли вокруг были плодородны, луга обильны, леса полны зверем, а воды — рыбой.

Рязанский край — древний земледельческий район на р. Оке. Известны стоянки человека в Дубровичах, Алёканове, Шумаши, поселения в районе Льговского и Глебовского городищ. На территориях древних поселений археологи обнаружили многочисленные предметы земледелия, охоты, рыболовства, ткачества, железодельного и бронзового ремесел.

Только на территории Рыбновского района обнаружено более 110 археологических памятников. Среди них укрепленные городища и неукрепленные поселения, древние курганные и грунтовые могильники.

Ока была частью древнего трансконтинентального пути с северо-запада Европы вниз по Волге до Каспия и далее в Персию. В некоторых источниках есть прямые свидетельства о существовании перехода с Оки на Дон в районе Переяславля-Рязанского. В земле Рязанской обнаружено множество монет, которые датируются начиная с VIII в. Она издревле представляла собой «коридор», переход от Оки к Дону. До прихода славян коридор проходил по землям мордовских племен.

Пришедшие из южнорусских областей славяне потеснили мордву и для контроля над территориями поставили свои укрепленные поселения — опорные пункты переселенческого движения. Город Переяславль (Переяславль-Рязанский, нынешняя Рязань) вырос не на самой Оке, а чуть в стороне, в трех километрах, на Трубеже. Славяне принесли с собой память о родных местах в виде привычных названий рек и населенных мест (Трубеж, Лыбедь, Дунайчик — все это кальки с названий южнорусских рек). Население южных райо-

нов Киевской Руси испытывало давление со стороны степняков: печенеги и половцы ставили шатры на расстоянии 70 км от Киева! Земледельческое население с юга Русской равнины уходило под защиту лесов, стремясь отделиться от Великой Степи реками, болотами, горными хребтами. Основными направлениями переселенческого движения стали два пути: первый — в Карпаты, за Дунай, то есть возврат в хорошо знакомые предкам места. И второе направление — на Север. В те времена в Киевской Руси местность за Окой была известна под именем «Залесская Украина», а территория современной Рязанской области — «Резанская Украина».

Очевидно, что волна переселенцев 1095 г. из южных районов Киевской Руси не была здесь первой. Несколько ранее, на торговых путях по Оке, шедших на Волгу и далее на Каспий, вероятно, действовала какая-то варяжская дружина, пришедшая с Севера. Этим же торговым путям пристальное внимание уделяли хазары, контролировавшие южные участки трансконтинентального пути и стремившиеся расширить свое влияние; до X в. местные племена на территории Рязанского края подчинялись Хазарскому каганату. Выгоды торговли диктовали необходимость контроля над путями, упорядочения транспортировки, пошлин. Столкновение интересов порой протекало в форме острой борьбы.

Наибольшее число находок византийских и восточных вещей и монет VIII–XI вв. сделано на мысу, где Трубеж впадает в Оку. Эта территория хорошо просматривается от Рязанского Кремля. Видимо, здесь и был форпост тех, кто закрепился на этом участке трансконтинентального маршрута. Археологи находят здесь культурный слой значительного поселения.

Немецкий дипломат и путешественник XVI в. Иоанн Герберштейн в «Записках о московитских делах» писал: «Рязанская область расположена между Окой и рекой Танаисом (Доном)». Автор подчеркивал геополитический смысл Рязанщины как «коридора» Ока — Дон: «...в ней есть деревянный город недалеко от берега Оки (Переяславль). Была там и крепость...»

Древнейшая транспортная артерия евразийского континента связывает Северо-Запад и Юго-Восток с незапамятных времен.

* Фрагмент из книги Б.Н. Кузика «Свято-Иоанно-Богословский монастырь Рязанской епархии» (М.: ИНЭС, 2007).

В 139 г. до н.э. Джанг Циянь по приказу китайского императора отправился на Запад — разведать караванные пути. Спустя 23 года он достиг Бактрии. В 1271 г. Марко Поло вышел на грандиозную, протянувшуюся на 12 тыс. км дорогу, которая уже была известна под названием Великого шелкового пути. На путешествие в одну сторону ушло четыре года, обратный путь занял три года.

Разветвленная сеть примыкающих к великой транспортной артерии дорог охватывала континент, включая нынешнюю территорию России, Закавказья и Центральной Азии, разносила по свету не только шелковые ткани и шелк-сырец, но и рубины, мускус, бумагу и жемчуг. Однако функциональное значение трансконтинентального торгового маршрута значительно шире: переносились научные знания, культура, мировые религии, алфавит, знания в области математики и медицины, астрономии и навигации, военного дела и строительства, обработки металлов и камня.

Северная ветка Великого караванного пути в древних китайских хрониках обозначена под наименованием Степного. Степной путь многое значил в развитии Киевской Руси, ставшей одним из ключевых государств континента.

Русским купцам маршрут в Персию, Индию, Китай был хорошо знаком — они активно использовали его на протяжении многих столетий. «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, уроженца северного города Великого Устюга, — одно из наиболее ранних литературных упоминаний о прохождении русским купцом по маршруту Север — Юг. Русские люди были одними из первых европейцев, посетивших страны Юго-Восточной Азии. Стоит отметить интересный исторический факт, что впервые англичане познакомились с чаем в Москве при дворе Алексея Михайловича, о чем сохранились записи английских посланников.

Исторические документы свидетельствуют: население земли Рязанской хорошо понимало важность контроля путей по Оке.

Переяславль-Рязанский был основан на высоком мысу, в удобном для обороны месте, где и сейчас находится Рязанский Кремль.

Крепость Переяславля-Рязанского (как и форпост Старой Рязани — Ольгов городок в устье

Прони) была основана как собственный княжеский двор в традициях того времени, подобно современному ему Ярославову дворищу в Новгороде, Князьему двору в Переславле-Залесском. Дворец Олега не сохранился. На его месте ныне — Архиерейский дом, заложенный священномучеником Мисаилом.

Переяславль-Рязанский заложен, по летописи, в 1095 г. (на год раньше Старой Рязани) «около церкви Николы Старого». Церковь действительно существовала и была хорошо известна до второй половины XVII в. В этой церкви могли храниться летописи. После пожара, которому она подверглась в 1611 г., ее долго не восстанавливали. Имущество, книги и архивы были перенесены в другое место и, вероятно, пересматривались. Можно полагать, что именно в это время были найдены и для памяти наскоро переписаны в Псалтирь сведения о времени основания города.

Во второй половине X в. земли по Оке в результате войн князя Святослава с Хазарским каганатом стали принадлежать Киевскому государству. Затем в эпоху феодальной раздробленности земли по Средней Оке до самого Мурома вошли в состав Черниговского княжества. В конце XI в. в борьбу с черниговскими князьями за влияние в Поочье включились владимирские князья. Усилия князей московских по собиранию русских земель и жесткой централизации привели к вхождению княжества Рязанского в единое Русское государство.

В транзитной торговле Северо-Восточной Руси и Востока Переяславль длительное время играл ведущую роль. Венецианский посол Амброджо Контарини описывал сухопутный путь к персидскому шаху через рязанские земли, а затем вдоль Волги на Астрахань. Путь в Константинополь из Москвы проходил через Переяславль-Рязанский по Дону на Азовское море, а затем через Керченский пролив по Черному морю.

Первое упоминание в письменных источниках о земле Рязанской мы находим в изначальной русской летописи Повесть временных лет. Под 1096 (6604) г. Ермоловского списка после описания ссоры князей Святополка и Владимира Мономаха с князем Олегом Святославичем говорится: «Олегъ же вниде исо Стародуба

вонъ и прииде къ Смоленську и не прииаша его Смолняне и иде к Резаню...» При дальнейшем описании той же распри 1096 г. Рязань снова встречается в тексте, причем несколько раз: «Олеги же... затвори Иарослава Муроме и самъ иде Резаню...» — и дальше: «Олеги же выбеже из Рязани а Мьстиславъ створи миръ с Резани...»

Многочисленность упоминаний Рязани и их характер говорят о том, что Рязань уже тогда была крупным городом, хорошо укрепленным, с большим населением, наделенным политическими правами и в известной мере независимым от князя. Такой значительный город не мог быть основан всего лишь за 30–40 лет до упоминания летописцем, как это предполагает господствовавшая еще недавно версия об основании Рязани князем Святославом Ярославичем. Последний, как известно, только после смерти Ярослава Мудрого (1054) получил в удел Чернигов, Поочье и Тмутаракань.

Арабские монеты VIII–X вв. (обычные спутники славянской и скандинавской торговли с Востоком), изделия и различные предметы свидетельствуют, что поселения в среднем течении Оки появились еще до X в. Обнаруженные на северном мысу на территории Старой Рязани ножны меча, шпоры и другие находки показывают, что поселение здесь имело в X в. уже вполне сформировавшийся характер.

Основателем Рязани можно было бы считать великого князя Святослава Игоревича, который в X в. совершил поход с целью освободить славянское население Поочья от дани хазарам. Он прошел со своим войском из Киева по всей Оке и Волге до Каспийского моря и вернул свободу поселениям этого края.

Святослав Игоревич должен был создать опорные пункты. Поэтому временем заложения Рязани как укрепленного «города» можно считать 965 г. Эту дату подтверждают и сохранившиеся крепостные валы Старой Рязани (внутреннее, северное кольцо), которые, по данным археологических раскопок, относятся к X в. Однако как торговый центр Рязань возникла значительно раньше.

Исключительное значение Поочья, позволившее ему выделиться в самостоятельное и могущественное княжество, определялось не столько его природными богатствами, сколь-

Успенский собор Рязанского Кремля

ко значением Оки — «великой реки славян и руссов», по выражению одного хорезмийского географа XI в., — как крупнейшего наряду с Волгой и Днепром торгового пути. При отсутствии дорог и наличии больших опасностей, связанных с перевозкой в те времена грузов выюками, а тем более гужом, Ока обеспечивала широкую торговлю не только Киевской Руси, но и всей Европе с Востоком. Арабские монеты дирхемы, обнаруженные в кладах VIII–X вв., очевидно указывают на партнеров этой торговли.

Высокий уровень развития русской торговли в Поочье вызвал к жизни в Рязани и совершенно особую монетную единицу, так называемую резану (то есть перерезанный пополам серебряный дирхем), которую очень часто находят в кладах. Это было чисто рязанское изобретение, совершенно неизвестное на арабском Востоке.

Популярность таких резан в XI в. подтверждается упоминанием их в первой редакции «Русской правды» — своеобразного свода законов Киевской Руси, в котором резана называется куной, одной из составных частей денежной системы. В «Русской правде» свидетельство об

**Княжеские бармы. Колт. Начало XII в.
Из находок в Старой Рязани**

изделиях Старой Рязани почти совпадает по времени с появлением имени Рязани на страницах киевских летописей.

Из древнерусских городов только три использовали сложившуюся систему металлических денег, приходивших на смену товарной денежной системе. Поэтому Рязань, после Киева и Новгорода, была «третьим центром Русской земли», о котором писали арабские авторы XI в. Монетное дело показывает, как тесно Рязанское княжество было связано торговыми путями с Востоком. Монеты появились в Рязанском княжестве лет на 50 ранее, чем в Московском. Более развитая торговля улуса Джучи (по сравнению с торговлей русских княжеств) нуждалась в деньгах. Тянувшееся к ней торговыми путями Рязанское княжество — тоже. Сначала здесь не чеканили свою монету, а ставили на джучидские монеты надчеканку — рязанскую тамгу («сову»). Встречаются также надчеканки в виде кириллических букв. Этот раздел нумизматики еще только начинает разрабатываться, но уже приносит массу неожиданностей. Рязань не была форпостом непримиримого противостояния Орде; монеты фиксируют иные факты, которые в отличие от письменных источников невозможно переправить. Рязань выбрала путь не жесткого противостояния, а максимального использования открывавшихся выгод от торгового и культурного обмена с Ордой при сохранении самостоятельности.

В последние годы археологи нашли и монеты собственно рязанской чеканки (Краеведческий музей в Шилове).

Если Новгородская Русь складывалась под сильным влиянием торговли с Западной Европой, а в Киевской Руси было сильно культурное влияние греческих полисов Северного Причерноморья, то Рязань росла в условиях сильных торговых и культурных контактов с Востоком. В Киеве контакты с Востоком шли при посредничестве греков, преломлялись через их мировоззрение. В Рязани контакты с Востоком шли напрямую по торговым путям: по Оке, Волге и Каспию.

На рынок Рязани стекались предметы искусства, пестрые ткани и благовония Востока, парча и золототканые одежды Византии, жемчуг и драгоценные камни Индии, янтарь Прибал-

тики, знаменитые франкские мечи, олово, воск, мед русских земель; здесь продавали ловчих соколов, меха соболей и горностаев.

Основные дороги в Переяславле-Рязанском сходились к торгу молодого города, их названия отражали важнейшие для города связи: дороги на Старую Рязань, Пронск, Владимир; с холма спускалась Московская дорога, уходил вдаль Астраханский тракт.

Являясь крупным торговым центром, Рязань была и значительным центром культуры, искусства и художественного ремесла.

Многочисленные фрагменты сосудов, найденные при раскопках, показывают, с каким неистощимым воображением и вкусом их украшали рязанские мастера: сосуды сделаны с использованием приемов самой развитой гончарной техники.

Среди находок привлекают внимание произведения косторезов: рукоятки ножей, накладки на колчаны, декоративные украшения переплетов книг, стиль которых характерен для русских мастеров XI–XII вв. и роднит их творчество с европейским искусством романского периода. Часто использовались также мотивы так называемого звериного стиля.

Развиты и многообразны были в Древней Рязани различные виды обработки металлов. Ковка и чеканка широко применялись и для изготовления предметов искусства. Из медного литья делали декоративные решетки, накладки книжных переплетов.

Уровня высокого искусства достигло гравирование по металлу. Этот специфический вид художественного творчества получил на Руси в XII–XIII вв. широкое распространение. О достижениях этого искусства в опустошенной и разграбленной монголо-татарами Старой Рязани сейчас говорят лишь единичные, случайные находки, например медный лист с изображением Крещения, который датируется XIII в. и выполнен способом золотой наводки.

Замечательным примером ювелирного гравировального мастерства являются браслеты (наручи) из клада 1966 г. (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник), сделанные из широких серебряных пластин, на которых на фоне черни выгравированы птицы, грифоны и танцовщица с двумя музыкантами. Края

Фрагмент резного декора. XII в. Из находок в Старой Рязани

браслетов украшены позолотой и рубчатой проволокой; такой же проволокой разделены изображения. Стиль и общие особенности рисунка заставляют предполагать здесь киевскую работу XII–XIII вв.

Высокими художественными достоинствами отличались и изделия из камня. Деисис на шифере, найденный в Старой Рязани, следует датировать XII в. Тип изображения Христа и Пресвятой Богородицы вызывает отчетливые ассоциации с византийскими образцами. Однако многие особенности исполнения говорят о местном изготовлении.

Для художественных традиций Рязани в те века была характерна линия реализма, которая в рамках средневекового искусства придавала

неповторимое своеобразие местным произведениям и оживляла их. Эти реалистические тенденции объяснялись, с одной стороны, народными вкусами, а с другой — уже начинавшими проникать в Россию концепциями проторенессанса. В Рязани эти реалистические тенденции были более заметны, чем в других княжествах.

В XIII в. в связи с упадком Византийской империи значительно усилились культурные связи Рязани с Востоком. Найденные рельефы этого времени уплощены и иногда напоминают сирийские образцы. В некоторых изделиях улавливаются персидские влияния. Вместе с тем богатство края, роскошь жизни способствовали развитию в искусстве насыщенной декоративности. Это ясно видно в рязанском рельефе XIII в. из Солотчинского монастыря, выполненном на шифере и посвященном особо чтимым в Рязани святым князьям-мученикам Борису и Глебу (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник).

В музее Троице-Сергиевой лавры сохранился рязанский рельеф XIII в.: маленькая иконка с изображениями Богоматери «Одигитрия» и Николы Зарасского (Зарайского) на обороте, вырезанная на сланце. Здесь свойственная тому веку декоративность проявилась еще сильнее.

Замечательны и происходящие из Старой Рязани произведения ювелирного искусства. Иногда ювелирные изделия подражали византийским или сасанидским образцам. В других случаях, особенно в сканных работах, местные мастера достигали большей самостоятельности и высокого совершенства исполнения.

Образцы рязанского ювелирного искусства хранятся в ведущих музеях России. Так, в Эрмитаже находятся две серебряные позолоченные подвески, найденные в кладе в Старой Рязани в 1868 г. Подвески усыпаны зернью, имеют девять цепей, на которых в середине помещены круглые бляхи, а на концах — ромбовидные грузила, украшенные, как и бляхи, художественно выполненной сканью и зернью.

Ярким памятником древнего рязанского ювелирного искусства является миниатюрный оклад для креста, хранящийся в Государственном историческом музее. На его поле разбросаны мелкие самоцветы в золотой оправе, а само поле покрыто золотыми тончайшей работы цветками. Каждый цветочек (размером

меньше 2 мм) имеет лепестки, пестик, тычинки и раскачивается на спиральном золотом стержне. Этот удивительный шедевр рязанских золотоделов лишен стилизации, свойственной византийским и восточным изделиям. Он, бесспорно, отражает своими стилистическими особенностями те нарождавшиеся в искусстве Рязани в XII–XIII вв. реалистические тенденции, которые были отмечены в резьбе по камню.

Уровень высокого искусства достигла в Рязанском княжестве и архитектура. Археологам удалось раскрыть фундаменты соборов и гражданских зданий, которые позволяют судить о высоких достижениях строительного искусства древних рязанцев. Из описания Ибн-Фадлана известно, что уже в начале X в. рязанцы строили большие деревянные дома.

Раскопки древних соборов в земле Рязанской показали чрезвычайное сходство с архитектурно-строительными традициями, хорошо известными в Чернигове.

Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове построен князем Олегом Святославичем в 1090-е гг. (очевидно, в 1095 г. — после его долгого пребывания в Византии и возвращения на княжение в Чернигов). Сходство планов, размеров и строительной техники, а также совпадение княжеских клейм на кирпичах соборов в Чернигове и Старой Рязани позволяют предполагать, что Успенский собор в Старой Рязани был построен тоже по указанию Олега Святославича и тем же выдающимся зодчим. Вероятно, рязанский собор был начат тотчас же после постройки Успенского собора в Чернигове, то есть в 1096 г., когда Олег Святославич был в Рязани, рассматривая ее как свой главный город в Поочье. А закончен он был после Любечского мира, то есть приблизительно в 1098 г.

Строительство Успенского собора в Старой Рязани утверждало права Олега Святославича на Поочье и делало Старую Рязань стольным городом Муромо-Рязанского княжества в противовес Мурому, который был столицей при первом известном князе Поочья Глебе (начало XI в.), а с конца XI в. все больше тяготел к Ростову и Мономаховичам.

Олег Святославич не ограничился строительством только в Чернигове и Старой Рязани. Опередив Владимира Мономаха, он возвел в 1111 г.

в Вышгороде церковь в честь святых Бориса и Глеба взамен построенной еще его отцом, но обрушившейся. Для сооружения нового храма Олег Святославич привез своего зодчего: «...приведь зъдателя... выдовь им вьсе по обилу, яже на потребу». Выстроенная им церковь была достаточно величественной, так как в нее, не без ссоры с Владимиром Мономахом, были перенесены из более ранней церкви мощи святых. Этот «зъдатель» был, надо полагать, тем же мастером, который строил собор в Рязани.

Признанный успех храма в Вышгороде, выразившийся в перенесении в него мощей святых, побудил Олега Святославича, вероятно, еще раз воспользоваться услугами того же зодчего и возвести (очевидно, в 1112–1115 гг.) собор Бориса и Глеба и в Старой Рязани. Это строительство окончательно утверждало преемственные права Олега и его брата Ярослава на Поочье. Старая Рязань стала настоящей столицей княжества, хотя летописные сведения об этом встречаются только с середины XII в.

Духовский монастырь. Переяславль-Рязанский

Борисоглебский собор настолько сходен с Успенским и по технике кладки, и по своим общим архитектурным особенностям, что специалисты считают строителем обоих соборов одного и того же зодчего.

Мастер, построивший в течение 20 лет четыре выдающихся, грандиозных по тому времени здания, был, бесспорно, великим зодчим. Его место в истории древнерусской архитектуры тем более значительно, что он совершил своеобразную революцию и в русской строительной технике начала XII в., и в самом стиле древнерусских церквей. Он заменил господствовавшую тогда кладку стен со скрытыми рядами порядовой кладкой, затем широко распространившейся в русском строительстве, и ввел в отделку построек детали и скульптурные элементы, вырезанные из камня. Роспись кирпичных стен под белокаменные квадраты вызывала ассоциации с романским стилем зодчества. Его творения явились, таким образом, предшественниками замечательных древнерусских сооружений второй половины XII в., украсивших Владимир, Суздаль и другие города Северо-Восточной Руси.

О высоком мастерстве этого зодчего говорит и тонко разработанная им система пропорций (исследована К.А. Афанасьевым), в которой использовалось золотое сечение. Возможно, именно ему принадлежал найденный в Старой Рязани «вавилон» для разбивки сложных пропорциональных отношений. Кто был этот талантливый рязанский зодчий, неизвестно, но на некоторых кирпичах Борисоглебского собора в Старой Рязани сохранилась ясно различимая надпись: «Яков тв(орил)».

К постройкам, непосредственно испытавшим влияние зодчего Якова, относится знаменитый Борисоглебский собор в Чернигове (около 1120 г.), возведенный после смерти Олега Святославича его братом Давидом, а также более поздний собор Кирилловского монастыря в Киеве (XII в.), ставший родовой усыпальницей потомков Олега Святославича.

Фрагменты архитектурных резных деталей, найденные археологами на городище Старой Рязани, представляют исключительный интерес: некоторые из них вполне самостоятельны и не имеют аналогии в архитектурных памятниках других городов Древней Руси того времени.

Деисис. Фрагмент. XI–XII вв. Рязанское княжество

Это позволяет говорить о том, что в Рязани домонгольского периода начала развиваться вполне самостоятельная архитектурная школа, испытывавшая прямое влияние традиций поздней античности.

Сходные по стилю и совершенству обработки детали вспоминаются лишь в архитектуре Малой Азии периода поздней Античности, в Селевкии и других местах. Учитывая тесные торговые связи Поочья с арабским Востоком, доказанные кладами арабских монет, вполне правомерно ставить вопрос и о наличии культурных связей.

Боковые приделы Спасского собора, будучи пространственно связанными с центральным помещением, придают храму отчетливо выраженную поперечную направленность. Это так называемое предстояние типично для церквей Переднего Востока во времена раннего Средневековья (монастырь в Хартаме, 512 г.). Поперечная направленность отчетливо выражена и в композиции отдельных построек на Балканском полуострове (церковь Пантелеимона в Охриде начала X в.) и даже отчасти в Армении в период ее зависимости от Арабского халифата.

При Ярославе Мудром великим считалось лишь Киевское княжество, но после его смерти, когда оно раздробилось на уделы, другие княжества также стали претендовать на этот пышный титул. Среди них была и Рязань. Сведения об этом относятся летописями к середине XII в. Так, в Никоновской летописи под 1147 г. значится: «...и сяде... Игорь Святославич на великом княжении в Рязани». Титул «великий» по отношению к рязанскому князю встречается в летописях и под 1152 г. Контроль над важным участком трансконтинентальной транспортной артерии нес не только экономические выгоды. По торговым путям двигались и орды завоевателей. В XIII в. рязанцы первыми из русских приняли на себя удар орд Батыя. Просьбы рязанских князей о помощи не нашли у соседей отклика. И тогда рязанцы дали послам грозного хана, требовавшим покорности, гордый ответ: «Если нас всех не будет, то все ваше будет».

Нашествие в 1237 г. монголо-татарских орд Батыя положило конец процветанию и успешному развитию Рязанского княжества. Крепостные стены Старой Рязани после ожесточенной

пятидневной осады были разрушены «пороками» — осадными машинами Батыя. Город был взят и разгромлен, а все его население перебито. Ряд городов княжества после нашествия захватчиков прекратил существование, а его столица так и не смогла восстать из пепла. Отказ других русских князей в помощи в минуту страшной опасности рязанцы запомнили надолго...

Трагедия гибели Старой Рязани рассказана в «Повести о разорении Рязани Батыем» — в одном из наиболее драматических произведений древнерусской литературы. Полагают, она была написана, как и «Сказание о перенесении в град Рязань святой иконы Николы Зарасского» Евстафием, сыном Евстафия. Того, который был в свите прибывшей в Рязань византийской принцессы, жены князя Федора. Тогда приехало в Рязань немало греков, в частности и упоминаемый в 1223 г. рязанский епископ Евфросин с Афона. Многие детали повести (например, описание покрытых копотью стен разоренного собора) подтверждают, что она была написана или очевидцем, или со слов непосредственного участника событий, то есть еще в XIII в., хотя дошла до нас в списках XVI в. Этой повести сопутствует «Повесть о Евпатии Коловрате» — поразительный рассказ о силе духа русских людей, о герое Евпатии. Этот воевода-богатырь, собрав небольшой отряд в 1700 «храбров», погнался за войском Батыя и с такой яростью обрушился на врагов, что те пришли в смятение, думая, что мертвые восстали и мстят за себя. Коловрат и его воины погибли, заброшенные камнями из осадных машин, так как мечом победить их монголы не смогли. Дружина Коловрата стала по существу первым партизанским отрядом на Руси.

Имеется немного произведений искусства Рязани XII–XIII вв., и составить о нем законченное и цельное представление, всесторонне оценить его вклад в развитие русской художественной культуры пока невозможно. Однако и то, что сохранилось, позволяет считать, что этот вклад был велик и ценен. Рязанские мастера творчески осваивали новые образцы искусства, поступавшие на Русь из далеких стран по торговым путям. В плавильном котле земли Рязанской из культурных влияний разных цивилизаций родилось самобытное, русское, живое искусство, которое проросло сквозь века и расцвело.

Пелена с Троицей и четырьмя апостолами.
XV в. Переяславль-Рязанский

В произведениях этого искусства следует еще раз подчеркнуть последовательное и очевидное развитие на протяжении XII–XIII вв. реалистических тенденций, проявивших себя и в творениях скульпторов мелкой пластики, и в шедеврах рязанских ювелиров. Эта реалистическая тенденция очень явно определила своеобразие искусства Руси, начавшего с подражания византийским образцам, но нашедшего свой, особенный путь развития, выработавшего свои, национальные художественные принципы и методы. Вклад Рязани в общерусскую художественную культуру в этом плане неоспорим и существен.

О живописи, резьбе и других видах искусства Рязанского края можно сказать немного.

Тати́ропежеп'зашаг'р'днхв'р'зань
тогожеп'ца, ка
днѣ . и . п'ш
ж'с
ша
пѣ

«Повесть о разорении Рязани Батыем»

Многочисленные войны с татарами, литовцами, а нередко и соседними княжествами уничтожали произведения местных мастеров. О своеобразии художественной культуры Рязанского края свидетельствует хотя бы то, что даже грамоты украшались миниатюрами. Так, например, в дарственной грамоте князя Олега Ивановича Ольгову монастырю изображен полуфигурный деисис. Случайно уцелевшие, ныне хранимые в музеях других городов, художественные произведения из Рязанского княжества позволяют утверждать, что реалистическая струя в искусстве Рязани, которую удалось подметить в произведениях художников XII–XIII вв., в следующем столетии не только не иссякла, но стала еще ощутимее.

При княжеских дворах Поочья и Северской земли, связанных Великим водным путем из моря Варяжского в море Хвалиское (Каспийское), возникла активная художественная среда, способствовавшая развитию народной культуры и литературы. Знаменитое «Слово о полку

Игореве» (в котором упоминается строитель соборов в Старой Рязани Олег Святославич и все герои которого, кстати, его внуки и правнуки — «Олегово хороброе гнездо»), а также упомянутые выше повести — «Сказание о перенесении в град Рязань святой иконы Николы Зарасского», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о Евпатии Коловрате» — так или иначе связаны с Поочьем и Северской землей, отражают их жизнь и историю. Замечательным памятником литературы, возникшим, как о том можно судить из названия, в Рязанском княжестве, является «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и брате его князе Владимире Андреевиче писание Софрония старца Рязанца» («Задонщина»). Эта повесть живо и красочно описывает Куликовскую битву, а по стилю изложения и поэтичности образов перекликается со «Словом о полку Игореве». А если вспомнить замечательные по красоте и утонченности образов созданные в Рязани «Повесть о князе Петре и девице Февронии» (XV в.) и «Похвалу роду рязанских князей», то можно смело утверждать: сложившаяся в земле Рязанской художественная среда и ее традиции отмечены высочайшими образцами древнерусской литературы и искусства.

Авторитет и связи Рязанского княжества были велики уже в XII в., о чем может свидетельствовать факт крещения в Рязани в 1132 г. половецкого князя Амурата.

Рязанская епархия существовала как самостоятельная уже в XIII в. (по Татищеву — с 1198 г.), о чем свидетельствуют грамота митрополита Максима, приписка к Рязанской кормчей книге 1284 г., а также другие данные. До этого времени территории входили в состав Черниговской епархии. К началу нашествия Батыя в земле Рязанской существовали десятки монастырей!

Одалеко распространившихся связях Рязанского княжества может свидетельствовать и женитьба князя Федора Юрьевича в 1225 г. на «царской дочери» (византийской принцессе, так как в XIII в. титул «цезаря» относился только к византийским императорам). История этого сватовства, рассказанная в «Российском временнике», а также известная под названием «Сказание о перенесении в град Рязань святой иконы Николы Зарасского», вошла в число древнерусских повестей, хотя и дошла до нас только в списках XIV в.

Герой «Сказания» князь Федор, упоминаемый и в «Повести о Евпатии Коловрате», еще до начала осады Рязани был послан в ставку Батыя для переговоров, но был там зверски убит; «царская дочь» Евпраксия, узнав о том, бросилась с сыном с хоров храма на землю. По преданию, это произошло на реке Осетре в Новгородке — городе Рязанского княжества, который получил впоследствии название Зарасск (современный Зарайск).

После разрушения Старой Рязани монголами в 1237 г. Рязанское княжество долгое время не могло восстановить своего единства. В 1238 г. наследник убитого Юрия, новый князь Ингварь Ингваревич, сел в Переяславле (1238–1252), но то была вынужденная и временная мера. Когда же в конце XIII в. епископ избрал Переяславль местом постоянного пребывания, это было равносильно решению о переносе столицы княжества в этот город.

Рязанская епархия определила местом своей кафедры Борисоглебский собор в городе Переяславле-Рязанском, сооруженный, по некоторым данным, в середине XII в. вскоре после постройки Борисоглебского собора в Старой Рязани. Вслед за перенесением в Переяславль-Рязанский (современная Рязань) епископской кафедры он стал новой столицей Рязанского княжества. Запись в Лаврентьевском списке русских летописей под 1300 г. можно истолковать как указание на перемещение княжеского стола в Переяславль. Московский князь Даниил Александрович, опасавшийся возвышения Рязанского княжества, уже в следующем 1301 г. «приходил ратью на Рязань, и бишася у града Переяславля».

Князь Олег Рязанский (1350–1402) действовал уже только из Переяславля. Экономика княжества зависела от транзитной торговли, которая шла через Москву, Коломну, Переяславль на юг.

В Переяславле велась бурная торговля. Ее развитие стало объективной предпосылкой возникновения торговых соглашений. В московско-рязанских договорах имеются свидетельства о значительных и давних торговых связях. В договорах указывалось на сбор таможенных и проезжих пошлин по давно установленной норме на старых заставах. Князья обязывались не устраивать новых застав и не увеличивать традиционные размеры сборов с купцов и товаров.

«Мыты держати давний и пошлый, а не пошлых мытов не замышляти», — говорилось в договоре 1382 г. между московским князем Дмитрием Донским и Олегом Ивановичем Рязанским.

Монголо-татарское нашествие изменило характер удельной борьбы русских княжеств. Для каждого князя появилось искушение, оперевшись на силы империи Чингисхана, стать владельцем всего «русского улуса». Но кому повезет? Пробовали искать свой шанс многие... Неразборчивость в средствах, политические просчеты, метания, непоследовательность, отсутствие стратегии характеризовали политику многих удельных князей. Это хорошо видно на материалах истории Твери, Рязани, других княжеств. На этом фоне действия святого Александра Невского и его потомков на московском престоле имели очевидные стратегические преимущества. Москва собирала территории, увеличивала народонаселение, последовательно наращивала свои силы, приобретала опыт в дипломатии.

Оклад Евангелия с Воскресением и четырьмя евангелистами.
Рязанский областной краеведческий музей

Стены и башни Коломенского Кремля

В 1300 г. умер могущественный темник Орды Ногай, и это разрушило баланс сил на Руси. Московский князь Даниил выступил против рязанского князя Константина (москвича подвигли на это противники Константина в Рязани). На стороне Константина был большой татарский отряд, видимо, ногаев. Даниил победил — «много и татар избыто бысть», а Константин оказался в плену. В 1305 г., когда Москву разорила татарская Таирова рать, стремившаяся добиться от москвичей освобождения Константина, Константина убили. Сын Константина Василий, занявший престол, был убит в Орде (1307) вследствие интриг; там же окончил жизнь его преемник Иван в 1327 г. Следующий рязанский князь Иван Иванович (1327–1342) покусился на удельное княжество Пронское (в составе великого рязанского княжения) и убил тамошнего князя в 1340 г. Но сын пронского князя Ярослав пожаловался в Орду, явился с отрядом и в 1342 г. сел в Переяславле сам, а Иван Иванович бежал да где-то и сгинул. В 1350 г. на рязанский стол сел Олег, открыв одну из наиболее ярких страниц рязанской политической истории.

В 1365 г. мордовский (мокшанский) хан Тагай сжег Переяславль. Олег вместе с пронским и козельским князьями разбили его (Тагай едва спасся).

Присоединение Коломны к Москве (около 1300 г.) давно не давало покоя рязанским князьям. Олег попытался вернуть Коломну, но москвичи выставили огромное войско, которое в 1371 г. разбило Олега под Скорнищевым (предмestье Переяславля, нынешний микрорайон Рязани Канищево), и посадили на престол пронского князя Владимира. Олег бежал в Городец Мещерский, к тамошнему то ли угорскому, то ли тюркскому владетелю, скопил силы, выгнал чужаков из Переяславля буквально через несколько месяцев и тут же помирился с Москвой. Уже в 1372 г. в литовском договоре святой благоверный князь Димитрий Московский, Олег Рязанский и Владимир Пронский выступили как союзники. В 1373 г., когда войска Мамаея напали на Переяславль, Димитрий был готов оказать Олегу помощь, да тот управился сам. В 1378 г. Москва и Рязань вместе разбили войско Мамаея на реке Воже, за что в следующем, 1379 г., Мамай сжег Переяславль. Олег едва спасся, убежав за Оку.

А. Бубнов. «Утро на Куликовом поле»

Несмотря на напряженность в отношениях с Москвой, в 1380 г. на Куликовом поле отряды рязанцев стояли плечом к плечу с другими русскими отрядами. В Куликовской битве погибли 70 рязанских бояр, больше, чем из какого-либо другого города, как отмечала поэтическая повесть «Задонщина», написанная Софронием Рязанцем в конце XIV в. Каждый из погибших возглавлял отряд.

Сегодня историкам трудно воссоздать всю сложность политической ситуации. «Задонщина» написана значительно позже Куликовской битвы, когда уже состоялось примирение святого благоверного князя Дмитрия Донского и Олега Рязанского, закрепленное браком княжеских детей. Формально Олег Рязанский шел на встречу с литовскими полками, которые спешили на соединение с войском Мамая. Но встреча состоялась, когда уже битва на Куликовом поле была завершена. Справедливости ради надо отметить, что литовцы, ожидая подхода Олега Рязанского, потеряли время. Каждый день дорогого стоил! Для понимания хода исторического процесса необходимо ясно понимать: на Куликовом поле сошлись, столкнулись волны цивилизаций.

Русь Московская представляла новое, нарождающееся явление — самобытную русскую православную цивилизацию.

Литва, писавшая и говорившая на том же русском языке, возглавляемая русскими князьями (при главенствующей роли потомков тверской княжеской династии), представляла собой вариант той же славянской православной цивилизации, шедшей из того же единого корня, но постепенно склонявшейся к слиянию с западноевропейской цивилизацией с перспективой полного уничтожения ее славянской самобытности.

Соединенным силам русских противостояли силы восточной исламской цивилизации, дополненные представителями западноевропейской цивилизации. В составе войска Мамая были хорошо вооруженные западноевропейские рыцари, генуэзцы. Борьба шла за контроль над важнейшими участками трансконтинентальных транспортных путей «из варяг в греки», «из варяг в персы», а также за контроль над ресурсами страны. Здесь интересы восточной исламской и западноевропейской цивилизаций по уничтожению русской самобытности совпадали. Земля Рязанская оказалась между молотом и наковальней, здесь было поле битвы титанов. Поэтому политика рязанских князей

(как и многих других удельных князей), всеми силами отстаивавших свою самостоятельность, лавировавших в сложных условиях, не соответствовала историческому моменту.

Принимая первой из русских земель удары двигавшегося по торговым путям неприятеля, Рязань могла рассчитывать на помощь других удельных княжеств лишь при гибком политическом курсе в отношении них. Вместо того чтобы собирать земли вокруг по примеру Москвы, наводить порядок в собственном крае, заключать выгодные династические союзы и браки, Рязань увлеклась борьбой за Коломну — поссорилась с Москвой и с пронскими князьями и измотала в этой борьбе свои силы. Рязани явно не хватало гибкости, особенно в условиях жесткого курса Москвы на централизацию.

В итоге в Рязани возобладал курс на согласие с Москвой: в 1387 г. Олег женил своего сына на дочери святого Димитрия Донского. Когда в 1408 г. пронский князь выгнал переяславского владете-

ля Федора, его на престоле восстановила именно Москва. В 1456 г. князь Иван, умирая, отдал на воспитание москвичам своего малолетнего наследника Василия. Василий правил до 1483 г., но сидел по большей части в Москве. В 1502 г., умирая, князь Федор завещал все земли Москве.

Последний всплеск идей самостоятельности в Рязанском княжестве пришелся на правление князя Ивана, посаженного Москвой на рязанский трон. В 1516 г. он был заточен в тюрьму за то, что заигрывал с крымцами и даже надумал жениться на дочери крымского хана Магомет-Гирея. В 1521 г., воспользовавшись паникой в Москве во время нашествия Магомет-Гирея, Иван бежал в Литву. В 1521 г. Переяславль, как и все Рязанское княжество, присоединился к Московскому государству.

Именно с присоединением земли Рязанской к Москве завершился процесс территориального объединения Руси и создания единого Русского государства.

Читаешь русских историков и начинаешь разделять сожаления многих из них о судьбе древнерусской Рязани, невольно задумываешься, какой могла бы стать Россия под сенью сильной, великой Рязани... Россия наверняка была бы более продвинута на Восток. Она больше понимала бы толк в торговле, а не в усекновении голов и меньше страдала бы тоской по Западу, в котором, право, нет нам никакой особой нужды. Есть в Рязанских землях что-то особенное... Понимаешь, что персидские мотивы у Есенина — не случайны; начинаешь по-особому воспринимать минареты в Касимове и «мордву поделену» рязанских летописей... Россия под сенью Рязани была бы ближе к южнорусским и донским степям. Их широта, неторопливость, основательность, открытость и вольность наверняка наложили бы свой отпечаток на характер и душу народа.

Каким же видится значение Рязанского княжества в древней русской истории?

Первое, что приходится признать, — после распада Киевской Руси и смещения на север центра формирующейся русской православной цивилизации земля Рязанская выдвинулась в первый ряд наиболее продуктивных по производству продовольствия земель Древней Руси. Рожь, пшеница, овес, ячмень, горох, конопля, просо, мак, гречиха (с конца XII в.), лен,

Митрополит Алексий. Икона XVI в. Переяславль-Рязанский

чечевица (с конца XIII в.), хмель, чеснок, лук, репа, редька, морковь, капуста — вот неполный перечень производимой продукции. К этому следует добавить пчеловодство, рыболовство, охоту, скотоводство.

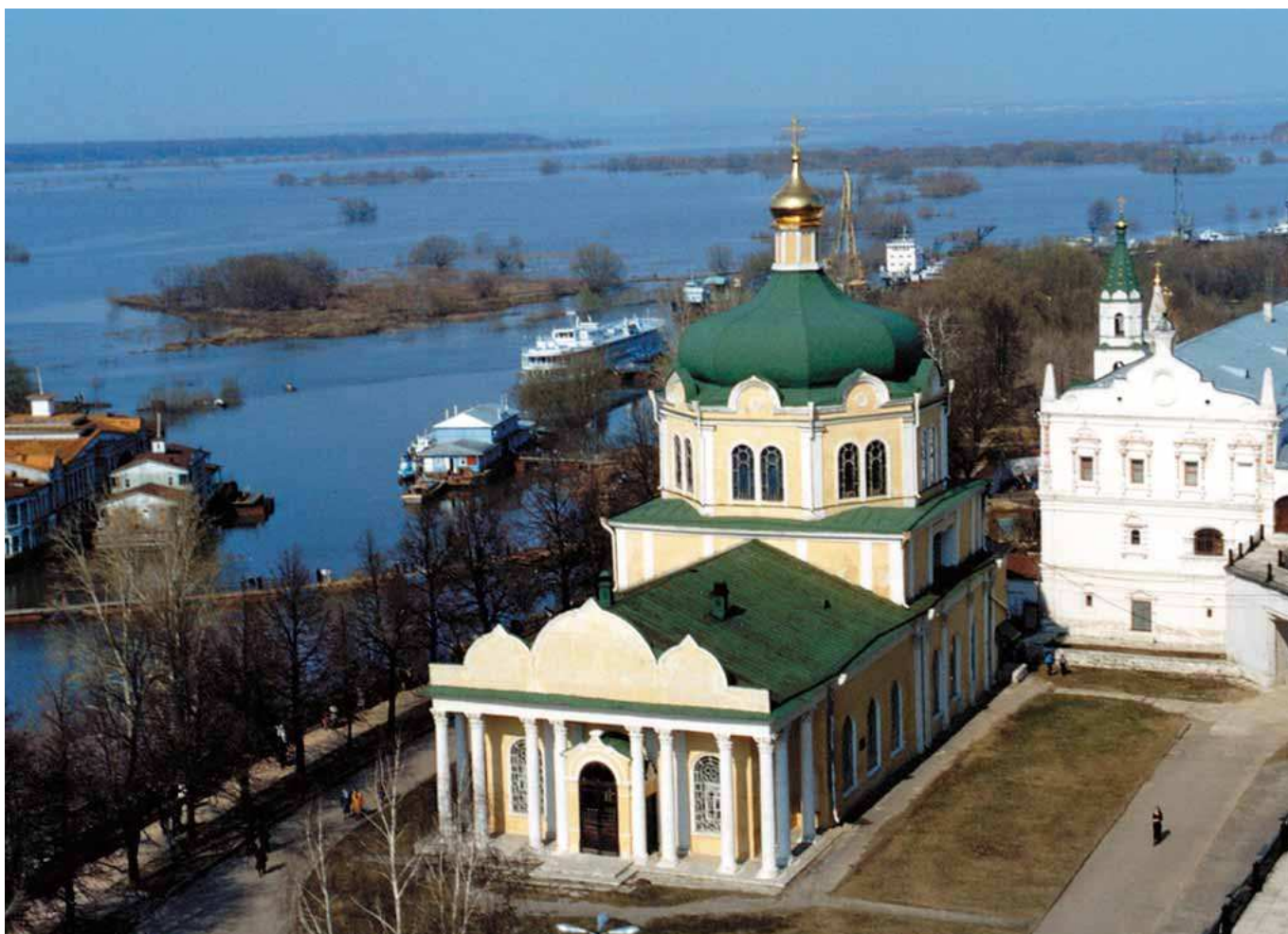
Не меньше значение Рязанского княжества как геополитического фактора в древней русской истории. Во все времена Рязанское княжество имело непростые отношения с соседями. Рязанский край — это контактная зона славянской православной цивилизации с Востоком. Занимая пограничное положение в Северо-Восточной Руси, оно первым принимало на себя удары кочевников Великой Степи. Рязанское княжество также вело войны с Литвой, Московским великим княжеством, Ногайской Ордой, с крымскими татарами. Рязанский край — это щит, закрывавший с Востока центр, переместившийся в Залесскую Украину после распада Киевской Руси. История утверждает: в XVI в.

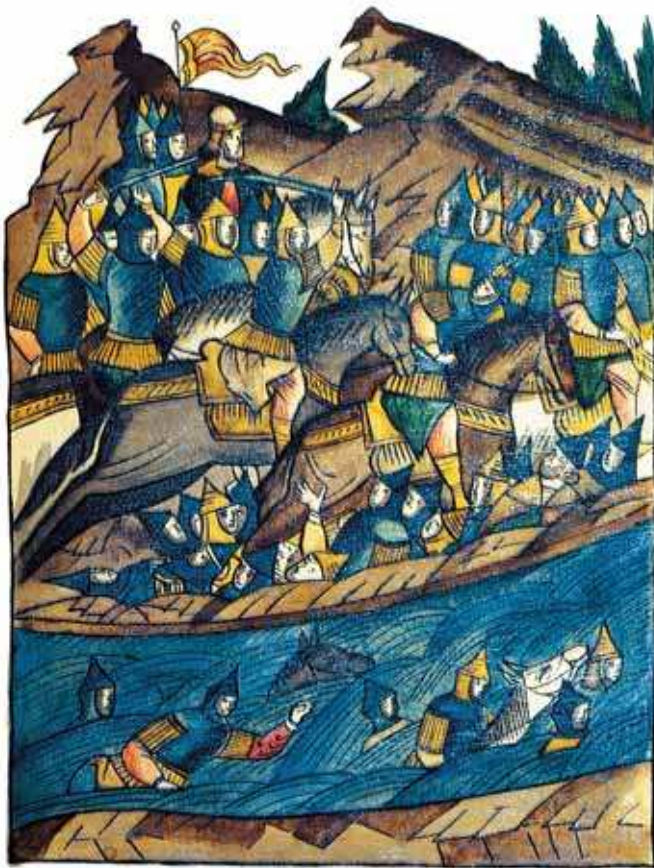
и года не проходило, чтобы кто-либо не напал на Переяславль!

В сложные времена внутренних междоусобиц и внешних войн особую заботу проявляли рязанцы о своей главной крепости. Над глубоким рвом, наполненным водой, на сохранившемся сейчас земляном валу возвышались башни. Город опоясывали стены пятиметровой высоты, срубленные из дуба. В верхней части стены имели выступ — облом, внизу которого было пространство для поражения врага непосредственно под стеной. Сзади стен и в башнях строились мостки для защитников города, а тесовая крыша защищала их от стрел сверху. Четыре восьмиугольные глухие башни по углам города в ширину и длину достигали 8–10 м. Позднее крыши башен украсили маковицы, спаянные белым железом, с прапором (значок в виде флажка). Четыре городские башни были проезжими.

Литовские летописи подчеркивают, что главный город княжества расположился «в прирожденном месте оборонном», укрепления которо-

Весна. Половодье. Вид с колокольни Рязанского Кремля

Битва на р. Воже

го производят «впечатление столичного замка». Древние части города взаимосвязаны. По границам города располагались монастыри. По тем временам это была сильная система укреплений. В 1460 г. хан Большой Орды Ахмат, подойдя к Переяславлю, вынужден был отойти, так и не взяв город.

Совокупность стремлений, в основе которой инстинкт борьбы и инстинкт развития, определяет вектор исторического процесса. Высокий человеческий материал ценен именно своей устремленностью, уникальным ментальным единством, которое не знает географических, языковых и социальных барьеров.

Самой важной (в государственном строительстве) сферой деятельности русской церкви — «хранительницы духовных ценностей и памяти» — и являлось сплочение, создание ментального единства разных групп и племен на территории Руси. Именно это ментальное единство позволило выстоять под лавиной нашествия из Великой Степи, масштабы которого сегодня даже трудно представить.

Страшен был вид многотысячной орды, навигавшейся из степи. «Татары идут фронтом по сто всадников в ряд, что составит 300 лошадей, так как каждый татарин ведет с собой по две лошади, которые ему служат для смены... Их фронт занимает от 800 до 1000 шагов, а в глубину содержит от 800 до 1000 лошадей, захватывает, таким образом, более трех или четырех больших миль, если шеренги их держатся тесно; в противном случае они растягивают свою линию более чем на 10 миль. Это изумительное зрелище для того, кто это видит в первый раз, так как 80 000 татарских всадников имеют более 200 тысяч лошадей; деревья не настолько густы в лесу, как лошади в поле, и издали кажется, будто какая-то туча поднимается над горизонтом, которая растет все более и более по мере приближения, наводя ужас на самых смелых...» (Ключевский, 1957, т. 1, с. 209).

Орда быстро, в походном порядке преодолела полосу безлюдных степей, а при подходе к незнакомой местности перестраивалась. «Татары разделяют свою армию на десять или двенадцать отрядов, каждый из которых содержит около тысячи лошадей. Затем они посылают половину своих войск в составе шести или семи отрядов направо, на расстоянии одной или полутора миль друг от друга; то же самое они устраивают и с другой половиной войска, которая держится на подобном же расстоянии с левой стороны; это делают они для того, чтобы иметь растянутый фронт от 10 до 20 миль. Впереди, на расстоянии около мили, идет сильный сторожевой отряд «добывать языка», чтобы знать, куда вести войско. Благодаря этому татары движутся с полной безопасностью» (Каргалов, с. 14).

Если ордынцы не встречали сопротивления на своем пути, они грабили и жгли поселения. Убивали всех, кто оказывал им сопротивление, уводили в плен тех, кто сдавался. Также уводили скот: лошадей, быков, коров, баранов, коз и другую добычу. Вглубь страны татары не вторгались. В стране они оставались не более нескольких дней, а затем возвращались в степь, делили добычу и возвращались домой. Нападения совершались настолько стремительно и неожиданно, что приграничные войска обычно не успевали встретить врага и старались настигнуть татар при их отходе, чтобы отбить добычу и пленников.

Земля Рязанская стала наиболее ответственным флангом великой Засечной черты (рис. 7.1), заслонившей Древнюю Русь от Великой Степи. Северо-восточный фланг упирался в непроходимые мещерские болота и лесные чащи.

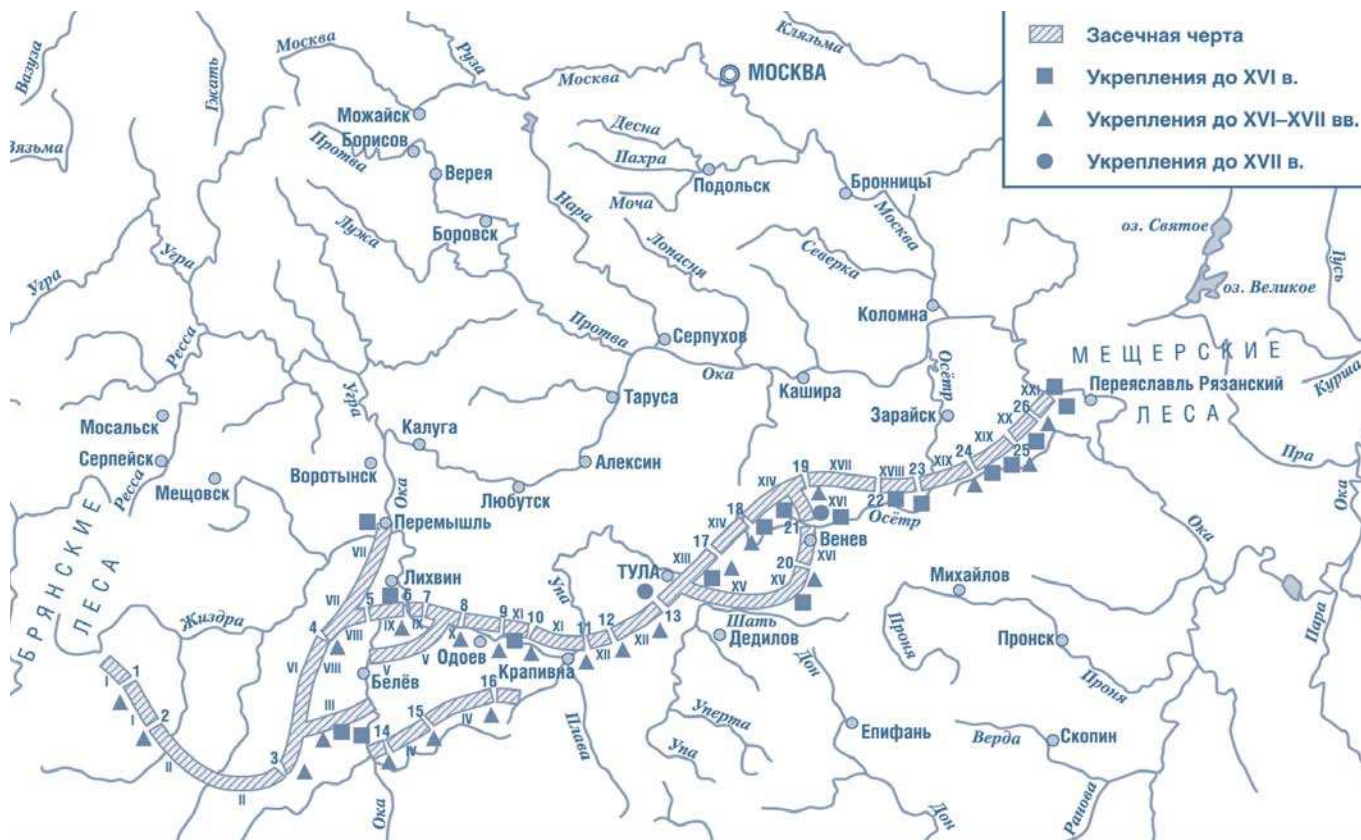
Грандиозные по своим масштабам оборонительные работы вынесло на своих плечах местное население. «Цепи городов, острогов и острожков, обнесенных рублеными стенами либо тыном, стоячими, остроганными сверху бревнами, со рвами, валами, лесными засеками, завалами из подсеченных деревьев в заповедных лесах — все это с целью затруднить движение степных конных полчищ», — так писал В.О. Ключевский (Ключевский, 1957, с. 211).

В лесах и на дорогах, что вели вглубь страны, устраивали огромные завалы из вековых деревьев. Лесные завалы устраивали не на опушке, а в глу-

бине леса, чтобы замаскировать засеку от врага. Деревья рубили выше человеческого роста «...как человеку топором достать мочно...» Ствол подпиленного дерева должен был падать в сторону противника, и деревья оставались лежать на пне. Так формировали совершенно непроходимую полосу. На речных бродах в дно рек вбивали колья.

Появилась «лесная стража», на степную границу выставлялись «посошные люди на службу», введена была ежегодная роспись воевод. Засеки делились на звенья и грани, дозорные головы тщательно следили за всеми нарушениями на засеке и записывали их в специальную книгу. Засечные воеводы и засечные сторожа строго охраняли засеки, старались предупреждать лесные пожары, местному населению запрещалось появляться в заповедных лесах, прокладывать дороги и стежки, рубить лес, снимать луб с деревьев. В 1638 г. на Вожскую засеку был назначен воеводой князь Д.М. Пожарский.

Рисунок 7.1. Карта Засечной черты и укреплений на ней

ЗАСЕКИ: I – Сенецкая; II – Кцынская и Дубенская; III – Бобриковская; IV – Федяшевская; V – Толкижская; VI – Столпицкая; VII – Перемышльская; VIII – Слободская; IX – Боровенская; X – Семеновская и Уляжская; XI – Полошевская и Снецкая; XII – Заунская и Малиновая; XIII – Щегловская; XIV – Кортосеневская; XV – Корнецкая; XVI – Веркушская (Княжая); XVII – Оленковская; XVIII – Поческая; XIX – Красносельская и XX – Волжская.

ВОРОТА: 1 – Сенецкие; 2 – Кцынские; 3 – Дубенские; 4 – Столпицкие; 5 – около с. Азовца; 6 – Боровенские; 7 – Уляжские; 8 – Семеновские; 9 – Полошевские; 10 – Снецкие; 11 – Орловские; 12 – Малиновы; 13 – Козловские; 14 – Федяшевские; 15 – Рождественские; 16 – Тырнские; 17 – Щегловские; 18 – Потетины; 19 – Оленковские; 20 – Княжие; 21 – Грабореновы; 22 – около с. Глубокого; 23 – Почесские; 24 – Волчьи; 25 – Дураковские; 26 – Введенские.

Засечная черта сыграла важную роль в обороне Древней Руси и Московского государства и просуществовала до конца XVIII в. Но до сих пор в географических названиях земли Рязанской бытуют названия «засака», «засечный лут», «засечный лес». Если посмотреть на карту рязанских монастырей и карту рязанской засеки, можно видеть, что на монастыри опиралась линия обороны, спасшая центр формирования русской государственности, давшая время вызреть самостоятельной православной русской цивилизации.

XV в. прошел для Рязани под знаком все усиливавшихся связей с Москвой, что способствовало укреплению княжества и развитию в нем искусств. При князе Федоре Ольговиче (1402–1427) началась застройка Рязанского Кремля каменными зданиями. При князе Василии Ивановиче (1456–1483), воспитывавшемся с детских лет в Москве и женатом на сестре Ивана III Анне, крепость была расширена до ее современных пределов и стала занимать всю территорию холма, ограниченного изгибом речки Лыбедь и Трубежем и отрезанного с запада глубоким рвом. Архитектурные сооружения Рязани возводились под стать столичным московским.

XVI в. ознаменовал начало нового этапа в жизни Рязанского края. Уже с 1503 г., по завещанию князя Федора, треть земель и городов княжества перешла к Москве, и московский великий князь стал именоваться в том числе и князем рязанским. В составе единого Русского государства Переяславль превратился в крупный оборонительный город, продолжавший защищать Москву от нападения с юга.

Уже в 1521 г. Переяславлем-Рязанским управлял наместник московского князя Иван Хабар Симский, известный своими ратными заслугами. Он успешно отразил нападение крымских татар и отнял у них грамоту с обязательствами московского князя Василия о выплате Крыму русской дани. На колокольне Успенского собора в Рязанском Кремле в чугуна отлиты слова об этом событии: «На сем месте была каменная Глебовская башня с воротами и бойницами, с которых в 1521 г. окольный Иван Хабар Симский, сын воеводы Василия Образца, посредством пушкаря Иордана поразил татар крымского хана Магмет-Гирея. А прежде сего поражения Хабар взял у хана грамоту князя Московского...

за что дали ему сан боярина и внесли услуги его в книги разрядные на память векам».

«Список русских городов», составленный в конце XIV в., содержит 30 крупных укрепленных пунктов на рязанской территории. Наиболее значительный из них — Переяславль. В источниках упоминаются люди, которые живут в городе Переяславле и на посаде: «ловчие, городские рыболовы, истобники, псари, подвозники меховые, кормовые, медевые, ястребы, садовники, гончары, неводчики, бобровники и иные люди деленные». В договоре речь идет о людях, лично обслуживавших княжеский двор. В грамоте не показаны черная и другие слободы, например митрополичья. В одной из грамот упоминаются повинности, которые выполняло все население, кроме церковных слобод: «грады и крепости делать» и «мостить мосты».

В крепости были и строители-профессионалы, которые планировали и осуществляли инженерное руководство, а также большое количество плотников из окрестных деревень и из самого города. Строительство городских храмов также предполагало наличие мастеров-строителей, разнообразных ремесленников, кузнецов, резчиков по дереву, каменотесов. Иконники выполняли заказы на местные образа, ремесленные умельцы отливали колокола, грамотеи переписывали книги. Рязанские строители были хорошо известны в Москве, Владимире, Серпухове. Многие литературные памятники сохранили хорошо известное в то время прозвище «рязань косопузая», происходившее из-за привычки рязанских плотников носить топор за кушаком, отчего топор перетягивал кушак на один бок.

7.5. ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ

К концу жизненного цикла восточнославянской цивилизации ее политический, экономический и религиозный центр переместился в Московское княжество. Это было захудалое, третьеразрядное, самое маленькое из удельных княжеств Московской области (по подсчетам В. Ключевского, площадью менее 500 кв. км). К княжению Василия Темного площадь княжества увеличилась в 30 раз. «Благодаря этим успехам к концу княжения Темного, московского

А.М. Васнецов. «Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII в.»

князя, княжество размерами своими превосходило любое из великих княжеств, тогда еще существовавших на Руси» (Ключевский, 1988). Стоит оговориться, что территория Московского княжества многократно уступала территории Новгородской республики, которая, однако, великим княжеством не признавалась.

Для такого быстрого по историческим меркам возвышения малозаметного Московского княжества и превращения его в сердцевину русского государства, в центр новой локальной цивилизации на Востоке Европы было немало веских причин.

Во-первых, географическое положение Москвы. Она располагала худшими природно-климатическими условиями, менее плодородными землями, чем южнорусские, западные и северо-западные и поволжское княжества, была удалена от главных речных исторических магистралей, но именно эта удаленность позволяла ей оказаться в стороне от главных направлений монгольских нашествий, польско-литовско-немецко-шведских вторжений и водоразделов междоусобных войн. В то же время Москва находилась в точке пересечения речных систем

и трех больших путей того времени: «Великой дороги от Киева до Владимира, из Киевского и Черниговского княжеств в Переславль-Залесский и Ростов и их Верхней Волги к Средней Оке» (Ключевский, с. 9).

В-вторых, начиная с XIII в. и особенно после монгольского нашествия стремительно увеличивалась численность населения, бежавшего от войн и опасностей из других княжеств. Московское княжество стало убежищем для русского населения, всюду страдавшего от внешних нападений... «Московское княжество было, может быть, единственным в Северной Руси, не страдавшим от вражеских вторжений» (Ключевский, с. 11). Это давало княжеству экономические преимущества: «Географическое положение Москвы, сделав ее пунктом двух скрещивающихся движений — на северо-восток и торгового — транзитного на юго-восток, доставляло московскому князю важные экономические выгоды. Сгущенность населения в его уделе увеличивала количество плательщиков его податей. Развитие торгово-транзитного движения на реке Москве оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами» (Ключевский, с. 12). Экономика края, преимущественно натурально-патриархальная и замкну-

Святой благоверный князь Даниил Московский

тая, становилась все более рыночной. Вместе с этим усиливалась социально-экономическая дифференциация населения, утверждались характерные черты феодального экономического способа производства.

В-третьих, московские князья проводили активную политику, присоединяя соседние княжества и захватывая верной службой и богатыми подарками привилегии у правителей Золотой Орды. Для экспансии использовались различные методы: насильственный захват, получение наследства в нарушение принципа старшинства, подкуп и добровольное подчинение. В итоге московский князь стал великим князем владимирским и взял на себя не только сбор налогов и дани Золотой Орде, но и установление порядка и прекращение междоусобиц, а позднее возглавил борьбу (начиная с Димитрия Донского) за освобождения Руси от монгольского ига, что завершилось «великим стоянием» Ивана III на Угре и преобладанием Московского царства. Тем самым Москва стала крупным политическим центром великорусского государства.

В-четвертых, политическое и экономическое превосходство было подкреплено религиозным влиянием, особенно после того, как преемники митрополита Владимира Петра, построившего вместе с Иваном Калитой Успенский собор в Московском Кремле и похороненного в нем в 1326 г., перебрались в Москву.

Одновременно с политическим возвышением Москва интенсивно развивалась в культурном отношении, чему немало способствовала деятельность монастырей и церквей, а также переезд многих знатных людей со своими дворами в Москву. Москва украшалась новыми храмами, дворцами, приглашались архитекторы и иконописцы из Византии и Италии.

Подводя итоги этим процессам, В.О. Ключевский отмечает, что среди северного русского населения под влиянием событий XIV в. утвердился троякий взгляд на Московское княжество и его князя.

1. На старшего великого князя московского привыкли смотреть как на образцового правителя — хозяина, установителя земной тишины и гражданского порядка, а на Московское княжество как на исходный пункт земских отношений, первым плодом которого было установление большой внутренней тишины и внешней безопасности.

2. На старшего московского князя привыкли смотреть как на народного вождя Руси в борьбе с внешними врагами.

3. В московском князе Северная Русь привыкла видеть старшего сына русской церкви, ближайшего друга и соратника главного русского иерарха, а Москву считать городом, на котором покоится особенное благословение великого святителя Русской земли и с которым связаны религиозно-нравственные интересы всего русского православного народа (Ключевский, с. 26).

Однако не следует переоценивать уровень влияния Москвы в русских землях к середине XV в., к моменту прихода на великокняжеский стол Ивана III. Наряду с Московским в Центральной России существовало четыре великих княжества, претендовавших на лидирующую роль и оспаривавших ее у Москвы: Тверское, Рязанское, Ростовское, Ярославское, а также множество мелких княжеств. Северо-Запад

и Север России входили в состав Новгородской республики. Западная Русь (включая Смоленское княжество) входила в состав литовско-польского государства. Поволжье находилось под властью Золотой Орды, а позднее — Казанского и Астраханского ханств. Да и Московское княжество платило дань Золотой Орде.

Иван III в основном завершил процесс объединения русских земель, присоединив Ярославское княжество (1472), Ростовское княжество (1471), Вятку (1489), часть Смоленского, Черниговского княжеств, сокрушив в 1485 г. главного соперника — великое княжество Тверское. Но главное — освобождение от зависимости от Золотой Орды. «Это сообщает новый характер Московскому княжеству. До сих пор оно было одним из великих княжеств Северной Руси; теперь оно остается здесь единственным и потому становится национальным; его границы совпадают с пределами великорусской народности... Московское княжество превратилось в национальное великорусское государство» (Ключевский, с. 107).

Одновременно происходили трансформации в социальной структуре общества и экономике. «Северная Русь, дотоле разбитая на самостоятельные местные миры, объединяется под одной государственной властью, носителем которой является московский государь, но он правит при содействии нового класса, вокруг него образовавшегося, — боярства. Основой народного хозяйства в этом государстве остается по-прежнему земледельческий труд вольного крестьянина, работающего на государственной или частной земле, но государственная земля

все более переходит в руки нового военного класса, создаваемого государством, и вместе с тем все более стесняется свобода крестьянского труда, заменяется хозяйственной зависимостью крестьянина от служилого землевладельца» (Ключевский, с. 99).

Тем самым утверждается социально-политический строй, свойственный зрелому феодализму, последней фазе средневековой мировой цивилизации.

Таким образом, к концу XV в. тысячелетняя восточнославянская цивилизация третьего поколения — крупнейшая в Европе по территории и населению — ушла в прошлое, выполнив свое историческое предназначение и оставив после себя богатейшее наследие. Ее место заняла российская цивилизация, меньшая по масштабам и населению, но более единая, с центром в Москве, феодальным социально-экономическим строем и единой православной церковью, весьма изолированная как от Запада, так и Востока, имевшая амбиции на роль Рима и Константинополя — столицы греко-римской и византийской цивилизаций второго и третьего поколений.

Однако вряд ли можно отнести недолговечную российскую цивилизацию к четвертому поколению локальных цивилизаций, охватившему временное пространство раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций. Это скорее переходная ступень к формированию евразийской цивилизации четвертого поколения, жизненный цикл которой охватил около пяти столетий.

Этот процесс освещается в другой нашей монографии (Кузык, Яковец).

Глава 8

КЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ДИНАМИКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Завершим наше исследование динамики восточнославянской цивилизации и ее основных составных частей (Киевской Руси, Новгородской земли, Русского Севера и центральнорусских княжеств) клиометрическими (историометрическими) измерениями этой динамики с использованием двух многофакторных матриц — цивилизационной матрицы [впервые использованной нами для количественной оценки динамики локальных цивилизаций в монографии «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» (Кузык, Яковец, 2006) и стратегической матрицы (рассмотренной в монографии «Россия в пространстве и времени. История будущего» (Кузык, Агеев, 2004)]. Метод матриц позволяет интегрировать экспертные количественные оценки разнородных факторов, определяющих динамику локальных цивилизаций.

8.1. ОЦЕНКА ДИНАМИКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МАТРИЦЫ

8.1.1. Методология построения цивилизационной матрицы

Для экспертной клиометрической оценки динамики восточнославянской цивилизации и ее четырех составных элементов (Киевской Руси, Новгородской земли, Русского Севера, центральнорусских княжеств) на стадиях зарождения, становления, расцвета, кризиса и заката (трансформации в евразийскую цивилизацию) используем шестифакторную цивилизационную матрицу. Она позволяет привести к общей интегральной оценке шесть основных факторов, определяющих динамику цивилизации: население; природу и экологию; технологии; экономику; государственно-политический фактор; духовный мир (уровень развития науки, образования, культуры, этики, религии).

Свести к общему знаменателю эти разнородные, разнокачественные факторы можно только с помощью балловых оценок, учитывающих значимость и влияние факторов на судьбу цивилизации. Примем общую максимальную оценку суммы всех факторов за 100 баллов. Распределим их по факторам (с учетом цивилизационной

значимости) следующим образом: население и духовный мир по 20 баллов, природно-экологический, технологический, экономический, государственно-политический — по 15 баллов. Содержание отдельных факторов:

- *население*, его численность, возрастной состав, темпы прироста (или депопуляции), активность (пассионарность);
- *природно-экологический фактор* — обеспеченность развития природными ресурсами, их качество, состояние окружающей среды, климатические изменения;
- *технологии* — технологический уровень производства в сельском хозяйстве, строительстве, военном деле, производительность труда (по сравнению с авангардными цивилизациями того же времени);
- *экономика* — уровень развития экономики, оценка объема ВВП и ВВП на душу населения, структура экономики, степень развития рыночных отношений (по сравнению с авангардными цивилизациями того же времени);
- *социально-политический* — формирование и сила государства, социальная стратификация, политическая борьба, войны;
- *духовный мир* — уровень развития науки, образования, культуры, этики, религиозной жизни, формирование и развитие системы цивилизационных ценностей (по сравнению с авангардными цивилизациями того же времени).

В тысячелетнем периоде жизненного цикла восточнославянской цивилизации выделены *фазы*: зарождение цивилизации (500–850); становление (850–1050); расцвет (1000–1250); кризис-закат (1250–1500).

Сводная оценка по каждой составной части цивилизации по каждому периоду получается суммированием оценок по шести факторам.

Интегральная оценка в целом по восточнославянской цивилизации по каждому периоду получается как среднее арифметическое значение оценок по четырем составным частям цивилизации.

8.1.2. Оценка динамики составных частей восточнославянской цивилизации

Приведем клиометрическую оценку каждой составной части восточнославянской цивилизации, приняв следующие обозначения:

1 — демографический фактор; 2 — природно-экологический фактор; 3 — технологический фактор; 4 — экономический фактор; 5 — социально-политический фактор; 6 — духовный мир; А — максимальная оценка в баллах; Б — сводная оценка по каждой части цивилизации. Результаты оценивания каждой части цивилизации приведены в *табл. 8.1–8.4*.

Первые два столетия — зарождение Киевской Руси, союзов племен и вождистских государств антов, полян, древлян; сводная оценка составляла 43–55 баллов. Это был период раннего Средневековья, смены мировых цивилизаций, Великого переселения народов. В VIII–IX вв. укреплялись интеграционные связи между племенами, росла численность населения, осваивались более современные технологии, развивались речные связи, приносившие немалый доход, укреплялась государственность; сводная оценка выросла до 67 в 900 г. Она скачкообразно поднялась до 75 к 1000 г. (после принятия православия) и достигла максимальной оценки 88 баллов к 1200 г. в период расцвета могущества Древнерусского государства. Однако в результате монгольского нашествия оценка упала до 63 (до уровня 800 г.), население сократилось, технология деградиро-

вала, экономика оказалась подорванной, торговые пути нарушились, культура понесла тяжелый урон. В дальнейшем наблюдалась стагнация с небольшим увеличением оценки до 68 баллов в 1500 г. Киевская Русь потеряла свое геополитическое значение и лидерство в восточнославянской цивилизации.

Славяне пришли на ильменскую землю позже, чем на территории в среднем течении Днепра, и поэтому сводная оценка здесь в первые столетия отставала от Киевской Руси, да и природные условия здесь были похуже. Однако к 1000 г. в результате роста экономики и использования своего положения на перекрестке великих торговых путей сводная оценка Новгорода превысила Киевскую, а после монгольского нашествия, в малой степени затронувшей Новгородскую землю, ее лидерство закрепилось (сводные оценки 81 и 63 балла в 1300 г.). Однако после разгрома Московским царством Новгородской республики сводная оценка упала до 66 — до уровня середины 900-х гг., на 3,5 века назад.

Во второй половине 1-го тыс. районы Севера современной евразийской России были отсталыми регионами с охотничье-рыболовецкой экономикой, родоплеменными отношениями, крайне низкой плотностью населения, слабой технологией. Поэтому сводная оценка этого региона значительно отстает от сводных оценок

Таблица 8.1. Оценка динамики Киевской Руси (южнорусских княжеств)

	А	500	600	700	800	900	1000	1100	1200	1300	1400	1500
1	20	8	9	10	12	13	14	16	18	10	11	11
2	15	9	10	11	11	11	12	13	13	11	11	11
3	15	7	8	9	10	11	12	13	14	12	12	12
4	15	5	6	7	9	10	11	12	14	9	10	12
5	15	5	6	7	9	10	11	14	12	8	8	9
6	20	9	10	11	12	12	15	17	17	13	14	14
Б	100	43	49	55	63	67	75	85	88	63	66	69

Таблица 8.2. Оценка динамики Новгородской земли

	А	500	600	700	800	900	1000	1100	1200	1300	1400	1500
1	20	6	7	8	10	12	14	16	18	16	15	13
2	15	7	8	9	10	12	12	12	12	12	10	9
3	15	6	6	7	8	9	10	11	12	12	12	10
4	15	5	5	6	7	9	11	12	13	12	12	10
5	15	5	5	6	8	8	9	13	13	12	11	8
6	20	8	8	9	11	13	15	17	18	17	15	14
Б	100	37	39	45	54	63	71	81	86	81	75	66

	A	500	600	700	800	900	1000	1100	1200	1300	1400	1500
1	20	5	6	7	8	8	9	10	12	13	14	15
2	15	5	5	6	6	7	7	8	8	8	8	8
3	15	4	4	5	5	6	7	8	9	9	10	10
4	15	5	6	7	7	8	8	9	11	11	12	12
5	15	5	5	6	6	7	7	9	10	10	11	11
6	20	7	7	7	8	8	9	11	13	14	15	15
Б	100	31	33	38	40	44	47	55	63	65	70	71

Таблица 8.3. Оценка динамики Русского Севера

	A	500	600	700	800	900	1000	1100	1200	1300	1400	1500
1	20	6	7	7	8	9	11	13	14	10	11	12
2	15	8	8	9	9	9	10	11	12	9	10	11
3	15	6	6	7	7	8	10	11	12	10	11	12
4	15	5	5	6	6	7	9	10	12	9	10	12
5	15	5	6	7	7	8	10	11	10	7	9	14
6	20	8	8	9	10	11	12	13	13	11	11	13
Б	100	38	40	45	47	52	62	69	73	56	62	72

Таблица 8.4. Оценка динамики центральнорусских княжеств

Киевской и Новгородской Руси. Лишь в IX–X вв. оценка несколько повышается в связи с формированием полугосударственных образований в Бьярмии и Великой Перми и их интенсивными контактами со скандинавами. Значительно увеличивается сводная оценка после колонизации Севера новгородцами, переселения славян, формирования поморского этноса и функционирования Великого пушного пути, приносившего немалые доходы всем его участникам. К концу периода (1500) в результате разгрома Новгородской республики и колонизации Севера Московским царством сводная оценка Русского Севера превышает Новгородскую (соответственно 71 и 66 баллов).

Славяне пришли в центр нынешней европейской России позднее, чем в земли будущей Киевской Руси, и застали здесь худшие природные условия (кроме сравнительно высокоплодородных земель вблизи Суздаля). Но край находился на пересечении важнейших речных судоходных путей, экономика и культура его быстро поднималась, особенно после начала процесса феодальной раздробленности. В столицах Ростовского, Ростово-Суздальского, Владимирского, Рязанского, Тверского, Смоленского, Московского княжеств наблюдался экономический рост, возводились великолепные

архитектурные ансамбли и храмы, создавались местные художественные школы. Однако монгольское нашествие XIII в. положило конец этому процветанию — и сводная оценка упала с 73 до 56 баллов. Но постепенно, особенно после возвышения Московского княжества (царства) и объединения им русских земель, сводная оценка поднялась до 72 баллов против 69 по Киевской Руси, 66 — по Новгородской земле и 71 — по Русскому Северу.

8.1.3. Интегральные оценки по динамике восточнославянской цивилизации

Перейдем теперь к интегральным оценкам в целом по восточнославянской цивилизации — сначала к пофакторной оценке (табл. 8.5), а затем к сводным оценкам (табл. 8.6, рис. 8.1). Примем следующие обозначения: КР — Киевская Русь; НЗ — Новгородская земля; РС — Русский Север; ЦРК — центральнорусские княжества; В — среднеарифметическая интегральная оценка. Другие обозначения те же, что в табл. 8.1–8.4.

Численность населения и темпы его роста, активность восточных славян значительно увеличились до 1200 г., интегральная оценка демографического фактора выросла с 6,2 балла в 500 г. до 15,5 в 1200 г. В результате монгольско-

Факторы	Элементы	A	500	600	700	800	900	1000	1100	1200	1300	1400	1500
1	КР	20	8	9	10	12	13	14	16	18	10	11	11
	НЗ	20	6	7	8	10	12	14	16	18	16	15	13
	РС	20	5	6	7	8	8	9	10	12	13	14	15
	ЦРК	20	6	7	7	8	9	11	13	14	10	11	12
	B	20	6,2	7,2	8,0	9,5	10,5	12,0	13,8	15,5	12,2	12,8	12,8
2	КР	15	9	10	11	11	11	12	13	13	11	11	11
	НЗ	15	7	8	9	10	12	12	12	12	12	10	9
	РС	15	5	5	6	6	7	7	8	8	8	8	8
	ЦРК	15	8	8	9	9	9	10	11	12	9	10	11
	B	15	7,2	7,8	8,8	9,0	9,8	10,2	11,0	11,2	10,0	9,8	9,8
3	КР	15	7	8	9	10	11	12	13	14	12	12	12
	НЗ	15	6	6	7	8	9	10	11	12	12	12	10
	РС	15	4	4	5	5	6	7	8	9	9	10	10
	ЦРК	15	6	6	7	7	8	10	11	12	10	11	12
	B	15	5,8	6,0	7,0	7,5	8,5	9,8	10,8	11,8	10,8	11,2	11,0
4	КР	15	5	6	7	9	10	11	12	14	9	10	12
	НЗ	15	5	5	6	7	9	11	12	13	12	12	10
	РС	15	5	6	7	7	8	8	9	11	11	12	12
	ЦРК	15	5	5	6	6	7	9	10	12	9	10	12
	B	15	5,0	5,5	6,5	7,2	8,5	9,8	10,8	12,5	10,2	11,0	11,5
5	КР	15	5	6	7	9	10	11	14	12	8	8	9
	НЗ	15	5	5	6	8	8	9	13	13	12	11	8
	РС	15	5	5	6	6	7	7	9	10	10	11	11
	ЦРК	15	5	6	7	7	8	10	11	10	7	9	14
	B	15	5,0	5,5	6,5	7,5	8,2	9,2	11,8	11,2	9,2	9,7	10,5
6	КР	20	9	10	11	12	12	15	17	17	13	14	14
	НЗ	20	8	8	9	11	13	15	17	18	17	15	14
	РС	20	7	7	7	8	8	9	11	13	14	15	15
	ЦРК	20	8	8	9	10	11	12	13	13	11	11	13
	B	20	8,0	8,2	9,0	10,2	11,0	12,8	14,5	15,2	13,8	13,8	14,0

Таблица 8.5. Пофакторная интегральная оценка динамики восточнославянской цивилизации

го нашествия, столкновения цивилизаций оценка упала до 12,2 балла, затем начала расти, но к 1500 г. не достигла докризисного уровня (составила 12,8 балла). Цивилизационная катастрофа оставила свой долго не заживавший рубец.

Природно-экологические условия изменились значительно меньше — оценка выросла с 7,2 балла в 500 г. до 11,2 в 1200 г.: освоение новых земель, вовлечение в производство новых естественных производительных сил. Монгольское нашествие ухудшило природно-экологи-

ческие условия (оценка упала до 10,0 балла), поскольку уцелевшая часть населения ушла в леса, в отдаленные северные земли.

Технологический уровень производства в начале периода был низким по сравнению с авангардными цивилизациями (5,8 балла из 15), но затем значительно повысился (до 11,8 балла), в основном за счет Киевской и Новгородской Руси. И здесь сказалось отрицательное влияние цивилизационной катастрофы середины XIII в., особенно в Киевской Руси и центральнорусских княжествах, но в Новгородской земле и на Русском Севере этот фактор не показал отрицательной динамики.

В большей мере наблюдались колебания амплитуды экономической динамики. В период зарождения восточнославянской цивилизации, при миграции славянских племен на восток и северо-восток уровень экономического развития был низким. Однако на следующем этапе развитие международных узловых путей дало толчок экономике — интегральная оценка поднялась с 7,2 балла в 800 г. до 12,5 (из 15) в 1200 г. В результате монгольского нашествия оценка экономики упала до 10,2 балла, — в Новгородской земле падение было минимальным за счет колонизации Русского Севера, а в последней временной фазе наблюдался даже рост экономики в связи с притоком населения из Новгородчины.

В VI–VIII вв. *государственно-политическое устройство* и социальный строй цивилизации на пространстве Восточной Европы только формировались, поэтому сводная оценка этого фактора низкая — от 5 до 5,5 балла. Однако на следующем этапе немалую роль в геополитическом облике и в раннесредневековой истории Европы сыграло славянское государство. «Сложившееся на восточной оконечности евразийского континента Древнерусское государство сыграло выдающуюся роль в формировании облика средневековой Европы в целом, ее политической структуры, международных связей, ее экономической эволюции, культуры. Оно

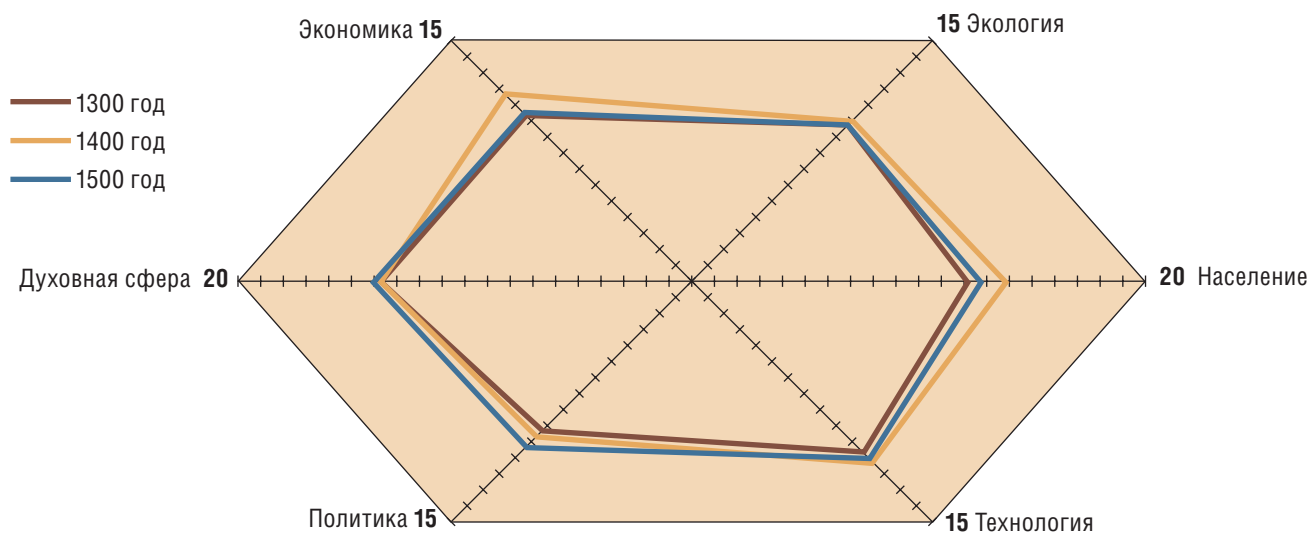
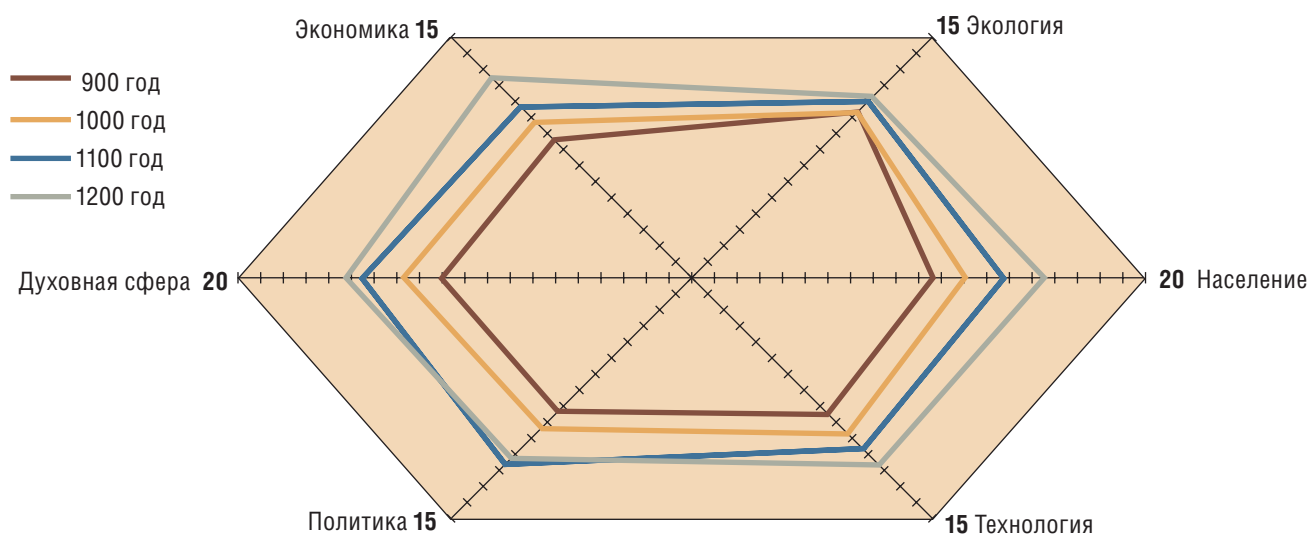
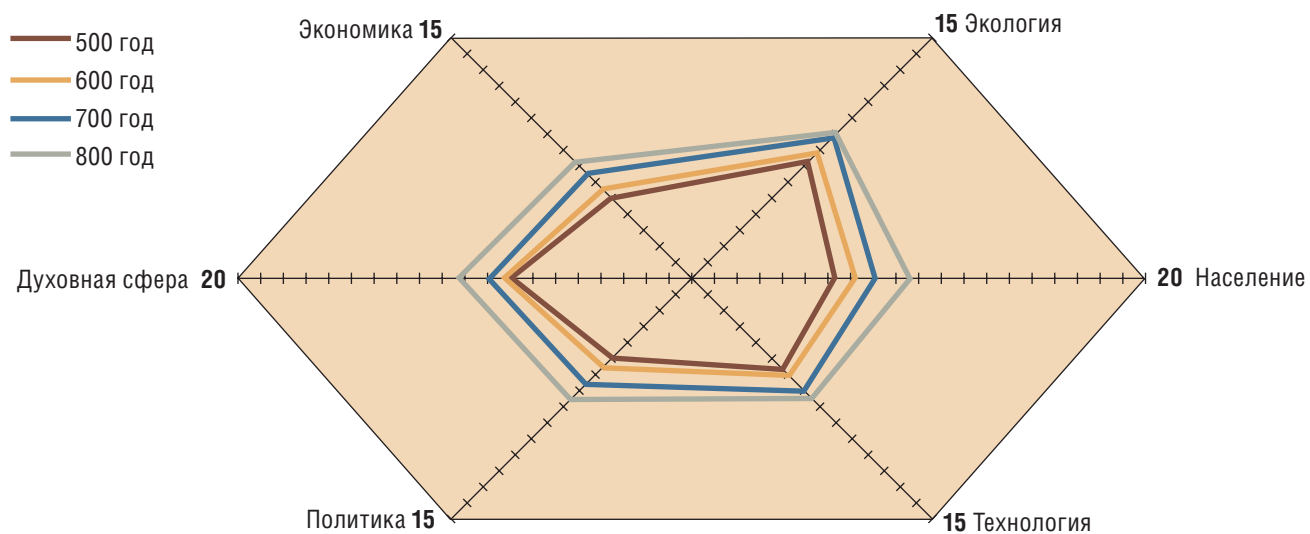
влияло в IX–XI вв. на положение Византии, Хазарского каганата, Болгарских государств на Волге и на Балканах, прикрывало Центральную и Западную Европу от кочевников — печенегов и половцев, своей борьбой с немецкими захватчиками надолго изменило соотношение сил в Прибалтике, Центральной и Северной Европе» (История Европы, 1996). Поэтому оценка Киевской Руси и Новгородской земли поднялась по данному параметру к 1100 г. до 14–13 баллов (при максимальной 15), а сводная оценка — до 11,8 балла. Однако в связи с усилением феодалной раздробленности в дальнейшем она начала снижаться, а к 1400 г. упала до 9,7 балла. Усиление Московского царства вновь повысило сводную оценку до 10,5 (в том числе российского Центра — до 14 баллов).

Социокультурный фактор в динамике восточнославянской цивилизации с относительно низкой оценки в первые столетия (когда цивилизация только формировалась, уровень образования был сравнительно низким, преобладали политеизм и анимизм в славянских, финно-угорских и чудских племенах) существенно повысился к рубежу тысячелетия и достиг максимального уровня в 15 баллов (а в Новгородской земле — 18 баллов) из 20 возможных. Значительные высоты были достигнуты в области культуры, широкое распространение, особенно в Новгородской земле, получила письменность, сформировалась система образования, осваивались прикладные науки. Важнейшую роль в сохранении и расширении (экспансии) ци-

Таблица 8.6. **Интегральная оценка динамики восточнославянской цивилизации по совокупности составляющих**

	а	А	500	600	700	800	900	1000	1100	1200	1300	1400	1500
По факторам	1	20	6,2	7,2	8,0	9,5	10,5	12,0	13,8	15,5	12,2	12,8	12,8
	2	15	7,2	7,8	8,8	9,0	9,8	10,2	11,0	11,2	10,0	9,8	9,8
	3	15	5,8	6,0	7,0	7,5	8,5	9,8	10,8	11,8	10,8	11,2	11,0
	4	15	5,0	5,5	6,5	7,2	8,5	9,8	10,8	12,5	10,2	11,0	11,5
	5	15	5,0	5,5	6,5	7,5	8,2	9,2	11,8	11,2	9,2	9,5	10,5
	6	20	8,0	8,2	9,0	10,2	11,0	12,8	14,5	15,2	13,8	13,8	14,0
	В	100	37,2	40,2	45,8	50,9	56,6	63,8	72,7	77,4	66,2	68,1	69,6
По составляющим	КР	100	43	49	55	63	67	75	85	88	63	66	69
	НЗ	100	37	39	45	54	63	71	81	86	81	75	66
	РС	100	31	33	38	40	44	47	55	63	65	70	71
	ЦРК	100	38	40	45	47	52	62	69	73	56	66	74
	В	100	37	40	46	51	57	64	73	78	66	69	70

Рисунок 8.1. Цивилизационная матрица восточнославянской цивилизации

визации, в освоении Русского Севера играли церковь и широчайшая сеть монастырей. Конечно, и этой сфере монгольское нашествие нанесло ущерб, но не столь значительный, как в экономике и социально-политической сфере.

Построим теперь интегральную матрицу динамики восточнославянской цивилизации на протяжении ее жизненного цикла на базе интегрирования сводных оценок по всем четырем составляющим этой цивилизации (см. табл. 8.6, рис. 8.1).

В первые три столетия (VI–VIII вв.) восточнославянская цивилизация находилась на стадии формирования и имела низкую общую интегральную оценку — от 37 до 46 баллов (в основном за счет технологического, экономического и социально-политического отставания от авангардных цивилизаций). Начиная с 800 г. интегральная оценка неуклонно повышалась от столетия к столетию, достигнув максимума — 78 баллов — к 1300 г. При этом Киевская Русь и Новгородская земля достигли 88–86 баллов, то есть практически вышли почти на уровень авангардных цивилизаций, особенно в экономическом, социально-политическом и социокультурном секторах. Монгольское нашествие отбросило цивилизацию назад на несколько столетий (до оценки 66), при этом в наибольшей мере пострадала Киевская Русь (63 балла) и центральнорусские княжества (56). В последующие два столетия цивилизация медленно восстанавливала свои силы, достигнув к 1500 г. интегральной оценки 70 баллов — ниже уровня 1200 г. (73). При этом лидерство перешло к Центральной России — Московскому царству (74 балла).

Таким образом, использование цивилизационной матрицы дает возможность количественно измерить динамику: восточнославянской цивилизации в целом; определяющих ее шести основных факторов (демографического, природно-экологического, технологического, экономического, социально-политического и социокультурного); основных составляющих этой цивилизации (Киевской Руси, Новгородской земли, Русского Севера, центральнорусских княжеств).

Мы далеки от мысли, что предложенные нами оценки окончательны и не подлежат корректи-

ровке. Экспертные оценки столь сложной гаммы факторов неизбежно носят субъективный характер, отражающий уровень знаний и, возможно, пристрастий того или иного эксперта. Мы предложили методику клиометрических измерений и получили результаты. Если этот метод окажется приемлемым, то с привлечением широкого круга экспертов данные оценки могут быть уточнены. Но для нас важно, что клиометрические измерения имеют значительный потенциал в отношении количественных измерений цивилизационной динамики.

8.2. ДИНАМИКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ*

8.2.1. Методология построения стратегической матрицы

Стратегическая матрица является важнейшим элементом теории стратегического управления, которое понимается нами как особый класс процессов управления, связанный с транзитными состояниями в жизни социальных систем, с процессами их осознанного и самоорганизованного перехода в качественно новые состояния.

На практике стратегическое управление проявляется в деятельности индивидов, всех основных социальных институтов, в том числе государства, как неустанные попытки привести цели своей деятельности в соответствие с возможностями и угрозами внешней среды, а также собственными представлениями о целях социального устройства, духовной миссии народа. Иной вопрос — эффективность этих попыток, сообразность их с внутренними закономерностями системы и внешней среды.

Теория стратегического управления может стать для лиц, ответственных за принятие стратегических решений, способом структуризации их представлений как о состояниях управляемых систем и «коридорах» их изменчивости, так и о практических подходах к разработке и осуществлению стратегий. Этот способ можно

* Фрагмент из книги Б.Н. Кузика, А.И. Агеева и др. «Россия в пространстве и времени» (М.: ИНЭС, 2004).

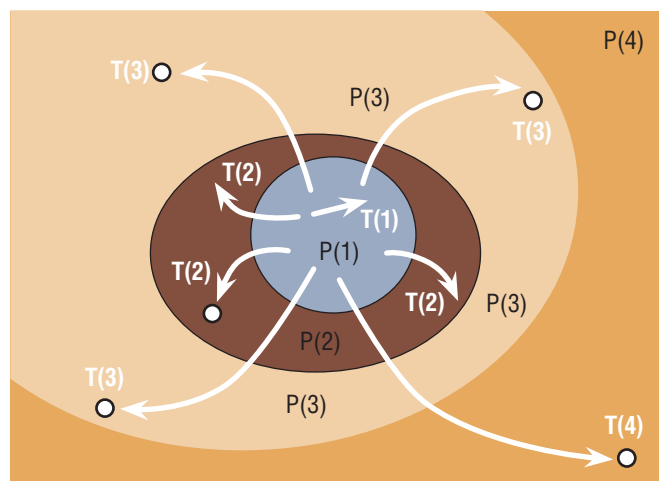
представить в виде матрицы или совокупности переменных, которая является частью (элементом) упомянутой выше исторической матрицы, одной из ее вложенных структур.

Важнейшие понятия, описывающие процесс стратегического управления, — состояния системы и траектории перехода из одного состояния в другое.

Состояния системы несут на себе отпечаток всей ее истории — ее врожденные и приобретенные свойства, скорректированные в процессе развития множеством попыток приспособиться к требованиям внешней среды, собственному целеполаганию (успешному или неудачному) и собственным потребностям эволюции. При этом эволюцию состояний ограничивают внешние и внутренние факторы развития системы. Внешние факторы (политические, экономические, социальные, технологические переменные) берут начало в окружающей систему среде, внутренние — отражают приобретенные ею осязаемые и неосязаемые особенности жизнедеятельности.

Во временном аспекте все состояния социоприродной системы сводимы к четырем разновидностям (рис. 8.2). **P(1)** — это текущее состояние, главными элементами которого (применительно к нашему объекту исследования) являются размер территории, народонаселение, объем энергопотребления, режим управления, характер внешних сношений. **P(2)** — область реально возможных, практически достижимых состояний системы, представляющих собой усиление (увеличение) названных характеристик.

Рисунок 8.2. Состояния и траектории

P(3) — область состояний, которые можно представить, но при данных условиях достигнуть невозможно. **P(4)** — область состояний, находящихся за горизонтами наших представлений.

Смена состояний возникает как результат сложного, нелинейного взаимодействия внешних и внутренних переменных. Стратегические решения определяют траекторию перехода от одного состояния управляемой системы к другому, а ограничения влияют на время и диапазон этих переходов.

В зависимости от категории начальных и последующих состояний можно выделить четыре типа траекторий:

- существующие в рамках сложившегося состояния системы;
- описывающие реально осуществимые при данном состоянии системы переходы;
- представляющие собой попытки прорыва в реально недостижимые состояния;
- траектории поискового характера, способные привести к выходу в состояния, прежде находившиеся за пределами представлений.

Траектории двух последних типов связаны с фазовыми переходами в эволюции систем, бифуркационными точками, делающими возможной реализацию сценариев, которые изначально представлялись нереальными. В этих ситуациях исключительное значение получают нетривиальные решения — чудо как фактор стратегии, логика невозможного. Примеров практического осуществления таких стратегий в истории множество.

Выбор траектории эволюции системы — ключевая проблема стратегического управления. На уровне практической политики он проявляется либо в революционных событиях, либо в тех или иных реформах прежнего режима управления. Но в любом случае речь идет об очевидных изменениях в поведении управляющих структур. Выбором траектории, по сути дела, определяется аттрактор системы — некоторый сегмент фазового пространства **P(2)**, **P(3)**, **P(4)** — как совокупность желаемых моделей поведения и параметров системы. Сложность выбора предопределяют несколько факторов:

- непрерывность (аккумулятивность) изменений внутри и вне системы;
- информационная недостаточность;

Рисунок 8.3. Энниаграмма стратегических факторов

- множественность целей, групп интересов, их взаимных ожиданий и реакций;
- когнитивные, психологические, организационные, социальные, политические ограничения в поведении лиц, принимающих решения;
- степень склонности этих людей к риску, их пассионарность, готовность и умение видеть и решать масштабные проблемы.

Стратегические решения нацелены на перевод системы в качественно новое состояние. Их характерная черта — необратимость и долгосрочность их последствий. Реализация конкретного решения делает возврат к предыдущему состоянию или невозможным, или требующим неприемлемо больших затрат времени, ресурсов, усилий. Объектом стратегических решений могут быть как внутренние, так и внешние параметры системы, но их основой всегда являются предпочтения принимающих решения лиц, восприятие последними интересов групп влияния и возможных выгод — материальных и идеологических, истинных и ложных и т.д.

Чтобы более наглядно представить себе характер стратегий, реализованных на протяже-

нии столетий, мы сформировали многофакторную модель (энниаграмму) важнейших объектов стратегических решений.

Для наших целей — изучения динамической топографии системы — энниаграмма была модифицирована (рис. 8.3). Из множества обстоятельств, влияющих на развитие исторического процесса, были выбраны девять наиболее репрезентативных факторов, наиболее значимых для развития государства.

1. Управление.
2. Территория.
3. Природные ресурсы.
4. Население.
5. Экономика.
6. Культура и религия.
7. Наука и образование.
8. Армия (вооруженные силы).
9. Внешняя политика (геополитическая среда).

Исторические значения этих факторов выявлялись на основе экспертных оценок методом последовательного приближения.

Каждый из факторов рассматривается нами в соответствии с нечеткой четырехзначной топологической шкалой, численные значения которой находятся в диапазоне от 1 до 10, что

позволяет экспертам варьировать оценки внутри основных классов.

В энниаграмме, представляющей собой графическое выражение потенциальной и кинетической энергии, различаются факторы, обеспечивающие потенциал развития и его реализацию. Соответственно к первым относятся территория, природные ресурсы, население, культура и религия; ко вторым — экономика, наука, армия и внешняя политика. Управление мы рассматриваем как синтезирующий все эти элементы фактор.

Увеличение или уменьшение объема профиля матрицы является признаком направленности совокупного вектора эволюции либо на созидание, либо на разрушение системы.

Рассмотрим интерпретацию отдельных факторов в соответствии с заданной шкалой.

Фактор **«Управление»** рассматривается как общая функция социальной системы, обеспечивающая сохранение ее определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программ и целей. Функции управления в идеале присущи также предвидение будущего, системность применяемых сил и средств, определенная обоснованность решений, выбор критериев и систем контроля исполнения задач. В том контексте, в котором эта функция рассматривается в нашей работе, можно говорить о государственном управлении, то есть о регулировании общественных отношений внутри государства и связей с внешним миром. Такое регулирование осуществляется публичным образом через власть государства. Стратегическое управление — особая разновидность управленческой функции, нацеленная на преобразование социальной системы, решение нетривиальных проблем жизни общества.

Рассматривая реализацию функции управления на протяжении российской истории, мы не столько привязываемся к конкретным формам претворения в жизнь государственной власти (абсолютизм, тоталитаризм или демократия), сколько оцениваем степень адекватности государственного управления тем задачам, которые объективно стояли перед страной в конкретный исторический период. Ведь в реальности имеют место не только адекватные (своевременные и целесообразные), но и неадекватные (несвое-

временные, неправильные и т.п.) решения. Кроме того, в зависимости от качества осмысления лидерами исторических вызовов могут возникать и псевдовыводы, и псевдоответы.

Одной из существенных характеристик функции управления является то, что она связывает между собой все остальные факторы развития государства (экономику, политику и т.д.) и способна провоцировать резкие изменения в них.

Определение значений фактора **«Территория»** для конкретных исторических периодов во многом базируется на оценке приближенности к определенным образцам. Так, если говорить о термине «сверхдержава», то в разные исторические периоды лишь относительно небольшое количество государств могло претендовать на этот статус. В Древнем мире классическим примером можно считать Римскую империю. Империи Александра Македонского и Наполеона просуществовали относительно недолго, но также могут служить ориентиром приближения к статусу сверхдержавы. Термин, определяющий статус государства как «великой державы», также достаточно узнаваем. Исторически он возник раньше, чем термин «сверхдержава». В разные эпохи великими державами Европы считались Священная Римская империя, Португалия, Испания, Великобритания, Франция, Пруссия, Австро-Венгрия и т.д. Что касается России, то в исторической науке принято мнение, согласно которому она впервые заявила свои претензии на статус великой державы лишь в эпоху Петра I. Однако Древнерусское государство в период наивысшего могущества, Московское царство до начала Ливонской войны, если сравнивать их с соседними государствами Европы и Азии, также вполне соответствовали этому понятию, особенно по критерию размеров территории. Если рассматривать только его, то со времен Московского царства Россия после присоединения Сибири не опускалась ниже статуса великой державы (за исключением периода Гражданской войны 1918—1920 гг.).

Термин «региональная держава» появился относительно недавно — в новейшей истории. В нашей классификации под этим термином (в том числе и в территориальной интерпретации) мы понимаем государство, значимое в региональном масштабе, но недотягивающее до масштабов великой державы.

Термин «малое государство» применяется к странам, значимость и территория которых даже в региональном измерении невелики.

Определение статуса государства по параметру **«Природные ресурсы»** является одной из наиболее сложных задач. Во-первых, это связано с изменением экономического уклада жизни в разные исторические эпохи, а следовательно, и природных ресурсов, на которые опирается экономика в тот или иной момент. Во-вторых, сказывается влияние таких факторов, как географическое местоположение, климатические особенности и т.д. Вместе с тем параметр **«Природные ресурсы»** отличен от критерия **«Территория»**. Немаловажно и то, что чем более отдаленную историческую эпоху мы рассматриваем, тем в меньшей степени мы можем опираться на строгие статистические выкладки и тем больше в оценках присутствует «привкус» эмоциональности и этнографичности. Исходя из этого оценка государства по фактору **«Природные ресурсы»** находится в большей зависимости от субъективного восприятия экспертов.

Ограничения, существующие для фактора **«Природные ресурсы»**, практически полностью можно распространить и на фактор **«Население»**. Кроме того, на оценку по нему существенное влияние оказывает отмеченный выше фактор европоцентричности известной нам истории (до эпохи Великих географических открытий). Исходя из этого ориентирами для работы экспертов при оценке по фактору «Население» служили его значения, характерные для новейшего времени и как бы «перекинутые» в более ранние исторические эпохи. Для региональной державы этот показатель составляет 30—120 млн человек. Примерами региональных держав могут служить Египет (68 млн), Иран (66 млн человек).

Определение значимости государства в мировой системе по фактору **«Экономика»** в современной истории не представляет особой сложности. Ключевые аспекты хорошо известны: ВВП, ВВП на душу населения, золотовалютные резервы, государственный долг и т.д. Однако выявление таких показателей, скажем, для Древнего Рима или Древней Греции, Византии или Руси практически невозможно. Поэтому

в данной работе предложены несколько иные параметры оценки экономической мощи государства.

Чтобы добиться наибольшей точности в измерении экономического потенциала, мы выделили в отдельную группу оценку динамики «Качества жизни». Это один из наиболее сложных для ретроспективного анализа параметров. Тем не менее на экспертном уровне мы в принципе можем сравнивать относительное качество жизни населения Древнерусского государства и Византии, земледельческой Руси и кочевых степных племен. Характерно, что величина этого параметра в российской истории, как правило, оказывается ниже значений остальных факторов. Это подтверждает известное наблюдение о традиционно низком качестве жизни в стране, расходующей значительные силы на обеспечение безопасности, нейтрализацию неблагоприятных климатических условий.

Развитие духовной жизни выделено в отдельный фактор **«Культура и религия»**. Осознавая риск неточности исчислений в этой сфере, мы все же попытались измерить ее динамику, понимая исключительную важность религии и вообще культуры в жизни народа. В этом мы следуем традиции русской исторической науки, выделявшей как объект изучения обычаи, нравы, религию.

Последнее тем более важно, что лишь в XX в. произошла секуляризация общественной жизни, и почти во всем мире церковь была отделена от государства.

Фактор **«Наука и образование»** с трудом поддается формализации, которая позволила бы оценить уровень развития государства по этому показателю на протяжении длительного исторического периода. В то же время мы в состоянии соотнести, например, уровень развития ремесел в Древнерусском государстве и в Западной Европе, время появления книгопечатания, начала производства отдельных видов вооружений.

Фактор **«Армия»** применяется для определения уровня развития силовой компоненты государства в различные периоды истории. Если рассматривать современную ситуацию, то уровень развития, соответствующий, например, понятию «сверхдержава», примерно можно определить следующими показателями:

- производство в стране подавляющего большинства систем вооружения и военной техники;
- оснащенность армии передовыми системами управления и связи.

Особенность определения значений фактора «Внешняя политика» состоит в том, что он в еще большей степени, чем остальные, связан с показателем качества управления. Фактически речь идет об одной из составляющих управления. Вместе с тем выделение этого фактора в самостоятельный показатель важно с точки зрения оценки гармоничного развития всех элементов мощи государства.

Поскольку геополитический «вес» государства оценивается как по его собственному статусу, так и по состоянию его окружения, то для оценки геополитического статуса России и динамики последнего на фоне рассматриваемых исторических событий введено несколько показателей. При этом геополитический «вес» России определяется как среднее их значение по девяти основным факторам, определенным выше. Для оценки динамики геополитического статуса интегральный показатель мощи России рассматривается в двух значениях:

R_1 — интегральный показатель мощи России до исторического события;

R_2 — интегральный показатель мощи России после исторического события.

Для оценки состояния геополитического окружения России используются показатели:

S_i — статус страны i ;

K_i — конфликтность отношений государства i и России.

Введение показателей S_i и K_i позволяет оценивать геополитическое окружение России через соотношение «союзники/противники» как:

$\sum_{i=1, n} S_i * K_i$ — суммарное значение «союзники/противники» до исторического события;

$\sum_{i=1, n} S_i * K_i$ — суммарное значение «союзники/противники» после исторического события.

Поскольку соотношение «союзники/противники», с одной стороны, оказывает существенное влияние на геополитический статус государства, а с другой — во многом является производной этого статуса, эмпирическим путем составлена формула расчета совокупного геополитического потенциала России. Формула

учитывает как изменение значения интегрального показателя ее мощи, так и соотношение «союзники/противники»:

$$R_u = R_2 + \frac{R_2 * (\sum_{i=1, n} S_i * K_i - \sum_{i=1, n} S_i * K_i)}{R_1 * 100}.$$

При этом приоритет в формировании значения совокупного геополитического потенциала отдан интегральному показателю мощи России как более стабильному.

8.2.2. Измерения на основе стратегической матрицы

400-летний (862–1262) исторический цикл России начинается с установления хазарского господства над славянскими территориями при поддержке Византийской империи. Разгром Русского каганата на территории Северского Донца и Оскола, закрывавшего доступ к территориям Киевской Руси, открыл возможности для наложения дани на юго-западные территории. Поэтому важнейшим стратегическим устремлением элиты и народа в этот период стала подготовка к устранению экономической и политической зависимости от иноземцев.

Действия велись по трем направлениям — установление союзнических (вплоть до династических) отношений с Византией, которая была объектом многократных нападений русских, а также укрепление воинских соединений для будущей победы над Хазарией (рис. 8.4), развитие связей с варяжскими северными элитами (в этом контексте следует рассматривать и приглашение конунгов «править» в 862 г. и последующие фальсификации династических связей Игоря и Ольги с готским союзом).

В 862 г. на княжение был приглашен Рюрик, в 965 г. Святослав разгромил Хазарский каганат, в 988 г. Владимир крестил Русь. Все три стратегических вызова были, таким образом, удовлетворены. Страна переживала период расцвета (рис. 8.5).

Происходило не только территориальное расширение, но и осуществлялся приток населения (в основном из Среднего Подунавья), шла активная ассимиляция, строились новые города, развивались искусства и ремесла, на новую территорию переселенцами приносились новые стереотипы культуры.

Начало эпохи
Конец эпохи

Рисунок 8.5. Стратегическая матрица Древнерусского государства 1–III (862–945)

Однако с середины этого 400-летнего цикла бурный всплеск социальной энергии сменился нарастанием энтропийных тенденций, и в конце этого цикла Русь снова оказалась в экономической и политической зависимости от новой сверхдержавы того времени — Золотой Орды.

Проследим внутреннюю динамику этого 400-летнего цикла по основным факторам стратегической матрицы.

Режим управления в рассматриваемый период определялся по традиции как «военная демократия». Важные вехи развития государственного управления — 862 г.; объединение в 882 г. Новгорода и Киева под властью князя Олега, превращение Новгорода в столицу, затем перенос столицы в Киев.

Княгиня Ольга в 955 г. впервые в истории Киевской Руси отправилась в Константинополь к императору Константину VII не во главе войска, а чтобы заключить с греками новый мирный договор. Правление княгини Ольги было одним из самых мирных периодов в истории Древней Руси.

Владимир стал первым великим князем Руси. По статусу он был равен великим герцогам Западной Европы. Ярослав Мудрый в 1035 г. вновь объединил Древнерусское государство (рис. 8.6).

Направление вектора **территориального развития** определялось: консолидацией племен Восточной Европы в единое Древнерусское государство; подчинением новых племен этому государству; расширением территории; движением государственных структур с севера на юг вдоль Днепра от Новгорода к Киеву. Во втором 80-летнем цикле (944–1036) этого периода продолжилась территориальная экспансия Древнерусского государства. Святослав, а затем Владимир покорили вятичей, радимичей, ятвягов, камских булгар. Важнейшее событие цикла — разгром Хазарского каганата (Святослав «отмстил неразумным хазарам» и за уничтожение Русского каганата в конце 830-х гг., и за экономическую эксплуатацию). В 985 г. русичи совершили победоносный поход на Болгарию и заключили с ней мир. В 988 г. Владимир взял Херсонес (Корсунь). Укрепление государства способствовало строительству городов и сооружению первой на Руси засечной черты — оборонительных рубежей по рекам Десна, Осетр,

Трубеж, Сула. Был заново укреплен и застроен каменными зданиями Киев.

Наиболее важным **природным ресурсом** в этот период являлись реки. По Волхову — Ловати — Днепру проходил торговый путь «из варяг в греки», по Оке и Волге — торговый путь с Востоком. Активно осваивались в производстве различных изделий такие материалы, как глина, дерево, бронза, железо, кожа.

Численность **населения** Древнерусского государства на середину X в. можно оценить в 18 млн человек. В единое государство объединились разноразличные славянские (словены, кривичи) и финноязычные (чудь, весь, меря) племена. Бурно шел процесс строительства городов.

Экономика отмечена развитием земледелия, охоты, рыбной ловли, ремесел, торговли. В этот период славянские племена платили регулярную дань хазарам, а с 884 г. — Киеву. Князь Олег с 882 г. обложил новгородцев данью в 300 гривен в год, которую они платили вплоть до 1054 г. В 883–885 гг. наложена дань на древлян. На северян, полян и родимичей, вятичей, плативших дань хазарам, русичи налагали более легкую дань или такую же, но с запретом платить ее напрямую хазарам.

Против тех, кто отказывался добровольно платить дань, проводились репрессивные акции. Во время одного из подобных набегов в 945 г. был убит князь Игорь. Княгиня Ольга в 946 г. установила дань в погостах Новгородской земли.

Таким образом, внутренние раздоры по поводу объемов и адресатов уплаты дани составляли важнейшее экономическое содержание данного периода.

В экономической сфере ключевым событием было решение Святославом стратегической задачи — разгром Хазарского каганата, не только собиравшего дань, но и контролировавшего торговые пути с Востоком.

Культура развивалась под влиянием языческих культов (языческий круг в Новгороде, Перун в Киеве), постепенного проникновения христианства. Квинтэссенцией развития духовной сферы Руси в этом большом цикле стало принятие в 988 г. христианства и введение его в качестве государственной религии. В начале XI в. составлен законодательный свод страны «Русская правда».

Рисунок 8.6. Стратегическая матрица Древнерусского государства 2–III (945–1036)

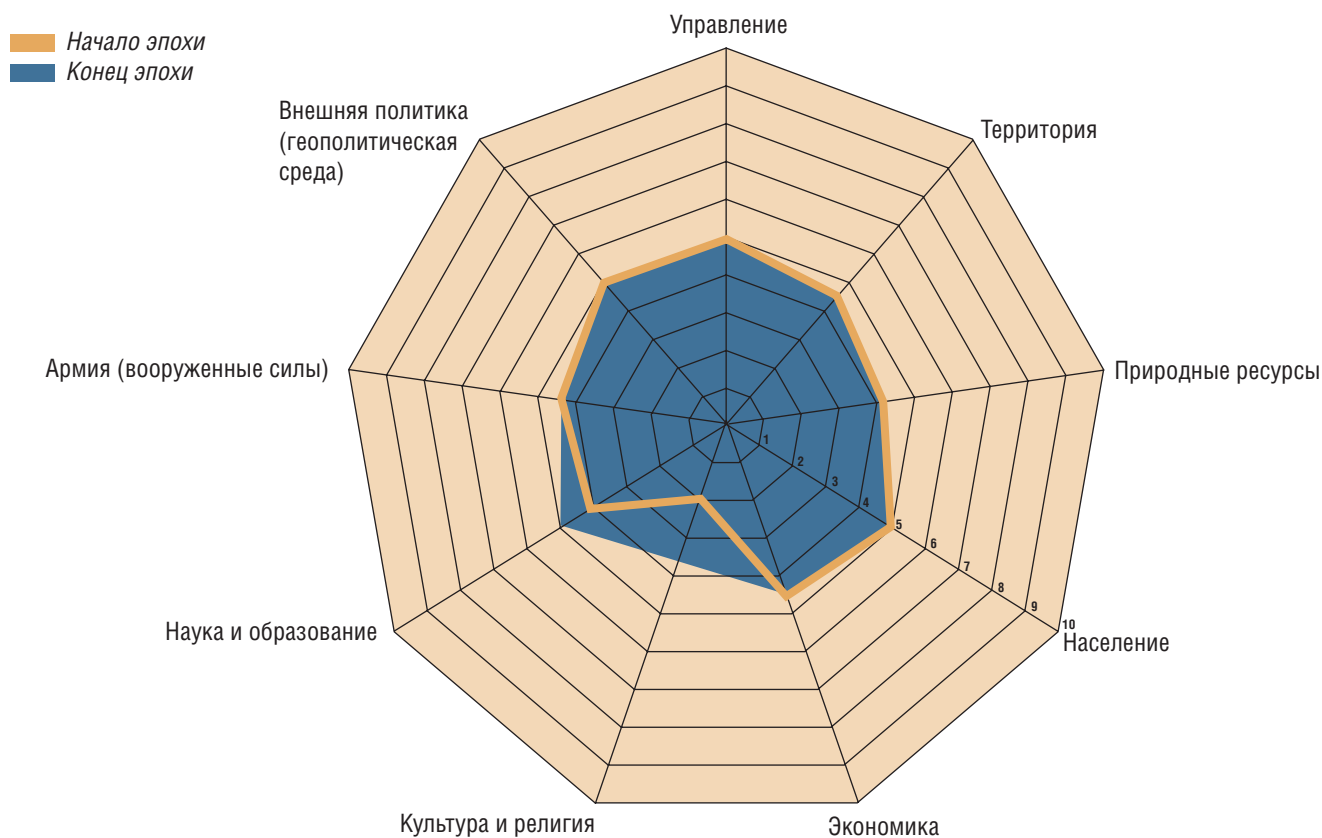

Таблица 8.7. Значения основных параметров развития Российского государства в 80-летних исторических циклах (862–1500)

№ п/п	Событие	Дата	Год цикла			
				Управление	Территория	Природные ресурсы
1—III 862—945 гг.						
1	Образование Древнерусского государства (Киевской Руси)	862	0	1	1	1
2	Поход Олега на Константинополь	907	45	5	4,5	4
3	Первый поход Игоря на Константинополь	941	79	5	4,5	4
4	Второй поход Игоря на Константинополь	944	82	5	4,5	4
2—III 945—1036 гг.						
5	Заключение нового договора с Византией	945	0	5	4,5	4
6	Разгром Хазарского каганата Святославом	966	21	5	4,5	4
7	Война Святослава с болгарами	967	22	4,5	4,5	4
8	Осада Киева печенегами	969	24	4,5	4,5	4
9	Гибель Святослава	972	27	4,5	4,5	4
10	Крещение Руси	988	43	5	4,5	4
3—III 1036—1113 гг.						
11	Победа Ярослава Мудрого над печенегами	1036	0	5	4,5	4
4—III 1113—1190 гг.						
12	Распад Киевской Руси	1132	19	1	1	1
5—III 1190—1270 гг.						
13	Битва на р. Калке	1223	33	1	1	1
14	Поход Батые на Русь	1237–1240	47–50	1	1	1
15	Битва на Чудском озере	1242	52	1,5	1	1
16	Образование Золотой Орды	1243	53	1,5	1	1
17	Смерть св. кн. Александра Невского	1263	73	2	1	1
1—IV 1270—1350 гг.						
18	Русь под властью Орды	1270–1350	0–80	1	1	1
2—IV 1350—1430 гг.						
19	Построение белокаменной крепости. Начало возвышения Москвы	1367	17	2	1,5	1
20	Поход Дмитрия Донского против Твери, утверждение первенства Москвы среди русских княжеств	1375	25	4	1,5	1,5
21	Битва на р. Воже — первая победа русских над ордынцами в сражении в открытом поле	1378	28	4	1,5	1,5
22	Куликовская битва	1380	30	4	2	1,5
23	Поход Тохтамыша на Москву. Возобновление взимания дани Ордой	1382	32	3	2	1,5
24	Великая война	1409–1411	49–51	3	3	2
3—IV 1430—1510 гг.						
25	Присоединение Ярославского княжества	1463–1468	33–38	4,5	4	3
26	Поход Ивана III на Новгород	1471	41	4,5	4	3
27	Присоединение Ростовского княжества	1474	44	5	4	4
28	Осада Новгорода Иваном III. Ликвидация посадничества в Новгороде	1478	48	5	4,5	4,5
29	Противостояние на р. Угре. Падение ордынского ига	1480	50	5,5	4,5	4,5
30	Поход Ивана III на Тверь. Утверждение за князем Московским титула Великого князя всея Руси	1485	55	5,5	5	4,5
31	Первое взятие Казани	1487	57	5,5	5	4,5
32	Битва при Ведроши. Присоединение восточной части Смоленской земли	1500	70	5,5	5	4,5

Параметры						Соотноше- ние союзники/ противники	Значение интегрального показателя мощи		Совокупный геополи- тический потенциал России
Население	Экономика	Культура и религия	Наука и образование	Армия	Внешняя политика		До	После	
1	1	1	1	1	1	-22	1,0	1,0	0,8
5	4,5	2	2	5	5	42	1,0	4,1	5,8
5	4	2	3	4,5	4	0	4,1	4,0	4,0
5	4	2	3	4,5	4,5	14	4,0	4,1	4,2
5	4,5	2	4	4,5	5	28	4,1	4,3	4,6
5	5	2	4	5	5	16	4,3	4,4	4,6
5	4,5	2	4	5	4,5	-38	4,4	4,2	3,9
5	4,5	2	4	4,5	4	0	4,2	4,1	4,1
5	4,5	2	4	4,5	4	14	4,1	4,1	4,1
5	4,5	3,5	5	4,5	5	28	4,1	4,6	4,9
5	5	4	5	5	5,5	0	4,6	4,8	4,8
1	2	3,5	2	1	1	0	4,8	1,5	1,5
1	2	3,5	2	1	1	-18	1,5	1,5	1,3
1	1	2	1	1	1	-4	1,5	1,1	1,1
1	1	2	1	1,5	1,5	8	1,1	1,3	1,4
1	1	2	1	1,5	1,5	0	1,3	1,3	1,3
1	1	2,5	1	1,5	1,5	0	1,3	1,4	1,4
1	1	2,5	1	1	1	0	1,4	1,2	1,2
1,5	2	3,5	1,5	2	2	0	1,2	1,9	1,9
2	2	3,5	1,5	2	3	20	1,9	2,3	2,6
2	2	3,5	1,5	3	3	0	2,3	2,4	2,4
2	2	4	1,5	4	4	18	2,4	2,8	3,0
1,5	1,5	4	1,5	3	3	-10	2,8	2,3	2,2
2	2	4	2	3	4	72	2,3	2,8	3,6
3	4	4	4	4	4,5	2	2,8	3,9	3,9
3	4	4	4	4	4,5	8	3,9	3,9	4,0
4	4	4	4	4	5	2	3,9	4,2	4,2
4,5	4,5	4	4	4	5	12	4,2	4,4	4,6
4,5	5	4,5	4	4,5	5	16	4,4	4,7	4,8
5	5	4,5	4	4,5	5	12	4,7	4,8	4,9
5	5	4,5	4	4,5	5	6	4,4	4,8	4,8
5	5	4,5	4	4,5	5	8	4,7	4,8	4,8

Вооруженные силы в то время представляли собой оснащенные легким оружием конно-пешие дружины, существовал также некий прообраз военно-морского флота. Трагическим событием периода стала гибель в 914 г. нескольких десятков тысяч русских ратников от рук хазарских наемников, когда они на 500 кораблях по 100 человек спустились к берегам Каспия.

Внешняя политика была связана со стремлением русичей обрести независимость и распространить влияние на другие государственные образования практически по всем направлениям. В 907 г. Олег совершил успешный поход в Византию. Императоры Лев VI Мудрый и Александр уплатили дань в 24 тыс. гривен, а также согласились дать средства и материалы для укрепления русских городов Киева, Чернигова, Переславля, Полоцка, Ростова Великого, Любеча. Святослав (945–972) с 964 г. воевал на землях Поволжья, Северного Кавказа и Балкан; освободил вятичей от власти хазар, разгромил в 965 г. Хазарский каганат, в 967 г. воевал с Болгарией. В союзе с венграми и болгарами вел русско-византийскую войну в 967–971 гг.

Владимир (980–1015) заключил новый мирный договор с Византией, в 998 г. — с Польшей и Чехией. При Владимире укрепилось международное положение Руси.

В 941 г. Игорь совершил неудачный поход на Византию. В морском походе к Царьграду на ладьях с 40-тысячным войском он потерпел поражение. Поход 944 г. с 80-тысячным войском (пехота — на ладьях, конные отряды — по берегу) был успешным. В 945 г. Роман I, византийский император, заключил с Игорем договор о мире, дружбе и торговле. Поход упрочил международное положение и авторитет Киева.

В целом во внешней политике Древнерусского государства в X–XII вв. выделяются три основных направления: на юге — отношения с Византией, на востоке — со Степью (Хазарским каганатом и кочевниками), на западе — со странами Европы. Основным геополитическим итогом развития России в историческую эпоху Киевской Руси можно считать ее становление к концу 1–III — началу 2–III цикла в качестве мощного регионального государства.

В 2–III 80-летнем цикле произошло культурное и религиозное сближение Руси с Византи-

ей, следствием чего стало крещение Руси в 988 г. На протяжении этого цикла Древнерусское государство успешно боролось с Хазарским каганатом за влияние на Северное Причерноморье и север Прикаспийского региона. В результате похода Святослава каганат распался.

Важным геополитическим содержанием данного цикла истории нашей страны стала борьба с печенегами. Итог этого противостояния — поражение печенегов и их частичная интеграция в общество Киевской Руси.

Основными событиями этого периода, определившими изменение геополитического статуса России, явились поход Олега на Константинополь в 907 г., заключение договоров с Византией, походы Игоря и Святослава против Византии, Святослава против Хазарии, разгром печенегов Ярославом Мудрым.

Эти успехи позволяют определить геополитический статус Руси к концу 2–III исторического цикла на уровне 3,7 единицы (*табл. 8.7*), что соответствует мощному региональному государству.

Следующий 80-летний цикл развития Руси отмечен ее распадом, что предопределило ее поражение в борьбе с монголо-татарами и установление ордынского ига. Из сильного регионального государства, сформировавшегося к X–XI вв., Русь превратилась в скопление слабых удельных княжеств. После опустошительных походов монголов под предводительством Батыя (1237–1240) они попали в вассальную зависимость от Орды. Это произошло в начале нового исторического цикла — эпохи Северо-Восточной Руси. Русь была почти полностью разорена: из 74 городов 49 были разрушены, в 14 жизнь больше не возродилась. К концу существования Древнерусского государства обозначилась новая угроза — с Запада, исходившая от шведов, Тевтонского ордена и других завоевателей.

В результате распада Киевской Руси в 1132 г. ее геополитический потенциал упал до минимума в 1,5 единицы (*см. табл. 8.7*), что соответствует уровню малого государства, зависимого от соседей. Это положение было закреплено в результате победы монголов в битве на р. Калке в 1223 г. (первая половина цикла 4–III).

Кратко охарактеризуем три 80-летних интервала данного сверхдлинного цикла. Во-пер-

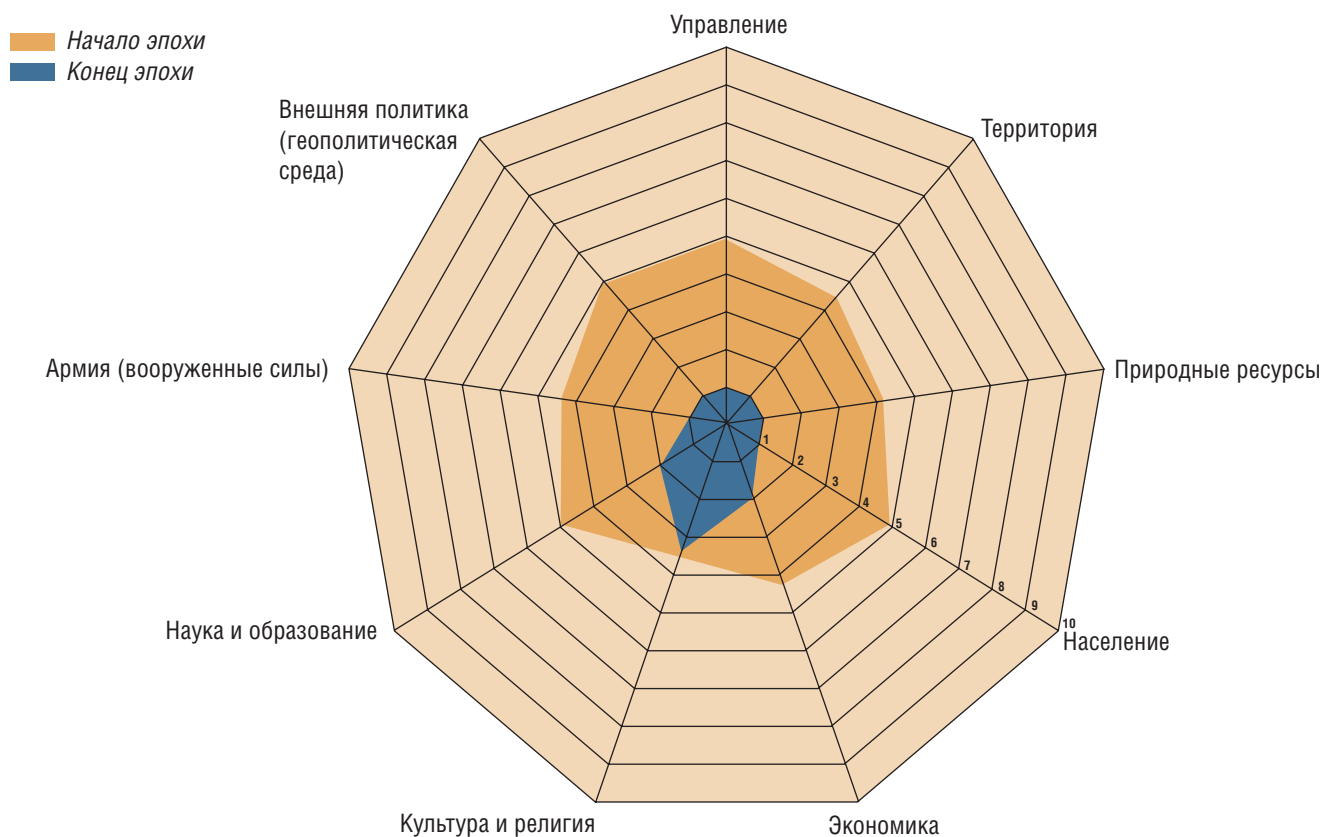

Рисунок 8.7. Стратегическая матрица Русского государства 3–III, 4–III (1036–1190)

вых, наиболее позитивный — период правления Ярослава Мудрого; во-вторых, наиболее разрушительный; в-третьих, финальный для данного большого цикла, закончившийся новым порабощением страны, теперь уже со стороны Золотой Орды.

3–III цикл (в обратном отсчете) охватывает 1035–1113 гг. и с полным правом может быть обозначен как период активного обустройства Русской земли.

В 1035 г. Ярослав Мудрый объединил Древнерусское государство. Важнейшие события и явления этого периода — составление «Русской правды», постепенное распространение грамотности. Начато строительство храма святой Софии в Новгороде (1037). Укреплены южные и западные рубежи страны. Установлены династические связи со многими странами Европы. В середине цикла прошла волна народных восстаний в Киеве, Новгороде, Ростово-Суздальской, Черниговской землях (1068–1072). Обустройству земли Русской был посвящен съезд русских князей в Любече (1097). Необ-

ходимость установления правопорядка вызвала активное законотворчество — в 1113 г. Устав князя Владимира дополнил положения «Русской правды», началось составление Повести временных лет.

Отличительные черты этого периода — активное формирование институциональной основы единого государства, ассимиляция всех этнических частей Русского государства. Сравнительно благоприятны внешние условия.

4–III цикл (1114–1190) отмечен долгосрочным нарастанием энтропии. Особенность данного цикла — практически полная сосредоточенность на внутренних вопросах, нарастание центробежных тенденций, постоянные проблемы с престолонаследием. При Юрии Долгоруком (1125–1157) возрастал авторитет Москвы, от Киева отделился Новгород (1136). В 1185 г. состоялся неудачный поход князя Игоря Новгород-Северского против половцев, описанный в «Слове о полку Игореве». Согласно многофакторной оценке, наибольший ущерб это событие нанесло стране по факторам «Управление», «Территория», «Внешняя политика» (рис. 8.7).

Общее ослабление интегральной мощи в цикле 4–III на фоне консолидации геополитической системы.

Рисунок. 8.8. Динамика образования первых городов на территории Древней Руси

литических соперников страны привело к затяжному кризису в развитии, закончившемуся в течение 5–III исторического цикла (1191–1263) утратой значительного объема суверенитета. Но этому предшествовал процесс обособления княжеств (своеобразный «парад суверенитетов» той поры). Укреплялось Владимиро-Суздальское княжество. Автономно развивалась Новгородская республика. Главным соперником Суздаля, пытавшимся объединить Северо-Восточную Русь под своим господством, выступило в то время Тверское Великое княжество. В 1129 г. обособилось Рязанское Великое княжество. Процесс дробления шел нарастающими темпами (возникли Муромское, Угличское, Кашинское, Ростовское княжества). Киевское княжество с 1130-х гг. попало в зависимость от владими́ро-суздальских, смоленских, черниговских князей. В 1240 г. оно было захвачено монголо-татарами.

Дезинтеграция Древнерусского государства привела к новым тенденциям в этногенезе, под влиянием политического обособления и возникновения коммуникационных барьеров стали формироваться общности русских, украинцев, белорусов. Вместе с тем в этот период было построено множество новых городов (рис. 8.8 и табл. 8.8).

Однако децентрализация страны, а также устремленность местных элит к обустройству лишь своих уделов, небрежение задачами подготовки к отражению общих внешних военно-политических угроз привели к существенному ослаблению совокупного потенциала Русского государства. Фактически оно распалось и лишь по инерции оставалось единой этнической целостностью (своеобразный аналог этой ситуации возник и после распада СССР). Периоды разрушения центрального уровня государственного управления повторялись в дальнейшем неоднократно, однако как социально-природная система Русь продолжала существовать.

Первая битва славянских князей с монголами произошла в 1223 г. на р. Калке и закончилась поражением славян. После битвы на р. Калке почти 12 лет монголы не появлялись в русских землях. Начало нового нашествия на Русь положил Курултай 1235 г., утвердивший новую воен-

Город	Дата основания	Княжество
Волоколамск	1135	Тверское
Звенигород	XII в.	Московское
Клин	1234	Тверское
Коломна	XII в.	Московское
Можайск	1231	Московское
Гороховец	1239	Нижегородское
Ковров	XII в.	Московское
Рязань Старая	XII в.	Рязанское
Городец	XII в.	Нижегородское
Нижний Новгород	1221	Нижегородское
Кострома	XII в.	Московское
Великий Устюг	1207	Ростовское
Железный Устюг	1252	Устюжна
Юрьев Польский	1225	Юрьевец
Бежецк	XII в.	Тверское
Зубцов	1216	Тверское
Кашин	1238	Кашинское
Тверь	XII в.	Тверское
Дорогобуж	XI–XII вв.	Смоленское
Ростиславль	XII в.	Рославль
Мосальск	1231	Мосальское
Таруса	1246	Тарусское

Таблица 8.8. Даты строительства городов

но-экономическую стратегию ордынцев, нацеленную на покорение земель к северу и западу от Каспийского и Черного морей (рис. 8.9).

Ключевыми стратегическими задачами нескольких поколений россиян отныне стали избавление от ордынского ига, а также усиление влияния на русских территориях вкупе с отражением агрессии с Запада.

В этот период Русь как государство представляла собой отдельные территории, управлявшиеся князьями, которые получали свои полномочия из рук ханов Золотой Орды и за это брали на себя обязательство выплачивать дань. Постоянные набеги ордынцев, междоусобные распри ослабляли Русь. К этим бедам в середине XIII в. прибавилась еще одна — на западных границах резко активизировались шведы. Отражать угрозу с Запада выпало на долю новгородского князя Александра.

В устье р. Ижоры, на берегу Невы, 15 июля 1240 г. князь Александр одержал победу над шведским отрядом. Он лично участвовал в битве, как говорит летописец: «самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ» (Фроянов). Считается, что именно за эту победу князя стали называть Невским. Сражение 1240 г. уберегло Русь от потери берегов Финского залива, остановило шведскую агрессию на новгородско-псковские земли (рис. 8.10).

Тем временем Ливонский орден, собрав немецких рыцарей-крестоносцев Прибалтики, датских рыцарей из Ревеля, заручившись поддержкой папской курии и давних соперников новгородцев — псковичей, вторгся в пределы земель Великого Новгорода. Князь Александр начал борьбу с захватчиками — освободил занятое рыцарями Копорье и Водьскую землю, а затем выбил из Пскова немецкий гарнизон. Вдохновленные успехом новгородцы вторглись на территорию Ливонского ордена и разорили поселения эстов, данников крестоносцев. Вышедшие из Риги рыцари уничтожили передовой русский полк, вынудив Александра отвести свои отряды к границе Ливонского ордена, проходившей по Чудскому озеру. Обе стороны стали готовиться к решающему сражению. Оно произошло на льду Чудского озера 5 апреля 1242 г. и вошло в историю как Ледовое побоище. Немецкие рыцари были разгромлены.

Ледовое побоище прославило молодого князя, а Ливонский орден был поставлен перед необходимостью заключить мир, по которому крестоносцы отказывались от притязаний на русские земли, более того — отдавали русским часть Латгалии. Летом того же года князь Александр разбил семь литовских отрядов, нападавших на северозападные русские земли, в 1245 г. отбил город Торопец, захваченный Литвой, уничтожил литовский отряд у озера Жизца и, наконец, разгромил литовское ополчение под Усвятом. Успешные военные действия Александра Невского на долгие годы обеспечили безопасность западных границ Руси.

На Востоке стратегия Александра Невского была более изощренной. Здравый смысл подсказал ему не вести войну на два фронта, а смириться перед гораздо более сильным врагом — монголами. В 1243 г. хан Батый, правитель за-

падной части Золотой Орды, вручил ярлык великого князя владимирского на управление покоренными русскими землями отцу Александра — Ярославу Всеволодовичу. Великий хан монголов Гуюк призвал великого князя в свою столицу Каракорум, где 30 сентября 1246 г. Ярослав неожиданно скончался (по общепринятой версии — он был отравлен). Тогда в Каракорум были вызваны его сыновья — Александр и Андрей. Пока Ярославичи добирались до монгольской ставки, хан Гуюк умер, и новая хозяйка Каракорума ханша Огуль-Гамиш решила назначить великим князем Андрея, Александр же получил в управление опустошенную Южную Русь и Киев.

Лишь в 1249 г. братья смогли вернуться на родину. Александр в свои новые владения не поехал, а перебрался в Новгород, где тяжело заболел. В 1252 г. Огуль-Гамиш была свергнута новым великим ханом Мункэ (Менгке). Воспользовавшись этим обстоятельством и решив устранить от великого княжения Андрея Ярославича, Батый вручил ярлык великого князя Александру Невскому, который был вызван за ним в столицу Золотой Орды Сарай. Но младший брат Александра, Андрей Ярославич, поддержанный братом Ярославом, тверским князем, и Даниилом Романовичем, галицким князем, отказался подчиниться решению Батыя. Для наказания непокорных князей Батый послал монгольский отряд под командованием Неврюя (так называемую Неврюеву рать), от которого Андрей и Ярослав бежали за пределы Северо-Восточной Руси. Позднее, в 1253 г. Ярослав Ярославович был приглашен на княжение во Псков, а в 1255 г. — в Новгород (его жители «выгнаша вон» своего прежнего князя Василия — сына Александра Невского). Но Александр вновь посадил в Новгороде Василия и жестоко наказал дружинников, не сумевших защитить права его сына, — они были ослеплены.

Новый золотоордынский правитель хан Берке в 1255 г. ввел на Руси общую для покоренных земель систему обложения данью. В 1257 г. в Новгород и другие русские города были направлены «численники». Они должны были провести подушную перепись

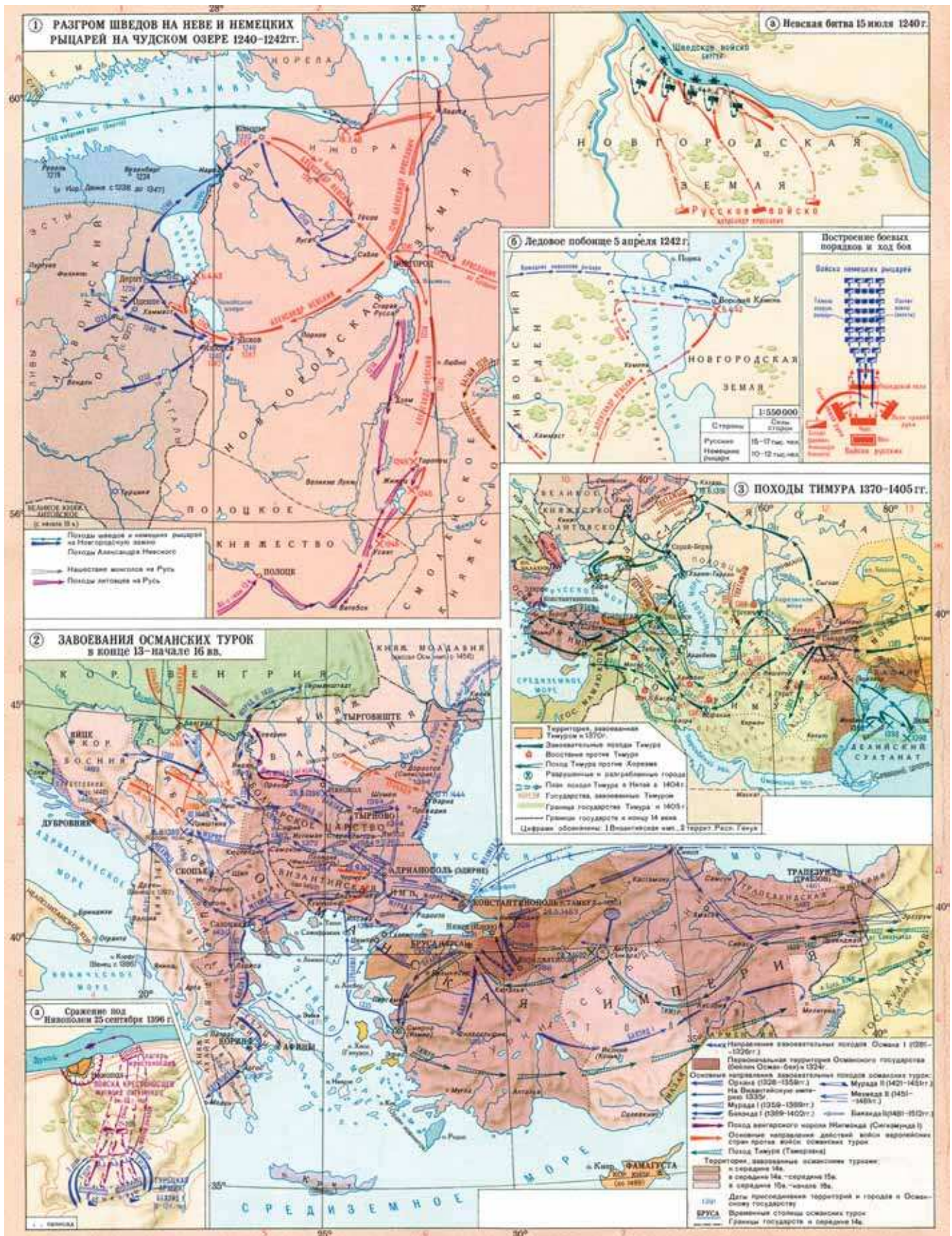

Рисунок 8.10. Разгром шведов на Неве и немецких рыцарей на Чудском озере (1240–1242)

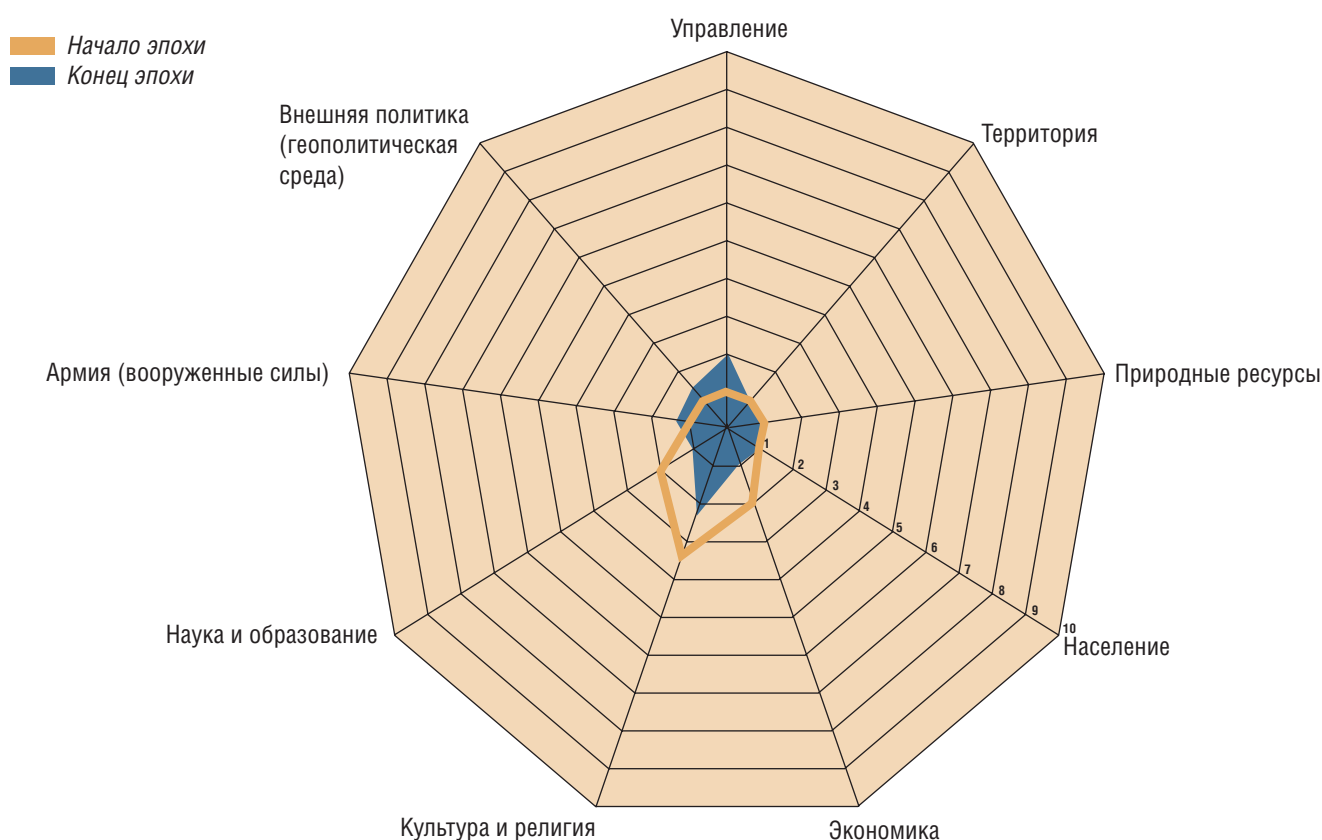

Рисунок 8.11. Историческая эпоха Северо-Восточной Руси 5–III (1190–1270)

населения, чтобы определить сумму дани. Это вызвало возмущение новгородцев, поддержанных князем Василием. В Новгороде началось восстание, продолжавшееся около полутора лет, в течение которых новгородцы не подчинялись монголам. Александр Невский подавил его, казнив наиболее активных участников волнений и заключив под стражу своего непокорного сына. Новгород был сломлен и начал платить дань Орде. Новым новгородским наместником с 1259 г. стал князь Дмитрий Александрович. В 1262 г. вспыхнули волнения в суздальских городах, где были перебиты ханские баскаки и выгнаны татарские купцы. Чтобы умиловать хана Берке, Александр Невский лично отправился с дарами в Орду. Хан удерживал князя подле себя всю зиму и лето, и только осенью Александр получил возможность вернуться во Владимир, но по дороге занемог и 14 ноября 1263 г. скончался в Городце. Тело его было погребено во владимирском монастыре Рождества Богородицы.

С правлением Александра Невского связано незначительное увеличение геополитического потенциала России от 1,1 (в годы похода Батые на Русь) до 1,4 единицы, что было связано и с успехами русичей в борьбе со шведами и Тевтонским орденом. Победы в сражениях и успехи в дипломатии позволили князю Александру Невскому занять лидирующие позиции в среде русских князей и фактически воссоздать институт великокняжеской власти.

Правление Александра Невского имело, несомненно, положительный итог — русские земли сохранили определенную автономию от Орды, наметилась тенденция и к объединению Северо-Востока Руси. В условиях господства Орды Александру Невскому удалось добиться улучшения параметров «Управление», «Внешняя политика», «Армия» (рис. 8.11).

Монголы хорошо представляли ситуацию в Северо-Восточной Руси, знали о княжеских усобицах и о том, что русские не ожидают нападения зимой. В богатых русских городах монголы рассчитывали найти припасы и продовольствие, а замерзшие русла рек ис-

Рисунок 8.12. Территория Московского царства в XVI—XVII вв.

пользовать для стремительных бросков конницы от города к городу. Нападая на Рязань, Москву и другие города, монголы покорили земли славян. Так началось ордынское иго.

Термин «иго» в значении «угнетение» был впервые употреблен в 1275 г. митрополитом Кириллом. По существу Русь столкнулась с новой военно-экономической стратегией подчинившего ее противника. Монголы контролировали ситуацию на Руси с помощью четко организованной системы сбора дани и выдачи ярлыков на княжение. Все территории были покрыты сетью дорог, которые сходились к единому центру — к столице Золотой Орды.

Таким образом, 400-летний цикл, начавшись с раздробленности и экономической зависимости от хазар, прошел период объединения и взлета Русского государства и завершился ус-

становлением нового ига, теперь уже со стороны Орды. Зависимость от более мощного по тем временам центра силы предопределила и направленность основных усилий правящей элиты страны: усмирение народа перед необходимостью выплаты дани как Орде, так и правящей верхушке, придерживавшейся соглашательских позиций; борьба за доступ и близость к ордынским элитам; в длительной перспективе — наращивание сил, в первую очередь — военно-демографических; консолидация нации под покровительством православной церкви.

На рисунках отчетливо виден сильный спад интегральной мощи государства к концу этого 400-летнего цикла (*рис. 8.11*).

Новый 400-летний цикл снова начался в крайне неблагоприятных для страны условиях. Этот факт предопределил стратегические цели на столетия. Важнейшими задачами были, во-первых, освобождение Руси от ордынского ига; во-вторых, развитие связей с Западной Европой

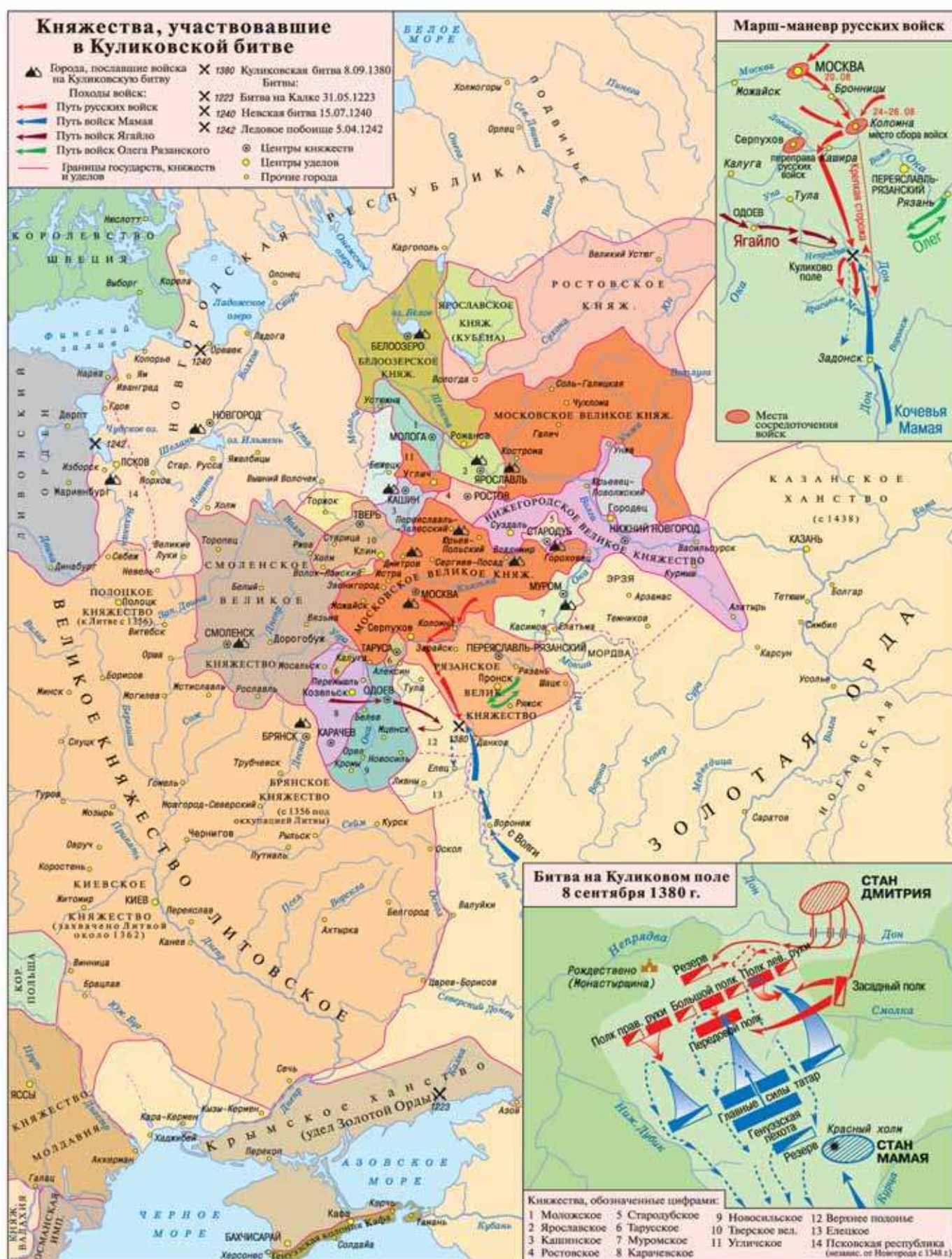

Рисунок 8.13. Княжества, участвовавшие в Куликовской битве

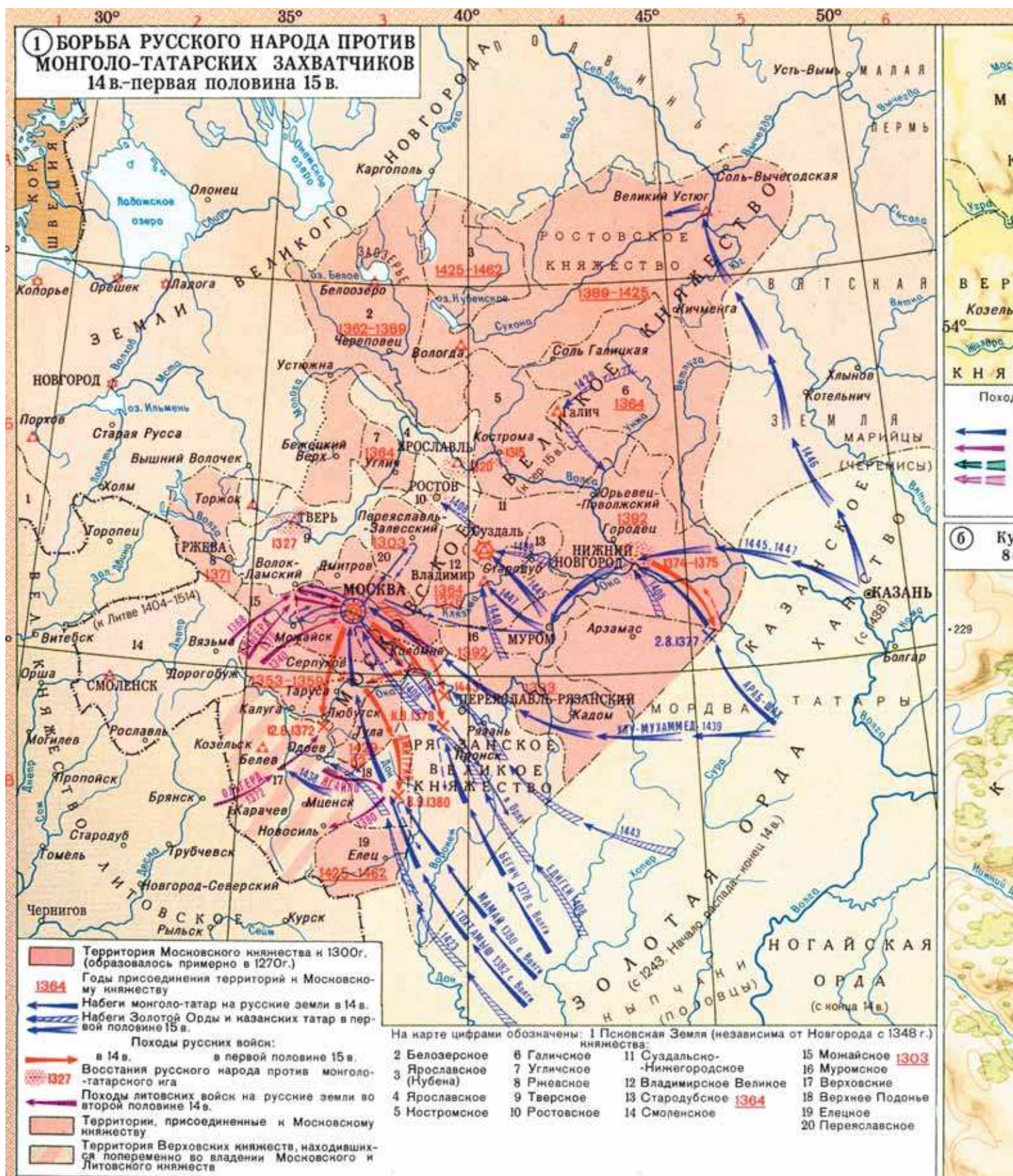

Рисунок 8.14. Борьба русского народа против монголо-татарских захватчиков (XIV — первая половина XV в.)

и усиление обороноспособности на западных рубежах; в-третьих, консолидация земель, создание достаточно сильного государства; в-четвертых, увеличение численности населения, укрепление экономики. Надо сказать, что все эти вызовы нашли свой ответ. Но, потребовав напряжения военных и экономических сил, жесткой централизации, они создали предпосылки нового крупноформатного кризиса на рубеже XVI–XVII вв.

Изучение основных тенденций периода дает следующие результаты.

Стратегические усилия в этот период были направлены на освобождение и окончательную ликвидацию угрозы со стороны Орды, организацию централизованного контроля власти над ресурсами и территориями страны.

Что касается государственного управления, то этот период имеет четкий волнообразный характер — от едва ли не полного распада государственной власти, сохранившейся лишь в отдельных княжествах, до постепенного восстановления сложной иерархии управления, к его централизации при Иване Грозном (в том числе в интересах обороны и внешнеполитической экспансии), а затем — к новому распаду времен Смуты и восстановлению государственности с избранием на царство династии Романовых.

В области территориальной экспансии после объединения княжеств в борьбе с Ордой начался очередной период междоусобиц. Он продолжался до тех пор, пока Василий II не одержал победу в войне с удельными князьями (1425–1453) и не ограничил самостоятельность Новгорода и Пскова.

Восстановление контроля над русскими землями началось уже при сыне Александра Невского — Данииле, князе московском, положившем начало росту территории и влияния Московского княжества.

Семен Гордый (1316–1353), великий князь московский с 1340 г. и владимирский с 1341 г., старший сын князя Ивана I Калиты, успешно воевал с Новгородом и Литвой. Второй сын Ивана Калиты, Иван II Красный (1326–1359), великий князь владимирский и московский с 1353 г., продолжил объединение русских земель.

В правление Ивана III сложилось территориальное ядро единого Российского государства,

Начало эпохи
Конец эпохи

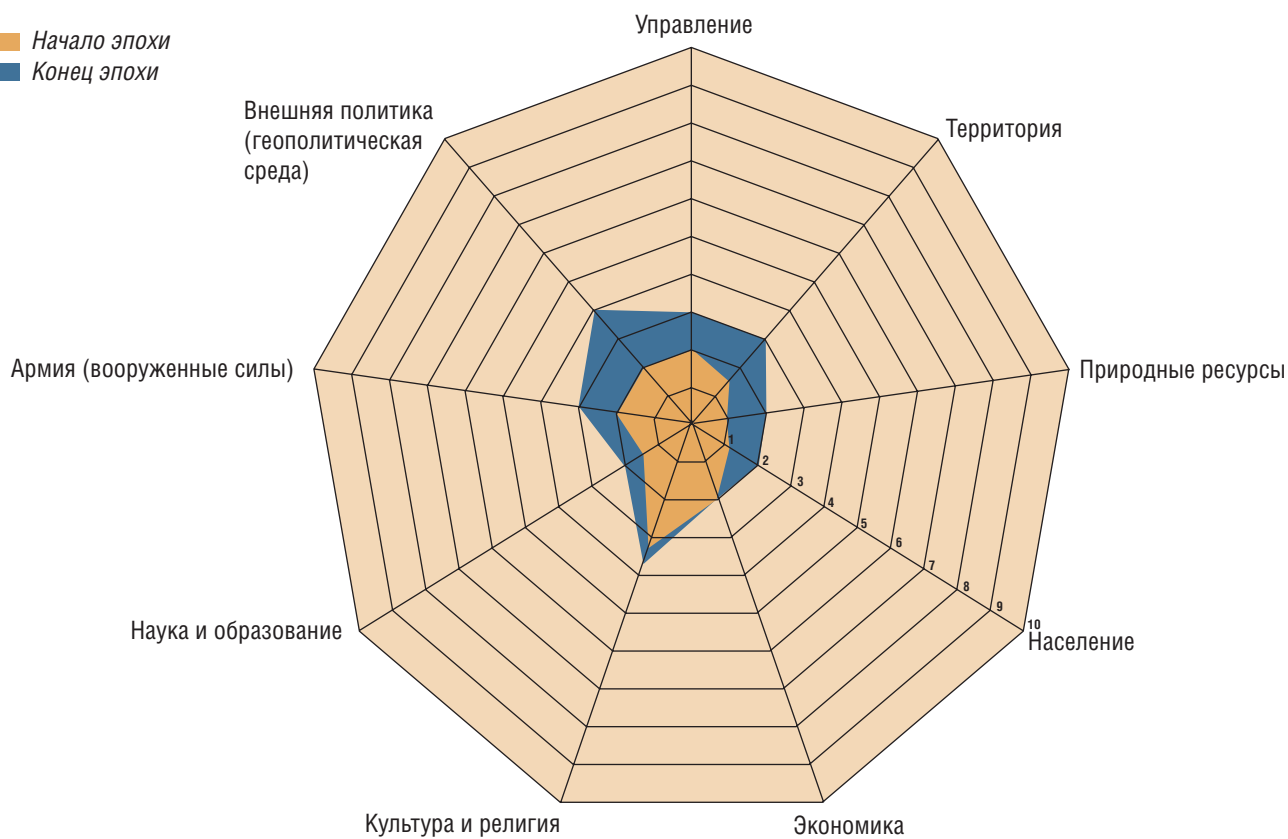

Рисунок 8.15. **Стратегическая матрица Московского княжества 2–III (1350–1430)**

началось формирование центрального государственного аппарата. Иван III присоединил Ярославль (1463), Ростов (1474), Новгород (1478), Тверь (1485), Вятку, Пермь, Псков (1510) и другие города. При нем было окончательно свергнуто монголо-татарское иго («стояние на Угре» 1480 г.), значительно возрос международный авторитет Российского государства, произошло оформление титула «великий князь всея Руси».

Из стратегически важных событий этого периода укажем на установление в 1442 г. независимости (автокефалии) русской митрополии от Византии, а также путешествие Афанасия Никитина в Индию в 1469–1472 гг.

Процесс объединения русских земель под властью Москвы продолжился и в дальнейшем. С включением в состав Московского царства Смоленска (1514) и Рязани (1521) завершилось объединение Руси вокруг Москвы.

При Иване IV Грозном были покорены Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства.

В 1558–1583 гг. шла Ливонская война за выход к Балтийскому морю. В 1581 г. началось освоение Сибири и Дальнего Востока (см. рис. 8.12).

Чтобы создать военно-сторожевую службу по самой протяженной в мире границе, России потребовались столетия. В XVI в. возникли донское казачество и Запорожская Сечь. Казаки несли охрану южных границ. Одновременно строились линии укрепления, засеки. Система казачьей защиты границ и засечных линий все время совершенствовалась.

Экономика страны во время монголо-татарского ига была практически полностью разрушена. Потеряв экономическую и во многом политическую независимость, Россия вновь сосредоточилась на процессах внутреннего развития. Такая позиция, между прочим, поддерживалась и ордынскими властями, которые провели первую перепись населения и объективно были заинтересованы в увеличении размера дани, взимаемой с покоренных земель.

Отношения Руси с Ордой описал великий путешественник Марко Поло. Через каждые 25 миль ордынцы повелевали устраивать станцию-ям, где должны держать почтовых лоша-

дей. На некоторых станциях содержали до 400 лошадей. Великий хан содержал для нужд своих посланников-численников 400 тыс. лошадей. При таком способе передвижения в день можно проехать до 350 миль. Чтобы никто не уклонялся от уплаты дани, проводились переписи населения, данью облагались все ремесленники, а также пруды и озера, в которых ловили рыбу, железные рудники. Историки насчитали 14 видов дани и повинностей. Тех, кто не мог заплатить дань, подвергали пыткам, забирали детей.

Внешняя политика и геополитический статус страны. В XIV в. началось объединение русских земель в единое государство. Уже в 60-х — начале 70-х гг. Москва стала подчинять себе другие княжества. Главным противником Москвы в это время было Великое княжество Литовское, в состав которого входили западнорусские земли.

Конец XIV в. ознаменовался заметными успехами Руси в борьбе против монголо-татарских захватчиков. Битва на Куликовом поле в 1380 г. стала отправной точкой освобождения Руси

от ордынского владычества (рис. 8.13 и 8.14). Во второй половине XV в. ордынское иго было окончательно свергнуто.

Московское княжество существенно укрепились в военном отношении и сплотило вокруг себя русские земли. Здесь вновь отметим любопытное совпадение середины 400-летнего большого исторического цикла развития России и начала процесса объединения русских земель вокруг Московского княжества. В этот период Русь собиралась из «осколков» Киевской Руси в достаточно мощный региональный центр, способный бросить вызов военной мощи Орды и обеспечить безопасность своих границ на Западе (рис. 8.15). В результате этого ее геополитический потенциал повысился до 4,8 единицы.

Основным итогом периода, охватывающего вторую половину XIV, XV и первую половину XVI вв., стало завершение объединения русских земель в единое Русское государство. Падение ордынского ига в 1480 г. было подготовлено длительными процессами укрепления Московского княжества и ослабления Орды.

Заключение
**УРОКИ И НАСЛЕДИЕ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Какие уроки можно извлечь из изложенного выше тысячелетнего пути становления, развития и кризиса восточнославянской цивилизации?

Урок первый. Исторический путь восточнославянской цивилизации пролегал в русле мирового цивилизационного процесса, свойственного локальным цивилизациям третьего поколения, четвертой мировой цивилизации — средневековой, начальному этапу второго исторического суперцикла. Это относится не только к хронологическим рамкам этой цивилизации — с VI по XV в., но и к ее характерным чертам: растущей роли городов как центров формирования ядер цивилизационного прогресса; усилению рыночных отношений, разнообразного торгового обмена как основы экономического единства цивилизаций при сохранении роли натурально-патриархального уклада в преобладавшей по численности населения деревне — периферии цивилизации; становлению и усилению государства как важнейшей «скрепы» цивилизационного единства; ведущей роли религии не только в духовной жизни, но и в политических и экономических отношениях. Следовательно, восточнославянская цивилизация не была уникальной, исключительной; в ее динамике и судьбе проявлялись общие закономерности и тенденции цивилизационного прогресса на данном этапе исторического пути человечества, глобальной цивилизации.

Урок второй. В то же время для восточнославянской цивилизации были присущи некоторые особенности, отличавшие ее от других локальных цивилизаций третьего поколения. В отличие от перенаселенных западноевропейской, византийской, индийской, китайской цивилизаций она расположилась на обширной территории с низкой плотностью населения, обширными лесными массивами с обилием пушного зверя, в более суровых климатических условиях, что ограничивало возможности контактов и в то же время давало простор для колонизации и освоения новых земель. Ареал цивилизации со временем расширился, и в периоды расцвета она стала самой крупной цивилизацией третьего поколения. Восточные славяне избежали периода преобладания рабовладельческого строя, а феодальные отношения не были первоначально столь жесткими, как

в западной и восточных цивилизациях. Славянам в большей мере было присуще чувство свободы, самостоятельности в борьбе с силами природы и в столкновениях с соседними государствами и цивилизациями. Да и православие, игравшее значительную роль в становлении и жизнедеятельности Древнерусского государства, было терпимым и менее жестким, чем византийская и католическая церкви. Здесь не было ничего подобного византийскому иконоборству или католической инквизиции с преследованиями и уничтожением инаковерцев.

Урок третий. Восточнославянская цивилизация носила относительно открытый и смешанный характер, она возникла и развивалась на магистралях диалога цивилизаций, на перекрестках торгового обмена между цивилизациями Запада, Востока и Юга. Она восприняла много от соседних цивилизаций, переваривая, синтезируя и обогащая заимствованное в собственном цивилизационном котле. Да и сама цивилизация носила полицентристский характер. В ней причудливо соединились, дополняя друг друга, демократический вечевой строй Новгородской республики, монархический строй Киевской Руси, влияние соседних хазарских и половецких контактов, воздействие недолговечной монгольской цивилизации, длительное время сохранявшийся родоплеменной строй и дохристианские верования племен Русского Севера, воздействие славянских и финно-угорских корней восточнославянской цивилизации. Многогранность и многомерность этой цивилизации обусловили богатство ее духовного мира и разнообразие социально-политического устройства, жизнестойкость при столкновениях с другими цивилизациями и государствами.

Урок четвертый. Жизненный цикл тысячелетней восточнославянской цивилизации включал неоднократные периоды падений и цивилизационных катастроф, когда, казалось, жизненный цикл прекращался, взлетов и возрождений, периодов преобладания центробежных или центростремительных сил. Причем в периоды расцвета преобладали центростремительные силы, усиливалось политическое, экономическое, духовное единство цивилизации, она входила в число мировых лидеров. Напротив, усиление центробежных тенденций,

раздробленности и противоборства составных частей цивилизации ослабляли ее, делали легкой добычей для агрессивных соседей.

Урок пятый. Завершение жизненного цикла восточнославянской цивилизации не связано с ее разгромом и разделом между агрессивными соседними цивилизациями, как это случилось с монгольской и византийской цивилизациями. Она трансформировалась в более мощную и обширную евразийскую цивилизацию четвертого поколения. Хотя эта трансформация происходила болезненно и сопровождалась цивилизационной катастрофой начала XVII в., евразийская цивилизация возродилась и утвердилась в качестве одного из лидеров раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций, пережив на этом пути две катастрофы — в начале и в конце XX в., причем последняя завершила ее жизненный цикл и стала исходным пунктом очередной трансформации — в евразийскую цивилизацию пятого поколения нового формата.

Наследие восточнославянской цивилизации не было утрачено или отброшено на историческую свалку. Оно было воспринято и развито евразийской цивилизацией, а ныне полезно для выхода из цивилизационного кризиса. В чем состоит это наследие?

Во-первых, приоритет духовности как важнейшей цивилизационной «скрепы». Богатейшая культура, гуманистическая в своей основе коллективистская этика, религиозные и цивилизационные ценности сохранились и обогатились на последующих этапах и дополнились в XIX и XX вв. широтой и глубиной научного поиска. Это не только служило духовной основой евразийской цивилизации, но и явилось ценнейшим вкладом российской культуры и науки в развитие мировой цивилизации. Предпринимавшиеся в XX в. попытки навязать России восточные или западные системы цивилизационных ценностей не увенчались успехом, принесли немало потерь.

Во-вторых, свойственная российской цивилизации открытость и восприимчивость в отношениях с другими цивилизациями, общность и тесные политические и экономические связи с иными цивилизациями (при сохранении собственных ценностей и соблюдении национальных интересов) были восприняты евразийской цивилизацией и сыграли выдающуюся роль в ее жизненном цик-

ле. В раннеиндустриальную и индустриальную эпохи Российская империя, а затем Советский Союз были единственной силой (не считая японской цивилизации, которая находилась на периферии и длительное время была замкнута в себе), которая противостояла планетарной агрессии западноевропейской цивилизации и растущей активности мусульманской цивилизации (Османской империи) и способствовала сохранению и обогащению цивилизационного разнообразия. В то же время, будучи по своему географическому положению мостом между Западом, Востоком и Югом, восточнославянская, а затем евразийская цивилизация внесли ощутимый вклад в развитие диалога цивилизаций и их взаимное обогащение.

В-третьих, восточнославянская цивилизация накопила немалый опыт, который весьма ценен и может усваиваться и развиваться в XXI в. при становлении пятого поколения цивилизаций. Это сочетание рыночных начал со значительной ролью государственного регулирования. Это демократический строй Новгородской республики, соединявшей народовластие и сравнительную самостоятельность территориальных образований с централизованной княжеской властью при наличии дополнения властей. Это взаимодополнение личных свобод с коллективным духом и нравственной ответственностью.

В-четвертых, сохранившееся великое множество памятников древнерусского зодчества, культуры и искусства в центрах Киевской Руси, Новгородской республики, Владимиро-Суздальской Руси и других российских княжеств служит основой не только для развития культурно-исторического и цивилизационного туризма, но и для эстетического воспитания современного и будущих поколений, для сохранения преемственности цивилизационных ценностей и возрождения высокой культуры.

Таким образом, погружение в историю восточнославянской цивилизации не только помогает полнее и глубже раскрыть яркую страницу всемирной истории цивилизаций, но и представляет одну из фундаментальных основ становления гуманистически-ноосферной постиндустриальной цивилизации, интегрального социокультурного строя, многополярного мироустройства, которые зиждятся на диалоге и партнерстве цивилизаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Закономерности динамики локальных цивилизаций

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. М.: ИНЭС, 2006.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций. М.: ИНЭС, 2008.

Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев — М., 2004.

Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

Харенберг Б. Хроника человечества. М.: Большая энциклопедия, 1991.

Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. М.: Экономика, 2004.

Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. Civilizations: Theory, History, Dialog and Future. Vol. 1, 2. М.: INES, 2006.

1.2. Восточнославянская цивилизация: предыстория, этапы и особенности становления

Булатов В.Н. Русский Север. М., 2006.

Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь — М.: ЛЕАН — Аграф, 2004.

Глобализация и судьба цивилизации. М.: МИСК, 2003.

Греков Б.А. Киевская Русь. М.: АСТ, 2004.

Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V–XIII вв. М.: Вече, 2005.

Гуляев В.И. Скифы. Расцвет и падение великого царства. СПб.: Алетейя, 2005.

Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. М.: Сварог, 1998.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на политическое и культурное сближение славянского мира и грекороманского. М.: Книга, 1991.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. М.: Самотека, 2007.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. М.: ИНЭС, 2006.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций. М.: ИНЭС, 2008.

Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев — М., 2004.

Павленко Ю.В. История мировой цивилизации. Философский анализ. Киев, 1996.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и Русское княжество. XII–XIII вв. М.: Наука, 1993.

Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. Историкоархеологическое исследование. М.: Знак, 2005.

Стрингольм А. Походы викингов. М.: АСТ, 2002.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1988.

Фроянов И.Я. Мятельный Новгород. СПб.: СПбГУ, 1992.

Экономцев И.Н. Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992.

Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. М.: Экономика, 2004.

Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. Civilizations: Theory, History, Dialog and Future. Vol. 1, 2. М.: INES, 2006.

1.3. Взаимодействие восточных славян с другими цивилизациями третьего поколения

Булатов В.Н. Русский Север. М., 2006.

Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь — М.: ЛЕАН — Аграф, 2004.

Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V–XIII вв. М.: Вече, 2005.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. М.: Самотека, 2007.

Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев — М., 2004.

Павленко Ю.В. История мировой цивилизации. Философский анализ. Киев, 1996.

Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. Историкоархеологическое исследование. М.: Знак, 2005.

Стринггольм А. Походы викингов. М.: АСТ, 2002.

Экономцев И.Н. Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992.

2.1. Племена скифской эпохи в Восточноевропейской Лесостепи

Абаев В.И. Геродотовские Skythai Geprgoi // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 75–76.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992.

Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.

Артамонов М.И. Этногеография Скифии // Ученые записки Ленинградского университета. Вып. 13. 1949. С. 120–171.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. Харьков, 1998. С. 143–182.

Березанская С.С. Об этнической принадлежности чернолесской культуры // Труды международной конференции археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 4. С. 12–18.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). Киев — Краков, 2001.

Бокий Н.М., 1980. Позднескифский бескурганный могильник у г. Светловодска // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. ТД XVIII конференции ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980. С. 101.

Бокий Н.М. Грунтовый могильник у с. Заломы // Киммерийцы и скифы. ТД Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Часть 1. Кировоград, 1987. С. 22–24.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. К проблеме ранней истории Скифии // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 41–51.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.М. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310–371.

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка, 1989.

Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в Лисостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Прип'їлля). Полтава, 2000.

Граков Б.Н. Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.

Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 145–152.

Давня історія України. Т. 2. Київ, 1998.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории Геродота». М.: Наука, 1982.

Иевлев М.М. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифосарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989. С. 54–55.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968.

Іллінська В.А. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи // Археологія. 1970. № 23. С. 23–39.

Ильинская В.А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977. С. 73–95.

Іллінська В.А., Тереножкін О.І. Скiфський період // Археологія Української РСР. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1971. С. 90–126.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1983.

Ковпаненко Г.Т. Трахтемирівське городище на Канівщині // Матеріали XIII конференції ІА АН УРСР. 1972. С. 187–189.

Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка, 1981.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989.

Копылов В.П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 157–166.

Кубишев А.И., Скиба Л.Е., Скорый С.А. Похоронения скифского часу Пироговского могильника // Археология. 1995. № 1. С. 100–111.

Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985.

Либеров П.Д. К вопросу о скифах-пахарях // ВДИ. 1951. № 4. С. 178–185.

Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. 1969. № 151. С. 5–26.

Либеров П.Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // ПСА. М.: Наука, 1971. С. 103–115.

Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наукова думка, 1972.

Мачинский Д.С. О времени первого активного выступления сарматов в Северном Причерноморье античной эпохи // АСГЭ. Вып. 13. 1971. С. 30–54.

Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999.

Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.

Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.

Мелюкова А.И. Новое в изучении актуальных проблем скифологии // КСИА АН СССР. Вып. 204. 1991. С. 3–10.

Мозолевський Б.М. Проблеми етнічної географії Скіфії // Археологія. 1996. № 4. С. 51–66.

Мозолевський Б.М. Етнічна географія Скіфії. Київ, 2005.

Моруженко А.А. Раскопки городища Полковая Никитовка // АО 1972. М., 1973. С. 316.

Моруженко А.А. История населения Лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время (VII–III вв. до н.э.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1989.

Моруженко А.А. Историкокультурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 4. С. 25–40.

Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова думка, 1990.

Нейхард А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982.

Петренко В.Г. Могильник скифского времени у с. Грищенцы // МИА. 1962. № 113. С. 142–151.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука, 1992.

Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 59. С. 24–34.

Полин С.В. Население северопричерноморских степей в III–II вв. до н.э. Этнополитический аспект. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1989.

Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.

Радзиевская В.Е. Основные итоги раскопок Коломакского городища // История и археология Слободской Украины. Харьков, 1992. С. 177–179.

Рубан В.В. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–II вв. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 24–46.

Рубан В.В. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1989.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.

Рыбалова В.Д. К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе Правобережной Украины // Доклады VI Научной конференции Института археологии. Киев, 1953. С. 209–228.

Скиба Л.Е. Пироговський могильник зарубинецької культури. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 1994.

Скиба Л.Є. Пирогівський могильник зарубинецької культури. Київ, 2001.

Скорий С.А. К этнокультурной истории украинской Правобережной Лесостепи // Киммерийцы и скифы. ТД Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Часть 2. Кировоград, 1987. С. 70–72.

Скорий С.А. Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепоного Правобережжя). Київ: Наукова думка, 1990.

Скорий С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев, 1997.

Скорий С.А. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана // MSROA. Т. XIX. 1998. С. 119–136.

Скорый С.А. Скифы в Днепропской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.

Скорый С.А., Солтыс О.Б., Белан Ю.А. Большой курган эпохи скифской архаики на Киевщине // РА. 2001. № 4. С. 124–137.

Скорый С., Хохоровски Я. Металлические средства защиты боевого коня (по материалам элитного кургана Скифская Могила) // II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.», посвященная памяти Б.Н. Гракова. Азов — Ростов-на-Дону, 2004. С. 50–53.

Смирнов А.П. Скифы. М.: Наука, 1966.

Смирнова Г.И. Немировское городище — общая характеристика памятника VIII–VI вв. до н.э. // Археологія. 1996. № 4. С. 67–84.

Стрижак О.С. Етніонія Геродотової Скіфії. Київ: Наукова думка, 1988.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.

Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М. — Л., 1948.

Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М.: Наука, 1968.

Фабріціус І.В. До питання про топографізацію племен Скіфії // Археологія. Т. 5. 1951. С. 50–80.

Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. Киев, 1994.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Шрамко Б.А. Исследования памятников скифского времени в бассейнах р. Ворсклы, Сулы и Северского Донца // АО. 1967. М.: Наука, 1968. С. 337.

Шрамко Б.А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и геллонобудинская проблема // СА. 1975. № 1. С. 65–85.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987.

Шрамко Б.А. Была ли Лесостепь завоевана скифами // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава, 1990. С. 124–126.

Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. Харьков, 1998.

Щеглов А.Н. О грековарварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в античную эпоху. Тбилиси, 1985. С. 185–198.

Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика и культура. М., 1990. С. 249–310.

Vasiliev V. Sciții agatârși pe teritoriul României. Cluj-Napoca: Dacia, 1980.

2.2. Поселения 1-го тыс. до н.э. в Лесостепном Подонье

Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д. Городище скифского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.

Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М., 2001.

Гуляев В.И. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. М., 2004.

Краснов Ю.А. Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа // КСИА. 1971.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31.

Либеров П.Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // МИА. 1971. № 177.

Медведев А.П. Поселение раннего железного века Студеновка-3 // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993.

Медведев А.П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени // РА. 1998. № 2.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М., 1999.

Мионов В.Г. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Елец и его округа — уникальная историческая территория России (археологические памятники эпохи железа) // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк, 1996.

Пузикова А.И. Культура оседлых племен Правобережья Среднего Дона в скифское время. Дис. ... канд. ист. наук. // Архив ИА РАН. Р-2. М., 1971. № 2087.

Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151.

Разуваев Ю.Д. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998.

Разуваев Ю.Д. Городище скифского времени у с. Губарево на Верхнем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

Разуваев Ю.Д. Отчет о раскопках городища у д. Дубики в Тульской области в 2004 г. // Архив ИА РАН. 2004

Решетов А.М. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы. Этнографические очерки. Л., 1980.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. Вып. Д114. 1965.

Трубникова Н.В. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами // КСИИМК. Вып. XXXIV. 1950.

Шрамко Б.А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе // СА. 1961. № 1.

2.3. Бельское городище

Бойко Ю.Н. Храм города Гелона // СЭ. № 3. 1990.

Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. 1972.

Городицов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Тр. XIV АС. М., 1911.

Граков Б.Н. Скифы. М.: Издво МГУ, 1971.

Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004.

Дандамаева М.М. Представление об этногенезе в античности // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2000.

Дараган М.М. До питання про функціональносеміотичну інтерпретацію ранньоскіфських зольників Дніпровського Лісостепу // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава: ЦОДПА, 1996.

Задников С.А. Культурный комплекс раннескифского времени на Бельском городище // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк: Східний видавничий дім, 2000.

Задников С.А. Комплекс античных амфор из раскопок Западного укрепления Бельского городища // Древности. Харьков: АО «Бизнес Информ», 2005.

Кушнір Л.Л., Кушнір Л.М. Про географічне положення Більського городища // Полтавський археологічний збірник. Полтава: Археологія, 1999.

Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л., 1988.

Марченко К.К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII–I вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991.

Махортых С., Ролле Р. Некоторые итоги исследований Бельского городища и его округи Украинско-Немецкой экспедицией // АЛЛУ. Полтава: Археологія, 2006. № 1.

Медведев А.П. Проблемы этнической принадлежности населения Среднего Дона в скифское время // Исторические записки. Вып. № 3. Воронеж, 1998.

Медведев А.П. Будины и гелоны на Среднем Дону // Исторические записки. Вып. № 4. Воронеж, 1999.

Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.

Моруженко А.А. Историкокультурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 4.

Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донецкого междуречья VII–III вв. до н.э. // СА. 1985. № 1.

Мурзин В.Ю., Ролле Р.А., Хериц В., Скорый С.А., Махортых С.В., Белозер В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 г. Киев, 2001.

Никулицэ И.Т. Северные фракийцы в VI–I вв. до н.э. Кишинев, 1987.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. Д1-27. 1966.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. Д1-27. 1970.

Отрощенко В.В., Моця О.П. Обряд кремации у старовинного населения территории Украины // Археологія. № 2. 1989.

Покровская Е.Ф. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин // КСИА. Вып. 12. Киев, 1962.

Радзиевская В.Е. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище // СА. 1980. № 4.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.

Сидоренко Г.О., Махно Є.В., Телегін Д.Я. Довідник з археології України. Полтавська область. К.: Наукова думка, 1982.

Смирнова Г.И. Некоторые вопросы раннескифского периода на Среднем Днестре // AR. XIX, 2. Прага, 1967.

Чичикова М. Жертвенники эллинистической эпохи во Фракии // Studia Thracia. T. I. Софія, 1975.

Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.

Шрамко Б.А. Жилище VI в. до н.э. на Бельском городище // Вестник Харьковского университета. Харьков, 1985. № 268.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987.

Шрамко Б.А. К вопросу о бронзолитейном производстве в Скифии // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: Институт археологии РАН, 1999.

Шрамко Б.А. Новая литейная формочка с Бельского городища: к истории вооружения у племен Скифии // РА. 2002. № 1.

Шрамко Б.А. К вопросу о так называемых полуземляночных жилищах // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. Київ, 2003.

Шрамко Б.А. Особенности развития техники обработки земли в Восточной Европе в раннем железном веке // Древности. Харьков: АО «Бизнес Информ», 2005.

Шрамко Б.А. Деякі підсумки досліджень Більського городища // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ, 2006.

Шрамко И.Б. Кузница Бельского городища // Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке. Белгород, 1990.

Шрамко И.Б. Развитие кузнечного ремесла у племен бассейнов Ворсклы и Псла в скифскую эпоху // Древности. Харьков: АО «Бизнес Информ», 1994.

Шрамко И.Б. Новые исследования Западного укрепления Бельского городища // Древности. Харьков: АО «Бизнес Информ», 1994а.

Шрамко І.Б. Ранній період в історії геродотівського Гелону // Більське городище та його округ (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ: Шлях, 2006.

Rolle R., Murzin V.J., Šramko B.A. Das Burgwallsystem von Bel'sk (Ukraine) // Hamburger beiträge zur archäologie. № 18, 1991. 1996. S. 57–84.

2.4. Мотронинское городище

Бессонова С.С. Глиняні жертівники Лісостепоного Подніпров'я ранньоскіфського часу // Археологія. 1996. № 4.

Бессонова С.С. Центральный зольник Мотронинского городища // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Некоторые аспекты хозяйственной деятельности обитателей Мотронинского городища // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). Киев — Краков, 2001.

Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2. СПб., 1894.

Бобринский А.А. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году // ИАК. Вып. 60. 1916.

Бойко Ю.Н. Социология восточноевропейского города (по материалам Бельского городища и Ворсклинской региональной системы) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1994.

Дараган М.М. Жаботинський етап раннього залізного віку Дніпровського Правобережного Лісостепу (по матеріалам Жаботинського поселення). Автореф. дис. ... канд іст. наук. Київ, 2006.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наукова думка, 1977. Киевская старина, 1899. Т. 66 (июль).

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка, 1989.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешико В.М. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка. 1989.

Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.

Мурзін В.Ю., Ролле Р. Скіфські міста у Лісостепу (до постановки питання) // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.

Недопако Д.П. Технологические исследования железных изделий, найденных на Мотронинском городище // Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи. Киев — Краков, 2001.

Павленко Ю.В. Передісторія давніх русів у світовому контексті. Київ, 1994.

Паишевич Г.А. Палеоботанические исследования материалов Мотронинского городища // Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи. Киев — Краков, 2001.

Покровская Е.Ф. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин // КСИА АН УССР. Вып. 12. 1962.

Покровская Е.Ф. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. 1973. № 4.

Русяева А.С. Проникновение эллинов на территорию украинской Лесостепи в архаическое время (к постановке проблемы) // ВДИ. 1999. № 4.

Секерская Е.П. Предварительные итоги изучения археозоологических материалов Мотронинского городища // Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи. Киев — Краков, 2001.

Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Киев — Полтава, 1999.

Скорый С.А. Скифская усадьба в Причерноморской Лесостепи // Stratum plus. 2001–2002. № 3.

Скорый С., Хохоровски Я. Мотронинский проект украинских и польских археологов // Від Кіммерії до Сарматії. Київ, 2004.

Скорый С., Хохоровски Я. Курган Скифская Могила в Днепровской Правобережной Лесостепи (некоторые предварительные итоги исследования) // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XI. 2004а.

Скорий С.А., Безсонова С.С. Кургани скіфської доби біля Мотронинського городища // Археологічні дослідження на Черкащині. Черкаси, 1995.

Смирнова Г.И. Новые данные о поселении Долиняны (по материалам раскопок 1977–1978 гг.) // АСГЭ. Вып. 22. 1981.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.

Ушета І.І. Стежками Холодного Яру. Київ, 1988.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. Вып. 2. Киев, 1899.

Хвойка В.В. Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда. М., 1905.

Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культуры в доисторическое время (по раскопкам). Киев, 1913.

Хохоровски Я., Скорый С. Оборонительная система Мотронинского городища // Археологічний літопис Лівобережної України. 2006. № 1.

Шрамко Б.А. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.

Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. Харьков, 1998.

Яковенко Е.В. Нове про розкопки В.В. Хвойки біля с. Пастирського // Археологія. Т. XX. 1968.

2.5. Этническое содержание черняховской культуры

Абашина Н.С., Обломский А.М., Тертиловский Р.В. К вопросу о протославянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 1999. № 3. С. 78–98.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999.

Артамонов М.И. Славяне и Русь // ТД. Научная сессия Ленинградского гос. университета 1955–1956 гг. Л., 1956. С. 3–6.

Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). Київ: Наукова думка, 1981.

Баран В.Д. Давні слов'яни. Т. 3. Україна крізь віки. Київ: ВД Альтенативи, 1998.

Бірбрауер Ф. Готи в I–VII ст.: територія розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 32–51.

Бобровська О.В. Намисто та підвіски у вбранні населення черняхівської культури. Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.04. ІА НАН України. Київ, 2000.

Брайчевський М.Ю. Біля джерел слов'янської державності. Київ: Наукова думка, 1964.

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975.

Винокур І.С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межириччя II–V ст. н.е. Київ: Наукова думка, 1972.

Винокур І.С. Черняхівська культура: витоки і доля. Кам'янець-Подільський: Абетка; Оіюм, 2000.

Вознесенская Г.А. Техника обработки железа и стали // МИА. 1972. № 187. С. 8–49.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб.: Ювента, 2003.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» на территории Восточной Европы и Кавказа. М., 1997.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов: В 4 т. Т. 4. Киев: Наукова думка, 1988. С. 34–46.

Гудкова А.В. Каменное домостроительство на черняховских поселениях Причерноморья // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н.э. Киев: Наукова думка, 1987. С. 6–15.

Гудкова А.В. Особенности этнокультурного процесса в черняховском обществе // Тези доп. української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.). Київ, 1996. С. 20–23.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетея, 1997.

Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ: Наукова думка, 1992.

Козак Д.Н. До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н.е. // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 31–36.

Козак Д.Н., Тертиловський Р.В. Про культурноісторичний процес на території України в першій чверті I тис. н.е. // Археологія. 1986. № 56. С. 32–46.

Кондукторова Т.С. Антропологические материалы черняховской культуры Украины // Могильники черняховской культуры. Москва: Наука, 1979. С. 163–204.

Кухаренко Ю.В. О славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях // СА. 1954. № 19. С. 111–120.

Левада М., Дудек А. Пшеворское влияние на керамический комплекс черняховской культуры (по материалам Южной Польши, Верхнего Днестра и Западного Буга) // Kultura przeworska. Tom IV. Lublin, 1997. С. 147–158.

Любичев М.В. Черняховская культура Днепро-Донецкой Лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. Харьков, 2000.

Любичев М.В. Появление черняховской культуры восточнее Днестра в связи с событиями на Дунае 20–30-х гг. IV в. К постановке проблемы // Археологічний літопис Лівобережної України. 2005. С. 42–49.

Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987.

Магомедов Б.В. Гепіди. Історичні відомості та археологічні реалії // Археологія. 2001. № 2. С. 70–76.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Wyd. UMCS, 2001a.

Магомедов Б.В. Монети як джерело до історії племен черняхівської культури // Археологія. 2006. № 4.

Махно Е.В. Памятники черняховской культуры на территории УССР // МИА. 1960. № 82. С. 9–83.

Некрасова А.Н. О хронологических различиях черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье // VI Международный конгресс славянской археологии. ТД сов. делегации. М., 1990. С. 62–64.

Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.: Наука, 1985.

Обломский А.М. Поселение Журавка Олышанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1998. № 13. С. 59–87.

Пелецишин М.А. Поселення III–IV ст. у Розточчі // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. Київ — Львів: РАС, 1999. С. 204–216.

Петраускас О.В., Шишкін Р.Г. Про черняхівські пам'ятки «змішаного типу» на Правобережжі Київського Подніпров'я // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. Київ — Львів: РАС, 1999. С. 217–229.

Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев: Лыбедь, 1990.

Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев: Штиинца, 1986.

Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975.

Рудич Т.О. Населення черняхівської культури України за матеріалами антропології. Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.09 / ІА НАН України. Київ, 2005.

Русанова И.П. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. М., 1990. С. 119–135.

Седов В.В. Славяне в древности. М.: Наука, 1994.

Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.). Київ: Наукова думка, 1975.

Смішко М.Ю., Свєшніков І.К. Могильник III–IV ст. н.е. у с. Дитиничі Ровенської області // МДАПВ. 1961. Вип. 3. С. 89–114.

Сымонович Э.А. Орнаментация черняховской керамики // МИА. 1964. № 116. С. 270–361.

Сымонович Э.А. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // МИА. 1967. № 139. С. 205–237.

Тертиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. Lublin: Wyd. UMCS, 2004.

Тиханова М.А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4. С. 168–194.

Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 227–263.

Третьяков П.Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен (IV Международный съезд славистов. Доклады). М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986–1987.

Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА. 1960. № 89.

Хвойка В.В. Поля погребений в Среднем Приднепровье // Записки Русского археологического общества. 1901. Т. XII, 1–2. С. 172–190.

Черных Е.А., Барцева Т.Б. Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры // КСИА. 1970. № 121. С. 95–103.

Шаров О.В. Культурно-исторические связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III — первой половине IV в. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 1995.

Шукин М.Б. О трех датировках черняховской культуры // КСИА. 1967. № 112. С. 8–13.

Шукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1979. № 20. С. 66–89.

Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

Bierbrauer V. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jhs in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jh. Wien, 1980. S. 131–142.

Diaconu Gh. Einheimische und Wandervölker im 4. Jahrhundert auf dem Gebiete Rumäniens (Tîrgșor-Gherăseni-Variante) // Dacia. 1964. 8. P. 195–210.

Diaconu Gh. Getisch-dakische Elemente in der Sîntana de Mureș-Kultur // Thraco-Dacica: Recueil d'études à l'occasion du Ier Congrès International de Tracologie. București, 1976. S. 309–314.

Donat P. Hausbau und Siedlung // Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa, Bd. II. Berlin, 1983. S. 81–90.

Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V–VII w. n.e. Kraków, 1979.

Godłowski K. Kultura przeworska // Prahistoria Ziemi Polskiej. Tom V. Wrocław i in.: Wyd. PAN, 1981. S. 57–135.

Hadaczek K. Grabarka Niesłuchowska // Teka konserwatorska. 1900. № 2. S. 48–59, 71–78.

Ioniță I. Probleme der Sîntana de Mureș-Cernjachov-Kultur auf dem Gebiete Rumäniens // Studia Gotica (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Antikvariska serien. 1972. 25). S. 95–104.

Kazanski M. Les Goths (Ier-VIIe siècles ap. J.-C.). Ed. Errance: Paris, 1991.

Kokowski A. Schätze der Ostgoten. Eine Ausstellung der MCS Universität Lublin und des Landesmuseums Zamosc. Stuttgart, 1995.

Kokowski A., Leiber Ch. Die Vandalen. Publikation zur Ausstellung. Nordstemmen: Trigona, 2003.

Kovács I. A. Marosszentannai napvándorlaskori temető // Dolgozatok. 1912. III, 2. P. 250–367.

Mączyńska M. Wędrowki Ludów. Warszawa — Kraków: Wyd. naukowe PWN, 1996.

Tempelmann-Mączyńska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków, 1989.

Vornic V. Așezarea și necropola de tip Sîntana de Mureș-Černjachov de la Budești. Chișinău: Pontos, 2006.

Woląciwicz R. Stan badań nad okresem rzymskim na Pomorzu // Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich w Polsce. Materiały z konferencji. Kraków, 1986. S. 299–317.

2.6. Ранние славяне в Лесостепном Поднепровье и Подонье (I–V вв. н.э.)

Абашина Н.С. Поселення середини I тис.н.е. поблизу с. Ходосівка на Київщині // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис.н.е. Київ – Львів, 1999.

Абашина Н.С., Обломский А.М., Тертиловский Р.В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 1999. № 4.

Акимов Д.В. Постройки 2-й четверти — середины 1 тыс.н.э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.

Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тыс.н.э. // СА. 1964. № 1.

Баран В.Д. Раннеславянские культуры V–VII вв. и этнополитическая консолидация славян. Типы жилищ и хозяйственных построек // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Баран В.Д. Венеди, склавіни та анти у світлі археологічних джерел // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. М., 1997.

Башкатов Ю.Ю. Об одном типе построек киевской культуры // Древности. 1996. Харьков, 1997.

Башкатов Ю.Ю. Особливості житлобудування та господарчої діяльності мешканців заплавної поселення Луг IV (Оболонь) // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004.

Белявец В. Грунтови могильнік у Тросцяніцы — невідомыя вынікі раскопак Палескай экспедыцыі 1962 г. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 19. Мінск, 2004.

Бирюков И.Е. Среднее течение р. Воронеж в первые века н.э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.

Гавритухин И.О., Лопатин Н.В., Обломский А.М. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья (тезисы к концепции славянского этногенеза) // Славянский мир Полесья в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции 19–20 октября 2004 г. Гомель, 2004.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпох и «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.

Даниленко В.М. Пізньюзарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія. 1976. № 19.

Дробушевский А.И. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Краеведческие записки (к 80-летию Гомельского областного краеведческого музея). Гомель, 2000.

Земцов Г.Л. Миграционные потоки III–V вв. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003.

Земцов Г.Л. Жилые и хозяйственные постройки лесостепного Днепро-Донского междуречья в первой половине 1 тыс.н.э. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Липецк, 2004.

Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ: Наукова думка, 1992.

Малашев В.Ю., Обломский А.М. Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени на территории Днепровского Левобережья // РА. 2002. № 4. С. 13–124.

Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 90–91.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. Москва — Сумы, 1991.

Обломский А.М. Березовка-2 (поздnezарубинецкое поселение на Сумщине) // Петербургский археологический вестник. Вып. 2. СПб., 1992а.

Обломский А.М. О роли поздnezарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья // СА. 1992б. № 1.

Обломский А.М. Среднее Посеймье в поздне-римское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА. 1996. № 4.

Обломский А.М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // 100 лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Обломский А.М. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V вв. н.э.). М., 2002.

Обломский А.М. Новая культурно-хронологическая группа памятников гуннского времени на территории восточноевропейской лесостепи // Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Lublin — Warszawa, 2003a.

Обломский А.М. Хронология Замятинского археологического комплекса в Верхнем Подонье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тезисы конференции. Часть II. М., 2003б.

Обломский А.М. Верхнедонские ингумации середины I-го тыс. н.э. (типа Животинного могильника) // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. М., 2005.

Обломский А.М. Юртообразная постройка V в. н.э. на территории Верхнего Подонья // Средневековая археология евразийских степей Сб. статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. М. — Йошкар Ола, 2006.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время // Kultura przeworska. T.1. Lublin, 1994.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Хронология и этнокультурная принадлежность украшений с выемчатыми эмалями восточноевропейского круга на территории лесостепной зоны // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М., 2004.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Препринт. Киев, 1990.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004.

Петраускас А.В., Петраускас О.В., Шишкін Р.С. Нове пізньюзарубинецьке поселення біля с. Крюківщина на Київщині // Vita antiqua. Вып. 2. Київ, 1999.

Петраускас О.В., Шишкін Р.Г. Про черняхівські пам'ятки «змішаного» типу на Правобережжі Київського Подніпров'я // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ — Львів, 1999.

Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VII–IX ст. Київ, 1980.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. Киев, 1985.

Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. М., 1976.

Седов В.В. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995.

Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.

Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э. М., 2005.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья. Киев, 1984.

Терпиловский Р.В. Склавины и анты. Николаев, 1997а.

Терпиловский Р.В. Киевская и черняховская культура. Проблема контактов // Stratum+. 2000. № 4.

Терпиловский Р.В. К проблеме формирования киевской культуры // Дослідження з археології, історії, етнографії: пам'яті Надії Михайлівни Кравченко. Київ, 2003.

Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin, 2004a.

Терпиловский Р.В. Поселение Сенча и его место среди памятников Днепровского Левобережья // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2004б.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев, 1992.

Терпиловський Р.В. До проблеми походження ранньосередньовічних культур Подніпров'я // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ — Львів, 1997б.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. Олександрівка-1 — багатопарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996.

Третьяков П.Н. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне // СА. 1968. № 4.

Третьяков П.Н. Древности 2-й — 3-й четвертей 1 тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М. — Л., 1963.

Фурасьев А.Г. Среднетушемлинские памятники Подвинья // Stratum+. 2000. № 4.

Фурасьев А.Г. Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмалями // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.

Хавлюк П.І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. 1975. № 18.

Хавлюк П.І. Зарубинецкая культура Южного Побужья и левобережья Среднего Днепра // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990.

Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997а.

Хреков А.А. Археологические исследования в районе с. Рассказань // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г. Вып. 2. Саратов, 1997б.

Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М., 1992.

Щукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы 1-го тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Щукин М.Б. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и Алуштинский р-н с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.

Andrzejowski J. Hrzniecizce Wielkie — cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // Comhlan. Warszawa, 1999.

Oblomski A.M., Petrauskas O.V., Terpilovski R.V. Enviromental reasons of migrations of the South-East Europe population in the 1st — 5th cc. A.D. // Archaeologia Polona, 1999, № 37.

2.7. У истоков славянства

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 1999. № 4. С. 78–98.

Алексеев В.П. Этногенез. М.: Наука, 1986.

Археология Украинской ССР. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1986.

Баран В.Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. Київ: Наукова думка, 1981.

Баран В.Д. Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев: Наукова думка, 1988.

Баран В.Д. Давні слов'яни. Київ: Альтернативи, 1998.

Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: АН СССР, 1961.

Брайчевський М.Ю. Біля джерел слов'янської державності (соціально-економічний розвиток черняхівських племен). Київ: Наукова думка, 1964.

Брайчевський М.Ю. Походження Русі. Київ: Наукова думка, 1968.

Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавинов // СА. 1972. № 4. С. 116–130.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981.

Даниленко В.М. Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія. 1976. № 19. С. 65–92.

Железняк І.П. Рось і лінгвістичні процеси Середньонаддніпрянського Правобережжя. Київ: Наукова думка, 1987.

Иванов С.А. Откуда начинать этническую историю славян? // СС. 1991. № 5. С. 3–13.

Иванов В.В., Топоров В.Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // Исследования по славянскому языкознанию. М.: Наука, 1961.

Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Киев: Наукова думка, 1980.

Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ: Наукова думка, 1992.

Кравченко Н.М., Гороховский Е.Л. О некоторых особенностях развития местной культуры населения Среднего Приднепровья в первой половине I тыс. н.э. // СА. 1979. № 2. С. 51–69.

Лебедев Г.С. Этногенетические процессы и образование государств в Восточной Европе (балты, финно-угры, славяне) // Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока: Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1982.

Лер-Сплавинский Т. О северо-восточных окраинах праславянского языка // ВЯ. 1964. № 1. С. 132–144.

Лопатин Н.В. Керамические стили и культурные группы III–V вв. н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наукова думка, 1982.

Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 82–100.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. Москва — Сумы, 1991.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в поздне римское и гуннское время (середина III — первая половина V вв. н.э.). М.: Наука, 2002.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: Институт археологии АН СССР, 1991.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Поселение Седелки и его место среди памятников поздне римского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археология Восточноевропейской Лесостепи. 1998. Вып. 12. С. 124–156.

Поболь Л.Д. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья // Древности Белоруссии: Докл. конф. по археологии БССР. Минск, 1969. С. 89–117.

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М.: Наука, 1982.

Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. М.: Наука, 1976.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). М.: Наука, 1991.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. 1970. № 163.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.

Седов В.В. Славяне в древности М.: Наука, 1994.

Седов В.В. Славяне в раннем Средневековье. М.: Наука, 1995.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев: Наукова думка, 1990.

Симонович Э.А. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов // СА. 1983. № 1. С. 91–102.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III–V вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1984.

Терпиловський Р.В. Праслов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку // Старожитності Русі–України. Київ: Наукова думка, 1994. С. 73–79.

Терпиловський Р.В. Славяне Поднепрів'я в першій половині I тис. н.е. Monumenta studia Gothica III. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2004.

Терпиловський Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. Свод археологических источников. Киев: Наукова думка, 1992.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. — Л.: Наука, 1966.

Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. МИА. 1970. № 179.

Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л.: Наука, 1982.

Трубачев О.Н. Название рек Правобережной Украины. М.: Наука, 1968.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М.: Наука, 1991.

Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М. — Л.: Наука, 1962.

Хабургаев Г.А. Становление русского языка. М.: Наука, 1980.

Шишкин Р.Г. К вопросу о природных условиях киевских и черняховских памятников Среднего Поднепрів'я // Stratum plus. 2001–2002. № 4. С. 360–369.

Щукин М.Б. Сарматские памятники Среднего Поднепрів'я и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. 1972. Вып. 14. С. 43–52.

Щукин М.Б. Археологические данные о славянах II–IV вв. Перспективы ретроспективного метода // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 67–81.

Щукин М.Б. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян // Материалы III Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. Братислава, 1980. С. 399–411.

Щукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 103–118.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тис. н.е. Киев: Наукова думка, 1985.

Birnbaum H. O mozliwosci odtworzenia pierwotnego stanu jezyka praslowianskiego za pomoca rekonstrukcji wewnetrzej i metody porownawczej // American contributions to the Seventh International congress of Slavists. Warsaw, 1973. Vol. 1. S. 33–58.

Godlowski K. Z bodan nad zagadnieniem rozpraszcznienia slowian w V–VII w.n.e. Krakow: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagellońskiego, 1979.

Godlowski K. Wschodnia koncepcja pierwotnych siedzib Slowian // Z otchłani wieków. 1985. №3–4. S.143–154.

Łowmiański H. Początki Polski. T. 1. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963.

Parczewski M. U zrodel Slowianszczyzny // Slowianie w Europie wczesniejszego sredniowiecza. Warszawa, 1998.

Schmid W.P. Alteuropa und das Balticum // Baltica. № XX(1). Vilnius. 1984. S. 115–122.

2.8. Западні імпульси в формуванні славянства

Абашина Н.С., Обломський А.М., Терпиловський Р.В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепрів'я // РА. 1999. № 4. С. 78–98.

Баран В.Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. Київ: Наукова думка, 1981.

Баран В.Д. Пражская культура Поднепрів'я (по матеріалам поселень у с. Рашков). Киев: Наукова думка, 1988.

Баран В.Д. Давні слов'яни. Київ: Альтернативи, 1998.

Бидзиля В.И., Щукин М.Б. Памятники латенской культуры на территории Закарпаття и к востоку от Карпат // Славяне и их соседи в конце I тис. до н.е. — первой половине I тис. н.е. (Археология СССР). М.: Наука, 1993.

Давня історія України. Т. 3. Київ: Наукова думка, 2000.

Еременко В.Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1997.

Каспарова К.В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2. С. 57–80.

Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (І ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ: Наукова думка, 1992.

Кубишев А.І., Скиба Л.С., Скорий С.А. Поховання скіфського часу Пирогівського могильника // Археологія. 1995. № 1. С. 100–112.

Левада М.Е. Мечи римского времени восточноевропейского Барбарикума // АЛЛУ. 1998. № 1–2. С. 53–58.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Monumenta studia Gothica I. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Sclodowskiej, 2001.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наукова думка, 1982.

Малашев В.Ю., Обломский А.М. Поясная центральноевропейская гарнитура римского времени на территории Днепроовского Левобережья // РА. 2002. № 4. С. 113–124.

Обломский А.М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999. С. 127–133.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V вв. н.э.). М.: Наука, 2002.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: Институт археологии АН СССР, 1991.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время // Kultura przeworska. T. II. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Sclodowskiej, 1994.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археология восточноевропейской лесостепи. 1998. Вып. 12. С. 124–156.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. Распад зарубинецкой культуры и его социальноэкономические и идеологические причины. Препринт. Киев, 1990.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М.: Институт археологии РАН, 2004.

Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ — Чернівці: Зелена Буковина, 2005.

Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. М.: Наука, 1976.

Рыбаков Б.А. Новая концепция предыстории Киевской Руси // История СССР. 1981. № 1. С. 55–75.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.

Седов В.В. Славяне в древности. М.: Наука, 1994.

Седов В.В. Славяне в раннем Средневековье. М.: Наука, 1995.

Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Знак, 2005.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III–V вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1984.

Терпиловский Р.В. Некоторые дискуссионные проблемы археологии и истории ранних славян // Stratum plus. 2001–2002. № 5. С. 420–430.

Терпиловський Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Monumenta studia Gothica III. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Sclodowskiej, 2004.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. Олександрівка-1 — багаточислове слов'янське поселення біля Чернігова. Чернівці: Сіверянська думка, 1996.

Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

Шишкин Р.Г. К вопросу о природных условиях киевских и черняховских памятников Среднего Поднепровья // Statum plus. 2001–2002. № 4. С. 360–369.

Щукин М.Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. 1972. Вып. 14. С. 43–52.

Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994.

Щукин М.Б. Готский путь. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

Dabrowska T. Wszesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia zasieg — powiazania. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988.

Reinecke P. Aus der russischen archaologischen Literatur // Mainzer Zeitschrift. N 1. Mainz, 1906.

3.1. Археологические культуры неолита, бронзового и железного веков

Археология Украинской ССР: В 3 т. Киев: Наукова думка, 1986.

Гуляев В.И. Скифы. Расцвет и падение великого царства. СПб.: Алетейя, 2005.

Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М.: Наука, 1961.

Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь — М.: ЛЕАН — Аграф, 2004.

История Древнего мира: В 3 т. М., 1989.

Зубарь В.М., Русяева А.С. На берегах Боспора Киммерийского. Киев, 2004.

Нарымбаева А.К. Аркаим — очаг мировой цивилизации, созданный протатюрками. Астана, 2004.

3.2. Формирование восточнославянской цивилизации (особенности и «скрепы»)

Гудзь-Марков А.Г. Домонгольская Русь в летописных сводах V—XIII вв. М.: Вече, 2005.

Кирпичников А.Н. Культурное наследие российского государства. СПб.: ИПК «Вести», 2002.

Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. М., 2005.

Madison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris: OBCE, 2003. P. 256, 257.

3.3. Восточнославянские города

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. М.: ИНЭС, 2006. Т. 1.

Носов Н.Е. Поселения в конце тысячелетия. М., 1977.

Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. М., 2005.

Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.

4.1. Южнорусские земли — исторический центр восточнославянской цивилизации

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций. М.: ИНЭС, 2008.

Maddison A. The World Economy. Historical Statistics Paris: OECD, 2003. P. 262.

4.2. Этапы формирования и развития Киевской Руси

Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь — М.: ЛЕАН — Аграф, 2004.

Греков Б.А. Киевская Русь. М.: АСТ, 2004.

Давня історія України. У 3 т. Київ: Наукова думка, 1997–1998.

Ключевский О.В. Курс русской истории. В 9 т. М., 1987–1990.

Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. Київ: Альтернативи, 1998. С. 343.

4.3. Страна «Русь»

Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.

Багрянородный Константин. Об управлении империей. М., 1991.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984.

Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1968.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.

Грушевський М.С. Хто такі українці і чого вони хочуть? — Київ, 1991.

Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3.

Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы исследований 1992–1993 годов. М., 1995.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1995.

Журавель А.В. «Залесье» как взгляд с другой стороны «леса» // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 2006.

Зоценко В. Митрополия чернецтва Русі. Исторична місія Києво-Печерської лаври // Діалог, 2002, № 3.

Кирпичников А. Рюрик пришел с Ладоги // Родина. Славянский мир. 2001 (январь–февраль).

Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1983.

Кузьмин С., Волковицкий А. Петергоф для Рюрика // Родина. 2003. № 8.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Литаврин Г.Г. Византийская империя во второй половине VII–XII в. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989.

Моця О., Ричка В. Київська Русь: від язичництва до християнства. Київ, 1996.

Моця О. Замки Київської Русі як соціальний тип поселень // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2000.

Моця О.П. Київська Русь: етапи формування державної території // Археологія. 2001. № 1.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950.

Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990.

Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1962. Т. 2.

Прицак О. Походження Русі. Київ, 1997. Т. 1.

Рыбаков Б.А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

Рыбаков Б.А. Мир истории. М., 1984.

Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ, 2003.

Семенова Л.А. Особенности феодализма в Египте // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. М., 1982.

Станг Х. Наименование Руси (герульская версия). СПб., 2000.

Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности. Киев, 1980.

Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.

Толочко П.П. Київська Русь. Київ, 1996.

Чернецов А.В. Двоеверие. Значение проблемы, перспективы изучения // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., 1993.

Шнирельман В.А. Классообразование и дифференциация культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

Юшков С.В. Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київській Русі. Київ, 1992.

4.5. Галицко-Волынская Русь

Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.

Грушевський М.С. Історія України — Руси. Київ, 1993. Т. III.

Журавель А.В. «Залесье» как взгляд с другой стороны «леса» // Восточная Европа в древности и Средневековье. XVIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. — М., 2006.

Иоанн де Плано Карпини. История монгалов. СПб., 1911.

Исаевич Я.Д. Галицко-Волынское княжество в конце XIII — начале XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1988.

Исаевич Я. Галицько Волинське князівство доби Данила Галицького та його нащадків // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. Львів, 2001.

Исаевич Я. Князь і король Данило: суспільство, церква, держава (до 880-річчя народження Данила Галицького) // Київська старовина. 2002. № 1.

Коваленко В. Чернігово-Сіверська і Галицько-Волинські землі у XII–XIII в. (До питання про перші осередки давньоруської державності) // Другий міжнародний конгрес україністів (Львів, 22–28 серпня 1993 р.). Доповіді і повідомлення. Історія. Львів, 1994. Частина 1.

Котляр М.М. Галицько-Волинська Русь. Україна крізь віки. Київ, 1998.

Котляр Н. «Держава», олигархами умученная. Галицко-Волинское княжество в XIII веке // Родина. 2003. № 11.

Котляр М.Ф. Історія дипломатії Південно-Західної Русі. Київ, 2002.

Крип'якевич І.П. Глицько-Волинське князівство. Київ, 1984.

Моця О. Південна «Руська земля». Київ, 2007.

Паушто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950.

Ричка В. «Київ — другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ, 2005.

Симоненко Р.Г. Про геополітичний фактор в історії України // Український історичний журнал. 2001. № 3.

Толочко П.П. Від Русі до України. Київ, 1997.

4.6. Хортиця (історико-археологічний очерк)

Геродот. История в 9 книгах / Пер Г.А. Стратановского. М, 1972.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 496.

Болтан Г.Л. де. Опис України. Київ, 1990. С. 256.

Байов А. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоановны. Война с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны. СПб., 1906. С. 474.

Егоров Е.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 248.

Ильинский В.Е., Козловский А.О. Золотоордынское поселение на о. Хортица // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993.

Ільїнський В.Є., Пустовалов С.Ж. Розкопки багатопалатної фортеці на о. Мала Хортиця // Археологічні дослідження в Україні, 1991. Луцьк, 1993. С. 39–40.

Кобалія Д.Р., Нефедов В.В. «Запорізька чайка» історія однієї знахідки. Запоріжжя, 2005.

Козачок Н.Л. Памятники эпохи бронзы на о. Хортица // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1991. С. 82–94

Літопис Руський. Київ, 1989. С. 591.

Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Дневник Эриха Лясоты из Стеблева (1588–1595). Киев, 1890. С. 173–190.

Новицкий Я.П. Остров Хортица на Днепре, его природа, история, древности. Запорожье. 2005.

Остапенко М.А. Пам'ятки осілої скіфського часу на острові Хортиця // Археологія. 2001. № 1.

Тесленко Д.Л., Остапенко М.А. Мегалітичне культове спорудження доби бронзи на о. Хортиця // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2000. С. 73–95.

Сокульский А.Л., Шевченко Т.К., Бодянский А.В., Рогожкина Л.В. Раскопки славянского поселения на о. Хортица // Археологические открытия 1976 г. М., 1977.

Шатовалов Г.И. Следы древнего судоходства у Днепровских порогов // TRAKIA PONTIKA IV. Sofia, 1991.

4.7. Под сенью золотого грифона

Березова С.А. Ювелірне мистецтво в Україні XVI–XX ст. // Музей історичних коштовностей України. Київ: Мистецтво, 2004.

Волковинська О.А. Художнє срібло Західної Європи XV — початку XX в. // Музей історичних коштовностей України. Київ: Мистецтво, 2004.

Клочко Л.С., Підвисоцька О.П. Ювелірне мистецтво скіфо-сарматської доби // Музей історичних коштовностей України. Київ: Мистецтво, 2004.

Ковтанюк Н.Г. З історії музею // Національний музей історії України: Фотоальбом. Київ, 2001.

Мозолевський Б.М. Скіфський степ. Київ, 2004.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892.

Полное собрание законов. Т. V. СПб., 1830.

Романовська Т.Ю. Єврейські церемоніальні предмети зі срібла XVIII — початку XX в. // Музей історичних коштовностей України. Київ: Мистецтво, 2004.

Скорий С.А. Курган Переп'ятиха. Київ, 1990.

Старченко О.В. Золота скарбниця України // Музейні читання. Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України. Київ, 1999.

Хардаєв В.М. Ювелірне мистецтво епохи середньовіччя // Музей історичних коштовностей України. Київ: Мистецтво, 2004.

Черняков І.Т. Вікентій Хвойка. Київ, 2006.

Шовкопляс Г.М. З історії створення колекції археологічних коштовностей музею // Музейні читання. Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України. Матеріали наукової конференції. Київ, 1999.

Шовкопляс І. Бібліографічний покажчик. Київ, 1996.

5.3. Новгородская республика: демократическое государство с рыночной экономикой

Бродель Ф. Материальные цивилизации, экономика и капитализм. XV–XVIII в. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть 2. М.: Мысль, 1988.

Костомаров Н.И. Русская республика. М.: Чарли, 1994.

5.4. Великий Новгород: материальный мир средневековой республики

Апокрифы Древней Руси. СПб., 2006.

Бузов В.А. О местоположении князей сотни в Новгороде // Бузов В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.

Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2001.

Гайдуков П.Г., Дубровин Г.Е. Древнейшая дренажная труба Новгорода // *Austrverg*. № 4. 1998.

Иванова-Везн Л.И. Деревянные мосты Русского Севера XVIII–XX вв. Дисс. ... канд. архитектуры. М., МАРХИ. 1988.

Иванова-Везн Л.И., Хархордин О.В.

Новгород как *res publica*: мост к величию // *Неприкосновенный запас*. № 4(30). 2003.

Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930.

Литература Древней Руси. С. 229.

Муравьев М.В. Новгород Великий. Л., 1927. Новгородская первая летопись.

Патон Е.О., Рабцевич П.В., Симинский К.К. Деревянные мосты. Киев, 1915.

Петрова Л.И. «... Иоанна Предтечи на Петрятине дворе, а ныне зовётся на Опоках» (о связи микротопонимии Новгорода с древним рельефом) // *Великий Новгород в истории средневековой Европы*. М., 1999.

Псковские летописи. Вып. 1. М. — Л., 1941.

Рабинович М.Г. Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси // *Средневековая Русь*. М., 1976.

Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001.

Семенов А.И. Топография новгородского Торга в 1583 году // *НИС*. Вып. 1. Л., 1936. С. 23–40; Семенов А.И. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода // *НИС*. Вып. 10. Новгород, 1961. С. 137–159; Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 95–102; Андреев В.Ф. Княжеский двор в древнем Новгороде // *НИС*. № 2(12). Л., 1984. С. 114–127; Сорокин А.Н. К топографии древнейшего Торга // *ННЗИА*. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 45–48; Гусаков В.Н. К топографии северной части древнего новгородского Торга // Там же. С. 48–53; Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства. СПб., 1999. С. 61–62.

Трояновский С.В. Новгородский детинец в X–XV вв. по археологическим данным. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Чернецов А.В. К изучению символики Новгородских врат 1336 г. // *Краткие сообщения института археологии*. № 144. М., 1975.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Янин В.Л. Устав князя Ярослава о мостех // Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998.

Petrov M., Troianovsky S. Man and The Fortress: Ways For CoExistence In Medieval Russia // Castella Maris Baltici V. Rudkobing, 2001. P. 137–142.

5.5. Новгород и Ганза

Янина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XV вв. М., 1986.

Янина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.

5.6. Старая Ладога

Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы из Старой Ладоги.

Васильев Б.Г. Костяные изделия из Старой Ладоги // Ладога и Северная Русь. СПб., 1995.

Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнерусские города в скандинавской письменности. М., 1987.

Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Из истории Старой Ладоги (по материалам скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986.

Давидан О.И. Староладожские изделия из кости и рога. Л., 1996.

Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник. № 4. Л., 1962.

Древности Северо-Запада России. № 374.

Кирпичников А.Н. Несколько замечаний о славянских височных кольцах со спиральным завитком // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1979. М., 1980.

Кирпичников А.Н. Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995.

Кирпичников А.Н. Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Л., 1985.

Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 48.

Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху Средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья.

Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.

Кирпичников А.Н., Назаренко В.А.

Археологические открытия в Старой Ладоге. Черты сходства средневековых городов Балтики // Археологические вести. № 1. СПб., 1992.

Кирпичников А.Н. Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 227.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Лебедев Г.С. Петергофский клад начала IX века как источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.

Мачинский Д.А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. СПб., 2002.

Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Кулгура Русского Севера. Л., 1988.

Мильчик М.И. Еще раз о хронологии каменного строительства XII в. в Пскове и Ладоге // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 289–296.

Михайлов К.А. Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // Новгород и новгородские земли. Новгород, 1996.

Насонов А.Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.

Нунан Т. Клад дирхемов 876/77 гг. из деревни Хитровка Тульской губернии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.

Пескова А.А., Раппопорт П.А., Штендер Г.М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // Советская археология. 1982. № 3. С. 45, 46.

Повесть временных лет. Ч. I. М. — Л., 1950.

Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962. С. 13–15.

Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб., 1856.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Л., 1939. С. 79.

Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. № 1 (11). Л., 1982.

Рябинин Е.Л. У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общевосточных связей в предкингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.

Рябинин Е.Л. Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладоги // Древности Северо-Западной России. 2002.

Санкина С.Л., Козинцев А.Г. Антропологические материалы эпохи Средневековья из Приладожья // Материалы Международной конференции к 100-летию В.И. Равдоникаса. СПб., 1994.

Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 15.

Седов В.В. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995.

Стурлусон С. Круг земной. М., 1980.

Татищев В.Н. История Российская. Т. I. М., 1994. Хрестоматия по истории Средних веков. Т. I. М., 1949.

Янин В.Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможных источниках Иоакимовской летописи) // Русский город. Вып. 7. М., 1984.

Thomas S. Noonan. Volgabulghrrias tenth-century trade with Sarmirhid Central Asia.

5.7. Рента и рентные механизмы в истории средневековой экономики Восточной Европы и Новгорода

Ананьин О.И. Макроэкономика Г. Торнтон, или О чем знали экономисты еще 200 лет тому назад // Вопросы экономики. 2002. № 12.

Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. Социально-экономические отношения. М.: Наука. 2002.

Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. М., 2003.

Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М.: Наука, 1974.

Гурен М.М. Ценообразование и цены на продукцию горных предприятий. М.: МГТУ, 2003.

Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация в Венецианской республике в XIII–XV вв. М.: Наука, Издат. фирма «Восточная литература», 1994.

Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избр. труды. М.: Экономика, 2002.

Кузык Б.Н., Агеев А.И., Волконский В.А., Кузовский А.И., Мудрецов А.Ф. Природная рента в экономике России. М.: ИНЭС, 2004.

Лесников М.П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV и начале XV вв. // Исторические записки. Т. 39. 1952.

Массон М.Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1953.

Михалевский Ф.А. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. 1. Деньги в феодальном хозяйстве. М.: Госфиниздат, 1948.

Носов Е.Н. Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы, история и археология) // Исторические записки. Вып. 5 (123). М.: Наука, 2002.

Потин В.М. Монеты, клады, коллекции. СПб.: Искусство, 1993.

Пучков Л.А. Потребление минеральных продуктов и макроэкономика: стратегический анализ // Горный журнал. 2006. № 1.

Разовский Ю.В. Горная рента: экономика и законодательство. М.: Экономика, 2000.

Трутовский В.К. Русские меховые ценности. М.: Синодальная типография, 1911.

Узденников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1719. М.: Межнумизматика — Малая Медведица, 1995.

Фомина А.В. Циклы Кондратьева в экономике России: Монография. М.: Международный фонд Н.Д. Кондратьева, 2005.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. (Серия для научных библиотек). М.: Прогресс, 1977.

Хан Н.А. Взаимодействие и взаимовлияние Руси и Орды в области экономики и кредитно-денежной политики в XIV в. М.: ИЭ РАН, 2005.

Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М.: Наука, 1963.

Яковец Ю.В. Рента, антирента, квазирента в глобально-цивилизационном измерении. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.

Ясин Е.И. Нефть, темпы и инфляция // Вопросы экономики. 2005. № 9.

Ashtor E. Dans L'orient medieval. Paris: S.E.V.E. 1969.

Bauer N. Die Silber und Goldbarren des russischen Mittelalters: Eine archaologische Studie // Numismatische Zeitschrift. Bd. 64. Wien, 1931.

27. Bolin St. Tax Money and Plough Money // The Scandinavian economic history review. 1954. Vol.2. No.1.

The Cambridge history of Russia. Vol. 1. From early Russia to 1689 // Ed. M.Perrin. Cambridge un.press, 2006.

Gippius A. Millennialism and the Jubilee Tradition In Early Rus' History and Historiography // Rutenica. T. 2. Киев, 2003.

Martin J. Treasure of the land Darkness. The fur trade its significance for medieval Russia. Camb. Camb.un.press, 1986.

Miles G. Some coins of Sinjar. /Reprint from/ American j.of Semitic languages and literatures. Vol. 56, № 3. July. 1939.

Nef J. Silver production in Central Europe. 1450–1618 // J. of political economy. 1941. Vol. 49. № 4.

5.8. Торжок: цивилизационный очерк русского города

Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М. — Л., 1961.

Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь, 1994.

Будовниц И.У. Повесть о разорении Торжка в 1315г. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Т. XVI. Л., 1960.

Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник. СПб., 1996.

Загоскин М.Н. Москва и москвичи. М., 1962.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Ишимова А.О. Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву. СПб., 1846.

Кирпичников А.Н. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николаса Витсена. СПб., 1995.

Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. М. — Л., 1937.

Малыгин П.Д. Средневековые письменные источники о топографии Твери // Тверской Кремль: Комплексное археологическое источниковедение. СПб., 2001.

Малыгин П.Д. Судьбы Торжка и Твери в XIII веке // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Малыгин П.Д. Торжок — историко-природный объект. Тверь, 2006. С. 8.

Малыгин П.Д. Древний Торжок: Историко-археологические очерки. Калинин, 1990.

Малыгин П.Д. К топографии Торжка XII–XIII вв. // История и археология Новгородской земли. Новгород, 1987.

Малыгин П.Д. Распространение христианства на Верхневолжье // «И свет во тьме светит...». Сборник научных трудов ВИЭМ, посвященный 2000-летию Рождества Христова. Торжок, 2002.

Малыгин П.Д., Кузнецов В.В. Житие св. прп. Ефрема Новоторжского — исторический и литературный источник // «Государева дорога» и ее дворцы. Материалы межрегиональной научной конференции. Тверь, 2003.

Малыгин П.Д., Лавренов В.И. Город Торжок в символах, эмблемах и гербах. Тверь, 2002.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950.

Новгородские летописи. СПб., 1879.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Пальмквист Э. Некоторые заметки о России. Новгород, 1993. С. 32.

Полное собрание русских летописей.

Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003.

Поптэ А. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Medievalis*. 1995. Т. VIII, 1.

Сарафанова Н.А., Малыгин П.Д., Седов В.В. Открытие каменных оборонительных сооружений XIV в. в Торжке // *Археологические открытия 2002 года*. М., 2003.

Сидоров В. Волга: путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. СПб., 1894.

Р-вз Н. Очерк Торжка // *Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год*. Тверь, 1865. Отд. III.

Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935.

Черетнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч. 2 М. — Л, 1951.

Черетнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

Янин В.Л. Рубеж земли Новгородской // *Наука и жизнь*. 1998. № 4. С. 154–155.

Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е. М., 2003.

6.2. Цивилизационные особенности Русского Севера

Булатов В.Н. Русский Север. М., 2006.

Кузык Б.Н. Святая Русь: время собирать камни. М.: ИНЭС, 2005.

Курастов А.А. Археология и история Архангельского Севера. Архангельск: АГУ, 2006.

Платонов С.Ф. Новгородская колонизация Севера. Соч. в 2 т. СПб.: 1994.

Поморская энциклопедия.

Стриннгольм А. Походы викингов. М.: АСТ, 2002.

7.1. Колонизация славянами центральнорусских земель и особенности их цивилизационного развития

Греков Б.А. Киевская Русь. М.: АСТ, 2004.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.2, М.: Мысль, 1988.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

7.3. Тверское, Рязанское, Ростовское княжества

Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь — М.: ЛЕАН — Аграф, 2004.

Чернышов А. Очерки по истории Тверского княжества. XIII–XV вв. Тверь, 1996.

7.4. Историческое прошлое Рязани

Каргалов В.В. На степной границе. М., 1974. С. 14.

Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. М., 1957.

7.5. Возвышение Московской Руси

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2. М.: Мысль, 1988.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. М.: ИНЭС, 2006. Т. 1, гл. 13.

8.2. Динамика восточнославянской цивилизации в зеркале стратегической матрицы

История Европы. Т. 2 Средневековая Европа. М.: Наука, 1996. С. 212.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. М.: ИНЭС, 2006.

Кузык Б.Н., Агеев А.И. и др. Россия в пространстве и времени. История будущего. М.: ИНЭС, 2004.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1988. Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000.

Археология Украинской ССР: В 3 т. Киев: Наукова думка, 1985–1986.

Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 3 т. М.: РГБ, 2004.

Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М.: Наука, 1961.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.

Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь — М.: ЛЕАН — Аграф, 2004.

Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. Тверь — М.: ЛЕАН — Аграф, 1997.

- Вернадский Г.В.* История России. Монголы и Русь. Тверь — М.: ЛЕАН — Аграф, 1997.
- Вернадский Г.В.* История России. Россия в Средние века. Тверь — М.: ЛЕАН — Аграф, 1997.
- Гимбутас М.* Славяне. Сыны Перуна. М.: Центрполиграф, 2005.
- Греков Б.А.* Киевская Русь. М.: АСТ, 2004.
- Гуляев В.И.* Скифы. Расцвет и падение великого царства. СПб.: Алетейя, 2005.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1992.
- Гумилев Л.Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. М.: Сварог, 1998.
- Давня історія: У 3 т. Київ: Наукова думка, 1997–1998.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурную и политические отношения славянского мира к греко-романскому. М.: Книга, 1991.
- Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. Языки славянской истории и цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Дикий А.* Незвращенная история Украины-Руси. М.: Самоотека, 2007.
- Дьяконов И.М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Восточная литература, 1994.
- Зубарь В.М., Русяева А.С.* На берегах Боспора Киммерийского. Киев, 2004.
- Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: РТУ, 1992.
- История Европы: В 4 т. М.: Наука, 1988–1994.
- История России (Россия в тюркской цивилизации). М.: Центр, 1998.
- История Крыма с древнейших времен до наших дней. Симферополь, 2005.
- Каждан А.И., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. СПб.: Алетейя, 1998.
- Киндер Г., Хельгеман В.* Всемирная история. М.: Рыбари, 2003.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории: В 9 т. М.: 1987–1990.
- Костомаров Н.И.* Русская республика. М.: Чарли. 1994.
- Конрад Н.И.* Запад и Восток. М.: 1992.
- Культурное наследие Российского государства. СПб.: ИПК «Вести», 2002.
- Кузык Б.Н.* Святая Русь: время собирать камни. М.: ИНЭС, 2005.
- Кузык Б.Н., Агеев А.И. и др.* Ритмы российской истории. Опыт многофакторного исследования. М.: ИНЭС, 2003.
- Кузык Б.Н., Агеев А.И. и др.* Россия в пространстве и времени. История будущего. М.: ИНЭС, 2004.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций. М.: ИНЭС, 2007.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. М.: ИНЭС, 2006.
- Латин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. М., 1996.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005.
- Лихачев Д.С.* Избранные работы: В 3 т. Л.: Художественная литература, 1987.
- Мак-Нил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев — М., 2004.
- Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.
- Мень А.* История религии: В 7 т. М.: Ex libris, 1991–1992.
- Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. М.: Прогресс, 1995.
- Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М.: Прогресс, 1993.
- Морозов А.Г., Корновский О.Н.* Анти. Вінниця, 2004–2005.
- Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004.
- Нарымбаева А.К.* Аркаим — очаг мировой цивилизации, созданный прототюрками. Астана, 2004.
- Осипов Г.В., Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Перспективы социокультурной динамики и партнерства цивилизаций. М.: ИНЭС, 2007.
- Павленко Ю.В.* История мировой цивилизации. Философский анализ. Киев, 1996.
- Петров В.П.* Этногенез славян. Киев, 1972.
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993.
- Плетнев С.А.* Хазары. М.: Наука, 1986.

- Рахманалиев Р.* Империя тюрков. М.: Прогресс, 2002.
- Русская цивилизация. М.: Контакт РЛ, 2002.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русское княжество. XII–XIII вв. М.: Наука, 1993.
- Седов В.В.* Славяне. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Знак, 2005.
- Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: Интерпресса, 1994.
- Соловьев В.С.* Избранное. СПб.: Диамант, 1989.
- Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
- Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Стриннгольм А.* Походы викингов. М.: АСТ, 2002.
- Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
- Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.
- Трошкая Н.Е.* Русская цивилизация между Востоком, Западом и Югом. М., 1995.
- Толочко О.П., Толочко П.П.* Київська Русь. Київ: Альтернативы, 1998.
- Трубецкой Н.С.* История, культура, язык. М.: Прогресс. Универс, 1995.
- Уэллс Г.* Очерки истории цивилизации. М.: Эксмо, 2004.
- Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1981.
- Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород. СПб.: СПТТУ, 1992.
- Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1988.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. 1975.
- Харенберг Б.* Хроника человечества. М.: Большая энциклопедия, 1999.
- Чернышев А.В.* Очерки по истории Тверского княжества XII–XV вв. Тверь: Тверской фонд культуры, 1996.
- Черняк Е.Б.* Цивилиография. Наука о цивилизации. М.: Международные отношения, 1996.
- Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пт.: 1917.

- Шубарт В.* Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 1997.
- Экономцев И.Н.* Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992.
- Яковец Ю.В.* История цивилизаций. 2-е изд. М.: Владос, 1997.
- Яковец Ю.В.* Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего. Lewiston-Queenston-Lampeter: Edwin Mellen Press, 1999.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
- Braudel F.* History of civilization. Pinguin Books, 1995.
- Maddison A.* The World Economy: Historical Statistics. Paris: OECD, 2003.
- Renfrew C.* The Emergence of civilization. L., 1972.
- Service E. Origin of the State and Civilization. N.Y., 1975.
2005. World Development Indicators. Washington: The World Bank, 2005.
- Yakovets Yu. V.* Dialogue and Interaction of the East and West Civilization. M. IKF, 2001.
- Yakovets Yu. V.* The Past and the Future of Civilization. Lewiston — Queenston — Lampeter: the Edwen Mellen Press, 2000.

ЦИВИЛИЗАЦИИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ДИАЛОГ, БУДУЩЕЕ

ТОМ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ. А.Д. Некипелов. Новое слово в общественных науках

ВВЕДЕНИЕ. Новый век — новое видение прошлого и будущего

Часть ПЕРВАЯ. ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 1. Становление и развитие теории цивилизаций

■ 1.1. Цивилизации: от многомерной реальности к научным категориям ■ 1.2. Формирование теории цивилизаций ■ 1.3. Теории цивилизаций XX века ■ 1.4. Современные российские цивилизационные школы ■ 1.5. Основы теории цивилизаций ■ 1.5.1. Понятие и виды цивилизаций ■ 1.5.2. Структура цивилизаций ■ 1.5.3. Развертывание цивилизаций во времени ■ 1.5.4. Распространение цивилизаций в пространстве ■ 1.5.5. Цивилизационный подход к истории и будущему человечества ■ 1.5.6. Место теории цивилизаций в системе наук

Глава 2. Цивилизационные циклы и кризисы

■ 2.1. Закономерности циклической динамики социальных систем ■ 2.2. Циклы и кризисы в динамике локальных цивилизаций ■ 2.3. Цикличность динамики мировых цивилизаций ■ 2.4. Исторические суперциклы в развитии глобальной цивилизации

Проблема цивилизаций — их прошлое и будущее, динамика и взаимодействие — занимает ключевое место в общественных науках и социально-политической жизни XXI века. Этой проблеме посвящена монография известных российских ученых — члена-корреспондента РАН Б.Н. Кузика и академика РАЕН Ю.В. Яковца.

В монографии читатель найдет оригинальную трактовку теории цивилизаций, циклично-генетических закономерностей их динамики, диалога и взаимодействия, обоснование закона сжатия исторического времени. В цивилизационном ракурсе исследуются демографические, природно-экологические, технологические, экономические, социально-политические, духовные факторы развития общества. История и будущее цивилизаций излагаются по трем историческим суперциклам. Впервые проведены клиометрические измерения динамики цивилизаций, ситуационный анализ и прогноз места России в гецивилизационном пространстве XXI века.

Монография будет интересна не только ученым, аспирантам, студентам, но и государственным, политическим и общественным деятелям, всем переживающим за судьбы страны и человечества.

Глава 3. Цивилизационная социогенетика

■ 3.1. Социогенетика — вершина познания закономерностей динамики общества ■ 3.2. Наследственность: социальный генотип цивилизаций ■ 3.3. Изменчивость: трансформации цивилизационного генотипа ■ 3.4. Отбор: механизм развития и смены цивилизаций

Глава 4. Диалог цивилизаций

■ 4.1. Содержание диалога цивилизаций и его место в системе цивилизационных взаимодействий ■ 4.2. Сферы диалога и взаимодействия локальных цивилизаций ■ 4.3. Институты диалога цивилизаций

Часть ВТОРАЯ. ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 5. Природно-экологические циклы и кризисы в эволюции цивилизаций

■ 5.1. Природный фактор возникновения и эволюции цивилизаций ■ 5.2. Спираль экологических циклов и кризисов ■ 5.3. Экологическое будущее цивилизаций ■ 5.4. Экологическое будущее России ■ 5.5. На пути к ноосферной цивилизации

Глава 6. Демографическая основа трансформации цивилизаций

■ 6.1. Классификация демографических циклов ■ 6.2. Исторические тенденции циклической динамики численности населения ■ 6.3. Демографические вызовы XXI века ■ 6.4. Демографические угрозы для России

Глава 7. Инновационно-технологические циклы и кризисы: цивилизационный аспект

- 7.1. Технологии в структуре и динамике цивилизаций
- 7.2. Этапы технологической эволюции цивилизаций
- 7.3. Инновационные волны XX века ■ 7.4. Инновационный прорыв в технологическое будущее цивилизаций

Глава 8. Цикличность экономической динамики цивилизаций

- 8.1. Палитра экономических циклов и кризисов ■ 8.2. Экономические циклы и кризисы в динамике цивилизаций
- 8.3. Структурная динамика экономики цивилизаций
- 8.4. Циклы и кризисы в экономике цивилизаций XXI века
- 8.5. Механизмы воспроизводства и инновационного обновления ресурсов

Глава 9. Цикличная динамика социально-политического строя, революций и войн: цивилизационный разрез

- 9.1. Цивилизационная динамика социальной стратификации и мобильности ■ 9.2. Государственно-правовые циклы, кризисы и трансформации ■ 9.3. Революции в цивилизационной динамике ■ 9.4. Войны в структуре и динамике цивилизаций

Глава 10. Цикличная динамика духовной сферы цивилизаций

- 10.1. Ключевая роль духовной сферы в структуре и динамике цивилизаций ■ 10.2. Научные революции и кризисы
- 10.3. Цикличность в динамике культуры ■ 10.4. Образовательные циклы и революции в образовании ■ 10.5. Динамика системы цивилизационных ценностей

Часть ТРЕТЬЯ. ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 11. Цивилизации древности

- 11.1. Предпосылки и факторы возникновения цивилизаций
- 11.1.1. Предыстория цивилизаций ■ 11.1.2. Неолитическая цивилизация ■ 11.1.3. Раннеклассовая цивилизация (бронзовый век) ■ 11.1.4. Античная мировая цивилизация (железный век) ■ 11.2. Динамика структуры мировых цивилизаций древности ■ 11.2.1. Человек, семья, население древних обществ ■ 11.2.2. Техника и экология в Древнем мире ■ 11.2.3. Экономика древних цивилизаций ■ 11.2.4. Становление социально-политической структуры общества ■ 11.2.5. Духовная жизнь древних обществ ■ 11.3. Локальные цивилизации в Древнем мире ■ 11.3.1. Первые поколения локальных цивилизаций ■ 11.3.2. Цивилизации Средиземноморья ■ 11.3.3. Древние цивилизации Востока ■ 11.3.4. Древние цивилизации на территории Западной и Восточной Европы ■ 11.3.5. Цивилизации доколумбовой Америки ■ 11.4. Диалог и взаимодействие первых двух поколений цивилизаций

Глава 12. Цивилизации второго исторического суперцикла

- 12.1. Мировые цивилизации второго исторического суперцикла ■ 12.1.1. Средневековая цивилизация ■ 12.1.2.

- Раннеиндустриальная цивилизация ■ 12.1.3. Индустриальная цивилизация ■ 12.2. Динамика структуры цивилизаций второго суперцикла ■ 12.2.1. Рост численности населения, потребностей и способностей человека ■ 12.2.2. Технологические перевороты ■ 12.2.3. Экономические трансформации ■ 12.2.4. Эволюция социально-политической системы ■ 12.2.5. Динамика духовной сферы ■ 12.3. Эволюция и взаимодействие цивилизаций 3-го и 4-го поколений ■ 12.3.1. Динамика цивилизаций Востока ■ 12.3.2. Доминирование западной цивилизации ■ 12.3.3. Диалог и взаимодействие цивилизаций 3-го и 4-го поколений

Глава 13. Цивилизационная динамика на севере Евразии

- 13.1. Ритмы динамики цивилизаций в регионе ■ 13.1.1. Неолит ■ 13.1.2. Бронзовый век ■ 13.1.3. Железный век ■ 13.1.4. Восточнославянская цивилизация ■ 13.1.5. Владимиро-Суздальская Русь и Московское царство (российская цивилизация) ■ 13.1.6. Становление евразийской цивилизации ■ 13.1.7. Судьба евразийской цивилизации в XXI веке ■ 13.2. Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций ■ 13.2.1. Пространства взаимодействия цивилизаций ■ 13.2.2. Волны взаимодействия цивилизаций. Первая волна (VI–IV вв. до н.э.) ■ 13.2.3. Вторая волна взаимодействия (III в. до н.э. — IV в. н.э.) ■ 13.2.4. Третья волна взаимодействия (VI–IX вв.) ■ 13.2.5. Четвертая волна взаимодействия (X–XIV вв.) ■ 13.2.6. Пятая волна взаимодействия (XV–XVIII вв.) ■ 13.2.7. Шестая волна взаимодействия (XIX–XX вв.) ■ 13.2.8. Начало седьмой волны взаимодействия (XXI в.) ■ 13.3. Динамика евразийской цивилизации в индустриальную эпоху

ТОМ II. БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Оглавление

Часть ЧЕТВЕРТАЯ. БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 14. Контурные цивилизаций XXI века

- 14.1. У истоков третьего исторического суперцикла ■ 14.2. Сущность постиндустриальной цивилизации ■ 14.3. Трансформация структуры цивилизаций ■ 14.3.1. Демографические вызовы XXI века ■ 14.3.2. Альтернативы экологического будущего ■ 14.3.3. Грядущие технологические перевороты ■ 14.3.4. Глобализация и трансформация экономики ■ 14.3.5. Преобразования в социально-политической и государственно-правовой сферах ■ 14.3.6. Становление интегрального социокультурного строя ■ 14.4. Перспективы динамики и взаимодействия локальных цивилизаций 5-го поколения ■ 14.4.1. Вызов глобализации и ответ цивилизаций ■ 14.4.2. Трансформация локальных цивилизаций 5-го поколения

- 14.4.3. Перспективы динамики локальных цивилизаций в XXI веке
- 14.4.4. Сценарии взаимодействия цивилизаций в XXI веке

Глава 15. Глобальная цивилизация: новые вызовы

- 15.1. Новые вызовы для глобальной цивилизации в XXI веке
- 15.2. На пути к Всемирной конфедерации государств и цивилизаций
- 15.3. Два взгляда на будущее мира: приглашение к дискуссии
- 15.4. Цивилизации XXI века в зеркале футуросинергетики
- 15.4.1. Принципы футуросинергетики
- 15.4.2. Эволюционное пространство XXI века
- 15.4.3. Система потенциальных бифуркаций XXI века
- 15.4.4. Критерии устойчивого развития цивилизаций
- 15.4.5. Эволюция и взаимодействие цивилизаций
- 15.4.6. Западная цивилизация
- 15.4.7. Евразийская цивилизация
- 15.4.8. Свобода или необходимость?

Глава 16. Россия в геочивилизационном пространстве XXI века

- 16.1. Ситуационный анализ и прогноз геочивилизационной динамики России
- 16.2. Кластер критических ситуаций в динамике России к началу XXI века
- 16.3. Прогноз решения кластера критических ситуаций в XXI веке
- 16.4. Российская наука в геочивилизационном пространстве XXI века
- 16.4.1. Кризис современной науки
- 16.4.2. Пессимистичный сценарий будущего российской науки
- 16.4.3. Оптимистичный сценарий развития российской науки
- 16.4.4. Место России в мировом научном сообществе

Часть ПЯТАЯ. ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Глава 17. Клиометрические измерения динамики цивилизаций

- 17.1. Клиометрия как метод исторических исследований
- 17.2. Измерения интенсивности исторических событий в динамике цивилизаций
- 17.3. Цивилизационная динамика в зеркале стратегической матрицы
- 17.4. Длинные и сверхдлинные волны российской истории

Глава 18. Измерения динамики цивилизаций: геочивилизационная матрица

- 18.1. Методология измерения динамики цивилизаций
- 18.2. Измерения динамики цивилизаций Европы и севера Евразии
- 18.2.1. Динамика населения и ВВП
- 18.2.2. Греко-римская и византийская цивилизации
- 18.2.3. Западноевропейская цивилизация
- 18.2.4. Восточноевропейская цивилизация
- 18.2.5. Восточнославянская (евразийская) цивилизация
- 18.2.6. Сводная оценка динамики цивилизаций Европы и севера Евразии
- 18.3. Измерения динамики цивилизаций Азии и Африки
- 18.3.1. Тенденции динамики населения и ВВП
- 18.3.2. Индийская цивилизация
- 18.3.3. Китайская цивилизация
- 18.3.4. Японская цивилизация
- 18.3.5. Буддийская цивилизация
- 18.3.6. Мусульманская цивилизация
- 18.3.7. Монгольская цивилизация
- 18.3.8. Африканская цивилизация
- 18.3.9. Сводная оценка дина-

- мики цивилизаций Азии и Африки
- 18.4. Измерения динамики цивилизаций Америки и Океании
- 18.4.1. Тенденции динамики цивилизаций Америки и Океании
- 18.4.2. Доколумбовы цивилизации Америки
- 18.4.3. Североамериканская цивилизация
- 18.4.4. Латиноамериканская цивилизация
- 18.4.5. Цивилизация Океании
- 18.4.6. Сводная оценка динамики цивилизаций Америки и Океании
- 18.5. Сводная интегральная оценка динамики цивилизаций мира

Глава 19. Стратегические матрицы динамики цивилизаций Востока

- 19.1. Стратегическая матрица Индии
- 19.1.1. Индия в древности (до II в. н.э.)
- 19.1.2. Средние века и новая история Индии (VI — середина XIX в.)
- 19.1.3. Период независимости (с 1947 г.)
- 19.1.4. Перспективы Индии в XXI веке
- 19.2. Стратегическая матрица Китая
- 19.2.1. Древний Китай
- 19.2.2. Китай в Средние века (конец VI — начало XVII в.)
- 19.2.3. Новая история Китая (XVII — начало XX в.)
- 19.2.4. Новейшая история Китая (с 1949 г.)
- 19.2.5. Перспективы Китая в XXI веке
- 19.3. Стратегическая матрица Японии
- 19.3.1. Древняя Япония (III–VII вв.)
- 19.3.2. Япония в Средние века (VII — вторая половина XIX в.)
- 19.3.3. Новая история Японии (1868–1945 гг.)
- 19.3.4. Новейшая история Японии (1945–2004 гг.)
- 19.3.5. Перспективы Японии в XXI веке
- 19.4. Стратегическая матрица Ирана
- 19.4.1. Древняя Персия (558–359 гг. до н.э.)
- 19.4.2. Персия в эпоху кризиса рабовладельческих отношений (226–651 гг. н.э.)
- 19.4.3. Персия в Средние века (середина VII — начало X в.)
- 19.4.4. Иран под властью монгольских ханов и в послемонгольский период (XIII–XV вв.)
- 19.4.5. Персия в Новое время (середина XVI — конец XIX в.)
- 19.4.6. Иран в период Первой и Второй мировых войн
- 19.4.7. Иран в середине и конце XX века
- 19.4.8. Перспективы Ирана в XXI веке

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Ритмы динамики цивилизаций

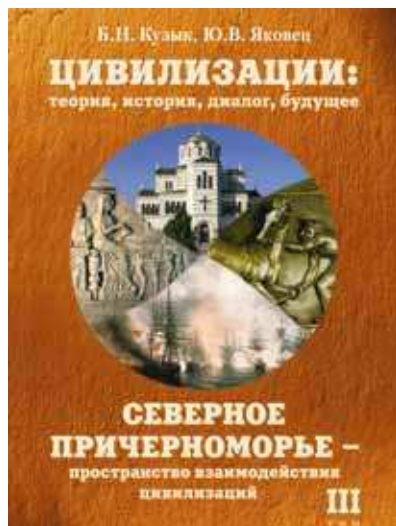
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями»

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Концепция становления многополярного мира на началах диалога и партнерства цивилизаций

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Герберт Уэллс о создании Всемирного государства

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Первая книга по теории цивилизаций. А.Л. Метлинский «О сущности цивилизации и значении ее элементов»

ТОМ III. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ — ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Наряду с локальными цивилизациями существуют и пространства их взаимодействия. Наиболее ярким примером такого пространства является Северное Причерноморье — поле взаимодействия цивилизаций и народов в течение более двух с половиной тысячелетий.

В книге впервые излагаются теоретические основы и история развития пространств взаимодействия цивилизаций, рассматриваются основные этапы развития и взаимодействия цивилизаций и народов в Северном Причерноморье в эпохи неолита и бронзового века, в периоды греческой колонизации, римского и византийского влияния, преобладания восточнославянской, мусульманской и евразийской цивилизаций. Приводятся конкретные примеры взаимодействия цивилизаций — от диалога и сотрудничества до противодействия и военных столкновений. Дается обзор археологических экспозиций этого периода в музеях России и Украины. Публикуются материалы научно-цивилизационной экспедиции по Северному Причерноморью, состоявшейся в июле 2005 г. В книге удачно сочетаются творческий научный поиск, научно-исторические статьи археологов и музейных работников и эмоциональные путевые заметки участников экспедиции. Перед читателем открываются увлекательные картины непростых отношений между цивилизациями и культурами на просторах Нижнего Дона и Приазовья, Тамани, Крыма, Южного Побужья, Северо-Западного и Северо-Восточного Причерноморья.

Книга рассчитана на широкий круг читателей — преподавателей и студентов, учителей и школьников, ученых, краеведов, туроператоров и туристов — всех, кто интересуется историей цивилизаций и их взаимодействиями.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ (В.И. Гуляев)

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. Пространства взаимодействия

цивилизаций: теория и история

1.1. Динамика цивилизаций во времени и пространстве ■ 1.1.1. Многомерность цивилизаций ■ 1.1.2. Развертывание цивилизаций во времени ■ 1.1.3. Распространение цивилизаций в пространстве (география цивилизаций) ■ 1.2. Пространства взаимодействия цивилизаций ■ 1.2.1. Неизбежность и сущность пространств взаимодействия цивилизаций ■ 1.2.2. Функции пространств взаимодействия цивилизаций ■ 1.3. Исторические ступени развития пространств взаимодействия цивилизаций ■ 1.3.1. Поля взаимодействий цивилизаций первых поколений ■ 1.3.2. Взаимодействие цивилизаций третьего поколения ■ 1.3.3. Пространства взаимодействия цивилизаций четвертого поколения ■ 1.3.4. Перспективы пространств взаимодействия цивилизаций в XXI веке

Глава 2. Предпосылки и истоки цивилизационного развития на территории Северного Причерноморья

2.1. Верхний палеолит и мезолит в Северном Причерноморье ■ 2.1.1. Географические границы Северного Причерноморья ■ 2.1.2. Природно-экологические и демографические циклы ■ 2.1.3. Первые шаги эволюции общества в Северном Причерноморье ■ 2.1.4. Поздний палеолит ■ 2.1.5. Период мезолита ■ 2.2. Неолитическая революция и взаимодействие племен в Северном Причерноморье ■ 2.2.1. Неолитическая революция ■ 2.2.2. Неолитическая революция и памятники неолита в Северном Причерноморье ■ 2.3. Бронзовый век в Северном Причерноморье ■ 2.3.1. Теоретические выводы о становлении локальных цивилизаций ■ 2.3.2. Энеолит в Северном Причерноморье ■ 2.3.3. Хронологические рамки и этапы бронзового века ■ 2.3.4. Природно-климатические условия ■ 2.3.5. Население и расселение ■ 2.3.6. Орудия труда и технологии бронзового века ■ 2.3.7. Экономический способ производства ■ 2.3.8. Вождистские общества и войны ■ 2.3.9. Духовный мир общества в бронзовом веке

Глава 3. Взаимодействие цивилизаций в Северном

Причерноморье в эпоху античности (VII в. до н.э. — V в. н.э.)

3.1. Теоретические вопросы взаимодействия греческих колоний с местными народами и племенами ■ 3.2. Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (В.И. Гуляев). ■ 3.2.1. Появление и происхождение скифов ■ 3.2.2. Кочевой образ жизни. ■ 3.2.3. Столкновение скифов с персидской цивилизацией ■ 3.2.4. Великая Скифия ■ 3.2.5. Взаимоотношения скифов с другими племенами и греческими

городами ■ 3.2.6. Искусство скифов ■ 3.3. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Е.М. Алексеева) ■ 3.4. Фанагория: греческий город в варварской земле (В.Д. Кузнецов) ■ 3.5. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья (Д.Б. Шелов) ■ 3.6. Великое наследие и связь времен (Е.Ф. Редина)

Глава 4. Взаимодействие цивилизаций третьего и четвертого поколений в Северном Причерноморье (VI–XX вв.)

4.1. Взаимодействие цивилизаций в Северном Причерноморье в Средние века (VI–XIV вв.) ■ 4.1.1. Взаимодействие цивилизаций в период становления Средневековья ■ 4.1.2. Русский каганат. Тмутаракань ■ 4.1.3. Влияние византийской цивилизации в Северном Причерноморье ■ 4.2. Золотая Орда, Крымское ханство и генуэзские колонии ■ 4.3. Евразийская и мусульманская цивилизации в борьбе за Северное Причерноморье в раннеиндустриальную эпоху ■ 4.4. Взаимодействие цивилизаций в Северном Причерноморье в индустриальную эпоху ■ 4.4.1. Шестая волна взаимодействия цивилизаций ■ 4.4.2. Крымская война как столкновение цивилизаций. ■ 4.4.3. Первая мировая и Гражданская войны ■ 4.4.4. Великая Отечественная война и Ялтинская конференция ■ 4.5. Перспективы взаимодействия цивилизаций в Северном Причерноморье в постиндустриальную эпоху

Глава 5. Северное Причерноморье во взаимодействии цивилизаций и племен: взгляд археологов

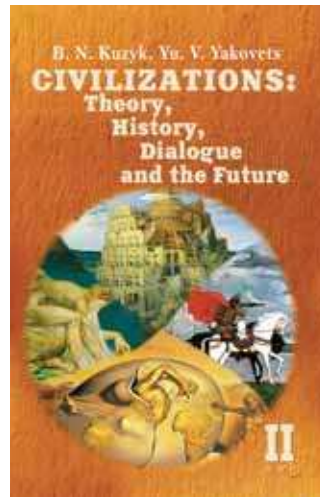
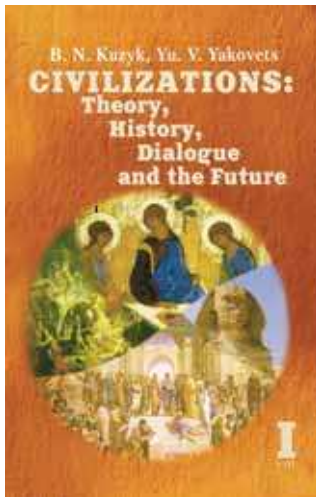
5.1. Приазовье и Прикубанье ■ 5.1.1. Между Востоком и Западом: варварский и античный мир Подонья–Приазовья (В.Е. Максименко) ■ 5.1.2. Город Азов во взаимодействии цивилизаций (Н.М. Фомичев) ■ 5.1.3. Дон и Приазовье в античной мифологии (С.И. Лукьяшко) ■ 5.1.4. Историческое прошлое Северо-Восточного Приазовья. Древности Мисского полуострова. Таганрогское поселение (А.Л. Бойко) ■ 5.1.5. Таганрог и Северное Приазовье ■ Таганрогское поселение — кремны на Меотийском озере (М.В. Герасименко) ■ Скифы и сарматы в Приазовье (II в. до н.э. – IV в. н.э.) (Н.М. Клеопатро) ■ Приазовье в эпоху Золотой Орды (Н.М. Клеопатро) ■ 5.1.6. Греческий полис Горгиппия (Е.М. Алексеева) ■ 5.1.7. Гермонасса. Взаимоотношения античных традиций и варварской культуры (С.И. Финогонова) ■ 5.1.8. Археологические памятники в районе Сочи ■ Каменный век (В.Н. Розов) ■ Бронзовый век (В.Н. Розов) ■ Железный век (В.Н. Розов) ■ Средневековая эпоха (В.Н. Розов) ■ Адыги (Т.В. Половинкина) ■ Памятники Средневековой эпохи (А.В. Гусева) ■ Присоединение Черноморского побережья Кавказа к России. 1829–1864 гг. (В.Г. Антонюк) ■ 5.2. От Пантикапея до Херсонеса ■ 5.2.1. Пантикапей — столица Боспорского царства (В.П. Толстиков) ■ 5.2.2. Боспорские города Керченского полуострова (О.Ю. Соколова) ■ Порфмий ■ Нимфей ■ Мирмекий ■ Тиритака ■ Китей

■ Акра ■ 5.2.3. «Мирмекийский клад» (А.М. Бутякин) ■ 5.2.4. Древняя и средневековая Феодосия (Е.А. Айбабина) ■ 5.2.5. Феодосийский краеведческий музей (Е.А. Айбабина) ■ 5.2.6. На границе эллинского и варварского миров: погребение «царицы» в Ногайчинском кургане (Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева) ■ 5.3. Херсонес, Чембало и Керкинитида ■ 5.3.1. Херсонес–Херсон–Корсунь: памятник цивилизации (В.М. Зубарь). ■ 5.3.2. Средневековая крепость Чембало (Балаклава) (С.Б. Адаксина, В.П. Кирилко, В.Л. Мыц) ■ 5.3.3. Керкинитида и Западный Крым в античную эпоху (С.Б. Ланцов) ■ 5.3.4. Усть-Альминский позднескифский некрополь в Юго-Западном Крыму (Ю.П. Зайцев) ■ 5.4. Пещерные города и крепости ■ 5.4.1. Мангуп — столица княжества Феодоро (А.А. Волошинов, Т.В. Волошинова) ■ 5.4.2. Святители на Гурзуфском Седле (Н.Г. Новиченкова) ■ 5.5. Симферополь и Бахчисарай ■ 5.5.1. Неаполь Скифский: взгляд археолога (Ю.П. Зайцев) ■ 5.5.2. Бахчисарай: народы, века и традиции (А.А. Волошинов, Т.В. Волошинова) ■ 5.5.3. Народы Крыма в материалах из собрания Крымского республиканского краеведческого музея (Л.Н. Храпунова) ■ 5.5.4. Татарское народное искусство в диалоге культур (Н.М. Акчурина-Муфтиева) ■ 5.6. Ольвия и Тира ■ 5.6.1. Ольвия Понтийская (В.В. Крапивина) ■ 5.6.2. Древняя Тира: взаимодействие греческой колонии с племенами Северо-Западного Причерноморья (Т.Л. Самойлова)

Глава 6. Научно-цивилизационная экспедиция по Северному Причерноморью

6.1. Замысел и цели экспедиции (А.Г. Федоров) ■ 6.2. На Нижнем Подонье ■ 6.2.1. Ростов-на-Дону. Ростовский краеведческий музей ■ 6.2.2. Сергей Викторович Гуркин ■ 6.2.3. Танаис ■ 6.2.4. Донские варяги. Аксай ■ 6.2.5. Азов ■ 6.3. Горгиппия, Гермонасса и Фанагория ■ 6.3.1. Анапа ■ 6.3.2. Тамань, Тмутаракань ■ 6.3.3. Фанагория — Мекка археологов ■ 6.4. Боспорское царство: Пантикапей и Феодосия ■ 6.4.1. Переправа ■ 6.4.2. Керчь–Пантикапей ■ 6.4.3. Феодосия–Кафа ■ 6.5. Судак и Ялта. Крепость и дворцы ■ 6.5.1. Переход на яхте из Феодосии в Судак ■ 6.5.2. Судак. Генуэзская крепость ■ 6.5.3. Старая закуска ■ 6.5.4. Ночной маршрут ■ 6.5.5. Ялтинский музей ■ 6.5.6. Массандра ■ 6.5.7. Воронцовский дворец ■ 6.5.8. Ливадия ■ 6.5.9. Дворцы Юсуповых в Крыму (Н.В. Глушенкова) ■ 6.5.10. Ласточкино гнездо ■ 6.6. Херсонес и Севастополь ■ 6.6.1. Херсонес ■ 6.6.2. Севастополь. Панорама ■ 6.7. Пещерные города и крепости в Горном Крыму ■ 6.7.1. Мангуп ■ 6.7.2. Эски-Кермен ■ 6.7.3. Юрий Петрович Зайцев ■ 6.8. Неаполь Скифский и Бахчисарай ■ 6.8.1. Симферополь. Крымские археологи ■ 6.8.2. Неаполь Скифский ■ 6.8.3. Таврический краеведческий музей

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Уроки прошлого и взгляд на будущее

CIVILIZATIONS: THEORY, HISTORY, DIALOGUE AND THE FUTURE

VOLUME I. THEORY AND HISTORY OF CIVILIZATIONS

Contents

FOREWORD A Step Forward in Social Sciences A.D. Nekipelov

INTRODUCTION New Century — New Vision of the Past and the Future

PART I. THEORY OF CIVILIZATIONS

Chapter 1. Emergence and Development of the Theory of Civilizations

■ 1.1. Civilizations: from the Multi-Dimensional Reality to Scientific Categories ■ 1.2. Formation of the Theory of Civilizations ■ 1.3. Theories of Civilizations of the 20th Century ■ 1.4. Contemporary Russian Civilizational Schools ■ 1.5. Essentials of the Theory of Civilizations ■ 1.5.1. Concept and Types of Civilizations ■ 1.5.2. Structure of Civilizations ■ 1.5.3. Evolution of Civilizations in Time ■ 1.5.4. Diffusion of Civilizations in Space ■ 1.5.5. Civilizational Approach to History and Future of Humanity ■ 1.5.6. Place of the Theory of Civilizations in the System of Sciences

Chapter 2. Civilizational Cycles and Crises

■ 2.1. Regularities in Cyclical Dynamics of Social Systems ■ 2.2. Cycles and Crises in Dynamics of Local Civilizations ■ 2.3. Cyclicity in Dynamics of World Civilizations ■ 2.4. Historical Super Cycles in the Development of the Global Civilization

The issue of civilizations — their past and future, dynamics and interaction — are among the overriding problems of social sciences and socio-political life of the 21st century. The book of known Russian scientists B. N. Kuzyk, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, and Yu.V. Yakovets, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, is devoted to these matters.

The reader will find an original treatment of the theory of civilizations, cyclical-genetic regularities of their dynamics, dialogue and interaction, substantiation of historic time compression law. In a civilizational aspect the demographic, natural-ecological, technological, economic, socio-political, spiritual factors of society's development are investigated. The history and the future of civilizations are expounded along three historical super cycles. For the first time the cliometric measurements of the global, world and local civilizational dynamics have been made using a geocivilizational matrix and supplemented by a situation analysis, including a forecast of the place of Russia in a geocivilizational space of the 21st century.

This treatise appeals not only to scientists, post-graduates, students, but also to statesmen, politicians and public figures, to everybody who feels concern for the foredoom of the country and humankind.

Chapter 3. Civilizational Sociogenetics

■ 3.1. Sociogenetics as the Cognition Top of Regularities in the Dynamics of Society ■ 3.2. Heredity: Social Genotype of Civilizations ■ 3.3. Variability: Transformation of the Civilization Genotype ■ 3.4. Selection: Mechanism of Development and Change of Civilizations

Chapter 4. Dialogue among Civilizations:

Theory, Spheres and Institutions

■ 4.1. Content of the Dialogue among Civilizations and Its Place in the System of Their Interaction ■ 4.2. Spheres of Dialogue and Interaction among Local Civilizations ■ 4.3. Institutions for the Dialogue among Civilizations

PART II. TRANSFORMATIONS

OF THE CIVILIZATIONAL STRUCTURE

Chapter 5. Natural-Ecological Cycles and Crises in the Evolution of Civilizations

■ 5.1. Natural Factor in Emergence and Evolution of Civilizations ■ 5.2. Spiral of Ecological Cycles and Crises ■ 5.3. Ecological Future of Civilizations ■ 5.4. Ecological Future of Russia ■ 5.5. On the Path to the Noospheric Civilization

Chapter 6. Demographic Basis

for Transformation of Civilizations

■ 6.1. Classification of Demographic Cycles ■ 6.2. Historical Trends in Cyclical Dynamics of Population Numbers ■ 6.3. Demographic Challenges of the 21st Century ■ 6.4. Demographic

Threats to Russia

**Chapter 7. Innovative-Technological Cycles and Crises:
a Civilizational Aspect**

■ 7.1. Technologies in the Structure and Dynamics of Civilizations ■ 7.2. Stages of Technological Evolution of Civilizations ■ 7.3. Innovative Waves of the 20th Century ■ 7.4. Innovative Breakthrough to Technological Future of Civilizations

Chapter 8. Cyclicity of Economic Dynamics of Civilizations

■ 8.1. The Gamut of Economic Cycles and Crises ■ 8.2. Economic Cycles and Crises in the Dynamics of Civilizations ■ 8.3. Structural Dynamics of Economy of Civilizations ■ 8.4. Cycles and Crises in the Economy of Civilizations of the 21st Century ■ 8.5. Reproduction and Innovative Renovation Mechanisms of Resources

**Chapter 9. Cyclical Dynamics of the Socio-Political System,
Revolutions and Warfare**

■ 9.1. Civilizational Dynamics of Social Stratification and Mobility ■ 9.2. State-Legal Cycles, Crises and Transformations ■ 9.3. Revolutions in the Civilizational Dynamics ■ 9.4. Warfare in the Structure and Dynamics of Civilizations

**Chapter 10. Cyclical Dynamics of the Spiritual
Sphere of Civilizations**

■ 10.1. Key Role of the Spiritual Sphere in the Structure and Dynamics of Civilizations ■ 10.2. Scientific Revolutions and Crises ■ 10.3. Cyclicity in the Dynamics of Culture ■ 10.4. Educational Cycles and Revolutions in Education ■ 10.5. Dynamics of the System of Civilizational Values

PART III. HISTORY OF CIVILIZATIONS

Chapter 11. Civilizations of the Antiquity

■ 11.1. Preconditions and Factors for the Emergence of Civilizations ■ 11.1.1. Prehistory of Civilizations ■ 11.1.2. The Neolithic Civilizations ■ 11.1.3. Early Class Civilization (the Bronze Age) ■ 11.1.4. The Ancient World Civilization (the Iron Age) ■ 11.2. Dynamics of the Structure of the World Civilizations of Antiquity ■ 11.2.1. Man, Family, Population of Early Societies ■ 11.2.2. Technology and Ecology in the Antiquity ■ 11.2.3. Economy of Early Civilizations ■ 11.2.4. Formation of the Social and Political Structure of Society ■ 11.2.5. Spiritual Life of Early Societies ■ 11.3. Local Civilizations in the Ancient World ■ 11.3.1. Emergence and First Generations of Local Civilizations ■ 11.3.2. Civilizations of the Mediterranean ■ 11.3.3. Early Civilizations of the East ■ 11.3.4. Early Civilizations on the Territory of Western and Eastern Europe ■ 11.3.5. Civilizations of the Pre-Columbian America ■ 11.4. Dialogue and Interaction among Civilizations of the First Two Generations

Chapter 12. Civilizations of the Second Historic Super Cycle

■ 12.1. World Civilizations of the Second Historic Super Cycle ■ 12.1.1. Medieval Civilization ■ 12.1.2. Early Industrial Civiliza-

tion ■ 12.1.3. Industrial Civilization ■ 12.2. Dynamics of the Structure of Civilizations of the Second Super Cycle ■ 12.2.1. Growth of Population Numbers, Demands and Abilities of Man ■ 12.2.2. Technological Overturns ■ 12.2.3. Economic Transformations ■ 12.2.4. Evolution of the Socio-Political System ■ 12.2.5. Dynamics of the Spiritual Sphere ■ 12.3. Evolution and Interaction among Civilizations of the Third and the Fourth Generations ■ 12.3.1. Dynamics of Civilizations of the East ■ 12.3.2. Dominance of the Western Civilization ■ 12.3.3. Dialogue and Interaction among Civilizations of the Third and the Fourth Generations

Chapter 13. Civilizational Dynamics on the North of Eurasia

■ 13.1. Rhythms of Civilizational Dynamics in the Region ■ 13.1.1. Neolith ■ 13.1.2. Bronze Age ■ 13.1.3. Iron Age ■ 13.1.4. Eastern Slavic Civilization ■ 13.1.5. Vladimir-Suzdal Russia and the Muscovy Czarism (Russian Civilization) ■ 13.1.6. Formation of the Northern Eurasian Civilization ■ 13.1.7. The Fate of the Eurasian Civilization in the 21st Century ■ 13.2. North Regions of the Black Sea as Space of Interaction among Local Civilizations ■ 13.2.1. Spaces of Interaction among Civilizations ■ 13.2.2. Waves of Interaction among Civilizations The First Wave of Interaction (7th–4th c. B.C.) ■ 13.2.3. The Second Wave of Interaction (3rd c. B.C. — 4th c. A.D.) ■ 13.2.4. The Third Wave of Interaction (6th–9th c.) ■ 13.2.5. The Fourth Wave of Interaction (10th–14th c.) ■ 13.2.6. The Fifth Wave of Interaction (15th–18th c.) ■ 13.2.7. The Sixth Wave of Interaction (19th–20th c.) ■ 13.2.8. The Beginning of the Seventh Wave of Interactions (21st c.) ■ 13.3. Dynamics of the Eurasian Civilization in the Industrial Period

**VOLUME II. FUTURE OF CIVILIZATIONS
AND GEOCIVILIZATIONAL
MEASUREMENTS**

Contents

PART IV. FUTURE OF CIVILIZATIONS

Chapter 1. Outlines of Civilizations of the 21st Century

■ 14.1. At the Outset of a New Historic Super Cycle ■ 14.2. The Essence of the Post-Industrial Civilization ■ 14.3. Transformation of the Structure of Civilizations ■ 14.3.1. Demographic Polarization of the 21st Century ■ 14.3.2. Alternatives of Ecological Future ■ 14.3.3. Coming Technological Overturns ■ 14.3.4. Globalization and Transformation of Economy ■ 14.3.5. Transformations in the Socio-Political and State-Legal Spheres ■ 14.3.6. Formation of Integral Socio-Cultural System ■ 14.4. Outlooks of the Dynamics and Interaction among Local Civilizations of the Fifth Generation ■ 14.4.1. Challenge of Globalization and Response of Civilizations ■ 14.4.2. Transformation of Local Civilizations of the Fifth Generation ■ 14.4.3. Outlooks of the Dynamics of Local Civilizations

in the 21st Century ■ 14.4.4. Scenarios of Interaction among Civilizations in the 21st Century

Chapter 15. Global Civilization: New Challenges

■ 15.1. New Challenges to the Global Civilization in the 21st Century ■ 15.2. On the Path to the World Confederation of States and Civilizations ■ 15.3. Two Views on the Future of the World: Invitation to Discussion ■ 15.4. Future of Civilizations in the Mirror of Future Synergetics ■ 15.4.1. Principles of Futurosynergetics ■ 15.4.2. Evolutionary Space of the 21st Century ■ 15.4.3. The System of Potential Bifurcations of the 21st Century ■ 15.4.4. Criteria of Sustainable Development of Civilizations ■ 15.4.5. Evolution and Interaction of Civilizations ■ 15.4.6. Western Civilization ■ 15.4.7. Eurasian Civilization ■ 15.4.8. Freedom or Necessity?

Chapter 16. Russia in Geocivilizational Space of the 21st Century

■ 16.1. Situation Analysis and Forecast of Geocivilizational Dynamics of Russia ■ 16.2. The Cluster of Critical Situations in Dynamics of Russia by the Beginning of the 21st Century ■ 16.3. The Forecast for Solution of the Cluster of Critical Situations in the 21st Century ■ 16.4. The Russian Science in a Geocivilizational Space of the 21st Century ■ 16.4.1. Crisis of Modern Science ■ 16.4.2. Pessimistic Scenario of the Future of the Russian Science ■ 16.4.3. Optimistic Scenario of the Development of the Russian Science ■ 16.4.4. Place of Russia in the World Scientific Community

PART V. GEOCIVILIZATIONAL MEASUREMENTS

Chapter 17. Cliometric Measurements of Civilizational Dynamics

■ 17.1 Cliometry as a Method of Historic Measurements ■ 17.2. Determination of Intensity of Historical Events in the Dynamics of Civilizations ■ 17.3. Civilizational Dynamics the Mirror in of the Strategic Matrix ■ 17.4. Long and Super Long Waves of Russian History

Chapter 18. Measurement of Civilizational Dynamics: a Geocivilizational Matrix

■ 18.1. Methodology for Measurement of Civilizational Dynamics ■ 18.2. Measurement of Civilizational Dynamics of Europe and North of Eurasia ■ 18.2.1. Dynamics of Population and GDP ■ 18.2.2. Greco-Roman and Byzantine Civilization ■ 18.2.3. Western European Civilization ■ 18.2.4. Eastern European Civilization ■ 18.2.5. Eastern Slavic (Eurasian) Civilization ■ 18.2.6. Summary Estimation of Dynamics of Civilizations of Europe and North of Eurasia ■ 18.3. Measurements of Dynamics of Civilizations of Asia and Africa ■ 18.3.1. Tendencies in the Dynamics of Population and GDP ■ 18.3.2. Indian Civilization ■ 18.3.3. Chinese Civilization ■ 18.3.4. Japanese Civilization ■ 18.3.5. Buddhist Civilization ■ 18.3.6. Moslem Civilization ■ 18.3.7. Mongolian Civilization ■ 18.3.8. African Civilization ■ 18.3.9. Summary Estimation of Civilizations of Asia and Africa ■ 18.4. Measurement of Civilizational Dynamics

of America and Oceania ■ 18.4.1. Tendencies of Dynamics of Civilizations of America and Oceania ■ 18.4.2. Pre-Columbian Civilizations ■ 18.4.3. North American Civilization ■ 18.4.4. Latin American Civilization ■ 18.4.5. Civilizations of Oceania ■ 18.4.6. Summary Estimation of Dynamics of Civilizations of America and Oceania ■ 18.5. Summary Integral Estimation of World Civilizational Dynamics

Chapter 19. Strategic Matrices of Eastern Civilizations Dynamics

■ 19.1. Strategic Matrix of India ■ 19.1.1. India in the Ancient Period (before the 2nd c. A.D.) ■ 19.1.2. The Middle Ages and Modern History of India (6th — middle of the 19th c.) ■ 19.1.3. The Independence Period (from 1947) ■ 19.1.4. Outlooks of India in the 21st c. ■ 19.2. Strategic Matrix of China ■ 19.2.1. Ancient China ■ 19.2.2. China in the Middle Ages (end of the 6th — beginning of the 17th c.) ■ 19.2.3. Modern History of China (17th — beginning of the 20th c.) ■ 19.2.4. Contemporary History of China (from 1949) ■ 19.2.5. Outlooks of China in the 21st c. ■ 19.3. Strategic Matrix of Japan ■ 19.3.1. Ancient Japan (3rd–7th c.) ■ 19.3.2. Japan in the Middle Ages (7th — the second half of the 19th c.) ■ 19.3.3. Modern History of Japan (1868–1942) ■ 19.3.4. Contemporary History of Japan (1945–2004) ■ 19.3.5. Outlooks of Japan in the 21st c. ■ 19.4. Strategic Matrix of Iran ■ 19.4.1. Ancient Persia (558–359 B.C.) ■ 19.4.2. Persia in the Crisis Period of Slave Relations (226–651 A.D.) ■ 19.4.3. Persia in the Middle Ages (middle of the 7th — beginning of the 10th c.) ■ 19.4.4. Iran under the Reign of the Mongolian Khans and in the Post-Mongolian Period (13th–15th cc.) ■ 19.4.5. Persia in the Modern Period (middle of the 16th — end of the 19th c.) ■ 19.4.6. Iran during World Wars I and II ■ 19.4.7. Iran in the Middle and the End of the 20th c. ■ 19.4.8. Outlooks of Iran in the 21st c.

AFTERWORD Rhythms of Civilizational Dynamics.

SUPPLEMENT 1. Resolution Adopted by the General Assembly «Global Agenda for Dialogue among Civilizations».

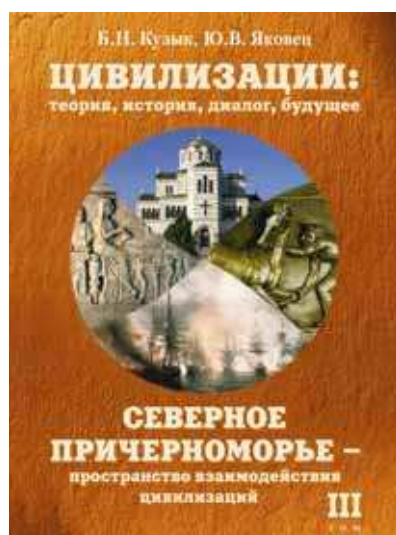
SUPPLEMENT 2. UNESCO Universal Declaration in Cultural Diversity

SUPPLEMENT 3. Concept of Sustainable Development and Solution of Global Problems on the Basis of Dialogue and Partnership of Civilizations

SUPPLEMENT 4. World Trade and Fairness: Civilizational Aspect

SUPPLEMENT 5. Six Enigmas of the Minoan Civilization

SUPPLEMENT 6. The First Book on the Theory of Civilizations. A. Metlinsky. About the Essence of Civilization

VOLUME III. NORTHERN BLACK SEA REGIONS — SPACE OF INTERACTION AMONG CIVILIZATIONS

Along with local civilizations there are spaces of their interaction. The most demonstrative example of such space is the northern Black Sea regions — a field of interaction among civilizations and peoples within more than two and a half millennia.

The book for the first time sets forth theoretical foundations and history of development of spaces of interaction among civilizations, deals with basic stages in the development and interaction of civilizations and peoples in the northern Black Sea regions in the Neolithic and Bronze Age, periods of Greek colonization, Roman and Byzantine influence, prevalence of eastern Slavic, Moslem and Eurasian cultures. Actual examples of interaction among civilizations — from dialogue and cooperation to backset and military clashes are provided. An overview of archeological expositions of this period in the museums of Russia and Ukraine is given. The outputs of the scientific-civilizational expedition to the northern Black Sea regions conducted in July 2005 are published. The book unites well a creative scientific search, scientific-historical articles of archeologists and museum workers and emotional itineraries of the expedition members. Exciting pictures of not simple relations between civilizations and cultures within the space of the Nizhny Don and Sea of Azov regions, Taman, Crimea, Southern Pobuzhie, northwestern and northeastern Black Sea regions will open to a reader.

The book is intended for a wide readership — educators and students, teachers and schoolchildren, and scientists, regional ethnographers, tour operators and travelers — for everybody who is interested in the history of civilizations and their interaction.

Contents

FOREWORD (V.I. Gulyaev)

INRODUCTION

CHAPTER 1. Spaces of Interaction among Civilizations: Theory and History

■ 1.1. Dynamics of Civilizations in Time and Space ■ 1.1.1. Multidimensionality of Civilizations ■ 1.1.2. Evolvement of Civilizations in Time ■ 1.1.3. Expansion of Civilizations in Space (Geography of Civilizations) ■ 1.2. Spaces of Interaction among Civilizations ■ 1.2.1. Certitude and Essence of Spaces of Interaction among Civilizations ■ 1.2.2. Functions of Spaces of Interaction among Civilizations ■ 1.3. Historical Steps in the Development of Spaces of Interaction among Civilizations ■ 1.3.1. Areas of Interaction among Civilizations of the First Generations ■ 1.3.2. Interaction among Civilizations of the Third Generation ■ 1.3.3. Spaces of Interaction among Civilizations of the Fourth Generation ■ 1.3.4. Prospects for Spaces of Interaction among Civilizations in the 21st century

CHAPTER 2. Preconditions and Beginnings of Civilizational Development in the Northern Black Sea Regions (Neolithic, Eneolithic and Bronze Age)

■ 2.1. Upper Paleolithic and Mesolithic in the Northern Black Sea Regions (40-8 millinnea B.C.) ■ 2.1.1. Geographical Boundaries of the Northern Black Sea Regions ■ 2.1.2. Natural-Demographic and Ecological Cycles ■ 2.1.3. First Steps in the Evolution of Society in the Northern Black Sea Regions ■ 2.1.4. Late Paleolithic ■ 2.1.5. Mesolithic Age ■ 2.2. Neolithic Revolution and Interaction of Tribes in the Northern Black Sea Regions (end of the 6th — beginning of the 5th millennium B.C.) ■ 2.2.1. Neolithic Revolution ■ 2.2.2. Neolithic Revolution and Neolithic Monuments in the Northern Black Sea Regions ■ 2.3. Bronze Age in the Northern Black Sea Regions (end of the 4th — 2nd millennium B.C.) ■ 2.3.1. Theoretical Findings on the Establishment of Local Civilizations ■ 2.3.2. Eneolithic in the Northern Black Sea Regions ■ 2.3.3. Chronological Frames and Stages of the Bronze Age ■ 2.3.4. Natural-Climate Conditions ■ 2.3.5. Population and Settlement ■ 2.3.6. Instruments of Labor and Bronze Age Technologies ■ 2.3.7. Economic Mode of Production ■ 2.3.8. Leader-based Societies and Wars ■ 2.3.9. Spiritual World of Society in the Bronze Age

CHAPTER 3. Interaction of Civilizations in the Northern Black Sea Regions in the Antiquity (7th c. B.C. — 5th c. A.D.)

■ 3.1. Theoretical Issues of Interaction among Greek Colonies with Local Peoples and Tribes ■ 3.2. The Scythians of the Northern Black Sea Regions in the 7th-6th cc. B.C. (V.I. Gulyaev) ■ 3.2.1. Emergence and Origins of the Scythians ■ 3.2.2. Nomadic Way of Life ■ 3.2.3. Clash of the Scythians with the

Persian Civilization ■ 3.2.4. Great Scythia ■ 3.2.5. Relations of the Scythians with Other Tribes and Greek Polies ■ 3.2.6. Scythian Art ■ 3.3. Greek Colonization of the Northern Black Sea Regions (E.M. Alexeyeva) ■ 3.4. Phanagoria: Greek City in the Barbarian Land (V.D. Kuznetsov) ■ 3.5. A Historic Role of Antique States of the Northern Black Sea Regions (D.B. Shelov) ■ 3.6. Great Heritage and Link of Times (Ye.F. Redina)

CHAPTER 4. Interaction among Civilizations

of the Third and Fourth Generation

in the Northern Black Sea Regions (6th-20th cc.)

■ 4.1. Interaction of Civilizations in the Northern Black Sea Region in the Middle Ages (6th-16th cc.) ■ 4.1.1. Interaction of Civilizations in the Establishment of the Middle Ages ■ 4.1.2. Russian Kaganate. Tmutarakhan ■ 4.1.3. Influence of the Byzantine Civilization in the Northern Black Sea Regions ■ 4.2. The Golden Horde, Crimean Khanate and Genoese Colonies ■ 4.3. Eurasian and Moslem Civilizations in Struggle for the Northern Black Sea Regions in the Early Industrial Period ■ 4.4. Interaction of Civilizations in the Industrial Period ■ 4.4.1. The Sixth Wave of Interaction Among Civilizations ■ 4.4.2. The Crimean War as the Clash of Civilizations ■ 4.4.3. World War I and Civil Wars ■ 4.4.4. World War II (Great Patriotic War) and the Yalta Conference ■ 4.5. Prospects for Interaction of Civilizations in the Northern Black Sea Regions in the Post Industrial Period

CHAPTER 5. Northern Black Sea Regions in Interaction

of Civilizations and Tribes. A View of Archeologists

■ 5.1. The Sea of Azov and Kuban Regions ■ 5.1.1. Between the East and the West: Barbarian and Antique World of the Don and Azov Regions (V.E. Maximenko) ■ 5.1.2. The city of Azov in Interaction among Civilizations (N.M. Fomichev) ■ 5.1.3. Don and Azov Regions in the Ancient Mythology (S.I. Lukiashko) ■ 5.1.4. Historical Past of the Northern-Eastern Azov Regions. Antiquities of the Miussky Peninsula. Taganrog Settlement (A.L. Boiko) ■ 5.1.5. Taganrog – and Northern Sea of Azov Regions ■ Taganrog Settlement – Cremns on the Maeotian Lake (M.V. Gerasimenko) ■ Scythians and Sarmatians in the Sea of Azov Regions (2nd c. B.C. – 4th c. A.D.) (N.M. Kleopatro) ■ the Sea of Azov Regions in the Golden Horde Period (N.M. Kleopatro) ■ 5.1.6. Greek Poleis – Gorgippia (E.M. Alexeyeva) ■ 5.1.7. Germonassa. Relations of Ancient Traditions and Barbarian (S.I. Finogenova) ■ 5.1.8. Archeological Monuments near Sochi ■ Stone Age; Bronze Age; Iron Age (V.N. Rozov) ■ Middle Ages (V.N. Rozov) ■ Adygs (T.V. Polovinkina) ■ Monuments of the Middle Ages (A.V. Guseva) ■ Annexation of the Black Sea Coast of Caucasus to Russia. 1829-1864 (V.G. Antonyuk) ■ 5.2. From Panticapaeum to Chersonesos ■ 5.2.1. Panticapaeum – the Capital of the Bosporean Kingdom (V.P. Tolstikov) ■ 5.2.2. Bosporean Cities of the Kerch Peninsula: ■ Porthmion ■ Nymphaion ■ Myrmekion ■ Tyritake ■ Kytaia ■ Acra (O.Yu. Sokolova) ■ 5.2.3. 'The Mirmekion Treasure' (A.M. Butyakin) ■ 5.2.4. Theodosia — in Antiquity and Middle Ages (Ye. A. Aibabina) ■ 5.2.5. Theodosia Local History Museum (Ye. A. Aibabina) ■ 5.2.6. On the Border of the Hellenic and Barbarian Worlds: Burial of 'Czarina' in the Nogaichinsk Burial Hill (Yu.P. Zaitsev, V.I. Mordvintseva) ■ 5.3. Chersonesos, Chimbalo and Kerkinitis ■ 5.3.1. Chersonesos – Cherson – Korsun: Monument to Civilization (V.M. Zubar) ■ 5.3.2. Chimbalo (Balaklava) Medieval Fortress (S.B. Adaxina, V.P. Kirilko, V.L. Myts) ■ 5.3.3. Kerkinitis and Western Crimea in the Antiquity (S.B. Lantsov) ■ 5.3.4. Ust-Alminsky Late Scythian Necropolis in the South-western Crimea (Yu.P. Zaitsev) ■ 5.4. Cave Cities and Fortresses ■ 5.4.1. Mangup – the Capital of the Principality of Theodoro (A.A. Voloshinov, T.V. Voloshinova) ■ 5.4.2. Sanctuary in the Gurzuf Saddle (N.G. Novichenkova) ■ 5.5. Simferopol and Bahchisarai ■ 5.5.1. Scythian Naples: A View of Archeologist (Yu.P. Zaitsev) ■ 5.5.2. Bahchisarai: Peoples, Centuries and Traditions (A.A. Voloshinov, T.V. Voloshinova) ■ 5.5.3. Crimean Peoples in the Collections of the Crimean Republican Local History Museum (L.N. Khrapunova) ■ 5.5.4. Tartar Folk Arts in the Dialogue of Cultures (N.M. Akchurina-Muftieva) ■ 5.6. Olbia and Tyras ■ 5.6.1. Pontic Olbia (V.V. Krapivina) ■ 5.6.2. Ancient Tyras: Interaction of the Greek Colony with the Tribes of the Northwestern Black Sea Regions (T.L. Samoilova)

■ 5.2.4. Theodosia — in Antiquity and Middle Ages (Ye. A. Aibabina) ■ 5.2.5. Theodosia Local History Museum (Ye. A. Aibabina) ■ 5.2.6. On the Border of the Hellenic and Barbarian Worlds: Burial of 'Czarina' in the Nogaichinsk Burial Hill (Yu.P. Zaitsev, V.I. Mordvintseva) ■ 5.3. Chersonesos, Chimbalo and Kerkinitis ■ 5.3.1. Chersonesos – Cherson – Korsun: Monument to Civilization (V.M. Zubar) ■ 5.3.2. Chimbalo (Balaklava) Medieval Fortress (S.B. Adaxina, V.P. Kirilko, V.L. Myts) ■ 5.3.3. Kerkinitis and Western Crimea in the Antiquity (S.B. Lantsov) ■ 5.3.4. Ust-Alminsky Late Scythian Necropolis in the South-western Crimea (Yu.P. Zaitsev) ■ 5.4. Cave Cities and Fortresses ■ 5.4.1. Mangup – the Capital of the Principality of Theodoro (A.A. Voloshinov, T.V. Voloshinova) ■ 5.4.2. Sanctuary in the Gurzuf Saddle (N.G. Novichenkova) ■ 5.5. Simferopol and Bahchisarai ■ 5.5.1. Scythian Naples: A View of Archeologist (Yu.P. Zaitsev) ■ 5.5.2. Bahchisarai: Peoples, Centuries and Traditions (A.A. Voloshinov, T.V. Voloshinova) ■ 5.5.3. Crimean Peoples in the Collections of the Crimean Republican Local History Museum (L.N. Khrapunova) ■ 5.5.4. Tartar Folk Arts in the Dialogue of Cultures (N.M. Akchurina-Muftieva) ■ 5.6. Olbia and Tyras ■ 5.6.1. Pontic Olbia (V.V. Krapivina) ■ 5.6.2. Ancient Tyras: Interaction of the Greek Colony with the Tribes of the Northwestern Black Sea Regions (T.L. Samoilova)

CHAPTER 6. A Scientific-Civilizational Expedition to the Northern Black Sea Regions

■ 6.1. Plan and Aims of the Expedition (A.G. Fedorov) ■ 6.2. In the Low Don Region ■ 6.2.1. Rostov-on-Don, Rostov Local History Museum ■ 6.2.2. Sergey Viktorovich Gurkin ■ 6.2.3. Tanais ■ 6.2.4. The Don Varangians. Aksay ■ 6.2.6. Azov ■ 6.3. Gorgippia, Germonassa and Phanagoria ■ 6.3.1. Anapa ■ 6.3.2. Taman, Tmutarakhan ■ 6.3.3. Phanagoria: Mecca for Archeologists ■ 6.4. The Bosporean Kingdom: Panticapaeum and Theodosia ■ 6.4.1. Crossing ■ 6.4.2. Kerch – Panticapaeum ■ 6.4.3. Theodosia, Kaffa ■ 6.5. Sudak and Yalta. Fortress and Palaces ■ 6.5.1. Passage by Yacht from Theodosia to Sudak ■ 6.5.2. Sudak: The Genoese Fortress ■ 6.5.3. Of the Old Stamp ■ 6.5.4. Night Schumacher ■ 6.5.5. The Yalta Museum ■ 6.5.6. Massandra ■ 6.5.7. The Vorontsov Palace ■ 5.8. Livadia ■ 6.5.9. The Yusupov Palaces in the Crimea (N.V. Glushenkova) ■ 6.5.10. Lastochkino Gnezdo (Swallow's Nest) ■ 6.6. Chersonesos and Sevastopol ■ 6.6.1. Chersonesos ■ 6.6.2. Sevastopol, Panorama ■ 6.7. Cave Cities and Fortresses in the Mountain Crimea ■ 6.7.1. Mangup ■ 6.7.2. Eski-Kermen ■ 6.7.3. Yuri Petrovich Zaitsev ■ 6.8. Scythian Naples and Bahchisarai ■ 6.8.1. Simferopol, Crimean Archeologists ■ 6.8.2. Scythian Naples ■ 6.8.3. Taurida Local History Museum ■ Afterword. Lessons of the Past and Looking into the Future

REFERENCES

VOLUME IV: THE ORIGINS AND HIGHLIGHTS OF THE EASTERN SLAVIC CIVILIZATION

The monograph, volume 4 of the fundamental writing “Civilizations: Theory, History, Dialogue and the Future” addresses civilizational dynamics with respect to the history of the Eastern Slavic civilizations (6th–15th cc.). The inquires are made into the problems of establishment and life cycle stages of the Eastern Slavic civilization, its elements (Kievan Rus (southern Russian principalities), Novgorodian Republic, Russian North, Central Russian principalities), interaction with neighboring civilizations.

The articles of Russian and Ukrainian archeologists and museum officers show the origins of civilization, its cultural-historical monuments, and richness of civilizational heritage.

The book is intended for a wide circle of scientists and educationalists, students and learners, political and public figures concerning themselves with history and interaction among civilizations.

Contents

FOREWORD. A New Look at the Eastern Slavic Civilization (E.N. Nosov)

INTRODUCTION

CHAPTER 1. The Eastern Slavic Civilization in the Local Civilizations System of the Third Generation

■ 1.1. Regularities of Local Civilizations Dynamics ■ 1.1.1. Notion of Local Civilizations ■ 1.1.2. Regularities of Cyclical Dynamics of Civilizations ■ 1.1.3. Socio-Genetic Regularities of Local Civilizations Development ■ 1.1.4. Generation Change of Local Civilizations ■ 1.1.5. Historical Time Compression Law ■ 1.2. The Eastern Slavic Civilization: Prehistory, Stages, and Special Features of Formation ■ 1.2.1. Origins and Stages of the Establishment of the Eastern Slavic Civilization ■ 1.2.2. Life Cycle Phases of the Eastern Slavic Civilization ■ 1.2.3. State-Political System ■ 1.3. Interaction of Eastern Slavs with Other Civilizations of the Third Generation ■ 1.3.1. Transit Position of Civilizations and River Thoroughfares ■ 1.3.2. Waves of Interaction of Peoples and Civilizations in Eastern Europe

CHAPTER 2. Origins of the Eastern Slavic Civilization

■ 2.1. Tribes of the Scythian Period in the Eastern Forest Steppe (S.A. Skory) ■ 2.1.1. General Description of the Scythian Period in the Forest Steppe Region ■ 2.1.2. Ethno-Geography and Ethnical Affiliation of the Autochthone Population in the Forest Steppe ■ 2.1.3. The World of Nomad Scythians and Forest Steppe Population ■ 2.2. Settlements of the 1st millennium B.C. in the Forest Steppe Don Regions (Yu.D. Razuvaev) ■ 2.3. Belsk Site (B.A. Shramko) ■ 2.4. Motronin Site (S.S. Bessonova, S.A. Skory)

■ 2.4.1 Motronin Site of the Scythian Period in the Dniepr Forest Steppe Region ■ 2.4.2. Motronin Site in the History of the Eastern Slavic Civilization ■ 2.5. Ethnical Contents of Chernyakhovsk Culture (B.V. Magomedov) ■ 2.6. Early Slavs in the Forest Steppe Dnieper and Don Regions (1–5th cc.. A.D.) (A.M. Oblomsky, R.V. Terpilovsky) ■ 2.7. At the Outset of the Slavdom (R.V. Terpilovsky) ■ 2.8. Western Impulses in the Establishment of the Slavdom (R.V. Terpilovsky)

CHAPTER 3. Paths of the Becoming of the Eastern Slavic Civilization

■ 3.1. Archeological Cultures of the Neolithic, Bronze and Iron Ages ■ 3.1.1. Neolithic ■ 3.1.2. Bronze Age ■ 3.1.3. Iron Age ■ 3.1.4. Greco-Roman Colonization of the Northern Black Sea Regions ■ 3.2. The Establishment of the Eastern Slavic Civilization (Special Features and “Bonds”) ■ 3.2.1. Great Slavic Shift ■ 3.2.2. Special Features of the Eastern Slavic Civilization ■ 3.2.3. “Bonds” of Civilization ■ 3.3. Eastern Slavic Cities ■ 3.3.1. The Role of Cities in the Emergence and Development of Local Civilizations ■ 3.3.2. City Generation Change ■ 3.3.3. Cities of Eastern Slavs ■ 3.4. The Establishment of Rus and the First Cities (E.N. Nosov) ■ 3.5. Monasteries in the History of Russia

CHAPTER 4. Kievan Rus

■ 4.1. Southern Russian Lands — Historical Center of the Eastern Slavic Civilization ■ 4.2. Establishment and Development Stages of Kievan Rus ■ 4.2.1. The Nascence of Civilizational Outlines in the Southern Russian Lands ■ 4.2.2. The Establishment and Rise of Kievan Rus ■ 4.2.3. Civilizational Features of Kievan Rus (Southern Russian Principalities) ■ 4.3. Rus Country (A.P. Motsya) ■ 4.4. Kiev. The Kiev-Pechora Laura ■ 4.5. Galytsko-Volynsk Rus (A.P. Motsya) ■ 4.6. Khortitsa (History and Archeology Sketch) (M.A. Ostapenko) ■ 4.7. In the Shade of Golden Griffon (Museum of Historical Jewels of Ukraine) (E.V. Starchenko, L.S. Klochko)

CHAPTER 5. The Novgorodian Republic

■ 5.1. The Bipolarity of the Eastern Slavic Civilization ■ 5.2. Veliky Novgorod (V.L. Yanin) ■ 5.3. The Novgorodian Republic: Democratic State with Market Economy ■ 5.4. Veliky Novgorod: Material World of the Medieval Republic (S.V. Troyanovsky) ■ 5.4.1. Nature of Novgorod ■ 5.4.2. Proto-Novgorod Falling Short of Area ■ 5.4.3. Veche Square ■ 5.4.4. At the Dawn of Community Facilities ■ 5.4.5. “All the City Made the Walls” ■ 5.4.6. The Great Bridge ■ 5.4.7. The Bridge over Violent Waters ■ 5.4.8. From Underwater Artifacts to the Symbols of Republic ■ 5.4.9. Afterword ■ 5.5. Novgorod and Hanse (E.A. Rybina) ■ 5.5.1. Pre-Hanse Period ■ 5.5.2. About Hanse ■ 5.5.3. History and Nature of the Novgorodian-Hanse Relations ■ 5.5.4. Nature of Trade ■ 5.5.5. The Hanse Office and Hanse Merchantry in Novgorod ■ 5.5.6. Afterword ■ 5.6. Old Ladoga (A.N. Kirpichnikov) ■ 5.7. Rent and Rent Mechanism in the History of Medieval Economy of Eastern Europe and Novgorod (N.A. Khan) ■ 5.8. Torzhok: A Civilizational Essay

of the Russian City (P.D. Malygin) ■ 5.8.1. What is Torzhok? ■ 5.8.2. City Name Tells a Lot ■ 5.8.3. Russia's Most Ancient Monastery ■ 5.8.4. Political Dilemma of Medieval Torzhok: with Novgorod or Moscow? ■ 5.8.5. Torzhok — a Shield of Veliky Novgorod ■ 5.8.6. Why was and is Torzhok considered a beautiful city?

CHAPTER 6. The Russian North

■ 6.1. The Establishment and Development Stages of the Russian North ■ 6.1.1. Particular Issues Associated with the Opening of the Russian North ■ 6.1.2. Opening Up of the North by Novgorodians ■ 6.1.3. Struggle of Novgorod and Moscow for the North ■ 6.2. Civilizational Special Features of the Russian North ■ 6.2.1. Natural-Climate Conditions of the Maritime Area ■ 6.2.2. Population ■ 6.2.3. Technologies ■ 6.2.4. Economy ■ 6.2.5. Socio-Political System ■ 6.2.5. Spiritual World ■ 6.2.7. Heritage of the Russian North ■ 6.3. Solovetsky Islands

CHAPTER 7. The Central Russian Principalities

■ 7.1. Colonization of the Central Russian Lands by the Slavs and Special Features of Their Civilizational Development ■ 7.1.1. Special Features in Civilizational Development of the Central Russian Lands ■ 7.2. Vladimir-Suzdal Rus ■ 7.3. Tver, Ryazan, Rostov Principalities ■ 7.4. Historical Past of Ryazan ■ 7.5. The Rise of Moskovian Rus

CHAPTER 8. Cliometric Measurements of Dynamics of the Eastern Slavic Civilization

■ 8.1. Assessment of Eastern Slavic Civilization Dynamics Based on a Civilizational Matrix ■ 8.1.1. Civilizational Matrix Assembly Methodology ■ 8.1.2. Dynamics Estimation of Eastern Slavic Civilization Components ■ 8.1.3. Integral Estimation for Eastern Slavic Civilization Dynamics ■ 8.2. Dynamics of the Eastern Slavic Civilization in the Mirror of a Strategic Matrix ■ 8.2.1. Strategic Matrix Assembly Methodology ■ 8.2.2. Strategic Matrix-Based Measurements

AFTERWORD. Lessons and Heritage of the Eastern Slavic Civilization
REFERENCES.

FOREWORD

A New Look at the Eastern Slavic Civilization

The book non-conventional and unexpected in its approach is suggested for attention of scientists, educationalists, students and all antiquity lovers. It incorporates a fresh look at the history, informative characterizations, evaluation of the place in the world civilizational process of the Eastern Slavic civilization although the usage of the “civilization” term with respect to the Slavic history may seem unexpected to some. Tens of monographs and hundreds of research articles address this history. Nevertheless, the authors have succeeded in finding new edges

in this page it would seem studied in detail (and more exactly a volume) of national history.

What is the novelty and merits of this monograph?

First of all, in the civilizational approach to studying of the subject of inquiry. The authors are not historians or archeologists but advocates of a relatively new branch of social sciences — science of civilizations and as it is often called civiligraphy. Renown scientists B.N. Kuzyk and Yu.V. Yakovets represent a modern Russian civilizational school purporting to the world recognition and leadership. They published a good deal of works on theory and history of civilizations; its major writing — a fundamental monograph “Theory, History, Dialogue and Future of Civilizations”, the first two volumes appeared in 2006 in Russian and English and represented in the UN Dag Hammarskjöld library and UNESCO headquarters. The experimental test of ideas set forth in the two volume book was performed on the rich cross-civilizational materials of the Northern Black Sea regions (the third volume of the monograph “Northern Black Sea Regions — Space of Interaction among Civilizations” appeared in 2008) and by the example of a rich history of the Eastern Slavic civilization (the fourth volume of this monograph).

How does such civilizational approach manifest itself?

The authors discuss the Slavic civilization that began its establishment in the 6th c. and completed its life cycle in the 15th c. in the East of Europe as one of civilizations of the third generation prevailing exactly in that millennium period both in the West and the East. It permits to define more clearly both general features and specifics of the civilizational process in this area in the tideway of the world history of civilizations.

The authors surmount unilinear approach to the history of the Eastern Slavic civilization, suggest a hypothesis on its multi-center nature and show that from the very start it formed as bipolar (Kiev and Novgorod) that ensured its complexity and viability. Further the border effaced and by the end of the period of existence of civilization the struggle evolved between other poles — Moskovian Principality and Novgorodian Republic.

The writing provides a description of features of each of four components making the Eastern Slavic civilization — Kievan Rus, Novgorodian Republic, Russian North, and Central Russian Principalities. Such features are based on five elements forming the nucleus of a civilizational genotype: natural-geographical conditions, population, technology, economy, state-political system, spiritual world that opens an opportunity of a multi-dimensional vision of the historical process.

Much attention is paid to the interaction of Eastern Slavs with other civilizations of the third generation — both neighboring and remote. This is not by chance. The Eastern Slavic civilization as it is shown in the book, evolved on the paths of the

dialogue and interaction among civilizations of the West, East and the South — on the roads “From Varangians to Greeks”, “From Varangians to Arabs”. The authors complete them with the third thoroughfare — Great Fur Road along northern and northwestern rivers of prime significance for development of economy and culture of North Rus.

All life journey of the Eastern Slavic civilizations ran through various contacts — from dialogue and cooperation to confrontation and clash with other civilizations: Byzantine, Western European, Moslem, Mongolian and even Indian and Chinese.

Finishing their research the authors show that the Eastern Slavic civilization has not left the historical arena, and transformed into more extensive and many-sided Eurasian civilization with the lapse of time which still exists passed through the 20th c. as the period of the utmost rise and by the end of the century — the utmost deep-seated crisis and beginning of decay. The utmost rich heritage accumulated by the Eastern Slavic civilizations opened new horizons for development and enrichment of the Eurasian civilization. The book incorporates not a few interesting points: about cities and their role in the establishment of the Eastern Slavic civilization, multi-polar nature of civilizations, and the Great Fur Road.

The merit of the book is a wide coverage of the problem, and among other things the inclusion of a lot of articles of Russian and Ukrainian historians and archeologists as its part that enriches the narration with illustrated materials, make it more multi-sided and convincing.

Obviously, an extensive research as a painting painted with wide strokes does not lack of some failures. A certain eclectic is felt in the presentation and stating of materials. It is especially unbalanced in the articles brought in. Evidently, the prehistory of the Slavdom has nothing to do with the antiquities of local Neolithic, Bronze Age and even with the Scythian world. A modern science has left such approach in the past. One could dispute also the appropriateness of bringing in separate specific archeological monuments and their groups for analysis. There is also room for argument pertaining to assessments of a number of historical events not often contradicting each other in various sections of the publication.

However, in general we have a book before us offering an original view on the utmost rich history of the Eastern Slavic civilization, provides an assessment of its heritage and place in the world history, the book which has gathered together interesting and diverse materials.

E.N. Nosov — R.A.S. Corresponding member,
Director, R.A.S. Institute for History of Material Culture

INTRODUCTION

The book about the origins and heights of the Eastern Slavic civilization suggested for attention of the reader has its prehistory and takes a justified place in the logic of development of contemporary Russian civilizational school which we represent and head today. Historical roots of this school date back to 1839 when a small book by A. Metlinsky “The Essence of Civilization and Significance of Its Elements” appeared in Kharkov. To the best of our knowledge, it is the first book in the world on the theory of civilizations (which is published a decade before the book by Francois Guizot in France dedicated to the history of civilizations in Europe and France). As such book is practically not known we reproduced it in the second volume of the monograph “Civilizations: Theory, History, Dialogue and Future” (in Russian and English) (Kuzyk, Yakovets, 2006 V. 2, Appendix 5).

The second landmark event in the prehistory of this school was a widely known monograph of N.Ya. Danilevsky “Russian and Europe” (Danilevsky, 1991) published in 1869. It states for the first time the basics of the theory of local civilizations (cultural-historical types) repeated in many ways of featured book by O. Spengler “The Decline of the West” published in 1918 and further expounded in the 12 volume research on the theory and history of local civilizations by British historian A. Toynbee; such research is set forth in a nutshell in the book “A Study of History: Abridgement” (Toynbee, 1991).

The third milestone in the prehistory of the contemporary Russian civilizational school may be viewed the writings and activities of the first string sociologist of the 20th c. Pitirim Sorokin. He gave a profound analysis of the theory of civilizations and set forth his vision of such problem in the book on contemporary sociological theories. His four volume fundamental work “Social and Cultural Dynamics” is a fundamental research in actual fact on the theory and history of civilizations performed using an extensive application of cliometric measurements. Together with A. Toynbee in 1961 Pitirim Sorokin established the international society for the comparative study of civilizations. The International scientific conference “Saint Petersburg in the Dialogue of Civilizations and Cultures of the East and the West” was delivered by us in 2003 in association with this society, published a book “Globalization and Fate of Civilizations” (2003) and made a civilizational tour “Northwestern Rus: Origins and Highlights of the Russian Civilization”. Properly the history of the contemporary Russian civilizational school begins from 1992 when at the International Scientific Conference in Moscow dedicated to the 100 birth anniversary of N.D. Kondratieff a report was published by Yu.V. Yakovets “The Establishment of the Post-Industrial Civilization”. It grounds a civiliza-

tional approach to history and future of humanity, the concept of change of world civilizations formulated. Basic ideas of the book were further expounded in the monograph "The Origins of a New Civilization" (1993 in Russian and English) delivered at the congress of the World Federation of Futures Studies (Turku, Finland), systematized in the monograph-textbook "History of Civilizations" (published in 1995–1997) which was amended with the section on local civilizations and published in 2000 in the USA under The Past and the Future of Civilizations. The textbook expounds on the theory and history of civilizations for two super historical cycles, a forecast is given for the beginning of the third super historical cycle — period of the post-industrial world civilization of humanistically noospheric nature.

In parallel, the researches into the history of civilizations evolved in Russia. In 1994, a report of Yu. V. Yakovets was published to the cross-disciplinary discussion "Pace of Change of Civilizations and Historical Fates of Russia", in 2004 — monograph of B.N. Kuzyk, A.I. Ageev, etc. "Russia in Space and Time. The History of Future" where super long-term 400 year and long-term 80 year cycles of the history of the Russian civilizations were identified. In 2005, the first scientific-civilizational expedition was arranged which output was the book of B.N. Kuzyk and Yu. V. Yakovets "Northern Black Sea Regions — Space of Interaction among Civilizations" (with the involvement of Russian and Ukrainian historians and archeologists). This book is its logic continuation and development.

The summary work reflecting a system of views of national civilizational school was the two volume fundamental monograph of B.N. Kuzyk and Yu. V. Yakovets "Civilization: Theory, History, Dialogue and Future" published in 2006 in Russian and English and presented in the UN Dag Hammarskjöld library in October 2006 and UNESCO headquarters in November 2007. Our views on the theory of world, local and global civilizations, cyclical-genetic regularities of their dynamics and interaction, history of civilizations for the period from the Neolithic revolution, on their future in the 21st c. are expressed system-based in it. A special sector is dedicated to cliometric measurements, application of a geo-civilizational macro model, geo-civilizational and strategic matrices in the inquiries into this subject and quantitative expression of historical tendencies.

The subject-matter of this book is the *Eastern Slavic civilization*. What is from our viewpoint the Eastern Slavic civilization? Researches and scientific-civilizational expeditions in 2005–2007 brought us to the conclusion that civilizational development in the north of Eurasia may be broken down into several stages.

Ist stage — from the Neolithic situation, revolution of the 4–3rd millennium B.C. to the beginning of the Iron Age. Social division of labor emerged and implemented (later than in the civilizational centers to the north of equator), commodity pro-

duction and exchange began to develop, the first steps are made in the social stratification, the tribal social system prevailed (and somewhere the "leader-based states" sprang up but no state and local civilizations were yet in its classic meaning of the word).

IInd stage — from the 7th c. B.C. to the 5th c. A.D. tens of Greek city polities sprang up in the northern Black Sea region and came in close contact with the Scythian proto-civilization and local tribes, states sprang up — Bosphorus, Chersonesos, Olbia, civilizational impact spread further to the North and East. The inbreak of the Huns suspended a civilizational progress in many ways.

IIIrd stage — from the 6th to the 15th c. The establishment and rise of the Eastern Slavic civilization, efflorescence of Kievan and Novgorodian Rus, and at the end of the period — Vladimir-Suzdal and Moskovian Rus, extensive contacts with other civilizations by the thoroughfares "From Varangians to Greeks" and "From Varangians to Persians", Mongolian invasion and the rule of the Golden Horde further disintegrated into the Kazan, Astrakhan and Crimean Khanates.

IVth stage — when the Eastern Slavic civilization transformed into Eurasian extending its sphere to Siberia in the 16th c., and in the next centuries — to Central Asia, Caucasian, Baltic countries. The Eurasian civilization reached the peaks of its leadership and efflorescence in the 18th c. (under Peter I and Catherine II), at the beginning of the 19th c. (with the victory in the clash with the Western European civilization), in the mid-20th c. (after the victory in World War II). However, in the 70–80s this powerful civilization successfully resisting western turned out in the state of stagnation and crisis, and in the 90s its disintegration began.

Vth stage originates in the 19th c. when the boundaries of the Eurasian civilization were narrowed to the boundaries of Russia (with close connection of Kazakhstan, Byelarus, Armenia) and in prospect — on the new whorl of a civilizational crisis the integrity of the Russian civilization may also be put in jeopardy or the Eurasian civilization will revive in the narrow structure. This is a historical alternative for the 21st century.

It was important for us to research into a millennium life cycle of the Eastern Slavic civilization, origins of its formation, rises and falls, victories and defeats in its cyclical dynamics, as the deep roots of our future are hidden in the past. We had to face many differences and myths in illumination of this historical period brought by confrontation of national and class contradictions, ideological and political biases, unilateral views of separate archeologists, historians, and politicians. We will be frank — we've failed to find a convincing answer to many questions. We have to be limited to the statement of various positions here and there giving the establishment of the truth

to future researchers but the very statement of disputable issues is useful.

Like "The Northern Black Sea Regions is Space of Interaction among Civilizations" this book is not univocal, unidimensional, it is impossible to determine clearly its place in anyone classification of literature. Three elements are present in the book:

- scientific-civilizational researches and findings of the authors expressing their viewpoint (other points of view of scientist on many problems are possible);
- articles of Russian and Ukrainian historians and archeologists on certain periods and historical-archeological monuments providing experimental materials for findings and generalization but sometimes stating different viewpoints on one and the same subject (we think that we have no authority either to even differences or pinpointing them);
- personal impressions, observations and findings of the members of the second (July 2006) and third (2007) scientific-civilizational expeditions across spaces of the Eastern Slavic civilization. We'd like to explain the specifics of our approach to the theory, history and future of civilizations. The problem of civilization is the subject of research of various sciences; each applies its own approach and methodology specific to it.

Historians — Francois Guizot, Arnold Toynbee, Fernand Braudel, William McNeill and other — view dynamics and interaction of civilizations in the historical aspect, in the overall flow of national and world history. They first of all focus on the prime events and their interconnections in philosophy and history.

Archeologists deal basically with the first stages of the establishment of civilizations, civilizations of antiquity based on the monuments of material culture preserved and reconstructing the past by understanding of such monuments.

Sociologists — you may include A. Metlinsky, and then A. Comte, N. Danilevsky, P. Sorokin, focus first of all on the socio-cultural essence of civilizational values.

Politologists concerns first of all with the problem of interaction among civilizations in a geo-political space, conflicts among them.

Futurologists — Alvin Toffler, I.V. Bestuzhev-Lada — look into the future of civilizations and consider their interaction, fate in the rapidly changing world.

The methodology of a relatively young branch of social sciences — **civiligraphy** — is distinguished by a complex approach to the basic subject of their research.

First, civiligraphers study civilizations in all its aspects, in all its richness of edges representing the subject. These are all components making the genotype of civilizations — population (ethnic, race structure), natural environment, technological level, economic and social relations, diversity of spiritual world, system of civilizational values in statics and dynamics. Such

methodology has determined a civilizational approach to the structure and dynamics of society unlike a formation-based approach prevailed in the 20th c.

Second, civiligraphers study the past, present and future in a single flow resting on cyclical-genetic regularities. This has determined the identification of civilizational cycles of various duration — local, world and global civilizations, cycles of world civilizations and historical super cycles as milestones in the establishment and development of the global civilization in the past and future.

Third, resting on the data and findings of the allied sciences, creatively processing and accumulating information, civiligraphy has worked out and actively employ own tools for researches — geocivilizational macro models and matrices, and a strategic matrix. This allows assessing dynamics and interrelation of various elements making a civilizational genotype.

Civiligraphy is one of the youngest social sciences. Although its precursors date back already to the 19th c. (F. Guizot, A. Metlinsky, N. Danilevsky, etc.), its formation was mainly in the 20th c. — in works of A. Toynbee, P. Sorokin, F. Braudel. A vigorous growth of such science began from the end of the 20th c. — in the writings of A. Toffler, S. Huntington, E. Chernyak, Yu.V. Yakovets, B.N. Kuzyk, I.V. Bestuzhev-Lada, A.I. Ageev and others. This outburst of scientific creation has objective roots, a social order. It is demanded by society, is a response of science to challenges of a new century. The matter is that the problem of dynamics and interaction of civilizations is becoming axial for the 21st century at least from its first half. New challenges for the present and future of humanity are problems of depopulation and aging of population struck more and more countries and civilizations; problems of a global energy-ecological crisis and evolving technological overturn; contradictions of a neo-liberal model of globalization, threats of conflicts and clashes of civilizations; international terrorism; crisis of science, culture, education, ethics; undermining the system of civilizational values.

Science is called upon to provide answers to such momentous challenges arisen before global and local civilizations. The task of the research undertaken by us is to offer our vision of such complex phenomena on the path of the establishing post-industrial humanistically noospheric world civilization, integral socio-cultural system.

This volume is a logic continuation of previous three of a multi-volume book "Civilizations: Theory, History, Dialogue and Future. The first two volumes published in 2006 in Russian and English and presented to the UN Dag Hammarskjöld Library in October 2006 and UNESCO headquarters in November 2007 set forth the basic points of the theory, history, dialogue and future of civilizations. The third volume shaped a complex tissue of

interaction among civilizations by the example of the northern Black Sea regions. The fourth volume researches into the stages of the millennium life cycle of one civilization – Eastern Slavic beginning from its prehistory and nascence to transformation into the extensive Eurasian civilization.

We anticipate the next fifth volume to publish in several languages: in printed and electronic form as the textbook “Civilizations: History and Future”. Thus not only researchers but also teachers and students will get a system-based and richly illustrated aid reflecting the views of the contemporary Russian civilizational school on one of the most acute problems of the century already in.

The sixth, completing volume will be dedicated to the integral global forecast of dynamics of civilizations in the 21st c., we anticipate its appearing (in Russian and English) in 2009.

It seems that information contained in the book will turn to be beneficial for the readers in three ways. First, for further inquiries of scientists into the matters of civilizational development. Second, teachers, students and schoolchildren will get rich and multi-dimensional material on civilizational range of problems. Third, the book will give an impetus to the development of civilizational tourism (domestic and foreign travel as the book is placed on the Internet sites: www.kuzyk.ru and www.civil.newparadigm.ru — the best way of personal cognition of the essence and features of civilizations.

We highly appreciate the scientists who responded to our request and gave their writings to our book: R.A.S. Academician V.L. Yanin, R.A.S. corresponding member E.N. Nosov, N.A.S.U. corresponding member A.P. Motsya, Dr. Sciences A.I. Ageev, V.N. Bulatov, S.A. Bessonova, V.I. Guplev, E.L. Gorokhovskiy, A.N. Kirpichnikov, L.S. Klichko, B.V. Magomedov, A.N. Oblomsky, M.A. Ostapenko, Yu.V. Razuvaev, S.A. Skory, R.V. Terpilovskiy, G.V. Troyanovskiy, B.A. Shramko, and also L.D. Malygin.

We feel hopeful that this book will become a valuable aid in studying the history of Russia, Eastern Slavic and Eurasian civilizations in schools and higher educational institutions and support for evolving educational civilizational tourism arming new generations with authentic knowledge on complex civilizational processes, richness of historical and cultural heritage of Russia.

Prof. *B.N. Kuzyk* — R.A.S. Corresponding Member,
Director of the Institute for Economic Strategies

Prof. *Yu.V. Yakovets* — R.A.N.S. Academician, President
of the Pitirim Sorokin — Nikolai Kondratieff International
Institute

AFTERWORD

Lessons and Heritage of the Eastern Slavic Civilization

What lessons can be drawn from the millennium path laid above of the establishment, development and decline of the Eastern Slavic civilization?

First lesson. The historical path of the Eastern Slavic civilization ran in the tideway of the world civilizational process inherent to local civilizations of the third generation, fourth world civilization — Medieval, the initial stage of the second historical super cycle. This refers not only the chronological framework of such civilization — from the 6th to the 15th cc. but its distinctive: a growing role of cities as the centers for shaping the nucleuses of civilizational progress; intensification of market relations, various trade exchange as the basis of economic unity of civilizations under the remaining role of natural-patriarchal order in the village prevailed by its number — periphery of civilization; establishment and strengthening of the state as a prime “bond” of civilizational unity; the leading role of religion not only in spiritual life but political and economic relations. Hence, the Eastern Slavic civilization was not unique, exclusive; general regularities and tendencies of civilizational progress at the given stage of historical path of humanity, global civilization manifested themselves in its dynamics and fate.

Second lesson. At the same certain special features distinguishing it from other local civilizations of the third generation were inherent to it. Unlike overpopulated western European, Byzantine, Indian, Chinese civilizations, it took its stand on the extensive area with a low density of population, expansive forest areas and abundance of fur-bearing animals, in more severe climate conditions that limited the opportunities of its contacts and at the same time it gave scope for colonization and development of new lands. The geographic range of civilizations expanded with the lapse of time, and in the periods of its rise it became the largest civilization of the third generation. The Eastern Slavs escaped the period when the slavery system prevailed, and feudal relations were not originally such cruel as in western and oriental civilizations. Senses of freedom, independence in struggle against forces of nature and clashed with neighboring states and civilizations were incident to the Slave to a greater extent. The Orthodoxy also playing a significant role in the establishment and life activity of the ancient Russian state was tolerable and less cruel than the Byzantine and Catholic churches. It was nothing similar here to the Byzantine iconoclasm or Catholic inquisition with prosecution and destruction of nonconformists.

Third Lesson. The Eastern Slavic civilization has a relatively open and mixed nature; it emerged and developed on the

thoroughfares of the dialogue among civilizations, at the crossings of trade exchange between civilizations of the West, Orient and South. It took a lot from neighboring civilizations digesting, synthesizing and enriching the borrowed in own civilizational pot. The civilization itself also was of a poly-centric nature. A democratic veche system of the Novgorodian Republic, cruel monarchic system of Kievan Rus, influence of neighboring Khazarian and Polovtzhian contacts, impact of the semi-centenary Mongolian civilization, the tribal system persisted for many years and pre-Christian beliefs of the tribes of the Russian North, impact of the Slavic and Finno-Ugric roots in the Eastern Slavic civilizations combined fancifully in it complementing each other. The versatility and multi-dimensionality of this civilization has determined its rich spiritual world and diversity of socio-political system, viability in the clash with other civilizations and states.

Fourth lesson. The life cycle of the millennium Eastern Slavic civilization included repeated periods of falls and civilizational catastrophes when it seemed that the life cycle terminated, rises and revivals, periods of the prevalence of centrifugal or centripetal forces. Where in the periods of rises the centripetal forces prevailed, political, economic, spiritual unity of civilizations intensified, it entered the ranks of world leaders. On the contrary, strengthening of centrifugal tendencies, disintegration and confrontation of the components making civilization weakened it making easy game for aggressive neighbors.

Fifth lesson. The completion of the life cycle of the Eastern civilization is not connected with its defeat and division between aggressive neighboring civilizations as it was the case with the Mongolian and Byzantine civilizations. It transformed into the more powerful and extensive Eurasian civilization of the fourth generation. Although such transformation occurred more painful and was accompanied by a civilizational catastrophe of the beginning of the 18th c. — the Eurasian civilization revived and established itself as one of the leaders of early industrial and industrial world civilizations undergoing two catastrophes on its path — at the beginning and the end of the 20th c. where the latter completed its life cycle and became the starting point of next transformation — into the Eurasian civilization of the fifth generation of a new format.

The heritage of the Eastern Slavic civilization was not lost or thrown back to the civilizational dump. It was received and developed by the Eurasian civilization, and it is now useful for surmounting a civilizational crisis. What is such heritage?

First, the priority of spirituality as a prime civilizational “bond”. The utmost rich culture, collectivist ethics humanistic in its foundation, religious and civilizational values persisted and were enriched at the first stages and completed in the 19th and 20th cc. with a width and depth of a scientific search. It served

not only a spiritual foundation of the Eurasian civilization but constituted the utmost valuable contribution of the Russian culture and science in the development of the world civilization. The attempts undertaken in the 20th c. to implant oriental or western systems of civilizational values in Russian fell short, and brought many a loss.

Second, openness and sensitiveness inherent to the Russian civilization in relations with other civilizations, commonness and close political and economic ties with other civilizations (under preservation of own values and maintenance of national interests) were taken by the Eurasian civilization and played an outstanding role in its life cycle. In the early industrial and industrial epochs the Russian Empire, and the Soviet Union were the only power (apart from the Japanese civilization which was on the periphery and was closed in itself for a long period) which counteract a planetary aggression of the western European civilization and a growing activity of the Moslem civilization (Ottoman Empire) and contributed to the preservation and enrichment of civilizational diversity. Concurrently, the Eastern Slavic civilization, and then the Eurasian civilization made a weighty contribution to the development of the dialogue among civilizations and their cross-fertilization, being a bridge between the West, East and South by its geographical position.

Third, the Eastern Slavic civilization has accumulated abundant experience which is highly valuable and may be imbibed and developed in the 21st c. in the establishment of the fifth generation of civilizations. This is a combination of the market basics with a significant role of governmental regulation. This is a democratic system of the Novgorodian Republic united the people power and a relative independence of territorial entities with the centralized power of the prince under separation of powers. This is a mutually complement of personal freedoms with a collective spirit and moral responsibility.

Fourth, an infinitude of monuments of ancient Russian architecture, culture and art preserved in the centers of Kievan Rus, Novgorodian Republic, Vladimir-Suzdal Rus and other Russian principalities serve as a basis for not only development of cultural-historical and civilizational tourism but for aesthetic upbringing of contemporary and future generations, preservation of continuity in civilizational values and revival of high culture.

Thus, the immersion into the history of the Eastern Slavic civilization does not only help to uncover fuller and deeper a bright page in the world history of civilizations but also presents one of the fundamental basics in the establishment of a humanistically noospheric post-industrial civilization, integral socio-cultural system, multi-polar world order which rests on the dialogue and partnership among civilizations.

Кузык Борис Николаевич
Яковец Юрий Владимирович

Цивилизации: теория, история, диалог, будущее

Том IV Истоки и вершины восточнославянской цивилизации

Ответственный за выпуск *О.П. Бардова*
Набор текста *Е.А. Федонина*
Дизайн, верстка *Б.Д. Шульгин*
Редактор *Л.С. Климович*
Корректоры *Л.А. Сащенко, И.В. Васильева*

В книге использованы художественные фотографии и фоторепортажи В.А. Афолина,
О.Г. Афолина, А.Г. Федорова, Б.Д. Шульгина, Ю.В. Стрельниковой,
а также фотоматериалы из личного архива Б.Н. Кузыка.

Некоммерческое партнерство
«Институт экономических стратегий»
Телефон издательского центра: (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru
www.kuzyk.ru

РПП ИНЭС Р754

Тираж 3000 экз.
(первый завод — 1000 экз.)